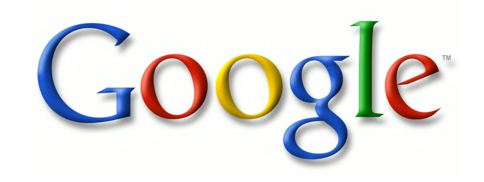

ЧТЕНІЯ

ВЪ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ

ОБЩЕСТВѢ ИСТОРІИ и ДРЕВНОСТЕЙ

РОССІЙСКИХЪ

ПРИ

МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

ПОВРЕМЕННОЕ ИЗДАНІЕ.

1870

Іюль — Сентябрь.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

МОСКВА.
1870.

ИЗДАНІЯ

ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ.

Труды и Лѣтописи Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, 8 частей. М. 1815—1837 г. Цѣна за всѣ части, кромѣ 1-й, по 50 к. за каждую, на перес. за 2 ф.

Русскія достопамятности. Часть 1-я. 1815 г., ц. 50 к., перес. за 2 ф.; Ч. 2-я (Русская Правда). 1843 г., ц. 1 р., перес. за 2 ф.; Ч. 3-я (Слово о Полку Игоревѣ). 1844 г. ц. 1 р., перес. за 2 ф.

Предварительныя критическія изслѣдованія для Россійской Исторіи, г. Эверса, пер. съ Нѣмец. М. Погодина. М. 1826 г., ц. 1 р., перес. за 2 ф.

Древности сѣвернаго берега Понта, соч. П. Кеппена, переводъ съ Нѣмец. Средняго-Камашева. М. 1828 г., ц. 10 к., перес. за 2 ф.

Обозрѣніе кормчей книги въ историческомъ видѣ, соч. Барона Розенкампфа. М. 1829 г., ц. 1 руб., перес. за 3 ф.

Корсунскія врата въ Новгородскомъ Софійскомъ Соборѣ, описаны и объяснены Ѳ. Аделунгомъ; пер. съ Нѣмец. П. Артемова; съ рисунками. М. 1834 г., ц. 1 р. 75 к., перес. за 3 ф.

Супрасльская рукопись, содержащая Новгородскую и Кіевскую сокращенныя лѣтописи, изд. Княземъ М. Оболенскимъ М. 1836 г., ц. 1 р., перес. за 2 ф.

Псковская лѣтопись, изд. М. Погодинымъ. М. 1837 г., ц. 1 р., перес. за 3 ф.

Русскій Историческій Сборникъ, изд. М. Погодинымъ. М. 1837—1846 г. 7 томовъ. Цѣна за каждый томъ по 1 р., перес. за 3 ф. за каждый.

Повѣствованіе о Россіи, въ трехъ томахъ, соч. Н. С. Арцыбышева М. 1838—1843 г. Цѣна за всѣ 10 руб., перес. за 13 ф.

Книга посольская метрики Великаго Княжества Литовскаго, содержащая въ себѣ дипломатическія сношенія Литвы въ государствованіе Королей Сигизмунда Августа и Стефана Баторія; два тома, изданные Кн. М. Оболенскимъ, И. Даниловичемъ, М. Погодинымъ и Д. Дубенскимъ. М. 1843 г., 2 р., перес. за 6 ф.

Критико-историческая повѣсть временныхъ лѣтъ Червонной или **Галицкой Руси** до конца XV столѣтія, соч. Зубрицкаго; пер. съ Польск. О. Бодянскаго. М. 1845 г., ц. 1 р. 50 к., перес. за 2 ф.

Книга, Большой чертежъ, изд. по 8 стар. рукоп. и 2 печ. книги. Г. Спасскимъ. М. 1846 г., ц. 1 р. 50 к., перес. за 3 ф.

О Русскомъ войскѣ въ царствованіе Михайла Ѳедоровича и послѣ его до Петра I-го, изслѣд. И. Бѣляева. М. 1846 г., ц. 50 коп. перес. за 2 ф.

Библіотека Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, сост. П. М. Строевымъ; со снимкомъ съ 1-го листа Правды Русской по пергам. сборнику конца XIV вѣка. М. 1845 г., ц. 1 р. 50 к., перес. за 2 ф.

Изслѣдованія, Замѣчанія и Лекціи о Русской Исторіи, М. Погодина. М. 1846 г.; томы: 1, 2 и 3-й, по 1 р., перес. за 6 ф.

Исторія о Донскихъ Казакахъ, соч. А. Ригельмана, съ 19 рисунк. М. 1846 г., ц. 1 р. 50 к., пер. за 2 ф.

Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи, соч. А. Ригельмана. съ 30 рисун. М. 1847 г., ц. 2 р., перес. за 4 ф.

Исторія Россійская, В. Н. Татищева, книга 5-я ли часть 4-я. М. 1848 г. 1 р. 50 к., перес. за 4 ф.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

ОБЪ ИЗДАНІИ ВЪ 1871 ГОДУ ЖУРНАЛА:

ЧТЕНІЯ

ВЪ ИМПЕРАТОРСКОМЪ

ОБЩЕСТВѢ ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ

ПРИ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

«Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ» будуть издаваться и въ наступающемъ 1871 году, по той же самой программѣ, какъ доселѣ, въ томъ же самомъ объемѣ, направленіи и въ тѣ же сроки.

ПОДПИСКА ГОДОВАЯ:

Шесть рублей серебромъ въ Москвѣ, а съ пересылкою въ другія мѣста *семь* рублей *50* к. сереб.

Съ требованіями обращаться:

1. Въ самое Общество, или

2. Въ книжный магазинъ Московскаго Книгопродавца и Коммисіонера Общества Ивана Григорьевича Соловьева (бывшій Ивана Васильевича Базунова), на Страстномъ бульварѣ, противъ Университетской Типографіи.

ЧТЕНІЯ

ВЪ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ

ОБЩЕСТВѢ

ИСТОРІИ и ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ

ПРИ

МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

ПОВРЕМЕННОЕ ИЗДАНІЕ

ПОДЪ ЗАВѢДЫВАНІЕМЪ

О. М. Бодянскаго.

1870

Іюль — Сентябрь.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи на Страстномъ бульварѣ.
1870.

I

ИЗСЛѢДОВАНІЯ

КНЯЖЕСКАЯ И ДОКНЯЖЕСКАЯ РУСЬ.

Дружина и Князь, Князь и дружина—два понятія, нераздѣльныя въ древней нашей исторіи. Нѣтъ Князя безъ дружины, нѣтъ дружины безъ Князя.

Дружина ищетъ себѣ чести, а Князю славы: такъ говоритъ Слово о полку Игоревѣ, такъ говорятъ сами дружины, и такъ же говорятъ самыя событія. Дружинѣ ласковое слово, дружинѣ пиры, подарки и почетныя мѣста; дружинѣ открыта душа Князя, и дружина кладетъ за Князя свою голову. Тѣснимый врагомъ, Князь переходитъ изъ города въ городъ, изъ одного владѣнія въ другое, дружина не оставляетъ его; теряетъ ли онъ, по какимъ либо особымъ обстоятельствамъ, одинъ удѣлъ и перебирается въ другой, дружина сопутствуетъ ему. Дружиною крѣпокъ былъ Князь, и Княземъ дружина. «Съ дружиною добуду золото и серебро,» говорилъ Владиміръ Великій, «а дружины не купить за золото.» Для дружины у него еженедѣльно пиръ; дружина—око и дума его: «бѣ бо Володимеръ любя дружину,» говоритъ лѣтопись, и съ нею думая объ устроѣ земнемъ, и о ратѣхъ и о уставѣ земнемъ.» Ѣхалъ Князь къ другому Князю въ гости, съ нимъ была его дружина, или избранные изъ оной, и любовь между Князьями высказывалась ласковымъ, дружескимъ, пріемомъ этимъ неразлучнымъ Княжескимъ думцамъ и стражѣ, и подарками имъ. Самыя существенныя выгоды, ихъ были связаны между собою. Князь пріобрѣталъ удѣлъ—дружинѣ ввѣрялось управленіе имъ. Изъ добычи войны на ея долю доставалась большая, или меньшая, часть. По этому-то мы видимъ слѣды, что дружины сами же возбуждаютъ Князя на войну, счастливый исходъ которой искупался ихъ же кровію, и это онѣ дѣлаютъ въ полной увѣренности, что, при расширеніи собственныхъ вліяній и власти Князя, не забудутъ и ихъ.

Это были собственно дружины Княжескія. До развитія въ Государствѣ, или между нашими Славянскими племенами мысли, о Князѣ, жизнь наша должна была перейти обыкновенный путь всѣхъ

младенчествующихъ народовъ, путь патріархальный, гдѣ весь народъ, разлагаясь на племена, на общины, управлялся въ каждомъ племени, съ особыми каждой общинѣ старѣйшинами, или Боярами. Эти-то старѣйшины должны были имѣть вокругъ себя особую дружину, съ которою они защищали свое племя, или отчину, отъ внѣшнихъ непріятелей. Не вдругъ могъ измѣниться древній порядокъ управленія и жизнь перемѣнить на степень высшую древній, патріархально-правительственный, элементъ, съ своими дружинами перейти во времена историческія. Мысль о правителѣ Князѣ, которая скрывалась началомъ своимъ въ глубинѣ внутренней жизни народа, обнимала ее со всѣхъ сторонъ, не вдругъ могла осуществиться: она должна была бороться съ тѣми началами древней Руси, кои вездѣ болѣе, или менѣе, виднѣлись еще долго послѣ основанія Государства и кои должны были подчиниться ей и мало по малу преображаться въ ней для новой жизни. Не всѣ общины, замѣтимъ при этомъ, въ одно время и въ равномъ объемѣ сознавали мысль о Князѣ, и по этому не во всѣхъ общинахъ съ равной готовностью отдѣляются необходимыя основы для осуществленія сей мысли, хотя всѣ безъ исключенія Князья древнѣйшей исторической Руси являются всюду окруженными болѣе, или менѣе, сильными собственными своими дружинами въ каждой общинѣ, говоримъ мы, замѣтно развитіе двухъ противоположныхъ началъ, изъ коихъ то, или другое, должно было уступить въ борьбѣ: въ однихъ общинахъ брало явный, даже полный, перевѣсъ новое начало, въ другихъ — начало старое. Такъ и въ общинѣ происходитъ борьба между собственными внутренними основами.

Между тѣмъ, разводя дружины по всему Государству, Князья приводили ихъ въ соприкосновеніе съ дружинами мѣстными. Тогда чувство семейной или общинной, племенной самобытности пробуждалось въ послѣднихъ, и завязывалась всюду еще другая, тайная, или явная, борьба, въ особенности по двумъ весьма важнымъ причинамъ. Племена или общины не жили еще общею жизнію; одинъ уже обнималъ бытъ ихъ, но каждый изъ нихъ имѣлъ своихъ собственныхъ Бояръ—своихъ древнихъ правителей и судей. Общины этѣ хотя были одна за другой покорены, но старые Бояре каждой отдѣльной общины живо помнили то обширное значеніе, которое они имѣли до развитія мысли Княжеской. Со временемъ и послѣ еще основанія Государства они не могли хладнокровно усту-

нить права свои покорствомъ, боролись за нихъ, и самыя общины, которыя должны были поддерживаться, не вдругъ могли довѣриться новой, чуждой имъ по племенному присхожденію, Княжеской дружинѣ. Сверхъ того, Княжеская дружина, добывши страну свою кровію и усиліями, смотрѣла на нее, какъ на свою добычу и, получая отъ Князя надъ нею власть, употребляла эту власть во вредъ новыхъ подданныхъ. Кіевляне жаловались на Тіуновъ дружины Всеволода Черниговскаго: «Ратшаны погуби Кіевъ, а Тудоръ Вышгородъ.» Южныя дружины, приведенныя Ростиславичами въ землю Ростовскую, поставляются въ тѣ же самыя отношенія къ тамошнимъ жителямъ: «Сидящема Ростиславичема въ княженіи земли Ростовской, раздавая посадничество Русскимъ дѣтцкимъ; они же многу таготу людемъ симъ створиша продажами и вирами.» Самая новая основа каждой общины, изъ котораго должна была образоваться Княжеская дружина, не могла не ревновать при Князѣ дружинниковъ пришельцевъ, не могла безъ всякой борьбы, тяжбы, уступить имъ надъ собою верхъ въ общинѣ, тѣмъ болѣе не противодѣйствовать, когда эти дружинники рѣшались во зло пользоваться своимъ верхомъ.

Слѣды этой борьбы между старой родовой и новыми Княжескими дружинами, между старой и новой жизнію, замѣтны по всему періоду Удѣловъ. Картина ея и самый исходъ до чрезвычайности важны и занимательны во всѣхъ отношеніяхъ, и ею же объясняются нѣкоторыя самыя темныя явленія въ нашей исторіи, явленія, которыя, по видимому, противорѣчатъ основнымъ народнымъ понятіямъ, и между тѣмъ, какъ въ дѣйствительности непосредственно рождаются въ нихъ и знаменуютъ будущій порядокъ дѣлъ.

Княжескія дружины принадлежатъ Князю и, вмѣстѣ съ Княземъ, могутъ составлять опору цѣлаго Государства, всѣхъ нашихъ племенъ; они подвижны до чрезвычайности. Мѣстныя дружины, говоря вообще, составляютъ только опору своему Князю, своей общинѣ, и отдѣльность ихъ полагаетъ преграды къ тому, чтобъ Государство представляло изъ себя цѣлое единое: они ревнуютъ всѣхъ, борются со всѣми, кто хочетъ лишить ихъ стяжаннаго ими значенія въ извѣстной странѣ, или потемнить это значеніе; въ слѣдствіе сего Государство распадается само собою на части, на отдѣльныя общины, въ главѣ которыхъ, когда борьба между Княжескими и мѣстными дружинами уже прекращается, когда мѣст-

ныя дружины сами преобразуются въ дружины Княжескія, не смѣняя, однако жь, ихъ еще вполнѣ, являются Князья.

Укажемъ на главныя точки этой двойной борьбы.

При всемъ желаніи повѣрить и лѣтописцу и нашему великому исторіографу, мы остаемся не удовлетворенными ихъ объясненіями касательно причины смерти Великаго Князя Андрея Боголюбскаго; слишкомъ важно событіе, причины слишкомъ недостаточны и не народны. При томъ было ли это общее неудовольствіе на Андрея, какъ полагаетъ Карамзинъ? Мы утверждаемъ рѣшительно, что нѣтъ.

Обстоятельства, сопровождавшія преступленіе, были, между прочимъ, слѣдующія: убійцы, заграбивши на Княжескомъ дворѣ золото, и каменья дорогіе, и жемчугъ, и всякое узорочье, и до всего любимаго имѣнья, составили совѣтъ, на которомъ обнаружили опасеніе, чтобъ на нихъ не нагрянула дружина Володимерская: «Ци жь да на насъ пріѣдутъ дружина Володимерская;» а по тому, приготовившись къ отпору, вооружились, и собравши дружину свою, послали къ Владимірцамъ сами посла съ словами: «Ти что помышляете на насъ? А хочемъ ся съ вами кончати; не о насъ бо одинѣхъ дума, но и о васъ суть же въ той же думѣ.» На это Володимерцы отвѣчали: «Да кто съ вами въ думѣ, тъй буди вамъ, а намъ не надобѣ.» [1] Изъ этого ясно видно, что Володимерцы не только не участвовали въ преступленіи Боголюбцевъ, но были даже противъ него. Слѣдующія слова лѣтописца, въ коихъ высказывается полная любовь Владимірцевъ къ Андрею и ихъ глубокая скорбь о смерти его, убѣждаютъ насъ въ этомъ вполнѣ: «И створи тако Ѳеодулъ Игуменъ: Святоѣ Богородицѣ Володимерской съ крилошаны и съ Володимерцѣ ѣхаша по Князь во Боголюбое, и вземше тѣло его, привезоша Володимерю со честью, съ плачемъ великимъ. И бысть по малѣ времени, и поча выступати стягъ отъ Боголюбого: и людье не могоша ся ни мало удержати, но вси вопьяхуть, отъ слезъ же не можаху прозрѣти, и вопль далече бѣ слышати. И поча весь народъ, плача, молвити: «Уже ли Кіеву поеха господине, въ ту церковь, тѣми Золотыми вороты, ихъ же дѣлать послалъ баше той церкви на велицѣмъ дворѣ на Ярославлѣ, а река: Хочю создати церковь таку же, ака же вороти си Золота, да будеть память всему отечьству

[1] Ипатьев. 114.

моему. И тако плакася по нимъ весь градъ.»[2] Изъ этого ясно видно, что Владимірцы не только не участвовали въ убіеніи Андрея, но даже горько сожалѣли о гибели Князя и составляли собой какъ бы грозу для убійцъ.

И такъ причины смерти Андрея, принятыя Карамзинымъ и выставляемыя лѣтописцемъ, сами собой уничтожаются: любовь къ нему Владимірцевъ это доказываетъ. Что Андрей, всегда пылкій и рѣшительный, могъ быть строгъ и внушать тѣмъ противъ себя нерасположаніе нѣкоторыхъ; что это нерасположеніе могло еще между этими нѣкоторыми поддерживаться злоупотребленіями чиновниковъ, противъ этого трудно возражать; но чтобы это было причиною его гибели, этого, послѣ изложеннаго, нельзя допустить. Очевидно, что причина заговора касалась какой-то одной части, а не цѣлаго Княжества, не цѣлой общины. Андрея погубили Ростовцы и Суздальцы, какъ Князя враждебной имъ Владимірской общины, съ которой онъ хотѣлъ стѣснить окончательно самыхъ Ростовцевъ и Суздальцевъ, прежнихъ господъ земли Володимерской. По этому-то Ростовцы, послѣ убіенія Андрея, боятся и не хотятъ брата его, Михаила Георгіевича, а принимаютъ къ себѣ Ярополка Ростиславича, между тѣмъ Владимірцы принимаютъ, съ полнымъ нарушеніемъ правъ Ростовцевъ, Михаила, и борются до послѣднихъ силъ за него противъ Ростовцевъ, которые ни подъ какимъ видомъ не хотятъ, чтобъ Владимірцы имѣли собственнаго своего Князя: «Негодоваша о томъ.» (Ростовцы), говоритъ лѣтописецъ, когда дошли до нихъ вѣсти, что Михаилъ Ростиславичъ, котораго они призывали къ себѣ и, съ тѣмъ вмѣстѣ, къ Владимірцамъ, бывшимъ дотолѣ подъ ихъ рукою, ѣхалъ къ нимъ на княженіе съ Михаиломъ Георгіевичемъ, братомъ Андрея, предоставивъ сему послѣднему старѣйшинство надъ собою въ управленіи; «и принудили паки Михаила Георгіевича,» не смотря на всю усердность къ нему Владимірцевъ, отказаться отъ старѣйшинства и отъ Владиміра.[3] Такимъ образомъ и въ этотъ разъ побѣда была на ихъ сторонѣ; но они не остановились на ней. Владиміръ, украшенный Боголюбскимъ постройкою великолѣпныхъ храмовъ и избранный симъ Княземъ въ стольный градъ землѣ Ростовской, казался для нихъ невыносимъ, и уничиженіе его было имъ отрада. «Сами Князя

[2] Тамъ же 115.
[3] Кенигсберг. 256 и 257.

млада суща, слушаста Бояръ (Ростовскихъ и Суздальскихъ), а Бояре учахутъ на многое иманіе: Святоѣ Богородицѣ Володимерскоѣ золото и серебро взяста, первый день, ключи палатни и церковныи отъяста, и городъ ея и дани, что бяше церкви той далъ Князь Андрей.» [4] Ростовцы говорили, что Владимірцы не достойны имѣть своего Князя, т. е., не могутъ быть самобытными, имѣть собственнаго своего защитника, вождя и покровителя, а что должны управляться чрезъ Посадника. [5]

Призвавъ, однако жъ, снова Михаила, Владимірцы успѣли стѣснить враговъ своихъ до того, что Ростиславичи должны были оставить сихъ послѣднихъ и удалиться изъ земли Ростовской: одинъ въ Новгородъ, а другой въ Рязань. Но борьба все таки не прекратилась этимъ; напротивъ, послѣ смерти Михаила она вновь загорается еще съ большей силой. Ростовцы не хотятъ признать своимъ Княземъ Всеволода, другого брата Андрея, призваннаго Владимірцами, а Владимірцы Ростиславича, призваннаго Ростовцами вновь. Итогъ этой борьбы—совершенное пораженіе Владимірцами Ростовцевъ на рѣкѣ Козѣ, близъ Суздаля, и полное торжество первыхъ, такъ что Ростовъ подчиняется съ тѣхъ поръ Владиміру и принимаетъ Князей отъ его рукъ. Чтобъ еще яснѣе представить, что эта борьба между Михаиломъ и Всеволодомъ противъ Ростиславичей была борьбою двухъ основъ,—старой и новой,—я ссылаюсь на слѣдующее сказаніе лѣтописца: «Не противу же Ростиславичема бьяхуся Володимерцы, но не хотяще покоритися Ростовцемъ, зане молвахутъ: «Пожжемъ и̂ (Володимеръ), и Посадника въ немъ посадимъ: то суть наши холопи каменьницы.» [6] Ожесточеніе Владимірцевъ противъ Ростовцевъ и Суздальцевъ было не менѣе, какъ сихъ послѣднихъ противъ Владимірцевъ: «Бысть мятежь великъ въ городѣ Володимерѣ: вступа Бояре и купцы, рекуще: «Княже! Мы тобѣ добра хочемъ, и за тя головы своя складываемъ, а ты держишь вороги свои просты (Суздальскіе и Ростовскіе Бояре и представители ихъ Князья); а се ворози твои и наши: любо и̂ казни, любо слѣпи, или дай намъ.... и емше Князя Мстислава и Ярополка (Ростиславичей), ослѣпиша.» [7]

[4] Тамъ же 258.
[5] Тамъ же.
[6] Тамъ же.
[7] Тамъ же 267 и 268.

Всѣ эти обстоятельства были второю жертвою борьбы, между Ростовцами, Суздальцами и Владимірцами, тогда какъ Андрей Боголюбскій жертвою перваго: оба явленія—плодъ одной и той же причины, породившей вражду между самими Князьями. Какъ Владимірцы, по собственному сознанію, боролись не противъ Ростиславичей, а противъ Ростовскаго и Суздальскаго Боярства, или противъ злоупотребленій со стороны сего послѣдняго, и ослѣпили Ростиславичей, такъ прежде того дѣйствовали Ростовцы въ отношеніи Андрея, покровительствовавшаго, очевидно Владимірцамъ, [8] и, губя его, они враждовали не противъ него самаго, а противъ Владимірцевъ, которыхъ онъ былъ представителемъ. Нельзя не обратить при этомъ вниманія на то, что Ростиславцы призвали къ себѣ на престолъ именно тѣхъ Князей (Ростиславичей), которыхъ Андрей выслалъ изъ своего Княжества вмѣстѣ съ старѣйшими Боярами своего отца. Такимъ образомъ будетъ совершенно понятно, что когда древніе Ростовскіе и Суздальскіе старѣйшины, или нѣкоторые изъ нихъ, покусились на страшное злодѣяніе, лишить тайно жизни представителя Владимірцевъ, въ то же время сіи послѣдніе могли горько оплакивать потерю Князя своего и угрожать убійцамъ местію, которой и опасались убійцы и которой съ своими представителями они отчасти въ послѣдствіи и подверглись.

Ростовская и Владимірская система была покорена не ранѣе временъ Владиміра Великаго; но долго и послѣ покоренія она не входила въ непосредственный составъ Государства. Жизнь наша сосредоточивалась долгое время только въ Кіевской и Черниговской системѣ: всѣ остальныя части, не принимая участія въ этой жизни, могли нести однѣ только повинности и платить дань Князьямъ Черниговской, или Кіевской, системы, слѣды чего мы и находимъ въ лѣтописяхъ; однимъ словомъ, были въ тѣхъ же отношеніяхъ къ Князьямъ сихъ системъ, въ какихъ находились Древляне, Сѣверяне, Радимичи, Вятичи, къ Олегу и Игорю, которые, какъ положительно извѣстно, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи Древлянъ, ограничивали господство свое единственно собираніемъ даней, и до такой степени оставляли безъ вниманія внутреннее управленіе побѣжденной общины,

[8] Андрей первый изъ Князей въ Земляхъ Ростовскихъ и Владимирскихъ избралъ Княжескимъ столомъ Владиміръ; отецъ его жилъ въ Суздалѣ, а дѣдъ посѣщалъ только одинъ Ростовъ.

что не лишили ее даже собственнаго ея Князя. Когда въ общинахъ Черниговской, Полоцкой и Галицкой давно утвердились уже прочно Княжескія вѣтви изъ Кіева, въ Ростовско-Владимірской области не было ни чего подобнаго. Первый самобытный Князь въ этой области является только въ XII столѣтіи, въ лицѣ сына Мономахова, Георгія Долгорукаго, который сосредоточилъ къ себѣ бразды правленія этой, дотолѣ оставленной безъ особаго вниманія, общины; до Георгія же Долгорукаго Ростовско-Владимірскія земли не имѣли самобытныхъ Князей, и Кіевскіе Князья ввѣряли ихъ распоряженію Князей младшихъ, своихъ подручниковъ, не имѣвшихъ самобытнаго характера и жившихъ только временно на Сѣверѣ, или лучше по временамъ только пріѣзжавшихъ туда, слѣдосательно, тѣхъ, которые не могли имѣть самобытнаго вліянія надъ страною. По этому власть Княжеская въ первый разъ начала внутреннее покореніе сей страны только съ Долгорукаго, подчинивъ ее мысли Княжеской, смѣняя мысль Боярскую, которая до того здѣсь господствовала, согласно старинному управленію общинъ Славянскихъ. Но земли Ростовско-Владимірскія представили для этого покоренія и трудную и легкую задачу: опи распадались видомъ на двѣ общины: на Ростовско-Суздальскую и на Владимірскую, изъ коихъ первая, уже полуотжившая для старой жизни, полуготовая къ воспріятію новой мысли, еще въ лицѣ старшинъ своихъ, не хотѣвшихъ уступить обширнаго патріярхальнаго значенія, напрягала силы свои для поддержанія, сего значенія не согласнаго уже съ новой мыслей жизни; другая, т. е., Владимірская, напротивъ, всѣми элементами своими, подобно системѣ Кіевской, отдавалась всей душой новой жизни. Два совершенно противоположныя начала, при этой сильной мощи общины Владимірской, вели этѣ двѣ общины къ усиленной борьбѣ. Андрей былъ Княземъ общины Владимірской, и, слѣдовательно, врагъ общины Ростовской; сія послѣдняя, уже покоренная Князьми Кіевскими и подчиненная Князю Владимірскому, подобно Древлянамъ, Вятичамъ и другимъ племенамъ, возстала для поддержанія прежнихъ своихъ властителей, старшинъ, и Андрей погибъ въ этомъ возстаніи, какъ погибъ Ярополкъ, Игорь, и другой Игорь; какъ Древляне, Кіевляне и Галичане защищали своихъ властителей, и вызывали противъ властителей новыхъ, такъ дѣйствовали въ настоящемъ случаѣ и Ростовцы.

По этому причины смерти Андрея, такъ же какъ смерти Игоря

вытекали изъ того же основнаго начала, изъ котораго возникла наша удѣльная система, и заключались именно въ стремленіи частей Государства, имѣть собственнаго своего Князя, который бы царилъ надъ ними и въ то же время отталкивалъ бы отъ нихъ, или даже покорялъ, всѣ посторонніяя стихіи, могущія враждебно соприкасаться къ нимъ. Это основа Удѣла, скажемъ вопреки мнѣнію Г. Соловьева, который, не умѣя помирить этого стремленія частей Государства къ самобытности съ быстрымъ и могучимъ токомъ жизни народной къ единодержавію (объясненіе котораго составляло, какъ это очевидно, главную задачу Князей дома Рюрика), пожертвовалъ историческими истинами, обозначающими періодъ Удѣловъ, обезцвѣтилъ нашу Исторію, заплелъ вымыслами истинную высокую думу ея, и идею единодержавія, которую лелѣялъ народъ въ продолженіи тысячелѣтія, взростилъ и гордился ею, насильственно вырывалъ отъ родной великой семьи Русской, дѣлая ее плодомъ воли частной, а не плодомъ любви народной къ властителю, какъ къ отцу.

По этому-то самому Г. Соловьевъ заплелъ вымыслами и самое убіеніе Андрея, какъ явленіе будто бы противорѣчащее дальнѣйшей исторіи народной, и тотъ быстрый и полный силы потокъ, посреди котораго погибъ Андрей, погибли и другія достойные Князья наши, и которымъ стремились мы прорваться къ единодержавію, этотъ потокъ превращается у него въ поприще разбоя, а иногда даже вольности народной.

Но возвращаемся къ нашему предмету. Во всей борьбѣ между Ростовцами и Володимерцами мы замѣчаемъ одно явленіе, которымъ сопутствуются всѣ остальныя: это, какъ мы уже сказали, стремленіе частей имѣть собственнаго Князя. Потеря для части Князя—потеря самобытности: безъ Князя ни Ростовцы, ни Владимірцы не рѣшаются ни на какое рѣшительное предпріятіе. По этому-то Ростовцы настаивали объ удаленіи Михаила изъ Владиміра, а съ торжествомъ Владимірцевъ Роетовцы лишаются своихъ Князей. Владимірцы не возставали противъ Ростовцевъ до тѣхъ поръ, пока не являлись между ними Всеволодъ и Михаилъ, призванные ими съ Юга, а Ростовцы, съ потерею Ростиславичей, противъ Владимірцевъ, и, готовые къ возстанію, они оставались мирными до тѣхъ поръ, пока не успѣли вновь вызвать къ себѣ Ростиславича изъ Новгорода. Сами Ростовцы, желая выразить, что Владимірцы

должны состоять въ полной ихъ зависимости, говорили, что Владимірцы не достойны имѣть своего Князя. Такимъ образомъ та и другая сторона, старая и новая, чувствуютъ полную необходимость въ Князѣ, прислоняются къ нему и защищаютъ имъ права свои собственныя. Важно будетъ также для насъ показаніе лѣтописца, что представителями Ростовцевъ и Суздальцевъ были въ этой борьбѣ Бояре, а другія сословія не питали чувства вражды ни къ Владимірцамъ, ни къ Владимірскимъ Князьямъ; по крайней мѣрѣ, это мы можемъ сказать о Суздальцахъ, которые Михаилу Георгіевичу, послѣ одержанной имъ побѣды надъ Ростиславичами, говорили: «Мы, Княже, на полку томъ съ Мстиславомъ (Ростиславичемъ) не были, были съ нимъ Бояре, а на насъ лиха не держи!» [9] а изъ сего нельзя не заключать, что между горожанами Суздальскими и Суздальскими Боярами прочныхъ связей уже не было. Важно будетъ также здѣсь замѣтить, что Бояре Ростовскіе, или правильнѣе Ростовскіе и Суздальскіе, были вмѣстѣ съ тѣмъ Боярами Владимірскими, т. е., главными правителями Владимірцевъ, такъ что голосъ ихъ рѣшалъ судьбу сихъ послѣднихъ. По этому борьба Владимірцевъ противъ Ростовцевъ была борьбою новой и старой формы жизни Государственной, или лучше, была борьбою переходной изъ формы старой въ форму новую, обусловленную идеей Князя. Вотъ и самое показаніе по этому предмету лѣтописца; оно говоритъ ясно и отчетливо: «Новгородцы изначала и Смоляне, и вся власти егда на вече сходятся, что старѣйшины сдумаютъ, на томъ и пригороды станутъ; а здѣ городы старые Ростовъ и Суздаль, и всѣ Бояре хотяху свою правду поставити, а не хотяху правды Божіея творити, но како намъ любо, рекоша, тако же створимъ: Володимеръ есть пригородъ нашъ. Противящесь Богу и Пречистой Его Матери, и правдѣ Божіей, слушаху злыхъ человѣкъ развратниковъ, не хотящихъ намъ добра завистію, ни граду сему и живущимъ въ немъ; постави бо прежде градъ сей велій Володимеръ (т. е., Князь), и потомъ Князь Андрей. Сего жъ Михалка избраша Богъ и Святая Богородица; но Ростовцы и Суздальцы, старшіе творящесь, не разумѣша правды Божіея исправити, а новіе людіе Володимерскіе уразумѣвше, яшась по правду крѣпко, и рекоша вси: «Любо Михалка Князя налеземъ (добудемъ) собѣ и брата его, Всеволода, а любо главы своя за Святую

---

[9] Кенигсберг. 262.

Богородицу и за тые Князи сложемъ.» И утѣши ихъ Богъ и Святая Богородица чудотворная Володимерская; его же бо человѣкъ воспроситъ у Бога всѣмъ сердцемъ, того Богъ его не лишитъ. Отселѣ Володимерцы прославлены Богомъ по всей земли, за ихъ правду Богу, имъ помогающу.»[10]

Такъ кончилась борьба между Владиміромъ и Ростовомъ, и Владиміръ восторжествовалъ, сдѣлавшись мѣстопребываніемъ не только Князей, но Князей Великихъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ главою Ростова. Но міръ между двумя враждующими частями, хотя, по видимому, и возстановился, но это только по видимому, а не на самомъ дѣлѣ. Уже ли Бояре Ростовскіе, которые съ такимъ пренебреженіемъ смотрѣли на Владимірцевъ, что называли ихъ своими каменьщиками, не достойными имѣть своего особаго Князя, уже ли эти Бояре, столь гордые, столь надменные, легко могли перенести торжество Владимірцевъ и видѣть ихъ своими господами? Это не въ порядкѣ вещей. И что жь въ дѣйствительности мы замѣчаемъ? Не открывается ли тотчасъ же послѣ смерти Всеволода Георгіевича между Ростовцами и Владимірцами новая вражда? Зная святость отношеній дѣтей къ отцу въ періодъ Удѣловъ, мы никогда не можетъ также объяснить ослушанія, которое оказалъ Константинъ отцу своему, Всеволоду, если только не увидимъ въ этомъ продолженія той же вражды между Ростовцами и Владимірцами. Дѣйствительно, по чему Константинъ не хочетъ уступить Ростова меньшому своему брату, Георгію, а самъ сѣсть на Владимірскій престолъ? По чувству ли властолюбія? Но лѣтописецъ рисуетъ его скорѣе монахомъ, нежели Княземъ властолюбивымъ. По стремленію ли къ единодержавію? Но не онъ ли отдаетъ Суздаль, разбитому имъ и Мстиславомъ, Георгію? Да и не видно слѣдовъ подобной мысли до тѣхъ поръ, пока Москва, сознавъ, не внесла ее въ жизнь Русскаго народа. Кромѣ того, Константинъ, послѣ смерти отца своего и не предпринималъ ни чего важнаго противъ Георгія до тѣхъ поръ, пока не поднялся противъ сего послѣдняго и брата его, Ярослава, Великій Новгородъ, подъ предводительствомъ Мстислава Удалаго; но и тутъ опять въ Константинѣ, или Боярахъ, Ростовцахъ, мы не видимъ слѣдовъ мощи, а, напротивъ, замѣчаемъ какую-то слабость духа, которая вырываетъ у нихъ изъ рукъ мечъ и которая совершенно

[10] Кенигсберг. 261 и 262.

противоположна мощи, съ которою Константинъ отказался исполнить волю отца своего. Поднявшись и соединившись съ Новгородцами противъ Георгія, они готовы были всѣ разбѣжаться предъ страшными полчищами Князя Владимірскаго. [11] Сверхъ того, въ продолженіе всей войны, мы не видимъ, чтобъ одною изъ цѣлей Новгородцевъ было изгнаніе Георгія изъ Владиміра, а единственно лишь возстановленіе правъ собственныхъ; слѣдовательно, виды Константина на Владиміръ играли и въ этой войнѣ второстепенную роль; по этому-то посолъ отъ лица всѣхъ Князей, соединенныхъ противъ Георгія, и говорилъ Князю Владимірскому, склоняя его къ миру: «Кланяемъ ти ся: нѣту ны съ тобою обиды, съ Ярославомъ ны обида; пусти мужи мои, Новгородцы и Новоторжци, и что есмь зашьлъ волости нашей Новгородской, Волокъ, въспяти, миръ съ нами възми, а кърестъ съ нами цѣлуй, а крови не проливаима.» Мы не сомнѣваемся, что всѣ эти слова, эти требованія, принадлежатъ Мстиславу, или лучше Новгороду, а не Константину; но изъ нихъ видно, однако жь, что Новгородцы сами вызвали Константина, для своихъ собственныхъ цѣлей, а Константинъ соединился съ ними, желая только воспользоваться этимъ благопріятнымъ стеченіемъ обстоятельствъ, для того, чтобъ стѣснить младшаго брата, Георгія, и что это то намѣреніе Константина было въ причинахъ настоящей войны столь ничтожно, что если бъ Георгій не настаивалъ на своемъ въ отношеніи Новгорода, Новгородцы оставили бы его спокойно княжить во Владимірѣ, а Константинъ, по его собственному сознанію, долженъ былъ возвратиться въ Ростовъ безъ битвы. Слѣдовательно, здѣсь Константинъ не имѣлъ думы о единодержавіи: Константинъ предпочелъ только старый Ростовскій Боярскій строй новому Владимірскому, привязался къ нему душой, напитался Боярскимъ духомъ вражды противъ новыхъ людей, противъ младшей дружины, т. е., противъ Владимірцевъ, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и противъ отца и брата, къ которымъ прислонились Владимірцы и подъ властію которыхъ они угрожали Ростовскимъ Боярамъ окончательнымъ стѣсненіемъ. По этому здѣсь видна та же вражда Ростовцевъ къ Владимірцамъ, обусловленная желаніемъ уже не господствовать надъ Владимірцами, а единственно лишь имѣть Князя отдѣльнаго, независимаго отъ Владимірцевъ, а по тому Князя старшаго, кото-

[11] Ист. Госуд. Россійск., т. III, стр. 157.

раго они и нашли въ Константинополѣ, и котораго легкою думой Ростовскіе Бояре до того завладѣли, что онъ рѣшился ослушаться отца и не хотѣлъ оставлять Ростова. Но этитъ вражда еще не кончится, а снова и страшно разовьется, какъ это мы покажемъ въ своемъ мѣстѣ.

Теперь ясно для насъ становится, по чему Георгій Долгорукій пріобидѣлъ сына своего, Ростислава, и не далъ ему волости въ своемъ обширномъ Княженіи. Ростовцы хотѣли господствовать надъ всѣмъ и стремились, какъ мы уже видѣли, лишить подчиненныя себѣ части самобытности, которую они болѣе, или менѣе, могли бы пріобрѣсть съ учрежденіемъ особаго Княжества. Эта настойчивость слѣдствіемъ которой было образованіе Владимірскаго Великаго Княженія, господствовавшаго при Михаилѣ и Всеволодѣ надъ Ростовоме и всеми составными частями его, и гдѣ особенно сосредоточивалась стихія новой жизни; потомъ образованіе Ростовскаго Княженія, подъ сѣнію котораго укрывалась старая стихія Бояре Ростовскіе, и наконецъ при ослабленіи противодѣйствія Ростовцевъ, явленіе другихъ Княжествъ, входившихъ прежде въ составъ области Ростовской, и соединенныхъ между собою въ лицѣ Ростовскихъ Бояръ, за исключеніемъ, быть можетъ, нѣкоторыхъ земель, состоящихъ подъ властію Новгородцевъ и въ послѣдствіи времени у нихъ отнятыхъ частію еще самимъ Всеволодомъ, частію его потомками.

Такимъ оразомъ мы не видимъ слѣдовъ той думы о единодержаніи, которую Г. Соловьевъ, въ своемъ извѣстномъ сочиненіи: «Объ отношеніи Князей Рюрикова дома,» извращая данныя и самый ходъ событій и противорѣча на каждомъ шагу самому себѣ, хочетъ приписать Князьямъ Владимірскимъ XII столѣтія, сбившись преимущественно жалобой Ростислава, что отецъ его, Георгій, не даетъ ему удѣла въ земляхъ своихъ, и еще тѣмъ, что по смерти Георгія одинъ только изъ сыновей его, Андрей, господствовалъ въ ихъ земляхъ, а другія при жизни Андрея были совершенно исключены отъ всякаго участія въ дѣлахъ этой части Руси и не получили себѣ даже ни клочка земли, сбившись, однимъ словомъ, событіями, которыя указываютъ только на исключительный духъ Боярства, противодѣйствовавшаго новой жизни, и на паралельное тому времени стремленіе Владимірцевъ сдѣлать своихъ Князей господами всѣхъ земель Владиміро-Ростовскихъ. Ростовцы съ своими Князьями изгнали въ 1175 году, какъ мы видѣли, Михаила

Георгіевича изъ Владиміра, руководствуясь мыслію, что Владимірцы недостойны имѣть Князя, а должны управляться чрезъ Бояръ Княжескихъ; точно такъ же, въ паралель самой этой мысли, хотѣли и Владимірцы, въ свою очередь, лишить Ростовцевъ имѣть собственнаго Князя, и подчинить ихъ совершенно своему собственному Князю, какъ этого они вполнѣ и достигли при Всеволодѣ III. Правда, въ послѣдствіи Ростовцы и получили себѣ отъ Владимірцевъ Князя особаго, но Князя, который болѣе, или менѣе, долженъ былъ состоять въ зависимости отъ Князя Владимірскаго; однако эта уступка, сдѣлана была уже послѣ усилившагося напряженія, въ которое ставило себя общее стремленіе Бояръ Ростовскихъ и Суздальскихъ подчинить Владиміръ на Клязьмѣ ихъ старому Боярству, послѣ торжества Владимірцевъ, послѣ того, какъ Князь Владимірскій сдѣлался Великимъ Княземъ.

Значеніе Кіева для древней Руси.

Переходимъ на Югъ. Здѣсь на первомъ планѣ является предъ нами Кіевъ. Имя этого города пробуждаетъ какой-то невольный радостный трепетъ, подобный благоговѣйному трепету, который объемлетъ насъ при имени Москвы. Отъ чего это? Рѣдкій можетъ дать въ семъ положительный отчетъ, но, между тѣмъ, каждый убѣжденъ въ справедливости своихъ чувствъ, своихъ внутреннихъ отношеній къ тому, или другому, изъ сихъ городовъ, и, конечно, эти отношенія вылились изъ глубины самой жизни народной.

Долгое время Кіевъ занималъ въ древней исторіи нашей мѣсто, подобное Москвѣ. Какъ въ Москвѣ родилась новая Россія, такъ древняя Русь началомъ своимъ и дальнѣйшимъ развитіемъ, до самаго образованія Владимірскаго Княжества, кроется въ Кіевѣ. Черниговъ, Владиміръ Волынскій, Галичъ, Смоленскъ, самый Полоцкъ, играютъ передъ Кіевомъ второстепенную и третьестепенную роль, хотя всѣ они имѣли собственныхъ Князей своихъ. Когда же и какъ успѣлъ занять подобное положеніе нашъ Кіевъ? Всякое гаданіе въ столь важномъ дѣлѣ будетъ не къ стати. Намъ нужны историческія, положительныя данныя, и къ нимъ-то мы должны обратиться. Скажутъ, быть можетъ, что столь значительная роль Кіева опредѣляется уже тѣмъ, что онъ былъ столицею древней Руси. Но по чему же опять онъ былъ столицею, когда тогдашняя Русь раз-

бита была на области, системы, и каждая область, система, стремилась замкнуться въ самой себѣ, подробныя доказательства чего мы представимъ ниже? По чему каждый изъ Князей, владѣя отдѣльнымъ Княжествомъ, завистливо смотрѣлъ на Княжество Кіевское? При томъ нужно замѣтить, что столицею Кіевъ въ древности никогда не назывался, да и не былъ, хотя Князь Кіевскій долгое время былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и Княземъ Великимъ. По чему же Кіевъ былъ срединнымъ, главнымъ, городомъ древней Руси, при распаденіи ея на удѣлы, при этѣхъ безконечныхъ войнахъ между владѣтельными Князьями? По чему Князь его между всѣми Князьями, которые управляли своими удѣлами самобытно, и даже враждовали противъ Кіева, при этѣхъ безконечныхъ войнахъ между ними и Кіевомъ, по чему Князь Кіевскій долгое время одинъ только носилъ наименованіе Великаго, не смотря на то, былъ ли онъ старшій, или младшій, по тогдашнему понятію о старшинствѣ?

Одной изъ главнѣйшихъ причинъ значенія Кіева въ древней исторіи, это было особенное свойство его родовыхъ или мѣстныхъ дружинъ. Тогда какъ въ Ростовѣ мѣстное дружинное начало, какъ мы видѣли, развертывается для новой жизни медленно и стремится болѣе, или менѣе, подчинить старому порядку вещей самую мысль о Князѣ, въ Кіевѣ, напротивъ, Боярское начало составляетъ основу силы Князя, и является само чрезвычайно подвижнымъ на дѣла многотрудныя и высокія. Самыя отношенія его къ толпѣ народной были совсѣмъ не тѣ, какъ въ Ростовѣ. Толпа народная была совершенно подчинена ему. Правда, и здѣсь нельзя не замѣтить, что эти отношенія были не совершенно прочны, но никогда не порождали, однако жь, они тѣхъ странныхъ кровавыхъ дѣлъ, какія породили они въ землѣ Ростовской. Говоря о жизни области Кіевской, лѣтописецъ передалъ намъ весьма важное въ семъ отношеніи замѣчаніе: «Боярина не всѣ слушаютъ.» Мы знаемъ также, что послѣ разбитія союзныхъ дружинъ Русскихъ Половцами, обнаружилось въ Кіевѣ волненіе, гдѣ Бояре являются въ противодѣйствіи этой тревогѣ, и ихъ нравственная сила надъ возставшими была столь ничтожна, что Изяславъ Ярославичъ не могъ опереться на нихъ и принужденъ былъ оставить Кіевъ. Подобное же безпокойство, и именно съ той же стороны, обнаружилось въ Кіевѣ послѣ смерти сына его, Святополка Изяславича, когда разграблены были дома Тысяцкаго Путяты, Соцкихъ, Жидовъ, и возмущеніе готово было развиться еще бо-

лѣе; но явленіе Владиміра Мономаха предупредило это и успокоило тревогу. Слѣдовательно, и здѣсь былъ какой-то разладъ между Боярами и остальнымъ, собственно городскимъ, народонаселеніемъ Кіевскимъ; но этихъ явленій было немного, и отношенія, какъ мы замѣтили, не были такъ напряженны, какъ во Владимірѣ. Вообще, здѣсь Бояре и народъ въ имени Князя сливались во едино, и первые, при своей чрезвычайной подвижности, составляли сильную опору своимъ Князьямъ. Дружина собственно Княжеская еще существовала въ Кіевѣ долго послѣ основанія Государства, но, при преданности Князьямъ дружины мѣстной, Боярской, несравненно сильнѣйшей, она показывается рѣдко и играетъ роль незамѣтную въ исторіи Кіева; главнѣйшія же силы Кіевскихъ Князей скрываются, какъ мы сказали, въ дружинѣ мѣстной.

Идея Князя даже въ самомъ началѣ зарожденія Государства нераздѣльна съ исторіею Кіева, тогда какъ она въ другихъ частяхъ Государства развилась гораздо позднѣе. Въ самомъ баснословномъ періодѣ, въ періодѣ Варяжскомъ, идея Князя существуетъ, хотя представители ея съ своими дружинами являются еще отдѣльно отъ мѣстной дружины и народа; но жизнь, уже готовая къ преобразованію, быстро уничтожаетъ эту отдѣльность и дѣлаетъ сама новую мысль, такъ что можно сказать, что Кіевъ, а съ Кіевомъ всѣ остальныя наши области или системы, имѣли въ Князьяхъ Кіевскихъ Князей родовыхъ, Славянскихъ, а не Варяжскихъ. Если мы не будемъ видѣть въ Олегѣ, Игорѣ и Святославѣ своихъ родовыхъ Славянскихъ Князей, то мы должны, по крайней мѣрѣ, согласиться, что Владиміръ Великій былъ уже Князь Кіевскій, Славянскій, въ полномъ значеніи этого слова. Стихія Варяжская, если она первоначально и была одною изъ главныхъ основъ дружинъ Княжескихъ, при Владимірѣ исчезаетъ изъ нашей исторіи, какъ стихія основная, и всѣ покоренія, сдѣланныя Владиміромъ и его племянниками, сдѣланы Князьями не Варяжскими, [12] а Князьями Кіевскими, и Кіевскими дружинами, а не Варяжскими. Но какія же это были покоренія!—Всей древней Руси, за исключеніемъ Новгорода и темной

[12] Если Владиміръ избралъ изъ Варяжской дружины, приведенной имъ противъ Ярополка, лучшихъ и смышленыхъ, однако жь эти лучшіе и смышленые входили у него въ составъ дружины младшей; по крайней мѣрѣ, полководцы Владиміра, о коихъ упоминается въ лѣтописи, были Славяне, какъ это показываютъ ихъ имена (Добрыня, Волчій Хвостъ).

земли Древлянской. Мало того, не были ли подчинены Князьямъ Кіевскомъ и самые Новгородцы съ Древлянами, также южными дружинами, при содѣйствіи лишь Варяговъ-Славянъ, какъ при содѣйствіи ихъ, или при содѣйствіи Половцевъ, Князья наши прокладывали себѣ путь, уже въ послѣдствіи, къ родовымъ своимъ престоламъ?....

Сказанія лѣтописца о пространствѣ владѣній Рюрика, объ отношеніяхъ его къ различнымъ частямъ Государства, такъ кратки, такъ темны, что изъ нихъ по настоящему предмету ни чего положительнаго нельзя вывести. Новгородцы съ сосѣдними племенами призываютъ Рюрика, и въ Новгородѣ менѣе, чѣмъ гдѣ ни будь, замѣтно развитіе идеи Княжеской. Уже Олегъ оставляетъ Новгородъ, хотя на условіи, чтобъ, «мира дѣля,» Новгородцы платили ему по 400-ка гривенъ, и идетъ въ Кіевъ; какъ будто бы въ свой родовой городъ, по тому что достаточно было ему убить Аскольда и Дира, завладѣвшихъ Кіевомъ, чтобъ покойно, безъ всякой борьбы со стороны Кіевлянъ, сѣсть, съ малолѣтнимъ Игоремъ, на престолѣ Кіевскомъ.

Лѣтописецъ говоритъ, что Рюрикъ разослалъ правителей своихъ въ Ростовъ, Полоцкъ и другіе города; но онъ не передаетъ намъ ни какихъ свѣдѣній о томъ, въ какой зависимости этѣ главныя общины города состояли отъ Рюрика, и не дѣлаетъ ни какого прямаго указанія на то, что эти два города принадлежали преемнику Рюрика, Олегу; между тѣмъ мы видимъ Полоцкъ съ его землями даже по смерти Святослава городомъ, независимымъ отъ Кіева, имѣвшимъ во главѣ своей какихъ-то двухъ Князей, пришедшихъ изъ за-моря. [13] Такъ же невѣрно, или, по крайней мѣрѣ, совершенно темно, показаніе лѣтописца и относительно управленія Ростовскихъ земель чрезъ мужей, присланныхъ Рюрикомъ, или касательно зависимости ихъ отъ преемниковъ перваго Князя. При раздѣлѣ между сыновьями Святослава земель Русскихъ не упоминается также о Ростовѣ, или вообще о нашихъ Сѣверо-восточныхъ областяхъ. При томъ, если Ростовская система была въ зависимости отъ Рюрика, то движеніе Олега со всѣми силами на Югъ для того, чтобъ сѣсть въ Кіевѣ и бросить совершенно Ростовъ, будетъ для насъ загадкой, тѣмъ болѣе, что, пользуясь удаленіемъ Олега на Югъ,

[13] Кенигсб.

область эта могла бы легко сбросить съ себя Варяжскую зависимость, и, при своей невоспріимчивости къ идеи Князя, замѣтной, какъ мы выше объяснили, даже въ позднѣйшее время, непремѣнно сбросила бы ее; но объ этой борьбѣ и о причинахъ удаленія Олега съ Сѣвера нѣтъ ни малѣйшихъ слѣдовъ, равно какъ нѣтъ и малѣйшихъ слѣдовъ и о зависимости Ростова, зависимости, даже подобной той, въ которой находился къ Олегу Новгородъ. Правда, въ договорѣ Олега съ Греками упоминается объ Ростовѣ, какъ городѣ, принадлежащемъ будто бы Кіевскому Князю; но, во первыхъ, договоръ сей составляетъ предметъ весьма темный въ нашей исторіи; во вторыхъ, въ этомъ же договорѣ упоминается и о Полоцкѣ, который, какъ выше замѣчено, оставался независимымъ и при Святославѣ; слѣдовательно, мы имѣемъ полное право не довѣрять сдѣланному въ семъ договорѣ указанію и относительно Ростова, особливо если другія данныя не только не подтверждаютъ этого указанія, а, напротивъ, ведутъ насъ къ совершенно другому заключенію. Въ первый разъ Ростовская земля является, какъ земля, подвластная Кіевскимъ Князьямъ, уже при Ярославѣ Великомъ; обращая же вниманіе на переданное намъ лѣтописцемъ сказаніе, что Владиміръ на Клязьмѣ, городъ, который сосрдоточивалъ въ себѣ новое начало всей Сѣверной Руси, былъ основанъ отцомъ Ярослава, мы должны, кажется, признать, что Владиміръ Великій былъ первый обладатель земли Ростовской, и что подчиненіе имъ этой страны сдѣлано было во время похода его противъ Волжскихъ Болгаръ. Полоцкъ, правда, взятъ былъ первоначально не Кіевскою дружиною, но первое занятіе не упрочило его, однако жь, ни сколько за Кіевомъ, да и Кіевскіе Князья не разъ должны были подымать оружіе, чтобъ удержать систему въ большей, или меньшей, отъ себя зависимости. Нельзя, сверхъ того, не замѣтить еще здѣсь, что разсказъ лѣтописца о занятіи Новгородцами Полоцка носитъ не себѣ печать сказки. Новгородцы, если они и покорили Ротволода, дѣйствовали въ семъ случаѣ, конечно, не подъ вліяніемъ чувства Владиміра, оскорбленнаго будто бы словами дочери Рогвольда: «Не хочу разути рабычича,» какъ утверждаетъ это лѣтописецъ, а подъ вліяніемъ какихъ ни будь ихъ личныхъ побужденій, о которызъ лѣтописецъ, однако жь, не говоритъ ни слова. Странно онять, отъ чего Новгородцы не сохранили надъ Полоцкомъ ни какого вліянія, если они покорили его, тогда какъ, напротивъ, положительно видно,

что Полоцкъ былъ въ зависимости отъ Кіева, а Туровъ даже собственностію Кіева? Самыя завоеванія Олега, Игоря и Ольги заключались собственно въ удачныхъ походахъ, и только Древлянъ, раздражившихъ ихъ своимъ сопротивленіемъ и убіеніемъ Игоря, можно къ этому времени считать окончательно покоренными Кіеву. Предѣлы Государства даже и въ княженіе Святослава не были такъ обширны, какъ мы, подъ вліяніемъ Карамзина, обыкновенно это себѣ представляемъ: дѣти Святослава княжили только въ Кіевѣ и въ землѣ Древлянской, которые мы и должны, по этому, считать за основное владѣніе самаго Святослава. О принадлежности ему Полоцкой и Ростовской земель или системъ мы не находимъ въ лѣтописцѣ даже ни полъ слова. Новгородъ, и по собственной своей жизни, и по взгляду на него Князей нашихъ, составлялъ и тогда что-то отдѣльное, какъ это ясно видно изъ слѣдующихъ словъ лѣтописца, подтвержденіемъ которыхъ служитъ вся дальнѣйшая исторія этой общины: «Святославъ посади Ярополка въ Кіевѣ, а Олега въ Деревѣхъ Въ се же время придоша людье Ноугородстіи, просяще Князя собѣ: «Аще не поидете къ намъ, то налѣземъ Князя собѣ.» И рече къ нимъ Святославъ: «Абы пошелъ кто къ вамъ.» И отрекся Ярополкъ и Олегъ. И рече Добрыня: «Просите Володимера!» (Володимеръ бо бѣ отъ Малуши, ключницѣ Ользины, сестра же бѣ Добрыня, отецъ же бѣ има Малкъ Любечанинъ; бѣ Добрыня уй Володимеру). И рѣша Ноугородьци Святославу: «Въдай ны Володимера!» Онъ же рече имъ: «Вото вы есть!» Сѣверяне, Радимичи и Вятичи, даже къ концу княженія Святослава сохраняютъ самобытность свою, и борьба съ ними, какъ мы видѣли выше, продолжается еще и при Владимірѣ; о Галичѣ, или Перемышлѣ и Червенѣ, еще и помину нѣтъ при Святославѣ. Такъ обширность владѣній Святослава была только мнимая: онъ управлялъ только Кіевомъ, гдѣ сосредоточиваются всѣ силы Святослава, и землею Древлянскою, порабощенною имъ и его матерью, Ольгой; остальныя же части, если и зависѣли отъ него, то зависимость эта была спорная и опредѣлялась одними данями. Слѣдовательно, подчиненіе Кіеву всѣхъ Славянскихъ племенъ, входившихъ въ составъ древней Руси, за исключеніемъ одной лишь Новгородской системы, совершилось не ранѣе Владиміра, и какъ Владиміра и его преемниковъ окружаетъ уже не Варяжская, а Кіевская, дружина, что мы доказали уже, то по этому подчиненіе нашихъ Славянскихъ племенъ власти Кіевскихъ Князей совершено было сею послѣднею.

Вотъ одно изъ тѣхъ обширныхъ значеній, которое имѣла дружина Кіевская въ отношеніи другихъ частей древней Руси. Послѣ сего первенство Кіева въ земляхъ Русскихъ дѣлается яснымъ.

Мысль объ этомъ первенствѣ жила долгое время между самими Кіевлянами и въ жизни всего народа Русскаго. Не даромъ лѣтописецъ передаетъ намъ два преданія о величіи Кіева. «Видите горы сія (говорилъ, по его разсказу, Апостолъ Андрей, указывая на горы Кіевскія) яко на сихъ горахъ возсіяеть благодать Божія, имать градъ великъ быти, и церкви многи Богѣ въздвигнути,» [14] и, въ ознаменованіе будущаго величія Кіева, водрузилъ на мѣстѣ его крестъ. Даже самъ Олегъ, по сказанію лѣтописца, смотрѣлъ на Кіевъ, какъ на мать градовъ Русскихъ: «Се буди мати градомъ Русскимъ.» [15] Владиміръ Мономахъ шелъ уже съ союзными дружинами къ Кіеву, противъ Святополка, но мечъ выпалъ изъ рукъ его, когда Кіевляне, умоляя, напомнили ему, что, воюя противъ Кіева, онъ воюетъ противъ предковъ своихъ, которые не губили земель Кіевскихъ, а хранили и подвизались за нихъ: «Молимся, Княже, тобѣ и братома твоима: не мозите погубити Руськыѣ земли: аще бо възмете рать межю собою, поганіи имуть радоватися, и возмуть землю нашу, юже бѣша стяжали отци и дѣди ваши трудомъ великимъ и храбрьствомъ, поборяюще по Руськѣй земли, ины земли пріискываху; а вы хочете погубити землю Руьскую.» [16] Кіевская дружина, по выраженію Святополка и Владиміра Мономаха, была дружиною трехъ сыновей Ярослава, [17] княжившихъ почти надъ всѣми нашими Славянскими племенами. Андрей Боголюбскій, княжа во Владимірѣ, не оставилъ его для Кіева; не разъ, однако жь, я думаю, леталъ душой надъ родными землями Кіевскими: онъ смотрѣлъ на Кіевъ, какъ на мѣсто родины своей, какъ на свое отечество, и, возвеличивая его, онъ думалъ возвеличить свое отечество: «И поча весь народъ, плача, молвити (увидѣвши погребальное шествіе съ прахомъ Андрея): «Уже ли Кіеву поѣха, Господине, въ ту церковь, тѣми Золотыми вороты, ихъ же дѣлать послалъ бяше той церкви на велицѣмъ дворѣ на Ярославлѣ,

---

[14] Лаврентьев. 4.
[15] Тамъ же 10.
[16] Тамъ же 112.
[17] Кенигсберг. 142.

а река: «Хочю создати церковь такъ же, ака же ворота си Золота, да будеть память всему отечьству моему.» [18] Весь этотъ разсказъ лѣтописца дышетъ любовію Андрея къ Кіеву и живымъ воспоминаніемъ о родныхъ земляхъ Кіевскихъ. Такъ же смотрѣли на Кіевъ и другіе Князья наши, никогда не княжившіе въ немъ, и строили въ немъ храмы, дѣлали вклады, и желали, чтобъ прахъ ихъ былъ похороненъ въ Кіевѣ.

Не одному ли Кіеву, съ его областію, опять принадлежало первоначально наименованіе Руси? Да, подъ этимъ наименованіемъ, даже во времена чисто историческія, какъ отдѣльная область, разумѣются лѣтописцами единственно земли Кіевскія, а другія части носятъ у нихъ свои особыя названія, преимущественно по городамъ, какъ, на примѣръ, Ростовъ, Галичъ, Новгородъ и т. п. Кто только читалъ наши лѣтописи, для того показаніе наше имѣетъ всю историческую истину; для тѣхъ же, кому онѣ не совершенно знакомы, мы приведемъ, въ подтвержденіе, нѣсколько данныхъ. Георгій княжилъ во Владиміро-Ростовскихъ земляхъ, а одинъ изъ сыновей его имѣлъ небольшой удѣлъ въ Кіевской области, изъ котораго потомъ былъ изгнанъ. Это изгнаніе своего сына изъ земель Кіевскихъ Георгій назвалъ изгнаніемъ изъ Руси. Георгій, пожалѣвъ о позорѣ сына своего, сказалъ: «Тако ли мнѣ части нѣту въ Руской земли, и моимъ дѣтемъ?» и пр. Самъ сынъ Георгія (1149 г.), объясняя отцу своему, что къ нему расположена Кіевская земля, говорилъ ему: «Слышалъ есмь, оже хощеть тебе вся Руская земля и Черныи Клобукы.» [19] Подъ 1152-мъ годомъ, объясняя возвращеніе Изяслава съ своими дружинами изъ земель Галицкихъ, лѣтописецъ говоритъ: «Король у свою землю иде, въ Угры, а Изяславъ у Рускую землю въ область Кіевскую.» [20] При описаніи спора, возникшаго въ 1183 между однимъ изъ Князей Кіевскихъ земель и другимъ изъ земель Черниговскихъ, лѣтописецъ отличаетъ перваго именемъ Рускаго Князя: «Володимеръ же Глѣбовичь (Кіевской области), посла ко Игореви, прося у него ѣздити напереди полкомъ своимъ; Князѣ бо Русціи удалѣ бяхуть напереди ѣздити въ Руской земли; Игорь же (Новгородсѣверскій) не да ему того.» [21] Новгородскій лѣтописецъ подъ 1177 годомъ отли-

---

[18] Ипатьев. 115.
[19] Ипатьев. 41.
[20] Тамъ же 69.
[21] Ипат. 127.

чаетъ также земли Владиміро-Ростовскія отъ Руси: «Въ то же время слѣпленъ бысть Мьстиславъ Князь съ братомъ Ярополкомъ отъ стрыя своего, Всеволода (Владиміро-Ростовскаго Князя), и пусти я въ Русь;» [22] а подъ 1180 и 1181 годами онъ объясняетъ, что подъ словомъ Русь имъ разумѣются земли Кіевскія: «Послаша Новгородьци къ Святославу (Кіевскому) въ Русь по сынъ.... показаша путь Володимеру Святославицю, и иде къ отцю въ Русь,» [23] т. е., въ Кіевъ, гдѣ княжилъ въ то время отецъ его, Святославъ. Подъ 1178 годомъ, описывая отъѣздъ Мстислава Ростиславича изъ Кіевскихъ земель въ Новгородъ, лѣтописецъ замѣчаетъ, что онъ: «се положи на умѣ своемъ: «Аще Богъ приведеть мя сдорового дни сія, то не могу ни како же Руской землѣ забыти.» [24]

Число. мѣстныхъ дружинъ простиралось до нѣсколькихъ тысячъ. Въ княженіе Андрея Боголюбскаго, на прим., системы: Новгородская, Владиміро-Ростовская и Рязанско-Муромская, для одного похода противъ Кіева (1174 г.), могли выставить 50 тысячъ войска, [25] но это было, конечно, далеко еще не всѣ силы ихъ; между тѣмъ, имѣя въ виду, что Тысяцкіе находились только въ главнѣйшихъ городахъ, или въ собственно, такъ называемыхъ, городахъ, слѣдовательно, въ главѣ этой огромной арміи могло быть не болѣе 6-и, или 7-ми, Тысяцкихъ, т. е., Новгородскій, Псковскій, Торжковскій, Ростовскій, Суздальскій, Муромскій, Рязанскій и, быть можетъ, Владимірскій, такъ что на каждаго Тысяцкаго круглымъ счетомъ приходилось болѣе 7 тысячъ человѣкъ. Правда, мы не принимаемъ въ семъ случаѣ въ расчетъ дружинъ собственно Княжескихъ, входившихъ также въ составъ помянутыхъ 50 тысячъ; но предположа даже (чего, послѣ сдѣланныхъ нами замѣчаній о Княжескихъ дружинахъ, нельзя допустить), что половина этого войска состояла изъ Княжескихъ дружинъ, то и въ такомъ случаѣ подъ начальствомъ каждаго Тысяцкаго было болѣе 3 тысячъ. О мѣстныхъ и Княжескихъ дружинахъ Черниговской, Полоцкой и Галицкой системъ, мы хотя не имѣемъ подобнаго рода свѣдѣній, но, обращая вниманіе на сопротивленія, которыя они оказывали въ разныя

[22] Нов. 16.
[23] Тамъ же 17 и 18.
[24] Ипат. 120.
[25] Тамъ же 109.

поры Кіеву, должно предполагать, что ихъ дружины были тоже, по тогдашнему времени, весьма значительны. Въ числѣ 9000 Полоцкой дружины, погибшей въ 1106 году въ битвѣ съ Зимѣголою, [26] послѣ замѣчаній, сдѣланныхъ уже нами, а также изложенныхъ ниже, было, безъ всякаго сомнѣнія, немного собственно Княжескихъ дружинъ. То же, кажется, мы должны сказать и о трехтысячной дружинѣ, которую Святославъ Черниговскій наскоро, въ 1067 году, собралъ противъ Половцевъ. [27] При семъ нужно замѣтить, что, кромѣ постоянной дружины, готовой во всякое время стать подъ оружіе и двигаться, по требованію чрезвычайныхъ обстоятельствъ, изъ одного мѣста въ другое, системы имѣли своихъ защитниковъ въ городскихъ обывателяхъ. Объ этѣхъ особаго рода дружинахъ, рѣдко выступавшихъ за извѣстные предѣлы, упоминается неоднократно въ лѣтописяхъ, и хотя цифрою нигдѣ не опредѣляется ихъ сила, но отъ нихъ, однако жь, много зависѣлъ ходъ оборонительной, а иногда даже и наступательной, войны. Во время княженія Всеволода Ольговича мы видимъ, на прим., что этѣ особаго рода дружины бились отчаянно, и отстояли Звенигородъ противъ соединенныхъ силъ Князя Кіевскаго; [28] въ борьбѣ Изяслава Мстиславича, противъ Князей Черниговскихъ и Долгорукаго, этѣ особаго рода дружины играли также важную роль и содѣйствовали, какъ нельзя болѣе, къ успѣшнѣйшему окончанію этой борьбы. [29] Во Владимірѣ

---

[26] Лаврент. 120.

[27] Кенигсб. 119.

[28] Ипат. 21—22. Всеволодъ (1146 г.) съвкупи братью свою.... а со Игоремъ иде... и съ Давидовычема, и съ Володимеромъ, съ Вячеславомъ Володимеричемъ, Изяславъ и Ростиславъ Мьстиславлича, сыновча его, и Святослава поя, сына своего, и Болеслава, Лядьскаго Князя, зятя своего, и Половцѣ дикѣи вси, и бысть многое множество вой, идоша... на Володимирка... идяху на конихъ и на санехъ къ городу, и пожгоша около его остръгъ первый день, а въторый день створиша вѣче Звенигородьци, хотячеся передати. И бѣ у нихъ Воевода, Володимирь мужь, Иванъ Халдѣевичъ, и загрози имъ. И начаша ся Звенигородьци оттолѣ бити безъ льсти. Видѣвъ же то Всеволодъ, нача доспѣвати, яко взяти городъ; въ третій же день приступиша вси вои ко граду, но зорямъ бишася до позднѣ вечернѣ, и зажгоша городъ въ трехъ мѣстехъ; гражане же, Божіею помощію, угасиша. Богъ же и Святая Богородица избави городъ отъ лютыя рати.

[29] Самое убіеніе Игоря, о чемъ говорится ниже, совершено было толпою, къ которой сія дружина непосредственно примыкала. Эту-то дружину Изяславъ вызывалъ къ наступательной войнѣ противъ Георгія, и она, отказавшись, подъ

на Клязьмѣ, послѣ смерти Андрея Боголюбскаго, онѣ однѣ, въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ, могли биться за Михаила Георгіевича, противъ соединенныхъ силъ земель Ростовской, Суздальской, Муромской и Рязанской. [30]

Такимъ образомъ мѣстныя дружины были несравненно многочисленнѣе и сильнѣе, нежели собственныя дружины Княжескія. Этотъ выводъ, основанный на положительныхъ данныхъ, подтверждается и другими данными. Вездѣ, гдѣ собственныя Княжескія дружины ставились во враждебныя отношенія къ дружинамъ мѣстнымъ, тамъ послѣднія почти безъ всякой борьбы одерживали верхъ надъ первыми, въ особенности же если ихъ сторону принималъ Князь, даже младшій, и присоединялъ къ нимъ свою дружину. Новгородская исторія представляетъ много подобныхъ примѣровъ; здѣсь Княжеская дружина даже была, какъ мы уже сказали, почти незамѣтна посреди дружины мѣстной. То же почти можно сказать и о собственныхъ дружинахъ Полоцкой и другихъ системъ. Пользуясь, на прим., расположеніемъ къ себѣ Дрючанъ и Полочанъ, Князь Рогволодъ явился посреди земель Полоцкихъ съ отрядомъ дружины Черниговской, и заставилъ Глѣба Ростиславича, опиравшагося единственно на свои собственныя дружины, уступить ему безъ всякаго сопротивленія Дрюцкъ, а потомъ и главный престолъ Полоцкой системы, т. е., самый Полоцкъ. [31] Точно такимъ же образомъ собственная дружина не могла поддерживать Ярополка Мстиславича противъ Василька, котораго искали и поддерживали Полочане (1132 г.), и онъ долженъ былъ безъ боя оставить Полоцкъ, въ пользу сего послѣдняго. [32] Игорь Ольговичъ и братъ его, Святославъ

предлогомъ весьма уважительнымъ, бороться съ сыномъ Мономаха, образовала огромныя войска поголовнымъ ополченіемъ въ Кіевѣ, когда оружіе должно было обратиться противъ Черниговской системы.

[30] Дружина вся, видѣвше Князя Ярополка, цѣловаша и, и утвердився крестнымъ цѣлованіемъ, ѣхаша съ нимъ къ Володимеру на Михаила. Михалко же затворився во градѣ, не сущимъ Володимерцомъ Володимерѣ; ѣхаше бяху по повелѣнію Ростовцевъ противу Князема съ полторы тысячи.... и пріѣхаша со всею силою Ростовскія земли на Михалка къ Володимеру. Много же Ростовцы зла сотвориша; приведоша бо Муромцы и Рязанцы, и пожгоша все около города, и стояша около города седмь недѣль, Володимерцы же бояхутся изъ города. Кенигсб. 257.

[31] Ипат. 82 и 83.

[32] Лавр. 132. Полочане же рекше: «Лишается насъ,» и выгнаша Святополка, а Василька посадиша Святославича.

должны были (1146 г.) спасаться бѣгствомъ съ своими дружинами изъ Кіева, когда мѣстныя дружины Кіевской системы, желая видѣть Изяслава наслѣдникомъ отцовскаго престола, поднялись за него, какъ за своего родоваго Князя, при чемъ перваго собственныя дружины не могли даже спасти отъ позорнаго плѣна. [33] Эти и подобные имъ примѣры ясно говорятъ, что собственныя дружины Князей были малочисленны, и по тому, не смотря на свою привязанность къ Князю, не смотря на храбрость свою, не могли выдержать сами по себѣ сколько ни будь дѣльной битвы: вся сила Князей заключалась въ дружинахъ мѣстныхъ и въ преданности ихъ къ нимъ. Отсюда мы выводимъ положеніе участія душевнаго; тамъ сраженіе для Князя потеряно, гдѣ нѣтъ этого участія, какъ на прим., оно потеряно было для Изяслава подъ Переяславомъ, [34] или для его брата, Ростислава, противъ Черниговскихъ Князей, [35] или же для Святополка, Михаила и Владиміра Мономаха, противъ Половцевъ. [36] Мало того, мѣстныя дружины даже не дерутся за Князя пришельца, котораго они, по необходимости, было приняли, или еще болѣе, обращаютъ противъ него оружіе, ежели только является къ нимъ желанный Князь, или имѣющій большее право надъ ними господствовать, какъ это сдѣлали Кіевляне съ Игоремъ и Святославомъ Игоревичами, [37] и потомъ съ Изяславомъ Давыдовичемъ, или Владимірцы съ Ростиславичами, при приближеніи къ первымъ Изяслава и Георгія, а ко вторымъ Михаила Георгіевича. Важныя въ семъ отношеніи данныя представляетъ исторія Владиміра Волынскаго. Изъ всего видно, что Княжество это находилось

---

[33] Ипат. 24. Это событіе изложено ниже со всею подробностію.

[34] Видно изъ всего, что часть дружинъ Кіевскихъ неохотно поддерживала первоначально войну противъ Георгія. Извѣстно, что городская Кіевская дружина отказывалась поднять оружіе противъ сына Мономаха. Переясловцы еще болѣе того не чужды были мысли имѣть Георгія Княземъ своимъ. Въ самомъ духовенствѣ, имѣвшемъ въ то время немалое вліяніе на направленіе мыслей, замѣтно желаніе не допустить Изяслава до битвы съ дядей.

[35] Ростиславъ далъ Черниговскимъ Князьямъ битву противъ желанія нѣкоторыхъ Кіевлянъ и въ то время, когда онъ самъ, какъ выражается лѣтописецъ, не утвердился въ имѣніи другихъ.

[36] Между дружинами, выступившими противъ Половцевъ, былъ разладъ: одни полагали ударить на непріятеля, другія остаться за рѣкой и только угрожать нападеніемъ: Великій Князь принялъ совѣтъ первыхъ.

[37] Эти отношенія объяснены ниже.

къ Кіеву почти въ тѣхъ же отношеніяхъ, въ какихъ находились пригороды къ городу, и дѣйствовало долгое время согласно съ волею Кіева, такъ что назначаемые въ него Князья въ своихъ противодѣйствіяхъ Кіеву или вовсе не находили отвѣта между Волынцами, или отвѣтъ весьма слабый, и по этому Князья Кіевскіе располагали долго этимъ престоломъ по своей волѣ. Такъ, на прим., Ярополкъ Изяславичъ рѣшился дѣйствовать противъ Кіева, но Волынцы не оказали ни малѣйшаго сопротивленія Мономаху, посланному предупредить Ярополка, въ его непріязненномъ движеніи, и Ярополкъ, конечно, предугадавъ подобную развязку, долженъ былъ бѣжать, а собственная его дружина сдаться Мономаху безъ боя. [38] Въ тѣ же отношенія ставили себя Волынцы къ Давиду Игоревичу и Ярославу, во время вражды ихъ противъ Кіева. Такимъ образомъ все убѣждаетъ насъ, что Мстиславъ одержалъ побѣду надъ Ярославомъ совершенно при подобныхъ же условіяхъ, при какихъ Михаилъ и Всеволодъ Георгіевичи одержали надъ Ростиславичами: послѣднихъ, т. е., Всеволода и Михаила поддерживала вражда Владимірцевъ противъ Ростовцевъ, а Мстислава—стремленіе Черниговцевъ сбросить съ себя владычество Кіевлянъ. Развязка борьбы Ярослава съ Мстиславомъ служитъ новымъ тому доказательствомъ: Мстиславъ побѣдитель не ищетъ Кіева, а довольствуется самобытностію Черниговскаго Княжества. Но вотъ и еще одно новое доказательство: Изъ сказаній лѣтописца нигдѣ не видать, чтобъ Тьмутаракань, это маленькое Княжество, или при Ярославѣ, или послѣ него, принадлежало Кіеву, какъ законное его владѣніе, а, напротивъ, видно, что Черниговъ имѣлъ постоянно на него свои притязанія. Святославъ Черниговскій притязалъ, и силой посадилъ тамъ сына своего, Глѣба, хотя другой Князь, обдѣленный соперникъ Глѣба, по удаленіи Святослава, успѣлъ, съ своею дружиною, изгнать его оттуда. Другіе дѣти Святослава, послѣ его смерти, долгое время княжили также въ Тьмутаракани, и при томъ одинъ изъ нихъ явно противъ желанія Кіева. Въ самомъ Словѣ о полку Игоревѣ проглядываетъ также притязаніе Князей Черниговской системы на Тьмутараканское Княжество: это, по сознанію пѣвца XII столѣтія, было одною изъ побудительныхъ причинъ Иго-

[38] Лаврент. 88.

рева похода на Половцевъ. [39] Если Тьмутаракань составляла собственно достояніе Черниговской системы, то Славянская дружина, окружавшая Мстислава, Князя Тьмутараканскаго, могла быть собрана въ ней же, и эта-то дружина могла указать ему на Черниговъ, какъ на срединный городъ, который, съ подвластными ему, желаетъ видѣть его своимъ Княземъ, для того чтобъ сбросить съ себя опеку Кіева. По этому, самыя слова Мстислава, коими онъ выразилъ радость, что дружина его цѣла, а пали, съ его стороны, одни только Сѣверяне, имѣютъ совершенно другой смыслъ, нежели какой можно было придать имъ съ перваго раза: они указываютъ только на отдѣльность Княжеской дружины, на особую любовь его къ ней, и ни мало не указываютъ на ненависть его къ Сѣверянамъ. Да и могъ ли онъ ненавидѣть ихъ, когда они искупили ему своею кровію престолъ Черниговскій?

Со смертію Мстислава Черниговская система подпала снова подъ власть Ярослава, а, съ тѣмъ вмѣстѣ, и подъ власть Кіева; внутренняя жизнь ея, въ продолженіи всего княженія Ярослава, остается не извѣстною; но съ смертію его Черниговъ, подобно Кіеву, получаетъ, въ лицѣ Святослава, новаго Князя, и снова высказываются непріязненныя отношенія между нимъ и Кіевомъ. Не подлежитъ сомнѣнію въ исторіи Изяслава Ярославича, что Бояре держали его сторону; но въ нижнемъ слоѣ городскаго народонаселенія была сторона, противная ему, которая показалась послѣ разбитія его и союзныхъ силъ другихъ Князей Половцами, и которая думала найти покровъ въ, заключенномъ въ то время въ Кіевѣ, Полоцкомъ Князѣ, Всеславѣ, освобожденіе котораго изъ темницы понудило Изяслава бѣжать къ Королю Польскому, Болеславу, для того, чтобъ съ его силами снова водвориться въ Кіевѣ и казнить виновниковъ мятежа. Эта сторона, при приближеніи съ Польскими дружинами Изяслава, съ бѣгствомъ Всеслава, обращалась къ Свя-

[39] «Дивъ кличетъ връху древа, велитъ послушати землѣ незнаемѣ, Вългѣ, и Поморію, и Посулію, и Сурожу, и Корсуню, и тебѣ, Тьмутараканьскій блъванъ... Се бо два сокола слѣтѣста съ отня стола злата поискати града Тьмутараканя, а любо испити шеломомъ Дону.» Эти два мѣста изъ Слова о полку Игоревѣ обратили на себя вниманіе и Г. Погодина, но онъ сдѣлалъ изъ нихъ совершенно другое приложеніе, именно: воспользовался ими для того, чтобъ опредѣлить географическое положеніе Тьмутаракани. См. «Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи М. Погодина,» томъ III, стр. 150 и слѣд.

тославу и Всеволоду, двумъ другимъ сыновьямъ Ярослава, призывая ихъ въ Кіевъ; но ея просьба была безуспѣшна, и многіе изъ нея были казнены еще сыномъ Изяслава, вступившимъ, съ передовымъ полкомъ отца, въ Кіевъ. Пользуясь этимъ нерасположеніемъ къ старшему брату, и подущаемый, безъ сомнѣнія, дружиною Черниговскою, которая, конечно, немедленно же примкнула къ его собственной младшей Кіевской дружинѣ, какъ немедленно примкнули Володимерцы къ Михаилу и Всеволоду, желая освободиться изъ опеки Ростовской, Святославъ склонилъ на свою сторону Всеволода, двинулся на Кіевъ, заставилъ Изяслава бѣжать вторично, и завладѣлъ Кіевскимъ престоломъ. Самъ лѣтописецъ говоритъ [40] объ этой враждѣ весьма кратко, выставляя причиною ея просто желаніе Святослава имѣть большую власть или волость (владѣніе), и боязнь, что Изяславъ замышляетъ изгнать его изъ Черниговскихъ земель, чтобъ самому завладѣть ими, но сущность дѣла ведетъ насъ непосредственно къ сдѣланному нами выводу, по крайней мѣрѣ, относительно дружины Черниговской. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что занятію Кіевскаго престола благопріятствовало Святославу одно важное, постороннее въ семъ случаѣ, обстоятельство; это то, что собственная его дружина, съ которою онъ отправился на княженіе въ Черниговъ, была составлена посреди земель Кіевскихъ, и, слѣдовательно, онъ чрезъ нее не отчуждался отъ Кіева, а, напротивъ, былъ близокъ къ нему, былъ родной ему Князь; но, за всѣмъ тѣмъ, и содѣйствіе къ тому Черниговской дружины неоспоримо: оно было самое живое; ибо, въ противномъ случаѣ, Святославъ, даже при помощи со стороны Всеволода, встрѣтилъ бы сильный отпоръ въ своихъ замыслахъ со стороны Изяслава, какъ это должно заключать изъ изложеннаго нами на счетъ силъ Княжескихъ и мѣстныхъ дружинъ; но объ этомъ отпорѣ лѣтописецъ не упоминаетъ: Изяславъ Ярославичъ бѣжитъ предъ Святославомъ, подобно тому, какъ бѣжитъ Изяславъ Мстиславичъ, любимецъ Кіевлянъ, предъ Георгіемъ Всеволодовичемъ, послѣ Переяславской битвы. Конечно, это бѣгство Изяслава и свободное занятіе Святославомъ Кіевскаго престола, можно

[40] Святославъ же бѣ начало выгнанью братню, желая болшее власти; Всеволода бо прелсти, глаголя: «Яко Изяславъ сватится со Всеславомъ (Полоцкимъ), мысля на наю; да аще не варивѣ, имать насъ прогнати.» Лавр. 78.

бы было объяснить отчасти, за нѣсколько только лѣтъ предшествовавшимъ описываемому нами событію, жестокимъ пораженіемъ дружинъ Кіевскихъ Половцами, но, во всякомъ случаѣ, сидя на Кіевскомъ престолѣ, Святославъ оставался представителемъ Черниговской системы и былъ не любимымъ Княземъ для высшаго сословія въ Кіевѣ. Если къ нему расположена была низшая часть Кіевскаго народонаселенія, какъ это можно предполагать, то нерасположеніе къ нему Кіевской Боярской дружины темно уже высказывается въ слѣдующихъ словахъ лѣтописца, гдѣ сей послѣдній, съ видимымъ недоброжелательствомъ, говоритъ о судьбѣ Князя Черниговскаго: «Придоша сли (1075 г.) изъ Нѣмецъ къ Святославу; Святославъ же, величаяся, показа имъ богатство свое; они же, видѣвше безчисленное множество, злато, и сребро, и паволоки, и рѣша: «Се ни во что же есть; се бо лежитъ мертво; сего суть кметье луче: мужи бо ся доищють и болше сего.» Сице ся похвали Іезекій, Царь Іюдейскъ, къ посламъ Царя Асурійска, его же вся взята въ Вавилонъ.» Тако и по его смерти все имѣнье разсыпася разно. [11] Сверхъ того, если бъ Святославъ былъ желанный Князь подвижной или Боярской Кіевской дружины, тогда бы прахъ его остался между Кіевлянами; но этого мы не видимъ, а, напротивъ, лѣтописецъ положительно говоритъ, что онъ похороненъ былъ не въ Кіевѣ, а въ Черниговѣ; [12] слѣдовательно, онъ былъ представителемъ Черниговцевъ, сидя даже на Кіевскомъ престолѣ. Это послѣднее доказательство весьма важно; ибо Святославъ, воспитанный въ Кіевѣ, при общей любви Князей къ сему городу, даже взросшихъ внѣ его, не могъ любить Черниговъ болѣе, нежели Кіевъ, и желать, чтобъ прахъ его лежалъ въ первомъ изъ сихъ городовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что его перенесла туда, окружавшая его въ Кіевѣ, дружина Черниговская, подобно какъ былъ перенесенъ въ родной свой городъ сынъ Святослава, Глѣбъ, убитый въ Заволочьи, [13] или какъ перенесенъ былъ изъ Владиміра въ Городецъ (1304 г.) прахъ Андрея Александровича, Великаго Князя Владимірскаго, изъ Владиміра, который, изъ своего

---

[11] Лавр. 85.

[12] Тамъ же. «Сего же лѣта (1076) преставися Святославъ, сынъ Ярославль, мѣсяца Декабря 27, отъ рѣзанья желве, и положенъ Черниговѣ, у Святаго Спаса.

[13] Тамъ же. Въ се же лѣто (1178) убьенъ бысть Глѣбъ, сынъ Святославль, въ Заволочьи... его же тѣло положено бысть Черниговѣ, за Спасомъ.

Городца, опираясь на помощь Монгольскую, можно сказать, завоевалъ для себя Владимірское Княжество и съ своими Боярами господствовалъ тамъ. [44] Самая боязнь Святослава, чтобъ Изяславъ не изгналъ его изъ земель Черниговскихъ, о чемъ мы уже упомянули выше, говоритъ, хотя темно, о стремленіи Кіева господствовать надъ этими землями по прежнему.

Идемъ далѣе. Послѣ смерти Святослава замѣтно ли какое ни будь нерасположеніе Кіевлянъ къ Изяславу, возвратившемуся вновь въ Кіевъ? Въ низшемъ слоѣ оно продолжалось, это правда, хотя объ этомъ лѣтописецъ и не говоритъ прямо; но все остальное, въ особенности Бояре, принадлежали ему душой, и ихъ дружина бьется за Князя бодро и увлекаетъ за собой въ битву противъ Черниговцевъ даже недовольную толпу народонаселенія, заставляетъ ее уже совершенно забыть свое неудовольствіе, послѣ того какъ Изяславъ сложилъ свою голову въ борьбѣ съ Черниговцами, и горько оплакали смерть его. [45] Черниговцы поддерживаютъ дѣтей Святослава, и не хотятъ признать своимъ Княземъ Кіевскаго же Великаго Князя. Всеволодъ было занялъ Черниговъ, но Черниговцы не поддержали его, а, напротивъ, поддались Святославичамъ. Когда Изяславъ двинулся, въ слѣдъ за тѣмъ, войною противъ Чернигова, желая подчинить его вновь Всеволоду, дѣтей Святослава не было въ это время въ Черниговѣ, но Черниговцы сами не думаютъ, однако жь, слушать воли Кіевскаго Князя и принять отъ него вновь Всеволода, а, напротивъ, защищаютъ права дѣтей Святослава: «Черниговци затворишася въ градѣ, Олегъ же и Борисъ не бяста. Черниговцемъ же не отворившимся, приступиша ко граду; Володимеръ же (сынъ Всеволода или Мономахъ) приступи ко вратомъ всточнымъ отъ Стреженья, отя врата, и отвориша градъ околній, и пожгоша й, людемъ же вбѣгшимъ въ дънѣшній градъ.» [46] Относительно силъ Изяслава, двинувшихся противъ Бориса и Олега, лѣтописецъ гово-

---

[44] Ист. Госуд. Россійск. томъ III, стр. 165. Новгор. лѣт. 68.

[45] Лавр. 86. И вземше тѣло его, повезоша и въ лодьи, и поставиша противу Городьцю: изыде противу ему весь городъ Кыевъ, и, възложивше тѣло его на сани, повезоша и съ пѣсньми попове и черноризци понесоша и въ градъ, и не бѣ льзѣ слышати пѣнья во плачи, велицѣ вопли; плака бо ся по немъ весь градъ Кіевъ.

[46] Лавр. 68.

рить, между прочимъ: «И повелѣ сбирати вои отъ мала до велика;[47] слѣдовательно, участіе въ этой войнѣ принимала не одна собственная дружина Изяслава Ярославича, а вся безъ исключенія дружина мѣстная, что указываетъ на полную готовность Кіевлянъ къ этой войнѣ, на ихъ враждебныя отношенія къ Черниговцамъ, и на упорное сопротивленіе, которое Князь Кіевскій надѣялся встрѣтить въ сихъ послѣднихъ, и которое онъ на самомъ дѣлѣ[48] встрѣтилъ.

Надежда на этотъ разъ, однако жь, обманула Черниговцевъ. Соединившись съ Половцами, Олегъ и Борисъ дали кровавую битву, рѣшившуюся въ пользу Кіева: Борисъ былъ убитъ; Олегъ съ остатками бѣжалъ въ Тьмутаракань; сами Кіевляне потеряли въ этой битвѣ своего Князя; но Черниговская система, лишившись своихъ представителей, въ лицѣ дѣтей Святослава, не рѣшилась продолжать борьбы, и снова подчинилась Кіеву. Это было въ 1078 году. Послѣ того Всеволодъ Кіевскій, заступившій мѣсто Изяслава Ярославича, назначилъ надъ Черниговской системой главою сына своего, Владиміра. Что происходило въ это время до 1094 года въ Черниговѣ, лѣтописецъ не говоритъ ни слова; но пѣвецъ о полку Игоря Святославича говоритъ, что крамола преслѣдовала Олега; что Олегъ мечемъ ковалъ эту крамолу, подобно Мстиславу Тьмутараканскому, и какъ въ лицѣ Мстислава сосредоточилась тревога и гроза противъ Ярослава Великаго, та же собиралась тревога и гроза вновь въ лицѣ Олега: и Владиміръ Мономахъ по вся дни закладывалъ уши, чтобъ не слышать того, что раздавалось вокругъ него и готовилось грянуть изъ Тьмутаракани. Въ 1094 году, пользуясь совершеннымъ пораженіемъ Всеволода Половцами, является снова Олегъ съ наемными Половцами, пустошитъ земли Черниговскія, а Владиміръ Мономахъ уступаетъ ему Черниговъ. По чему же? По чему безъ битвы? По чему Черниговцы, если только желали видѣть у себя Князя отъ Кіева, по чему они ни сколько не поддерживаютъ его? Самъ Владиміръ Мономахъ, въ своемъ Завѣщаніи, говоритъ, что онъ не хотѣлъ дальнѣйшею борьбою съ Олегомъ губить Христіянъ, и мы не можемъ не вѣрить въ его высокую любовь къ народу Русскому, къ землѣ Русской; но

---

[47] Тамъ же.
[48] Тамъ же.

это, однако жь, ни сколько не противорѣчитъ сдѣланному нами указанію на тревожное состояніе Чернигова и на желаніе его видѣть на своемъ престолѣ сына собственнаго своего Князя, а не Князя отъ Кіева. Владиміръ замѣчалъ ковы Черниговцевъ: «Владиміръ по вся утра уши закладаше въ Черниговѣ;» видѣлъ стремленіе Черниговцевъ сбросить опеку Кіева, полную невозможность, при тогдашнемъ пораженіи ихъ Половцами, задержать это стремленіе, и, спасая подданныхъ отъ безполезнаго кровопролитія, уступилъ Черниговцамъ—далъ имъ желаннаго ими Князя. Борьба, однако жь, не кончилась: дѣти Святослава снова были стѣснены и бѣжали на Сѣверъ, удерживаясь, впрочемъ, одинъ на предѣлахъ Черниговской системы, а другой даже въ отдаленныхъ границахъ самой Черниговской системы; однако жь, тотъ и другой возвращаются все таки въ земли Черниговскія, продолжаютъ быть представителями этой системы, и утверждаются въ ней прочно, безъ всякаго уже содѣйствія со стороны Половцевъ. Это, скажутъ, быть можетъ, нѣкоторые, устроено было самимъ же Владиміромъ Мономахомъ, и я не спорю противъ этого. Но не уже ли этотъ мудрый Князь, этотъ геній древней Руси, дѣйствовалъ на обумъ? Уже ли онъ, возвращая Черниговской системѣ ея собственныхъ Князей, возвращалъ чрезъ это Князьямъ симъ только ихъ отцовское состояніе? Если бъ Черниговская система сливалась совершенно съ Кіевомъ, я не полагаю, чтобъ подобное могло случиться; не полагаю, чтобъ Черниговцы лили охотно кровь свою, въ борьбѣ съ Кіевомъ, какъ они лили до того и послѣ того, если бъ они желали видѣть въ Кіевскомъ Князѣ своего собственнаго Князя. Кіевъ уже два раза обнаруживалъ рѣшительное стремленіе исключить дѣтей Святослава изъ Черниговской системы; слѣдовательно, права ихъ на отцовскій удѣлъ не были признаваемы въ Кіевѣ, а по этому не права ихъ, или, по крайней мѣрѣ, не одни права ихъ, возвратили имъ Черниговскую систему. Гдѣ же скрывалась истинная сила дѣтей Святослава противъ Кіева? Самый Черниговъ, когда бы онъ, принимая къ себѣ на княженіе дѣтей Святослава, не былъ привязанъ къ нимъ, не боролся бы за нихъ, какъ не боролся за Всеволода, а потомъ за Владиміра Мономаха; но мы уже сказали, что онъ, не имѣя дѣтей Святослава въ стѣнахъ своихъ, боролся за нихъ. Слѣдовательно, силы Давида и Олега Святославичей скрывались въ томъ же источникѣ, гдѣ скрывались силы Мстислава

Тмутараканскаго, т. е., въ самой же Черниговской системѣ. Дальнѣйшая исторія предлагаетъ намъ, для полнаго убѣжденія въ этомъ, болѣе положительныя данныя.

Напрасно же, повторимъ мы еще разъ, предполагать, что Мстислава поддерживали полчища Козаръ, а Святославичей—полчища Половцевъ, и что на нихъ-то главнымъ образомъ опирались надежды этихъ Князей, завладѣть Черниговскими землями: нѣтъ, если бъ они не были желанными Князьями для Черниговцевъ, Черниговцы не поддерживали бы ихъ, а, по удаленіи Половцевъ, они имѣли бы въ земляхъ Черниговскихъ однихъ только враговъ, которые, признавъ Кіевскихъ Князей своими властителями, двинулись бы, подъ предводительствомъ ихъ, вмѣстѣ съ Кіевлянами и другими дружинами Князей Кіевскихъ, и они рано, или поздно, должны бы были отказаться отъ земель Черниговскихъ и отъ притязаній на нихъ, подобно тому, какъ потомки Святослава, въ томъ числѣ помянутые нами предъ симъ, должны были отказываться отъ притязаній на Кіевскую систему, которая, въ свою очередь, отталкивала отъ себя Князей постороннихъ системъ; но ни чего подобнаго мы не замѣчаемъ, а, напротивъ, Черниговцы дружно стоятъ за Князей своихъ, борются за нихъ, подвергаются всѣмъ невзгодамъ самой страшной, опустошительной, войны, и отстаиваютъ права своихъ властителей. Слѣдовательно, не полчища Козаръ и Половцевъ могли поставить Черниговцевъ въ то затруднительное положеніе, чтобы они, приведенные въ страхъ, приняли, противъ желанія своего, и Мстислава Удалаго, и Святославичей, а они приняли и отстаивали ихъ по собственному своему желанію. Это такъ ясно, что нельзя даже ожидать противъ сего какихъ либо возраженій. Правда, мы встрѣчаемъ въ лѣтописи одно показаніе, которое даетъ настоящему предмету другой видъ, другое значеніе, но только въ такомъ случаѣ, если разсматривать его въ отдѣльности. Извѣстно, что Олегъ Святославичъ, при вторичномъ своемъ движеніи къ Чернигову, отдалъ окрестности Чернигова на расхищеніе Половцамъ, а по тому можно бы было полагать, что онъ имѣлъ самъ нерасположеніе къ Черниговцамъ; да и дѣйствительно, онъ имѣлъ его, но, безъ сомнѣнія, не за то, что Черниговцы не хотѣли имѣть его своимъ Княземъ, считая Князей Кіевскихъ своими законными властителями, а за то, что они потерпѣвъ пораженіе, страшились Кіевскихъ Князей и вторично

5

крѣпко не возстали за него, ихъ родоваго Князя. Такъ мы должны понимать настоящее событіе, при соображеніи всего выше изложеннаго; а для подтвержденія нашего взгляда, мы можемъ представить другое подобное же событіе. Въ 1167 году Стародубцы желали имѣть своимъ Княземъ Олега, внука Олега Святославича, и звали его къ себѣ, но Ярославъ предупредилъ Олега и занялъ Стародубъ своими дружинами, такъ что Олегъ, выступивши къ сему городу, долженъ былъ вернуться безъ успѣха; но, на возвратномъ пути, конечно, недовольный за бездѣйствіе Стародубцевъ, удовлетворяя гнѣву своему, полонилъ ихъ землю; а не за ихъ измѣну, по тому что лѣтописецъ прямо говоритъ, что Стародубцамъ, окруженнымъ дружинами Ярослава, не возможно было привести въ исполненіе своего желанія и принять къ себѣ Олега: «Олегъ же поѣха къ Стародубу: Стародубци бо прислалися бяху ко Олгови; упереди помочь Ярославля въ городъ, и горожаномъ нельзѣ бо мысли своея створити, Олегъ же, воротяся опять, гнѣва (ради), много вза въ полонъ.» [49]

Разсматривая борьбу Черниговскихъ Князей съ Кіевскими, конечно, нельзя не замѣтить, что она вытекала не изъ одного источника; по крайней мѣрѣ, такъ мы можемъ сказать въ отношеніи Чернигова; но гдѣ она принимаетъ оттѣнокъ упорной войны, тамъ вездѣ сталкиваются двѣ племенныя, или областныя, личности, взаимно отталкивающіяся другъ отъ друга. Не Черниговцы стремились, въ послѣдствіи, насильно подчинить себѣ Кіевлянъ, а Князья Черниговскіе: въ этомъ нельзя сомнѣваться; и по тому борьба ихъ за Кіевъ не имѣетъ свойства дѣльнаго, рѣшительнаго. Всеволодъ Ольговичъ, по стеченію особыхъ обстоятельствъ, безъ битвы, отнялъ Кіевъ у добраго, но слабаго, не воинственнаго, Вячеслава; за то почти безъ битвы и братья Всеволода, Игорь и Святославъ, потеряли Кіевъ. Изяславу Давыдовичу, подобно какъ Всеволоду, такъ же не полчища, собранныя посреди земель Черниговской системы, а случайныя обстоятельства, пролагали три раза путь къ Кіевскому престолу, и, въ слѣдствіе того, онъ такъ легко каждый разъ терялъ этотъ престолъ. Подобное можно сказать и о Святославѣ Всеволодовичѣ. Не тотъ видъ имѣла война, гдѣ дѣло касалось до областной самобытности земель Черниговской

[49] Ипат. 93.

системы. Мы видѣли уже, какъ упорно дрались Сѣверяне за Мстислава Удалого; видѣли, какое сопротивленіе ожидали встрѣтить Князья Кіевскіе въ войнѣ съ Святославичами.

Но нигдѣ, въ продолженіи всей исторіи, не высказалась съ такою ясностію развиваемая нами мысль объ отношеніи Чернигова и другихъ частей Государства къ Кіеву, какъ послѣ смерти Всеволода Ольговича.

Здѣсь опять мы приходимъ къ событію, на которое Гг. Погодинъ и Соловьевъ смотрятъ совершенно иначе: мы будемъ говорить о значеніи Изяслава Мстиславича, въ отношеніи современныхъ ему Князей.

Отдѣльность и областная самобытность Кіевской системы, въ борьбѣ Изяслава противъ Георгія.

Г. Погодинъ и, въ слѣдъ за нимъ, Г. Соловьевъ (котораго труды суть не что иное, какъ развитіе же мыслей Погодина, хотя болѣе подробное и съ явнымъ отступленіемъ отъ историческихъ событій, что первый рѣдко себѣ позволялъ) утверждаютъ, что главная опорная точка притязаній Изяслава Мстиславича на Кіевъ и самого владѣнія имъ Кіевомъ скрывалась въ одномъ изъ коренныхъ законовъ системы удѣловъ, въ мысли, по коей старѣйшій, по тогдашнимъ понятіямъ, Князь дѣлался Великимъ Княземъ, главою другихъ Князей. Откуда могла зародиться подобная мысль, даже представить себѣ трудно: всѣ событія говорятъ положительно и ясно противъ нея. Основная ошибка изслѣдованій того и другого, въ особенности Г. Соловьева, заключается въ одномъ страшномъ противорѣчіи: они видятъ семейное начало въ отношеніи удѣльныхъ Князей къ Князю Великому, и не признаютъ, не хотятъ видѣть, того же семейнаго начала въ общественной или государственной жизни всего народа, какъ будто одно безъ другого могло существовать. Отъ этого-то Г. Соловьевъ, предавшись всей душой понятіямъ Г. Погодина, вообще весьма вѣрнымъ въ основаніяхъ, и идя тѣмъ же путемъ, какъ его наставникъ, дошелъ, наконецъ, до самаго уродливаго вывода, о существованіи удѣльной системы только въ понятіи Князей, а не въ дѣйствительной жизни самаго народа, такъ что распаденіе Государства на части, по его мнѣнію, исходитъ единственно или главнѣйшимъ образомъ, изъ тѣхъ семейныхъ отношеній Князей, по коимъ каждый потомокъ Княжескаго рода долженъ имѣть свою долю

въ Государствѣ, на правахъ самобытнаго властителя въ своей части и болѣе, или менѣе, зависимаго отъ Князя Великаго въ дѣлахъ внѣшнихъ.

Исторія Изяслава Мстиславича послужитъ для насъ новымъ и рѣзкимъ доказательствомъ нашей мысли, что распаденіе Государства на части крылось какъ въ семейныхъ отношеніяхъ самыхъ Князей, такъ преимущественно въ семейномъ или племенно-областномъ началѣ, которое было главнѣйшимъ двигателемъ всѣхъ тогдашнихъ общественныхъ отношеній.

По праву старѣйшинства, которымъ опредѣлялись отношенія Князей между собою, Изяславъ не имѣлъ ни малѣйшаго права на Кіевскій престолъ, по тому что онъ имѣлъ въ живыхъ дядей своихъ, Вячеслава и Георгія. Доводы Г. Погодина о томъ, что племянникъ, въ иныхъ случаяхъ, могъ считаться старше дядей, въ настоящемъ случаѣ не имѣютъ ни малѣйшаго примѣненія: ни самъ Изяславъ, ни кто изъ современниковъ, не признавалъ его старшимъ въ родѣ. Кіевляне говорили (1147 г.) Изяславу: «Княже! Не ходи на стрыя своего (Георгія), лѣплѣ ся съ нимъ улади!» [50] и Изяславъ не возражаетъ имъ ни слова на счетъ старѣйшинства Георгія. Ростиславъ Мстиславичъ, родной братъ Изяслава, убѣждалъ не разъ сего послѣдняго, чтобъ онъ оставилъ вражду противъ старѣйшаго Князя и положилъ честь на Вячеслава, т. е., какъ старѣйшаго, возвелъ бы его на Кіевскій престолъ, и самъ Изяславъ раздѣлялъ мнѣніе брата своего о старѣйшинствѣ предъ нимъ Вячеслава, какъ это видно изъ собственныхъ его словъ, сказанныхъ имъ (1158 г.) чрезъ посла Ростиславу: «Ты ми еси, брате, много понуживалъ, яко же положити честь на стрыѣ своемъ и на отци своемъ» (Вячеславѣ). [51] Свидѣтельства Вячеслава и Георгія по настоящему предмету служатъ къ подтвержденію того же самаго. Ихъ можно бы было привести много, но вотъ одно изъ нихъ, которое положительно говоритъ, что Георгій и Вячеславъ считали Изяслава младшимъ: «Поѣди къ брату, Гюргеви, брата отъ мене цѣлуй, и тако молви брату моему,» говорилъ Вячеславъ, отряжая посла къ Георгію для мирныхъ переговоровъ: «Изяславъ, ѣда биться съ Игоремъ (чтобъ лишить его Кіевскаго престола), тако молвить: «Азъ Кіева не собѣ

[50] Ипатьев. 31.
[51] Ипатьев. 58.

ищу, но оно отецъ мой, Вячьславъ, братъ старѣй, а тому его ищу.» А ты пакы, брате, поѣда съ Изеславомъ баться, тако же молвиши: «Азъ Кіева не собѣ ищю; оно у меня братъ старѣй, Вячьславъ, яко и отець мнѣ, и тому его ищю.» И то мы еси (Георгій) молвилъ: «Противу моложьшему не могу ся поклонити» (т. е., Изяславу). Се же нынѣ, добывъ Кіева, и поклонилъ ми ся, и честь на мнѣ положилъ, и въ Кіевѣ мя посадилъ, и отцемъ мя назвалъ, а язъ его сыномъ, дажь еси реклъ: «Моложьшему ся не поклоню!» Да се язъ тебе старѣй есмь не маломъ, но многомъ: азъ уже бородатъ, а ты ся еси родилъ.»[52] Слѣдовательно, мнѣніе Г. Погодина о старѣйшинствѣ Изяслава исторически ошибочно. и Изяславъ стремился завладѣть Кіевскимъ престоломъ, и завладѣть имъ не по праву старѣйшинства. Г. Соловьевъ, чтобъ объяснить болѣе событіе, впадаетъ, сверхъ того, еще въ другое ложное показаніе, что будто бы Кіевляне ненавидѣли Георгія. Подобное предположеніе не имѣетъ ни одного прямаго свидѣтельства, а, напротивъ, вездѣ изъ лѣтописей видно расположеніе къ Георгію Кіевлянъ, ненависти же къ нему нѣтъ слѣдовъ. Переяславцы, которые съ своимъ Княжествомъ составляли часть Кіевской системы, постоянно почти желали видѣть его своимъ Княземъ.[53] Кіевляне, предъ задуманнымъ походомъ на Георгія (1147 г.), уговаривали Изяслава, чтобъ онъ не велъ ихъ противъ Георгія, по тому что ихъ руки не подымутся на него;[54] они же, послѣ битвы Переяславской, гдѣ Изяславъ былъ разбитъ, не безъ радости, какъ говоритъ лѣтопись, приняли на престолъ свой Георгія.[55] Гдѣ же эта ненависть, о которой говоритъ Г. Соловьевъ? Ея нѣтъ. Но что Кіевляне предпочитали, однако жь, Изяслава, это дѣло другого рода; и Кіевляне имѣли

---

[52] Ипатьев. 61.

[53] Въ 1149 году они говорили: «Гюрги намъ Князь свой, того было намъ искати и далече.» Ипат. 44. Въ 1151 г., разбитый Изяславомъ на голову, Георгій сосредоточилъ остатки силъ своихъ въ Переяславлѣ, и тамъ еще три дня бился противъ Кіевскаго Князя; принужденный наконецъ удалиться оттуда въ Городокъ, онъ, по условію съ своими соперниками, оставилъ на Переяславскомъ престолѣ сына своего, Глѣба. Ипат. 65.

[54] Ипат. 31. Кіяне же рекоша: «Княже! Ты ся на насъ не гнѣвай: не можемъ на Володимире племя руки възняти, оляя же Ольговичь хотя и съ дѣтьми.»

[55] Тамъ же 45. Гюрги же поѣха въ Кіевъ, и много народа выйде противу ему съ радостію великою, и сѣде на столѣ отца и дѣда, хваля и славя Бога.

къ тому, какъ мы объяснимъ это ниже, полныя основанія, которыя покоились въ томъ же самомъ началѣ, изъ котораго возникала мысль о правахъ старѣйшаго въ родѣ Княжескомъ и изъ котораго разовьется въ послѣдствіи мысль о самодержавіи.

Обращаемся къ отношеніямъ Изяслава къ Ольговичамъ. Для опредѣленія этихъ отношеній, мы имѣемъ полныя историческія данныя. На счетъ старѣйшинства Ольговичей лѣтописецъ нигдѣ не упоминаетъ, рѣзко обозначая, однако жь, что потомки Святослава Ярославича ни въ какомъ случаѣ не хотятъ отказаться отъ правъ своихъ на Кіевъ, между прочимъ подъ предлогомъ, что они не Ляхи, а происходятъ отъ одного Княжескаго рода съ Мономаховичами; слѣдовательно, не на мысли старѣйшинства въ дѣйствительности и основывались притязанія Ольговичей на Кіевъ, а на желаніи господствовать надъ Кіевомъ наравнѣ съ Мономаховичами. По этому, столкнувши Игоря и Святослава съ престола Кіевскаго, Изяславъ не нарушалъ этимъ кореннаго закона удѣльной системы относительно Ольговичей; напротивъ, онъ какъ будто принялъ на себя права Георгія, или Вячеслава, которые одни могли притяжать на Кіевъ, наказалъ властолюбивыхъ, утвердилъ вновь права своего рода, и въ этомъ предположеніи, какъ мы увидимъ ниже, много исторической истины, хотя сущность дѣла заключалась все таки совершенно въ другомъ. Взглянемъ на самыя происшествія, сопровождавшія восшествіе Изяслава на Кіевскій престолъ, и борьбу его за оный.

Послѣ смерти Всеволода Ольговича, умершаго покойно на Кіевскомъ престолѣ, по присягѣ, данной Князьями Всеволоду, долженъ былъ сдѣлаться Великимъ Княземъ Игорь Ольговичъ. Послѣдній, во время кончины Всеволода, находился въ Кіевѣ, вмѣстѣ съ роднымъ братомъ своимъ, Святославомъ, и немедленно же вступилъ въ права Великокняжескія, но Кіевъ представилъ тогда изъ себя картину общаго волненія и недовольства. Все говорило о явномъ нерасположеніи Кіевлянъ къ роду Ольговичей, зашельцевъ изъ Черниговскихъ областей и, съ своими Черниговскими дружинами какъ бы покорившихъ Кіевлянъ и лишившихъ ихъ родовыхъ Князей. Кіевляне, остановленные въ первомъ возмущеніи, давали присягу Игорю, и въ то же время (1146 г.) сносились съ Изяславомъ Мстиславичемъ, признавая его своимъ Княземъ: «И не угоденъ бысть Кіяномъ Игорь, и послащася къ Переяславлю къ Изяславу, рекуче: «Пойди, Княже, къ намъ! Хощемъ тебе.» Изяславъ предвидѣлъ подобный оборотъ дѣлъ,

и, собравъ дружину, немедленно же выступилъ къ Кіеву; но прежде нежели онъ подступилъ къ стольному городу, его встрѣтили на пути четыре новыхъ посольства съ тѣмъ же самымъ изъявленіемъ любви своей къ нему, съ зовомъ на Великокняжескій престолъ и съ изъявленіемъ полной нелюбви къ Ольговичамъ: первое посольство было отъ Черныхъ Клобуковъ и жителей Поросья; второе отъ двухъ значительныхъ городовъ Кіевскаго княженія, Василева (Василькова) и Бѣлгорода; третье снова отъ Кіевлянъ; четвертое въ частности отъ Кіевскаго Тысяцкаго Улѣба, и отъ Ивана Войтишича. [56] Всѣ съ нетерпѣніемъ ждали явленія Изяслава, для того, чтобъ сдѣлать открытое возстаніе противъ Ольговичей; и вотъ только что явился Изяславъ подъ стѣнами Кіева, Кіевская дружина, стоявшая подъ оружіемъ въ рядахъ Игоря и Святослава, немедленно же приняла отъ Изяслава Тысяцкаго, и стала подъ его Княжеское знамя, а дружина Берендѣевъ, прежде соединенія своего съ Изяславомъ, ударила на обозъ дружинъ Игоря и Святослава, и разграбила его; въ слѣдъ за тѣмъ оставляютъ Ольговичей Тысяцкій и другій главный военачальникъ, и соединяются съ Изяславомъ. Оставленные мѣстными дружинами, Игорь и Святославъ, остаются единственно лишь съ дружинами, приведенными ими изъ Черниговскихъ областей, и, видя невозможность борьбы, начинаютъ отступать отъ Кіева, но мѣстныя дружины не удовлетворяются уже однимъ изгнаніемъ Ольговичей; нѣтъ, они, вмѣстѣ съ Изяславомъ, преслѣдуютъ ихъ, губятъ ихъ дружины, и плѣнятъ самаго Игоря; хотятъ стереть всѣ слѣды владычества Черниговской дружины въ земляхъ Кіевскихъ; плѣняютъ Бояръ Черниговскихъ Князей; расхищаютъ дома, села и все имѣніе дружинъ Ольговичей: «Бояры многы изоимаша въ городѣ Кіевѣ, и тако тѣхъ на искупѣ пустиша, и розъграбиша Кияне съ Изяславомъ домы дружины Игоревы и Всеволожѣ, и села, и скоты, взяша имѣнья много въ домѣхъ и въ манастырѣхъ.» [57]

Вотъ событія, сопровождавшія восшествіе Изяслава на Кіевскій престолъ. Изъ нихъ открывается, что не старѣйшинство возводитъ Изяслава на Кіевскій престолъ, не собственная его дружина, а любовь Кіевлянъ къ родовымъ своимъ Князьямъ, окруженнымъ мѣстными дружинами, и ненависть ихъ къ Ольговичамъ, какъ пред-

---

[56] Ипат. 22 и 23.
[57] Ипат. 24 и 25.

ставителямъ совершенно чуждаго имъ общиннаго начала Черниговскаго. Эта же любовь Кіевлянъ къ Изяславу, какъ къ родному Князю, и ненависть ихъ къ началамъ чуждымъ, поддерживаютъ Изяслава въ продолженіи всей борьбы противъ Святослава Ольговича, потомъ противъ двоюродныхъ его братьевъ, Давыдовичей, и наконецъ противъ самаго Георгія.

Георгія любили Кіевляне, но страшились его, какъ представителя начала Владиміро-Ростовскаго. Мы не сомнѣваемся, что поѣздка Изяслава къ Георгію, совершенная имъ во время еще княженія Всеволода Ольговича, имѣла цѣлію возбудить Георгія противъ Ольговичей, и склонить его къ принятію Кіевскаго престола; но Георгій какъ будто оставался довольнымъ своимъ Сѣвернымъ Княженіемъ, и не хотѣлъ мѣнять его на Княженіе Кіевское; по крайней мѣрѣ, онъ не обнаруживалъ рѣшительнаго притязанія на сіе послѣднее до тѣхъ поръ, пока Изяславъ, защищая Новгородъ и свои Новгородскія дани, своимъ нападеніемъ на земли Ростовскія не оскорбилъ старѣйшинства въ Георгіи и не возбудилъ нерасположеніе къ себѣ въ дружинахъ Князя Владимірскаго или Суздальскаго, т. е., не прежде, какъ по прошествіи 2-хъ лѣтъ со времени восшествія Изяслава на Кіевскій престолъ. [58] Этотъ, какъ бы безмолвный отказъ Георгія отъ престола Кіевскаго, ясно обнаруживалъ Кіевлянамъ, что онъ держится дружинъ Владиміро-Ростовскихъ болѣе, нежели дружинъ Кіевскихъ, или иначе, что онъ сдѣлался представителемъ чуждаго имъ начала, которое, по тогдашнему порядку вещей, стало бы господствовать надъ дружинами Кіевскими съ господствомъ въ Кіевѣ Георгія. Подобное заключеніе было естественно и вѣрно, по тому что Георгій, взойдя, послѣ смерти Изяслава, на Кіевскій престолъ, дѣйствительно привелъ съ собою дружины Суздальскія, которыя и возбудили въ Кіевлянахъ и нерасположеніе къ Георгію (1158 г.) и ненависть къ себѣ, жертвою которой они и сдѣлались на третій же день послѣ смерти Георгія: «И много зла створися въ тъ день: разграбиша дворъ его (Георгія) Красный, и другый дворъ его за Днѣпромъ разъграбиша, его же звашеть самъ раемъ, и Васильковъ дворъ, сына его, разграбиша въ городѣ; избивахуть Суждалци по городомъ и по селомъ, а товаръ ихъ грабяче.» [59] По этому-то Геор-

[58] Изяславъ вступилъ на Кіевскій престолъ въ 1146 году; рѣшительный же походъ Георгія противъ него относится къ 1148 году.
[59] Ипат. 81.

гію, не смотря на то, что онъ было успѣлъ разбить Изяслава и завладѣть Великокняжескимъ престоломъ въ 1149 году, чрезвычайно какъ трудно было продолжать борьбу свою противъ Изяслава. Кіевляне принимаютъ Георгія, принимаютъ, какъ сказано въ лѣтописи, съ радостію, и между тѣмъ явно предпочитаютъ ему Изяслава, какъ настоящаго природнаго, племеннаго, ихъ Князя. Когда Изяславъ, разбитый Георгіемъ подъ Переяславлемъ, прибѣжалъ, съ братомъ своимъ, Ростиславомъ, въ Кіевъ, и спросилъ Кіевлянъ: вѣрны ли они ему и Ростиславу, и могутъ ли продолжать борьбу за нихъ противъ Георгія, Кіевляне отвѣчали: «Господина наю (наши Князья!)! Поѣдита въ свои волости: вы вѣдаета, оже намъ съ Гюргемъ не ужити; аже по сихъ днѣхъ, кдѣ узримъ стяги ваю (гдѣ увидимъ знамена ваши), ту мы готовы ваю есмы.» [60] И не всуе были сказаны слова эти Кіевлянами. Бояре Кіевскіе остались вѣрными Изяславу и, вмѣстѣ съ нимъ, удалились на Волынь; [61] Волынь, которая принадлежала также системѣ земель Кіевскихъ, была предана Изяславу всей душой. При первомъ и второмъ наступательномъ движеніи изъ Волыни на Кіевъ, дружины Кіевскихъ земель изъявили Изяславу полную любовь и соединялись съ нимъ, а обыватели города выходили къ нему на встрѣчу съ поклономъ. Увѣренность Изяслава въ совершенной преданности ему Кіевлянъ была полная, и приближеніе его къ Кіеву до такой степени обрадовало ихъ, что они всѣ вышли къ нему на встрѣчу. Самое бѣгство Георгія изъ Кіева безъ битвы доказываетъ, что онъ не много надѣялся на ревность Кіевлянъ къ защитѣ его. [62] Это бѣгство замѣчательно и въ другомъ отношеніи, именно въ томъ, что Георгій не могъ получить вѣсти о движеніи на него Изяслава до тѣхъ поръ, пока тотъ не явился почти подъ стѣнами самаго Кіева, что все до крайности удивило самаго Владиміра Галицкаго, союзника Георгія, и заставило произнести замѣчательныя въ семъ отношеніи слова: «Како есть княженіе свата моего (Георгія), аже рать на нь изъ Володиміра идетъ, а како того не увѣдати; а ты, сынъ его, сѣдиши въ Пересопници, а другый въ Бѣлгородѣ (городѣ, лежащемъ на пути изъ Владиміра къ Кіеву), како того не устеречи! [63]

[60] Ипат. 44.
[61] Тамъ же 54.
[62] Ипат. 54, 55 и 56.
[63] Ипат. 56.

Но Георгій не увѣдалъ о движеніи на него Изяслава, и сыновья не устерегли его, по тому что дружины мѣстныя скрыли отъ нихъ это движеніе.

Такимъ образомъ опорная точка Изяслава въ борьбѣ съ Георгіемъ за Кіевъ была та же любовь къ нему Кіевлянъ и ненависть ихъ не къ Георгію, а къ господству въ земляхъ ихъ Суздальскаго начала, представителемъ котораго былъ Георгій. Вячеслава Кіевляне, конечно, приняли съ радостію, подобно Изяславу; но они ясно видѣли и говорили, что Вячеславу, при притязаніи потомковъ Святослава Ярославича на Кіевъ, не удержать Великокняжескаго престола, который онъ уже разъ, безъ всякой битвы, оставлялъ въ пользу Святославичей, ненавистныхъ Кіевлянамъ единственно по тому, что они были представителями Черниговскаго начала: близкое сосѣдство ихъ владѣній и постоянныя притязанія на Кіевъ внушали Кіевлянамъ постоянное опасеніе на счетъ господства ихъ надъ Кіевомъ, а, съ тѣмъ вмѣстѣ, господства ихъ дружинъ, и приводило ихъ подъ часъ даже въ отчаяніе.

Когда Изяславъ въ первый разъ замыслилъ походъ противъ дяди своего, Георгія Суздальскаго, какъ союзника Святослава Ольговича, съ которомъ должны были принять участіе Давыдовичи и Святославъ Всеволодовичъ, Князья Черниговской системы, и объявилъ объ этомъ Кіевлянамъ, сіи послѣдніе отвѣтствовали ему: «Княже! Не ходи на стрыя своего; лѣплѣ ся съ нимъ улади, Ольговичемъ вѣры не ими; ни съ ними ходи въ путь!» а когда онъ не хотѣлъ оставить своего намѣренія, Кіевляне говорили ему, что они не могутъ поднять рукъ противъ племени Владиміра Мономаха, т. е., противъ Георгія; но что если онъ откроетъ войну противъ Ольговичей, то они всѣ готовы съ своими дѣтьми ити съ нимъ противъ нихъ. [60] Предчувствіе не обмануло Кіевлянъ. Изяславъ, не внимая ихъ предостереженіямъ и совѣту, уже выступилъ изъ Кіева, какъ вдругъ, на дорогѣ къ Чернигову, получилъ извѣстіе, что всѣ Князья Черниговскіе составили противъ него союзъ съ Георгіемъ. Вѣсть эта передана была немедленно же въ Кіевъ. Ненависть Кіевлянъ горожанъ вспыхнула: они представили изъ себя картину общаго смятенія. Отъ мала до велика всѣ готовы были къ оружію, чтобъ двинуться противъ ненавистныхъ имъ Князей Черниговскихъ; но пред-

---

[60] См. выше.

метъ мести и опасеній былъ еще ближе: это несчастный Игорь Ольговичъ, плѣненный Изяславомъ, заключенный потомъ въ монастырь и наконецъ постригшійся въ монахи. Кіевляне страшатся, чтобъ, во время отсутствія ихъ, кто ни будь изъ недоброжелателей не вздумалъ возвести Игоря на Кіевскій престолъ. Они мятутся и ищутъ гибели Игоря, ни кто не въ состояніи остановить ихъ въ этомъ преступномъ намѣреніи, и Игорь погибъ подъ ихъ ударами, какъ врагъ ихъ Князя, какъ врагъ ихъ собственный: «Кіяне же рекоша: «Не мы его убили, но Ольговичъ, Давыдовича и Всеволодичь, яже мыслили на нашего Князя зло, хотяче погубити его льстію; но Богъ за нашимъ Княземъ и Св. Софія.»[65] То же говорила и дружина Изяслава, выступившая съ нимъ прежде изъ Кіева: «Княже! Богъ вѣдаеть и вси людье, яко не ты его убилъ, но убили его суть братія его, оже хрестъ къ тебѣ цѣловавше, и паки съступиша, и льстью надъ тобою хотѣли учинити и убити хотяче.»[66] Подобное же раздавалось посреди шумнаго вѣча, съ котораго Кіевляне бросились на свершеніе убійства: «Се Игорь, ворогъ нашего Князя и нашь не въ порубѣ (не въ темницѣ), но въ святѣмъ Өедорѣ, а убивше того, къ Чернигову пойдемъ по своемъ Князи: кончаемы же ся съ ними!»

Всѣ эти явленія: призваніе Кіевлянами Изяслава, изгнаніе Святослава Ольговича, плѣненіе и смерть Игоря, расхищеніе имущества дружинъ Ольговичей, полная готовность Кіевлянъ биться за Изяслава, уже изгнаннаго Георгіемъ изъ Кіева, расхищеніе потомъ, послѣ смерти Изяслава и самаго Георгія, трехъ дворцовъ, принадлежащихъ сему послѣднему и его сыну, наконецъ избіеніе Суздальцевъ, приведенныхъ Георгіемъ въ земли Кіевскія, и расхищеніе ихъ имуществъ, всѣ эти явленія, въ совокупности съ объясненными выше, кажется, достаточно доказываютъ, что Кіевская система была совершенно отдѣльная система, подобно какъ отдѣльныя системы составляли собой области Черниговскія и Ростовскія; что Кіевъ, сдѣлавшись мѣтою Князей различныхъ системъ, и страшась господства надъ собою этѣхъ системъ, стремился оттолкнуть ихъ отъ себя, а, съ тѣмъ вмѣстѣ, оттолкуть отъ себя самыхъ Князей, представителей этихъ началъ, и, подобно Черниговской си-

[65] Ипат. 34.
[66] Тамъ же стр. 35.

стемѣ, искалъ и поддерживалъ своихъ родовыхъ, племенныхъ, Князей. Въ этомъ-то стремленіи Кіевской системы и заключалась опорная точка Изяслава Мстиславича.

Мы бы могли прослѣдить до конца положеніе наше въ отношеніи полной раздѣльности началъ Кіевскаго, Черниговскаго и Суздальскаго, но планъ изслѣдованія нашего заставляетъ насъ остановиться на настоящихъ указаніяхъ, и обратить вниманіе на двѣ другія системы, входившія въ составъ древней Руси.

Отдѣльность и областная самобытность Полоцкой системы.

Почти нельзя сомнѣваться, что Полоцкая система имѣла своихъ собственныхъ лѣтописцевъ, но лѣтописей Полоцкихъ до насъ не дошло; сказанія же другихъ лѣтописцевъ объ этой системѣ кратки, отрывочны и всѣ могутъ помѣститься на нѣсколькихъ страницахъ. За всѣмъ тѣмъ мы имѣемъ достаточныя данныя къ подтвержденію того, что система эта отчуждалась болѣе, или менѣе, отъ другихъ частей древней Руси не чрезъ Князей своихъ, какъ думаетъ Г. Соловьевъ, а чрезъ духъ областной, который отчуждалъ и Князей отъ ихъ семейнаго или родоваго союза.

Выше было замѣчено, что собственныя дружины Князей были несравненно малочисленнѣе дружинъ мѣстныхъ, что онѣ не могли выдержать ни малѣйшей борьбы противъ послѣднихъ, и что подобныя отношенія были между дружинами мѣстными и Княжескими и въ Полоцкой системѣ, по крайней мѣрѣ, въ XII столѣтіи; слѣдовательно, по этому уже Князья Полоцкіе не могли бы съ своими дружинами покойно владѣть землями Полоцкими, и этѣ земли перешли бы неремѣнно во владѣніе Князей дома Ярослава, если бъ Полочане, или дружины Полоцкой системы, не слились съ ними, не поддерживали, не отстаивали ихъ. Это замѣчаніе невольнымъ образомъ пробуждается въ историкѣ при внимательномъ разсмотрѣніи отношеній Князей Полоцкихъ къ Князьямъ другихъ системъ, и въ особенности къ Кіеву. Явное нарушеніе со стороны Полоцкихъ Князей одного изъ основныхъ закона удѣловъ, о подчиненности ихъ, какъ Князей Удѣльныхъ, Князю Великому, явное стремленіе ихъ къ какой-то самобытности, независимости, не разъ ставило ихъ подъ удары союзныхъ дружинъ, бывшихъ подъ рукою

Князей Кіевскихъ, дѣлало судьбу ихъ романически несчастною, подвергало опустошеніямъ ихъ владѣнія; но они упорствуютъ въ своемъ стремленіи къ областной самобытности, и Полочане поддерживаютъ ихъ, принимаютъ на себя всѣ удары опустошительной войны, и не хотятъ разстаться съ своими Князьями, разбитыми, поруганными. Мы знаемъ, что дѣти Ярослава Великаго, Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ, должны были соединить силы свои, чтобъ подчинить Всеслава Полоцкаго, врага Великаго Князя по Новгороду. [67] Это одно обстоятельство показываетъ, что Всеслава поддерживали не одни его собственныя дружины, а дружины мѣстныя, Полоцкія. Защита Минска, видно, что была до чрезвычайности упорна, и до такой степени раздражила дружины союзныхъ Князей, что, по взятіи города, не было никому пощады: всѣ носившіе оружіе погибли подъ мечами, а жены и дѣти сдѣлались военноплѣнницы. [68] Битва съ самимъ Всеславомъ была также упорна и кровопролитна, хотя рѣшилась и не въ пользу Князя Полоцкаго: «И бысть сѣча зла, говоритъ лѣтописецъ, и мнози падоша, и одолѣша Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ.» [69] Послѣ плѣненія Всеслава, которое послѣдовало почти немедленно же за сказанной битвой, и заключенія его въ темницу въ Кіевѣ, казалось, подчиненіе Полоцкаго Княженія Кіеву было вполнѣ упрочено, особливо, если принять въ соображеніе, что сами Полочане, подобно Владимірцамъ, не ищутъ себѣ отдѣльнаго Князя, не стремятся къ болѣе, или менѣе, самобытной жизни; но исторія показываетъ совершенно противное: освобожденный, по случайнымъ обстоятельствамъ, изъ темницы, Всеславъ бѣжитъ, и одного его явленія достаточно, чтобъ онъ снова сдѣлался Полоцкимъ Княземъ. Въ 1068-мъ году, изгнавъ силою оружія Всеслава, Изяславъ успѣваетъ вторично завладѣть Полоцкимъ Княжествомъ, и даетъ Полочанамъ въ Князья собственныхъ своихъ дѣтей, сперва Мстислава, а по смерти его, Святополка; [70] но въ 1071-мъ году Всеславъ безъ бит-

[67] Лаврент. 72. Заратися (1066 г.) Всеславъ, сынъ Брячиславль, Полочьскѣ, и зая Новъгородъ; Ярославичи же тріе, Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ, совокупивше вои, идоша на Всеслава.

[68] Тамъ же. И Мѣняне затворишася въ градѣ; си же братья вяша Мѣнескъ, и исѣкоша мужи, а жены и дѣти вдаша на щиты.

[69] Тамъ же.

[70] Лаврент. 75. Изяславъ же.... прогна Всеслава изъ Полотьска, посади сына

вы снова овладѣваетъ Полоцкомъ и заставляетъ Святополка бѣжать; [71] въ томъ же году, третій сынъ Изяслава, Ярополкъ, хотя успѣваетъ одержать третью побѣду надъ Всеславомъ, [72] но этимъ, однако жь, ни сколько не упрочивается господство Кіева надъ Полоцкимъ Княженіемъ, и Всеславъ по прежнему господствуетъ тамъ, мстя за опустошеніе земель своихъ вторженіями въ земли Великокняжескія, и продолжая войну съ дѣтьми Ярослава. Кто же поддерживаетъ Всеслава въ этой борьбѣ? Онъ нигдѣ не могъ найти средствъ для нея, какъ въ стремленіи Полочанъ управляться родовымъ своимъ Княземъ и не быть въ непосредственной зависимости отъ Кіева; а бороться съ Кіевомъ было въ то время не шутка; слѣдовательно, желаніе Полоцкой мѣстной дружины имѣть своимъ Княземъ Всеслава, мѣстной дружины, которая, своею же кровію и достояніемъ, должна была отстаивать своего Князя, составляло желаніе живое, горячее. Тотъ же духъ неповиновенія и вражды въ дѣтяхъ и внукахъ Всеслава. Глѣбъ Всеславичъ не хочетъ слушать воли Владиміра Мономаха, когда сей послѣдній сидѣлъ уже на Великокняжескомъ престолѣ; мало того, воюетъ противъ него и жжетъ два города: Дреговичи и Слуцкъ, и Владиміръ, чтобъ его смирить, долженъ былъ итти на него походомъ со всѣми другими Князьями. [73] Сопротивленіе мѣстныхъ дружинъ не могло задержать этихъ страшныхъ въ то время силъ. Рша (Орша) и Копысъ были взяты приступомъ. Друцкъ, защищавшійся, вѣроятно, съ большою упорностію, сдѣлался военною добычею, т. е., тѣ, которые спаслись отъ меча, лишены были права свободы, и все имѣніе ихъ расхищено. Минскъ, еще послѣ того думалъ защищать права своего родоваго Князя, но самъ Глѣбъ рѣшается признать Мономаха старшимъ Княземъ, отцемъ, главою своей. [74] Однако жь, вліяніе мѣстныхъ дружинъ, превозмогло; нѣтъ сомнѣнія, что, съ удаленіемъ дружинъ, приведенныхъ Владиміромъ, Глѣбъ измѣнилъ своему обѣщанію; по тому что описанное нами

своего, Мстислава, Полотьскѣ; онъ же вскорѣ умре ту; и посади въ него мѣсто брата его, Святополка, Всеславу же бѣжавшю.

[71] Тамъ же. Въ се же лѣто (1077 г.) выгна Всеславъ Святополка изъ Кіева.

[72] Тамъ же.

[73] Ипат. 7. Володимеръ же.... пойде.... съ сынъми своими и съ Давыдомъ Святославичемъ и Ольговичи.

[74] Ипатьев. 7.

событіе относится къ 1116 году, а подъ 1117 годомъ мы читаемъ въ лѣтописи: «Выведе Глѣба изъ Меньска Володимеръ.» [75] Въ 1119 году Глѣбъ снова является въ Минскѣ, но опять, какъ Князь, не хотѣвшій ходить въ волѣ Великаго Князя, по тому что Владиміръ въ томъ же году идетъ на него войною, беретъ Минскъ и самаго приводитъ въ Кіевъ плѣнникомъ, гдѣ онъ и умираетъ. [76] Въ 1128 году, по волѣ Великаго Князя, Мстислава, сына Мономахова, отвсюду опять двинулись полчища противъ Полоцкой земли, изъ Турова, Владиміра Волынскаго, Городни, изъ Клеческа, изъ Кіева, Чернигова, Новгородсѣверска, и, слѣдовательно, Полоцкое Княжество или система Полоцкихъ Княжествъ, продолжала такимъ образомъ оказывать сопротивленіе воля Великаго Князя; но сила сдавила собственную волю Полочанъ: Полоцкъ, мѣстный стольный городъ, не въ состояніи былъ отстоять своего Князя, Давыда, однако жь въ то же время, хотя и съ соизволенія Мстислава, скрывается подъ кровомъ не Князя дому Мономаха, или вообще другой какой ни будь системы, а подъ кровомъ своего родоваго Князя, Рогволода [77] (который, кажется, вскорѣ послѣ того умеръ). Въ слѣдъ за тѣмъ Полоцкая система стремится опять стать въ прежнія отношенія къ Кіевскому или Великому Князю. Тогда Мстиславъ рѣшается нанести ей уже окончательный ударъ, лишая ея Князей собственныхъ, которыхъ онъ заточилъ въ Константинополь, назначивъ туда Князьями своихъ дѣтей, Изяслава и Святополка, и разославъ по всѣмъ городамъ своихъ собственныхъ намѣстниковъ. [78] Такъ Полоцкая система утратила совершенно свою независимость и подпала подъ непосредственную власть Кіева; но на долго ли? Чрезъ 10, или 11, лѣтъ послѣ заточенія являются Полоцкіе Князья изъ своей ссылки посреди своихъ Полочанъ, и тѣ радостно принимаютъ ихъ, и снова бьются за нихъ, изгнавши въ

---

[75] Тамъ же 8.

[76] Тамъ же. Володимеръ взя Менескъ у Глѣба у Всеславича, самого приведе Кіеву. Томъ же лѣтѣ преставися Глѣбъ въ Кіевѣ Всеславичь Сентября въ 13 д.

[77] Тамъ же стр. 11. И тако Полочане сътънувшеся, выгнаша Давыда съ сынъми, поемше Рогъволода, идоша ко Мьстиславу, просяче его собѣ Княземъ, и створи волю ихъ Мьстиславъ: поемше Роговолода, ведоша къ Полотьску.

[78] Ипатьев. 12. У се же лѣто (1130 г.) поточи Мьстиславъ Полотьскіи Князѣ съ женами и дѣтьми въ Грекы.

то же время сына Мстиславова, Святополка, изъ Полоцка. [79] Правда, часть земель Полоцкихъ осталась за Кіевомъ; правда и то, что Полоцкая система, послѣ всѣхъ войнъ, внутреннихъ и внѣшнихъ, не имѣетъ уже въ послѣдствіи времени того значенія, какое она имѣла при Ярославѣ Великомъ, и становится въ большей, или меньшей, зависимости отъ другихъ Князей, но не теряетъ своей областной самобытности совершенно, такъ что до самаго покоренія Литвой сохраняетъ своихъ родовыхъ Князей, потомковъ Изяслава Владиміровича, сына Владиміра Великаго и Рогнѣды, дочери Полоцкаго Князя, Рогволода.

Разсматривая всѣ эти событія, мы видимъ и здѣсь, что Полоцкая община или система не хочетъ имѣть другихъ Князей, какъ только своихъ Князей родовыхъ: она не обращаетъ вниманія на личныя качества, достоинства ихъ, не думаетъ предпочитать имъ Князей другихъ системъ, даже высокодоблестныхъ, каковъ, на прим., былъ Владиміръ Мономахъ; что, по областному началу, она и въ семъ отношеніи стремится обособиться отъ другихъ областей, стремится заключиться въ самой себѣ; что по этому не Князья Полоцкой системы отдѣляли Полочанъ отъ другихъ системъ, а, напротивъ, Полочане отдѣляли Князей отъ ихъ родственнаго союза и готовы были всегда проливать за нихъ кровь свою, чтобъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ можно менѣе подчиняться чуждымъ своей области началамъ, которыя могли бы принести къ нимъ Князья другихъ системъ.

Галицкое Княжество.

Послѣ всего выше изложеннаго, относительно стремленія разныхъ частей Государства замкнуться отъ вліянія другъ на друга, отъ зависимости одной части отъ другой, мы бы могли, кажется, безъ дальнѣйшихъ изслѣдованій, признать подобное стремленіе и въ Княжествѣ Галицкомъ. Конечно, не Княжеская дружина, а дружина мѣстная, могла только отстоять права дома Ростислава на земли Галицкія, посреди неоднократнаго покушенія Кіева завладѣть этими правами и подчинить Галицкія земли собственнымъ своимъ Князьямъ; не Княжеская дружина могла поразить Кіевскія

---

[79] Лаврент. 132.

дружины, двинутыя Великимъ Княземъ, Святополкомъ-Михаиломъ, противъ Володаря и Василька; [80] не она могла принять и выдержать тотъ ударъ, который несъ противъ Ярослава, сына Владимірова, Изяславъ Мстиславичъ, внукъ Мономаха, ударъ могучій, предъ которымъ невольнымъ образомъ склонялись и Князья Черниговско-системы. [81] Слѣдовательно, большая, или меньшая, независимость Князей Галицкихъ покоилась на стремленіи къ отдѣльности, къ независимости, мѣстныхъ дружинъ Галицкихъ. Но мы имѣемъ возможность здѣсь повѣрить мысль нашу болѣе подробными данными.

Постоянныя непріязненныя отношенія Галицкой земли къ Володиміру Волынскому, этому пригороду Кіева, доказываютъ уже общинную ея отдѣльность. Князь Владиміра Волынскаго, по этому, не могъ быть Княземъ Галицкимъ, какъ только при особыхъ условіяхъ.

Такимъ образомъ и здѣсь мы видимъ то же самое явленіе, какое замѣтили уже въ системахъ Кіевской, Черниговской и Полоцкой, именно: съ одной стороны, стремленіе къ господству надъ другими частями, съ другой движеніе этѣхъ частей оттолкнуть такое господство и поддержать родовыхъ своихъ Князей всѣми силами, дабы, подъ ихъ покровомъ, спастись отъ притязаній Кіева, подобно тому, какъ земли Владимірскія стремятся со всею мощью скрыться отъ вліянія начала Ростовскаго и Суздальскаго, въ чемъ, наконецъ, и успѣваютъ, получивъ себѣ отдѣльныхъ, ни сколько не зависимыхъ отъ Ростова и Суздаля, Князей, за которыхъ они и готовы положить свои головы до послѣдняго.

О собственной дружинѣ Князей Галицкихъ, до тѣхъ поръ, пока княжилъ тамъ домъ Ростислава, нѣтъ даже намековъ, и, безъ сомнѣнія, они не имѣли ея, въ строгомъ смыслѣ этого слова. Здѣсь Боярство было полно крѣпости, силы и, господствуя подъ покровомъ своихъ Князей, надъ прочими составными частями, страшилось потерять это господство чрезъ вмѣшательство посторонняго на-

---

[80] Лавр. 114. Брани же велицѣ бывши и многѣмъ падающимъ отъ обою полку, и видѣвъ Святополкъ, яко люта брань есть, и побѣже, и прибѣже Володимірю,

[81] Ипат. 73. «И ступишася полцы, и бысть сѣча зла, и бишася отъ полудне до вечера. И бѣ межи ими смятеніе, и не видяхуть, которыи суть побѣдише, Изяславъ женяшеть Галичаны, а братья его бѣжаща; и тако побѣже Святополкъ. Володимерьскій Княѕь, и по немъ и Володимеръ Мьстиславичь и Мьстиславъ Изяславичь.» Самъ Изяславъ переночевалъ съ остатками своей дружины, но на другой же день отступилъ обратно къ Кіеву.

чала, а по тому съ мечемъ въ рукахъ всегда готово было оттолкнуть это вмѣшательство. Боярское начало, можно сказать, порабощало въ Галичѣ всѣ остальныя начала, и скопляло себѣ, на счетъ сихъ послѣднихъ, несмѣтныя сокровища. На это-то Боярское начало опирались Князья Галицкіе, потомки Ростислава. Двукратное покушеніе освободиться отъ произвола Боярскаго, и найти себѣ защитника въ Князьяхъ дома же Ростислава, это покушеніе со стороны горожанъ, кончилось во вредъ же имъ самимъ. Бояре со всею мощью поддерживали своихъ родовыхъ Князей, и чрезъ нихъ господствовали по прежнему надъ землями Галицкими. Все это долгое время скрывалося нашими лѣтописцами подъ завѣсою тайны, но съ пресѣченіемъ Княжескаго дома Ростислава, мы, наконецъ, вводимся лѣтописцемъ во внутренній бытъ Княжества Галицкаго.

Галицкое Княжество, по своему внутреннему развитію, составляетъ съ Новгородомъ два крайніе предѣла, въ которыхъ развивалась жизнь другихъ частей Руси, и по этому его исторія, обозначая рѣзче начала нашей жизни, ихъ взаимныя отношенія, можетъ служить объясненіемъ внутренняго развитія другихъ Княжествъ, которое лѣтописцы слѣдятъ только въ частныхъ, болѣе замѣчательныхъ, явленіяхъ, скрывая первоначальную ткань ихъ, подобно тому, какъ, на прим., они скрываютъ ткань въ разсказѣ о смерти Андрея Боголюбскаго.

Пресѣченіе дома Ростислава въ лицѣ Владимірка, и смерть Романа Мстиславича Волынскаго, завладѣвшаго Галицкимъ Княжествомъ посредствомъ силы и страха, сдѣлало Галицкій престолъ празднымъ. Если бъ слѣдовать основной мысли Г. Соловьева, что распаденіе Государства на удѣлы зависѣло не отъ распаденія самаго Государства на извѣстныя общины оли области, изъ коихъ каждое стремилось имѣть своего родоваго Князя, и быть чрезъ него болѣе, или менѣе, независимымъ отъ другихъ Княжествъ, а единственно только отъ семейнаго взгляда самаго княжившаго у насъ Дома, взгляда, по коему каждый Князь имѣетъ право на удѣлъ, на управленіе болѣе, или менѣе, независимое какою ни будь извѣстною частію Государства, въ такомъ случаѣ споръ о наслѣдованіи Галицкаго Княженія ко смерти Романа Волынскаго сдѣлался бы споромъ Князей между собою, безъ всякаго движенія составныхъ частей самого Галицкаго Княжества. Между тѣмъ здѣсь

мы видимъ совершенно противное: споръ между Князьями играетъ второстепенную роль, а главную—мѣстныя дружины.

Галицкое Княжество по своему внутреннему составу, какъ мы замѣтили, было по преимуществу Княжество аристократически, Боярское. Бояре, съ своей дружиной, потерявъ родовыхъ Князей, страшились всѣхъ измѣненій въ своей судьбѣ, которыхъ такъ естественно должно было ожидать съ водвореніемъ на Галицкомъ престолѣ новой Княжеской вѣтви, особливо при тогдашнемъ ходѣ дѣлъ, гдѣ каждый Князь, опираясь на свои родовыя мѣстныя дружины, вводилъ часть ихъ съ собою въ новое наслѣдіе, какъ людей, ближайшихъ и болѣе надежныхъ для него. Во всякомъ же случаѣ, заслуги, оказанныя прежде княжившему Дому, при новомъ Князѣ могли быть не оцѣнены, даже вовсе забыты, и люди заслуженные, люди, игравшіе первую роль, пользовавшіеся милостями, явиться позади людей новыхъ, изъ коихъ многіе были не болѣе, какъ ихъ же прежніе клевреты, ихъ подручники. Мысль эта видно, страшно пугала Боярство Галицкое, и смерть Романа повергаетъ Княжество въ продолжительное общее смятеніе, подобное нѣсколько, по своей внѣшности, тому, которое открылось у насъ во время междуцарствія. Дружины, которыя такъ горячо бились за домъ Ростислава, становятся теперь въ то же самое положеніе, въ какомъ стояли дружины Полоцкія въ отношеніи Князей, которыхъ Кіевъ хотѣлъ насильно посадить на престолъ ихъ, въ замѣнъ родовыхъ Князей въ землѣ Полоцкой. Они холодны къ нимъ; они не довѣряютъ имъ и не хотятъ соединить съ ними собственныхъ силъ своихъ, или соединяютъ боязливо, нерѣшительно, или же, напротивъ, стремятся оттолкнуть ихъ отъ престола Галицкаго. Рюрикъ Ростиславичъ, Великій Князь древнихъ Русскихъ земель, предупреждаетъ другихъ Князей и двигается съ силами на Галичъ, въ намѣреніи располагать судьбою Галича; но Галичане не оказываютъ Рюрику ни содѣйствія къ завладѣнію Галицкимъ престоломъ, ни сопротивленія, которое они могли бы, по видимому, сдѣлать за малолѣтныхъ дѣтей Романа, поработившаго ихъ своими Волынскими силами, т. е., за Даніила и Василька, которые были тогда съ своею матерью въ Галичѣ и которыхъ права поддерживалъ открытою силою Король Угорскій, другъ Романа: въ той и другой Княжеской вѣтви, къ потомкамъ Мстислава Володиміровича, они остаются, по видимому, въ отношеніяхъ чуж-

дыхъ, а между тѣмъ въ средѣ многихъ Князей, безмолвныхъ, или открытыхъ притязателяхъ и соперникахъ на ихъ Княжество, они изыскиваютъ для себя Князя, который могъ бы быть болѣе согласенъ съ ихъ видами. Рюрикъ, страшась Угровъ, бывшихъ уже въ Галичѣ для защиты правъ Даніила и Василька, видя полное хладнокровіе къ нему Галичанъ, вступивши уже въ земли Галицкія, не рѣшился двинуться на самый Галичъ и возвратился безуспѣшно въ Кіевъ. [82] Въ это время пріѣхалъ изъ Черниговскихъ земель одинъ изъ Галицкихъ вельможъ и, какъ говоритъ лѣтописецъ, славилъ дѣтей храбраго Игоря Святославича, погубившаго свои дружины, мстя врагамъ нашимъ, Половцамъ. Всѣ выгоды заставляли Галичанъ обратиться, съ призваніемъ на праздный престолъ къ Князьямъ Сѣверскимъ. Они принадлежали къ оной изъ младшихъ линій Князей Черниговской системы, и, слѣдовательно, въ своихъ видахъ, въ своемъ распространеніи власти, они, по тогдашнему ходу дѣлъ, могли имѣть соперниками своими за Галичъ въ Князьяхъ самой же Черниговской системы; сверхъ того, постоянный споръ межеу домомъ Мономаха и потомками Святослава Ярославича, къ числу коихъ принадлежали и Князья Сѣверскіе, за господство въ земляхъ Русскихъ, не могъ не вызвать чувства враждебнаго между Мономаховичами, въ случаѣ восшествія на престолъ Галицкій Князя чуждаго, и даже враждебнаго имъ Дома. Самое удаленіе земель Сѣверскихъ отъ Галицкаго Княжества должно было лишить Князей Сѣверскихъ, при водвореніи ихъ въ Галичѣ, быстрой помощи со стороны собственныхъ родовыхъ мѣстныхъ дружинъ. Всѣ эти три обстоятельства вмѣстѣ могли поручиться за дѣтей Игоря Святославича, что они будутъ стараться опереться въ своемъ господствѣ надъ Галичемъ, въ спорѣ за него съ другими Князьями, почти неизбѣжномъ, на расположеніе, на любовь, са-

[82] Ипат. 156. Лѣтописецъ хотя и прибавляетъ, что Галичане боялись Угровъ, и по тому не оказали содѣйствія Рюрику на Галицкій престолъ, но дальнѣйшія событія и безмолвный отказъ Рюрика отъ новаго открытаго покушенія завладѣть Галицкими землями, доказываютъ, что если Галичане и готовы были всегда предпочесть господство Князя Кіевскаго господству Угровъ, но не хотѣли, однако жь, также и Рюрика видѣть на своемъ престолѣ. Это предположеніе совершенно оправдывается призваніемъ, въ слѣдъ же за тѣмъ, Князей Сѣверскихъ, и покойнымъ водвореніемъ ихъ въ Галицкихъ земляхъ.

нихъ Галицкихъ мѣстныхъ дружинъ, столь всегда славно подвизавшихся за прежній свой Княжескій Домъ. Къ нимъ-то Галичане обратились съ призваніемъ, минуя всѣхъ другихъ старшихъ Князей. Общее желаніе, общее движеніе, дружинъ Галицкихъ въ этомъ случаѣ заставило Угровъ безъ боя отказаться отъ стремленія поддерживать права дѣтей Романа, и Игоревичи покойно утверждаются въ земляхъ Галицкихъ. Немедленно же за тѣмъ обнаруживается вліяніе мѣстнаго начала на самыхъ дѣтей Игоря Святославича: не имѣя ни малѣйшаго права на Волынь, они притязаютъ на Владимірское Княженіе,[83] котораго силъ и близкаго сосѣдства опасаются Галичане, какъ общины постоянно враждебной имъ, и которое дѣлалось имъ въ тогдашнихъ обстоятельствахъ еще опаснѣе, по тому что споръ за ихъ престолъ еще былъ не рѣшенъ, а между тѣмъ дѣти Романа, Даніилъ и Василько, имѣли на оный большее противъ другихъ Князей право, такъ какъ ихъ отецъ владѣлъ Галицкими землями.

Въ слѣдующій за тѣмъ годъ (1203), почти можно сказать навѣрное, то же вліяніе Галицкихъ Бояръ успѣло поссорить братьевъ Князей между собою, въ слѣдствіе чего Романъ, не находя ни какого содѣйствія, къ защитѣ правъ своихъ, между Звенигородцами, кои достались на его долю, долженъ былъ бѣжать къ Települ Уграмъ, гдѣ и получилъ помощь противъ своего брата. Галичане на этотъ разъ вооружились за Владиміра, но ихъ содѣйствіе въ этомъ дѣлѣ было безъ той мощи, съ которой они защищали своихъ прежнихъ родовыхъ Князей, потомковъ Ростислава: послѣ битвы они рѣшаются принять не желаннаго ими Романа, и Володиміръ, въ свою очередь, бѣжитъ изъ земель Галицкихъ.

Въ 1205 году Галичане вторично обнаруживали, что ихъ надежды на Романа Игоревича ошибочны, и были до того равнодушны къ его судьбѣ, что Угры, подстрекаемые, безъ сомнѣнія, нѣкоторыми изъ Галицкихъ же Бояръ, безъ борьбы овладѣваютъ Галичемъ, самимъ Романомъ, котораго они отсылаютъ въ Угрію, и при томъ успѣваютъ подойти къ самому Галичу такъ тайно, что Романъ Игоревичъ вовсе не ожидалъ ихъ и преспокойно себѣ мылся въ банѣ, гдѣ Угорцы и плѣнили его, чего, замѣтимъ мимоходомъ, никогда не могло случиться, если бы не было общаго нерасположенія

[83] Ипат. 156.

противъ Романа, и если бъ движеніе Угровъ не было движеніемъ, желаннымъ для самихъ Галичанъ, [84] которые, вѣроятно, въ это время явно и открыто въ самыхъ дѣлахъ высказывали свое недовольство на Романа, по тому что лѣтописецъ говоритъ, что Король Угорскій двинулъ свои силы, узнавъ о безаконьи Галицкомъ и мятежѣ. [85] Такимъ образомъ Галицкая дружина явно недоброжелательствуетъ Роману и, противодѣйствуя ему, выставляетъ Угровъ, какъ въ первомъ стремленіи избавиться отъ него, его роднаго брата, Владиміра.

Угорскаго господства Галицкая дружина явно что не боится. Судиславъ, одинъ изъ первыхъ Галицкихъ вельможъ, въ продолженіе этого колебанія мыслей, о томъ, которой изъ Княжескихъ вѣтвей суждено будетъ утвердиться на Галицкомъ престолѣ, говорилъ, что если престолъ этотъ достанется одному изъ сыновей Короля Угорскаго, то легко можно будетъ вырвать его опять изъ рукъ Угровъ; [86] и мысль его была основана на сущности дѣла: чувство ненависти къ господству иноплеменниковъ было общее для всѣхъ общинъ (областей), на которыя распадалась тогда Русь. По плѣненіи Романа Угры, или Угорскій вельможа, Бенедиктъ, располагаютъ Галичемъ; но не долго; его господство тяготитъ страну, мѣстная дружина становится снова подъ покровъ Романа и, его брата, Владиміра. Склонивъ Мстислава Пересопницкаго къ наступательному движенію, обманомъ суля ему Галицкій престолъ, она заставляетъ Угровъ немедленно же бѣжать изъ Галича, который, какъ и прежде, по желанію, или расчетамъ, Галичанъ, достается въ руки Владиміра, а Романъ получаетъ Звенигородъ. Послѣдній изъ нихъ, испытавши два раза недовольство Галичанъ, казалось, могъ бы выразумѣть дѣло, но онъ былъ далекъ отъ этого, какъ и его братъ, Владиміръ, котораго Бояре, кажется, любили и готовы были отдаться ему, какъ Князю родовому, хотя все таки не вдругъ могли ему довѣриться. Тотъ и другой, замѣчая въ мѣстной Боярской дружинѣ какое-то колебаніе, считая оное коварствомъ, не хотѣли понять, что дружина эта, имѣвшая въ продолженіе долгаго времени своихъ родовыхъ Князей, не могла опять имъ отдаться съ полною довѣрен-

---

[84] Ипат. 157. Андрей же Король, посла Бенедикта со вои своими, и я́ Романа въ бани мыющася, и посла и́ во Угры.

[85] Тамъ же.

[86] Смотри далѣе самый текстъ.

ностію, такъ какъ они были Князья-представители, совершенно другой Русской области. Въ этомъ заключалась та ошибка Игоревичей, которая влекла за собою слѣдствія кровавыя и для нихъ и для земли Галицкой. Но прежде, нежели мы скажемъ о дѣйствительной развязкѣ обстоятельствъ, въ которыя поставили себя Игоревичи чрезъ ни полное сознаніе дѣла, мы должны сказать нѣсколько словъ о другомъ составномъ началѣ Княжества Галецкаго. Это начало было то же самое, которое мы замѣтили уже послѣ разбитія союзныхъ нашихъ дружинъ, при Изяславѣ Ярославичѣ, въ Кіевѣ и во Владимірѣ на Клязьмѣ, во время борьбы между Михаиломъ и Всеволодомъ Георгіевичами противъ племянниковъ своихъ, Ростиславичей, и которое въ скоромъ времени увидимъ въ Великомъ Новгородѣ съ развитіемъ своеобразнымъ. Начало это въ Княжествѣ Галицкомъ показывается исторически въ первой половинѣ XII столѣтія, именно, во время княженія Владиміра, хотя разсказъ объ немъ лѣтописца такъ не ясенъ, что безъ дальнѣйшей исторіи остался бы для насъ совершенно непонятнымъ.

Подъ 1144 годомъ обнаружилось движеніе въ Галичѣ противъ помянутаго Князя, Владиміра, въ пользу его племянника, Ивана Ростиславича. Это движеніе лѣтописецъ описываетъ слѣдующимъ образомъ: «На ту же зиму, вышедшю Володимиру въ Тисьманичю на ловы, въ то же время послашася Галичане по Ивана по Ростиславича въ Звенигородъ (Галицкій), и въведоша къ собѣ въ Галичь. Володимеръ же, слышавъ, съвкупи дружину, и пріиде на нь къ Галичю, и ста около города, и, выѣздяче изъ города, бьяхуся крѣпко, и мнози падаху отъ обоихъ, и бишася оль 3 недѣли; въ недѣлю же мясопустную на ночь выступи на не Иванъ съ Галичаны, и много бишася, и побиша у Ивана дружины много, и заступи и отъ града, и нельзѣ бяше възвратитися ему у градъ, и пробѣже сквозѣ полкъ къ Дунаю, и оттуда полемъ прибѣже ко Всеволоду Кіеву. Галичане же всю недѣлю бишася по Иванѣ съ Володимеромъ, и нужею отворишася въ недѣлю мясопустную. Володимеръ же, вшедъ въ Галичь, многи люде изсѣче, а иныя показни казнію злою». [87] Кто совершилъ это движеніе? Какая была цѣль его? лѣтописецъ умалчиваетъ. Мы можемъ замѣтить только, что движеніе это не распространилось сколько нибудь по землѣ Галицкой; слѣдовательно, должно полагать, что Галичъ въ

---

[87] Ипат. 20.

настоящемъ случаѣ былъ очагомъ его и мѣстомъ развитія. Подъ 1159 годомъ сынъ Владиміра, Ярославъ, употреблялъ всѣ усилія, чтобъ вырвать изъ рукъ Князя Кіевскаго, Изяслава Давыдовича, своего двоюроднаго брата, помянутаго Ивана Ростиславича, и завладѣть его лицомъ, [88] и опасенія его на счетъ сего послѣдняго были не безъосновательны; но при этомъ становится уже яснымъ, что это была за сторона, которая желала выставить Ивана противъ Ярослава. Она принадлежала ко второму государственному началу: «Иванъ же тогда уполошивъся, ѣха въ поле къ Половцемъ, и шедъ съ Половци, и ста въ городѣхъ Подунайскыхъ, и изби двѣ кубарѣ; и взя товара много въ нею, и пакостяше рыболовомъ Галичьскымъ. И придоша къ нему Половци мнози, и Берладника у него скупися 6000, и пойде къ Кучелмину, и ради быша ему, и оттуда къ Ушицѣ пойде. И вошла бяше засада Ярославля въ городъ, и начашася бити крѣпко засадници изъ города, а смерди скачють черезъ заборола къ Иванови, и перебѣже ихъ 300». [89] Такимъ образомъ жители Кучелмина были на сторонѣ Ивана; жители Ушицы тоже, по тому что лѣтописецъ говоритъ, что отпоръ Ивану дѣлала дружина, введенная въ Ушицу, а что смерды, т. е., обыватели Ушицы, названные такъ въ противоположность Боярству Галицкому, которое поддерживало Ярослава, [90] были до такой степени расположены къ Ивану, что до 300 человѣкъ перебѣжало къ нему чрезъ городскія стѣны. То же начало является съ тѣмъ же самымъ направленіемъ подъ 1146 въ одномъ изъ болѣе замѣчатель-

---

[88] Тамъ же ст. 83. Томъ же лѣтѣ нача Ярославъ Галичьскый искати Ивана Ростиславича, стрьичича своего; Ярославъ бо бяше подмолвилъ Князѣ Рускіѣ, и Короля, и Лядьскія Князя, дабыша ему были помощницы на Ивана, и обѣщашася ему вси. И послаша послы Кіеву къ Изяславу Давыдовичю: Ярославъ Галичьскій, Святославъ Ольговичь, Ростиславъ Мьстиславичь, Мьстиславъ Изяславичь Владимиръ Андреевичь, Святославъ Всеволодовичь, Король, и отъ Ляховъ мужъ свой.» Иванъ Ростиславичь находился до того времени въ Кіевѣ и былъ подъ покровительствомъ Изяслава Давидовича.

[89] Тамъ же 83 и 84.

[90] Давидъ Игоревичь назвалъ въ отношеніи Князей смердами не только городскихъ обывателей, но даже старшихъ Бояръ: «Святополкъ и Володимеръ посласта къ Ольгови, глаголюща сице: «Пойди Кіеву, да порядъ положимъ о Русьстѣй земли предъ Епископы, и предъ Игумены, и предъ мужи отець нашихъ, и предъ людьми градскими!» Олегъ же, восприимъ смыслъ буй и словеса величава, рече сице: «Нѣсть мене лѣпо судити Епископу, ли Игуменомъ, ли смердомъ.» Лаврент. 98.

ныхъ городовъ Княжества Галицкаго, именно въ Звенигородѣ: Звенигородцы не хотятъ биться противъ Всеволода Ольговича, заступившагося за изгнаннаго Ивана Ростиславича и осадившаго Звенигородъ; Воевода Володимера Галицкаго долженъ былъ употребить самыя строгія мѣры для того, чтобъ застращать Звенигородцевъ и заставить ихъ дѣйствовать противъ осаждающихъ безъ льсти: «Всеволодъ съвкупи братью свою.... и бысть многое множество вой, идоша къ Галичю на Володимирка.... и пожгоша около его (Звенигорода) острѣгъ первый день, а въторый день створиша вѣче Звенигородьчи, хотяче ся передати. И бѣ у нихъ воевода, Володимирь (Володимира Галицкаго) мужь, Иванъ Халдѣевичь, изоима у нихъ мужи 3, и уби я, и когождо ихъ перетенъ на полъ, поверже я изъ града; тѣмъ и загрози имъ. И начаша ся Звенигородьци оттолѣ бити безъ льсти.» [91]
Соображая эти послѣднія два явленія съ первымъ, нельзя не согласиться, что движеніе, обнаружившееся въ самомъ Галичѣ, совершено было тою же стороною, которая показывала явное расположеніе къ Ивану Ростиславичу въ другихъ городахъ, подобно тому, какъ обыватели Галича обнаружатъ не разъ открытое движеніе въ пользу другого Князя, что будетъ объяснено нами ниже.

Такимъ образомъ, если не по всѣмъ, по крайней мѣрѣ, по нѣкоторымъ городамъ, въ томъ числѣ по двумъ значительнѣйшимъ, Звенигороду и Галичу, уже въ XII столѣтіи скопилось начало, которое стремилось прикрыться подъ покровомъ особаго Князя, принадлежащаго также къ дому Ростислава; но попытки его осталися тогда тщетными.

Обращая теперь вниманіе на дальнѣйшую Исторію Галицкаго Княжества, на исторію послѣ пресѣченія дома Ростислава, мы открываемъ, что сказанныя явленія знаменуютъ почти то же самое, что знаменуетъ борьба между Володимирцами и Ростовцами, уже нами объясненная. Вся сила, все управленіе, послѣ смерти Владимирка, послѣдняго потомка Ростислава, обнаруживается, какъ мы подробнѣе это изложимъ ниже, въ рукахъ Галицкихъ Бояръ, и въ противодѣйствіи имъ является новая сторона, сосредоточившая въ себѣ среднее начало (элементъ); но эта сторона составляетъ единое только въ цѣли своей, а въ дѣйствительности является разрозненною по

[91] Ипат. 21—22.

городамъ и вступающею въ противодѣйствіе робко, безъ мощи, между тѣмъ какъ Бояре Галицкіе образуютъ собою одно цѣлое, и, какъ отдѣльное какое ни будь общество, господствуютъ въ земляхъ Галицкихъ. Слѣдовательно, домъ Ростислава господствовалъ надъ Галицкими землями, какъ мы выше замѣтили, чрезъ общество Боярское; и какъ общество Боярское составляло собою цѣлое, недѣлимое, по этому и Князь, котораго оно окружило, долженъ былъ исключать отъ участія въ господствѣ надъ землями Галицкими всѣхъ остальныхъ Князей, хотя бы они принадлежали къ тому же самому дому, къ которому онъ самъ принадлежалъ; по этому и распаденіе Галицкаго Княжества на удѣлы, съ правомъ каждаго Князя на болѣе, или менѣе, независимое управленіе, было не возможно, пока самое общество Боярское не явилось въ распадающемъ видѣ. Такъ въ дѣйствительности въ Галичѣ и было, и это явленіе имѣетъ опять большое сходство съ тѣмъ, какое мы замѣтили уже въ землѣ Ростовской, гдѣ Боярство стремится, чтобъ Князь, котораго окружали они, былъ единственнымъ Княземъ въ земляхъ, подчиненныхъ старому Ростовскому Боярству, хотя Боярство является въ Ростовѣ слабымъ, некрѣпкимъ и составляетъ собою совершенную противоположность съ Боярствомъ Галицкимъ, точно также какъ Галицкое среднее начало (элементъ) въ семъ отношеніи образуетъ собою полную потивоположность съ подобнымъ же новымъ началомъ, которое развивается во Владимірѣ на Клязьмѣ.

Изъ всѣхъ сихъ явленій мы заключаемъ, что когда Князья Галицкіе, всегда, если можно такъ выразиться, единодержавные, покровительствуя Боярамъ, налегали, вмѣстѣ съ ними, на всю землю, народная сторона, въ лицѣ второго или городскаго начала, желала найти себѣ защитника, котораго и искала въ Князьяхъ, исключенныхъ изъ господства. Переходимъ теперь къ судьбѣ Игоревичей.

По пришествіи своемъ въ земли Галицкія, одинъ изъ нихъ, Владиміръ, сѣлъ въ Галичѣ, другой, Романъ, въ Звенигородѣ. Боярство, нѣтъ сомнѣнія, окружало того и другого Князя, но нѣтъ, въ то же время, сомнѣнія, что главнѣйшіе изъ Бояръ состояли при Владимірѣ Игоревичѣ, а съ Романомъ были Бояре младшіе; по тому что Галичъ былъ столичнымъ, господствующимъ, городомъ Галицкаго Княжества, и, слѣдовательно, средоточіемъ Галицкаго Боярства. Идемъ далѣе. По своему положенію, какъ Князь Галицкій, какъ Князь, опиравшійся на старѣйшее Боярство, Владиміръ своимъ княженіемъ

долженъ былъ составлять продолженіе Боярской исторіи, какою была исторія Галича при Домѣ Ростислава; и сторона, которая стремилась прикрыться подъ особымъ покровомъ того, или другого, Князя, не могла видѣть въ немъ своей опоры, а по этому должна была быть доступнѣе къ его брату, Роману, и положить на него всѣ свои надежды. Такимъ образомъ мы видимъ въ Романѣ Игоревичѣ представителя народной, не Боярской стороны, тогда какъ во Владимірѣ по его положенію, представителя стороны Боярской. Разсказанныя нами событія доказываютъ, что сторона Боярская видѣла свою ошибку въ призваніи Романа Игоревича, и по тому выставила въ противодѣйствіе ему брата его, Владиміра, но не рѣшительно поддерживала и сего послѣдняго, когда Романъ явился съ Уграми. Самъ Владиміръ понималъ, кажется, нетвердость расположенія къ нему Галицкихъ Бояръ, и по тому не продолжалъ спора своего противъ Романа за Галичъ; но когда сами обстоятельства посадили его на престолѣ Галицкомъ, [92] онъ уже дѣйствуетъ согласно съ братомъ, и рѣшается, вмѣстѣ съ нимъ, нанести рѣшительный ударъ Галицкому Боярству; но сторона народная, на которую они могли бы въ семъ предпріятіи опереться, и которая, быть можетъ, сама была ихъ руководителемъ, не имѣла еще сколько ни будь достаточныхъ силъ для исполненія подобнаго предпріятія,—и Игоревичи дѣлаются жертвою борьбы между двумя жизнями, новою и старою. Умерщвленіе Игоревичами 500 человѣкъ Бояръ, [93] не только не заставило смириться другихъ, а, напротивъ, какъ мы увидимъ ниже, возбудило въ остальныхъ Боярахъ еще большее недовѣріе и къ нимъ и къ другимъ нашимъ Князьямъ, соискателямъ Галича; мало того, это страшно вооружило ихъ противъ Игоревичей, рѣшило искать гибели Князей-пришельцевъ, разрушившихъ порядокъ, устройство, которое земля Галицкая имѣла съ давнихъ поръ и сохранила ненарушимо въ продолженіи всего княженія у нихъ Дома Ростислава. Они ведутъ противъ Игоревичей Угровъ. [94] Владиміръ, не поддерживаемый откры-

---

[92] Галичане вызвали его и его братьевъ вторично на княженіе, послѣ несноснаго для нихъ господства Угорскаго полководца, Бенедикта.

[93] Ипат. 158. Съвѣтъ (совѣтъ) же створиша Игоревичи па Боярe Галичкыи, да изъбьють й, по прилучаю избьени быша; и убьенъ же бысть Юрьи Витановичь, Илія Щепановичь, иніи величіи Бояре, убьено же бысть ихъ числомъ 500.

[94] При общемъ движеніи Боярскаго начала противъ Игоревичей, Романа, конечно, поддерживала сторона народная.

ни кѣмъ, бѣжитъ; Романа защищаютъ еще Звенигородцы, и защищаютъ упорно, [95] но прежде, нежели борьба кончилась, Романъ самъ оставляетъ Звенигородцевъ, въ надеждѣ привести противъ Галицкихъ Бояръ новыя силы изъ другихъ системъ Русскихъ, и попадается, между тѣмъ, въ плѣнъ. Звенигородцы узнаютъ объ этомъ, и сдаются; вмѣстѣ съ тѣмъ сынъ Романа, Ростиславъ, дѣлается плѣннымъ. Святославъ, братъ Романа, еще прежде того былъ выданъ Боярами Перемышльскими Уграмъ. Такъ борьба кончилась; но чувство мести, за то, что Игоревичи избили отцовъ и братій ихъ, разграбили ихъ имѣніе, роздали ихъ земли собственнымъ своимъ Сѣверскимъ дружинамъ, [95] далеко не успокоилось. Сонмъ старшихъ Галицкихъ Бояръ умоляетъ Угровъ не отсылать Игоревичей къ ихъ Королю, а выдать имъ; Князья Сѣверскіе, доставшись въ руки Галицкихъ Бояръ, погибли, подобно тому, какъ погибъ Андрей Боголюбскій, или Игорь Ольговичъ, представители чуждыхъ началъ.

Все это совершено было Боярами во имя сына Романова, Даніила, [96] покровительствуя которому Король Угорскій вывелъ свои полчища противъ Игоревичей, въ полной надеждѣ, что призваніе Галицкими Боярами Даніила въ Галичъ, на мѣсто Игоревичей, было искренно; но послѣ несчастнаго жребія сихъ послѣднихъ, обнаружилась вновь политика Боярскаго начала. Даніилъ, окруженный своими родовыми Волынскими Боярами, преданными ему всей душой, имѣя мать, любящую и проницательную, сынъ отца, который

---

[95] См. далѣе.

[96] Одинъ изъ вельможъ Галицкихъ, Володиславъ, при приближеніи Угровъ къ Перемышлю (1208 г.), говорилъ своимъ братьямъ, Боярамъ, которые засѣли было въ городѣ, думая биться съ Уграми: «Братье! По что смущаетеся? Не сіи ли (т. е., Игоревичи) избиша отци ваши и братью вашу, а инѣи имѣніе ваше разграбиша, и дщери ваша даша за рабы ваша, а отьчьствія вашими владѣша иніи пришелци... Они же, сжалившеся о бывшихъ, предаша градъ.» Ипат. 158.

[97] Ипат. 158. Описавъ избіеніе 500 Бояръ, лѣтописецъ продолжаетъ: «а иніи разбѣгошася, Володиславъ же кормиличичь бѣжа во Угры, и Судиславъ и Филиппъ (два первые, какъ видно изъ дальнѣйшаго разсказа лѣтописца, были одни изъ самыхъ первыхъ вельможъ Галицкой земли). Наидоша Данила во Угорьской землѣ дѣтьска суща, и просиша у Короля Угорьскаго: «Дай намъ отцича Галичю Данила, ать съ нимъ приимемъ й отъ Игоревичевъ!» Король же съ великою любовью посла воя, и въ силѣ тяжцѣ.... И совокупившеся вси, первое придоша на градъ Перемышль.»

былъ грозою для всѣхъ, наслѣдовавшій, сверхъ того, самъ характеръ отцовскій, не могъ удовлетворять ожиданіямъ Галицкихъ Бояръ, а, напротивъ, какъ представитель начала, всегда враждебнаго Галицкому Княжеству, казался имъ страшенъ, и они готовы были употребить всѣ усилія, чтобъ оттолкнуть Даніила отъ Галицкаго престола. Это непріязненное движеніе обнаружилось немедленно же, когда Угры, завладѣвъ Галицкимъ Княжествомъ во имя Даніила, снова удалились, хотя мысль Боярская объ оттолкновеніи Даніила была не вполнѣ еще созрѣвшею. Они тогда думали только силой раздѣлить сына съ матерью, чтобъ тѣмъ уклонить вліяніе сей послѣдней на юнаго, еще не совершеннолѣтняго, Князя, и управлять страной во имя его,[97] при чемъ обнаружился пылкій характеръ Даніила, не обѣщавшій Галицкимъ Боярамъ много хорошаго въ ихъ видахъ: онъ обнажилъ мечь противъ дерзкаго, который первый рѣшился открыто привести подобное намѣреніе въ исполненіе, сдѣлалъ ударъ, и только судьба спасла, несчастнаго и просьбы матери успокоили живую душу юнаго Князя. Вмѣстѣ съ матерью удалена была отъ Даніила и родовая его дружина, такъ что главнѣйшія препятствія къ утвержденію Даніила на Галицкомъ престолѣ для Галичанъ исчезли, и они удерживаютъ сына Романа еще у себя, какъ будто желая его имѣть своимъ Княземъ, но и мать и дружина отцовская страшатся оставить юнаго Князя въ рукахъ Галичанъ, въ особенности имѣя уже предъ собою страшный примѣръ въ гибели Князей Сѣверскихъ; они дали знать о положеніи дѣлъ Королю Угорскому, и Андрей выступилъ самъ, занялъ Галичь, вызвалъ туда мать Даніила и Владиміро-Волынскую дружину: начинается борьба, подобная той, которою погубили себя Игоревичи. Трое изъ первыхъ вельможъ Галицкихъ были захвачены, хотя не на долго, по тому что, оставаясь въ рукахъ Угорской дружины, хладнокровной къ правамъ Даніила, они, за исключеніемъ какого-то Филипа, чрезъ золото и коварство получаютъ вновь свободу, одинъ даже немедленно же послѣ взятія. Такимъ образомъ Даніилъ поставленъ былъ любовію матери, любовію и усердіемъ отцовской дружины и доброжелательствомъ Короля Угорскаго, въ открытыя враждебныя отношенія къ Галицкому Боярству, и, пользуясь, безъ сомнѣнія, совѣтами послѣдней, предупредилъ дальнѣйшее развитіе

---

[97] Ипат. 159, Хотяща бо княжити сама.

этихъ отношеній: немедленно же удалился, при первомъ движеніи на Галичъ Мстислава Пересопницкаго. Сего послѣдняго Бояре вторично вызвали въ сопротивленіе нежеланныхъ имъ Князей, обѣщая ему престолъ Галицкій, [8] а потомъ, по удаленіи Даніила, не оказывали ему ни какой поддержки, и хладнокровно оставили его возвратиться въ свою область, съ приближеніемъ въ слѣдующемъ году Угровъ, [9] такъ что, послѣ удаленія Даніила, престолъ Галицкій можно было по прежнему считать празднымъ.

Теперь политика Галицкаго Боярства дѣлается уже болѣе зрѣлою и положительною; они знаютъ, что тотъ, или другой, изъ Князей другихъ Русскихъ системъ займетъ престолъ Галицкій, что они не останутся безъ Князя, и потому стремятся всѣми силами уже поставить этого будущаго своего владыку въ такое положеніе, чтобъ онъ сохранилъ прежній порядокъ вещей въ Княжествѣ, и положился всѣми своими надеждами на самое же Галицкое Боярство; а для этого они выставляютъ въ противодѣйствіе Князьямъ притязателямъ Угровъ, и какъ бы угрожаютъ тѣмъ, что Князья Русскіе, въ случаѣ стремленія завладѣть Галицкимъ престоломъ насильно, должны будутъ выдержать тяжелую борьбу и, быть можетъ, даже потерять Галичъ навсегда; Угорскаго же владычества, какъ мы замѣтили выше, Галичане въ дѣйствительности не хотѣли, и очень хорошо знали, что, при первомъ недовольствѣ, соединившись съ тѣмъ, или другимъ изъ Князей, они безъ всякаго затрудненія могутъ его сбросить, какъ въ дѣйствительности они и сбрасывали его. Но прежде, нежели Бояре приняли рѣшительно подобную политику, они, руководимые однимъ изъ первыхъ вельможъ, думали, что и безъ признанія Угорскаго властительства, сами собой, при одной только матеріальной помощи со стороны Угровъ, могутъ достигнуть предположенной цѣли. Между тѣмъ, подстрекаемый Польшей Андрей, идетъ къ Галичу, чтобъ утвердить силою на престолѣ Галицкомъ сына своего, Коломана, женатаго на дочери Короля Польскаго;

---

[8] Ипат. 159. Володиславу (одному изъ первыхъ вельможъ) же ведену бывшу во Угры, Яволоду и Ярополку, брату его (слѣдовательно, принадлежавшимъ также къ сословію Бояръ), бѣжавшю въ Пересопьницю ко Мьстиславу, возведшимъ Мьстислава.

[9] Тамъ же. Мстиславъ, убо, увѣдавъ Королеву рать великую, избѣжа изъ Галича, Володиславъ же (вельможа) воѣха въ Галичь, и вокняжися, и сѣде на столѣ.

тогда подобное покушеніе дѣлается очевидно не удобоисполнимымъ, и они принимаютъ выше сказанную политику. Возведенію на престолъ Коломана Бояре не оказываютъ ни малѣйшаго сопротивленія, какъ будто бы онъ былъ для нихъ желаннымъ Княземъ; но въ слѣдующій же годъ, именно въ 1212, при движеніи на Галичъ Мстислава Удалого, ни Бояре, ни народная сторона, не думаютъ поддерживать Угорское владычество, и Коломанъ бѣжитъ, сопутствуемый Уграми и только однимъ изъ вельможъ Галицкихъ, Судиславомъ: они только противоставляютъ однихъ притязателей другимъ. Господство Мстислава утверждается опять, вопреки желанію самихъ Галичанъ, и когда попытка ихъ противодѣйствовать Мстиславу, при самомъ движеніи его на Галичъ, [100] была безуспѣшна, они, въ лицѣ Судислава, представителя Галицкаго Боярства, вызываютъ противъ Мстилава снова Угровъ, искавшихъ уже личныхъ Королевскихъ видовъ, и, при движеніи сихъ послѣднихъ, начинаютъ отпадать отъ Мстислава и заставляютъ его удалиться изъ Галича. Это было на другой же годъ вступленія Мстислава на Галицкій престолъ, т е., въ 1213 году. [101] По прошествіи 6-ти лѣтъ Мстиславъ ведетъ новыя полчища противъ Галича, и вторично силою завладѣваетъ имъ.

Княженіе его продолжалось съ 1219 по 1226-й годъ. Онъ, какъ видно изъ всего, старался въ послѣдній разъ успокоить недовѣренность Бояръ и ихъ стремленіе къ господству, [102] но, за всѣмъ тѣмъ, сами Бояре не вполнѣ довѣряли ему и боялись найти въ немъ врага, подобнаго Игоревичамъ, такъ что въ 1226-мъ году они приняли за истину клевету какого-то Жирослава о намѣреніи будто Мстислава предать ихъ въ руки Половецкаго Хана на избіеніе, и бѣжали въ горы, хотя, послѣ клятвеннаго увѣренія, что Мстиславъ никогда не питалъ къ нимъ подобнаго нерасположенія, они немедленно же возвращаются въ Галичъ. [103] Близкія родственныя от-

---

[100] Ипатьев. 160. Мстиславъ же пойде на Галичь... Галичане же всѣ и Судиславъ послашася по Данила; Данилъ же не утяже ѣхати, а Бенедиктъ лысый бѣжа во Угры со Судиславомъ, а Мьстиславъ сѣде въ Галичѣ.

[101] Ипатьев. 60 и 61.

[102] Судиславу, на прим. онъ далъ въ управленіе одинъ изъ значительнѣйшихъ городовъ Галицкаго Княжества, именно Звенигородъ.

[103] Ипат. 165. Льстивому Жирославу рекшю къ Бояромъ Галичькимъ: «яко идеть

ношенія Мстислава къ Даніилу [104] не менѣе также страшили ихъ за будущность, Даніила, по выше изложеннымъ причинамъ, по его личному твердому характеру, по чрезвычайной преданности къ нему родовыхъ Бояръ и по близости Волынскихъ земель, надъ которыми Даніилъ съ своимъ братомъ господствовалъ и откуда онъ немедленно же могъ получить значительныя силы, чтобъ подчинить себѣ и, съ тѣмъ вмѣстѣ, Владиміро-Волынскому началу, Галицкое Боярство, или иначе: чтобъ господствовать въ Галичѣ, не какъ Князь родовой а какъ Князь-покоритель. По этому, еще при жизни Мстислава, Галицкіе Бояре, въ противодѣйство Даніилу, снова выставляютъ Угровъ: въ 1226-мъ же году они уговорили Мстислава выдать другую дочь свою за Андрея, сына Угорскаго Короля, и дать ему въ надѣлъ Перемышль; и когда Андрей, занявши Перемышль еще прежде брака, подъущаемый какимъ-то Семеномъ Чермнымъ, бѣжалъ оттуда снова къ отцу, и привелъ отъ него въ Галицкое Княжество полчища Угровъ, Галицкіе Бояре, отстоявъ Мстислава, склоняли, однако жь, его сами, чтобъ онъ уступилъ Королевичу Андрею уже самый Галичъ: «Потомъ же Судиславу, льстящу подо Мьстиславомъ, рече ему: «Княже! Дай дщерь свою обрученную за Королевича, и дай ему Галичъ!» [105] и когда Мстиславъ обнаружилъ при этомъ твердое намѣреніе отдать Галичъ Даніилу, двое изъ Бояръ, Глѣбъ Зеремѣевичъ и Судиславъ, стараются отклонить его отъ этого, говоря ему, что Даніилъ, получивъ Галицкій престолъ, будетъ тамъ господствовать не по волѣ Мстислава, а какъ Князь самобытный, тогда какъ Королевичь будетъ всегда въ полной отъ него зависимости, и, не довольный имъ, онъ можетъ лишить его немедленно же Галицкаго престола: «Аже даси Королевичю, когда восхощеши, можеши взяти подъ нимъ; даси ли Данилови, въ вѣки не твой будеть Галичь;» и Мстиславъ уступилъ ихъ убѣжде-

---

Мьстиславъ въ поле, и хощеть вы предати тестеви своему, Котяну, на избитье»... они же, емше вѣры, отъидоша въ землю Перемышлескую, въ горы Кавокасьскія, рекше во Угорьскыя, на рѣку Днѣпръ (Днѣстръ?), послаша послы своя, рекуше: «яко Жирославъ повѣдалъ ны есть.» Мьстиславу же пославшу отца своего, Тимоѳея: «яко всуе оклеветалъ мя есть къ вамъ Жирославъ,» Тимоѳею же клепшуся имъ о семъ: «яко не свѣдущу Мьстиславу ни что же о семъ,» и приведе Боаре вси къ нему.

[104] Даніилъ былъ женатъ на дочери Мстислава.

[105] Ипатьев. 166.

нію, [106] хотя потомъ раскаялся и хотѣлъ поправить ошибку, но вскорѣ послѣ того умеръ. Даже предъ самой кончиной Мстислава, они чрезъ Глѣба Зеремѣевича строютъ ковы противъ Даніила и не хотятъ допустить Мстислава видѣться съ Даніиломъ: «Мстиславъ Великій Удатный Князь умре: жадящю бо ему видѣти сына своего, Данила, Глѣбъ же Зеремѣевичь, убѣженъ бысть завистью, не пустяше его, оному же хотящю поручити домъ свой и дѣти въ руцѣ его (Даніила); бѣ бо имѣя до него любовь велику во сердцѣ своемъ.» [107] За всѣмъ тѣмъ Даніилъ имѣетъ сильную опору себѣ въ самыхъ земляхъ Галицкихъ, во первыхъ, по нерасположенію самихъ Галичанъ къ господству иноплеменному, а во вторыхъ, преимущественно по расположенію къ нему народной стороны, къ которой, въ продолженіи княженія Андрея, начали уже присоединяться многіе изъ Бояръ, хотя большая часть, какъ мы увидимъ ниже, въ видахъ только избавиться отъ произвола собственныхъ же своихъ собратій, окружавшихъ Угорскаго Королевича. Уже въ 1226 году, когда Мстиславъ отдавалъ Галичъ Угорскому Королевичу, лѣтописецъ глухо сказываетъ, что это распоряженіе Мстислава, согласное съ видами Боярскими, было несогласно съ желаніемъ народнымъ: «Галичаномъ бѣ хотящимъ Данила.» [108] Въ 1229 году это народное расположеніе къ Даніилу обнаружилось открыто, и Судиславъ былъ не въ состояніи удержаться въ своихъ видахъ, и уступилъ: «Князю же Данилови будущу во Угровьсцѣ, прислаша Галичане, рекуще: «яко Судиславъ шелъ есть во Понизье, а Королевичь въ Галичи осталъ; а пойди борже!»... Данилови же собравшю вои воборзѣ, посла Дьмьяна на Судислава, а самъ иде въ малѣ дружинѣ къ Галичю.... Судиславу же тое ночи вобѣгшю во городъ (въ Галичь)... и приде Дьмьянъ со всими Бояры Галичкыми, со Мирославомъ и со Володиславомъ, и со многими Бояры Галичкыми (къ Даніилу). Данилови же о семъ веселу будущю.... наутрѣ же уставше, и объѣха Даниль городъ Галичь, и собравъ землю Галичкую, ста на четыре части окрестъ его, и собра отъ Боброкы даже и до рѣки Ушицѣ и Прута, обсѣде въ силѣ тяжьцѣ; онѣмъ

---

[106] Ипатьев. 166.
[107] Тамъ же 167.
[108] Тамъ же 166.

же изнемогъшимъ, передаша градъ. [109] Слѣдующія слова лѣтописца показываютъ, до какой степени было ненавистно Галичанамъ владычество Угорскаго Королевича, и съ тѣмъ вмѣстѣ Судислава, вельможи богача, поддерживавшаго Андрея изъ личныхъ видовъ всѣми силами: «Данилови же пріемшу градъ, помянувшю любовь Короля Андрея, и пусти сына его, и проводи и́ до рѣкы Днѣстра; изыде же съ нимъ единъ Судиславъ, на нь же метаху каменіе, рекуще: «Изыде же изъ града, мятежниче земли!» Эта народная ненависть не отняла, однако жь, у Судислава вліянія на землю Галицкую. Онъ имѣлъ еще сильныхъ приверженцевъ. Сами Бояре, которые дѣйствовали за Даніила, при изгнаніи Угорскаго Королевича, успѣли чрезъ годъ отдохнуть, и предаются вновь прежнимъ своимъ замысламъ: господство Владиміро-Волынское по прежнему страшить ихъ, и они по прежнему начинаютъ строить ковы противъ Даніила. Разсказъ Волынскаго лѣтописца, что будто бы они въ 1230 году хотѣли извести Даніила, подобно тому, какъ они извели уже Игоревичей, хотя, быть можетъ, не что иное, какъ плодъ постоянной вражды между Волынскимъ и Галицкимъ началами, не что иное, какъ вымыслъ Волынскаго лѣтописца, или плодъ отраженія дѣйствительныхъ опасеній Волынцевъ за своего Князя, со всѣмъ тѣмъ мы ни сколько не можемъ сомнѣваться въ прежнемъ нерасположеніи многихъ Бояръ Галицкихъ къ Даніилу. [110] Въ 1230 же году они хотѣли выставить ему въ сопротивленіе его двоюроднаго брата, постояннаго его врага, Александра, и отступили отъ Даніила; но Даніилъ успѣлъ стѣснить Александра и удержалей въ Галичѣ. Въ слѣдующемъ за тѣмъ годѣ, при наступательномъ движеніи Короля Угорскаго, котораго не оставлялъ Судиславъ, хотя замѣтно небольшое борение въ мнѣніяхъ Бояръ, кому отдать предпочтеніе, Даніилу, или Уграмъ, однако жь, подъ вліяніемъ Судислава, Бояре, наконецъ, становятся подъ знамена Белы, дерутся противъ Даніила и возводятъ снова на престолъ Галицкій Андрея. Въ 1234 Бояре опять раздѣлялись въ мнѣніяхъ своихъ: одни изъ нихъ держались стороны Судислава или Угорской, дру-

---

[109] Тамъ же 169.

[110] Тамъ же 170. Крамолѣ же бывши въ безбожныхъ Боярѣхъ Галичкихъ, свѣтъ створише съ братучадьемъ его, Александромъ, на убіенье и объдовы волостѣ его.

гіе явно соединялись снова съ стороной народной и хотѣли Даніила, когда увидали, что Даніилъ, во чтобы то ни стало, хочетъ завладѣть Галичемъ: «Иступи Глѣбъ Зеремѣевичъ отъ Королевича къ Данилови. Данилъ же и Василько и одна поидоста къ Галичю, стрѣтоша и болшаа половина Галича: Доброславъ и Глѣбъ, иніи Бояре мнози, и пришедъ, ста на березѣ Днѣстра, и прія землю Галичьскую, и розда городы Бояромъ и Воеводамъ.... Королевичь же и Дьянишь, и Судиславъ, изнемогаху гладомъ въ градѣ» (въ Галичѣ). [111] Народная сторона въ самомъ Галичѣ готова уже была рѣшить споръ: выѣхала изъ города и соединилась съ Даніиломъ, [111] когда Королевичъ вскорѣ за тѣмъ умираетъ, и споръ кончается безъ дальнѣйшей борьбы. Даніилъ вновь сидитъ на Галицкомъ престолѣ, хотя, не прежнему, опираясь преимущественно на собственную силу, а не на Боярскую Галицкую, которая, потерявъ надежду достигнуть вполнѣ своихъ цѣлей, если и поддерживала Даніила, однако жь, какъ и прежде, не любила его и радостно бы приняла на Галицкій престолъ кого ни будь изъ другихъ Князей, который бы только могъ обезоружить неутомимаго и непреклоннаго Князя въ стремленіи завладѣть Галичемъ, какъ это ясно и обнаружилось въ томъ же 1234 году. Даніилъ, поддерживая Владиміра Кіевскаго противъ Изяслава Черниговскаго, разбитый симъ послѣднимъ, пріѣзжаетъ въ Галичъ: Бояре обманываютъ его, утверждая, что будто Изяславъ двигается съ Половцами на его родовыя земли, и обманываютъ для того, чтобъ удалить только изъ Галича дружину Владиміро-Волынскую и, измѣнивъ Даніилу, безъ всякой борьбы принять на престолъ Князя Черниговской системы, Михаила, съ сыномъ его, Ростиславомъ. [112] Мало того, въ 1235 году, подъ предводительствомъ сего новаго Князя, они идутъ противъ Даніила и, вмѣстѣ съ Половцами, Ляхами, Уграми и дружинами Кіевскими, водимые Изяславомъ, думаютъ совершенно стѣснить Да-

---

[111] Тамъ же 173.

[112] Ипат. 174. Борисъ же Межибожьскый съвѣтомь Доброславьимъ и Сбыславлимъ, посла къ Данилови, рекый: «Изяславъ и Половци идуть къ Володимерю (Волынскому);» лесть бо бѣ се. Данилъ же посла ко брату си: «Стерези Володимеря!» Узрѣвше же Бояре Галичьстіи Василка отшедша съ полономъ, воздвигоша крамолу. Судиславу же Ильичю рекшу: «Княже! Льстивъ глаголъ имѣють Галичане; не погуби се; поди прочь!» Данилови увѣдавшу крамолу ихъ, изыде во Угры.

нiила даже въ его родовыхъ земляхъ; но Данiила окружаетъ дружина храбрая, дружина вполнѣ ему преданная, которая выноситъ бодро всѣ удары непрiятеля, готовая, при первомъ удобномъ случаѣ, вновь проложить ему путь къ Галичу. Такимъ образомъ новая попытка Галицкихъ Бояръ не допустить до господства надъ собою начала Волынскаго, необходимо слѣдовавшаго за утвержденiемъ Данiила на Галицкомъ престолѣ, не имѣла полнаго успѣха: Данiилъ сидѣлъ на своемъ родовомъ престолѣ твердо, не думалъ отказываться отъ Галича, и продолжалъ за него споръ. [113] Княженiе Михаила продолжалось недолго. Бояре видѣли, что онъ не въ состоянiи будетъ защитить ихъ отъ притязанiй Данiила и, какъ къ Князю чуждому, не могли быть ему преданы. Между тѣмъ народная сторона росла, и наконецъ восторжествовала. Михаилъ спѣшилъ занять Кiевскiй престолъ, и оставилъ въ Галичѣ сына своего, Ростислава. Походъ на Литву отвлекъ съ Ростиславомъ Бояръ за предѣлы Галицкаго Княжества. Данiилъ воспользовался случаемъ и, зная къ нему народную любовь, явился подъ стѣнами Галича съ словами: «О мужи градьстiи! Доколѣ хощете терпѣти иноплеменьныхъ Князiй державу?» Они же (говоритъ лѣтописецъ), воскликнувше рѣша: «Яко се есть держатель нашь, Богомъ даный, и пустишася яко дѣти ко отчю, яко пчелы къ матцѣ, яко жажющи воды ко источнику.» [114] Бояре, узнавъ о занятiи Галича, оставили Ростислава и явились къ Князю Волынскому, прося у него помилованiя. Данiилъ помиловалъ ихъ, сдѣлался ихъ Княземъ, [115] но они не могли любить его, стремясь къ отдѣленiю Галицкаго Княжества отъ начала постороннихъ системъ, чего, послѣ смерти Данiила, отчасти и достигли, получивъ себѣ въ одномъ изъ его сыновей особаго Князя.

Такъ сильно было начало общинной (областной) жизни въ Галичѣ. Около сорока лѣтъ Боярство Галицкое ведетъ борьбу противъ всѣхъ притязателей на ихъ общинный престолъ, и открыто и политикою, пока, наконецъ, утомленное неопредѣлительностiю, не рѣшилось подчиниться Данiилу; ведетъ эту борьбу, когда само же оно, въ продолженiи двухъ столѣтiй, своею преданностiю къ дому Ростислава, къ своимъ роднымъ Князьямъ, умѣло возвеличить славу ихъ и ихъ

---

[113] Тамъ же 171 и 172.
[114] Тамъ же 175.
[115] Тамъ же.

значеніе въ земляхъ Русскихъ, проливая за нихъ кровь противъ враговъ ихъ. Всѣ удары Кіева, Польши и Угровъ, падали на Боярскую дружину, и она торжественно выносила ихъ. Она страшилась потерять Князей своихъ и предана была имъ совершенно. Она-то, когда Изяславъ Кіевскій, внукъ Мономаха, двинулъ (1153 г.) страшныя полчища противъ Князя Галицкаго, Ярослава, говорила сему послѣднему, готовому уже вступить въ бой съ непріятелемъ: «Ты еси молодъ, а поѣди прочь и насъ позоруй, како ны будеть отець твой кормилъ и любилъ, а хочемъ за отца твоего честь и за твою головы своя сложити!.. Ты еси у насъ Князь одинъ: оже ся тобѣ што учинить, то што намъ дѣяти? А поѣди, Княже, къ городу, ать мы ся бьемъ сами съ Изяславомъ! а кто насъ будеть живъ, а прибѣгнеть къ тобѣ, а тогда ся затворимъ въ городѣ съ тобою;» и слова эти были сказаны не праздно: говорившіе готовы были всѣ лечь за Ярослава, бились отчаянно, заставили Изяслава отказаться отъ своей мести и вернуться съ остатками своихъ силъ въ Кіевъ: «Иступишася полцы, и бысть сѣча зла, и бишася отъ полудне до вечера. И бѣ межи ими смятеніе, и не видяхуть, которыи суть побѣдили: Изяславъ женяшеть Галичаны, а братья его бѣжаша... Изяславъ же изоима Галичьскыя мужи, а Галичане изоимаша Изяславли на розгонѣ; и остася Изяславъ съ маломъ дружины на полчищи, и постави стяги Галичьскія, и поидошэ Галичане подъ своя стягы, изоимаша множество колодникъ. На ту же ночь убояся Изяславъ.... и види многое множество колодникъ Галичанъ вязячи (т. е., что слишкомъ много нужно было вязать Галицкихъ плѣнныхъ), и тако повелѣ сѣчи, а лутшіи мужи со собою поя. Утрій же день Изяславъ же Мьстиславичъ пойде въ Кіевъ, у домъ свой, зане братья его и дружина его разбѣглися бяхуть». [116]

Дальнѣйшее развитіе той же мысли объ общинной самобытности удѣловъ изъ значенія нашего города и объ утвержденіи между общинами власти Княжеской.

Предъ нами разсыпаны по земному шару тысячи поселеній, которыя носятъ общее наименованіе города; о многихъ изъ нихъ дошли одни только историческія сказанія; но всѣ ли эти города одинаковы въ своемъ значеніи, въ своей сущности? Возмите Москву

---

[116] Ипат. 73 и 74.

и Парижъ, древній Римъ и Персеполь, Аѳины и Спарту: всѣ они города, но между ими столь же мало сходства, какъ между Русскимъ и Французомъ, какъ между Римляниномъ и Персомъ, Аѳиняниномъ и Спартанцемъ. Римское слово urbs, Греческое πόλις, Нѣмецкое Burg (Дн. Purk), Stadt, Французское la ville, заключаютъ въ себѣ понятія неравносильныя и, въ строгомъ смыслѣ, не могутъ замѣнить другъ друга. Точно также Русское слово городъ не заключаетъ въ себѣ тѣхъ понятій, какія заключаютъ въ себѣ слова urbs, πόλις, Burg, Stadt, la ville. Всѣ эти названія—названія городовъ, но городовъ, принадлежащихъ различнымъ народамъ, имѣющихъ особый характеръ происхожденія, развитія, чрезвычайную разницу въ значеніи своемъ, а, слѣдовательно, во внѣшнемъ и въ внутреннемъ устройствѣ, въ отношеніяхъ къ другимъ частямъ Государства.

Что же такое Русскій городъ?

Въ смыслѣ новомъ, обыкновенномъ, городомъ вообще называется всякое поселеніе, гдѣ есть Земскій Судъ, Уѣздный Судъ, или Палаты и т. п. Но названіе города старѣе всѣхъ этихъ Судовъ, Палатъ, и ихъ пребываніе въ городѣ чрезвычайно мало объясняетъ намъ значеніе города, его жизнь, устройство, отношеніе къ другимъ частямъ Государства. Общими признаками нашихъ новыхъ городовъ служитъ также пребываніе въ нихъ: учебныхъ, или ученыхъ, заведеній, купечества, мѣщанства; но и это не даетъ намъ полнаго, живаго, понятія о значеніи Русскаго города, тѣмъ болѣе, что и въ поселеніяхъ, не городахъ, бываютъ учебныя заведенія, живутъ купцы и мѣщане. Что жь такое городъ нашъ? Пусть разрѣшитъ вопросъ этотъ сама исторія: какъ ни будемъ мы стараться отвлекать отличительные признаки отъ современныхъ городовъ, мы не составимъ объ нихъ столь яснаго и отчетливаго понятія, какое раскроетъ намъ объ нихъ исторія, свидѣтельница всей жизни народной.

Многія изъ древнихъ городовъ, по сказаніямъ лѣтописцевъ, имѣли деревянную, или каменную, или наконецъ земляную ограду вокругъ себя; о другихъ, хотя и умалчивается, что они имѣли ограду, но ихъ осаждали, ихъ брали приступомъ; по этому они также имѣли ее. [117] Основаніе города, на языкѣ предковъ нашихъ, озна-

[117] Лѣтопись Нестора (по Кенигсберг. списку стр. 46, 50, 57, 66, 68, 79, 117, 125, 135, 137, 171, 143, 150, 160, 161, 164 и др.

чало вообще основаніе стѣны городской или городскаго вала, отъ чего города возникали какъ бы мгновенно, [118] и отъ чего въ городѣ уже существовавшемъ, могъ всегда появиться новый городъ, какъ они появляются, на пр., въ Кіевѣ, въ Москвѣ, Новгородѣ. [119] По числу оградъ или стѣнъ одинъ и тотъ же городъ заключалъ въ себѣ нѣсколько городовъ. Въ Москвѣ до сихъ поръ существуетъ Кремль городъ, Китай городъ, Бѣлъ городъ, Земляной городъ. Мѣста, на которыхъ они появлялись преимущественно, между прочимъ, были мѣста пограничныя, гдѣ безпрерывно угрожала опасность отъ набѣговъ непріятелей, и гдѣ, слѣдовательно, городское начало въ тѣсномъ смыслѣ не могло развиваться: одни противопоставлены были опустошительнымъ вторженіямъ Печенѣговъ и Половцевъ, другіе, въ послѣдствіи, являются противъ свободнаго вторженія Крымцевъ во внутренность Государства, а на Сѣверо-Западѣ противъ Ливонцевъ, Литовцевъ и Шведовъ.

По сему первое и общее значеніе городовъ нашихъ было значеніе крѣпости. Это быть историческая, не подлежащая ни некому сомнѣнію. Самое происхожденіе слова городъ (городить, ограждать) указываетъ на ихъ назначеніе къ защитѣ, оборонѣ. Даже въ нашемъ живомъ языкѣ, языкѣ современномъ, гражданскомъ, хранится еще до сихъ поръ, какъ тѣнь, прежнее понятіе народа Русскаго о городѣ. Еще до сихъ поръ говорятъ у насъ: «Ѣдемъ въ городъ, идемъ въ городъ,» желая выразить этимъ, что они ѣдутъ, идутъ, изъ новой части города въ часть старую, которую составляла крѣпость и гдѣ въ настоящее время одни только слѣды ея,

---

[118] Тамъ же стр. 85. «Се не добро, оже мало городовъ около Кіева, и поча ставити городы по Деснѣ, и по Ветри, и по Трубежеви, и по Сулѣ, и по Стугнѣ; и нача нарубати (собирати) мужи лучшіе...... и населя грады.... бѣ бо рать отъ Печенѣгъ».... Тамъ же стр. 104. «Ярославъ нача ставити городы по Роси»... Тамъ же стр. 18: «и сруби городокъ надъ Волховымъ, и прозва Новгородъ.» Тамъ же стр. 88: «Заложи Бѣлгородъ, и наруби в онь отъ иныхъ городовъ, и многи люди введе в онь»... Тамъ же стр. 141. «Святославъ велѣ рубити градъ на Вышечевѣ холмѣ.»

[119] Тамъ же стр. 105: «Заложи Ярославъ градъ великій» (въ Кіевѣ). Ист. Гос. Рос. т. IV, прим. 322: «на ту же зиму, Ноября 25 (1339 г.), заложенъ градъ Москва дубовый, а кончаша на весну, въ великое говѣнье.» Новгородск. 1-я лѣт. стр. 78. «Того же лѣта заложи Владыко Василій городъ каменъ (въ Новгородѣ) отъ Св. Владиміра до Св. Богородицы, до Борисоглѣба. Ставиша въ Новгородѣ городъ» (Нов. 2, стр. 140).

или даже нѣтъ и самыхъ слѣдовъ, а помѣщается соборъ и гостинный дворъ. [120]

Нѣтъ сомнѣнія, что понятіе города нисходило у насъ въ древности до самаго грубаго, вещественнаго, понятія, и слѣды этого мы находимъ такъ же въ языкѣ народномъ, но мертвомъ. На пр., въ Новгородской лѣтописи говорится, подъ 1224 годомъ: «Мьстиславъ же Кыевьскый Князь, видя се зло, не движеся съ мѣста никамо же; сталъ бо бѣ на горѣ, надъ рѣкою надъ Калкомъ: бѣ бо мѣсто то каменисто, и ту угоши городъ около себе въ колѣхъ, и бися съ ними изъ города того по три дни.» [121] Въ степи, предводительствуя войскомъ и въ виду непріятеля, который грозилъ ему уничтоженіемъ, тѣмъ болѣе изъ кольевъ, или еще лучше (по объясненію Карамзина) изъ телѣгъ (кола—телѣга), изъ обоза, Мстиславъ не могъ себѣ сдѣлать ни какой крѣпости: это была только временная ограда, какъ бы щитъ противъ непріятельскихъ стрѣлъ. Въ Волынской лѣтописи (1219 г.), встрѣчается еще другое свидѣтельство подобному значенію города: «бившимъ же ся имъ о врата градная, и возбѣгоша же на комары церковныя, и ини же ужи (на веревкахъ) возвлачишась, а фарѣ ихъ поимаша: бѣ бо градъ створенъ на церкви; онѣмъ же стрѣляющимъ и каменіе мещющимъ на гражаны, изнемогаху жажею водною; не бѣ бо воды въ нихъ; и пріѣхавшю же Мьстиславу, и вдашася ему, и сведени быша со церкви.» [122] Городъ на церкви, при томъ понятіи, которое мы придаемъ въ настоящее время слову городъ, выраженіе совершенно не понятное. Въ путешествіи Игумена Даніила монастырскія стѣны называются также городомъ. [123] Даже въ языкѣ XVII столѣтія сохранялось еще это грубое, вещественное, понятіе о городѣ. Укрѣпленіе Тихвинскаго монастыря, во время осады его Шведами, носитъ названіе города. [124] Въ Указахъ Царя Алексѣя Михайловича встрѣчается слово городъ такъ же еще въ значеніи крѣпостной стѣны или вала. [125] Въ послѣдствіи же, при дальнѣйшемъ развитіи народа, самая даже крѣпость лишается права на подобное наименованіе.

---

[120] Выраженія эти можно слышать въ Москвѣ, Новгородѣ, Владимірѣ и другихъ нашихъ городахъ.

[121] Полн. Собр. Руск. лѣт. Нов. 1-я, стр. 40.

[122] Лѣтоп. Ипатьев. стр. 162. См. тамъ же стр. 90.

[123] Путеш. Игумена Даніила, изд. Г. Сахарова, ч. 1-я, стр. 53, 64, 74, 76 и др.

[124] Сказаніе объ осадѣ Тихвинскаго монастыря. См. Новг. третью лѣтопись.

[125] Полн. Собр. Зак. Указъ 1650 г. Мая 12.

Однако жь, не одно значеніе ограды придавалось у насъ городу и въ прежнее время. Въ Кіевской лѣтописи мы встрѣчаемъ, на примѣръ, это слово въ значеніи главной силы, на которую передовые отряды могутъ надѣяться, въ случаѣ неудачныхъ своихъ дѣйствій. Въ этомъ смыслѣ, идя съ Михаиломъ Георгіевичемъ (1172 г.) противъ Половцевъ, Берендѣи говорятъ ему и его дружинѣ: «Вы есте нашь городъ, ать мы поидемъ напередъ!» [126] Подъ этимъ словомъ разумѣлся у насъ также весь составъ городской, [127] и это значеніе города сохранилось еще до настоящихъ временъ. Въ самомъ Сводѣ Законовъ городъ, какъ лицо нравственно отвлеченное, часто сливается совершенно съ понятіемъ о городскомъ обществѣ. Нерѣдко также подъ словомъ городъ въ лѣтописяхъ нашихъ разумѣется цѣлая страна, область, со всѣми ея деревнями, селами и городами, бывшими подъ защитою главнаго или стольнаго города, [128] который собственно и назывался городомъ, а всѣ другіе, находившіеся въ той же области или удѣлѣ, въ отношеніи его, считались пригородами; [129] Въ указахъ Царя Алексѣя Михайловича, гдѣ дѣло касается живой воинской силы, тамъ слово городъ сохраняетъ еще значеніе области. [130]

---

[126] Ипатьев. лѣтоп. стр. 104.

[127] Пришедше ко Всеволожю полкы своими, и взяша Всеволожь градъ на щитъ (въ плѣнъ), и ина въ немъ быста два города вошла. Ипат. 36. И вая городъ Княгининъ на щитъ Святославль. Тамъ же стр. 81. Людіе же боящеся, не смѣаху въ городѣ жити, но по полю, иніи по рли живаху, а иніи по берегу въ учанѣхъ; и бѣ видѣти весь горадъ движащься, и бѣгаша по недѣлю и болѣ. Нов. 1-я стр. 81. Здѣсь не излишнимъ считаемъ замѣтить, что взять городъ на щитъ значило полонить жителей и разграбить ихъ имущество.

[128] Преставись Великой Князь Русьскый Ярославъ. И еще живущу ему наряди сыны своя, рекъ имъ: «Се же поручаю въ собе мѣсто столъ старѣйшему сыну моему и брату вашему, Изяславу, Кіевъ... а Святославу Черниговъ, а Всеволоду Переяславль, Игорю Володимеръ, а Вячеславу Смолинескъ.» Лаврент. 69—70. По что губить Руську землю, сами на ся котору имуще, а Половцы нашу землю несуть розно, и ради суть между нами рати; да нынѣ имѣмся въ едино сердце, и соблюдемъ Руськую землю; койждо да держить отчину свою: Святославъ Изяславичь Кіевъ, Володимеръ Всеволодовичь, Давидъ и Олегъ и Ярославъ Святославичь, имъ же разда Всеволодъ городы, Давидовичи Володимеръ, Ростиславичемъ Володимерь, Перемышль, Васильку Теребовль?... Пол. Собр. Русск. лѣт. т. II.

[129] См. далѣе.

[130] Пол. Собр. Зак. ст. 516 (1672 г., Мая 17). Которые украйные полевые городы Сѣвскаго и Бѣлогородскаго полку землями вѣдомы въ разрядѣ, и въ тѣхъ

Слѣдя такимъ образомъ за развитіемъ у насъ понятія города, мы приходимъ къ выводу, что въ немъ скрывались два понятія: понятіе объ городѣ и о силѣ ограждающей, а по этому мы должны смотрѣть на древніе города наши, какъ на укрѣпленные среды, въ коихъ сосредоточивались силы для защиты той, или другой, страны.

Выводъ этотъ совершенно вѣренъ и оправдывается всею древнею исторіею.

Въ слѣдствіе этого-то понимавія идеи города, древніе лѣтописцы, вмѣсто выраженій: «подчинить страну, поручить страну управленію,» почти вездѣ употребляютъ выраженія: «взять, поручить, управленію такой-то городъ;» въ противномъ случаѣ, т. е., если мы будемъ понимать подобныя выраженія лѣтописца буквально, то Аскольдъ и Диръ заняли, подчинили себѣ, не область Полянъ, а только Кіевъ; Рюрикъ тоже посылалъ мужей не въ области Полоцкую, Ростовскую и Муромскую, а только въ города этѣхъ областей, въ Полоцкъ, Ростовъ и Муромъ; Ярославъ, на примѣръ, также надѣлялъ своихъ сыновей не областями, а городами: «Се поручаю въ себе мѣсто сыну моему и брату вашему Кіевъ.... Святославу Черниговъ, а Всеволоду Переяславль, а Игореви Володимеръ, а Вячеславу Смолинескъ;» но подобное пониманіе, очевидно, не согласно съ исторіей, со всѣми другими сказаніями лѣтописцевъ, относящимися до той, или другой, области, до той, или другой, системы. Понятіе города, видимо, поглощало въ себѣ понятіе цѣлой страны. Городъ есть мысль, сердце, духъ, страны; онъ господинъ, онъ владыка. Свидѣтельство о такомъ значеніи города въ древности мы находимъ въ самомъ же лѣтописцѣ. Онъ говоритъ положительно, что городъ есть средоточіе старѣйшихъ въ странѣ, и что старѣйшины на городскомъ вѣчѣ положатъ, вся остальная земля слѣдуетъ тому же. Мы уже знакомы съ этимъ показаніемъ лѣтописца, но, для ясности, приведемъ его вновь: «Новгородци же изначала, и Смоляне, и Кіяне, и Полочане, и вся власти, егда на вѣче сходятся, что старѣйшіи здумають, на томъ и пригороды ста-

городахъ... помѣщикамъ и вотченникамъ пустовыхъ порожнихъ земель и нѣтъ дикихъ полъ въ помѣстье ни кому не давать. Тамъ же стр. 552 Великій Государь пожаловалъ велѣлъ имъ давать дикія поля... на Разани, на Тулѣ, на Каширѣ, въ Райску, Зарайску... въ Одоевѣ, въ Мценску, въ Прѣнску, въ Болховѣ и пр. См. также Указъ 1651 г., Апрѣля 25 и др.

нуть, а здѣ городы старыи, Ростовъ и Суздаль.» Это же самое показаніе лѣтописца свидѣтельствуетъ намъ, что Русь въ древнее время, къ пришествію Рюрика, когда власть Княжеская не утвердилась еще у насъ повсемѣстно, распадалась на области, изъ коихъ каждая имѣла своихъ старѣйшихъ и свой срединный городъ, который, съ своими старѣйшинами, господствовалъ надъ всею областію; что въ землѣ Ростовской были два подобные города, дѣйствовавшіе совокупно, именно Ростовъ и Суздаль, въ земляхъ Новгородскихъ Славянъ Новгородъ, у Полянъ Кіевъ, у Кривичей, составлявшихъ собою двѣ общины, Полоцкъ и Смоленскъ.[131] Не всѣ ли же эти города, если мы прибавимъ къ нимъ Черниговъ и Галичъ,[132] являются въ послѣдствіи господствующими и при утвержденіи Рюрикова Дома въ земляхъ Русскихъ? Въ нихъ сосредоточивается вся правительственная и военная сила.[133] При всѣхъ, однако жь, перемѣнахъ, послѣдовавшихъ въ раздѣленіи нашихъ Славянскихъ земель къ приходу и послѣ прихода Рюрика, первоначальное племенное раздѣленіе далеко еще не было изглажено, а, напротивъ, всюду видѣлось, съ тѣмъ только различіемъ, что одни изъ племенъ подчинились другимъ, а нѣкоторыя распались на области. Еще въ продолженіе IX, X, XI, XII и даже частію XIII столѣтій, до самаго нашествія Татаръ, существуютъ области: Полоцкая, Смоленская, Новгородская, Сѣверская Черниговская, Полянская, Кіевская, кои имѣли первоначально типъ тѣхъ началъ племенныхъ округовъ, о коихъ Несторъ говоритъ, что каждое изъ нихъ составляло родъ, управлявшійся самъ собою, или чрезъ своихъ родовыхъ Князей: «И по сихъ братьи держати почаша родъ ихъ княженіе въ Поляхъ (Кіевлянъ)..... а Словѣни свое въ Новгородѣ, а другое на Полотѣ, иже Полочане, отъ нихъ же Кривичи,.... ихъ

---

[131] Въ слѣдствіе этого-то господства города племенныя имена странъ или общинъ замѣняются у насъ быстро именами господствующаго города: Кривичи, на пр., получаютъ у лѣтописцевъ названіе Полочанъ, или Смолянъ, Поляне Кіевлянъ, и т. д., такъ что наконецъ имена производныя отъ городовъ, совершенно вытѣсняютъ племенныя наименованія.

[132] Выраженіе лѣтописца: «И вся власти егда на вѣче сходятся,» употребленное имъ послѣ вычисленія областей, которыя имѣли свои срединныя по управленію города, ясно говоритъ, что, кромѣ означенныхъ имъ областей, были извѣстны ему и другія.

[133] Тамъ же.

же градъ есть Смоленьскъ; туда бо сѣдять Кривичи, таже Сѣверъ (Черниговцы и Новгородъ-Сѣверцы) отъ нихъ.

Общій выводъ.

Все выше изложенное убѣждаетъ насъ, что распаденіе Руси на удѣлы имѣло источникомъ своимъ не одинъ семейный взглядъ Князей на Государство, какъ на отчину, въ которой каждый изъ потомковъ Княжескаго рода долженъ получить надѣлъ, какъ въ отцовскомъ достояніи,[134] но столько же скрывалось началомъ своимъ въ жизни самаго народа, въ мысли каждой области: «Это наши, то чужіе, хоть и единоплеменники.» Сначала области борятся противъ Княжескаго дома, господствовавшаго собственно въ Кіевѣ, борятся противъ ихъ дружинъ, а потомъ, мало по малу усвоивая себѣ идею Князя, стремятся сами получить отъ Кіева Князя, и подъ его покровомъ скрыться отъ дальнѣйшаго развитія господства Кіевской дружины, смѣняютъ своими дружинами собственно Княжескія, какъ уже безполезныя, для борьбы, по крайней мѣрѣ, съ управляемою ими областію, окружаютъ Князей какъ лучшая стража: отстаиваютъ ихъ, борятся за нихъ, и продолжаютъ съ тѣмъ вмѣстѣ борьбу противъ чуждыхъ началъ, противъ самыхъ Князей, представителей этихъ началъ, считаютъ даже ихъ своими и своего Княжескаго дома, врагами. За своего Князя область, въ лицѣ своихъ дружинъ, готова положить свою голову, и въ то же время въ затруднительныхъ обстоятельствахъ погубить Князя, представителя чуждаго начала. Такимъ образомъ дальнѣйшее развитіе семейнаго начала въ жизни самихъ Князей, съ одной стороны, совершенно согласуется съ областнымъ началомъ жизни самаго народа, съ другой, по видимому, совершенно противоположно ему. По семейному началу, надѣлъ отца переходитъ къ дѣтямъ, и область, имѣвшая въ отцѣ особаго Князя, властителя, поддерживаетъ его со всѣмъ родомъ, борется за него и отталкиваетъ отъ своего областнаго престола всѣхъ другихъ притязателей; но увеличеніе Княжескаго дома въ каждой области, и надѣлъ членовъ его особыми удѣлами, болѣе, или менѣе, лишаетъ область единства и тревожитъ ее. Части черезъ своихъ Князей на-

[134] Мысль, которую усиливается доказать Г. Соловьевъ, въ своемъ извѣстномъ сочиненіи: «Исторія отношеній между Русскими Князьями Рюрикова Дома.»

чинаютъ болѣе, или менѣе, уклоняться отъ областныхъ выгодъ и связываются по временамъ съ выгодами посторонними, за всѣмъ тѣмъ, область не теряетъ вполнѣ своего единства, такъ что каждая изъ нихъ представляетъ собою какую-то систему, гдѣ, посреди многихъ Князей, есть Князь старѣйшій, отъ котораго болѣе, или менѣе, зависятъ другіе Князья той же области. Главными системами этѣми были: Кіевская, Черниговская, Полоцкая, Ростово-Владимірская, Галицкая и Новгородская, которая, по своему внутреннему развитію, составляетъ какое-то, по видимому, исключеніе изъ общей жизни Государства. Каждая система имѣетъ свою дружину, своихъ Бояръ, единство которыхъ и поддерживаетъ единство общины. Господствующею системой была сначала Кіевская, и по этому Князь ея считался главнымъ и имѣлъ въ зависимости другихъ Князей всѣхъ остальныхъ системъ. По семейному началу старшій въ семьѣ есть глава въ семьѣ; въ слѣдствіе сего Кіевская система должна дѣлаться достояніемъ старѣйшаго изъ Князей, какъ это мы въ дѣйствительности и замѣчаемъ; но это не согласуется съ областнымъ началомъ Кіевской системы, которая, въ свою очередь, стремится опять, какъ и другія области, имѣть своихъ родовыхъ Князей, дабы сокрыться отъ вліянія чуждыхъ началъ, которыя приносили съ собою старѣйшіе Князья въ Кіевъ; отсюда возникаетъ упорная борьба, кончившаяся паденіемъ Кіева, вліянія его на другія системы, и возвышеніемъ Ростовской или Владимірской системы.

По этому внутренняя жизнь каждой системы въ отдѣльности носитъ на себѣ ясную печать единодержавія, такъ что каждая изъ нихъ, если бъ не было семейнаго начала, въ отношеніяхъ самыхъ Князей, готова была представить изъ себя вновь цѣлое, хотя и не повсемѣстно, по случаю разъединенія самаго Боярскаго начала и борьбы его съ началомъ новымъ. Неоспоримымъ доказательствомъ этому служитъ прочное утвержденіе въ каждой системѣ, особаго Княжескаго дома, на основаніи преданности къ нему цѣлой системы, или лучше, мѣстной дружины, мѣстныхъ Бояръ. Измѣны въ семъ отношеніи обнаруживаются единственно со стороны городскихъ общинъ, или вообще низшаго слоя, какъ они обнаруживались въ Галичѣ, съ призваніемъ Ивана Ростиславича, въ Кіевѣ, въ княженіе Изяслава Ростиславича; такъ что Боярство составляло основу силы Князей повсемѣстно и, вступая въ борьбу

за своихъ родовыхъ Князей, являлось упорнымъ, иногда безпощаднымъ, врагомъ Князей другихъ системъ; когда же оно сливалось съ городскимъ началомъ, тогда силы Князя значительно увеличивались, и борьба противъ этого Князя дѣлалась опасною, какъ это мы видѣли въ Кіевской системѣ, при защитѣ Князя Изяслава противъ Князей Черниговскихъ и Суздальскаго. Общины, которыя показываются съ характеромъ самобытнымъ уже въ послѣдствіи, Владиміро-Волынская и Владимірская, были первоначально порабощены, первая Древлянами, которыхъ корень укрылся, кажется, въ Галицкомъ Княжествѣ, и спасена отъ этого рабства Кіевомъ, съ которымъ она надолго и тѣсно потомъ соединяется, сохраняетъ постоянно враждебныя отношенія къ Галицкой общинѣ, куда скрылся и убійца Ярополка, Князя Волынскаго;[135] вторая, спасенная, быть можетъ, съ одной стороны, отъ властолюбивыхъ покушеній Черниговской системы, была порабощена системою Ростовскою, и вновь спасена младшими сыновьями Георгія Долгорукаго, Михаиломъ и Всеволодомъ. Къ числу подобныхъ же общинъ должна быть отнесена община Смоленская, единородная Полоцкой, но явно отдѣлявшаяся отъ сей послѣдней еще во времена доисторическія.

Такъ, прежде нежели семейныя отношенія Княжескаго рода потребовали раздѣленія Государства на части болѣе, или менѣе, самобытныя, все говорило уже, что Государство само въ себѣ было раздѣленнымъ на области обширныя, имѣвшія свою отдѣльную силу, свое сосредоточіе; что удѣлы существовали уже готовыми, для того, чтобъ воспринять отъ Кіева Князей, и продолжать подъ ихъ покровомъ свой областной бытъ.

Это распаденіе древней Руси на области было совершенно естественно. Занимая обширнѣйшее пространство, части ея, при разныхъ условіяхъ жизни, при недостаточномъ сообщеніи между собою, при этомъ семейномъ бытѣ, гдѣ кругъ довѣренности долженъ быть всегда ограниченъ, кругъ моего, кругъ чужаго, соприкасаться между собою въ близкомъ разстояніи, не могли имѣть общей исторіи, слиться въ этой исторіи въ одно цѣлое. Мы были тогда со всѣхъ сторонъ окружены

[135] Это бѣгство убійцы Ярополка къ Рюрику Ростиславичу ясно показываетъ, что если не Галицкая община рѣшилась чрезъ убійцу совершить подобное преступленіе, по крайней мѣрѣ, явно покровительствовала ему.

народами иноплеменными, изъ коихъ одни были врагами одной части, другіе другой, третьи третьей и т. д. Каждая часть, каждое племя, искали средствъ въ самыхъ себѣ защитить свои собственныя выгоды: семья со всѣмъ завѣтнымъ своимъ радостно становилась подъ покровъ своихъ старѣйшинъ, своихъ дружинъ, и чѣмъ глубже развивалось семейное чувство любви къ своему, чѣмъ болѣе налегали на него обстоятельства, тѣмъ благоговѣйнѣе былъ каждый предъ этимъ общественнымъ покровомъ, готовый пожертвовать многимъ для того, чтобъ сохранить то, что составляло для него жизнь, прелесть жизни. Сущность этого покрова до развитія идеи Князя составлялъ сонмъ старѣйшинъ, сонмъ Бояръ. Не даромъ проливали они кровь свою за общину не даромъ они стояли впереди всѣхъ опасностей: святый союзъ соединялъ ихъ съ народомъ. Чувство любви къ своему облекало ихъ въ броню, бросало ихъ въ опасности: чувство благодарности, любви и уваженія, высказывала къ нимъ остальная масса нашего древняго народонаселенія. Все держалось тогда дружинами: погибла бъ дружина—погибла бъ и община, сдѣлавшись, со всѣмъ завѣтнымъ своимъ, добычей чуждаго. Съ другой стороны, любовь и уваженіе народа, поддерживая и возвышая самихъ Бояръ, дѣлали ихъ всегда готовыми биться уже и за собственныя свои права, за собственное свое значеніе. Когда этотъ священный союзъ былъ болѣе, или менѣе, нарушенъ, когда стала всюду у насъ развиваться идея Князя, Бояре, или вообще мѣстныя дружины, сохраняя первоначальное свое назначеніе, составили собой Княжескую отражу, военную и гражданскую силу ихъ. Все совершается послѣ того отъ имени Князя; но самъ Князь былъ тогда не что иное, какъ глава области, поддерживалъ виды своихъ подданныхъ, своей области. Не было ему ни цѣли, ни выгодъ, тѣснить, уничтожать, древнія дружины, по тому что въ этѣхъ дружинахъ была вся сила его, и остальная масса отдѣляла отъ себя медленно необходимыя начала для образованія новыхъ дружинъ, и при томъ, эти новыя начала требовали много времени, чтобъ образоваться во что ни будь лучшее, въ сравненіи съ самымъ началомъ дружинъ. Онъ, напротивъ, долженъ былъ, ограничивая крайнія злоупотребленія, поддерживать старое дружинное начало. Связываясь, такимъ образомъ, симъ святымъ союзомъ съ общинными видами, со всѣмъ завѣтнымъ для области, пользуясь глубокою любовію, довѣренностію

и уваженіемъ области, онъ становился, съ тѣмъ вмѣстѣ, во главѣ ея противъ всѣхъ общинныхъ враговъ, противъ всѣхъ покушеній чуждой области прикоснуться къ ея выгодамъ, къ ея завѣтному. По этому духъ областнаго начала носится надъ всею нашею древнією исторіею, скрываясь только подъ именемъ Князя и рѣдко проглядывая прямо. Область всегда готова защищать своего родоваго Князя всѣми своими силами, напрягаться въ этой защитѣ, но въ то же время готова была, при этой защитѣ своихъ областныхъ видовъ, губить всѣхъ и все, что она только считала враждебнымъ или себѣ, или Князю, и многіе, премногіе, сдѣлались жертвами этого общиннаго чувства: оно было сильно, могуче тогда. Въ немъ часто забывались выгоды Государственныя, выгоды частныя, даже иногда приносилось ему на жертву самое святое, по тогдашнимъ уже понятіямъ, семейное чувство. Новогородцы два раза успѣвали убаюкать сіе послѣднее чувство въ мнимой своей преданности и любви, въ мнимыхъ своихъ несчастіяхъ и притѣсненіяхъ, и заставили, сперва Ярослава Великаго, а потомъ сына Невскаго, забыть волю отцовскую и дѣйствовать въ своихъ общинныхъ понятіяхъ. То же успѣли сдѣлать Ростовцы съ мягкою душою Константина, и, такимъ образомъ, открытымъ упорнымъ ослушаніемъ сына отравили послѣднія минуты его отца, Всеволода; и для чего же? Чтобъ сохранить свои, областныя Боярекія, выгоды въ отношеніи Владимірцевъ. Страшно кровавой сценой разразилось областное чувство въ системѣ, когда братья покусились на жизнь своихъ братьевъ и совершили неслыханное злодѣяніе, ужаснувшее предковъ нашихъ, даже самихъ холодныхъ Новгородцевъ, когда область Рязанская видимо распадалась на двѣ стороны, изъ коихъ одна стремилась всѣми силами поддержать независимость своихъ Князей, свою собственную, а другая готова была подчиниться, и отчасти даже, по необходимости, подчинилась, чуждому Владимірскому Князю. Не пали ли также жертвой этого же общиннаго стремленія, избавиться изъ подъ вліянія чуждаго начала, Андрей Боголюбскій, Игорь Ольговичъ, Ярополкъ Изяславичъ? Не въ слѣдствіе ли этого областнаго стремленія былъ ослѣпленъ опять храбрый Василько Ростиславичъ, противъ котораго козничали Бояре Волынскіе, какъ противъ Князя враждебнаго имъ начала? Не оно ли же поддерживало всѣ ссоры, всѣ распри, войны, между Князьями, поставляло въ враждебныя

отношенія дядей съ племянниками и племянниковъ съ дядями, родныхъ братьевъ съ двоюродными, какъ представителей различныхъ областныхъ личностей? Не оно ли вводило къ намъ полчища иноплеменниковъ, и родными жертвами устилало земли Русскія? Въ такомъ страшномъ противорѣчіи жизнь была тогда сама съ собою. Семья вызывала на защиту, созидала себѣ покровъ общественный, преображалась въ область, а область же въ критическихъ минутахъ поругалась надъ семейнымъ чувствомъ, поругалась надъ всѣми выгодами другихъ областей. Но уже къ приходу Татаръ всѣ наши Славянскія племена въ отношеніи внѣшнихъ враговъ сливались между собой въ имени Руссовъ: Вѣра, обычаи, языкъ скрѣпляли связь. Не рѣдко даже въ общемъ союзѣ Князей противъ враговъ мы, хотя временно, представляли собой цѣлое, недѣлимое, представляли Государство. Если областной характеръ все таки не совершенно уничтожался и въ подобныхъ явленіяхъ, то духъ единства все таки носился надъ нами, живилъ насъ болѣе, нежели мы предполагаемъ, и уже въ періодъ удѣловъ можно было провидѣть то могучее Государство, какимъ явится въ послѣдствіи Россія.

Теперь да позволено намъ будетъ здѣсь уклониться, чтобъ сказать вновь нѣсколько словъ объ основаніи Государства.

Когда всѣ данныя убѣждаютъ насъ, что Русь до прихода Рюрика распадалась на полуплеменныя, полувоинскія области, что каждая изъ этѣхъ областей имѣла свои дружины и не могла выносить господства чуждыхъ, даже Славянскихъ, началъ, намъ кажется не возможнымъ допустить, чтобъ Варяги спокойно, безъ особенной борьбы, могли утвердиться надъ этѣми областями, и утвердиться прочно. Какъ въ послѣдствіи каждый Князь, представитель начала, хотя даже Славянскаго, но чуждаго, могъ только временно завладѣть областью, такъ временно могли завладѣть той, или другой, изъ нашихъ областей Варяги, если они когда ни будь завладѣли ими, или если не было къ утвержденію ихъ власти надъ нѣкоторыми областями какихъ ни будь особенно благопріятныхъ обстоятельствъ, вполнѣ связанныхъ съ выгодами самыхъ областей. Замѣтимъ еще при этомъ, что по общепринятому мнѣнію, по всѣмъ даннымъ, хотя крайне скуднымъ, краеугольнымъ камнемъ для утвержденія власти Варяжской былъ Кіевъ; но Кіевская же дружина является между тѣмъ во времена чисто историческія дружиною сильнѣйшею, храбрѣйшею: какимъ же образомъ эта дружина могла допустить

Аскольда и Дира, потомъ Олега, къ спокойному завладѣнію земель Кіевскихъ? Если предположить завоеваніе, то, при соображеніи всего выше означеннаго, должна была быть открытая борьба; но этой борьбы въ самомъ Кіевѣ мы не замѣчаемъ даже слѣдовъ; слѣдовательно, не отвергая присутствія въ Кіевѣ Варяжскихъ дружинъ, мы должны согласиться, что Варяги не господствовали въ Кіевѣ, а были вспомогательною дружиною, подобно тому, какъ они были вспомогательною дружиною въ Восточной Римской Имперіи, или служили у насъ, какъ служили Кіеву въ послѣдствіи дружины Торковъ и Берендѣевъ, какъ служили сами же Варяги Владиміру и Ярославу, такъ что власть Княжеская была какъ бы самородною для Кіева, и распространеніе ея на другія Славянскія племена совершено собственно Кіевскою же дружиною при посредствѣ, и то лишь первоначально, дружинъ Варяжскихъ.

Идея Князя и дружины.

Теперь переходимъ мы къ предмету во всѣхъ отношеніяхъ важному, глубоко знаменательному и очерчивающему, какъ нельзя рѣзче, наше оригинально-самобытное развитіе. Предметъ этотъ — идея власти Княжеской и нашихъ древнихъ дружинъ.

Какъ утвердилась у насъ Княжеская власть? Вопросъ этотъ разсматривался нашими учеными съ двухъ сторонъ. Одни полагали, что власть Рюрика надъ Новгородскими Славянами была основана на завоеваніи, другіе—на добровольномъ призваніи. Но этотъ моментъ Княжеской власти намъ кажется въ настоящемъ случаѣ не такъ важенъ, по тому что власть Княжеская нигдѣ такого противодѣйствія не встрѣтила, какъ въ Новгородѣ, и середой развитія ея въ Дотатарскій періодъ являются земли Кіевскія. Г. Погодинъ обратилъ вниманіе на это обстоятельство, и, отстаивая свою любимую мысль, весьма основательную, что Княжеская власть утвердилась у насъ совершенно на противоположныхъ началахъ, нежели на Западѣ, онъ, при объясненіи утвержденія ея въ Кіевѣ, а потомъ и между другими нашими Славянскими племенами, принимаетъ въ основаніе два положенія. Во первыхъ, онъ старается доказать, что Славянскія племена были до такой степени мирныя, что къ пришествію Рюрика, и даже при сынѣ и внукѣ его, вовсе не имѣли военнаго начала, и что одно явленіе Олега подъ стѣнами

Кіева и убіеніе имъ Аскольда и Дира было достаточно, чтобъ Кіевляне-Славяне, повинуясь сначала Аскольду и Диру, поклонились и предъ Олегомъ, какъ предъ Княземъ своимъ, признали въ немъ своего владыку, а потомъ точно такимъ же образомъ признали власть Олега и первыхъ потомковъ Рюрика другія Славянскія племена. Это первое положеніе Г. Погодина. Во вторыхъ, разсматривая настоящій вопросъ со стороны географической, онъ доказываетъ, что первые Князья наши. при чрезвычайной обширности занимаемыхъ нашими Славянами земель, не смотря даже на значительность своей дружины, на значительность Варяжскаго начала, не могли бы подчинить этихъ Славянъ и удержать ихъ въ повиновеніи, и если бъ сіи послѣдніе вздумали оказать имъ сопротивленіе; и отсюда онъ предоставляетъ намъ сдѣлать выводъ, что какъ власть дома Рюрика утвердилась у насъ, то она могла утвердиться, по самому географическому положенію нашихъ земель, не въ слѣдствіе завоеваній, а въ слѣдствіе слабости, невоинственности самаго народа. [176]

При всемъ уваженіи къ неоспоримому историко-критическому таланту Г. Погодина, мы не можемъ надивиться, какъ нашъ ученый рѣшился печатно высказать подобное предположеніе, не согласное ни съ исторіей, ни съ здравымъ смысломъ, и глубоко унизительное для каждаго Русскаго. Власть Княжеская утвердилась на томъ, что наши Славяне были безсмысленны, безразличны, къ власти, что они готовы были покориться всякому пришельцу, былъ ли бы то Рюрикъ, былъ ли бы Аскольдъ и Диръ, былъ ли бы Олегъ, или не Князь, не рода Княжескаго, а какой ни будь бродяга, это для нихъ было все равно.... Я не знаю, существовалъ ли когда ни будь какой ни есть народъ, который бы не имѣлъ чувства самосохраненія и безъ всякой борьбы былъ бы готовъ подчиниться всякому пришельцу, да и врядъ ли Г. Погодинъ можетъ намъ представить примѣръ въ существованіи подобнаго народа. Начало Княжеской власти скрывается въ безразличіи народа Русскаго къ власти! Кажется, самый закоренѣлый врагъ Россіи не сказалъ бы объ насъ ни чего подобнаго. Власть Княжеская утверждается на безразличіи народа Русскаго къ власти!... На безразличіи народа

---

[176] Изслѣд., замѣч. и лекціи Г. Погодина, т. III, стр. 116—127, 500—502, 511—515.

Русскаго къ власти, когда ни одинъ народъ не любилъ такъ властителей своихъ, не былъ всегда такъ готовъ пролить за нихъ кровь свою, какъ народъ Русскій; когда эта-то безыскуственная преданность нашихъ предковъ къ престолу запечатлѣла каждую страницу нашей исторіи, возвеличила нашу родину!... Но къ чему возраженія? Каждый истинно Русскій пусть заглянетъ въ собственную свою душу, и онъ найдетъ въ ней болѣе глубокое возраженіе противъ Г. Погодина, и съ справедливымъ гнѣвомъ пошлетъ слово къ сказанной мысли нашего ученаго. Я уже прохожу молчаніемъ то, какъ Г. Погодинъ, отстаивая эту свою мысль, извратилъ всѣ данныя, уничтожилъ наши древнія дружины, уничтожилъ наше Боярство, это зерно современнаго высшаго сословія и т. д., и перехожу прямо къ развитію нашего предмета, какъ предмета, до сихъ поръ не обращавшаго на себя сколько ни будь дѣльнаго вниманія нашихъ ученыхъ.

Мы видѣли, что каждая система стремится получить себѣ отъ Кіева особаго Князя, который бы управлялъ областію независимо, по своей волѣ, внѣ вліянія на внутреннюю ея жизнь другихъ областей; видѣли также, что каждая область борется за своихъ Князей, льетъ за нихъ кровь, бьется мощно и, наконецъ, не смотря на всѣ препятствія, которыя противоставляли къ тому, съ одной стороны, желаніе Кіева, а потомъ Владиміра на Клязьмѣ, господствовать надъ прочими системами и располагать судьбою самихъ Князей этѣхъ системъ, а съ другой, стремленіе второстепенныхъ системъ распространить свою власть на счетъ другихъ, успѣваетъ отстоять свой Княжескій родъ, и въ слѣдствіи этого-то стремленія имѣть своего Князя, въ слѣдствіе этой любви къ своему Княжескому роду, каждая система и сохраняетъ свой Княжескій родъ. Въ Полоцкѣ утверждается домъ Изяслава, въ Черниговѣ Святослава, въ Галичѣ Ростислава Владиміровича, а, по пресѣченіи его, домъ Даніила, въ Смоленскѣ Ростислава Мстиславича, во Владимірѣ домъ Георгія Долгорукаго, и т. д. Мы видѣли, сверхъ того, что Боярство составляло лучшую, надежнѣйшую, дружину въ каждой системѣ, за исключеніемъ Ростовской, [177] и что всѣ удары, которые обращаемы были противъ Князя, при-

---

[177] Въ отношеніи, однако жь, Сѣвернаго Владимірскаго Княженія, а не въ отношеніи самыхъ Ростовскихъ земель.

нимались преимущественно Боярскою дружиною, а иногда, въ чрезвычайныхъ случаяхъ, и дружиною горожанъ. Прямой выводъ изъ этихъ замѣчаній будетъ тотъ, что идея Княжеской власти жила въ самомъ народѣ, была любимою, живою, народной идеей; что любовь народа Русскаго къ своимъ Князьямъ, къ своимъ отцамъ, властителямъ, даже въ самый періодъ удѣловъ, двигала всѣми дѣлами и торжествовала надъ всѣми препятствіями; однимъ словомъ, мы въ этотъ періодъ были тѣ же самые, какъ и въ періодѣ самодержавія, т. е., полны преданности къ Престолу и готовы во всякое время положить свои головы за свой Правящій Домъ.

Глубоко и многознаменательно, скажемъ мы снова, должна же была быть эта идея для самаго народа, если милліоны предковъ нашихъ улеглись, отстаивая представителей ея; всѣ выгоды, вся жизнь, какъ будто сливались для него съ нею. И дѣйствительно, она, это дитя самобытнаго развитія нашихъ Славянскихъ племенъ, полна дивнаго величія и глубины въ своихъ основаніяхъ.

Наши разсужденія будутъ здѣсь неумѣстны: пусть явится предъ нами самъ народъ Русскій съ своею исторіею, во свидѣтельсво величія своей думы.

Любя вообще родовыхъ Князей своихъ, народъ Русскій имѣлъ изъ Князей особыхъ любимцевъ, которые болѣе очаровали его, и слѣдовательно, сіи-то Князья осуществляли своею жизнію, своими дѣлами, идею народную болѣе, нежели другіе: ихъ образъ, по этому, можетъ замѣнить намъ, въ семъ случаѣ, думу народную о Князѣ.

Въ періодъ, на который мы обращаемъ особенное вниманіе, въ періодъ удѣловъ, чаровалъ собою народъ Русскій всѣхъ болѣе Владиміръ Мономахъ. Вотъ двѣ великія, и въ то же время простыя, эпитафіи, которыя сказали предки наши въ память Великому: «Преставися Благовѣрный, Христолюбивый и Великій Князь всея Руси, Володимеръ Мономахъ, иже просвѣти Рускую землю, акы солнце луча пущая, его же слухъ произыде по всимъ странамъ, найпаче же бѣ страшенъ поганымъ, братолюбець, и нищелюбець, и добрый страдалецъ за Рускую землю.» [178] «Преставися Благовѣрный и Великій Князь Русскый Володимеръ, сынъ благовѣрна отца, Всеволода, украшенный добрыми нравы, прослувый въ побѣдахъ; его

---

[178] Ипатьев. 10.

имени трепетаху вся страны, и по всѣмъ землямъ изиде слухъ его, понеже убо онъ всею душею взлюби Бога. Но и мы мнимся Бога любяще, но аще потщимся заповѣди его схранити, тогда явимся Бога любяще: «Любяй бо мя, рече, заповѣди моя хранить.» Сей же чюдный Князь Володимеръ потщася Божья хранити заповѣди, и Божьи страхъ присно имѣя въ сердци, поминая слово Господне, еже рече: «О семъ познають вы вси человѣци, яко мои ученици есте, аще любите другъ друга», и: «Любите врагы ваша, и добро творите ненавидящимъ васъ.» «Вся бо зломыслы его вда Богъ подъ руцѣ его, поне не взношашеся, ни величашеся, но на Бога възлагаше все, и Богъ покоряше подъ нозѣ его вся врагы; онъ же, заповѣдь Божью храня, добро творяше врагомъ своимъ, отпущаше я одарены. Милостивъ же бяше паче мѣры, поминая слово Господне, глаголющее: «Блажени милостивыи, яко тіи помилованы будуть,» и: «Блаженъ разумѣваяй на нища и убога, яко въ день лютый избавить и Господь.» Тѣмъ и не щадяще имѣнья своего, раздавая требующимъ, и церкви зижа и украшая; чтяшеть же излиха чернечьскый чинъ и поповскый, подавая имъ, еже на потребу, и принимая отъ нихъ молитвы. Жалостивъ же бяше отинудь, и даръ си отъ Бога прія, да егда въ церковь внидяшеть и слыша пѣнье, и абье слезы испущашеть, и тако молбы ко Владыцѣ Христу со слезами воспущаше, тѣмъ и Богъ вся прошенья его свершаше, и исполни лѣта его въ доброденствѣ.» [179]

Но не лесть ли говорила, быть можетъ, замѣтятъ нѣкоторые, въ этихъ словахъ предковъ нашихъ? Нѣтъ, въ этихъ словахъ выразилась только тѣнь тѣхъ чувствъ, которыя они питали къ Владиміру Мономаху. Глубоко отпечатлѣлся образъ Великаго въ душахъ предковъ нашихъ, и чувство глубокаго благоговѣнія къ Великому перешло и на потомство его: благовѣрнаго Князя корень и благовѣрная отрасль былъ домъ Мономаха въ глазахъ Русскихъ, по выраженіямъ лѣтописца. [180] Мы уже видѣли, что Кіевляне, не смотря на всю любовь свою къ внуку Мономаха, Изяславу, на рѣшительныя дѣйствія поддержать его во что бы то ни стало на Кіевскомъ престолѣ, отказывались ити съ нимъ противъ сына Мономахова, Георгія, по тому что, какъ они выра-

---

[179] Лаврент. 129.

[180] Ипат. 10. Тогда же благовѣрнаго Князя корень и благовѣрная отрасль Ярополкъ (сынъ Мономаха) и пр.

жались, не могутъ поднять руки на племя Мономаха: они желали пресѣчь всѣ распри между внукомъ и сыномъ Великаго. Они дѣйствовали противъ Георгія нерѣшительно даже тогда, когда тотъ соединился съ отъявленными врагами земель Кіевскихъ, съ Князьями Черниговскими и, вмѣстѣ съ ними и наемными Половцами, шелъ на судъ Божій противъ племянника, любимца Кіевлянъ. Еще передъ самой Переяславской битвой, проигранной Изяславомъ, Епископъ Евѳимъ умолялъ сего послѣдняго примириться съ Георгіемъ: «Княже! умирися съ стрыемъ своимъ: много спасеніе примеши отъ Бога и землю свою избавиши отъ великія бѣды.» Переяславцы, составлявшіе часть дружинъ земель Кіевскихъ, во время самой битвы явно предпочли старѣйшаго Князя, сына Мономаха, его племяннику, Изяславу: «И бысть лесть въ Переяславцехъ, рекуче: «Гюрги намъ Князь свой, того было намъ искати и далече,» то рекуче, и поскочиша» (оставили поле битвы). И не противъ Георгія боролись въ семъ случаѣ Кіевляне, какъ и въ продолженіи всего княженія Изяслава, а, какъ мы выше объяснили, боролись противъ Ростовцевъ и Суздальцевъ, которыхъ господство было неизбѣжно съ господствомъ Георгія надъ землями Кіевскими, точно также какъ Владимірцы, по ихъ собственному сознанію, боролись не противъ Ростиславичей, а противъ тѣхъ же Ростовцевъ и Суздальцевъ, которыхъ представителями были Ростиславичи. Такая любовь высказывалась не въ однѣхъ земляхъ Кіевскихъ къ потомству Мономаха; нѣтъ, она прокралась и въ другія системы и не смотря на враждебныя отношенія, въ которыхъ находилась тогда одна система противъ другой, имя Мономаха влекло сердца и системъ враждебныхъ къ его потомству: дружина Курская, расположенная къ Изяславу Мстиславичу, высказывая ему явную нелюбовь къ Князьямъ Черниговскимъ, отказывалась также отъ борьбы противъ сына Мономаха, того же Георгія, и подъ тѣмъ же предлогомъ: «Оже се Ольговичь, ради ся за тя бьемъ и съ дѣтьми, а на Володимере племя на Гюргевича [181] не можемъ руки подъяти.» Даже кичливые Новгородцы отдавали дому Мономаха предпочтеніе предъ всѣми другими. Въ 1102 году Владиміръ Мономахъ сдѣлалъ условіе съ двоюроднымъ сво-

[181] Противъ Глѣба, сына Георгія, посланнаго отцемъ на помощь Святославу Ольговичу противъ Давидовичей и, съ тѣмъ вмѣстѣ, противъ Изяслава Мстиславича, ихъ союзника. Ипат. 35.

имъ братомъ, Великимъ Княземъ Кіевскимъ, Святополкомъ, условіе, чтобъ вывести изъ Новгорода сына своего, Мстислава, и дать ему въ замѣнъ Владиміръ Волынскій, а Новгородъ предоставить управленію сыну Святополка. На основаніи сего условія, Мстиславъ выѣхалъ изъ Новгорода и былъ уже въ Кіевѣ, чтобъ оттуда перебраться на свое новое княженіе; но съ нимъ прибыли въ Кіевъ и послы Новгородскіе съ словами: «Се мы, Княже, присланы къ тобѣ, и ркли ны тако: «Не хочемъ Святополка, ни сына его; аще ли двѣ главѣ имѣеть сынъ твой, то пошли й, сего ны далъ Всеволодъ (отецъ Мономаха), а въскормили есми собѣ Князь, а ты еси шелъ отъ насъ;» такъ что, не смотря на все желаніе завладѣть богатымъ Новгородомъ, Святополкъ долженъ былъ уступить этой любви народной къ Мономахову потомству: «И Святополкъ многу прю имѣвъ съ ними, онѣмъ же не хотѣвшимъ, попмаше Мстислава, придоша Новгороду.» [182] Въ 1140 году Новгородцы, изгнавъ Святослава Ольговича, брата Великаго Князя, послали сказать самому Великому Князю: «Не хочемъ сына твоего, ни брата, ни племени вашего, но хочемъ племени Володимера.» Всеволодъ цѣлую зиму и лѣто держалъ у себя пословъ Новгородскихъ, вмѣстѣ съ Новгородскимъ Епископомъ, полагая, что онъ заставитъ наконецъ Новгородцевъ принять кого либо изъ своего рода къ себѣ на княженіе; но всѣ усилія его были тщетны; любовь къ роду Мономаха торжествовала. Новгородцы, послѣ долгаго сиротства престола, сначала призвали къ себѣ сына Георгія, внукâ Мономахова, а потомъ приняли къ себѣ Князя отъ самаго Всеволода Ольговича, желаннаго ими другого внука Мономахова, Святополка Мстиславича. [183] Что заставляло такимъ образомъ дѣйствовать Новгородъ: истинное ли желаніе видѣть на престолѣ своемъ кого либо изъ дому Мономаха, или прямой расчетъ, который служилъ основаніемъ всѣхъ ихъ дѣйствій, мы не беремся рѣшать, по тому что нѣтъ для этого достаточныхъ данныхъ, хотя готовы скорѣе принять послѣднее мнѣніе. Но предположивъ даже, что они на самомъ дѣлѣ дѣйствовали здѣсь въ видахъ чистаго расчета, замѣчая господство племени Мономаха въ большей части системъ, на которыя распадалась тогда Русь, замѣчая даже полную зависимость

---

[182] Лавр. 117.

[183] Лавр.. 134. Ипат. 17.

самаго Великаго Кіевскаго Князя, Всеволода Ольговича, отъ дѣтей и внуковъ Мономоха, замѣчая глубокую преданность къ нимъ на Югѣ и на Сѣверѣ, желали избраніемъ одного изъ нихъ расположить болѣе сильнѣйшихъ изъ Мономаховичей, и тѣмъ пріобрѣсти ихъ покровительство въ собственныхъ своихъ дѣлахъ, во всякомъ случаѣ мы не можемъ не видѣть въ сказанныхъ явленіяхъ торжества любви народной къ дому Мономаха: если не любовь Новгородцевъ говорила въ этихъ явленіяхъ, то, по крайней мѣрѣ, говорила любовь дружинъ другихъ системъ, любовь преимущественно дружинъ Кіевскихъ, дѣлавшая Мономаховичей страшными и для самыхъ Новгородцевъ.

Чѣмъ пріобрѣлъ эту живую любовь къ себѣ, къ своему потомству, Мономахъ, мы уже видѣли изъ словъ предковъ нашихъ: онъ, какъ говорили они, пріобрѣлъ ее любовію своей къ народу, любовію, высказанною дѣломъ; любовію къ Богу и исполненіемъ заповѣдей его. Обратимся же къ самой жизни Мономаха и посмотримъ, чѣмъ же именно запечатлѣлась эта любовь Мономаха къ Богу и къ своему народу?

Двойное зло губило въ періодъ удѣловъ землю Русскую. Съ одной стороны Половцы на всемъ протяженіи Кіевскихъ и Черниговскихъ земель вторгались безпрерывно въ предѣлы нашего отечества, пустошили его огнемъ и мечемъ, и сотнями, тысячами, отводили предковъ нашихъ въ плѣнъ, для того чтобъ или взять за нихъ богатый выкупъ, или обратить ихъ въ рабовъ своихъ, или, наконецъ, какъ рабовъ, продать въ земляхъ чуждыхъ. Эти набѣги Половцевъ были безумолкны. Они, какъ саранча, являлись губительными толпами то тамъ, то сямъ. Слезы и скорбь разливались въ землѣ Русской отъ ихъ вторженій. [184] Другимъ не менѣе, если не болѣе, страшнымъ зломъ были для насъ въ періодъ удѣловъ междоусобныя войны Князей различныхъ системъ, войны,

---

[184] Вотъ, на пр., какъ лѣтописецъ, подъ 1093 годомъ, очерчиваетъ тогдашнее положеніе, въ которомъ поставлены были Русскія земли набѣгами Половцевъ: «Городи вси опустѣша, селы опустѣша; прейдемъ поля, идѣже пасома бѣша стада конь, овця и волове, вс҄ тоще нонѣ видимъ, нивы поростъше звѣремъ жилища быша...... Гдѣ бо бѣ у насъ умиленье? Нонѣ же вся полна суть слезъ; гдѣ бѣ въ насъ въздыханье? Нонѣ же плачь по всѣмъ улицамъ упространися, избьенныхъ ради, иже избиша безаконьніи. Лаврент. 95—96.

которыя стихали, можно сказать, на минуту, для того, чтобъ снова вспыхнуть и нерѣдко обнять всѣ системы. Кровь лилась въ этихъ междоусобіяхъ: пустошились города и села, дружины гибли, плачъ и стонъ, вмѣсто веселій, раздавались въ земляхъ Русскихъ. Рѣдкій изъ Князей готовъ былъ великодушно жертвовать для блага общаго какими либо своими правами, или выгодами, а, напротивъ, стремленіе къ утвержденію, или расширенію, своихъ правъ и выгодъ заставляло большую часть Князей забывать иногда всѣ страшныя слѣдствія взаимной вражды, уничтожавшей внутреннія силы, благосостояніе и открывавшей, иногда съ намѣреніемъ, иногда безъ намѣренія, свободный путь въ земли Русскія врагамъ нашимъ, Половцамъ. «Тогда», говоритъ пѣвецъ XII ст., «при Олзѣ Гориславличи (Святославичѣ, Князѣ Черниговскомъ, современникѣ Мономаха) сѣяшется и растяшеть усобицами, погибашеть жизнь Дождьбожа внука въ Княжьихъ крамолахъ, вѣци человѣкомъ скратишась. Тогда по Руской земли рѣтко ратаевѣ кикахуть, нъ часто врани граяхуть, трупія себѣ дѣляче, а галици (галки) свою рѣчь говоряхуть, хотять полетѣти на уѣдіе.» [185]

Вотъ главнѣйшія обстоятельства, вотъ два гибельнѣйшихъ изъ золъ того времени, посреди которыхъ является Мономахъ. Не такъ дѣйствовалъ самъ Великій. Живая, могучая, душа его глубоко сочувствовала бѣдствію народному: она стонала, плакала вмѣстѣ съ самимъ народомъ. Мономахъ сознавалъ, что не въ его власти спасти землю Русскую отъ страшныхъ золъ, въ которыхъ гибла она, и возложилъ всю надежду на Господа; его душа на крыліяхъ горячихъ слезъ, на крыліяхъ искренней глубокой молитвы, возносилась къ Творцу, какъ къ безконечно благому отцу Царей и народовъ, и, полная вѣры въ благость его, полная упованія на его всемогущество, знаменовалась въ дѣлахъ величіемъ и безпримѣрною любовію къ народу Русскому. Онъ забывалъ себя совершенно въ личныхъ своихъ выгодахъ, и стремился всей душой на благо родины. Въ сей любви его къ родинѣ одинъ Петръ Великій, этотъ другой дивный любимецъ народа, можетъ быть ему только соперникомъ.

Мы знаемъ, что въ 1093 году онъ отказался отъ Кіев-

---

[185] Пѣсни народа Русскаго, изд. Г. Сахарова, часть V. Слово о полку Игоревѣ, стр. 286.

скаго престола, въ пользу своего двоюроднаго брата, устраняя этимъ единственно лишь поводъ къ междоусобію: «Володимеръ, нача размышляти, река: «Аще сяду на столѣ отца своего, то имамъ рать съ Святополкомъ взяти, яко есть столъ преже отъ отца его былъ.» [186] И, «размысливъ, посла по Святополку Турову, а самъ иде Чернигову»..... Въ 1097 году сошлись въ Любечѣ всѣ Князья, чтобъ братски обняться и дружелюбно прекратить всѣ взаимныя распри между собою. Они говорили: «По что губимъ Русьскую землю, сами на ся котору дѣюще? А Половци землю нашу несуть розно, и ради суть, оже межю нами рати; да нонѣ отселѣ имемся въ едино сердце и блюдемъ Русьскыѣ земли, кождо да держить отчину свою».... И потомъ цѣловали между собою крестъ на томъ, что если кто ни будь изъ Князей разрушитъ святой союзъ и начнетъ открыто враждовать противъ одного изъ нихъ, то онъ будетъ врагомъ всѣхъ остальныхъ Князей и врагомъ честнаго креста: «Да аще кто отселѣ на кого будеть, то на того будемъ вси.» И рекоша вси: «Да будеть на нь крестъ честный и вся земля Русьская!» Кто же былъ душею этого сейма?... Лѣтописецъ молчитъ, но всѣ событія говорятъ, что этою душею былъ Владиміръ Мономахъ. Всѣ Князья, можно сказать, мгновенно же нарушили данную ими другъ другу клятву: одинъ Мономахъ не измѣнилъ ей, и горько соболѣзновалъ о подобномъ состояніи дѣлъ. Въ слѣдъ же за окончаніемъ сейма, духъ вражды, между образовавшимися Волынскимъ и Галикимъ Княжествами, пробудилъ духъ вражды и подозрѣнія между представителями этихъ Княжествъ, между Василькомъ и Давыдомъ Игоревичемъ. Послѣдній, руководимый самъ какими-то тремя приближенными къ нему думцами, искалъ средствъ погубить Василька, но въ открытую борьбу онъ, видно, что не хотѣлъ вступать, а искалъ средствъ коварныхъ, чтобы избыть его, опасаясь имѣть вблизи своего Княжества столь храбраго Князя, представителя враждебной области. Онъ напомнилъ Святополку, тогда Великому Князю Кіевскому, что убійца его брата, бывшаго Княземъ Волынскимъ, сокрылся у брата Василька, Рюрика Ростиславича, и что онъ палъ жертвою вражды Ростиславичей или Галицкой области къ области Волынской. Одного намека на подобную мысль было достаточно, чтобъ Святополкъ исполнился гнѣвомъ противъ Ва-

[186] Лаврент. 93.

силька; но къ этому присоединилась еще клевета, что будто бы Василько заключилъ тайный союзъ съ Мономахомъ противъ Святополка и другихъ Князей, ища господства себѣ въ земляхъ Русскихъ. По совѣтѣ съ Кіевлянами, Святополкъ въ рѣшеніи участи Василька, призваннаго въ Кіевъ на братскую бесѣду, отдается на волю Давыда Игоревича, и Василько, готовясь на предпріятія великія, для пользы родины, безчеловѣчнымъ образомъ ослѣпленъ. Встрепенулась душа Великаго Мономаха при вѣсти объ этомъ преступномъ дѣлѣ. Предъ нимъ раскрывается вновь страшная картина междоусобій, посреди которыхъ гибнетъ земля Русская. Онъ зоветъ Давыда и Олега Святославичей соединить дружины свои съ нимъ и остановить зло въ самомъ зародышѣ: «Да поправимъ сего зла, еже ся створи се въ Русьскѣй земьли и въ насъ, въ братіи, оже вверже въ ны ножь; да аще сего не правимъ, то болшее зло встанеть въ насъ, и начнеть братъ брата закалати, и погыбнеть вся земля Русьская, и врази наши, Половци, пришедше, возмуть земьлю Русьскую»... [187] Такъ не крови, не мести, хотѣлъ Мономахъ, выступая съ Святославичами противъ Святополка, а хотѣлъ только блага земли Русской, хотѣлъ только предупредить дальнѣйшій раздоръ между Князьями. Самый исходъ похода показываетъ, что въ этой думѣ сосредоточены были всѣ думы Мономаха. Святополкъ, узнавъ о наступательномъ на него движеніи трехъ Лнязей, хотѣлъ было бѣжать изъ Кіева, но Кіевляне остановили его, зная, что не крови и не Великокняжескаго престола ищетъ Мономахъ: они понимали высокую душу его, и слова, сказанныя ими чрезъ посольство: «Молимся, Княже, тобѣ и братома твоима, не мозѣте погубити Русьскыѣ земли. Аще бо възмете рать межю собою, поганіи имуть радоватися и возмуть землю нашу, иже бѣша стяжали отци ваши и дѣди ваши, трудомъ великимъ и храбрьствомъ побарающе по Русьскѣй земли, ины земли пріискываху, а вы хочете погубити землю Русьскую?» [188] Эти слова тронули Владиміра Мономаха до слезъ; онъ заплакалъ и сказалъ: «По истинѣ отци и дѣди наши соблюли землю Русьскую, а мы хочемъ погубити,» и сконился на миръ, но съ тѣмъ, однако жь, чтобъ Святополкъ наказалъ Давыда Игоревича, виновника зла, либо взявъ его въ плѣнъ,

---

[187] Лавр. 112.
[188] Тамъ же.

либо изгнавъ его изъ его владѣній. Давыдъ между тѣмъ рѣшился защищать себя силою и собственныхъ дружинъ и наемныхъ дружинъ Половецкихъ. Война противъ него длится безъ положительнаго вывода. Къ ней присоединятся еще другая. Святополкъ, кажется, не забылъ смерти брата своего, и двинулъ силы свои изъ Владиміро-Волынскихъ земель противъ Галицкой области, или представителей ея, Василька и Володаря Ростиславичей, но Ростиславичи на этотъ разъ предупредили и въ упорной борьбѣ разбила его на голову. Такъ пламя раздора мало по малу распространялось. Святополкъ не хотѣлъ и, какъ Великій Князь, не могъ оставить въ покоѣ Ростиславичей, а Давыдъ Игоревичь не былъ смиренъ и стремился вновь утвердить власть свою въ земляхъ Владимірскихъ, гдѣ было его Святополкъ успѣлъ уже стѣснить. Новый сеймъ, котораго душею, безъ всякаго уже сомнѣнія, былъ снова Владиміръ Мономахъ,[189] смирилъ Давыда, заставивъ его отказаться отъ Владиміра Волынскаго, и принять, вмѣсто него, три незначительныхъ города отъ Святополка и 400 гривенъ отъ Святославичей и Мономаха [190] Не такъ легко можно было помирить Святополка съ Ростиславичами, которые, опираясь на сильныя дружины Галицкія, не хотѣли исполнять воли Великаго Князя, стремившагося непосредственно подчинить себѣ часть Галицкихъ земель: «и тогда послаша слы своя», кажется всѣ Князья, бывшіе на сеймѣ и въ томъ числѣ, быть можетъ, Мономахъ, къ Володареви и Васильковии: «Поими брата своего, Василька, къ себѣ, и буди ваю едина власть, Перемышль; да аще любо, да сѣдита; аще ли ни, да пусти Василька сѣмо, да его кормимъ здѣ; а холопы наша (вѣроятно, захваченные въ упомянутой битвѣ) выдайта и смерды!» и не послуша сего Володарь, ни Василько.» Война противъ нихъ должна была вспыхнуть, и Святополкъ, кажется, успѣлъ склонить къ ней всѣхъ Князей; но Владиміръ и здѣсь опять остается вполнѣ вѣрнымъ любимой думѣ своей: онъ отказался рѣшительно отъ участія въ этой войнѣ, говоря, что не можетъ нарушить данной имъ клятвы и сдѣ-

---

[189] Нельзя не приписать сзыва Князей на этотъ сеймъ Владиміру Мономаху: только при жизни его были подобные сеймы, и потомъ исчезаютъ на долго; при томъ самый исходъ втораго сейма былъ не что иное, какъ снисходительное исполненіе требованій Мономаха, при заключеніи имъ мира съ Святополкомъ, относительно преслѣдованія Давыда.

[190] Лавр. 116.

латься врагомъ Ростиславичей: «Усрѣтоша бо мя слы (послы) говоритъ самъ Мономахъ, отъ братьи моей на Волгѣ, рѣша «Потъснися къ намъ, да выжинемъ Ростиславича, и волость ихъ отъимемъ; оже ли не поидеши съ нами, то мы собѣ будемъ, а ты собѣ;» и рекъ: «Аще вы ся и гнѣваета, не могу вы я ити, ни креста нерестунити.» [191] Но загляните въ глубину души Мономаха, что совершается въ ней при этомъ вызовѣ Князей и его отказѣ: самъ Мономахъ раскрываетъ ее предъ вами. Она смущена въ своемъ одиночествѣ, въ своемъ безсиліи исполнить міръ благомъ и задержать страсти людскія, и въ этомъ смущеніи предъ ней міръ безконечной благости и всемогущества: она созерцаетъ бытіе Божіе; она видитъ, чувствуетъ, что нѣтъ двухъ боговъ, а одинъ Богъ безконечный любви, истины и величія, правитъ міромъ; она видитъ, чувствуетъ это, и исполняется вѣрою, любовію къ Богу, къ міру и къ истинѣ; она не страшится уже зла, по тому что съ нею Богъ правды и всемогущества: у Него нѣтъ пріюта злу: зло бѣжитъ предъ Его безконечною дюбовію и величіемъ, какъ тьма передъ свѣтомъ. Напрасны, тщетны, всѣ лукавые и коварные помыслы человѣческіе: царитъ въ мірѣ Богъ правды и всемогущества. Неугодны пути зла и коварства Господу, и всѣ плоды ихъ, всѣ стяжанія ихъ размечутся, какъ прахъ правдою божественной, и сами виновники зла покараются своимъ же зломъ, своими стрѣлами и оружіемъ. Въ этѣ минуты Мономахъ будто бы провидитъ, какъ предъ безконечною благостію, которою Творецъ исполняетъ міръ, самыя царства, когда-то сильныя, отдавшись злу, разврату, рушатся сами въ себѣ и дѣлаются добычею народовъ иноплеменныхъ, безъ всякой почти борьбы, какъ прахъ отжившій уже, подобно царству Іудейскому, Риму и Греціи, погибшихъ въ нравственномъ разслабленіи въ безвѣріи, злѣ, развратѣ своемъ. Но душа Мономаха выходитъ изъ религіознаго созерцанія каръ Божіихъ, и вотъ Богъ правды является предъ ней Богомъ любви и величія. Созерцая природу, онъ поражается премудростію Божественной. «Господи! восклицаетъ Мономахъ, кто не похвалить и не прославитъ силы твоея и твоихъ великихъ чудесъ и добротъ, устроенныхъ на семъ свѣтѣ: како небо устроено, како ли солнце, како ли луна, како ли звѣзды, и тма, и свѣтъ, украшено твоимъ промысломъ, Господи!

[191] Лавр. лѣт.

И сему чюду дивуемся, како отъ персти создавъ человѣка, како образи разноличніи въ человѣческыхъ лицихъ, аще и весь міръ совокупить, не вси въ одинъ образъ, но кый же своимъ лиць образомъ, по Божіи мудрости. И сему се подивуемы, како птица небесныя изъ ирья идуть, и первѣе наши руцѣ, и не ставяться на одиной землѣ, но и сильныя и худыя идуть по всѣмъ землямъ, Божіимъ повелѣньемъ, да наполнятся лѣса и поля. Все же то далъ на угодье человѣкомъ, на снѣдь, на веселье Велика, Господи, милость твоя на насъ, еже та угодья створилъ еси человѣка для грѣшна. И ты же птицѣ небесныя умудрены тобою, Господи: егда повелиши, то вспоють, и человѣкы веселять тебе. И егда же не повелиши имъ, языкъ же имѣюще, онѣмѣють, и благословенъ еси, Господи, и хваленъ зѣло. Всяка чюдеса и ты доброты створивъ и сдѣлавъ, да иже не хвалить тебе, Господи, и невѣруеть всѣмъ сердцемъ и всею душею во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, да будеть проклятъ!»[192] И Мономахъ отказывается отъ союза съ братьею своею, чтобъ не нарушать правды противъ Ростиславичей, и тѣмъ не отрекаться душой отъ своего Господа.

Сливаясь съ величіемъ природы, глубоко сочувствуя любви Божіей къ человѣку, онъ исполненъ былъ жизнію, стремился всей душой къ Господу, хотѣлъ быть достойнымъ храмомъ Бога живаго; былъ имъ, и это сознаніе великаго значенія человѣка, сознаніе Святыхъ истинъ, которыя онъ носилъ въ самомъ себѣ, сознаніе высокой, живой любви, которою исполненъ былъ предъ нимъ міръ, дало ему твердую вѣру въ жизнь высокую, духовную, жизнь безграничную, а вмѣстѣ съ тѣмъ, всѣмъ его дѣйствіямъ, характеръ непреклонности и въ то же время полнаго смиренія. Въ этомъ отношеніи онъ былъ чудный первообразъ Петра Великаго. Высокая, живая, любовь сближала его со всѣми слоями. «Болкаго присѣтите, надъ мертвеця идѣте, яко вси мертвени есмы, и человѣка не минѣте не привѣчавше, добро слово ему дадите, и болѣе же чтите гость, откуду же вамъ придеть, или простъ, или добръ, или солъ, аще не можете даромъ, брашномъ и питьемъ.»[193] Слова, которыя прибавилъ къ этому Мономахъ, говорятъ, что онъ желалъ, стремился, пріобрѣсти себѣ общую любовь: «Ти бо мимоходячи, про-

---

[192] Завѣщаніе Мономаха.

[193] Тамъ же.

славять человѣка по всѣмъ землямъ, любо добрымъ, любо злымъ.» [194] Видно, что сознаніе общей любви къ нему исполняло душу его самымъ высокимъ наслажденіемъ, какъ, съ другой стороны, сознаніе ничтожности здѣшней земной жизни, уничтожало въ немъ слѣды всякой гордости: «Паче всего гордости не имѣйте въ сердци и въ умѣ: смертни есмы, днесь живи, а заутра въ гробъ.» [195] Сіи же послѣднія слова показываютъ, сверхъ того, какъ безстрашно смотрѣлъ онъ на переходъ изъ здѣшней жизни въ жизнь будущую. Что жь могло послѣ этого удержать его отъ исполненія Святыхъ заповѣдей, когда онъ стремился сдѣлаться только достойнымъ любви Господа: пріобрѣтенія ли, желанія ли во что бы то ни стало притяжать себя вѣнокъ славы? Нѣтъ, онъ искалъ славы не ложной; пріобрѣтенія, были прахъ предъ нимъ. Его вѣнцомъ жизни было любовь къ нему Господа и благословеніе народа. Онъ исполненъ былъ той высокой думы, которую высказалъ современный нашъ поэтъ, незабвенный Пушкинъ:

Къ нему домчится гимнъ временъ,
Благословеніе племенъ.

Такъ мы видѣли, что онъ готовъ былъ посоориться за Ростиславичей съ братьями, чтобъ только не нарушить клятвы, данной имъ, вмѣстѣ съ ними, не обижать другъ друга и въ взаимныхъ распряхъ не губить земли Русской, еще прежде того видѣли, какъ послѣ Любецкаго сейма, онъ воспрянулъ, чтобъ задержать междоусобіе, раздоръ, въ самомъ началѣ; какъ потомъ плакалъ онъ о томъ, что его братья Князья забываютъ землю Русскую и въ своихъ крамолахъ готовы погубить благосостояніе ея; онъ плакалъ, опустилъ мечъ, но не прежде, однако жь, пока заставилъ Святополка дать обѣщаніе наказать главнаго виновника нарушенія общаго согласія. Однимъ словомъ, вездѣ мы видимъ Мономаха бодрымъ, неуклоннымъ, стражемъ благосостоянія народнаго. Тѣмъ же самымъ свойствомъ запечатлѣлъ себя Мономахъ въ отношеніи враговъ нашихъ, Половцевъ.

Зная невоинственный духъ Святополка, его неподвижность, его забвеніе къ дѣламъ общественнымъ, подъ вліяніемъ иногда част-

---

[194] Тамъ же.
[195] Тамъ же.

ныхъ выгодъ, мы не сомнѣваемся ни сколько, что главнымъ двигателемъ дѣлъ противъ Половцевъ былъ при самомъ Святополкѣ Владиміръ Мономахъ; что любовь его къ землѣ Русской единила въ семъ случаѣ Князей различныхъ системъ между собою. Въ этомъ убѣждаютъ и положительныя данныя. Всѣ современные ему Князья не могли удержать себя отъ взаимныхъ раздоровъ и междоусобій: Владиміръ вездѣ является мирителемъ ихъ; страшится за бѣдствія, которыя влекутъ эти междоусобія для народа, и указываютъ при этомъ на гибель, которая ждетъ землю Русскую со стороны Половцевъ, если Князья не прекратятъ своихъ междоусобій.[196] Въ 1103 году, по одному списку, и въ 1111, по другому, лѣтописецъ представляетъ его главнымъ дѣятелемъ, душею, одного изъ болѣе замѣчательнѣйшихъ походовъ на Половцевъ, и при этомъ рѣзко обозначаетъ душу его, его отчетливое сознаніе бѣдствій народныхъ, коимъ сопровождались вторженія Половцевъ въ земли Русскія. Онъ вызывалъ Святополка соединить къ веснѣ всѣ силы наши и двинуть ихъ на земли Половецкія. Святополкъ и дружина его не соглашались на это, и были, казалось, правы: они говорили, что для похода необходимо взять лошадей отъ земледѣльцевъ, а взявши лошадей весной, они лишатъ земледѣльца возможности обработать свое поле. Тогда, по желанію же самаго Святополка, открытъ былъ совѣтъ, посреди котораго является и Владиміръ Мономахъ, окруженный своими дружинами. На этомъ совѣтѣ, все патріархальное величіе коего описано нами выше, Мономахъ высказался болѣе глубокимъ сочувствіемъ къ бѣдствіямъ народнымъ, нежели какое высказывалъ въ частномъ совѣтѣ Святополка съ дружиной своей: «Дивно ми, брате, оже смердовъ жалуете и ихъ коній, а сего не помышляюще, оже на весну начнеть смердъ тотъ орати лошадью тою и, пріѣхавъ Половчинъ, ударить смерда стрѣлою, и поиметь лошадь ту, и жену его, и гумно его зажжеть: то о семъ чему не мыслите?» Эта живая рѣчь, это живое представленіе тѣхъ бѣдствій, которыя были неизбѣжнымъ слѣдствіемъ близкаго сосѣдства Половцевъ и ихъ духа хищничества, увлекло дружину Святополка: «Право, во истину тако есть»! отвѣчала она. Тогда только Свя-

[196] Какъ, на прим., вызывая Святославичей къ преслѣдованію Святополка и Давыда какъ мы видѣли выше, напоминаетъ Князьямъ Черниговскимъ объ этой гибели: «Да аще сего зла не правимъ......погибнеть земля Руськая, и враги наши, Половци, пришедше, возьмуть землю Руськую.»

тополкъ воспрянулъ, какъ бы отъ сна, братски обнялся съ Мономахомъ, послалъ ко всѣмъ Князьямъ сказать, чтобъ они совокупили силы свои съ нимъ и двинулись на Половцевъ. [197] Въ этомъ походѣ, какъ во всѣхъ другихъ союзныхъ походахъ Святополка на земли Половецкія, Владиміръ участвовалъ лично съ своими дружинами. Еще одно важное доказательство, что въ значительныхъ походахъ противъ Половцевъ, во внутренность ихъ земель, Владиміръ Мономахъ принималъ самое дѣятельное участіе, былъ въ главѣ современныхъ ему Князей, и на немъ-то лежала тягость борьбы съ полудикими сосѣдями, мы находимъ подъ 1140-мъ годомъ: «Се бо Мьстиславъ Великый наслѣди отца своего потъ Володимера Великаго: Володимеръ самъ собою постоя на Дону, и многа пота утеръ за землю Русьскую, а Мьстиславъ мужи своя посла, загна Половци за Донъ, и за Волгу, и за Яикъ.» [198] Еще прежде союзныхъ походовъ на Половцевъ, онъ сдѣлалъ противъ нихъ четырнадцать походовъ съ собственными своими дружинами, или отражая ихъ впаденія въ различныхъ мѣстахъ Черниговскихъ и Кіевскихъ земель, или преслѣдуя, поражая ихъ и отбирая плѣнныхъ и полоненное. [199]

Какая поразительная противоположность смиренія съ твердостію, неустрашимостью! Подобно тому, какъ дитя, которое, баюкаясь долго въ любви родительской, въ любви теплой и въ то же время строгой, исполняется наконецъ само ею, и съ этой любовью обращается ко всему міру, всему сочувствуетъ, все его трогаетъ; которое, опираясь на любовь родительскую, въ присутствіи своего отца, матери, нянюшки, не боится ни кого и ни чего; для котораго самое величайшее несчастіе, это недовольство, гнѣвъ, его отца, или матери, подобно этому дитяти, Владиміръ Мономахъ былъ дитятей предъ Богомъ, отцемъ. Онъ любилъ народъ свой любовью теплою, живою, которою исполняло его созерцаніе любви божественной къ цѣлому міру, въ особенности къ человѣку; онъ не страшился ни кого и ни чего, по тому что съ нимъ всегда былъ Богъ, отецъ его. Вѣра его въ любовь и всемогущество Творца была безпредѣльна: онъ страшился только гнѣва Божія, а не смерти.

---

[197] Лаврент. 118. Ипат. 1.
[198] Ипат. 15.
[199] Завѣщаніе или Духовная Мономаха.

«Смерти бо ся, дѣти, не боячи, ни рати, ни отъ звѣри, но мужьское дѣло творите, како вы Богъ подасть. Оже бо язъ отъ рати, и отъ звѣри, и отъ воды, отъ коня спадохся, то ни кто же вамъ можеть вредитися и убити, понеже не будеть отъ Бога повелѣно; а отъ Бога будеть смерть, то ни отець, ни мати, ни братья, не могуть отъяти, но отче добро есть блюсти: Божіе блюденье лѣплѣ есть человѣческаго.» [200]

И эту противоположность смиренія съ непоколебимой твердостью мы видимъ во всей жизни Мономаха. Онъ смиренъ, гдѣ дѣло касается только его личности; но что только коснется завѣтныхъ думъ его, его любви къ народу, тамъ онъ—непреклонная воля. Чего, кажется, ближе былъ Мономаху, какъ не родной сынъ? И онъ въ дѣйствительности любилъ дѣтей своихъ, какъ мы увидимъ ниже, самою нѣжною, теплою, любовью; но думалъ ли онъ мстить Олегу за убіеніе имъ въ битвѣ сына его, Изяслава? Нѣтъ; хотя, конечно, не безъ борьбы, любовь къ народу, къ благоденствію народа, стремленіе сохранить заповѣди Божіи, обезоружили его, помирили его съ Олегомъ и возвратили какъ Олегу, такъ и его брату, Давыду, ихъ отцовскій удѣлъ, за который такъ много уже проливалось крови. Тотчасъ же, какъ дошло до него извѣстіе о смерти сына, онъ писалъ къ Олегу: «О многострастный и печальный азъ! Много борешися сердцемъ, одолѣвши и душѣ сердцю моему, зане тлѣньнѣ сущи, помышляю, како стати предъ страшнымъ Судьею, каинья и смѣренья не прімшимъ межю собою! Молвить бо, иже: «Бога люблю, а брата своего не люблю, ложь есть;» и пакы: «Аще не отпустите прегрѣшеній брату, ни вамъ отпустить Отець вашь Небесный»... Да се ти написахъ, зане принуди мя сынъ твой, его же еси хрстилъ, иже то сѣдить блисъ тобе, прислалъ ко мнѣ мужь свой и грамоту, река: «Ладимся и смѣримся а братцю моему судъ пришелъ; а вѣ ему не будевѣ местника, но възложивѣ на Бога, а стануть си предъ Богомъ; а Русьскы земли не погубимъ!» И азъ, видѣхъ смѣренье сына своего, сжалихси и Бога устрашихся, рекохъ: «Онъ въ уности своей и въ безумьи сице смѣряеться, на Бога укладаеть; азъ человѣкъ грѣшенъ есмь паче всѣхъ человѣкъ. Послушахъ сына своего, написахъ ти грамоту: аще ю пріимеши съ добромъ, ли съ поруганьемь, свое же узрю на твоемъ писаньи. Сими бо словесы

---

[200] Завѣщаніе Мономаха.

варихъ тя переди, его же почаяхъ отъ тебе смѣреньемъ и покаяньемъ, хотя отъ Бога ветхыхъ своихъ грѣховъ. Господь бо нашь не человѣкъ есть, но Богъ всей вселенѣ, иже хощеть, въ мегновеньи ока вся створити хощеть, той самъ претерпѣ хуленье, и оплеванье, и ударенье, и на смерть вдася, животомъ владѣя и смертью; а мы что есмы, человѣци грѣшніи? Ли си день живи, а утро мертви, день въ славѣ и въ чести, а за утра въ гробѣ и безъ памяти, ини собранье наше раздѣлять... Егда же убиша дѣтя мое и твое предъ тобою, и бяше тебѣ, узрѣвше кровь его и тѣло увянувшю, яко цвѣту нову процвѣтшю, яко же агнцю заколену, и рещи бяше, стояще надъ нимъ, вникнуци помыслы души своей: «Увы мнѣ! Что створихъ? И пождавъ его безумья, свѣта сего мечетнаго кривости ради налѣзохъ грѣхъ собѣ, отцю и матери слезы.» И рещи бяше Давыдскы: Азъ знаю грѣхъ мой, предо мною есть воину (выну)»... А къ Богу бяше покаятися, а ко мнѣ бяше грамоту утѣшеную, а сноху мою послати ко мнѣ, зане нѣсть въ ней ни зла, ни добра, да быхъ, обуимъ, оплакалъ мужа ея и оны сватбы ею, въ пѣсній мѣсто: не видѣхъ бо ею первѣе радости, ни вѣнчанья ею, за грѣхы своя; а Бога дѣля, пусти ю ко мнѣ вборзѣ съ первымъ словомъ, да не, съ нею кончавъ, слезы посажю на мѣстѣ, и сядеть акы горлица ни сусѣ древѣ, желѣючи, а язъ утѣшюся о Бозѣ. Тѣмъ бо путемъ шли дѣти отци нашихъ; судъ отъ Бога ему пришелъ а отъ тебе. Аще бы тогда свою волю створилъ, и Муромъ налѣзлъ, а Ростова бы не занималъ, а послалъ ко мнѣ, отсюда ся быхомъ уладили. Но самъ разумѣй, мнѣ ли бы послати къ тебѣ достойно, цили тобѣ ко мнѣ? Даже еси велѣлъ дѣтяти: «Слися къ отцю!» десятью есмъ послалъ. Дивно ли, оже мужь умерлъ въ полку ти? Лѣпше суть измерли и роди наши; да не выискывати было чюжего, ни мене въ соромъ, ни въ печаль ввести; научиша бо и паропци, да быша собѣ налѣзли, но оному налѣзоша зло. Даже начнеши каятися Богу, и мнѣ добро сердце, пославъ солъ свой или Попа, и грамоту напиши съ правдою, то и волость возмеши добромъ, и наю сердце обратиши къ собѣ, и лучше будемъ яко и прежѣ; нѣсмь ти ворогъ, ни местьникъ. Не хотѣхъ бо крови твоея видѣти у Стародуба; но не дай ми Богъ крови отъ руку твоею видѣти, ни отъ повелѣнья твоего, ни котораго же брата. Аще ли лжю, а Богъ мя вѣдаеть и крестъ честный. Оли ~~то буду грѣхъ~~ створилъ, оже на тя шелъ къ Чернигову, поганыхъ [illegible]

каю, да то языкомъ братьи пожаловахъ, и пакы е повѣдахъ, зане человѣкъ есмь. Аще ти добро, да съ тѣмъ; али ти лихо е, да то ти сѣдить сынъ твой хрестьный съ малымъ братомъ своимъ, хлѣбъ ѣдучи дѣдинь, а ты сѣдиши въ своемъ, а о се ся ряди! Али хочеши тою убити? то ти еста; понеже не хочю я лиха, но добра хочю братьи и Руськѣй земли. А его же то и хощеши насильемъ, тако вѣдаяла у Стародуба и милкуючася по тебѣ отчину твою; али Богъ послухъ тому, съ братомъ твоимъ рядилися есвѣ, а не поможеть рядитися безъ тебе, и не створила есвѣ лиха ни что же, ни рекла есвѣ: «Сли къ брату, дондеже уладимся!» Оже ли кто васъ не хочеть добра, ни мира Хрестьяномъ, а не буди ему отъ Бога мира узрити на ономъ свѣтѣ души его. Не по нужи ти молвлю, ни бѣда ми которая, по Бозѣ самъ услышишь; но душа ми лутше всего свѣта сего; на страшнѣй при безъ суперникъ обличаюся.»[201]

Такъ чувство высокой любви къ народу, чувство глубокаго смиренія, еще живѣй заговорили въ Мономахѣ, при неутѣшной скорби семейной: окровавленный, бездыханный, прахъ юноши Князя заставляетъ его проливать источники слезъ, и, сознавая горе въ собстенныхъ утратахъ, страшится сдѣлаться виновникомъ подобной скорби кого либо изъ своихъ братьевъ Князей, или изъ поддайныхъ, страшится поднять новое междоусобіе, на которое вызывало его глубоко огорченное сердце. Онъ не местникъ теперь Олега; нѣтъ, онъ хочетъ быть теперь его другомъ, братомъ; но опять на условіи, чтобъ самъ Олегъ забылъ всю прежнюю вражду, покаялся и, ради блага и мира Христіянъ, отказался отъ новыхъ кровопролитій. Высказавшись такимъ образомъ предъ врагомъ, убійцей своего сына, онъ, въ дальнѣйшихъ своихъ отношеніяхъ къ Олегу, покойно и торжественно отдается на волю Божію.

Сколько горя, горя глубокаго, высказалось въ этомъ посланіи! И какъ оно высказалось тревожно! Сколько любви! Какая глубина и твердость Вѣры! Какое нравственное убѣжденіе, что Властители народа, Князья, должны любить свой народъ, заботиться объ немъ, и приносить для него въ жертву личныя свои отношенія!

Взгляните опять, какъ онъ дѣйствуетъ, когда дѣло коснулось благосостоянія народнаго: здѣсь онъ является не смиреннымъ, а непреклоннымъ судьею. Въ 1103 году, во время похода на земли

[201] Лаврент. 105—106.

Половецкія, былъ взятъ въ плѣнъ одинъ изъ Половецкихъ Князей, именемъ Бѣльдюзъ. Святополкъ, Великій Князь, не принялъ отъ него богатаго выкупа, который онъ предлагалъ за себя серебромъ, золотомъ, конями и скотомъ, а отослалъ его къ Владиміру. Рѣчь Мономаха была совсѣмъ не о выкупѣ: «И пришедшю ему, нача спрашивати его Володимеръ: «То вѣдѣ яла вы рота? Многажды бо ходивше ротѣ, воевасте Русьскую землю; то ему ты не казаше сыновъ своихъ и роду своего не преспупати роты, но проливашеть кровь Хрестьянску? Да се буди кровь твоя на главѣ твоей!» И повелѣ убити и.» [202]

Вездѣ и во всемъ Мономахъ одинъ и тотъ же. Онъ не забывалъ, не оставлялъ безъ покрова, ни кого изъ своихъ подданныхъ, кто только нуждался въ его покровѣ. Онъ стремился внушить туже любовь и дѣтямъ своимъ, говоря имъ въ своемъ Завѣщаніи: «Всего же паче убогыхъ не забывайте, но елико могуще, по силѣ кормите, и придавайте сиротѣ, и вдовицю оправдите сами, а не вдавайте сильнымъ погубити человѣка.»

Любовь придавала ему свойство необыкновенной дѣятельности и мощи: онъ хотѣлъ быть вездѣ, и дома [203] и въ храмѣ, [204] и въ жизни мирной, [205] и на войнѣ, [206] окомъ порядка, стройности, вѣчно живой думой объ этомъ порядкѣ, стройности; глубокая же вѣра въ Промыслъ божественный не позволяла ему нарушать, при самыхъ благороднѣйшихъ его стремленіяхъ, тѣхъ святыхъ отношеній, коими связываются члены семьи, или общества, между собою, или забывать при этомъ уваженіе къ кому бы то ни было, и въ свою очередь придавала его дѣятельности свойство простоты, покоя и величія.

---

[202] Лавр. 119.

[203] «Въ дому своемъ не лѣнитеся, но все видите; не зрите на тивуна, ни на отрока, да не посмѣются приходящіи къ вамъ и дому вашему, ни обѣду вашему.» Завѣщаніе.

[204] Тамъ же. «И церковнаго наряда и службы самъ есмь призиралъ.»

[205] Тамъ же. «Самъ творилъ, что было надоба, весь нарядъ и въ дому своемъ, то я самъ творилъ есмь, и въ ловчихъ ловчій нарядъ самъ есмъ держалъ, въ конюсѣхъ и о соколѣхъ и о ястребахъ, и худаго старца и убогія вдовицы не далъ есмь сильнымъ обидѣти.»

[206] Тамъ же. «На войну вышедъ, не лѣнитеся, не зрите на воеводы, ни питью, ни ядѣнью не лагодите, ни спанью; и сторожѣ сами наряживайте, и ночь отъсюду нарядивше, около вой тоже лязите, а рано встаньте; а оружья не снимайте съ себе, борзѣ не розглядавше; лѣнощами бо внезапу человѣкъ погибаеть.»

Вотъ образъ Князя истинно Русскаго, Князя любимца народнаго! Въ подобныхъ чертахъ представляютъ лѣтописцы и другихъ Князей, любимцевъ предковъ нашихъ.

Не входя въ подробное объясненіе, какъ въ различныхъ системахъ, на которыя распадалась тогдашняя Русь, этотъ основный образъ разнообразится, мы можемъ положительно уже сказать, что идея Князя, идея власти, у насъ имѣли неразрывную связь съ чувствомъ, которое первоначальнымъ и достойнѣйшимъ храмомъ своимъ избрало семью съ чувствомъ семейной любви, и съ высокимъ развитіемъ этого чувства въ религіозномъ стремленіи. Нашъ образъ власти—образъ отца. Отецъ посвящаетъ жизнь на благо своей семьи, составляетъ ея душу, покровъ, надежду; такъ, по понятію народному, Князь посвящаетъ жизнь свою на благо народа, составляетъ его душу, покровъ жизни народной, надежду народа.

При всей необыкновенной подвижности дружинъ Южныхъ, и въ особенности Кіевскихъ, на дѣла великія, эти дѣла не ослѣпляли насъ, не могли потемнить собою живаго семейнаго чувства, въ которомъ сосредоточивалась для насъ вся прелесть жизни. Полны были силы и колосальности предпріятія Святослава, но, посреди блестящихъ надеждъ на обширныя завоеванія, посреди стука оружій, чувство семейное, какъ ангелъ хранитель вьется надъ Святославомъ, и вызываетъ на родину, сосредоточиваетъ его думою надъ этимъ младенцемъ, изъ котораго должно было развиться будущее великое Государство: «Ты, Княже, чюжия земли ищеши и блюдеши, а своея ся охабивъ: малы бо насъ не взяша Печенѣзи, матерь твою и дѣти твои. Аще не поидеши, ни обраниши насъ, да пакы ны возмуть, аще ти не жаль отчины своея, ни матере стары сущи и дѣтій своихъ.» [207] Эти слова, сказанныя Кіевлянами чрезъ пословъ, какъ бы пробуждаютъ Князя-героя отъ магическаго сна, и онъ съ дружинами снова посреди народа Русскаго. То же семейное чувство, чувство любви къ подданнымъ, обезоружило Всеволода Ольговича, когда онъ, для поддержанія борьбы своей противъ Ярополка, готовъ былъ бѣжать къ Половцамъ, и вызвать ихъ изъ степей на разореніе земель Русскихъ: «Ты надѣешися бѣжати въ Половцѣ, а волость свою погубиши, то къ чему ся

---

[207] Лаврент. 28.

опять воротишь? Луче того останися высокоумья своего и проси си мира: мы бо вѣдаемъ милосердіе Ярополче, яко не радуется кровипролитью, но Бога ради въсхощеть мира, то бо съблюдаеть землю Русьскую,» говорили (въ 1139 г.) Всеволоду Черниговцы, удерживая его отъ бѣгства къ Половцамъ. [208] Нѣкоторые изъ Князей и самыя дружины желали добыть себѣ славы въ битвахъ съ иноплеменниками; но въ основаніи этихъ движеній вездѣ лежитъ чувство любви къ родинѣ, неумолкаемое стремленіе сокрушить эту тысячеглавую гидру, которая губила нашу родину. «Слава безъ блага не слава», думали предки наши. Князья, подвизавшіеся въ борьбѣ противъ тѣхъ, или другихъ, враговъ нашихъ, были поборниками не одной славы, но были, какъ говоритъ лѣтопись, поборниками земли Русской, т. е., благосостоянія ея. [209] Въ основаніи самаго похода Игоря Святославича противъ Половцевъ, почти утвердительно можно сказать, лежала та же мысль, то же чувство, хотя желаніе славы играло въ этомъ походѣ также одну изъ первыхъ ролей: онъ хотѣлъ возвратить Тьмутараканское Княжество, завоеванное уже къ этому времени Половцами. Жертва, принесенная Игоремъ для исполненія своего предпріятія, была гораздо значительнѣе этого Тьмутараканскаго Болвана. По этому пѣвецъ XII столѣтія, выхваляя неустрашимость, твердость, силу духа Князя Новгородсѣверскаго и его дружинъ, не могъ не высказать хотя вскользь упрека Игорю, [210] не представить горя, тѣхъ гибельныхъ слѣдствій, которыя сей походъ влекъ за собой для земель Русскихъ, и не обратиться съ мольбой ко всѣмъ Князьямъ нашимъ о защитѣ родины, вызывая ихъ къ тому и напоминаніемъ славы предковъ и картинами разрушенія внутренняго мира и довольства. Однимъ словомъ, читая древнія сказанія наши, невольно чувствуешь, что

[208] Ипат. 15.

[209] На прим., подъ 1140 годомъ мы читаемъ: «Се бо Мьстиславъ Великій наслѣди отца своего потъ Володимера Мономаха. Володимеръ самъ собою постоя на Дону и много пота утеръ за землю Русьскую, а Мьстиславъ мужи своя посла, загна Половци за Донъ, и за Волгу, и за Яикъ, и тако избави Богъ Русьскую землю отъ поганыхъ.» Ипат. 15.

[210] «Ту Нѣмци и Венедици, ту Греци и Морава поютъ славу Святъславлю, каютъ (упрекаютъ) Князя Игоря, иже погрузи жиръ (т. е., лучшую дружину) во днѣ Каялы, рѣкы Половецкія, Русскаго злата насыпаша. Ту Игорь Князь высѣдѣ изъ сѣдла злата, и въ сѣдло Кощеево.» Слово о полку Игоревѣ.

надъ всей тогдашней жизней нашей, посреди мира и тревогъ, носится духъ любви, который, давая намъ силу на предпріятія многотрудныя, возвращаетъ насъ отъ нихъ къ благамъ внутреннимъ къ очагу семейной жизни, и въ Князьяхъ то олицетворялась эта дума народная о Князѣ, отцѣ, хранителѣ благосостоянія внутренняго, семейнаго счастья, а не идея о Князѣ завоевателѣ, о Князѣ, покрытомъ славою и принесшемъ въ жертву, для этой славы, для своихъ личныхъ желаній, благосостояніе своихъ подданныхъ. По этому порицался предками нашими вспыльчивый и заносчивый характеръ Андрея Боголюбскаго, который, при всей добротѣ души, при всемъ благородствѣ, забывалъ въ оскорбленіяхъ благо своей родины и грозою разливался на виновныхъ; [211] по этому же порицалась гордость и самонадѣянность Ярослава Святополковича; [212] по этому же развратная жизнь Ярослава и Владиміра Галицкихъ, посреди которыхъ забывались ими семейный покой и счастіе ихъ подданныхъ, пробуждало въ сихъ послѣднихъ общее и явное недовольство, высказывавшееся даже возстаніями.

Разсматривая такимъ образомъ власть Князя во всѣхъ ея проявленіяхъ, мы видимъ, что она есть не что иное, какъ то же дивное развитіе власти отеческой, и по этому-то въ **преуспѣяніи семейнаго чувства мы должны искать и развитія у насъ самодержавія**: оно составляетъ основу, душу, нашей власти, такъ что, погасивши это чувство, отнявъ у него силу, мощь, мы погубимъ основу

---

[211] Андрей же то слышавъ отъ Михна (своего посла), и бысть образъ лица его потускнѣлъ, и възострися на рать, и бысть готовъ (походъ противъ Ростиславичей, приведшій въ военное движеніе всѣ наши области и предпринятый въ слѣдствіе личнаго оскорбленія). И пославъ, собра воѣ своѣ: Ростовцѣ, Суздальци, Володимерци, Переяславьца, Бѣлозерцѣ, Муромцѣ, Новгородцѣ и Рязанцѣ, и сочтавъ ѣ и обрѣте ихъ 50 т.; и посла съ ними сына сво... Бориса Жидиславича воеводою, казавъ имъ: «Рюрика и Дав... ...можетъ спа- ...юцы погнати изъ отчины своей, а Мьстислава емше, не створите ему ни что же, н... ведите и ко мнѣ!»..Андрей же Князь, толикъ умникъ сы, во всихъ дѣлѣхъ добль сы, и погуби смыслъ свой невоздержаніемъ, располѣвъся гнѣвомъ; такова бо слова похвальна испусти, яже Богови студна и мерьзка хвала и гордость; си бо вся быша отъ дьявола на ны, иже всѣваеть въ сердце наше хвалу и гордость. Ипат. 109.

[212] И тако умре Ярославъ, одинъ у толицѣ силѣ вой, за велику гордость его; поневе не имѣяше на Бога надежде, но надѣешется на множествѣ вой.

жизни народной и, вмѣстѣ съ тѣмъ, основу власти, а, слѣдовательно, и всякаго порядка.

Опредѣлимъ же подробнѣе развитіе и самыя проявленія Княжеской власти, въ соотношенія съ властію отеческой, какъ это позволятъ намъ исполнить самыя событія.

Мы замѣтили выше, говоря о дружинахъ, что во всей.... * свое господство долгое время въ Владимірской, вмѣстѣ съ Суздальскими Боярами, подпавшими подъ непосредственное вліяніе Ростовской системы, они теряютъ его; но, обращая опять вниманіе на то, что Владимірцы, даже послѣ перваго призванія Михаила, надѣялись, что Бояре Ростовскіе будутъ поступать съ ними снисходительно, добросовѣстно, признали Князя Ростовскаго своимъ Княземъ [209] мы видимъ, что связь между Боярами и Владимірцами не была еще тогда вполнѣ разорвана. Въ другихъ же системахъ, за исключеніемъ Полоцкой, внутреннюю исторію которой можно считать для насъ потерянною, господство Боярскаго начала доказываетъ, что связь эта была еще прочнѣе.

Выше мы доказали со всею возможною отчетливостью, что въ Владимірской системѣ при Михаилѣ и Всеволодѣ и въ Галицкой при Даніилѣ власть Княжеская утвердилась подъ непосредственнымъ вліяніемъ борьбы начала стараго, Боярскаго, съ началомъ новымъ.

Въ отношеніи первой изъ нихъ, мы здѣсь замѣтимъ, что она продолженіемъ господства своего на Сѣверѣ, вмѣстѣ съ блестящимъ развитіемъ мысли единодержавія, обязана этому страшному напряженію, въ которое поставлены были въ ней два начала между собою, напряженію, подобнаго которому мы не замѣчаемъ ни въ одной изъ другихъ системъ. «Градъ Володиміръ пожжемъ и по-

---

[208] Ипат. 15.

[209] На прим., по... Сѣдящимъ Ростиславичемъ въ княженіи земли Ростовскія, раздаяста грады посадникомъ и боярамъ своимъ; они же многу тяготу людемъ створиша продажами и варами, а сами Князи, млады суще, слушаста Бояръ, а Бояре учаху на многое иманіе... И почаша Володимерцы молвити: «Мы есмо вольніи, а Князей приняли къ собѣ, и крестъ цѣловали къ намъ на всемъ; а се они, не свою волость творяще, грабятъ, не токмо волость, но и церкви, а промышляйте, братья!» И послаша къ Ростовцамъ и Суздальцамъ, являюще имъ свою обиду; они же словомъ суще по нихъ, а дѣломъ быша далече; а Бояре Князей тѣхъ держахуся крѣпко.

* Въ подлинникѣ недостаетъ тутъ нѣсколькихъ страницъ. О. Б.

палимъ», говорили Бояре, «а Посадника въ немъ посадимъ: то суть наши холопи и каменщици;» и за это-то, по сказанію лѣтописца, Владимірцы хотѣли бороться съ Ростовскими и Суздальскими Боярами; отъ Боярскаго-то насилія они хотѣли защитить себя подъ покровомъ Князя. Для ясности приведемъ еще другія подлинныя слова лѣтописца, переданныя нами уже прежде, которыя еще болѣе подтверждаютъ нашу послѣднюю мысль: «Новгородцы же изначала, и Смоляне, и Кіяне, и Полочане, и вся власти, егда на вѣчѣ сходятся, что старѣйшіе здумаютъ, на томъ и пригороды станутъ; а здѣ городы старыи: Ростовъ и Суздаль, и вси Бояри хотяху правду свою поставить, а не хотяху правды Божіея творити, но како намъ любо, рекоша, тако же створимъ: Володиміръ есть пригородъ нашъ.» Противлящесь Богу и Пречистой его Матери и правдѣ Божіей, слушаху злыхъ человѣкъ развратниковъ, не хотящихъ намъ добра завистію, ни граду сему и живущимъ въ немъ.... Сего жъ Михалка и брата его Всеволода избра Богъ и Святая Богородица; но Ростовцы и Суздальцы старшіи творящесь, не разумѣша правды Божіея исправити, а новіе людіе Володимерскіе уразумѣвше, яшась по правду крѣпко и рекоша вси: «Любо Михалка Князя налѣземъ собѣ и брата его, Всеволода, а любо главы своя за Святую Богородицу и за тые Князи сложимъ.» Слѣдующее сказаніе лѣтописца еще болѣе объяснитъ причины призванія Михаила Кіевскаго въ Владиміръ: «Бысть мятежъ въ градѣ (Владимірѣ), восташа Бояре и купцы, рекуще: «Княже! Мы тобѣ добра хочемъ, за тя головы своя екладаемъ, нынѣ держишь ворози свои прости (т. е., плѣненныхъ Бояръ Ростовскихъ и Суздальскихъ содержишь не подъ крѣпкой стражей, не въ темницѣ), а се ворози твои и наши, Суздальцы и Ростовцы; убо казни ихъ, а любо слѣпи, а любо дай намъ!» Всѣ эти сказанія лѣтописца доказываютъ, что въ основаніи движеній Владимірской системы, послѣ смерти Андрея Боголюбскаго, лежала мысль, что одинъ только Князь можетъ спасти страну отъ насилія Боярскаго, что на Князя Владимірцы полагали всѣ свои надежды, въ немъ видѣли покровъ свой, и, за эту-то надежду свою, они готовы были биться до послѣдняго: «Любо Михалка Князя налѣземъ собѣ и его брата, Всеволода, а любо главы своя за Святую Богородицу и за тые Князи сложимъ.»

Исходъ этой борьбы, кромѣ образованія особаго Владимірскаго Княжества, замѣчателенъ въ другихъ отношеніяхъ. Мы видѣли, что

Бояре Ростовскіе, послѣ неудачной тяжбы, стремясь уже сами защищаться отъ вліянія Владимірцевъ, еще при жизни же Всеволода получили себѣ отъ него особагѡ Князя, въ лицѣ его сына, Константина, и что это стремленіе ихъ, сокрыться подъ покровомъ собственнаго Князя, было столь сильно, что они даже рѣшились, и успѣли, поссорить отца съ сыномъ, съ сыномъ добрымъ и благочестивымъ, по сказанію самаго лѣтописца. Нѣкоторые изъ Бояръ, сверхъ того, во время еще самой борьбы Владиміра противъ Ростова, приняли уже сторону Владимірцевъ и были въ рядахъ Всеволода. Такимъ образомъ, при всей напряженности борьбы между двумя жизнями, новою и старою, надежда на миръ между двумя враждующими сторонами не гаснетъ, такъ что, скрываясь подъ покровъ идеи Княжеской, во время даже самой борьбы, Ростовская община распалась со своими Боярами на двое, и одни изъ Бояръ, со всѣми своими надеждами, немедленно же присоединились къ Князю Владимірскому, т. е., раздѣляли стремленіе Владимірцевъ, и тѣмъ самымъ сохранили свое старшинство въ странѣ и любовь страны, [214] другіе же, смирившись, отказавшись отъ вліянія на Владимірцевъ, усиливаются лишь только въ томъ, чтобъ спастись отъ господства, отъ вліянія на нихъ самаго начала Владимірскаго, хотя, какъ мы увидимъ ниже, и не оставляютъ надежды, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, вновь восторжествовать надъ симъ послѣднимъ. Все это доказываетъ намъ, что вражда была не противъ Боярства, а противъ злоупотребленій Боярства; что, напротивъ, Боярство, отказываясь отъ своихъ злоупотребленій, сохраняло прежнее свое значеніе и вѣсъ въ странѣ. Эта мысль дѣлается еще болѣе исторической при соображеніи слѣдующаго обстоятельства. собственно Ростовская система сохраняетъ свое Боярство, не смотря на то, что, прислонившись къ Владимірскому Князю, она могла легко уничтожить его, но мы не замѣчаемъ въ исторіи ея даже слѣдовъ къ чему ни будь подобному. Это замѣчаніе весьма важно во всѣхъ отношеніяхъ. Вотъ еще другое: идея Боярства осуществлена

214 Кенигсб. 263. Всеволодъ же поѣха противу ему (т. е., противъ Ростиславича, поддерживавшаго сторону Ростовскихъ и Суздальскихъ Бояръ и шедшаго на Всеволода войною, чтобъ вновь подчинить Владимірцевъ Боярскому Ростовскому началу) съ Владимірцы и съ своею дружиною, и что бяше осталось у него Бояръ.

была въ самой Владимірской системѣ, въ лицѣ дружины ея, но стоявшіе въ главѣ этѣхъ дружинъ были только Бояре младшіе, Бояре мѣстные, которые, однако жь, владѣли душею всей страны, отъ которой они и получали всѣ средства для борьбы противъ Ростова, во время Михаила и Всеволода, а потомъ въ княженіе Георгія, когда ополчилась не одна дружина, а, можно сказать, было поголовное ополченіе. Въ возстаніи Владимірцевъ противъ плѣненныхъ Бояръ Ростовскихъ и Суздальскихъ были, какъ мы выше видѣли, кромѣ горожанъ, по сказанію самаго лѣтописца, Бояре; [215] а явная ненависть, которую они при этомъ случаѣ обнаружили къ Ростовцамъ и Суздальцамъ, доказываетъ, кажется, положительно, что они были сами не изъ Ростовскихъ, или Суздальскихъ, Бояръ, державшихъ сторону Владимірцевъ. Въ послѣдствіи же существованіе Владимірскихъ Бояръ дѣлается бытью очевидною, не подлежащею ни малѣйшему сомнѣнію.

Разсматривая это все во всей возможной подробности, соображая его съ другими однородными явленіями, мы входимъ какъ бы въ храмъ таинства нашей древней исторіи.

Бояре, какъ мы уже сказали, составляли собой, съ своими дружинами, среду жизни каждой системы ея правителей, ея военную силу, составляли покровъ страны во всѣхъ отношеніяхъ. Такъ называемые, старые Бояре сохраняютъ въ нѣкоторыхъ системахъ или областяхъ, какъ то Кіевской, Черниговской, Галицкой и Смоленской, первоначальное значеніе свое, или подобное ему, и при утвержденіи Княжеской власти, но пользуются онымъ не непосредственно, а получаютъ его чрезъ Князя. Каждая изъ сихъ областей безъ Князя несостоятельна. Нѣтъ тогда согласія и единства въ нихъ, какъ будто бы нѣтъ у нихъ души, властительницы тѣла. Послѣ смерти Святополка Изяславича открылся въ Кіевѣ бунтъ: «Кіяне же разграбиша дворъ Путятинъ Тысячьского, идоша на Жиды, и разграбиша я.» Въ этомъ бунтѣ, какъ видно изъ дальнѣйшаго разсказа событій, участвовало одно только среднее начало; Бояре не только не могли задержать этого возстанія, но и имъ самимъ угрожала опасность, или же они не рѣшались на междоусобіе; люди же порядка знали, что одинъ только Князь можетъ утишить все, а по этому они убѣдительно вторично звали Мономаха на

---

[215] Кенигсб. 267.

Кіевскій престолъ, и одно явленіе Князя, безъ всякихъ какихъ либо насильственныхъ мѣръ, возстановило прежнюю тишину: «Володимеръ Мономахъ сѣде въ Кіевѣ, въ Недѣлю (въ Воскресенье), усрѣтоша же й Митрополитъ Никифоръ съ Епископы и со всими Кіяне, съ честью великою, сѣде на столѣ отца своего и дѣдъ своихъ, и всѣ людье ради быша, и мятежъ влеже.» [216] Въ 1154 году Вячеславъ, чтобъ удержать престолъ Кіевскій за Ростиславомъ, самъ, по своему необыкновенно доброму, но слабому, свойству, не могъ стать во главѣ Кіевлянъ и вмѣстѣ съ ними отражать покушенія Изяслава Давыдовича на тотъ же престолъ, равно какъ и Бояре Кіевскіе отсутствіемъ Ростислава были поставлены въ такое положеніе, чтобъ престолъ ихъ не достался въ руки какого ни будь другого Князя; а по тому, дабы соединить всѣхъ въ единой волѣ и дать добрый отпоръ Изяславу, въ случаѣ, если бъ онъ силою рѣшился искать себѣ престолъ Кіевскій, Вячеславъ долженъ былъ, для достиженія этой цѣли, призвать въ Кіевъ на время, именно только до прибытія Ростислава, племянника его, Святослава Всеволодовича. [217] Что именно для этой цѣли былъ призванъ Святославъ Всеволодовичь это положительно подтверждаютъ слова самаго Ростислава по прибытіи его въ Кіевъ: «Се ти (тебѣ, Всеволоду) даю Туровъ и Пинескъ про то, оже еси пріѣхалъ къ отцу моему, Вячеславу, и волости ми еси сблюлъ, то про то надѣляю тя волостію.» [218] Самый отказъ Вячеслава впустить Изяслава въ Кіевъ, который пріѣхалъ, какъ онъ самъ объяснялъ, для того только, чтобъ оплакать прахъ умершаго тогда Изяслава Мстиславича, самый этотъ отказъ показываетъ боязнь Вячеслава, что одно имя Князя, одно явленіе Изяслава Давыдовича, котораго Кіевляне даже сами не желали, могло, хотя временно, дать другой оборотъ дѣламъ въ Кіевѣ. Оба эти событія многознаменательны, хотя, по первому взгляду, они кажутся странными. Для чего въ самомъ дѣлѣ, казалось, нужно было призвать въ Кіевъ Святослава Всеволодовича? Могъ ли онъ привести туда какія ни будь значительныя силы? Ни мало; потому что онъ ихъ самъ не имѣлъ; а между тѣмъ Кіевская дружина была весьма значительна для борьбы съ Изяславомъ Давыдовичемъ. Нѣтъ, по видимому, ни

[216] Ипатьев. 4.
[217] Ипатьев. 74.
[218] Тамъ же 75.

какого основанія къ подобному распоряженію; но между тѣмъ было глубокое основаніе: этой дружинѣ недоставало главы, не доставало Князя, чтобы слиться во едино и развернуть тѣ силы, которыя она дѣйствительно имѣла. Съ другой стороны опасенія Вячеслава были также не безъосновательны, по тому что, не имѣя Князя правителя, которымъ Вячеславъ самъ себя не считалъ, Кіевляне [219] могли и противъ воли своей принять Изяслава Давыдовича, какъ они его потомъ два раза принимали, какъ они и въ 1150 году приняли Георгія, по тому лишь, что идея Князя уже до такой степени сдѣлалась народною, что престолъ не могъ оставаться празднымъ, а долженъ былъ достаться во владѣніе того, или другого, Князя изъ дома Рюрика, и сама область по этому же не вступаетъ въ борьбу противъ притязателей на престолъ иначе, какъ выждавши притязателя желаннаго, Князя родоваго, и ставилась подъ его собственное знамя. По этому же область Кіевская, явно не желая видѣть на своемъ престолѣ Князей, пришельцевъ изъ Черниговской системы, безмолствуетъ передъ ними до тѣхъ поръ, пока не явился подъ стѣнами Кіева желанный, родовый ея, Князь, Изяславъ Мстиславичь: тогда только переходятъ они открыто изъ подъ знаменъ Князей Черниговской системы подъ знамена Изяслава; мало того, дѣйствуютъ уже послѣ того съ полной мощью противъ первыхъ. [220] Тѣ же самыя явленія на Сѣверо-Востокѣ. Для явности мы можемъ повторить ихъ здѣсь снова. Владимірцы, уже готовые къ мощной борьбѣ противъ Ростовскихъ и Суздальскихъ Бояръ, не обнаруживаютъ ни малѣйшаго движенія до тѣхъ поръ, пока не явились между ними Михаилъ и Всеволодъ. Ростовцы тоже, затѣявши возобновить борьбу противъ Владимірцевъ, не обнаруживаютъ этого, пока не пріѣхалъ къ нимъ Мьстиславъ Ростиславичь изъ Новгорода. [221] Еще до раздѣленія Ростовской системы на собственно Ростовскую и Владимірскую, на общемъ, послѣ смерти Боголюбскаго, совѣтѣ, бывшемъ во Владимірѣ, гдѣ собралась вся мѣстная дружина, какъ сказано въ лѣтописи, отъ мала до велика, слѣдовательно, всѣ Бояре, явно была высказана мысль, что безъ Князя область не

---

[219] Ипат. 52. Кіяне же, убоявъшеся Володимера Галицкаго, уведоша Князя Дюрга въ Кіевъ.

[220] См. выше.

[221] См. выше.

можетъ не только предпринять рѣшительнаго, но даже защитить себя противъ врага, котораго она могла стѣснить: «Увѣдавше же смерть Княжю, Ростовци, Суздальци и Переяславци, и вся дружина отъ мала до велика, и съѣхашася ко Володимеру и рѣша: «Се ся уже тако створилось: Князь нашъ убьенъ, а дѣтей у него нѣтуть; сынокъ его малъ въ Новѣгородѣ, а братья его въ Руси; по кого хочемъ послати въ своихъ Князехъ? Намъ Князи Муромскіе и Рязанскіе и въ сусѣдѣхъ, а боимся мсти ихъ, егда пойдутъ вънезапу ратью на насъ; а послемъ къ Глѣбу, рекуще: «Князя нашего Богъ поялъ, а хочемъ Ростиславича Мьстислава и Ярополка, твоего шурина»....[222] Въ Галичѣ, гдѣ Боярское начало было въ большемъ развитіи, нежели въ другихъ нашихъ системахъ, повторялися тѣже самыя явленія, такъ что область сокрылась первоначально отъ всѣхъ притязаній на завладѣніе Галицкой землею подъ покровомъ дома Ростислава, а, съ пресѣченіемъ этого дома, колеблется только въ томъ, кого посадить на упраздненный престолъ, и скрывается сама со своими намѣреніями подъ покровомъ то того, то другого изъ притязателей Князей, противоставляя ихъ другъ другу. Угорскаго владычества они не желали, они не могли желать, а признавали его временно, подобно тому, какъ призывалъ Вячеславъ Святослава Всеволодовича въ Кіевъ, т. е., для того же опять, чтобъ удалить отъ своего престола притязателей, которыхъ они боялись признать своими Князьями, какъ опасныхъ для областной самобытности. Мы ни слова не говоримъ, что посреди этого колебанія, и даже въ послѣдующей исторіи Галича, были мгновенія, когда знатнѣйшіе изъ вельможъ полагали, что они могутъ занять упраздненный престолъ Галицкій; но попытки ихъ только подтвердили, и подтвердили какъ нельзя яснѣе, даже поразительно, что Боярское начало въ семъ отношеніи вполнѣ несостоятельно, и что ни одинъ изъ Бояръ, ни цѣлое Боярское общество, не можетъ замѣнить для страны Князя. Первая подобная попытка сдѣлана была въ 1211 году вельможею Володиславомъ, и кончились въ томъ же году гибелью его собственной и всей его семьи: Галичане выдали его безъ всякаго бою Угрскому Королю, Андрею: «И пославъ и̓, я Володислава въ Галичьи, заточи и̓, и въ томъ заточеніи умре, нашедъ зло племени своему и дѣтемъ своимъ, Княженія дѣля: вси бо Князи не

[222] Кенигсб. 254.

крвзраху дѣтей его того ради.» [223] Вторая попытка была со стороны другого, еще, кажется, болѣе сильнаго вельможи Галицкаго, Судислава. Сей послѣдній, хотя замаскировалъ себя и владѣлъ Галицкой землею, или управлялъ всѣми ея дѣлами, во имя Угорскаго Королевича, занявшаго Галицкій престолъ, по примѣру мужа дочери Князя Мстислава, за всѣмъ тѣмъ страна сняла съ Судислава маску, и Галичане поругались надъ нимъ за его дерзновенную попытку: «Даниловы же пріемшу градъ (Галичъ), помянувшю любовь Короля Андрея, и пусти сына его, и проводи й до рѣкы Днѣстра; изыде же съ нимъ единъ Судиславъ, на ньмъ же метаху каменіе, рекуще: «Изыди изъ града, мятежниче земли!» [224] Восшествіе же на престолъ Галицкій Даніила, совершенно вопреки всѣхъ видовъ и расчетовъ Боярства Галицкаго, распаденіе этого Боярства до того на стороны, и гибель потомъ вельможи Доброслава, [225] доказываютъ уже окончательно, что Бояре не могли для страны замѣнить собою Князя, особливо если мы припомнимъ, съ какимъ восторгомъ обыватели г. Галича, обыватели столицы встрѣтили Даніила, призваннаго ими же самими: «И пустишася яко дѣти къ отцю, яко пчелы къ матцѣ, яко жажжущи воды ко источнику.»

Что же мы видимъ во всемъ этомъ? Къ какому заключенію приводитъ насъ все это? Не ясно ли, что покровъ, который находили системы въ своихъ Боярахъ, обветшалъ, не въ состояніи былъ сокрыть жизни отъ всѣхъ невзгодъ внутреннихъ и внѣшнихъ, и что тогда развивается у насъ новая идея, идея о новомъ покровѣ, идея о властителѣ, который бы господствовалъ надъ цѣлой страной и надъ самыми Боярами, сосредоточивая въ себѣ всю ту власть, которою пользовались у насъ Бояре и которую всюду они начали употреблять болѣе, или менѣе, во зло? что идея Князя ни сколько не противоположна той идеѣ, которая скрывалась въ Боярствѣ, а есть только дальнѣйшее блестящее развитіе ея? что въ нѣкоторыхъ системахъ она есть чистый плодъ напряженія между Боярскимъ началомъ и другими началами общинъ, а преимущественно городскимъ, между ихъ взаимными выгодами и стремленіемъ. При развитіи этой идеи въ жизни нашихъ предковъ,

---

[223] См. выше.
[224] Ипат. 169.
[225] Ипат. 179.

при томъ живомъ сочувствіи къ ней всего народа, какое мы замѣтили выше, должны же были отдѣляться изъ среды его лица особенно проникнутыя ею лица, которыя бы готовы были пасть за нее. Иначе быть не могло, иначе идея была бы мертва въ жизни народной, а мы видимъ ее, напротивъ, до чрезвычайности въ блестящемъ, живомъ свѣтѣ. Гдѣ же являются эти лица? Гдѣ жь мы можемъ искать ихъ? Конечно около Князя; и эти-то лица были собственно Княжеская дружина. По этому-то она до чрезвычайности подвижна, и по этому же полна мощи, какъ возникшая въ живомъ источникѣ и развивающаяся въ немъ. Она зерно, зародышъ, всѣхъ надеждъ и упованій, которыя должны были осуществиться въ идеѣ Князя; она, какъ бы благотворные лучи идеи Княжеской, вмѣстѣ съ властію Князя, должна рости и шириться и замѣнить собою прежній покровъ.

Самый живой отвѣтъ въ старыхъ Боярахъ идея Княжеская нашла себѣ въ земляхъ Кіевскихъ, самый меньшій въ Ростовскихъ, по крайней мѣрѣ въ отношеніи Владиміра. [226] Въ слѣдствіе этого-то различія въ сочувствіи Бояръ къ идеѣ Князя, было различіе и въ развитіи самыхъ дружинъ Княжескихъ, по тому что въ иныхъ системахъ, какъ, на прим., въ Кіевѣ, Боярское начало прислонялось само немедленно къ Князю и готово было жертвовать всѣмъ для развитія идеи Княжеской; въ другихъ же, какъ въ Владимірѣ, Боярства стараго сосредоточивается немного вокругъ Князя, а, напротивъ, дружину Княжескую образуетъ новая толпа людей, исшедшихъ изъ среды же Владимірцевъ, людей полныхъ мощи и силы, которые, по своему значенію, должны были составить новое Боярство и почти совершенно замѣнить собою Боярство старое. Въ Галичѣ до пресѣченія дома Ростислава вся сила должна была сосредоточиваться въ старыхъ Боярахъ, но не въ слѣдствіе развитія въ Боярскомъ началѣ идеи Князя въ самой жизни Галицкой системы и Галицкаго Княжества, такъ что на Княженіе дома Ростислава мы должны смотрѣть, какъ на продолженіе собственно Боярской исторіи, и только, по пресѣченіи этого дома, въ слѣдствіе тревогъ внѣшнихъ и внутреннихъ, развивается ясно и рѣзко напряженіе между Боярскимъ и городскимъ на-

---

[226] О Новгородѣ мы будемъ говорить въ семъ отношеніи со всею подробностію въ особомъ трудѣ. См. статью: «Новгородъ самъ въ себѣ.»

чаломъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ развивается и идея о Князѣ, которая и осуществляется восшествіемъ на Галицкій престолъ Даніила. Идея Князя видимо такимъ образомъ должна была въ развитіи своемъ преобразить Боярство, обновить его новыми, свѣжими, началами, но не уничтожать, по тому что сама она была плодомъ взаимнаго тяготѣнія между двумя началами, противоположными въ своихъ выгодахъ и направленіи, и сливавшихся между собою только въ чувствѣ семейномъ и реліозномъ, которыя были душею идеи Князя: уничтоженіе Боярства обнажило самый бы престолъ и уничтожило бы преграду, которая полагалась Боярами, или вообще нашимъ Дворянствомъ, противъ невѣжества и неправильнаго односторонняго направленія низшихъ слоевъ, и лишило бы Князей сознательнаго орудія, для приведенія думъ своихъ о благѣ народномъ въ исполненіе.

Связи святыя соединяли народъ и дружинъ съ своимъ Княземъ и Князя съ дружинами, народомъ:. связи, истекающія изъ взаимной любви и полной довѣренности. Кіевляне, когда на ихъ престолѣ хотѣлъ утвердиться не желанный ими Князь, Князь чуждой системы, облекли эту народную думу въ форму болѣе, или менѣе, юридическую, такъ что Игорь Ольговичъ долженъ былъ поклясться имъ, что будетъ имѣть ихъ «правду» (т. е., будетъ защитникомъ правды), и что будетъ любить ихъ: «И Святославъ поима лучшѣи мужи Кіяне, и ѣха съ ними брату своему, Игореви, и рече: «Брате! На томъ азъ цѣловалъ къ нимъ хрестъ, оже ты (тобѣ) и (ихъ) имѣти въ правду и любити. Игорь же, съсѣдъ съ коня, и цѣлова къ нимъ крестъ на всей ихъ воли и на братьни.» [227] Но, не смотря на эту клятву, Игорь не могъ утвердиться на Кіевскомъ престолѣ, по тому что Кіевская система, вынудивъ его къ присягѣ, ясно этимъ доказывала свою нелюбовь къ нему и недовѣренность, какъ къ Князю чуждому имъ; ибо любовь и довѣренность соединяли родовыхъ Князей съ ихъ общинами, безъ всякихъ присягъ и формальностей, какъ святыя связи соединяютъ отца съ членами его семьи. Не было ни какого напряженія, да и не могло его быть въ отношеніи Князя къ своимъ подданнымъ: вся сила Князя скрывалась въ силахъ его народа; вся сила народа въ благоговѣйномъ чувствѣ къ своему Князю; какъ близки отношенія

---

[227] Ипат. 22.

отца къ дѣтямъ, и какъ полна почтительности семья къ отцу, такъ благоговѣла каждая система предъ родовыми своими Князьями, хотя, посреди напряженій обстоятельствъ, посреди упорныхъ препятствій къ осуществленію думы своей о Князѣ и соперничества между Князьями, мы видимъ, что образъ Князя не сохраняетъ иногда вполнѣ этого блестящаго свойства, которое ему стремится придать сама народная жизнь, такъ что это чувство благоговѣнія высказывается положительно только въ отношеніи цѣлаго Княжескаго дома, княжившаго въ той, или другой, системѣ или общинѣ. Всякое колебаніе противъ Князя, или его фамиліи, было преступно, и скопляло грозу надъ главой виновнаго. Каждый могъ это хорошо чувствовать и сознавать. Когда въ 968 году, во время похода Святослава на Болгарію, Печенѣги осадили Кіевъ и угрожали Княгинѣ Ольгѣ съ ея внуками смертію, или плѣнюмъ, Воевода Претичь, разсуждая объ этомъ съ своею дружиною, говорилъ ей: «Подъступимъ заутра въ лодьяхъ (къ Кіеву) и, попадше Княгиню и Княжичи, умчимъ на сю страну; аще ли сего не створимъ, погубити ны имать Святославъ.»[228] Въ такой страхъ поставлялся Претичь съ своею дружиною при мысли о малѣйшей кичливости въ отношеніи Княжескаго дома. Тотъ же страхъ заставилъ обывателей Владиміра Волынскаго удержаться отъ сдачи Давыду Игоревичу, послѣ какъ на стѣнахъ ихъ города былъ убитъ посланный къ нимъ Князь отъ Святополка Михаила: «И рѣша людье: «Се Князь убьенъ; да еще ся вдамы (сдадимся), Святополкъ погубить ны вся (насъ всѣхъ).»[229] Съ этимъ же сознаніемъ о силѣ и важности власти Княжеской дѣйствовалъ воевода Галицкій Князя Владиміра во время осады Звенигорода полчищами, приведенными Всеволодомъ Ольговичемъ Кіевскимъ, и тотъ же страхъ, произведенный страшною казнію трехъ Звенигородскихъ обывателей, заставилъ остальныхъ забыть мысль о сдачѣ и биться со всею твердостію противъ Князя Кіевскаго: «И бѣ у нихъ Воевода. Володимерь мужь, Иванъ Халдѣевичь, изоима у нихъ мужи три, и уби я, и когождо ихъ перетень на полъ, поверже я изъ града; тѣмъ же и загрози. И начаша Звенигородьци оттолѣ битись безъ льсти.»[230] Относительно ви

---

[228] Лавр. 28.

[229] Лаврент. 115.

[230] Ипат. 22.

новныхъ въ смерти Андрея Боголюбскаго, мы читаемъ также въ Карамзинѣ, что Всеволодъ «довершилъ месть, начатую Михаиломъ: казнилъ всѣхъ убійцъ Андреевыхъ, которые еще были живы, а главныхъ злодѣевъ, Кучковичей, велѣлъ зашить въ коробъ и бросить въ воду.» До какой степени это сказаніе новыхъ лѣтописцевъ справедливо, трудно рѣшить; но во всякомъ случаѣ, въ основаніи его лежитъ дума народная о важности злодѣянія и объ участи, которая, по понятію народному, могла ожидать убійцъ Андреевыхъ. Замѣчательно въ семъ отношеніи прибавленіе, сдѣланное Карамзинымъ къ настоящему разсказу: «Сіе извѣстіе, говоритъ онъ, согласно отчасти съ древнимъ преданіемъ: близъ города Владиміра есть озеро, называемое Пловучимъ; разсказываютъ, что въ немъ утоплены Кучковичи, и суевѣріе прибавляетъ, что тѣла ихъ донынѣ плаваютъ тамъ въ коробѣ.....» [231] И могло ли быть все это иначе? При тогдашнемъ невѣжествѣ, при недостаточномъ развитіи въ понятіи простаго народа идеи Князя, на которой, можно сказать, покоился и развивался весь тогдашній нашъ бытъ, страхъ долженъ былъ играть великую роль: иначе, посреди невѣжества, образовались бы толпы негодяевъ, которые потревожили бы весь общественный порядокъ. Съ другой стороны область, которая напрягала всѣ силы, для защиты собственныхъ своихъ Князей, противъ враговъ внѣшнихъ, которая въ семъ отношеніи была готова на всѣ пожертвованія и которая не щадила ни себя, ни враждебныхъ дружинъ, расхищала ихъ имущество и какъ бы старалась уничтожать все, что бы могло напомнить о близкомъ присутствіи враждебнаго начала, область, которая нерѣдко приходила за своихъ родовыхъ Князей въ такое ожесточеніе, что избивала, или ослѣпляла, даже Князей враждебныхъ системъ, такая область при подобномъ направленіи, конечно, не могла переносить покойно дѣйствія враговъ внутреннихъ противъ своего Князя. Да, тѣмъ же чувствомъ благоговѣнія, которымъ окруженъ былъ отецъ въ семьѣ своей, тѣмъ же чувствомъ благоговѣнія окружался и Князь среди своихъ подданныхъ. Это чувство благоговѣнія, взлелѣянное въ предкахъ нашихъ чувствомъ семейности, освѣщено было, сверхъ того, мыслію религіозною: «Нѣсть власти, аще не отъ Бога.» Сила того и другого направленія, т. е., семейнаго

[231] Истор. Госуд. Рос. т. III, стр. 135 и 136.

и религіознаго, опредѣляла степень этого благовѣнія. Отрадно пробѣгаешь страницы лѣтописи, слѣдя за духовнымъ развитіемъ нашимъ въ семъ отношеніи: вѣра полная, вѣра самая живая, въ тотъ дивный образъ властителя отца прорывается видимо. Поразительно умильна Москва въ своихъ встрѣчахъ и пріемахъ Царствующему Дому, и этѣ встрѣчи и пріемы ея есть только наслѣдіе, доставшееся Москвѣ отъ предковъ нашихъ: они были у насъ обыкновенны и повсемѣстны. Даже, быть можетъ, въ встрѣчѣ, сдѣланной Кіевскому Князю въ Смоленскѣ, это чувство благоговѣнія къ Князю высказывалось предками нашими еще съ большею патріархальною простотою, нежели какъ оно высказывается въ самой Москвѣ. Мы передаемъ сказанія объ ней, какъ рѣзко характеризующія тогдашній бытъ, какъ служащія объясненіемъ думы народной о Князѣ. По разсказу лѣтописца, вельможи Смоленскіе встрѣтили Ростислава еще за 300 верстъ до Смоленска, потомъ выѣхали къ нему на встрѣчу его внуки, ближе къ городу самъ сынъ его и Епископъ: «И малѣ не весь градъ изыде противу ему, и тако вельми обрадовашася приходу его, и множество даровъ подаша ему.» [232] Что можетъ быть проще, умилительнѣе и въ то же время торжественнѣе подобной встрѣчи!

Какъ народъ былъ близокъ для своего Князя, мы видѣли уже довольно отчетливо и ясно; за всѣмъ тѣмъ можно развить эти отношенія еще подробнѣе, чтобъ легче представить себѣ всю патріархальность тогдашняго быта, который постепенно освѣщается высокими истинами истинной Христіанской Религіи.

Въ 996-мъ году, въ ознаменованіи душевной радости, душевной благодарности къ Провидѣнію, которое спасло его отъ гибели, или плѣна, угрожавшаго ему со стороны Печенѣговъ, Владиміръ Великій.... «створи праздникъ великъ, варя 300 проваръ меду, и съзываше Бояры своя, и Посадники, старѣйшины по всѣмъ градомъ, и люди многы, и раздая убогимъ 300 гривенъ. Празнововавъ Князь дній 8 (въ Василевѣ), и возвращашеся Кіеву на Успенье Святыя Богородицы, и ту паки створяше праздникъ великъ, сзывая безчисленное множество народа. Видя же люди Хрестьяны суща, радовашеся душою и тѣломъ, и тако по вся лѣта творяше.» [233]

---

[232] Ипат. 94.

[233] Лаврент. 54.

Сверхъ того у Владиміра же былъ еженедѣльно столъ или пиръ для Бояръ, гридней, сотскихъ, десятскихъ, и нарочитыхъ мужей, гдѣ было всего изобильно, отъ мясъ, отъ скота и отъ звѣрины. [234] При описаніи этихъ пировъ лѣтописецъ разсказываетъ одинъ забавный случай, довольно хорошо очерчивающій увѣренность дружины въ любви своего Князя: «Егда же подъпьяхуться, начьняхуть роптати на Князь, глаголюще: «Зло есть нашимъ головамъ! да намъ ясти деревянными лжицами а не серебряными.» [235] Услыхавъ этотъ ропотъ, «Володимеръ повелѣ исковати лжицы серебряны ясти дружинѣ, рекъ сице: «Яко сребромъ и златомъ не имамъ налѣсти (получить, достать, пріобрѣсть) дружины, а дружиною налѣзу сребро и злато, яко же и дѣдъ мой, и отець мой доискася дружиною злата и сребра.» Поясненіе, сдѣланное къ этому лѣтописцемъ, говоритъ намъ, что эта внимательность Владиміра, его любовь, высказывалась не только къ Боярамъ, къ дружинѣ, но и ко всѣмъ безъ исключенія подданнымъ: «Повелѣ всякому нищему и убогому приходити на дворъ Княжь и взимати всяку потребу, питье и яденье, и отъ скотьницъ кунами (изъ казны деньгами). Устрои же и се, рекъ: «Яко немощніи и болніи не могуть долѣзти двора моего,» повелѣ пристроити кола (тѣлеги); въсклавше хлѣбы, мяса, рыбы, овощь разноличный, медъ въ бчелкахъ, а въ другихъ квасъ, возити по городу, въпрашающимъ: «Гдѣ болніи и нищь, не могы ходити?» Тѣмъ раздаваху на потребу.» [236] Самое духовенство не исключалось отъ пировъ Князя Володимера: для него раскрывался особый столъ, и черное и бѣлое духовенство принимало участіе въ Княжескихъ угощеніяхъ. [237]

Въ этихъ пирахъ, въ этой любви и сближеніи съ подданными, Владиміръ Великій до такой степени народенъ, что преданія объ его пирахъ сохраняются до сихъ поръ въ простонародныхъ разсказахъ. Напрасно же думаетъ видѣть Г. Погодинъ въ этихъ пирахъ Владиміра Норманскій обычай, а въ самомъ Владимірѣ еще живой типъ Нормаица. Подобнаго сближенія Властителя со всѣми слоями общества не представляетъ намъ Западная ис-

---

[234] Тамъ же.
[235] Тамъ же.
[236] Тамъ же.
[237] Описаніе Кіева, изд. Фундуклеемъ.

торія, и пиры Владиміра были не пиры Норманскіе, а пиры нанародные, Русскіе, какъ тѣ богатыри, которые, по народному же сказанію, составляло утѣху Владиміра, носятъ на себѣ свойство народное, Русское, а не Варяжское. Владиміръ Великій былъ первоначальный, еще грубый, народный первообразъ Князя Русскаго, гдѣ физическая жизнь достигаетъ высшаго своего развитія и господствуетъ еще надъ жизнію духа, подобно тому, какъ Владиміръ Мономахъ представляетъ собою первообразъ высшаго нравственнаго развитія народной идеи о Князѣ. Между этими крайними предѣлами вращается жизнь другихъ Князей нашихъ, жизнь всего народа Русскаго.

Подъ 1146-мъ годомъ, разсказывая о расхищеніи, которому предалъ Изяславъ Мстиславичъ Кіевскій движимое состояніе Святослава Ольговича, Князя Новгородъ-Сѣверскаго, лѣтописецъ случайно передаетъ намъ свѣдѣнія объ огромномъ запасѣ вина и меду, сдѣланномъ симъ послѣднимъ въ Путивлѣ, одномъ изъ городовъ Новгородъ-Сѣверскаго Княженія: «И въ погребѣхъ было 500 берковьсковъ меду, а вина 80 корчагъ.» [228] Для кого же былъ сдѣланъ Княземъ этотъ запасъ? Конечно, не для себя, не для своей семьи, а для подобныхъ же пировъ, которыя давалъ своей дружинѣ и народу Владиміръ Великій. Въ 1115-мъ году, по случаю перенесенія мощей Св. Бориса и Глѣба, было учрежденіе великое, былъ столь у Ольга Святославича, за которымъ пировали Князья, конечно, съ своими дружинами, и духовенство, а для убогихъ и странныхъ столъ Княжескій продолжался три дни. «Съвкупишася братья Русціи Князи, Володимеръ, зовемый Мономахъ, сынъ Всеволожь, и Давыдъ Святославичь, и Олегъ, братъ его, и сдумли перенести мощи Бориса и Глѣба....... И бысть сборъ великъ, сшедшюся народу съ всихъ странъ, Митрополитъ Микифоръ съ всими Епископы, съ Ѳектистомъ Черниговьскымъ, съ Лазаремъ Переяславьскымъ, Епископомъ Никитою Бѣлогородьскымъ и съ Даниломъ Гурьговскымъ, и съ Игумены, и съ Прохоромъ Печерьскымъ, и съ Селивестромъ Св. Михаила, и Сава Св. Спаса, и Григорій Св. Андрея, Петръ Кловъскый, и прочіи Игумени,

[228] Ипат. 238.
[229] Тамъ же 6.

и освятиша церковь каменую; и отпѣвшимъ имъ обѣдьнюю, обѣдаша у Ольга и пиша, и бысть учрежение велико, и накормиша убогыя и странныя по три дни.»[240] Любовь Георгія Владиміровича къ Святославу не ограничивалась дружественными отношеніями къ сему последнему, а высказалась, вмѣстѣ съ тѣмъ, и не разъ, полнымъ вниманіемъ къ дружинѣ, сопутствовавшей всюду своего Князя, во время преслѣдованія его Княземъ Кіевскимъ и двоюродными его братьями, Давыдовичами: «Присла къ нему (Святославу) Гюрги, утѣшивая, рче: «Не тужи о сыну моемъ (умершемъ въ продолженіи похода съ Святославомъ): аще того Богъ отъялъ, а другій ти сынъ пришлю;» и присла Гюрги дары многы, паволокою и скорою, и женѣ его, и дружину его одари повелику...»[241] Въ слѣдующій за тѣмъ годъ лѣтописецъ разсказываетъ о подобномъ же вниманіи Георгія къ Святославу и, съ тѣмъ вмѣстѣ, къ дружинѣ его: «На утріи же день повелѣ Гюрги устроити обѣдъ силенъ, и створи честь велику имъ, и да Святославу дары многы, съ любовію, и сынови его, Ольгови, и Володимеру Святославичю, и мужѣ Святославлѣ учреди, и тако отпусти...[242] Въ 1154 году Ростиславъ роздалъ, по сказанію лѣтописца, все движимое достояніе Вячеслава, и часть этого достоянія досталась людямъ неимущимъ... Андрей Боголюбскій, какъ говоритъ лѣтописецъ, былъ «кормитель, чернцемъ, и черницамъ, и убогымъ, и всякому чину, яко въ злюбленый отецъ бяшеть; паче же милостынею бяше милостивъ»...... Онъ же велѣлъ, «и по вся дни возити по городу брашно и питье разноличное, болнымъ и нищимъ на потребу, и видя всякаго нища, приходящего къ себѣ просить, подавая имъ прошенія ихъ.»....[243] Подъ 1150-мъ годомъ случайнымъ образомъ лѣтописецъ передаетъ намъ о препровожденіи времени братомъ Андрея Боголюбскаго, Борисомъ, гдѣ мы видимъ этого младшаго Князя пирующаго съ дружиною и духовенствомъ: «Въ то же время Борисъ пьяшеть въ Бѣлѣгородѣ, на сѣньницы, съ дружиною своею и съ Попы Бѣлогородьскыми.»[244] Не щадилъ своего достоянія Мсти-

---

[240] Ипат. 6.
[241] Тамъ же 29.
[242] Тамъ же.
[243] Ипат. 112.
[244] Тамъ же.

славъ Ростиславичъ, но все роздавалъ или дружинѣ, или малоимущимъ своимъ подданнымъ, которыхъ сердца приковалъ онъ къ себѣ любовію и отеческою внимательностію: «И тако молвяху, плачущеся (по смерти Мономаха)... и сильніи, и худіи, и нищіи, и убозѣи, и черноризьцѣ; бѣ бо милостивъ на вся нищая..... бѣ бо любезнивъ на дружину, и имѣнія не щадяшеть и не сбирашеть злата, ни сребра, но даяше дружинѣ своей, ово же правяше души своей».... [245] Подобными же чертами описываетъ лѣтописецъ Володимера Глѣбовича Переяславскаго: «бо бѣ любя дружину, и злата не сбирашеть, но даяшеть дружинѣ.....[246] Любовь и вниманіе Ярослава Галицкаго приближало къ нему всѣхъ его подданныхъ малоимущихъ и даже странниковъ, для которыхъ онъ былъ какъ бы отцемъ: «Страныя любя и нищая кормя, черноризьскый чинъ любя и честь подавая отъ силы своея.».... [247] О подобномъ вниманіи и любви Рюрика Ростиславича разсказываетъ лѣтописецъ по двумъ особеннымъ случаямъ: подъ 1197-мъ годомъ: «Тогда же Князь съ единомысленною Княгинею и со богонабдивыми дѣтми, созва духовный тый пиръ, Епископа Андреяна Юрьевского и Архимандрита Василья Печерьского Игумена,... и прочіе Игумени, и черноризьцы, и Презвутеры, и весь священицкый чинъ, и учредивъ я немало, дары великыми почтия отъ великихъ даже и до малыхъ, яко ни единому же облишену быти отъ требующихъ... [248] Подъ 1200-мъ годомъ: «И створи пиръ не малъ и трядезу со приготовленіемъ, и накорми Игумены и со калугеры всими, и всякого чина церковьнаго, и подари вся, яже отъ первыхъ даже и до послѣднихъ, не токто ту сущая, но и прилучившаяся тогда..... [249] Торжественны были послѣдніе дни Владиміра Васильковича Волынскаго въ этой любви, въ этомъ вниманіи, въ этомъ сближеніи со всѣми своими подданными: «И еще ему не вельми больну, но ходяшеть и ѣздяшеть на конѣ, и роздa убогимъ имѣніе свое все: золото и серебро, и каменіе дорогое, и поясы золотые отца своего и серебряные, самъ передъ своима очами поби и полья въ гривны, и мониста великая золотая бабы своей и матери

---

[245] Ипат. 121.
[246] Тамъ же 134.
[247] Тамъ же 135.
[248] Ипат. 152.
[249] Тамъ же 153.

своей все полья, и розъсла милостыню [250] по всей земли; и стада розлая убогымъ людемъ, у кого то коній нѣтуть, тѣмъ и иже кто погибли въ Телебузину рать. [251]

Но въ этомъ ли вещественномъ покроѣ, который разскидывали Князья, надъ жизнію народа, въ этомъ ли стремленіи поддержать правду, въ защитѣ людей маломощныхъ и сирыхъ, въ этомъ ли отеческомъ вниманіи ко всѣмъ безъ исключенія подданнымъ, заключался дивный образъ о Князѣ и его дружинѣ? О, далеко еще нѣтъ.... Князь съ своею дружиною былъ покровъ самыхъ высокихъ, невещественныхъ, благъ народныхъ, былъ съ своею дружиною высокій нравственный образецъ для остальныхъ своихъ подданныхъ. Чтобъ яснѣе видѣть, это, необходимо войти въ бытъ тогдашняго времени, видѣть, въ какомъ невѣжествѣ утопала жизнь народная, посреди которой, подъ благотворнымъ, святымъ, вліяніемъ религіи и живаго семейнаго чувства, возникло это дивное понятіе о Князѣ-отцѣ; но подробное описаніе тогдашняго быта, которое само составляетъ предметъ обширнѣйшій не можетъ войти въ настоящій нашъ трудъ, и мы по этому должны здѣсь ограничиться главнѣйшими чертами, очерчивающими этотъ предметъ, излагая ихъ въ соотношеніи жизни Князей съ ихъ дружинами. Однако жь, прежде мы сдѣлаемъ одно замѣчаніе Жизнь дружинъ описывается рѣдко лѣтописцами, и то по какимъ ни будь особеннымъ, чрезвычайнымъ, случаямъ: этотъ недостатотъ въ прямыхъ данныхъ, при выше изложенномъ, объясняется весьма легко, и столько же легко вознаграждается данными непрямыми. Мы показали уже, что Князь и дружины, составляли всюду одно недѣлимое; что въ войнѣ и въ мірѣ Князь совѣтуется съ своими дружинами, принимая, или отвергая, ихъ мнѣнія: что почти всегда было полное согласіе въ мнѣніи Князя съ его дружиною; другими словами, что дружина была живой сознательный органъ воли Княжеской, той идеи, которую народная дума составила себѣ о Княжеской власти.

---

[250] Слово милостыня, равно какъ нищія, встрѣчающіяся въ приведенныхъ здѣсь мѣстахъ изъ лѣтописи, имѣютъ значеніе: первое, добровольно не заслуженнаго дара; второе, какъ мы вездѣ переводили не нищихъ въ новѣйшемъ значеніи этого слова, а людей, имѣющихъ свое состояніе, но не богатыхъ, и людей мало имущихъ: это ясно видно изъ соображенія разныхъ мѣстъ лѣтописей нашихъ.

[251] Ипат. 219.

Отсюда самымъ естественнымъ образомъ истекаетъ, что самая жизнь Князей сосредоточивала въ себѣ жизнь самыхъ дружинъ, была самымъ блестящимъ выраженіемъ ея. По этому все, что лѣтописцы ни приводятъ къ описанію этого великаго народнаго образа Княжеской власти, мы должны представлять себѣ, что все это отражалось, хотя въ меньшемъ размѣрѣ, не столь блестяще, въ жизни самыхъ Княжескихъ дружинъ, сообразно кругу ихъ дѣятельности и средствъ.

Глубокое религіозное чувство облекало собою всю жизнь народа. Во всѣхъ особенныхъ явленіяхъ природы, или лучше сказать, во всей жизни природы и въ жизни человѣческой, предки наши созерцали силу Всевышняго. Но это религіозное чувство, при всей своей силѣ, не только не освящало жизни, не только не вознаграждало лучшихъ отношеній между людьми, а, напротивъ, уродливымъ понятіемъ о божествѣ, объ отношеніяхъ человѣка къ человѣку и къ Творцу, мрачило жизнь, придавало ей свойство угрюмое, дѣлало изъ человѣка какого-то раба, лишеннаго воли, стремленія къ благу, а иногда даже какого-то дикаго звѣря.

Владиміръ Великій безспорно былъ Князь чисто Русскаго начала, какъ это должно заключать изъ того, что онъ оттолкнулъ отъ себя Варяжское начало, и уже до сихъ поръ составляетъ собою одно изъ любимыхъ лицъ разсказовъ нашего простаго народа: какимъ же свойствомъ запечатлѣна его языческая жизнь? Чувство религіозное въ немъ могуче: онъ трепещетъ предъ божествомъ. Воздвигаетъ кумиры, предъ которыми льется, въ умилостивленіе божества, кровь человѣческая, а между тѣмъ подобно хаосу, исполненному силы, но гдѣ нѣтъ искры свѣта, ходитъ покорят народы, собирать съ нихъ дань и, въ то же время, посреди безчисленнаго множества своихъ наложницъ, утопаетъ въ сладострасті Не забудемъ при этомъ, что онъ же говорилъ, что не можетъ принят той Вѣры, которая воспрещаетъ вино, по тому, что Руси есть веселіе пити. Вотъ истинный образъ языческой Руси! Свѣтъ озарилъ эту могучую душу; предъ ней раскрылся образъ друго Бога, Бога Христіанскаго, Бога духа, для котораго уготова вѣчная жизнь, Бога безконечной любви, правды, милосердія, въ то же время непреклоннаго всемогущаго судіи порока. Владиміръ палъ ницъ предъ этимъ образомъ, мечь выпалъ изъ ру его, и онъ страшится проливать кровь враговъ нашей родин

даже кровь злодѣевъ: «Живяше же Володимеръ въ страсѣ Божьи, и умножишася разбоеве, и рѣша Епископи Володимеру: «Се умножишася разбойници: по что не казниши ихъ?» Онъ же рече: «Боюся грѣха.» Они же рѣша ему: «Ты поставленъ еси отъ Бога на казнь злымъ, а добрымъ на милованье; достоить ти казнити разбойника, но со испытомъ.» Володимеръ же отвергъ виры (денежный штрафъ), нача казнити разбойникы;» и рѣша Епископы и старци: «Рать многа; оже вира, то на оружьи и на конихъ буди.» И рече Володимеръ: «Тако буди!» И живяше Володимеръ по устроенью отьню и дѣдню.» [252] Такой страшной переломъ сдѣлала вдругъ Христіанская религія въ этой дикой хаотической жизни Владиміра Великаго. Видно, что духовенство сдѣлало глубокое впечатлѣніе на душу его; религія обуздала ее въ дикихъ страстяхъ, смягчила ее до чувства невинно дѣтскаго; оторвала ее отъ земнаго, обратила къ самой себѣ, къ созерцанію блаженствъ и мукъ жизни вѣчной. Можно представить себѣ, съ какимъ благоговѣніемъ эта могучая душа, которая страстно было прильнула къ благамъ міра физическаго, и, въ трепетномъ восторгѣ отъ этихъ благъ, искала умилостивить божество кровавыми человѣческими жертвами, съ какимъ восторженнымъ благоговѣніемъ эта могучая душа пала теперь, не предъ этимъ языческимъ божествомъ, ищущимъ жертвъ, а предъ Божествомъ, которое съ безконечной отеческой любовію бдитъ надъ людьми, призываетъ ихъ вкусить вѣчныхъ благъ, коихъ міръ есть только дивный отблескъ, кои, какъ безконечное море, жиждутся и возсозидаются въ безконечной премудрости и всемогуществѣ Всевышняго. Примите при этомъ въ соображеніе силу семейнаго чувства, семейной любви, которая двигала въ то время всѣми дѣлами частными и общественными, которая животворила тогда все, которою только мы и жили, и вы поймете еще яснѣе высокую радость, которою объялась душа Владиміра, когда Всемогущій Творецъ явился чаянію души его въ образѣ отеческомъ же, въ образѣ высочайшей любви. Благовѣйно преклонялись мы тогда предъ образомъ земнаго отца, предъ маститыми старцами; съ какимъ же чувствомъ, какъ не съ чувствомъ, полнымъ смиренія, преданности, религіозной радости, религіознаго восторга должны мы были пасть тогда предъ

---

[252] Лаврент. 54.

Творцемъ Всемогущимъ Отцемъ, предъ образомъ безконечной любви?

Народъ, руководимый семейнымъ чувствомъ, чувствомъ любви, стремился возсозидать въ жизни гражданской или общественной этотъ дивный, этотъ строгій и любящій, образъ отческой власти въ образѣ Князей, отдавался имъ всею душей. Князья, подъ благотворнымъ вліяніемъ того же семейнаго чувства, сочувствовали народу, и, отдаваясь сами всей душой Богу Отцу искали только угодить Господу, чтобъ снискать вѣчныхъ благъ. Князья, по этому, являлись какъ бы посредниками между своими подданными и Богомъ, между небомъ и землею. Это не пустое словоыраженіе, а историческая истина. Жизнь Князей періода Дотатарскаго, который насъ преимущественно занимаетъ, носитъ на себѣ печать религіознаго чувства, исполнена стремленія угодить Господу, снискать любовь его, съ любовію блага вѣчныя. Данныхъ для подподтверждения этого множество: мы укажемъ на главнѣйшія изъ нихъ, чтобъ не путаться въ подробныхъ частностяхъ.

Какъ призракъ безъ плоти и духа, является предъ нами въ сказаніяхъ лѣтописца религіозный образъ Ярослава, сына Владиміра Великаго, если мы будемъ останавливаться вниманіемъ единственно на этихъ сказаніяхъ, не слѣдя за блестящимъ развитіемъ религіознаго чувства въ продолженіи всего изслѣдуемаго нами періода. Лѣтописецъ представляетъ намъ только данныя безъ мысли, безъ объясненія тѣхъ душевныхъ движеній, которыя возсоздавали эти данныя. То же почти можно сказать о религіозномъ образѣ Изяслава, сына Ярослава I-го. Образъ Всеволода, одного изъ младшихъ сыновей Ярослава же, рисуется уже предъ нами нѣсколько живѣе; дальнѣйшій же разсказъ лѣтописцевъ дѣлается глубже и нисходитъ иногда до основаній, изъ коихъ возникали явленія, подобныя тѣмъ, которыя сообщаютъ они намъ о религіозной жизни Ярослава и другихъ Князей предшествовавшихъ, или тѣхъ изъ нихъ, коихъ удѣлы либо вовсе не имѣли собственныхъ своихъ лѣтописцевъ, либо получили ихъ уже въ болѣе позднѣйшія времена, и сообщаютъ такъ кратко, безжизненно.

Всѣ данныя, которыя мы имѣемъ, начиная отъ временъ Всеволода, говорятъ намъ положительно о высоко благотворномъ вліяніи Христіанской религіи на тогдашнюю жизнь нашей родины. Мы видѣли уже, какъ религіозное чувство, чувство любви къ народу,

давало дѣятельности Владиміра Мономаха свойство мощи, неустрашимости, смиренія и простоты, соединенной съ важностію и какою-то торжественностію во всѣхъ обстоятельствахъ, гдѣ дѣло касалось не славы, не честолюбивыхъ какихъ либо цѣлей, а, напротивъ, благосостоянія его родины. Онъ полонъ сознанія о величіи природы, о любви и могуществѣ Творца; образъ Спасителя, принесшаго себя въ жертву за грѣхи человѣческіе, живъ вѣчно предъ нимъ и трогаетъ его до глубины души; псалмы Давыда и Евангеліе разрѣшаютъ ему самыя затруднительнѣйшія обстоятельства въ жизни. Онъ безпрерывно обращается къ нимъ, ищетъ въ нихъ свѣта, чтобъ быть угоднымъ Господу и проложить себѣ путь къ видимому блаженству. Изнесши изъ нѣдръ семейной жизни глубокое чувство любви, онъ, съ полнымъ сознаніемъ, съ душевной теплотою, радостію, восторженно пріемлетъ истины Ветхаго и Новаго Завѣта, проникнутыя живою безконечною любовію Творца къ своему созданію, стремится исполниться ими, борется съ самимъ собою, съ своими страстями, возносится надъ ними, дѣлается смѣлымъ, безстрашнымъ, поборникомъ Русской земли, готовый всегда отдать себя на жертву, для спасенія благосостоянія ея; идетъ по слѣдамъ, Спасителя, но чувствуетъ, однако жь, по временамъ, всю силу страстей, и плачетъ и кается, и рядомъ новыхъ добрыхъ дѣлъ стремится вырваться изъ путъ земнаго. Мы видѣли уже, какъ, страшась междоусобій, въ которыхъ гибло благосостояніе нашей родины, онъ торжественно возсталъ противъ Святополка, допустившаго Давыда Игоревича ослѣпить Василька, какъ потомъ любовь къ родинѣ обезоружила его; видѣли, какъ застигнутый въ дорогѣ приглашеніемъ Святополка и другихъ Князей, изгнать изъ Галицкихъ земель Ростиславичей, онъ, отказавшись отъ участія въ этомъ новомъ междоусобіи, впадаетъ въ внутреннюю борьбу, между двумя совершенно, по видимому, противоположными думами, между думою о любви и братскомъ согласіи, въ которой онъ желалъ видѣть всѣхъ Князей земли Русской, и думою о своемъ отпаденіи отъ ихъ союза, о своемъ совершенномъ одиночествѣ въ настоящемъ случаѣ. Колесница его бѣжала, и онъ, чтобъ успокоить внутреннюю тревогу, укрѣпить себя въ рѣшеніи своемъ, перебираетъ всѣ мѣста изъ псалмовъ Давыда, гдѣ любовь къ истинѣ, къ правдѣ, торжествуетъ надъ всѣми искушеніями, гдѣ высказывается твердая неколебимая вѣра, что только

одно доброе, правдивое, дѣло найдетъ благословеніе и покровъ въ божественномъ всемогуществѣ, что порокъ и злоба страстей преслѣдуются вѣчною благостію, и самый корень ихъ сотрется съ лица земли, а живыя орудія ихъ погибнутъ и не будетъ слѣда ихъ; по тому что надъ міромъ, надъ всѣми дѣйствіями человѣческими, царитъ Всемогущій Царь вѣчной правды. Исполненный этою высокою, религіозною, живою истиною, Мономахъ не думаетъ о видимыхъ земныхъ выгодахъ, забываетъ себя, какъ временнаго жильца этого міра, возносится надъ всѣми земными отношеніями, и душа его, торжествуя надъ прахомъ, раскинула крылья свои и воспарила въ горняя, проникнулась вѣрою, любовію и необыкновеннымъ смиреніемъ. Онъ поетъ тогда гимнъ Творцу, благоговѣйно падаетъ предъ Его безконечною благостію и любовію, чувствуетъ ничтожество свое въ безконечныхъ силахъ Творца, и хочетъ быть только слугою, Его орудіемъ вѣчныхъ его истинъ, Его любви орудіемъ сознательнымъ. Дума быть орудіемъ, достойнымъ святости самыхъ истинъ, занимаетъ тогда всю его душу. Не однимъ постомъ, не однимъ монашескимъ отреченіемъ отъ міра, говорилъ онъ тогда, человѣкъ можетъ угодить Господу, а дѣлами добрыми, любовію къ людямъ; и, какъ любовь, продолжалъ онъ, можетъ меркнуть въ насъ, а страсти возобладать надъ нами, то мы необходимо должны постоянно чувствовать ничтожность и грѣховность свою, съ тѣмъ вмѣстѣ очищать душу свою покаяніемъ и слезами, чтобъ быть, по возможности, всегда достойнымъ храмомъ Божіимъ, орудіемъ Его святой воли, быть вѣчно съ Богомъ любви и правды. [253] Какой торжественный, величавый, союзъ видимъ мы въ этихъ сужденіяхъ Мономаха, между чувствомъ религіознымъ, освѣщеннымъ истинами, переданными людямъ свыше, и между чувствомъ семейнымъ, чувствомъ, которое, подъ благотворнымъ вліяніемъ перваго, высказалось рядомъ великихъ дѣлъ въ жизни самаго же Мономаха!

Тѣмъ же путемъ идутъ къ вѣчной жизни другіе изъ болѣе замѣчательныхъ Князей нашихъ; та же вѣра одушевляетъ ихъ, хотя, безъ сомнѣнія, не всѣхъ съ одинакимъ сознаніемъ. Въ этомъ отношеніи въ особенности замѣчательна семья Всеволода. О самомъ Всеволодѣ дошло до насъ сказаніе, что ежедневно,

---

[253] См: выше.

съ разсвѣтомъ дня, онъ ходилъ на молитву въ храмъ Божій, и что онъ былъ жизни строгой и правдивъ. [254] Въ сынѣ его, Владимірѣ Мономахѣ, мы видѣли высокій образецъ религіознаго чувства. Дочь его, Янка, отказалась отъ свѣта и обрекла себя на жизнь монастырскую. [255] Объ одномъ изъ правнуковъ его, Изяславѣ, предки наши говорили, что онъ былъ не Князь, а отецъ своимъ подданнымъ, [256] другой готовъ былъ отказаться отъ всѣхъ прелестей міра, отъ самаго Княжескаго престола, для того, чтобъ быть истиннымъ Христіаниномъ и приблизиться къ Творцу достойнымъ тѣхъ благъ, которыя уготованы въ безконечной премудрости Божіей, которыхъ подобіе мы только можемъ видѣть въ нашихъ земныхъ благахъ. [257] Правнукъ Всеволода, Мстиславъ (1179 г.), одинъ изъ любимцевъ народныхъ, одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ поборниковъ за Русскую землю, всегда былъ готовъ положить за нее свою голову, одушевляемый къ тому полною вѣрою, что кто положитъ душу свою изъ любви къ ближнимъ, тотъ свершитъ угодное Господу и наслѣдуетъ жизнь вѣчную: «бѣ бо крѣпокъ на рати; всегда бо тосняшеться умрети за Рускую землю и за Хрестьяны; егда бо видяше Хрестьяны полонены отъ поганыхъ, и тако молвяше дружинѣ своей: «Братья, ни что же имете во умѣ своемъ: аще нынѣ умремъ за Хрестьяны, то очистимся грѣховъ своихъ и Богъ вмѣнить кровь нашю съ мученикы. Аже ли Богъ дасть милость свою, а слава Богу; мы бо аще нынѣ умремъ, умремъ же всяко.» [258] Святославъ, сынъ Давыда Черниговскаго, внукъ Святослава, (1106 г.), даже промѣнялъ княжескую ман-

---

[254] Всеволодъ бѣ издѣтьска боглюбивъ, любя правду.... въздержася отъ пьянства и отъ похоти.... Лавр. 92. Первое въ церкви: да не застанетъ васъ сънце на постели: тако бо отець мой дѣяшеть блаженный, и всѣ добрыи мужи свершеніи: заутреню отдавше Богови хвалу, и потомъ солнцю всходящу, и узрѣвши солнце, и прославиша Бога съ радостію. Завѣщаніе сына Всеволода, Владиміра Мономаха.

[255] Ипат. 3.

[256] Тамъ же 74. Томъ желѣтѣ (1154) разболѣся Великый Князь Кіевскій, Изяславъ, честный, благовѣрный и Христолюбивый, славный Изяславъ Мьстиславичь, вънукъ Володимерь, и плакася по немъ вся Руская земля и вси Черніи Клобуци, яко по Цари и Господинѣ своемъ, наипаче же яко по отцю.

[257] Тамъ же 93.

[258] Ипат. 121.

тію на мантію простаго монаха. [259] Одушевляемый религіознымъ чувствомъ, Ярославъ Галицкій (1187 г.) какъ какой ни будь отецъ, патріархъ, призываетъ къ смертному ложу своихъ подданныхъ, разныхъ слоевъ и возрастовъ, торжественно проситъ ихъ любви, проситъ прощенія, напутствія благословеніемъ въ жизнь вѣчную: «И ко преставленію своему въ болѣзни тяжьцѣ познася худъ, и созва мужи своя и всю Галичькую землю, позва же и сборы вся и манастырѣ, и нищая, и сильныя, и худыя; и тако глаголаше, плачася ко всѣмъ: «Отци, и братья, и сынове! Се уже отхожю свѣта сего суетьнаго и иду ко Творцу своему, а сгрѣшихъ паче всихъ, яко же инъ ни кто же сгрѣши; а отци и братья! простите и отдайте!» И тако плакашеться по три дни передо всими сборы и передо всими людми, и повелѣ раздавати имѣніе свое по манастыремъ и нищимъ; и тако даваша по всему Галичю по три дни... [260] Обращаясь опять къ Ярославу, мы поймемъ теперь, какое чувство живило Князя, при постройкѣ двухъ храмовъ въ Кіевѣ, Софійскаго и Десятиннаго, которыхъ остатки говорятъ намъ, что они могли бы составлять собою даже въ настоящее время великолѣпнѣйшіе и богатѣйшіе храмы, какъ по своей архитектурѣ, такъ и по внутреннѣй отдѣлкѣ; [261] теперь будутъ понятны для насъ и другія сказанія лѣтописца о дѣлахъ религіозныхъ Ярослава: «И бѣ Ярославъ любя церковныя уставы. Попы любяше по велику, излиха же черноризьцѣ, и книгамъ прилежа и почитая е часто въ нощи и дне, и собра письцѣ многы, и прекладаше отъ Грекъ на Словѣньское писмо, и списаша книгы многы, и сниска... Ярославъ же, яко же рекохомъ, книгамъ любимъ бѣ, многы (книгы) написавъ, положи въ церкви Святой Софьи, юже созда самъ... и ины церкви ставляше по градомъ и по мѣстомъ, поставляя Попы, и дая имъ отъ имѣнья своего урокъ, веля имъ учити люди.... Радовашеся Ярославъ, видя множьство церквій и люди Хрестьяны зѣло.» [262] Не это ли же религіозное чувство, не эта ли живая вѣра въ благость и могущество Творца, стремили всѣхъ другихъ Князей нашихъ, съ ихъ богатствами къ престолу

---

[259] Лавр. 120.
[260] Ипат. 135.
[261] Описаніе Кіева, Фундуклея.
[262] Лавр. 66.

Господа, преображали это богатство въ великолѣпные храмы, какими были украшены всѣ безъ исключенія главнѣйшіе изъ стольныхъ городовъ нашихъ и которые былидивомъ для современниковъ? Самый Печерскій монастырь, откуда изошли великіе Святители земли Русской, великіе образцы жизни Христіанской, не подъ непосредственнымъ ли покровительствомъ Кіевскихъ Князей, развился со всѣми своими святынями, предъкоими поклонялися предки наши, предъ коими поклоняемся мы? [263]

Тѣмъ же путемъ шла дужина Княжеская, не смотря на земныя страсти, которыя тревожили ее, подобно тому, какъ они тревожили и самихъ Князей и вовлекали въ желанія и дѣла чисто житейскія, подъ часъ грубыя и даже кровавыя: человѣкъ не могъ сдѣлаться ангеломъ и жизнь не могла вдругъ преобразиться; но что же должны мы сказать объ остальной толпѣ народа въ семъ отношеніи? Христіанство даже по одной формѣ медленно распространялось въ ней, встрѣчая въ грубости народной сильное сопротивленіе, такъ что въ XI, XII, XIII и XIV столѣтіяхъ, не только по деревнямъ, но даже въ иныхъ городахъ, [264] видны еще ясные слѣды самаго темнаго язычества, хотя и не повсемѣстно.

Въ 1171-мъ году, т. е., почти въ то самое время, когда Владиміръ Мономахъ вступилъ на сцену историческую, появились, по разсказу лѣтописца, два волхва, которые увлекли за собою простыхъ жителей земли Ростовской, начиная отъ Ярослава до Бѣлозера. Въ это время былъ голодъ: религіозное настроеніе души не могло не видѣть въ семъ явленіи какую-то таинственную силу, которая правитъ міромъ; но душа не освященная не возносилась къ живому истоку, изъ котораго исшелъ міръ, и въ вѣчной премудрости и всемогуществѣ котораго бываетъ онъ, со всѣми своими безчисленными явленіями; нѣтъ, она искала, и думала найти, причину настоящаго бѣдствія въ волхвованіи, чародѣйствѣ женщинъ, и, вмѣсто того, чтобъ обратиться душею къ Творцу, какъ отцу, Который призываетъ всѣхъ къ истинному блаженству, Котораго воля родитъ и измѣряетъ событія, они, по указанію волхвовъ, избиваютъ несчастныхъ женщинъ, которыя будто бы были

---

[263] Описаніе Кіева, Фундуклея.

[264] Очерки Россіи, Вадима Пассека. Часть I. Кіево-Печерская Лавра, и Очеркъ Исторіи Русской Церкви, Макарія, стр. 40.

виновны въ бѣдствіи: «Въстаста два волъхва отъ Ярославля, глаголюща, «яко вѣ свѣвѣ» кто обилье держить»; и поидоста по Вользѣ; кдѣ придуть въ погосте, ту же нарицаху лучьшіѣ жены, глаголющѣ, «яко си жито держить, а си медъ, а си рыбы, а си скору».... Повѣдаша ему (Яну) Бѣлозерци, «яко два кудесника избила уже многы жены по Вользѣ и по Шекснѣ, и пришла еста сѣмо» (къ Бѣлоозеру).... Прошедши нѣсколько сотъ верстъ, волхвы нигдѣ не встрѣчали противодѣйствія, напротивъ, увлекали всѣхъ своимъ ученіемъ, такъ что сами жители добровольно приводили къ нимъ своихъ матерей, женъ, сестеръ, и приносили на жертву грубѣйшему невѣжеству. Число приверженцевъ, слѣдовавшихъ за волхвами изъ мѣста въ мѣсто, когда они явились подъ Бѣлоозеромъ, простиралось уже до 300; они, если не всѣ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые, были даже вооружены. Бѣлоозерская дружина раздѣляла и сама отчасти это ученіе, или, не просвѣщенная еще свѣтомъ ученія истиннаго, бездѣйствовала, позволяла волхвамъ спокойно проповѣдывать свое ученіе и избивать людей. Тогда, въ противодѣйствіе, является дружина Князя Кіевскаго, подъ предводительствомъ отважнаго Яна, который посланъ былъ въ землю Ростовскую для собиранія даней. Встрѣтивъ, съ нѣкоторыми изъ своихъ подчиненныхъ, открытое сопротивленіе, и потерявъ въ стычкѣ съ толпою, окружавшею волхвовъ, Священника, Янъ долженъ былъ безуспѣшно возвратиться въ Бѣлоозеро, и здѣсь объявилъ мѣстной дружинѣ, чтобъ она вооружилась и взяла волхвовъ, въ противномъ же случаѣ онъ останется у нихъ, конечно, не совсѣмъ пріятнымъ гостемъ, на цѣлое лѣто. Бѣлоозерцы взяли волхвовъ, и тѣ же, которые приводили къ волхвамъ своихъ матерей, женъ, сестеръ и, вмѣстѣ съ ними, губили ихъ, ободренные смѣлыми дѣйствіями Яна, видя всю ничтожность волхованія противъ открытой силы послѣдняго, видя, какъ Янъ поругается надъ ними, сами же тиранскимъ образомъ изгубили кудесниковъ. [265]

Въ томъ же году и подобное же явленіе полнаго невѣжества обнаружилось въ Новгородѣ. Здѣсь волхвъ открыто порицалъ Христіанскую Вѣру. Всѣ Новгородцы приняли сторону волхва, такъ что, если бъ Князь Глѣбъ, съ своею дружиной, не случился въ Новгородѣ, тамошній Епископъ, безъ сомнѣнія, погибъ бы, зачатки

---

[265] Лавр. 75.

Христіанства были бы истреблены и жизнь погрузилась въ прежній языческій мракъ. Правда, Глѣбъ дѣйствовалъ въ семъ случаѣ не какъ проповѣдникъ, не словомъ, однако жь рѣшительнымъ сопротивленіемъ и убіеніемъ волхва успѣлъ разувѣрить Новгородцевъ, въ чудесныхъ высшихъ силахъ его. [266]

Къ тому же времени появился волхвъ въ Кіевѣ, гдѣ также нашелъ себѣ послѣдователей; но онъ погибъ внезапно, вѣроятно, въ предупрежденіе мятежа, убитый, или заточенный, по распоряженію Князя, тайнымъ образомъ; [267] мы говоримъ, по распоряженію Князя, имѣя въ виду, что и здѣсь, какъ въ земляхъ Ростовскихъ и въ Новгородѣ, Христіанская религія имѣла единственную опору въ Князьяхъ и ихъ Боярахъ, или дружинахъ, для подтвержденія чего мы имѣемъ достаточныя данныя. Народъ принялъ новое ученіе въ Кіевѣ безсознательно, единственно подъ вліяніемъ патріархальнаго чувства, чувства преданности къ Князю и любви къ старѣйшинамъ. Подобно Глѣбу и Яну, Владиміръ воспользовался духомъ своего народа, и дѣйствовалъ примѣромъ и мечомъ: языческіе кумиры въ Кіевѣ были, по повелѣнію его, низвержены, изсѣчены, или сожжены, а кумиръ Перуна преданъ общеественному поруганію и брошенъ въ Днѣпръ; и народъ плакалъ о своихъ языческихъ божествахъ, какъ передаетъ, нашъ лѣтописецъ, но по строгому, однако жь, приказанію Владиміра, шелъ на Днѣпръ креститься, высказавшись при этомъ словами, рѣзко очерчивающими духъ народный, о чемъ въ своемъ мѣстѣ мы сказали уже подробно.

Такимъ образомъ, при всей недостаточности свѣдѣній, сообщенныхъ намъ лѣтописцами, мы видимъ, что въ распространеніи Христіанскихъ истинъ Князь и дружины являются у насъ вездѣ на первомъ мѣстѣ и поддерживаютъ святое крещеніе и мечомъ и примѣромъ; видимъ, что, когда многіе Князья уже явили жизнью своею высокіе образцы души просвѣщенной Евангельскими истинами, жизни Спасителя; когда они, легко отрываясь отъ земныхъ благъ, жертвовали ими, жертвовали своимъ покоемъ, готовы были пожертвовать своею жизнію, для того, чтобъ, любовію къ своему народу, дѣлами добрыми, исполнить заповѣдь Божію и приблизиться

---

[266] Лавр. 77.
[267] Тамъ же 75.

къ вѣчному источнику духовныхъ благъ, въ то же время толпа народная пребываетъ еще въ глубокомъ языческомъ невѣжествѣ, хотя, по формѣ, по внѣшности, ученіе Христово, если не всею, по крайней мѣрѣ, большею частію уже было ею принято. Князь здѣсь опять дѣйствуетъ по тѣмъ же законамъ, какъ дѣйствовалъ тогда отецъ въ семьѣ своей, т. е., совершенно свободно, руководствуясь только одною любовію къ своимъ подданнымъ. По этому, стоя, какъ мы видѣли уже изъ выше приведенныхъ примѣровъ, столь же близко къ духовенству, какъ къ другимъ своимъ подданнымъ, совѣщаясь съ нимъ о дѣлахъ часто важныхъ Государственныхъ, затрудняющихъ совѣсть, онъ былъ вполнѣ независимъ въ своимъ рѣшеніяхъ и по дѣламъ духовнымъ. По сему избраніе самихъ Митрополитовъ, Архіепископовъ, Епископовъ, и смѣна ихъ зависѣла отъ Князя. Мы знаемъ на прим., что, въ слѣдствіе спора между Ростиславомъ Мстиславичемъ и, племянникомъ его, Мстиславомъ Изяславичемъ, и по взаимному потомъ ихъ между собою согласію, два Митрополита лишены были своего сана, и на мѣсто ихъ избранъ новый: Мьстиславь же крѣпко пряшеся по Климѣ, река тако: «Не будеть Костянтинъ въ Митрополіи, зане клялъ ми отца.»... И ту, распри бывше межи има, Ростиславу Клима не хотящу Митрополитомъ, а Мьстиславу Костянтина не хотящу, иже бяше священъ Патріархомъ и великимъ сборомъ Костянтинаграда; рѣчи продолжившися и пребывши крѣпцѣ межи ими, и тако отложиста оба, яко не сѣсти има на столѣ Митрополитьстѣмъ, и на томъ цѣловаста хрестъ, яко инаго Митрополита привести имъ изъ Царягорода.» [268] Всеволодъ, Владиміро-Ростовскій Князь, какъ извѣстно, тоже не принялъ къ себѣ духовнаго главы, посвященнаго въ Кіевѣ безъ его согласія, а избралъ для сего лицо, ему извѣстное, и заставилъ Митрополита, чрезъ Великаго Кіевскаго Князя, Святослава, согласиться на его избраніе и на уничтоженіе прежняго своего назначенія. [269] Еще

---

[268] Ипат. 85 и 86. На мѣсто Климента и Константина назначенъ былъ Өеодоръ. Очеркъ Исторіи Русской Церкви въ періодъ Дотатарскій, Макарія, стр. 14.

[269] Ипат. 127. Преставившюся Леону, Ростовьскому Епископу, и поставленъ бысть Никола Гречинъ Епископомъ. Всеволодъ же Гюргевичь, Князь Суждальскій, не прія его, но посла Кіеву, ко Святославу ко Всеволодовичю и къ Митрополиту Никифору, рекъ: «Не избраша сего людье землѣ нащеѣ, но еже еси поставилъ, ино камо тобѣ годно, тамо же и держи, а мнѣ постави Луку, смиренаго духомъ

прежде того Андрей Боголюбскій смѣнилъ по своей волѣ двухъ Епископовъ: одного за то, что онъ не разрѣшилъ ему ѣсть по Средамъ и Пятницамъ отъ Свѣтлаго Праздника до Недѣли всѣхъ Святыхъ мяса, [270] а другого, который, слѣдуя примѣру Западнаго Духовенства, было рѣшился прекратить службу въ церквахъ Владимірскихъ, и отличался, сверхъ того, страшными злоупотребленіями, и не хотѣлъ просить отъ Митрополита посвященія на свое Епископство. [271]

Быть можетъ, въ настоящемъ случаѣ нѣкоторые готовы сдѣлать замѣчаніе, что мы слишкомъ идеализируемъ одну сторону нашей древней исторіи, а другую, обратно, изображаемъ уже слишкомъ мрачными красками; и они правы, но не въ сущности дѣла: цѣль наша опредѣлить границы, посреди которыхъ совершалась жизнь, показать порядокъ и отношеніе вещей; подробности же не входятъ въ планъ настоящаго описанія. За всѣмъ тѣмъ, для исторической вѣрности и точности, мы не можемъ не сказать еще нѣсколькихъ словъ, въ поясненіе дѣйствительнаго тогдашняго быта и отношенія разсматриваемыхъ нами различныхъ началъ.

Дружина раздѣлялась на старшую и младшую: и та и другая, сверхъ того, подраздѣлялась на Бояръ, отроковъ и собственно Боярскую челядь или Боярскихъ Дѣтей. Между старшими и младшими Боярами были точно такія же отношенія, какъ между старымъ и новымъ Дворянствомъ: послѣдніе, т. е., младшіе Бояре, выслуживались въ Боярство при томъ, или другомъ, Князѣ, были новые Бояре. Они, безъ сомнѣнія, повышались въ Боярское достоинство изъ отроковъ Княжескихъ, т. е., собственной Княжеской дружины. Отроки, въ свою очередь, также какъ Боярскіе Дѣти древней исторіи, отдѣлялись отъ народа, какъ храбрѣйшіе и отважнѣйшіе, и восполнялись даже иноплеменниками. [272] Дружина, по этому, представляла собою цѣлую лѣстницу чиновъ, которой лучшая, высшая, часть прислонялась къ Княжескому престолу, а низшая къ народу;

и кроткого Игумена Св. Спаса на Берестовѣмъ;» Митрополитъ же Микифоръ не хотяше поставити его, но неволею великою Всеволода и Святославлею постави Луку Епископомъ въ Суждальскую землю.

[270] Ипат. 91.

[271] Тамъ же 102.

[272] Подробное изслѣдованіе по этому предмету сдѣлано мною въ одномъ изъ критическихъ сочиненій, приготовленномъ уже къ печати.

по этому не было, не могло быть, рѣзкихъ граней между дружиною и народомъ въ самомъ нравственномъ развитіи, не говоря уже въ семъ случаѣ о нравственной глубокой связи между ею и народомъ, за который она проливала кровь свою, отстаивая его благо, отстаивая самобытность земли Русской. Кромѣ того, при видимомъ стремленіи, подъ вліяніемъ высокихъ Христіэнскихъ мыслей, къ жизни просвѣтленной, къ жизни духа, къ стяжанію духовныхъ благъ, дружина, принимая на себя всѣ тягости жизни военной и гражданской, не могла сама не исполняться любовію и къ земнымъ благамъ, которыя отстаивались ею для народа: и это-то живое сочувствіе къ земнымъ благамъ придавало ей живую мощь, дѣятельность, силу, отважность, подобно какъ стремленіе завладѣть богатою землей Болгарской вдохновляло, по сказанію лѣтописца, и самаго Святослава. Отсюда естественнымъ образомъ должны были возникать отношенія несовершенно благопріятныя между дружиною и народомъ. Объ этихъ отношеніяхъ мы уже упомянули, говоря о различіи дружинъ мѣстныхъ и Княжескихъ; могли бы здѣсь привести изъ самаго же лѣтописца еще нѣсколько данныхъ, въ поясненіе подобнаго направленія въ дружинахъ; но сказанное направленіе такъ очевидно проявляется даже въ дальнѣйшей нашей исторіи, что мы считаемъ излишнимъ представлять здѣсь какія либо новыя доказательства, въ подтвержденіе существованія его. Въ древнее время, конечно, оно было еще сильнѣе и грубѣе. Каждый изъ дружинныхъ, жертвуя собою для общаго блага, не забывалъ при этомъ и себя, съ своей семьей, не опускалъ случаевъ, чтобъ повыситься, скопить богатства, воспользоваться жизнію. Ни какія утонченности не разслабляли, не успокоивали тогда, жизнь нашу; мы были полны мощи, силы, сознавали жизнь, хотя грубо, но во всей полнотѣ ея и, наслаждаясь ею, чувствовали всю благость Творца, и трепетно, съ своей семьей, повергались предъ нимъ ницъ, вдохновляемые вѣрой, полнымъ упованіемъ на новыя милости къ намъ Господа. Чувство любви каждаго къ себѣ, къ семьѣ, съ одной стороны, двигало всею тогдашнею общественною нашею жизнію, съ другой уединяя, въ слѣдствіе недостаточнаго развитія религіозныхъ истинъ, Государство до семьи, оно было сильно, но такъ не развито еще, что, говоря вообще, господствовало даже надъ выгодами Государственными и надъ самымъ даже чувствомъ религіознымъ.

Господство его надъ общественными выгодами очевидно уже

изъ нѣкоторыхъ явленій, нами выше сего переданныхъ. Уже распаденіе Россіи на удѣлы, всегда полувраждебные, а иногда открыто враждебные между собою, этѣ безконечныя войны между тѣми, или другими, удѣлами, войны, посреди которыхъ гибло благосостояніе частное и общественное, въ сущности опять не что иное, какъ торжество семейнаго чувства, достигшаго развитія начала областнаго. Но самое областное начало по удѣламъ развито было преимущественно только въ противодѣйствіе враговъ области, а въ жизни внутренней оно значительно теряло свою силу, возвращалось опять къ своему источнику, къ любви семейной.

Торжество общинно-семейнаго чувства надъ чувствомъ религіознымъ оставило по себѣ также рѣзкіе слѣды въ древней нашей исторіи.

При дѣятельности общественной, можно сказать, безпрерывно тревожной, возвращаясь изъ нея къ домашнему очагу, гдѣ каждый былъ полный владыка, окруженный людьми, которые его чтили, которымъ онъ самъ довѣрялся болѣе, нежели кому ни будь, человѣкъ, полный мощи и силъ, блаженствовалъ, и, въ сознаніи этого блаженства, чувствовалъ надъ собой, надъ этимъ небольшимъ его домашнимъ кругомъ, руку Всевышняго, которая возсозидала для него этотъ кругъ, поддерживала его, иногда возвеличивала, чувствовалъ любовь къ нему его Творца, и, посреди семейнаго домашняго очага воздвигался алтарь, храмъ Богу живому, дабы семья постоянно была съ Богомъ своимъ, чтобъ постоянно было съ семьей благословеніе Божіе во всей ея жизни, во всѣхъ ея начинаніяхъ: эти храмы были храмы домашніе, семейные. Слѣды существованія ихъ замѣтны по всему Дотатарскому періоду удѣловъ. Мы знаемъ также, что Владиміръ Великій, въ Св. крещеніи Василій, движимый, съ одной стороны, чувствомъ религіознымъ, съ другой чувствомъ благодарности за спасеніе свое отъ Печенѣговъ, угрожавшихъ ему плѣномъ, или гибелью, основалъ, во имя своего святаго покровителя, храмъ въ Кіевѣ, [273] а въ Василевѣ церковь Преображенія; [274] Ярославъ Великій, названный во Св. крещеніи Георгіемъ, устроилъ также два храма, одинъ во имя своего святаго покровителя, другой

---

[273] Лаврент. 53.

[274] Тамъ же 54.

во имя своей жены; [275] храмъ, въ которомъ былъ погребенъ Святополкъ Михаилъ, былъ также храмъ, основанный имъ во имя своего святаго покровителя: [276] Что же такое въ дѣйствительности были и эти храмы, какъ не храмы, воздвигнутые тѣмъ же семейно-религіознымъ чувствомъ, которое сознавало милости, любовь Творца только надъ тѣмъ, или другимъ, лицомъ, надъ той, или другой, семьей, и чрезъ того, или другого, Святаго, который считался покровителемъ лица? Къ числу же этихъ храмовъ, воздвигавшихся семейно-религіознымъ чувствомъ, принадлежатъ храмы, кои основались по случаю рожденія дѣтей, гдѣ принимались бренные останки Княжескихъ семей и возносилось, безъ сомнѣнія, объ нихъ постоянное поминовеніе, гдѣ усопшіе продолжали такимъ образомъ свое земное существованіе въ молитвахъ потомства и духовно соединялись съ своими семьями. Развившись въ чувство семейно-общинное, оно опять воздвигало повсюду въ періодъ удѣловъ храмы общинные, въ которыхъ какъ бы пребывало Божество, зиждущее и хранящее благо той, или другой, страны. По этому каждый изъ срединныхъ городовъ области имѣлъ свой особый храмъ, и этотъ храмъ былъ храмомъ цѣлой области, но не храмомъ другихъ общинъ. Божество чрезъ него благословляло только извѣстную страну. Не совершенно исключалась изъ сего и область Кіевская: она имѣла также свой областной храмъ, духовный покровъ котораго осѣнялъ только область Кіевскую, хотя болѣе, или менѣе, въ покровъ его вѣровали и другія части Руси, и передали эту вѣру даже и потомкамъ своимъ, ту вѣру, которая двигаетъ въ настоящее времъ со всѣхъ концевъ Россіи богомольцевъ на поклоненіе святынямъ Кіева. [277] Новгородъ, по сказанію лѣтописца, былъ градомъ Св. Софіи, во имя которой устроенъ былъ главный Новгородскій храмъ: «Умремъ за Святую Софію!» не разъ восклицали Новгородцы. «Нѣтъ двухъ

---

[275] Тамъ же. 65, и Описаніе Кіева, Фундуклея.

[276] Ипат. 4.

[277] Этотъ образъ пониманія высказывается, на примѣръ, довольно ясно подъ 1172 годомъ, при описаніи преслѣдованія Половцевъ, уходившихъ съ полономъ изъ земель Кіевскихъ. Сраженіе было жестокое, и Половцы, не смотря на несравненно значительнѣйшія силы, были разбиты: «И бысть помощь креста честнаго и Святѣи Матери Божіи Богородицы великоѣ Десятиньнѣй, ея же бяхуть волости заяли, да аще Богъ не дасть въ обиду человѣка проста, егда начнуть его обидити, аже онъ своеѣ Матери дому.» Ипатьев. 104.

Новгородовъ въ нашей общинѣ, и ихъ быть не можетъ,» говорили они, по тому что въ земляхъ Новгородскихъ одинъ только храмъ Св. Софіи. [278] Гдѣ опять благословлены были Владимірцы на подвигъ трудный и великій, когда они напрягли всѣ усилія, чтобъ дать блестящее осуществленіе идеи Князя на Сѣверѣ? Кто былъ тогда покровъ ихъ?—Святая Дѣва, во имя которой основанъ былъ главный храмъ земли Володимірской. И благословеніе Спасителя, именемъ котораго знаменовался главный храмъ области Черниговской, сопутствовало дружины Черниговскія всюду, и во имя Спасителя совершалась жизнь сей области. [279] Каждая городская община имѣла опять свой частный храмъ, чрезъ который вторично благословлялась эта часть цѣлой области. Тщетны были, по этому, всѣ усилія Андрея Боголюбскаго огромными полчищами своими стѣснить, задавить, Мстислава Ростиславича въ Вышгородѣ: полная, самая живая, надежда на заступничество Св. мучениковъ, Бориса и Глѣба, коихъ мощи хранились въ этой небольшой крѣпосцѣ, одушевляли воиновъ Мстислава: они бились безпримѣрно мужественно, отбивали приступы, дѣлали вылазки, и наконецъ, при

---

[278] Да не будеть Новый Търгъ (Торжокъ) Новгородомъ, ни Новгородъ Тържкомъ, нъ кдѣ Святая Софія, ту Новгородъ!» Новогор. 1, стр. 33. Въ 1215 году Новгородцы чрезъ пословъ приглашая Ярослава въ Новгородъ на княженіе, говорили ему: «Пойди въ свою отцину, къ Святѣи Софіи!» Тамъ же. Мысль эта высказывается во многихъ мѣстахъ лѣтописи, или, лучше сказать, во всей исторіи Новгорода.

[279] Подъ 1176 годомъ лѣтописецъ, увлеченный самъ духомъ областнымъ, высказалъ его вполнѣ при описаніи побѣды, одержанной Михаиломъ Георгіевичемъ надъ Ростиславичами. Нужно замѣтить, что дружины двухъ различныхъ областей поддерживали Михаила противъ Ростиславичей, то есть, Черниговская, съ которою они пришли съ Юга, и Володимірская, которая соединилась уже съ ними на Сѣверѣ, и, побѣда, одержанная ими, совершилась, по сказанію лѣтописца, подъ благословеніемъ Спасителя и Божіей Матери, такъ какъ главные храмы двухъ областей сихъ были основаны, одинъ во имя Спаса, а другой во имя Пресвятой Дѣвы. Что именно такъ понималъ лѣтописецъ, это ясно видно изъ того, что, въ дальнѣйшемъ разсказѣ событія о борьбѣ между Михаиломъ и братомъ его, Всеволодомъ, послѣ того, какъ дружины Черниговскія удалялись въ родную страну, онъ вездѣ говоритъ, что Владимірцамъ и Князьямъ ихъ помогала Матерь Божія, предъ престоломъ которой падала ницъ земля Володимірская. Ипат. 118: «а правда бяшеть и Святый Спасъ съ Михалкомъ. Мьстиславичи же (Ростиславичи) не доѣхавша, повергоша стягъ и побѣгоша, гонимы гнѣвомъ Божіимъ и Святѣй Богородицы.»

приближеніи Ярослава Луцкаго, который несъ имъ и гибель и помощь, вдругъ разсыпалась болѣе, нежели пятидесятичная армія Князя Сѣвернаго и побѣжала во всѣ стороны, гонимая гнѣвомъ Божіимъ.[280] Еще прежде того теплыя молитвы во храмѣ Св. Богородицы спасли Звенигородъ отъ полчищь Всеволода Ольговича, и заставили ихъ возвратиться въ земли свои безъ всякаго успѣха.[281] Такъ всѣ дружины, которыя составляли въ древнее время главное начало почти безъ исключенія всѣхъ городовъ нашихъ, находились подъ покровомъ Божіимъ, чрезъ общій покровъ Спасителя, Божіей Матери, или Святыхъ, во имя которыхъ основанъ былъ главный областной храмъ, и чрезъ покровъ частный, которымъ осѣнялась та, или другая, часть ихъ въ главныхъ храмахъ городовъ младшихъ или пригородовъ. По этому-то вражда частная и вражда областная разражалась иногда расхищеніемъ святыни и даже истребленіемъ храмовъ враждебныхъ лицъ, или областей. Дѣдъ Всеслава Полоцкаго, при взятіи Новгорода, не пощадилъ святынь Софійскаго храма. Въ 1146 году Изяславъ Кіевскій отдалъ на расхищеніе не только все движимое имущество Святослава, захваченное имъ въ Путивлѣ, но не пощадилъ въ семъ случаѣ и семейнаго храма своего врага: «И ту дворъ Святославль раздѣли на 4 части........ и церковь Святого Възнесенія всю облупиша, съсуды серебреныя и индитьбѣ, и платы служебныя, а все шито золотомъ, и кадѣльничѣ двѣ, и кацьѣ, и Евангеліе ковано, и книги, и колоколы; и не оставиша ни что же Княжа (т. е., принадлежащаго самому Князю), но все раздѣлиша.[282] Точно также Изяславъ поступилъ въ 1152 г. съ семейнымь храмомъ Георгія.[283] Первый ударъ Ростовцевъ, въ чувствѣ негодованія ихъ на Влади-

---

280 Ипат. 110. Видивъ же Мьстиславъ стрѣльци свои смятьшеся..... и рече дружинѣ своей: «Братье! Узрѣвше на Божію милость и на Святую мученику, Бориса и Глѣба, помочь...... И возмятошася полци ихъ, и, не дождавше свѣта, и въ смятеньи велицѣ побѣгоша черезъ Днѣпръ, и много отъ вой ихъ потопе. И то видивъ Мьстиславъ, и похвали всемилостиваго Бога и Святою Бориса и Глѣба помочь, не видимо гоняще ѣ.

281 Тамъ же 22. Богъ же и Святая Богородица избави городъ отъ лютыя рати: и възваша куріи елисонъ, съ радостію великою хваляще Бога и Пречистую его Матерь.

282 Ипат. 27.

283 Тамъ же 66.

мірцевъ, устремленъ былъ также на главный областный Владимірскій храмъ, которымъ, какъ бы сказать, возвеличилъ Андрей Боголюбскій свою новую столицу и который былъ краеугольнымъ камнемъ для самихъ Володимерцевъ въ дальнѣйшей борьбѣ ихъ противъ Ростовцевъ: въ 1171 году съ Глѣбомъ Рязанскимъ, подъ руководствомъ Ростовскихъ Бояръ, Ростиславичи, можно сказать, ограбили храмъ Володимерскій, въ первые же дни своего княженія. [284] Чувство областной вражды не пощадило и чудныхъ храмовъ Кіева: они были расхищены, а многіе и совершенно уничтожены: «Взятъ же бысть Кіевъ мѣсяца Марта въ 8, въ второѣ недѣлѣ поста, въ Середу, и грабиша за два дни (въ продолженіи двухъ дней) весь градъ, Подолье и Гору, и манастыри, и Софью (Софійскій храмъ), и Десятиньную Богородицю, и не бысть помилованія ни кому же, ни откуду же: церквамъ горящимъ, крестьяномъ убиваемымъ, другымъ вяжемымъ, жены ведоми быша въ плѣнъ, разлучаемы нужею отъ мужій своихъ, младенци рыдаху, зряще матерій своихъ; и взяша имѣнья множьство, и церкви обнажиша иконами, и книгами, и ризами, и колоколы изнесоша всѣ, Смоляне и Суждальци, и Черниговци, и Олгова дружина, и вся святыня взята бысть; зажьженъ бысть и манастырь Печерьскый Святыя Богородица отъ поганыхъ, но Богъ, молитвами Святыя Богородица, съблюде и отъ таковыя нужа, и бысть въ Кіевѣ на всихъ человѣцѣхъ стенаніе и туга, и скорбь неутѣшимая, и слезы непрестаньныя.» [285]

Такъ то же чувство семейное, которое возсоздало изъ себя дивный образъ Князя-отца, которое возсоздало дружины, поддерживало, оживляло, ихъ, которое воздвигало храмы, влекло насъ на защиту престола и Вѣры, то же чувство, при своемъ неправильномъ направленіи, при неосвѣщеніи истинами Евангельскаго ученія, порождало страшное зло и превращало жизнь въ хаосъ. Эта

[284] Кенигсб. 258 и 262. Въ первые дни ключи палаты церковныя отъяста, и городы ея и дани, что бяше далъ церкви той блаженный Андрей Князь........ Иде Михалко съ братомъ Всеволодомъ на Глѣба къ Рязани; бывшимъ же имъ на Москвѣ, усрѣтоша его послы Глѣбовы, рекуще: «Глѣбъ ся кланяеть, река: Язъ во всемъ виноватъ, а нынѣ ворочу все, что есть поималъ отъ Св. Богородицѣ Володимерскія у шурина своего, у Мстислава, и Ярополка (Ростиславичей) до золотника и до книгъ.»

[285] Ипат. 100.

любовь къ себѣ, къ своему, болѣе, или менѣе, отдѣляло насъ тогда въ гражданскія общины, въ общины частныя и наконецъ даже въ отдѣльныя семьи, такъ что въ выгодахъ общинныхъ и семейныхъ, личныхъ, забывались опять выгоды частныя той же общины, выгоды Государственныя, дѣлалось игралищемъ семейное и религіозное чувство другихъ общинъ, благосостояніе частное и общественное сихъ послѣднихъ. Дружины забывали свое истинное назначеніе, и ихъ личныя выгоды брали иногда верхъ надъ всѣмъ. Мы видѣли, какъ вельможа Галицкій, Судиславъ, для поддержанія собственнаго своего значенія, жертвовалъ благосостояніемъ Галицкой земли, господствуя надъ нею вмѣстѣ съ Уграми; такъ и трое изъ дружины Владиміро-Волынской вызвали Давыда Игоревича на дѣло преступное, и породили этимъ рядъ раздоровъ и кровопролитіе въ землѣ Русской. Изъ Завѣщанія Мономаха видно также, что Мстиславъ, сынъ его, былъ подущенъ нѣкоторыми изъ своей дружины къ войнѣ противъ Олега, войнѣ, которая кончилась гибелью его. Двое изъ дружины Мстислава Изяславича, недовольные тѣмъ, что Мстиславъ удалилъ ихъ отъ себя, козподѣйствуютъ противъ него и возбужаютъ полное недовѣріе къ нему въ другихъ Князьяхъ. [286] Не семейное ли же чувство, чувство любви къ самимъ себѣ, заставило Кіевлянъ подчиниться, въ лицѣ Георгія, началу Ростовскому и Суздальскому въ то время, когда они сами же всей душой желали видѣть на преслолѣ Кіевскомъ Изяслава Мстиславича? Оно же опять, развившись въ чувство областное, въ любовь къ большей, или меньшей, областной самобытности, поругалось даже надъ чувствомъ семейнымъ, ссоря дѣтей съ родителями. Оно же, какъ мы вполнѣ убѣждены, вызвало одного изъ Рязанскихъ Князей на дѣло, которое могла породить только душа дико преступная, на убіеніе двоюродныхъ своихъ братьевъ, и не открыто, но самымъ коварнымъ образомъ. Безъ совѣщанія съ своей дружиной, или безъ особеннаго ея вліянія, Князь не рѣшился бы никогда на подобное дѣло: это выходило уже изъ всѣхъ предѣловъ условій даже тогдашняго быта. Въ правителяхъ, судіяхъ и вообще въ начальникахъ оно порождало неправосудіе, безмѣрное лихоимство, противъ которыхъ, между прочимъ, такъ отечески

---

[286] Ипатьев. 99.

возстаетъ одинъ изъ проповѣдниковъ даже второй половинѣ XIII столѣтія. [287]

Послѣ всего этого, замѣтимъ снова здѣсь, можно себѣ представить, въ сколь непросвѣщенномъ, полудикомъ, состояніи находилась сама толщь народная. Иначе и быть не могло. Тѣ, которые не въ состояніи были оторваться, для блага общаго, отъ своего домашняго круга, тѣ не могли вдохновляться великими дѣлами, которыя совершались дружинами, подъ руководствомъ Князей: они обращены были всею своей дѣятельностію на благосостояніе небольшаго своего круга, и для этого круга, чуждые почти совершенно жизни общей, они всегда готовы были, сознательно и безсознательно, приносить на жертву благо областное, Государственное. Еще въ царствованіе Петра Великаго, по свидѣтельству одного иностранца, до чрезвычайности подробнаго и вѣрнаго въ своихъ описаніяхъ, нашъ низшій слой былъ въ такомъ невѣжествѣ, что царство Небесное считалъ для себя недоступнымъ за свои дѣла, а только доступнымъ для высшаго слоя. [288] Еще и теперь отличный семьянинъ между простымъ народомъ, по неразвитію общественнаго чувства, чувства любви къ правдѣ, къ порядку, къ благосостоянію своихъ согражданъ, является въ дѣятельности общественной единственно съ своими личными, или семейными, выгодами, и по этому на каждомъ шагу готовъ нарушить общественный порядокъ, готовъ безпощадно тѣснить своихъ собратій, [289] удерживаясь лишь отъ того наблюденіемъ за нимъ слоя высшаго, или Правительства. Не недоставало у насъ силъ для того, чтобъ сокрушить полчища Монгольскія, при самомъ явленіи ихъ: матеріяльныя силы наши были страшны; но простой народъ не выступалъ тогда почти совершенно на сцену дѣйствій и, подобно стаду овецъ, бѣжалъ во всѣ стороны предъ страшнымъ врагомъ, сокрушавшимъ храбрыя дружины наши, разъединенныя также, въ свою очередь, чувствомъ областнымъ. Любовь къ семьѣ была въ простомъ

---

[287] Серапіонъ, Епископъ Владимірскій. См. Прибавленія къ Твореніямъ Св. Отцовъ. Москва, 1843 года.

[288] Mémoires pour servir à l'histoire russien sous le règne de Pierre le Grand. Par un ministre étranger, resident en cette Cour. À la Hage. MDCCXXV.

[289] Я имѣлъ случай говорить съ мужиками разныхъ Губерній и Уѣздовъ, собирающихся въ Петербургъ на заработки, и ихъ разсказъ о своемъ деревенскомъ начальствѣ вполнѣ подтверждаетъ высказанную здѣсь мысль.

народѣ безъ всякаго просвѣтлѣнія, и брала рѣшительный верхъ надъ всѣми высокими народными думами, которыя олицетворялись въ Князьяхъ и дружинахъ: каждый изъ этой среды только хлопоталъ о себѣ и о своей семьѣ. Даже въ среднемъ слоѣ, ознаменовавшемъ себя не разъ высоко образованнымъ чувствомъ любви къ благосостоянію родины, это чувство пробуждалось преимущественно въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, и при томъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ духовенства и дворянства; по минованіи же этихъ обстоятельствъ человѣкъ возвращался снова къ своимъ собственнымъ выгодамъ, всегда готовый, однако жь, на дѣла богоугодныя. По этому-то, не смотря на необразованность, на злоупотребленія, которыми печатлѣется общественная дѣятельность и самихъ Княжескихъ дружинъ съ Боярами, не смотря на недостаточное развитіе въ нихъ чувства религіознаго и любви къ благосостоянію народному, этѣ дружины были всегда лучшею опорою престола, Вѣры и отечества.

Къ нашествію Татаръ идея Князя успѣла осуществиться въ жизни каждой области, каждой системы, однако жь совершенно неравномѣрно. Самое высшее проявленіе ея было въ двухъ областяхъ, Кіевской и Сѣверо-Владимірской, опередившихъ, въ своемъ развитіи, всѣ остальныя, а по тому господствовавшихъ надъ ними; самое низшее — въ Новгородѣ и Галичѣ, такъ что исторія сихъ послѣднихъ въ настоящемъ случаѣ служитъ только какъ бы дополненіемъ, хотя дополненіемъ иногда весьма важнымъ, къ исторіи двухъ первыхъ.

Въ Новгородѣ, по своеобразному ходу событій, идея Князя первоначально возродилась во второмъ гражданскомъ началѣ, которое запечатлѣло себя во всей древней исторіи, какъ и въ исторіи Западныхъ Государствъ, кичливостію и шаткостію, и которое, по этому самому, не могло служить само собою какимъ либо прочнымъ основаніемъ къ развитію занимающей насъ идеи. Въ княженіе Ярослава и Александра Невскаго Боярство Новгородское открывалось торжественно для воспріятія и осуществленія идеи Князя; но второе начало сильно ревновало Князей къ своему Боярству, и успѣвало снова склонить ихъ на свою сторону, или найти покровителей себѣ въ другихъ Князьяхъ. [290] При этомъ Яро

[290] Мысль эта подробно развита мною въ особой статьѣ о «Новгородѣ въ самомъ себѣ».

славъ, замѣтивъ эту кичливость втораго начала, и слившись съ первымъ, самъ же узаконилъ своею грамотою старшинство Бояръ въ землѣ Новгородской, и тѣмъ отказался, за себя и за свое потомство, отъ живаго посредничества во взаимной тяжбѣ двухъ началъ, желая только извлечь всѣ нужныя средства для приведенія въ исполненіе видовъ и правъ своихъ на Кіевъ. Этотъ полный раздоръ между двумя началами, эта кичливость втораго изъ нихъ и утвержденіе Бояръ въ старинныхъ правахъ Ярославомъ, поставили Новгородскую область въ вѣчно тревожное положеніе, гдѣ нельзя было ожидать ни какого мира, согласія,—перваго необходимѣйшаго условія къ осуществленію идеи Князя. Бояре не хотѣли уже уступать, возвращенныхъ имъ Ярославомъ, правъ; второе начало, въ свою очередь, хотѣло освободиться отъ вліянія Боярскаго, стремилось найти себѣ защиту, покровъ, отъ этого вліянія, по прежнему, въ Князьяхъ, и, по прежнему, оставаясь кичливымъ, не могло дать въ средѣ собственной основаній къ развитію идеи Князя. Въ Галичѣ, до восшествія на престолъ Даніила Романовича, мы видимъ, напротивъ, что идея Князя воспринимается и поддерживается Боярствомъ, поддерживается мощно, ревнуя Князей къ другому началу и стремясь скрыть подъ ихъ покровомъ выгоды свои собственныя; при Даніилѣ же второе начало дѣлаетъ огромный шагъ, и, не разрушая отношеній своихъ къ Боярству, является совершенно готовымъ уже само воспринять идею Князя, для того, чтобъ скрыться подъ оною, съ своими собственными выгодами, только лишь отъ злоупотребленія Боярскаго, и поддерживаетъ Даніила всѣми средствами.[221] Посреди этихъ двухъ противоположныхъ въ началѣ основаній, изъ которыхъ развивалась идея Князя въ Новгородѣ и въ Галичѣ, раскрываются предъ нами двѣ помянутыя области, готовыя дать полныя основанія къ развитію идеи Князя, хотя, пока болѣе, или менѣе, подъ вліяніемъ собственно областныхъ выгодъ. Въ Кіевской области нѣтъ этого напряженія между двумя началами, а, напротивъ, Боярство, развиваясь въ своемъ великомъ назначеніи, стремится быть покровомъ всей области, и, проникнутое этимъ благороднымъ направленіемъ, ищетъ этого покрова жизни, находитъ его въ неземномъ могуществѣ, и стремиться видѣть хотя отблескъ этого покрова

[221] См. выше.

на землѣ, стремится къ утвержденію и развитію идеи Князя. Оно предано своимъ Князьямъ всей душой. Второе начало, не вполнѣ довѣряя Боярству, кичливое здѣсь, какъ и вездѣ, и еще подъ вліяніемъ безпрерывныхъ ударовъ извнѣ, желаетъ также этой неограниченности въ Князѣ, дабы, съ одной стороны, укрыться подъ его покровомъ отъ Боярскихъ злоупотребленій, мнимыхъ, или дѣйствительныхъ, съ другой отъ ударовъ извнѣ, отъ вліянія началъ совершенно чуждыхъ. Мощь, съ которою это начало поддерживало права Изяслава, въ борьбѣ его за Кіевскій престолъ, и которая проявлялась при защитѣ другихъ родовыхъ Князей, доказываетъ живое сочувствіе его къ власти Князя, хотя, какъ мы сказали, и какъ намъ это кажется, болѣе подъ вліяніемъ не тѣхъ высокихъ побужденій, коими проникнуто было Боярство, а подъ вліяніемъ собственныхъ личныхъ выгодъ. [292] Остальной народъ увлекался въ Кіевской области безмолвно за своими высшими началами, [293] и, конечно, преимущественно за Боярскимъ, которое, до осуществленія идеи Князя, сосредоточивало въ себѣ Кіевскую область. Князь такимъ образомъ является здѣсь покровомъ не неизвѣстнаго какого ни будь начала, а всѣхъ безъ исключенія началъ: всѣ они вмѣстѣ поддерживаютъ его, стремятся сами же дать ему возможность стать внѣ вліянія какихъ либо личныхъ отношеній и сосредоточиться на общемъ благѣ. Подобное же стремленіе мы замѣтили уже во Владимірской области, соткавшей себѣ первоначально новый подобный Боярскій покровъ, къ которому присоединилась, сверхъ того, часть стараго Боярскаго, и потомъ добро воспрянувшей къ осуществленію идеи Князя, къ осуществленію полнаго самодержавнаго покрова, хотя, однако жь, они сдѣлали это все таки подъ особеннымъ вліяніемъ областныхъ

---

[292] Не разъ прямо высказывалась эта заботливость дружины Кіевской о благѣ страны; въ 1111 году, на прим., она представляла Святополку о неблагопріятномъ вліяніи на земледѣльцевъ, если задуманный имъ походъ противъ Половцевъ будетъ предпринятъ весною, по тому что для похода нужно будетъ взять у земледѣльцевъ лошадей, и такимъ образомъ поля сихъ послѣднихъ останутся не запаханными; но вся исторія дружинъ Кіевскихъ, которыя выносили самыя тяжелыя войны при защитѣ Князей и области, служатъ безмолвнымъ доказательствомъ величости думы религіозно-семейной, которая одушевляла эту дружину.

[293] См. выше.

выгодъ. И здѣсь, какъ и въ Кіевской области, оба начала слились въ стремленіи своемъ; и здѣсь еще болѣе гармонически, нежели въ Кіевѣ, отдавались со всѣми своими выгодами, со всѣми выгодами области, на волю Князя, готовыя положить за него свою голову, отстаивая независимую, неограниченную, волю его и свои областныя выгоды. И тамъ и здѣсь идея Князя исходитъ изъ глубины всей жизни народной, соприкасается ко всѣмъ выгодамъ страны, объемлетъ, живитъ, сохраняетъ ихъ, миритъ ихъ между собою и устремляетъ на общее благо. Весь народъ, со всѣми своими 4 началами, является такимъ образомъ, съ одной стороны, неразрывно скованнымъ любовію съ живымъ образомъ этой высокой думы своей, раскинутъ живый покровъ надъ жизнію, съ другой вѣрною стражею Князя и исполнителемъ воли его. По самой думѣ народной Князь и въ той и въ другой области—отецъ народный. верховный, независимый, защитникъ, правитель и судія народа. Высокій первообразъ этой высокой думы народной мы видѣли уже во Владимірѣ Мономахѣ, любимцѣ народномъ. Душа Князя, какъ душа отца, открыта народу; душа народа открыта своему Князю: Князь совѣщается со всѣми своими подданными, выслушиваетъ мнѣніе ихъ, но рѣшаетъ одинъ, хотя самымъ естественнымъ образомъ рѣшеніе его могло или увлекать за собою всѣ выгоды народныя, или не находить въ этѣхъ выгодахъ ни какого сочувствія себѣ. Примѣры такихъ совѣщаній разсыпаны по всему Дотатарскому періоду. Мы знаемъ, что, по совѣту, по желанію, собственной дружины, Игорь предпринималъ походъ противъ Древлянъ. Святославъ до такой степени любилъ и уважалъ свою дружину, что, не смотря на всѣ убѣжденія своей матери, не смотря на свою любовь къ ней, отказался принять Христіянскую Вѣру, подъ предлогомъ, что дружина его имѣетъ другой законъ: «Како азъ хочю инъ законъ пріяти единъ, а дружина сему смѣятися начнеть?» [294] Владиміръ, уже готовый самъ оставить Вѣру отцовъ своихъ, сзываетъ для этого на совѣтъ старѣйшинъ земли: «Созва Володимеръ Бояры своя и старьци градьскіѣ.... И рѣша Бояре и старьци: «Вѣси, Княже, яко своего никто же не хулить, но хвалить; аще хощеши испытати гораздо, то имаши у собе мужи: пославъ, испытай когождо ихъ службу, и како кто служить Богу.» И бысть люба рѣчь Князю и всѣмъ людемъ. [295] Когда Владиміръ принялъ Христіянскую Вѣру, съ нимъ

---

[295] Лаврент. 46.

вмѣстѣ приняли ее и Бояре; слѣдовательно, и здѣсь опять полное согласіе между думой Князя и душою его дружины. [296] Подъ 986 годомъ лѣтописецъ говоритъ опять намъ, что Владиміръ совѣтовался съ своею дружиною на счетъ дѣлъ, касающихся какъ до управленія страны, такъ и до войны: «Бѣ бо Володимеръ любя дружину, и съ ними думая о строѣ земленѣмъ, и о ратѣхъ, о уставѣ земленѣмъ.» Въ 1095 году Святополкъ Михаилъ и Владиміръ Мономахъ вызвали Олега въ Кіевъ, дабы въ общемъ совѣтѣ предъ Епископы и Игумены, и предъ мужи отецъ своихъ, и предъ людьми градскими, покончить дѣла относительно удѣловъ и опредѣлить способы оборонить Русскую землю отъ поганыхъ. [297] Въ 1100 году, на общемъ торжественномъ сеймѣ, каждый изъ Князей совѣтуется съ дружиной своей относительно судьбы Давыда Игоревича: «И пріиде къ нимъ Игоревичь Давыдъ, и рече къ нимъ: «На что есте привабили? О се есмь! Кому до мене обида?» И отвѣща ему Володимеръ: «Ты еси прислалъ къ намъ: «Хочю, братья, прити къ вамъ и пожаловатися своея обиды.» Да се еси пришелъ и сѣдишь съ братьею своею на одиномъ коврѣ: то чему не жалуешься, до кого ти насъ жалоба?» И не отвѣща Давыдъ ничто же. И сташа вси братья на конихъ, и Святополкъ съ своею дружиною, а Давыдъ и Олегъ съ своею, разно, кромѣ себе, а Давыдъ Игоревичь сѣдяше кромѣ, и не припустяху его къ собѣ, но особь думаху о Давыдѣ. [299] Въ 1103, или въ 1111, году, Святополкъ и Владиміръ на общемъ съѣздѣ совѣтуются также съ своими дружинами на счетъ наступательнаго похода противъ Половцевъ. [300] Можно бы было привести еще множество указаній на совѣщанія Князей съ дружинами, съ старѣйшими въ землѣ, но планъ статьи не позволяетъ намъ этого сдѣлать. Воля Князя, при этихъ совѣщаніяхъ, была, какъ мы сказали, свободна въ выборѣ, какъ воля отца. По

---

[296] Тамъ же 47: Се же видѣвше дружина его, мнози крестишася. Тамъ же 50. Се слышавше людье, съ радостью идяху, радующеся и глаголюще: «Аще бы се не добро было (Христіанская Вѣра), не бы сего Князь и Боляре пріяли.»

[297] Лаврент. 54.

[298] Лаврент. 98. Да порядъ положатъ о Рустѣй земли предъ Епископы и предъ Игумены, и предъ мужи отець нашихъ, и предъ людми градьскыми, да быхомъ оборонили Русьскую землю отъ поганыхъ.

[299] Тамъ же 116.

[300] Тамъ же 118 и Ипатьев. 1.

одному его мановенію дружина двигалась за, или на того, или другого, изъ его союзниковъ, или враговъ, обнажала мечь, или влагала его въ ножны, его волею совершенно ограничивалась ея воля, какъ этого необходимо требовала самая дума народная о Княжеской власти. По этому-то каждый Князь находитъ всегда живую силу для поддержанія борьбы за родовыя свои права, борьбы, которая обыкновенно влекла за собою разстройство въ частномъ и общемъ благосостояніи. По этому-то мы видимъ, что всѣ злоупотребленія Княжеской дружины относятся къ слабости самаго Князя и пробуждаютъ живѣе въ самомъ народѣ идею о Княжеской власти. Но вотъ нѣсколько примѣровъ, служащихъ болѣе рѣзкимъ объясненіемъ нашей мысли. Мстиславъ Изяславичъ, соединившій силы свои съ Ростиславомъ Кіевскимъ противъ Изяслава Давидовыча, и готовый уже вступить въ битву съ симъ послѣднимъ, вдругъ, въ слѣдствіе полученныхъ имъ извѣстій о дѣйствіяхъ въ отношеніи его самаго Ростислава, повернулъ своего коня, ускакалъ съ поля битвы, и его рѣшеніе было рѣшеніемъ для его дружины, которая понеслась въ слѣдъ за нимъ. [301] Въ 1149 году Святославъ Всеволодовичь, который, какъ младшій, зависимый Князь, входилъ также въ составъ дружинъ дяди своего, Святослава Ольговича, дѣйствовалъ съ собственной своей дружиной, согласно воли сего послѣдняго и вопреки собственнаго своего желанія, противъ Изяслава Мстиславича: «Святославъ же не хотяше отступить отъ уя своего, Изяслава, но неволею ѣха, стрыя своего дѣля, Святослава Ольговича.» [302] Въ томъ же году Кіевляне (горожане) совѣтовали Изяславу помириться съ Георгіемъ, страшились обнажить мечь противъ сына Мономахова, но Изяславъ рѣшилъ иначе, и Кіевляне, убѣжденные его представленіями, двинулись за нимъ: «и пойдоша Кіяне по Изяславѣ.» [303] Въ слѣдующемъ за тѣмъ году, тотъ же Изяславъ, выслушавъ мнѣніе дружины своей, существенную часть которой составляли Бояре Кіевскіе, о невозможности продолжать борьбу за Кіевскій престолъ, когда, съ одной стороны, готовы были ударить на него силы Князя

---

[301] Ипат. 16. Мстиславъ же то слышавъ, аже даетъ подъ нимъ Переяславль, рече: «Да не мнѣ будеть Переяславль, ни тебѣ Кіева!» И рекъ, поворотн коня подъ собою Мьстиславъ, съ дружиною своею отъ стрья своего.

[302] Ипатьев. 42.

[303] Тамъ же 43.

Галицкаго, а съ другой Георгія, рѣшилъ опять дѣло иначе, и дружина слѣдовала за нимъ безмолвно. Слова, сказанныя въ семъ случаѣ Изяславомъ дружинѣ, были проникнуты силою и мощью.«Изяславъ же рече дружинѣ своей: «Вы есте по мнѣ изъ Руские земли вышли, своихъ селъ и своихъ жизній лишився, а язъ пакы своея дѣдины и отчины не могу перезрѣти, но любо голову свою сложю, пакы ли отчину свою налѣзу и вашю всю жизнь: да же мя постигнеть Володимеръ съ сѣми, а съ тѣмъ судъ Божій вижю, а како Богъ розъсудить съ нимъ; пакы ли мя усрящеть Гюрги, и съ тѣмъ судъ Божій вижю, како мя съ нимъ Богъ розсудить.» [304] Послѣдняя война Всеволода Ольговича противъ Ярополка, войны его родныхъ и двоюродныхъ братьевъ противъ него же, когда онъ сѣлъ на Кіевскій престолъ, союзныя войны Святослава Ольговича съ Георгіемъ противъ Изяслава Мстиславича, войны Изяслава Давыдовича за Кіевскій престолъ и другія, которыя, если не вполнѣ, по крайней мѣрѣ, главнѣйшимъ образомъ, объясняются изъ личныхъ отношеній Князей между собою, изъ личныхъ ихъ выгодъ, поддерживались мѣстными дружинами, хотя личныя выгоды дружинъ и выгоды областныя не только не выигрывали отъ этихъ войнъ, а, напротивъ, многое теряли. Общее стремленіе къ развитію мысли о Князѣ, въ особенности живое, мощное, стремленіе къ тому въ двухъ главныхъ средахъ Государства, уже одно это стремленіе къ подчиненію воли Княжеской, не только началъ средняго и низшаго, но даже Боярскаго докняжескаго, положительно опредѣляли отношенія Князей къ Боярамъ, къ дружинникамъ и ко вседу народу. Строгость, съ которою преслѣдовалась всякая открытая кичливость, если съ чьей стороны высказалась, противъ Княжеской власти, еще болѣе уясняетъ намъ эти отношенія. Даже въ системахъ, гдѣ идея о Князѣ высказалась не такъ живо, и въ этѣхъ системахъ, за исключеніемъ Новгородской, все совершалось единственно именемъ Князя.

Покорные предъ волей стоего Князя, подданные успѣвали иногда своими убѣжденіями, своими представленіями, произвести на него такое впечатлѣніе, что онъ отказывался отъ предпріятій, гибельныхъ для него и для области, имъ управляемой. Такъ въ 1135 году Черниговцы удержали Князя Всеволода отъ бѣгства

---

[304] Тамъ же 54.

къ Половцамъ и вызвали его на миръ съ Великимъ Княземъ Ярополкомъ, силы котораго двигались уже къ Чернигову. [305] Въ 1151 году дружина удержала Изяслава и Ростислава отъ битвы съ Георгіемъ, готовая всегда къ битвѣ за нихъ, и тѣмъ, быть можетъ, спасла ихъ отъ пораженія и дала возможность, въ слѣдъ же за тѣмъ, разбить на голову самого Георгія, на берегахъ Руты. [306]

Князь былъ дорогъ для народа и народъ для Князя. Отсюда истекала та чистосердечная откровенность съ одной стороны, и полная снисходительность и вниманіе съ другой. Въ началѣ борьбы съ Ростовцами, желая защитить себя отъ преслѣдованій Бояръ Ростовскихъ, подъ Княжескимъ покровомъ, Владимірцы рѣшились призвать на упраздненный престолъ свой Михаила Георгіевича. Это призваніе вооружило противъ нихъ всѣ силы земли Ростовской, а также силы Муромскія и Рязанскія, и сосредоточило ихъ вокругъ Владиміра. Владимірцы, какъ мы выше уже объяснили, семь недѣль отстаивали Михаила, лили за него свою кровь, но когда, наконецъ, обнаружившійся голодъ заставилъ ихъ пресѣчь борьбу, они явились предъ Михаиломъ съ словами: «Мирися, Князь, или спасайся!» и Михаилъ отвѣчалъ имъ: «Прави есте, да не погибните мене дѣля,» и бѣжалъ, съ тѣмъ, чтобъ въ слѣдующемъ же году, при пламенномъ желаніи Владимірцевъ, видѣть его на своемъ престолѣ, при мощномъ содѣйствіи ихъ къ тому, завладѣть окончательно этимъ престоломъ. Въ подобныхъ же обстоятельствахъ, и точно такимъ же образомъ, высказались отношенія Князя къ народу, и народа къ Князю, при Изяславѣ Мстиславичѣ. Мы видѣли уже всю любовь Кіевлянъ къ этому Князю; всю мощь, съ которой они вооруженною рукой отстаивали права его; но когда, потерпѣвъ пораженіе подъ Переяславомъ, Изяславъ явился, вмѣстѣ съ братомъ своимъ, посреди Кіевлянъ, и, увѣдомивъ ихъ о побѣдѣ, одержанной надъ нимъ дядею его, Георгіемъ, спросилъ ихъ, могутъ ли они биться еще противъ Георгія, Кіевляне высказали полную любовь свою къ нему и его брату, но молили ихъ не погубить ихъ до конца, прибавляя, что дружина ихъ или пала въ битвѣ, или въ плѣну, но что, когда вновь развернутся

---

[305] См. выше.

[306] Тамъ же.

голову, и дѣйствительно дралась съ безпремѣрнымъ мужествомъ.[310] Но къ чему всѣ эти объясненія, къ чему эти примѣры готовности дружинъ пасть за своего Князя, когда вся исторія перваго періода удѣловъ служитъ тому полнымъ доказательствомъ? Не мѣстныя ли дружины, какъ мы уже видѣли, приняли на себя всѣ удары, для того, чтобъ отстоять родовыхъ своихъ Князей, и отстояли ихъ?

Увѣренность въ любви Князя къ странѣ, къ системѣ, къ области, къ землѣ Русской, была полная и не тщетная. Высокій образъ этой любви мы уже видѣли въ Мономахѣ. Любовь къ народу, къ землѣ Русской, увѣренность въ этомъ Черниговцевъ, обезоружили Ярополка, когда онъ шелъ къ Чернигову наказать Всеволода Ольговича. Увѣренность въ этой любви давала дружинамъ Святополка и Мономаха смѣлость прямо высказать имъ думу свою, въ 1103, или 1111, году о вредныхъ слѣдствіяхъ для Государства, если они вздумаютъ предпринять весною походъ противъ Половцевъ, и любовь же Князей къ народу заставила этѣ дружины прозрѣть, увидать, что подобный походъ необходимъ для блага же народа, вдохновить и вооружить ихъ на дѣло великое, кровопролитное и опасное.[311] Какъ очаровательно два раза высказался этою любовію къ своей дружинѣ, къ народу, одинъ изъ витязей періода удѣловъ, Князь Игорь Святославичъ! Зашедши глубоко въ земли Половецкія, когда, послѣ нѣсколькихъ удачныхъ дѣлъ, настала минута рѣшительная, когда надлежало пасть, или спасаться бѣгствомъ, по тому что не было ни какой надежды одержать побѣду надъ силами всей земли Половецкой, успѣвшими сосредоточиться противъ него на берегахъ Донца, Игорь, вмѣстѣ съ братомъ своимъ и съ старшими изъ своей дружины, видя положеніе отчаянное, не хотѣлъ спасаться, по тому что не хотѣлъ оставить простыхъ воиновъ, боясь грѣха, но хотѣлъ или пасть, или, вмѣстѣ съ ними, спастися: «И рече Игорь: «Си вѣдаюче собрахомъ на ся землю всю: Концака, и Козубурновича, и Токсобица, Колобича, Етебича и Терьтробича. И тако угадавше, вси сънидоша съ коній, хотяхуть бо бьющеся дойти рѣки Донця; молвяхуть бо: «Оже побѣгнемъ, утечемъ сами, а черныя люди оставимъ, то отъ Бога ны будеть грѣхъ сихъ выдавше

---

[310] Тамъ же 73.

[311] Лавр. 118 и Ипат. 1.

войдемъ; но или умремъ, или живи будемъ на единомъ мѣстѣ.» Такъ было рѣшено въ Княжескомъ совѣтѣ, такъ и сдѣлано. Двухдневная битва (1185 г.) уложила костьми дружину въ земляхъ Половецкихъ; немногіе спаслись, а самъ Игорь, съ братомъ своимъ, Всеволодомъ, одушевлявшіе своимъ примѣромъ воиновъ, пали въ руки Половцевъ. Грознымъ судіей воспрянула тогда любовь къ народу и дружинѣ въ душѣ Игоря. Онъ переносится думою во времена междоусобія; картина разоренія имъ Переяславля, гибель Переяславцевъ, живо представляется предъ нимъ мысль потомъ о гибели его собственной дружины, о судьбѣ брата, сына и племянника, исполняетъ его душу такимъ глубокимъ горемъ, что онъ считаетъ себя недостойнымъ жизни: «Яко много убійствъ, кровопролитье створихъ въ землѣ Крестьянстѣй, яко же бо азъ не пощадѣхъ Хрестьянъ, но взяхъ на щитъ городъ Глѣбовъ у Переяславля; тогда бо не мало зло подъяша безвинніи Хрестьяни отлучаеми отець отъ рожений своихъ, братъ отъ брата, другъ отъ друга своего, и жены отъ подружій своихъ, и дщери отъ матерій своихъ, и подруга отъ подругы своея, и все смятено плѣномъ и скорбію тогда бывшею, живыи мертвымъ завидять, а мертвыи радовахуся.... и та вся створивъ азъ», рече Игорь, «недостойно ми бяшеть жити; и се нынѣ вижу отместье отъ Господа Бога моего: гдѣ нынѣ възлюбленный мой братъ? гдѣ нынѣ брата моего сынъ? гдѣ Бояре думающѣи? гдѣ мужи храборьствующѣи? гдѣ рядъ полчный?.... Се возда ми Господь, по беззаконію моему, и по злобѣ моей на мя снидоша нынѣ грѣси мои на главу мою......... но что азъ единъ повиньный не пріяхъ страсти за вся си?».. [312] Такъ любовь къ роднымъ, къ дружинѣ, народу, освященная религіознымъ чувствомъ, наполняетъ и повѣряетъ собой все настояще и прошедшее Игоря, и будитъ въ немъ чувство глубокаго раскаянія въ его юныхъ отважныхъ дѣлахъ..... И мы уже видѣли, какъ эта же любовь народа къ Князьямъ, къ погибшей вокругъ нихъ дружинѣ, какъ эта любовь объяла страшнымъ горемъ земли Новгородъ-Сѣверскія: «То бо слышавше, возмятошася городи Посемскіе, и бысть скорбь и туга люта, яко же николи же не бывала во всемъ Посемьи, и въ Новгородѣ Сѣверьскомъ, и по всей волости Черниговьской: «Князи изымани и дружина

[312] Ипат. 131.

изымана. избита; и мятяхуться акы въ мотви; городи вставахуть, и не мило бяшеть тогда комуждо свое ближнее, но мнозѣ тогда отрекахуся душь своихъ, жалующе по Князихъ своихъ.»[313] Скажите, можно ли еще рѣзче очерчивать ту любовь, которая соединяла Князей съ дружинами, съ народомъ, а дружины и народъ съ своимъ Княземъ? Но не Князья ли же опять были главою всѣхъ думъ о благѣ народномъ? не они ли сами водили почти безпрерывно дружины свои противъ враговъ или области, или всего народа Русскаго? не они ли выносили всѣ тягости этихъ походовъ, этѣхъ безконечныхъ войнъ, всѣ опасности, на равнѣ съ своими дружинами? Какъ должны были глубоко исполниться души ихъ любовію къ своимъ подданнымъ, когда они, можно сказать, ежеминутно бодрствовали съ своими дружинами въ защитѣ покоя и блага народнаго! Не славолюбіе, скажемъ послѣ того, не честолюбіе, которыя были тоже не безъизвѣстны предкамъ нашимъ, подвизали Князей нашихъ на дѣла великія и многотрудныя, а любовь къ подданнымъ. Святыя отношенія соединяли Князей съ народомъ.

Благословляли дружины, духовенство и городскіе обыватели достойныхъ Князей своихъ, за ихъ любовь ко всѣмъ, за широкій, дивный, покровъ, который они раскидывали и надъ семьей, и надъ цѣлымъ Государствомъ, когда духъ вражды, зависти, корыстолюбія, угрожалъ имъ ежеминутно изнутри и извнѣ; погасала жизнь Князя,—отлеталъ отъ насъ этотъ дивный жиждущій образъ любви, правды, думы о благѣ народномъ, обнажалась снова семья областей и Государства, со всѣмъ завѣтнымъ своимъ, для удара враговъ внутреннихъ и внѣшнихъ, и колебалась толпа народная, духовенство, дружины и городскіе обыватели, и слезы благословенія, и сожалѣнія, и стонъ глубокаго горя, и молитвы и благословенія напутствовали въ жизнь вѣчную любимаго Князя, добраго страдальца за Русскую землю, отца народнаго. «Святители же жаляще си, плакахуся,» говоритъ лѣтописецъ, описывая погребеніе Владиміра Мономаха, «по святомъ и добромъ Князи, весь народъ и вси людіе по немъ плакахуся, яко же дѣти по отцю, или по матери, плакахуся по немъ вси людіе, и сынове его, и внуци его; и тако разидошася вси людіе съ жалостію великою, тако же и сынове его разидошася кождо въ свою волость съ плачемъ

---

[313] Тамъ же стр. 132.

великомъ, идѣже бяше комуждо ихъ раздаялъ волости.»[314] Горемъ и слезами высказалось чувство народное при потерѣ другого любимаго Князя, внука Мономахова, Изяслава Мстиславича: «и плакася по немъ вся Руская земля.... яко по Цари и Господинѣ своемъ, наипаче же яко по отци.»[315] Скончался Мстиславъ Ростиславичъ правнукъ Мономаха, который, по сознанію самихъ Новгородцевъ, готовъ былъ на всѣ труды, на всѣ опасности, чтобъ стѣснить враговъ Новгородской области и дать просторъ жизни, который «створилъ имъ толикую свободу отъ поганыхъ, яко же и дѣдъ его, Мьстиславъ, освободилъ ихъ бяше отъ всѣхъ обидъ;» Князь, о которомъ говоритъ лѣтописецъ, что онъ имѣлъ любовь ко всѣмъ, былъ привѣтливъ, внимателенъ ко всѣмъ, всегда ревновалъ къ великимъ дѣламъ, всегда былъ готовъ умереть за Русскую землю и за своихъ подданныхъ, спасая ихъ отъ гибели и плѣна; что не было той земли въ области Кіевской, которая бы его не желала видѣть своимъ Княземъ, которая бы не любила его; скончался этотъ добрый, пылкій, храбрый, Князь, «и плакашеся по немъ не только вся Кіевская земля, которая не може забыти доблести его»; но и эта холодная земля Новгородская, возглашая: «Уже бо солнце наше зайде ны и во обидѣ всимъ остахомъ;» добро бы ны, Господине, съ тобою умрети и намъ»....[316] «О немъ же Украйна много постона,» говоритъ также лѣтописецъ, когда скончался одинъ изъ храбрѣйшихъ Князей (Володимеръ Глѣбовичъ) древней нашей исторіи, который «утеръ много мужественнаго пота за отчину свою.»[317]

Любовь отца къ дѣтямъ и дѣтей къ отцу, освѣщенная чувствомъ религіознымъ, соединяла Князя съ народомъ и народъ съ Княземъ: всѣ упованія народа были на Князя, котораго посылалъ ему самъ Богъ; всѣ упованія въ думѣ о благѣ народномъ Князь возлагалъ на Бога: то былъ святой союзъ неба съ землею. Разрушьте эту любовь, святымъ ковчегомъ которой была и есть у насъ всегда семья и храмъ, и все рушится какъ прахъ, оставленный духомъ. Эта любовь, утверждаемая и просвѣтляемая исти-

---

[314] Ипат. 10.
[315] Ипат. 74.
[316] Ипат. 121.
[317] Ипат. 134.

нами Святаго ученія, движетъ всей древней нашей исторіей; она движетъ и новой исторіей, и безъ нея нѣтъ у насъ жизни. Любовь къ семьѣ вооружала предковъ нашихъ, давала имъ силы на дѣла многотрудныя; она, перелившись въ чувство областной любви, любви къ народу, соединяла храбрыя дружины вокругъ Князей, отцовъ народныхъ; она пробуждала въ нихъ чувство благоговѣнія и къ Князьямъ и къ дружинамъ ихъ, не щадившимъ себя для блага отечества; она лежала въ основаніи похода Святослава на Грецію, въ битвахъ противъ Печенѣговъ, Половцевъ, Татаръ, Болгаръ, Чуди, Литвы, Ливонскихъ Рыцарей, Ляховъ и т. д.; безъ нея, безъ освѣтлѣнія ея свѣтомъ религіознымъ, погибла бы земля Русская въ личныхъ раздорахъ Князей, въ стремленіи страстей къ мести, любостяжанію, въ коварствахъ и ковахъ, которыхъ, какъ мы видѣли, вовсе не чужды были и предки наши. Слезами и стономъ своимъ семья будила чувства состраданія въ Князьяхъ и дружинѣ, обезоруживала ихъ во взаимныхъ раздорахъ, обезоруживала страсти, а чувство религіозное указывало на высшую духовную жизнь. «Не для кого и не для чего,» говорили предки наши, говоримъ и мы, «собирать богатства, когда смерть похищаетъ самыхъ близкихъ намъ: жену, дѣтей.» Мы знаемъ и въ позднѣйшемъ бытѣ примѣры, что Русскій отказывался отъ своихъ сокровищъ, которыя онъ стяжалъ трудами великими, и самъ всѣмъ бытіемъ отдавался чувству религіозному, когда онъ терялъ любимыхъ ему: только дума о счастьи семьи одушевляла его, во всѣхъ его трудахъ, давала ему силу, крѣпость, посреди всѣхъ препятствій, которыми исполнялась его жизнь, а чувство одиночества пугало его, отнимало у него мощь въ заботахъ житейскихъ и, освѣтленное чувствомъ религіознымъ, возвращало его къ престолу Творца. Святой союзъ былъ между этими двумя чувствами, и эти два чувства были залогомъ будущаго величія Россіи; но союзъ былъ еще не полный: чувство семейное еще далеко не достигло духовнаго просвѣтленія своего даже въ періодъ Татарскаго владычества, и даже долго, долго послѣ того, пока, наконецъ, не посланъ былъ къ намъ Небомъ великій преобразователь, нашъ дивный Царь, Петръ Алексѣевичъ; но и тогда, при всей современности его явленія, при всемъ увлеченіи нашемъ его дѣлами, мы не были еще храмомъ этого міра, и мы не поняли Великаго.

Василій Пассекъ.

II

МАТЕРІЯЛЫ ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ

ЖУРНАЛЪ

ПРЕБЫВАНІЯ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА,

КОРОЛЯ ПОЛЬСКАГО,

СТАНИСЛАВА АВГУСТА ВЪ ГРОДНѢ

1795 — 1796 годовъ,

ВЕДЕННЫЙ ПРИСТАВОМЪ ПРИ НЕМЪ

ГЕНЕРАЛЪ—ПОРУЧИКОМЪ

ИЛЬЕЙ АНДРЕЕВИЧЕМЪ БЕЗБОРОДКОМЪ.

ИЗВЛЕЧЕНЪ

ИЗЪ АРХИВА ВИЛЕНСКАГО ГЕНЕРАЛЪ-ГУБЕРНАТОРА

М. Ѳ. ДЕ ПУЛЕ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ бытность нашу въ Вильнѣ, благодаря просвѣщенной благосклонности Графа Э. Т. Баранова, тогдашняго Главнаго Начальника Сѣверо-Западнаго Края, мы имѣли доступъ къ Архиву Виленскаго Генералъ-Губернатора, которымъ, впрочемъ, не долго пользовались. Мы успѣли извлечь оттуда матеріалы для статьи о крестьянскомъ движеніи при Императорѣ Павлѣ во внутреннихъ Губерніяхъ (напечатанной въ «Русскомъ Архивѣ» 1869 г., № 3), и для особой монографіи, посвященной исторіи Литвы въ первые четыре года ея присоединенія къ Россіи.* Это время, не смотря на свою краткость, имѣетъ весьма важное историческое значеніе, какъ образчикъ того, что мы теперь называемъ (и къ чему стремимся) «обрусѣніемъ окраинъ,» образчикъ, данный такими людьми, какъ Князь Н. В. Репнинъ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей прошлаго вѣка: его дѣятельность на Литвѣ, въ качествѣ Генералъ-Губернатора, его успѣхи и неудачи, во всякомъ случаѣ, имѣютъ много поучительнаго для нашего времени, которое, къ несчастію, не знаетъ, или не хочетъ знать, уроковъ прошлаго. Въ эту пору, въ одномъ изъ городовъ Литвы, жилъ и послѣдній Король Польскій, Станиславъ-Августъ Понятовскій (1764—1794), съ цѣлымъ дворомъ, на иждивеніи Русскаго Правительства и подъ наблюденіемъ Князя Репнина, мѣстопребываніе котораго было въ томъ же самомъ городѣ, именно въ Гроднѣ. Польскій Король прибылъ въ Гродно $^{1}/_{12}$ Генваря, 1795, и пробылъ здѣсь до $^{1}/_{15}$ Февраля, 1797 года. Вызванный Императоромъ Павломъ, въ это послѣднее число, онъ выѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ и скончался. Ожидая къ себѣ Короля, давнишняго стараго знакомца, и приготовивъ все нужное для его пріема, Князь Репнинъ на-

---

* Первая половина этого труда напечатана въ «Осмнадцатомъ вѣкѣ» (книга 4), историческомъ сборникѣ, изд. П. И. Бартеневымъ.

значилъ Приставомъ къ нему Генералъ-Маіора, Графа Илью Андреевича Безбородка, поручивъ ему, между прочимъ, вести «Поденныя записки,» объ образѣ жизни бывшаго Польскаго Короля. Таково происхожденіе издаваемаго теперь Журнала. Не смотря на свою официяльную сухость и однообразіе, онъ все же принадлежитъ къ числу важныхъ историческихъ памятниковъ, по важности самого событія, послѣдствіемъ котораго онъ явился,—паденія Польши и послѣдней судьбы послѣдняго ея Короля. Изъ этого Дневника видно, какъ жилъ и какимъ образомъ содержался Русскимъ Правительствомъ развѣнчанный Король, видна шумная, блестящая, жизнь дѣйствительнаго двора, куча родныхъ и самое разнообразное и знатное общество, Польское и Русское, окружавшее престарѣлаго Станислава-Августа. Что было нужно для нашей монографіи, въ которой говорится о пребываніи въ Гроднѣ Станислава Понятовскаго, мы извлекли изъ Дневника, веденнаго Безбородкомъ; но, независимо отъ этого, будущій историкъ Русскаго и Польскаго обществъ, въ знаменательную пору ихъ перваго столкновенія, не разъ обратится къ этому Дневнику. Записки объ образѣ жизни Станислава Понятовскаго въ Гроднѣ ежемѣсячно подавались Князю Н. В. Репнину и посылались всегда въ мѣсто его пребыванія, въ Вильну, Петербургъ, во внутреннія Губерніи, куда онъ ѣздилъ для усмиренія крестьянъ; за Ноябрь 1796 г. мы видѣли экземпляръ, посыланный Графу П. А. Румянцеву-Задунайскому. Вѣроятно, этотъ полководецъ, Главнокомандующій арміями, уважаемый Репнинымъ и Суворовымъ, получалъ такія же свѣдѣнія о Польскомъ Королѣ и за всѣ мѣсяцы его Гродненской жизни; представленіе этихъ ежемѣсячныхъ отчетовъ о Станиславѣ-Августѣ Императрицѣ Екатеринѣ и ея пріемнику не подлежитъ, конечно, сомнѣнію. Кромѣ ежемѣсячныхъ, при Гродненскомъ дворцѣ велись, дежурными Штабъ-Офицерами, ежедневные списки посѣтителей, такъ называемыя, рапортички, представлявшіяся, по командѣ, Генералъ-Губернатору или, по выраженію Дневника, «Главнокомандующему.» Изъ этѣхъ рапортичекъ, несомнѣнно, и составил-

ся предлагаемый читателю Журналъ, котораго Графъ Безбородко былъ не болѣе, какъ редакторомъ; ибо, какъ читатель увидитъ, Журналъ этотъ почти ни чего сочинительскаго въ себѣ не имѣетъ.

По причинѣ краткости срока, которымъ мы пользовались при разсмотрѣніи Виленскаго Архива, въ Дневникѣ Графа Безбородка возможны неважныя ошибки въ собственныхъ именахъ, впрочемъ, въ 2 — 3 мѣстахъ, не болѣе.

М. Де-Пуле.

С.-Петербургъ.
16 Февраля, 1870 г.

ЖУРНАЛЪ

СО ДНЯ ПРИБЫТІЯ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА, КОРОЛЯ ПОЛЬСКАГО,

ИЗЪ

ВАРШАВЫ ВЪ ГРОДНО 1795 ГОДУ, ГЕНВАРЯ ВЪ 1 ДЕНЬ.

Въ ожиданіи въ тотъ день прибытія Его Величества, по полученному извѣстію отъ препровождавшаго до Гродна Генералъ-Маіора Тормасова, что Его Величество имѣлъ ночлегъ въ мѣстечкѣ Соколкахъ, за 6 миль отъ Гродна, а выѣхать хотѣлъ Генваря 1, въ 7 часовъ по полуночи, въ тотъ же день во дворцѣ Гродненскомъ поставленъ караулъ, состоящій въ ротѣ съ бѣлымъ знаменемъ, музыкою и 24 человѣкахъ драгунъ съ литаврами. Въ 11 часовъ Его Сіятельство, Главнокомандующій, Князь Николай Васильевичъ Репнинъ, прибылъ во дворецъ и ожидалъ прибытія Его Величества; получа жъ извѣстіе, что Король за нѣсколько только верстъ отъ Гродна, послалъ Генералъ-Маіора Князя Циціанова,[1] который, при сближеніи Его Величества, въ двухъ верстахъ отъ Гродно, встрѣтилъ его и препровождалъ веркомъ до дворца, эскадронъ же драгунъ, при Штабъ-Офицерѣ, встрѣтивъ за двѣ мили, препровождалъ до города и дворца. Въ исходѣ 12 часовъ прибылъ Его Величество во дворецъ;[2] стоящій тамъ караулъ отдалъ честь съ музыкою, барабаннымъ боемъ и уклоненіемъ знамя. Главнокомандующій, съ Генералитетомъ и Штабъ-Офицерами, встрѣтилъ его на крыльцѣ и препроводилъ въ

---

[1] Прославившагося своею храбростію во время послѣдней войны съ Польскими возмутителями, а теперь главнаго начальника войскъ, расположенныхъ въ Гроднѣ.

[2] Нынѣ, такъ называемый, Новый замокъ, двухъ-этажное зданіе, построенное Сигизмундомъ-Августомъ II собственно для сеймовъ. Домъ этотъ, стоящій на берегу Нѣмана, занятъ теперь Военнымъ Госпиталемъ.

парадные покои. Съ Его Величествомъ сидѣли въ каретѣ: Польской Генералъ Горжинскій, Камергеръ его Дюгамель, и Докторъ Беклеръ. [3] Его Величество и Главнокомандующій, оставя всѣхъ въ аудіенцъ-залѣ, пошли во внутренніе Королевскіе покои, откуда черезъ часъ Главнокомандующій возвратился въ свою квартиру, и къ обѣденному столу къ Королю въ два часа паки пріѣхалъ. Въ сей день былъ у Его Величества Подскарбій и Кавалеръ Дзяконскій, и черезъ часъ уѣхалъ. Того же дня къ вечеру пріѣзжалъ отъ Главнокомандующаго Генералъ-Маіоръ Тормасовъ [4] спросить Его Величество о назначеніи времени, когда представить ему находящійся здѣсь нашъ Генералитетъ и Штабъ-Офицеровъ, и, получа отъ Его Величества отвѣтъ о назначеніи на то завтрашняго дня, по утру въ 12 часовъ, возвратился къ Главнокомандующему. Въ 9 часовъ того же вечера присланъ былъ отъ Короля съ письмами Главнокомандующему Польской Маіоръ Понятовскій.

Генваря 2. Въ 12 часовъ Главнокомандующій, съ Генералитетомъ и Штабъ-Офицерами, прибылъ во дворецъ; о немъ тотчасъ, какъ скоро было доложено Королю, вышелъ онъ въ аудіенцъ-залу. Главнокомандующій представилъ Его Величеству всѣхъ Генераловъ, Полковниковъ и Штабъ-Офицеровъ, такъ же опредѣленнаго имъ къ Его Величеству Генералъ-Маіора Графа Безбородка. [5] Его Величество разговаривалъ со многими Генералами, и потомъ съ Главнокомандующимъ пошли во внутренніе Королевскіе покои, гдѣ были съ часъ, и во 2 часу Главнокомандующій возвратился въ свою квартиру. По повелѣнію Его Сіятельства Главнокомандующаго, Генералъ-Маіоръ Графъ Безбородко вступилъ въ свою должность, а Генералъ-Маіоръ Тормасовъ

---

[3] Свита Станислава-Августа состояла болѣе чѣмъ изъ 150-ти лицъ. Вотъ главнѣйшія лица: а) Кицкій, Оберъ-Шталмейстеръ; б) Горжинскій, Генералъ; в) Трембицкій, Графъ; г) Киркоръ, Гордонъ, Бышевскій, Грабовскій, Адьютанты; д) Пузына, Баччьярели, Устрицкій, Саготинскій, Фризъ, Карась, Секретари; е) Аббатъ Воловичъ, Духовникъ; ж) четыре пажа; з) два камердинера; и) Беклеръ, Главный Докторъ; і) Московскій Смотритель дворца; к) Рыксъ, Економъ; л) Стржембашъ (Strzembasz) и Дюгамель, Камергеры и проч.

[4] А. П. Тормасовъ препровождалъ, по Высочайшему повелѣнію, Станислава-Августа изъ Варшавы до Гродна (27 Декабря, 1794—1 Генваря, 1795) и былъ первымъ Виленскимъ Губернаторомъ (съ 14 Декабря, 1795 г., по 6 Февраля, 1797 г.).

[5] Илья Андреевичъ, братъ Канцлера, Александра Андреевича Безбородка.

смѣнился. Передъ обѣдомъ были у Короля господа: Воевода Минской Хоминскій и Генералъ Польской Шидловскій. Его Величество пригласилъ Графа Безбородка обѣдать, и въ 2 часа вышелъ къ столу, за коимъ было 12 человѣкъ. Послѣ обѣда Его Величество оставался болѣе получаса въ предспальней его комнатѣ. Въ сіе время пріѣзжали къ нему: Вице-Канцлеръ Польской, Графъ Платеръ, который оставался у него долго, Госпожа Бышевская, которая его просила о своихъ дѣлахъ, и Его Величество поручилъ Графу Безбородку просить Его Сіятельство о возможномъ ея просьбѣ удовлетвореніи, и что Его Величество въ состояніи и дѣлахъ ея принимаетъ участіе. Въ 6 и 7 часу были у Короля: Господинъ Крайчій Коронный Грабовскій и Генералъ Шидловскій, въ 8 часу былъ Приставъ Безбородко. Въ 11 часовъ Его Величество легъ опочивать.

Генваря 3. Его Величество посылалъ пажа просить Господина Генералъ-Порутчика Графа Румянцева обѣдать, а во 2 часу пріѣхалъ Главнокомандующій и кушалъ у Его Величества, такъ же помянутый Генералъ-Порутчикъ Графъ Румянцевъ [6] и Приставъ Графъ Безбородко. По утру того дня былъ у Короля Подскарбій Дзяконскій, [7] и черезъ часъ уѣхалъ; потомъ пріѣзжалъ къ Королю Каштелянъ Мерецкій, [8] Воловичъ. Конвоировавшіе Его Величество Штабъ-Офицеры, Плехановъ и Чаликовъ, приходили къ Генералу Горжинскому благодарить за подарки, полученные ими отъ Короля. Въ вечеру были у Короля: Польскій Подполковникъ Хоминскій, Князь Сапѣга, [9] и сынъ Подскарбія Дзяконскаго. Въ то же время Генералъ-Маіора Тормасова дежурной Капитанъ, Парчевскій, приходилъ къ Старостѣ Рыксу для щотовъ. Выѣзжали изъ замку въ городъ: Секретарь Пузына и Маіоръ Понятовскій. Отъ Его Сіятельства, Главнокомандующаго, пріѣзжалъ къ Королю съ письмомъ Маіоръ Инзовъ; отъ Короля жъ былъ у Главнокомандующаго Шамбелянъ Дюгамель.

Генваря 4. Пріѣхали изъ Варшавы: Шамбелянъ Бадини и

---

[6] Сынъ Фельдмаршала, Сергѣй Петровичъ, состоящій при Князѣ Репнинѣ.

[7] Дзяконскій и Шидловскій были приверженцами Торговицкой Конфедераціи, т. е., Русской партіи.

[8] Мѣстечко Меречъ Виленской Губерніи Троцкаго Уѣзда, населенное Евреями.

[9] Маршалъ сеймовый Литовскій, Торговичанинъ.

Секретарь Понятовскій. Шамбелянъ Бадини въ 12 часу пришелъ къ Королю съ сверткомъ бумагъ въ рукѣ, и вышелъ безъ оныхъ чрезъ четверть часа. Въ томъ же часу былъ у Короля Приставъ, Графъ Безбородко. Генералъ Горжинскій ѣздилъ къ Главнокомандующему. Генералъ-Маіоры: Князь Циціановъ и Тормасовъ обѣдали у Короля. Предъ обѣдомъ былъ у Его Величества, пріѣхавшій изъ Варшавы, Полковникъ Вицкій; пріѣзжалъ къ Королю Графъ Платеръ. [10] Въ вечеру пріѣзжали къ Королю въ разные часы: Воевода Минской, Господинъ Хоминскій, Князь Воронецкій и Господинъ Косаковскій. Сей послѣдній былъ болѣе часа.

Генваря 5. Прибыли изъ Варшавы: Маршалъ Коронный, Господинъ Мошинскій, и Аббатъ Господинъ Воловичъ.

Въ половинѣ 2 часа по полудни пріѣзжалъ Главнокомандующій къ Его Величеству и, пока время пришло къ обѣду, былъ съ нимъ въ его внутреннихъ покояхъ. Идучи къ столу, представилъ Главнокомандующій Генералъ-Порутчика Князя Голицына, [11] который приглашенъ былъ къ столу и обѣдалъ. Въ сей день Его Величество и Главнокомандующій долѣ обыкновеннаго просидѣли за столомъ, и послѣ обѣда много разговаривали о посторонних материяхъ.

Генваря 6. Какъ сіе число по старому стилю, а по новому 17-ое, день былъ рожденія Королевскаго, и Главнокомандующій о томъ зналъ, то Король предварилъ Его Сіятельство усильною просьбою, чтобъ ни какого ему, по случаю сего торжества, не дѣлать празденства, о чемъ Главнокомандующій и приказалъ Его Величество ни какъ не безпокоить, что и было со стороны нашей исполнено, кромѣ здѣшнихъ господъ Польскихъ, которые безвременнымъ своимъ пріѣздомъ, по утру 6 Генваря, принудили Его Величество выходить нѣсколько разъ для нихъ и принимать поздравленія. Того дня по утру хотя и пріѣзжалъ

---

[10] Платеръ—Каштелянъ Троцкій, Косаковскій—Воевода Витебскій, Хоминскій и Мошинскій, были люди, такъ называемой, Русской партіи, враги Конституціи 3-го Мая, 1791 г., и привержены Торговицкой Конфедераціи.

[11] Князь Сергѣй Ѳедоровичъ, пожелавшій служить волонтеромъ въ арміи Репнина, который высоко цѣнилъ его дарованія. Голицынъ начальствовалъ особымъ отрядомъ, сначала расположеннымъ по границамъ Курляндіи, потомъ на Жмуди, въ теперешней Ковенской Губерніи.

Приставъ, Графъ Безбородко, во дворецъ, но, не хотѣвъ безпокоить Его Величество, не былъ у него. Въ вечеру жъ позванъ онъ былъ къ Королю, и былъ у него съ полчаса. Отпущенъ въ Варшаву изъ Королевскихъ ливрейныхъ гайдукъ Іосифъ Мизовичъ съ билетомъ изъ главной квартиры.

Генваря 7. Его Величество имѣлъ выходъ въ придворной костёлъ, и въ 10 часовъ возвратился. Въ 12 часу представлены были Приставомъ Его Величеству, въ предспальней его комнатѣ, Генералъ-Маіоры: Ланской, Обрѣзковъ, Полковникъ Репнинъ и гвардіи Капитанъ-Порутчикъ Еропкинъ. Король съ ними, а паче съ первымъ, много разговаривалъ. И въ сей день, такъ же какъ и въ прочіе, не оставляли посѣщеніемъ многіе здѣшніе Господа пріѣздомъ во дворецъ, какъ Короля, такъ и нѣкоторыхъ изъ Его свиты; а кто именно и въ какое время былъ, о томъ ежедневная записка Его Сіятельству представлена.

Генваря 8. Приставъ былъ у Короля, Генералъ-Маіоръ Ланской, по приглашенію, обѣдалъ у Его Величества. По полудни были у Короля: Полковникъ Карпо, Комиссаръ Ельскій, Шамбелянъ Травельскій и Томашевскій. Выѣзжалъ Маршалъ Тишкевичъ и въ 7 часу возвратился.

Генваря 9. Въ дежурство Маіора Палена. Его Величество проводилъ сей день по обыкновенному, не выходя изъ своей спальни никуда прежде стола. Въ 11 часу утра были у Его Величества Господа: Ляхницкій, Суходольскій и Каштелянъ Воловичъ. Генералъ-Маіоръ Тормасовъ прибылъ во 2 часу по полудни, обѣдалъ у Его Величества и возвратился къ 4. Въ сіе время пріѣзжалъ Священникъ Контра. Въ 5 часу по полудни былъ у Генерала Горжинскаго Полковникъ Ельтсинъ. Въ 6 часу былъ Графъ Платеръ у Его Величества. Въ сей день выѣзжали изъ дворца по утру: Маршалъ Тишкевичъ, Графъ Мошинскій и Докторъ Беклеръ.

Генваря 10. Въ дежурство Маіора Аничкова. Въ 8 часовъ утра Его Величество всталъ и, кромѣ обѣда, не выходилъ никуда изъ внутреннихъ покоевъ. Въ сей день былъ у Его Величества Господинъ Цименскій. Почмейстеръ Ковенскій, Ессенъ, приносилъ два письма къ Шамбеляну Дюгамелю, на имя его сына. Шамбелянъ Стржембашъ писалъ въ Варшаву сестрѣ своей чрезъ Капитана Трейдена, посланнаго туда. Подполковникъ Герсдорфъ

пріѣзжалъ къ Графу Мошинскому отъ Главнокомандующаго. Во 2 часу по полудни прибылъ Генералъ-Маіоръ Графъ Безбородко и вскорѣ послѣ Генералъ-Маіоръ Бенинксонъ,[12] обѣдали у Его Величества и уѣхали въ 4 часу.

Генваря 11. Въ держурство Маіора Князя Циціанова. Въ 8 часу утра Его Величество всталъ и, кромѣ обѣда, по обыкновенію своему, не выходилъ никуда изъ своихъ поковъ. Были у Его Величества: Генералъ-Маіоръ Князь Циціановъ, Каштелянъ Воловичъ и Господинъ Шидловскій, обѣдали у Его Величества и разъѣхались. Во 2 часу по полудни выѣзжалъ Графъ Мошинскій къ Подскарбію Дзяконскому и въ 3 возвратился. Въ 4 часу пріѣзжалъ Воевода Минской, Господинъ Хоминскій, и черезъ часъ уѣхалъ. Въ 5 былъ у Его Величества Ректоръ Виленской Академіи и уѣхалъ въ 8 часу вечера. Въ сіе время выѣзжалъ изъ дворца Господинъ Мошинскій къ Главнокомандующему, и въ 8 часу вечера возвратился.

Генваря 12 и 13. Его Величество препровождалъ оба сіи дни такъ обыкновенно, какъ и прочіе, имѣя выходъ только къ столу и все почти время во внутреннихъ своихъ покояхъ оставался, допущая къ себѣ только тѣхъ, кто имѣлъ къ нему самое дѣло, разумѣя его придворныхъ и приближенныхъ ему.

Генваря 14. Въ день воскресный Его Величество, въ препровожденіи Пристава, Графа Безбородка, и Его придворныхъ, выѣзжалъ въ клясторъ бывшій Езуитскій,[13] гдѣ, отслушавъ читальную мшу,[14] возвратился во дворецъ и проводилъ, по обыкновенію своему, весь тотъ день съ обыкновенною своею компаніею. Былъ въ вечеру у Короля Приставъ, Графъ Безбородко. Пріѣзжалъ отъ Главнокомандующаго Маіоръ Инзовъ къ Графу Мошинскому.

Генваря 15. Его Величество, кромѣ что къ столу, весь день не выходилъ изъ внутреннихъ покоевъ. По утру былъ у Госпо-

---

[12] Командовавшій войсками, расположенными въ Бѣлостокѣ. Этотъ Генералъ встрѣчалъ и провожалъ послѣдняго Польскаго Короля, при переѣздѣ его въ Гродно, отъ Бѣльска до Бѣлостока. Отъ Варшавы до Бѣльска проводами Станислава-Августа распоряжался Фельдмаршалъ Суворовъ.

[13] Нынѣ Фара, Городской Римско-Католическій Соборъ.

[14] Мша, читаемая шепотомъ—Римско-Католическая Литургія.

дина Мошинскаго Полковникъ Фризель; [15] пріѣзжалъ Бригадиръ Косаковскій.

Генваря 16. Пріѣзжалъ въ 12 часу утра къ Его Величеству Коронной Секретарь Тингоборскій. Въ тотъ же день во 2 часу по полудни, прибылъ Его Сіятельство, Главнокомандующій, обѣдалъ у Короля и въ 4 часу возвратился. Въ 6 часу вечера былъ у Его Величества Генералъ-Маіоръ и Кавалеръ Тормасовъ и откланялся при отъѣздѣ его въ Ковно.

Генваря 17. Его Величество, кромѣ къ столу, не выходилъ изъ внутреннихъ своихъ покоевъ. Во 2 часу по полудни пріѣзжали Господа: Шидловскій, Воевода Хоминскій, Князь Сапѣга, Каштелянъ Воловичъ, обѣдали у Его Величества и въ 5 часу разъѣхались. Въ 4 часу по полудни былъ Графъ Платеръ, которой черезъ часъ уѣхалъ.

Генваря 19 и 20. Въ оба сіи дни Его Величество не имѣлъ никуда выѣзду и, кромѣ обыкновеннаго къ столу обѣденному, выхода не было. Пріѣзжали такъ же нѣкоторые изъ здѣшнихъ Господъ Польскихъ, о коихъ суточными записками представлено было Его Сіятельству, Главнокомандующему.

Генваря 21, Въ 10 часовъ по полуночи Его Величество, въ препровожденіи Пристава, Генералъ-Маіора Графа Безбородка, придворныхъ Его и конвоя въ 24 человѣкахъ драгунъ при Офицерѣ, ѣздилъ въ бывшій Езуитскій монастырь. При выѣздѣ Его изъ дворца, караулъ отдалъ честь съ музыкою, барабаннымъ боемъ и уклоненіемъ знамя, что сдѣлано такъ же и на городской гауптвахтѣ, мимо которой ѣхалъ. По прибытіи въ церковь, слушалъ читальную мшу, по окончаніи которой вышелъ и, садясь въ карету, приказалъ ѣхать на Бродницу, [16] къ Главнокомандующему, куда, когда прибылъ, то рота, стоящая на караулѣ, отдала честь. Главнокомандующій встрѣтилъ Его Величество въ передней комнатѣ и препроводилъ въ кабинетъ, гдѣ близко часа они

---

[15] Ив. Ив. Фризель, членъ Верховнаго Литовскаго Правленія, начальникъ Казеннаго Отдѣленія, въ послѣдствіи, при Павлѣ, Вице-Губернаторъ и потомъ, съ 1798 г., Губернаторъ Виленскій.

[16] Такъ и теперь называется та часть за Гродномъ, въ которой находился Губернаторскій домъ. Въ этомъ послѣднемъ домѣ, построенномъ Подскарбіемъ Литовскимъ Тизенгаузомъ, жилъ Князь Н. В. Репнинъ.

были вмѣстѣ. Вышедши изъ кабинета, Король ходилъ по всѣмъ покоямъ дому Станислава Понятовскаго, гдѣ квартируетъ Главнокомандующій, смотрѣлъ галерею и манежъ и потомъ отправился Его Величество во дворецъ, куда, въ исходѣ 2 часа, прибылъ Главнокомандующій и обѣдалъ у Его Величества.

Генваря 22. Его Величество паки имѣлъ выѣздъ изъ дворца въ Доминиканской монастырь и, отслушавъ службу, возвратился. Въ сей день отправленъ въ Варшаву Королевской Подчашій Люцинскій, для покупки разныхъ напитковъ къ столу, съ которымъ Приставъ, Графъ Безбородко, писалъ въ Варшаву къ Генералъ-Маіору Буксгевдену. Обѣдали у Его Величества: Приставъ, Графъ Безбородко, и Полковникъ С.-Петербургскаго драгунскаго полку Чесминскій. Пріѣзжала послѣ обѣда въ 4 часа Княгиня Сапѣжина [17] къ Королю и была болѣе часа. Были въ разныхъ мѣстахъ во дворцѣ здѣшніе Господа Польскіе, о коихъ въ суточныхъ запискахъ было донесено. Приходили дважды во дворецъ, предъ обѣдомъ и послѣ обѣда, Доминиканскаго здѣшняго монастыря Пріоръ съ однимъ монахомъ, и были во дворцѣ у Шамбеляна Вольскаго.

Генваря 23. Возвратился изъ Варшавы, посыланный отъ Пристава, Капитанъ Трейденъ и привезъ для Короля биліардъ и другія игры, кои желалъ онъ, чтобъ были изъ дворца Варшавскаго доставлены. Въ 10 часовъ Его Величество выходилъ, былъ во всѣхъ покояхъ своихъ кавалеровъ и прогуливался пѣшкомъ въ Старый замокъ, [18] гдѣ смотрѣлъ лазаретныя комнаты, для его служителей учрежденныя, и возвратился во дворецъ. Обѣдали у Его Величества: Княгиня Сапѣжина, Бискупъ Луцкой и Секретарь Коронной Грановскій. Принесено было здѣшнимъ Евреемъ письмо отъ Бискупа Нарушевича [19] къ Маршалу Мошинскому. Пріѣзжалъ въ вечеру Графъ Платеръ. Былъ отъ Главнокомандующаго Ма-

---

[17] Польское словопроизводство, жена Сапѣги, бывшаго Маршала Сеймоваго Литовскаго.

[18] Нынѣ казармы, противъ Новаго замка (Госпиталя). на углу, образуемомъ впаденіемъ рѣчки Городничанки въ Нѣманъ. Старымъ назывался этотъ замокъ по времени своего построенія, при Баторіѣ; теперешнія казармы позднѣйшей, неуклюжей, архитектуры.

[19] Извѣстный Польскій историкъ.

іоръ Инзовъ съ письмами, отъ Короля жъ ѣздилъ къ нему Графъ Мошинскій и Шамбелянъ Дюгамель.

Генваря 24. Его Величество до обѣденнаго времени былъ въ своемъ кабинетѣ, допущая къ себѣ тѣхъ, кто хотѣлъ его видѣть. Въ 12 часу былъ у него Графъ Безбородко. Въ исходѣ 2 часа по полудни прибылъ во дворецъ Главнокомандующій и обѣдалъ у Его Величества. Сегодня были у Короля предъ обѣдомъ: Князь Друцкой-Любецкой, Крайчій Коронный Господинъ Грабовскій; послѣ обѣда Секретарь Коронной Тингоборскій, Господинъ Грановскій и Подскарбій Дзяконскій.

Генваря 25. Отпущены отъ Короля изъ служителей 8 человѣкъ конюховъ: Станиславъ Любертъ, Петръ Страдонокъ, Василій Мируньянъ, Масловскій, Данило Альбергъ, Петръ Новицкій, Михайло Зихинскій и Каминскій, которымъ, для свободнаго проѣзда, пашпортъ данъ, за подписомъ Генералъ-Маіора Князя Цыціанова.

Генваря 26 число Его Величество препроводилъ обыкновенно. Въ сей день былъ у Его Величества Бискупъ Нарушевичъ, котораго свиданье съ Его Величествомъ тѣмъ началось, что оба неутѣшимо плакали: долгое время оставался онъ въ кабинетѣ и потомъ уѣхалъ. Пріѣзжали дѣти Князя Чарторижскаго и были у Короля. [20] Обѣдали у Короля Польскіе Господа: Брестовскій и Хребтовичъ. [21] Послѣ обѣда былъ Графъ Платеръ, Княгиня Сапѣжина и племянникъ ея, Сапѣга. Въ вечеру Его Величество выходилъ въ биліардную комнату и игралъ въ биліярдъ.

Генваря 27. Были у Его Величества предъ обѣдомъ Каштелянъ Мерецкой, Воловичъ, Господа Коронной Секретарь Тингоборскій, Бискупы Нарушевичъ и Ядровичъ, [22] и уѣхали прежде обѣда. Въ вечеру приходилъ Доминиканской Пріоръ къ Шамбеляну Вольскому и въ 10 часовъ возвратился.

Генваря 28. Его Величество въ 9 часовъ по полуночи имѣлъ выходъ чрезъ парадные покои въ придворную церковь и, отслушавъ обѣдню, возвратился во внутренніе свои покои. Въ 1 часу

---

[20] Изъ нихъ старшаго, извѣстнаго въ послѣдствіи Князя Адама, считаютъ побочнымъ сыномъ Князя Н. В. Репнина.

[21] Бывшій Литовскій Вице-Канцлеръ.

[22] Епископъ Жмудскій.

пріѣзжали: Вискупы Нарушевичъ и Ядровичъ, были у Его Величества въ кабинетѣ и откланялись. Главнокомандующій, Генералъ-Поручикъ Графъ Румянцовъ и Приставъ Безбородко, кушали въ сей день у Его Величества. Пріѣзжали послѣ обѣда къ Его Величеству: бывшій долгое время въ Англіи Повѣреннымъ Польскимъ, Господинъ Букати, съ братомъ своимъ, Вице-Канцлеръ Графъ Платеръ и Господинъ Тингоборскій. Въ вечеру того дня, въ 8 часовъ, Его Величество выходилъ въ кавалерскую комнату и игралъ въ биліардъ. Отпущенъ Королевскій гайдукъ Папинскій въ Несвижъ, для свиданія съ родными, коему пашпортъ данъ для проѣзду.

Генваря 29. Присланъ былъ отъ Его Сіятельства, Главнокомандующаго, во дворецъ Капитанъ Штейнъ. Были у Короля: Подскарбій Дзяконскій и Шамбелянъ Нарбутъ.

Генваря 30. Уѣхалъ въ Варшаву Аббатъ Воловичъ. Въ сей день обѣдали у Короля: Князья Чарторижскіе и Господинъ Гурскій. Были послѣ обѣда: Графъ Платеръ и Господинъ Букати.

Генваря 31. [23] Его Величество посылалъ пажа звать обѣдать Полковника С.-Петербургскаго гренадерскаго полку, Ессена, и Графа (?) Сапѣгу, которые, и такъ же Генералъ-Маіоръ Графъ Безбородко, обѣдали. Передъ обѣдомъ и послѣ обѣда Его Величество долго съ многими игралъ въ биліардъ, и въ 4 часа ретировался во внутренніе свои покои.

Мѣсяцъ Февраль.

1-го числа. Его Величество, вставъ въ обыкновенной часъ, посылалъ своего пажа къ Господину Гурскому, и въ 1 часу по полудни выходилъ прогуливаться по своему двору, въ препровожденіи Шамбеляновъ Дюганеля и Вольскаго и дежурнаго пажа. Къ обѣду прибылъ Его Сіятельство, Главнокомандующій, Князь Николай Васильевичъ Репнинъ, кушалъ у Его Величества и уѣхалъ въ исходѣ 4 часа. Изъ Польскихъ Господъ обѣдали у Его Величества: молодые Князья Чарторижскіе, Крайчій

---

[23] Журналъ за Генварь 1795 г. помѣщенъ въ нашей статьѣ: «Послѣдній Король Польскій въ Гроднѣ и Литва въ исходѣ XVIII вѣка,» напечатанной въ 4-й книжкѣ «Осмнадцатаго вѣка,» издав. Г. Бартеневымъ.

Грабовскій, Господинъ Гурскій, и разъѣзжались около 5 часа вечера. Вечеромъ Его Величество выходилъ въ кавалерскую, игралъ въ биліардъ и разговаривалъ съ своими придворными. Выѣзжали изъ дворца утромъ въ 11 часу: Докторъ Беклеръ и Графъ Мошинскій, на балъ, къ Подскарбію Дзяконскому.

Февраля 2. Его Величество утромъ имѣлъ у себя Маіора Роде, Подкоморжаго Райскаго, Господина Богуславскаго, Крайчаго Грабовскаго и Господина Глинскаго. По полудни въ 8 часу были у Его Величества молодые Князья Чарторижское и уѣхали въ 9.

Февраля 3. Утромъ въ 11 часу Графъ Букати былъ на малое время у Короля и, вышедъ оттуда, заходилъ къ Графу Мошинскому, уѣхалъ въ 12 и, возвратясь во 2 часу по полудни, обѣдалъ у Его Величества. По выходѣ изъ за стола Его Величество въ аудіенцъ-залѣ не останавливался, но, пришедъ въ кавалерскую, занимался биліардомъ; въ 9 часу вечера выходилъ къ ужину и чрезъ полчаса ретировался во внутренніе свои покои. Изъ Польскихъ Господъ вечеромъ не было никого у Короля, только что въ 5 часу пріѣзжалъ къ Шамбеляну Дюгамелю Господинъ Глинскій.

Февраля 4. Его Величество посылалъ по утру пажа своего къ Подскарбію Дзяконскому пригласить его къ себѣ на обѣдъ. Въ 10 часу Король имѣлъ свой выходъ въ придворную церковь и, возвращаясь оттуда во внутренніе свои покои, нашелъ въ своей кавалерской Доминиканскаго Пріора, и удостоилъ его своими разговорами. Въ 1 часу по полудни Его Величество прогуливался по галереямъ своего дворца, [24] въ препровожденіи дежурныхъ Шамбеляновъ и пажей. Во 2 по полудни прибылъ Главнокомандующій, кушалъ у Его Величества и уѣхалъ въ 5 часу. Сверхъ того обѣдали у Короля: Генералъ-Маіоръ Графъ Безбородко и Подскарбій Дзяконскій. Вечеромъ въ 5 часу ѣздилъ отъ Короля пажъ съ письмами на почту. Его Величество выходилъ по обыкновенному вечеромъ въ биліардную. Выѣзжали изъ дворца: по утру въ 11 часу Шамбелянъ Дюгамель къ Его Сіятельству, Главнокомандующему, а въ 8 часовъ вечера на балъ къ Его же Сіятельству: Графъ Мошинскій, Докторъ Беклеръ и Секретарь Фризъ.

---

[24] Выходящимъ на берегъ р. Нѣмана, весьма живописный.

Февраля 5. Утромъ были у Его Величества: Шамбелянъ Бодини и Господинъ Бухавецкій. Обѣдали у Короля: Князья Чарторижскіе и Графъ Платеръ; послѣ обѣда Его Величество разговаривалъ съ своими придворными въ аудіенцъ-залѣ и потомъ въ кавалерской игралъ въ биліардъ. Вечеромъ былъ одинъ и только что выходилъ изъ своей спальни къ ужину.

Февраля 6. Въ 9 часу утра отправился въ свои деревни Полковникъ Политанскій.[25] Въ 11 ѣздилъ отъ Короля пажъ къ Господину Бригадиру Мерлину, пригласить его на обѣдъ. Во 2 по полудни прибылъ Главнокомандующій съ Господиномъ Бригадиромъ Мерлинымъ, кушалъ у Его Величества и уѣхалъ въ исходѣ 5 часа. Послѣ стола Его Величество съ часъ времени разговаривалъ въ аудіенцъ-залѣ съ Его Сіятельствомъ, Главнокомандующимъ, Господиномъ Бригадиромъ Мерлинымъ и Графомъ Мошинскимъ. Послѣ обѣда представлялся Его Величеству Господинъ Матусевичъ. Были въ разныя времена Господа Щевицкій и Грабовскій. Въ 8 часу вечера выѣхали изъ дворца на балъ къ Главнокомандующему: Графъ Мошинскій, Генералъ Горжинскій, Шамбелянъ Дюгамель, Подполковникъ Понятовскій, Докторъ Беклеръ, Фризъ и Шамбелянъ Вольскій.

Февраля 7. Его Величество въ сей день ѣздилъ въ клясторъ Езуитской и по обыкновенію, что въ сей день первой Великаго Поста, миромъ помазываютъ,[26] былъ онымъ помазанъ. Кушали у Его Величества: Подкоморжій Юндзилъ и Господинъ Матусевичъ. Послѣ обѣда пріѣзжали: Приставъ, Графъ Безбородко, Каштелянъ Воловичъ и Палатинъ Хоминскій. Въ 7 часовъ вечера прибылъ изъ Варшавы Маршалъ Тишкевичъ, и того жъ вечера былъ у Его Сіятельства, Главнокомандующаго. Въ 8 пріѣзжалъ къ Главнокомандующему откланиваться Графъ Мошинскій, при отъѣздѣ своемъ въ С.-Петербургъ.

Февраля 8. Уѣхалъ въ Бѣлой Стокъ свиты Королевской Шамбелянъ Вольской, коему для проѣзду дана подорожная. Сверхъ того, просилъ онъ дать ему Унтеръ-Офицера, для всякихъ въ проѣздѣ могущихъ послѣдовать надобностей. Того жъ дня выѣхалъ въ С.-Петербургъ Маршалъ Графъ Мошинской.

---

[25] Изъ Королевской свиты, Шталмейстеръ.

[26] Такъ называемое у Поляковъ бержмованье, помазаніе муромъ чрезъ Епископа.

Февраля 9. Его Величество по утру прогуливался по терасу, изъ коего видъ пріятной за рѣку Нѣменъ, и, походивъ съ полчаса, возвратился въ свои покои. Обѣдалъ сегодня у Короля Его Сіятельство, Главнокомандующій, и въ 4 часа уѣхалъ. Послѣ обѣда были Польскіе Господа: Генералъ Князь Воронецкій и Стреинскій. Отпущенъ въ Варшаву лакей двора Королевскаго, коему пашпортъ отъ Пристава данъ.

Февраля 10. Былъ посланъ пажъ отъ Короля въ Бернадинской клясторъ и чрезъ часъ возвратился; но за чѣмъ былъ посланъ, о семъ нельзя было ни какъ узнать.[27] Въ сей день были у Его Величества: Князья Чарторижскіе, Господинъ Воловичъ, Генералъ Стреинскій, Подскарбій Дзяконскій, и приходили оные Господа въ разное время предъ обѣдомъ и послѣ обѣда. Нѣсколько разъ ѣздилъ отъ Короля къ Главнокомандующему Секретарь Фризъ.

Февраля 11. Его Величество былъ въ придворной церкви и въ 10 часовъ вышелъ изъ оной. Его Сіятельство, Главнокомандующій, обѣдалъ у Его Величества. Отправлены въ Бѣльскъ два Королевской свиты служители, Францъ Албертовичъ и Иванъ Киндаръ, посланные туда съ нанятымъ фурманомъ взять тамъ Королевское вино, оставленное по причинѣ худой дороги, и сверхъ того посланъ еще третій конюхъ, Петръ Нивичинскій, взять тамъ же лошадь Королевскую и въ Гродно привести.

Февраля 12. Отправленъ отъ Короля въ Варшаву одинъ, при Секретарѣ Фризѣ живущій, Штяхтичъ, Господинъ Швендровскій, коему подорожная дана на почтовыя лошади, и по прошенію, для способствованія въ пути его, отъ Пристава Безбородка данъ ему Унтеръ-Офицеръ С.-Петербургскаго гренадерскаго полку.

Февраля 13. Никто не пріѣзжалъ къ Его Величеству.

---

[27] Это мѣсто ни какъ не можетъ служить доказательствомъ особой строгости надзора надъ послѣднимъ Королемъ Польскимъ. Правда, еще до прибытія Короля въ Гродно Князь Репнинъ предписывалъ Безбородку принять весьма близкое наблюденіе за его перепискою и другими сношеніями, но это предписаніе буквально, и тѣмъ паче сурово, никогда не исполнялось. Отношеніе Репнина и людей, его окружающихъ, къ Станиславу-Августу было не только самое почтительное (что доказывается настоящимъ Журналомъ), но и симпатичное. Два общества, Русское и Польское, сошлись въ Гроднѣ самымъ миролюбивымъ образомъ; два года совмѣстной жизни еще болѣе ихъ сблизило.

Февраля 14. Уѣхалъ изъ дворца въ С.-Петербургъ племянникъ Королевской, Маршалъ Коронной Тышкевичъ.

Февраля 15. Обѣдалъ у Его Величества Графъ Безбородко. Были въ вечеру Генералъ Стреинскій, Графъ (?) Сапѣга, такъ же Князья Чарторижскіе и Шамбелянъ Нарбутъ.

Февраля 16. Были у Его Величества Каштелянъ Корженецкій и Бригадиръ Польской Твардовской. Возвратился изъ Бѣлаго Стока свиты Королевской Шамбелянъ Вольскій, и бывшій при немъ Унтеръ-Офицеръ отправленъ въ полкъ. Были у Его Величества въ вечеру и ужинали Князья Чарторижскіе и Шамбелянъ Нарбутъ. Посланъ къ Его Сіятельству, Главнокомандующему, отъ Короля Секретарь его, Фризъ. [28]

Фавраля 17. Былъ у Его Величества въ 12 часу Виленской Академіи Ректоръ и Кавалеръ Бѣлаго Орла Г. Почебутъ. Въ вечеру прибылъ изъ Варшавы въ Гродно и остановился во дворцѣ Господинъ Кицкій, Королевскій Великій Конюшій, и того же вечера ѣздилъ къ Главнокомандующему, но не засталъ Его Сіятельства въ домѣ.

Февраля 18. Въ день воскресный Его Величество ѣздилъ въ бывшій Езуитскій монастырь къ обѣднѣ, и въ 10 часу возвратился во дворецъ. Сегодня кушалъ у Короля Его Сіятельство, Главнокомандующій. Данъ пашпортъ, по требованію, отъ Пристава, Графа Безбородка, Королевскому балетмейстеру Курцу, въ Варшаву возвращающемуся. Были у Его Величества въ тотъ же день послѣ обѣда Князья Чарторижскіе, Господа Лохницкій, Гурскій, Кочановскій, Каштелянъ Корженецкій, Бригадиръ Твардовскій. Былъ дважды посыланъ отъ Короля къ Главнокомандующему Секретарь Фризъ. Данъ пашпортъ посланному до мѣстечка (?) отъ Адъютанта Королевскаго, Гордона, служителю его, Нидвиновскому.

Февраля 19. Выѣзжали изъ дворца въ городъ: Господа

---

[28] Французъ, состоящій на Русскомъ жалованьѣ, которымъ, какъ извѣстно, не гнушались тогда многіе изъ Поляковъ. Въ Гродненской жизни Станислава-Августа этотъ Фризъ игралъ очень важную роль, какъ посредникъ между Королемъ и Генералъ-Губернаторомъ, на словахъ и на бумагѣ. Во время отлучекъ Князя Репнина изъ Гродна Фризъ точно и подробно извѣщалъ его о Королѣ, интересамъ котораго, впрочемъ, онъ не измѣнилъ. Въ слѣдующемъ году онъ награжденъ былъ чиномъ Коллежскаго Совѣтника и сопутствовалъ Королю при переѣздѣ его въ Петербургъ.

Главной Конюшій Кицкій, Генералъ Горжинскій, и къ обѣду возвратились. Были у Его Величества въ тотъ же день Господа: Лохницкій, Ректоръ Почебутъ, Бригадиръ Твардовскій, Князья Чарторижскіе.

Февраля 20. Былъ у Его Величества въ 12 часу Генералъ Австрійскій, Князь Сулковской. Его Величество передъ обѣдомъ прогуливался по терасу, что надъ рѣкою Нѣменомъ, и по дворцу. Отъ Его Сіятельства, Главнокомандующаго, присланъ былъ ординарецъ съ письмами къ Его Величеству, кои чрезъ дежурнаго Маіора, Барона Палена, отданы Шамбеляну Дюгамелю. Во 2 часу ночи сдѣлался было пожаръ во дворцѣ, въ покояхъ Господина Кицкаго, но тотчасъ угашенъ.

Февраля 21. У Его Величества кушалъ Главнокомандующій, такъ же Приставъ Безбородко, Каштелянъ Корженецкій, Бригадиръ Твардовскій, и Виленской Академіи Ректоръ Почебутъ.

Февраля 22. Его Величество ходилъ по обоимъ коридорамъ верхняго этажа во дворецъ, и во время развода смотрѣлъ смѣну. Были у Короля предъ обѣдомъ: Генералъ-Порутчикъ Польскій Графъ Грабовскій, Генералъ-Маіоръ Польскій Глинскій. Обѣдалъ у Его Величества Австрійскій Генералъ-Порутчикъ, Князь Сулковскій.

Февраля 23. Его Величество препроводилъ сей день по обыкновенному и во дворецъ пріѣзду не было.

Февраля 24. Въ 11 часовъ утра Его Величество прогуливался около дворца. Обѣдали у Короля въ сей день Князья Чарторижскіе, Шамбелянъ Нарбутъ и Господинъ Гурскій. Въ вечеру былъ во дворцѣ Господинъ Лохницкій.

Февраля 25. Его Величество былъ въ придворной церкви. Въ сей день кушалъ у Короля Его Сіятельство, Главнокомандующій, такъ же Генералъ-Маіоръ Князь Циціановъ.

Февраля 26. Отъѣхалъ въ Варшаву Королевской свиты Капитанъ Аксамитовскій, коему и пашпортъ въ оба пути данъ.

Февраля 27. Обѣдали у Его Величества: Виленской Академіи Ректоръ Почебутъ, Князья Чарторижскіе, Господа Гурскій и Естманъ. Отправленъ экипажъ Графа Тышкевича въ деревню его на присланныхъ изъ оной лошадяхъ.

Февраля 28. Обѣдали у Короля: Генералъ-Маіоръ Графъ Безбородко и Польской Генералъ Стреинскій.

Мѣсяцъ Мартъ.

1-го числа. Кушалъ у Его Величества Его Сіятельство, Главнокомандующій, Князь Николай Васильевичъ Репнинъ; послѣ стола въ аудіенцъ-залѣ Его Величество проводилъ съ нимъ въ разговорахъ около двухъ часовъ и въ 5 ретировался къ себѣ. Вечеръ Его Величество препроводилъ одинъ въ обыкновенныхъ упражненіяхъ.

Марта 2. Его Величество не имѣлъ ни кого во весь день, и оной препроводилъ одинъ въ чтеніи книгъ и игрѣ на биліардѣ. Пріѣзжали къ Господину Кицкому: Генералъ Стреинскій и Князья Чарторижскіе. Выѣзжалъ изъ дворца по утру въ 12 часу Секретарь Фризъ къ Главнокомандующему.

Марта 3. Выѣзжалъ изъ дворца Секретарь Фризъ къ Главнокомандующему.

Марта 4. По утру былъ у Его Величества Виленской Академіи Ректоръ Почебутъ. Къ обѣду пріѣхали: Князья Чарторижскіе, Господа Гурскій и Залецкій, и кушали у Короля; такъ же кушалъ у Его Величества Главнокомандующій; послѣ стола Король проводилъ съ нимъ въ разговорахъ около 2 часовъ и въ 5 по полудни ретировался къ себѣ. Послѣ обѣда былъ у Его Величества Хорунжій Литовскій Нарбутъ. Сей день выѣхали въ Варшаву изъ свиты Королевской: Полковникъ Политанскій, Шамбелянъ Трембицкій и Староста Рыксъ.

Марта 5. Отправлено отъ Пристава, Графа Безбородка, при письмѣ къ Великому Конюшему Кицкому, управляющему всѣмъ дворцемъ Королевскимъ, мѣсячное всей свиты Королевской жалованье и для прочихъ расходовъ положенная сумма. Въ 12 часу утра пріѣзжалъ къ Генералу Горжинскому Господинъ Бышевскій и обѣдалъ у Его Величества. Въ 7 вечера выѣхалъ въ Варшаву свиты Королевской Генералъ Горжинскій, отпущенъ будучи отъ Короля на шесть мѣсяцовъ. Къ Его Сіятельству, Главнокомандующему, посыланъ былъ отъ Короля Секретарь Пузына. Въ 8 часу вечера былъ въ третій разъ у Короля Господинъ Бышевскій.

Марта 6. Его Величество былъ до обѣда въ своемъ кабинетѣ и жаловался, что не очень хорошо почевалъ, за обѣдомъ былъ очень не веселъ и мало говорилъ. Обѣдалъ у него Графъ Безбородко, съ которымъ послѣ обѣда долго разговаривалъ, и по-

томъ въ свои внутреннія комнаты пошелъ. Въ вечеру выходилъ, игралъ въ биліардъ и до 10 часа препроводилъ время съ своими кавалерами.

Марта 7-го. Сей день Его Величество препроводилъ въ обыкновенныхъ своихъ упражненіяхъ.

Марта 8. Его Величество предъ обѣдомъ прогуливался въ тѣхъ залахъ во дворцѣ Гродненскомъ, гдѣ прежде бывали сеймы, и возвратился въ свои внутренніе покои. [29] Былъ у Его Величества въ сей день Польскій Генералъ Меинъ, Господа: Бышевскій и Воевода Хоминскій. Изъ придворныхъ Королевскихъ выѣзжали изъ дворца въ городъ: Докторъ Беклеръ, Шамбелянъ Дюгамель, и Секретарь Королевской Фризъ былъ у Главнокомандующаго отъ Короля.

Марта 9. Его Величество въ 12 часу такъ же прогуливался по дворцу и въ залахъ сеймовыхъ. Были у Короля: Князь Четвертинскій, Каштелянъ Брусковскій и Князья Чарторижскіе. Обѣдалъ у Его Величества Генералъ-Поручикъ Графъ Безбородко.

Марта 10. Выходъ Королевской изъ покоевъ внутреннихъ и препровожденіе его времени было такъ же, какъ и въ прочіе дни; пріѣзду, кромѣ извѣстныхъ къ нему пріѣзжающихъ Господъ Польскихъ, не было.

Марта 11. Главнокомандующій кушалъ у Его Величества. Противъ 12 числа, ночью, въ 3 часу, сдѣлался было пожаръ во дворцѣ въ комнатахъ Великаго Конюшаго Кицкаго, но тотчасъ былъ угашенъ.

Марта 12. Обѣдали у Короля: Генералъ-Поручикъ Польской Стреинскій и Генералъ-Маіоръ Глинскій. Изъ дворца въ городъ выѣзжали сегодня: Докторъ Беклеръ, Шамбеляны Стржембанъ и Вольскій, и къ Его Сіятельству, Главнокомандующему, былъ дважды отъ Короля присыланъ Секретарь Фризъ.

Марта 13. Происходило то же, что и въ прочіе дни.

Марта 14. Его Величество былъ въ придворной церкви. Обѣдали у Короля: Его Сіятельство, Князь Николай Васильевичъ Репнинъ, Графъ Безбородко, два Князья Чарторижскіе и Староста

---

[29] Новый замокъ, названный такъ въ отличіе отъ Стараго Баторіевскаго, былъ построенъ Сигизмундомъ-Августомъ собственно для сеймовъ. Не смотря на свое назначеніе, это двухъэтажное зданіе самыхъ скромныхъ размѣровъ. См. выше примѣч. 19.

Гурскій. Сего жъ числа посланы отъ Графа Безбородка къ Великому Конюшему Королевскому Кицкому, чрезъ дежурнаго во дворцѣ Маіора Аничкова, три пашпорты: 1, Эксъ-Референдаря Волковицкаго повѣренному Савостьяну Барковскому до Варшавы и обратно до Гродно на 3 почтовыя лошади; 2, Варшавскому мѣщанину Іосифу (?) съ 9 при немъ служителями, на 12 собственныхъ лошадяхъ и трехъ повозкахъ, возвращающемуся въ Варшаву, и 3, Секретарю Королевскому Пузынѣ, отъѣхавшему въ кордонъ Пруской, въ мѣстечко Мотупо, для свиданія съ его родными, въ оба пути на 3 почтовыя лошади. О сихъ трехъ пашпортахъ, а паче о послѣднемъ, Приставъ, Графъ Безбородко, прежде выдачи оныхъ, докладывалъ Его Сіятельству, Главнокомандующему.

Марта 15. Въ 10 часовъ Его Величество, вмѣстѣ съ Великимъ Конюшимъ Кицкимъ, Графомъ Безбородкомъ и Шамбеляномъ дежурнымъ Стржембашемъ, въ четверомѣстной открытой каретѣ и въ препровожденіи нѣсколько человѣкъ верхами Королевскихъ придворныхъ и конвоя нашего, 34 драгунъ при Офицерѣ, проѣзжался за городъ съ полмили до деревни Гродинки и, возвращаясь, заѣхалъ къ Главнокомандующему, у котораго, пробывъ близко полчаса, прибылъ потомъ во дворецъ къ обѣду. Того жъ дня, съ 4 часовъ послѣ полудня до захода солнца, какъ время было весьма пріятное, Король ходилъ по терасу, что надъ рѣкою Нѣменомъ, и смотрѣлъ, какъ въ то время оный вскрывался. Присланъ былъ въ вечеру отъ Его Сіятельства, Главнокомандующаго, къ Королю съ письмами Преміеръ-Маіоръ Дюгамель.

Марта 16. Его Величество былъ въ придворной церкви, жаловался, что чувствуетъ простуду и боль въ головѣ, но къ обѣду выходилъ; до вечера оставался въ своемъ кабинетѣ, занимаясь чтеніемъ и писаніемъ; въ вечеру въ 9 часовъ выходилъ въ биліардную, игралъ въ биліардъ и присутствовалъ во время ужина, за коимъ изъ стороннихъ были только Князья Чарторижскіе и Господинъ Гурскій.

Марта 17. Все то же происходило.

Марта 18. Въ воскресенье Его Величество слушалъ обѣдню въ придворной церкви. Сегодня кушалъ у Короля Его Сіятельство, Главнокомандующій, Генералъ-Порутчики Графъ Румянцовъ и Графъ Безбородко, Князья Чарторижскіе, Господинъ Гурскій, и въ 4 часа послѣ полудня разъѣхались. Его Величество выходилъ

въ вечеру въ 8 часовъ въ биліардную комнату, игралъ въ биліардъ и присутствовалъ при ужинѣ, за коимъ, кромѣ его домашнихъ, не было изъ стороннихъ ни кого. Въ 11 часовъ легъ опочивать.

Марта 19. Былъ у Короля по утру Генералъ Польскій Стреинскій. Королевскій Секретарь Фризъ посыланъ былъ дважды къ Главнокомандующему. Въ городъ выѣзжали изъ дворца Шамбеляны: Вольскій, Стржембашъ и Маіоръ Понятовскій. Король обыкновенно время препроводилъ, какъ и въ прочіе дни.

Марта 20. Возвратились изъ Варшавы Королевской свиты Шамбелянъ Трембицкій, Полковникъ Политанскій и Господинъ Сыисъ. Въ сей день Его Величество занемогъ и во весь день чувствовалъ ознобъ, не выходилъ изъ своей спальни и, противъ обыкновенія своего, не одѣвался и къ столу не выходилъ, въ 10 часовъ принялъ лѣкарство и до вечера не переставала его безпокоить боль въ поясницѣ съ кашлемъ, при томъ сильнымъ и жаромъ внутреннимъ. Послѣ обѣда навѣщалъ Короля Его Сіятельство, Князь Николай Васильевичъ Репнинъ. Пріѣзжала во дворецъ дважды и была у Старосты Рыкса Госпожа Гурская. Обѣдали Князья Чарторижскіе и Господинъ Гурскій. Дважды ѣздилъ изъ дворца пажъ Яблонскій къ Господину Потоцкому. Былъ въ вечеру у Короля Воевода Хоминскій на короткое время. Секретарь Фризъ ѣздилъ ку Главномандующему.

Марта 21. Его Величество не имѣлъ въ сей день еще облегченья, и лихорадка, съ послѣдованіемъ другихъ припадковъ, продолжалась, и, какъ боль въ нутрѣ усиливалась, оставался въ спальнѣ, не одѣвался и къ столу не выходилъ. Были въ сей день во дворцѣ: Воевода Хоминскій, Князья Чарторижскіе, Господинъ Гурскій и Шамбелянъ Нарбутъ. Секретарь Фризъ и Королевской Адъютантъ Гордонъ были у Главнокомандующаго. Отправленъ сегодня въ Варшаву экипажъ Князя Іосифа Понятовскаго съ пашпортомъ Его Сіятельства, Главнокомандующаго, даннымъ находящемуся при обозѣ семъ Офицеру. [30] Королевской Адъютантъ Гордонъ выѣхалъ въ Варшаву на нѣкоторое время.

---

[30] Князь Іосифъ Понятовскій, любимецъ Короля Станислава-Августа, идолъ его души (по его выраженію), человѣкъ славолюбивый и войнолюбивый, былъ приверженцемъ Конституціи 3-го Мая и начальникомъ въ южной Польской ар-

Марта 22. Въ Четвертокъ. Какъ въ сей день на Страстной Недѣлѣ поста Его Величество, по обыкновенію своему, причащался Таинъ Христовыхъ, и не могъ по болѣзни выходить въ церковь, то совершаема была читальная миша въ передней его комнатѣ, гдѣ, по окончаніи литургіи, онъ причастился. Ѣздилъ къ Главнокомандующему Великій Конюшій Кицкій и Секретарь Фризъ. Сего числа изъ Варшавы прибыла часть экипажа Королевскаго.

Марта 23. Его Сіятельство, Главнокомандующій, навѣщалъ Его Величество, которому немного полегче утромъ было, но къ вечеру опять жаловался сильною болью.

Марта 24. Данъ пашпортъ до Варшавы Польскому Шляхтичу, Господину Гурскому, съ находящимися при немъ 12 фурманщиками, его служителемъ и 20 лошадьми, на четырехъ повозкахъ привозившими экипажъ Королевскій. Взятъ дежурнымъ во дворцѣ Порутчикомъ Аргамаковымъ, во время обходу его постовъ, въ коридорѣ, что въ кухнѣ, шатавшійся тамо Польской гвардіи капралъ, Павелъ Тихановскій, которой и представленъ былъ съ его бумагами къ Графу Безбородку, по разсмотрѣнію которыхъ не оказалось ни чего сумнительнаго. Онъ имѣлъ: просьбу на письмѣ къ Королю о вспомоществованіи его деньгами на дорогу въ его домъ; къ Главнокомандующему о предписаніи, дабы возвратить ему и отыскать отнятыя у него вещи, во время его пути изъ Варшавы, Казаками, и снабдить его деньгами; къ Королевской сестрѣ, Графинѣ Браницкой, чтобы она приняла его къ себѣ въ службу и въ Бѣломъ Стокѣ дать ему мѣсто; ибо дѣдъ и отецъ его служилъ ея дому; къ Фельдмаршалу, Графу Суворову, подаваемую и обратно ему съ помѣткою отданную, чтобы приказано было Капитану Польскому, Твардовскому, возвратить ему должные имъ деньги 691 злот. Онъ же, Тихановскій, имѣлъ отъ дежурнаго Генерала Арсеньева пашпортъ, ему данный въ 1795 году, въ Генварѣ, изъ Варшавы, по коему онъ, въ силу повелѣнія Фельдмаршала, Графа Суворова-Рымникскаго, уволенъ отъ службы Польской и отпущенъ въ домъ его, состоящій въ Воеводствѣ

міи, выступившей противъ Торговицкихъ Конфедератовъ. Въ это время онъ жилъ въ Вѣнѣ. Король, отправляя къ нему экипажъ, былъ увѣренъ, что Императрица дозволитъ ему пріѣхать въ Гродно; Князь Репнинъ поддерживалъ его ходатайство, но Императрица на пріѣздъ Іосифа не согласилась.

Подольскомъ, въ селѣ Сирчѣ, вмѣсто котораго онъ пришелъ въ Гродно. Помянутаго Капрала Тихановскаго Графъ Безбородко отправилъ тотчасъ къ Господину Генералъ-Маіору Князю Циціанову, увѣдомивъ его обо всемъ и что онъ сумнѣнія не находитъ, кромѣ пашпорта, коего онъ въ Гродно не имѣлъ, и запретивъ ему во дворецъ впредь ходить безъ дозволенія ни къ кому.

Марта 25. Въ праздникъ Католической Воскресенія Христова, Его Величество, по болѣзни своей, не выходилъ и не одѣвался, слушалъ службу въ предспальной комнатѣ, а во второмъ часу по полудни вышелъ въ шлафоркѣ въ залу, гдѣ всѣхъ своихъ придворныхъ и нашихъ Штабъ и Оберъ-Офицеровъ, при немъ находящихся, потчивалъ по обыкновенію пасхою, яйцами и прочимъ пріуготовленнымъ на сей праздникъ посвѣнцонымъ, разговаривалъ съ Штабъ-Офицерами и обѣдалъ въ своей спальнѣ одинъ. Генералъ-Поручикъ, Графъ Безбородко, Князья Чарторижскіе и Господинъ Гурскій, обѣдали во дворцѣ, по приглашенію отъ Короля, и были угощаемы Королевскимъ Великимъ Конюшимъ Кицкимъ. Изъ Варшавы пріѣхалъ Королевской Секретарь Карась и привезъ письма, какъ Королю, такъ и къ прочимъ придворнымъ. Послѣ обѣда, въ 10 часу, пріѣзжала къ Королю поздравить съ праздникомъ Госпожа Подскарбина, [21] Дзяконская. Въ вечеру къ Главнокомандующему ѣздили на ассамблею Великій Конюшій Кицкій и Шамбелянъ Вольскій.

Марта 26. Дана подорожная до Житомира свиты Королевской Господину Мукинскому. Полковникъ Политанскій выѣхалъ въ свои деревни на нѣсколько дней. Его Величество выходилъ на берегъ Нѣмена. Секретарь Фризъ ѣздилъ къ Господину Потоцкому въ городъ.

Марта 27. Пріѣзжалъ отъ Его Сіятельства, Главнокомандующаго, къ Королю Капитанъ Штейнъ съ письмомъ, которое принялъ отъ него дежурный во дворцѣ Маіоръ, Князь Циціановъ, и вручилъ дежурному Шамбеляну Королевскому, Дюгамелю, для доставленія Его Величеству. Дважды былъ посыланъ къ Главнокомандующему отъ Короля Секретарь его Фризъ. Архитекторъ Сакъ уѣхалъ въ Бѣлой Стокъ.

Марта 28. Его Величество выходилъ, одѣвшись, предъ обѣ-

---

[21] Жена Подскарбія.

домъ на берегъ Нѣмена и за большимъ столомъ кушалъ. Былъ у Короля Г. Грушевскій и чрезъ полчаса уѣхалъ.

Марта 29. Его Величество хотѣлъ было прогуливаться ѣхать верхомъ, но послѣ отдумалъ, выходилъ за большой столъ и къ вечеру жаловался, что глазъ болитъ; оставался до вечера въ кабинетѣ, а въ вечеру выходилъ въ кавалерскую.

Марта 30. Выѣхалъ изъ дворца въ Бѣлой Стокъ Королевской свиты Староста Соколовскій, коему и билетъ данъ.

Марта 31. Его Величество гулялъ по терасу, что надъ рѣкою Нѣменомъ, и обѣдалъ за большимъ столомъ. Кушали у него Князья Чарторижскіе.

Мѣсяцъ Апрѣль.

1-го числа. Въ день Святыя Пасхи Его Величество, вышедъ изъ придворной церкви, въ 11 часовъ, въ препровожденіи Пристава, Графа Безбородка, и придворныхъ его чиновъ, тако жъ конвоя 24 драгунъ при Офицерѣ, ѣздилъ за городъ въ Понѣмунь, [22] гдѣ болѣе часа гулялъ по берегу Нѣмена, и потомъ, возвращаясь, заѣхалъ къ Его Сіятельству, Главнокомандующему, котораго поздравивъ съ праздникомъ, потчиваемъ былъ отъ Его Сіятельства Пасхою и прочимъ въ сей день по обыкновенію, потомъ возвратился во дворецъ. Обѣдали у него Князья Чарторижскіе и Господинъ Збышевскій.* Выѣзжали сего дня изъ дворца къ Главнокомандующему, съ поздравленіемъ праздникомъ и въ вечеру на ассамблею, Господа: Великій Конюшій Кицкій, Шамбеляны Дюгамель, Стржембашъ и Вольскій, Полковникъ и Адъютантъ Киркоръ, Господинъ Вицкій и Секретарь Фризъ.

Апрѣля 2. Обѣдали у Его Величества Его Сіятельство, Князь Николай Васильевичъ Репнинъ, Генералъ-Поручикъ Графъ Безбородко, Князья Чарторижскіе, Господинъ Гурскій, и въ 6 часу

---

[22] Деревня въ 7 верстахъ отъ Гродна, на правомъ берегу Нѣмана, прежде принадлежала монастырю Бригитокъ. Другая Понѣмунь, въ верстѣ отъ города, на томъ же берегу, прежде принадлежала Езуитамъ, нынѣ Г-жѣ Ляхницкой.

* Въ подлинникѣ пишется эта фамилія то Збышевскій, то Бышевскій, равно и нѣкоторыя другія разнообразно до нельзя: Хребтовичъ и Хрептовичъ, Стрембошъ и Стржембашъ, Моравскій и Муравскій, Тнигобурскій и Тингоборскій, Стейнъ и Штейнъ, Брестовскій и Бржостовскій, Гурскій и Горскій, даже Русскія и т. п. фамиліи: Волконскій и Волхонскій, такъ какъ журналъ составлялся изъ рапортичекъ разныхъ лицъ. О. Б.

по полудни разъѣхались. Выѣхалъ въ свои деревни свиты Королевской Господинъ Староста и казначей Соколовскій. Сего числа отъ Пристава, Графа Безбородка, отправлена къ Конюшему Кицкому съ Казначеемъ, Порутчикомъ Розенбаумомъ, на жалованье и прочіе расходы мѣсячная за Мартъ сумма.

Апрѣля 3. Сей день Его Величество препроводилъ обыкновенно, какъ и прочіе дни, и пріѣзду во дворецъ изъ Господъ здѣшнихъ ни какого не было. Посыланъ былъ пажъ отъ Короля въ Доминиканскій монастырь. Возвратился изъ Варшавы Королевскій Подконюшій, Маіоръ Аксамитовскій.

Апрѣля 4. Обѣдалъ у Короля Его Сіятельство, Главнокомандующій, и съ нимъ такъ же Прускій Генералъ-Порутчикъ, Принцъ Гольстенбекъ, Генералъ-Маіоръ Бенингсонъ и Прускій Маіоръ Бреверпъ. Сегодня въ вечеру слушалъ Его Величество во дворцѣ вечернюю зорю, гдѣ играла роговая музыка, которой весьма удивлялся и подарилъ музыкантамъ 10 червонцевъ. Секретарь Фризъ былъ посыланъ дважды къ Главнокомандующему. Отпущены въ Варшаву Адъютанта Королевскаго, Киркора, служители, Злотницкій и Павловскій, коимъ отъ Пристава данъ пашпортъ.

Апрѣля 5. Отъѣхали въ Варшаву Шамбелянъ Дюгамель и Маіоръ Кивецкій. По приказанію Его Сіятельства, Главнокомандующаго, отправилъ Графъ Безбородко, съ казначеемъ своимъ при письмѣ къ Господину Кицкому, за Генварь и Февраль мѣсяцы ливрейную сумму, 1,500 червонныхъ. [33]

Апрѣля 6. Гулялъ Король по берегу Нѣмена, ходилъ въ верхній этажъ въ покои, что (приготовлены) для сестры его, Графини Браницкой, и заходилъ къ Шамбеляну Вольскому.

Апрѣля 7. Выѣзжалъ Его Величество въ Понѣмунь и къ обѣду возвратился. По болѣзни Пристава, Графа Безбородка, препровождалъ онаго верхомъ Преміеръ-Маіоръ, Баронъ Паленъ. Въ вечеру отъ Главнокомандующаго присланы были письма къ Королю и къ прочимъ, кои дежурнымъ Маіоромъ Аничковымъ доста-

---

[33] Въ ожиданіи Короля, Графъ Безбородко получилъ 3 тысячи червонцевъ отъ Князя Н. В. Репнина и приказаніе тотчасъ же составить смѣту его расходовъ. По этой смѣтѣ требовалось ежемѣсячно 6,204 червонца, къ коимъ Князь Репнинъ прибавилъ 1,501 (на ливрею и фуражъ), прося Императрицу увеличить ежемѣсячное содержаніе Польскаго Короля въ Гроднѣ до 11 тысячъ червонцевъ; ходатайство это было уважено.

влены. Посланъ былъ пажъ отъ Короля къ Главнокомандующему и Г. Румянцову.

Апрѣля 8. Его Сіятельство, Главнокомандующій, Приставъ Графъ Безбородко, Генералъ-Маіоръ Князь Цыціановъ, обѣдали у Его Величества, такъ же Князья Чарторижскіе и Господинъ Гурскій; послѣ обѣда былъ концертъ.

Апрѣля 9. По утру выѣзжалъ Король верхомъ въ Понѣмунь, въ препровожденіи своихъ придворныхъ и Пристава, Графа Безбородка.

Апрѣля 10. По утру въ 10 часу проѣзжался верхомъ Его Величество, въ препровожденіи своихъ придворныхъ и Пристава по дорогѣ Вильнинской, [34] потомъ въ Понѣмунь и въ первомъ часу возвратился. Обѣдали во дворцѣ: Графъ Безбородко, Господа Збышевскій и Лохницкій. Послѣ обѣда Его Величество посылалъ Секретаря Фриза къ Ея Сіятельству, Княгинѣ Наталіи Александровнѣ Репниной, [35] поздравить ее съ пріѣздомъ.

Апрѣля 11. Главнокомандующій кушалъ у Его Величества, такъ же Графъ Безбородко, Князья Чарторижскіе, Господа Нарбутъ и Гурскій. Трижды былъ посыланъ Секретарь Фризъ къ Его Сіятельству, Главнокомандующему. По приказанію Главнокомандующаго, послано къ Господину Кицкому за Мартъ и Апрѣль мѣсяцы остальные 1500 червонныхъ для ливреи Королевской, кои подъ росписку Господину Кицкому вручены отъ Казначея Розенбаума.

Апрѣля 12. Его Величество по утру проѣзжался верхомъ по дорогѣ Щучинской [36] и возвратился чрезъ Городницу. Въ вечеру ужинали у Короля и откланялись Князья Чарторижскіе и Господинъ Гурскій, при отъѣздѣ своемъ въ С.-Петербургъ. Король съ ними простился весьма чувствительно.

Апрѣля 13. Король прогуливаться ѣздилъ по утру верхомъ съ своими придворными, въ препровожденіи нашего конвоя и Пристава, Графа Безбородка. Сей день, послѣ обѣда въ шесть

---

[34] Тогда эта дорога шла на мѣстечко Меречъ (Троцкаго Уѣзда), черезъ деревню Грандичи (въ 4-хъ верстахъ отъ Гродна).

[35] Урожденной Куракиной.

[36] Щучинъ, мѣстечко Лидскаго Уѣзда, принадлежитъ Князьямъ Любецкимъ. Щучинскій трактъ или дорога то же, что Скидельская и Виленская—обычный путь, до построенія желѣзной дороги, изъ Гродна въ Вильну.

часовъ, были у Короля ихъ Сіятельства, Князь Николай Васильевичъ, Княгиня Наталья Александровна и Княгиня Александра Николаевна, съ сыномъ, Прапорщикомъ гвардіи, Княземъ Волконскимъ, Николаемъ Григорьевичемъ; [37] встрѣчены они были придворными Королевскими въ залѣ, а въ биліардной самъ Король, вышедъ, препроводилъ ихъ въ свой кабинетъ, гдѣ пробывъ съ полчаса, уѣхали.

Апрѣля 14. По утру, въ 10 часовъ, прогуливался Его Величество верхомъ и, возвращаясь во второмъ часу, заѣхалъ къ Главнокомандующему, гдѣ пробылъ съ часъ и, прощаясь, просилъ кушать въ воскресенье Главнокомандующаго, супругу его и Княгиню Александру Николаевну Волконскую, которые

Апрѣля 15-го, съ Его Сіятельствомъ, Главнокомандующимъ, и прибыли, въ исходѣ втораго часа, обѣдали тутъ, сверхъ того, Безбородко, Бригадиръ Князь Лобановъ-Ростовскій. [38] Послѣ обѣда былъ концертъ и въ пять часовъ ихъ Сіятельства уѣхали домой.

Апрѣля 16. Въ 10 часовъ Его Величество проѣзжался за городъ верхомъ и возвратился въ началѣ 1 часа. Генералъ Польской Стренискій, обѣдалъ во дворцѣ. Госпожа Забѣлина послѣ обѣда была у Его Величества. Староста Рыксъ давалъ въ Понѣмуни угощеніе придворнымъ Королевскимъ и другимъ своимъ знакомымъ. Король въ 6 часу ѣздилъ въ коляскѣ въ Понѣмунь, ходилъ по рощѣ, слушалъ роговую музыку, очень удивлялся и былъ доволенъ; былъ на семъ трактаментѣ въ домѣ, принадлежащемъ Господину Стренискому, разговаривалъ съ многими, подходилъ къ дамамъ, Шамбеляна Бенкена и Маіора Родена женамъ, разговаривалъ съ ними и въ 7 часовъ возвратился въ Гродно.

Апрѣля 27. Уѣхалъ въ Бѣлой Стокъ Свиты Королевской Шамбелянъ Вольскій, которому отъ Пристава данъ егерскій Унтеръ-Офицеръ. Его Величество проѣзжался верхомъ по берегу Нѣмена, потомъ по дорогѣ Щучинской и возвратился въ половинѣ 12 часа.

---

[37] Въ послѣдствіи, послѣ смерти Князя Николая Васильевича (1801), съ которымъ угасала фамилія Репниныхъ, принявшаго фамилію своего знаменитаго дѣда, съ соизволенія Императора Александра I-го. Онъ былъ долгое время Малороссійскимъ Военнымъ Губернаторомъ (1818 — 1835). О. Б.

[38] Яковъ Ивановичъ, близкій родственникъ Княгини Н. А. Репниной, въ послѣдствіи, между прочимъ, тоже Малороссійскій Генералъ-Губернаторъ (1808 — 1816). О. Б.

Апрѣля 18. Его Величество ѣздилъ верхомъ по утру въ 10 часовъ. Были послѣ обѣда: Госпожа Забѣлина, Полковникъ Фонъ и Капитанъ Бистромъ.

Апрѣля 19. Приставъ, Графъ Безбородко, по дозволенію Его Сіятельства, Главнокомандующаго, съ Великимъ Конюшимъ Кицкимъ, и Полковникомъ Политанскимъ, отъѣхали изъ Гродна, за три мили, въ село Езеры [39] на охоту. Наблюденіе во дворцѣ за всѣмъ, сверхъ дежурнаго Маіора, приказано отъ Пристава старшему изъ Штабъ-Офицеровъ дежурныхъ, Маіору Каховскому, которому и во время выѣзду Его Величества приказано слѣдовать при немъ. Главнокомандующій и Графъ Румянцовъ обѣдали у Его Величества. Приходилъ во дворецъ Бригадиръ Медеръ съ двумя Генеральнаго Штаба Офицерами, и обще съ Архитекторомъ Сакеномъ, осматривалъ тѣ покои, кои передѣлывать велѣно для проѣзду сестры Королевской, Воеводыни Подольской. Предъ вечеромъ выѣхалъ Король съ нѣкоторыми своими придворными, сперва къ Его Сіятельству, Главнокомандующему, а оттоль съ Его Сіятельствомъ и обѣими Княгинями проѣзжался въ Понѣмунь, возвращаясь же и паки былъ у Главнокомандующаго и потомъ пріѣхалъ домой. Въ вечеру пріѣхали изъ Варшавы Королевскіе Адъютанты, Гордонъ и Збышевскій.

Апрѣля 20. Предъ вечеромъ проѣзжался Король по дорогѣ къ Понѣмунѣ и, не доѣзжая до онаго, поворотилъ къ берегу Нѣмена, гдѣ, вставъ съ лошади, пѣшкомъ ходилъ по берегу и въ сумеркахъ пріѣхалъ домой.

Апрѣля 21. Въ день рожденія Ея Императорскаго Величества, въ исходѣ 1 часа, Его Величество съ своими придворными, въ препровожденіи Пристава, поѣхалъ къ Его Сіятельству, Главнокомандующему, которой встрѣтилъ его на крыльцѣ съ прочимъ Генералитетомъ и Штабъ-Офицерами, а Ея Сіятельство, Княгиня Репнина, въ галереѣ. Его Величество, поздравивъ Главнокомандующаго съ праздникомъ, сказалъ, что онъ пріѣхалъ къ нему обѣдать и, оставаясь, приказалъ экипажамъ отъѣхать и быть въ три

---

[39] Мѣстечко Езеры въ 30 верстахъ отъ Гродна. По Езерской дорогѣ находились двѣ деревни: Каплица, въ 4-хъ, и Путришки, въ 6-ти верстахъ, отъ города; до нихъ часто прогуливался Король Станиславъ-Августъ. Езерскій трактъ иначе назывался Несвижскимъ.

часа. Когда время было къ столу ити, то, взявъ онъ супругу Главнокомандующаго, пошелъ къ столу, за коимъ такъ же сидѣли званные свиты Королевской: Великой Конюшій Кицкій, Шамбелянъ Трембецкій и дежурный Стржембашъ, Адъютанты Киркоръ, Гордонъ и Збышевскій, Полковники: Политанскій, Вицкій, Совѣтникъ и Докторъ Беклеръ и Маіоръ Аксамитовскій. За столомъ Его Величество всталъ и пилъ здоровье Ея Императорскаго Величества, при чемъ изъ пушекъ тридцать одинъ выстрѣлъ выпалено. Спустя немного, Его Сіятельство, Главнокомандующій, и всѣ тутъ бывшіе за столомъ, какъ наши, такъ и изъ Польскихъ Господъ, пили за здоровье Его Величества при пушечной пальбѣ, такъ же 21 выстрѣлъ. Въ продолженіи стола играли духовая, роговая и на трубахъ музыки, раставленныя по площади и въ близкости столовой комнаты. Послѣ обѣда пробылъ еще Король часъ и въ 4 часа возвратился во дворецъ. Ѣздили къ Главнокомандующему на балъ Господинъ Кицкій, Адъютанты Киркоръ и Збышевскій. Въ вечеру были у Короля Господа Грановскій и Муравскій.

Апрѣля 22. Его Величество былъ въ придворной церкви. Былъ въ 1 часу у Короля Генералъ Польской Забѣла и чрезъ два часа уѣхалъ изъ дворца. Его Сіятельство, Главнокомандующій, кушалъ у Его Величества, такъ же Графъ Безбородко, Господа Бржостовскій и Муравскій обѣдали. Въ 7 часу въ вечеру Король ѣздилъ до деревни Грандичи верхомъ, а оттуда въ каретѣ возвратился.

Апрѣля 23. Его Величество обѣденной столъ имѣлъ не въ столовой комнатѣ, а на балконѣ, что надъ Нѣменомъ. Послѣ обѣда проѣзжался верхомъ внизъ по берегу Нѣмена и потомъ до деревни Пѣшокъ, а назадъ возвратился въ каретѣ. Возвратился изъ Бѣлого Стоку Шамбелянъ Вольской. Унтеръ-Офицеръ, при немъ находившійся въ дорогѣ, отъ дежурнаго во дворцѣ Маіора отправленъ къ командѣ.

Апрѣля 24. Выѣхалъ по утру нечаянно Его Величество прогуливаться верхомъ такъ, что не всѣ съ нимъ ѣздившіе всегда Его свиты про то знали; кромѣ Графа Безбородка и Полковника Политанскаго, Адъютанта дежурнаго Киркора и Шамбеляна Стржембаша не было прочихъ. Конвой слѣдовалъ всегда за Его Величествомъ, экипажи жъ отъ Понѣмунской дороги поѣхали въ

городъ, а онъ по берегу Нѣмена и мимо наводимаго моста на ономъ въ замокъ проѣхалъ. Въ 1 часу Его Величество ходилъ съ придворными своими въ Старый замокъ къ Секретарю Фризу и, оттуда возвращаясь, былъ у Короннаго Конюшаго Кицкаго. Обѣдалъ въ обыкновенное время. Дважды былъ у Короля и у Господина Кицкаго Господинъ Бржостовскій. Усмотрѣно было караульнымъ Капитаномъ, во время переходу его черезъ сѣни, гдѣ стоялъ часовой отъ боковаго подъѣзду, что лакей Господина Брестовскаго долгое время разговаривалъ съ часовымъ, и тотчасъ смѣненъ былъ тотъ часовой другимъ. По распросу оказалось, что помянутый лакей разсказывалъ много лишняго и дерзкаго часовому; по донесеніи о семъ Главнокомандующему, препоручено было Господину Генералъ-Маіору Князю Циціанову сказать Господину Брестовскому, дабы наказанъ былъ выше реченный слуга за лишнюю дерзость. Выѣзжалъ изъ дворца Шамбелянъ Вольскій и былъ у Главнокомандующаго и въ домѣ Господина Коса ковскаго. Король прогуливался въ вечеру по терасу.

Апрѣля 25. Данъ пашпортъ до Варшавы Секретарю Королевскому, Бачьярелію, съ двумя при немъ служителями, изъ коихъ одинъ двора Королевскаго конюхъ съ тремя лошадьми, а другой его собственный человѣкъ. Посланъ былъ пажъ въ домъ Соболевскаго къ Господину Волковицкому, откуда черезъ часъ возвратился. Генералъ Стреинскій и Господинъ Андрейковичъ были у Его Величества. Предъ вечеромъ Король проѣзжался за городъ. Во время выѣзду изъ дворца подала ему просьбу вдова Монтушъ, жалуясь на Шамбеляна Бадини.

Апрѣля 26. Выѣхалъ въ Варшаву Секретарь Бачьярели. Его Величество проѣзжался верхомъ за городъ и, проѣхавъ верстъ пять отъ онаго, возвратился. Его Сіятельство, Главнокомандующій, кушалъ у Короля. Послѣ обѣда пріѣзжали поздравить Его Величество, на канунѣ торжества его тезоименитства, Госпожи: Генеральша Грабовская, Княгиня Воронецкая и Подскарбина Дзяконская. Пріѣхали изъ Варшавы: Совѣтникъ Королевской, Робертъ Витсонъ, и Подконюшій Аксамитовскій. Секретарь Фризъ ѣздилъ въ Комиссію Провіантскую.

Апрѣля 27. Его Величество въ день тезоименитства своего былъ въ придворной церкви. На канунѣ того дня просилъ онъ Главнокомандующаго ни какого въ день сей для его не дѣлать

празднества и не принималъ по утру ни отъ кого поздравленія; Главнокомандующій, однако жь, пріѣхалъ къ нему къ обѣду, обѣдали такъ же Графъ Безбородко, Польской Генералъ Стреинскій, пріѣхавшій изъ Варшавы къ Королю Каштелянъ Любецкій, Господинъ Ледуховскій, Господинъ Конюшій Кицкій и нѣсколько придворныхъ Королевскихъ. Его Сіятельство, Главнокомандующій, пилъ за здоровье Королевское во время стола, а Король пилъ за здоровье Великаго Князя, Константина Павловича, котораго въ сей день такъ же тезоименитство. Послѣ обѣда пріѣхала Ея Сіятельство, Княгиня Репнина, съ дочерью, Княгинею Волконскою, такъ же Генералъ-Поручикъ Графъ Румянцовъ и Генералъ-Маіоръ Князь Циціановъ. Отъѣхалъ обратно въ Варшаву Совѣтникъ Королевской, Витсонъ, которому, такъ же фърманщику Матису Ратинскому пашпорты даны.

Апрѣля 28. По причинѣ холодной погоды, Его Величество не выѣзжалъ изъ города прогуливаться.

Апрѣля 29. Его Сіятельство, Главнокомандующій, кушалъ у Короля.

Апрѣля 30. Его Величество ѣздилъ прогуливаться.

Мѣсяцъ Май.

1-го числа. Утромъ выѣзжалъ Его Величество верхомъ за городъ съ нѣсколькими человѣками изъ придворныхъ его, въ препровожденіи конвоя нашего; по болѣзни Пристава, Графа Безбородка, ассистовалъ его Премьеръ-Маіоръ Баронъ Паленъ. Къ обѣду возвратился Король. Въ сей день были у Его Величества: Генералъ Польской Стреинскій, Варшавской банкиръ Господинъ Мейснеръ, [40] и изъ Доминиканскаго монастыря два Доминиканы. Съ письмами отъ Главнокомандующаго присланъ былъ Офицеръ

[40] Онъ завѣдывалъ денежными дѣлами Короля, въ качествѣ коммисіонера по его долговымъ обязательствамъ. Станиславъ-Августъ прибылъ въ Гродно почти нищимъ, обремененный долгами, количество которыхъ простиралось до 40 милліоновъ Польскихъ гульденовъ. Уплату этихъ долговъ приняли на себя Правительства, участвовавшіяся въ 3-мъ раздѣлѣ Польши. Кромѣ долговъ, Король оставилъ въ Варшавѣ множество престарѣлыхъ слугъ и другихъ лицъ, жившихъ на его иждивеніи; почти половина содержанія, получаемаго имъ въ Гроднѣ, шла на ихъ пенсіоны.

къ Секретарю Фризу. Въ вечеру прибылъ изъ Варшавы Канцлеръ Графъ Хребтовичъ, пошелъ тотчасъ къ Королю и чрезъ полчаса вышелъ, остановился во дворцѣ, въ верхнемъ этажѣ. Его Величество посылалъ пажа къ Графу Безбородку навѣдаться о здоровьи. Шамбелянъ Вольскій ходилъ въ Доминиканскій клясторъ; Секретарь Фризъ ѣздилъ къ Его Сіятельству, Главнокомандующему. Въ сей день отъ Пристава, Графа Безбородка, отправлена съ Казначеемъ, Порутчикомъ Розенбаумомъ, къ Конюшему Кицкому денежная мѣсячная за Апрѣль сумма на жалованье и прочіе Королевскіе расходы.

Маія 2. Его Величество по утру ѣздилъ верхомъ въ Понѣмунь съ своими придворными, въ препровожденіи Премьера-Маіора Каховскаго и конвоя нашего при Офицерѣ, возвратиться изволилъ къ обѣду. Были во дворцѣ: Генералъ Стреинскій, Полковникъ Польской Война и Польской Капитанъ Церстеръ. Пріѣхалъ изъ Варшавы Балетмейстеръ Курцъ. Король ходилъ въ придворную церковь и въ вечеру прохаживался по терасу предъ ужиномъ, послѣ онаго занимался чтеніемъ газетъ, игрою въ биліардъ и въ 11 часовъ легъ опочивать.

Маія 3-го. Его Величество, по причинѣ худой погоды, не выѣзжалъ. Главнокомандующій и Генералъ-Маіоръ Бенингсонъ кушали у Короля. Послѣ обѣда пріѣхали во дворецъ: Бригадиръ и Елецкаго пѣхотнаго полку командиръ Феншъ и Санктпетербургскаго гренадерскаго полку Подполковникъ Стакельбергъ, которыхъ Главнокомандующій представилъ Королю.

Маія 4-го. Проѣзжался Его Величество верхомъ по утру Обѣдали у него: Генералъ Стреинскій и Г. Лохницкій. Шамбелянъ Вольскій и Секретарь Фризъ ѣздили къ Его Сіятельству, Главнокомандующему. Вечеромъ Его Величество ѣздилъ къ Главнокомандующему и чрезъ часъ возвратился. Данъ пашпортъ Шамбеляну Леснеру до Варшавы и обратно на три почтовыя лошади.

Маія 5-го. Выѣхали въ Варшаву: Королевской свиты Маіоръ и Подконюшій Аксамитовскій, и духовникъ Королевскій, Аббатъ Лабанской, которымъ подорожныя даны.

Маія 6-го. Въ 10 часовъ Его Величество ходилъ въ придворную церковь. Его Сіятельство, Главнокомандующій, Генералъ-Поручикъ Графъ Румянцевъ и Безбородко, Генералъ-Маіоръ Графъ

Панинъ, [41] котораго первый разъ представилъ Королю Главнокомандующій, и Бригадиръ Феншъ, [42] кушали у Его Величества и въ 5 часовъ уѣхали. Въ 6 часовъ пополудни Король, съ Приставомъ Графомъ Безбородкомъ, Коронным Конюшемъ Кицкимъ, и Шамбеляномъ Вольскимъ, въ каретѣ, а прочіе его свиты верхами, въ первой разъ выѣхалъ за рѣку Нѣменъ въ Лососну, гдѣ по берегу рѣки Лососны ходилъ пѣшкомъ и часу въ 10 возвратился въ городъ. По приказанію Главнокомандующаго, прибавленъ конвой для Его Величества для переѣздовъ его чрезъ рѣку Нѣменъ, [43] Казачею командою при старшинѣ.

Маія 7-го. Утромъ Его Величество, въ препровожденіи Графа Безбородка, придворныхъ своихъ и конвоя нашего, проѣзжался верхомъ по сей сторонѣ рѣки Нѣмена по дорогѣ къ Понѣмуни, и оттоль по Щучинской дорогѣ возвратился въ первомъ часу. Секретарь Фризъ ѣздилъ къ Его Сіятельству, Главнокомандующему.

Маія 8-го. По утру Его Величество ѣздилъ за Нѣменъ въ Лососну и къ обѣду возвратился. Посыланъ былъ пажъ отъ Короля къ Генералитету, здѣсь находящемуся, пригласить къ обѣду на 9 число Маія, по случаю имянинъ Его Сіятельства, Князя Николая Васильевича.

Маія 9-го. Король посылалъ Шамбеляна поздравить Главнокомандующаго съ тезоименитствомъ его. Выѣхали въ 12 часу изъ дворца къ Его Сіятельству, Главнокомандующему: Канцлеръ Хребтовичъ, Г. Кицкій и прочіе придворные Королевскіе, поздравить его и къ обѣду возвратились. Въ исходѣ 2-го часа пріѣхалъ во дворецъ Его Сіятельство, Князь Николай Васильевичъ, и съ нимъ Генералитетъ: Графы Румянцовъ и Безбородко, Генералъ

---

[41] Никита Петровичъ, также ближній родственникъ Княгини Н. А. Репниной. Панины находились въ дружественныхъ отношеніяхъ съ бывшимъ Королемъ Польскимъ.

[42] Жена его была красивѣйшей и образованнѣйшей изъ Русскихъ женщинъ, проживавшихъ въ то время въ Гроднѣ.

[43] За Нѣманомъ начиналась тогда Прусская граница (кордонъ), хотя разграниченіе двухъ Государствъ, послѣ 3-го раздѣла, еще не было покончено. На лѣвомъ берегу Нѣмана, куда часто ѣздилъ Станиславъ-Августъ, находились двѣ деревни: Лососна, на рѣчкѣ того же имени, въ 3-хъ верстахъ отъ Гродна, и Августово, подлѣ Лососны, и лѣсная дача Пышки, недалеко отъ этѣхъ деревень.

Маіоры Графъ Панинъ, Германъ, [44] Князь Циціановъ, Бенингсонъ, Бригадиры: Князь Лобановъ и Фенштъ, кушали у Короля, которой пилъ за столомъ здоровье имянинника. Послѣ обѣда ѣздилъ Король и Главнокомандующій прогуливаться въ Понѣмунь, гдѣ смотрѣли на свадьбу Жидовскую. Въ вечеру Его Величество пріѣхалъ къ Главнокомандующему, гдѣ нашелъ большую публику, по случаю бала, и, пробывъ съ часъ, уѣхалъ къ себѣ; не доѣзжая дворца, приказалъ заѣхать въ Старый замокъ, гдѣ навѣщалъ Шамбеляна Трембецкаго и пѣшкомъ пришелъ домой.

Маія 10-го. Проѣзжался Его Величество за рѣку Нѣменъ, въ препровожденіи Маіора Каховскаго, по болѣзни Пристава.

Маія 11-го. Обѣдали у Короля: ГенералъСтреинскій, Г-да Бржостовскій и Крайчій Грабовскій. Вечеромъ проѣзжался Король въ деревню Грандичи. Г. Грановскій пріѣхалъ въ часу 8 во дворецъ, дождался Короля и ужиналъ у него. Посланъ былъ къ Его Сіятельству, Главнокомандующему, Секретарь Фризъ.

Маія 12-го. По причинѣ холоднаго времени во весь день не выѣзжалъ Его Величество. Данъ пашпортъ для проѣзду въ Варшаву возвращающейся женѣ Подчашаго Королевскаго Люцинскаго.

Маія 13-го. Въ 10 часовъ ходилъ въ придворную церковь Его Величество. Главнокомандующій, прибывъ во второмъ часу, и съ нимъ Графъ Безбородко и Полковникъ Московскаго гренадерскаго полку Князь Волконскій, который былъ представленъ Королю, обѣдали у него, такъ же и Польскіе Г-да: Грановскій, Бржостовскій и Кицкій.

Маія 14. Прибыли изъ Варшавы: Шамбелянъ Дюгамель и Секретарь Бачьярели.

Маія 15. Два раза были у Короля: Г. Бржостовскій и Г. Соболевскій. Секретарь Фризъ посыланъ былъ къ Его Сіятельству, Князю Николаю Васильевичу.

---

[44] Одинъ изъ отрядныхъ начальниковъ, вмѣстѣ съ Княземъ Голицынымъ, Циціановымъ, Бенингсономъ, Лассіемъ и Кнорингомъ, прославившійся при усмиреніи Литовскихъ мятежниковъ, сподвижниковъ Костюшки. Послѣ подавленія мятежа, онъ стоялъ у Вилкомира; теперь же, живя въ Гроднѣ, былъ ежедневнымъ гостемъ у Генералъ-Губернатора и, какъ пріятный собесѣдникъ, былъ очень любимъ всѣмъ его семействомъ.

Маія 16. Пріѣзжалъ предъ обѣдомъ Г. Брестовскій, былъ сперва у Графа Хребтовича, потомъ у Короля, были такъ же въ разные часы Гг.: Михалецкій у Доктора Беклера, Маршалекъ Ядве у Кицкаго. Польскій Генералъ-Порутчикъ Грабовскій обѣдалъ у Короля. Приходилъ, проѣзжавшій чрезъ Гродно изъ Вѣны въ Санктпетербургъ, возвращавшійся Италіянецъ Кэмаскини, къ Старостѣ Рыксу, обѣдалъ у него и въ 6 часовъ былъ, съ вѣдома Пристава, у Его Величества.

Маія 17. Его Величество предъ обѣдомъ выѣзжалъ въ Лососну верхомъ, въ препровожденіи придворныхъ и Пристава съ обыкновеннымъ конвоемъ, и возвратился къ обѣду. Прибыли: Главнокомандующій, Графъ Безбородко и Генералъ-Маіоръ Графъ Панинъ, кушали у Короля и въ четыре часа разъѣхались.

Мая 18. Пріѣзжали во дворецъ Г-жи: Воловичева къ Докторшѣ Беклеровой, Бржостовская къ отцу своему, Графу Хребтовичу, Грабовская и Стреинская къ Королю. Его Величество проѣзжался верхомъ по сей сторонѣ Нѣмена.

Маія 19. Присланъ былъ Офицеръ отъ Его Сіятельства, Главнокомандующаго, съ письмами къ Королю, кои дежурнымъ во дворцѣ Маіоромъ отданы Секретарю Фризу. Его Величество, переѣхавши рѣку Нѣменъ, ѣздилъ вверхъ по берегу онаго нѣсколько верстъ и возвратился къ обѣду.

Маія 20. Король былъ въ придворной церкви; посылалъ Шамбеляна Вольскаго поздравить съ праздникомъ гвардіи Измайловскаго полку Главнокомандующаго, который въ сей день у него кушалъ: Генералъ-Порутчикъ Графъ Румянцовъ и Графъ Безбородко обѣдали такъ же. Въ вечеру Его Величество прогуливаться изволилъ по дорогѣ Понѣмунской и, возвращаясь чрезъ городъ, пѣшкомъ домой пришелъ.

Маія 21. Шамбелянъ Дюгамель посыланъ былъ отъ Его Величества къ Главнокомандующему поздравить съ тезоименитствомъ Великаго Князя, Константина Павловича, и Великой Княгини, Елены Павловны. Ѣздили за Нѣменъ въ Лососну Великій Конюшій Кицкій и Шамбелянъ Вольскій. Секретарь Фризъ посыланъ былъ къ Князю Николаю Васильевичу. Польской Генералъ Грабовскій былъ у Короля. Г-га: Збышевскій, Нарбутъ, Бржостовскій и Андрейковичъ были во дворцѣ. Его Величество прохаживался пѣшкомъ около Стараго замка. Маіоръ Паленъ при-

везъ письмо отъ Главнокомандующаго къ Королю. Навѣщалъ Король больнаго Графа Хребтовича. Пріѣхалъ изъ Вѣны Шамбелянъ Бадини.

Маія 22. Его Величество проѣзжался верхомъ за Нѣменъ. Послѣ обѣда смотрѣлъ съ терэса проходящей въ лагерь за рѣку Нѣменъ егерской баталіонъ.

Маія 23. Премієръ-Маіоръ Дюгамель отъ Его Сіятельства, Главнокомандующаго, присланъ былъ съ письмами къ Королю и къ Графу Хребтовичу. Секретарь Фризъ ѣздилъ въ городъ къ Его Сіятельству, Князю Николаю Васильевичу Репнину. Его Величество проѣзжался за Нѣменъ въ Лососну и къ деревнѣ Каролинѣ, возвратился по Варшавской дорогѣ. Въ вечеру гулялъ по берегу и сидѣлъ на балконѣ, занимаясь чтеніемъ газетъ; тутъ же и ужинъ былъ.

Маія 24. Въ день праздника Католицкаго: «Господня Тѣла.» Его Величество въ 10 часу, въ препровожденіи своихъ придворныхъ, Пристава Графа Безбородка, въ свитѣ при немъ находящихся Штабъ и Оберъ-Офицеровъ, и конвоя драгунъ, выѣхалъ въ Езуитскую церковь. Въ проѣздъ его мимо воинской команды, для церемоніи во время процессіи назначенной, подъ начальствомъ Секундъ-Маіора Гроденскаго, отдана ему честь. При входѣ его въ церковь, встрѣченъ духовенствомъ и препровожденъ до мѣста, для него уготовленнаго, гдѣ по обѣимъ сторонамъ наставлены были, для недопущенія тѣсниться народу, два драгунскіе Унтеръ-Офицера съ ружьями. По совершеніи литургіи началась процессія изъ Езуитской церкви и шествіе по городу было слѣдующимъ образомъ:

1. Плацъ-Маіоръ съ двумя Квартальными Офицерами и шестью Унтеръ-Офицерами верхами.

2. Цехи городовые, съ ихъ знаменами.

3. Взводъ изъ 24 драгунъ пѣшихъ, при Оберъ-Офицерѣ, Унтеръ-Офицерѣ, одномъ капралѣ, и одномъ барабанщикѣ.

4. Духовенство, со всѣмъ принадлежащимъ къ нему клиромъ всѣхъ орденовъ Католическаго Исповѣданія; Канони къ Увальдъ, несущій святые дары подъ балдахиномъ, четырьмя Польскими Шляхтичами поддерживаемымъ; Его Величество, въ препровожденіи Пристава, Графа Безбородка, Великаго Конюшаго Кицкаго, который велъ подъ руку Короля, всѣхъ своихъ придворныхъ и

въ свитѣ находящихся Штабъ и Оберъ-Офицеровъ; здѣшнія и наши обоего полу благородныя особы. Оные всѣ закрываемы были по обѣимъ сторонамъ шеренгою драгунъ, по 50 человѣкъ съ каждой, при четырехъ Офицерахъ. Вся сія процессія замыкаема была взводомъ драгунъ, 24 человѣкъ при Офицерѣ. Шествіе было изъ Езуитскаго костела въ Бернадинской мужской, въ Бернадинской женскій, въ Доминиканской и обратно въ Езуитской, гдѣ, по окончаніи всего, возвратился Его Величество въ такомъ же препровожденіи во дворецъ, команды жъ воинскія, отдавъ ему честь, по приказанію Графа Безбородка, подъ коего начальствомъ оныя были на сей разъ, отпущены. Сего дня былъ у Короля Его Сіятельство, Главнокомандующій, Графъ Безбородко, Графъ Панинъ и Г. Брестовскій.

Маія 25. Его Величество проѣзжался за Нѣменъ верхомъ. Послѣ обѣда пріѣзжали къ Королю: Госпожа Подскарбина Дзяконская, Княгиня Четвертинская съ двумя дочерьми, и сыномъ, и чрезъ часъ выѣхали; [45] заходили къ Канцлеру Хребтовичу. Вечеромъ Король проѣзжался около замка.

Маія 26. Его Величество проѣзжался верхомъ до деревни Грандичи и далѣе, возвращаясь сѣлъ въ карету и, встрѣтившись съ Главнокомандующимъ, возвращавшимся изъ лагеря, остановился и, съ четверть часа поговоривъ, разъѣхались. Обѣдалъ у Его Величества Подполковникъ Стакельбергъ. Отъ Его Сіятельства, Главнокомандующаго, присланы къ Королю письма съ Офицеромъ, кои принялъ Секретарь Фризъ.

Маія 27. Былъ въ придворной церкви Его Величество; посылалъ Секретаря Фриза къ Главнокомандующему, который съ Генералами, Графами Румянцевымъ и Безбородкомъ, кушалъ у него. Послѣ обѣда представилъ Его Сіятельство Королю Генералъ-Маіора Козлова. Въ 5 часу разъѣхались, и Король не ѣздилъ прогуливаться. Даны пашпорты двумъ придворнымъ сторожамъ, Пробировскому въ Брянскъ и Зензоховичу въ Бѣльскъ. Въ вечеру пріѣхалъ изъ Варшавы Подконюшій Аксамитовскій.

---

[45] Особа двусмысленнаго поведенія; дочь ея, Марія, извѣстная красавица. Князь Четвертинскій, приверженецъ Россіи и Торговицкой Конфедераціи, погибъ въ Варшавѣ, во время послѣдней революціи.

Маія 28. Конюшій Кицкій и Шамбелянъ Вольскій уѣхали въ Бѣлой Стокъ. Даны пашпорты изъ Варшавы провозившимъ Королевскія вещи и возвращающимся фурманщикамъ, Костицкому и Колчубѣ. До обѣда Его Величество не выходилъ изъ своихъ внутреннихъ покоевъ, занимался чтеніемъ и письмомъ, и послѣ обѣда до 6 часовъ такъ же; вечеромъ же проѣзжался за Нѣменъ верхомъ. Былъ въ Лососнѣ, смотрѣлъ, какъ учился баталіонъ егерей, заѣзжалъ въ Августовскій дворецъ и въ 10 часу воротился домой.

Маія 29. Его Величество посылалъ пажа къ Генералу Герману. Секретарь Фризъ былъ у Главнокомандующаго. Во дворцѣ былъ Г. Бржостовскій и жена его у Графа Хребтовича. Изъ Бѣлаго Стоку воротились Гг. Кицкій и Шамбелянъ Вольскій.

Маія 30. Выѣхали въ Бѣлой Стокъ Шамбелянъ Бадини и Адъютантъ Королевской, Грабовскій. Его Величество ѣздилъ прогуливаться за Нѣменъ въ Лососну, Августовъ и въ часу 10 вечера возвратился.

Мая 31. Его Сіятельство, Главнокомандующій, Генералъ-Поручики Князь Голицынъ и Графъ Безбородко, обѣдали у Его Величества, которому послѣ обѣда представленъ былъ сынъ Князя Голицына, гвардіи Преображенскиго полку Капитанъ-Поручикъ Князь Голицынъ. Вечеромъ Его Величество ѣздилъ прогуливаться чрезъ Гродницу къ деревнѣ Пышкамъ при Нѣменѣ.

Мѣсяцъ Іюнь.

1-го Іюня. Обѣдалъ у Его Величества Шамбелянъ Бадини. Утромъ были во дворцѣ: Г. Бржостовскій у Графа Хребтовича, Г. Збышевскій входилъ къ Его Величеству, Полковникъ Ельжинъ былъ у Короля. По полудни: Г. Бржостовскій съ женою были у Графа Хребтовича, Ректоръ Виленской Академіи, Г. Почебутъ, входилъ къ Его Величеству. Въ 7 часу по полудни Его Величество, въ препровожденіи обыкновеннаго конвоя и съ обыкновенными почестями, выѣзжалъ прогуливаться въ Лососну и возвратился чрезъ Августово. Въ 9 часу вечера прогуливался онъ пѣшкомъ около своего дворца, и ретировался къ себѣ въ 10 часовъ вечера. Выѣзжали изъ дворца: утромъ Шамбелянъ Стржембашъ и Подполковникъ Понятовскій выходили прогуливаться, Шамбелянъ

Трембецкій выѣзжалъ въ городъ. По полудни выходилъ Секретарь Пузына, выѣзжали: Шамбелянъ Вольскій, пажъ Дубецкій, молодой Хребтовичъ и Графъ Канцлеръ Хребтовичъ. Отъѣхали изъ Гродна въ Варшаву Королевскіе камеръ-лакеи Корженевскій и Фишеръ.

Іюня 2. Въ 10 часовъ утра Его Величество прогуливался по Скидельской, дорогѣ [44] и возвратился во дворецъ чрезъ часъ. Посылалъ потомъ пажа своего къ Генералъ-Маіору и Кавалеру Козлову пригласить его на завтрашній день къ себѣ на обѣдъ. Былъ во дворцѣ: Ректоръ Виленской Академіи, Почебутъ, съ другимъ духовнымъ, заходили къ Шамбеляну Вольскому, а отъ него прошли къ Королю, обѣдали у него и потомъ, вмѣстѣ съ Шамбеляномъ Вольскимъ, возвратились къ себѣ. Г. Брестовскій былъ у Г. Кицкаго. Выѣзжалъ изъ дворца, утромъ Секретарь Фризъ къ Господину Главнокомандующему, возвратился чрезъ два часа.

3 Іюня. Въ 9 часу Ректоръ Езуитскаго монастыря исправлялъ обѣдню въ придворной церкви, при коей присутствовалъ Король со всѣми своими придворными. Обѣдалъ у Его Величества Господинъ Главнокомандующій съ Генералъ-Маіорами Графомъ Панинымъ и Козловымъ. Въ 6 часу по полудни Его Величество выѣзжалъ прогуливаться въ обыкновенномъ порядкѣ и возвратился черезъ часъ. По полудни въ 5 часу былъ у Короля Шамбелянъ Бадини. Выѣзжали утромъ изъ дворца: Секретарь Фризъ къ Главнокомандующему, по полудни Шамбелянъ Вольскій въ городъ, Секретарь Фризъ вторично къ Главнокомандующему, Шамбекянъ Дюгамель выходилъ прогуливаться. Отъѣхалъ въ Бѣлой Стокъ Графъ Канцлеръ Хребтовичъ.

4 Іюня. Былъ во дворцѣ утромъ Господинъ Брестовскій у Канцлера Графа Хребтовича. По полудни онъ же входилъ къ Его Величеству, въ 9 часу вечера Госпожа Мостовская была у Его Величества. Выѣзжали изъ дворца: утромъ Секретарь Фризъ къ Главнокомандующему, Адъютантъ Грабовскій въ городъ, Шамбелянъ Стржембашъ прогуливаться, Секретарь Понятовскій также, Графъ Канцлеръ Хребтовичъ къ Господину Брестовскому. Отъѣхали изъ Гродна на встрѣчу сестрицѣ Его Величества: мадамъ де

---

[44] Такъ называлась новая Виленская дорога, по имени мѣстечка Скидель (34 версты отъ Гродна).

Кракови [47] Подконюшій Аксамитовскій и Поручикъ Сагатинскій. Возвратился изъ Бѣлаго Стоку Канцлеръ Графъ Хребтовичъ.

5 Іюня. Во 2 часу по полудни прибылъ въ Гродно изъ Италіи племянникъ Королевской, Станиславъ Князь Понятовскій, явилтя тотчасъ къ Королю; побывавъ въ компатахъ, ему назначенныхъ во дворцѣ, вышелъ на обѣдъ. Были во дворцѣ: утромъ Госпожа Брестовская къ Графу Хребтовичу, Господинъ Ельскій обѣдалъ у Короля. По полудни: Ректоръ Виленской Академіи, Господинъ Почебутъ, приходилъ къ Графу Хребтовичу, Господинъ Брестовскій къ нему же. Въ 7 часу по полудни выѣзжалъ Король на дорогу Бѣлостока и на третьей верстѣ встрѣтилъ ѣхавшую изъ Люблина сестрицу свою, мадамъ де Кракови. По обыкновенномъ привѣтствіи, посадилъ ее въ карету и самъ провожалъ верхомъ до самаго моста на Нѣмёнѣ, гдѣ, сошедъ съ лошади, принялъ свою сестрицу изъ кареты и, прошедъ съ нею мостъ пѣшкомъ, сѣлъ вмѣстѣ въ ея коляску и прибылъ такъ во дворецъ.

6 Іюня. Въ 9 прогуливался Король по берегу Нѣмена при дворцѣ. Выѣзжали изъ дворца: утромъ Секретарь Фризъ къ Господину Главнокомандующему, Шамбелянъ Стржембашъ въ городъ, Шамбелянъ Дюгамель и Секретарь Пузына прогуливались пѣшкомъ; выѣзжалъ въ городъ Хребтовичъ. По полудни: Князь Станиславъ былъ у Господина Главнокомандующаго; выходили пѣшкомъ Секретарь Понятовскій, Пузына и Шамбелянъ Дюгамель. Прибыли обратно въ Гродно. Подконюшій Аксамитовскій и Поручикъ Сагатинскій.

7 Іюня. Отъѣхалъ изъ Гродна въ Варшаву, въ 6 часу утра, Князь Станиславъ съ капельмейстеромъ Альберти и двумя служителями.

8 Іюня. Утромъ былъ у Его Величества Господинъ Михалевскій, по полудни пріѣзжалъ къ Королю Господинъ Мей, вторично Господинъ Михалевскій. Въ 7 часовъ по полудни Его Величество выѣзжалъ въ обыкновенномъ порядкѣ прогуливаться съ своею сестрицею по Виленской дорогѣ; возвратился во дворецъ въ 9 вечера. Выѣзжали изъ дворца: утромъ Канцлеръ Графъ Хреб-

---

[47] Графинѣ Браницкой, которую Князь Репнинъ называлъ «женщиной смирной и почтительной.»

товичъ, Шамбелянъ Стржембашъ и Секретарь Понятовскій, прогуливаться, Секретарь Физъ къ Главнокомандующему.

9 Іюня. Утромъ была Госпожа Брестовская у Канцлера Графа Хребтовича и потомъ входила къ мадамъ де Кракови. Госпожа Дзяконская была у мадамъ де Кракови, потомъ къ Его Величеству, обѣдала и выѣхала въ 5 часовъ по полудни. По полудни, Господа: Тайной Совѣтникъ и Кавалеръ Баронъ д' Ашъ [48] и Генералъ-Маіоръ Графъ Панинъ, были у Его Величества. Въ 6 часовъ по полудни Его Величество въ обыкновенномъ порядкѣ прогуливался по Несвижской дорогѣ, доѣзжалъ до деревни Каплицы и возвратился въ 8 часовъ вечера. Въ 7 мадамъ де Кракови, съ своими дамами и Госпожею Бржостовскою, выѣзжала въ Понѣмунь прогуливаться. Его Величество имѣлъ ужинъ въ 9 часовъ, и послѣ съ сестрицею своею сидѣлъ на терасу до 12 часовъ ночи. Выѣзжали изъ дворца: утромъ Секретарь Физъ къ Господину Главнокомандующему, по полудни Шамбелянъ Стржембашъ, прогуливаться. Отъѣхали изъ Гродна чрезъ Волковиски въ помѣстье Забѣлино: Адъютантъ Королевскій Грабовскій и Шамбелянъ Бадини; при нихъ два служителя.

10 Іюня. Въ 10 часовъ утра Его Величество, со всѣмъ своимъ дворомъ, былъ въ придворной церкви при отправленіи мши, производимой духовными изъ Бернандинскаго монастыря; по выходѣ оттуда Его Величество ходилъ къ своей сестрицѣ и чрезъ полчаса возвратился въ свой кабинетъ, откуда не выходилъ до самаго обѣда. Обѣдали у Его Величества: Господинъ Главнокомандующій и Господинъ Баронъ д' Ашъ, изъ Польскихъ же Господъ Господинъ Соболевскій. Послѣ стола занимались слушаніемъ пѣнія Итальянца изъ свиты Князя Станислава. Господинъ Главнокомандующій уѣхалъ въ 7 часу. Вскорѣ послѣ сего Его Величество съ своею сестрицею выѣзжалъ въ обыкновенномъ порядкѣ прогуливаться за Нѣменъ въ Лососну и Августово; возвратился въ 8 часовъ. Утромъ было во дворцѣ: Госпожа Брестовская у Канцлера Графа Хребтовича. Выѣзжали изъ дворца: утромъ Секретарь Физъ къ Господину Главнокомандующему, по полудни Докторъ Беклеръ съ женою, прогуливаться за Нѣменъ, Секре-

---

[48] Русскій дипломатъ.

тарь Пузына въ городъ, Канцлеръ Графъ Хребтовичъ и Шамбелянъ Вольскій на вечеринку къ Главнокомандующему.

11 Іюня. Въ 11 часу утра мадамъ де Кракови была въ придворной церкви, а по выходѣ оттуда прошла къ Его Величеству въ кабинетъ. Была во дворцѣ Госпожа Брестовская у мадамъ де Кракови, уѣхала во 2 часу по полудни. Въ 7 часу вечера Его Величество съ своею сестрицею выѣзжалъ прогуливаться по Виленской дорогѣ, возвратился въ 9 часу вечера. Были во дворцѣ: шефъ Стреинскій у Господина Кицкаго, Господинъ Михалевскій у Канцлера Графа Хребтовича. Отъѣхали изъ Гродна въ Варшаву: Шамбелянъ Дюгамель, Секретарь Карась и пажъ Яблонской.

12 Іюня. Въ 10 часовъ утра мадамъ де Кракови изволила выходить въ придворную церковь и быть тамъ при отправленіи мши. Въ томъ же часу Его Величество въ обыкновенномъ порядкѣ выѣзжалъ прогуливаться на Несвижскую дорогу. Утромъ были во дворцѣ: Госпожа Вилжина у Секретаря Пузыны и Порутчица Оржекова у Господина Кицкаго. Господинъ Райскій входилъ къ мадамъ де Кракови, Госпожа Брестовская къ Графу Хребтовичу. По полудни вторично Господинъ Райскій былъ у Его Величества и обѣдалъ тутъ; Господинъ Почебутъ, Ректоръ Виленской Академіи, обѣдалъ у Короля. Прибыли въ Гродно изъ своихъ помѣстьевъ: Шамбелянъ Бадини и съ нимъ Господинъ Карпинскій.

13 Іюня. Въ 10 часовъ утра Его Величество, со всѣмъ своимъ дворомъ, въ обыкновенномъ порядкѣ ѣздилъ прогуливаться за Нѣменъ въ деревню Адамовичи; возвратясь оттуда въ 12 посѣтилъ мадамъ де Кракови, изъ ея покоевъ прошелъ въ свой кабинетъ, вышелъ къ столу во 2 часу, послѣ стола проводилъ время въ аудіенцъ-залѣ. Въ 5 часовъ по полудни прибыла изъ Люблина сестрица Его Величества, Людвига Замойска, Воеводыня Подольская, съ внуками своими, дѣтьми дочери ея, Графини Мнишекъ. Его Величество, встрѣтивъ ее на парадномъ крыльцѣ, препроводилъ въ назначенныя для нея покои. Въ 6 часовъ по полудни Его Величество, съ сестрицею своею мадамъ де Кракови, былъ у Господина Главнокомандующаго, и оттуда, вмѣстѣ съ нимъ, прошелъ въ театръ и въ его ложѣ присутствовалъ при зрѣлищѣ, а возвратясь изъ театра, Король и сестра его были у мадамъ

де Подоли [49] и отъ нея пошли къ ужину. Его Величество ретировался къ себѣ въ половинѣ 12. При Воеводынѣ Подольской прибыло: придворныхъ Константинъ Ленской съ женою и дочерью, Янъ (?) чтецъ, въ услугахъ: женска 6, мужеска полу 7 человѣкъ. По полудни въ 8 часу былъ у Его Величества, прежде бывшій его гвардіи Офицеръ, Орловскій. Выѣзжалъ изъ дворца утромъ Секретарь Фризъ къ Главнокомандующему. Отъѣхалъ изъ Гродна въ Варшаву Староста Соколовскій.

14 Іюня. Утромъ былъ во дворцѣ Господинъ Брестовскій у Графа Хребтовича. По полудни въ 2 прибылъ во дворецъ Господинъ Главнокомандующій съ Господиномъ Тайнымъ Совѣтникомъ и Кавалеромъ Барономъ д' Ашъ, были у сестрицы Его Величества и обѣдали у Короля. Штатсъ-Дама Княгиня Репнина съ Княгинею Волконскою были у мадамъ де Подоли, но не застали ея у себя. Въ 6 часу былъ Господинъ Бѣльскій у Шамбеляна Вольскаго и Маіоръ Брюнети у Графа Хребтовича. Въ 7 часу Его Величество, въ обыкновенномъ порядкѣ, съ сестрицею своею, мадамъ де Подоли, выѣзжалъ прогуливаться въ Лососну; возвратился въ 9. Въ томъ же часу мадамъ де Кракови съ Госпожею Забѣла прогуливались за Нѣменъ. По возвращеніи своемъ оттуда, Госпожа Забѣла тотчасъ же отъѣхала къ себѣ въ придворномъ экипажѣ. Выѣзжали изъ дворца: Господинъ Кицкій и Господинъ Збышевскій въ городъ, Графъ Хребтовичъ и Шамбелянъ Вольскій къ Главнокомандующему на вечеринку. Отъѣхалъ изъ Гродна въ свои помѣстья Конюшій Его Величества, Господинъ Политанскій.

13 Іюня. Въ 10 часовъ утра Его Величество выѣзжалъ въ обыкновенномъ порядкѣ прогуливаться въ Понѣмунь. Возвратись оттуда черезъ часъ, посѣтилъ своихъ сестрицъ, потомъ вошелъ въ свой кабинетъ, оттуда не выходилъ до самаго обѣда. Были во дворцѣ: Крайчій Грабовскій у Господина Кицкаго, Господинъ Тайный Совѣтникъ и Кавалеръ Баронъ д' Ашъ у мадамъ де Кракови, Господинъ Бржостовскій съ женою своею у отца своего, Графа Хребтовича, и потомъ у мадамъ де Кракови, Ректоръ Виленской Академіи, Господинъ Почебутъ, и Господинъ Подполковникъ С.-Петербургскаго гренадерскаго полку Графъ Стакельбергъ, обѣ-

---

[49] Т. е., у пріѣхавшей Графини Замойской.

дали у Его Величества. По полудни въ 7 мадамъ де Подоли, въ препровожденіи Шамбеляна Вольскаго, была у Ея Сіятельства, Княгини Репниной. Въ томъ же часу Его Величество, съ своею сестрицею, мадамъ де Кракови, и всѣмъ дворомъ, прогуливался по берегу дворца своего. Отъѣхалъ изъ Гродна въ Пруской кордонъ въ свои помѣстья Архитекторъ Сакъ.

16 Іюня. Въ 10 часовъ утра духовенствомъ изъ Бернардинскаго монастыря отправляема была мша въ придворной церкви, при коей присутствовали обѣ Королевскія сестрицы. Его же Величество не выходилъ изъ своего кабинета до обѣда. Въ 11 часу прибылъ обратно изъ Варшавы Князь Станиславъ, и тотчасъ прошелъ къ Королю въ кабинетъ. Вскорѣ послѣ сего Секретарь Фризъ, побывавъ прежде у Короля, поѣхалъ къ Главнокомандующему. Послѣ стола Его Величество былъ въ аудіенцъ-залѣ до пяти часовъ; тогда, получивъ конверты отъ Секретаря Фриза, вошелъ съ нимъ въ свой кабинетъ. Чрезъ часъ послѣ Секретарь Фризъ вторично ѣздилъ къ Главнокомандующему. Въ 9 вечера Его Величество прогуливался около своего замка. Въ половинѣ 10 имѣлъ онъ ужинъ и въ 12 ретировался къ себѣ. Были во дворцѣ: Господинъ Бржостовскій у Графа Хребтовича, Госпожи Дзяконская и Забѣла у Господина Кицкаго. Выѣзжали изъ дворца: Князь Станиславъ къ Главнокомандующему, свиты мадамъ де Кракови дѣвица Дюшенъ и Докторъ Дункеръ въ театръ, Господа: Кицкій, Вицкій и Понятовскій верхами, Шамбеляны: Вольскій и Стржембашъ пѣшкомъ, прогуливаться.

17 Іюня. Въ 5 часовъ утра мадамъ де Подоли выѣзжала въ Доминиканской монастырь. Въ 10 Его Величество, съ мадамъ де Кракови и Княземъ Станиславомъ и всѣмъ своимъ дворомъ, былъ въ придворной своей церкви при отправленіи мши, и чрезъ полчаса возвратился къ себѣ. Въ $2^1/_2$ по полудни прибылъ во дворецъ Господинъ Главнокомандующій и Господинъ Генералъ-Маіоръ и Кавалеръ Тормасовъ, обѣдали у Короля и уѣхали въ 4 часа. Въ 6 часовъ Его Величество, съ своими сестрицами, въ препровожденіи своего двора и въ обыкновенномъ порядкѣ, выѣзжалъ прогуливаться, заѣзжалъ къ Господину Главнокомандующему, и возвратился къ себѣ въ 8 часовъ. Былъ во дворцѣ Господинъ Брестовскій у Графа Хребтовича. Выѣзжали изъ дворца: утромъ Князь Станиславъ въ городъ, Секретарь Фризъ къ Глав-

нокомандующему, вечеромъ Князь Станиславъ и Шамбелянъ Вольскій и Лесёръ къ Главнокомадующему.

18 Іюня. Въ 10 часовъ утра Его Величество, со своими сестрицами и всѣмъ своимъ дворомъ, былъ на молитвѣ въ придворной церкви. Въ 11 Его Величество, въ препровожденіи двора своего и въ обыкновенномъ порядкѣ, выѣзжалъ прогуливаться на Несвижскую дорогу и, возвратясь чрезъ деревню Каплицу, въ 1, по полудни, входилъ къ своимъ сестрицамъ, и сошелъ отъ нихъ къ обѣду Были во дворцѣ въ 9 утра: Маршалокъ Графъ Платеръ у Короля, въ 10 Генералъ Тормасовъ у Князя Станислава, Госпожа Бржостовская у Графа Хребтовича, Господинъ Еллинскій у Князя Станислава, Господинъ Воловичъ обѣдалъ у Его Величества. По полудни Ректоръ Виленской Академіи, Господинъ Почебутъ, былъ у Короля. Въ 6 мадамъ де Кракови, въ препровожденіи своихъ придворныхъ, ходила прогуливаться къ Базиліянскому монастырю. [50] Выѣзжали изъ дворца: Господа Кицкій, Политанскій, Вицкій, верьхами.

19 Іюня. Секретарь Фризъ, побывавъ у Его Величества, сестрицъ его, и Князя Станислава, поѣхалъ къ Главнокомандующему въ 10 часовъ утра. Въ 12 Его Величество прогуливался около дворца своего, послѣ стола сидѣлъ до 5 часовъ въ аудіенцъ-залѣ, потомъ, получивъ отъ Секретаря Фриза конверты, пошелъ съ оными въ свой кабинетъ. Въ 7 Король, съ своими сестрицами, въ обыкновенномъ порядкѣ, ѣздилъ прогуливаться въ Понѣмунь. По возвращеніи оттуда, посылалъ онъ своего пажа къ Господину Воловичу и Госпожѣ Забѣловой. Были во дворцѣ: утромъ Каштелянъ Маковецкій у Князя Станислава, Господинъ Воловичъ у него же; въ полдень онъ же съ своей женою у мадамъ де Подоли. Обѣдали у Его Величества: Господинъ Почебутъ, Ректоръ Виленской Академіи, и Господинъ Збышевскій. По полудни были: Госпожа Бржостовская у Графа Хребтовича, Госпожа Забѣла у Доктора Беклера, оттуда у мадамъ де Подоли, Земской Судья Господинъ Александровичъ и Крайчій Еллинскій у Господина Политанскаго, Подскарбина Дзяконская у мадамъ де Подоли.

[50] Т. е., Греко-Уніятскому, называвшемуся Коложею и находившемуся за городомъ, на одномъ изъ утесовъ, возвышающихся надъ Нѣманомъ. Нынѣ, на мѣстѣ его, стоятъ однѣ развалины.

Выѣзжали изъ дворца: утромъ Господа Вицкій и Аксамитовскій верхами, Господинъ Кицкій къ Господину Главнокомандующему; по полудни: Князь Станиславъ къ нему же, внучка мадамъ де Подоли, съ своею Гофмейстриною, ѣздили прогуливаться на ту сторону Нѣмена, дѣвица Дюшень съ Докторомъ Дункеромъ были у Доктора Виріона, Господинъ Кицкій и Господинъ Вольскій ходили прогуливаться.

20 Іюня. Обѣдали у Его Величества: Господинъ Воловичъ съ своею супругою. Были во дворцѣ: утромъ Госпожа Ромерова у мадамъ де Подоли, Каштелянъ Маковецкій у Его Величества; по полудни: Госпожа Бржостовская у отца своего, Графа Хребтовича. Въ 7 мадамъ де Кракови, въ препровожденіи своихъ, выѣзжала прогуливаться. Въ 7 часовъ Его Величество, въ обыкновенномъ порядкѣ, выѣзжалъ прогуливаться; возвратился во дворецъ въ 9 вечера.

21 Іюня. Въ 10 часовъ утра Его Величество, въ обыкновенномъ порядкѣ, выѣзжалъ прогуливаться въ Лососну и чрезъ Августово возвратился въ 12, пошелъ къ своимъ сестрицамъ и отъ нихъ къ самому обѣду. Были во дворцѣ: Госпожа Бржостовская у Графа Хребтовича, Господинъ Воловичъ у Короля, и не засталъ Его, Госпожа Забѣла у сестрицъ Его Величества, по полудни Господинъ Еллинскій у Князя Станислава. Въ 7 Его Величество съ сестрицами, въ обыкновенномъ порядкѣ, выѣзжалъ въ Базиліянской монастырь, и чрезъ два часа возвратился. Выѣзжали изъ дворца: Князь Станиславъ въ городъ и Шамбелянъ Вольскій.

22 Іюня. Въ 10 часовъ Его Величество выѣзжалъ верхомъ прогуливаться въ Лососну, возвратился въ 1 по полудни. Были во дворцѣ: Госпожа Бржостовская у Графа Хребтовича, Каштелянъ Маковецкій обѣдалъ у Его Величества, Шамбелянъ Ельскій былъ у Князя Станислава. Выѣзжали изъ дворца: внучка мадамъ де Подоли, съ своею Гофмейстриною, прогуливаться, Князь Станиславъ къ Господину Главнокомандующему, Господинъ Кицкій и Генералъ Понятовскій прогуливаться верхами. Мадамъ де Подоли изволила прогуливаться также.

23 Іюня. Въ 10 часовъ утра Его Величество выѣзжалъ, въ препровожденіи своего двора и обыкновеннаго конвоя, прогуливаться и возвратился въ 12, прошелъ въ покои мадамъ де Кракови и пробылъ тамъ до обѣда. Обѣдали у Его Величества: Рос-

сійской Полковникъ Стакельбергъ и Графъ Огинскій. Утромъ были во дворцѣ: Архитекторъ Сакъ у Князя Станислава, Госпожа Воловичева у мадамъ де Кракови, по полудни: Подкоморжина Графиня Юндзилъ, Подскарбина Дзяконская, Генеральша Муравская и Старостина Бржостовская были у Его Величества и сестрицъ его. Выѣзжали изъ дворца: утромъ Секретать Фризъ къ Главнокомандующему, Шамбелянъ Вольскій прогуливаться. Въ 8 мадамъ де Кракови изволила выѣзжать прогуливаться въ городъ. Вечеромъ былъ отъ Главнокомандующаго ординарецъ съ письмомъ къ Секретарю Фризу.

24 Іюня. Въ 10 часовъ утра Его Величество, со всей своей фамиліей и со всѣмъ своимъ дворомъ, былъ на молитвѣ въ придворной церкви, и возвратился къ себѣ чрезъ полчаса. Въ 12 Его Величество вышелъ изъ своего кабинета и посѣщалъ своихъ сестрицъ, отъ которыхъ сошелъ прямо къ обѣду. Обѣдали у Его Величества: Господинъ Главнокомандующій и Генералъ Шидловскій и уѣхали въ 5 часовъ. Въ 6 Королевскія сестрицы выѣзжажали изъ дворца и возвратились чрезъ часъ. Въ 7 Его Величество съ мадамъ де Кракови, въ обыкновенномъ порядкѣ, выѣзжалъ прогуливаться за Нѣменъ въ фольваркъ Каролина, [51] возвратился въ 10. Были во дворцѣ: утромъ Генералъ Шидловскій, прибывшій сими днями изъ С.-Петербурга, у Короля и Князя Станислава, Господинъ Маковецкій у Короля, Госпожа Бржостовская у Канцлера Графа Хребтовича. Выѣзжали изъ дворца: утромъ Секретарь Фризъ къ Господину Главнокомандующему, по полудни Шамбелянъ Вольскій и Князь Станиславъ къ Главнокомандующему.

25 Іюня. Въ 10 утра Его Величество прогуливался верхомъ къ Понѣмуни, черезъ два часа возвратился, въ 6 вечера прогуливался онъ верхомъ около замка и заходилъ къ Конюшему Политанскому, который находится болѣнъ. Въ 9 посылалъ пажа своего къ Господину Нарбуту пригласить его на завтрѣе на обѣдъ. Были во дворцѣ: утромъ Госпожа Бржостовская, у отца своего, Графа Хребтовича, Генералъ Шидловскій у Господина Кицкаго. Обѣдали у Его Величества: Подскарбина Дзяконская, Генеральша Муравская и Староста Нарвовскій, которой цѣлой

---

[51] Въ 7 верстахъ отъ Гродна.

день проводилъ у мадамъ де Кракови. Выѣзжали изъ дворца: Господинъ Кицкій и Господинъ Збышевскій прогуливаться.

26 Іюня. Въ 10 часовъ утра Король, въ препровожденіи своего двора, въ обыкновенномъ порядкѣ, выѣзжалъ прогуливаться по Скидельской дорогѣ; возвращался оттуда въ 1 часу, посѣщалъ своего Конюшаго, Полковника Политанскаго. Обѣдали у Его Величества: Госпожа Брестовская, которая прежде была у Канцлера Графа Хребтовича и у мадамъ де Подоли, и Госпожа Нарбутъ. Были во дворцѣ: утромъ Господинъ Савицкій у Графа Хребтовича, по полудни Шамбелянъ Бадини у Князя Станислава, Ректоръ Виленской Академіи, Господинъ Почебутъ, у Короля. Въ 6 часовъ вечера Его Величество, съ сестрицею своею, мадамъ де Подоли, въ обыкновенномъ порядкѣ выѣзжалъ прогуливаться въ Лососну, въ возвратился 9. Въ томъ же часу мадамъ де Кракови, съ своею фрейлиною, также выѣзжала прогуливаться въ городъ. Выѣзжали изъ дворца: утромъ Секретарь Фризъ къ Главнокомандующему, Господинъ Кицкій и Шамбелянъ Вольскій, прогуливаться. Прибыла изъ Бѣлостока Шамбелянова Вольска.

27 Іюня. Въ 9 часовъ были у мадамъ де Подоли двое духовныхъ изъ Доминиканскаго монастыря. Въ 10 мадамъ де Кракови была на молитвѣ въ придворной церкви. Въ 1 по полудни Его Величество посѣщалъ своихъ сестрицъ и отъ нихъ сошелъ прямо къ обѣду. Обѣдалъ у Его Величества Господинъ Почебутъ, Ректоръ Виленской Академіи. Въ 7 по полудни Его Величество, въ препровожденіи своего двора, въ обыкновенномъ порядкѣ, прогуливался по Несвижской дорогѣ до деревни Каплицы, возвратился въ 9 и до самой коляціи проводилъ время на набережномъ терасѣ. Были во дворцѣ: утромъ Госпожа Бржостовская у Графа Хребтовича, по полудни Господинъ Шидловскій у Господина Кицкаго. Выѣзжалъ изъ дворца утромъ Секретарь Фризъ къ Главнокомандующему. Прибылъ изъ околичностей Бреста Графъ Грабовскій, Адъютантъ Его Величества. Отъѣхалъ изъ Гродна въ Бѣлостокъ Докторъ Беклеръ.

28 Іюня. Его Величество, съ сестрицами своими, въ 6 часовъ по полудни, былъ у Главнокомандующаго и поздравлялъ его со днемъ восшествія на престолъ Императрицы Всероссійской. По случаю сего и открытія Верховнаго Литовскаго Правленія, [52] былъ

[52] Состоящаго изъ 4-хъ отдѣленій: 1) Казеннаго, 2) Уголовнаго, 3) Гражданска-

балъ и иллюминація у Господина Главнокомандующаго; Его Величество пробылъ на ономъ до 8 часовъ. Весь дворъ Его Величества былъ по утру съ поздравленіемъ у Главнокомандующаго; изъ онаго, по приглашенію его, обѣдали: Князь Станиславъ, Великій Коронный Конюшій Кицкій и Канцлеръ Графъ Хребтовичъ, Генералъ Понятовскій и Шамбелянъ Вольскій. Прочіе же приглашены на балъ и на ономъ были. Обѣдалъ у Его Величества Господинъ Збышевскій. Въ 7 по полудни были у Секретаря Пузыны Господа Андрейковичъ и Суходольскій. Отъѣхала изъ Гродна въ Бѣлостокъ Шамбелянова Вольска.

29 Іюня. Въ 10 часовъ Его Величество, съ своими придворными, въ обыкновенномъ порядкѣ, выѣзжалъ прогуливаться въ Лососну, былъ въ лагерѣ 4 Эстляндскаго баталіона, и удостоилъ своимъ посѣщеніемъ супругу Подполковника того баталіона, Господина Фона; возвратился въ 1 по полудни. Были во дворцѣ: утромъ Госпожа Лохницкая у Мадамъ де Кракови, Госпожа Бржостовская у Графа Хребтовича. Обѣдали у Его Величества: Генералъ-Маіоры Князь Циціановъ и Господинъ Бенингсонъ; по полудни были во дворцѣ: Генералъ Шидловскій у Короля, Виленской Ректоръ, Господинъ Почебутъ, у него же. Въ 8 часовъ вечера выѣзжала сестрица Его Величества, мадамъ де Кракови. Выѣзжали изъ дворца: утромъ Князь Станиславъ прогуливаться, Секретарь Фризъ къ Главнокомандующему, Господинъ Кицкій, Шамбелянъ Вольскій, Господинъ Стржембашъ, Генералъ Понятовскій, Господинъ Вицкій, Господинъ Аксамитовскій, къ нему же на балъ.

30 Іюня. Въ 1-мъ по полудни Его Величество выходилъ изъ своего кабинета и былъ у своихъ сестрицъ. Были во дворцѣ: утромъ Каштелянъ Ледуховскій у Короля, отъ него же у Господина Кицкаго, Маіоръ Роденъ, съ старшимъ своимъ сыномъ, у Князя Станислава, Госпожа Бѣлякова [53] у Короля, Госпожа Ге-

---

го и 4) Економическаго. Прежніе (Польскіе) Суды оставались, какъ равно и Литовскій Трибуналъ, но рѣшенія его могли быть кассированы Верховнымъ Правленіемъ, находившимся въ Гроднѣ.

[53] Жена Генерала Польскихъ войскъ (надъ Татарами) Бѣляка. Бѣлякова, Забѣлова, Вольска и проч.—Польское окончаніе женскихъ фамилій, постоянно принимающее прилагательную форму. Какъ бы въ противоположность фамиліи Бѣлякъ

неральша Муравская у мадамъ де Кракови. Обѣдали у Его Величества: Каштелянъ Ледуховскій, Ректоръ Виленской Академіи, Господинъ Почебутъ, Докторъ Лангемейеръ, Графиня Гильзенъ и Крайчина Грабовская. По полудни пріѣзжали во дворецъ: Маіоръ Роде съ сыновьями былъ у Короля, Графъ Огинскій и Генералъ Шидловскій у него же, вторично Господинъ Ледуховскій. Въ 7 выѣзжали: сначала мадамъ де Подоли, а потомъ мадамъ де Кракови, въ городъ. Его Величество, послѣ коляціи, проводилъ вечеръ съ своими сестрицами на набережномъ терасу до 12 часовъ.

Мѣсяцъ Іюль.

1-го числа, въ 6 часовъ по полудни, Его Величество, въ препровожденіи своихъ придворныхъ, съ обыкновеннымъ конвоемъ драгунъ, ѣздилъ прогуливаться къ деревни Кульбакамъ; [54] чрезъ два часа возвратился. Обѣдали у него: Его Сіятельство, Главнокомандующій, и Графъ Безбородко; послѣ обѣда представленъ былъ Главнокомандующимъ къ Королю Полковникъ и Кавалеръ Сакенъ. Какъ по утру, такъ и послѣ обѣда, пріѣзжали къ Королю и къ другимъ, тамо живущимъ: Каштеляны Ледуховскій и Воловичъ, Господинъ Шидловскій, Княгиня Воронецкая была у мадамъ де Подоли. Канцлеръ Графъ Хребтовичъ, Шамбелянъ Вольскій и Адъютантъ Королевской, Грабовскій, были у Главнокомандующаго на ассамблеи и въ 12 часовъ ночи во дворецъ возвратилися.

Іюля 2. Его Величество, по причинѣ слабости здоровья своего, принималъ лѣкарство и къ столу не выходилъ, а имѣлъ оный въ своемъ кабинетѣ; передъ вечеромъ, одѣвшись, выходилъ на терасъ и нѣсколько времени прогуливался. Пріѣзжали во дворецъ: Господа Райскій, Забѣла, Каштелянъ Воловичъ, Зажерскій и Шамбелянъ Бадини, кои у Его Величества и у другихъ были.

былъ у Поляковъ въ то же время и Генералъ Червякъ, также начальствовавшій надъ Татарами. Литовскіе Татары, за исключеніемъ Мусульманства, были чистыми Поляками. Послѣ паденія Польши, Польскія войска, находившіяся въ краѣ, присягнули на вѣрность Императрицѣ, за исключеніемъ, конечно, эмигрантовъ, число которыхъ было немало.

[54] Шляхетская околица, въ 2-хъ верстахъ отъ Гродна. Именемъ околицъ назывались (и теперь называются) поселенія, въ которыхъ живетъ Шляхта.

Вечеромъ обѣ Королевскія сестрицы проѣзжалися. Сего числа посланъ отъ Пристава пашпортъ къ Господину Кицкому, по требованію его, для дворцоваго Королевскаго служителя, Пережевскаго, до Варшавы и обратно до Гродна. Съ казначеемъ, Порутчикомъ Розенбаумомъ, Приставъ послалъ Господину Кицкому деньги, принадлежащія на содержаніе Королевское и двора его за прошедшій Іюнь мѣсяцъ.

Іюля 3. Его Величество по утру въ 10 часовъ посѣщалъ обѣихъ своихъ сестрицъ, обѣдалъ за большимъ столомъ съ ними и съ прочими своего двора. Приходилъ, бывшій Господина Огинскаго Комиссаръ, Малбергъ къ Королевскому Секретарю Пузынѣ. Умершаго Генерала Польской службы жена Бѣлякова, съ тремя своими сыновьями, была у Его Величества. Канцлеръ Графъ Хребтовичъ, Князь Станиславъ Понятовскій и Шамбелянъ Стржембашъ, выѣзжали въ городъ. Изъ купечества извѣстныхъ и сумнѣнія не имѣющихъ здѣшныхъ Жидовъ двое приходили во дворецъ съ товарами къ Госпожѣ Краковской. Съ пашпортомъ отъ Пристава, Графа Безбородка, отъѣхалъ въ Варшаву Королевской камердинеръ Руссо. Секретарь Фризъ былъ посыланъ къ Его Сіятельству, Князю Николаю Васильевичу.

Іюля 4. Его Величество предъ обѣдомъ прогуливался въ Старой замокъ и былъ у Шамбеляна Трембецкаго; послѣ обѣда проѣзжался, въ обыкновенномъ препровожденіи Пристава, своихъ придворныхъ и нашего конвоя при двухъ Офицерахъ, за рѣку Нѣменъ и предъ сумерками возвратился во дворецъ, сидѣлъ на балконѣ со своими сестрицами, Княземъ Станиславомъ и прочими своего двора и въ 9 часовъ съ половиною пошелъ къ ужину, за коимъ долго сидѣлъ. Въ 12 часу легъ опочивать. Въ сей день во дворецъ пріѣзжали въ разные часы: Господинъ Воловичъ, Госпожа Бржостовская, которая ужинала у Короля, Господинъ Пузына, Бригадиръ при Генеральномъ Штабѣ Господинъ Медеръ, Крайчій Грабовскій и Господинъ Збышевскій. Изъ дворца выѣхали въ С.-Петербургъ свиты Князя Станислава нѣсколько человѣкъ и его кухня.

Іюля 5. Сырость погоды и ненастье удержали Его Величество во весь день не выѣзжать, по обыкновенію его прогуливаться всякой день. Господинъ Подскарбій Дзяконскій съ сыномъ

обѣдалъ у Короля. Въ сей день отъѣхалъ въ С.-Петербургъ Князь Станиславъ Понятовскій. [55]

Іюля 6. По утру были во дворцѣ Ректоръ Виленскій, Почебутъ, и два Доминикана. Обѣдали у Короля: Его Сіятельство, Главнокомандующій, и Генералъ-Порутчикъ Графъ Безбородко. Послѣ обѣда выѣзжалъ Его Величество съ обѣими своими сестрицами и съ Госпожею Бржостовскою, въ обыкновенномъ препровожденіи свиты его придворныхъ и нашего конвоя, за рѣку Нѣменъ, и, будучи въ Лососнѣ, заходилъ въ лагерь егерскаго баталіона Подполковника Фона, у котораго въ станціи были. Прибылъ изъ Прускаго кордону Архитекторъ Сакъ и Скульпторъ Ле-Брюнъ.

Іюля 7. Былъ у Короля Подскарбій Дзяконскій. Королевскія обѣ сестрицѣ проѣзжалися за городъ. Послѣ обѣда Его Величество ѣздилъ верхомъ. Секретарь Фризъ дважды былъ посыланъ отъ Короля къ Главнокомандующему.

Іюля 8. Его Величество и весь дворъ его были въ придворной церкви. Обѣдали у него: Его Сіятельство, Главнокомандующій, Графъ Безбородко, Шефъ Стреинскій и Господинъ Збышевскій. Въ 6 часу послѣ обѣда Его Величество проѣзжался. Въ вечеру ѣздили изъ дворца: Графъ Хребтовичъ, Шамбелянъ Вольскій, Адъютантъ Грабовскій и Докторъ Беклеръ, на ассамблею къ Главнокомандующему.

Іюля 9. Госпожа Брестовская пріѣзжала во дворецъ къ отцу своему, Канцлеру Хребтовичу, и обѣдала у Его Величества. Обѣдали такъ же тамъ Подскарбій Дзяконскій съ женою. Госпожа Замойская проѣзжалась съ внукомъ въ Понѣмунь; Конюшій же Кицкій и Полковникъ Киркоръ проѣзжалися верхомъ за Нѣменъ; Шамбелянъ Вольскій ходилъ въ городъ.

Іюля 10. Его Величество, прежде времени обыкновеннаго къ обѣду, не выходилъ изъ своего кабинета, гдѣ занимался чтеніемъ и писаніемъ. Въ обѣдъ стороннихъ никого не было изъ гостей.

---

[55] Въ Гродно онъ болѣе не возвращался. При Императорѣ Павлѣ, ласкавшемъ Поляковъ, онъ игралъ въ Петербургѣ значительную роль, бомбардировалъ дядю письмами о Петербургскихъ новостяхъ, и встрѣтилъ его потомъ, въ нашей сѣверной столицѣ.

Послѣ обѣда Его Величество долго оставался въ залѣ, занимаясь разговорами, и потомъ ретировался во внутренніе свои покои. Въ 7 часу проѣзжался верхомъ и, возвратясь, ужиналъ на балконѣ. Въ 12 часу легъ опочивать.

Іюля 11. Утромъ проѣзжался Его Величество въ Понѣмунь. Мадамъ де Кракови ѣздила въ Базиліянскій костёлъ. Каштелянъ Воловичъ съ женою былъ у Короля и сестрицъ его. Подкоморжина Бумаранова обѣдала у Короля. Отъѣхалъ въ Варшаву Подконюшій Аксамитовскій.

Іюля 12. Утромъ проѣзжался за Нѣменъ Его Величество, Главнокомандующій кушалъ у него. Въ вечеру пріѣхалъ изъ Люблина Великій Маршалъ Коронный Графъ Мнишекъ и супруга его. [56] Его Величество, встрѣтивъ ихъ въ большой залѣ, пошелъ съ ними въ покои, для нихъ назначенные, гдѣ до ужина оставался.

Іюля 13. Графъ Мнишекъ ѣздилъ въ 12 часу къ Главнокомандующему, возвратился во дворецъ къ обѣду. Обѣдали у Короля: Каштелянъ Воловичъ съ женою и дочерьми ея, Матусевичевыми, Шамбелянъ Гусаржевскій; Ректоръ Почебутъ былъ предъ обѣдомъ. Пріѣхалъ изъ Варшавы Королевской Библіотекарь Лапинскій. Его Величество и сестра его, мадамъ де Кракови, съ нѣсколькими придворными, въ обыкновенномъ препровожденіи нашего конвоя, проѣзжались, по дорогѣ къ Понѣмуни. Графиня Мнишекъ ѣздила къ Ея Сіятельству, Княгинѣ Наталіи Александровнѣ Репниной.

Іюля 14. Его Величество ходилъ въ придворную церковь. Ректоръ Почебутъ и Польской Генералъ Стреинскій во дворцѣ обѣдали. Ихъ Сіятельства, Княгини Наталія Александровна Репнина и Александра Николаевна Волконская, пріѣзжали во дворецъ къ Графинѣ Мнишекъ, во взаимство сдѣланнаго имъ отъ нея визита. Пріѣхалъ такъ же къ Графу и Графинѣ Мнишекъ Главнокомандующій, и съ нимъ Князь Лобановъ-Ростовскій. Вечеромъ Король прохаживался по терасу и въ Старой замокъ. Прибылъ изъ Варшавы Королевской почты Комисаръ Серторіусъ и тотчасъ пошелъ къ Королю.

Іюля 15. Въ 10 часовъ Его Величество, съ своими родными

---

[56] Племянница Короля, дочь Графини Замойской.

и нѣкоторыми его придворными, былъ въ придворной церкви. Въ исходѣ втораго часа прибылъ Главнокомандующій и кушалъ у Короля. Обѣдали такъ же Генералы Графъ Безбородко и Бенингсонъ. Госпожа Бржостовская пріѣзжала къ отцу своему, Графу Хребтовичу. Мадамъ де Подоли и дочь ея, Графиня Мнишекъ, выѣзжали предъ вечеромъ и были у Главнокомандующаго. Графъ Мнишекъ, Канцлеръ Хребтовичъ съ сыномъ своимъ и Шамбелянъ Вольскій, были тамъ на ассамблеи.

Іюля 16. Утромъ Его Величество и до обѣда не выходилъ изъ своихъ внутреннихъ покоевъ; желающіе его видѣть допускаемы были по докладу дежурныхъ, или Шамбеляна, или Адъютанта. Шамбелянъ Гусаржевскій былъ у Его Величества и чрезъ два часа отъ него вышелъ. Каштелянъ Маковецкій и Господинъ Мокинскій были у Графа Мнишека. Конторщикъ банкира Мейснера приходилъ къ Господину Кицкому и къ Рыксу. Генералъ Стреинскій и Господинъ Быковскій были по утру у Короля, и первый потомъ пріѣхалъ къ обѣду. Флигель-Адъютантъ Князь Гагаринъ [57] отъ Главнокомандующаго привозилъ письмо во дворецъ къ Графу Мнишекъ. Господинъ Суходольскій былъ у Секретаря Пузыны. Король проѣзжался послѣ обѣда по Скидельской дорогѣ; посылалъ пажа къ Кснёдву Юревичу во время гулянья, при возвращеніи же домой, принялъ просьбу отъ Госпожи Калиновской. Госпожа Кіянская нѣсколько разъ сегодня пріѣзжала къ мадамъ до Кракови. Отъѣхалъ въ Митаву Господинъ Серторіусъ.

Іюля 17. По причинѣ отсутствія дежурившаго во дворцѣ, въ мѣсто Штабъ-Офицера Капитана Трейдена, принялъ его дежурство суточное, по приказанію Пристава, Флигель-Адъютантъ Главнокомандующаго, Князь Гагаринъ. Его Величество въ 10 часовъ утра проѣзжался за Нѣменъ. Обѣдали у него: Господа Подскарбій Дзяконскій и Збышевскій. Графиня Мнишекъ и мадамъ де Кракови проѣзжалися за городъ.

Іюля 18. По утру пріѣзжали во дворецъ: Господа Стреинскій и Ректоръ Виленской, Почебутъ, къ Королю, а Госпожа Дзяконская къ мадамъ де Кракови. Обѣдала у Его Величества Гос-

---

[57] Состоявшій при Князѣ Реиинѣ и пользовавшійся его расположеніемъ, какъ ясно видно изъ переписки Князя съ Гр. Н. И. Салтыковымъ, Предсѣдателемъ Военной Коммиссіи.

пожа Хоронжина Нарбутова съ дочерью. [58] Король вечеромъ проѣзжался къ деревни Грандичамъ. Отъѣхалъ изъ Гродна въ свои помѣстья Канцлеръ Хребтовичъ съ сыномъ своимъ.

Іюля 19. По утру Его Величество проѣзжаться изволилъ за Нѣменъ и въ 12 часовъ возвратился. Господа: Ректоръ Почебутъ и Ожаровскій были у Короля. Прибылъ изъ Варшавы Королевской камердинеръ Руссо. Въ сей день кушалъ у Короля Главнокомандующій и Приставъ Графъ Безбородко. Отъѣхалъ въ С.-Петербургъ Скульпторъ Лебрюнъ.

Іюля 20. Утромъ въ разные часы были у Короля: Господа Дзяконскій, Маковецкій, Савицкій и Ейсмундъ. Графиня Мнишекъ отъѣзжала изъ дворца. Обѣдалъ Его Величество въ обыкновенное время, и послѣ обѣда ретировался въ свой кабинетъ. Въ 6 часовъ ѣздилъ верхомъ по дорогѣ Виленской и къ деревнѣ Грандичамъ. Возвращаясь въ вечеру въ городъ, повстрѣчался съ Главнокомандующимъ, изъ лагеря ѣхавшимъ. Въ 11 часу послѣ ужина съ своими нѣкоторыми придворными занимался разсматриваніемъ луннаго затмѣнія. Легъ опочивать въ 12 часовъ.

Іюля 21. Въ 12 часу прогуливался Его Величество около замка. Отъѣхали въ Варшаву свиты Королевской Порутчикъ Сагатинскій и Подчашій Луцинскій, съ пашпортами, данными имъ отъ Пристава.

Іюля 22. Въ воскресной день Его Величество въ 10 часовъ ходилъ къ обѣдни. Посылалъ Шамбеляна Вольскаго къ Главнокомандующему поздравить съ днемъ торжественнымъ тезоимитства Ея Высочества, Великой Княгини Маріи Ѳеодоровны. Выѣзжали изъ дворца къ Его Сіятельству, Главнокомандующему, съ поздравленіемъ праздника: Графъ Мнишекъ, Адъютантъ Грабовскій и Полковникъ Вицкій, кои и были приглашены къ обѣденому столу у Его Сіятельства. Оные были такъ же въ вечеру на ассамблеи. Сей вечеръ была у Ихъ Сіятельствъ Графиня Мнишекъ.

Іюля 23. Его Величество, по причинѣ слабости своего здоровья, не выходилъ къ столу, принималъ лѣкарство и кушалъ въ своемъ кабинетѣ. Во дворцѣ и у Короля былъ Рейферендарій

---

[58] По мнѣнію тогдашнихъ Русскихъ современниковъ, жившихъ въ Гроднѣ, семейство это отличалось не совсѣмъ чистыми нравами: мать подозрѣвали въ связи съ Графомъ Безбородкомъ, дочь же, будто бы, имѣла вліяніе на самаго Главнокомандующаго.

Господинъ Тышкевичъ и обѣдалъ. Приходилъ Полковникъ Фризель къ мадамъ де Кракови. Вечеромъ Его Величество прохаживался по набережной своего дворца. Привезена изъ Варшавы остальная часть ливреи для Королевскихъ служителей.

Іюля 24. Обѣдали у Его Величества: Референдарій Тышкевичъ и Бискупъ Жмудскій, Ядровичъ. Предъ вечеромъ проѣзжался Его Величество къ Понѣмуни. Мадамъ де Подоли и Графиня Мнишекъ тоже проѣзжались. Господа: Кицкій, Докторъ Дункеръ, Пузына и Вицкій, ѣздили верхомъ за Нѣменъ. Выѣхалъ изъ свиты мадамъ де Кракови Господинъ Ленскій съ пашпортомъ, ему даннымъ отъ Пристава.

Іюля 25. Мадамъ де Подоли выѣзжала въ 10 часу въ Базиліянскій монастырь. Бискупъ Ядровичъ былъ у Его Величества. Пріѣхалъ изъ Варшавы Польской Генералъ Пломбекъ, былъ у Его Величества и помѣщенъ въ Старомъ замкѣ; того жъ дня былъ у Главнокомандующаго.

Іюля 26. Его Величество былъ въ придворной церкви на молитвѣ, и послѣ ходилъ по набережной своего дворца. Его Сіятельство, Главнокомандующій, Генералъ-Поручикъ Графъ Безбородко и Господинъ Пломбекъ обѣдали у Его Величества. Къ вечеру Король прогуливаться изволилъ верхомъ. Пріѣзжали во дворецъ: Господинъ Суходольскій и сынъ Дзяконскаго.

Іюля 27. По приглашенію Графинею Мнишекъ въ сей день на кофій Ихъ Сіятельствъ, Главнокомандующаго и супругу его, съ фамиліею, пріѣхали они во дворецъ въ 6 часовъ, гдѣ на площади, украшенной оранжерейными деревьями, взятыми для случая изъ Гродницкой оранжереи, представляющими садовую алею, которую располагала сама Ея Сіятельство, Графиня Мнишекъ, угощаемы были Ихъ Сіятельства разными фруктами и кофіемъ; тутъ находился и самъ Его Величество. Потомъ прошены были Ихъ Сіятельства въ залу, гдѣ пріѣхавшій изъ Италіи славной музыкантъ, Джордини, давалъ концертъ. Къ сему празднику приглашены были отъ Графини Мнишекъ сверхъ того: Госпожа Подскарбина Дзяконская и Флигель-Адъютантъ Князь Гагаринъ, такъ же прошенъ былъ Графъ Безбородко и Генералъ Польской Пломбекъ.

Іюля 28. Во дворцѣ былъ у Короля Графъ Роткирхъ съ сыномъ и обѣдалъ. Господинъ Джордини былъ такъ же тамо. Его Величество проѣзжался верхомъ съ обыкновенными свиты его и

нашимъ конвоемъ. Шамбелянъ Вольской и Адъютантъ Грабовской ѣздили въ деревни Подкоморжаго Юндзила и возвратились въ вечеру.

Іюля 29. Его Величество ходилъ въ церковь. Обѣдали у Короля: Его Сіятельство, Главнокомандующій, Графъ Безбородко и Генералъ Польской Пломбекъ. Послѣ обѣда пріѣхала Ея Сіятельство, супруга Главнокомандующаго, и съ нею Графиня Панина, [59] которую въ первой разъ Ея Сіятельство представила Его Величеству. Отъѣхалъ въ Варшаву Шамбелянъ Лесперъ и балетмейстеръ Курцъ.

Іюля 30. Его Величество проѣзжался верхомъ по дорогѣ Скидельской и возвратился въ 1 часу по полудни. До обѣденнаго стола препровождалъ время у мадамъ де Кракови. Послѣ обѣда былъ долгое время на набережномъ терасѣ. Во дворецъ пріѣзжали: Господинъ Залѣскій къ Господину Кицкому, Подскарбина Дзяконская къ мадамъ де Кракови, Господинъ Мнишекъ и Суходольскій были у Короля. Послѣ обѣда пріѣзжали во дворецъ къ сестрамъ Его Величества и къ Графинѣ Мнишекъ Ихъ Сіятельства, Княгиня Александра Николавна Волконская и Графиня Панина, и уѣхали черезъ часъ. Сестрицы Его Величества выѣзжали въ Лососну, а Графъ Мнишекъ съ женою въ городъ. Пріѣхала изъ Варшавы жена Доктора Беклера.

Іюля 31. Выѣзжали въ городъ: Шамбелянъ Трембецкій къ Подскарбію Дзяконскому, Господинъ Вольскій и Графъ Мнишекъ въ городъ.

Мѣсяцъ Августъ.

1-го числа. Отъ Пристава Графа Безбородка съ Казначеемъ Порутчикомъ Розенбаумомъ посланы на содержаніе стола жалованье, фуражъ и прочіе расходы по двору Королевскому, вся полная сумма съ тѣмъ, что всѣ расходы и пріуготовленіе по двору зависѣть будутъ отъ ихъ распоряженія, на которую сумму въ пріемѣ отъ Великого Конюшаго Кицкаго расписка взята. День сей весь Его Величество упражнялся въ своемъ кабинетѣ и выѣзда его не было изъ замка.

Августа 2. Его Сіятельство, Главнокомандующій, съ супру-

---

[59] Софья Владимировна, урожденная Орлова.

гою и дочерью, Княгинею Волконскою, съ Графомъ Панинымъ и его супругою, званы были обѣдать къ Королю и въ исходѣ 2 часа прибыли, а въ 4 часа выѣхали изъ дворца. Его Величество проѣзжался въ Лососну послѣ обѣда въ 6 часовъ. Съ нимъ ѣздили Графъ и Графиня Мнишекъ.

Августа 3. Офицеръ отъ улановъ бывшихъ Польскихъ войскъ, Иваницкій, приходилъ къ Королю. Его Величество проѣзжался за Нѣменъ. Возвратился изъ Варшавы Подконюшій Аксамитовскій. Господинъ Жардини пріѣзжалъ къ Рыксу.

Августа 4. Мадамъ де Кракови ѣздила въ Доминиканской клясторъ. Его Величество проѣзжался верхомъ по утру, а въ вечеру въ 7 часовъ ѣздилъ къ Главнокомандующему, и въ 9 часу возвратился съ обѣими своими сестрами и Графинею Мнишекъ.

Августа 5. Отъѣхали въ Зельву на ярманку Великій Конюшій Кицкій, Адъютантъ Збышевскій, Полковникъ Политанскій и Подконюшій Аксамитавскій. Его Сіятельство, Главнокомандующій, обѣдалъ у Его Величества. Вечеромъ Король проѣзжался по дорогѣ въ Понѣмунь. Въ вечеру Графъ и Графиня Мнишекъ, Шамбелянъ Вольскій и Адъютантъ Грабовскій ѣздили къ Главнокомандующему на ассамблею.

Августа 6. По утру Его Величество проѣзжался верхомъ за Нѣменъ въ деревню близко Августова, принадлежащую Каштеляну Воловичу. Подполковникъ Гессъ подалъ письмо и посылку Королю отъ брата его изъ Варшавы. Шамбелянъ Вольскій ѣздилъ отъ Короля къ Главнокомандующему. Его Величество послѣ обѣда, по обыкновенію своему, до 6 часовъ упражнялся въ чтеніи и письмѣ, потомъ проѣзжался верхомъ по дорогѣ Скидельской, и въ 9 часу вечера возвратился.

Августа 7. Его Величество по утру проѣзжался верхомъ по дорогѣ къ деревни Грандичи, мимоѣздомъ посылалъ пажа освѣдомиться о здоровьѣ Пристава, Графа Безбородка, къ обѣду въ 1 часъ съ половиною возвратился въ каретѣ. Отъ Его Сіятельства, Главнокомандующаго, съ Офицеромъ присланы письма къ Королю и прочимъ его придворнымъ. За пашпортомъ, даннымъ отъ Пристава, Графа Безбородка, выѣхалъ въ Бѣлой Стокъ Королевской лакей, Василій Енцевичъ.

Августа 8. Въ 10 часовъ предъ обѣдомъ Его Величество, съ обыкновеннымъ препровожденіемъ его придворныхъ, нашего

конвоя и дежурнаго Штабъ-Офицера, прогуливаться изволилъ за Нѣменъ по дорогѣ Скидельской, и возвратился по берегу Нѣмена. Послѣ обѣда проѣзжался съ обѣими своими сестрицами и Графинею Мнишекъ за Нѣменъ. Главнокомандующій кушалъ у Его Величества. Офицеръ отъ бывшихъ улановъ, Иваницкій, приходилъ къ Королю. Къ Секретарю Пузынѣ приходилъ Господинъ Суходольскій. Полковникъ Вицкій, Адъютантъ Грабовскій и Понятовскій ѣздили на смотръ полку Псковскаго пѣхотнаго.

Августа 10. Возвратились изъ Зельвы свиты Королевской Великій Конюшій Кицкій, Адъютантъ Киркоръ и Збышевскій, Полковникъ Политанскій и Подконюшій Аксамитовскій.

Августа 11. Его Величество, въ обыкновенномъ препровожденіи, проѣзжался въ Лососну, а возвратясь, заходилъ къ Господину Кицкому и до обѣда сидѣлъ у мадамъ де Кракови. Посылань былъ пажъ къ Графу Панину и возвратился отъ него съ конвертомъ. Прибылъ изъ Митавы Господинъ Серторіусъ.

Августа 12. Въ Воскресенье ходилъ Его Величество въ придворную церковь. Его Сіятельство, Главнокомандующій, кушалъ у Короля и въ 6 часовъ уѣхалъ, предваривъ Его Величество о своемъ отъѣздѣ на нѣсколько времени изъ Гродна. Послѣ обѣда проѣзжался Его Величество по дорогѣ въ Скидель. Въ вечеру изъ дворца ѣздили къ Главнокомандующему на ассамблею Графъ и Графиня Мнишекъ: Былъ у Его Величества Итальянецъ Пинети.

Августа 13. Съ отъѣзда Его Сіятельства, Главнокомандующаго, изъ Гродна въ Ковно, послѣ обѣда ѣздили обѣ сестрицы Королевскія и Графиня Мнишекъ къ Ея Сіятельству, супругѣ Главнокомандующаго. Его Величество вечеромъ проѣзжался за Нѣменъ. Привезены въ вечеру Приставомъ письма къ Королю и прочимъ его придворнымъ.

Августа 14. Его Величество до обѣда не выѣзжалъ никуда; предъ обѣдомъ ходилъ по терасу. Обѣдали у него: Графъ Стакельбергъ; послѣ обѣда занимался Король чтеніемъ газетъ. Въ 5 часовъ по полудни пріѣзжали Ихъ Сіятельства, Княгини, супруга Главнокомандующаго и Волконская, къ мадамъ де Подоли. Въ 7 часу вечеромъ Король проѣзжался верхомъ въ Понѣмунь. Отъ Пристава посланы два письма къ Его Величеству, присланныя изъ деревни отъ Главнокомандующаго. По требованію Его Величества, приказалъ пропустить Приставъ во дворецъ Шляхтича

Занкевича, въ коемъ ни какого не находилось подозрѣнія. Отъѣхалъ въ Варшаву Господинъ Серторіусъ съ пашпортомъ Графа Безбородка.

Августа 15. Отъѣхали въ Варшаву: Графъ Мнишекъ и Генералъ Плонкетъ. Его Величество посылалъ Секретаря Фриза къ Ея Сіятельству, Княгинѣ Наталіи Александровнѣ Репниной, съ портретомъ покойнаго Графа Никиты Ивановича Панина, и просить на Воскресенье, т. е., 19 числа, кушать. Проѣзжаться изволилъ верхомъ въ деревню Кохановo, за полторы мили, и возвратился въ исходѣ 2 часа. Обѣдали во дворцѣ: Збышевскій и Итальянецъ Пинети, который послѣ обѣда показывалъ нѣкоторыя штуки своего искуства. Отъ Пристава посланы полученныя на имя Короля и его нѣкоторыхъ придворныхъ письма къ Секретарю Фризу.

Августа 16. Его Величество, въ обыкновенномъ препровожденіи, выѣзжалъ за Нѣмень въ Лососну; возвратясь оттуда, навѣщалъ больнаго Адъютанта своего, Грабовскаго, потомъ прошелъ въ Старой замокъ, гдѣ осматривалъ назначенную залу для показанія разныхъ искусныхъ штукъ Итальянцемъ Пинетіемъ, кототорому и дозволено было отъ Короля переѣхать въ оной замокъ. Генералъ-Маіоръ Графъ Панинъ обѣдалъ у Его Величества. Въ вечеру вторично ѣздилъ Его Величество въ Лососну въ каретѣ, и возвратился въ 9 часу.

Августа 17. Полковникъ Политанскій ѣздилъ въ свою деревню, и возвратился того жъ дня въ ночи. Его Величество проѣзжался верхомъ, и чрезъ два часа возвратился. Обѣдалъ во дворцѣ Господинъ Збышевскій. Посыланъ былъ отъ Короля пажъ просить обѣдать Графовъ Румянцова и Панина на Воскресенье. Прибылъ изъ Варшавы Шамбелянъ и смотритель Економіи Козелицкой Запольской, съ которымъ получено много писемъ, какъ Его Величествомъ, такъ и другими придворными. Подчашій Люцинскій и каретникъ Варшавскій Дангель пріѣхали такъ же оттоль.

Августа 18. Былъ во дворцѣ Господинъ Суходольскій у Секретаря Пузыны, а Залѣскій и Зѣнковичъ у Короля. Его Величество проѣзжался, въ обыкновенномъ препровожденіи, въ деревню Грандичи и далѣе.

Августа 19. Въ 10 часовъ Его Величество былъ въ церкви, посылалъ Шамбеляна Вольскаго просить Ея Сіятельство, Княгиню Наталію Александровну Репнину, и другихъ на Понедѣльникъ

въ спектакель. Въ исходѣ 2 часа прибыли во дворецъ Ихъ Сіятельства, обѣ Княгини, супруга Главнокомандующаго и Волконская. Графы Румянцовъ, Безбородко и Панинъ съ супругою, и послѣ обѣда въ 8 часу выѣхали. Пріѣзжали во дворецъ послѣ обѣда къ Королю: Князь Лобановъ-Ростовскій и Подскарбій Дзяконскій. Посланы отъ Короля и Графини Мнишекъ въ Варшаву два письма, кои чрезъ Графа Безбородка препровождены къ Господину Полковнику Фризелю, для доставленія туда оныхъ. Вечеромъ проѣзжался Его Величество съ сестрицами своими и Графинею Мнишекъ въ Лососну и, возвратясь, ходилъ въ Старой замокъ осматривать Господиномъ Пинетіемъ устроеннаго театра, ужиналъ въ 10 часовъ и въ 12 легъ опочивать. Графиня Мнишекъ и Шамбелянъ Вольскій были въ вечеру у Ея Сіятельства, Княгини Репниной, на ассамблеи.

Августа 20. Его Величество по утру ѣздилъ верхомъ по дорогѣ въ мѣстечко Скидель, и потомъ, мимо деревни Каплинцы, проѣхалъ домой въ часу 1-мъ. Были во дворцѣ: Суходольскій и Збышевскій. Данъ пашпортъ Королевскому конюху, Вишневскому, до Варшавы и обратно. Пріѣзжалъ изъ Варшавы Фротеръ. Въ 8 часовъ вечера Его Величество ходилъ въ Старой замокъ, гдѣ до 9 часовъ въ театрѣ былъ, занимаясь зрѣніемъ разныхъ искусныхъ штукъ, кои Италіянецъ Пинети показывалъ. Тутъ были всѣ званные, какъ военные наши, такъ и здѣшніе Господа и обоего пола, коимъ на канунѣ присланы были билеты. Его Величество съ обѣими Княгинями, Репниною и Волконскою, Графинею Панинoю, обѣими своими сестрицами и Графинею Мнишекъ, былъ въ театрѣ, а прочіе всѣ сидѣли въ партерѣ. Въ 10 часу ужиналъ, гдѣ и Господинъ Пинети былъ приглашенъ; въ 12 часовъ легъ опочивать.

Августа 21. Его Величество утромъ проѣзжался за Нѣменъ; возвратясь въ 11 часу, прохаживался около замка. Послѣ обѣда до 4 часа сидѣлъ въ залѣ, занимаясь чтеніемъ газетъ и потомъ пошелъ во внутреннее покои. Отъ Пристава посланы два пакета на имя Секретарей Фриза и Пузыны, кои дежурнымъ Маіоромъ Каховскимъ поручены имъ обѣимъ. Выѣхалъ Полковникъ Политанскій въ свою деревню. Выходили изъ замка въ городъ: Господа Кицкій, Вицкій, Пузына, Рыксъ и Пинети съ женою. Въ 7 часу Его Величество ходилъ къ Адъютанту Грабовскому, а оттуда

по замковой улицѣ въ домъ Мучинскаго. Пріѣзжали во дворецъ: Княгиня Волконская и Графиня Панина, были у мадамъ де Кракови, у которой была такъ же и Госпожа Воловичева. Господа: Збышевскій, Суходольскій и Максимовичъ, были у Секретаря Пузыны, а Староста Коршъ у Кицкаго.

Августа 22. По утру выѣхали изъ дворца Господа: Кицкій, Адъютантъ Киркоръ и Сагатинскій, и возвратились. Его Величество въ 10 часовъ проѣзжался верхомъ чрезъ Гродницу мимо лагеря гранадерскаго, въ рощу надъ Нѣменомъ; обратно проѣхалъ верхомъ съ конвоемъ прямо по берегу Нѣмена, а экипажъ отпустилъ чрезъ городъ. Приставъ прислалъ къ Господину Полковнику Фризелю два письма отъ Короля въ Варшаву, одно къ Господину Вальстрому, другое къ Грановскому. Обѣдалъ Его Величество въ обыкновенное время, послѣ обѣда занимался чтеніемъ газетъ въ залѣ, въ 5 часовъ съ половиною пошелъ во внутренніе свои покои. Посыланы отъ Пристава во дворецъ отъ Полковника Фризеля принесенныя письма къ Королю, на имя Секретаря Фриза, которыя дежурнымъ Капитаномъ Трейденомъ доставлены къ Господину Фризу. Данъ пашпортъ до Варшавы и обратно служителю Королевскому при Мундшенской, Андрею Снарскому, по запискѣ, присланной отъ Секретаря Фриза. Въ 7 часовъ ходилъ Его Величество въ Старый замокъ, гдѣ до половины 10 часа былъ въ театрѣ, занимаясь представленіемъ разныхъ механическихъ штукъ, Господиномъ Пинетіемъ длѣаемыхъ. Въ театрѣ было превеликое собраніе, какъ нашихъ Россійскихъ, такъ и Польскихъ, всякаго сорта людей, и оной былъ весь наполненъ. По окончаніи всего Его Величество, возвращаясь въ обыкновенномъ препровожденіи домой, прошелъ чрезъ камердинерскую комнату, и въ половинѣ 11-го часа ужиналъ въ большой столовой. Прочіе жъ всѣ, бывшіе въ спектаклѣ, разъѣхались и разошлись изъ Стараго замка по домамъ.

Августа 23. До обѣда не выѣзжалъ Его Величество никуда; выходилъ только на терасъ и потомъ въ биліардъ игралъ. Обѣдали во дворцѣ: Графы Безбородко и Панинъ, и въ 5 часовъ уѣхали. Въ 7 часу Его Величество проѣзжался верхомъ, съ обыкновеннымъ препровожденіемъ, за Нѣменъ, и съ нимъ такъ же обѣ сестрицы его и Графиня Мнишекъ. Объѣзжая Лососну, остановился у большаго камня, который приказывалъ онъ прежде

выкопать и узнать его величину, что поручено было отъ него Полковнику Политанскому, который придворными конюхами и наемными нѣсколькими человѣками сіе сдѣлалъ. Возвратился Его Величество въ 9 часу во дворецъ. Графиня Мнишекъ была у Ея Сіятельства, супруги Главнокомандующаго, и въ 11 часу уѣхала. Во дворцѣ ужинали: Збышевскій и Залѣскій. Съ 11 часовъ Его Величество ретировался во внутренніе свои покои. Въ 1 часу, во время хожденія рундомъ, ни кого не было замѣчено во дворцѣ изъ стороннихъ: вездѣ было тихо и ни какихъ экипажей ни внутри дворца, ни около онаго, не было, ниже изъ ходящихъ никто не повтсрѣчался.

Августа 24. Его Величество проѣзжался верхомъ къ деревни Грандичамъ; возвращаясь, заѣзжалъ въ домъ Подскарбія Дзяконскаго, коего не было дома, встрѣченъ былъ женою онаго. Въ 12 часовъ прибылъ во дворецъ. Послѣ обѣда подалъ Его Величеству письмо отъ Бискупа Нарушевича присланный Польской Шляхтой Пашковскій. Пріѣзжала Госпожа Дзяконская къ мадамъ де Кракови. Графъ Панинъ прислалъ Адъютанта своего съ газетами къ Шамбеляну Вольскому. Выѣхалъ въ свою деревню Полковникъ Политанскій.

Августа 25. Его Величество въ 10 часу проѣзжался верхомъ; на площади предъ дворцомъ подано ему вторично меморіалъ отъ Госпожи Букевичевой, который онъ принялъ отъ нея. По возвращеніи его въ 12 часу изъ Лососны, подалъ ему служитель его при Лазенкахъ [60] прошеніе. Выѣзжали въ часу первомъ обѣ сестрицы Королевскія и Графиня Мнишекъ къ Ея Сіятельству, Княгинѣ Репниной. Посланы во дворецъ два пакета къ Секретарямъ Фризу и Пузынѣ отъ Графа Безбородка. Были во дворцѣ у мадамъ де Кракови Госпожа Лохницкая, а у Вольскаго мужъ ея, Господинъ Лохницкій и Залѣскій. Сей оставался во дворцѣ до вечера, былъ у Короля на вечернемъ собраніи и ужиналъ.

Августа 26. Въ 10 часовъ утра ходилъ въ церковь Его Величество. Обѣ его сестрицы, Графиня Мнишекъ и нѣсколько изъ придворныхъ. Выѣзжали изъ дворца на Городницу къ Ея Сіятельству, Княгинѣ Репниной, поздравить ее съ имянинами. Вели-

[60] Знаменитое Варшавское гульбище, составлявшее личную собственность Короля Станислава-Августа.

кій Конюшій Кицкій, Шамбелянъ Сольской, Полковникъ Вицкій, Адъютанты Грабовскій и Киркоръ, кои и въ вечеру, кромѣ Господина Кицкаго, были на ассамблеи у Ея Сіятельства. Были во дворцѣ: Залѣскій, Збышевскій и Скаробольскій. Обѣдали у Его Величества: Ихъ Сіятельства, супруга Главнокомандующаго, Княгиня Волконская, Графиня Панина, Графъ Панинъ, Князья Циціановъ и Лобановъ-Ростовскій, и въ 4 часа разъѣхались. Госпожа Лохницкая была у Госпожи Пашковской. Мадамъ де Кракови и Графиня Мнишекъ проѣзжались за Нѣменъ въ Лососну. Секретарь Фризъ приходилъ отъ Короля къ Графу Безбородку и вручилъ письмо въ Варшаву къ Господину Вальстрому, для пересылки. Въ 6 часовъ Его Величество, въ препровожденіи Пристава, двухъ Офицеровъ дежурныхъ и придворныхъ своихъ кавалеровъ, пошелъ въ Старой замокъ, [1] гдѣ до 8 часовъ былъ въ театрѣ, занимаясь представленіемъ отъ Господина Пинети разныхъ, весьма искусныхъ, штукъ механическихъ и химическихъ. Въ половинѣ 9-го часа Его Величество возвратился во дворецъ.

Августа 27. Его Величество хотя и не былъ доволенъ въ сей день пріѣздомъ нѣкоторыхъ Польскихъ господъ съ поздравленіемъ его торжественнымъ днемъ восшествія на престолъ, однако жъ принужденъ былъ утромъ оныхъ принимать. Вскорѣ потомъ выѣхалъ прогуливаться и въ часу 2-мъ возвратился. Обѣдали у него: Господинъ Збышевскій, Воевода Вильганъ и Каштелянъ Храповицкій. Мадамъ де Подоли и Графиня Мнишекъ ѣздили въ Доминиканскій монастырь. Генералъ-Маіоръ Бенигсонъ и Господинъ Воловичъ послѣ обѣда были у Его Величества. Отъ Графа Безбородка посланы съ Адъютантомъ его два пакеты, кои доставлены Господамъ Фризу и Пузынѣ. Господа: Кицкій, Збышевскій и Грабовскій ходили за городъ прогуливаться. Вечеромъ приходилъ Полякъ Голуховскій къ Ленскому, конюшему при Графинѣ Замойской. Вечеръ до ужина проводилъ Его Величество, прогуливаясь около дворца. Послѣ ужина ретировался во внутренніе свои покои.

Августа 28. Въ исходѣ десятаго часа пріѣхалъ Каштелянъ Путкамеръ и былъ у Великаго Конюшаго Кицкаго. Въ 11 часу Его Величество и его фамилія были въ придворной церкви. Обѣ-

---

[1] Растояніе между обоими замками составляетъ только нѣсколько шаговъ.

дала у Короля Госпожа Шимановская, послѣ обѣда была у сестры Королевской, мадамъ де Подоли. Обѣ сестрицы Королевскія и Графиня Мнишекъ проѣзжалися за городъ. Посланъ пакетъ къ Секретарю Фризу отъ Графа Безбородка съ дежурнымъ Капитаномъ, Трейденомъ. Въ 7 часу проѣзжался Его Величество за городъ; возвращаясь домой, заѣзжалъ въ садъ купца Гроденскаго, Госмана. Графиня Мнишекъ въ вечеру была у Ея Сіятельства, Княгини Репниной. Посыланъ былъ пажъ отъ Короля звать обѣдать на завтрешній день. Генералъ-Маіора Бенингсона.

Августа 29. Отъ 10-го часа до обѣда были во дворцѣ: Господинъ Каштелянъ Путкамеръ у Короля, Господинъ Суходольскій у Секретаря Пузыны, Подстолій Скаробольскій у мадамъ де Кракови; обѣдалъ у Его Величества Генералъ-Маіоръ Бенингсонъ. Предъ вечеромъ проѣзжался Король съ мадамъ де Кракови и нѣкоторыми своими придворными, въ препровожденіи обыкновенномъ, за Нѣменъ, по дорогѣ, лежащей къ Бресту Литовскому; возвратился въ 9 часу. Прислано къ Графу Безбородку письмо отъ Короля къ Господину Вальстрому, для доставленія его въ Варшаву.

Августа 30. Предъ обѣдомъ проѣзжался Его Величество по Скидельской дорогѣ. Обѣдали у него: Госпожа Муравская, Каштелянъ Путкамеръ и Збышевскій. Послѣ обѣда обѣ сестрицы Королевскія и Графиня Мнишекъ проѣзжалися и заѣзжали къ Ея Сіятельству, Княгинѣ Наталіи Александровнѣ. Господа: Кицкій, Грабовскій, Збышевскій и Аксамитовскій, ѣздили на охоту. Пріѣхала изъ Прускаго кордону жена Архитектора Сака. Докторъ Беклеръ былъ на ассамблеи у Главнокомандующаго.

Августа 31. Въ 8 часу приходилъ Капитанъ Польской службы, Бистромъ, къ Господамъ Кицкому и Фризу. Въ 10 часу Его Величество, въ препровожденіи обыкновенномъ, выѣхалъ въ Лососну, возвратился въ 1-мъ часу. Въ исходѣ 2 Его Сіятельство, Главнокомандующій, прибылъ во дворецъ, обѣдалъ и въ 5 часу отъѣхалъ. Данъ пашпортъ до Варшавы Шамбеляну Западьскому.

Мѣсяцъ Сентябрь.

1-го числа. Въ 10 часовъ утра Его Величество, въ обыкновенномъ порядкѣ, выѣзжалъ прогуливаться верхомъ въ Лососну, возвратился чрезъ полтора часа. Были во дворцѣ: утромъ Госпо-

динъ Путкамеръ у Господина Кицкаго, Господинъ Брентани, пріѣхавшій изъ Вѣны, у мадамъ де Кракови съ письмомъ къ ней. По полудни Господинъ Брентани былъ у Его Величества. Предъ вечеромъ выѣзжали прогуливаться сестрицы Его Величества и Графиня Мнишекъ. Послана вся сполна мѣсячная сумма 11,000 червонныхъ, для содержанія и расходовъ Королевскихъ.

Сентября 2. Утромъ Его Величество, со своею фамиліею и дворомъ, былъ на молитвѣ въ придворной своей церкви. Обѣдали у Его Величества: Господинъ Главнокомандующій, Приставъ Генералъ Графъ Безбородко и Генералъ-Маіоръ Графъ Панинъ, Господа: Ржевуцкой, Запольскій, Брентани, Збышевскій и Каноникъ Юндзилъ. Предъ вечеромъ Его Величество, съ своею фамиліею и придворными, въ препровожденіи Пристава, Генерала Графа Безбородка, вошелъ въ театръ Господина Пинетія, гдѣ находился уже Его Сіятельство, Главнокомандующій, съ своею фамиліею, Генералитетъ, Господа Штабъ и Оберъ-Офицеры и знатное Польское Шляхетство. Зрѣлище кончилось въ 10 часу вечера. Выѣзжали предъ театромъ сестрицы Его Величества прогуливаться. Были Господинъ Залѣской у Господина Вольскаго, Голуховскій у Ленскаго, Максимовичъ у Рыкса. Пріѣхалъ изъ Варшавы обратно въ Гродно Графъ Мнишекъ.

Сентября 3. Предъ вечеромъ выѣзжали сестрицы Его Величества прогуливаться. Выѣзжалъ въ городъ Графъ Мнишекъ съ супругою. Былъ Господинъ Ржевуцкій у Господина Кицкаго.

Сентября 4. Симъ днемъ былъ у Его Величества Воевода Витебскій. Утромъ выѣзжала Графиня Мнишекъ въ городъ. Предъ ечеромъ выѣзжали прогуливаться сестрицы Его Величества и Графиня Мнишекъ. Графъ Мнишекъ прогуливался верхомъ. Прибыли обратно въ Гродно изъ Варшавы Конюшій Кавецкій, Канцлеръ Графъ Хребтовичъ.

Сентября 5. Утромъ Его Величество, въ обыкновенномъ порядкѣ, выѣзжалъ прогуливаться верхомъ въ Лососну, чрезъ полтора часа возвратился. Предъ вечеромъ мадамъ де Кракови выѣзжала прогуливаться. Изъ постороннихъ не былъ никто у Его Величества и его фамиліи, такъ же и у придворныхъ.

Сентября 6. Изъ стороннихъ не былъ никто у Его Величества; была Госпожа Лохницкая у мадамъ де Кракови, Господинъ Стреинскій у Господина Кицкаго. Выѣзжалъ въ городъ

Графъ Мнишекъ съ женою. Отъѣхали изъ Гродна: въ Бѣлый Стокъ Шамбелянъ Вольскій, въ Варшаву Господинъ Дангель, Рыксъ, Королевскій камердинеръ и Рихтеръ кондитеръ.

Сентября 7. Утромъ Его Величество выѣзжалъ прогуливаться по Скидельской дорогѣ въ деревню Каплицу, возвратился чрезъ полтора часа. Обѣдали у Его Величества: Приставъ Генералъ Графъ Безбородко, Господинъ Бржостовскій съ супругою и Господинъ Стреинскій. Выѣзжали: Графъ Мнишекъ и сестрицы Его Величества прогуливаться. Прибылъ изъ Варшавы Подполковникъ Курнатскій.

Сентября 8. Въ 12 часу утра Его Величество съ своими придворными прохаживался около получаса по терасу своего дворца. Обѣдали у Его Величества: Подполковникъ Графъ Стакельбергъ и Господинъ Збышевскій. Были во дворцѣ: Господинъ Писаревскій у Графа Мнишка и Господинъ Суходольскій у Секретаря Пузыны. Выѣзжали изъ дворца: Графъ Хребтовичъ къ Ея Сіятельству, Княгинѣ Репниной, и Секретарь Фризъ туда же.

Сентября 9. Въ 11 часу утра Его Величество выходилъ на молитву въ придворную свою церковь, съ своею фамиліею и въ препровожденіи своего двора, вышелъ черезъ часъ. Предъ вечеромъ Король, въ обыкновенномъ порядкѣ, выѣзжалъ къ Господину Главнокомандующему, прибывшему не за долго до сего изъ Бѣлостока. Его Величество, побывши тамъ съ полчаса, возвратился во дворецъ. Обѣдали у Его Величества: Россійской Контръ-Адмиралъ Графъ де Литта, Графъ Ржевуцкій и Госпожа Бржостовская: Были во дворцѣ: Госпожа Бржостовская у Графа Хребтовича, Ихъ Сіятельства, Княгиня Репнина и Княгиня Волконская, у мадамъ де Кракови. Предъ вечеромъ были у Главнокомандующаго сестрицы Его Величества, и съ ними Графъ Хребтовичъ; у него же вечеромъ Графиня Мнишекъ и Докторъ Беклеръ съ супругою.

Сентября 10. Утромъ Его Величество, въ обыкновенномъ порядкѣ, выѣзжалъ прогуливаться по Скидельской дорогѣ, возвратился чрезъ полтора часа. Обѣдали у Его Величества: Господинъ Главнокомандующій и Приставъ, Генералъ Графъ Безбородко. Послѣ стола входили къ Его Величеству сыновья Господина Хребтовича, Великаго Канцлера Литовскаго, и Господинъ Райскій. Утромъ выѣзжалъ въ городъ Графъ Мнишекъ съ супругою. Прибылъ изъ Варшавы служитель Его Величества, Андрей Шлявскій.

Сентября 11. Предъ вечеромъ выѣзжали прогуливаться сестрицы Его Величества. Отпущенъ въ Варшаву отъ Главнокомандующаго Графъ Безбородко. Были во дворцѣ: Господинъ Суходольскій у Секретаря Пузыны, Господинъ Збышевскій у Префессора Пи参ты.

Сентября 12. Предъ вечеромъ сестрицы Его Величества выѣзжали прогуливаться. Предъ симъ выѣзжалъ въ городъ Графъ Мнишекъ съ супругою. Были у Его Величества Генералъ-Маіоръ и Кавалеръ Беннигсонъ и Господинъ Янкукевичъ, Каноникъ изъ Черешева. Отъѣхалъ въ Варшаву пажъ Его Величества, Господинъ Дубецкій.

Сентября 13. Утромъ Его Величество, въ препровожденіи своего двора и въ обыкновенномъ порядкѣ, выѣзжалъ прогуливаться по Виленской дорогѣ въ деревню Грандичи, возвратился чрезъ два часа. Во 2 съ половиною по полудни прибылъ во дворецъ Господинъ Главнокомандующій и обѣдалъ у Его Величества, изъ Польскихъ же Господъ обѣдалъ Господинъ Збышевскій. Предъ вечеромъ выѣзжали прогуливаться: мадамъ де Краковн, Графиня Мнишекъ и Канцлеръ Графъ Хребтовичъ. Были во дворцѣ: Виленской Академіи Ректоръ Почебутъ и Каноникъ Юндзилъ, входили къ Его Величеству; былъ у Короля Графъ Ржевуцкій. Выѣзжали на вечеринку къ Главнокомандующему Графъ и Графиня Мнишекъ. Отъѣхали въ Варшаву: Графъ Безбородко, Коронный Конюшій Кицкій и Господинъ Понятовскій. По приказанію Главнокомандующаго, отъ Пристава Графа Безбородка, поручено, въ отсутствіи его, пока онѣ возвратится, во всемъ имѣть смотрѣніе во дворцѣ и охранять особу Его Величества старшему Премісръ-Маіору Каховскому изъ находящихся въ свитѣ при немъ.

Сентября 14. Утромъ Его Величество выѣзжалъ прогуливаться въ обыкновенномъ порядкѣ на ту сторону рѣки Нѣмена, возвратился во 2 по полудни. Утромъ выѣзжала прогуливаться мадамъ де Кракови съ дѣвицею Дешенъ въ Понѣмунь, туда же и Графъ Мнишекъ съ супругою. Обѣдалъ у Его Величества Ректоръ Почебутъ. Были во дворцѣ: Графъ (?) Любомірскій у Канцлера Хребтовича, потомъ входилъ къ Королю, вторично онъ же вечеромъ пріѣзжалъ къ Его Величеству, Господинъ Пашковскій и Каноникъ Юндзилъ были у Графа Хребтовича. Предъ вечеромъ

мадамъ де Подоли съ Графинею Мнишекъ выѣзжали въ Станиславово. [62] Маіоръ Каховскій, имѣвъ повелѣніе отъ Пристава, Графа Безбородка, всякую недѣлю свидѣтельствовать находящуюся у него казну съ Порутчикомъ и Казначеемъ Розенбаумомъ, для лучшей безопасности, внесъ сундукъ въ покой Графа Безбородка, гдѣ въ ночи приставляемъ былъ еще другой часовой, а Казначею приказано было отъ Пристава перейти въ квартиру.

Сентября 15. Симъ днемъ были у Его Величества Ректоръ Виленской Академіи, Почебутъ, и Господинъ Пашковскій. Госпожа Бржостовская пріѣзжала къ Графу Хребтовичу. Отъѣхалъ въ свои помѣстья Господинъ Вольмеръ.

Сентября 16. Присланы письма къ Королю отъ Его Сіятельства, Главнокомандующаго. Въ 10 часовъ утра Его Величество, съ своею фамиліею и придворными, входилъ на молитву въ свою придворную церковь, вышелъ оттуда чрезъ полчаса. Въ $2^1/_2$ по полудни прибылъ во дворецъ Господинъ Главнокомандующій, и обѣдалъ у Его Величества, уѣхалъ въ 5. Обѣдали у Его Величества: Господинъ Бржостовскій, Староста Минскій съ супругою, и Господинъ Залѣскій. Предъ вечеромъ Его Величество, въ обыкновенномъ порядкѣ, выѣзжалъ прогуливаться въ Лососну, возвратился чрезъ часъ. Выѣзжали такъ же прогуливаться сестрицы Его Величества и съ ними Графъ Хребтовичъ съ дочерью своею, Госпожею Бржостовскою. Тогда же Графиня Панина пріѣзжала къ Графинѣ Мнишекъ. Выѣзжали изъ дворца Графъ и Графиня Мнишекъ на вечеринку къ Главнокомандующему. По приказанію Главнокомандующаго, спущено изъ конвоя 6 драгунъ, а велѣно только при Его Величествѣ ѣздить 18 человѣкамъ.

Сентября 17. Утромъ Его Величество, въ обыкновенномъ порядкѣ, выѣзжалъ прогуливаться на Скидельскую дорогу, возвратился чрезъ полтора часа. Мадамъ де Кракови выѣзжала въ городъ. Были во дворцѣ: утромъ, Господинъ Почебутъ у Короля, Господинъ Воловичъ съ своею супругою у Графа Мнишека, Господинъ Суходольскій у Секретаря Пузыны. По полудни Госпо-

---

[62] Деревня, въ полверстѣ отъ Гродна, принадлежащая Князю Любецкому, близъ вокзала Варшавско-Виленской желѣзной дороги; за нею слѣдуютъ Кульбаки, въ $1^1/_2$ верстѣ, о которыхъ упоминалось выше.

динъ Бржостовскій съ супругою у Графа Хребтовича. Выѣзжали изъ дворца Графъ и Графиня Мнишекъ прогуливаться за Нѣманъ.

Сентября 18. Утромъ Его Величество, въ обыкновенномъ порядкѣ, выѣзжалъ прогуливаться на ту сторону Нѣмана, чрезъ часъ возвратился. Былъ утромъ у Его Величества Господинъ Почебутъ, обѣдалъ Графъ Ржевуцкій. Выѣзжали изъ дворца: утромъ Графъ и Графиня Мнишекъ въ Доминиканской монастырь, Шамбелянъ Стржембашъ въ городъ. По просьбѣ мадамъ де Кракови, данъ пашпортъ ея Стряпчему, Якову Когильскому, до Лады, подъ № 3141. Отъ Главнокомандующаго присланы письма Его Величеству. По просьбѣ Его Величества, Короля Польскаго, и по приказанію Главнокомандующаго, посланъ Сержантъ Абросимовъ курьеромъ къ Графинѣ (?) Тингобурской.

Сентября 19. Утромъ Его Величество, въ обыкновенномъ порядкѣ, выѣзжалъ прогуливаться по Скидельской дорогѣ; чрезъ часъ возвратился. Мадамъ де Кракови выѣзжала въ городъ. Посыланный Сержантъ Абросимовъ къ Графинѣ Тингобурской возвратился. Были во дворцѣ: Господинъ Залѣскій у Короля; онъ же вторично предъ вечеромъ у него же. Господинъ Хребтовичъ съ супругою у отца своего, Графа Хребтовича. Выѣзжала изъ дворца Графиня Мнишекъ въ городъ.

Сентября 20. Маіоромъ Каховскимъ свидѣтельствована казна и поданъ рапортъ Главнокомандующему. Рота Псковскаго полку вступила во дворецъ въ караулъ. Утромъ Его Величество, въ обыкновенномъ порядкѣ, выѣзжалъ прогуливаться; возвратился чрезъ часъ. Были во дворцѣ: Господинъ Воловичъ у Его Величества, Госпожа Бржостовская у Графа Хребтовича, Господинъ Грановскій у него же, Господинъ Хребтовичъ у отца своего, Графа Хребтовича, и съ нимъ выѣхалъ къ Главнокомандующему. Выѣзжали изъ дворца: Графиня Мнишекъ въ городъ, Шамбелянъ Стржембашъ въ городъ.

Сентября 21. Утромъ Его Величество, въ обыкновенномъ порядкѣ, выѣзжалъ прогуливаться въ Понѣмуни. При выѣздѣ своемъ принялъ онъ просьбу отъ Господина Вербицкаго изъ мѣстечка Лосцы, возвратился чрезъ полтора часа. Сестрицы Его Величества такъ же выѣзжали прогуливаться. Во 2 по полудни прибылъ во дворецъ Господинъ Главнокомандующій, обѣдалъ и уѣхалъ въ 5. Обѣдали Господинъ Грановскій, Господинъ Хребто-

вичъ съ супругою. Послѣ стола былъ у Его Величества Господинъ Тингобургскій. Выѣзжали изъ дворца: мадамъ де Кракови къ Госпожѣ Бржостовской, Графъ и Графиня Мнишекъ на вечеринку къ Главнокомандующему.

Сентября 22. По полудни были у Его Величества: Генералъ-Маіоръ и Кавалеръ Бенингсонъ и Ректоръ Виленской Академіи, Почебутъ, Пріѣзжали къ Главнокомандующему нѣкоторые изъ Господъ придворныхъ Королевскихъ поздравить Его Сіятельство съ торжествомъ. А въ вечеру въ 8 часу самъ Его Величество, съ обѣими своими сестрицами, былъ у Главнокомандующаго и возвратиться изволилъ черезъ часъ, чувствовавъ сильную боль въ боку. Его Величеству, по совѣту Доктора Беклера, поставлена шпанская муха, отъ чего нѣсколько боль утишилась. Прибылъ изъ Варшавы Шамбелянъ Дюгамель и Секретарь Карамовичъ.

Сентября 23. Въ 10 часовъ утра Его Величество съ своею фамиліею и придворными былъ на молитвѣ въ своей придворной церкви, чрезъ полчаса вышелъ оттуда. Во 2 по полудни прибылъ Господинъ Главнокомандующій и Генералъ-Маіоръ Бенингсонъ, обѣдали у Короля и уѣхали въ 3. Предъ вечеромъ выѣзжали прогуливаться сестрицы Его Величества и Графъ Мнишекъ.

Сентября 24. Обѣдали у Его Величества: Господинъ Грановскій и Графъ Поцей. Были во дворцѣ: утромъ Графъ Левницкій у Его Величества, по полудни Госпожа Бржостовская у Графа Хребтовича. Предъ вечеромъ Графъ и Графиня Мнишекъ съ дочерью выѣзжали прогуливаться. Отъѣхалъ изъ Гродна въ свои помѣстья Адъютантъ Грабовскій. Его Величество все еще чувствовалъ слабость и боль.

Сентября 25. Утромъ мадамъ де Кракови выѣзжала въ Доминиканской монастырь, чрезъ полчаса возвратилась. Были утромъ: Графъ Ржевуцкій и Господинъ Воловичъ у Короля. Послѣ стола Его Величество около часа занимался слушаніемъ гармоники, на которой игралъ Господинъ Беня. По полудни былъ у Короля Генералъ-Маіоръ Бенингсонъ. Предъ вечеромъ Графъ Мнишекъ выѣзжалъ верхомъ прогуливаться.

Сентября 26. Утромъ мадамъ де Кракови съ своею фрейлиною прогуливалась пѣшкомъ. Пріѣзжала къ ней Госпожа Полковница Мтинская. Прибыла изъ Варшавы Княгиня Радзивилова съ дочерью и остановилась во дворцѣ. Были у нея: Княгиня Вол-

конская, Бригадиръ Бауръ, Графъ Панинъ и Графъ Ржевуцкій. Господинъ Бржостовскій пріѣзжалъ къ Графу Хребтовичу.

Сентября 27. Утромъ были во дворцѣ: Господинъ Завацкій и Господинъ Ляхницкій съ женою у мадамъ де Кракови, Господинъ Бржостовскій у Графа Хребтовича, Графиня де Меллени у Его Величества. Выѣзжали изъ дворца: Графъ Мнишекъ прогуливаться, Княгиня Радзивилова къ Главнокомандующему. Его Величество почувствовалъ гораздо лучше себѣ облегченіе. Обѣдали у Его Величества: Господинъ Главнокомандующій, и съ нимъ Графъ Панинъ и Госпожа Бржостовская. По полудни былъ Господинъ Почебутъ у Графа Хребтовича. Выѣзжали изъ дворца: Шамбелянъ Вольскій, Графъ Мнишекъ съ супругою, Княгиня Радзивилова съ дочерью и Графъ Хребтовичъ, къ Главнокомандующему на вечеринку. Прибылъ обратно изъ Варшавы въ Гродно Староста Рыксъ и кондитеръ Рихтеръ.

Сентября 28. Выѣзжали изъ дворца: утромъ Графъ Мнишекъ къ Главнокомандующему, мадамъ де Кракови въ Езуитскій монастырь. Обѣдали у Его Величества: Господинъ Почебутъ и Графиня де Меллени. По полудни были во дворцѣ: Графъ Потоцкій [63] у Его Величества. Выѣзжала изъ дворца Княгиня Радзивилова къ Главнокомандующему.

Сентября 29. Рота гренадерскаго С.-Петербургскаго полку вступила въ караулъ. Были во дворцѣ: Господинъ Дзяконскій у Княгини Радзивиловой, Главнокомандующій и Бригадиръ Князь Лобановъ у нея же, Графъ Ржевуцкій у Его Величества, Госпожа Бржовстовская у Графа Хребтовича, Госпожа Ляхницкая у Секретарши Пузыны, Графиня де Меллени у мадамъ де Кракови. Обѣдали у Его Величества Графъ Потоцкій съ супругою. Выѣзжали изъ дворца: Княгиня Радзивилова съ дочерью къ Графу Панину, Графъ и Графиня Мнишекъ къ Графу Потоцкому. Прибыла изъ Варшавы Госпожа Грабовская.

Сентября 30. Утромъ Его Величество съ своею фамиліею

---

[63] Конечно, Щенсной (Феликсъ), Генералъ Коронной артиллеріи и главный заводчикъ Торговицкой Конфедераціи. Игнатій Потоцкій, Великій Маршалъ Литовскій, сторонникъ преобразованія и конституціи 3-го Мая, 1791 года, выѣхалъ за границу (вмѣстѣ съ Сеймовымъ Маршаломъ Малаховскимъ, Солтыкомъ и Коллонтаемъ), послѣ того какъ Король Станиславъ-Августъ присоединился къ Торговицкой Конфедераціи.

и придворными былъ на молитвѣ въ придворной своей церкви, чрезъ полчаса вышелъ. Были во дворцѣ: утромъ Господинъ Дульскій, Генералъ Пузына у Его Величества, Господинъ Бржостовскій съ супругою у Графа Мнишекъ, Графиня де Меллени у мадамъ де Кракови. Обѣдали у Его Величества: Господинъ Главнокомандующій, Графиня Потоцкая и Графъ Мантейфель. По полудни былъ у Его Величества Графъ Панинъ. Вечеромъ выѣзжали къ Главнокомандующему на ассамблею Графъ и Графиня Мнишекъ. Отъѣхала изъ Гродна въ С.-Петербургъ Княгиня Радзивилова. Госпожа Сѣраковская, въ бытность Главнокомандующаго во дворцѣ, подала ему просьбу.

Мѣсяцъ Октябрь.

1-го числа. Обѣдалъ у Его Величества Графъ Потоцкій съ супругою. Выѣзжали изъ дворца: мадамъ де Подоли къ Главнокомандующему, Шамбелянъ Вольскій и Графъ Хребтовичъ въ городъ.

Октября 2. Утромъ Его Величество посѣщалъ въ Старомъ замкѣ Шамбеляна Дюгамеля. Были во дворцѣ: утромъ Господинъ Пузына у Секретаря Пузыны, Генералъ Грабовскій у Его Величества, Госпожа Дзяконская у мадамъ де Кракови; по полудни вторично Господинъ Пузына у Короля, Ихъ Сіятельства, Княгиня Репнина и Княгиня Волконская, у мадамъ де Подоли, Графъ Потоцкій у Его Величества, Господинъ Дульскій у Старосты Рыкса. Выѣзжали изъ дворца: Госпожа Грабовская въ городъ, а Графъ Мнишекъ прогуливаться. Возвратился изъ Варшавы Генералъ-Поручикъ и Кавалеръ Графъ Безбородко.

Октября 3. Утромъ Его Величество, въ обыкновенномъ препровожденіи, выѣзжалъ прогуливаться, черезъ два часа возвратился. Выѣзжали изъ дворца: Графъ Мнишекъ съ супругою прогуливаться, мадамъ де Кракови въ городъ, Графъ Хребтовичъ къ Господину Бржостовскому. Были во дворцѣ: Генералъ Грабовскій у Госпожи Грабовской, [*] Господа: Пузына и Суходольскій у Секретаря Пузыны, Залѣскій у Господина Вольскаго.

---

[*] Жившей также во дворѣ, т. е., въ Новомъ замкѣ. Грабовская прежде была любовницей Короля, а теперь находилась съ нимъ въ тайномъ бракѣ. Она была женщиной некрасивой, но очень умной и съ большимъ вліяніемъ на слабаго Станислава.

Октября 4. Утромъ приходила къ Его Величеству Пановская съ просьбою, пріѣзжалъ къ нему же Господинъ Дульскій. Его Величество посылалъ пажа своего къ Генералъ-Поручику Князю Голицыну, а въ 11 часу съ своими сестрицами, въ обыкновенномъ въ препровожденіи, выѣзжалъ прогуливаться въ мѣстечко Коханово на берегу Нѣмена; [65] возвратился чрезъ два часа. Графиня Мнишекъ выѣзжала въ городъ. Обѣдали у Его Величества: Его Сіятельство, Главнокомандущщій, Генералъ-Поручикъ Князь Голицынъ и Приставъ Графъ Безбородко, выѣхали въ 5 по полудни. Были во дворцѣ: Госпожа Бржостовская у Графа Хребтовича, Графиня Панина у Графини Мнишекъ, Господа: Грабовскій и Ректоръ Почебутъ у Его Величества. Выѣзжали предъ обѣдомъ: сестрицы Его Величества въ городъ, Госпожа Грабовская, Графиня Мнишекъ и Графъ Хребтовичъ къ Главнокомандующему на вечеринку. Прибыли изъ Варшавы: Господа Кицкій, Гордонъ и Аксамитовскій.

Октября 5. Утромъ были во дворцѣ: Господинъ Дульскій у Господина Кицкаго, Госпожа Воловичева у Графини Мнишекъ. Отъѣзжали изъ дворца: Графъ Мнишекъ и мадамъ де Подоли въ городъ. Сегодня обѣдали у Его Величества: Генералъ-Маіоръ Германъ и Бржостовскій съ супругою. Предъ вечеромъ мадамъ де Подоли выѣзжала вторично въ городъ.

Октября 6. Обѣдали у Его Величества: Ихъ Сіятельства, Княгиня Волконская, Графиня Панина и Бискупъ Букати. Были во дворцѣ: утромъ Господинъ Пузына у Секретаря Пузыны, Генералъ Грабовскій у Госпожи Грабовской; по полудни: вторично Господинъ Пузына у Его Величества. Премiеръ-Маіоръ Дюгамель и Генералъ Грабовскій у Госпожи Грабовской.

Октября 7. Утромъ Его Величество съ своею фамиліею и придворными выходилъ на молитву въ придворную свою церковь; вышелъ чрезъ полчаса. Во 2 часу по полудни прибылъ Его Сіятельство, Главнокомандующій, былъ у Госпожи Грабовской, а оттуда прошелъ къ Королю и обѣдалъ у него, такъ же и Приставъ Генералъ-Поручикъ Графъ Безбородко и Господинъ Збышевскій обѣдали у него. Были во дворцѣ: утромъ Господа Пу-

---

[65] Именно на правомъ, въ 7-ми верстахъ отъ Гродна, прежде принадлежащаго монастырю Бригитокъ.

зына, Ржевуцкій, Ксёндзъ Юревичъ, Дульскій и Графъ Хребтовичъ у Его Величества, по полудни вторично Господинъ Пузына у Графа Мнишекъ, Госпожа Ляхницкая у Секретарши Пузыны, Господинъ Залѣскій у Его Величества, Господинъ Подполковникъ Графъ Стакельбергъ у Графа Мнишка, Господинъ Ржевуцкій у Его Величества. Выѣзжали изъ дворца: Графъ Мнишекъ съ супругою, Госпожа Грабовская, Графъ Хребтовичъ и Шамбелянъ Вольскій на вечеринку къ Главнокомандующему.

Октября 8. Были во дворцѣ: утромъ Господа Дульскій, Пузына, Бискупъ Ядровичъ у Его Величества, по полудни: Генералъ Грабовскій у Госпожи Грабовской, Господинъ Залѣскій у Господина Вольскаго, Господинъ Суходольскій у Секратаря Пузыны, Графиня Панина у Графини Мнишекъ. Выѣзжали изъ дворца: утромъ Графъ Мнишекъ и Графъ Хребтовичъ въ городъ.

Октября 9. Утромъ Его Величество, въ обыкновенномъ препровожденіи, выѣзжалъ прогуливаться за Нѣменъ въ Августово; возвратился чрезъ часъ. Обѣдали у Его Величества: Господа Подполковникъ Стакельбергъ, Бржостовскій и Пузына. Послѣ обѣда были у Его Величества: Господа Ляхницкій и Маіоръ Парчевскій съ женою. Выѣзжалъ Графъ Хребтовичъ къ Его Сіятельству Главнокомандующему.

Октября 10. Утромъ Его Величество, въ обыкновенномъ препровожденіи, выѣзжалъ прогуливаться въ Понѣмунь; возвратился чрезъ полтора часа. Такъ же мадамъ де Кракови выѣзжала прогуливаться, а Графиня Мнишекъ въ городъ. Обѣдалъ у Его Величества сынъ Канцлера Хребтовича. Предъ вечеромъ выѣзжалъ въ городъ Графъ Мнишекъ.

Октября 11. Утромъ Его Величество выѣзжалъ, въ обыкновенномъ препровожденіи, прогуливаться въ Лососну и вмѣстѣ съ нимъ Госпожи Бжорстовская и Грабовская. Сестрицы Его Величества выѣзжали особо въ городъ. Были во дворцѣ: Господа Ржевуцкій у Графа Мнишка, Бржостовскій у Графа Хребтовича, Ректоръ Почебутъ у Короля. Обѣдали у Его Величества: Его Сіятельство, Главнокомандующій, Генералъ-Порутчики Графы Румянцовъ и Безбородко, Каштелянова [66] Лосовская и Господинъ Дуль-

---

[66] Польское словопроизводство, жена Каштеляна.

скій. Выѣзжали: Графъ Мнишекъ съ супругою, Госпожа Грабовская и Шамбелянъ Вольскій къ Главнокомандующему.

Октября 12. Утромъ Его Величество, въ обыкновенномъ препровожденіи, прогуливался въ Грандичи, возвратился черезъ два часа. Обѣдалъ у Его Величества Ректоръ Почебутъ. Были во дворцѣ: Графъ Ржевуцкій, Господинъ Пузына у Его Величества, Графиня Панина у Графини Мнишекъ, Господинъ Бржостовскій съ супругою у Графа Хребтовича. Выѣзжали изъ дворца: Госпожа Грабовская и Графъ Хребтовичъ. Прибылъ изъ С.-Петербурга въ Гродно Графъ Мошинскій, [67] и въ Старомъ замкѣ отведена ему квартира.

Октября 13. Обѣдалъ у Его Величества Господинъ Бржостовскій съ супругою. Были во дворцѣ: Господа Суходольскій и Пузына у Секретаря Пузыны, Ректоръ Почебутъ у Его Величества. Графъ Панинъ присылалъ къ Секретарю Фризу ординарца съ бумагами. Выѣзжали утромъ на охоту: Господа Кицкій, Политанскій и Кавецкій.

Октября 14. Во 2 часу по полудни прибылъ во дворецъ Его Сіятельство, Главнокомандующій, и Графъ Безбородко, и кушали у Его Величества; обѣдали такъ же два вояжира Англичачане. Послѣ обѣда были во дворцѣ: Господа Дульскій, Ректоръ Почебутъ и Пузына. Выѣзжали изъ дворца: Графиня Мнишекъ, Господинъ Кавецкій и Шамбелянъ Вольскій, къ Главнокомандующему. Отъѣхалъ въ Варшаву Шамбелянъ Бадини.

Октября 15. Обѣдалъ у Его Величества Генералъ Грабовскій; послѣ стола Его Величество изволилъ ходить въ Старой замокъ къ Графу Мошинскому. Приходилъ къ мадамъ де Кракови Господинъ Стержинскій. Генералъ Пузына былъ у Секретаря Пузыны. Прибылъ изъ Варшавы Генералъ Горжинскій и остановился во дворцѣ.

Октября 16. Обыкновенный конвой при Его Величествѣ, состоявшій всегда изъ драгунъ С.-Петербургскаго полку, смѣненъ легкоконнымъ Изюмскаго полку. Того жъ дня рота Муромскаго пѣхотнаго полку вступила во дворецъ въ караулъ. Его Величество, въ обыкновенномъ препровожденіи, выѣзжалъ прогуливаться въ Понѣмуни, возвратился чрезъ полтора часа до обѣда. Обѣ-

[67] Великій Маршалъ Литовскій, приверженецъ Торговицкой Конфедераціи.

дали у Его Величества: Графъ Ржевуцкій и Каштелянова Лосовская. Былъ Господинъ Пузына у Секретаря Пузыны.

Октября 17. Въ 1 часу по полудни Его Величество выходить изволилъ изъ своего дворца и былъ на своей конюшнѣ. Обѣдалъ у Его Величества Графъ Дугласъ [68] съ своимъ товарищемъ. Были во дворцѣ: у сестрицъ Его Величества и у Графини Мнишекъ Госпожа Межіевская, Господинъ Грабовскій у Его Величества, потомъ у Графа Мошинскаго Выѣзжали на охоту: Господа Кицкій, Политанскій и Аксамитовскій.

Октября 18. Утромъ Его Величество, въ обыкновенномъ препровожденіи, выѣзжалъ прогуливаться въ Грандичи, возвратился чрезъ часъ. Кушалъ у Его Величества Главнокомандующій. Были у Его Величества: Господа Дульскій и Ректоръ Почебутъ. Выѣзжали изъ дворца: Графъ Мнишекъ съ супругою, Графъ Хребтовичъ и Генералъ Горжинскій, на вечеринку къ Его Сіятельству, Главнокомандующему. Возвратились съ охоты: Господа Кицкій, Политанскій и Аксамитовскій.

Октября 19. Его Величество не имѣлъ выѣзду во весь день.

Октября 20. Въ 5 часовъ по полудни пріѣзжалъ во дворецъ къ Графинѣ Замойской и Графинѣ Мнишекъ Тайный Совѣтникъ и Министръ во Франкфуртѣ, Графъ Румянцовъ, [69] былъ у нихъ съ часъ, куда и Его Величество пришелъ, коему онъ тутъ представился. Король проѣзжался въ Лососну. Отъ Его Сіятельства, Главнокомандующаго, Флигель-Адъютантъ Князь Гагаринъ привезъ письма къ Его Величеству и Графинѣ Мнишекъ. Былъ у Его Величества Господинъ Тизенгаузенъ, а Ихъ Сіятельства, Княгиня Волконская и Графиня Панина, у Графини Мнишекъ.

Октября 21. Его Величество со всѣми своими придворными слушалъ мшу въ замковой каплицѣ. [70] Выѣхалъ въ мѣстечко Скидель Господинъ Мошинскій. Въ исходѣ 2 часа Его Сіятельство, Главнокомандующій, супруга его, и Тайный Совѣтникъ Графъ Румянцовъ, пріѣзжали кушать къ Его Величеству. Такъ же Графъ Безбородко, Бискупъ Смоленскій Горжинскій, Господинъ Дульскій и Госпожа Каштелянова Лосовская, обѣдали во дворцѣ. По-

---

[68] Прибывшій 14-го числа Англичанинъ.

[69] Графъ Николай Петровичъ, въ послѣдствіи Государственный Канцлеръ. О. Б.

[70] Часовнѣ. О. Б.

слѣ обѣда въ придворной каплицѣ совершено крещеніе двумъ сыновьямъ Господина Дульскаго: Его Величество съ супругою Главнокомандующаго, а Его Сіятельство, Главнокомандующій, съ мадамъ де Кракови, были воспреемниками. Госпожа Подскарбина Дзяконская пріѣзжала къ Графинѣ Грабовской. Въ вечеру ѣздили на вечеринку къ Главнокомандующему: Графъ Мнишекъ съ супругою своею, Генералъ Горжинскій, Шамбелянъ Вольскій, Докторъ Королевской Беклеръ съ женою. Возвратился ночью изъ Скиделя Господинъ Мошинскій.

Октября 22. Данъ пашпортъ, по повелѣнію Главнокомандующаго, Бискупу Смоленскому Горжинскому, отъ Гродна чрезъ Варшаву до Кракова. Его Величество прохаживался въ Старой замокъ и по площади предъ дворцомъ, заходилъ въ конюшню свою. Послано отъ Пристава письмо къ Госпожѣ Грабовской. Ректоръ Почебутъ, Каштелянъ Воловичъ, Генералъ Пузына, Господа Андрейковичъ и Дульскій, были у Короля. Въ 8 часовъ вечера пріѣзжалъ Тайный Совѣтникъ Графъ Румянцовъ, ужиналъ у Его Величества и, откланявшись, въ 11 часу уѣхалъ.

Октября 23. Его Величество выѣзжалъ прогуливаться по Скидельской дорогѣ. Были во дворцѣ: Господа Грабовскій и Тизенгаузенъ и обѣдали тамо.

Октября 24. Его Величество былъ въ придворной церкви. Господа: Ректоръ Почебутъ, Дульской, Пузына, приходили къ Королю и въ разные часы допускаемы были. Обѣдали у Его Величества: Госпожа Гетманова Ожаровская, Каштелянова и Подскарбина Дзяконская.

Октября 25. Его Величество прохаживался въ Старой замокъ и по площади предъ дворцомъ, возвратился въ 10 часовъ, и въ кабинетѣ своемъ упражнялся чтеніемъ и писаніемъ. Обѣдалъ у онаго Главнокомандующій.

Октября 26. Его Величество выѣзжалъ прогуливаться за Нѣменъ верхомъ, обратно жъ въ каретѣ возвратился. Господа: Почебутъ, Староста Пинской Бржостовскій и Дульскій обѣдали, у Короля. Ея Сіятельство, Княгиня Волконская, была у Графини Мнишекъ.

Октября 27. Его Величество проѣзжалъ въ Понѣмунь. Изъ дворца ѣздили въ разные часы до обѣда и послѣ обѣда: Госпожа

Краковская, Графиня Браницкая,[71] Графъ Мнишекъ и Графъ Мошинскій. Во дворецъ пріѣзжали: Ректоръ Почебутъ и Господинъ Суходольскій. Въ вечеру были у Графини Мнишекъ: Ихъ Сіятельства, Княгиня Волконская и Графиня Панина, Господа: Шидловскій, Ржевуцкій, Князь Лобановъ-Ростовскій, и послѣ пріѣхалъ Графъ Панинъ.

Октября 28. Былъ Его Величество, его фамилія и придворные, въ церкви придворной. По выходѣ изъ оной, позвать приказалъ Господина Ржевуцкаго въ кабинетъ и съ нимъ съ часъ былъ наединѣ. Обѣдали у Короля: Его Сіятельство, Главнокомандующій, Графъ Безбородко, Госпожа Лосовская и Господинъ Бржостовскій: Выѣзжали въ вечеру къ Главнокомандующему на ассамблею: Графъ Мнишекъ, Мошинскій, Вольскій и Беклеръ.

Октября 29. Подчашій Луцинскій возвратился изъ Варшавы. Отъ Его Сіятельства, Главнокомандующаго, посыланъ былъ къ Графинѣ Мнишекъ Капитанъ Бонвиллеръ.

Октября 30. Шамбелянъ Дюгамель пріѣхалъ изъ Варшавы, и съ нимъ Каноникъ Ольшанскій. Въ вечеру были у Графини Грабовской: Ихъ Сіятельства, Княгини, супруга Главнокомандующаго и Волконская, Графиня Панина, Графъ Румянцовъ, Безбородко и Панинъ, Князь Лобановъ, Господа: Ржевуцкій, Шидловскій, Крайчина Госпожа Грабовская, обѣ Госпожи Ожаровскія, Лосоцкая, Дзяконская, Вольская съ мужемъ, Беклерова, Кицкій и Горжинскій, а въ 8 часовъ и Его Величество пришелъ туда.

Октября 31. Данъ пашпортъ до Варшавы чрезъ Бѣлой Стокъ и Венгровъ Подконюшему Аксамитовскому, и того жъ дня въ ночи онъ съ Каноникомъ Ольшанскимъ выѣхалъ.

Мѣсяцъ Ноябрь.

1-го числа доставлена отъ Пристава съ Казначеемъ Порутчикомъ Розенбаумомъ, для содержанія Его Величества, мѣсячная за Октябрь мѣсяцъ сумма, въ принятіи которой Господинъ Коронной Конюшій Кицкій въ расходной книгѣ подписался.

Ноября 2. Его Величество изволилъ выѣзжать прогуливаться въ Понѣмунь, возвратился въ 2 часу. Обѣдалъ у онаго Князь

---

[71] Мадамъ де Кракови.

Воронецкій. Пріѣзжалъ во дворецъ по утру отъ Графа Панина Офицеръ къ мадамъ де Кракови. Княгиня Воронецкая была у Графини Мнишекъ, Госпожа Мазаровская пріѣзжала къ Секретаршѣ Пузыновой. Выѣзжалъ въ городъ Графъ Мнишекъ, и возвратился черезъ часъ.

Ноября 3. Его Величество проѣзжаться изволилъ по Скидельской дорогѣ, въ препровожденіи Пристава, нѣкоторыхъ придворныхъ и конвоя нашего.

Ноября 4. Въ 11 часовъ Его Величество ѣздилъ съ Графомъ Мошинскимъ навѣстить Главнокомандующаго, и возвратился въ 12 часу. Обѣдали у него: Графиня Ожаровская, Графъ Безбородко и Господинъ Збышевскій. Были во дворцѣ предъ обѣдомъ: Подкоморій Липинскій и Ректоръ Почебутъ у Короля; послѣ обѣда: Господинъ Воронецкій у Графини Мнишекъ, Госпожа Воронецкая у Графини Грабовской. Выѣзжали изъ дворца въ вечеру къ Его Сіятельству, Главнокомандующему, на ассамблею: Графъ Мошинскій, Генералъ Горжинскій и Шамбелянова Вольская.

Ноября 5. По утру выѣзжали въ городъ: Графъ Мнишекъ съ женою, Госпожа Грабовская, Шамбелянъ Вольскій и его супруга. Обѣдали у Его Величества: Господа Воловичъ и Староста Пузына. По полудни пріѣзжали во дворецъ: Госпожа Лосоцкая къ Королю, Воловичева къ Госпожѣ Грабовской. Отъ Его Сіятельства, Главнокомандующаго, присыланъ былъ его Флигель-Адъютантъ, Князь Гагаринъ, съ письмами къ Госпожѣ Грабовской Въ 6 часовъ вечера Графиня Мнишекъ пригласила, въ покои Его Величества, на вечеринку, Ихъ Сіятельства, Главнокомандующаго, съ супругою, Княгиню Волконскую, Графиню Панину, Генералъ-Порутчиковъ Графовъ Румянцова и Безбородка, Генералъ-Маіоровъ Германа и Графа Панина, Бригадира Князя Лобанова-Ростовскаго, изъ Польскихъ Господъ: Госпожу Гетманову Ожаровскую, Графовъ Ржевуцкаго и Тизенгаузена, кои, прибывъ въ 7 часовъ, были до 9 часовъ, гдѣ и Его Величество находился.

Ноября 6. Отъѣхала въ Бѣлой Стокъ Шамбелянова Вольская. Были во дворцѣ по утру: Маршалокъ Ягменъ у Господина Кицкаго, Госпожа Ляхницкая у Графини Мнишекъ, по полудни Староста Пузына у Секретаря Пузыны, Господинъ Ржевуцкій у Графини Грабовской. Выѣзжали изъ дворца въ городъ: Королев-

скія сестрицы, Графъ Мнишекъ съ супругою и Генеральша Грабовская.

Ноября 7. Во 2 часу по полудни Господинъ Кицкій отъѣхалъ съ Господиномъ Дульскимъ въ Варшаву, чтобы оттуда отправиться въ Галицію, котораго проводили до кузницы: Господа Понятовскій, Сагатинскій и Залѣскій. Были во дворцѣ предъ обѣдомъ: Господинъ Воронецкій, Подскарбій Дзяконскій и Староста Пузына; послѣ обѣда: Ихъ Сіятельства, Княгиня Репнина и Графиня Панина, пріѣзжали къ Мадамъ де Кракови, Ректоръ Почебутъ, Графиня Дзялинская, [72] Графъ Ржевуцкій, Госпожа Пузына, Каштелянъ Воронецкій и Господинъ Залѣскій, были во дворцѣ. Его Величество въ 1 часу выходилъ къ Адъютанту своему, Киркору, и того жъ часа возвратился. Выѣзжалъ въ городъ Графъ Мнишекъ.

Ноября 8. Пріѣзжали во дворецъ: Госпожи Ожаровская, Дзяконская и Ляхницкая къ мадамъ де Кракови, Госпожа Рачинская [73] къ Госпожѣ Грабовской. Во 2 часу по полудни прибылъ во дворецъ Его Сіятельство, Главнокомандующій, былъ у мадамъ де Кракови и обѣдалъ у Короля, выѣхалъ въ 4 часа. Обѣдали у онаго такъ же Госпожа Ожаровская, Графъ Безбородко и Господинъ Ржевуцкій. Выѣзжали изъ дворца: Графъ Мошинскій, Графъ Мнишекъ съ женою, Генералъ Горжинскій, Шамбеляны Дюгамель и Вольскій, къ Главнокомандующему на ассамблею.

Ноября 9. Въ 11 часовъ Его Величество, въ обыкновенномъ препровожденіи, изволилъ выѣздить прогуливаться по Скидельской дорогѣ, и возвратился въ 12 часовъ. Выѣзжали въ городъ: Госпожа Грабовская, Графъ Мнишекъ и Шамбелянъ Вольскій.

Ноября 10. Въ 11 часовъ. Его Величество, въ обыкновенномъ препровожденіи, выѣзжалъ верхомъ прогуливаться, возвратился въ 1 часу. Госпожа Браницкая ѣздила прогуливаться. Пріѣзжали во дворецъ: по утру Подскарбій Дзяконскій съ супругою и Госпожа Лосоцкая, къ Генеральшѣ Грабовской; по полудни были во дворцѣ: Староста Пузына и Господинъ Залѣскій.

---

[72] Генералъ графъ Дзялынскій, пламенный поборникъ Конституціи 3-го Мая, произведшій Варшавскую революцію 1794-го года.

[73] Рачинскій, вмѣстѣ съ Мошинскимъ и Епископомъ Косаковскимъ, были горячими поборниками Торговицкой Конфедераціи, слѣдовательно, Русской партіи.

Ноября 11. Были утромъ во дворцѣ: Ректоръ Почебутъ и Господинъ Полковникъ Куринскій у Его Величества, по полудни Господинъ Равнаровичъ у Графа Мнишка. Въ 1 часу прибылъ во дворецъ Главнокомандующій, въ три часа съ половиною выѣхалъ. Выѣзжали въ Доминиканскій монастырь: Графиня Мнишекъ и Генеральша Грабовская. Шамбелянъ Вольскій отъѣхалъ въ Варшаву.

Ноября 12. Были во дворцѣ: Господинъ Дашкевичъ и Госпожа Воловичева у Госпожи Грабовской, Докторъ Виріонъ у Секретаря Пузыны. Выѣзжали изъ дворца въ городъ: Графъ Мошинскій, Генералъ Горжинскій и Шамбелянъ Стржембашъ.

Ноября 13. Пріѣзжали во дворецъ: Господинъ Грабовскій и Госпожа Ляхницкая. Обѣдалъ у Его Величества Господинъ Дзяконскій.

Ноября 14.[74] Въ 11 часовъ Его Величество выходилъ въ замковую каплицу слушать мшу. Его Сіятельство, Главнокомандующій, присылалъ своего Генералъ-Адъютанта Инзова за Секретаремъ Фризомъ. Обѣдали у Короля: Подскарбій Дзяконскій и Господинъ Почебутъ. Выѣжали изъ дворца: Графъ Мнишекъ, Генералъ Горжинскій, Шамбелянъ Дюгамель, въ городъ, а Графъ Мошинскій къ Главнокомандующему. Господинъ Аксамитовскій пріѣхалъ изъ Варшавы, а Адъютантъ Грабовскій съ братомъ изъ своей деревни.

Ноября 15. Предъ обѣдомъ былъ во дворцѣ: Господинъ Равнаровичъ, послѣ обѣда пріѣзжала Графиня Панина къ Госпожѣ Грабовской. Полковникъ Куринскій былъ во дворцѣ. Выѣзжали: Графъ Мошинскій, Графъ Мнишекъ и Госпожа Грабовская въ городъ, къ Королю Ксёнзъ Доминикъ и Госпожа Лосоцкая, которая обѣдала у Его Величества и была потомъ у мадамъ де Кракови. Подконюшій Аксамитовскій выѣхалъ въ Варшаву.

Ноября 17. По утру были во дворцѣ: Подскарбина Дзяконская, Господинъ Верещинскій, по полудни Господинъ Пузына.

---

[74] Въ этотъ день Король Станиславъ-Августъ Понятовскій подписалъ актъ своего отреченія отъ Польскаго престола, въ присутствіи Князя Н. В. Репнина и Графовъ: Мнишка, Мошинскаго, Панина и Секретаря своего Фриза. Этотъ актъ въ Русскомъ переводѣ напечатанъ въ Полномъ Собраніи Законовъ, т. XXIV, № 17,773, стр. 284—285.

Ея Сіятельство, Княгиня Волконская, съ Госпожею Ожаровской, къ Госпожѣ Грабовской, которая съ оною выѣзжала изъ дворца. Выѣзжалъ въ городъ Графъ Мнишекъ.

Ноября 18. Утромъ въ 11 часовъ Его Величество выходилъ въ замковую каплицу слушать мшу. Его Сіятельство, Главнокомандующій, прибылъ во дворецъ во 2 часу по полудни, обѣдалъ у Короля и въ 6 часовъ уѣхалъ. Пріѣзжали во дворецъ: Гетманова Ожаровская и Господинъ Голевскій. Выѣзжали на ассамблею къ Главнокомандующему: Графъ Мнишекъ съ женою, Графъ Мошинскій, Генеральша Грабовская и Докторъ Беклеръ.

Ноября 19. Его Величество въ 11 часовъ утра, въ обыкновенномъ препровожденіи, выѣзжалъ прогуливаться въ Станиславовъ, и возвратился въ 1 часу. Были во дворцѣ: Княгиня Ожаровская, Графиня Панина, Ректоръ Почебутъ, Воевода Суходольскій и Ксёндъ Пробоцъ. Выѣзжали изъ дворца: Графъ Мошинскій и Секретарь Пузына.

Ноября 20. Были во дворцѣ: Господинъ Никуличъ у Короля, Госпожа Дзяконская у мадамъ де Кракови, Господинъ Залѣскій у Генерала Горжинскаго, Госпожа Хотькевичева у Госпожи Грабовской, Госпожи Суходольскія у Секретаря Пузыны. Выѣзжали въ городъ: Графъ Мошинскій, Графъ Мнишекъ и Шамбелянъ Стржембашъ.

Ноября 21. Его Величество, съ нѣкоторыми своими придворными въ 1 часу ходилъ навѣстить своего Адъютанта, Киркора, гдѣ пробывъ полчаса, возвратился въ свои покои. Обѣдалъ у Короля Подполковникъ Графъ Стакельбергъ. Послѣ обѣда были у Его Величества: Генералъ-Маіоръ Бенингсонъ и Графиня Хотькевичева. Пріѣзжали во дворецъ: Господа Воловичъ и Минской Воевода Хоминскій. Графъ Мнишекъ выходилъ прогуливаться.

Ноября 22. Его Сіятельство, Главнокомандующій, прибылъ во 2 часу во дворецъ, кушалъ у Его Величества и въ 4 часа уѣхалъ. Предъ обѣдомъ Ректоръ Почебутъ былъ у мадамъ де Кракови, послѣ обѣда пріѣзжалъ Аглицкой купецъ, Кетли, къ мадамъ де Подоли.

Ноября 23. Пріѣзжали во дворецъ: Князь Радзивилъ и Воевода Минскій Хоминскій къ Королю, Ея Сіятельство, Княгиня Волконская, Графиня Ожаровская, Графиня Панина, Графъ Стакельбергъ и Генералъ Грабовскій, къ Госпожѣ Грабовской, Гос-

подинъ Суходольскій къ Секретарю Пузынѣ. Мадамъ де Кракови выѣзжала прогуливаться. Госпожа Грабовская вечеромъ ѣздила къ Графинѣ Паниной.

Ноября 24. Въ день тезоименитства Ея Императорскаго Величества Король, съ обѣими своими сестрицами, въ препровожденіи Пристава, Графа Безбородка, своихъ придворныхъ и нашего конвоя, ѣздилъ къ Главнокомандующему поздравить онаго съ симъ торжественнымъ днемъ. Главнокомандующій, съ Генералитетомъ, Штабъ и Оберъ-Офицерами, встрѣтивъ онаго въ передней комнатѣ, препроводилъ его такимъ образомъ въ парадные свои покои, гдѣ Его Величество, пробывъ часъ, возвратился съ сестрицами во дворецъ. Ѣздили такъ же къ Его Сіятельству, Главнокомандующему, съ поздравленіемъ онаго съ Высочайшимъ симъ праздникомъ: Графъ Мошинскій, Графъ Мнишекъ, Генералъ Горжинскій, Шамбелянъ Дюгамель. Господа: Грабовскіе, Збышевскій, Понятовскій, и первые два кушали тамо. Были во дворцѣ въ разные часы: Господинъ Грабовскій, Шефъ Стреинскій и Князь Воронецкій, у Госпожи Грабовской и потомъ у Короля. Вечеромъ ѣздили къ Его Сіятельству, Главнокомандующему, на балъ: Графъ Мнишекъ съ женою, Госпожа Грабовская съ сыновьями, Графъ Мошинскій, Генералъ Горжинскій, Шамбелянъ Дюгамель и Полковникъ Вицкій.

Ноября 25. Въ 11 часу утра Его Величество ходилъ, съ нѣкоторыми своими придворными, въ замковую каплицу слушать мшу, по окончаніи коей пошелъ въ свой кабинетъ. Обѣдали у Короля: Его Сіятельство, Главнокомандующій, Князь Николай Васильевичъ Репнинъ, Князь Радзивилъ, Минской Воевода Хоминскій, Графъ Безбородко и Господинъ Бригадиръ Князь Лобановъ-Ростовскій. Въ городъ выѣзжалъ Генералъ Горжинскій.

Ноября 26. Были во дворцѣ: Князь Радзивилъ, Генералъ Грабовскій, Шефъ Стреинскій, Графиня Хотькевичева, Госпожа Ляхницкая, Господинъ Карицкій, Мадамъ де Кракови и Графъ Мнишекъ выѣзжали прогуливаться, и потомъ послѣдній былъ съ супругою на ассамблеи у Главнокомандующаго.

Ноября 27. Въ 11 часу Его Величество выходилъ въ придворную церковь, возвратился въ свои покои чрезъ полчаса. Утромъ Графиня Мнишкова ѣздила въ костёлъ. Во 2 часу по полудни Его Величество изволилъ ходить къ мадамъ де Кракови,

Графинѣ Мнишковой и Генеральшѣ Грабовской, возвратился чрезъ полчаса. Предъ обѣдомъ и послѣ обѣда пріѣзжали въ разные часы: къ Королю Господинъ Залѣскій и Госпожа Сапѣжина, которая у Его Величества и обѣдала, къ Секретарю Пузынѣ Господинъ Суходольскій. Ректоръ Почебутъ былъ во дворцѣ. Графъ Мошинскій въ вечеру выѣзжалъ изъ дворца.

Ноября 28. Въ 9 часовъ по полуночи пріѣхалъ изъ Варшавы отецъ Секретаря Бачьяреліи, и остановился у онаго.

Ноября 29. Выѣхалъ въ Варшаву Великій Коронный Маршалъ Графъ Мошинскій. Обѣдали у Короля: Его Сіятельство, Главнокомандующій, Графиня Сапѣжина и Лосоцкая.

Ноября 30. Въ день торжества Святаго Апостола Андрея Первозваннаго, надѣвъ на себя знаки сего ордена, Его Величество былъ въ придворной каплицѣ. Въ 12 часовъ Его Сіятельство, Главнокомандующій, пріѣзжалъ поздравить Его Величество, и чрезъ полчаса вышелъ, заходить изволилъ къ Графу Мнишекъ, яко кавалеру сего ордена. Въ сей день былъ у Его Величества по утру Генералъ-Маіоръ Князь Циціановъ, потомъ обѣдалъ у онаго и откланялся, предъ отъѣздомъ своимъ въ С.-Петербургъ.

Мѣсяцъ Декабрь.

1-го числа. По взнесеніи ассигнованной за Декабрь мѣсяцъ на содержаніе Его Величеству суммы, одиннадцати тысячъ червонныхъ, взята росписка отъ Господина Генерала Горжинскаго, принявшаго оные. Его Величество въ 1 часу выходилъ навѣстить Доктора Беклера, возвратиться изволилъ чрезъ четверть часа. Обѣдали у него: Княгиня Сапѣжина и Генералъ Грабовскій. Передъ обѣдомъ пріѣзжала во дворецъ Госпожа Ляхницкая. Послѣ обѣда разновременно навѣщали Госпожу Грабовскую Ихъ Сіятельства, Княгиня Репнина, Княгиня Волконская, Графиня Панина и Госпожа Ожаровская; Графиня Мнишкова выѣзжала изъ дворца въ городъ.

Декабря 2. Пріѣзжали къ Королю: Ректоръ Почебутъ и Польскій Полковникъ Кіянскій, къ Госпожѣ Грабовской Графиня Панина. Кушали у Короля: Его Сіятельство, Главнокомандующій, Княгиня Сапѣжина и Генералъ-Порутчикъ Графъ Безбородко. Выѣзжали къ Главнокомандующему на ассамблею: Графъ Мни-

шекъ съ женою, Госпожа Грабовская съ сыновьями и Генералъ Горжинскій.

Декабря 3. Его Величество провелъ весь день въ чтеніи и писаніи. Утромъ и послѣ обѣда были во дворцѣ многіе здѣшніе Польскіе Господа, о коихъ въ суточныхъ запискахъ отъ дежурныхъ тамо Штабъ-Офицеровъ было донесено.

Декабря 4. Графъ Мнишекъ выѣзжалъ въ городъ. Графиня Хребтовичева и Генералъ Грабовскій пріѣзжали къ Госпожѣ Грабовской, Господинъ Суходольскій къ Секретарю Пузынѣ. Выѣзжали къ Графу Панину: Графъ Мнишекъ съ женою, Генеральша Грабовская, Докторъ Беклеръ и Шамбелянъ Вольскій. Прибылъ Виленской Комисаръ Андрей Дзербицкій и остановился въ Старомъ замкѣ.

Декабря 5. Кушали у Короля: Княгиня Сапѣжина и Графъ (?) Хоминскій. Выѣхалъ въ деревню Стайбеки на охоту Королевской охотникъ Шейбе за билетомъ.

Декабря 6. Пріѣзжали во дворецъ: повѣренной Графини Хоткевичевой къ мадамъ де Кракови, Минскій Воевода Хоминскій, Польскій Полковникъ Кіянскій къ Королю, Генералъ Грабовскій къ Госпожѣ Грабовской. Кушали у Его Величества: Ихъ Сіятельства, Главнокомандующій съ супругою, Княгиня Волконская, Графиня Сапѣжина, Графиня Панина, Графъ Безбородко, Графъ Панинъ, Князь Лобановъ-Ростовскій, и въ 5 часовъ разъѣхались. Выѣзжали къ Главнокомандующему на ассамблею: Генералъ Горжинскій, Госпожа Грабовская и Шамбелянъ Вольскій. Отъ Пристава Графа Безбородка данъ Королевскому служителю, Козельскому, пашпортъ для проѣзда до Янова.

Декабря 7. Его Величество въ 10 часовъ изволилъ ходить, въ препровожденіи дежурнаго во дворцѣ Маіора и нѣкоторыхъ своихъ придворныхъ, къ Гетмановой Ожаровской и къ Доктору Беклеру; возвратился чрезъ полчаса. Пріѣзжали къ Госпожѣ Грабовской предъ обѣдомъ: Подскарбина Дзяконская, послѣ обѣда Госпожа Муравская. Обѣдали у Его Величества: Госпожа Ожаровская и Генералъ Грабовскій. Княгиня Сапѣжина, прибывъ вечеромъ къ мадамъ де Подоли, ужинала у Короля. Выѣзжала въ городъ Генеральша Грабовская. Пріѣхали изъ Варшавы: Коронной Конюшій Кицкій, Шамбелянъ Запольскій, Подконюшій Аксамитовскій и Капитанъ Комнацкій съ женою. Данъ пашпортъ Се-

кретарю Фризу для Старосты Соколовскаго. Отъѣхалъ въ Варшаву Графъ Мнишекъ, котораго провожала за нѣсколько верстъ супруга его.

Декабря 8. Обѣдали у Его Величества: Подскарбина Дзяконская и Госпожа Сапѣжина, послѣ обѣда пріѣзжали къ Королю Ректоръ Почебутъ и Господинъ Ляхницкій, выѣзжали въ городъ: Господа Кицкій и Шамбелянъ Вольскій. Пріѣхалъ изъ Варшавы Господинъ Дмуховскій.

Декабря 10. Кушалъ у Его Величества Бискупъ Косаковскій. Пріѣзжали во дворецъ: Господинъ Завацкій и Пруской купецъ Ульрихъ къ Королю; Ихъ Сіятельства, Княгиня Волконская, Графиня Панина, Госпожа Хоткевичева, Генералъ Грабовскій и Графъ Стакельбергъ, къ Госпожѣ Грабовской. Пріѣхалъ изъ Ковна Шляхтичъ Соколовичъ.

Декабря 11. Въ 10 часовъ по утру приходилъ къ Королю и подалъ прозбу Шляхтичъ Рожановскій изъ мѣстечка Кузницъ. Пріѣзжали во дворецъ Господа: Польской Полковникъ Стеновскій и Эйсмундъ. Господинъ Сѣряковскій былъ у Госпожи Грабовской. Его Величество въ 11 часу выѣзжалъ съ мадамъ де Кракови, въ препровожденіи своихъ придворныхъ и нашего конвоя, прогуливаться въ Грандичи, возвратился въ половинѣ перваго часа. Обѣдалъ у него Графъ Стакельбергъ.

Декабря 12. Въ 1 часу Его Величество, въ обыкновенномъ препровожденіи, изволилъ, съ мадамъ де Кракови и Госпожею Грабовскою, прогуливаться по Скидельской дорогѣ; возвратился черезъ два часа. Обѣдали у него: Гетманъ Огинскій, Графиня Хоткевичева и Господинъ Ляхницкій. Были во дворцѣ: Господинъ Ягменъ у Короннаго Конюшаго Кицкаго, Господинъ Збышевскій у Секретаря Пузыны, Господинъ Залѣскій у Шамбеляна Вольскаго. Его Сіятельство, Главнокомандующій, присылалъ ординарца за Секретаремъ Фризомъ.

Декабря 13. Въ 11 часу Его Величество выходилъ въ придворную церковь слушать мшу. Пріѣзжали во дворецъ: Господинъ Залѣскій и Ректоръ Почебутъ. Были у мадамъ де Подоли Госпожа Ляхницкая и Полковница Канштетова, у Секретаря Пузыны Господа: Губрдянскій и Букати. Выѣзжали въ городъ: Госпожа Грабовская и Шамбелянъ Стржембашъ.

Декабря 14. По утру выѣзжалъ изъ дворца Секретарь

Фризъ къ Главнокомандующему. Пріѣзжали во дворецъ: Господа Воловичъ и Завацкій къ Королю, Генералъ-Порутчикъ Графъ Румянцовъ и Князь Лобановъ къ Госпожѣ Грабовской, Господинъ Залѣскій къ Шамбеляну Вольскому. Кушали у Его Величества: Его Сіятельство, Главнокомандующій, Князь Николай Васильевичъ Репнинъ, и Гетманъ Огинскій. Отъѣхалъ въ Курляндію Господинъ Соколовичъ.

Декабря 15. Его Величество въ 10 часовъ по утру, съ фамиліею и придворными своими, изволилъ ходить въ придворную каплицу слушать мшу. Пріѣзжали къ Королю: Госпожа Кинштетова съ просьбою и Полковникъ Константиновъ. Даны пашпорты Секретарю Фризу для Господъ Подконюшаго Кавецкаго и Писаря Дмуховскаго. Вечеромъ выѣзжала Госпожа Грабовская изъ дворца.

Декабря 16. Въ Варшаву отъѣхали по утру: Писарь Дмуховскій, въ вечеру Господинъ Кавецкій. Пріѣзжалъ во дворецъ Польской Полковникъ Барановскій. Въ 11 часу Его Величество, со всѣми своими придворными, слушалъ въ придворной каплицѣ мшу. Обѣдали у него: Главнокомандующій, Графъ Безбородко и Подполковникъ Графъ Стакельбергъ, которой и откланялся Его Величеству.

Декабря 17. Его Величество, въ обыкновенномъ препровожденіи, изволилъ прогуливаться по Скидельской дорогѣ къ деревнѣ Каплицы; возвратился въ исходѣ 12 часа. Предъ обѣдомъ пріѣзжали къ Госпожѣ Грабовской: Гетманова Ожаровская и Княгиня Волконская. Обѣдали у Короля: Ректоръ Почебутъ и повѣренный Генералъ-Аншефа Игельстрома, Баронъ Гансъ. Выѣзжали изъ дворца: утромъ мадамъ де Подоли и Графиня Мнишекъ по полудни Госпожа Грабовская.

Декабря 18. Пріѣзжали во дворецъ: Виленской Академіи Ректоръ Почебутъ и Господинъ Завацкій къ Королю, Графиня Хотькевичева къ Госпожѣ Грабовской. Выѣзжали въ городъ: мадамъ де Кракови и Графиня Мнишкова.

Декабря 19. Предъ обѣдомъ были во дворцѣ: Господинъ Завацкій у Короля, Каштелянова Воловичева у мадамъ де Кракови, послѣ обѣда: Гетманова Ожаровская и Госпожа Муравская у Госпожи Грабовской, откуда прошли они въ большой залъ, гдѣ

находился Его Величество съ сестрицами своими. Выѣзжалъ въ городъ Шамбелянъ Вольскій.

Декабря 20. Въ 6 часовъ по полуночи выѣхалъ на охоту Коронный Конюшій Кицкій, и возвратился въ вечеру.

Декабря 21. Въ день Новаго Году, по Римско-Католическому обряду, Его Величество, въ препровожденіи Пристава, Графа Безбородка, и всего своего двора, въ 10 часовъ изволилъ ходить въ придворную каплицу слушать мшу. Въ исходѣ 11 часа Его Сіятельство, Главнокомандующій, съ Генералъ-Порутчиками Графомъ Румянцовымъ и Денисовымъ, Генералъ-Маіоромъ Графомъ Панинымъ и Бригадиромъ Княземъ Лобановымъ, пріѣхалъ поздравить Его Величество съ Новымъ Годомъ, и чрезъ полчаса возвратился въ свою квартиру. Пріѣзжали такъ же къ Его Величеству съ поздравленіемъ съ Новымъ Годомъ здѣсь въ Гроднѣ находившіеся Польскіе Господа чиновные и Духовенство. Послѣ обѣда въ 4 часа была у Его Величества и у обѣихъ его сестрицъ: Ея Сіятельство, Княгиня Александра Николаевна Волконская, а въ 6 часовъ, по приглашенію Его Величества, прибыли: Главнокомандующій съ Генералитетомъ, Графиня Панина, нѣкоторыя здѣшнія дамы, и проводили вечеръ до девяти часовъ, занимаясь различными играми и музыкою.

Декабря 22. Въ 11 часу утра Его Величество, въ обыкновенномъ препровожденіи, выѣзжалъ прогуливаться по Скидельской дорогѣ къ деревнѣ Каплицы, и возвратился въ 12 часу. Пріѣзжали во дворецъ: Господа Завацкій и Шидловскій къ Королю, Госпожа Лосоцкая къ мадамъ де Кракови, Госпожа Ляхницкая къ Госпожѣ Пашковской. Выѣзжали изъ дворца: мадамъ де Кракови и Госпожа Грабовская.

Декабря 23. Въ 11 часу по утру Его Величество изволилъ ходить съ фамиліею и нѣкоторыми придворными своими въ придворную церковь слушать мшу и чрезъ полчаса вышелъ. Былъ у него дважды Господинъ Завацкій. Обѣдали у Его Величества: Его Сіятельство Главнокомандующій, Гетманъ Огинскій, Господинъ Шидловскій и его супруга. Графиня Мнишкова выѣзжала въ городъ.

Декабря 24. Доставлена Его Величеству за Генварь мѣсяцъ 1796 года ассигнованная на содержаніе его сумма, одиннадцать тысячъ червонныхъ, въ пріемѣ коихъ получена Приставомъ, Гра-

фомъ Безбородкомъ, квитанція, за собственноручнымъ Его Величества подписаніемъ. Предъ обѣдомъ Господинъ Ягменъ былъ у Короля. Обѣдали у него: Господа Почебутъ и Стреинскій. Въ 7 часовъ вечера пріѣзжали отъ Главнокомандующаго къ Его Величеству Приставъ, Графъ Безбородко, и Господинъ дежурный Бригадиръ, Мерлинъ. Мадамъ де Кракови выѣзжала въ городъ. Прибыли: изъ Варшавы Шамбелянъ Леснеръ, изъ Жижмора [75] Староста Соколовскій, и остановились на Замковой улицѣ, первой у Еврея Рубиновича, другой у Еврея Лейбки.

Декабря 25. Въ 11 часу Его Величество изволилъ ходить въ Старый замокъ къ Секретарю Фризу, и того жъ часа возвратился. Обѣдалъ у него Староста Бржостовскій. Графиня Панина и Гетманова Ожаровская пріѣзжали къ Госпожѣ Грабовской, Господинъ Шидловскій къ Господину Кицкому. Были во дворцѣ у разныхъ особъ: Господа Ректоръ Почебутъ и Подскарбій Дзяконскій. Предъ обѣдомъ Его Величество посылалъ Шамбеляна Стржембаша къ Главнокомандующему поздравить онаго съ праздникомъ Рождества Христова.

Декабря 26. Были во дворцѣ: у Короля Господа Кочановскій, Каноникъ Юревичъ и Графиня Хоткевичева, которая и обѣдала у него; у Госпожи Грабовской Гетманова Ожеровская и Господинъ Шидловскій; у Шамбеляна Вольскаго Господинъ Залѣскій. Выѣзжали къ Его Сіятельству, Главнокомандующему, на ассамблею: Госпожа Грабовская, Генералъ Горжинскій и Шамбелянъ Вольскій. Выѣхали въ Варшаву, за данною отъ Пристава Графа Безбородка подорожнею: Господа Кицкій, Запольскій и Рыксъ.

Декабря 27. По утру въ 11 часу Его Величество, въ препровожденіи нѣкоторыхъ своихъ придворныхъ, изволилъ ходить къ Доктору Беклеру и къ Секретарю Фризу, и чрезъ полчаса воротился. Были у него предъ обѣдомъ: Господа Залѣскій и Липинскій. Обѣдали у Его Величества: Главнокомандующій и Гетманъ Огинскій. Пріѣзжали къ Госпожѣ Грабовской: Гетманова Ожаровская и Госпожа Шидловская. Данъ пашпортъ служите-

---

[75] Имѣнія Князя Іосифа Понятовскаго, конфискованнаго, но возвращеннаго потомъ владѣльцу, при Императорѣ Павлѣ.

лямъ Господина Кицкаго, для проѣзда Люблинскаго Воеводства въ деревню Риски.

Декабря 28. Пріѣзжали во дворецъ: Графиня Хотькевичева, Госпожа Ожаровская, Староста Бржостовскій и Господинъ Шидловскій, къ Госпожѣ Грабовской; Господа Збышевскій и Максимовичъ къ Секретарю Пузынѣ. Его Величество въ полдень изволилъ ходить къ мадамъ де Кракови, и въ 3 часу возвратился. Шамбелянъ Вольскій выѣзжалъ въ городъ.

Декабря 29. Въ 10 часу по утру Его Величество, въ обыкновенномъ препровожденіи, выѣзжалъ прогуливаться къ Станиславову, и въ 12 часу возвратился. Мадамъ де Кракови ѣздила прогуливаться. Обѣдали у Его Величества: Гетманъ Огинскій, Староста Бржостовскій и Госпожа Лосоцкая. Княгиня Волконская и Гетманова Ожаровская пріѣзжали къ Госпожѣ Грабовской. Были во дворцѣ: Госпожа Меерова и Господинъ Ляхницкій.

Декабря 30. Въ 10 часовъ по утру Его Величество изволилъ ходить въ придворную церковь слушать мшу. Предъ обѣдомъ были у него: Каноникъ Юревичъ и Господинъ Глинскій. Обѣдали у Его Величества: Его Сіятельство, Главнокомандующій, Графъ Панинъ, Господинъ Шидловскій и его супруга. Данъ Королевскому служителю, Ивану Пендзику, до Щучина пашпортъ.

Декабря 31. Въ 11 часу утра Его Величество, въ обыкновенномъ препровожденіи, выѣзжалъ прогуливаться по Скидельской дорогѣ, возвратился черезъ часъ. Передъ обѣдомъ были у него: Польской Полковникъ Кіянскій и Господинъ Бржостовскій. Обѣдали у Его Величества: Гетманъ Огинскій, Гетманова Ожаровская, Каноникъ Юревичъ. Графиня Панина и Госпожа Шидловская пріѣзжали къ Госпожѣ Грабовской.

1796 ГОДЪ.

Генварь.

1-го числа. Въ 11 часовъ по утру Генералъ Горжинскій съ Королевскими придворными ѣздилъ поздравить Его Сіятельство, Главнокомандующаго, съ Новымъ Годомъ, а въ 12 часовъ и Его Величество, съ обѣими своими сестрицами, въ сопровожденіи Пристава, Генералъ-Порутчика Графа Безбородка, своихъ придворныхъ и Россійскаго конвоя, ѣздилъ къ Главнокомандующему съ привѣтствіемъ. Его Сіятельство, съ Генералитетомъ, Штабъ и Оберъ-Офицерами, встрѣтивъ Короля на крыльцѣ, препроводилъ онаго въ свои покои, гдѣ Его Величество, пробывъ часъ времени и, при выходѣ своемъ, бывъ провожденъ отъ Главнокомандующаго, такимъ же порядкомъ возвратился во дворецъ. Послѣ обѣда пріѣзжалъ къ Его Величеству Генералъ Бенингсонъ. Въ 7 часовъ вечера выѣзжали къ Главнокомандующему на ассамблею: Генеральша Грабовская, Генералъ Горжинскій, Шамбелянъ Вольскій и Докторъ Беклеръ.

Генваря 2. Обѣдалъ у Его Величества Генералъ Бенингсонъ. Были во дворцѣ предъ обѣдомъ: Гетманъ Огинскій и Господинъ Воловичъ, послѣ обѣда Господа Сѣраковскій и Маршалокъ Ягменъ. Пріѣзжали къ Госпожѣ Грабовской: Гетманова Ожаровская, Госпожа Муравская, Господа Шидловскій и Прусскій Маіоръ Гревенъ.

Генваря 3. По утру и по полудни пріѣзжали во дворецъ къ Королю и его придворнымъ нѣкоторые здѣшніе Польскіе Господа.

Генваря 4. Отъ Его Сіятельства, Главнокомандующаго, присланъ былъ къ Госпожѣ Грабовской Ротмистръ Мезенцовъ съ письмами. Обѣдалъ у его Величества Гетманъ Огинскій. Пріѣзжали къ Госпожѣ Грабовской Гетманова Ожаровская, Графиня Панина и Госпожа Забѣлова, которыя, вышедъ отъ оной, были у Короля. Выѣзжалъ въ городъ Шамбелянъ Вольскій.

Генваря 5. Отъ Пристава, Графа Безбородка, дана Генералу Горжинскому, для Графини Дзяконской, подорожная до Варшавы. Былъ во дворцѣ Каноникъ Юревичъ. Шамбелянъ Вольскій выѣзжалъ въ городъ.

Генваря 6. Въ день рожденія Его Величества, въ 11 часовъ утра, были у него: Его Сіятельство, Главнокомандующій, Генералъ-Порутчикъ Графъ Румянцовъ, Генералъ-Маіоръ Графъ Панинъ, Господа Бригадиры Мерлинъ и Князь Лобановъ-Ростовскій. Потомъ Главнокомандующій, пріѣхавъ во 2 часу къ Королю съ Приставомъ, Графомъ Безбородкомъ и Графомъ Панинымъ, обѣдалъ у него. Обѣдали такъ же у Его Величества: Принцъ Нассау-Зигенъ, Гетманъ Огинскій, Подскарбина Дзяконская, Госпожа Лосоцкая и Господинъ Шидловскій. Послѣ обѣда пріѣзжали во дворецъ: Ихъ Сіятельства, Княгини Репнина и Волконская, Графиня Панина, Гетманова Ожаровская.

Генваря 7. Были во дворцѣ: по утру Господинъ Эйсмундъ у Короля, Графиня Панина у Госпожи Грабовской; по полудни Его Сіятельство, Главнокомандующій, съ фамиліею, Принцъ Нассау-Зигенъ, Генералъ-Порутчикъ Графъ Румянцовъ, Графиня Панина, Гетманова Ожаровская, Госпожа Забѣлова, Муравская и Лосоцкая у Его Величества.

Генваря 8. Въ 11 часовъ Его Свѣтлость Принцъ Нассау-Зигенъ, пріѣхавъ во дворецъ, былъ у обѣихъ сестрицъ Его Величества и у Графини Мнишекъ, и потомъ обѣдалъ у Короля. Вечеромъ, вторично пріѣхавъ къ Его Величеству, оставался у него ужинать. Выѣзжали въ городъ: Госпожа Грабовская и Шамбелянъ Вольскій. Пріѣхалъ изъ Варшавы Господинъ Кавецкій.

Генваря 9. По утру Его Величество, занемогши, принималъ лѣкарство и до 9 часовъ вечера не выходилъ изъ своего кабинету; передъ ужиномъ чувствовалъ облегченіе и ужиналъ по обыкновенному. Отъ Его Сіятельства, Главнокомандующаго, пришло письмо къ Шамбеляну Вольскому, для доставленія Самогицкому Бискупу Ядровичу. Пріѣзжалъ къ мадамъ де Кракови Ксёндзъ изъ Бѣлаго Стоку. Госпожа Грабовская выѣзжала въ городъ. Въ 9 часовъ вечера былъ у Секретаря Пузыны маленькой концертъ, на коемъ, кромѣ придворныхъ, были: мадамъ Эйсмундъ съ фамиліею, Господа Збышевскій и два брата Суходольскихъ.

Генваря 10. Пріѣзжали къ Госпожѣ Грабовской передъ обѣдомъ: Гетманова Ожаровская, Графиня Панина, Госпожа Лосоцкая и Господинъ Бржостовскій. Были во дворцѣ: Госпожа Муравская и Рудницкая. Кушали у Его Величества: Главнокомандующій, Приставъ Графъ Безбородко и Господинъ Шидловскій.

Выѣзжали въ городъ: мадамъ де Кракови, Шамбелянъ Вольскій и Секретарь Пузына.

Генваря 11. Въ 11 часовъ утра Его Величество, въ обыкновенномъ препровожденіи, выѣзжалъ прогуливаться по Скидельской дорогѣ, возвратился въ 12 часовъ. Обѣдали у него: Господинъ Казановскій и Госпожа Можевская. Пріѣзжали къ Госпожѣ Грабовской: Графиня Панина и Гетманова Ожаровская. Мадамъ де Подоли и Графиня Мнишкова выѣзжали прогуливаться. Прибыла изъ Варшавы Графиня Тышкевичева.

Генваря 12. Въ 11 часовъ по утру Его Величество изволилъ выѣзжать прогуливаться въ Понѣмунь, и возвратился чрезъ часъ. Обѣдалъ у него Господинъ Радищевскій. Были во дворцѣ: Господа Завацкій, Бржостовскій и Польской Полковникъ Новоминскій. Пріѣзжала къ мадамъ де Подоли Госпожа Муравская; Графиня Мнишкова и Госпожа Грабовская выѣзжали въ городъ. Прибылъ изъ Варшавы Великой Литовской Подкоморій Будаковскій.

Генваря 13. Въ 11 часовъ утра Его Величество съ придворными своими изволилъ ходить въ придворную церковь слушать мшу. Подкоморій Будаковскій выѣзжалъ на малое время въ городъ. Были во дворцѣ: Графиня Панина у Госпожи Грабовской, Пруской Маіоръ Гревенъ у мадамъ де Кракови. Обѣдали у Его Величества: Главнокомандующій, Приставъ, Графъ Безбородко, Гетманъ Огинскій и Господинъ Збышевскій. Выѣзжали къ Его Сіятельству, Главнокомандующему, на ассамблею: Госпожи Мнишкова, Тышкевича, Грабовская, Господа Будаковскій, Вольскій и Дюгамель.

Генваря 14. Въ 11 часу утра отъѣхали въ Варшаву: Господа: Камелли и Секретарь Понятовскій. Обѣдалъ у Его Величества Пруской Маіоръ Гревенъ. Пріѣзжали во дворецъ: Графиня Панина, Князь Лобановъ-Ростовскій, Госпожи Муравская и Рудницкая и Господинъ Бржостовскій. Выѣзжала въ городъ Графиня Мнишкова.

Генваря 15. Госпожа Грабовская выѣзжала въ городъ. Господа: Бржостовскій и Ректоръ Почебутъ были у Его Величества. Присланы отъ Его Сіятельства, Главнокомандующаго, адресованныя на имя Королевскихъ Секретарей, Фриза и Пузыны, письма къ Королю и нѣкоторымъ его придворнымъ. Вечеромъ выѣзжали на данный Генералитетомъ маскарадъ: Графини Мнишкова и Тыш-

кевичева, Госпожа Грабовская, Генералъ Горжинскій, Шамбелянъ Вольскій, Полковники Политанскій и Вицкій.

Генваря 16. Въ 11 часу утра Его Величество, въ обыкновенномъ препровожденіи, выѣзжалъ прогуливаться къ деревни Каплицы, возвратиться изволилъ въ 12 часу. Обѣдали у него: Гетманъ Огинскій, Господа Будаковскій, Збышевскій и Андрейковичъ съ женою и дочерью. Полковница Кіянская была у мадамъ де Кракови. Вечеромъ пріѣзжали къ Госпожѣ Грабовской: Госпожи Ожаровская, Лосоцкая, Муравская, Крайчина Грабовская и Господинъ Грабовскій, потомъ были у Короля и его фамиліи.

Генваря 17. Въ 11 часу по утру Его Величество, въ обыкновенномъ препровожденіи, изволилъ прогуливаться къ деревни Грандичи, и во 2 часу возвратился. Выѣзжали прогуливаться и его сестрицы, мадамъ де Подоли и мадамъ де Кракови. Ея Сіятельство, Княгиня Волконская и Графиня Панина, пріѣзжали къ Графинѣ Мнишковой, Госпожи Ожаровская и Забѣлова къ Генеральшѣ Грабовской. Король посылалъ пажа своего къ Генералъ-Маіору Герману спросить его о здоровьи. Обѣдали у Его Величества: Главнокомандующій и Генералъ-Поручикъ Графъ Безбородко. Вечеромъ выѣзжали на ассамблею къ Его Сіятельству, Главнокомандующему: Госпожи Мнишкова и Грабовская, Господа Будаковскій, Вольскій и Лесеръ.

Генваря 18. Въ 10 часу утра Его Величество, въ обыкновенномъ препровожденіи, выѣзжалъ прогуливаться; возвратился черезъ часъ. Обѣдала у него Подскарбина Дзяконская. Пріѣзжали во дворецъ разновременно: Гетманова Ожаровская, Графиня Панина, Графъ Панинъ, Господинъ Ляхницкій и Госпожа Ляхницкая. Графиня Мнишкова выѣзжала дважды въ городъ.

Генваря 19. Въ 11 часу утра Его Величество, въ обыкновенномъ препровожденіи своихъ придворныхъ, дежурнаго Маіора и нашего конвоя, изволилъ ѣздить прогуливаться по Скидельской дорогѣ, возвратился въ 1 часу. Обѣдали у него: Гетманъ Огинскій, Генералъ Польской Мей и Ректоръ Почебутъ. Графиня Мнишкова выѣзжала въ городъ. Пріѣзжала во дворецъ Ея Сіятельство, Княгиня Волконская, къ Госпожѣ Грабовской, Госпожа Муравская и Лосоцкая къ Графинѣ Мнишковой. Прибылъ изъ Варшавы Староста Рыксъ.

Генваря 20. Въ 10 часовъ по утру Его Величество съ нѣкоторыми изъ своей свиты изволилъ ходить въ придворную церковь слушать мшу. Пріѣзжали во дворецъ: Генералъ-Маіоръ Буксгевденъ къ Его Величеству, Стражникова Верещинская къ мадамъ де Кракови, Госпожа Ляхницкая къ Секретарю Пузынѣ. Ѣздили къ Его Сіятельству, Главнокомандующему, на ассамблею: Подкоморій Будаковскій, Генералъ Горжинскій, Полковники Политанскій и Киркоръ, Шамбеляны Дюгамель и Вольскій, Секретари Фризъ, Бачьярели и Карась.

Генваря 21. Въ 11 часу утра Его Величество, въ обыкновенномъ препровожденіи, выѣзжалъ прогуливаться по Скидельской дорогѣ, возвратился въ полдень. Кушали у него: Ихъ Сіятельства, Главнокомандующій, Князь Николай Васильевичъ Репнинъ, супруга его, Княгиня Наталья Александровна, Генералъ-Порутчикъ Графъ Безбородко, Генералъ-Маіоръ Буксгевденъ съ супругою. Въ 7 часовъ вечера Его Величество изволилъ ходить къ Шамбеляну Вольскому, гдѣ, пробывъ полчаса, прошелъ въ свои покои. Прусской Маіоръ Гревенъ пріѣзжалъ къ мадамъ де Кракови, Ректоръ Почебутъ къ Королю.

Генваря 22 дня. Были во дворцѣ: Ректоръ Почебутъ, Каноникъ Юревичъ, Крайчина Грабовская, Господа Эйсмундъ и Залѣскій. Обѣдали у Его Величества: Господа Гетманъ Огинскій, Стреинскій и Шидловскій, Графиня Мнишкова выѣзжала въ городъ.

Генваря 23. Были во дворцѣ предъ обѣдомъ: Господинъ Завацкій у Генерала Горжинскаго, Коллежскій Совѣтникъ Дивовъ у Госпожи Грабовской; послѣ обѣда разновременно: Ихъ Сіятельства, Княгини Репнина и Волконская, Графиня Панина, Госпожи Ожаровская, Забѣлова, Муравская, Князь Лобановъ-Ростовскій и Господинъ Шидловскій, у Короля. Пріѣзжали во дворецъ: Графъ Румянцовъ и Графъ Панинъ. Обѣдала у Его Величества Госпожа Лосоцкая. Отъѣхалъ въ Варшаву Королевскаго гардероба служитель, Валеріанъ Праздавцкій.

Генваря 24. По утру Господинъ Шидловскій былъ у Госпожи Грабовской. Его Сіятельство, Главнокомандующій, Тайный Совѣтникъ Баронъ Ашъ и Графъ Безбородко, кушали у Короля. Госпожа Грабовская выѣзжала въ городъ. Отъѣхалъ въ Варшаву Королевской Подконюшій, Сагатинскій.

Генваря 25. Въ 11 часу утра Его Величество изволилъ хо-

дить къ мадамъ де Кракови, и черезъ часъ возвратился въ свой кабинетъ. Графиня Панина и Гетманова Ожаровская пріѣзжали къ Госпожѣ Грабовской. Были во дворцѣ: Госпожи Нарбутова, Ляхницкая и Польской Полковникъ Киштентовъ. Выходилъ изъ дворца Генералъ Горжинскій.

Генваря 26. Пріѣзжали во дворецъ: Ея Сіятельство, Княгиня Волконская, къ Госпожѣ Грабовской, Генералъ-Маіоръ Бенингсонъ, Госпожи Муравская и Лосоцкая къ Его Величеству.

Генваря 27. Въ 11 часу утра Его Величество изволилъ ходить въ придворную церковь слушать мшу. Обѣдали у него: Главнокомандующій и Генералъ-Порутчикъ Графъ Безбородко. Пріѣзжали во дворецъ: Графиня Панина, Гетманова Ожеровская и Господинъ Эйсмундъ. Выѣзжали изъ дворца: Королевской Докторъ, Беклеръ, и Госпожа Грабовская.

Генваря 29. Въ 1 часу по полудни пріѣзжалъ къ Его Величеству Его Сіятельство, Главнокомандующій, и того жъ часа выѣхалъ. Гетманова Ожаровская и Госпожа Забѣлова были у Госпожи Грабовской. Пріѣзжали къ оной: Госпожи Муравская и Лосоцкая, и были потомъ у Королевскихъ сестрицъ. Госпожа Грабовская дважды выѣзжала въ городъ.

Генваря 29. Тайный Совѣтникъ Баронъ Ашъ пріѣзжалъ къ мадамъ де Подоли и потомъ къ Госпожѣ Грабовской. Обѣдалъ у Его Величества Ректоръ Почебутъ. Вечеромъ пріѣзжали: къ Госпожѣ Грабовской Госпожа Муравская, къ Королю Коронной Подстольникъ Валицкій, который, пробывъ съ нимъ въ кабинетѣ два часа, уѣхалъ.

Генваря 30. Въ 11 часу утра Его Величество изволилъ ходить въ придворную церковь слушать мшу. Были у него: Госпожа Лосоцкая и Господинъ Валицкій.

Генваря 31. Пріѣжали во дворецъ: по утру Господа Дзяконскій и Эйсмундъ къ Королю, по полудни: Графиня Панина и Гетманова Ожаровская къ Госпожѣ Грабовской. Обѣдали у Короля: Его Сіятельство, Главнокомандующій, Князь Николай Васильевичъ Репнинъ, Генералъ-Порутчикъ Графъ Безбородко, Генералъ-Маіоръ Бенингсонъ и Господинъ Шидловскій.

Мѣсяцъ Февраль.

1-го числа. Въ 11 часу утра Его Величество съ мадамъ де Кракови изволилъ, въ обыкновенномъ препровожденіи, прогуливаться по Скидельской дорогѣ; возвратился въ 12 часовъ. Обѣдалъ у него Гетманъ Огинскій. Послѣ обѣда пріѣзжали къ Его Величеству: Генералъ-Маіоръ Тормасовъ и Господинъ Шидловскій. Выѣзжали изъ дворца разновременно: мадамъ де Подоли, Графиня Мнишкова и Госпожа Грабовская.

Февраля 2. Поутру пріѣзжалъ Господинъ Обуховичь съ фамиліею къ Госпожѣ Грабовской и былъ у Короля, по полудни Госпожа Лящинская была у Его Величества; Коллежскій Совѣтникъ Дивовъ и Графиня Панина у Госпожи Грабовской. Отправленъ Госпожею Грабовскою въ Бѣлой Стокъ Шляхтычъ, Янъ Шейба, за билетомъ Пристава, Генералъ-Порутчика, Графа Безбородка.

Февраля 3. Въ 11 часовъ утра Его Величество изволилъ выходить въ придворную церковь слушать мшу. Обѣдали у него: Его Сіятельство, Главнокомандующій, Князь Николай Васильевичъ Репнинъ, Генералъ-Порутчикъ Графъ Безбородко, Тайной Совѣтникъ Баронъ Ашъ и Генералъ-Маіоръ Тормасовъ. Пріѣзжали во дворецъ: Генералъ-Маіоръ Беннигсонъ и Господинъ Эйсмундъ. Выѣзжали въ городъ: Графиня Мнишкова и Шамбелянъ Вольскій.

Февраля 4. Въ 11 часу утра Его Величество выѣзжалъ, въ обыкновенномъ препровожденіи, прогуливаться по Ковенской дорогѣ до деревни Грандичи, и возвратился въ 12 часу. Обѣдали у него: Господа Воловичъ и Обуховичъ съ женами своими. По обѣдѣ пріѣзжалъ къ Его Величеству Гетманъ Огинскій. Порутчица Семишина [76] была у мадамъ де Кракови. Госпожа Грабовская выѣзжала дважды въ городъ.

Февраля 5. Утромъ пріѣзжалъ Шефъ Стреинскій къ Генералу Горжинскому. Обѣдала у Короля Госпожа Лосоцкая. Вы-

---

[76] Героиня романа, дочь Пана Крушецкаго, ненавистника Русскихъ, влюбившаяся въ артиллеріи Подпоручика Семишина, который увезъ ее отъ отца и женился на ней. Отецъ лишилъ ее наслѣдства и отступился отъ нея, вмѣстѣ со всею своею родней; вмѣшательство Князя Н. В. Репнина, кажется, спасло молодую чету отъ бѣдности и отъ родительскаго гнѣва.

ѣзжали въ городъ: Графиня Мнишкова, Шамбелянъ Вольскій и Адъютантъ Грабовскій. Прибыли: Господинъ Бересневичъ изъ Варшавы, Господинъ Будаковскій изъ деревни, и остановились: первый въ домѣ, что при конюшнѣ, другой въ Старомъ замкѣ.

Февраля 6. Были во дворцѣ: Гетманъ Огинскій, Ректоръ Почебутъ у Короля, Тайный Совѣтникъ Баронъ Ашъ и Господинъ Будаковскій у Госпожи Грабовской и потомъ у Его Величества. Отъѣхали въ Варшаву: Господа Полковникъ Политанскій Секретарь Бачьярели и староста Рыксъ.

Февраля 7. Пріѣзжали во дворецъ: Стреинской, Крайчій Грабовской, Збышевскій, Хлевинскій и Господинъ Валицкій. Кушали у Короля: Его Сіятельство, Главнокомандующій, Приставъ Графъ Безбородко и Тайной Совѣтникъ Баронъ Ашъ. Вечеромъ Графиня Панина и Гетманова Ожаровская были у Госпожи Грабовской.

Февраля 8. Утромъ Шефъ Стреинскій былъ у Госпожи Грабовскій. Въ 1-мъ часу Его Величество изволилъ прогуливаться по терасу около дворца и ходилъ по флигелямъ дворцовымъ. Обѣдалъ у него Гетманъ Огинскій. Послѣ обѣда былъ у Его Величества Пруской Генералъ-Маіоръ Тиль съ своими Офицерами. Вечеромъ пріѣзжали къ Госпожѣ Грабовской: Графиня Панина, Графъ Панинъ, Гетманова Ожаровская, Госпожи Забѣлова и Шидловская. Отъѣхали въ Варшаву: Госпожа Пузына и Лѣкарь Петровскій.

Февраля 9. Обѣдали у Короля: Господа Валицкій, Веселовскій, Прускіе Генералъ-Маіоръ Тиль, Маіоры Гревенъ и Штейнъ. Послѣ обѣда Генералъ Маіоръ Бенингсонъ пріѣзжалъ къ Его Величеству откланяться, по поводу отъѣзда своего въ Петербургъ. Вечеромъ, пріѣхавъ къ Королю Польской службы Маіоръ Дитрихъ съ женою, оставался у него ужинать.

Февраля 10. Въ 9 часовъ по полуночи Господинъ Будаковскій выѣхалъ изъ Стараго замка.

Февраля 11. Обѣдалъ у Короля Хоронжій Нарбутъ съ женою и старшею дочерью. Пріѣзжали во дворецъ: Гетманъ Огинскій и Камергеръ Велегурскій. [77] Выѣзжали изъ дворца: Госпожа Грабовская и Секретарь Фризъ.

---

[77] Вѣроятно, Юрій; ибо другой Велегурскій, товарищъ Костюшки и Іосифа По-

Февраля 12. Въ 11 часовъ утра Его Величество съ мадамъ де Кракови изволилъ, въ обыкновенномъ препровожденіи, ѣздить прогуливаться до деревни Грандичи, возвратился въ 12 часу. Графиня Панина, Гетманова Ожаровская и Госпожа Забѣлова были у Госпожи Грабовской, которая вечеромъ выѣзжала въ городъ. Пріѣхалъ изъ Варшавы Секретарь Понятовскій (?).

Февраля 13. Въ 12 часу утра Его Величество изволилъ ходить къ мадамъ де Кракови, и чрезъ часъ возвратился въ свои покои. Пріѣзжали во дворецъ: Графиня Панина къ Госпожѣ Грабовской, Господа Обуховичъ и Ректоръ Почебутъ къ Королю. Госпожа Грабовская выѣзжала въ городъ.

Февраля 14. Въ 11 часу утра Его Величество, въ обыкновенномъ препровожденіи, ѣздилъ прогуливаться по Скидельской дорогѣ за пять верстъ; возвратился въ 12 часу. Были во дворцѣ: Графиня Панина и Прускій Маіоръ Гревенъ у Госпожи Грабовской, Бискупъ Косаковскій у Короля. Обѣдали у Его Величества: Его Сіятельство, Главнокомандующій, Приставъ Графъ Безбородко, Тайной Совѣтникъ Ашъ и Господа Шидловскій и Велегурскій, которые, отъѣзжая, заходили къ Госпожѣ Грабовской.

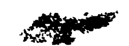
Февраля 15. Пріѣзжали во дворецъ: Ея Сіятельство, Княгиня Волконская, Шефъ Стреинскій, Господинъ Шидловскій. Выѣзжали въ городъ: Графиня Мнишкова и Госпожа Грабовская.

Февраля 16. Были во дворцѣ: Шефъ Стреинскій, Господинъ Гайскій и Господинъ Воловичъ съ женою и двумя дочерьми у Короля, Графиня Панина и Гетманова Ожаровская у Госпожи Грабовской.

Февраля 17. Въ 11 часу утра Его Величество со всѣми придворными своими ходилъ въ церковь слушать мшу. Въ полдень изволилъ ходить къ мадамъ де Кракови, и чрезъ часъ возвратился въ свои покои. Обѣдали у него: Главнокомандующій Генералъ-Порутчикъ Графъ Безбородко, Тайной Совѣтникъ Баронъ Ашъ и Господа Шефъ Стреинскій и Шидловскій. Послѣ обѣда пріѣзжалъ къ Королю Господинъ Велегурскій. Выѣзжали на ассамблею къ Его Сіятельству, Главнокомандующему: Госпожа Грабовская, Генералъ Горжинскій и Адъютантъ Грабовскій.

нятовскаго, начальствовалъ Литовскимъ отрядомъ во время послѣдняго переворота и дѣйствовалъ противъ Русскихъ.

Февраля 18. Во 2 часу по полудни пріѣзжалъ къ Королю Господинъ Велегурскій. Выѣзжала въ городъ Госпожа Грабовская. По требованію мадамъ де Кракови, чрезъ Секретаря Фриза, данъ пашпортъ отъ Пристава, Графа Безбородка, посланному отъ нея до Бѣлого Стоку кондитору, Леменсу Шейбѣ.

Февраля 19. Въ 11 часу по утру Его Величество, въ обыкновенномъ препровожденіи, изволилъ ѣздить прогуливаться, возвратился въ половинѣ 1 часа. Кушали у него: Подскарбій Дзяконскій и Госпожа Лосоцкая. Выѣзжали изъ дворца: Графиня Мнишкова и Шамбелянъ Стржембашъ.

Февраля 20. Въ 12 часу утра Его Величество съ Госпожею Грабовскою, въ обыкновенномъ препровожденіи, изволилъ ѣздить прогуливаться до Понѣмуня, возвратился въ 1 часу. Былъ у него Ректоръ Почебутъ. Госпожа Муравская пріѣзжала къ Госпожѣ Грабовской. Пріѣхала изъ Бѣлаго Стоку Госпожа Вольская. Отъѣхалъ въ Бѣлой Стокъ економъ мадамъ де Кракови, Якубъ Поплавскій.

Февраля 21. Въ полдень препровождены отъ Пристава, Графа Безбородка, чрезъ Капитана Трейдена, къ Королевскому, Секретарю Фризу пашпорты для Госпожи Вольской и Господина Фіазели. Были во дворцѣ передъ обѣдомъ и послѣ обѣда: Подпоручица Сенишина дважды у мадамъ де Каркови, Камергеръ Велегурскій у Короля, Графъ Панинъ, Князь Лобановъ-Ростовскій, Госпожа Муравская и Прускій Маіоръ Гревенъ, у Госпожи Грабовской. Обѣдали у Его Величества: Его Сіятельство, Главнокомандующій, Князь Николай Васильевичъ Репнинъ, Генералъ-Порутчикъ Графъ Безбородко, Тайной Совѣтникъ Баронъ Ашъ и Господинъ Шидловскій. Его Величество получилъ письма чрезъ нарочно присланнаго изъ Житомира отъ Каштеляна Корженецкаго Шляхтича. Выѣзжали въ городъ: мадамъ де Кракови и Госпожа Вольская. Вечеромъ прислана отъ Главнокомандующаго къ Графинѣ Мнишковой, чрезъ Ротмистра Мезенцова, посылка.

Февраля 22. Выѣхали въ Бѣлой Стокъ: Госпожа Вольская и конюшій мадамъ де Кракови, Господинъ Фіазели. Пріѣзжала къ Королю съ просьбою Госпожа Рарова. Въ 11 часу Его Величество изволилъ ходитъ въ придворную церковь слушать мшу. Пріѣзжали во дворецъ: Господинъ Велегурскій и Госпожа Воловичева съ дочерью къ Королю, Госпожа Шидловская къ Госпожѣ

Грабовской. Дана Приставомъ, Графомъ Безбородкомъ, Секретарю Фризу подорожная до Варшавы, для Секретаря Карася.

Февраля 23. Пріѣзжалъ во дворецъ Ректоръ Почебутъ. Выѣзжали въ городъ: Госпожа Грабовская и Шамбелянъ Вольскій. Приставъ, Графъ Безбородко, отъѣхалъ въ Прускій кордонъ.

Февраля 24. Поутру былъ у Короля Каноникъ Юревичъ. Въ 11 часу Его Величество изволилъ ходить въ придворную церковь слушать мшу. Возвратился съ Прускаго кордону Приставъ, Графъ Безбородко. Обѣдали у Короля: Главнокомандующій и Господинъ Шидловскій. Были во дворцѣ: Графиня Панина у Госпожи Грабовской, Староста Букати у Шамбеляна Вольскаго. Выѣзжали изъ дворца: Генералъ Горжинскій и Госпожа Грабовская съ сыномъ. Отъѣхали въ Варшаву: Королевской камердинеръ Руссо и лейбъ-кохъ Шицъ.

Февраля 25. Въ 11 часу утра Его Величество, въ обыкновенномъ препровожденіи, изволилъ выѣзжать прогуливаться, возвратился въ полдень. Обѣдалъ у него Каштелянъ Воловичъ съ женою и дочерьми. Графиня Панина, Графъ Панинъ, Князь Лобановъ-Ростовскій и Господинъ Шидловскій, были у Госпожи Грабовской. Пріѣхали изъ Варшавы люди Старосты Рыкса.

Февраля 26. Пріѣзжали и приходили во дворецъ нѣкоторые здѣшніе Польскіе господа къ придворнымъ Королевскимъ, о коихъ въ суточной запискѣ отъ дежурнаго было упомянуто.

Февраля 27. Въ 12 часу утра Его Величество, въ обыкновенномъ препровожденіи, выѣзжалъ прогуливаться, возвратился во 2 часу. Обѣдали у него: Ректоръ Почебутъ и Госпожа Лосоцкая. Госпожа Муравская пріѣзжала къ Госпожѣ Грабовской. Графиня Мнишкова выѣзжала въ городъ. Пріѣхали: Староста Рыксъ изъ Варшавы, Господинъ конюшій мадамъ де Кракови Фіазели изъ Бѣлаго Стоку.

Февраля 28. Предъ обѣдомъ прибылъ изъ Люблина Графъ Мнищекъ. Графиня Панина у была Госпожи Грабовской. Обѣдали у Короля: Его Сіятельство, Главнокомандующій, Князь Николай Васильевичъ Репнинъ, Графъ Безбородко и Господинъ Шидловскій.

Февраля 29. Въ вечеру прибылъ изъ Варшавы Канцлеръ Графъ Хребтовичъ.

Мѣсяцъ Мартъ.

1-го числа. Въ 11 часу утра Его Величество, въ обыкновенномъ препровожденіи, изволилъ выѣзжать прогуливаться по Скидельской дорогѣ, возвратился во 2 часу. Были во дворцѣ: Его Сіятельство, Главнокомандующій, Князь Николай Васильевичъ Репнинъ, Графъ Румянцовъ, Князь Лобановъ-Ростовскій и Господинъ Шидловскій у Графа Мнишка; Ихъ Сіятельства, Княгиня Репнина и Волконская у мадамъ де Кракови, Каштелянъ Воловичъ съ женою у Короля. Внесена Приставомъ, по приказанію Главнокомандующаго, положенная за Мартъ мѣсяцъ, для содержанія Его Величества и прочихъ его расходовъ, сумма 11000 червонныхъ, на которую получена квитанція за собственноручнымъ подписомъ Короля.

Марта 2. Пріѣхалъ изъ Варшавы Секретарь Бачьярели. Въ 11 часовъ по утру Его Величество съ фамиліею и придворными своими изволилъ ходить въ дворцовую церковь слушать мшу. Обѣдали у него: Его Сіятельство, Главнокомандующій, Тайной Совѣтникъ Баронъ Ашъ и Господинъ Шидловскій. Пріѣзжали во дворецъ: Бискупъ Косаковскій, Староста Букати, Каштелянъ Воловичъ съ женою и дочерьми и Господинъ Нарбутъ къ Королю; Графъ Панинъ съ супругою къ Госпожѣ Грабовской. По утру выѣзжали дѣти Графа Мнишка прогуливаться. Въ вечеру Графъ Мнишекъ съ женою и Генералъ Горжинскій ѣздили къ Его Сіятельству, Главнокомандующему, на ассамблею.

Марта 3. Въ 12 часу утра Его Величество, въ обыкновенномъ препровожденіи, изволилъ выѣзжать прогуливаться по Езерской дорогѣ, за пять верстъ, возвратился въ 1 часу. Были у него: Канцлеръ Хребтовичъ съ сыномъ и Крайчій Грабовскій. Пріѣхала изъ Бѣлого Стоку къ мадамъ де Кракови Госпожа Руткова.

Марта 4. Мадамъ де Подоли выѣзжала въ городъ. Графъ Панинъ, Графиня Панина и Госпожа Муравская, пріѣзжали къ Госпожѣ Грабовской.

Марта 5 дня. Въ 12 часу Его Величество съ мадамъ де Кракови изволилъ, въ обыкновенномъ препровожденіи, выѣзжать прогуливаться до деревни Грандичи, возвратился во 2 часу. Обѣдали у него: Госпожа Лосоцкая и Ректоръ Почебутъ. Выѣзжали въ го-

родъ: Госпожа Грабовская и Шамбелянъ Вольскій. Отъѣхали въ Варшаву: Староста Рыксъ и Писарь Швендровскій.

Марта 6. Въ 11 часу утра Его Величество, въ обыкновенномъ препровожденіи, выѣзжалъ верхомъ прогуливаться по Скидельской дорогѣ, воротился черезъ два часа. Выѣзжали изъ дворца: мадамъ де Подоли и Графиня Мнишекъ въ Понѣмунь, Графъ Мнишекъ въ городъ. Господинъ Залѣскій приходилъ къ Шамбеляну Вольскому. Пріѣхалъ изъ деревни Господинъ Соколовскій и остановился въ Мейзеровскомъ домѣ.

Марта 7. Были у Короля: Ректоръ Почебутъ и Староста Букати.

Марта 8. Пріѣзжали во дворецъ: Ректоръ Почебутъ къ Королю, Господинъ Шидловскій и Госпожа Муравская къ Госпожѣ Грабовской. Сія вечеромъ выѣзжала въ городъ.

Марта 9. Въ 12 часу утра Его Величество изволилъ ходить въ придворную церковь слушать мшу, по окончаніи коей прошелъ въ свои покои. Обѣдали у него: Его Сіятельство, Главнокомандующій, Тайный Совѣтникъ Баронъ Ашъ, Графъ Панинъ и Господинъ Шидловскій. Графъ Панинъ, Крайчій Грабовскій и Госпожа Воловичева были у Госпожи Грабовской. Сія выѣзжала вечеромъ къ Главнокомандующему на ассамблею.

Марта 10. Были по утру во дворцѣ: Генералъ Грабовскій у Госпожи Грабовской, по полудни Господинъ Сильверстовскій у Господина Горжинскаго. Обѣдалъ у Короля Тайный Совѣтникъ Баронъ Ашъ. Пріѣхали изъ Бѣлого Стоку Ксёндъ Лапинкевичъ и Маршалекъ мадамъ де Кракови, Дегаузъ.

Марта 11. Въ 11 часу утра Его Величество изволилъ ходить въ придворную церковь слушать мшу. Въ полдень Господинъ Капитанъ Шмитъ, пріѣхавшій изъ С.-Петербурга, привезъ отъ Принца Станислава письма къ мадамъ де Кракови, къ послѣдней и посылку. Графъ Мнишекъ выѣзжалъ въ городъ. Графиня Панина и Господинъ Шидловскій были у Госпожи Грабовской.

Марта 12. Въ 11 часу утра Его Величество съ фамиліею и придворными своими изволилъ ходить въ дворцовую церковь слушать мшу. Обѣдалъ у него Ректоръ Почебутъ. Госпожа Лосоцкая пріѣзжала къ Госпожѣ Грабовской. Возвратились изъ Вар-

шавы: Подконюшій Аксамитовскій и Его Величества камердинеръ Руссо.

Марта 13. Въ Четвертокъ Великаго Поста, по Римско-Католическому обряду, въ 11 часу утра, Его Величество, въ препровожденіи Пристава, Графа Безбородка, своихъ придворныхъ и обыкновеннаго конвоя, ѣздилъ слушать мшу въ Езуитскій костёлъ, гдѣ, по совершеніи литургіи, причастился Святыхъ Таинъ, и въ 12 часу возвратился во дворецъ.

Марта 14. Въ 11 часу утра Его Величество, въ такомъ же препровожденіи, ѣздилъ въ Езуитскій костёлъ слушать мшу, и чрезъ полчаса возвратился во дворецъ. Выѣзжали утромъ изъ дворца: мадамъ де Кракови и Госпожа Грабовская въ Доминиканской костёлъ, а Графъ Мнишекъ съ фамиліею въ Езуитской. По полудни пріѣзжали: къ Госпожѣ Грабовской Ея Сіятельство, Княгиня Волконская, Графиня Панина и Госпожа Воловичева и съ нею ѣздили по костёламъ.

Марта 15. Его Величество прошедшую ночь опочивалъ весьма безпокойно. Въ 5 часовъ по полуночи жестокой ему сдѣлался было припадокъ удушья, такъ что нѣсколько минутъ былъ въ опасности жизни, но помощію сильнаго тренія оный поуменьшился, и Король черезъ полчаса отошелъ и заснулъ. Спустя немного времени Его Величество, почувствовавъ отъ помянутаго припадка жестокое разслабленіе и тягость, ибо оный былъ сильнѣе и опаснѣе другихъ, призвалъ въ 8 часовъ утра къ себѣ племянника своего, Графа Мнишка, и Генерала Горжинскаго, и сказалъ имъ, что «поелику онъ часъ отъ часу сильнѣе и опаснѣе ощущаетъ припадокъ свой, и послѣдній былъ таковъ, что должно опасаться о его жизни, то бы они вѣдали про то и, на случай нечаянной его смерти, приняли надлежащія мѣры для приведенія въ сохранность его въ кабинетѣ вещей, бумагъ и прочаго.» Въ 10 часовъ, однако жъ, пришелъ нѣсколько въ крѣпость силъ, выѣзжалъ въ Езуитской костёлъ на моленіе и слушалъ мшу. Возвратясь, паки страдалъ повторительнымъ припадкомъ удушья, но не такъ сильно. Почувствовавъ облегченіе, обѣдать изволилъ въ своемъ кабинетѣ съ Докторомъ Беклеромъ. Въ 10 часовъ ночи ходилъ въ придворную церковь слушать заутреню и въ 12 часовъ опочивать.

Марта 16. Въ день Свѣтлаго Воскресенія, Его Величество

съ фамиліею и всѣми придворными своими въ 11 часовъ утра изволилъ ходить въ дворцовую церковь слушать мшу. Во 2 часу, прибывъ къ нему Главнокомандующій съ своею фамиліею, Генералъ-Порутчики Графъ Румянцовъ и Безбородко, Генералъ-Маіоръ Графъ Панинъ съ супругою и Князь Лобановъ-Ростовскій, разговлялися у Его Величества Пасхою и обѣдали.

Марта 17. Въ исходѣ 11 часа по утру, Его Величество съ фамиліею и придворными своими, изволилъ слушать въ дворцовой церкви мшу. Обѣдали у него: Ректоръ Почебутъ, Каноникъ Юревичъ и Господинъ Косаковскій съ женою. Графиня Панина была у Госпожи Грабовской. Сія и Графиня Мнишкова разновременно выѣзжали въ городъ.

Марта 18. Въ 7 часовъ утра Шамбелянова Вольская выѣхала въ Бѣлой Стокъ. Въ 11 часу Его Величество, въ обыкновенномъ препровожденіи, ѣздилъ прогуливаться по Езерской дорогѣ, за пять верстъ, возвратился же по Скидельской въ 1 часу. Пріѣзжали во дворецъ: Бискупъ Косаковскій съ Госпожею Косаковскою къ Королю, Графиня Панина и Коллежскій Совѣтникъ Яковлевъ къ Госпожѣ Грабовской. Его Величество вечеромъ изволилъ ходить къ мадамъ де Кракови.

Марта 19. Въ 12 часу утра Его Величество, въ обыкновенномъ препровожденіи, изволилъ выѣзжать прогуливаться по Скидельской дорогѣ; возвращаясь во 2 часу, проѣхалъ мимо деревни Каплицы. Графиня Панина была у Госпожи Грабовской, Господинъ Залѣскій у Шамбеляна Вольскаго. Выѣзжалъ въ городъ Графъ Мнишекъ съ женою. Пріѣхали изъ Варшавы: Его Величества Каесиръ Устринскій и кухмистръ Шицъ.

Марта 20. Его Величество по утру и въ вечеру навѣщалъ въ болѣзни мадамъ де Кракови и Госпожу Грабовскую. Обѣдали у него: Его Сіятельство, Главнокомандующій, и Приставъ, Графъ Безбородко. Пріѣзжалъ къ Генералу Горжинскому Господинъ Юндзилъ. Выѣзжали на ассамблею къ Главнокомандующему: Графъ Мнишекъ съ женою и Графиня Тышкевичева. Прибылъ изъ Прускаго Кордону, изъ Соколки, Шамбелянъ Стржембашъ.

Марта 21. Въ исходѣ 12 часа, прибывъ Его Сіятельство, Главнокомандующій, во дворецъ, былъ у Его Величества, Графа Мнишка, у мадамъ де Кракови, и во 2 часу уѣхалъ. Обѣдала у Его Величества Госпожа Лосоцкая. Вечеромъ пріѣзжалъ къ нему

Господинъ Воловичъ съ женою. Ея Сіятельство, Княгиня Волконская, Графиня Панина и Князь Лобановъ-Ростовскій, навѣщали мадамъ де Кракови и Госпожу Грабовскую. Отъ Пристава, Графа Безбородка, доставлены Генералу Горжинскому пашпорты, для проѣзду въ Варшаву Королевскаго гайдука, Бѣлевскаго, и лакея Тарновскаго. Пріѣхалъ изъ Варшавы Англичанинъ Брюксъ съ разными птицами и остановился въ Мейзеровскомъ домѣ, что занимаетъ Бургграбій замковой.

Марта 22. Въ 12 часу утра Его Величество, въ обыкновенномъ препровожденіи, изволилъ выѣзжать прогуливаться до Кохановой, [78] возвратился во 2 часу. Обѣдали у него: Господа Юндзилъ и Воловичъ, оба съ женами. Графиня Панина посѣщала Госпожу Грабовскую.

Марта 23. Утромъ пріѣзжалъ къ Королю Канoникъ Юревичъ. Въ полдень Его Величество изволилъ ходить пѣшкомъ по городу, заходилъ къ Доктору Беклеру, потомъ, пришедъ по мостовой улицѣ, за квартиру Графа Румянцова, заходилъ навѣщать больнаго своего скорохода. Главнокомандующій и Приставъ, Графъ Безбородко, кушали сей день у Его Величества. Господа Пузына былъ у Секретаря Пузыны, Залѣскій у Шамбеляна Вольскаго. Выѣзжали въ городъ: Госпожа Грабовская, Генералъ Горжинскій и Шамбелянъ Вольскій.

Марта 24. Въ 11 часу по утру Его Величество, въ обыкновенномъ препровожденіи, изволилъ ѣздить прогуливаться по Скидельской дорогѣ, возвратился черезъ полчаса. Обѣдали у него: пріѣхавшій изъ Минской Губерніи братъ Секретаря Пузыны, Духовникъ Его Величества, Канoникъ Юревичъ. Ректоръ Почебутъ и Господинъ Стрицкій. Госпожа Юндзилова пріѣзжала къ мадамъ де Кракови. Прибылъ изъ Варшавы Староста Рыксъ.

Марта 25. Пріѣзжали во дворецъ: Госпожа Лосоцкая къ Госпожѣ Грабовской, Госпожа Пузынова къ Секретарю Пузынѣ, Господинъ Косаковскій съ женою къ мадамъ де Подоли и Графу Мнишку.

Марта 26. Въ 12 часу утра Его Величество Король, въ обыкновенномъ препровожденіи, изволилъ ѣздить прогуливаться до деревни Грандичи, возвратился во 2 часу. Обѣдалъ у него

---

[78] На правомъ берегу Нѣмана, въ 7 верстахъ отъ Гродна.

Господинъ Косаковскій съ женою, Пруской Маіоръ Гревенъ пріѣзжалъ къ мадамъ де Кракови.

Марта 27. Кушали у Его Величества: Его Сіятельство, Главнокомандующій, Князь Николай Васильевичъ Репнинъ, Генералъ-Поручикъ Графъ Безбородко и Пруской Генералъ-Маіоръ Тиль, которому Король вручилъ письмо для доставленія Его Величеству, Королю Прускому. Графиня Панина была у Госпожи Грабовской. Выѣзжали въ городъ: мадамъ де Подоли, Графъ Мнишекъ съ женою и Шамбелянъ Вольскій.

Марта 28. Въ 10 часовъ утра Его Величество, въ обыкновенномъ препровожденіи, выѣзжалъ верхомъ прогуливаться въ Понѣмунь, вазвратился черезъ два часа. Обѣдала у него Госпожа Лосоцкая. Выходили изъ дворца въ городъ: Графъ Мнишекъ и Шамбелянъ Вольскій. Прибыла изъ Вѣны съ дочерью Графиня Тышкевичева, дочь старшаго брата Королевскаго. [79]

Марта 29. Въ исходѣ 11 часа Его Величество съ мадамъ де Кракови изволилъ, въ обыкновенномъ препровожденіи, ѣздить прогуливаться по Скидельской дорогѣ, возвратился въ 1 часу и обѣдалъ въ одинакое время. Послѣ обѣда Графиня Браницкая и Графиня Тышкевичева ѣздили съ визитомъ къ супругѣ Главнокомандующаго.

Марта 30. Въ 3 часу по полуночи прибылъ изъ Варшавы Оберъ-Шталмейстеръ Господинъ Кицкій. Въ 10 часовъ утра Его Величество изволилъ ходить въ придворную церковь слушать мшу. Обѣдали у него: Его Сіятельство, Главнокомандующій, и Приставъ, Графъ Безбородко. Отъѣхалъ въ Бѣлой Стокъ Англичанинъ Брюксъ.

Марта 31. Были предъ обѣдомъ у Госпожи Грабовской: Ея Сіятельство, Графиня Волконская, Графиня Панина, Госпожа Лосоцкая и Ляхницкая. Обѣдали у Его Величества: Ректоръ Почебутъ и Ксёндзъ Стрицкій.

Мѣсяцъ Апрѣль.

1-го числа. Взнесена Приставомъ, Графомъ Безбородкомъ, чрезъ находящагося при немъ Казначея, Поручика Розенбаума, назначенная за Апрѣль мѣсяцъ на содержаніе Его Величества и прочіе его расходы, сумма 11000 червонныхъ, въ пріемѣ которой

[79] И сестра Князя Іосифа Понятовскаго.

получена за собственноручнымъ Его Величества подписаніемъ квитанція. Обѣдали у Короля: Господинъ Хребтовичъ и Госпожа Лосоцкая. Его Сіятельство, Главнокомандующій, Князь Николай Васильевичъ Репнинъ, пріѣзжалъ къ Графу Мнишку, и заходилъ потомъ къ Его Величеству. Графиня Панина и Госпожа Косаковская навѣщали Госпожу Грабовскую. Пріѣхалъ изъ деревни Адъютантъ Грабовскій.

Апрѣля 2. Были во дворцѣ: Графиня Панина у Госпожи Грабовской, Господинъ Залѣскій у Шамбеляна Вольскаго. Выѣзжали въ городъ: мадамъ де Подоли и мадамъ де Кракови.

Апрѣля 3. Главнокомандующій, прибывъ во дворецъ, былъ у Графа Мнишка, куда приходилъ и Его Величество. Потомъ Его Сіятельство, прошедъ къ Королю, обѣдалъ у него. Пріѣзжали къ Госпожѣ Грабовской: Графиня Панина, Господинъ Бригадиръ Боуръ и Госпожа Миницкая. Отъѣхала въ Варшаву Графиня Тышкевичева, которая, по приказанію Его Величества, препровождена до Кузницы Польскимъ Капитаномъ Аксамитовскимъ. Дана отъ Пристава, Графа Безбородка, Секретарю Фризу, для служителя Графини Тышкевичевой, Андрея Гейде, подорожная до Варшавы, подъ № 878.

Апрѣля 4. Пріѣзжали во дворецъ: Господинъ Бригадиръ Боуръ и Прускій Маіоръ Гревенъ къ Госпожѣ Грабовской, Госпожа Римарова къ Секретарю Фризу. Графъ Мнишекъ выѣзжалъ въ городъ. По дѣлу Госпожи Тышкевичевой отъѣхалъ въ Бѣлой Стокъ Станиславъ Яскульскій, коему подорожная дана.

Апрѣля 5. Въ 11 часу утра Его Величество изволилъ прогуливаться по терасу. Обѣдала у него Госпожа Лосоцкая. Пріѣзжали: къ Господину Горжинскому Госпожа Римарова и Господинъ Пузына. Отъѣхали въ Варшаву: Генералъ Горжинскій и Староста Рыксъ съ Писаремъ Шумскимъ, которымъ для проѣзду даны подорожнія двѣ, подъ № 879 и 880.

Апрѣля 6. Въ 12 часу утра Его Величество изволилъ ходить съ фамиліею и придворными своими въ придворную церковь слушать мшу. Обѣдали у него: Его Сіятельство, Главнокомандующій, Приставъ, Графъ Безбородко, и Господинъ Пузына. Послѣ обѣда приходили къ Королю: Польскіе Шляхтичи Голевскій и Магдалинскій. Графиня Панина вечеромъ навѣщала Госпожу Гра-

бовскую. Данъ отъ Пристава, Графа Безбородка, Королевскому служителю, Зашнухову, пашпортъ до Варшавы, подъ № 1216.

Апрѣля 7. Былъ у Короля Ректоръ Почебутъ. Выѣзжали въ городъ: Госпожа Грабовская и Шамбелянъ Вольскій.

Апрѣля 8. Пріѣзжали во дворецъ: Его Сіятельство, Главнокомандующій, съ фамиліею, Генералъ-Порутчики Графы Румянцовъ и Безбородко, Генералъ-Маіоръ Графъ Панинъ, супруга его, Графиня Панина, Господинъ Бригадиръ Князь Лобановъ-Ростовскій, Господа Косаковскій, Пузына, Госпожи Косаковская и Нарбутова съ дочерью.

Апрѣля 9. Въ 11 часу утра Его Величество, въ обыкновенномъ препровожденіи, изволилъ выѣзжать прогуливаться по Скидельской дорогѣ; по возвращеніи своемъ, черезъ часъ, заходилъ къ мадамъ де Кракови. Главнокомандующій присылалъ къ мадамъ де Подоли Офицера съ письмомъ. Графъ Мнишекъ выѣзжалъ съ супругою къ Его Сіятельству, Главнокомандующему, на ассамблею

Апрѣля 10. По утру отъѣхалъ въ Бѣлой Стокъ Шамбелянъ Вольскій, которому и подорожная дана. Въ 12 часу утра Его Величество, въ обыкновенномъ препровожденіи, выѣзжалъ прогуливаться къ деревни Каплицы, возвратился въ 1 часу. Его Сіятельство, Главнокомандующій, прибывъ во дворецъ, былъ у Графа Мнишка, оттуда, прошедъ къ Королю, обѣдалъ у него. Пріѣзжали во дворецъ: Каштелянъ Воловичъ съ женою къ Королю, Графиня Панина къ Госпожѣ Грабовской. Выѣзжали въ городъ: Графиня Тышкевичева, Канцлеръ Хребтовичъ и Госпожа Грабовская.

Апрѣля 11. Въ 9 часовъ утра Графъ Мнишекъ отъѣхалъ съ фамиліею въ Бѣлой Стокъ. Въ 11 часу Его Величество, въ обыкновенномъ препровожденіи, изволилъ ѣздить прогуливаться верхомъ за городъ, возвратился во 2 часу.

Апрѣля 12. Его Величество, выѣхавъ въ 11 часу прогуливаться къ деревни Грандичамъ, возвратился въ половинѣ 2 часа, вечеромъ занимался чтеніемъ книгъ и въ 11 часовъ легъ опочивать. Пріѣзжали во дворецъ: Ректоръ Почебутъ и Господинъ Воловичъ.

Апрѣля 13. Въ 11 часу Его Величество со всѣми придворными своими изволилъ ходить въ дворцовую церковь слушать мшу. Обѣдали у него: Его Сіятельство, Главнокомандующій, Приставъ,

Графъ Безбородко, и Каштелянъ Воловичъ съ женою. Выѣзжали на ассамблею къ Главнокомандующему: мадамъ де Кракови, Графиня Тышкевичева съ дочерью, Госпожа Грабовская, Докторъ Беклеръ съ женою и Адъютантъ Грабовскій.

Апрѣля 14. Въ 12 часу утра Его Величество, въ обыкновенномъ препровожденіи, выѣзжалъ прогуливаться по Скидельской дорогѣ, возвратился въ половинѣ втораго часа.

Апрѣля 15. Въ 11 часовъ утра Его Величество, въ обыкновенномъ препровожденіи, выѣхавъ прогуливаться въ Понѣмунь, возвратился въ половинѣ 2 часа. Обѣдалъ у него Ректоръ Почебутъ.

Апрѣля 16. Въ 11 часу по утру Его Величество, въ обыкновенномъ препровожденіи, выѣзжалъ прогуливаться къ Грандичамъ, возвратился во второмъ часу. Были во дворцѣ: Ея Сіятельство, Княгиня Волконская, Графиня Панина и Госпожа Воронецкая. Выѣзжали: мадамъ де Кракови прогуливаться, Госпожа Грабовская въ городъ. Прибыла изъ Варшавы Госпожа Александровичева и остановилась въ новомъ замкѣ.

Апрѣля 17. Пріѣзжали къ Его Величеству: Графъ Панинъ и пріѣхавшій изъ Кіева бывшей Польской конной гвардіи Полковникъ Посвятовскій. Возвратился изъ Варшавы Королевской служитель.

Апрѣля 18. Въ 11 часу утра Его Величество, въ обыкновенномъ препровожденіи, изволилъ выѣзжать прогуливаться; возвратясь въ 1 часу, былъ у Доктора Беклера. Обѣдала у него Госпожа Лосоцкая. Въ четыре часа Его Величество прогуливался по терасу. Госпожа Муравская пріѣзжала къ Госпожѣ Грабовской, которая вечеромъ, вышедъ прогуливаться, заходила къ Графинѣ Паниной. Во второмъ часу по полуночи прибыли изъ Варшавы: супруга Великаго Короннаго Конюшаго Кицкаго, Варшавской Староста Соболевской съ женою и сестрою, и съ ними три горничныхъ дѣвушекъ и четыре лакея, и остановились въ Старомъ замкѣ.

Апрѣля 19. Ея Сіятельство, Княгиня Волконская, Графъ Панинъ, Графиня Панина и Госпожа Лосоцкая, пріѣзжали къ Госпожѣ Грабовской. Выѣзжали въ городъ: Госпожи Кицкая, Грабовская и Соболевская съ мужемъ.

Апрѣля 20. Въ день Свѣтлаго Воскресенія, Его Величество,

въ препровожденіи Пристава, Графа Безбородка, своихъ придворныхъ и обыкновеннаго конвоя, изволилъ ѣздить къ Главнокомандующему, которой съ Генералитетомъ, Штабъ и Оберъ-Офицерами, встрѣтивъ Его Величество, препроводилъ въ парадные покои. По пробытіи тамо съ полчаса, Король возвратился къ себѣ. Пріѣзжали во дворецъ: Господа Воловичъ, Шидловскій, Ляхницкій, Госпожи: Графиня Панина, Ходькевичева и Муравская. Въ городъ выѣзжали къ Главнокомандующему: Госпожа Грабовская и Соболевская съ мужемъ.

Апрѣля 21. Предъ обѣдомъ Канопикъ Юндзилъ былъ у Короля, Князь Воронецкій у Господина Кицкаго. Во 2 часу по полудни Его Величество, въ обыкновенномъ препровожденіи, изволилъ ѣздить къ Главнокомандующему, по случаю празднуемаго въ сей день торжества рожденія Ея Величества, Императрицы Всероссійской, и кушалъ тамо. Когда пришло время къ столу, Король, взявъ подъ руку Ея Сіятельство, супругу Главнокомандующаго, пошелъ къ оному, за коимъ былъ нашъ Генералитетъ и множество знатныхъ Польскихъ Господъ. Во время стола Его Величество изволилъ пить за здоровье Ея Величества, Императрицы Всероссійской, а Главнокомандующій и всѣ прочіе пили здоровье Его Величества, при пушечной пальбѣ, Король, пробывъ у Его Сіятельства до пяти часовъ, возвратился во дворецъ съ сестрицами своими, прибывшими послѣ обѣда къ Его Сіятельству съ поздравленіемъ. Графиня Панина навѣщала Госпожу Грабовскую. Вечеромъ ѣздили къ Его Сіятельству, Главнокомандующему, на балъ: Господа Кицкій, Соболевскій, Госпожа Кицкая, Графиня Тышкевичева съ дочерью и Госпожа Грабовская съ племянницами.

Апрѣля 22. Утромъ дана Госпожѣ Полковницѣ Кіянской, съ будущими при ней, до Бѣлого Стоку подорожная, за подписаніемъ Главнокомандующаго. Пріѣзжали во дворецъ: Генералъ-Маіоръ Тормасовъ, Каштелянъ Ледуховскій и Ректоръ Почебутъ къ Его Величеству; Прускіе Генералъ-Маіоръ Тиль и Маіоръ Гревенъ къ мадамъ де Кракови. Господинъ Конюшій Грабовскій, пріѣхавъ въ Гродно, остановился у Адъютанта Грабовскаго.

Апрѣля 23. Его Величество во весь день ощущалъ припадокъ лихорадки и нѣкоторую слабость и обѣдалъ съ Докторомъ Беклеромъ въ спальнѣ, въ вечеру, почувствовавъ нѣкоторое облегченіе, ужиналъ за большимъ столомъ. Пріѣзжали къ нему: Ка-

штелянъ Ледуховскій и Каштелянъ Воловичъ съ женою. Пруской Маіоръ Гревенъ былъ у мадамъ де Кракови и у Госпожи Грабовской. Выѣзжали прогуливаться: мадамъ де Кракови, Графиня Тышкевичева, Канцлеръ Хребтовичъ, Госпожа Кицкая, Грабовская и Александровичева. Въ 9 часовъ вечера Госпожа Грабовская, съ сыномъ и Госпожею Соболевскою, вторично выѣхавъ изъ дворца, возвратилась въ 12 часу. Даны пашпорты слѣдовавшимъ до Варшавы фурману Овмановскому съ дѣвкою Сусанною Мазуркевичевою по записи Политанскаго, а Королевскимъ гайдуку Бончковскому и повару Гулянскому по записки Господина Кицкаго.

Апрѣля 24. Въ 9 часовъ утра Госпожи Кицкая, Грабовская и Соболевская навѣщали Госпожу Шидловскую. Въ 10 часовъ отъѣхалъ въ Бѣлой Стокъ Конюшій Грабовской. Въ 11 часу Его Величество изволилъ ходить въ придворную церковь на молитву. Обѣдали у него: Его Сіятельство, Главнокомандующій, Приставъ, Графъ Безбородко, и Полковникъ Графъ Броль. Графиня Панина и Крайчина Грабовская пріѣзжали къ Госпожѣ Соболевской. Отъ Пристава, Графа Безбородка, данъ Полковнику Политанскому билеть, для проѣзду посланныхъ въ Яново Королевскихъ Писаря Августина Чаплинскаго и конюха Яна Сикорскаго. Вечеромъ ѣздили къ Его Сіятельству, Главнокомандующему, на балъ: Господа Тышкевичъ съ фамиліею, Кицкій съ супругою и Госпожа Грабовская.

Апрѣля 25. Передъ обѣдомъ выѣзжали въ городъ: мадамъ де Кракови съ Графинею Тышкевичевою и Госпожею Александровичевою, Госпожа Грабовская съ Кицкою. Послѣ обѣда были у Его Величества: Ихъ Сіятельства, Княгиня Репнина и Волконская, Господа Стреинскій, Неселовскій, Бржостовскій и Госпожа Лосоцкая. Данъ посланному отъ Графини Браницкой до Бѣлаго Стоку кондитору ея Шейбѣ пашпортъ, за подписаніемъ Главнокомандующаго.

Апрѣля 26. Обѣдала у Его Величества Каштелянова Костицкая. Господинъ Суходольскій былъ у Секретаря Пузыны. Выѣжали въ городъ: мадамъ де Кракови, Госпожи Грабовская и Соболевская.

Апрѣля 27. Въ день тезоименитства своего, Его Величество изволилъ ходить въ придворную церковь слушать мшу. По обѣднѣ, почувствовавъ слабость въ здоровьи своемъ, не выходилъ къ обѣденному столу. Пріѣзжали къ Его Величеству съ поздравлені-

емъ предъ обѣдомъ: Шефъ Стреинскій, Господинъ Неселовскій, Князь Воронецкій, Господа Ляхницкій, Воловичъ, Ректоръ Почебутъ; послѣ обѣда Ихъ Сіятельства, Главнокомандующій, супруга его, Княгиня Репнина, Княгиня Волконская, Генералъ-Поручики Графы Румянцовъ и Безбородко, Генералъ-Маіоръ Графъ Панинъ, супруга его, Пруской Генералъ-Маіоръ Тиль, Бригадиръ Князь Лобановъ-Ростовскій и Госпожа Ходькевичева. Вечеромъ, почувствовавъ Его Величество облегченіе, былъ на фамильномъ у себя балѣ довольно веселъ. Послѣ ужина слушалъ съ полчаса чтеніе, и потомъ легъ опочивать. Выѣзжали къ Главнокомандующему на балъ: Госпожи Тышкевичева и Александровичева.

Апрѣля 28. Обѣдали у Короля: Ректоръ Почебутъ и Каноникъ Юревичъ. Графиня Панина была у Графини Тышкевичевой. Выѣзжали въ городъ: Госпожи Кицкая, Грабовская и Господинъ Соболевскій съ женою и сестрою своею.

Апрѣля 29. Въ 1 часу Его Величество изволилъ ходить къ мадамъ де Кракови, гдѣ пробывъ часъ, возвратился. Графиня Панина пріѣзжала къ Госпожѣ Грабовской. Выѣзжали въ городъ: мадамъ де Кракови, Графъ Тышкевичъ, Графиня Тышкевичева, Госпожи Грабовская, Александровичева и Соболевская.

Апрѣля 30. Въ 10 часовъ утра выѣзжали прогуливаться до Лососны: Господа Кицкій съ женою, Госпожа Александровичева, Адъютанты Королевскіе Гордонъ, Вицкій, Збышевскій и два брата Грабовскіе. Въ 1 часу Его Величество изволилъ, въ обыкновенномъ препровожденіи, ѣздить прогуливаться по Езёрской дорогѣ; возвращаясь, заходилъ къ Господину Хребтовичу и Госпожѣ Беклеровой. Графиня Панина навѣщала Госпожу Грабовскую. Вечеромъ выѣзжали въ городъ: мадамъ де Кракови, Графиня Тышкевичева, Госпожи Грабовская и Соболевская.

Мѣсяцъ Май.

1-го числа. Внесена за Май мѣсяцъ на содержаніе Его Величества, Короля Польскаго, и прочіе его расходы сумма 11000 червонныхъ, въ пріемѣ которой получена, за собственноручнымъ Его Величества подписаніемъ, квитанція. Ректоръ Почебутъ пріѣзжалъ по утру къ мадамъ де Кракови. Обѣдали у Его Величества: Его Сіятельство, Главнокомандующій, Князь Николай Ва-

сильевичъ Репнинъ, Генералъ Порутчикъ Графъ Безбородко и Господинъ Шидловскій. Выѣзжали на ассамблею къ Главнокомандующему: мадамъ де Подоли, мадамъ де Кракови, Графиня Тышкевичева, Госпожи Грабовская, Александровичева и Соболевская. Прибыла изъ Варшавы съ однимъ служителемъ дѣвица Канолетто.

Маія 2. Въ 12 часу утра Его Величество, въ обыкновенномъ препровожденіи конвоя, изволилъ съ мадамъ де Кракови выѣзжать прогуливаться по Скидельской дорогѣ; по возвращеніи своемъ заходилъ къ Канцлеру Хребтовичу и пробылъ тамо съ полчаса. Обѣдали у него: бывшій Коронной Секретарь Грабовскій и Новогрудскій Каштелянъ Неселовскій. [80] Послѣ обѣда пріѣзжалъ къ Его Величеству Бискупъ Косаковскій. Ужиналъ Король въ обыкновенное время; въ ночи обезпокоенъ былъ нѣсколько кашлемъ. Шефъ Стреинскій былъ у Господинъ Кицкаго. Выѣзжали изъ дворца въ городъ: Госпожи Грабовская и Александровичева.

Маія 3. Были во дворцѣ: Ихъ Сіятельства, Княгиня Наталія Александровна Репнина и Александра Николаевна Волконская у мадамъ де Кракови и у Графини Тышкевичевой; Каштелянъ Неселовскій, Графиня Ходькевичева и Господинъ Грановскій у Госпожи Грабовской, а потомъ послѣдній у Господина Кицкаго; Графъ Панинъ, Графиня Панина, Госпожа Муравская и Прускій Маіоръ Гревенъ, у Госпожи Грабовской же. Выѣзжали изъ дворца: Госпожи Кицкая и Грабовская. Возвратился изъ Бѣлаго Стоку мадамъ де Кракови кондиторъ Шейбе. Отъѣзжалъ въ оный тамошній житель Прейсъ. Доставлены Секретарю Фризу, за подписаніемъ Главнокомандующаго, пашпорты для слѣдовавшихъ въ Варшаву: Господина Ленскаго, дѣвицы Францишки Канолетты со слугою Ганною, и слуги Секретаря Фриза, Игнатія Топольскаго.

Маія 4. Въ 11 часовъ утра Его Величество изволилъ ходить въ придворную церковь слушать мшу. Въ 12 пріѣхалъ къ нему Господинъ Букати. Его Величество съ онымъ, Госпожею Грабовскою, Графомъ Тышкевичемъ и Господинъ Кицкимъ, выѣхавъ того жъ времени прогуливаться, возвратился во 2 часу.

---

[80] Неселовскій—Воевода Новогрудскій, 70-лѣтній старикъ, былъ изъ главныхъ заводчиковъ Литовскаго повстанья. По ходатайству Репнина, онъ принесъ присягу на вѣрность и получилъ прощеніе.

Обѣдали у него: Главнокомандующій, Графъ Безбородко, Графиня Ходькевичева и Господинъ Шидловскій. Пріѣзжали во дворецъ: Воеводыня Остицкая къ мадамъ де Кракови, Господинъ Грановскій къ Господину Кицкому, Княгиня Волконская и Князь Лобановъ-Ростовскій къ Госпожѣ Грабовской. Ѣздили на ассамблею къ Его Сіятельству, Главнокомандующему: мадамъ де Кракови, Графъ Тышкевичъ съ супругою и сестрою. Отъѣхала въ Варшаву Воеводыня Александровичева по подорожней Главнокомандующаго.

Маія 5. Пріѣзжали во дворецъ: Ректоръ Почебутъ, Графиня Панина и Господинъ Грановскій; Грабовская и Соболевская ѣздили прогуливаться.

Маія 6. Были во дворцѣ: Ея Сіятельство, Княгиня Волконская, Графиня Панина, Госпожи Муравская и Лосоцкая, у Госпожи Грабовской; Господа Завацкій и Грановскій у Господина Кицкого, отъ коего Грановскій, пошедъ къ Королю, обѣдалъ у него. Выѣзжали прогуливаться: мадамъ де Кракови, Госпожи Кицкая, Грабовская и Соболевская. Отъѣхали: Королевскій Секретарь Понятовскій въ Ольканики, Староста Рыксъ и Графа Мнишка Маршалекъ Ленскій въ Варшаву, по подорожнымъ, за подписаніемъ Главнокомандующаго.

Маія 7. Въ 11 часу утра отъѣхалъ въ Варшаву, съ Господиномъ Грановскимъ Господинъ Кицкій по подорожней, за подписаніемъ Главнокомандующаго. Госпожа Лосоцкая пріѣзжала къ Госпожѣ Грабовской, Господинъ Суходольскій къ Секретарю Пузынѣ. Выѣзжалъ въ городъ Шамбелянъ Стржембашъ.

Маія 8. Въ 11 часовъ утра приходилъ Господинъ Малчевскій къ Королю, который въ 12 изволилъ, въ обыкновенномъ препровожденіи, ѣздить съ мадамъ де Кракови прогуливаться по Скидельской дорогѣ, возвратился чрезъ часъ. Пріѣзжалъ къ нему бывшій Польской Генералъ Забѣла. Ихъ Сіятельства, Княгиня Волконская и Графиня Панина, навѣщали Госпожу Грабовскую. Ѣздили къ Его Сіятельству, Главнокомандующему, на ассамблею: мадамъ де Кракови, Госпожа Грабовская и Господинъ Соболевскій съ женою и сестрою. Выѣхалъ въ Варшаву Королевскій кондиторъ Рихтеръ, коему дана подорожная, за подписаніемъ Главнокомандующаго.

Маія 9. Въ день имепинъ Его Сіятельства, Главнокомандую-

щаго, Князя Николая Васильевича Реннина, Его Величество просилъ къ себѣ кушать Его Сіятельство съ супругою и фамиліею. Такъ же приглашены были: Графиня Панина, Генералъ-Порутчики Графы Гумянцовъ и Безбородко, Генералъ-Маіоръ Графъ Панинъ, Прускій Генералъ-Маіоръ Тиль, Бригадиръ Князь Лобановъ-Ростовскій, Госпожа Ходькевичева, Польской Генералъ Забѣла, и въ 4 часа разъѣхались. Въ 6 часовъ вечера Его Величество выѣзжалъ съ мадамъ де Подоли и съ Господиномъ Хребтовичемъ прогуливаться за городъ, Возвратился черезъ два часа. Въ вечеру были на балѣ у Главнокомандующаго: Графъ Тышкевичъ, Госпожи Грабовская, Кицкая и Господинъ Соболевскій съ женою и сестрою.

Маія 10. Въ 12 часу утра Его Величество, въ обыкновенномъ препровожденіи, ѣздилъ прогуливаться по Езёрской дорогѣ, заѣзжалъ къ Главнокомандующему и во 2 часу возвратился. Обѣдалъ у него Господинъ Букати. Пріѣзжали во дворецъ разновременно и къ разнымъ особамъ: Графиня Панина, Генеральша Муравская, Госпожа Дарновичева, Господинъ Бржостовскій. Ѣздила въ городъ Госпожа Соболевская. Возвратился изъ мѣстечка Олькеникъ Королевскій Секретарь Понятовскій.

Маія 11. Были предъ обѣдомъ во дворцѣ: Шефъ Стреинскій и Князь Воронецкій у Короля, Графиня Панина у Госпожи Грабовской. Обѣдали у Его Величества: Его Сіятельство, Главнокомандующій, Графъ Безбородко и Господинъ Шидловскій. Послѣ обѣда пріѣзжалъ къ Королю Графъ Панинъ. Въ 7 часовъ пополудни Его Величество, въ обыкновенномъ препровожденіи, изволилъ съ обѣими сестрами ѣздить прогуливаться по Скидельской дорогѣ, возвратился въ 9 часу. Выѣзжали къ Главнокомандующему на ассамблею: Госпожи Грабовская, Кицкая, обѣ Соболевскія и Господинъ Соболевскій.

Маія 12. Обѣдали у Короля: Госпожа Лосоцкая и Ректоръ Почебутъ. Крайчина Грабовская навѣщала Генеральшу Грабовскую. Шамбелянъ Дюгамель отъѣхалъ въ Варшаву по подорожной, за подписаніемъ Главнокомандующаго. Возвратился изъ Бѣлаго Стоку Шамбелянъ Вольскій.

Маія 13. Въ 11 часовъ утра Его Величество, въ обыкновенномъ препровожденіи, изволивъ выѣхать прогуливаться по Скидельской дорогѣ, возвратился черезъ часъ. Былъ у него по по-

лудни Господинъ Букати Госпожа Ляхницкая обѣдала у Госпожи Кицкой. Пріѣзжали во дворецъ: Польской Генералъ Забѣла къ Господину Соболевскому, Графиня Панина и Госпожа Муравская къ Госпожѣ Грабовской. Ѣздили прогуливаться: мадамъ де Кракови, Графиня Тышкевичева съ дочерью, Графъ Хребтовичъ, Госпожи Грабовская и Кицкая и Господинъ Соболевскій съ женою и сестрою. Дана Королевскому Подчашему Луцинскому, за подписаніемъ Главнокомандующаго, подорожная до Варшавы.

Маія 14. Въ 12 часу поутру Его Величество, обыкновенномъ препровожденіи, выѣхавъ прогуливаться за городъ, возвратился въ 1 часу. Обѣдала у него Госпожа Лосоцкая. Послѣ обѣда пріѣзжалъ къ Его Величеству Господинъ Букати. Ѣздили къ Его Сіятельству Главнокомандующему на ассамблею: Графиня Тышкевичева съ дочерью, Госпожи Грабовская, Кицкая и Господинъ Соболевскій съ женою и сестрою.

Маія 15. Въ день праздника Католицкаго Тѣла Господня и процессіи по костеламъ, Его Величество, въ препровожденіи Пристава, Графа Безбородка, своихъ придворныхъ, Штабъ и Оберъ-Офицеровъ, находящихся при немъ, и обыкновеннаго конвоя, выѣхалъ въ 11 часу слушать мшу въ Езуитскій костёлъ, предъ которымъ построенная воинская команда, для процессіи сей назначенная, подъ начальствомъ Плацъ-Маіора, отдала ему, въ проѣздѣ его къ церкви, честь. Во время отправленія мши, въ томъ мѣстѣ, гдѣ Король сидѣлъ, поставлены были, какъ и въ прочихъ, гдѣ Король былъ, костёлахъ, два Унтеръ-Офицера. По окончаніи литургіи, когда началась процессія, Король со всею свитою провождалъ пѣшкомъ оную по всѣмъ церквамъ. Его Сіятельство, Главнокомандующій, приходилъ въ Езуитскую церковь и при началѣ процессіи, пока прошла оная мимо Радзивиловскаго дому, смотрѣть изволилъ. Шествіе процессіи, начавшееся изъ Езуитскаго костёла, слѣдуя по костёламъ, Бернардинскому, Бернардинокъ, Доминиканскому, возвратилось въ Езуитскій и происходило слѣющимъ порядкомъ:

1. Плацъ-Маіоръ съ двумя Квартальными Офицерами и шестью Унтеръ-Офицерами верхами.

2 Городовые цехи съ ихъ знаками.

3. Взводъ 24 мушкатеръ Псковскаго пѣхотнаго полку, при Офицерѣ, Унтеръ-Офицерѣ, капралѣ и барабанщикѣ.

4. Духовенство, со всѣмъ принадлежащимъ къ нему клиромъ, всѣхъ орденовъ Католическаго Исповѣданія; его Преосвященство, Бискупъ Косаковскій, несшій Святые Дары подъ балдахиномъ, которой поддерживали четыре почтеннѣйшихъ Польскихъ чиновниковъ. Его Величество, въ препровожденіи Пристава, Графа Безбородка, свиты своеі Королевской, Штабъ и Оберъ-Офицеровъ, находяхся при немъ; знатнѣйшіе изъ господъ Польскихъ обоего пола и прочіе. Вся сія процессія, и паче, гдѣ духовенство, Архибискупъ съ Дарами, за нимъ Король и прочія знатныя особы; для недопущенія тѣснящейся черни, окружаема была съ обѣихъ сторонъ мушкетерами, съ ружьями съ каждой по 50 человѣкъ при Офицерѣ. Позади всей процессіи и народа, коего числомъ болѣе трехъ тысячъ полагать можно, замыкалъ взводъ мушкатеръ при Офицерѣ, состоявшей въ 30 человѣкъ. По возвращеніи процессіи въ Езуитской костёлъ, Его Величество, въ выше писанномъ препровожденіи, возвратился во дворецъ. Команда жъ воинская была отпущена. Кушали у Его Величества: Его Сіятельство, Главнокомандующій, и Графъ Безбородко. Дана Комисару Любовецкому до Бѣлого Стоку подорожная, за подписані емъ Главнокомандующаго.

Маія 16. Былъ у Короля Господинъ Хоминскій. Выѣзжали къ Главнокомандующему на балъ: мадамъ де Кракови, мадамъ де Подоли, Госпожа Грабовская и Соболевская.

Маія 17. Въ 11 часовъ утра Его Величество, въ обыкновенномъ препровожденіи, изволивъ выѣхать прогуливаться къ деревнѣ Грандичи, возвратился черезъ часъ. Графиня Панина навѣщала Госпожу Грабовскую, Господинъ Залѣскій Шамбеляна Вольскаго.

Маія 18. Въ 11 часу по утру Его Величество изволилъ ходить съ фамиліею и придворными своими въ дворцовую церковь слушать мшу. Кушали у Его Величества: Гравнокомандующій, и Графъ Безбородко. Пріѣзжали къ Госпожѣ Грабовской: Графиня Панина и Бригадиръ Князь Лобановъ-Ростовскій. Ѣздили на ассамблею къ Главнокомандующему: Госпожа Грабовская, Господинъ Соболевскій и оба Грабовскіе. Дана Секретарю Швендровскому до Трокъ подорожная за подписаніемъ Главнокомандующаго.

Маія 19. Графиня Ходькевичева была у Госпожи Кицкой.

Обѣдали у Короля: Ректоръ Почебутъ и Каноникъ Юревичъ. Въ 6 часовъ по полудни Его Величество, въ препровожденіи своихъ придворныхъ, Графа Безбородка и дежурнаго Маіора, изволилъ ходить въ Доминиканской монастырь, гдѣ тамошніе монахи показывали физическія испытанія. Былъ тамо такъ же и Его Сіятельство, Главнокомандующій, съ Генералитетомъ. Выѣзжали въ городъ: мадамъ де Кракови, Госпожа Кицкая, Грабовская и Соболевская. Доставлены, за подписаніемъ Главнокомандующаго, подорожныя Графинѣ Грабовской и Господамъ Грабовскимъ до Бѣлого Стоку, Господину Соболевскому съ фамиліею до Варшавы, Генералу Понятовскому до Рожанъ.

Маія 20. Въ 11 часу утра Его Величество, въ обыкновенномъ препровожденіи, выѣзжалъ прогуливаться въ 1 часу. Обѣдалъ у него Господинъ Букати. Были у Госпожи Грабовской: Графиня Панина и Крайчій Грабовскій съ супругою. Отъѣхалъ въ деревню Господина Суходольскаго Генералъ Понятовскій. Въ 8 часу вечера прибылъ изъ Бѣлого Стоку Графъ Мнишекъ съ фамиліею. Данъ Графини Браницкой человѣку пашпортъ до мѣстечка Городла.

Маія 21. Утромъ отъѣхали: Господинъ Соболевскій съ фамиліею и Госпожа Кицкая въ Варшаву, Госпожа Грабовская въ Бѣлой Стокъ. Прибылъ изъ Варшавы, при Королѣ находящійся въ услуженіи Шляхтичъ, Господинъ Вилчевскій и остановился у Господина Аксамитовскаго. Пріѣзжали во дворецъ: Его Сіятельство, Главнокомандующій, къ Графу Мнишку, Господинъ Хоминскій къ Королю. Мадамъ де Кракови и Графиня Мнишкова ѣздили въ городъ. Доставлены отъ Пристава, Графа Безбородка, билеты Секретарю Фризу для Королевскихъ конюховъ, Выйбина и Николая, до Янова, а Господину Вицкому для Королевскаго лакея, Яна Божинскаго, до мѣстечка Бѣлова. Всѣ оные за подписаніемъ Главнокомандующаго.

Маія 22. Въ 11 часу утра Его Величество, въ обыкновенномъ препровожденіи, выѣзжалъ верхомъ прогуливаться за городъ, возвратился черезъ полчаса. Кушали у него: Ихъ Сіятельства, Главнокомандующій, Генералъ-Порутчики Графы Ферзенъ, Безбородко и Господинъ Букати. Въ 8 часу вечера прохаживался Его Величество по терасу и ужиналъ въ обыкновенное время. Ѣздили на ассамблею къ Главнокомандующему: Графъ Мнишекъ

съ женою, Докторъ Беклеръ съ женою, и Шамбелянъ Вольскій. Данъ Королевскому служителю, Славскому, до мѣстечка Рожаный Стокъ, пашпортъ. Пріѣхалъ изъ Варшавы Староста Рыксъ, у коего передъ обѣдомъ былъ Хоронжій Завацкій. Выѣзжали прогуливаться: мадамъ де Кракови и Графъ Мнишекъ съ женою.

Маія 24. Госпожа Дзяконская была предъ обѣдомъ у Графини Мнишковой и мадамъ де Кракови. Обѣдалъ у Короля Господинъ Букати. Въ 6 часовъ по полудни Его Величество, въ обыкновенномъ препровожденіи, выѣхавъ прогуливаться за городъ, возвратился въ 2. Ѣздили такъ же прогуливаться обѣ Королевскія сестры и Графъ Мнишекъ съ супругою. Пріѣхала Графиня Тышкевичева съ дочерью изъ Гродна.

Маія 25. По утру пріѣзжали къ Королю: Каноникъ Ксёндзъ Ядровичъ и Господинъ Эйсмундъ. Во 2 часу прибылъ Его Сіятельство, Главнокомандующій, и Графъ Безбородко, къ Его Величеству, Королю, и обѣдали у него. Въ 6 часовъ по полудни Его Величество, въ обыкновенномъ препровожденіи, выѣзжалъ прогуливаться въ Коханово, возвратился въ 10 часу.

Маія 26. Обѣдалъ у Короля Господинъ Завацкій. Послѣ обѣда былъ у него Графъ Панинъ. Въ 7 часовъ по полудни Его Величество, въ обыкновенномъ препровожденіи, ѣздилъ прогуливаться за городъ, возвратился черезъ часъ. Пріѣхала изъ Бѣлаго Стока Госпожа Грабовская съ двумя сынами. Отъѣхалъ въ Варшаву Королевской Докторъ Беклеръ съ женою по подорожной, за подписаніемъ Главнокомандующаго.

Маія 27. Обѣдали у Короля: Ректоръ Почебутъ и Каноникъ Юревичъ. Пріѣзжали къ Госпожѣ Грабовской: Ихъ Сіятельства, Княгиня Волконская, Графиня Панина и Госпожа Муравская. Ѣздили вечеромъ къ Главнокомандующему: Графиня Тышкевичева съ дочерью и Госпожа Грабовская съ своимъ сыномъ. Пріѣхалъ изъ Варшавы Господинъ Кавецкій.

Маія 28. По утру выѣхалъ въ деревню Господинъ Казимиръ Грабовскій. Предъ обѣдомъ Докторъ Дункеръ выѣзжалъ къ Господину Воловичу, Бискупъ Косаковскій былъ у Графа Мнишка. Въ 12 часовъ Его Величество, въ обыкновенномъ препровожденіи, выѣхалъ прогуливаться по Скидельской дорогѣ, возвратился черезъ часъ. Ѣздили въ городъ: мадамъ де Кракови, мадамъ де Подоли, Графъ Мнишекъ съ женою и Графиня Тышкевичева съ дочерью.

Маія 29. Кушали у Его Величества: Его Сіятельство, Главнокомандующій, Приставъ, Графъ Безбородко, и Графъ Панинъ. Въ 6 часовъ по полудни Его Величество, въ обыкновенномъ препровожденіи, изволилъ, съ мадамъ де Кракови и Госпожею Грабовскою, ѣздить прогуливаться. При возвращеніи Госпожа Грабовская осталась у Главнокомандующаго, а Король проѣхалъ прямо во дворецъ. Ѣздили къ Его Сіятельству, Главнокомандующему, на ассамблею: мадамъ де Подоли, Графъ Мнишекъ съ фамиліею и Графиня Тышкевичева съ дочерью. Доставлены, за подписаніемъ Главнокомандующаго, подорожныя и пашпорты Секретарю Фризу, для Конюшаго Аксамитовскаго, до Варшавы, и для Конюшеннаго служителя, Мелецкаго, до селенія Понурницы, а мадамъ де Кракови для посланнаго отъ нея въ мѣстечко Рожаный Стокъ кондитора ея, Шейбе, и четырехъ съ нимъ человѣкъ.

Маія 30. Обѣдалъ у Короля Господинъ Хоминскій. Въ 7 часовъ по полудни Его Величество, въ обыкновенномъ препровожденіи, выѣхавъ прогуливаться по Скидельской дорогѣ, возвратился въ 9 часу.

Маія 31. Графиня Панина навѣщала Госпожу Грабовскую, Господинъ Залѣскій Шамбеляна Вольскаго. Выѣзжали въ городъ: мадамъ де Подоли и мадамъ де Кракови. Принята, по повелѣнію Главнокомандующаго, подлежащая сумма для Его Величества, 11000 червонныхъ.

Мѣсяцъ Іюнь.

1-го числа. Въ 11 часу утра Его Величество, съ фамиліею и придворными своими, изволилъ ходить въ дворцовую церковь слушать мшу. Обѣдалъ у него Его Сіятельство, Главнокомандующій, Князь Николай Васильевичъ Репнинъ. Въ 7 часовъ по полудни Его Величество, съ мадамъ де Кракови, изволилъ, въ обыкновенномъ препровожденіи, выѣзжать прогуливаться къ деревни Грандичи, и возвратился черезъ два часа. Были у Госпожи Грабовской: Ихъ Сіятельства, Княгиня Волконская, Графиня Панина и Господинъ Бригадиръ, Князь Лобановъ-Ростовскій. Выѣзжала мадамъ де Подоли съ Графинею Мнишковою прогуливаться. Графъ Мнишекъ и Графиня Тышкевичева съ дочерью ѣздили къ Главнокомандующему на ассамблею. Пріѣхалъ Ксендзъ Ярушевичъ, Плебанъ Черешовскій, и остановился у Господина Кавецкаго. Вне-

сена за Іюнь мѣсяцъ назначенная на содержаніе Его Величества, и прочіе его расходы сумма въ 11000 червонныхъ, въ пріемѣ которой получена, за собственноручнымъ Его Величества подписаніемъ, квитанція.

Іюня 2. Въ 1 часу по полудни мадамъ де Кракови и Графиня Тышкевичева съ дочерью, выѣхавъ въ деревню Путришки, обѣдали тамо и дожидались Его Величества. Обѣдали у Короля: Господинъ Дзяконскій съ женою и сыномъ и Господинъ Воловичъ. Госпожа Ходькевичева была у Госпожи Грабовской. Въ 7 часовъ по полудни Его Величество, въ обыкновенномъ препровожденіи, изволилъ выѣхать въ деревню Путришки, куда ѣздили такъ же и Ихъ Сіятельства, Главнокомандующій, Князь Николай Васильевичъ Репнинъ, супруга его, Княгиня Наталья Александровна, Княгиня Александра Николаевна Волконская, Графъ Панинъ съ женою, Графъ Мнишекъ съ женою, мадамъ де Подоли, Госпожа Ходькевичева, и, поужинавъ тамо, возвратился въ 11 часу въ городъ. Дана подорожная человѣку Графини Тышкевичевой до Староства Велишекъ.

Іюня 3. Обѣдалъ у Короля Ректоръ Почебутъ. Въ 7 часовъ по полудни Его Величество, въ обыкновенномъ препровожденіи, выѣхавъ прогуливаться по Скидельской дорогѣ, возвратился въ 9 часу чрезъ деревню Каплицы. Отъѣхали по даннымъ пашпортамъ, по 1 три Королевскіе служители въ Тикочинъ, по 2 пять человѣкъ Графини Браницкой въ Бѣлой Стокъ.

Іюня 4. Его Величество весь день занимался отправленіемъ въ Варшаву Старосты Рыкса. Обѣдалъ у него Господинъ Стреинскій. Въ 9 часовъ прохаживался съ всею фамиліею своею по терасу и ужиналъ въ галереи, что надъ Нѣменомъ. Князь Лобановъ-Ростовскій былъ у Госпожи Грабовской. Мадамъ де Подоли и Графиня Мнишкова выѣзжали въ городъ, мадамъ де Кракови и Графиня Тышкевичева съ дочерью въ Городницкой садъ прогуливаться. Въ 10 часовъ по полудни Староста Рыксъ отъѣхалъ въ Варшаву за подорожнею Главнокомандующаго.

Іюня 5. Кушали у Его Величества: Его Сіятельство, Главнокомандующій, Графъ Безбородко и Графиня Ходькевичева. Послѣ обѣда пріѣзжалъ къ Королю Ректоръ Почебутъ. Были у Госпожи Грабовской: Ея Сіятельство, Княгиня Волконская, и Генеральша Муравская. Выѣзжали: мадамъ де Подоли въ городъ,

Графиня Мнишекъ и Генеральша Грабовская на ассамблею, къ Главнокомандующему. Отъѣхалъ въ Бѣлой Стокъ Шамбелянъ Вольскій по подорожней Главнокомандующаго. Данъ отъ Пристава Секретарю Фризу, для Королевскаго служителя, Зудковскаго, пашпортъ до Варшавы.

Іюня 6. Были у Короля: Маршалекъ Ягменъ, Ректоръ Почебутъ и Господинъ Симоновскій. Въ 6 часу по полудни Его Величество, въ обыкновенномъ препровожденіи, изволилъ съ мадамъ де Кракови выѣзжать прогуливаться по Скидельской дорогѣ, возвратился черезъ три четверти часа. Ѣздили изъ дворца: Госпожа Грабовская къ Графинѣ Паниной, Графъ Мнишекъ съ фамиліею, прогуливаться.

Іюня 7. Происходило то же.

Іюня 8. Его Величество сегодня до обѣда не имѣлъ выѣзда; въ 7 же часовъ по полудни, въ препровожденіи своихъ придворныхъ и обыкновеннаго конвоя, изволилъ ѣздить въ Понѣмунь и оставаться до 12 часовъ, гдѣ и Главнокомандующій находиться изволилъ; послѣ ужина возвратился въ городъ. Отъѣхали: Королевской служитель, Манушевскій, въ Варшаву, Маршалекъ Тышкевича Антонъ Зудковскій въ Городло, по подорожнимъ Главнокомандующаго, даннымъ отъ Пристава.

Іюня 9. Въ 12 часу по утру Его Величество вышедъ изъ внутреннихъ покоевъ, изволилъ быть у мадамъ де Кракови, Графини Тышкевичевой, Графини Мнишковой и Генеральши Грабовской. Послѣ обѣда приходилъ къ нему пріѣхавшій изъ Варшавы купецъ Дидрихъ, которой привезъ къ нему письмо и посылку. Въ 7 часовъ по полудни выѣзжалъ, съ мадамъ де Кракови, прогуливаться къ деревни Грандичи. Пріѣзжала къ мадамъ де Подоли Госпожа Муравская. Отъѣхалъ въ Варшаву Подконюшій Грабовскій, по данной отъ Пристава подорожной, за подписаніемъ Главнокомандующаго.

Іюня 10. Обѣдали у Короля: Господинъ Залускій и Госпожа Выковская. Въ 7 часовъ Его Величество, выѣхавъ съ фамиліею и придворными своими, въ обыкновенномъ препровожденіи, въ Понѣмунь, ужиналъ тамо у Главнокомандующаго и возвратился въ 12 часу.

Іюня 11. Были во дворцѣ: Господинъ Симоновскій и Госпожа Ходькевичева у Короля; Шефъ Стреинскій, Князь Воронец-

кій, Госпожа Муравская и Господинъ Ляхницкій съ женою у Госпожи Грабовской. Пріѣхали изъ Варшавы три жены Королевскихъ служителей, лакеевъ: Крушевскаго и Антонскаго и Гайдука Гечковскаго.

Іюня 12 и 13. Въ оба сіи дни Его Величество передъ обѣдомъ изволилъ, въ обыкновенномъ препровожденіи, выѣзжать прогуливаться за Нѣменъ и переѣзжать изъ кордона нашего въ Пруской черезъ рѣку Лососну; по пріятности положенія по обоимъ берегамъ рѣки долго гулять изволилъ. Были во дворцѣ: Каштелянъ Воловичъ и Господинъ Залѣскій.

Іюня 14. Обѣдала у Короля Госпожа Тарновская. Послѣ обѣда былъ у него Господинъ Залускій. Въ 8 часовъ по полудни Его Величество, въ обыкновенномъ препровожденіи, выѣзжалъ прогуливаться за Нѣменъ до рѣки Лососны и за оную въ Прускoй кордонъ, возвратился черезъ часъ. Выѣзжали въ городъ: Графъ Мнишекъ и Госпожа Грабовская.

Іюня 15. Обѣдали у Короля: Его Сіятельство, Главнокомандующій, Князь Николай Васильевичъ Репнинъ, Генералъ-Порутчикъ Графъ Безбородко, Генералъ-Маіоръ Графъ Панинъ и Госпожа Тарновская. Въ 6 часовъ по полудни Его Величество выѣхалъ, въ обыкновенномъ препровожденіи, съ мадамъ де Подоли, Графомъ Мнишкомъ и его супругою, прогуливаться за Нѣменъ къ рѣкѣ Лососнѣ, возвратился черезъ три часа. Ѣздили на ассамблею къ Главнокомандующему: Графъ Мнишекъ съ супругою и Госпожа Грабовская. Отъѣхали въ лежащее въ Прускомъ кордонѣ мѣстечко Вѣлони, по подорожной Главнокомандующаго, двора Королевскаго служители: Матіасъ Кауниcъ и Матвѣй Милшевскій.

Іюня 16. Его Величество, при обыкновенномъ конвоѣ и препровожденіи придворныхъ своихъ, выѣзжалъ въ 7 часовъ по полудни прогуливаться въ Лососну, возвратился въ 9 часовъ вечера. Послѣ обѣда былъ у него Господинъ Петровскій и при отъѣздѣ его въ Варшаву откланялся.

Іюня 17. Въ 8 часу по утру Его Величество выходилъ на терасъ и изволилъ смотрѣть суда, приготовленныя для Господъ Комисаровъ разграничеванія. Предъ обѣдомъ былъ у него Господинъ Еленскій. Въ 6 часовъ по полудни Его Величество выѣхалъ, въ обыкновенномъ препровожденіи, съ мадамъ де Подоли, въ Понѣмунь, гдѣ Госпожа Грабовская давала балъ и гдѣ были при-

глашены: вся Королевская фамилія, Его Сіятельство, Главнокомандующій, съ фамиліею, Генералитетомъ, и Штабъ-Офицерами и прочіе здѣшніе Господа обоего пола. Послѣ ужина Король возвратился съ своею свитою въ городъ.

Іюня 18. Въ 11 часу утра Его Величество изволилъ ходить въ придворную церковь слушать мшу. Приходилъ къ нему Ректоръ Почебутъ. Въ 7 часовъ по полудни Его Величество, въ обыкновенномъ препровожденіи, изволилъ выѣзжать прогуливаться по Скидельской дорогѣ, и черезъ часъ возвратился. Проѣзжалися также Графъ Мнишекъ съ фамиліею и Госпожа Грабовская.

Іюня 19. Дзяконскій и Симоновскій были предъ обѣдомъ у Короля. Обѣдали у него: Его Сіятельство, Главнокомандующій, Генералъ-Поручикъ Графъ Безбородко, Графиня Панина, Полковники Ливенъ, Графъ Бролій и Господинъ Еленскій. Въ 7 часовъ вечера Его Величество изволилъ, въ обыкновенномъ препровожденіи, выѣхать прогуливатся по Скидельской дорогѣ, возвратился черезъ два часа. Отъѣхалъ въ Люблинъ, по подорожной Главнокомандующаго, конюшій Графа Мнишка, Лукашѣвичъ.

Іюня 20. Обѣдалъ у Король Графъ Грабовскій. Отъѣхали въ Бѣлой Стокъ: сестра Королевская, мадамъ де Кракови, и племянница, Графиня Тышкевичева. Въ 6 часовъ по полудни Его Величество, въ обыкновенномъ препровожденіи, выѣзжалъ верхомъ прогуливаться въ Каштеляна Вульмера [81] лѣсокъ; возвратился въ половинѣ 9 часа. Доставлены отъ Графа Безбородка Секретарю Фризу, за подписаніемъ Главнокомандующаго, подорожныя для отъѣзжающихъ въ Люблинъ: Господъ Полковника Политанскаго и Адъютанта Грабовскаго.

Іюня 21. Пріѣзжали во дворецъ равновременно: Подскарбій Дзяконскій, Каштелянъ Воловичъ, Госпожа Муравская и Господинъ Залѣскій.

Іюня 22. Въ 7 часовъ по полудни Его Величество, въ обыкновенномъ препровожденіи, выѣзжалъ прогуливаться въ деревню Грандичи; возвратиться изволилъ въ 10 часу. Проѣзжалися такъ же: мадамъ де Подоли и Графиня Мнишкова. Отъѣхали въ Люблинъ: Адъютантъ Грабовскій и конюшій Политанскій.

Іюня 23. Въ 8 часу по полудни Его Величество, изволивъ,

---

[81] Или Вольмера, вѣроятно, теперешнее загородное гульбище Секретъ.

съ мадамъ де Подоли и Госпожею Грабовскою, выѣхать прогуливаться за Нѣменъ къ рѣкѣ Лососнѣ и за оную, возвратился къ вечеру. Въ 9 часовъ вечера, прибывъ къ Госпожѣ Грабовской Ихъ Сіятельства, Княгиня Волконская, Графиня Панина, Князь Лобановъ-Ростовскій и Госпожа Муравская, ужинали у нея.

Іюня 24. Выѣзду Королевскаго не было. Были во дворцѣ: Господа Дзяконскій и Залѣскій.

Іюня 25. Его Величество до обѣда не имѣлъ выѣзду; навѣщалъ утромъ Графиню Мнишкову и Госпожу Грабовскую. Были во дворцѣ: Госпожа Дзяконская у Госпожи Грабовской, сыновья Князя Радзивила съ ихъ гувернеромъ у Короля. Посланъ отъ Пристава къ Секретарю Фризу пашпортъ для Королевскаго служителя, Альбертовскаго, отправляемаго съ лошадьми въ мѣстечко Яново. Въ 7 часовъ по полудни Его Величество изволилъ ѣздить въ Понѣмунь, въ препровожденіи Пристава, своихъ предворныхъ и конвоя нашего, гдѣ онъ и его сестра, мадамъ де Подоли, Госпожа Графиня Мнишкова и Госпожа Грабовская, ужинали у Главнокомандующаго и въ 1 часу по полуночи въ городъ возвратились.

Іюня 26. Предъ обѣдомъ былъ у Его Величества Князь Радзивилъ. Обѣдали у Короля: Главнокомандующій, Генералъ-Поручики Михельсонъ и Графъ Безбородко, Князь Радзивилъ, и въ 5 часу разъѣхались.

Іюня 27. Его Сіятельство, Главнокомандующій, былъ предъ обѣдомъ во дворцѣ и въ исходѣ 2 часа выѣхалъ. Цесарской Подполковникъ Маркизъ де Шателеръ предъ обѣдомъ выѣзжалъ къ Госпожѣ Грабовской. Въ 4 часа по полудни представлялъ Графъ Безбородко Его Величеству Цесарскаго Подполковника Маркиза де Шателера и, съ нимъ бывшаго, Капитана Биртона. Король болѣе получаса разговаривалъ съ нимъ. Ихъ Сіятельства, супруга Главнокомандующаго, и дочь ея, были у Госпожи Грабовской. Король проѣзжалъ за Нѣменъ въ деревню Каролину.

Іюня 28. Въ день везшествія на престолъ Ея Императорскаго Величества, въ исходѣ 1-го часа послѣ обѣда и молебна, Его Величество, имѣя на себѣ Россійской орденъ Святаго Апостола Андрея, съ сестрицею своею, мадамъ де Подоли, и племянницею, Графинею Мнишковою, въ препровожденіи Пристава, Графа Безбородка, дежурнаго Штабъ-Офицера, обыкновенной эскорты

карабинеръ и своихъ придворныхъ, ѣздить изволилъ привѣтствовать Главнокомандующаго съ симъ торжествомъ, который, съ Генералитетомъ и прочими господами, встрѣтилъ его на крыльцѣ и препровождалъ въ парадные покои. Король, пробывши съ часъ, возвратился во дворецъ къ обѣду. Королевскіе придворные ѣздили къ Главнокомандующему на балъ.

Іюня 29. Его Величество посылалъ Секретаря Фриза поздравить Главнокомандующаго со днемъ тезоименитства Его Императорскаго Высочества, Великаго Князя, Павла Петровича. Былъ въ придворной церкви и къ вечеру изволилъ проѣзжаться верхомъ до деревни Каплицы. Ночь провелъ безпокойно, кашлялъ и нѣсколько страдалъ подагрою. Графиня Мнишкова и прочіе придворные Королевскіе были на ассамблеи у Главнокомандующаго.

Іюня 30. Его Сіятельство, Главнокомандующій, кушалъ у Короля, который послѣ обѣда проѣзжался. По повелѣнію Главнокомандующаго, принята изъ Литовскаго Казеннаго Правленія сумма въ 11000 червонныхъ на слѣдующій Іюль мѣсяцъ для Его Польскаго Величества.

Мѣсяцъ Іюль.

1-го числа. Его Величество изволилъ ходить въ Старый замокъ къ Шамбелянамъ Трембецкому и Стржембашу, гдѣ пробывъ съ полчаса, прошелъ въ свои покои. Обѣдалъ у него Виленской Академіи Ректоръ Почебутъ, съ коимъ во время стола много разговаривалъ о физическихъ испытаніяхъ. Его Сіятельство, Княгиня Волконская, навѣщала Графиню Грабовскую. Взнесена Его Величеству слѣдующая за Іюль мѣсяцъ сумма 11,000 червонныхъ, въ пріемѣ коей получена, за собственноручнымъ Его Величества подписаніемъ, квитанція.

Іюля 2. Его Величество, прогуливаясь съ придворными своими, переѣзжалъ Пруской кордонъ и ѣздилъ до деревни Головачи,[28] откуда возвратился въ 9 часу вечера. Отъѣхалъ въ Варшаву Королевскій Подконюшій Сагатинскій по подорожной, за подписаніемъ Главнокомандующаго. Прибыла изъ Варшавы Г-жа Беклерова.

---

[28] Головачи—имѣніе около Скидля, принадлежащее помѣщику Чечоту.

Іюля 3. Секретарю Фризу доставлены четыре пашпорты; три для отъѣзжающихъ въ Варшаву: Старосты Рыкса, Феликса Плодовскаго и служителя Савицкаго, а четвертый для служителей, Михея и Николая, отправлявшихся въ Тикочинъ. Кушали у Его Величества: Его Сіятельство, Главнокомандующій, Князь Николай Васильевичъ Репнинъ, Генералъ-Поручикъ Графъ Безбородко и Господинъ Воловичъ. Вечеромъ Его Величество выѣзжалъ верхомъ въ лѣсокъ Каштеляна Вульмера; ходилъ тамо пѣшкомъ и занимался царствомъ растенія. Ѣздили къ Главнокомандующему на ассамблею: Госпожа Грабовская и Д-ръ Беклеръ съ женою.

Іюля 4. Госпожа Муравская навѣщала Г-жу Грабовскую. Прибылъ изъ мѣстечка Жижмора Секретарь Понятовскій.

Іюля 5. Въ 7 часовъ по полудни Его Величество, прогуливаясь съ мадамъ де Подоли и Г-жею Грабовскою, переѣзжалъ въ Прусскій кордонъ и проѣзжался до деревни Каролины, возвратился въ десятомъ часу.

Іюля 6. Кушали у Его Величества: Его Сіятельство, Главнокомандующій, Генералъ-Порутчикъ Графъ Безбородко и Полковникъ Графъ Бролій. Послѣ обѣда пріѣзжали къ нему: Полковникъ Дискорсъ и Маркизъ Салини. Отъѣзжали: Староста Рыксъ и дантистъ Конаръ въ Варшаву; Королевскіе служители: Янъ Селигеръ въ Бѣлой Стокъ, Іосифъ Глуховскій въ мѣстечко Липекъ. Сего числа ушли изъ дворца два человѣка, изъ коихъ одинъ лакей Госпожи Грабовской, а другой сторожъ Королевской.

Іюля 7. Сего дня Его Величество началъ пить Фрейдентальскую воду. Обѣдали у него: Референдарь Тышкевичъ, Маркизъ Салини, Ректоръ Почебутъ и Каноникъ Стрицкій. Доставленъ Секретарю Фризу пашпортъ для ѣхавшаго въ Варшаву служителя Славскаго.

Іюля 8. Прибыли изъ Варшавы: Капитанъ Аксамитовскій и жена Королевскаго Секретаря Пузыны Пріѣзжали во дворецъ: Бискупъ Косаковскій къ Графинѣ Мнишковой, Ея Сіятельство, Княгиня Волконская и Генерала-Маіора Фенша жена, къ Г-жѣ Грабовской. Вечеромъ Его Величество изволилъ ходить къ Доктору Беклеру.

Іюля 9. Кушалъ у Короля Бискупъ Косаковскій. Послѣ обѣда были у него: Господа Тышкевичъ и Дискорсъ. По полудни

Его Величество изволилъ быть съ мадамъ де Подоли и придворными своими въ Понѣмуни, гдѣ прохаживался по лѣсу, и въ 11 часу возвратился во дворецъ. Отъѣхалъ въ Варшаву: камердинеръ Порембскій и Кофишенка жена Умохова.

Іюля 10. Въ 11 часу прибыла изъ Варшавы въ Гродно Госпожа Люлли [83] и остановилась во дворцѣ; тотчасъ пошла прямо въ кабинетъ Его Величества и подала отъ всѣхъ его родныхъ письма, гдѣ пробывъ съ часъ, пошла въ отведенные ей покои. Его Величество весь день занимался привезенными письмами. Обѣдалъ у него Его Сіятельство, Главнокомандующій. Въ 7 часовъ Король изволилъ играть въ кегли и между тѣмъ читалъ книгу. Пріѣхавшій изъ Казани, бывшій Польскій плѣнникъ, Кохановскій, съ дозволенія Его Величества, перешелъ въ Мейзеровской каменный домъ, принадлежащій къ замку. Доставлены Секретарю Фризу два пашпорта: 1-й Господина Гордона служителю Михелю Винарчику до Варшавы, 2-й служителю Яну Боржецкому до Кракова. Выѣзжали на ассамблею къ Главнокомандующему: Графиня Мнишкова, мадамъ Люлли, Госпожа Грабовская и Д-ръ Беклеръ съ женою.

Іюля 11. Въ 9 часу изъ Бернардинскаго монастыря Священникъ пріобщалъ въ придворной церкви Его Величество Святыхъ Таинъ. Послѣ полудня Его Величество прогуливаясь, съ мадамъ де Подоли и Госпожею Люлліею, проѣзжалъ въ Пруской кордонъ до деревни Гнойницъ [84] и чрезъ часъ возвратился.

Іюля 12. Обѣдали у Короля: Крайчина Грабовская и Господинъ Потоцкій. По причинѣ пріятной погоды, Его Величество и сегодня изволилъ прогуливаться съ мадамъ де Подоли и Графинею Мнишковою.

Іюля 13. Кушали у Короля: Его Сіятельство, Главнокомандующій, Графъ Безбородко и Полковникъ Бролій. Прибылъ изъ Варшавы Князь Русполи, и остановился на Замковой улицѣ въ Мучинскомъ домѣ.

Іюля 14. Его Величество все утро занимался въ кабинетѣ съ проѣзжавшимъ изъ Египта въ Санктпетербургъ Итальянскимъ

---

[83] Извѣстная красавица, еще юная Француженка, послѣдній предметъ обожанія женолюбиваго Станислава-Августа.

[84] Эта деревня находится на лѣвомъ берегу Нѣмана.

Княземъ Русполи. Сей оставался у него обѣдать. Обѣдали также: Ректоръ Почебутъ, Каноники Стрицкій и Юревичъ, Господа Бѣлявскій и Трембецкій. Во время стола Его Величество изволилъ разговаривать о древностяхъ Египта. Послѣ обѣда слушалъ Госпожу Пузыну, играющую на клависинѣ. Въ 7 часу съ Княземъ Русполи и Госпожею Грабовскою ѣздилъ въ Понѣмунь. Возвращаясь оттуда, оставилъ помянутаго Князя и Госпожу Грабовскую у Ея Сіятельства, Княгини Наталіи Александровны Репниной, а самъ проѣхалъ прямо во дворецъ. Его Величество позволилъ Господину Бѣлявскому стать въ Старомъ замкѣ.

Іюля 15. Обѣдали у Короля: Князь Русполи, Госпожа Володковичева и Господинъ Кочановскій. Его Величество, находя подкрѣпленіемъ здоровья частую прогулку, проѣзжался и сегодня за рѣку Лососну съ мадамъ де Подоли, Графинею Мнишковою и Княземъ Русполіемъ, и послѣднему показывалъ пріятныя положенія оной рѣки.

Іюля 16. Князь Воронецкій и Крайчій Грабовскій пріѣзжали къ Королю, Генеральша Чилищева къ Госпожѣ Грабовской. Выѣзжали въ городъ: мадамъ де Подоли и Графиня Мнишкова. Отъѣхалъ въ Люблинъ фурманъ Михелъ Гружежинскій, по данному ему пашпорту.

Іюля 17. Обѣдали у Короля: Его Сіятельство, Главнокомандующій, Графъ Безбородко, Полковникъ Бролій, Князь Русполи, Генералъ Грабовскій. Отъѣхали въ Варшаву: Королевскій пажъ Дембецкій и Казиміръ Грабовскій по подорожнымъ, за подписаніемъ Главнокомандующаго.

Іюля 18. Въ 11 часу утра Его Величество, выѣхавъ верхомъ прогуливаться на ту сторону рѣки Нѣмена, возвратился во 2 часу. Во время стола посылалъ пажа къ Генералъ-Маіору Феншу просить онаго кушать на 19 число. Въ 7 часу по полудни ѣздилъ въ каретѣ до рѣки Лососны и, черезъ часъ возвратясь, игралъ въ кегли. Во время зори изволилъ выходить на крыльцо слушать музыку. Секретаря Фриза Писарь Швендровскій пріѣхалъ изъ Кёнигсберга съ разными запасами.

Іюля 19. Въ 11 часу по полуночи Князь Русполи, откланявшись Его Величеству, выѣхалъ въ Санктпетербургъ. Его Сіятельство, Главнокомандующій, изволилъ пріѣзжать предъ обѣдомъ къ Графинѣ Мнишкой, и черезъ часъ уѣхать. Генералъ-Маіоръ

Феншъ, бывъ на канунѣ приглашенъ отъ Короля, былъ у него и обѣдалъ съ супругою. Графиня Мнишкова, Госпожа Грабовская и мадамъ Люлли, ѣздили прогуливаться.

Іюля 20. Кушали у Его Величества: Его Сіятельство, Главнокомандующій, Генералъ-Порутчикъ Графъ Безбородко и Генералъ-Маіоръ Тормасовъ. Въ 7 часовъ по полудни Его Величество, пользуясь пріятною погодою, изволилъ ѣздить съ мадамъ де Подоли и Графинею Грабовскою въ Понѣмунь, гдѣ былъ данъ ужинъ Главнокомандующимъ. Король прохаживался съ придворными своими по лѣсу и, отъужинавъ, въ 11 часу возвратился домой.

Іюля 21. Въ 10 часовъ утра Графиня Мнишкова отъѣхала въ Люблинъ по подорожной, за подписаніемъ Главнокомандующаго. Того жъ времени прибылъ изъ Варшавы Королевскій Подконюшій Сагатинскій. Обѣдалъ у Короля Бискупъ Косаковскій.

Іюля 22. Мадамъ Феншъ пріѣзжала къ мадамъ де Подоли. Въ 7 часовъ по полудни Его Величество съ мадамъ Люлли и Госпожею Грибовскою изволилъ ѣздить въ Базиліанскую церковь, оттуда, заѣхавъ къ Ея Сіятельству, супругѣ Главнокомандующаго, и пробывъ тамо съ полчаса, возвратился во дворецъ.

Іюля 23. Въ 12 часовъ утра Его Величество изволилъ ходить къ Подконюшему Кавецкому. Въ 7 часовъ по полудни ѣздилъ верхомъ до недостроенной у рѣки Лососны фабрики, разсматривалъ оную и, походивъ нѣсколько по пріятно расположенному берегу сей рѣки, возвратился.

Іюля 24. Его Величество весь день провелъ въ чтеніи книгъ; подъ вечеръ играть изволилъ въ кегли, ужиналъ съ апетитомъ и опочивалъ хорошо.

Іюля 25. Въ 1 часу по полудни Его Величество ходить изволилъ къ Секретарю Понятовскому, навѣщалъ Грабовскую и черезъ четверть часа возвратился въ свои покои. Въ 5 часу Его Сіятельство, Главнокомандующій, прибывъ во дворецъ, былъ у Его Величества, потомъ заходилъ къ мадамъ де Подоли, къ мадамъ Люлли, Госпожѣ Грабовской, и въ 7 часовъ выѣхалъ. Вечеромъ Его Величество нѣсколько занемогъ.

Іюля 26. Въ 11 часу по полудни Главнокомандующій присылалъ своего Генеральсъ-Адъютанта Инзова къ Его Величеству спросить о здоровьи, который и входилъ въ кабинетъ. Его Ве-

личество хотя до вечера не выходилъ изъ кабинета, однако въ вечеру чувствовалъ облегченіе, въ 8 часу игралъ въ билліардъ и предъ ужиномъ кашлялъ съ очищеніемъ флегмы. Ужиналъ въ 10 часу за большимъ столомъ и сидѣлъ до половины 12 часа, ночь препроводилъ, однако жъ, безпокойно, кашлялъ и имѣлъ малое удушье. Ея Сіятельство, Княгиня Волконская, навѣщала мадамъ де Подоли.

Іюля 27. Обѣдали у Его Величества: Его Сіятельство, Главнокомандующій, Графъ Безбородко, Полковникъ Бролій и Госпожа Муравская. Послѣ обѣда былъ у него Князь Воронецкій. Даны подорожныя: Господину Вицкому для Королевскихъ служителей, конюшихъ Дульскаго и Сикорскаго, до мѣстечка Янова и обратно; Господину Сагатинскому для его самаго до Зелвы и обратно, съ коимъ поѣхалъ и будовничій [85] Маковскій.

Іюля 28. Сегодня Его Величество никуда не выѣзжалъ, препроводилъ время въ кабинетѣ въ чтеніи книгъ и газетъ, въ вечеру игралъ въ кегли и прогуливался по терасу.

Іюля 29. Его Величество изволилъ ѣздить на смотръ перваго егерскаго баталіона.

Іюля 30. Его Величество изволилъ по полудни съ Госпожею Грабовскою, въ препровожденіи своихъ придворныхъ и обыкновеннаго конвоя, выѣзжать прогуливаться мимо Городницы по Скидельской дорогѣ, и возвратиться чрезъ часъ. Прибыли изъ Варшавы: Староста Рыксъ и дантистъ Коньяръ.

Іюля 31. Кушали у Короля: Его Сіятельство, Главнокомандующій, Князь Николай Васильевичъ Репнинъ, Генералъ-Порутчикъ Михельсонъ и Графъ Безбородко. Послѣ обѣда пріѣзжалъ къ Королю Графъ Панинъ. Въ 6 часу Его Величество изволилъ съ мадамъ Люлліею и Госпожею Грабовскою выѣзжать на смотръ Псковскаго полку. Пріѣхалъ изъ Бѣлаго Стоку Шамбелянъ Вольскій.

Мѣсяцъ Августъ.

1-го числа. Въ 6 часовъ по полудни Его Величество изволилъ выѣзжать на смотръ егерскаго баталіона, командуемаго Гос-

---

[85] Архитекторъ.

подиномъ Подполковникомъ Барклаемъ, [86] весьма былъ доволенъ и удивлялся всѣмъ сего баталіона маневрамъ. По окончаніи ученья былъ приглашенъ Главнокомандующимъ въ ставку помянутаго Подполковника, въ коей много было дамъ и сестра Королевская, [87] угощаемъ былъ фруктами и прохладительными напитками и возвратился домой въ вечеру. Взнесена Его Величеству слѣдующая за сей мѣсяцъ сумма 11000 червонныхъ, въ пріемѣ которой получена, за собственноручнымъ Его Величества подписаніемъ, квитанція.

Августа 2. Его Величество вечеромъ чувствовалъ нѣкоторую слабость въ здоровьи.

Августа 3. Въ 11 часу по полудни Его Сіятельство, Главнокомандующій, присылалъ къ Его Величеству дежурнаго Маіора Оленина спросить о здоровьи. Въ 12 часу Его Величество изволилъ въ придворной церкви слушать мшу. Кушали у Короля: Его Сіятельство, Главнокомандующій, Князь Николай Васильевичъ Репнинъ, Генералъ-Порутчикъ Графъ Безбородко, Графъ Панинъ, Полковникъ Бролій; послѣдніе два откланялись, по поводу отъѣзда ихъ отсюда въ Петербургъ. Пріѣхалъ изъ Варшавы Казиміръ Грабовскій.

Августа 4. Его Величество хотя ночью нѣсколько кашлялъ, однако опочивалъ хорошо. Въ 10 же часовъ утра пріобщался въ придворной церкви Святыхъ Таинъ. Предъ обѣдомъ былъ у него Пруской Маіоръ Гревенъ. Обѣдали у Короля: Шамбелянъ Гусаревскій и Ректоръ Почебутъ. Въ 6 часу Его Величество изволилъ ѣздить смотрѣть корпусной маневръ расположенныхъ при Гроднѣ войскъ. Пріѣхавъ въ городъ въ каретѣ и подъѣзжая къ лагерю, въ разстояніи довольномъ, сѣлъ на лошадь и ѣхалъ верхомъ, въ обыкновенномъ препровожденіи при немъ находящихся нашихъ чиновъ, его придворныхъ и конвоя. По приближенію къ мѣсту, гдѣ часть войска стояла, идущаго къ начатію примѣрной атаки, командующій всѣми помянутыми войсками, Господинъ дежурной Генералъ-Маіоръ Мерлинъ, встрѣтилъ Его Величество и препровождалъ мимо войскъ, слѣдовавшихъ до того мѣста, гдѣ

---

[86] Въ послѣдствіи знаменитымъ Фельдмаршаломъ. Въ чинѣ Преміеръ-Маіора Барклай де Толли прославился храбростію въ войнѣ съ Польскими Констиціонистами на Литвѣ и пользовался особымъ довѣріемъ Князя Н. В. Репнина.

[87] Т. е., Замойская.

Король настигъ Главнокомандующаго съ Генералитетомъ и прочими, находившимися при немъ, чинами. Главнокомандующій вручилъ Его Величеству планъ того маневра, которой имѣлъ быть, и купно съ Королемъ слѣдовалъ. Во время начавшагося маневра, Его Величество ѣздить изволилъ и любопытствовалъ узнавать о всемъ, происходившемъ, разсматривая планъ. По окончаніи всего, купно же съ Главнокомандующимъ и всѣми, поѣхалъ по берегу Нѣмена лѣсомъ къ мѣсту, гдѣ поставлены были палатки для угощенія. Сіе мѣсто было близко къ берегу Нѣмена, при пріятномъ положеніи отъ натуры, и противу находящейся чрезъ рѣку Пруской границы, начинающейся отъ устья рѣки Лососны, въ Нѣменъ впадающей. По прибытіи туда, Его Величество и Главнокомандующій нашли тамъ всѣхъ дамъ здѣшнихъ, въ числѣ коихъ были: сестрица Его Величества, мадамъ де Подоли, Княгиня Александра Николаевна Волконская, Госпожа Грабовская и прочія дамы и другія особы. Между тѣмъ какъ надлежало всѣмъ войскамъ, въ маневрѣ бывшимъ, проходить сіе мѣсто, въ лагерь возвращаясь, то оставались въ ожиданіи прохода оныхъ. Угощаемы были тутъ прохладительными напитками и фруктами, и Его Величество занимался разговорами со многими дамами, съ Генералитетомъ нашимъ и съ Прускимъ Генералъ-Маіоромъ Тилемъ. Во время проходу въ лагерь мимо онаго мѣста церемоніально войскъ, состоявшихъ въ семи баталіонахъ пѣхоты и 12 орудіяхъ полевой артиллеріи, веденныхъ Генералъ-Маіоромъ Мерлинымъ, Его Величество смотрѣть изволилъ оныя. По окончаніи всего, благодарилъ за приглашеніе Его Сіятельство, Главнокомандующаго, и въ вечеру возвратился чрезъ городъ въ замокъ; чувствовалъ усталость нѣсколько, бывъ обезпокоенъ въ тотъ вечеръ.

Августа 5. Въ 10 часовъ утра выѣхала изъ дворца въ Варшаву Госпожа Люлли. Пруской Генералъ-Маіоръ Тиль былъ у Его Величества и откланялся, при отъѣздѣ своемъ въ Варшаву. Въ 6 часовъ Его Величество съ мадамъ де Подоли и придворными своими ѣздилъ въ Коханово, и въ 8 часовъ возвратился.

Августа 6. Его Величество, съ вѣдома Главнокомандующаго, послалъ съ Адъютантомъ своимъ, Киркоромъ, къ Генералъ-Маіору Мерлину на войска, бывшія въ маневрѣ, сто червонныхъ, пригласивъ его и бывшихъ подъ его командою полевыхъ и баталіонныхъ командировъ на 7 число обѣдать. Прускій Маіоръ Гре-

венъ пріѣзжалъ къ Госпожѣ Грабовской. Его Величество, пользуясь пріятной погодой, проѣзжался за городъ.

Августа 7. Во 2 часу по полудни прибыль изъ Варшавы старшій братъ Его Величества, бывшій Оберъ-Канцлеръ, Князь Казимиръ Понятовскій, которому пріуготовлены были къ пріѣзду его покои, по близости внутреннихъ покоевъ Королевскихъ. Обѣдали у Его Величества: Главнокомандующій, Генералъ-Поручикъ Графъ Безбородко, Полковники: Коновницынъ, Ливенъ, Подполковники: Барклай де Толли, Герсдорфъ и Господинъ Губернаторъ Слонимскій, Генералъ-Маіоръ Новицкой. Его Величество, сдѣлавъ пристойной и ласковый комплиментъ Генералъ-Маіору Мерлину и потомъ Господамъ Полковникамъ и баталіонымъ командирамъ, разговаривалъ съ первымъ и другими. Возвратился изъ Зельвы Господинъ Сагатинскій и будовничій Маковскій.

Августа 8. Въ 9 часовъ утра Его Величество посылалъ Адъютанта Гордона къ Полковнику Ливену сказать о сдѣланіи, на образецъ того полку, каски, мундира и прочаго одѣянія солдатскаго, о чемъ прежде просилъ онъ дозволенія у Главнокомандующаго; въ 11 выѣхавъ прогуливаться по Скидельской дорогѣ, возвратился мимо Городницы. Въ 10 часовъ братъ Королевскій выѣзжалъ къ Главнокомандующему, куда ѣздилъ и по обѣдѣ. Въ 9 часу вечера Его Сіятельство, Главнокомандующій, пріѣхавъ къ Королю, пробылъ у него до 10 часовъ и простился при самомъ отъѣздѣ съ братомъ Королевскимъ, которой уѣхалъ въ Бѣлой Стокъ и Варшаву. Его Величество чувствительно разстался съ престарѣлымъ и слабымъ своимъ братомъ и не могъ удержаться отъ слезъ.

Августа 9. Мадамъ де Подоли выѣзжала прогуливаться.

Августа 10. Въ 11 часу утра Его Величество въ придворной церкви изволилъ слушать обѣдню; въ полдень игралъ въ кегли. По сіе время нетерпѣливо ожидалъ почты; получивъ же послѣ обѣда письма, отвѣчалъ на оныя съ Господиномъ Рыксомъ, котораго въ 7 часу отправилъ въ Варшаву и съ которымъ послалъ своимъ придворнымъ жалованье на сей Августъ мѣсяцъ. Потомъ выѣхалъ прогуливаться въ лѣсокъ Каштеляна Вульмера, и въ 9 часовъ возвратился. Съ Рыксомъ отъѣхали Краевскій и его человѣкъ. Кромѣ оныхъ поѣхали предъ обѣдомъ въ Варшаву: Шамбелянъ Трембецкій съ своимъ человѣкомъ и однимъ Ко-

ролевскимъ конюхомъ, и Королевской камердинеръ Руссо, всѣ по подорожнымъ, за подписаніемъ Главнокомандующаго. Обѣдали у Короля: Его Сіятельство, Главнокомандующій, Генералъ-Порутчики Графы Румянцовъ и Безбородко, Генералъ-Маіоръ Чллищевъ, Вице-Губернаторы Фризель и Волковъ, Полковникъ Багневскій и Господинъ Збышевскій. Госпожа Грабовская ѣздила къ Ея Сіятельству, супругѣ Главнокомандующаго.

Августа 12. По полудни пріѣзжалъ Господинъ Дзяконскій къ Королю съ женою, старшимъ сыномъ и невѣсткою. Въ 7 часу Его Величество, изволилъ, съ мадамъ де Подоли, ѣздить къ Главнокомандующему, и оттоль по Понѣмунской дорогѣ прогуливаться.

Августа 12. Въ 12 часу утра Его Величество проѣзжался за Нѣменъ до рѣки Лососны, гдѣ, походивъ нѣсколько пѣшкомъ, возвратился. Обѣдали у него: Господинъ Дзяконскій съ женою и сыномъ и Госпожа Шидловская.

Августа 13. Его Величество, возвратясь предъ обѣдомъ съ прогулки, во весь день занимался Англійскими газетами. По дозволенію Его Величества, въ 4 часа по полудни, Графъ Безбородко представилъ Его Величеству, Статскаго Совѣтника и Малороссійскаго Почтамта Директора, Господина Милорадовича, [88] съ которымъ Его Величество изволилъ разговаривать и пригласить онаго на завтрешній день къ обѣденному столу.

Августа 14. Въ 12 часу утра Его Величество, съ нѣкоторыми придворными своими, проѣзжался по Скидельской дорогѣ; возвратился мимо Городницы. Обѣдали у него: Генералъ-Порутчики Графы Румянцовъ и Безбородко и Господинъ Статскій Совѣт-

---

[88] Григорій Петровичъ, который былъ былъ Малороссійскимъ Почтъ-Директоромъ съ 1789 года по 1797. Во время своего начальствованія онъ учредилъ, по порученію Князя Безбородка (на родной племянницѣ коего былъ женатъ, а сестрѣ В. П. Кочубея, въ послѣдствіи Канцлера и Князя, Александрѣ Павловнѣ), въ возвращенныхъ отъ Польши 4-хъ Губерніяхъ письменныя почты въ 1793 г., а въ 1795 и въ Литвѣ, также и ближайшую дорогу черезъ Брестъ Литовскій изъ Петербурга въ Вѣну, и пр. Въ послѣдствіи былъ онъ Малороссійскимъ Генеральнымъ Судьей (1797 - 1799), и напослѣдокъ Таврическимъ Гражданскимъ Губернаторомъ (1802 — 1803) въ чинѣ Тайнаго Совѣтника, остальное же время (съ 1803 по 1828 г.) жилъ въ отставкѣ въ Черниговѣ и своихъ имѣніяхъ. О. Б.

никъ Милорадовичъ. Послѣ обѣда пріѣзжали къ Королю: Госпожи Дзяконская съ невѣсткою и Володковичева.

Августа 15. Его Величество, пользуясь пріятностью времени, проѣзжался верхомъ въ Понѣмунь. Въ 7 часовъ по полудни съ мадамъ де Подоли навѣщалъ супругу Главнокомандующаго.

Августа 16. Король изволилъ выходить вечеромъ на терасъ, что подъ Нѣменомъ, и по оному прохаживаться.

Августа 17. Обѣдали у Его Величества: Генералъ-Порутчики Графы Румянцевъ и Безбородко, Секундъ-Маіоръ Князь Гагаринъ и Господинъ Дзяконскій съ фамиліею. По полудни Его Величество проѣзжался въ лѣсъ Каштеляна Вульмера, прохаживался тамо пѣшкомъ и черезъ часъ возвратился. Госпожа Грабовская ѣздила къ Ея Сіятельству, супругѣ Главнокомандующаго. Данъ Секретарю Фризу, за подписаніемъ Главнокомандующаго, пашпортъ для ѣхавшаго въ Пруской кордонъ до деревни Бѣлянъ пивничаго Спѣваки.

Августа 18. Обѣдалъ у Короля Бискупъ Косаковскій. Мадамъ де Подоли ѣздила прогуливаться. Отъѣхалъ въ Прускій кордонъ до мѣстечка Свяцкъ, принадлежащаго Господину Воловичу, Замковой Бургграбій Гибнеръ, за вѣдомомъ и билетомъ Графа Безбородка.

Августа 19. Предъ обѣдомъ пріѣзжалъ къ Королю Бискупъ Косаковскій. Обѣдала у онаго Госпожа Муравская. Выѣзжали въ городъ: мадамъ де Подоли и Госпожа Муравская.

Августа 20. Его Величество предъ обѣдомъ и послѣ обѣда изволилъ, съ мадамъ де Подоли и Госпожею Грабовскою, ѣздить первѣе до рѣки Лососны, гдѣ довольно гулялъ по берегу оныя, а въ другой разъ къ деревнѣ Каплицы. Генералъ-Маіоръ Неплюевъ былъ у Госпожи Грабовской. Пріѣхали изъ Свяцка: Господинъ Бачьярели и Замковой Бургграбій Гибнеръ.

Августа 21. Обѣдали у Короля: Графы Румянцовъ и Безбородко и Генералъ-Маіоръ Неплюевъ. Подскарбина Дзяконская пріѣзжала къ Госпожѣ Грабовской, Госпожа Муравская къ мадамъ де Подоли.

Августа 22. Его Величество выѣзжалъ въ 12 часу утра на ту сторону Нѣмена и, возвращаясь, смотрѣлъ Радзивиловской домъ. Послѣ обѣда занимался отправленіемъ писемъ въ Варшаву. Пріѣз-

жали къ Госпожѣ Грабовской: Ея Сіятельство, Княгиня Волконская, и Госпожа Шидловская.

Августа 23. Его Величество, любопытствуя видѣть обрядъ обрѣзанія, имѣвшагося въ сей день совершиться въ Жидовской школѣ, изволилъ ходить въ оную и смотрѣть таковую церемонію, по окончаніи коей, через часъ возвратился во дворецъ. Пришелъ изъ Варшавы съ разными припасами и вещами обозъ, отправленный оттуда Старостою Рыксомъ.

Августа 24. Въ 11 часу утра Его Величество изволилъ ходить въ придворную церковь слушать обѣдню и заходилъ потомъ къ Госпожѣ Грабовской. Обѣдали у него: Графы Румянцевъ и Безбородко и Госпожа Дзяконская съ старшимъ сыномъ и его женою. Нетерпѣливо ждалъ почты Варшавской, а еще больше видно было нетерпѣніе его, когда оная пріѣхала въ часу 12 чрезъ мостъ, что видно было ему и его придворнымъ изъ его покоевъ; за обѣдомъ и послѣ обѣда посылалъ освѣдомляться къ Секретарю Фризу, не принесены ли письма? Въ 4 часа съ половиною, откланявшись, ретировался во внутренніе свои покои.

Августа 25. Король пріѣзжалъ въ лѣсъ Вульмера, въ обыкновенномъ препровожденіи своихъ нѣсколько человѣкъ придворныхъ, дежурнаго Маіора Косаковскаго, конвойнаго Офицера кирасирскаго и кирасиръ. Господа Стреинскій и Юревичъ обѣдали у Короля. Мадамъ де Подоли пріѣзжала къ супругѣ Главнокомандующаго поздравить ее на канунѣ съ именинами и просить отъ Короля Ея Сіятельство съ фамиліею на завтра кушать. Послѣ обѣда пріѣзжали во дворецъ: жена Господина Стреинскаго, Княгиня Воронецкая съ мужемъ и Крайчій Грабовскій. Госпожа Володекова была у мадамъ де Подоли. Госпожа Грабовская въ вечеру ѣздила на Городницу къ Ея Сіятельству, супругѣ Главнокомандующаго. Присыланъ былъ пажъ отъ Короля пригласить обѣдать Генералъ-Маіора Неплюева.

Августа 26. По времени, весьма сырому и холодноватому, съ утра продолжавшемуся, выѣзда Его Величество не имѣлъ. Оставался до двухъ часовъ съ четвертью по полудни въ своемъ кабинетѣ и занимался чтеніемъ и писаніемъ. Въ исходѣ 2 час. прибыла Ея Сіятельство, Княгиня Наталья Александровна, съ дочерью своею, Княгинею Волконскою, которыхъ встрѣтилъ на крыльцѣ Графъ Безбородко съ дежурными Штабъ и Оберъ-Офи-

церами. Потомъ Генералъ-Порутчикъ Графъ Румянцовъ, Генералъ-Маіоръ Неплюевъ и гвардіи Подпорутчики оба Князья Волконскіе прибыли. Пока Его Величество выйти изволилъ, занимали Ихъ Сіятельство мадамъ де Подоли и Госпожа Грабовская. По выходѣ жъ Его Величество со всѣми своими придворными въ третьемъ часу, поздравлялъ имянинницу, въ половинѣ 3 къ столу пошли. За обѣдомъ Король пилъ за здоровье Ея Сіятельства. Послѣ обѣда, въ половинѣ пятаго, Ея Сіятельство уѣхала, препровождаема будучи съ крыльца Приставомъ, Графомъ Безбородкомъ, и дежурными во дворцѣ. Ѣздили на балъ къ Ея Сіятельству: Госпожа Грабовская и Докторъ Беклеръ съ женою. Данъ пашпортъ отъ Графа Безбородка отправленному въ Варшаву Конюшему Королевскому, Писарю Сагатинскому, съ будущимъ при немъ однимъ человѣкомъ.

Августа 27. Данъ пашпортъ въ Прускій кордонъ до мѣстечка Янова отправленному съ 13 лошадьми для Шамбеляна Трембецкаго и Старосты Рыкса. Обѣдали у Короля: Господинъ Воловичъ съ женою и Бѣлявскій.

Августа 28. Въ 12 часу Его Величество изволилъ слушать въ придворной церкви мшу; въ полдень игралъ въ биліардъ.

Августа 29. Обѣдали у Короля: Генералъ-Порутчикъ Графъ Безбородко и Генералъ-Маіоръ Неплюевъ. Ея Сіятельство, Княгиня Волконская, была у Госпожи Грабовской. Пріѣхали изъ Варшавы: Шамбелянъ Трембецкій и Староста Рыксъ.

Августа 30. Навѣщали Госпожу Грабовскую: Ея Сіятельство, Княгиня Волконская, Госпожа Шидловская и Муравская. Пріѣхалъ изъ Варшавы Господинъ Политанскій.

Августа 31. Въ 12 часу по утру Его Величество изволилъ въ придворной церкви слушать мшу. По обѣдѣ занимался газетами. Обѣдала у него Госпожа Муравская.

Мѣсяцъ Сентябрь.

1-го числа. Въ 11 часу утра Его Величество, въ препровожденіи своихъ придворныхъ и обыкновеннаго конвоя, изволилъ, съ Госпожею Грабовскою, выѣзжать прогуливаться по Скидельской дорогѣ. Въ 12 часовъ возвратился во дворецъ. Занимался до обѣда чтеніемъ книгъ. Отъѣхалъ въ Варшаву, находившійся при кухнѣ

Писарь Бояновичъ. Доставлена Его Величеству слѣдующая за сей мѣсяцъ Сентябрь на содержаніе и прочіе расходы сумма 11000 червонныхъ, въ пріемѣ которой получена, за собственноручнымъ Его Величества подписаніемъ, квитанція.

Сентября 2. Его Величество препроводилъ время до полудня въ кабинетѣ; въ 1 часу изволилъ играть въ биліардъ. Обѣдалъ у него Каштелянъ Воловичъ. Въ 6 часовъ по полудни занимался нѣсколько времени игрою въ кегли.

Сентября 3. Въ 12 часу утра Его Величество, пользуясь пріятной погодой, изволилъ, въ обыкновенномъ препровожденіи, прогуливаться верхомъ на границѣ Пруской, что у рѣки Лососны, и возвратился черезъ часъ. Обѣдалъ у него Шефъ Стреинскій съ женою. Мадамъ де Подоли ѣздила навѣщать въ болѣзни Ея Сіятельство, супругу Главнокомандующаго.

Сентября 4. Его Величество изволилъ, съ мадамъ де Подоли, проѣзжаться по Скидельской дорогѣ. Отъѣхали въ Бѣлый Стокъ: Шамбеляны Вольскій и Стржембашъ.

Сентября 5. Въ полдень Его Величество изволилъ играть въ кегли. Послѣ обѣда занимался отправленіемъ писемъ въ Варшаву со Старостою Рыксомъ, которой сего жъ дня отправился туда съ тремя при немъ человѣками, по подорожной, за подписаніемъ Главнокомандующаго. Кушали у Его Величества: Его Сіятельство, Главнокомандующій, Князь Николай Васильевичъ Репнинъ, и Графъ Безбородко. Послѣ обѣда пріѣзжали къ Королю: Шефъ Стреинскій и Шамбелянъ Огинскій.

Сентября 6. Въ 12 часу утра Его Величество, выѣхавъ съ придворными своими и въ препровожденіи конвоя, въ Понѣмунь, прохаживался по лѣсу тамо пѣшкомъ, разговаривалъ о производимомъ осеннею порою въ царствѣ растеній дѣйствіи и чрезъ полтора часа возвратился. Обѣдали у него: молодой Дзяконскій съ женою, Господа Грабовской и Збышевской. Въ 4 часу Псковскаго мушкетерскаго полку Полковникъ, Господинъ Ливенъ, представилъ Его Величеству того полку мушкетера, одѣтаго въ полной аммуниціи, какъ о томъ просилъ Король Главнокомандующаго, чтобы сдѣлать ему образецъ мундира. Мадамъ де Подоли навѣщала Ея Сіятельство, супругу Главнокомандующаго.

Сентября 7. Кушали у Его Величества: Его Сіятельство, Главнокомандующій, Князь Николай Васильевичъ Репнинъ, Гене-

ралъ-Порутчики Графы Михельсонъ и Безбородко, Князь Радзивилъ, Гетманъ Огинскій и Господинъ Бригадиръ Князь Лобановъ-Ростовскій. Отъѣхалъ въ Полоцкъ Подконюшій Кавецкій.

Сентября 8. Его Величество до полудня занимался отправленіемъ въ Варшаву писемъ, въ полдень изволилъ играть въ биліардъ. Послѣ обѣда препроводилъ время въ чтеніи книгъ.

Сентября 9. Въ 11 часу Его Величество изволилъ выѣзжать верхомъ прогуливаться въ деревню Грандичи, возвратился во 2-мъ Обѣдали у него: Гетманъ Огинскій, Генералъ Грабовскій, Шефъ Стреинскій съ женою и Волковыскаго Старосты Грабовскаго жена. Въ 5 часу по полудни Принца Виртембергскаго Шталмейстеръ Дауръ показывалъ Его Величеству лошадей, которыхъ велъ въ Санктпетербургъ къ Его Императорскому Высочеству, Великому Князю Павлу Петровичу, посланныхъ отъ Принца въ подарокъ. Госпожа Грабовская ѣздила навѣщать Ея Сіятельство, супругу Главнокомандующаго.

Сентября 10. Его Величество съ Госпожею Грабовскою изволилъ выѣзжать прогуливаться за Нѣменъ къ Понѣмуни и къ деревнѣ Гнойницы, и чрезъ часъ возвратился. Обѣдалъ у него Господинъ Райскій. Въ 7 часовъ вечера, прибывъ въ замокъ Господина Волковыскаго Старосты Грабовскаго жена, оставалась тамо ужинать. Прибыли изъ Варшавы: Секретарь Карась и Королевскій камердинеръ Руссо.

Сентября 11. Его Величество до обѣда проводилъ время въ кабинетѣ. Обѣдали у него: Его Сіятельство, Главнокомандующій, и Приставъ, Графъ Безбородко. Послѣ обѣда выходилъ на берегъ Нѣмена и потомъ изволилъ играть въ кегли.

Сентября 12. Его Величество, съ мадамъ де Подоли, изволилъ проѣзжаться за городъ, и во 2 часу возвратился во дворецъ. Обѣдалъ у него Гетманъ Огинскій.

Сентября 13. Въ 5 часу по полудни Его Величество изволилъ ѣздить на ту сторону рѣки Нѣмена въ бывшій загородный домъ Князя Радзивила, гдѣ угощала Графиня Грабовская приглашенныхъ туда: Его Сіятельство, Главнокомандующаго, нашъ Генералитетъ и прочихъ здѣшнихъ и нашихъ обоего пола особъ; возвратился черезъ полчаса; жаловался головною болью и ознобомъ.

Сентября 14. Обѣдали у Короля: Его Сіятельство, Главноко-

мандующій, Генералъ-Порутчикъ Графъ Безбородко, Гетманъ Огинскій, Каштелянъ Воловичъ съ женою и Господинъ Шидловскій. Ея Сіятельство, Княгиня Волконская, и Князь Лобановъ-Ростовскій, навѣщали Госпожу Грабовскую послѣ обѣда. Прибылъ изъ своихъ деревень Казимиръ Грабовскій. Загорѣлось было въ трубѣ во флигелѣ, гдѣ живутъ Господа Вицкій, Киркоръ и Збышевскій, но тотчасъ было потушено.

Сентября 15. Его Величество въ 11 часу утра изволилъ выѣхать прогуливаться въ Каштеляна Вульмера лѣсокъ, прохаживался тамо пѣшкомъ и въ 1 часу возвратился; послѣ обѣда занимался отправленіемъ въ Варшаву писемъ. Обѣдали у него: Ректоръ Почебутъ и Господинъ Устрицкій. Ихъ Сіятельства Княгиня Репнина и Волконская, пріѣзжали къ Госпожѣ Грабовской. Отъѣхалъ въ Варшаву Господинъ Сагатинскій по подорожной, за подписаніемъ Главнокомандующаго.

Сентября 16. Въ 7 часовъ по полуночи отъѣхала въ Варшаву Генеральша Грабовская съ сыномъ и находящимися при ней горничной дѣвушкой, четырьмя лакеями и двумя фурманами о девяти лошадяхъ. Въ 11 часу Его Величество съ мадамъ де Подоли изволилъ выѣзжать за Нѣменъ до рѣки Лососны прогуливаться, нѣсколько времени занимался тамо зрѣніемъ пріятнаго положенія мѣста у оной рѣки, въ 1 часу возвратился. Обѣдали у него: Крайчій Грабовской съ женою, Господа Потоцкій и Райковскій.

Сентября 17. Въ разсужденіи пріятной погоды, Его Величество выѣзжалъ и сегодня прогуливаться къ рѣкѣ Лососнѣ. Обѣдали у него: Господа Шидловскій, Мержевской, Шимановскій съ сыномъ и Каневскій Староста Потоцкій. [89]

Сентября 18. Въ 1 часу по полудни Его Величество съ мадамъ де Подоли изволилъ навѣщать Ея Сіятельство, супругу Главнокомандующаго, Наталью Александровну, Княгиню Репнину. Обѣдали у него: Генералъ-Порутчики Графы Румянцовъ и Безбородко и Госпожа Мостовская.

Сентября 19. Его Величество проводилъ время до обѣда въ кабинетѣ, занимаясь отправленіемъ писемъ въ Варшаву. Послѣ

---

[89] Знаменитый Польскій самодуръ, о подвигахъ котораго существуютъ цѣлыя сказанія.

обѣда выходилъ на галерею, что надъ Нѣменъ, и потомъ изволилъ играть въ кегли.

Сентября 20. Обѣдали у Короля: Господа Крайчій Грабовскій и Шимановскій съ женами. Пріѣхали изъ Варшавы съ разными припасами для дворца Королевскаго двора два фурмана.

Сентября 21. Въ 11 часу по утру Его Величество ходилъ въ комнаты Старосты Рыкса смотрѣть привезенныя изъ Варшавы его вещи. Въ 12 выѣзжалъ съ мадамъ де Подоли за городъ прогуливаться,

Сентября 22. Его Величество утромъ намѣревался быть у Главнокомандующаго, по случаю торжества коронованія Ея Императорскаго Величества, и возложилъ на себя орденъ Святаго Андрея Первозваннаго, но, освѣдомившись о болѣзни Главнокомандующаго, случившейся ночью, почелъ за благо не безпокоить Его Сіятельство; посылалъ не рѣдко освѣдомляться къ Доктору Беклеру о состояніи жестокой болѣзни Главнокомандующаго, и былъ успокоенъ, узнавши, что сдѣлалось лучше. Послѣ обѣда былъ у него Графъ Безбородко.

Сентября 23. Его Величество съ мадамъ де Подоли изволилъ выѣзжать прогуливаться по Скидельской дорогѣ; возвращаясь, ѣздилъ къ Его Сіятельству, Главнокомандующему, но не хотѣлъ его безпокоить и зашелъ къ Ея Сіятельству, Княгинѣ Наталіи Александровнѣ и, освѣдомясь о его здоровьѣ, пробылъ тамъ съ полчаса.

Сентября 24. Его Величество изволилъ предъ обѣдомъ проѣзжаться верхомъ за Нѣменъ до рѣки Лососны, гдѣ прохаживался, и во 2 часу по полудни возвратился. Послѣ обѣда были у него: Господа Шефъ Стренскій и Жиневъ.

Сентября 25. Кушали у Короля: Ихъ Сіятельства, Генералъ-Порутчики Графы Румянцовъ и Безбородко. Послѣ обѣда Его Величество долго изволилъ оставаться въ большой залѣ.

Сентября 26. Въ 11 часу утра Его Величество изволилъ съ мадамъ де Подоли прогуливаться за городъ, и возвратился черезъ часъ. Обѣдали у него: Господа Шидловскій и Шимановскій съ женами. Въ 4 часа по полудни приходилъ къ Его Величеству Генералъ-Маіоръ Сухтеленъ съ Капитаномъ Килемъ, и пробылъ у него съ полчаса.

Сентября 27. Обѣдалъ у Короля Господинъ Потоцкій. Въ

7 часу по полудни Его Величество изволилъ навѣщать Его Сіятельство, Главнокомандующаго, гдѣ пробывъ часъ, возвратился во дворецъ.

Сентября 28. Въ 11 часу утра Его Величество изволилъ ходить въ придворную церковь слушать обѣдню. Передъ обѣдомъ выѣзжалъ прогуливаться за Нѣменъ къ Радзивиловскому дому. Обѣдали у него: Генералъ-Порутчики Графы Румянцовъ и Безбородко и Генералъ-Маіоръ Сухтеленъ.

Сентября 29. Его Величество занимался послѣ обѣда полученными изъ Варшавы, чрезъ прибывшаго оттуда Старосту Рыкса, письмами. Съ Господиномъ Рыксомъ пріѣхали изъ Варшавы: Королевской скороходъ и два человѣка Казимира Грабовскагò, да изъ Бѣлаго Стока Панна Бѣлецкая, которая остановилась въ покояхъ мадамъ де Кракови. По полудни пріѣзжали къ Королю: Господа Тишевскій и Шимановскій.

Сентября 30. Его Величество до 12 часа занимался въ кабинетѣ чтеніемъ книгъ, предъ обѣдомъ изволилъ играть въ біліардъ. Обѣдалъ у него Господинъ Потоцкій. Отъѣхалъ изъ дворца въ кордонъ Пруской въ Зимовское Королевскаго гардеробу Писарь, по подорожной Пристава Графа Безбородка. Ночью бѣжалъ изъ дворцоваго караула Муромскаго полку гренадеръ изъ рекрутъ.

Мѣсяцъ Октябрь.

1-го числа. Его Величество изволилъ выѣзжать по утру прогуливаться по Скидельской дорогѣ, а по полудни къ Его Сіятельсву, Главнокомандующему, Князю Николаю Весильевичу Репнину, гдѣ пробылъ съ часъ времени. Пріѣхалъ изъ своей деревни Шамбелянъ Вольскій и остановился въ замкѣ на своей прежней квартирѣ.

Октября 2. Обѣдали у Короля: Его Сіятельство, Главнокомандующій, Графъ Безбородко и Господинъ Шидловскій. Доставлена Его Величеству, слѣдующая за сей мѣсяцъ на содержаніе его двора и прочіе расходы, сумма 11000 червонныхъ, въ пріемѣ коей получена, за собственноручнымъ Его Величества подписаніемъ, квитанція. Пріѣхалъ изъ Варшавы Ксёндзъ Яшевскій, и остановился у Королевскаго Адъютанта, Полковника Гордона.

Октября 3. Въ 12 часу утра Его Величество съ мадамъ де

Подоли, выѣхавъ прогуливаться на мѣсто, гдѣ было корпусное ученье, возвратиться изволилъ чрезъ часъ. Обѣдалъ у него Господинъ Шимановскій съ сыномъ. Ея Сіятельство, Княгиня Волконская, пріѣзжала къ Доктору Беклеру.

Октября 4. Въ 11 часу по полуночи Его Величество съ мадамъ де Подоли изволилъ ѣздить прогуливаться до рѣки Лососны, гдѣ прохаживался пѣшкомъ и переходилъ Прускую границу; возвратился черезъ часъ. Обѣдалъ у него Господинъ Шимановскій. Въ 10 часовъ вечера прибылъ изъ Галиціи Графъ Мнишекъ съ супругою.

Октября 5. Его Величество изволилъ ходить въ придворную церковь слушать обѣдню. Обѣдали у него: Его Сіятельство, Главнокомандующій, Князь Николай Васильевичъ Репнинъ, Генералъ-Порутчикъ Графъ Безбородко и Господинъ Шидловскій. Возвратился изъ Полоцка Подконюшій Кавецкій.

Октября 6. Утромъ Его Величество съ мадамъ, де Подоли и Докторомъ Беклеромъ, выѣзжалъ въ Каштеляна Вульмера лѣсокъ, прохаживался тамо пѣшкомъ и въ полдень возвратился. Обѣдали у него: Господа Ректоръ Почебутъ и Стрицкій. Ихъ Сіятельства, Княгини Репнина и Волконская, навѣщали мадамъ де Подоли.

Октября 7. Пользуясь пріятной погодой, Его Величество проѣзжалъ и сегодня за Нѣменъ. Обѣдалъ у него Господинъ Шидловскій. Пріѣзжалъ къ Графинѣ Мнишковой Генералъ-Маіоръ Мерлинъ. Графъ Мнишекъ съ фамиліею выѣзжалъ къ Главнокомандующему.

Октября 8. До обѣда Его Величество занимался отправленіемъ въ Варшаву писемъ. Послѣ обѣда изволилъ играть въ биліардъ.

Октября 9. Сего утра Староста Рыксъ отъѣхалъ въ Варшаву по подорожной, за подписаніемъ Главнокомандующаго. Въ 11 часу Его Величество, въ обыкновенномъ препровожденіи, изволилъ выѣзжать въ Каштеляна Вульмера лѣсокъ прогуливаться, прохаживался тамо и въ 1 часу возвратился. Во 2 часу по полудни, прибывъ во дворецъ Его Сіятельство, Главнокомандующій, съ Графомъ Безбородкомъ и Господиномъ Шидловскимъ, обѣдалъ у Его Величества, съ оными.

Октября 10. Кушали у Короля: Его Сіятельство, Главно-

командующій, Князь Николай Васильевичъ Репнинъ, и Генералъ-Поручикъ Графъ Безбородко. Ихъ Сіятельства, Княгиня Репнина и Волконская, навѣщали мадамъ де Подоли.

Октября 11. Его Величество, предъ обѣдомъ изволилъ, съ мадамъ де Подоли, ѣздить прогуливаться за городъ; возвратясь, игралъ въ биліардъ, пока время пришло къ столу. Выѣзжалъ изъ дворца Графъ Мнишекъ съ супругою. Дана Королевскому лакею, Зембровскому, подорожная до Варшавы.

Октября 12. Въ 10 часовъ утра Его Величество изволилъ ходить въ придворную церковь слушать обѣдню. Обѣдали у него: Главнокомандующій, Генералъ-Поручикъ Графъ Безбородко, Крайчій Грабовскій, Господа Райскій и Шидловскій. Ѣздили къ Главнокомандующему на ассамблею: Шамбеляны Вольскій и Стржембашъ съ женою.

Октября 13. Его Величество изволилъ прогуливаться къ деревни Путдышкамъ. Обѣдалъ у него: Каштелянъ Завацкій. Въ 7 часовъ вечера, прибывъ къ Королю Его Сіятельство, Главнокомандующій, Князь Николай Васильевичъ Репнинъ, съ фамиліею, Генералъ-Поручики Графы Румянцовъ и Безбородко, Генералъ-Маіоръ Сухтеленъ и Бригадиръ Князь Лобановъ-Ростовскій, провели тамо время до 11 часовъ.

Октября 14. Предъ обѣдомъ Его Величество изволилъ выѣзжать прогуливаться за городъ и возвратился черезъ часъ. Послѣ обѣда занимался нѣсколько времени игрою въ кегли. Въ вечеру Его Величество занемогъ и чувствовалъ себя нѣсколько слабымъ.

Октября 15. Его Величеству сдѣлалось легче и кушалъ за большимъ столомъ, къ коему былъ приглашенъ, проѣзжавшій чрезъ Гродно въ Кенигсбергъ, Англійской службы Подполковникъ Кормишель. По полудни присыланъ былъ отъ Главнокомандующаго къ Королю Секундъ-Маіоръ Князь Гагаринъ освѣдомиться о его здоровьѣ.

Октября 16. Его Величество чувствовалъ себя совершенно здоровымъ. Обѣдали у него: Его Сіятельство, Главнокомандующій, Генералъ-Поручикъ Графъ Безбородко и Господинъ Шидловскій. Мадамъ де Подоли выѣзжала въ городъ.

Октября 17. До обѣда Его Величество занимался отпра-

вленіемъ по почтѣ въ Варшаву писемъ. Послѣ обѣда изволилъ играть въ биліардъ.

Октября 18. Его Величество все утро провелъ въ чтеніи книгъ. Послѣ стола изволилъ нѣсколько времени оставаться въ большой залѣ и разговаривать со своими придворными. Данъ Королевскаго пажа служителю Кучинскому пашпортъ до Варшавы.

Октября 19. Его Сіятельство, Главнокомандующій, прибывъ во 2 часу по полудни во дворецъ съ Генералъ-Поручикомъ Графомъ Безбородкомъ, кушалъ у Короля съ онымъ. Графъ Мнишекъ ѣздилъ къ Главнокомандующему на ассамблею.

Октября 20. Его Величество, проѣзжаясь съ мадамъ де Подоли и Графинею Мнишковою до рѣки Лососны, переѣзжалъ въ Прускій кордонъ, и чрезъ часъ возвратился.

Октября 21. Въ 10 часовъ по полуночи Его Величество изволилъ съ придворными своими ходить въ придворную церковь слушать мшу. По полудни мадамъ де Подоли выѣзжала въ Доминиканской кляшторъ. Данъ Подконюшему Кавецкому пашпортъ до Соколки.

Октября 22. Его Величество изволилъ въ придворной церкви пріобщаться Святыхъ Таинъ, и потомъ удалиться въ свои покои. Въ 10 часовъ вечера Его Сіятельство, Главнокомандующій, прибывъ во дворецъ, былъ у Графа Мнишка, потомъ ужиналъ у Короля, гдѣ пробылъ до 12 часу.

Октября 23. Его Величество выѣзжалъ предъ обѣдомъ съ мадамъ де Подоли за городъ прогуливаться; возвратился черезъ часъ. Кушали у него: Его Сіятельство, Главнокомандующій, Князь Николай Васильевичъ Репнинъ, и Генералъ-Поручикъ Графъ Безбородко.

Октября 24. Въ 11 часу по утру Его Величество изволилъ ходить въ придворную церковь слушать мшу. Передъ обѣдомъ было у него: Ректоръ Почебутъ, Каноники Юревичъ и Стрчцкій и Крайчій Грабовскій. Въ 8 часовъ вечера, прибывъ во дворецъ Его Сіятельство, Главнокомандующій, ужиналъ у Его Величества и оставался тамо до 12 часовъ.

Октября 25. Его Величество предъ обѣдомъ изволилъ играть въ биліаръ; послѣ обѣда занимался въ кабинетѣ чтеніемъ и писаніемъ. Графъ Мнишекъ выѣзжалъ съ фамиліею въ городъ. Данъ Королевскону служителю, Краевскому, пашпортъ до Варшавы.

Октября 26. Въ 11 часу утра Его Величество изволилъ ходить въ придворную церковь слушать обѣдню. Кушалъ у него Его Сіятельство, Главнокомандующій. Графъ Мнишекъ выѣзжалъ къ Главнокомандующему на ассамблею.

Октября 27. Его Величество все утро занимался въ кабинетѣ отправленіемъ въ Варшаву чрезъ почту писемъ. Обѣдали у него: Ректоръ Почебутъ, Каноники Юревичъ и Стрицкій. Предъ обѣдомъ пріѣхалъ изъ Варшавы Подконюшій Сагатинскій. По полудни въ 8 часу прибыла изъ Бѣлаго Стоку Королевская сестра, мадамъ де Кракови, въ свитѣ которой пріѣхали: Докторъ Дункеръ, двѣ дѣвицы, Пашковская и Дюшень, двѣ гардеробянки, Голенская и Вишневская, два Француза Священники, которые остановились въ Старомъ замкѣ у Бѣляковскаго, двѣ горничныя служанки, одна прачка, конюшій Фіазели, пять лакеевъ, одинъ кучеръ и два форейтора.

Октября 28. Ихъ Сіятельства, Княгиня Репнина и Волконская, пріѣзжали къ Королевской сестрѣ, мадамъ де Кракови. Въ 9 часовъ вечера Его Сіятельство, Главнокомандующій, прибывъ къ Королю, оставался у него ужинать и пробылъ до 12 часовъ.

Октября 29. Прибылъ по утру изъ Варшавы Староста Рыксъ. Пріѣхавшій изъ Прускаго кордона, Русской службы Генералъ-Маіоръ Барановичъ, бывшій при Татарскомъ войскѣ, былъ съ 5 Офицерами Татаръ у Короля. Ихъ Сіятельства, Княгини Репнина и Волконская, были у мадамъ де Подоли. Дана, находящемуся при дворѣ Его Величества, дантисту Коняру подорожная до Вильны.

Октября 30. Г. Шимановскій пріѣзжалъ по утру къ мадамъ де Кракови, и былъ потомъ у Короля. Кушали у Его Величества: Его Сіятельство, Главнокомандующій, Князь Николай Васильевичъ Репнинъ, и Генералъ-Порутчикъ Графъ Безбородко.

Октября 31. Графиня Мнишкова отъѣзжала предъ обѣдомъ къ Его Сіятельству, Главнокомандующему, гдѣ пробыла съ часъ времени. Обѣдалъ у Короля Ректоръ Почебутъ, съ которымъ Его Величество во время стола много изволилъ разговаривать.

Мѣсяцъ Ноябрь.

1-го числа. Въ 9 часовъ по полудни Его Сіятельство, Главнокомандующій, Князь Николай Васильевичъ Репнинъ, прибывъ

во дворецъ, заходилъ къ Графу Мнишку, и потомъ ужиналъ у Его Величества, и въ 12 часу уѣхалъ. Доставлена Генералъ-Порутчикомъ Графомъ Безбородкомъ Его Величеству, слѣдующая за сей Ноябрь мѣсяцъ, на содержаніе его всей свиты и прочіе расходы, сумма 11000 червонныхъ, въ пріемѣ которой получена, за собственнымъ Его Величества подписаніемъ, квитанція.

Ноября 2. Въ 11 часу утра Его Величество изволилъ ходить въ придворную церковь слушать обѣдню. Кушали у него: Его Сіятельство, Главнокомандующій, Князь Николай Васильевичъ Репнинъ, и Генералъ-Порутчикъ Графъ Безбородко. Графъ Мнишекъ съ супругою выѣзжалъ на ассамблею къ Главнокомандующему.

Ноября 3. Его Величество изволилъ выѣзжать предъ обѣдомъ прогуливаться по Скидельской дорогѣ, и возвратился чрезъ часъ. Доставлены во дворецъ отъ Графа Безбородка пашпорты: одинъ Старостѣ Рыксу да Варшавы, а другой, присланный чрезъ Офицера отъ Главнокомандующаго, для пропуску въ Гродно изъ Бѣлаго Стоку изъ эмигрантовъ Французскихъ, живущему у мадамъ де Кракови Священнику Дари. Ужинали у Его Величесчва: Главнокомандующій съ фамиліею своею, Графы Румянцовъ и Безбородко, Генералъ-Маіоръ Мерлинъ и Господинъ Бригадиръ Князь Лобановъ-Ростовскій.

Ноября 4. Въ 7 часовъ по полудни Графъ Мнишекъ выѣзжалъ къ Главнокомандующему, которой съ нимъ прибылъ во дворецъ, въ 9 ужиналъ у Короля и оставался тамо до полуночи.

Ноября 5. Его Величество все утро занимался отправленіемъ въ Варшаву Старосты Рыкса, которой во 2 часу выѣхалъ туда по подорожной Графа Безбородка. Въ 7 часовъ Король изволилъ ѣздить къ Его Сіятельству, Князю Репнину, и чрезъ часъ возвратился.

Ноября 6. Въ 10 часу утра Его Величество былъ увѣдомленъ Приставомъ, Графомъ Безбородкомъ, объ отъѣздѣ въ Вильну Главнокомандующаго. Предъ обѣдомъ Король выѣзжалъ прогуливаться. Отъѣхалъ въ Бѣлой Стокъ Шамбелянъ Вольскій, по подорожной Графа Безбородка.

Ноября 7. Его Величество до обѣда занимался чтеніемъ книгъ въ кабинетѣ. Обѣдали у него въ сей день: Ихъ Сіятель-

ства, обѣ Княгини и Графъ Безбородко. Въ вечеру Графиня Мнишекъ ѣздила къ Ея Сіятельству, Княгинѣ Репниной.

Ноября 8. Его Величество въ 11 часу утра изволилъ ходить въ придворную церковь, а вышедши, съ мадамъ де Кракови изволилъ прогуливаться за городъ, и черезъ часъ возвратился. Ея Сіятельство, Княгиня Волконская, навѣщала Графиню Мнишекъ. Доставлена отъ Графа Безбородка Секретарю Фризу, для Королевскаго хлѣбника, Гильмана, подорожная до Варшавы. Пріѣхали изъ Бѣлаго Стока: кондиторъ и поваръ Госпожи Браницкой.

Ноября 9. Въ 11 часу утра Его Величество изволилъ ходить въ придворную церковь слушать обѣдню. Обѣдали у него, по приглашенію, при отъѣздѣ въ Вильну: Генералъ-Маіоръ Мерлинъ, Вице-Губернаторы: Виленскій Полковникъ Фризель, Слонимскій Коллежскій Совѣтникъ Волковъ.

Ноября 10. Его Величество въ 12 часу утра изволилъ навѣщать мадамъ де Кракови и пробыть у оной до вторaго часа. Обѣдали у него: Господа Ректоръ Почебутъ и Каноникъ Стрицкій. Данъ пашпортъ отъ Графа Безбородка, служителю Подполковника Понятовскаго, Козелиновскому, въ Пруской кордонъ.

Ноября 11. Его Величество предъ обѣдомъ проѣзжался за городъ; возвратясь, прямо прошелъ въ Старой замокъ къ Шамбеляну Трембецкому, гдѣ изволилъ пробыть до 2 часу. Обѣдалъ у него Господинъ Шидловскій. По полудни Генералъ-Маіоръ Мерлинъ пріѣзжалъ къ Графинѣ Мнишекъ, и былъ у Его Величества.

Ноября 12. Въ 12 часу утра Его Величество изволилъ выѣзжать прогуливаться въ лѣсокъ Каштеляна Вульмера, прохаживался тамо и возвратился чрезъ часъ. Послѣ обѣда игралъ въ биліардъ.

Ноября 13. По утру выѣзжалъ прогуливаться въ Понѣмунь Графъ Мнишекъ съ женою. Обѣдалъ у Короля, по приглашенію отъ него, чрезъ Графа Безбородка, проѣзжавшій изъ Петербурга Римско-Императорскій Полковникъ и Полномочной Комисаръ разграниченія, Маркизъ Шателеръ. Король изволилъ во время стола много разговаривать съ нимъ.

Ноября 14. Пріѣзжалъ предъ обѣдомъ къ Королю бывшій Польскій надъ Татарами Генералъ Черникъ. Прибылъ изъ Варшавы Канцлеръ Графъ Хребтовичъ и остановился въ замкѣ. Въ

вечеру, съ нарочно присланнымъ изъ Вильны къ Генералъ-Порутчику Графу Безбородку получены письма отъ Главнокомандующаго къ Его Величеству, такъ же къ Графинѣ Мнишекъ и къ Господину Фризу, кои самымъ Графомъ Безбородкомъ и вручены.

Ноября 15. Его Величество изволилъ предъ обѣдомъ проѣзжаться за городъ и возвратиться чрезъ часъ. Въ полдень прибыла изъ Варшавы Госпожа Грабовская съ сыновьями, Михайломъ и Станиславомъ, при ней одна горничная дѣвушка и 4 лакея. Сегодня Его Величествомъ отправленъ въ С.-Петербургъ эстафетъ къ Его Сіятельству, Князю Николаю Васильевичу.

Ноября 16. Его Величество былъ въ придворной церкви; по выходѣ, заходилъ къ обѣимъ сестрицамъ, и потомъ до обѣда былъ въ своемъ кабинетѣ. Пошелъ къ столу въ обыкновенное время. Обѣдалъ у него Графъ Безбородко. Во время стола вызванъ былъ Графъ Безбородко, по поводу пріѣхавшаго изъ Вильны отъ Графа Румянцова курьера, съ извѣстіемъ о смерти Ея Императорскаго Величества, Государыни Императрицы, Екатерины Алексѣевны, и о возшествіи на престолъ Его Императорскаго Величества, Государя Императора, Павла Петровича. Не знавъ причины пріѣхавшаго курьера, былъ Король и прочіе приведены въ удивленіе, и, по возвращеніи къ столу Графа Безбородка, весьма хотѣли узнать тому причину, но онъ за нужное почелъ во время стола о семъ умолчать, а сказалъ, что курьеръ къ нему пріѣхалъ отъ Графа Румянцова, извѣщающій, яко бы отъѣздъ Его Сіятельства, Главнокомандующаго, въ С.-Петербургъ послѣдовалъ не 12, но 13 числа, чѣмъ и были успокоены. Послѣ обѣда Графъ Безбородко, чрезъ Господина Фриза, просилъ тихонько Короля, чтобъ Его Величество въ кабинетъ свой пожаловать изволилъ, гдѣ онъ имѣетъ ему нѣчто сказать, и когда Король вошелъ въ кабинетъ, то онъ ему тамо объявилъ о всемъ томъ, чего за столомъ не хотѣлъ сказать. Его Величество весьма былъ потревоженъ таковымъ печальнымъ извѣстіемъ. Въ 10 часовъ вечера Приставъ, Графъ Безбородко, былъ у Его Величества и, предваривъ его, что завтрешній день въ городѣ будетъ возвѣщено о смерти Императрицы и учинена присяга на вѣрность Государю, съ пушечною пальбою, просилъ при томъ, чтобъ Его Величество, пока вся оная церемонія будетъ продолжаться въ городѣ, гдѣ многочисленное собраніе народа будетъ и войско, то въ отвращеніе

всякихъ непредвидимыхъ случаевъ, съ нимъ послѣдовать могущихъ, не выѣзжалъ по обыкновенію за городъ проѣзжаться, и съ отправленіемъ писемъ въ Варшаву и эстафетъ въ С.-Петербургъ поудержался, представивъ на то резоны, кои требовали отъ него на этотъ разъ осторожности, дабы запереть на сутки всѣ выѣзды изъ города. Король за благо все то принялъ и охотно на оное согласиться изволилъ.

Ноября 17. Его Величество все утро провелъ въ кабинетѣ. Мадамъ де Подоли по утру выѣзжала въ Доминиканскій костёлъ. Во 2 часу по полудни, по учиненіи присяги и по окончаніи всего, при томъ происходившаго, Генералъ-Порутчикъ Графъ Безбородко пріѣзжалъ въ замокъ, былъ у Короля и извѣстилъ онаго о всемъ совершившемся.

Ноября 18. Въ 12 часу утра Его Величество, въ препровожденіи своихъ придворныхъ и обыкновеннаго конвоя, изволилъ выѣзжать прогуливаться къ деревни Путрышки, и чрезъ два часа возвратиться. Доставлены отъ Графа Безбородка Секретарю Фризу два билета, одинъ до Бѣлаго Стоку, для Графини Браницкой служителей, Матеуша и Юзефа, а другой Господамъ Панабеллію и Брюнету до Вильнь.

Ноября 19. Въ 11 часу утра Его Величество изволилъ ходить въ придворную церковь слушать обѣдню. Послѣ обѣда занимался чтеніемъ газетъ. Былъ у него Каноникъ Стрицкій. Въ 5 часовъ по полудни, пришедъ изъ Доминиканскаго монастыря Ксёндзъ къ мадамъ де Подоли, читалъ у ней книгу до 7 часовъ. Ночью привезены изъ Варшавы шубы и прочія вещи для Королевскихъ лакеевъ и гайдуковъ, такъ и провизія для Королевскаго стола.

Ноября 20. Обѣдали у Короля: Генералъ-Порутчики Безбородко и Михельсонъ и Господинъ Шидловскій. Его Величество, откушавъ, пошелъ въ кабинетъ и занимался чтеніемъ.

Ноября 21. Его Величество въ 12 часу выѣзжалъ прогуливаться къ деревни Путрышки; возвратясь въ половинѣ втораго, изволилъ заходить въ Старый замокъ къ Секретарю Фризу. По полудни Генералъ-Порутчикъ Михельсонъ былъ у мадамъ де Кракови, Графа Мнишка и Госпожи Грабовской.

Ноября 22. Предъ обѣдомъ Его Величество, съ мадамъ де Кракови и Канцлеромъ Хребтовичемъ, изволилъ прогуливаться въ

Каштеляна Вульмера лѣсокъ, и возвратился въ первомъ часу. Графъ Мнишекъ выходилъ въ городъ пѣшкомъ.

Ноября 23. Его Величество въ 12 часу утра изволилъ ходить въ придворную церковь слушать обѣдню. Обѣдали у него: Генералъ-Порутчики Графъ Безбородко и Михельсонъ. Дана отъ Графа Безбородка Секретарю Фризу, для Полковника Понятовскаго, до Слонима и обратно, подорожная. Пріѣхалъ изъ Варшавы Полковникъ Политанскій.

Ноября 24. Въ 12 часу утра Его Величество изволилъ прогуливаться по Скидельской дорогѣ; чрезъ часъ возвратясь, заходилъ, съ Господиномъ Грабовскимъ, въ домъ Мучинскаго, гдѣ пробывъ съ полчаса, пошелъ въ свой кабинетъ. Пріѣхалъ изъ Бѣлаго Стока Шамбелянъ Вольскій.

Ноября 25. Графъ Мнишекъ выходилъ пѣшкомъ въ городъ. Отъѣхалъ въ Прускій кордонъ, въ деревню Понурницы, Королевскій пажъ Буховецкій, по подорожной Графа Безбородка. Данъ отъ Графа Безбородка Королевскому служителю, Тимошевскому, пашпортъ до Янова и обратно.

Ноября 26. Въ 10 часовъ по утру отъѣхали въ Вильну: Генеральша Грабовская съ сыновьями, имѣя при себѣ одну горничную дѣвушку и двухъ лакеевъ. Предъ обѣдомъ Его Величество выѣзжалъ прогуливаться за городъ, и чрезъ часъ возвратился.

Ноября 27. По утру въ 12 часу Его Величество изволилъ ходить въ придворную церковь слушать обѣдню. Обѣдали у него: Генералъ-Порутчики Графъ Безбородко и Михельсонъ, такъ же и Господинъ Шидловскій, и въ 5 часовъ разъѣхались.

Ноября 28. Предъ обѣдомъ Его Величество, съ мадамъ де Подоли и мадамъ де Кракови, выѣзжалъ прогуливаться въ деревню Грандичи, возвратился чрезъ часъ. Обѣдалъ у него Каноникъ Стрицкій. По полудни выѣзжали въ городъ: Графиня Мнишекъ и Канцлеръ Хребтовичъ.

Ноября 29. Его Величество занимался почти весь день полученными изъ Варшавы и прочихъ заграничныхъ мѣстъ письмами и чтеніемъ чужестранныхъ газетъ.

Ноября 30. Въ 12 часу утра Его Величество изволилъ ходить въ придворную церковь слушать обѣдню. Обѣдали у него: Генералъ-Порутчики Графъ Безбородко и Михельсонъ.

Мѣсяцъ Декабрь.

1 числа. Въ 12 часу утра Его Величество изволилъ, съ сестрами своими, выѣзжать прогуливаться въ Каштеляна Вульмера лѣсокъ. Возвратясь чрезъ часъ, заходилъ въ Старый замокъ къ Шамбеляну Трембецкому. По полудни были у него: Польскій Генералъ-Маіоръ Осиповскій, Господинъ Шидловскій и Шамбелянша Серпинская. Внесена Его Величеству слѣдующая за сей мѣсяцъ на содержаніе его и прочіе расходы сумма 11 тысячъ червонныхъ, въ пріемѣ которой Его Величество далъ, за собственноручнымъ подписомъ, квитанцію.

Декабря 2. Его Величество до обѣда препроводилъ время въ чтеніи книгъ. Послѣ обѣда занимался полученными отъ родныхъ своихъ и прочихъ особъ письмами и заграничными газетами.

Декабря 3. Предъ обѣдомъ Графъ Мнишекъ, вышедъ изъ дворца, прохаживался по двору. По полудни пріѣзжалъ къ Секретарю Фризу Генералъ-Поручикъ Михельсонъ.

Декабря 4. Предъ обѣдомъ Его Величество изволилъ выѣзжать прогуливаться. Обѣдали у него: Генералъ-Порутчики Графы Безбородко и Михельсонъ.

Декабря 5. Его Величество весь день занимался отправленіемъ писемъ въ Варшаву, черезъ Старосту Рыкса, который того же дня въ вечеру и отправился туда, по подорожной Графа Безбородка. Обѣдали у Короля: Староста Скарбскій и Ксёндзъ Стрицкій.

Декабря 6. Предъ обѣдомъ Его Величество занимался чтеніемъ полученныхъ на почтѣ заграничныхъ писемъ и газетъ; послѣ обѣда изволилъ играть въ биліардъ и потомъ удалиться въ свой кабинетъ.

Декабря 7. Кушали у Короля: Генералъ-Порутчики Графы Безбородко и Михельсонъ. Данъ отъ Графа Безбородка человѣку Госпожи Грабовской, Петру Корзацкому, пашпортъ въ Прускій кордонъ, до Бѣлаго Стока.

Декабря 8. Въ 12 часу утра Его Величество изволилъ выѣзжать прогуливаться до деревни Грандичи, и во 2 возвратился. По полудни занимался отправленіемъ писемъ въ Варшаву и прочія заграничныя мѣста. Выѣзжали изъ дворца въ разное время: Графъ Мнишекъ и Госпожа Грабовская.

Декабря 9. Его Величество весь день провелъ въ чтеніи газетъ и писемъ, полученныхъ отъ родныхъ его и прочихъ особъ. Обѣдалъ у него Г. Шидловскій. Выѣзжали въ городъ: Графъ Мнишекъ и Графиня Мнишекъ.

Декабря 10. Прибыли изъ Вильны: Господа Грабовскіе и остановились въ домѣ Мучинскаго, на Замковой улицѣ; по полудни пріѣзжалъ изъ Варшавы Генералъ Горжинскій, и занялъ квартиру въ Старомъ замкѣ.

Декабря 11. Въ 12 часу утра Его Величество изволилъ ходить къ Госпожѣ Грабовской, гдѣ пробылъ часъ времени, удостоилъ приходомъ своимъ Госпожу Беклерову, и въ половинѣ 2-го возвратился въ замокъ. Обѣдали у него: Генералъ-Порутчики Графы Безбородко и Михельсонъ, также и Г. Шидловскій.

Декабря 12. Предъ обѣдомъ Его Величество изволилъ, съ мадамъ де Подоли, въ обыкновенномъ препровожденіи, выѣхать прогуливаться за городъ, и черезъ часъ возвратиться. Проѣзжали также: мадамъ де Кракови, Графъ Мнишекъ съ супругою и Г-жа Грабовская.

Декабря 13. До обѣда Его Величество занимался чтеніемъ писемъ и газетъ, а послѣ обѣда разсматриваніемъ, присланныхъ изъ Варшавы, отъ Бачьяреллія, плановъ съ разныхъ Римскихъ зданій. [89] Пріѣхалъ изъ Бѣлаго Стока Староста Соколовскій и остановился въ Мейзеровскомъ домѣ, у Бургграбія.

Декабря 14. Въ 9 часу по утру пріѣхалъ къ Его Величеству Г. Лебіеркесъ и пробылъ полчаса. Въ 12 часу Король изволилъ ходить въ придворную церковь слушать обѣдню. Обѣдали у него: Генералъ-Порутчики Графы Безбородко и Михельсонъ.

Декабря 15. По утру Его Величество занимался изготовленіемъ писемъ въ Варшаву; послѣ обѣда изволилъ играть въ біліардъ и препроводить послѣднее время дня въ чтеніи книгъ.

Декабря 16. Въ 11 часу утра Его Высочество, съ мадамъ де Кракови и Полковникомъ Гордономъ, изволилъ выѣзжать прогуливаться по Езерской дорогѣ, къ деревни, именуемой Путрыш-

---

[89] Собираясь въ Петербургъ, по вызову Императора Павла, Станиславъ-Августъ, кажется, намѣревался перевезти туда изъ Варшавы свою библіотеку и другія вещи; по крайней мѣрѣ, передъ отъѣздомъ, ему высылались изъ Варшавы книги, каталоги и кабинетныя вещи.

ки, и чрезъ часъ возвратиться. Обѣдалъ у него сынъ Подскарбія Дзяконскаго; послѣ обѣда пріѣзжалъ къ Королю Г. Бржостовскій.

Декабря 17. Его Величество препроводилъ все утро въ чтеніи и писаніи; послѣ обѣда изволилъ играть въ биліардъ и потомъ выходить на терасъ, гдѣ, походивъ мало времени, удалился въ свои покои.

Декабря 18. Обѣдали у Короля: Генералъ-Порутчики Графы Безбородко и Михельсонъ, а також Г. Бржостовскій.

Декабря 19. Пріѣзжали въ разное время къ Королю: Господа Война и Бржостовскій. Послѣ обѣда Его Величество препроводилъ время въ отправленіи писемъ въ Варшаву.

Декабря 20. Въ 3 часу по полуночи отъѣхалъ въ Жижморы Староста Соколовскій, по подорожной Графа Безбородка. Его Величество по полудни занимался чтеніемъ газетъ и писемъ, полученныхъ изъ Варшавы и прочихъ заграничныхъ мѣстъ, а въ вечеру отправленіемъ въ Вѣну къ Князю Іосифу Понятовскому, [90] Адъютанта своего, Полковника Гордона, который того жъ времени и отъѣхалъ туда, по подорожной Графа Безбородка.

Декабря 21. Въ 12 часу утра изволилъ ходить въ придворную церковь слушать обѣдню. Обѣдали у него: Графъ Безбородко, Господинъ молодой Хребтовичъ и Бржостовскій съ женою.

Декабря 22. Въ 12 часу утра Его Величество выѣзжалъ прогуливаться, и чрезъ часъ возвратился. Пріѣхала изъ Бѣлаго Стока Г-жа Вольская и остановилась у мужа своего, Шамбеляна, въ Новомъ замкѣ.

Декабря 23. Предъ обѣдомъ и послѣ Его Величество занимался чтеніемъ полученныхъ писемъ и газетъ. Обѣдалъ у него Польскій Генералъ-Маіоръ Ельскій, послѣ обѣда у Короля былъ

---

[90] Котораго Императоръ Павелъ осыпалъ милостями: возвратилъ ему конфискованныя имѣнія, сдѣлалъ Полковникомъ кирасирскаго полка и вызывалъ въ Петербургъ. Станиславъ-Августъ пламенно желалъ, чтобы племянникъ пріѣхалъ, посылалъ къ нему одного курьера за другимъ и оттягивалъ свой выѣздъ изъ Гродна, воспослѣдовавшій $^{4}/_{15}$ Февраля, 1797 г., въ напрасномъ ожиданіи Іосифа; но этотъ послѣдній, проживая въ Вѣнѣ, не смотря на просьбы дяди и совѣты нѣкоторыхъ друзей, въ Петербургъ не поѣхалъ, отговариваясь ранами и написавъ къ Императору Павлу почтительное, вѣрноподданическое, письмо, содержащее въ себѣ и причину отказа.

Г. Бржостовскій. Прибыла изъ Варшавы брика съ провизіею для Королевскаго двора.

Декабря 24. Его Величество все утро препроводилъ въ чтеніи книгъ. Обѣдалъ у него Генералъ-Порутчикъ Михельсонъ, и откланялся предъ отъѣздомъ своимъ въ Херсонъ.

Декабря 25. Въ 11 часу по полуночи прибылъ изъ Варшавы Великій Коронный Конюшій Кицкій. Обѣдали у Короля: Генералъ-Порутчикъ Графъ Безбородко, Господа Бржостовскій съ женою и Шидловскій.

Декабря 26. Въ 11 часу утра Его Величество изволилъ ходить въ придворную церковь слушать обѣдню, по окончаніи коей воротился въ свои покои. Кушалъ у него Господинъ Орловскій. Пріѣхали во дворецъ: Бржостовскій къ Королю, Шидловскій и старшій сынъ Княгини Волконской къ Г-жѣ Грабовской.

Декабря 27. Обѣдали у Короля: Генералъ-Маіоръ Князь Лобановъ-Ростовскій, гвардіи Порутчикъ Князь Волконскій, Господа Орловскій, Шидловскій и Бржостовскій. Послѣ обѣда Его Величество занимался чтеніемъ писемъ и газетъ.

Декабря 28. Въ 12 часу по утру Его Величество изволилъ ходить въ придворную церковь слушать обѣдню. Пріѣзжали къ нему передъ обѣдомъ: Господа Янсенъ и Дзяконскій.

Декабря 29. Пріѣзжалъ по утру къ Королю, прибывшій изъ Курляндіи, Шамбелянъ Голштейнъ. Въ 12 часу Его Величество, съ мадамъ де Подоли, Госпожею Грабовскою и Канцлеромъ Хребтовичемъ, изволилъ выѣзжать прогуливаться за городъ, возвратился чрезъ часъ. Былъ у него вторично Шамбелянъ Голштейнъ и оставался обѣдать. Прибыли изъ Варшавы: Секретарь Антонъ Понятовскій, Староста Рыксъ, Господа Кавецкій и сынъ Брюннета.

Декабря 30. Въ 12 часу Его Величество изволилъ ходить къ Госпожѣ Грабовской, гдѣ, пробывъ съ $^1/_4$ часа, возвратился въ свои покои. Обѣдала у него Госпожа Ляхницкая. Дана отъ Графа Безбородка сыну Литовскаго Канцлера, Графа Хребтовича, подорожная въ Пруской кордонъ до Краснаго Бору и обратно до Гродна.

Декабря 31. Его Величество все утро препроводилъ въ чтеніи книгъ; послѣ обѣда долго изволилъ оставаться въ боль-

шой залѣ и разговаривалъ съ своими придворными; вышедъ оттуда, занимался нѣсколько времени игрою въ биліардъ, и потомъ удалился въ свой кабинетъ. [91]

---

[91] Весь этотъ и слѣдующій мѣсяцъ прошли въ сборахъ Короля и его двора для путешествія въ Петербургъ, куда призывалъ Станислава-Августа Императоръ Павелъ, и куда Польскому Королю не хотѣлось ѣхать. Князь Репнинъ съ 6-го Ноября въ Гроднѣ уже не показывался. Онъ въ это время жилъ въ Петербургѣ, откуда въ Генварѣ былъ посланъ во внутреннія Губерніи, для усмиренія возставшихъ крестьянъ. Безбородко и Фризъ, въ отсутствіи Генералъ-Губернатора, безпрестанно извѣщали его письмами о послѣднемъ Королѣ Польскомъ; этѣ переписки, конечно, упразднили необходимость въ журналѣ за Генварь 1797 г. Станиславъ-Августъ умеръ въ нашей сѣверной столицѣ.

ОПЕЧАТКИ.

Коегдѣ напечатано: Брестовскій, Бышевскій, Лохницкій, Симоновскій, вмѣсто: Бржостовскій, Збышевскій, Ляхницкій и Шимановскій.

III

МАТЕРІЯЛЫ СЛАВЯНСКІЕ

НАРОДНЫЯ ПѢСНИ

ГАЛИЦКОЙ И УГОРСКОЙ РУСИ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

РАЗНОЧТЕНІЯ И ДОПОЛНЕНІЯ.

ГАЛИЦКІЯ
НАРОДНЫЯ ПѢСНИ.

I

ДУМЫ.

А. БЫЛЕВЫЯ.

а) Воспѣвающія дѣянія народныя Козацкія.

1.

Перебійнôсь.

(Ср. Метлинскаго 399, Кулиша Записки I, 271.)

Не дивуйтеся, добры люде,
Що на Вкраинѣ повстало,
Ой за Дешевоиъ, пôдъ Сорокою,
Множество Ляхôвъ пропало!

Перебійнôсь водитъ не много,
Сѣмь сотъ Козакôвъ съ собою,
Рубае мечемъ головы съ плечей,
А решту топитъ водою.

Ой пійте, Ляхи, воды калужй,
Воды калужй болотняныи,
А що пивали по той Украинѣ
Меды та вина сытныи.

Зависли Ляшки, зависли,
Якъ чорна хмара на Вислѣ;
Ляцкую славу загнавъ пôдъ лаву,
Самъ бравый Козакъ гуляе.

Нуте, Козаки, у скоки,
Заберѣмося пôдъ боки,
Заженѣмъ Ляшка, вражого сына,
Ажъ за той Дунай глубокій.

Дивуютъ Ляхи, вражіи сыны,
Що ти Козаки вживаютъ,
Вживаютъ они щуку рыбаху.
Ще й соломаху зъ водою.

Ой чи бачъ, Ляше, якъ Козакъ пляше,
На сивôмъ коню горою:
Мушкетомъ бере, ажъ серце вяне,
А Ляхъ вôдъ страху вмирае.

Ой чи бачъ, Ляше, що по Случъ наше,
По Костяную могилу:
Якъ не схотѣли, забунтовали,
Та й утеряли Вкраину.

Ой чи бачъ, Ляше, якъ панъ Хмельницкій
На Жовтôмъ пѣску пôдбився:
Вôдъ насъ, Козаки, вôдъ насъ, юнаки,
Нî одинъ Ляшокъ не скрывся.

Нуте жь, Козаки, у скоки,
Заберѣмося въ боки:
Загнали Ляхôвъ за рѣчку Вислу,
Що не вернутся и въ три роки!

(Записана въ Тернопольскомъ Уѣздѣ.)

2.

Нечай.

(Срав. I, 6.)

Ой у Краснôмъ на ставочку
Туманъ осѣдае,
Чатовали Козаченьки
У зеленôмъ гаю.

Ой поставивъ Козакъ Нечай
Та сторожи въ мѣстѣ,
А самъ пôшовъ до кумоньки
Звôнокъ рыбы зъѣсти.

Та вôнъ засѣвъ коло стола,
Зъ дрôбна промовляе,
А съ кумою изъ любою
Медъ, вино кружае.

Ой заржали кониченьки
Та посередъ гаю,
Кличе Козакъ молоденькій:
«Утêкай, Нечаю!» —

«Якъ я маю, Козакъ Нечай,
Зводси утêкати,
Славу свою Козацькую
Марне потеряти.» —

«Стережися, мôй Нечаю,
Студенои воды,
Ђде Ляхôвъ хоть сто тысячъ,
Хорошои вроды.»—

«А я Козакъ Запорожець,
Ляхôвъ не боюся,
Ой маю я Козаченькôвъ,
Та й оборонюся.» —

«А я тебе, мôй Нечаю,
Не убезпечаю,
Держи собѣ шабелёчку
Та пôдъ опанчею.» —

«Кульбачъ, хлопче, коня собѣ,
Мêнѣ вороного,
Ѣде Ляхôвъ хоть сто тысячъ,
Еще то не много.» —

Гей не встигъ же Нечаенко
На коника всѣсти,
Оглянется назадъ себе,
А вже Ляхи въ мѣстѣ.

Ударився Нечаенко
По полахъ руками,
Сюда гляне, туда гляне —
Тече кровъ рѣками.

Ой кинувся Козакъ Нечай
Вôдъ башты до башты,
Ой зачавъ же вôнъ тыхъ Ляхôвъ,
Якъ снопами класти.

Ой кинувся Козакъ Нечай
Вôдъ брамы до брамы,
Оглянувся позадъ себе —
Тече кровъ рѣками.

Ой спôткнувся Козакъ Нечай
На хмêль, на тычину,
Злапавъ ёго панъ Борейко
Съ заду за чуприну:

«На день добрый, Козакъ Нечай!
Якъ ся намъ тутъ маешъ?
Що жъ ты собѣ лишь погадавъ,
Вже въ рукахъ зôстаешъ?

А где жъ твоя, Козакъ Нечай,
Хорошая жêнка?» —

«Ой у пана у Гетьмана
Сидить якъ Жидôвка.» —

«А где жъ твои, Козакъ Нечай,
Хорошіи дѣти?» —
«Ой у пана у Гетьмана,
Якъ ружовы квѣты.» —

«А где жъ твои, Козакъ Нечай,
Вороныи конѝ?» —
«Ой за гаемъ, за дунаемъ,
Стоятъ на припонѣ.» —

«А где жъ твои, Козакъ Нечай,
Малёваны скринѝ?» —
«Ой забрали тотѝ Ляшки,
Що пасали свинѝ.» —

«А вы, хлопцѝ, та й молодцѝ,
Поклонѣться жёнцѣ:
Поклонѣться, перекажѣть,
Нещаснôй невѣстѣ:

Мае она сукнѝ, мае,
Мае и блаваты,
Нехай пріѣзжае, та Нечая
Изъ неволи выкуплятн.» —

«Не хочемъ мы, Козакъ Нечай,
Твоихъ суконъ, ни блаватôвъ,
Тôлько хочемо мы тебе
На макъ порубати.» —

Чи не той то хмêль хмелевый,
Що въ меду купався,
Чи не той то Козакъ Нечай,
Що зъ Ляхами грався?

Чи не той то хмêль хмелевый,
Що по тыкахъ вьется,
Чи не той то Козакъ Нечай,
Що зъ Ляшками бьется?

Не вважали вражи Ляхи
На хорошу вроду:
Драли тѣло по кусочку,
Пускали на воду.

(Записано отъ слѣпца лирника, Ѳомы Зеленчука, въ Золочевскомъ Уѣздѣ.)

3.

О томъ же.

(Въ другихъ мѣстахъ таковъ конецъ:)

Гей изнѐсся Нечаенко
А въ бо̂ръ на тичину,
Щобы ёго панъ Зборовскій
Не взявъ за чупруну.

Гей изнѐсся Нечаенко
По̂дъ млынъ на тичину,
Щобы ёго панъ Потоцькій
Не взявъ за чуприну.

Але и тамъ Нечаенка
Та на стовпъ убито,
Чорненькою китайкою
Оченькы прикрыто.

4.

О томъ же.

(Ср. I, 97; II, 592; Жег. Паули I, 145.)

Уже три дни й три недѣли,
Якъ Нечая въ во̂йнѣ вбили,
Надъ нимъ коникъ зажурився,
Копытами въ землю вбився:

«Не стôй надо мною,
Бо я вижу вѣрность твою;
Бѣжи, коню, дорогою,
Зеленою дубровою;
Якъ прибѣжишь до домочку,
Склони свою головочку,
Та ударь ты копытами
Передъ нашими воротами:
Выйде отець—утѣшится,
Выйде мати—засмутится:
«Где жь ты подѣвъ, коню, Ивана,
Мого сына, свого пана?»—
«Насъ Поляки сдогонили,
Твого сынка съ собой взяли.
А ты, мамко, не журися,
Уже твôй сынъ оженився:
Взявъ вôнъ собѣ дружиночку,
Высокую могилочку,
Высокую могилочку, —
Зеленую муравочку.

(Записана въ Стрыйскомъ Уѣздѣ.)

5.

Михай.

(Отрывокъ; ср. I, 22, 98; Ц. 600; Метл. 447.)

Доломъ, доломъ, долинами,
Идутъ Турки съ Татарами,
А за ними вôзъ укрытый,
А въ тôмъ возѣ панъ убитый,
Передъ ними Турчинъ ѣде,
Въ правôй руцѣ палашъ держитъ,
Держитъ палашъ въ правôй руцѣ,
Въ правôй руцѣ, на китайцѣ;
А зъ палаша кровця кане,

Зъ тои кровцѣ рѣчка тече,
Надъ рѣчкою воронъ краче,
Михалева мати плаче:
«Не плачь, мати, не фрасуйся,
Не дуже мя порубано,
Не дуже мя пострѣляно:
Мои ручки на три штучки,
А головка на чотыре,
Бѣле тѣло, якъ макъ мѣло.
Не плачь, мати, не фрасуйся:
Сынка твого поховано,
Вже му хатку збудовано,
И безъ дверей, безъ вôконець,
Михалеви вѣчный конець.»

6.

(Отрывокъ, записан. въ с. Лучкахъ около Мукачева, въ Берегскомъ Уѣздѣ.)

Ой на горѣ кôнь Турецкій,
На тôмъ конѣ хлопець Царскій,
Въ правôй руцѣ саблю несе,
Зъ тои саблѣ кровця тече,
Зъ тои кровцѣ рѣчка плыне,
На товъ рѣчковъ верба росте,
Надъ товъ вербовъ воронъ краче,
Тото моя мамка плаче:
«Не плачь, мамко, не журися,
Не дуже я порубався:
Лемъ ручечкы на стучечкы,
Головицю на четверо.
Глядай, мамко, лѣкарочку,
Зеленую муравочку;
Глядай, мамко, довгый столець,
Бо вже менѣ вѣчный конець.»

7.

Сава.

(Изъ Золочевскаго Уѣзда. Ср. I, 18; II, 600, 723.)

Ой бувъ собѣ та панъ Сава
Въ Миру на обѣдѣ,
Ой не знавъ вôнъ та не вѣдавъ
О своéй тяжкôй бѣдѣ.

А пріѣхавъ та панъ Сава
До нового двору,
Пытаеся челядоньки:
«Чи е гаразді въ дому?»—

«Гараздъ, гараздъ, пане Саво,
Счаслива година:
Породила наша пані
Хорошого сына.» —

Сѣвъ панъ Сава конець стола,
Дрôбні листы пише,
А Савиха молодая
Дитину колыше.

«Пôди, хлопче, до пивниці,
Вточи ми горѣлки,
Най ся напью за здоровье
До своей жѣнки!

Пôди, хлопче, до пивниці,
Вточи мéнѣ вина,
Най ся напью за здоровье
До своего сына!

Пôди, хлопче, до пивниці,
Вточи мéнѣ мéду:
Чогось мéнѣ тяжко, нудно,
Головки не зведу.» —

Пôшовъ хлопецъ до пивниці̂.
На порôгъ ступае,
А вже Козакъ молоденькій
У двôръ уѣзжае.

«На день добрый, пане Саво!
Якъ ся намъ ту маешь?
Далекіи гості̂ маешь,
Чимъ же ихъ пріймаешь.» —

«Пріймавъ бымь васъ медомъ, виномъ,
Не схочете пити,
Либôнь бо вы пріѣхали
Мене загубити.» —

А кинувся та панъ Сава
До ясного меча, —
Взяли Саву на три списы
Та зъ правого плеча.

А кинувся та панъ Сава
До ясной зброи, —
Взяли Саву на три списы,
Вынесли зъ покою.

«А ну, хлопці̂ молодці̂,
Въ гору пôдносѣте,
А изъ Савы, изъ собаки,
Кости принесѣте!

А де жъ твои, пане Саво,
Сукні̂, аламашки» и проч.

Не боится Козаченько
Ні̂ грому, ні̂ тучи,
Хорошенько въ кобзу грае,
До Савихи йдучи.

(Записана отъ слѣпца лирника Өомы Зеленчука въ Золочевск. Уѣздѣ.)

8.

О томъ же.

(Изъ Гуцуловъ. Ср. I, 18; II, 600.)

Бувъ панъ Сава на панскôмъ обѣдѣ,
Вôнъ несчювавъ, шо вôнъ буде у великôй бѣдѣ.

«Сѣдлай, хлопче, собѣ коня, мêнѣ вороного,
Пôдемъ, пôдемъ, до Гуманю, до покою свого.»—

Пôшли они до Гуманй до покою свого,
Пытаетсе челядочки, ци не чюти чёго,

«Ой все миромъ, пане Саво, неслава се стала,
Ваша жона, наша панй, кежкй муки мала.»—

«Наточй ми, хлопче, горѣвки та меду,
Екій кежêнь ми на души, головки не зведу.»—

Не наточйвъ горѣлочки съ першеи пивницй,
Ой налегло гайдамашкôвъ повно у свѣтлицѣ.

Сидитъ Сава коло стола, дрôбне листье пише,
А Козачêкъ неборачêкъ дитинку колыше.

«Ай та люлю, ай та люлю, ай та люлю, враже,
Черезъ тебе, сатаночку, вся Вкраина ляже.»—

А кинувсе та панъ Сава до есной речи,—
Уфатили пана Саву по пôдъ бѣлй плечи.

А кинувсе та панъ Сава до еснои зброи--
Уфатили пана Саву та на списъ ндъ горѣ.

«Ой хотѣвъ ты, пане Саво, на свѣтѣ тревати,
Було не йти до Мерѣвки церквы розбивати.

А де твои, пане Саво, бѣлй сорокôвцй?»—
«Ой забрали тоты хлопцй, шо пасали вôвцй.»—

«А де твои, пане Саво, жôвтй та червонй?»—
«Ой забрали тоты хлопцй, шо пасали кони.—

А де твои, пане Саво, вороніи коні?»—
А въ мѣстечку Берёздечку стое на припонѣ.»—

«А де твои, пане Саве, малёваній возы?»—
«А въ мѣстечку Берёздечку заточеній въ лозы.»—

«А де твои, пане Саво, дрôбненькіи дѣти?»—
«А въ мѣстечку Берёздечку якъ рожаній цвѣты.»

(Зап. мною въ Криворовнѣ Коломыйскаго Уѣзда.)

9.

(Ср. I, 24.)

Ой була, була, вдова молода,
Сидѣла она по конець стола,
Ой мала, мала, сына Василя,
Якого мала, выгодовала,
Коня купила, до войны дала.
Найстарша сестра коня вывела,
А середуща зброю вынесла,
А наймолодша лѣску втворила:
«Ой брате, брате, ой ты, брате нашъ,
Коли ся вернешь въ гостину до насъ?»—
«Ой выйди, сестро, на круту гору,
Та подивися на быстру воду,
Та якъ тамъ буде камѣнь плавати
Тогды будемо зъ войны вертати.»
Ой выйшла сестра на круту гору,
Та подивила на быстру воду,
«Всѣ новобранцѣ вже зъ вôйны йдуть,
Нашого брата лишь коня ведуть.
Ой новобранцѣ, вы всѣ въ разъ пôшли,
Где жь вы нашого брата лишили?»—
«Турки, Татаре, голову стяли,
Мы грѣшне тѣло въ землю сховали,
А срѣбну зброю за погрѣбъ дали,
Коня вороного въ знакъ привели.»

(Запис. въ Стрыйскомъ Уѣздѣ.)

10.

Ревуга.

(Ср. Макс. 1834, 82; Метл. 374.)

Ой нашъ батько Ревуга красны кони мае,
Якъ си сяде на одного, якъ море гуляе.

Грай, море, Бѣле море, Чорне море,
Гала, гиды, га!
Гала, гала, гала, гала!
Гала, гиды, га!

Жадна птиця на воздухахъ не докаже того,
Що нашъ батько Ревуга доказуеть много́.

Грай, море, Бѣле море и пр.

О выѣхавъ Ревуга на конѣ гуляти,
Перевѣсивъ черезъ себе свой сердакъ багатый. *

Грай, море, Бѣле море, и проч.

То съ карого на гнѣдого къ земли припадае,
Для своеи любезнои цвѣточки збирае.

Грай, море, Бѣле море, и пр.

Не знавъ батько Ревуга, якъ имя кобылѣ,
Ахъ-Тамйра-Бахтырахъ на цѣле Подôлье.

Грай море, Бѣле море, и проч.

Ой ты, гулька, моя мила, якъ на тебе сяду,
Носи жь мене по всêмъ свѣтѣ, я съ тебе не спаду.

Грай, море, Бѣле море, Чорне море,
Гала, гиды, га!
Гала, гала, гала, гала!
Гала, гиды, га!

(Зап. въ Тернопольскомъ и Золочев. Уѣздахъ.)

---

* Другіе поютъ: «Перевѣсивъ черезъ плечи сагайдакъ багатый.»

ДУМЫ

б) О событіяхъ обыкновенныхъ лицъ.

1.

(Ср. т. I, 62.)

Цы чули вы, люде добрй, о такой новинѣ,
Що убито Петруся у мѣстѣ Жулинѣ,
А за тоту паню, що вна пана мала,
Зъ великого панства хлопа си кохала?
Кохала вна го три четверти року,
Доки ся не дознали панскй слуги зъ боку.
Якъ они ся дознали, взяли засѣдати:
«Чо тобѣ, Петрусю, такъ съ часта бувати?» —
«Не хотѣвъ я ту бути, сама паня слала,
На однôй годинѣ сêмь слугôвъ прислала,
А за осьмымъ разомъ сама пріѣхала.» —
Догоняютъ пана на яловôмъ мостѣ:
«Вертай, пане, до домоньку, е въ êй мостй гостй!» —
«Не доказуй, не доказуй, ты мôй слуго того,
Моя паня вельможная, шляхетного роду.» —
«Якъ менѣ, вѣрному слузѣ, мôй пане, не вѣришь,
То ми своевъ шабелькою въ голову вôдмѣришь.» —
Ой вернувся та панонько зъ великой дороги,
Та застае свою паню съ Петрусêмъ въ коморѣ.
А вдарився бѣдный Петрусь по полахъ руками:
«Ой, пани моя ласкавая, пропавъ же я зъ вами!
Ой дати бы, дати, до матêньки знати,
Щобы прійшла матêночка сына поховати.» —
Нй отецъ, нй мати, Петруся ховала,
Ай Жулинска паня грôшьми посыпала.

2.

(Ср. т. I, 45.)

Ходитъ Турчинъ по рыночку, гей, мори, мре!
Та торгуе дѣвку Руску, серце мое!
Дае за ню сто червоныхъ, гей, мори, мре!
Та взявъ вôнъ ю за рученьку, серце мое!
Привêвъ вôнъ ю до кôмнаты, г., м., м.
А самъ си сѣвъ въ карты грати, с. м.
Казавъ еи йти по горѣлку, г., м., м.
«Дай горѣвки не мѣривши,» — с. м.
«Давай гроши не лѣчивши!» — г., м., м.
Сама сѣла та й думае. с. м.
«Що ты, мила, що думаешь? г., м., м.
Що ты, мила, що думаешь?» — с. м.
«Ой мала я чтыри братей, г., м., м.
Ой мала я чтыри братей, г. м.
Еденъ пôшовъ Туреччиновъ, г., м., м.
Другій пôшовъ Московщиновъ, с. м.
Третій пôшовъ въ свѣтъ за очи, г., м., м.
А четвертый не выдума, с. м.
Отець, мати не видѣли, г., м., м.
Отець, мати не прощали, с. м.
Якій теперь свѣтъ наставъ, г., м., м.
Що братъ сестру не пôзнавъ, с. м.

3.

Немирôвна.

(Ср. Метл. 284; Вацл. изъ Олеська 515.)

Ой роспилася Немирôва на меду,
Та й пропила свою доньку молоду.
У недѣлю пораненько зъ всхôдъ сонця,
Сидитъ, плаче, Немирôва въ вôконьци:
«Що я таке, старенькая, зробила,

Що я свою рôдну доньку пропила?»
Утêкала Немирôва по при млынъ, млынъ,
За невъ, за невъ, панъ Шенкевичъ самъ одинъ
Чо вôдъ мене, Немирôвна утêкаêшь?
Чи ты мене, Шенкевича, не знаешь?» —
«Не втêкаю, Шенкевичу, али йду,
Бо я тебе, Шенкевича, не люблю.» —
Утêкала Немирôва по при плôть,
За невъ, за невъ, панъ Шенкевичъ самотрêть.
«Чо вôдъ мене, Немирôвна, боса йдешь,
Чи ты въ мене черевичкôвъ не маешь?—
«Є у мене черевичкôвъ все двое.
Но ты молодъ не до красы до моей.»—
«Чо вôдъ мене, Немирôвна, нага йдешь?
Чи у мене дорогихъ суконъ не маешь?—
«Ой е у мене дорогихъ суконь все двое,
А ты молодъ не до красы до моей.»—
«Чо водъ мене Немирôвна пѣшки йдешь,
Чи ты въ мене вороныхъ коней не маешь?»—
Є у мене вороныхъ коней все двое,
А ты молодъ не до красы до моей.»—
Ой присиливъ Немирôвну до коня:
Теперь ты мôй, Шенкевичу, я твоя.—
«Суда, суда, сивый коню, лугами,
Та й рознеси Немирôвну тернами!»—
«Ой дай же ми, Шенкевичу, ясный мечъ,
Най выберу чорне терньє зъ бѣлыхъ плечъ!»—
Якъ она той ясный мечъ дôстала,
Заразъ си го у серденько загнала.
«Вези мене, Шенкевичу, до вôтця,
Отворить ти стара мати ворôтця.»—
Отворила стара мати, не чула:
«Ой вѣдей ты, моя дочко, заснула;
Ой вѣдей ты, моя донько, дрêмала,
Що ты собѣ у серденько той мечь загнала.»—

(Записана въ с. Раковцѣ надъ Днѣстромъ, въ Коломыйскомъ Уѣздѣ.)

4.

(Ср. I, 77.)

Ой ходила Маруненька по валу,
Та кликала Ивасенька по малу:
«Ой по малу, Ивасеньку, говори,
Щобъ не вчула стара мати зъ коморы.» —
Ой учула стара мати зъ коморы:
«А съ кѣмъ же ты, Маруненько, говоришь?»—
«Съ кухарками, моя мати, говорю:
Выправляю до кирницû по воду.»—
«Ой е въ мене медъ, вино, напійся,
Ой є въ мене пшеничный хлѣбъ, живися,
Ой є въ мене бѣла постêль, проспися,
Ой е въ мене садъ вишневый, пройдися!» —
Ой а въ той часъ матуненька заснула,
Мариненька съ Ивасемъ дуйнула.
Ой устала стара мати раненько,
Побудила челядоньку борзенько:
«Ой вся моя челядонька освила,
А не всвила Маруненька дитина.
Запрягайте, сыны мои, воронû конû,
Та бѣгайте за Марусевъ въ погонû.»—
Догоняютъ Маруненьку въ пôвъ моря:
«Вертай, наша Маруненько, до дому!» —
«Не на тонь ся, мои братья, выбрала,
Та щобы я до домоньку вертала.
Ой лишила я слѣдоньки по двору,
Ой лишила я слêзонки по столу,
Ой лишила я ключики въ пивницû,
Ой лишила я вѣночокъ зъ главыцû.
Що ся моя мати на вѣнокъ погляне,
То все она свою доню спомяне:
«Ой десь моя Маруненька, дитина,
Що она то въ тôмъ вѣночку ходила.»

(Записана въ Золочевскомъ Уѣздѣ.)

5.

(Ср. I, стр. 77.)

Ой надъѣхавъ Ивасенько съ Подôля,
Задрôжала сыра земля отъ коня,
Задрôжала сыра земля вôтъ него,
Ажь вôдпала пôдкôвочка съ пôдъ него;
Ой вôдпала пôдкôвочка съ пôдъ коня,
Ой сталася съ Ганусеньковъ розмова;
Чула тое матусенька зъ коморы:
«А съ кѣмъ же, донусенько, говоришь?»—
«Съ кухарками, матусенько, говорю,
Выправляю по водицю до морю.»—
«На що жь тобѣ, моя доню, водицû?
Ой маешь ты солодкій медъ, напійся,
Ой маешь ты пшеничный хлѣбъ, живися,
Ой маешь ты бѣле ложе, проспися,
Ой маешь ты садъ вишневый, пройдися!»—
«А все тото, матусенько, нû за що,
Бо я маю мешканьечко ледащо.» –
Ой якъ уся челядонька заснула,
Ганусенька съ Ивасенькомъ дуйнула.
Ой устала матусенька раненько,
Побудила челядоньку пилненько.
«А вся моя челядонька освила,
Лишь не всвила Ганусенька дитина.
Упрягайте, сыны мои, конû воронû,
Та ѣдьте вы за Ганусевъ въ погонѣ!»—
Догонили Ганусеньку въ пôвъ бору:
«Вертай съ нами, сестро наша, до дому.»—
«Не на то я ся, два братчики, выбрала,
Та що бы я до домоньку вертала.
Поклонѣтся матêнонцѣ одъ мене,
Най не сушитъ головоньки за мене;
Поклонѣтся, два братчики, сестрицѣ,
Лишила 'мь ей два вѣночки въ пивницѣ.

Що сестрица на вѣночки погляне,
А все мене молоденьку спомяне:
А где сь моя сестриченька якъ ружä,
Якъ у чужôй сторонцѣ калужä,
А где сь моя сестриченька золота,
Якъ у чужôй сторононцѣ сирота.

(Записана въ Стрыйском Уѣздѣ.)

6.

(Ср. I, стр. 77.)

Высунулася чорна хмара зъ за горы,
Ѣде, ѣде, Козаченко на конѣ;
Ой пôдъѣхавъ Козаченько пôдъ хату,
Дала му Марысенька бѣлу ручку витати:
«Но тихенько, Марысенько, говори,
Щобъ не чула стара мати зъ коморы.»—
Ой учула стара мати зъ коморы:
«А съ кимъ ты тамъ Марысенько, говоришь?»—
«Съ кухарками, съ челядкою, говорю,
Посылаю съ коновками по воду.»—
«На що жь тобѣ, Марысенько, та вода?»—
«Напитися и вмытися и на все треба.»—
«Ой маешь ты, Марысенько, медъ солодкій, напійся,
Ой маешь ты, Марысенько, вино чисте, умыйся,
Ой маешь ты постêль бѣлу, проспися,
Ой маешь ты садъ вишневый, пройдися!»

(Изъ Жолковскаго Уѣзда.)

7.

(Ср. I, 59; II, 602.)

Ой летѣла зазуленька зъ гаю до села:
«Чому жь наша шинкарочка смутна, невесела?
Чому жь она не весела, на серденьку чуе?
Ой бо ей молодъ шинкарь дома не ночуе.

«Ой втêкаймо, пане брате, та изъ тои хаты,
Най лягае молодъ шинкарь съ шинкарочковъ спати!»
Она лягла на запêчокъ, а вôнъ на припêчку,
А якъ же вôнъ твердо заснувъ, засвѣтила свѣчку;
А якъ свѣчку засвѣтила, та стала гадати:
Чи го маю порубати, чи ще зачекати.
Якъ го взяла межи очи, ажь кровъ вся блюзнула:
«Теперь я ся, молоденька, ворòженька сбула!»
Ой втêкала до матоньки, та на заднû дверцû:
«Ой отвори, матуненько, не ма въ мене серця!»
Мати дверû отворяла, та й ся догадала:
«Чи не ты то, суко доню, сама зарубала?
Якъ же ты го зарубала, не будешь ты жити,
Лише пôдешь, суко доню, въ сыру землю гнити!»

8.

(Т. I, стр. 56.)

Сеи ночи о пôвночи, ще куры не пѣли,
Ишовъ Ивась до Марисû, люди не видѣли:
«Помагай Богъ, Марысуню, помагай Богъ, серце!»—
Она ему отповѣла: «Забêй жêнку першу!»—
«Якъ же мêнѣ, Марысуню, слюбну жêнку бити?
Слюбна жêнка, якъ ластôвка, буде ся просити.»—
«Забêй каглу, забêй пару, скажешь загорѣла,
«Заведи ê въ лѣсы темнû, скажешь, що вздурѣла.»—
Завêвъ еê въ лѣсы темнû, зачавъ ей лишати,
Слюбна жêнка, якъ ластôвка, зачала плакати:
«Та не жаль ми, Ивасуню, себе молодои,
Але жаль ми, Ивасуню, дитинки малои.
Та не жаль ми, Ивасуню, що я буду гнити,
Але жаль ми, Ивасуню, съ кимъ ты будешь жити.»
Сеи ночи о пôвночи вже куры запѣли,
Ишовъ Ивась до Марысû, люди вже видѣли:
«Ой дамъ я ти, Марысуню, коня вороного,
Пôди, пôди, та приведи пріятеля мого!»—

«Шкода, шкода, Ивасуню, коня вороного,
Якъ не було, такъ не буде, пріятеля твого.»—
«То я дамъ ти, Марисуню, набитую скриню,
Лише пôди, приведи ми пріятельку мою!»—
«Шкода, шкода, Ивасуню, набитои скрині,
Ой не було, та й не буде, вже въ тебе газдині.»

9.

(Ср. I, стр. 84.)

А у мѣстѣ, въ крайнôмъ домѣ,
Пили, пили, Козакове,
Пили, пили, не платили,
Шенкарочку пôдвовили:
«Сядай, сядай, Касю, зъ нами,
На той возокъ малêваный!»—
«Я бы зъ вами поѣхала,
Ѣымъ ся мамы не бояла.»—
Кася на маму не вважала,
Съ Козаками поѣхала:
«Вставай, мамо, до кудели!
Шукай Касю по постели!»
А сусѣда повѣдала,
Що вже Каська поѣхала:
«А вставайте, сыны мои,
Доганяйте сестры своей!»
Гнали, гнали, не догнали,
Ажъ въ Варшавю спôзнали:
Ходитъ Кася по рыночку,
Носитъ дитя въ подолечку:
«На добрый день, сестро наша!
Где 'сь подѣла швагра Ясяʔ»—
«Сидитъ Ясê въ покоику,
Піе вино съ пахоликомъ.»—

«Пôди, Касю, до пивницѝ,
Вточи вина три скляницѝ!»
Закимъ Кася съ виномъ прійшла,
За той часъ зъ Яся душа выйшла.

10.

(Ср. I, 73, 187 и II, 57.)

А у полю тернина
Бѣлымъ цвѣтомъ зацвѣла,
А съ пôдъ тои тернины
Выйшла вдова молода;
Выйшла вдова молода,
Породила хлопцêвъ два;
Якъ она ихъ вродила,
Въ чорный китай завила;
Въ чорный китай завила,
Та й на воду пустила.
А на семôмъ та року,
Выйшла вдова по воду,
А два хлопцѝ надплывае,
И до неи промовляе:
«Ой ты, вдово молода,
Та прійми насъ хлопцêвъ два!»—
«Ой я вдова молода,
Пріййму я васъ хлопцêвъ два:
За одного сама йду,
За другого дочку шлю.
А въ суботу звѣнчали,
А въ недѣлю слюбъ дали.
«Ой ты мила, миленька,
Та личенькомъ бѣленька!
Скажи жь менѣ правдочку,
Якого ты родочку?»—
«А я зъ мѣста мѣщанка,

На прозвище Вôрмянка.»—
«А я зъ мѣста мѣщанинъ,
На прозвище Вôрмянинъ.»—
Бодай ненька не жила,
Сестру съ братомъ звѣнчала!

(Записана въ Стрыйскомъ Уѣздѣ.)

11.

(Къ т. I, стр. 187.)

Ой у поли тамъ теренъ,
Тамъ вôнъ вырôсъ самъ оденъ,
А тамъ вдова молода
Породила дунца два;
Якъ она ихъ вродила,
Въ чорный китай повила,
Въ коробочку вложила,
Въ коробочку вложила,
Въ тихій Дунай пустила.
«Вы, высоки береги,
Не стискайте ми сыны!
Вы, жовтые пѣсочки,
Кормѣть мои дѣточки!
А ты тихій, ты, Дунай,
Мои сыны не займай!»—
У дванадцятôмъ року
Выйшла вдова по воду,
Взяла вдова воду брати,
Зачавъ Дунай пôдбувати;
Зачавъ Дунай пôдбувати,
Взявъ коробенъ приплывати:
Оденъ сидитъ съ переду,
Та мругае на вдову;
Другій сидитъ изъ заду,
Та чеше си голову:

«Ой ты, вдово молода,
Чи любишь ты дунцî два?» —
«Ой я дунцû два люблю,
Та за Дунця я пôду.
За одного сама йду,
За другого дочку шлю.»
Яка теперь година,
Шла бы мати за сына!
Якій теперь свѣтъ наставъ,
Що братъ сестры не пôзнавъ!
Иди, вдово, горою,
Зостанешься росою.
Ой на горѣ бѣлый цвѣтъ,
Буде слава на весь свѣтъ!

12.

(Ср т. I, стр. 87.)

Стара панî Кинска въ дома не бувала,
Молодая Августина въ вôкнѣ розмовляла,
Розмовляла явно въ день, розмовляла въ ночи,
Все то наробили еê чорнî очи.
Въ четверъ вечеръ прiѣзжае Капитанъ Московскій,
Самъ наперъ, за нимъ войско жовнярôвъ, якъ тросковъ.
Самъ приходитъ до покою: «Добры вечêръ, пане!» —
Вôнъ до нêго зъ виномъ, зъ хлѣбомъ: «Здоровъ, Капитане!» —
«Не буду я вина пити, ни хлѣба кушати,
Ино 'мь прiѣхавъ тобѣ, пане, всю правду сказати.
Чи та панна въ тебе служитъ, чи то твоя дочка,
Та що по ню заѣхала моя повозочка?» —
«Колись хотѣвъ, Капитане, мою дочку взяти,
Було у день прiѣжджати, въ ночи не бувати.» —
Бере панну Августину и каже: «Прощайте!»
Вы, жовнѣры-солдаты, на передъ ступайте!»
Привêзъ панну Августину до нового дворку,

Самъ покинувъ Августину, самъ пôшовъ до полку.
«Ото жь тобѣ, Капитане, молодая жêнка,
Єдна въ груди, друга въ плечи, огневая стрѣлка!
Теперь тобѣ, Августино, новая кватыра:
Не слухала 'сь отца, матêрь, слухай Официра!»

13.

(Ср. I, 87; Паул. 26.)

Ой у мѣстѣ Гусятинѣ панна Романôвна,
Розмавляла зъ Офіциромъ покôль розумѣла;
Розмавляла, розмавляла годиноньку въ ночи,
Не вôнъ ею намавляе, его чорнѣ очи.
А у четверъ по вечерѣ Капитанъ Московскій
Ой поставивъ коло двора Москалêвъ ажь тросты;
Самъ увôйшовъ до покою: «Прощай мене, пане!»
Вôнъ до нёго зъ виномъ, зъ медомъ: «Прощай, Капитане!»—
«На що жь ты ми даешь пити, чи вина кушати,
Я пріѣхавъ такъ до тебе всю правду сказати.
Чи то, пане, служащая, чи то цурка твоя?
Заѣхала какъ по нею колясочка моя.»
Бере панну за рученьку: «Люде, мня прощайте!
Вы, молодѣ Москалики, на конѣ всѣдайте!»
Поѣхала Романôвна въ счастливу годину,
Зоставляе вôтця, матêрь и всюю родину.

14.

(Ср. I, 81.)

«Пахолику на конику, поѣдемо въ поле!
Здыбали мы три панянки, въ зеленôй дубровѣ:
Перша була панна Анна, друга Маріанна,
А за третю не повѣмъ вамъ, бо то моя сама.
А пославъ я посланчика, що она тамъ чинить?

В'на вьс вѣнки зъ материнки на зеленôй скринѣ.
А пôславъ я посланчика, абы слово дала,
Она на то ничъ не рекла, лишь ся засмѣяла.
А пославъ я посланчика, абы ложе слала,
В'на на тое ничъ не рекла, тôлько заплакала.
А взявъ я єй за рученьку, взявъ я и за обѣ,
Запровадивъ чрезъ дѣдинецъ до покою къ собѣ.
Штыри свѣчки изгорѣли, нимъ ся намовили,
Вже спалилось до пôвъ пятой, нимъ ся положили.
А вже въ ночи о пôвночи, о третѣй годинѣ:
«Обернися. серце мое, бѣлымъ личкомъ къ мéнѣ!»—
«Не обернусь, не обернусь, бо головка болитъ,
А стратила я вѣночокъ безъ васпана воли.»

15.

(Паул. II, 8.)

Ой въ мѣстечку Берестечку стала ся новина:
Молодая Марусенька сыночка повила,
Повила го, повила го, у бѣлй пелюшки,
Ой покинула, закинула, у Дунай глубокій:
«Плыни, плыни, дитятко, плыни вразъ зъ водою,
Чей же я си погуляю ще зъ рôкъ дѣвонькою!»
Наѣхали рыболовы та й рыбы ловити,
Не зловили щуки рыбы, но зловили дите;
Взяли тое дитятенько до пана на раду:
«Сбирай, пане Отамане, всѣхъ дѣвокъ громаду!»
Всѣ дѣвоньки, панянoньки, напередъ идутъ,
И на своихъ головонькахъ вѣночки несутъ;
Молодая Марусенька по задью иде,
На своеи головонцѣ вѣнка не несе.
«Ой матусю, матусенько, чого ты змарнѣла?»—
«Ой Марусю, Марусенько, головка болѣла.»
Всѣ дѣвоньки, панянoньки, медъ, горѣлку пьютъ:
Молодую Марусеньку передъ дворомъ бьютъ;
Ой узяли Марусеньку за бѣлыи руки,

Закинули, закинули, у Дунай глубокій:
«Плыни, плыни, Марусенько, вразъ зъ водою,
Чей же собѣ погуляешь изъ рôкъ рыбонькою!»
Молодая Марусенька уже потопае,
А на свою матусеньку еще выкрикае:
«Ой маешь ты, матусенько, маешь дома двѣ,
Не дай же имъ розпустоньки, якъ дала 'сь менѣ.
Ой маешь ты, матусенько, маешь дома пять,
Не пускай ихъ на досвѣтки, нехай дома спять:
На досвѣткахъ чужа хата, та на землѣ спати,
Может ся имъ пригодонька якая и стати.»

16.

(I, 73; II, 577; Паул. II, 24.)

Вандровало пахоля,
Зъ Кіева до Львова,
Вандруючи, пытаючи:
«А де корчма нова?»
Тамъ шенкарка молода:
«Шенкарочко молода,
Дай ми вина и пива!»—
«Якъ я тобѣ вина дамъ,
Коль на тобѣ злый жупанъ?»—
«Хоть у мене злый жупанъ,
Але въ мене грошій збанъ.»—
«Коли въ тебе грошій збанъ,
Я за тебе дочку дамъ.»
У избѣ ся звѣнчали,
У костёлѣ слюбъ брали,
А по тому спать клали.
«Ой ты милый, миленькій,
Якъ голубокъ сивенькій!
Уповѣжь ми правдочку,
Котрого жь ты родочку?»—
«Я нû зъ мѣста мѣщанинъ,

А нѝ зъ села селянинъ.
Я на прôзвище Карпôвъ сынъ.»—
«Ой ты мила, миленька!
Уповѣжь ми правдочку,
Котрого жь ты родочку?»—
«Я нѝ зъ мѣста мѣщанка,
Я нѝ зъ села селянка,
Я на прôзвище Карпова дочка.»—
«Бодай мати пропала!
Сестру съ братомъ звѣнчала!
Ой ты, сестро, здорова будь,
Я иду въ Божу путь,
Черчиковъ шукати,
Грѣхôвъ сповѣдати.

17.

(I, 88; Паул. II, 10.)

Не любивъ Романъ жоны,
Изъ людскои намовины,
Казавъ ей цѣну мыти,
О пôвночи ложе слати,
О пôвночи ити спати,
О росвѣтѣ стадо гнати:
«Не жени го гостинцями,
Ано жени манôвцями!»
Романиха не слухала,
Гостинцями стадо гнала,
Здыбало ю два братчики,
Два братчики молоденьки:
«Знать ты, сестро, слугъ не маешь,
Сама стадо выгоняешь?»—
«Ой маю жь я два служенки,
Два братчики молоденьки.»—
«Сестро наша, Романова,
Скажи, чи е Романъ дома?»—
«Ой е же мôй Романъ дома,

Сидитъ собѣ конецъ стола:
Пôдѣть, ёго привитайте,
Но, васъ прошу, не вбивайте!»
Скоро до свѣтлоньки впали,
Заразъ Романа звязали,
Вывели го въ чисте поле,
Тамъ Романа порубали:
Головоньку на четверо,
Бѣле тѣло, якъ макъ зерно.
Тамъ Романôвъ коникъ грае,
Романова омлѣвае:
«На що жь вы го порубали?
Мене 'сьте въ неславу дали?
Хоть мôй Романъ бувъ лихенькій,
Але бо вôнъ бувъ славненькій.»

18.

(Ср. I, 82.)

Ой е въ полѣ два дубы,
Схилилися до купы,
Межи тыми дубами
Тамъ вербонька стояла,
Пôдъ вербою свѣтлонька,
Въ тôй свѣтлонцѣ дѣвонька,
По свѣтлонцѣ ходила,
Косу русу чесала,
Косу русу чесала,
На молодцѣ моргала.
При березѣ, при морѣ,
Гулявъ Козакъ до волѣ;
Ой пье Козакъ, гуляе,
На молодцêвъ гукае:
«А вы, хлопцѣ молодцѣ!
Скажѣть моêй дѣвонцѣ,

Най она мя не любить,
Най собѣ лѣть не губить:
Бо я хлопець убогій,
Сѣмь сотъ волôвъ въ оборѣ,
Сотня коней на стайнѣ,
А самъ въ синêмъ жупанѣ,
Ялôвнику безъ лику,
А дѣвчина въ лѣтнику.»
Якъ дѣвчина то вчула,
До городця скочила,
Накопала корêнья
Зъ пôдъ бѣлого камêнья,
Мочила го въ молоцѣ,
Чаровала молодцй;
Стала корêнь варити,
Взявъ ся милый журити;
Єще корêнь не вкипѣвъ,
А вже милый прилетѣвъ:
«Ой по що жь ты прилетѣвъ,
Коли мене не схотѣвъ?»—
«Якъ же мêнѣ не лêтать,
Коли вмѣешь чаровать!»—
«Ой суть въ мене чароньки:
Бѣле личко, бровоньки.»

19.

(T. I, 65, 66.)

Ой стояла компанія Канёвского пана,
Молодая боднарôвна цѣлу нôчь гуляла;
Пріѣхавъ панъ Канёвскій, всѣмъ добранôчь отдавъ,
Молодую боднарôвну обôймивъ и поцѣловавъ.
Ой шепнули стары люде боднарôвцѣ стиха:
«Втêкай, втêкай, боднарôвно, безъ бѣды, безъ лиха!»
Ой втêкала боднарôвна до горы межами,
А за нею панъ Канёвскій съ трёма Козаками;

Догонивъ ю еденъ Козакъ, притуливъ до себе:
«Молодая боднарôвно, та жаль мêнѣ тебе!»
Здогонивъ ю другій жовнѣръ, взявъ жаловати:
«Маєшь отца, маєшь матку, шкода тя рубати!»
Здогонивъ ю третій жовнѣръ, притуливъ до себе:
«Молодая боднарôвно, любитъ нашь панъ тебе.
Чи ты хочешь, боднарôвно, въ сырôй землѣ гнити,
Чи ты хочешь, боднарôвно, съ нашимъ паномъ жити?—
«Волѣю я, волѣю я, въ сырôй землѣ гнити,
Нêжь я маю, нêжь я маю, зъ вашимъ паномъ жити.
Въ сырôй землѣ жити буду, грѣха ся позбуду,
Съ вашимъ паномъ жити буду, грѣха ся набуду.»
Ой втêкала боднарôвна безъ вишневы сады,
Якъ выстрѣливъ панъ Канёвскій, та одъ разу забивъ:
«Ой мала ты, боднарôвна, запаску съ мерешковъ,
Куда ею проводили, все кровавовъ стежковъ.
Ой мала ты, боднарôвна, жовты черевички,
Куда ею провадили, плакали сестрички.
Ой привезли боднарôвну до новои хаты,
Ой а взявъ же старый боднарь за нêвъ жаловати.
Ой вдарився старый боднарь у полы руками:
«Казавъ я ти, моя доню, не пій съ двораками!»
Ой вдарився старый боднарь у стôлъ головою:
«Наложилась, доню моя, за всѣхъ головою!»
Ой пôшли они до лѣса, нарвали барвêнку,
Такъ убрали боднарôвну, якъ до слюбу дѣвку.
Ой пріѣхавъ панъ Канёвскій, взявъ ся слугъ пытати:
«Чи тутка є боднарôвна? Я буду ховати.»
Якъ насыпавъ панъ Канёвскій та на скрыню грошій,
Казавъ си исправити похоронъ хорошій.
А въ нашеи боднарôвны малёваны лавы,
Где сидѣли въ боднарôвны вельможныи паны.
А въ нашой боднарôвны новыи одвêрки,
Ой вже не ма, и не буде, боднарôвны дѣвки!

(Изъ Золочевскаго Уѣзда.)

20.

(I, стр. 65 и 66.)

Ой у мѣстѣ у Бучачѣ
Круглый танецъ ходитъ,
Молоденька боднарôвна
Всѣмъ переди водитъ.
Але прійшовъ панъ Канёвскій,
Всѣмъ добрый день дае,
Молоденьку боднарôвну
За ручку витае.
Молодая боднарôвна
Та жарту не знала,
Ударила въ праве личко
Канёвского пана.
Изрекли ёй молоденькôй
Та старенькѝ люде:
«Тêкай-ко ты, боднаречко!
Лихо тобѣ буде!»
Ой втêкала боднарôвна
Лугами, лугами,
Выхопився панъ Канёвскій
Зъ своими слугами.
«Хоть най кличе, хоть не кличе,
Я не его рôвня,
Ой вôнъ панъ, бо вôнъ Гетманъ,
А я боднарôвна!»
Та втêкала боднарôвна
Поможе крамницѝ,
А застрѣливъ панъ Канёвскій
Зъ новои рушницѝ.
Але несли боднарôвну
Та по пôдъ обоны,
Та вдарили боднарôвнѣ
Красненько у дзвоны.

Але сказавъ панъ Канёвскій
Шёсть червоныхъ дати,
Лишень щобы боднарôвну
Красно поховати.

21.

(I, стр. 65 и 66.)

А у мѣстѣ, въ крайнôмъ дому, круглый данчикъ иде,
Молодая боднарочка на самъ передъ веде.
Прійшовъ, прійшовъ, панъ Канёвскій: «Добры день!» до хаты,
Євъ молоду боднарочку тъ собѣ пригортати;
А молода боднарочка тыхъ жертôвъ не знала,
Праву ручку выкрутила, та й поличку втяла.
Ой казали боднаречцѣ усе добры люде:
«А утёкай, боднаречко, лихо жь тобѣ буде!»
Ой имили боднаречку, привели до хаты,
А сфативсе панъ Канёвскій свôй штуцъ набивати;
Ой ударивъ боднаречку право противъ уха —
Боднаречка се вчинила ни пьена, ни глуха.
А вдаривсе старый боднарь по столу собою:
«Наложила боднаречка за всѣ головою!»
Не стôй, коню, коло плота, не дамъ тобѣ сѣна:
А молоду боднаречку срёбна куля зъѣла.
Не стôй, коню, коло плота, не дамъ ти оброку:
Выпадали боднаречцѣ срёбни кулѣ зъ боку.
Взели, взели, боднаречку по пôдъ бѣлѣ боки,
А дунули жь боднаречку на Дунай глубокій.
Єла жь вôтти боднаречка слегка выплывати,
Та до своей мамунечки стиха промавляти:
«А маешь ты, моя мамко, та донечокъ двѣ, двѣ,
Не дай-ко имъ таку волю, якъ есь дала менѣ!
А маешь ты, моя мамко, та донечокъ три, три,
Не пусти ихъ самыхъ въ корчму, най же дома сиде!»

А у тои боднаречки кривая мережка:
А куда ей та понесли, все кровава стежка.
А ковала зазулечка та по пôдъ Менчила:
Теперь ся се спѣваночка еи се скôнчила.

(Пѣла Оленица Рѣбенчучка, въ с. Криворовнѣ Колом. Окр.)

22.

Чи вы чули, люде добрі, таку новиночку,
Шо истели Кулимнюки тоту Ириночку?
А екъ они истинали, она се просила:
«Не стинай мя, Олексочку, маюмь съ тобовъ жила.»—
«Буду тебе бити, бити, бити, та рубати,
Буду твои чорни очи на нôжъ выбирати.»—
«Ой братчику Михайлочку, дай-ко въ село знати,
А най выйде старый Попикъ мене сповѣдати!»
Ой а выйшовъ старый Попикъ, та й выйшла ненечка:
«Обертайте Иринечку на противъ сонечка!
Обертайте Иринечку на противъ сонечка,
Та пôзнавай, боднарючко, чи твоя донечка!» —
«А я же вамъ, братя мои, лише разокъ гляну,
Чому бы я не пôзнала вже свою детину!»
А ковала зазулечка межи потоками:
Єкъ заплаче боднарючка зъ усѣма донькамы!
Заплакала боднарючка та й заголосила:
«Ой донечко Иринечко, шо жь ты завинила?
Ой донечко Иринечко, шо жь ты завинила,
Шо ты свою головочку на порôгъ склонила?
Шо ты свою головучку на порôгъ склонила,
Шо ты своевъ сыровъ кровьевъ землю сповенила?
Ой донечко Иринечко, де бы те сховати? —
«На цвинтари у хôтари, де бы рôдна мати.»—
«Ой донечко Иринечко, кôлько бы дзвѣнити?» —
«Въ штыре звоны на Николи Богу се молити.»
У пасѣцѣ мêнѣ бджолы, за пасѣковъ осы:

А вже жь тота боднарючка плаче та голоси.
«Ой не плачь-ко, боднарючко, не плачь, не смуткуйсе!
Не прійде донечка въ гостй, сама помѣркуйсе!
Озьми-ко ты, боднарючко, жовтого пѣсочку,
Опыпь же нимь ще донечцѣ та коло гробочку!
А екъ же той та пѣсочокъ на гробочку зôйде,
Тогди твоя та донечка у гостину прійде.
Ой чули то Кутскŷ паны, взели пôдслухати:
«Де Кулимнюковъ найдете, на макъ порубати!»
А вчула жь то Кулимниха, та на волу стала,
Усѣ панскіи гайдучки до себе зôзвала;
Усѣ панскіи гайдучки до себе зôзвала,
А каждому та гайдучку по таляру дала:
«А вы се сŷ талярики на меду пропійте,
Де мои сынки найдете, лишь на смерть не вбійте!
Дала 'сме вамъ по таляру, дамъ вамъ по другому,
Де мои сынки найдете, приведѣть до дому!»
Утѐкали Кулимнючки по пôдъ густы бучки,
А шобы ихъ не спôймали та гайдуки въ ручки;
Утѐкали Кулимнючки помежи городы,
А шобы ихъ не спôймали Иринчины роды.
Ой кобы ми не пѣсочокъ, не пѣскова багна:
Спѣваночку се су склала Крамарева Анна.
Та ковала зазулечка та по пôдъ Менчила:
Теперь се ся спѣваночка уся се скôнчила.

23.

(I, 79.)

Пôшовъ Ивась, пôшовъ Ивась, у поле орати,
Лишивъ свою Ганусеньку обѣдъ готовати;
Оре Ивась, оре Ивась, и зъ старенькимъ дѣдомъ:
«Не ма жь моей Ганусеньки зъ раненькимъ обѣдомъ!»
Пріорався Ивасенько до сухого лому,
Пустивъ волы на отаву, самъ пôшовъ до дому;

Ой приходитъ Ивасенько пôдъ крайне вôконце:
Обернеся назадъ себе, вже заходитъ сонце;
Ой приходитъ Ивасенько до новои хаты:
«Дѣти мои дрôбненькіи, а где жь ваша мати?» —
«Ой пôшла жь бо наша мати у гай по коровы,
Та казала наша мати: «Бувайте здоровы!»
Подивися Ивасеньку до новои скринѣ:
Не ма грошій, не ма сукнёвъ, не ма господинѣ!
Ударився Ивасенько по поламъ руками:
«Дѣти мои дрôбненькіи, пропавъ же я съ вами!» —
«Ой тату нашъ, татуненьку, тату, не журися!
Иде весна, иде красна, ты тату вженишься.» —
«Дѣти мои дрôбненькіи, найду я си жёнки,
Лише я вамъ вже не найду рôднои матêнки!»

(Записана въ Стрыйскомъ Уѣздѣ.)

24.

(I, 79; Паул. 25.)

Ой у мѣстѣ Гусятинѣ сталася новина,
Пôдмовила Катерина богацького сына:
«Покинь же ты свою жёнку, я покину дѣти,
Та пôдемо на Вкраину мешканья глядѣти!»
Ой пôшовъ же Ивасенько у поле орати,
Взялась его Катерина зъ дому выбирати.
Ой оре Ивась, оре, та й на сонце поглядае:
«Чогось жёнки Катерины съ обѣдомъ не мае!»
Ой оре жь нашъ Ивасенько, самъ си поганяе:
«Не ма жь моêй Катерины, бо въ корчмѣ гуляе.»
Ой оре жь нашъ Ивасенько, дооравъ до лану,
Пустивъ волы до дубровы, самъ пôшовъ до дому.
Ой приходитъ Ивасенько на свою обору,
Кличе собѣ Катерину на любу розмову.
Ой уходитъ Ивасенько изъ сѣней до хаты,
Пытается своихъ дѣтêй: «А дежь ваша мати?» —

«Ой пôшла жь наша мати та въ гай по коровы,
А намъ тôлко по вповѣла: «Будьте, дѣти, здоровы!»
Ой пôшла жь наша мати та въ гай по телята,
А намъ уже та сказала: «Дѣти сиротята!»
Ой кинется Ивасенько до новои скринки:
Не ма добра, не ма скринки, а нй Катеринки!
Ой ударився Ивасенько по полахъ руками:
«Дѣтки мои, квѣтки мои, пропавъ же я зъ вами!
Ой бодай тыи лозы спалили морозы,
Бодай тебе, Катерино, побили мои слёзы!»
А Ивасевы слёзы марне не пропали,
На камêнь бѣлый спадали, камêнь розбивали.

25.

(I, стр. 79.)

Ковала ми зазуленька зъ за хаты, зъ за хаты:
Ой пôшовъ же нашъ Андрêйко у поле орати.
Ой пôшовъ же нашъ Андрêйко у поле орати,
Лишивъ одну Одокійку дома доновати.
Ой оре тотъ Андрêй, оре, и съ старенькимъ дѣдомъ,
Надѣетсе Одовійку съ ранѣшнимъ обѣдомъ.
Пріоравсе тотъ Андрêйко до сырого лому,
Разпрегъ вôнъ свои кони, самъ пôшовъ до дому,
Ой до дому, до домочку, до новои скринй:
«Нема хлѣба, нема грошей, нема господинй!»
Ой ставъ же той Андрêйко та на середъ хаты:
«Дѣти мои дрôбненькіи, де е ваша мати?
Дѣти мои дрôбненькіи, де е ваша мати?» —
«Пôшла, пôшла, нашъ дедику, пôдъ гай погуляти;
Пôшла наша мати пôдъ гай по телета,
Лишень до насъ и сказала, шо мы сиротета.»
А усѣдлавъ Андрêенько коня вороного,
Пôшовъ, пôшовъ, новымъ мостомъ та й до тестя свого;
Ой прійшовъ же вôнъ до тестя, зачевъ се пытати:

«Чи де суда Одокіи меи не видати?» —
«Мы видѣли Одокійку тыми потоками,
Розмавела, розмавела у Круя съ сынами.»
Ой и пôшовъ тотъ Андрêйко тыми потоками,
Найшовъ, найшовъ, Одокійку у Круя съ сынами;
Найшовъ, найшовъ, Одокійку у Круя съ сынами,
А присиливъ Одокійку до коня кôсками;
А присиливъ Одокійку да коня кôсками,
Поволочивъ горѣ, долôвъ, тыми потоками.
Зострѣчеетсе Андрêйко съ чотырема Жиды:
«А дай-ко ты, Андрêечку, Одокіи жити!» —
«А вы, Жиды, не Руснаки, та не наша Вѣра!» —
«Богато вже Одокія въ тебе хлѣба зъѣла.»
Ой ковала ми зазулька, на калинку сѣла:
Доки еê та донесли, она се розсѣла;
Донесли êй до домочку, поклали на лавку,
Издоймили зъ Одокійки сорочку крôвавку;
Издоймили крôвавочку, вволокли бѣленьку,
Та пôслали по ей деда, та по ей неньку,
Пôслали по еê дедя, ще по еê брата,
Поховали Одокію та долôвъ лицъ хреста:
Ой ковала ми зазулька на нивѣ, на нивѣ,
Андрêеви все се здае, шо в'на въ полонинѣ.
Заковала ми зазулька та по пôдъ Менчила:
Одокійцѣ спѣваночка уся се скôнчила.

(Зап. въ с. Криворовнѣ, Колом. У. отъ Гуцулки Марйки Грицючки.)

26.

Ой ходила Гафіечка, а все вышивала,
А екъ пôшла на Выгоду, пила та гуляла,
А екъ пôшла на Выгоду, пила та гуляла,
А сонечко по надъ вечêръ, домôвъ се зôбрала.
Ой ковала ми зазулька въ новôмъ оборозѣ:
А догонивъ Семеночокъ еи на дорозѣ:
«А не йди-ко, Гафійко, прижіешь ты бѣдки,

Вернѣмосе на Выгоду, купью ти горѣвки!» —
«А я въ саду траву маю, траву не толочу:
На Выгоду се не верну, горѣвки не хочу.
А въ новенькôмъ побоику мутъ ми куры пѣти:
Йду, Семенику, до дому, лишила 'сми дѣти.»
Ой пôду я воды брати въ маленьку царинку:
Истявъ Семенъ Гафiечку на малу годинку.
Ой иму я калиночку за самый вершечёкъ:
Истявъ Семенъ Гафiечку, вергъ у бережечёкъ;
Ише здоймивъ кресаночку, та й перекрестивсе:
«Поможи жь ми, милый Боже, чей бывь не баривсе!»
Ишовъ Семенъ зъ Єсенова до бѣлои днины,
Шобы ему на Скуповѣ зори зазорили.
А въ мѣстечку, въ крайнôмъ дому, пили два Вôрмене;
Пытаютсе люде въ него: «Где идешь, Семене?» —
«А у моемъ та садочку е покетокъ много:
А я иду по за васъ ажь до брата свого.»
А ковала ми зазулька все при потокови:
Спѣваночка Семенкови сесе Тресюкови.
А ковала зазуленька все по пôдъ Менчила:
Теперь се ся спѣваночочка уся се скôнчила.

(Записана тамъ же и отъ той же.)

27.

Коли сонечко сходило рано у суботу,
Тогдй Лесё Футюкъ сбиравъ зъ за Магуры ровту.
Никто тото не вѣщовавъ, вѣщовало тѣло:
«Чого тебе, брате Лесю, въ Рябинецъ скортѣло?»
Ой а Лесё молоденькій на то не туралый,
Пôшли хлопцй пôдъ Попадю три етери вкрали,
А вôдты се завернули ажь до того луга,
Пытаютсе у биреша: «Чи е тутка слуга?» —
«Ой мы, Леську, та не знаемъ, чи е тутки слуга,
Але, Лесю, сночи выйшовъ Баранючокъ Юра.»

Ой а Лесё молоденькій на Юрêчка гляне,
А Юричокъ правымъ стуцомъ въ лѣве плече гряне.
Али его товариши не забановали,
Молодого Юрчука линками звязали.
На тôмъ боцѣ при потоцѣ трепêтка се трепле:
«Йди, бирешу, у село, та й Мурджуку Петре!»
Ай биреша покоштуютъ три сирыи волы,
А ты, Юрêчку, зажіешь тежкои неволи,»
А они се порадили, колыску вробили:
«Лѣпше, братя, рада впала, на коника взели.
Ой а его ба й принесли въ Шикманôвске поле:
«Заговори, брате Лесю, най ворогôвъ вколе!»
Ой куетъ ми зазуленька, сѣдая на бука:
А на шо ты, дурню, убивъ панского гайдука?
На шо ты, дурню, убивъ? Чи бувъ ты въ коморѣ?
А ты за него пожіешь, тяжкои неволи!» —
«У коморѣ, пане, не бувъ, присегати мушу,
За то 'сме го, пане, убивъ, сегавъ ми по душу.»
Ой куетъ ми зазуленька вся сива и блѣда:
Боле шо 'сме се сбули того головоѣда.
Ой зарыкла у чередѣ коровочка бура:
Ото Леся розсадила Гищиного вурда!
Ой куе ми зазуленька, шо по пôдъ Меньчила:
Теперь сеся спѣваночка Леся се скôнчила.

(Тамъ же отъ Гуцула Данила Чупирчука или Карабелика.)

28.

(II, 460.)

Чи чуете, люди добры, шо хочу казати?
А я хочу на громаду файно поспѣвати;
А я хочу поспѣвати, лишь слухайте, люде,
Шо на всей свѣтѣ на громаду не було й не буде!
Шо мы будемо робити, сараки Руснаки,

Шо на насъ се нагнѣвали Венгры та Поляки.
Ой на насъ се нагнѣвала Польша та й Аршава,
Але бо намъ на помочи сила Москалева.
Ой а Кошутъ не знавъ того, не знавъ тои дôймы,
А вôнъ не знавъ, шо йде Москаль вороными кôньми;
А вôнъ собѣ змысливъ зраду, вчинивсе екъ курка,
Узевъ собѣ шкадронъ войска, та утêкъ пôдъ Турка.
А мы люде Праославны, просѣмъ щире Бога,
Ой шобы сме вôдогнали бѣду вôдъ порога.
Ой куетъ ми зазулиця въ саду на еблôнцѣ:
Никто бѣду не вôдженетъ, коровы та вôвцй.
А молѣмсе, люде, Богу, шо часъ, шо година,
А Царь паньчину здаровавъ, абыхъ не робили.
А я файно росказую, люде Праославны,
Ой а где се намъ задѣли всѣ гаразды давны?
Ой а екій свѣтъ великій та й велика Цара,
Нема никде кавалъ земли, абы дармовала.
Ой упало, добры люде, до рукъ писмо зночи,
Доки не мутъ е читати, не знать въ котрôмъ боцѣ.
Мы урбарію подаймо, оплату худобну,
Грунтъ и хату оплатѣмъ, та сидѣмъ при дому.
Отъ тôлько намъ вôдъ Тѣсаря Царского побору,
А екъ злодѣй укравъ ерча вôдъ шестдесятъ дробу.
Єкъ у газды злодѣй укравъ, не велика шкода,
А вже итъ намъ пôдступаетъ тысяча Петрова;
Єкъ бы мы се уступили въ тысечу Петрову,
Отъ такъ бы мы всѣ выгибли, екъ листъ вôдъ морозу;
Листокъ вôдъ морозу, а попелъ вôдъ вѣтру,
Єка въ сêмъ чесѣ настала ненависть по свѣту!
Ой цы се такъ настало, цы було изъ роду,
Отъ такъ жêнки пьютъ горѣвку, екъ коровы воду.
Сама собѣ челядь, люде, Бога допросила:
Пало письмо вôдъ Тѣсаря, а ще съ папы Рима:
Євъ тото Тѣсарь читати, а я взевъ на саму,
Але, добре люде, выйшло на нашу громаду.
Ой а, добре люде, выйшло, горѣвку не пити,
Челядь Бога допросила, шо бы ей не бити,
Абы челеди не бити, та й не сбытковати,

Хлѣба зъ поля доносити, красно годовати.
Єкъ иде у коршму, на волю, свавôльна,
Не бійте, люде, жêнки, кожда жêнка вгôдна!
А у тôмъ селѣ на садочку зазулька ковала:
Не бійте, люде, жêнки, вôдъ жандарôвъ кара!
Не стелися по дорозѣ, зеленый жолуде,
А екъ мете жêнки бити, й за то штрофъ буде.
Ой ковала зазулечка ще попôдъ Меньчила:
Теперь се са спѣваночка газдочки скôнчила.

(Тамъ же и отъ того же.)

ДУМЫ

Б. БЫТОВЫЯ.

а) Козацкія.

1.

(Ср. т. I, 112; II, 594.)

Надъѣхали Козаки зъ обозу,
Стали собѣ близко перевозу;
Єдинъ каже: «Быстра рѣчка, быстра!»
Другій каже: «Ѣдьмо, невеличка!»
Третій каже: «Хоть бы утонути,
Кобы въ своеѝ Марисеньки бути.»
Вчула тое Марусина мати,
Зачала ся съ Козакомъ витати:
«Не гудѣте, голубы, на хатѣ,
Не збудѣте Марисю въ комнатѣ!
Бо Марися тяженько лежала,
Чорнымъ шовкомъ головку звязала.
Который изъ васъ трозѣля достане,
Той съ Марисевъ до слюбоньку стане.»
Водозвався Козакъ молоденькій:
«Ой е въ мене три конѝ на стайнѣ:
Єдинъ чорный, якъ воронъ чорненькій,
Другій сивый, якъ соколъ сивенькій,
Третій бѣлый, якъ голубъ бѣленькій;
А тымъ чорнымъ до моря доѣду,
А тымъ сивымъ море переѣду,
А тымъ бѣлымъ трозѣлья достану,
Та й съ Марисей до слюбоньку стану.»
А взявъ Козакъ трозѣлье копати,
Взяла надъ нимъ зазуля кувати:

«Не копай же, Козаче, трозѣлья,
Бо въ Марисѣ изъ иншимъ весѣлья.»
Ѣде Козакъ сумненько съ трозѣльёмъ,
Издыбае Марисю съ весѣльёмъ:
Лѣвовъ руковъ Марисю витае,
Правовъ руковъ шаблй добувае;
Якъ у поли маковка бринѣла,
Еще борше головка злетѣла.
«Ой на жь тобѣ, Марисю, трозѣлье,
Не починай изъ иншимъ весѣлье!»

2.

(Иначе.)

Ой ѣхали Козаки зъ обозу,
Стали собѣ въ конець перевозу,
Та й зачали думоньку думати,
Где бы тую нôчку ночувати.
Одинъ каже: «Нôчка невидная!»
Другій каже: «Рѣченька быстрая!»
Третій каже: «Шобъ ся коня збути!
Шобъ въ Марисѣ на вечерѣ бути,»
А Марися хорая лежала,
Марисенька трозѣль забажала.
«Ой маю жь я три конѣ на стайнѣ,
Я Марисѣ трозѣля дôстану:
А тымъ чорнымъ море переѣду,
Тымъ червонымъ до гôръ ся дôстану,
А тымъ сивымъ трозѣля дôстану.»
Гей тамъ Козакъ трозѣлье копае,
Надъ Козакомъ зазуля ковае:
«Не копай ты, Козаче, трозѣлья,
Бо въ Марисѣ вже нынѣ весѣлья!»
Въ однôй руцѣ трозѣля тримае,
Въ другой руцѣ голый мечь держае.

А Марися якъ макъ проквѣтала,
Марисенцѣ головка злѣтала.
По тихонько маковка збренѣла,
А ще тихше головка злетѣла.

3.

(Т. I, стр. 5.)

Идутъ волы зъ Московщины, а все чабанистѣ,
А за ними Морозъ Козакъ, еще не женився.
Ой Морозе Морозоньку, ты славный Козаче,
За тобою, Морозоньку, вся Вкраина плаче;
Плаче отець, плаче мати, плаче все Пôдгôрье,
Ой вернися, Морозоньку, на мое подвôрье!
Въ мене хата тесовая, стайня на помостѣ,
Пріѣдь, пріѣдь, Морозоньку, хоть разъ до мня въ гостѣ!»
Стоитъ дѣвча на камени, на жовтôмъ пѣсочку,
Та жмякае Морозови отъ бруду сорочку:
Ци я твоя, ци не твоя, Козаченьку, буду,
Выперу я сорочку вôтъ чорного бруду.» —
«Ой дѣвчино, дѣвчинонько, чо 'сь на личку блѣда?» —
«Ци не знаешь, Морозоньку, яка въ службѣ бѣда?
Ой и ѣсти—не доѣсти, спати, не доспати,
А все тото, Морозоньку, на личеньку знати.»

4.

(Т. I, стр. 97 — 99.)

Ой кôнь летить, трава шумить,
Ажь тамъ Козакъ забытъ лежить,
Надъ нимъ коникъ зажурився,
По колѣна въ землю вбився:
«Не стôй, коню, надо мною,
Бо я вижу щирôсть твою!
Лети просто дорогою,
Тою, тою широкою!

Станешь, коню, въ воротенькахъ,
Заржешь, коню, съ жалобненька,
Вôдъ тамъ выйде, вôдъ тамъ выйде,
Мати моя старенькая:
«Ой ты, коню вороненькій,
«Где е сынъ мôй молоденькій?» —
«Возьми, мати, пѣску въ жменю,
Посѣй его на каменю:
Якъ той, мати, пѣсокъ зôйде,
Тогди сынъ твôй зъ вôйны прійде;
Бо вже сынъ твôй оженився:
Взявъ вôнъ собѣ въ Крыма дочку,
Зеленую муравочку;
Шукай, мати, лѣкаройки,
Зеленои муравойки;
Шукай, мати, халупойки,
И безъ дверій, безъ вôконки,
Щобъ дверцями не ходити,
А вôконкомъ не дивити;
Бо дверцями вѣтеръ вѣе,
А вôконцемъ сонце грѣе,
Шукай, мати, мêнѣ хаты,
И безъ дверій, безъ вôконець,
Бо вже мому свѣту конець.»

(Изъ Жолковскаго Уѣзда.)

5.

(Т. I, 105.)

Дома лежитъ дѣвчинонька,
Въ маминыхъ перинахъ,
А Козачокъ молоденькій
На глыбокихъ долинахъ:
Дѣвчинонька молоденька,
Зимнои воды проситъ,
А надъ бѣднымъ Козаченькомъ,
Ворона голоситъ.

Надъ дѣвчиновъ молоденьковъ
Отецъ, мати, плаче,
Надъ Козакомъ израненымъ
Чорный воронъ краче:
«Не крачь, не крачь, такъ сумненько,
Чорный вороночку,
По надъ мою кервавую,
Молодъ головочку!
А но лети до домоньку,
Скажи дѣвчинонцѣ,
Що я марне тутъ загибнувъ,
Въ зеленъ муравонцѣ.» —
«Якъ ся наѣмъ твого мяса,
Выпью очи твои,
Ажь тогды-то я полечу
Къ дѣвѣ молодои.

(Изъ Буковины.)

6.

(Т. I, 102.)

Ой въ лѣсѣ нива, на тôй нивѣ жито,
Ой у лѣсѣ край дороги Козака забито:
Забито, забито, затягнено въ жито,
Червоною китайкою оченька прикрыто.
Ой прійшла дѣвчина съ чорными очима,
Пôдôйняла китаечку, та й розголосила;
Ой прійшла другая, та й вже не такая,
Пôдôйняла китаечку, ревно заплакала:
«Встань, Козаче, встань, бо 'сь ще молодейкій,
Ходить, бродить по дубровѣ твôй кôнь воронейкій.»—
«Нехай ходить, нехай бродить, нехай напасеся,
Нехай моя стара мати жалю набереся!
Нехай ходить, нехай бродить, нехай и ночуе,
Вôнъ до меи дѣвчиноньки дороженьку чуе!»—

(Изъ Жолковскаго Уѣзда.)

7.

(Т. I, 82, 83.)

Ой зъѣхало три Козаки зъ горы высокои,
На самъ передъ Андрусенько на вороно̂мъ конѝ,
На Андрусю сороченька кровьёвъ обкипѣла,
Якъ уздрѣла Ганусенька, на ноженькахъ вмлѣла:
«А хто жь тебе такъ порубавъ, соколе Андрусю?» —
«Твои бра̂тья ро̂днесеньки, серденько Ганнусю.» —
«Чимъ же в'ни тя порубали, соколе Андрусю?» —
«Ясненькими шабельками, серденько Ганнусю.» —
«Чимъ же в'ни тя обвивали, соколе Андрусю?» —
«Ядвабными хусточками, серденько Ганнусю.» —
«Чимъ же в'ни тя наповали, соколе Андрусю?» —
«Медомъ, виномъ и горѣвковъ, серденько Ганнусю.» —
«Де они тя порубали, соколе Андрусю?» —
«У Тернавцѣ на забавцѣ, серденько Ганнусю. —
«Де жь си скажешь постелити, соколе Андрусю?»—
«У свѣтлонцѣ при во̂концѣ, серденько Ганнусю.»—
«Якъ си кажешь зазвонити, соколе Андрусю?» —
«У всѣ звоны на розгоны, серденько Ганнусю.» —
«Я си скажешь заплакати, соколе Андрусю?» —
«Дро̂бненькими слёзоньками, серденько Ганнусю?»—
«Де ся скажешь поховати, соколе Андрусю?» —
«У костёлѣ при престолѣ, серденько Ганнусю.» —
«Ой треба бы, Андрусеньку, чтыри волы дати,
Абы тебе исхотѣли въ костёлѣ ховати.» —
«Ой маю я чтыри волы, чтыри половыи,
Ней си берутъ, ней ся дѣлять, Попы молодыи!
Ой ней мене не ховаютъ нѝ Попы, нѝ Дяки,
Лише ней мня поховаютъ молоди Козаки!
Бо Попоньки та Дяченьки на заплатѣ бьются,
Молодыи Козаченьки горѣвки напьются.»

8.

Ой у полю, полю, въ полю, на роздолю,
Тамъ Козакъ убитъ лежитъ.
Нй отець, нй мати, нй отець, нй мати,
Нй о чёмъ не знае,
Що дѣвчина Козаченька, що дѣвчина Козаченька,
Сама доглядае.
Ой везутъ Козака, везутъ Козаченька,
Та й сѣрыми волоньками,
Ой иде дѣвчина, иде чорнявая,
Вмывается слёзоньками.
«Ой не плачь, дѣвчино, не плачь, чорнявая,
Головоньки не збавляйся,
Якъ я здоровъ буду, тебе не забуду,
А въ осени поберемся.» —
«Ой не тяжко бы тя, молодый Козаче,
До осени зачекати,
Ой а мене хотятъ, молоду дѣвчину,
За инчого ба й давати!» —
«А ты пиши, а ты пиши, на бѣлôмъ паперѣ,
Та давай до мене знати!» —
«Ой не тяжко бы то, молодый Козаче,
На паперѣ написати,
Ой погадай собѣ, въ своей головонцѣ,
Кымъ я маю вôдослати? —
«Ой ты пиши, пиши, ой ты пиши,
Та й дробными слёзоньками,
Вôтсылай до мене, вôтсылай до мене,
Та й буйными вѣтроньками!»

9.

(Метл. 72.)

По садочку походжаю,
И самъ собѣ розважаю,
И самъ собѣ розважаю,
Що далеко милу маю,

Цы до неи листъ писати,
Цы самому вандровати?
Якъ я буду листъ писати,
Будутъ о томъ люде знати,
Не такъ люде, якъ сосѣди,
Та нароблю всѣмъ бесѣды,
Не такъ близкй, якъ далеки.
«Ой вы, хлопцй молодыи!
Сѣдлайте конй вороныи,
Сѣдлайте коня вороного,
Та подъ мене молодого!
Я поѣду на Вкраину,
Бо тамъ маю мою милу!
Ой ты, мѣсяцъ, свѣти, свѣти,
А ты, коню, бѣжи, бѣжи,
Ой ты, мѣсяцъ, свѣти ясно,
А ты, коню, бѣжи красно!»
Пріѣхавъ бо предъ ворота,
Выйшла мила крашша злота,
Пріѣжджаю подъ оконце,
Выйшла мила красша сонця,
Взяла коня за удила,
Изъ миленькимъ говорила,
Взяла коня за вуздечку,
А милого за ручечку,
Взяла коня до стаенки,
А милого до свѣтлоньки,
Дала коню вôвса, сѣна,
А милому меду, вина,
Сама сѣла та й думала,
Та й ревненько заплакала:
«Чого сидишь, чого тужишь,
Чого плачешь, свѣтомъ нудишь
Та ты, моя милесенька,
Мое сердце, любесенька?
Цы тобѣ жаль вôвса, сѣна,
Цы тобѣ жаль меду, вина?» —
«Не жаль мёнѣ того всёго,

Ой лише ми жаль вѣка мого,
Що кôлька лѣтъ покохався,
А съ инчою повѣнчався.» —
«Ой цыть, мила, не журися,
Я еще молодъ, не женився:
Якъ я буду женитися,
Прошу, мила, дивитися,
Дамъ ти вина напитися;
Якъ я буду ба й слюбъ брати,
Прошу, мила, ручку дати!»

10.

(Метл. 73.)

Тамъ по пôдъ гай зелененькій
Ходитъ Ивась молоденькій,
И такъ собѣ розважае,
Що далеко милу мае.
Чи я маю листъ писати,
Чи самому поѣхати?
Нй до неи листъ писати,
Нй самому одвѣдати.
Якъ я буду листъ писати,
Будутъ то всѣ люде знати;
Не такъ люде якъ сусѣди,
Та нароблю всѣмъ бесѣды.
«Ой вы, хлопцû молодыи!
Сѣдлайте конû вороныи,
А пôдъ мене молодого
Сѣдлай коня буланого:
Поѣду я на Вкраину,
Тамъ я маю мою милу.
Ой ты, мѣсяць, свѣти ясно,
А ты, коню, бѣжи красно!»
Пріѣхали предъ ворота,
Выйшла мила крашша злота,

Взяла коня за удила,
По пôдвôрю поводила,
Взяла коня за трензельку,
А милого за рученьку,
Дала коню вôвса, сѣна,
А милому меду, вина,
И сутую вечереньку,
И бѣлую постеленьку,
Сама сѣла та й думае,
Чорны очи протирае:
«Чого сидишь, та думаешь,
Чорны очи протираешь?
Чи тобѣ жаль вôвса, сѣна,
Чи тобѣ жаль меда, вина,
Чи сутои вечêроньки,
Чи бѣлои постêлоньки?» —
«Не жаль мêнѣ вôвса, сѣна,
А нû жаль ми меду, вина,
Нй сутои вечêроньки,
Нй бѣлои постêлоньки,
Но жаль мêнѣ того свѣта,
Що йдутъ марне нашù лѣта,
Идутъ, идутъ нашû лѣта,
Якъ то сонце вколо свѣта!»

(Запис. въ Золочевскомъ и Жолковскомъ Уѣздахъ.)

11.

(Паул. II, 20.)

Ой пôду жь бо я по пôдъ гай зелененькій,
Ой чей мя здыбле Козачокъ молоденькій;
Ой здыбавъ мене Козачокъ молоденькій,
Ставъ ся вôнъ въ мене пытати дороженьки,
Ставъ ся вôнъ дороженьки пытати,
Я, молодая, не вмѣла'мъ вôдказати,
Давъ же вôнъ ми кониченька тримати,

А самъ пôшовъ дороженьки шукати.
Тримаю коня до темнои ночи,
Выплакала я свои чорні очи;
Ой що коникъ тупне, то ми серце пукне,
Ой я ся не бою коня вороного,
Але я ся бою Козака молодого:
Коникъ най тупне, найдутся на то лѣки,
Козакъ здрадитъ, неслава на вѣки.
Ой пущу я коня въ пустое поле,
Сама я скочу въ глубоке море:
Я молода въ морю потопаю,
И все на Козака окомъ ся сгледаю;
Ой прійшовъ Козакъ коника пôймити:
«Дай же ми, Боже, дѣвчину зловити!
Ой же бымь тя зловивъ, мôгъ бымь тя стискати,
Допѣро бымь навчивъ до моря скакати.
Що жь ти, дѣвчино, що жь ти за пригода,
Же 'сь до моря скочила, дѣвчина молода?» —
«Я молодая тебе ся бояла,
И черезъ тебе до моря скакала.»

12.

(Паули II, стр. 20.)

Ой ходила я по пôдъ гай зеленейкій,
Здыбавъ мене Козакъ молодейкій,
Ставъ вôнъ ся дорожейки питати,
Я, молода, не вмѣла сказати.
Мовила я му: Не зъ тутейшого 'мь краю,
Я въ тыхъ сторонахъ дороги не знаю.»
Ой взявъ мене Козакъ за бѣлейкіи боки,
И кинувъ мене па дунай глубокій:
«Плыни жь, дѣвчино, вôдъ краю до краю,
Коли не знаешь Козака звычаю!»

13.

(I, 72, 116, 117; Паул. 29.)

Край дороги широкои,
Кирниченьки глубокои,
Козакъ коня наповае,
Дѣвча воду наливае:
«Вандруй, вандруй, дѣвча, зъ нами,
Молодыми Козаками!
А въ насъ вербы грушки родятъ,
Въ насъ дѣвчата въ злотѣ ходятъ,
А въ насъ горы золотыи,
А въ насъ рѣки мêдяныи.»—
«Я бымь зъ вами вандровала,
Же бымь ся зрады не бояла.» —
«Ой ты, дѣвчино, не будешь зраджена,
Тôлько на Вкраинѣ посагомъ посажена.»
Ще не дошла битои стеженьки:
«Скидай, скидай, зъ головы стуженьки!»
Ой ще не дошла битого гостинця:
«Ой скидай, скидай, изъ ручки перстенця!»
Ой ще не дошла до вишнёвого саду,
А вже зложили на дѣвчину зраду.
«Вы 'сте мовили, не буду зраджена,
Теперь 'сьте мя вже зрадили
Якъ ту мушку изловили!»—
«Ой знала 'сь, дѣвчино, де отецъ и мати,
Було зъ собою два рубочки брати:
Єденъ рубочокъ головеньку звязати,
Другій рубочокъ дитятко накрывати.»
Вандруютъ поле, ванлруютъ другое,
А на третêмъ стали спочивати,
А на четвертôмъ нôчку ночовати,
А на пятôмъ казавъ êй лужко слати.
«Не по то же я, Козаче, вандровала,
Жебы я, Козаче, тобѣ луженько слала;

Но по томъ я съ тобою вандровала,
Жебы 'мь твоею миловъ ся называла.»
Ой выйду жь я на горочку,
Тамъ погляну въ долиночку:
На долинѣ ходятъ паняночки,
Та й сбираютъ фіялочки,
Та й сбираютъ фіялочки,
На недѣлю на вѣночки,
Ино я свôй утратила,
Ино я свôй изгубила,
Пôдъ яворомъ зелененькимъ,
Изъ Козакомъ молоденькимъ.

14.

(Паул. II, 28.)

Вôдъ Бендеру до Дунаю
Два Козаки мандровали,
Два Козаки мандровали,
Одно дѣвча пôдмовляли:
«Мандруй, мандруй, дѣвча, зъ нами,
Зъ молодыми Козаками,
Зъ молодыми Козаками,
Справимъ тобѣ два жупаны,
Два жупаны голубыи,
Два перстенй золотыи!»
Дурне дѣвча послухало,
Зъ Козаками мандрувало,
Зъ Козаками мандрувало,
Три дни хлѣба не видало.

15.

«Ты Козаче чорноусый,
Чому въ тебе жупанъ кусый?» —
«Дѣвки мене пôдпоили,
Жупанъ менѣ пôдкроили.

* *
*

Ой маю я купу грошій,
Справлю собѣ жупанъ довшій,
Нехай дѣвки тое знаютъ,
Най не поятъ и не краютъ.

* *
*

У Козака все любити,
До десяти вразъ ходити,
Тота скаче, тото плаче,
А въ тамтой серце колаче.

* *
*

Одна плаче, що ю здрадивъ,
Друга плаче, що ся звадивъ,
Въ третёй серце колаче,
Вздритъ Козака, ажь заплаче

* *
*

Коли Козакъ пôдскакуе,
Всѣ дѣвчата урадуе,
А якъ пôде на присюды,
Розвеселитъ усѣ люде,

* *
*

Козакъ свище, пôдскакуе,
Що пôдскочитъ, выспѣвуе:
«Ой я Козакъ зъ Украины,
Козакъ зъ роду, Козакъ зъ міны!»

* *
*

Козакъ грае на торбанѣ,
За нимъ дѣвки кобы ланй,
Всѣ хороши, всѣ моторнй,
Бѣлй личка, очи чорнй.

* * *

Коли Козакъ скрипки вчуе,
Ноги крутитъ и простуе,
Зразъ иде сюды, туды,
Якъ чортъ скаче у присюды.

* * *

У Козака все однако,
Зле, чи добре, яко, тако,
Нынѣ сто нагаёвъ взяти,
Завтра буде танцёвати.

* * *

Коли Козакъ усомъ скрутитъ,
Три одъ разу збаламутитъ,
Та думае, тамъ та лае,
Що ся стало, и не знае.

* * *

Коли Козакъ пôдскакуе,
Пôдковками выбренькуе,
А якъ вдаритъ обцасами,
Вôкна задзвонятъ шибами,

* * *

Нема танцю надъ Козака,
Бо то великій гуляка,
Туды, сюды, выскакуе,
А ногами выкидуе.

* * *

У Козака такъ по жити,
День за днемъ на тôмъ травити,
Щобъ спѣвати, танцёвати,
Дѣвчатонька цѣловати.

16.

(Т. I, 120, стр. 121.)

«Ой ты, Козаче, ой ты, пане мôй!
Та якій буде съ тобовъ нôчлягъ твôй?»—
«Не журися ты, Кулино,
Ты, дѣвчино, ты, небого!
Постелимо вôйлочище,
Пôдъ голову кульбачище,
Ой а зверха опанчище,
Кулино та й небого!»

* *
*

«Ой ты, Козаче, ой ты, пане мôй,
Та чимъ мы ся повмываемо,»
Та чимъ мы ся повтираемо?» —
«Не журися ты, Кулино,
Ты, дѣвчино, ты, небого!
Я росою, ты слёзою,
Я утруся китайкою,
Тебе удру нагайкою,
Кулино, та й небого!»

* *
*

«Ой ты, Козаче, ой ты, пане мôй!
Та якій то буде съ тобовъ розъѣздъ мôй!» —
«Не журися ты, Кулино,
Ты, дѣвчино, ты, небого!
Выѣдемо въ чисте поле;
Въ чистôмъ полю двѣ дороги,
Двѣ дороги, двѣ могилы,
А третья моя!
Одна иде до лѣса, а другая до бѣса,
На котру хочь, на тоту скочь,
А третья моя!»

ДУМЫ

в) Гайдамацкія.

1.

Штолюкъ.

Чу чуете, люде добры, шо хочу казати,
Бо я хочу Штелюкови спѣванку спѣвати.
Єкусъ чути новиночку, не можна казати,
Пôшовъ Штолюкъ изъ Мирономъ села воёвати;
А топôрцй наробили изъ самои стали,
Пôшовъ Штолюкъ изъ Мирономъ, та воюе паны;
А топôрцй наробили изъ самои бляхи,
Пôшовъ Штолюкъ изъ Мирономъ, та воюе Ляхи.
Учувъ тото панъ Каштана, та взевъ пôдслухати:
«Не такъ треба для Штолюка намъ се постарати.»
А нашъ Штолюкъ молоденькій имивъ шосъ гадати,
«Ити бы ми въ Довге Поле Каштана еднати.»
А в'ни пôшли въ Довге Поле Каштана еднати,
Єкъ зачели его бити, бити та рубати,
Єкъ зачели его бити, бити та рубати,
А вже жь брати по бокатѣ, котюгамъ метати.
Єкъ убили, обôбрали, та й вышли на Рѣчку,
Миронъ каже: «Вернѣмь ко се, зажжѣмъ псови свѣчку!» —
«Богдай тобѣ, Миронеку, таки твою мати,
Чи ты не чувъ, екъ той казавъ для насъ се старати?
Чи ты не чувъ, екъ той казавъ для насъ се старати,
Та ще бы съ се вертавъ псови свѣчку зажегати.
Пôшовъ бы я та косити зелену отаву,
А сонечко по надъ вечеръ, не выйдемъ на пустаю,
Ой выйшли в'ни на пустаю та й заговорили:
«Чи вы, домарй, не чули екои новины?» —

«Не чули мы, годны хлопцѝ, нѝкои новины,
Мы лишь чули, въ Довгôмъ Поли шо Каштана вбили.»
А в'ни пôшли въ полонины та въ полониночки,
Та тамъ собѣ набивали острôжнѝ стрêвбочки;
Доки в'ни ихъ набивали, в'ни се не боели,
Єкъ узрѣли тверду ровту, в'ни жъ тамъ подрôжели.
Ходивъ Фронюкъ, ходивъ Скалюкъ, ходивъ и Борсучокъ,
Ше бувъ зъ боку Волоского Єкôвъ Крамарючокъ.
А вдарили въ монастырѣ у четыре звоны,
Вже Штолюка блеховали на воронôмъ кони;
Вже Штолюка блеховали, дали въ село знати,
Впровадили вже Штолюка въ бѣленькіи хаты.
А уреды молоденькѝ пьютъ, пôдъохотуютъ,
Та Штолюка молодого въ кайданы блехуютъ.
Ой а выйшовъ панъ Гôрлѝчка, зачавсе пытати:
«Дежь ты гадавъ, Штолюченьку, зимку зимовати?» —
«А у тои цариночцѣ зелененькій полôгъ,
Тамъ 'сме гадавъ зимовати, де бы ми Богъ помôгъ.»
Ой утêкавъ Штолюкъ годный, та й зашумѣвъ листомъ,
Та не самъ вôнъ туда тêкавъ, втêкавъ съ товариствомъ,
«Кôлько въ тебе у Штолюка того товариства?» —
«Кôлько въ лѣсѣ у дуборѣ букового листа.»
Ой ковала ми зазулька все по пôдъ Менчила:
Теперь се ся спѣваночка уся се скôнчила.

(Записана мною отъ Гуцулки с. Криворовни Марики Грызючки.)

Кармелюкъ.

Породила мене мати
Въ несчастну годину,
Не дала ми счастья знати,
Вôдъ журбы загину.

* *
*

«Кармелюку! На панщину!»
Кличутъ пôдъ вôконце;

«Бо нагаёмъ якъ не выйдешь,
Скоро зôйде сонце.»

* * *

Наступила лиха доля,
Тра йти въ свѣтъ гуляти,
А що Кармелюкъ не дурень,
Дастъ Ляхамъ пôзнати.

* * *

Не довго я такъ гулявъ,
У собѣ попався,
И не гадавъ, та не думавъ,
У Сибйръ достався.

* * *

Повернувши изъ Сибйру,
Таки я въ недолй,
Хоть я вже не въ кайданахъ,
Таки я въ неволй.

* * *

Засѣдаю при дорозѣ.
Чому? хочешь знати?
Бо не маю пристанища,
Бо не маю хаты.

* * *

Маю жёнку, маю дѣти,
Коли ихъ не бачу;
Якъ сгадаю на ихъ нужду,
Горенько заплачу.

* * *

Нема счастья нй для мене,
А нй для родины,
Переходятъ въ смутку, жалю,
Всѣ мои годины.

* * *

Зовутъ мене розбôйникомъ,
Кажутъ, розбиваю:
Я не вбивъ еще никого,
Бо самъ душу маю,

* *
*

Ой я вôзьму багатому,
Убогому даю,
А такъ грошѝ подѣливши,
И грѣху не маю.

* *
*

Пôшовъ бы я въ мѣста, села,
Всюда мене знаютъ,
Деде Ляхи мене зôздрятъ,
Заразъ мя пôймаютъ.

* *
*

А такъ мушу стеречися,
Мушу въ лѣсѣ жити,
Хотя свѣтъ е такъ широкій,
Нйгде ся подѣти!

(Записана въ Тернопольскомъ Уѣздѣ.)

3.

Оре багачъ, оре,
На широкôмъ полѝ,
На широкôмъ полѝ,
На глубокôмъ долѝ.
Прійшло тамъ до него
Два разбôйниченьки:
«Дай ти, Боже, счастье,
Великій багаче!
Нарай намъ якую,
Абы не самую.»—

«Не маю якую,
Хиба жёнку свою.»
«Нехай буде тая,
Абы не самая!»
Прійшовъ вôнъ до дому,
Пріѣхавъ до дому:
«Сбирай же ся, мила,
Поѣдемъ до млына!»
«Я съ тобою, милый,
Свôй вѣкъ скалатыла,
А еще съ тобою
Въ млынѣ не бувала.»
Ѣдуть они, ѣдуть,
На широкôмъ полѣ,
На широкôмъ полѣ,
На глубокôмъ долѣ.
Ѣхала, вступила
До рôдного брата:
«Ой брате жь мой, брате,
Надо мною здрада!»
«Сестро, моя сестро,
Господь надъ тобою,
Господь надъ тобою,
Я ѣду съ тобою!»—
Привêзъ ю до лѣса,
Самъ пôшовъ до бѣса;
Вяже ю до бука,
Братови роспука.
Фузїю намѣривъ,
Обохъ вразъ застрѣливъ:
«Мало бути еê,
То най буде й тобѣ,
Будешь съ нею въ гробѣ!»

(Записана въ Золочевскомъ Уѣздѣ.)

4.

(I, 138; Паул. 34.)

По пôдъ синій туманъ
Розболѣвся бѣлый Романъ,
Сбираючи новый товаръ,
Та на тата закликае:
«Не ходивъ я розбивати,
Сивый товаръ избирати:
Пôди, тату до кирницѣ,
Принеси мêнѣ водицѣ.»
«Ой не маю, сынку, коли,
Лишивъ я косарѣ въ поли.»

* *
*

По пôдъ синій туманъ
Розболѣвся бѣлый Романъ,
Сбираючи сивый товаръ,
Та на маму закликае:
«Не ходивъ я розбивати,
Сивый товаръ избирати:
Иди, мамо, до кирницѣ
Принеси мêнѣ водицѣ!»—
«Ой не маю, сынку, коли,
Лишила я женцѣ въ полѣ.»

* *
*

По пôдъ синій туманъ
Розболѣвся бѣлый Романъ,
Сбираючи сивый товаръ,
Та на брата закликае:
«Не ходивъ я розбивати,
Сивый товаръ избирати:
Иди, брате, до кирницѣ,
Принеси мêнѣ водицѣ!»—
«Ой не маю, брате, коли,
Лишивъ я вôвцѣ въ полѣ.»

* *
*

По пôдъ синій туманъ
Розболѣвся бѣлый Романъ,
Сбираючи сивый товаръ,
Та на милу закликае:
«Не ходивъ я розбивати,
Сивый товаръ избирати:
Иди, мила, до кирници̂,
Принеси мêнѣ водици̂.» —
А миленька поспѣшила,
Меду, винця, наточила.

5.

(I, 167; Паул. II, 42.)

Въ Станиславѣ двѣ крамници̂,
А у Львовѣ три темници̂,
Тамъ сидятъ три невôльници̂:
Одинъ сидитъ за дѣвочку,
Другій сидитъ за вдовочку,
Третій сидитъ за волы половыи
И за коники вороныи.
Той, що сидитъ за дѣвочку,
Той си грае въ сопѣлочку;
Другій каже: «Не журюся,
Бо я съ вдововъ поберуся.»
Третій сидитъ, та й думае,
Матêрь свою проклинае:
«Бодай, мати́, не сконала,
Що мене такъ научала!
Ой я принêсъ чепелинку:
«Добре чинишь, мôй ты сынку!»
Я принêсъ примêточку:
«Буде, сынку, на сорочку!»
Пригнавъ я волы половыи:
«Кобы, сынку, ще другіи!»

6.

(I, стр. 163.)

По горѣ, горѣ зацвѣла шельвія,
По пôдъ ту гору ходила Марія:
Марія ходила, шельвію ломила,
Ревными слозами за мужêмъ плакала.
На очка чорнёва, на личко якъ ружа:
«Онъ той Ляхъ ѣде, що вбивъ мого мужа!»
Заходитъ й гадка, гадае втêкати,
«Не втêкай, Маріё, скажу тя лапати,
Бо я тебе хочу за жену си взяти!»
Ой Марія стала, за Бога сгадала:
«Отверни мнѣ, Боже! я тому не рада!»
Заходитъ ю голосъ зъ высокого неба:
Най иде Марія, жены ти не треба!»
Узяли Марію за русявй косы,
Приняли Марію у сады до сосны,
Выкресали огню у суху порохню,
Запалили сосну зъ верха и зô споду:
«Гори, сосно, гори, а ты, смоло, капай,
На Марійно тѣло, на Марійну главу!
Ней Марія терпитъ великіи муки,
Коли не хотѣла за жену ми бути!»—
«А кто сидитъ дома, а хто робитъ въ полю,
Най ся йде дивити на мою неволю!»
А панъ каже, що то смола, а то чиста вода,
На Марійно тѣло есть то охолода.

(Изъ Саноцкаго Уѣзда.)

7.

Яничокъ.

(I, 171.)

Ой тамъ дале пудъ яворомъ
Оре дѣвча еднымъ воломъ,
Ще и бразды не зорала,
Вже ѐ мати заволала:
«Дѣвко, дѣвко, пой до дому!
Продала 'мь тя, не знамъ кому,
Продала 'мь тя Яничкови,
Великому збуйничкови:
Въ ночи прійде, въ ночи пôде,
Никда ми ничь не принесе,
Лемъ кошульку поторгану,
И сабличку скрывавлену.
«Чугай белай, бѣлый хлопецъ,
Кыбы 'сь такый, якъ ти отецъ,
Дала быхъ тя искупати,
Кавкамъ, вранамъ, роздзѐбати.»—
«Спѣвай, жоно, чи 'съ спѣвала,
Коли 'сь хлопця колысала?»—
«Я хлопцеви не спѣвала,
Лемъ емь пестуночцѣ лала.»—
«Ставай, жоно, на колѣна,
Най испаде твоя глава!»—
«Пестуночко вѣрна моя,
Подай децько сюди мое!»—
Єдно личко побочкала,
А въ другое укусила:
«Дамъ ти, сыне, на памятку,
Коли стинавъ отецъ матку!»

(Изъ Бережскаго Уѣзда села Лучки, возлѣ Мукачева.)

8.

Эй на горѣ, на горѣ,
На Кошицкой долинѣ,
Пасе Янчи двы волы;
Пришли дъ нёму гайтове:
«Ой ты, Янчи, дай волки!
Бо ти главку здоймеме.»—
«Я вамъ волки та й не дамъ,
Радше ся съ вами поровнамъ.»
Коли в'ни ся рôвнали,
Тамъ му главку стинали:
Де зъ той главки кровь текла,
Червена ружа уцвѣла!
Дѣвички ё рвали,
Хлопцôмъ перка давали:
Боже, Боже, што же то,
Червена ружа зъ чего то?

(Зап. Русск. Геогр. Общ. Спб. 1867, т. I, 674.)

ДУМЫ

БЫТОВЫЯ.

г) Чумацкія и Бурлацкія.

1.

(Макс. 1834, 175.)

Було лѣто, було лѣто,
А теперь зима,
Гостивъ джумакъ по дорогахъ,
Гостивъ по долахъ,
Та не мавъ вôнъ пригодоньки
На своихъ волахъ.
А изъѣхавъ джумаченько
Зъ горы на базаръ,
Волы му ся поболѣли
Самъ бѣдный заслабъ.
Ой заслабъ вôнъ, ой заслабъ вôнъ,
Та й тамо й лежитъ,
Нѝхто го ся не спытае,
Що его болитъ;
А приходятъ та й идъ нёму
Товаршоѝ его,
Взяли его за рученьку
Та держäтъ его:
«Ой братчику, джумачику,
Що тебе болитъ?»—
«Болитъ мене та серденько,
Болитъ голова.»—
«Ой братчику, джумачику,
Чужа сторона.»—
«Ой давъ бы я, товаришу,

А зъ возомъ волы,
Ой абы ся такй найшли,
Та раду дали.»—
«Ой не штука, товаришу,
Волы зъ возомъ взяти,
Але я ся не бйзую
Тобѣ раду дати.»
Прійшла, прійшла, дъ нему
Найстарша сестра:
«Ой братчику, джумачику,
Где тя смерть знайшла?»—
«Знайшла мене ой смертенька
Въ чужôй сторонѣ,
Май же, сестро, обачêнье
На дѣти мои!»—
Загорнувся джумаченько
У новый жупанъ:
«Волы мои зъ сѣмохъ возôвъ,
Хто жь вамъ буде панъ!»
Скинувъ джумакъ новый жупанъ,
Загорнувъ кожухъ,
Припадае дъ сырôй землѣ,
Испускае духъ.
А вдарили джумакови
У великій дзвôнъ,
А сходится, а зъѣздится,
Весь джумакôвъ рôдъ.
А спускають джумаченька
Въ глубокй долы,
Ой сходится рôдъ до купы,
Випрягае волы.
Идутъ волы, йдутъ по волй,
Жäлôбно рычуть,
Свого пана господаря
Изъ гробу кличуть.
Пріѣзжають сѣрй волы
Передъ ворота:
«Выйди, выйди, газдиненько,

Бо 'сь вже сирота!»
Выйшли, выйшла, газдиненька,
Зачăла плакати,
Свои волы, якъ соколы,
Стала проклинати.
«Не плачь, не плачь, газдиненько,
Не проклинай насъ:
Нема твого господаря,
Не буде и насъ!»

(Изъ Стрыйскаго Уѣзда.)

2.

(Иначе.)

Ой ѣздивъ джумакъ, ѣздивъ,
Семь лѣтъ по долахъ,
Та не мавъ вôнъ придоньки
На своихъ вôлахъ.
Ой ѣхавъ вôнъ, ѣхавъ, ѣхавъ,
На долинѣ ставъ,
Волы му ся поболѣли,
Самъ джумакъ заслабъ.
Ой заслабъ вôнъ, заслабъ,
Тяженько лежитъ,
Нихто го ся не спытае,
Що его болитъ.
Ой болитъ его, болитъ,
Серце, голова:
«О Господи милосердный,
Чужа сторона!
Чужа, чужа, сторона,
Та чужіи люде,
Хто джумака поховае,
Якъ ему смерть буде?»
Ой приходитъ дъ нёму
Атаманъ его,

Та взявъ го ся та пытати,
Що болитъ его:
«Ой ты пане мôй!
Ты атаманъ мôй?
Забери си всѣ волоньки,
Дай рады менѣ!»—
«Ой радъ бы я, радъ,
Та волоньки взяти,
Лише ти ся не пôдойму
Радоньки дати.»
Ой уставъ джумакъ, уставъ,
Вгорнувся въ жупанъ:
«Волы жъ сѣромасты
Хто жъ вамъ буде панъ?»
Ой уставъ джумакъ уставъ,
Вгорнувся въ кожухъ,
Подивився долôвъ собовъ,
Спуставъ джумакъ духъ.
А въ недѣлю рано, рано,
Ударили въ звôнъ,
Позъѣздився, посходився
Всей джумака рôдъ.
Найстарша сестра,
Навпередъ прійшла:
«Джумачику, мôй братчику,
Де жъ тя смерть знайшла?»
Приходитъ и дъ нёму
Та найстаршій братъ:
«Джумачику, мôй братчику,
Яжъ тому не радъ!»
Идутъ волоньки, идутъ,
Идутъ рычучи:
«Хто насъ буде дозирати,
Въ дорозѣ йдучи?»
Идутъ волоньки, идутъ,
Въ золотôмъ ярмѣ;
«Лишилисьмо свого газду
Въ чужôй сторонѣ.»

Идутъ волоньки, идутъ
Стали въ ворота:
«Выйди, выйди, господине,
Вже газды нема!»—
«Волѣла я, волы мои,
Васъ всѣхъ полупити,
Нёжъ есте вы мали тамки
Та газду лишити.»—
«Ой ты газдине наша
Не проклинай насъ:
Нема твого господаря
Не буде и насъ!»

3.

(То же, но иначе.)

Ой поѣхавъ джумаченько
У дорогу самъ,
Стала му ся пригодонька,
Въ дорозѣ заслабъ.
Заслабъ же вôнъ, заслабъ,
Тяженько лежитъ,
Нихто ся го не спытае,
Що его болитъ.
А прійшовъ же до нёго
Товаришъ его,
Та взявъ его за рученьку,
Жалуе его:
«Товарише, товарише,
Не жалуй мене!
Забери си усѣ гроші,
Но ратуй мене!
Якъ тыхъ грошей ти не стане,
Возьми сі волы,
Но не дай ми загинути
Въ чужôй сторонѣ!»

Ударили во всѣ звôны,
Ударили въ звôнъ,
Чи не тому джумакови,
Що до дому хтѣвъ?
А сбѣглися джумаченьки
Та пôдъ могилочку,
Выкопали грôбъ глыбокій
За годиночку.
Зарычали сѣры волы
Въ золотôмъ ярмѣ:
Поховали джумаченька
Въ чужôй сторонѣ.

4.

(I, 177; ср. Макс. 1834, стр. 177.)

Гей чумаче, чумаче!
Чомъ не рано зъ Крыму йдешь?
Чомъ не рано зъ Крыму йдешь?
Всѣхъ чумакôвъ не ведешь?
«Ой я рано зъ Крыму йду,
Всѣхъ чумаченькôвъ веду,
Нема лише одного,
Брата мого рôдного.
Шукавъ, шукавъ, не знайшовъ,
Взявъ заплату, та й пôшовъ;
Шукавъ, шукавъ, не знайшовъ,
Запрѣгъ волы, та й пôшовъ.»—
«Атамане, батьку нашъ,
Порадь теперь хоть ты насъ,
Що матимемъ робити,
Ой чимъ волôвъ кормити?»—
«Ой ще, хлопцѣ, не бѣда,
Бо е въ полю лобода:
Косѣть, ломѣть, лободу,
Забувайте на бѣду!»

(Изъ Буковины.)

5.

(Паул. II, 72.)

Пôшовъ чумакъ а въ дорогу,
За нимъ жêнка у погоню,
Возы завертае,
Волы выпрягае,
И серденькомъ называе:

* *
*

«Вернися, чумаче, до дому,
Вернися, серце, до дому,
Отецъ, мати, лае,
И проклинае,
Таки тобѣ хвортуна не служитъ.»—

* *
*

«Ой коли бъ ты добра була,
То бъ ты дома сидѣла,
Недѣлоньку чтила,
Пятницу постила,
Тобъ мêнѣ хвортуна послужила!»

* *
*

«Ой пôду я на гороньку,
А гляну я въ долиноньку:
Ажь тамъ двѣ калинѝ,
Стоятъ у долинѣ,
Ажъ до землѝ гôлье гнется.

*
* *

Ой пôду я по надъ море,
Жовтый пѣсокъ ноги коле:
Єдна ледащина,
Єдна ледащина,
И та зъ мене кпится!»

6.

(Т. I, 178.)

Ой я чумакъ несчасливый,
Ходжу съ журбы ледво живый,
Самъ не знаю, що чинити,
Якъ бы ту на свѣтѣ жити.
Гопцѝ, хлопцѝ, и я зъ вами,
Зъ молодыми чумаками!

* *
*

Волы мêнѣ поздыхали,
Вôзъ и ярма поломали,
Я съ батогомъ ся зôстаю
Пôду съ бѣды погуляю:
Гопцѝ, хлопцѝ, и я зъ вами,
Зъ молодыми чумаками!

* *
*

И сокиру и мазило
Що ся вôдъ воза лишило,
За горѣвку тобѣ даю,
Бо копѣйки вже не маю.
Гопцѝ, хлопцѝ, и я зъ вами,
Зъ молодыми чумаками!

* *
*

Або пôду утоплюся,
Або въ камêнь розôбьюся,
Нехай люде о томъ знають,
Якъ чумаки умирають.
Гопцѝ, хлопцѝ, и я зъ вами,
Зъ молодыми чумаками!

* *
*

Пôшовъ чумакъ топитися
Чумачиха дивитися:
«Стôй, чумаче, не топися,
Хочъ на дѣти подивися!

Гопцŷ! хлопцŷ, и я зъ вами,
Зъ молодыми чумаками!

* *
*

Пôшла Гандзя въ поле жати,
Та й забула серпы взяти;
Серпы взяла, хлѣбъ забула,
Такый Гандзя дома була.
Гопцŷ, хлопцŷ, и я зъ вами,
Зъ молодыми чумаками!

* *
*

Наша Гандзя добре жне,
Въ руки серпа не вôзме;
А за Гандзёвъ густый снôпъ,
Чтыре Дяки, пятый Пôпъ.
Гопцŷ, хлопцô, и я зъ вами,
Зъ молодыми чумаками!

* *
*

Пôшла Гандзя по бураки,
А за нею всѣ дворакы,
А Поповичъ изъ переду:
«Чекай, Гандзю, куплю меду!»
Гопцŷ, хлопцŷ, и я зъ вами,
Зъ молодыми чумаками!

* *
*

Пôшла Гандзя по петрушку,
Надыбала щебетюшку,
Щебетюшка щебетала,
Гандзѣ спати не давала.
Гопцŷ, хлопцŷ, и я зъ вами,
Зъ молодыми чумаками!

7.

(I, 180; Метл. 463—464.)

Нема въ свѣтѣ такъ никому
Якъ бурлаку молодому.
Гей, гей, якъ бурлаку молодому!

* *
*

Бурлакъ ходитъ, работае,
А спочинку ничь не мае.
Гей, гей, а спочинку ничь не мае!

* *
*

Идетъ бурлакъ изъ панщины,
«Дай вечеряти, газдине.»
Гей, гей, дай вечеряти, газдине!»—

* *
*

«Лягай, бурлакъ, тако й спати,
Бо нема що вечеряти.
Гей, гей, бо нема що вечеряти.

* *
*

До порога головами,
Вставай рано за волами,
Гей, гей, вставай рано за волами!»

* *
*

Аще бурлакъ не здрѣмався,
А вже газда переспався:
•Гей, гей, а вже газда переспався.

* *
*

«Вставай, бурлакъ, волы гнати,
А въ часъ зъ поля повертати.
Гей, гей, а въ часъ зъ поля повертати!»

* *
*

Ой вставъ бурлакъ, не вмывався,
За волами поквапляв ся,
Гей, гей, за волами поквапляв ся.

* * *

Яромъ, яромъ, за товаромъ,
Оманцями за вôвцями,
Гей, гей, оманцями за вôвцями.

* * *

Чорна хмара наступае,
Буйный вѣтрецъ повѣвае,
Гей, гей, буйный вѣтрецъ повѣвае;

* * *

Дрôбный снѣжокъ притрясае,
Бурлакъ нôжки пôднимае,
Гей, гей, бурлакъ нôжки пôднимае;

* * *

Бурлакъ нôжки пôднимае,
Свою неньку споминае:
Гей, гей, свою неньку споминае:

* * *

«Ненько жь моя рôдненькая,
На що 'сь мене породила?
Гей, гей, на щось мене породила?

* * *

По свѣтѣ 'сь мя износила,
Счастья, долî не впросила,
Гей, гей, счастья, долî не впрôсила!»

8.

(Иначе.)

Устань, дочко, устань, мати,
Дай бурлаку вечеряти,
Гей, гей, дай бурлаку вечеряти!

* * *

Дай бурлаку вечеряти,
По вечери лягай спати,
Гей, гей, по вечери лягай спати!

* * *

До порога головами,
А до стола та й ногами,
Гей, гей, а до стола та й ногами!»

* * *

Еще бурлакъ не вложився,
Вже господарь пробудився,
Гей, гей, вже господарь пробудився.

* * *

«Часъ бурлаку уставати,
На долину волы гнати,
Гей, гей, на долину волы гнати!»

* * *

Не чесався, не вмывався,
Не мавъ паса, не впасався,
Гей, гей, не мавъ паса не впасався;

* * *

Не мавъ паса, не впасався,
Не мавъ ходакъ, не взувся,
Гей, гей, не мавъ ходакъ, не взувався.

Єще до дня три годині.
Бурлакъ съ волы на долинѣ,
Гей, гей, бурлакъ съ волы на долинѣ;

* * *

Дробенъ дождикъ покрапляе,
Бѣлый снѣжокъ потрясае,
Гей. гей, бѣлый снѣжокъ потрясае.

* * *

Бѣлый снѣжокъ потрясае,
Бурлакъ нôжки пôдношае.
Гей, гей, бурлакъ нôжки пôдношае.

* * *

Бурлакъ ножки пôдношае,
Свою мати споминае,
Гей, гей, свою мати споминае:

* * *

Мати жь моя чорнобрôва,
На що жь мене породила?
Гей, гей, на що жь мене породила?

* * *

Єдного 'сь мня сына мала,
Бурлакомъ есь мня назвала,
Гей. гей, бурлакомъ есь мня назвала.

* * *

По надъ рѣчку 'сь мня носила,
Чому 'сь мене не втопила?
Гей. гей, чому 'сь мене не втопила?» —

* * *

«Де жь ты, бурлакъ, забавився,
По колѣна заросився?
Гей, гей, по колѣна заросився?»—

«Облогами за волами,
А шуваромъ за товаромъ,
Гей, гей, а шуваромъ за товаромъ:

* *
*

Манôвцями за вôвцями,
Манôвцями за вôвцями,
Гей, гей, манôвцями за вôвцями.»—

* *
*

«Не ходивъ ты за волами,
Але 'сь ходивъ за гульками,
Гей, гей, але 'сь ходивъ за гульками;

* *
*

Не ходивъ есь за вôвцями,
Але за молодицями,
Гей, гей, але за молодицями.»—

9.

(Еще иначе.)

Бурлакъ робитъ и працуе,
Кажутъ люде, що марнуе.
Идеть бурлакъ изъ панщины:
«Давай, жêнко, вечеряти,
Бо вже бурлакъ иде спати,
Треба спати, не дремати.
А ще наймитъ не вбернувся,
Газда уставъ и обувся;
Уставъ бурлакъ, не вмывався,
Не було въ що, не вдѣвався,
Иди, Бурлакъ волы гнати. и т. д.

10.

(Въ другихъ мѣстахъ такой конецъ:)

Подививсе на долину,
На долину, на коршмину,
Гей, гей, на долину, на коршмину.

* *
*

Тамъ чумаки пьютѣ, гуляютъ,
Волы, возы, пропиваютъ,
Гей, гей, волы, возы, пропиваютъ.

* *
*

На остатку ярма, снозы,
Обôльяли его слёзы,
Гей, гей, обôльяли его слёзы.

11.

(Паул. II, 73.)

Пора приходитъ по счастью тужити:
Же свѣтъ великій, а мнѣ нйгде жити;
Куда тôлько я пôйду,
Нйгде счастья не знайду,
Все бѣда кругомъ!

* *
*

Ба, чи е въ свѣтѣ такôй человѣкъ,
Якъ я мизерный черезъ весь мôй вѣкъ?
Єдну мину, десять бѣдъ,
Всѣ за мною идутъ въ слѣдъ,
И бѣда кругомъ!

Тамъ тôлько добре, тамъ счасливый свѣтъ,
Тамъ люди добрй, де мене нѣть;
Куды тôлько повернуся,
Нйгде съ лихомъ не минуся,
Бѣдный человѣкъ!

* *
*

Рѣкою иншому то счастье плыне,
Вродившися въ счастью, такъ и сгине;
А я счастья не зыскавъ,
Якъ на свѣтѣ жити ставъ,
Тôлько одинъ вѣкъ!

* *
*

Отъ теперь зачну я, мйзерный, казати:
Все утѣкае вôдъ мови хаты;
Съ счастьёмъ по грибки ходити,
Съ счастьёмъ по рыбки бродити,
Безъ счастья нйщо!

ДУМЫ

д) Воинскія и рекрутскія.

1.

(Т. I, 134.)

А въ лузѣ калина
Всей лугъ прикрасила:
Выряджала бѣдна вдова
Сына жомнярина.
А якъ его выряджала,
То и его научала:
«Будешь, сыну, въ дорозѣ,
Не забувай о Бозѣ!»
Поки жомнѣрь не пивъ,
Господь ему счастивъ,
А въ замыслахъ, а въ походахъ,
Все войско побѣдивъ.
Узявъ жомнѣръ пити,
Узявъ гейновати,
А жь ся взяла жомнѣрская
Фортуна зменьшати.
Ходитъ жомнѣръ, ходитъ,
Въ рукахъ чако носитъ,
Своей неньки старенькои,
Прощенія проситъ:
«Прощай мене, мати,
Въ той походъ ступати,
Абы мѣнѣ Богъ допомôгъ,
Пруса звоюватн!»
Плаче жомнѣръ, плаче,
Крôвавыми слёзами,
Свою матку называе
Рôзными словами:

«Матко моя мила,
Доглянь, доглянь, худобоньки,
Доки будешь жила!»
Плаче жомнѣръ, плаче,
Чорными очима,
Же вечеря конецъ стола,
А смерть за плечима:
«Не дай, Боже, смерти,
Въ чужôмъ краю вмерти,
А хто буде доглядати,
Жомнѣрскои смерти?
Ни отца, ни матки,
Никому жаловати,
А ни кому жомнѣрови,
Ранôвъ завивати.
Воронъ прилѣтае,
Смерти доглядае,
Бѣле тѣло обдзёбуе,
Кости розношае.
Кобъ то наша матка знала,
Тобъ намъ раны завивала,
Тобъ намъ раны завивала,
Красненько бъ насъ поховала;
И дзвоны бъ намъ понаймала,
Жалôбненько заплакала,
Якъ зазулька закувала,
Якъ зазулька у садочку,
Такъ матêнка по сыночку,
Якъ зозуля у лѣщинѣ,
Такъ матêнка по дитинѣ,
Такъ матêнка по дитинѣ!»

(Отъ слѣпаго лирника Ѳомы Зеленюка въ Золочевскомъ Уѣздѣ.)

2.

(Т. I, стр. 135.)

А въ лузѣ калина
Весь лугъ прикрасила:
Породила бѣдна вдова
На жовняра сына.
Якъ го породжала,
То го научала:
«Будешь, сыну, въ дорозѣ,
Не забувай о Бозѣ!»
Доки жовняръ не пивъ,
То му Богъ годивъ,
А въ походахъ, а въ замыслахъ,
Все войско побѣдивъ.
Зачавъ жовняръ пити,
Зачавъ гайновати,
Зачалася жовнярева
Мошонка вменшати.
Плаче, жовняръ, плаче,
Каскетъ въ рукахъ носитъ,
Своей неньки старенькои,
Прощенія проситъ:
«Простить мене, мати,
У твой слѣдъ вступати:
Поки буду не забуду
О Бозѣ забувати!»
Плаче жовняръ, плаче,
Чорными очима,
Вже вечера бай готова,
А смерть за плечима:
«Не дай, Боже, смерти,
Въ чужôмъ краю вмерти,
Та нй кому доглянути,
Воянцкои смерти.
Воронъ залѣтае,
Въ очко заглядае,

Бѣле тѣло обозёбуе,
Кости розношае,
Кобы мати знала,
Ладно бъ поховала;
Та ладно бы поховала,
Звоны попаймала.
Кобы мати знала,
То бъ службы наймала,
Добрыхъ людій, та сусѣдôвъ,
На обѣдъ спрошала.»

3.

(Иначе.)

Ой у лузѣ, лузѣ, зацвила калина:
Породила мати сына, сына жовнярина:
Якъ го породила, та й вôдгодовала.
Якъ выховала, на вôйну го дала.
Якъ го выправляла, та й наказувала:
«Ой якъ будешь у дорозѣ, не забувай въ Бозѣ!»
Доки жовняръ не пивъ, та Бога хваливъ,
У походахъ, у замыслахъ, все вôйсько побѣдивъ:
А взявъ жовняръ пити, въ Бозѣ забувати,
Узявъ ёму Панъ Небесный счастья уймати.
Плаче жовняръ, плаче, шапку въ рукахъноситъ,
Своёй неньки старенькои жалôбненько проситъ:
«Казала 'мъ ти, сыну, мое любе дитя,
Хто не слуха матёнонки, таке ёго житя!»

4.

(Еще иначе.)

Ой у лузѣ калина
Весь лугъ прикрасила:
Породила мати сына,
Сына жовнярина:
Якъ го породила,
Та го научала:
«Ой якъ будешь, сыну,
Въ далекôй дорозѣ,
Не забувай, сыну,
Николи о Бозѣ!»
Поки жовнеръ не пивъ,
Пана Бога хваливъ,
А якъ пôшовъ до побою,
Все вôйско побѣдивъ.
Якъ взявъ жовнеръ пити,
Взявъ ся напивати,
Не хотѣвъ му самъ Господь Богъ
До помоги стати.
Ходитъ жовнеръ, ходитъ,
Шапку въ рукахъноcитъ,
Своей неньки старенькои
Прощенія проситъ.
Плаче жовнеръ, плаче,
Съ чорными бровами:
«Будь здорова, родиноньковъ,
Вже не буду съ вами!»
Плаче жовнеръ, плаче
Чорными очима,
Вже вечера готовая,
А смерть за плечима:
«Не дай, Боже, смерти,
Въ воянщинѣ вмерти,
А хто дôздритъ, хто побачитъ,
Воянскои смерти?

Воронъ залѣтае,
Въ очи заглядае,
Бѣле тѣло роздзёбуе,
Кости розношае!»

5.

Стоитъ жовнярь на могилѣ,
Креше огню до шабелй,
Сухй лозы пôдпаляє
Свои раны розгрѣвае:
«Мои раны сѣканыи,
Стрѣляныи, рубаныи!
Сѣканыи—то ся зôйдутъ,
Стрѣляныи—къ серцю дôйдутъ!
Ты вороный, рôдный, брате,
Дай до моей неньки знати:
Не кажи ей, що вбитъ лежу,
Ино кажи, въ Крôля служу,
Въ Крôля служитъ, самъ крулюе,
На могилѣ нôчь ночує.
Та могила труповая,
Тече рѣчка кирвавая,
Надъ рѣчкою воронъ краче,
Ой за сыномъ мати плаче:
«Не плачь, мати, и не тужи,
Не порубанный я дуже:
Головонька на четверо,
А нôженьки на шестеро,
Бѣлй палцй на кавалцй,
А рученьки на штученьки!»

6.

Червона калино, чого въ лузѣ стоишь? гей, гей!
Чи ягôдъ жалуешь, чи ся вѣтру боишь?»—
«Ягôдъ не жалую, вѣтру ся не бою,
Я стою, думаю, що чинити маю:
Три ночцѝ не спала 'мь, листоньки писала,
До мого милого, що 'мь вѣрно кохала.
Милый листъ доставши, и перечитавши,
Тяженько вздохнувши, коханья згаднувши.»
Гей, тамъ жовнѣрочокъ по рыночку ходитъ,
Пана Капитана усердно ся проситъ:
«Пусти мене, пане, изъ гôръ на Подôлья,
Моя мила хора, завезу ѐй зѣлья!»—
«Ой ты жовнѣрочку, що ты си гадаешь,
Ту дѣвчата краснѝ, ты ся тамъ вертаешь.»—
«Якъ ся не вертати, она сиротина,
Ой мôй милый Боже, за мновъ затужила!»

7.

(Т. I, 104.)

Калино, малино, голова болѣла,
Голова болѣла, свѣту не видѣла,
Листъ написала, и на почту слала,
До того жовнѣра, що вѣрне кохала.
А жовнѣръ взявши, листъ перечитавши,
Коханье сгадавши, сердечне заплакавши:
«Пане, ты мôй пане, пане Капитане,
Пусти мене до домъ, хоть есмь заволаный!
Пусти мене, пане, пане Капитане,
До тои дѣвчины, котра сына мае».—
«Хлопче, ты мôй хлопче, якій 'сь ми вѣрненькій?
Де жь ты сына маешь, такій молоденькій?»
Прійшовъ вôнъ до дому, дѣвчина хоруе,
Припавъ до лôжечка, ноженьки цѣлуе:

«Цѣловала бы тя лихая година,
Вôдреклася мене вся моя родина:
Вôдрêкся и отець, вôдреклася мати,
Черезъ тебе, жовнѣру, треба умирати.» —
«Стôй, дѣвчинонько! Госпôдь Богъ съ тобою,
Якъ ся выхоруешь, возьму слюбъ съ тобою.» —
А дѣвчина встала, якъ не хоровала,
Своего жовнѣра та й поцѣловала:
«Ой знаю я, знаю, якъ жовнѣръ бѣдуе,
Хоть лиха година, жовнѣръ машеруе.»

8.

(Т. I, 105.)

«Червона калино,
Чомъ ты въ лузѣ стоишь?
Цы ся сушу боишь,
Цы ягôдъ жалуешь!»—
«Сушу ся не бою,
Ягôдъ не жалую,
Но стою, думаю,
Якъ зацвѣсти маю.
Зацвѣту бѣленько,
Люде мене знаютъ;
Зацвѣту червоно,
Гôльє обломляютъ.»—

* *
*

«Молода дѣвчино,
Що ты смутна ходишь?
Цы головка больна,
Цы нôчка невольна?»—
«Нôчка ми невольна,
И головка больна,
Три ночи не спала,
Дрôбный листъ писала;
Писала, писала,
И на почту слала,

До того жовняра,
Що 'мь вѣрне кохала.
Жовнеръ взявъ листокъ,
Та й перечитавши,
До Бога вздохнувши,
И не отписавши.»—
Въ вишневôмъ садочку
Жовнѣръ траву коситъ,
Пана Капитана
На урлопъ ся проситъ:
Пане Капитане,
Пусти мня до дому!
Пише дѣвча листы,
Причина зо мною.»—
«Молодой жовняре!
Глупый розумъ маешь,
Же ся до чужои
Причины пріймаешь.»—
«Пане Капитане,
Я клякну, присягну,
Же моя причина
И моя дѣвчина.
Пише дѣвча листы:
Давъ ми панъ Богъ сына.»
Прійшовъ я до дому,
Не казавши ни кому,
Дѣвчина лежитъ,
Свѣченька горитъ,
Припавъ до личенька,
Припавъ до бѣленька,
Въ личенько цѣлуе,
Горне, обôймае.»
«Щобъ тя цѣловала
Лихая година,
Отрѣкъ ми ся панъ Богъ
И вся родина!»—
«Дѣвчино, дѣвчино,

Господь Богъ съ тобою!
Якъ выслужу въ войску
Возьму слюбъ съ тобою!»

9.

(Отрывокъ.)

Упавъ снѣжовъ межи горы,
Та й рѣчки прибули:
Уже мого миленького
Въ черевички взулы;
Взули, взули, въ черевички,
Сиву барву дали,
Кучерики порôвнали,
На войну погнали.
Ишовъ милый коло мене,
Та й не рêкъ ми слова,
Тяжко вздохнувъ, хустоковъ махнувъ:
«Будь, мила, здорова!»

10

(Отрывокъ. Т. I, 101.)

Въ чистôмъ поли береза стояла,
На березѣ зазуля ковала:
«Чомъ, береза, бѣла, не зелена?»—
«Якъ я маю зелена бути,
Пôдо мною стояли рекруты,
Шабельками гôлье обтинали,
До Маіора дрôбный листъ писали:
«Ты, Маіоре пане, ты нашъ Капитане,
Пусти насъ въ лѣсъ за Ляшками!
Бо то Ляшки здрадливыи люди:
Здрадили Цѣсаря, шибениця буде.»

11.

(Отрывокъ. Паул. II, 46).

Ой на горѣ вѣтеръ вѣе,
Подолянка рутку сѣе,
Сѣе, сѣе, высѣвае,
Братъ сестру обôймае,
Обіймае не чужую:
«Дай ми личко, поцѣлую,
Поцѣлую, помилую,
И до вôйська повандрую!»

12.

(Т. I; ср. Метл. 449.)

Чорна хмара наступае,
Дрôбный дощикъ йде:
Ой а бѣдный жовнярина
Ту зброю несе.
«Позволь, позволь, пане капраль,
На медъ, вино пôйти!»
Ой позволивъ та панъ капраль
На медъ, вино йти.
Котры маютъ отця, матку,
Тоти въ корчмѣ пьютъ,
А бѣдныи сиротоньки
На дощи стоютъ.
Якъ заглянувъ панъ капраль,
Та стало му жаль,
Скинувъ съ себе курманину,
Надъ ними розпнявъ.
Якъ же взяли жовнѣроньки
Изъ тои нудности:
«Берѣтъ кварту, берѣтъ другу,
Изъ тои радости!»
Сидитъ багачъ конецъ стола,

Тай поглядасся:
«За що тая голотонька
Та напиваеся!»
Якъ же крикнувъ самъ панъ капраль
На жовнѣра вразъ:
«Берѣть, берѣть, багатчика
Зъ за стола заразъ!»
Єденъ тягне за чуприну,
А другій въ каркъ бье:
«Най ся багачъ не дивуе,
Що голота пье!»
Выйшовъ багачъ по за село,
Та й не оглядався,
Десятому наказовавъ,
Щобъ не смѣявся.

(Изъ Золочевскаго Уѣзда.)

13.

Выправила мати сына горовъ, гребельками,
Не видѣла дороженьки передъ слёзоньками;
Выправила мати сына на вôйну раненько,
Сѣла собѣ пôдъ вôконце, плаче жалôбненько:
«Обернися, воронъ коню, три разы по сонцѣ,
Най не плаче стара ненька раненько въ вôконцѣ!»

14.

Ой у лѣсѣ на дубочку зазуля ковала,
Тамъ у саду у вишневôмъ мати заплакала:
Не такъ она заплакала, якъ заговорила,
Выправляла на вôйноньку рôдненького сына:
«Иди, сыну, на вôйноньку, та й не забавляйся,
За пôвъ року, за три чверти, до дому вертайся!» —
«Цы ся верну, цы не верну, або тамъ загину,
Скажу я си посадити въ головахъ калину;

Будутъ пташки прилѣтати, та калину ѣсти,
Будутъ мêнѣ приносити ôтъ матêнки вѣсти.
Будутъ вѣсти приносити о першôй годинѣ,
Поклонюся всему свѣту и своêй родинѣ!»

15.

Ой закукала сива зазулейка
Въ зеленôмъ садочку,
Выпровожäла стара матêнейка
Свого сынка на вôйночку.—

* *
*

«Ой иди, сынойку, на тую вôйнойку:
Та не забавляйся,
За рочокъ, за два, за недѣль чотыре,
До дому повертайся!»—

* *
*

«Ой Богъ то знае, Богъ то вѣдае,
Ой чи я вже повернусь;
Ой чогось мôй коникъ, коникъ вороненькій,
Въ воротейкахъ спотыкнувсь!»—

* *
*

«Ой не бій, сыну, коня въ головойку,
Не буде ся спотыкавъ;
Ой не здрадь, не здрадь, людськой дитины,
Не буде тя Богъ каравъ.»—

* *
*

«Ой не бивъ же я коня въ головойку
Таки ся вôнъ спотыкавъ,
Ой не здрадивъ я людской дитины,
Чого жь мене Богъ скаравъ!»

(Изъ Жолковскаго Уѣзда.)

16.

(Т. I., 134, 135.)

Ой у лузѣ при дубровѣ зацвѣла калина:
Породила бѣдна вдова хорошого сына;
Якъ же ёго породила темненькои ночи,
Дала ёму бѣле тѣло а черненьки очи.
Волѣла 'сь ми, моя мати, чорне тѣло дати,
«Нёжь есь мала на жовняра мене записати!» —
«Розвивайся, сухій дубе, завтра морозъ буде:
Выбирайся, вдовинъ сыну, завтра походъ прійде!» —
«Я морозу не боюся, Марта розôвьюся,
Я похода не боюся, въ свôй часъ выберуся.»
Гаёмъ, коню, гаёмъ, коню, гаёмъ зелененькимъ!»
Выѣжджае вôдъ родины жовняръ молоденькій;
На коника выхопився, съ коня похилився:
«Прощайте ми, рôдны братья, можемъ съ кѣмъ сварився!
Покропляйте дороженьку, бы ся не курила,
Перекажѣть до матоньки, бы ся не журила!
Розвѣвайся, сухій дубе, та въ четыре листы:
Любивъ же я двѣ дѣвчины, не мавъ зъ нихъ корысти;
Єдну 'мь любивъ на Волынѣ, другу на Вкраинѣ,
Роскраяли серце мое на двѣ половинѣ!»

17.

(I, 134, 135; Паул. II, 49.)

Ходитъ Михась по садочку, на сопѣлцѣ грае,
Ходитъ за нимъ дѣвчинонька, тяженько вздыхае:
«Розвивайся, сухій дубе, завтра морозъ буде!
Выбирайся, Михасеньку, завтра походъ буде!» —
«Я морозу не боюся, листьемъ покрыюся,
Я походу не боюся, въ сей часъ выберуся!
Гаёмъ, коню, гаёмъ, коню, гаёмъ зелененькимъ!
Выѣзджае зъ того села хлопець молоденькій·
Выѣзджае за ворота, зъ коня похилився:

«Выбачай ми, громадонько, може 'мь съ кѣмъ сваривсяǃ
Покропѣть ми дороженьку, щобъ ся не курила,
Розбивайте тугу милôй, щобъ ся не журила!
Ой не жаль ми дороженьки, що ся за мновъ куритъ,
Ой якъ ми жаль дѣвчиноньки, що сь за мновъ журитъ.
Розвивайся, сухій дубе, та на чтыри листы:
Уродився я въ тôмъ селѣ, а не мавъ корысти;
У тôмъ селѣ уродився, теперь на Вкраинѣ,
Роздвоене мое серце на двѣ половинѣ!»

18.

(Паул. II, 47.)

Въ славнôмъ мѣстѣ Залѣщикахъ высока могила:
Ой не една выглядае мати свого сына:
«Ой нема жь мого сына, не мажь мого пана,
А вже жь ёго постêлонька порохомъ припала!»
Чорненькіи воронята, пôднесѣться въ гору!
Вы, молодй новобранцй, вернѣться до дому!» —
«Рады бы 'сьмы ся въ гору взнесли, туманъ полегае,
Рады бы 'сьмы ся вернути, Цѣсарь не пускае;
Не пускае, не пускае, добру здобычь мае,
Сидитъ собѣ на креселку, на скрипочкахъ грае;
А скрипочки зъ василечка, а струны изъ руты,
Якъ заграе въ Тернополѣ, на всю Польщу чути.»

19.

(Отрывокъ.)

Въ Залѣщикахъ на рыночку малёваный ганокъ:
«Выйди, ненько, подивися, зъ твого сына панокъ!»
Выйшла ненька, выйшла ненька, та й стала, та й тужить:
«Нема мого сынка Йванка, южь въ Цѣсаря служитъ!»

20.

(Паул. II, 40.)

За горовъ высоковъ сивый кôнь розигрався,
Тамъ Ивасенько, молодый Козакъ, на вôйну выбирався,
А ёго ненька, а ёго ненька, та ёго обыймае:
Обыймае, припадае, та й ёго пытае:
«Коли ся, мôй сыноньку, зъ вôйны надѣяти,
И съ которои стороны тебе вызирати?» —
«Якъ задзвонятъ, моя мати, на свято Николы,
Не сподѣйся, моя мати, новобранця нѝколи!
Або ся верну, або ся не верну, може тамо й сгину,
Прійми, мати моя, Ганусю за рôдну дитину!»—
«А що тобѣ, мôй сыну, за година настала,
Що тобѣ чужа чужина до серця пристала!»
Ой Цѣсарскіи три жôвняры дали до Турчина знати,
Щобы Ивасеви молодому зъ плечъ голову зняти.
Повели Ивася въ чистее поле съ голыми мечами,
Зняли Ивасеви зъ плечій голову пôдъ трёма яворами.

21.

(Т. I, 173—174.)

Мати сына лелѣяла,
Утѣхи ся надѣяла:
«Хочь мя лелѣй, хочь не лелѣй,
Утѣхи ся ничь не надѣй!
Сли я взросту, въ вôйну пôду,
А сли умру, гнити буду!»
Ой не умеръ, ино изросъ,
Ой не умеръ, ино изросъ,
Взявся въ вôйну выбирати,
Взяла мати проклинати:
«Бодай 'съ, сыну, не доѣхавъ,

Жебы 'сь, сыну, счастья не мавъ,
А нй счастья, а нй доли,
Ни годины веселои!»
Ой выѣхавъ въ чисте поле,
Ставъ му коникъ гороњкою,
Сѣдланенько купиною,
А нагайка гадиною,
А самъ молодъ явороньком;
Выйшла мати жито жати,
Взявъ ёй дощикъ накропляти,
Стала она пôдъ яворомъ,
А взявъ яворъ промовляти:
«Не стôй, мати, пôдъ яворомъ,
Бо жь то яворъ твôй сынонько!» —
«Ой коли жь мôй сынонько,
То иди ты до домоньку;
Йди, сынонъку, до домоньку,
Вшіютъ сестры кошуленьку!» —
«Ой е въ мене кошуленька,
На яворѣ е листонько!» —
«Иди, сыну, до домоньку,
Змыю я ти головоньку!»—
«Иде въ полю дробенъ дощикъ,
Змые мêнѣ головоньку.»—
«Иди, сыну, до домоньку,
Вшіютъ кравцû сукманоньку!» —
«Ой е въ мене сукманонька,
На яворѣ коринонька!»

22.

Заковала сива зазуленька
Въ лѣсѣ надъ водою:
Плаче, тужитъ, жовняръ молоденькій
На конику вороному.

А въ недѣлю рано, раненько,
Якъ стало свѣтати,
Позъѣжджалася вся родина
Жовняренька выправляти.

* *
*

Выправляла его въ далеку дорогу,
Межи чужій люди:
«Якъ же вôнъ пôде, до насъ не прійде,
То жаль за нимъ буде!»

* *
*

Сѣла мати, сѣла старенькая,
Въ сѣнёхъ на порозѣ,
Якъ си погадала, що сына отдала,
Обольяли ю дрôбны слёзы:

* *
*

«Волѣла бы 'сь мя, моя стара мати,
Маленькимъ втопити,
Нёжь я маю, такій молоденькій,
Цѣсареви служити!

* *
*

Волѣла бы 'сь мя, моя стара мати,
Малымъ поховати,
Нёжь я маю, такій молоденькій,
По сто кіёвъ на день брати!»

23.

(Т. I, 96.)

«Ты, Ивасю зъ надъ Дунаю,
Що тамъ чути въ вашôмъ краю?»—
«Ничь не чути, войну чути:

Идутъ Ляхи на три шляхи,
А жовнѣры на чотыри,
Гранатыри горнутъ крылы;
На тôй горѣ кôнь Турецькій,
На нёмъ сидитъ сынъ Крôлевскій,
Въ правôй руцѣ лукъ тримае,
А зъ лѣвой ся кровь зливае;
На тôй крови воронъ краче,
А по сыну мати плаче:
«Не плачь, мати, та й не дуже,
Не бувъ я ще въ вôйнѣ дуже!»

24.

Ой у Львовѣ на рыночку
Пьютъ жовнѣры горѣлочку,
Ой пьютъ они, попиваютъ,
Съ собовъ дѣвче намавляютъ:
«Всѣдай, всѣдай, дѣвче съ нами,
Съ молодыми жовнярами!» —
«Не буду я съ вами всѣдати,
Не позволитъ отець, мати.»
Дурне дѣвче послухало,
Всѣло на вôзъ, поѣхало,
Ѣде нôчку и другую,
А на третью треба спати,
Кониченькôвъ попасати,
До батенька листъ писати,
Най ся батько не журбуе,
И посагу не готуе,
Ой бо я вже посагъ брала,
Пôдъ яворомъ зеленькимъ,
Изъ жовнѣромъ молоденькимъ.

25.

(I, 145; Паул. II, 51.)

Вандрували вуланчики, счастлива имъ дорога!
«Бувай же ми, моя мила дѣвчинонько, здорова!»
«Чомъ ты мене, моя мати, раньше не будила,
Коли тая компанія зъ села выходила?» —
«Чи ты мêнѣ, моя доню, нынѣ одурѣла,
Що ты того вуланчика теперь полюбила?»
Спускалися вуланчики зъ горы на долину:
«Подивися, дѣвчинонько, въ новую кватыру!»
Ой летѣла зазуленька, та й казала: куку!
Подай, подай, дѣвчинонько, безъ вôконце руку!
Ой летѣла канюка пострѣлена зъ лука:
А вже жь мêнѣ, дѣвчинонько, съ тобою розлука!»

26.

(Паул. II, 62.)

Ой не шуми, дубровонько,
Ой не шуми, зеленая,
Во три ряды садженая,
Не шуми ты надо мною,
Якъ я буду йти тобою,
Но зашуми тои хвилѝ,
Якъ я буду за три милѝ!
Стоятъ въ полѣ двѣ тополѣ,
На тополѣхъ два соколы:
«Ой ты, сивенькій соколе,
Не клопочь мêнѣ головы;
Бо я и такъ клопôтъ маю,
Вôдъ роду ся вôдôймаю!»
Дубъ на дуба похилився,
Сынъ матерѣ поклонився:

«Бувай, менѣ, мамо, здорова!» —
«Счаслива ти, сыну, дорога!»
Зъ Золочева ажь до Львова,
А зô Львова ажь до Вѣдня,
Головонько жь моя бѣдна!
Въ Львовѣ будете присягати,
Головы вамъ будутъ обстригати;
Цѣсарови будете служити,
А за родомъ не тужити!

27.

(I, 142; Паул. II, 61.)

Зôйшовъ мѣсяць и зоря,
Кличутъ Вôйта до двора:
Иде Сотникъ, иде Вôйтъ,
Та й съ громады чоловѣкъ;
Взяли раду радити,
Якъ рекрутôвъ ловити.
Я ночовавъ въ дубинѣ,
Не чувъ емь въ тôй новинѣ;
Дала сестра брату знати:
«Будутъ до рекрутôвъ брати!»
А я на то не зважавъ,
По малу ся обувавъ,
Отворивъ я кватыру—
Обступили хатину;
А я зъ хаты до коморы,
А зъ коморы до стодолы,
Пôдхопивъ емь жита снôпъ,
Сховавъ емь ся на самъ спôдъ.
Ой приходитъ самъ панъ Вôйтъ,
Узявъ зъ мене жита снôпъ:
«Вставай вôдти, коханку!
Потребуютъ до замку;
Атаманы, берѣте!

Назадъ руки вяжѣте!»
Атаманы пôрвали,
Назадъ руки звязали;
Ведутъ мене чрезъ село,
Спѣваю си весело;
Завели мя пôдъ браму:
«Чекай, Вôйте, най стану,
Най си руки поправлю,
Отцю, матцѣ поклонюсь!»
Вôйтъ ся того догадавъ,
Чтыри людей варты давъ.
Выходятъ стари̂ жовнѣры,
Берутъ мене до мѣры;
Ще 'мь до мѣры не дôставъ,
Уже 'мь ся тамъ та й зôставъ.
Даютъ менѣ камаши̂,—
Заплакали всѣ наши̂;
Даютъ менѣ катанки —
Заплакали коханки;
Даютъ менѣ капелюхъ,—
Тото я си жовнѣръ зухъ!
А карабйнъ на плаче,
Теперь жовнѣръ не втече!

28.

(Т. I, 142, 144.)

Ой сталася новина,
Кличутъ Вôйта до двора;
Взяли раду радити,
Где бы бранця узяти.
Ой е въ вдовы одинъ сынъ,
Буде жовнярь вдовинъ сынъ.
Дала мѣнѣ сестра знать:
«Тêкай, тêкай, рôдный братъ!»

Я на тое не вважавъ,
По малу 'мь ся убиравъ;
Подивлюся въ кватырку —
Повно Ляхôвъ на рынку.
Єдинъ чоботъ на нозѣ,
Ой а другôй у руцѣ,
Ой скочивъ я въ комору,
А съ коморы въ студолу,
Пôдоймивъ я житній снôпъ,
Сховавъ я ся на самъ спôдъ,
А Вôйтъ мене за плече:
«Вже вдовій сынъ не втече!»
Ведутъ мене до двора,
Уже фîра готова.
Гдесь взяли ся й жовнѣры,
Кладутъ мене до мѣры,
Даютъ мêнѣ черевикъ,
Я до того не навыкъ;
Даютъ мêнѣ камашй,
Плачутъ, плачутъ, всѣ нашй;
Даютъ мêнѣ катанки—
Плачутъ мои коханки;
Даютъ мêнѣ гребенецъ—
Плаче мати и отецъ;
Дали шаблю та й коня:
«Рушай, жовнѣръ, до огня!»

29.

(Отрывокъ.)

Черезъ гору Михайлову
Идутъ комйсары:
«Женѣтеся, ледѣники!
Берутъ у гусары.

* *

Хоть ся женѣтъ, хоть не женѣтъ,
Не поможе жѣнка;
Однако метъ выбивати,
Теляча тобôвка».

30.

(I, 148; Паул. II, 156.)

Въ Тернополѣ, славнôмъ мѣстѣ,
Звербовали хлопцевъ двѣстѣ;
А чѣмъ же ихъ звербовали?
Злотыхъ грошей даровали.

* *
*

Въ Тернополѣ, славнôмъ мѣстѣ,
Звербовали хлопцêвъ двѣстѣ,
И конюхи, и писарѣ,
У вуланы приставали.
Пристань, Юрку, до вербунку,
Будешь ѣсти зъ масломъ курку,
Будешь ѣсти, будешь пити,
Будешь якъ панокъ ходити.

* *
*

Забудь тата, забудь маму,
А самъ пристань у вуланы!
Теперь маешь горевати,
Лѣпше въ вôйску пановати.

* *
*

А въ уланахъ даютъ гроши,
Будешь багатый, хорошій,
Будешь ѣсти, будешь пити,
И хороше въ чѣмъ ходити.

Утни паса на рамена,
Служитъ жовнѣръ за улана:
Кита бѣла, киверъ чорный,
Хлопець гожій и моторный!

31.

(Паул. II, 56.)

Въ тôмъ мѣстечку Калушу
Сидятъ паны рядами;
Стали раду радити,
Якъ бы бранця зловити:
«Не берѣмъ того багача,
Буде панамъ докучавъ;
Возмѣмь того сироту,
Позбудемся клопоту!
А ні батька, а ні мати,
Нема кому плакати,
А ні брата, а ні сестры,
Нема кому провести!»

32.

(Паул. II, 59.)

Ой весна, юже красна, юже красна, юже зô стрѣхъ капле,
Ой юже тобѣ, Козаченьку, вандровочка пахне!
Вандровавъ нôчку, другу, вандровавъ цѣлыхъ три днй,
Завандровавъ ажь до Рѣпнева, та на гôршіи злыднй.
А въ Суботоньку въ вечереньку до рекрутôвъ забрали,
А въ Недѣлоньку, по службѣ Божôй, до Бережанъ погнали.
Ой котрй були Отынêвскіи, тыи ся выкупляли,
А котрй були бѣдни сироты, тыми ся заступляли.
Ой летитъ воронъ вже по надъ Дунай, та й жалобненько краче:

Ой не еденъ отецъ, не една мати, за своимъ сыномъ плаче
Ой ступай, коню, ты пôдо мною на крôвавыи рѣки,
Бувай здорова, родино моя, пропавъ же я на вѣки!
Ой ступай, коню, ты пôдо мною на розбитую груду,
Бувай здорова, родино моя, вже я у тебе не буду!

33.

(Т. I, 146.)

Ой у поли густый теренъ росте,
А тѣмъ терномъ вбита стежка иде;
Не такъ стежка, якъ вбитый шлячокъ,
Ѣхавъ нею Осударскій Ляшокъ;
За тимъ панкомъ сѣмь Маіорôвъ идутъ,
А за ними сивй конй женутъ,
А за кôньми новобранчики идутъ,
А зъ бокôвъ имъ тарабанчики бьютъ;
Оченька имъ позаплакованй,
Бѣлй лицй позамурґованй,
Рученьки имъ позавязуванй,
Нôженьки имъ позаковуванй.
А за ними отцй, матери, идутъ,
Тонкй бѣлй сорочки несутъ:
«Ой ты, сыну, та й детино моя,
А где жь ты свôй злотый перстêнь подѣвъ?»—
«Злотый перстêнь тарабанчикамъ давъ,
Щобы вôнъ насъ ранесенько побуджавъ,
Та щобы намъ ладно маршъ выгрававъ.»—
«Ой ты, сыну, та й детино моя,
А где жь твоя люба, мила, дружина.»—
«Ой у поли тамъ высока могила,
Ой тамъ моя люба, мила, дружина!»

34.

(Т. I, 137.)

Ой я несчасливый на свѣтѣ народився,
Кôнь вороный, я молодый, и ще не женився!
Продай, матусенько, коня вороного,
Та ожени мене, нене, хлопця молодого!»—
«Не треба, сыноньку, коня продавати,
Пишутъ чорнымъ по бѣлому, хтятъ до вôйська взяти!»—
«Ой я, матусенько, вôйська не боюся,
Кôнь вороный, я молодый, зъ вôйська выслужуся.»
Ой на горѣ жито, жито, на долинѣ жито:
Подъ бѣлою березою тамъ жовняра вбито;
Ой убито, вбито, затягнено въ жито,
Чорненькою китаёчковъ личенько накрыто.
Ой выйшла дѣвчина изъ новои хати,
Пôдôймила китаёчку, взяла жаловати.
Ой выйшла другая, уже не такая,
Пôдôймила китаёчку, ревне заплакала:
«Ой встань, жовнярику, устань, молоденькій!
Ходить, блудитъ, по дубровѣ твôй кôнъ вороненькій!»—
«Ой най же вôнъ блудити, най ся выблуджае,
Вôнъ до моёй матусеньки дороженьку знае!»

34.

Кровавая дороженька до самаго Вѣдня,
А ктожь ее покровавивъ?—Рекрутоньки бѣдні.
Не такъ Цѣсарь, не такъ Цѣсарь, якъ Цѣсарска мати,
Хтѣла нами, сиротами, Польщу звоёвати.
Ой скрипочки изъ липочки, а кôлочки зъ руты,
Якъ заграютъ а во Львовѣ, на всю Польщу чути.
А скрипочки изъ липочки, а струны зъ барвѣнку,
Якъ заграютъ а во Львовѣ, чути на Вкраинку.

35.

Ой служивъ я у Цѣсаря,
Заслуживъ на ласку:
Бѣлый ремѣнь черезъ плечѝ,
А на челѣ бляшку.

* *
*

Ой Цѣсарю, Цѣсареньку,
На що насъ вербуешь?
Ты не сѣешь, а нѝ жнешь,
Чимъ насъ выгодуешь?

* *
*

«Не бôйтеся, поробочки,
Вы богатѝ сыны,
Ой маю я за кордономъ
Чтыри магазины:

* *
*

Єдинъ сѣна, единъ сѣна,
А другôй половы,
Третѝй вôвса, третѝй вôвса,
Четвыртый соломы.

* *
*

Буду я васъ годовати
Сѣномъ та полововъ,
А буду васъ высылати
Цѣсарсковъ дороговъ.»

(Изъ Жолковскаго Уѣзда.)

36.

Ой ковала ми зазулька въ Раховôмъ повѣтѣ:
Въ Коломыѣ одбираютъ якъ зимѣ, такъ лѣтѣ;
Въ Коломыѣ одбираютъ, до Вѣдня сгоняютъ,
А у Вѣднѣ на толоцѣ рейментъ сбиваютъ.
Та бо я тамъ бувъ два разы, ще й третій разъ буду,
За третій разъ якъ ся не здамъ, воякомъ не буду.
Кобы я Бога допросивъ, абы я здоровый,
Давъ бы Цѣсарь безъ крайцара ввесь мундуръ готовый;
А давъ бы бѣлый сердачокъ, та й голубй гачй,
Та й на пять день сорокôвця, ать статокъ, сараче!
Котрый тамъ бѣды не видѣвъ, гаразду не знае.
Сидитъ собѣ пôдъ касарнѣвъ, гверомъ обертае;
А я ходивъ того року, дививъ я ся зъ боку,
Такъ жовнярамъ крутя уха, якъ потакъ волоковъ;
А не за то имъ крутили, шо добре ходили,
Але за то имъ крутили, шо горѣвку пили.
Бо паны тимъ не требуютъ, шо охôчне ходитъ,
Бо вôнъ пускае гверъ зъ руки та спйсы поломитъ;
А вôдъ панôвъ до воякôвъ розказъ господарскій,
Абы спйсы не ломити, бо то даръ Цѣсарскій.
Ой бо Цѣсарь гверъ не дававъ, шобы то псовати,
Але шобы на кождый день квачемъ пуцовати;
А не на то пуцовати, шобъ они не гнили,
Але на то пуцовати, шобы ся блищäли.

37.

Овва! що ми за страхъ буде, шо воякомъ стану.
Дасть ми Цѣсарь безъ крайцара скôряну крисаню.
А я сесе правду кажу, цы ты чуешь, уйку?
Дасть ми бѣлу камйзельку, орѣхову люльку.
Буду въ Цѣсаря служити, въ Цѣсаря дуфати,
Таке ми дасть лудинячко, шо ме сй лискати,
На вôдслузѣ мй вырядитъ, отъ якъ козу хрому,

Добре сдере, дрантаве дасть, тогды йди до дому!
А я въ свое село прійду шось погаздовати,
Прійдутъ, возмутъ десятники сердачину зъ хаты,
А нймъ шухи вôдрубаю, шарварокъ вôдроблю,
Доти сердачокъ пропаде, другій не зароблю,
За крайцара теперь тяжко; я другій не куплю,
Студеный морозъ потисне, голый ся облуплю.

38.

Изъ 1859 года, записана отъ Русскаго солдата Австрійскаго полка Парма, Коломыйскаго Округа.

(См. «Голосъ народный,» газета изд. въ Коломыѣ 1866 г.. № 22.)

Та кувала зазулиця ой на моêмъ току:
Чи чули вы, люде добры, девятого року?
Але жь бы то бай не чули, бо не були 'мъ дома,
Та коли ся починала изъ Французомъ война.
Чи вы чули, люде добры, та такй публйки,
Що забрали въ Коломыѣ рекрутôвъ на вѣки?
Але жь в'ни ихъ та й забрали, не пустили къ хатѣ,
А взяли ихъ, хло, пôдъ варту, гоня на бараки.
А взяли ихъ, хло, пôдъ варту, та тамъ зецерують,
Котрый носа утирае, на остро штрофуютъ.
Та кувала зазулиця на зеленôй рутѣ:
Та займили на Сѣмбйрки сараки рекруты.
Та займили на Сѣмбйрки черезъ одну стацью,
Пригнали ихъ у Германштатъ, дали на касарню;
А тамъ нôчку, хло, ночуютъ, днинку зецеруютъ,
Коломыйску зецирочку ничь не потребуютъ.
А теперь мы несчасливы хлопцй молодыи,
Пала карта вôдъ Цѣсаря съ тои Италіи;
Пала карта вôдъ Цѣсаря зъ самой Вероны;
А щобы мы, молоденькй, ступали до войны.
А чекайте, камратиска, горѣлки напьемся,

Бо вже, вѣдай, камратиска, вôдти ве вернемся!
Горѣлки ся якъ напили, ни чо не гадали,
Двѣ стаціи якъ зробили, то всѣ попадали.
Тамъ Обершты та Маіоры бефель выдавали,
Офицыры-Капитаны намъ наказовали:
«Якъ будете такъ робити, будете караній!»
Теперь мы ся, молоденьки, дочекали бѣды!
Три стаціи на день робимъ, не ѣмо обѣды.
А якъ пришли въ Италію до самои войны,
А теперь мы, камратиска, ни чого не годны.
Але Парма бо счаслива, Бога допросила,
Лише прійшла въ Италію, война ся скôнчила.
А теперь мы, камратиска, вернѣмся до Вѣдня,
Мы кляйники поскидали, якй стали бѣдны.
А у Вѣдня тяжка служба, а ще почта ходитъ,
Въ Италіи еще гôрьша, най Господь боронить!
А що то въ той Италіи тамъ воды солены,
Якй були регимента, то всѣ заморены.
Тому добре, брате, въ вôйску, що жѣнки не мае,
А вôнъ свою службу робитъ, та ничь не пытае;
Але що тотъ, хло, женатый дуже штудерус,
А якъ пôде до шпиталю, та й тамъ крепируе.

39.

Коничку мôй сивый!
Будь мѣнѣ счасливый!
Якъ пôду на войну,
Бы 'ня не забили.

* *
*

Бо кедь 'ня забіють,
Вержуть 'ня до решту,
Будуть до 'ня ходить
Хлопцй на перечку.

Бо кедь 'ня забіють,
Вержуть 'ня до ярку,
Будуть до 'ня ходить,
Дѣвки на фіялку.

* *
*

Я коничка поивъ,
Мила воду брала,
Я собѣ заспѣвавъ,
Мила заплакала.

* *
*

Я собѣ заспѣвавъ
На сивôмъ коничку,
А в'на заплакала
Въ зеленôмъ гаичку.

(Изъ села Лучки Бережскаго Уѣзда.)

40.

Эй, пôду я въ полонину вôвцы зимовати,
Цы не будешь, моя рыбко, за мновъ бановати?
Эй пôшовъ я въ полонину сѣнечко косити,
Пришли мене добры люде въ катуны имити.
Єденъ каже: «Побратиме!» Другій каже: «Куме!»
Третій мêнѣ по пôдъ плечѣ мотузище суне;
А я собѣ, бѣдный, гадавъ, ожь сѣно докошу,
Дали менѣ карабйнъ, най я тото ношу.
Карабйне, карабйне, ой на мою душу,
Цѣлый рôкъ емь полёвавъ, носити тя мушу!

(Запис. въ околицѣ Мистичева Бережскаго Уѣзда.)

41.

Кедъ ти мои власы
Въ Угелю стригали,
То на мою стару матку
Зимну воду льяли.

* *
*

Идземъ горе, долу,
Ажь ше дражка кури,
Пойдземъ до касарний,
Ажь ся трясуть муры.

* *
*

Эй не веримъ себе,
А ни, мила, тебе,
А ни тей кошулѣ
Цо ё мамъ на себе.

* *
*

«Не поздравляй ты мня,
Отъ вышнего конца,
Бо я поздравлена
Отъ едного хлопца!»

(Изъ Земплинскаго Уѣзда.)

42.

Угелю, Угелю, несчесный Угелю!
Я до тебе идземъ не за своёвъ волёвъ.

Плакала стара мацъ, плакалй двы шестры,
Якъ на мне вйдзелй тенъ мундйръ военскй.

Тенъ мундйрь воемскй, шабличку при бочку,
Теразъ заволайце мою фраирочку!

Зъ Кошицкей касарнй кришталёвй очка,
Хто мою миленку тей ночи побочка?

Хто бы ю побочкавъ, побочка ше сама,
Бо на моемъ бочку шабля прйкапчана.

43.

Кедзъ сомъ ишолъ презъ Вйднянске полё,
Заплакалй чарне очка моё.

Попатрелй на тоту долйну,
Кадй 'мь ишовъ въ Чйсарскомъ мундйру,

На Кошицкей банй вышйваютъ панй,
Ужь Янйчка ведутъ подъ карабйнамй.

Помалй го ведте брезъ Суковске полё,
Нягай ся напастря чарне очка моё!

Идземъ до Угеля, ажь ше дражка кури,
Придземъ до касарнй, ажь ся трясутъ муры.

Угельска касарня, бодай есь сгорѣла!
Не една стара мацъ при тебе зомлѣла.

44.

Мамко моя стара,
Дай ме за гусара!
Будешь мати слебоду
Отъ пана Чисара!

* *
*

Я не пôду до лѣса,
Древо рубацъ не буду,
Древо бы мя забило,
Што бы дѣвче робило!

45.

Зъ Кошицкой касарни́
Хлапцы выпатраютъ,
Ажь ся по подъ горы
Бучки розвиваютъ.

* *
*

Лемъ ся не розвила
Та една липочка,
Што подъ нёвъ сидѣла
Моя фраирочка.

* *
*

Презъ татарку, презъ овесь,
Отъ фраира ти моресь,
Отъ фраира моего,
Няй мать кажда своего!

46.

Иду за дражечковъ,
Ажь ся дражка кури,
Вôйду до касарни,
Ажь ся трясуть муры.

* *
*

Не за то ся трясуть,
Же я до нихъ пришолъ,
Лемъ ся за то трясуть,
Же фраирка у нихъ.

* *
*

Докля жію та си пію,
Та и себе сваволюю,
А якъ зумремъ, буду лежацъ,
Може пре мне яркомъ бежацъ.

* *
*

Коли жіемъ та и піемъ,
Та и себе сваволюемъ,
А якъ зумремъ, будземъ лежацъ,
Може цре мне яркомъ бежацъ.

(Всѣ 3 изъ села Чабы Лаборскаго Округа Земпленскаго Уѣзда.).

47.

(Зап. Русск. Геогр. Общ. Спб. 1867, I, 674.)

На Дунаѣ шматья прала,
На милого погледала,
Видала го на коню,
Коли ишовъ на войну.

«Чекай, милый, догоню тя,
Мамъ я тысячь, умѣню тя!».
Ай бо мене не дадутъ,
Бо 'ня у Самборѣ чекавутъ.

* *
*

«Ки бы бывъ емь простый воякъ,
Щê бы было тото даякъ,
Ай бо я емь Копитанъ,
Въ региментѣ старшій панъ.»—

* *
*

«Дали мêнѣ кошульку працъ,
Не казали розкручовацъ,
А я взяла, розкрутила,
Бы му была ручка бѣла.

* *
*

На тôй ручцѣ златый перстень,
На перстенѣ мурно-камêнь,
На камени сивый кôнь,
Сидитъ на нêмъ милый мôй.»—

* *
*

«На тôмъ конѣ зброи многи,
А въ тыхъ зброяхъ мила моя:
Зостань здрава, кому хцешь,
Бо вже моя не будешь!»

48.

Щê 'мь ся не звербовалъ,
Уже 'мь катоначокъ,
Пришовъ ми сивый кôнь
Та ставъ пудъ облачокъ,

Коничку мôй сивый,
Будь же ми счасливый,
Якъ пôду на войну,
Бы 'ня не забили!

* *
*

Кедь мене забіютъ
Верзьте 'ня до ярку,
Будутъ до 'ня ходить
Дѣвки на фіялку;

* *
*

Дѣвки на фіялку,
Хлопцû на перечко,
Зôставай здорова,
Моя фраиречко!

49.

Не самъ иду у катуны,
Ведутъ мене люде,
Прійде така годиниця,
Бирôвскый сынъ пôде.

* *
*

Прійде така годиниця,
Прійде така днина,
Што поплаче Бирôвочка:
«Де моя дѣтина?»

* *
*

Якъ я пôду у катуны,
Катуникомъ буду,
А за тебе, файна рыбко,
Нигда ни забуду.

Ой Дунаю, Дунаёчку,
Та поколышися!
Прійди, прійди, моя мила,
Та наголосися!

(Записаны въ Мукачевскомъ уѣздѣ.)

50.

(Зап. Русск. Геогр. Общ. 1867, I, 679.)

Мила моя, мила,
Ни чорна, ни бѣла,
Мêнѣ черезъ тебе
Вечеря не мила!

* *
*

Я вечерю лишу,
Та до тебе бѣжу,
Тебе обцѣлую,
А самъ маширую.

* *
*

«Машируй, машируй,
Молодый воячку;
Справлю ти лавочку
На каждôмъ ярочку.»

* *
*

Бо я маширую
Каждои годины,
Бо я вôторваный
Вôтъ своей родины.

* *
*

«Пôшовъ милый, пôшовъ,
Онь дорожка курить,
А я за нимъ смотрю,
Головка мня болить.»

51.

(Зап. Русск. Геогр Общ. 1867, I, 682.)

Ищѐ 'мь такъ молодый,
Уже 'мь катуначокъ;
Ходитъ мôй сивый кôнь
По пôдъ той облачокъ;

* *
*

«Коничку мôй сивый!
Ци я несчасливый?
Ци тота дѣвчина
Съ чорныма очима?

* *
*

Ци тота дѣвчина
Съ чорныма очима,
Ци тота година,
Што ся въ ней зродила?

* *
*

Спѣваночки мои,
Де я васъ подѣю?
Пôду до лѣсика
Тамъ я васъ посѣю.

* *
*

Тамъ буде миленька
На траву ходити,
Мои спѣваночки
Буде находити.

* *
*

Кедь намъ ся молодымъ
Не дали побрати,

Пôдеме до гаю
Наробиме жалю!

* *
*

Наробиме жалю
И своѣй родинѣ,
Мы ся побереме
Й въ далекôй краинѣ.

52.

Ищê разъ, ищê разъ,
Прійду, дѣвча, до васъ,
Кеды ми тя не дадутъ,
Звербуюся до разъ.

* *
*

Вербуютъ, вербуютъ,
По подъ зеленый гай,
А а ся звербую,
Тобѣ, мила, на жаль!

53.

(Зап. Русск. Геогр. Общ. 1867, I, 683.)

Солодка ма бѣла рыбко,
Солодкій мôй меде,
Якъ же намъ ся сего рочку
Любити не веде!

* *
*

Єдно намъ ся не повело,
Бо люде зознали,

Другой намъ ся не повело,
Тебе въ войну взяли.

* *
*

Будутъ тебе, мôй миленькій,
Пакъ до войны звати,
Мене будутъ молоденьку
На смерть розраджати.

* *
*

Будешь ити колись зъ войны,
Издыхни до Бога:
«Охъ, де лежитъ, почивае,
Ма люба розмова!»

* *
*

Якъ ми прійдешь на гробочокъ,
Не кивай землею,
Бо не знаешь, якъ ми тяжко
Лежати пôдъ нею.

54.

(Зап. Русск. Геогр. Общ. 1867, I, 690.)

Ой пуйду я у катуны,
Катуникомъ буду,
Ищê за тя, файна рыбко,
Нигда не забуду.

* *
*

Ой забуду, та забуду,
За отца, за матку,
А за тебе не забуду
Нигда до остатку.

55.

Отъ Унгвара сыпана дражечка,
Стоитъ на ней моя фраиречка;
Стоитъ, стоитъ, ручкй обламуе,
Же ей фраиръ зъ Кошицъ машеруе.

* *
*

«Не плачь, мила, мое поцешенье,
Шіютъ шаты на мя въ Дебрецинѣ.
Шіютъ, шіютъ, але не мѣряютъ,
Яй, Боже мой, Боже, цы ся на 'ня здаютъ!

* *
*

Кедъ они ся на 'ня не придаютъ,
Дамъ ихъ прешицъ на инакшу страну,
Бѣле платно, чарне выложенье,
Остань здраве, моё поцешенье!»

* *
*

«Якъ я не мамъ прегоречне плакацъ,
Кедъ ты мушишь по тôмъ блаце шлямпацъ,
Кедъ це видзимъ въ месце Голомуце,
Де ся екзецирують вши тоты регруцы!»

56.

Эй, Боже мой, яка 'мь нещеслива!
Заяли ми Французы моего фраира!

Кебы ми го назадъ наврацили,
Добру бы мне волю уробили.

57.

Пониже Тернавы поточокъ ки̂рвавый,
Моя мацъ думала, же то зъ моей главы.

Не зъ моей то главы, лемъ зъ мого кони̂чка,
Цо го порубала на войнѣ шабли̂чка.

58.

Кедъ сомъ ишолъ одъ Унгвара до Тальи,
Зъ мого коня подковечки спадали̂.

Эй лемъ ты ’ня, мой кони̂чку, добре несъ,
Дамъ ци преби̂цъ подковечки е̂ше̂ днесъ.

Дамъ ци пребицъ подковечки съ кли̂нками̂,
Будзешь ходзицъ по Сукове кованый.

Дамъ я тебе подковечки подковацъ,
Дамъ я тебе сѣделечко змалёвацъ.

59.

Мои жолты власы зъ мене зостригали,
Зъ Кошицкого моста до воды зруцали.

Мамко моя стара, не старайся о мне!
Бо ты не выховашь добре дзецко зо мне.

Гварила моя мацъ, же мне будзе жени̂цъ,
Она мнѣ не могла зъ касарни̂ выменîцъ.

Хоцъ бысъ, мамко, дала качку и когута,
Вера не выменîть зъ касарни̂ регрута!

60.

(Изъ Угорской Руси. См. Грамматику Лучкая 166.)

Братья! Что нового?
Не бойтесь ничого.
Война настала,
Отъ Кесаря пана
Уже выволана.
Абы держала
Армада Кесарска
Противъ Турка велькаго,
Слѣпого погана,
Свѣтского тирана,
Же поведе войну,
Не опуститъ ему
А ни жадному.

61.

(См. Грамм. Лучкая 167.)

Въ Мукачевскомъ замку
Мавъ емь Маріанку,
Я ю добрѣ знавъ;
Кедь ю зъ рукъ выпущу,
Геть отыти мушу.
Потѣшь тя Богъ зъ неба,
Ожь прочь ити треба,
До поля на Турка;
Отъ Турка на Брандебурка
Буду воевати,
И кровь проливати
За васъ, дѣвчата.

62.

(Паули II, 157.)

Рано, рано, ранйчко,
Уже ставъ панйчко,
Преходится по рынку,
Приноситъ намъ новинку;
А новинку такую,
Што въ уланы вербуютъ:
Звербовали Янйчка,
Та дали му конйчка,
И конйчка и шаты,
Штобы далѣй рушати.

63.

Якъ будемо машеровать,
Скажемо си буты ковать
Золотыми пôдкôвками;
Машеруйте, дѣвки, зъ нами!

64.

Плакала мамочка,
Плакала сестричка;
Ожь ми ся удала
До боку саблячка.
Сабличка не моя,
Пана Чѣсарова,
Кедь ся зъ невъ вурубамъ,
То сер[illegible]нча моя!

65.

(Зап. Русск. Геогр. Общ. Спб. 1867, I, 674.)

«Чесарю, Чѣсарю!
На што насъ вербуешь?
Малу машь крайну,
Чимъ насъ выгодуешь?»

* *
*

Не бôйтеся, хлопцû,
Чѣсарского гладу,
Сѣвутъ вамъ пшеницю
Коло Бѣлограду.»

* *
*

Бѣлоградъ, Бѣлоградъ!
Война на немъ стоитъ,
Не едного хлопця
Головка заболитъ.

* *
*

Єдного заболитъ,
А десятъ упаде,
Не едной матери
Тамо й сынъ пропаде!

66.

Вояцы, вояцы,
Вшиткы сте еднацы,
Якъ бы васъ родила
Єдна стара мати!

* *
*

Вербувутъ гусари
По подъ зеленый гай,

И я ся зербуву
Своёй милôй на жаль.

67.

О Кошутѣ.

Сидитъ Кошутъ, сидитъ,
На высокôй драбинѣ,
Пише листы, пише,
По Угорскôй Краинѣ.

* *
*

Ци на жалость, на жалость,
Ци на вельки зармутокъ;
Шкода, Боже, шкода,
Сесь Кошутôвъ вербунокъ!

* *
*

Кошуте, Кошуте!
На што насъ вербуешь?
Мало машь пѣнязи,
Чѣмъ насъ выгодуешь?

* *
*

Шкода, Боже, шкода,
И Кошута самого,
Што вôнъ утêкъ, што утêкъ,
Изъ орсагу своёго!

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПѢСНИ.

Дѣтскія.

Стр.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Хороводныя.

Наборныя.

Игровыя.

Стр.

* Слѣдующіе два №№ по недосмотру пропущены.

Пѣсни разводныя или разыгрываныя.

* Слѣдующій № по недосмотру пропущенъ.

Плясовыя.

* Цифирь отсюда въ означеніи страницъ по недосмотру повторена.

Бесѣдныя.

Приложенія.

Голосовыя или протяжныя.

Стр.

Обрядныя.

I.

Колядныя.

II.

Подблюдныя.

III.

Святочныя игрища.

IV.

Пѣсни волочебниковъ.

V.

Весеннія.

VI.

Семицкія.

VII.

Жнивныя.

VIII.

Толочныя.

IX.

Когда рубятъ капусту.

X.

Масляничныя.

Свадебныя.

I.

Свадебный обрядъ въ деревнѣ Подъяковлево, Тульской Губерніи Новосильскаго Уѣзда.

II.

Свадебный обрядъ Тульской Губерніи Епифанскаго Уѣзда.

(Со словъ крестьянки деревни Ѳедосовки.)

III.

Свадебныя пѣсни Калужской Губерніи, Малоярославецкаго Уѣзда, въ селѣ Костинѣ.

IV.

Свадебныя пѣсни Рязанской Губерніи, въ деревнѣ Красной Слободкѣ и Урусовѣ.

V.

Свадебный обрядъ Тверской Губерніи, Новоторжскаго Уѣзда, въ селѣ Селиховѣ и деревнѣ Карцовѣ.

VI.

Свадебный обрядъ Новгородской Губерніи, Валдайскаго Уѣзда, села Гоголева.

Стр.

VII.

Свадебный обрядъ города Пскова.

VIII.

Свадебныя пѣсни Псковской Губерніи разныхъ Уѣздовъ.

IX.

Свадебный обрядъ Псковской Губерніи, Великолуцкаго Уѣзда, села Өедорцова.

X.

Свадебная пѣсня Архангельской Губерніи, Шенкурскаго Уѣзда.

XI.

Свадебныя пѣсни разныхъ мѣстъ.

XII.

Похоронныя.

ОПЕЧАТКИ.

Пѣсни дѣтскія.

№	*Напечатано:*	Стр.	*Читайте:*
20.	Шу! вы полетѣли	13	Шувы! полетѣли....
24.	.... въ домѣ Ясная Поляна....	15	.... въ деревнѣ Ясная Поляна....
45.	.. . въ домѣ Лукиной.	29	Въ деревнѣ Лукиной.
63.	.... въ домѣ	39	.... въ деревнѣ
70.	Два луня бѣлыхъ	44	Два луня бѣлыихъ,
	Два друга милыхъ		Два друга милыихъ.
75.	Записана Тумилинымъ	50	.... Шумилинымъ.
89.	Зап. отъ тѣснаго жителя.		отъ мѣстнаго жителя.

Хороводныя пѣсни.

1.	Или запѣваютъ новый хороводъ	III	.... затѣваютъ.
2.	.... и новыя ворота	IV	.... и образуютъ новыя ворота
62.	Любо замому	Ш	либо самому
147.	Строчки 3 и 4: въ насъ	202	Въ васъ.
	А въ насъ		А въ насъ.

Наборныя пѣсни.

1.	Мила дѣвушка	83	Мала дѣвушка
9.	Всѣ 9 запис.	84	Всѣ 7 запис.
21.	Всѣ 8 записаны	96	Всѣ 5 запис.
40.	Бѣжитъ маленькій штафетъ	101	Бѣжитъ миленькій штафетъ
41.	Экая хитрая	101	Экая хитрàя.
20	Время, время, холостые	122	.... свое намъ заводити.
77.	Со руками и съ ногами	123	Со руками, со ногами,
77.	и со рукою....	123	.... и со русою....
	и привѣтань-ка, мой лу-		Ты привстанька....
	некъ, ты привѣтань-ка, молодой	—	.... ты привстань-ка....
78.	Дубовыя двери всѣ ночь....	125	.... Всю....
79.	Отдалъ сестрицу замужъ	126	.... Отдамъ....
89.	Какъ и то молодокъ	137	Какъ сто молодокъ
90.	Какъ сказали при мой ленъ		.... про мой ленъ.
106.	Питерская улица.	155	.... умница....
409.	Пришелъ по дѣвушкамъ	153	Пришелъ ко дѣвушкамъ.
116.	прихожи.	165	.... пригожи.
—	Всѣ сказанное исполняется	172	Все....

№	*Напечатано:*	Стр.	*Читайте:*
129.	Мой мужъ изъ ертвыхъ всталъ	184	.... изъ мертвыхъ всталъ.
131.	поглядеть.	186	поглядѣть.
139.	кличикъ.	194	.... кличитъ....
143.	Всѣ 3 запис	199	Записана....
—	Вмѣсто 183	235	193, а 194 пропущенъ.
209.	Обѣ записаны Тверск. Губ.	243	Записана....

Плясовыя пѣсни.

33.	Мнѣ Егоръ не задоръ	177	.... на задоръ.
36.	натяжи	180	на тяжи....
50	лицо бѣлое, румяное.	193	Лицо бѣлое румяно.
57.	Гуляли дувушки.	202	Гуляли дѣвушки.
—	съѣлъ	—	.... сѣлъ....
75.	да не моя воля	220	.... да воля не моя.
80.	Стративола	226	Съ стративова
—	Енъ	226	Ены....
81.	съ краснымъ дѣвкомъ.	226	съ краснымъ дѣвкамъ.

Бесѣдныя пѣсни.

1.	тикала.	244	пихала
8.	Стара	238	Стала....
11.	Съ крутытъ изголовьемъ.	249	Съ крутымъ изголовьемъ.
	въ д. Вуйцахъ.	279	въ д. Буйцахъ.
	коночку себѣ.	278	каночку себѣ....

Голосовыя пѣсни.

18.	почесь	301	почесь....
27.	таковъ	308	такой
33.	Онъ въ полуночи.	313	Онъ къ полуночи.
39.	немилый	316	Не милъ....
	ложиться....	317	ложитеся.
40.	каленно.	317	.... каменно.
42.	придумала	318	продумала.
66.	младенькой....	336	младешинькѣ.
75.	соловеюшки	343	соловеюшка
78.	.... съ горы....		со горы....
88.	пропацъ.	353	пропоецъ....
94.	На рублю-то, на рублю, лѣсу ровнаво.	359	Нарублю-то, нарублю, лѣсу ровнова.

Обрядныя пѣсни.

№	*Напечатано:*	Стр.	*Читайте:*
1.	Виноградье красно зеленье мое рога.	370	зеленое.... .... рога.
5.	Въ стихѣ: 4, 6 онъ....	385	.... енъ....

Волочебныя пѣсни.

Передъ № 1-мъ пропущено указаніе въ скобках (поздравленіе холостому).

Свадебныя Тульской Губерніи Новосильскаго Уѣзда.

	Въ примѣч.: что матушка вся была открыта.	411	.... была открыта.

Свадебный обрядъ Тульской Губерніи Епифанскаго Уѣзда.

3.	Онъ по за рѣку гулялъ	435	онъ за рѣку гулялъ.
19.	Не тѣсенъ ли теремъ, не тѣсенъ.	446	Не тесанъ ли теремъ, не тесанъ.
26.	Съ молодцомъ содружникомъ	450	Съ молодцомъ со дружникомъ.
27.	Иля сударыня, моя матушка.	451	(или сударыня, моя матушка.)
38.	Но на холоду и на голоду.	456	И на холоду, и на голоду.

Свадебныя Рязанской Губер. въ дер. Красной Слободкѣ и Урусовѣ.

5.	Съ тремя своимъ дочеремъ	463	съ тремя своимъ дочерямъ.
8.	Спеси, сгордости, убавлю	465	Спеси, гордости, убавлю.

Свадебный обрядъ Новгородской Губерніи Валдайскаго Уѣзда, села Гоголева.

17.	Я изъ парпой только баенки	496	Изъ парной только баенки.
36.	Всѣ записаны К. М. Шишкинымъ	510	Всѣ записаны К. М. Шашинымъ.

Псковской Губерніи разныхъ Уѣздовъ.

25.	Къ * на страницѣ............	559	пропущена самая выноска: «глаженая, ласкаемая.»
30.	Въ тѣ поры поплачешься	561	Въ тѣ поры наплачешься.

Свадебный обрядъ Псковской Губерніи Великолуцкаго Уѣзда села Өедорцова.

Послѣ № 8-го на страницѣ 551 стоитъ № 10, на 552 тоже 10, и потомъ 12, а слѣдуетъ: 9, 10, 11 и т. д.

IV

МАТЕРІЯЛЫ ИНОСТРАННЫЕ

МАТЕРІЯЛЫ

ДЛЯ

ИСТОРІИ РОССІИ,

ИЗВЛЕЧЕННЫЕ

ИЗЪ РУКОПИСЕЙ БРИТАНСКАГО МУЗЕЯ ВЪ ЛОНДОНѢ

НИКОЛАЕМЪ СТОРОЖЕНКОМЪ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Матеріалы сіи извлечены изъ рукописей Британскаго Музея въ Лондонѣ Н. И. Стороженкомъ, во время пребыванія и занятій его въ ономъ въ 1868—1869 годы. Всѣ они до сихъ поръ нигдѣ не были напечатаны, хотя объ одномъ изъ нихъ, какъ увидимъ ниже, знали нѣкоторые и ссылались на него. Два изъ этихъ матеріяловъ относятся ко второй половинѣ XVI столѣтія, прочія ко второй же половинѣ прошлаго, а два даже къ началу текущаго вѣка. Мы печатаемъ ихъ въ подлинникѣ и Русскомъ переводѣ, который съ Французскаго сдѣланъ А. П. Гемеліаномъ, а съ Англійскаго два первые А. Н. Веселовскимъ, остальные же самимъ извлекшимъ оные изъ Британскаго Музея.

Грамота или письмо Королевы Елисаветы къ Царю Ивану Грозному извѣстна была уже Князю М. М. Щербатову, который, въ своей «Исторіи Россійской» (тома V часть IV, стр. 129—132) помѣстилъ, подъ № 20, даже современный переводъ ея, впрочемъ, съ пропусками непрочитанныхъ мѣстъ. Грамота эта хранится въ прежней Архивѣ Иностранной Коллегіи (Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ) въ Москвѣ. Карамзинъ тоже упоминаетъ о ней въ «Исторіи Государства Россійскаго» (т. IX, гл. 2, прим. 266), какъ о находящейся въ упомянутомъ мѣстѣ, и говоритъ, что она писана на пергаментѣ, коегдѣ уже стершемся; переводъ завѣренъ переводчикомъ Царскаго Посла, Англичаниномъ Даніиломъ Сильвестромъ. Карамзимъ приводитъ и нѣсколько строкъ изъ подлинника (въ изданіи Эйнерлинга напечатанныхъ довольно невѣрно). На Карамзина и Щербатова ссылается и Арцыбышевъ въ «Повѣствованіи о Россіи» (т. II, кн. 4, стр. 320, прим. 1914). Посла къ Королевѣ съ грамотой Царя, привезшаго отвѣтную на оную, Карамзинъ называетъ Дворяниномъ Андреемъ Савинымъ, а Арцыбышевъ—Дворяниномъ Андреемъ Григорьевичемъ Совинымъ. Далѣе о грамотѣ этой говоритъ и Гамель въ «Tradescant, der Aelteste» (S. 142). При помощи предлагаемой копіи, оставленной въ Англіи, можно бы возстановить и самый подлинникъ, и напечатать его и тогдашній переводъ, для сличенія съ предлагаемымъ здѣсь Русскимъ переводомъ. Замѣчательно, что современный (Псковскій) лѣтописецъ (въ Архивѣ) приписываетъ сно-

шеніе Царя наущенію «нѣкоего Нѣмчина, лютаго волхва, нарицаемаго Елисея, коего прислаша (Нѣмцы и Литовцы), и бысть ему любимъ въ приближеніи, на Русскихъ людей Царю возложилъ свирѣпство, а къ Нѣмцамъ на любовь его преложи, и много множество роду Боярскаго и Княжества взусти убити Цареви, послѣднее и самаго приведе наконецъ, еже бѣжати въ Англинскую землю, и тамо женитися, а свои Бояре оставшіе побити.» Елисей этотъ былъ Голландецъ родомъ, именно Медикъ Бомелій, который точно подучалъ Царя на убійства, составлялъ отравы, но, обвиненный въ сношеніи съ Польскимъ Королемъ, Баторіемъ, «преданъ былъ смерти (сожженъ) въ Москвѣ.» Но кажется, намѣреніе Грознаго бѣжать за море естественнѣе объясняется тогдашнимъ тревожнымъ состояніемъ его духа, хотя и упоеннаго убійствами, но еще не до конца, и по тому, среди самыхъ успѣховъ своей грозы, трепетавшаго, какъ всѣ подобные ему, за свои злодѣйства, боявшагося возстанія терзаемаго имъ народа и, стало быть, искавшаго на черный день заблаговременно пріюта для себя, хотя бы то и на чужбинѣ Какъ ни ласкова была грамота Королевы, однако Царь не былъ ею доволенъ, такъ какъ она, по его мнѣнію, недостаточно оказывала живое участіе въ обстоятельствахъ, столько рѣшительныхъ для участи его, а болѣе заботилась о выгодахъ торговцовъ, которыя «какъ ни важны (замѣчалъ Царь), но собственныя дѣла Царей далеко важнѣе купеческихъ.» По этому онъ чуть было не изгналъ изъ своего Государства Англійскихъ торговцовъ, и едва умилостивился надъ ними представленіями Королевина Посла, Дженкинсона, который оправдывалъ свою Королеву (1572 г.) тѣмъ, что «переводъ сдѣланъ невѣрно, и по тому слова, дышащія любовію къ Царю, переданы не въ настоящемъ ихъ значеніи.» Царь, успѣвши уже искоренить воображаемыхъ имъ враговъ своихъ внутри Царства, пересталъ помышлять болѣе объ удаленіи въ чужіе края, и возвратилъ свое расположеніе Лондонскимъ купцамъ, сказавъ только Дженкинсону: «Буде нужно будетъ, откроюсь возлюбленной сестрѣ моей, Елисаветѣ, съ полнымъ довѣріемъ.» Новѣйшія изслѣдованія показываютъ, что Грозный вполнѣ зналъ, къ кому обращался за убѣжищемъ, къ Елисаветѣ, которая не менѣе его была грозой для своихъ подданныхъ. «Les oiseaux du même plumage volent ensemble», говорятъ Французы, т. е., «Рыбакъ рыбака видитъ издалека.»

Другой матеріалъ: «Письмо Англичанина очевидца о сожженіи Москвы Татарами въ 1571 году,» показываетъ, что положеніе

Грознаго Царя ни мало не улучшилось противу положенія годъ тому назадъ. Онъ, хотя не думалъ уже о бѣгствѣ за море, тѣмъ не менѣе не смѣлъ даже воротиться въ свою столицу съ береговъ Оки, а пробрался съ Опричниной околицею въ свою Александровскую Слободу и далѣе въ Ростовъ. Причиной того было дѣйствительно сношеніе съ Крымскимъ Ханомъ нѣкоторыхъ изъ его ближнихъ Бояръ, желавшихъ освободиться отъ вѣчнаго страха за свою жизнь. Посланные ихъ провели Крымцевъ искусно черезъ Оку, а потомъ и къ самой Москвѣ, въ которой, какъ они увѣряли, «уже по два года стоитъ межевина (голодъ) великая и моръ, многіе люди вымерли, а иныхъ многихъ Государь, въ своей опалѣ, побилъ, а достальные всѣ въ Нѣмцѣхъ (въ Ливоніи), въ Земскихъ и въ Опричнинѣ Царь выбилъ; мы сами есмя изъ Опричнины.» Въ томъ же сознался послѣ Грозному и самъ Князь Михайло Ивановичъ Воротынскій, одинъ изъ его Воеводъ, въ послѣдствіи (1572 г.) разгромившій въ Молодяхъ, на берегу Лопасни (въ 50 верстахъ отъ Москвы), этого же самаго Хана. Москва тогда вся погибла отъ огня безпримѣрнаго, за исключеніемъ одного лишь Кремля, и все это въ 3—4 часа, съ страшнымъ множествомъ народа Московскаго и спасавшагося въ ней изъ окрестностей: «Москва сгорѣла вся, городъ, и въ городѣ Государевъ дворецъ (любимый, межъ Арбатскіе улицы и Никитскіе), и Москва рѣка мертвыхъ не пронесла,» въ которую бросали по неволѣ трупы, такъ какъ некуда было ихъ хоронить: «нарокомъ поставлени были спроваживати на низъ рѣкою мертвыя,» замѣчаетъ лѣтописецъ. Другое современное извѣстіе объ этомъ страшномъ сожженіи Москвы принадлежитъ также Англичанину, Ричарду Ускомби: это письмо его къ Генриху Лену, отъ 5 Августа, того же 1571 года. Оно напечатано въ I-мъ томѣ: «Hakluyts Collection of the early voyages, travels and discoverie of the English nation. London, 1809,» стр. 459. Вотъ оно:

Мистеръ Ленъ!

Мое почтеніе вамъ. 27 Іюля прибылъ я сюда съ Магдалиной, и въ тотъ же самый день и часъ пріѣхали сюда также Суалоу и Гарри. Прибывши сюда, нашелъ я тутъ мистера Проктора, отъ коего мы узнали весьма печальныя новости. Москва сожжена Крымцами 24-го дня прошлаго Мая до тла, съ безчисленнымъ множествомъ народа, а въ Англійскомъ домѣ задохлись Томасъ Соуѳамъ, Тофайлдъ, Уеверли, жена Грина съ дѣтьми, двое

дѣтей Рефа и болѣе 25 человѣкъ погибло въ нашемъ погребѣ, въ которомъ, къ удивленію, уцѣлѣли, однако, Рефъ, его жена, Джонъ Броунъ и Джонъ Кларкъ. Туда же пришли было еще мистеръ Глоуеръ и мистеръ Роули; но такъ какъ жаръ былъ слишкомъ великъ, то они поспѣшили изъ него вонъ съ большою опасностью, такъ что одинъ малый у. ихъ пятъ былъ захваченъ огнемъ, и они съ закрытыми глазами убѣжали въ другой погребъ, гдѣ, благодаря Бога, и спаслись. Царь бѣжалъ съ поля, и многіе изъ его народа были уведены Крымскими Татарами: молодыхъ и старыхъ они не трогали и бросили ихъ однихъ; такимъ образомъ Крымцы возвратились во свояси съ чрезвычайной добычей и безчисленнымъ множествомъ плѣнныхъ. Съ одной стороны Крымцы, а съ другой неистовость Царя, погубили много людей, такъ что народа уцѣлѣло мало. Мое почтеніе вашей супругѣ, мистрисъ Ленъ, также мистеру Локу и всѣмъ нашимъ друзьямъ.

Располагайте вашимъ

Ричардомъ Ускомби.

---

* A letter of Richard Uscomby to M. Henrie Lane, touching the burning of the Citie of Mosco by the Crimme Tartar, written in Rose Island the 5 day of August 1571.

Master Lane! I haue me commended unto you. The 27 of Iuly I arriued here with the Magdalene, and the same day and houre did the Swalow and Harry arriue here also. At our comming I found master Proctor here, by whow wee understand very heauie newes. The Mosco is burnt euerie sticke by the Crimme the 24 day of May last, and an innumerable number of people: and in the English house was smothered Thomas Southam, Tofild, Wauerley, Greenes wife and children, two children of Rafe, et more tho the number of 25 persons were stifeled in our Beere seller: and yet in the same seller was Rafe, his wife, Iohn Browne, and Iohn Clarke preserued, which was wonderfull. And there went into that seller master Glouer and master Rowley also: but because the heate was so great, they came foorth againe with much petill, so that a boy their heeles was taken with the fire, yet they escaped blindfold into another seller, and there as God will was, they were preserued. The Emperour fled out of the field, and many of his people were caried away bay the Crimme Tartar: to wit, all the yong people, the old they would not meddle with, but let them alone, and so with exceeding much spoile and infinite prisoners, they returned home againe. What with the Crimme on the one side, and with his crueltie on the other, he hath but few people left. Commend me to mistresse Lane, your wife, and to M. Lock, and to all our friends.

Yours to command,

Richard Uscombe.

Есть еще и третье Англійское извѣстіе объ этомъ происшествіи. Оно принадлежитъ злополучному на родинѣ и у насъ, Джильсу Флетчеру (Giles Fletcher), Доктору Правъ или, какъ выразился о немъ нашъ Статейный Списокъ его посольства, «Мейстеру Богомольныхъ книгъ Аглицкой Королевы Елисаветы,» который былъ въ Московскомъ Государствѣ спустя 17 лѣтъ послѣ сожженія Москвы, именно съ Сентября 1588 по Августъ слѣдующаго года, и, по возвращеніи въ Англію, кромѣ отчета Министерству о своемъ посольствѣ, написалъ сочиненіе «О Государствѣ Русскомъ (Of the Russe Common wealth)», изданное въ Лондонѣ 1591 года. Такъ какъ въ немъ этотъ Посолъ, не стѣсняясь, высказалъ свои наблюденія и мысли о подмѣченномъ и слышанномъ имъ въ тогдашней Руси, то сами Англичане, опаясь, чтобы такіе отзывы не повредили ихъ сношеніямъ съ нами, тотъ же часъ запретили оное, такъ что отъ того оно не смѣло появляться въ полномъ видѣ долгое время, и по тому стало величайшею рѣдкостью. Только недавно было оно перепечатано за границей съ 1-го изданія, самаго вѣрнаго и полнаго; явились также и переводы его на Французскомъ и Русскомъ. Послѣдній, впрочемъ, есть только перепечатка появившагося было въ 1-й книгѣ (по числу 23-й) «Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ» (Отд. III), осенью 1848 года, перепечатка, сдѣланная безъ вѣдома Общества, которое, какъ всѣмъ уже извѣстно, принуждено было немедленно по выпускѣ изъять его изъ обращенія, навлекло на себя замѣчаніе, а Предсѣдатель и Секретарь Общества удалились изъ него, послѣдній даже, сверхъ того, и перемѣщенъ еще въ другой Университетъ, куда, однако, не поѣхалъ, а предпочелъ выйти совсѣмъ изъ вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія, но къ концу года (1849) снова приглашенъ былъ Управляющимъ Министерствомъ (въ послѣдствіи Министромъ), Княземъ Пл. А. Ширинскимъ-Шихматовымъ, на свою каѳедру въ Московскій Университетъ. Мы все еще боимся, и по истеченіи цѣлыхъ столѣтій, преклонить ухо свое къ невыгоднымъ отзывамъ о насъ иностранцевъ; все еще думаемъ, что они, говоря о Россіи за 300 лѣтъ, говорятъ о теперешней Россіи, о насъ и нашихъ порядкахъ. По этому Русскій переводъ сочиненія, заключающаго въ себѣ цѣлое сокровище самыхъ важныхъ замѣтокъ о тогдашнемъ Московскомъ Государствѣ во всѣхъ отношеніяхъ, и

помѣщаемаго всѣми знатоками Исторіи на ряду съ Записками (Commentarii), не менѣе образованнаго и многоопытнаго путешественника-посла въ Московію, Герберштейна, недоступнымъ сдѣлался именно тѣмъ, кому это безцѣнное произведеніе болѣе всего нужно. Или уже такъ и суждено намъ никогда не взглянуть прямо въ глаза ни какой правдѣ о насъ, высказанной нашими врагами безъ обиняковъ и покрововъ? Но кто не способенъ выслушать колкую правду, или кривду, о себѣ, тотъ и не достоинъ, чтобы говорили о немъ праведно, безъ утайки самой сути. А мы знаемъ и изъ Исторіи и ежедневнаго опыта, къ чему эта нѣжность чувствъ ведетъ въ послѣдствіи, какъ единицы, такъ и цѣлые народы и Царства: «За льщенія ихъ, говоритъ древній Вѣнценосецъ, положилъ еси имъ злая (Пс. 72, 18); правда—уготованіе (88, 15), исправленіе престола (96, 2); правдою вознесутся» (88, 17), а отъ человѣка неправедна и льстива избави мя» (42, 1), такъ какъ «на верхъ его неправда его снидетъ» (7, 17). Извѣстно, какъ Петръ I разсердился на одного переводчика за то, что онъ, въ порученной ему имъ для перевода книгѣ, выкинулъ всѣ неблагопріятные отзывы сочинителя о Русскихъ, и приказалъ непремѣнно помѣстить въ печати опущенное, «чтобы, прибавилъ онъ, знать, что думаютъ и говорятъ о насъ доброе и худое другіе, а зная держаться перваго и избѣгать послѣдняго.» Да и въ наши дни умнѣйшій изъ нашихъ Іерарховъ, прося Могилевскаго Преосвященнаго (въ послѣдствіи Рязанскаго Архіепископа Гавріила) прислать ему въ переводѣ сочиненіе одного Польскаго писателя о Восточной и Западной Церкви, писалъ: «При семъ прошу упоминаемыя брань и клеветы перевесть безъ уменьшенія и ослабленія. Надобно знать вещь, какъ есть, чтобы поступить, какъ должно.» «Подобаетъ бо, сказано, и ереси вѣдѣти.» При такомъ состояніи нашемъ, конечно, Флетчеру въ Русской одеждѣ суждено скорѣе, пожалуй, сгнить, чѣмъ когда либо увидѣть свѣтъ Божій. А между тѣмъ незабвенный Исторіографъ нашъ, сколько обязанъ этому злополучному Англичанину, помѣстивъ его, въ разбитную, въ своемъ безцѣнномъ трудѣ чуть не цѣликомъ всего въ разныхъ мѣстахъ IX и X томовъ «Исторіи Россійскаго Государства!» Вотъ, однако, что пишетъ Флетчеръ, въ 19-й главѣ своего сочиненія о нашествіи Крымскаго Хана на Москву и сожженіи ея имъ въ 1571 году:

«Сосѣди, съ коими они (Русскіе) находятся въ болѣе близкихъ

сношеніяхъ, какъ въ мирное, такъ и военное, время, суть во первыхъ Татары, во вторыхъ Поляки, Русскими называемые Ляхами, въ третьихъ Шведы... Самые значительные и могущественные изъ нихъ (Татаръ) суть Татары Крымскіе (называемые нѣкоторыми Великимъ Ханомъ), которые живутъ на югѣ и юговостокѣ отъ Россіи и найболѣе тревожатъ ее частыми набѣгами, обыкновенно однажды въ годъ, проникая иногда очень далеко во внутреннія ея области. Въ 1571 году они дошли до Москвы съ 200,000 войскомъ, безъ всякаго боя, или сопротивленія, отъ того, что тогдашній Русскій Царь (Иванъ Васильевичъ), выступившій противъ нихъ съ своимъ войскомъ, сбился съ дороги, но, какъ полагаютъ, съ намѣреніемъ, не смѣя вступить въ битву, по тому что сомнѣвался въ своемъ дворянствѣ и военачальникахъ, яко бы замышлявшихъ выдать его Татарамъ. Самый городъ непріятель не взялъ, но зажегъ его предмѣстія, которыя (состоя изъ деревяннаго строенія, безъ камня, кирпича, или глины, за исключеніемъ немногихъ наружныхъ покоевъ) сгорѣли съ такою быстротою, и огонь такъ далеко распространился, что въ четыре часа не стало большей части города, имѣющаго до 30 миль, или болѣе, въ окружности. Зрѣлище было ужасное: при сильномъ и страшномъ огнѣ, обнявшемъ весь городъ, люди горѣли и въ домахъ и на улицахъ; но еще болѣе погибло изъ тѣхъ, которые хотѣли пройти въ самыя дальнія отъ непріятеля ворота, гдѣ, собравшись отовсюду въ огромную толпу и перебивая другъ у друга дорогу, такъ стѣснились въ воротахъ и прилежащихъ къ нимъ улицахъ, что въ три ряда шли по головамъ одинъ другого, и верхніе давили тѣхъ, которые были подъ ними. Такимъ образомъ въ одно и то же время отъ огня и давки погибло, какъ сказываютъ, 800,000 человѣкъ, или болѣе. Запаливъ городъ и насладившись зрѣлищемъ яркаго пламени, Крымскій Ханъ возвратился домой съ своимъ войскомъ и прислалъ, какъ мнѣ говорили, Ивану Васильевичу ножъ, чтобы онъ зарѣзалъ себя послѣ такой потери и въ такомъ отчаяніи, не смѣя уже ни встрѣтить непріятеля въ полѣ, ни положиться на своихъ друзей и подданныхъ. Главный поводъ къ безпрерывной враждѣ Русскихъ съ Крымцами составляютъ нѣкоторыя пограничныя земли, на которыя имѣютъ притяваніе Татары, между тѣмъ какъ ими владѣютъ Русскіе. Татары утверждаютъ, что, кромѣ Астрахани и Казани (древняго владѣнія восточныхъ Татаръ), вся страна отъ ихъ границъ на сѣверъ и западъ до города

Москвы, не выключая и самой Москвы, принадлежитъ имъ... Русскіе защищаютъ свою страну и земли, ими пріобрѣтенныя, а Крымскіе Татары дѣлаютъ на нихъ набѣги одинъ или два раза въ годъ, иногда около Троицына дня, но чаще во время жатвы. Когда идетъ войною самъ Великій или Крымскій Ханъ, то ведетъ онъ съ собою огромную армію въ 100,000, или 200,000, человѣкъ. Въ противномъ случаѣ они дѣлаютъ кратковременные и внезапные набѣги съ меньшимъ числомъ войска, кружась около границы, подобно тому, какъ летаютъ дикіе гуси, захватывая по дорогѣ все и стремясь туда, гдѣ видятъ добычу» (стр. 58—59).

Разумѣется, Флетчеръ многое изъ сообщаемаго имъ могъ лично слышать отъ видѣвшихъ сожженіе Москвы своими глазами, или слышавшихъ о томъ отъ очевидцевъ. На это онъ не разъ и ссылается словами: «какъ сказываютъ; какъ разсказываютъ; какъ мнѣ говорили; какъ они говорятъ,» и т. п. **

** Въ подлинникѣ такъ: «The neighbours, with whom they (Russe) haue greatest dealings et intercourse, both in peace et warre, are first the Tartar, secondly the Polonian, whom the Russe calleth Laches, the third are the Swedens. The Tartars are farther of from us (as being of Asia) and diuided into many tribes, different both in name, and gouernment one from another. The greatest and mightiest of them is the Chrim Tartar (whom some call the Great Cham), that lieth south and southeastward from Russia, and doth most annoy the countrie by often inuasions, commonly once euery yeare, sometimes entring very farre within the inland parts. In the yeare 1571 he came as farre as the citie of Mosko, with an armie 200,000 men, without any battaile, or resistance at all, for that the Russe Emperour (then Iuan Vasilowich) leading foorth his armie to encounter with him, marched a wrong way, but as it was thought of very purpose, as not daring to aduenture the fielde, by reason that hee doubted his nobilitie and chiefe captaines, of a meaning to betray him to the Tartar. The citie he tooke not, but fired the subburbs, which by reason of the buildinges (which is all of wood without any stone, brick, or lime, saue certein out roomes) kindled so quickly, and went on with such rage, as that it consumed the greatest part of the citie almost within the space of foure houres, being of 30 miles, or more of compasse. Then might you haue scene a lamentable spestacle: besides the huge et mighty flame of the citie all on light fire, the people burning in their houses and streates, but most of all of such as laboured to passe out of the gates farthest from the enemie, where meeting together in a mightie throng, and so pressing euery man to preuent another, wedged themselues so fast within the gate, and streates neare unto it, as that three ranks walked one upon the others head, the uppermost treading downe those that were lower: so that there pe-

Третій и четвертый матеріалы относятся уже къ событіямъ XVII-го столѣтія, именно къ тому обстоятельству, какъ Императрица Елисавета, желая видѣть несчастнаго Ивана Антоновича, приказала привезти его въ зимній дворецъ (по другимъ въ домъ И. И. Шувалова), вечеромъ, и, переодѣвшись въ мужское платье, смотрѣла на него за столомъ изъ особенныхъ покоевъ; но болѣе всего говорится въ сихъ матеріялахъ о поспѣшномъ возвращеніи въ Россію изъ Пруссіи Фельдмаршала Апраксина послѣ его блистательной побѣды надъ Прусаками при Гросъ-Егерсдорфѣ, въ то самое время, когда всѣ думали, что онъ поспѣшитъ занять цѣлое Королевство. Къ извѣстнымъ уже изъ другихъ источниковъ причинамъ этого, а также и паденія друга Апраксинова, Великаго Канцлера, А. П. Бестужева-Рюмина, прибавляются новыя: участіе въ козняхъ сильнѣйшаго изъ царедворцевъ Елисаветы, Графа П. И. Шувалова, стремившагося къ одной и той же цѣли, что и временщикъ предшествовавшаго царствованія, Биронъ; также участіе Французскаго и Австрійскаго Пословъ (Марказа Де л' Опиталя и Графа Естергази), и Вице-Канцлера, Графа М. Л. Воронцова (способствовавшаго возведенію на престолъ Елисаветы). Къ этому же обстоятельству относятся и матеріялы шестой и седьмой, т. е., письма, Великаго Князя Петра Ѳедоровича и его супруги, къ

---

rished at that time (is was sayd), by the fire et the presse, the number of 800,000 people, or more. The Chrim thus hauing fired the citie and fedde his eyes with the sight of it all on a light flame, returned whit his armie, and sent to the Russe Emperour a knife (as was sayd) to sticke himselfe withall: obbraiding this losse, et his desperate case, as not daring either to meet his enimy in the fielde, nor to thust his friends, er subiects at home. The principall cause of this continual quarell, betwixt the Russe and the Chrim, is for the right fo certeine border parts claimed by the Tartar, but possessed by the Russe. The Tartar alleageth that besides Astracan et Casan (that are the ancient possession of the East Tartar) the whole countrie from his bounds north and westward, so farre as the citie of Mosko, and Mosko it selfe, perteineth to his right... The Russe defending his countrie, and that which he hath wonne, the Chrim Tartar inuading him once or twise euery yeare, someiime about whitsontide, but oftener in haruest. What time if the Great Cham or Chrim come in his owne person, he bringeth with him a great armie of 100,000, or 200,000 men. Otherwise they make shorte, and sudden roads into the countrie with lesser numbers, running about the list of the border as wild geese flie, inuading and retiring where they see aduantage.»

Кавалеру Уильямсу. Справедливость донесеній Англійскихъ Пословъ подтверждаютъ и тѣ милости, которыя посыпались на Шуваловыхъ съ воцареніемъ Петра III-го и послѣ самой Екатерины, всегда благоволившей и благодѣтельствовавшей извѣстному И. И. Шувалову, благоразумнѣйшему изъ этого рода въ то коловратное время.

Пятый матеріалъ составляютъ «свѣдѣнія о пресловутой Княжнѣ Таракановой,» въ сущности схожія съ тѣми, которыя сообщаетъ извѣстный Кастера (въ 1 и 2 кн.: «Histoire de Catherine II, Impératrice de Russie. Paris, 1809»). Въ какой степени извѣстія эти относятся къ настоящей дочери Императрицы Елисаветы, и была ли ея дочь воспитана за границей, куда дѣвалась и т. п., по сю пору дѣло не вполнѣ рѣшенное. Но то не подлежитъ уже ни какому сомнѣнію, благодаря замѣчательной статьѣ: «О самозванкѣ, выдававшей себя за дочь Государыни Елисаветы,» помѣщенной въ «Чтеніяхъ въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ,» кн. 1-ой 1867 года (Отд. I),*** что дѣйствительно появилась было въ чужихъ краяхъ загадочная личность, рѣшившаяся разыграть тамъ роль притязательницы на престолъ Русскаго Царства въ то самое время, какъ внутри Государства разыгрывалъ роль притязателя на оный Донской Казакъ. Продѣлка была задумана недурно, конечно, не тѣми, кто являлся на первомъ планѣ дѣйствія; но, какъ и на всякаго хитреца бываетъ много простоты, то въ концѣ концовъ козни не удались, погубивъ отважныхъ игроковъ со множествомъ увлеченныхъ, по вѣдѣнію и невѣдѣнію, въ этотъ коловоротъ. Кто въ самомъ дѣлѣ былъ этотъ самозванецъ и эта самозванка, по сю пору Исторія еще доконно не доискалась. Открылось только въ самое послѣднее время, что Княжны Таракановой никогда на свѣтѣ не существовало; что это имя—плодъ самаго страннаго недоразумѣнія, построеннаго на досужей сплетни съ одной стороны, и исковеркаціи, или

*** Статья же: «Княжна Тараканова и Принцесса Владимірская,» напечатанная въ 6—8 книжкахъ «Русскаго Вѣстника» 1867 года, потомъ и особо изданная Петербургскимъ книгопродавцемъ Кожанчиковымъ, съ раскрытіемъ таинственныхъ буквъ П. М., есть просто на просто беззастѣнчивая перифраза статьи, появившейся въ «Чтеніяхъ,» не дѣлающая чести ни П. И. Мельникову, ни его пособникамъ въ изобрѣтеніи и распространеніи этой новой вѣтви небывалаго досел промысла на Святой Руси для насущнаго. См. «Объясненіе» о семъ въ 3-й кн. «Чтеній» упомянутаго года.

стремленія осмыслить необычайное по значенію и звуку прозвище или фимилію ближнихъ родственниковъ Графа Алексѣя Григорьевича Разумовскаго, т. е., Дарагановъ, воспитывавшихся у него, въ самомъ дворцѣ, а также имъ и за границей. Изъ Дарагановъ придворные сочинили Таракановъ, что и пошло гулять по бѣлу свѣту съ ихъ легкихъ рукъ. См. объ этомъ замѣчательное изслѣдованіе А. А. Васильчикова, напечатанное въ книгѣ 2-ой: «Осмнадцатаго вѣка» 1869 г., и озаглавленное: «Семейство Разумовскихъ» (стр.260—502), изслѣдованіе, составленное большею частью по новооткрытымъ архивнымъ бумагамъ и семейнымъ преданіямъ (стр. 445 и слѣд.).

Восьмой матеріялъ, при всей своей краткости, самъ за себя говоритъ, равно какъ и мѣтко очерчиваетъ виновника его.

Наконецъ девятый матеріялъ, именно: два письма извѣстной Княгини Дашковой, и формой и содержаніемъ своимъ вполнѣ напоминаетъ своеобразную Княгиню даже въ самой старости.

О. Бодянскій.

6-го Ноября, 1870 г.
Москва.

ОГЛАВЛЕНІЕ МАТЕРІЯЛОВЪ.

Опечатка.

Напечатано:			*Читайте:*
Стран.	Строк.		
8,	7	Сюарта	Суарта.

I.

Списокъ съ секретной Грамоты или письма Англійской Королевы, Елисаветы, къ Русскому Царю, Ивану Грозному, 1570 года.*

Elizabeth by the graec of God Queen of England, France and Ireland, Defender of Faith etc. To the most mighty and puissant Prince, our dear brother, Great Lord, Emperor of all Russia etc., greeting, health and peace in our Lord Jesus Christ. Where we have by others our letters delivered to Your Highness Ambassadour, the noble person Andrew Regowiwiska Sawena, made answer to the greatest part of such messages and letters, as the said Ambassadour declared and brought to You, we have thought good in some certain manners to send Your Highness for a manifest and certain tokenof our good will to Your Highness estate and surety, his our secret letter, whereunto none are privy, besides ourself, but our most secret counsell. We do so regard the surety of You, the Emperor and Great Duke, as we offer that, it at some time in some shape of Your Lordship, our Brother Emperor and Great Duke, be by any casual chance, either of secret conspiracy, or outward hostility driven to charge the countries and shall like to repair into our kingdom and dominions, with the noble Empress, your wife, and your dear children, the Princes, we shall with such honor and courtesy receive and entreat Your Highness therein, as shall become so Great a Prince, and I shall ernestly endeavour to make all things fall out according to Your Majesty's desire to the free and quiet breeding of You Highness life with all hove, wherein You shall bring with You. And therein may be lawful for You, the Emperor and Great Duke, to use Your Christian religion in such sort, as it shall like You, for neither mean we to attempt anything to offend either Your Majesty, or any of Your people, nor intermeddle any ways with Your Highness faith and religion, nor yet to sever Your Highness household from You, or to suffer any of Yours to be taken from You by violence. Besides we shall appo-

---

* Cott. Mss. Nero B. II, art. 100, fol. 341.

int You, the Emperor and Great Duke, a place in our kingdom fit upon Your own charges, as long as You shall like to remain with us. Ando if it shall seem good unto You, the Emperor and Great Duke, to deport from our countries, we shall suffer You with all quietly to depart either into Your Empire of Moscovia, or else, whether it shall best like You to pass through our dominions and countries, neither shall we any wise let, or stay You, but with all offices and courtesies let You, our dear Brother Emperor and Great Duke, pass into Your country, or else, where at Your pleasure. This we promise by virtue of these our letters and the word of a Christian Prince. In witness thereof and for the further testimony of this our letter, we, Queen Elizabeth, do subscribe this with our own hand, in the presense of these our nobles and counsellors, Nicholas Bacon, Knigt, Great Chancellour of our realm of England; William Lord Parr, Marquis of Northampton, Knight of our order of the garter; Henry Earl of Arundell, Knight of our said order of the garter; Francis Lord Russel, Earl of Bedford, Knight of our said order; Robert Dudley, Lord of Derby, Earl of Leicester, Master of our house and Knight of the same order; Edward Lord Aayton and Gay, Lord Admiral of England and Knight of our said order; William Lord Howard of Effingham, Lord Chamberlain and Knight of the same order; Francis Knolles, Knight, Overseer of our house; William Cecil, Knight, our principal Secretary, and have also thereto hanged our privy seale, promising You, that we against our common enemies shall with one accord fight with our common swords and do every and singular things, mentionned in this writing as long, as God shall leave us life. And theriby the word and faith of our promise. Given af our palace of Hampton Court the 27 day of the month of May, in the 12-th year of our reign, and in the year of our Lord one thousand five hundred threescore and ten.

Елисавета, Божіей милостью Королева Англіи, Франціи и Ирландіи, защитница Вѣры и проч. Великому и Могущественному Государю, нашему дорогому Брату, Великому Государю всея Руси и проч., привѣтъ, здравіе и миръ во Господѣ Іисусѣ Христѣ. Какъ въ другихъ нашихъ письмахъ, переданныхъ Послу Вашего Величества, именитому человѣку, Андрею Григорьевичу Савину, мы отвѣтили на большую часть Вашихъ посланій, такъ теперь

мы заблагоразсудили послать Вашему Величеству въ знакъ нашего расположенія и участія, принимаемаго нами въ дѣлахъ и безопасности Вашего Величества, наше тайное письмо, о которомъ, кромѣ насъ, извѣстны лишь самые ближніе намъ совѣтники. Мы принимаемъ къ сердцу здоровье Вашего Величества, Царя и Великаго Князя, и если бъ когда ни будь Ваше Величество, нашъ Братъ и Великій Князь, былъ принужденъ какимъ ни есть случаемъ, въ слѣдствіе ли тайнаго заговора, или внѣшняго нашествія, оставить свою страну и переселиться въ наши Королевскія владѣнія, вмѣстѣ съ Государыней Царицей, супругой Вашего Величества, и Принцами, дорогими дѣтьми Вашими, мы обѣщаемъ принять Васъ съ такимъ почетомъ и чествованіемъ, какое подобаетъ столь Великому Государю, и я изо всѣхъ силъ постараюсь устроить все согласно желанію Вашего Величества, для свободнаго и спокойнаго пребыванія Вашего и тѣхъ, кто съ Вами прибудетъ. И будетъ свободно Вамъ, Царю и Великому Князю, держать свою Христіанскую Вѣру, какъ Вамъ заблагоразсудится, такъ какъ мы не намѣрены оскорблять въ чемъ бы то ни было Ваше Величество, или кого ни будь изъ Вашихъ, и не хотимъ вмѣшиваться въ Вашу религію, ни отдалять отъ Васъ Вашихъ придворныхъ людей; и не попустимъ, чтобы кто ни будь изъ Вашихъ былъ удаленъ отъ Васъ насильно. Кромѣ того, мы назначимъ Вамъ, Царю и Великому Князю, на сколько Вамъ заблагоразсудится остаться съ нами, мѣстопребываніе въ нашемъ Королевствѣ, которое устроите на Ваши собственныя средства; и если бъ вздумалось Вамъ, Царю и Великому Князю, удалиться изъ нашихъ владѣній въ Ваше Московское Царство, или другое мѣсто, мы дозволимъ Вамъ безпрепятственно проѣхать по нашимъ владѣніямъ, буде бы Вамъ такъ лучше показалось, и никоимъ образомъ не будемъ Васъ задерживать, а, напротивъ, со всякимъ почетомъ отпустимъ Васъ, нашъ дорогой Братъ, Царь и Великій Князь, въ Вашу страну, или другую, по Вашему желанію. Обѣщаемъ Вамъ это настоящимъ нашимъ письмомъ и словомъ Христіанскаго Государя. Въ подтвержденіе чего и для полнѣйшаго засвидѣтельствованія этого нашего письма, мы, Королева Елисавета, подписываемъ его нашею собственною рукою въ присутствіи нашихъ вельможъ и совѣтниковъ, Николая Бекона, Кавалера, Великаго Канцлера нашего Королевства Англіи;

Лорда Уильяма Парра, Маркиза Нортгептона, Кавалера нашего ордена Подвязки, Графа Генри Арунделя, Кавалера нашего ордена Подвязки; Лорда Френсиса, Росселя, Графа Бедфорда и Кавалера нашего означеннаго выше ордена; Роберта Додле, Лорда Дерби, Графа Лестера, Министра нашего двора и Кавалера того же ордена; Лорда Эдуарда Этона и Ге, Лорда Адмирала Англіи и Кавалера нашего выше сказаннаго ордена; Лорда Уильяма Гоуарда Эфингама, Лорда Камергера и Кавалерà того же ордена; Френсиса Нольса, Кавалера, Смотрителя нашего дома; Уильяма Сесиля, Кавалера, нашего Главнаго Секретаря. Къ сему мы приложили нашу собственную печать, обѣщая Вамъ съ обоюднаго согласія и однимъ мечомъ сражаться противъ общихъ враговъ, и дѣлать все, помянутое въ этомъ письмѣ, на сколько Господь продолжитъ намъ жизнь. Въ этомъ мы даемъ Вамъ наше слово и поруку.

Дано въ нашемъ дворцѣ въ Гемптонкортѣ, 27 дня мѣсяца Мая, въ двѣнадцатое лѣто нашего царствованія, а отъ рождества Спасителя 1570.

II.

Письмо современника Англичанина о сожженіи Москвы Крымскимъ Ханомъ Девлетъ-Гиреемъ въ 1571. *

The 24 May, being Ascension day, the King of the Crimmes came to the city of Moscow with above 120,000 horsemen and men of war. The Emperors captains and men of war being in garrisons in the holdes abroad and the Moscovians being improvided, the said Tartars set a fire the city and suburbs and both castles; say all timber work therein was consumed to ashes. Assuredly I think Sodom and Gomorrah were not in so short time consumed. I believe it was a plague sent by God to the wickedness of the people. The morning was exceedingly clear, fair and calm, without any wind; but being a fire, there was nothing, but whirlwinds and such a noise, as thought the heavens should have falln, and in such

---

* Harl. Mss. N. 247, fol. 208.

terrible-wise, that when men were after in the houses, or in streets, they were destroyed; there was a wonderful number destroyed in all the country within 20 miles compass came into the city and castles, so did the all the suburbs, so all the houses and streets were full (of) people, that men could scarce go in them, and all consumed in fire, except certain men of war, which were skirmishing with the Tartars and few others, which fled over the walls into the river, where some were drowned and some saved; and in few cellars and churches a great number of them were roasted to death, as out of one of the company cellars in the English house died 30 persons thereof, 3 of them cervants to Sir Thomas Bentham, Thomas Fielde, John Warasleye, artificers, Thomas Chaffsne, Thomas Carver, apothecary, with dyvers others died. And in the next cellar, God preserved, Master Rowley, John Sparkes and William Glover. This cruel and sudden destruction came upon the Moscovians in great and wonderful whirlwinds, and at the end it was very calm again and fayre weather, that men might walk and see the dead bodies of men and horses, no small number, besides those, that were burned to powder. I pray God, I never (may) see the sight again. And the some day the Tartar dog had done this mischief, the night following he with all his power fled over the river Oca, which. . distant from the Mosco 8 versts in 3 quarters of an English mile. The place, where the Emperor liveth, called Slobedale. The Crim, vassal to the Emperor, hath invaded the best parte of the dominions. Eight hours after my delivermend out of Mosco, wherein I note God's good providence, the gates of the town were shut up; no man suffered to pass out, and such a candle light within I miles of Mosco, in one of the Dukes houses, that it might be scene of all Mosco, being by estimation 20 miles in compass, which also not long after was consumed with fire and not one stick left. In one house perished Thomas Bentham, Thoma Field, John Warasleye Thomas Carver, apathecary, these with others strangers, all to the numbers of 25 persons died in our house. The number, that perished at the destruction of Moscow, was so great by report, that I will not name it. This will I say, that all the country for 60 miles round or more to Moscow, that 8 men in the town did not escape. Two monthes will scarce suffice to free the city (which now is nothing, but walls and here

and there a stone house much like a conduit head) from dead corpses of men and horses.

All this was plainly done, for at my coming from thence, all Mosco was troubled with the pleadings out of soldiers against the Crimme, who that was reported to be 300 miles of the place. The fire of the Crimme hath so stricken these peoples hearts, that as we came through Pereslavino, Bastoneswi, Irislaneskoe, the people were flying with theirs goods into caves and wilderness. So affraid were they left all with the fire, and from the Crimme would fly into sky. In my mind a thousand armed horsemen might have taken all before them Vologda, which is 300 miles from Mosco. The Crimme hath intrenched himself not far from Mosco. What will be the end of this war is uncertaine.

24-го Мая, въ день Вознесенія, Крымскій Ханъ пришелъ къ городу Москвѣ съ болѣе чѣмъ стодвадцатью тысячами конныхъ и вооруженныхъ людей. Такъ какъ Царскіе Воеводы и воины были въ другихъ городахъ какъ охрана, а Москвичи не приготовлены, то сказанные Татары зажгли городъ, пригороды и оба кремля. Всѣ деревянныя строенія, какія тамъ находились, были обращены въ пепелъ, и я убѣжденъ, что Содомъ и Гоморра не были истреблены въ столь короткое время. Я думаю, это было наказаніе, посланное людямъ за грѣхи народа. Утро было чрезвычайно хорошее, ясное и тихое, безъ вѣтра; но когда начался пожаръ, то поднялась буря съ такимъ шумомъ, какъ будто обрушилось небо, и съ такими страшными послѣдствіями, что люди гибли въ домахъ и на улицахъ. На разстояніи 20 миль въ окружности погибло множество народа, бѣжавшаго въ городъ, и кремли, и въ пригороды, гдѣ всѣ дома и улицы были такъ полны народа, что некуда было протѣсниться; и всѣ они погибли отъ огня, за исключеніемъ нѣкоторыхъ воиновъ, сражавшихся съ Татарами, и немногихъ другихъ, которые искали спасенія, черезъ стѣны, въ рѣкѣ, гдѣ нѣкоторые изъ нихъ потонули, а другіе были спасены. Большое число сгорѣло въ погребахъ и церквахъ, между прочимъ 30 человѣкъ въ погребахъ Англійской Компаніи: изъ нихъ 3-е служителей Сера Томаса Бентама; умерли также Томасъ Фильдъ, Джонъ Уересли, ремесленники, Томасъ Чефинъ, Томасъ Карверъ, аптекарь и нѣкоторые другіе.

Въ сосѣднемъ погребѣ спаслись, по милости Божіей, Роули, Джонъ Спарксъ и Уильямъ Гловеръ. Это великое и внезапное разрушеніе, постигшее Москвитянъ, сопровождалось сильной, невиданой, бурей, а подъ конецъ погода снова прояснилась и стала тихой, такъ что люди могли ходить и видѣть великое множество труповъ людей и лошадей, не говоря уже о тѣхъ, которые обращены были въ пепелъ. Молю Бога не видѣть впредь подобнаго зрѣлища. Въ ночь послѣ того, какъ собака Татаринъ учинилъ это злодѣйство, онъ бѣжалъ со всею ратью къ рѣкѣ Окѣ, отстоящей отъ Москвы ..... верстъ: 8 верстъ приходится на $^3/_4$ Англійской мили.

Мѣсто, гдѣ живетъ Царь, зовется Слободою. Крымскій Ханъ, данникъ Царя, напалъ на лучшую часть его владѣній. Восемь часовъ послѣ того, какъ я выбрался изъ Москвы, въ чемъ я вижу перстъ благаго Провидѣнія, городскія ворота были заперты, никому не дозволено выходить, и такое пламя поднялось въ 7 миляхъ отъ города въ одной изъ Царскихъ палатъ, что пожаръ можно было видѣть со всѣхъ концовъ Москвы, имѣющей около 20 миль въ окружности. Вскорѣ послѣ того строеніе было истреблено огнемъ, такъ что не осталось и бревна. Въ одномъ домѣ погибъ Томасъ Бентамъ, Томасъ Фильдъ, Джонъ Уересли, Томасъ Карверъ, аптекарь: всѣ они, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими иностранцами, всего 25 человѣкъ, погибли въ нашемъ домѣ. Число погибшихъ при разореніи Москвы показываютъ такое громадное, что я не рѣшаюсь передать его. Скажу только, что изъ окрестностей Москвы, на 60 миль и болѣе, и 8-ми человѣкамъ не удалось спастись въ городѣ. Въ два мѣсяца едва будетъ возможно очистить отъ человѣческихъ и лошадиныхъ труповъ городъ, въ которомъ остались теперь однѣ стѣны, да тамъ и сямъ каменный домъ, словно головки водосточной трубы.

Такъ обстояло дѣло; въ ту пору, когда я оставилъ Москву, она была занята вылазками воиновъ противъ Крымцевъ, стоявшихъ станомъ, какъ говорили, въ 300 (?) миляхъ отъ города. Крымскіе пожары исполнили сердца жителеїі такого ужаса, что когда мы проѣзжали Переяславлемъ, Ростовомъ (Bastonesswi) и Ярославлемъ (Irislaneskoe), они спѣшили скрыться съ своимъ имуществомъ въ погреба и пустынныя мѣста; такъ напугали ихъ всѣхъ пожары, что отъ Крымцевъ они готовы были убѣжать на небо.

Мнѣ кажется, что тысяча вооруженныхъ всадниковъ легко могли бы овладѣть всей страной до Вологды, которая отстоитъ отъ Москвы на 300 (?) миль. Крымцы окопались недалеко отъ Москвы. Какой будетъ исходъ этой войны — не извѣстно.

III.

Тайныя сообщенія Сюарта Лорду Гольдернесу. [1]

На оборотѣ надпись: Advices—most secret.

I-ier lettre.

Monsieur!

Je n'ai pu rien apprendre de la famille infortunée du Duc de Brounswick, sinon qu'au commencement de l'hyver passé, le czar Ivan ayant été mené à Heusebburg (Slusserbourg?), y fut gardé jusqu'à la fin de la dite saison; qu'alors il fut transporté ici et mis dans une honnête maison particulière, appartenant à la veuve d'un secrétaire de l'inqu isition secrète, hors de la ville, mais fort proche; qu'il y fut assez étroitement gardé avec son gouverneur, pendant quatre semaines ou environ, par un officier et quelques soldats des gardes; qu'il prit fantaisie à Sa Majesté Impériale de le faire mener un soir fort secrètement dans le vieux palais d'hiver, et qu'elle avait la curiosité de le voir à table, d'un appartement secret, étant habillée en homme et accompagnée seulement de son favori d'à présent Ivan Shouwaloff; que quelques jours après il fut reconduit au lieu de son exil précédent, et qu'on envoya avec lui quelques hardes nécessaires et du linge, et qu'au reste, toute la famille se porte bien et est bien traitée et entretenue sur le même pied que ci-devant. Comme le maréchal Apraxine, qui recevoit quelquefois quelques informations des officiers de son régiment aux gardes, employés dans cette affaire, est absent, il est impossible de savoir rien de particulier sur l'état de cette famille. Tout ce qui regarde cette affaire est entièrement confié à la seule direction du Conseiller privé Tscherkassoff, homme impénétrable et le plus brutal dans ses façons, qui se trouve dans

[1] Mitchell Papers. Add. Mss. N. 6815, f. 133—145.

tout l'Empire, d'alleurs scrupuleux, mais cependant point violent dans l'observation de ses ordres. Le reste des effets de cette famille, qui ont resté si longtemps à Memél, et qui ont été transportés ici cet été, sans que le Grand Chancelier en ait rien su, jusqu'à ce que je lui en ai parlé, a été d'abord apporté à cette cour; après quoi L'Impératrice les a distribués aux gens avides, qui l'environnent sans cesse. Dieu seul sait ce, qui peut arriver au sujet de la succession, en cas que l'Impératrice meure, ce qui peut arriver au premier jour et ne parait pas même devoir être regardé comme fort éloigné, vu l'état de S. M. Imperiale, qui empire de jour en jour: personne ne peut rien espérer de bon à cet égard, ni rien attendre du Grand Duc.

Le Grand Chancelier commence aussi à douter aussi bien que moi depuis qu'il nous a découvert son idée, qu'il puisse venir à bout de faire parvenir La Grande Duchesse et le Grand Duc au gouvernement de ce pays, surtout depuis qu'Apraxin s'est raccommodé avec le Comte de Schouvaloff, qui est devenu publiquement le galant de sa fille, la Princesse de Kourakin, et qui pour cette raison s'est désisté de sa prétention au grade de Feld-Maréchal en faveur d'Apraxin, qu'il a par la attiré dans son parti. Chacun croit pour sûr, qu'il y a un testament, fait en faveur du jeune Grand Duc, à l'exclusion de son père, et que le Comte de Schouwaloff sera nommé Régent, ou pour le moins, chef d'un conseil de régénce, et que par ce moyen, et à la faveur de la confusion et du désordre, qui doivent provenir d'une telle disposition, il pourrait bien porter ses vues jusqu' à s'emparer lui même de la couronne.

Toutes ces mesures, toutes ces démarches, paraissent dirigées vers ce but. Les principaux domaines, les mines de fer et de cuivre de la couronne, lui appartiennent en propre; la monnaie est entièrement abandonnée à sa diréction et à sa disposition; le bureau des sels, dont on paye les gardes et dont la cour et la cassette privée de S. M Impériale sont entretenues, est entre ses mains et il en dispose sans que personne d'autre y puisse rien voir. La capitation, dont toute l'armée entière est entretenue, est diminuée tous les ans par lui, de sorte que dans peu de temps tout l'argent pour l'entretien de l'armée doit naturellement entrer dans les bureaux de sel et par conséquent dans ses mains; la moitié y étant

déjà. Il commande le corps de l'artillerie; il a formé un corps d'observation de 30 mille hommes, composé de tout ce qu'il y a de plus déterminés officiers et grenadiers de toute l'armée, dont une légion doit à présent contre vent et marée venir faire garnison dans cette capitale, pendant que le reste formera un cordon le long de la Dvina, depuis Riga jusqu'au dessus de Smolensk. Cette armée et indépendante de tous autres ordres que les siens, aussi bien que le régiment de cuirassiers du corps, qui est ici et qui est entièrement à sa disposition. S'il a le courage, il ne peut manquer de réussir, mais il en a fort peu. Il a cependant à sa dévotion des gens, qui y excellent, tels que Gleboff et autres. Outre tout cela, il tient les principales branches du commerce. Par son commerce de bois il a ruiné les provinces et les villes d'Esthonie, de Narva, Pernau, Pleskau, Nowogorod et Smolensko. Il a le commerce de l'huile de baleine, la livrance des eaux дe vie de Russie et de France à la couronne et des provisions à la cour; la plus grande part dans le commerce du Levant, de Perse et de la Chine; la ferme des droits de Kislar et d'Astrakan; en un mot, il gouverne à présent tout absolument, et jamais personne n'a eu une plus grande autorité que lui; il ne se fait rien sans sa volonté ou contre son gré, et il est le canal de toutes les grâces et de toutes les faveurs; il ne lui manque que de pouvoir gagner du crédit auprès des gardes; cela ne saurait lui manquer dans la suite, dès qu'il viendra à y vaquer seulement un poste de Lieutenant Colonel. Tout cela forme une perspective, qui fait dresser les cheveux, quand on y pense. En attendant, L'Impératrice n'écoute qu'eux; ne voit, ni ne s'informe de rien et continue son même train de vie, et a livré, à la lettre, l'Empire au pillage à un chacun: de sorte, que chacun pille, vole, commet des injustices, se fait droit à soi même et emporte ce qu'il veut avec impunité et sans que personne s'en embarrasse. En un mot, jamais la Russie n'a été dans un état plus embrouillé, plus dangereux, ni plus pitoyable, qu'elle l'est à présent. Il s'en faut de beaucoup qu'on ne puisse prévoir, quelle sera la fin de tout cela, et cet Empire est devenu entièrement inutile à ses amis et méprisable pour les ennemis; il n'y reste plus la moindre ombre de bonne foi, d'honneur, de confiance, de pudeur ou d'équité, et l'on n'y voit plus qu'une vanité et un luxe inexprimables et qui menacent ruine. Ceqendant les

anciennes familles et le commun peuple sont opprimés de la manie la plus cruelle par tous ces hommes nouveaux, tirés du néant, et les enfants des plus puissants sont forcés d'épouser des gens du plus bas étage, qui sont en faveur. Leur unique espoir et celui des gardes est dans le rétablissement du Czar Ivan, mais je n'y vois que bien peu d'apparence, tant que la famille du Comte de Shouwaloff sera aussi fort au dessus de tout et que son pouvoir augmentera journellement.

Les intrigues et les amourettes de la Grande Princesse avec le Comte Poniatovsky sont connues à l'Impératrice, mais elle ne fait rien paraître ce, qui ne signifie rien de bon pour elle; elle doit même avoir dit, qu'elle lui ferait bien payer tout à la fois ci-après. Sa M. l'Impératrice a pour elle et pour le Grand Duc un souverain mépris et la nation déteste ce dernier de plus en plus tous les jours. Il ne reste presque plus rien des domaines de la couronne, qui vaille la peine d'en parler. On les a tous donnés aux Shouvalloff, où à leurs amis et même une portion considérable à leurs ennemis, pour leur fermer la bouche, parce qu'on ne veut pas entendre le moindre mal d'aucun de cette famille. Nous en avons eu un exemple depuis peu: le Chambellan de Woronzoff, frère du Vice-Chancelier raisonnait publiquement à table en présence du Grand chancelier, du Comte de Shouwalloff et de plusieurs autres, les fourberies, les mauvaises actions et les vices dangereux du Comte de Shouwalloff. Il en parla rondement, avec justice, de très bonnes raisons et beaucoup de fondement Ceci causa beaucoup de confusion et d'alarme. L'Impératrice a travaillé inutilement pendant long temps à les apaiser tous deux, et n'a pu y réussir qu'en donnant au Chambellan un de ses domaines de 30 mille roubles de revenu. De pareils exemples sont fréquents. Elle n'a pas la moindre autorité; on n'ose en faire usage, par crainte pour elle même. Il faut qu'il (qu' elle?) appaise tout à force de dons et de gratifications et qu'elle connive à tout. C'est par là seul et de cette façon que ce gouvernement subsiste par un espèce de miracle.

J'ai l'honneur d'être etc.

M. de Swart.

St. Pétersbourg.
le 16 Octobre, 1757.

Милостивый Государь!

Я ничего не могъ узнать о злополучномъ семействѣ Герцога Браунштейнскаго, развѣ только, что въ началѣ прошлой зимы, Царя Ивана привезли въ Шлиссельбургъ и продержали тамъ до конца зимы; тогда перевезли его сюда и помѣстили въ домѣ частнаго лица, именно въ домѣ, принадлежащемъ вдовѣ Секретаря Тайной Канцеляріи, внѣ города, но въ близкомъ отъ него разстояніи; за нимъ строго смотрѣли, также какъ и за его воспитателемъ, въ продолженіе четырехъ недѣль, или болѣе, Офицеръ и нѣсколько гвардейцевъ; потомъ Ея Величеству вздумалось велѣть привезти его весьма тайно вечеркомъ въ старый зимній дворецъ, гдѣ Ея Величество полюбопытствовала посмотрѣть на него за столомъ, изъ особенныхъ покоевъ, одѣвшись мущиною и въ сопровожденіи теперешняго своего любимца, Ивана Шувалова; нѣсколько дней спустя его снова привезли въ прежнее мѣсто его ссылки и прислали ему необходимую одежду и бѣлье; впрочемъ, все семейство въ вожделѣнномъ здравіи, съ нимъ обращаются и держатъ его на той же ногѣ, что и прежде. Такъ какъ Фельдмаршалъ Апраксинъ, который иногда получалъ извѣстія отъ Офицеровъ своего гвардейскаго полка, которому поручается это дѣло, теперь въ отсутствіи, то нѣтъ возможности ничего узнать особеннаго о положеніи этого семейства. Все, что относится до этого дѣла, вполнѣ поручено завѣдыванію Тайнаго Совѣтника Черкасова, человѣка непроницаемаго и самаго рѣзкаго въ обращеніи, кажется, во всей Имперіи, впрочемъ, совѣстливаго, но не жестокаго, исполнителя данныхъ ему приказаній. Остальныя вещи этого семейства, которыя такъ долго оставались въ Мемелѣ, и перевезены были сюда лѣтомъ, такъ что Канцлеръ ничего объ этомъ не зналъ, пока и ему не напомнилъ о нихъ, сперва привезены были ко Двору, и тогда Императрица ихъ раздала жаднымъ лицамъ, которыя ее безпрестанно окружаютъ. Одинъ Богъ вѣдаетъ, кто будетъ наслѣдникомъ въ случаѣ смерти Императрицы, что можетъ случиться внезапно, и даже не считается отдаленнымъ, судя по состоянію здоровья Ея Величества, которое становится хуже день ото дня; никто не можетъ надѣяться на что ни будь хорошее въ этомъ отношеніи; никто ничего не ожидаетъ отъ Великаго Князя.

Канцлеръ начинаетъ также сомнѣваться, по моему, съ тѣхъ поръ, какъ открылся мнѣ въ своихъ замыслахъ, именно: чтобы онъ могъ успѣть поставить во главѣ правленія этого Государства Великую Княгиню и Великаго Князя, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ Апраксинъ снова сошелся съ Графомъ Шуваловымъ, который сталъ извѣстнымъ поклонникомъ его дочери, Княгини Куракиной; Графъ даже по этой причинѣ отказался отъ Фельдмаршальской степени, передавъ ее Апраксину, котораго тѣмъ и привлекъ къ своей сторонѣ. Каждый вѣритъ, что есть непремѣнно духовное завѣщаніе, сдѣланное въ пользу юнаго Великаго Князя, за исключеніемъ его отца; думаютъ, что Графъ Шуваловъ будетъ названъ Правителемъ, или, по крайней мѣрѣ, начальникомъ Правительственнаго Совѣта, и что такимъ путемъ, пользуясь суматохой и безпорядкомъ, неразлучными съ такимъ положеніемъ дѣлъ, онъ можетъ простирать свои виды даже до завладѣнія властію собственно для себя.

Всѣ его распоряженія, поступки, кажется, клонятся къ такой цѣли. Главнѣйшія Государственныя имущества, желѣзныя и мѣдныя руды казны, принадлежатъ ему; монетный дворъ совершенно предоставленъ его управленію и распоряженію; соляной дворъ, доходами котораго платятъ гвардіи, содержатъ Дворъ и пополняютъ собственную кассу Ея Величества, также находится въ его рукахъ, и онъ имъ распоряжается безъ всякаго учета. Подушныя подати, которыми содержится войско, ежегодно имъ уменьшаются, такъ что въ скоромъ времени всѣ деньги, нужныя для содержанія онаго, должны, слѣдовательно, войти въ конторы солянаго двора и перейдутъ въ его руки; онъ завладѣлъ уже цѣлой ихъ половиной. Онъ начальствуетъ артиллерійскимъ корпусомъ; онъ образовалъ наблюдательный корпусъ въ 30,000 человѣкъ, выбранныхъ изъ самыхъ рѣшительныхъ Офицеровъ и гренадеровъ, бывшихъ въ войскѣ; часть этого корпуса должна, не смотря на препятствія, явиться въ столицу для занятія всѣхъ стражныхъ мѣстъ, пока остальная часть составитъ цѣпь вдоль Двины, начиная отъ Риги и даже за Смоленскъ. Это войско подчиняется только однимъ его приказаніямъ, также какъ кирасирскій полкъ, который находится теперь здѣсь и вполнѣ отданъ въ его распоряженіе. Если у него хватитъ духа, онъ не можетъ потерпѣть неудачи; но духа-то у него очень мало. Но ему пре-

даны, однако, люди, которые и отличаются характеромъ: таковы Глѣбовъ и другіе. Кромѣ того, главныя отрасли торговли тоже находятся въ его рукахъ. Своею торговлею лѣсомъ онъ разорилъ области и города Эстоніи, Нарву, Перновъ, Псковъ, Новгородъ и Смоленскъ. У него же въ рукахъ торговля китовымъ жиромъ; онъ снабжаетъ казну водкой Русскою и Французскою и поставляетъ продовольствіе ко Двору; онъ имѣетъ главную часть торговли съ Востокомъ, съ Персіею, съ Китаемъ; у него же откупъ (рыбной ловли) въ Кизлярѣ и въ Астрахани; однимъ словомъ, онъ теперь рѣшительно всѣмъ управляетъ, и никогда никто не имѣлъ подобной власти; ничто не дѣлается мимо его воли, или противъ его желанія; черезъ него идутъ всѣ благоволенія и милости; ему стоитъ только привлечь къ себѣ гвардію, что непремѣнно будетъ въ послѣдствіи, едва только опростается тамъ мѣсто Подполковника. Все это такимъ представляется въ будущемъ, что какъ подумаешь только, то волосы становятся дыбомъ. Императрица слушаетъ только ихъ, ни о чемъ не освѣдомляется и, продолжая жить по прежнему, буквально отдала Государство на разграбленіе кому угодно, такъ что всякій грабитъ, воруетъ, дѣлаетъ несправедливости, самъ расправляется и беретъ, что хочетъ безнаказанно, и никто даже объ этомъ и не заботится. Однимъ словомъ, никогда Россія не была въ положеніи столь смутномъ, болѣе опасномъ и столь достойномъ сожалѣнія, какъ теперь. Не трудно предвидѣть, каковъ будетъ всему этому конецъ. Это Государство совершенно стало безполезно для своихъ друзей и презирается врагами; въ немъ уже нѣтъ и тѣни правоты, чести, довѣрія, стыда, или справедливости; только и видишь невообразимыя чванство и роскошь, которыя угрожаютъ полнымъ разореніемъ. Старинныя фамиліи и простой народъ подвергаются самымъ жестокимъ притѣсненіямъ отъ лица новыхъ людей, выведенныхъ изъ ничтожества, и дѣти самыхъ именитыхъ семействъ принуждены родниться съ людьми самаго низкаго происхожденія, но пользующихся милостію. Единственная надежда ихъ и гвардіи возвести вновь на престолъ Царя Ивана, но я не вижу ни какого къ тому исхода, пока фамилія Графа Шувалова будетъ надъ всѣмъ первенствовать и власть Графа будетъ ежедневно увеличиваться.

Интрига и любовныя похожденія Великой Княгини съ Гра-

фомъ Понятовскимъ сдѣлались извѣстны Императрицѣ, но она не подаетъ ни какого виду, что не предвѣщаетъ ничего хорошаго; она, кажется, даже сказала, что взыщетъ съ Княгини все разомъ попозже. Ея Величество презираетъ вполнѣ и Княгиню и Великаго Князя, котораго въ Государствѣ день ото дня болѣе и болѣе ненавидятъ. Такъ мало осталось отъ Государственныхъ имуществъ, что даже не стоитъ о нихъ говорить. Всѣ ихъ отдали Шуваловымъ, или ихъ друзьямъ; отдана даже важная довольно часть ихъ врагамъ, чтобы заставить ихъ молчать, по тому что рѣшительно не хотятъ слышать ничего дурного про кого бы то ни было изъ этого семейства. У насъ былъ примѣръ на дняхъ: Камергеръ Воронцовъ, братъ Вице-Канцлера, обсуживалъ открыто за столомъ, въ присутствіи Канцлера, Графа Шувалова и нѣкоторыхъ другихъ лицъ, плутовство, плохіе поступки и опасные пороки Графа Шувалова. Онъ высказался на прямки, справедливо, съ весьма хорошими доводами и съ большою основательностію. Этотъ разговоръ произвелъ много смутъ и опасеній. Императрица напрасно и долго старалась ихъ помирить, и успѣла въ этомъ только, подаривъ Камергеру одно изъ своихъ помѣстьевъ, дающее 30,000 рублей дохода. Такіе примѣры здѣсь сплошь да рядомъ. Она не имѣетъ ни малѣйшей власти, и боятся къ ней взывать изъ боязни за самую Государыню. Ей необходимо всѣхъ умиротворять дарами и наградами, она всѣмъ и всему потакаетъ. Такимъ только образомъ и только этимъ существуетъ еще это Правительство по какому-то чуду.

Имѣю честь быть.

М. Сюартъ.

С. Петербургъ.
16 Октября, 1757 года.

II-de lettre.

Quoique l'on proteste publiquement ici, que la retraite de l'armée Russienne hors de Prusse, si scandaleuse pour cette cour, n'a été exécuté que par faute de vivres et de fourrages, sur l'avis unanime d'un conseil de guerre; il y a cependant ici certains avis secrets, venant de bonne main, datés de Königsberg et de Welau, qui

marquent que selon toute apparence, elle a été entreprise en conséquence d'un ordre ou d'une insinuation reçue. Un Bourguemâistre de Welau, rendant témoignage, que lui, étant avec le Maréchal Apraxin, ce dernier avait reçu en sa présence, un courier avec des depêches d'ici, et qu'ayant lu une lettre, il avait levé les mains au ciel, comme transporté de joye, et qu'il avait d'abord après fait assembler le conseil de guerre sur quoi, la retraite avait d'abord été entreprise.

L'on croit pour sûr, que le Comte de Shouwaloff, qui depuis un an est parfaitement bien avec le Maréchal d'Apraxin, a obtenu un tel ordre de l'Impératrice en secret, ou que même il aura de son propre chef, envoyé une insinuation à cet effet au Feld-Maréchal; la dernière opinion parait fortement établie, et l'on assure, qu'il l'a fait, parceque Sa Majesté ayant eu régulièrement depuis deux où trois ans, tous les étés des attaques très fréquentes et très dangereuses, il avait prévu les mêmes attaques cette année, ce qui a été confirmé par l'événement, et qu'afin d'avoir en cas de sa mort M. d'Apraxin avec son armée à portée sur la frontière ou dans le pays, il lui avait insinué par précaution de prendre un prétexte pour se retirer et de revenir d'abord ici. Cependant on se déchaine contre ce Maréchal de la façon la plus violente, comme si par son retour il avait à attendre la plus haute disgrâce et une punition sevère pour sa conduite, mais je suis fort tranquille à cet égard.

Les mêmes avis portent aussi, que la capitulation pour la ville de Königsberg était préparée dans cette ville presque sans défense, et qu'elle aurait été présentée aux Russes, s'ils avaient seulement continué leur marche, et qu'ils auraient trouvé dans cette ville et dans ses environs des provisions en plus grande abondance, que celles, qu'ils débitent devoir aller chercher dans leurs magasins en Courlande et en Lithuanie, tout comme s'il n'aurait pas été plus commode de les faire transporter après eux, que de les aller chercher avec toute leur armée. Il n'y a rien de plus étonnant, que de voir, que cette armée n'ait point fait le moindre usage de la conquête de Memel et de toute la contrée maritime de Prusse, qu'ils occupaient depuis là jusqu'à Insterbourg, le long du golfe de la Courlande, pour transporter le restant de leurs subsistances par eau, en traversant ce golfe depuis Memel jusqu'à Insterbourg avec les galè-

res et autres bâtiments convenables d'autant plus qu'ils n'avaient à craindre aucun empêchement de la part de l'ennemi.

Le dessein du Maréchal était selon ce qu'il en a écrit ici lui même de dévaster et brûler tout dans sa retraite depuis Insterbourg jusqu' à Tilsit (mauvaise preuve de l'intention de reprendre les opérations cette année comme on a voulu le faire croire et qui donne fortement à penser, qu'on avait grand peur d'être poursuivi par l'ennemi). Mais on lui envoya d'abord défense de rien faire de semblable. Cependant il a écrit dans ce temps là au Sénat d'envoyer les ordres nécessaires en Courlande et en Livonie pour y préparer les quartiers pour l'armée qui est déjà depuis longtemps bien au delà de Tilsit. On assure, que l'on lui a envoyé ordre de disposer tellement son armée, qu'elle ait Memel au centre comme son principal magasin et de tâcher de conserver cette place. On lui a fait aussi de vifs reproches de ce qu'il n'a point envoyé, ni fait aucune mention dans ses rapports des lettres que le Feld-Maréchal Lehevald lui a écrit, touchant les dévastations que les troupes irrégulières ont commises en Prusse et touchant l'échange des prisonniers, avec ordre d'envoyer d'abord ici les originaux de ces lettres. Le Général Sibilsky a aussi fait de grandes plaintes ici de ce que pendant la bataille, le matin à 7 heures et demie il avait fait prier le Maréchal Apraxin de lui envoyer quelques dragons et troupes irrègulières pour occuper les défilés, que l'ennemi devait passer dans la retraite, assurant, qu'il lui rendrait bon compte de toute l'armée Prussienne, que quoiqu'il eut réitiré à tous moments cette prière, il n'en avait pu obtenir aucune réponse jusqu'à 4 heures du soir, qu'il lui envoya quelques Cosaques, lorsque l'ennemi avait déjà passé les dé filés et qu'il étaittrop tard pour pouvoir rien exécuter. Pendant labataille toute la cavalerie russienne, soi disant réglée, fut culbutée en moins de rien; et ce qui ne fut pas tué fuit depuis Jegersdorf jusqu'à Instèrbourg sans regarder derrière soi; la plus grande perte fut parmi elle; cependant on n'en a presque pas fait mention dans la liste, et l'on n'y a inséré que les noms des officiers, dont la perte pouvait s'apercevoir ici, les autres noms, peu où point connus, sont omis. La perte entière fut de près de 20 mille hommes, parmi lesquels il y eut huit cents officiers, et selon le dernier rapport du Mar. Apraxin, toute son infanterié ne consiste plus qu'en 45 mille hommes, ou environ, ce qui fait à peu près la moitié de ce, qu'il

avait, quand il s'est mis en marche. On a gagné la victoire, on ne sait, comment par le moyen de l'infanterie, qui a forcé ses officiers de faire ferme, ou d'avancer, comme à Wilmanstrand, pendant la dernière guerre contre la Suède.

Cette conduite, selon toute apparence, dérangera principalement l'entreprise des Suèdois en Poméranie.

En attendant le Ministre Saxe n'a point encore reçu de réponse aux représentations, qu'il a faites contre cette rétrogradation et le Comte Esterhazi n'avait point encore eu ordre de sa cour ces jours passés de faire de pareilles remontrances.

Le Chevalier Lambert, qui a été enlevé depuis quelque temps de la prison à Warsovie, est depuis quelques semaines dans cette capitale; pendant qu'on le transportait ici il a trouvé moyen de jeter secrétement du chariot sur le chemin entre Peterhoff et ici quelques billets, contenant ces mots: «Mes chers amis! Je vous prie au nom de Dieu faites savoir à ma pauvre femme à Dantzig, que son mari, le Chevalier Lambert existe.» Deux de ces billets ont été trouvés par deux marchands Allemands, nommés Groot et Lindenson, qui étaient allés par hasard se promener sur ce chemin. Il est renfermé ici avec les deux espions, Römer et Manstein, dont j'ai eu l'honneur de vous parler cy-devant et qui ont déjá subi le knout; si Lambert n'y a pas déjà passé, il ne l'échappera certainement pas.

Le 8 de ce mois l'Impératrice eut encore dans son appartement une nouvelle attaque d'apoplexie, mais pas si violente, que celle, qu'elle eut à Crasnoe Selo; elle fit le lendemain un effort pour paraître en public à la cour, mais au lieu de se tenir debout, ou de marcher, comme elle a coutume de faire, elle fut obligée de s'asseoir d'abord comme pour jouer, mais elle s'y trouva mal et se fit donner du castoreum seulement, croit on pour faire croire au public, que son mal n'est autre chose, que des passions hystériques; ensuite elle se retira. On a encore tenté à ce qu'on m'assure de faire revenir ici le Professeur Gaubius. Je n'ai pas encore pu rien apprendre de nouveau, touchant le traité secret, qui se négocie entre les cours de Vienne, de France, de Russie et (selon toute apparence) de Suède, et dont j'ai eu l'honneur de vous entretenir dans ma lettre du 23 Août. En attendant le Comte Esterhasi a été fort souvent depuis quelque temps avec le Baron de Poste, Ministre de Suède, en

conférence avec le Grand Chancelier. L'ambassade de France, sur la magnificence de laquelle on s'était au commencement forgé les idées les plus brillantes, paraît de jour en jour tomber de plus en plus dans le déclin; tant à cause de leur économie peu commune et par ce que ceux, qui font ici profession de protéger les arts et les sciences, et qui ont pour cette raison beaucoup contribué à l'accommodement de cette cour avec la France, s'étaient attendus, qu'elle aurait amené à sa suite un grand nombre de beaux esprits de France (au lieu qu'il n'y a rien de plus médiocre, que ce que s'y trouve), que parceque M. L'Ambassadeur, homme d'ailleurs fort raisonnable, ne parle que touchant et contre des excès commis, il y a plusieurs années par les Haydamaques de Pologne, ajoutant toujours: «De la part de ma cour», et mille autres bagatelles et procédures de cette cour en Pologne, qui paraîssaient n'avoir pas plû à la France, laquelle veut à cause de cela, qu'on les redresse; et ce de quoi l'on ne veut pas entendre parler ici; c'est pourquoi l'on compte pour sûr, que cette nouvelle harmonie ne sera pas, ni peut être de longue durée.

Cet Ambassadeur, qui ne tire que 140 mille livres d'appointement, dont il ne peut pas subsister ici, a dejà demandé son rappel, à moins que sa cour ne veuille lui donner une augmentation de salaire. Les cinq cavaliers d'ambassade reçoivent de leur cour ensemble dix mille livres, dont ils doivent s'entretenir et se nourrir, sans que l'Ambassadeur lèur donne rien, ni soit obligé de leur rien donner, de sorte qu'ils font une figure extrêmement mince; c'est pourquoi il les a rebaptisés au lieu de cavaliers d'ambassade, j e u n e s g e n s d e f a m i l l e, q u i v o y a g e n t a u x d é p e n s d u R o i. Le Grand Chancelier s'est laissé entrainer bon gré, mal gré, lui même dans le parti Français, emporté par le torrent et en partie par la crainte bien fondée de leurs efforts pour opérer sa chûte, quoiqu'il soit un peu tranquillisé sur ce dernier article par la cour de Saxe, qui a fait en sorte, par le moyen de la Dauphine, e le faire charger des instructions, que l'on avait données à l'Ambassadeur sur ce point, mais il ne s'y fie pas plus que de raison. Son Excellence me l'a fait connaître ouvertement avec les plus fortes assurances (qu'il m'a réiterer plusieurs fois), que, malgré tout cela, son coeur est toujours porté pour l'Augleterre, et dès qu'on n'aura plus besoin ici de ména-

ger la France, il ne laissera passer aucune occasion de rétablir les affaires avec cette cour sur l'ancien pied.

Les ratifications du traité de subside entre la cour de Vienne et le Grand Duc ont été échangées le 10 du courant, et M. l'Envoyé de Danemarc paraît avoir perdu tout espoir de venir à bout d'échanger le Duché de Holstein contre les Comtés d'Oldenbourg et de Delmenhorst.

Il est certain, que la flotte Russienne ne s'est retirée dans les ports de Suède par aucune autre raison, que la crainte de voir une escadre Anglaise dans la mer Baltique; à peine est—il resté assez de monde sur cette flotte, pour la ramener dans ces ports, de sorte que même les officiers ont été forcés de faire la manoeuvre des matelots; la plupart des équipages étant morts en mer et le reste, qui en fait la moindre partie, ayant été transporté extrêmement malade dans les hopitaux. De toute la flotte on n'a pu depuis peu trouver passablement de monde que pour 7 vaisseaux, qui ont été employés sous les ordres du Vice-Amiral Polansky, pour transporter quelques-vivres et fourrages à Memel.

On paraît ici effectivement concevoir beaucoup d'ombrage de la venue du Colonel Anglais Campbell à Stockholm, et de ce que M-r. le Chevalier Williams a présentement repris le dessein d'aller par ce chemin là, et cela justement dans le temps, qu'on a eu ici la nouvelle de l'arrivée du Colonel à Stockholm, et l'on semble craindre fort, qu'il y a une négociation sur le tapis contre cet empire entre les cours de la Grande Bretagne, de Suède, de Danemarc et de la Prusse; quel fondement il y a eu pour cela, c'est ce que j'ignore, mais le déplorable et misérable état de décadence, où l'on se trouve ici, et qui augmente journellement, sans qu'on voie le moins du monde, où cela finira, paraît avoir beaucoup de part à ces frayeurs.

Il vous sera peut-être connu, Monsieur, que cette cour, conjointement avec celle de France et de Suède, ont beaucoup pressé la cour de Danemark depuis quelque temps, de prendre de concert avec elles, des mesures efficaces pour s'opposer à la venue d'une escadre Anglaise dans la mer Baltique; le roi de Danemark a répondu «qu'il n'avait pas la moindre information d'aucun dessein, qu'eut la cour d'Angleterre d'envoyer une telle escadre dans la Baltique; qu'il ne le pouvait pas même croire, mais qu'au cas, que cela fut

fait cependant, sa Majesté avait résolu de se servir de la voie de la négociation, ou de faire contre cette démarche des représentations amicales, mais nullement de s'y opposer par la force, ce qui serait absolument contraire à la neutralité, que Sa Majesté avait embrassée.

J'ai l'honneur d'être etc.

Swart.

S.-Petersbourg.
19 Oct. 1757.

Хотя здѣсь завѣряютъ открыто, что отступленіе Русской арміи изъ Прусіи, столь позорное для этого Двора, случилось только въ слѣдствіе недостатка припасовъ и корму и по единогласному мнѣнію военнаго совѣта, но есть тутъ нѣкоторыя тайныя извѣщенія, исходящія изъ вѣрныхъ рукъ и помѣченныя въ Кенигсбергѣ и Велавѣ, которыя замѣчаютъ, что, по всему видимому, отступленіе свершилось по приказанію, или намеку, присланному отсюда. Въ Велавѣ Бургомистръ удостовѣряетъ, что когда онъ находился съ Фельдмаршаломъ Апраксинымъ, къ послѣднему, въ его присутствіи, явился курьеръ съ бумагами отсюда; Апраксинъ прочелъ письмо, поднялъ руки къ небу, какъ будто весьма обрадованный, и тотчасъ велѣлъ собраться военному совѣту, на которомъ предпринято было дѣло объ отступленіи.

Почти навѣрное думаютъ, что Графъ Шуваловъ, который уже съ годъ въ весьма хорошихъ отношеніяхъ съ Апраксинымъ, тайно выпросилъ у Государыни такое приказаніе, или даже лично самъ послалъ внушеніе въ такомъ смыслѣ Фельдмаршалу; послѣднее мнѣніе, кажется, преобладаетъ, и даже увѣряютъ, что Графъ такъ поступилъ на томъ основаніи, что Ея Величество уже два, или три, года, каждое лѣто подвергается частымъ и опаснымъ припадкамъ; Графъ предвидѣлъ повтореніе припадковъ нынѣ лѣтомъ, что и подтвердилось самымъ дѣломъ; по тому онъ, въ случаѣ смерти Государыни, пожелалъ имѣть по близости Апраксина и его войско, хотя бы на границѣ, или въ самой Россіи; онъ и внушилъ ему изъ предосторожности прибѣгнуть къ предлогу, чтобы отступить и вернуться сюда. Здѣсь чрезвычайно раздражены противъ Фельдмаршала, и точно, онъ, въ слѣдствіе своего возвращенія сюда, подвергнется величайшей

опалѣ и строгому наказанію за свой поступокъ; но я весьма покоенъ на этотъ счетъ.

Оттуда же увѣдомляютъ, что все было готово для сдачи Кенигсберга, города почти-беззащитнаго, и его бы сдали Русскимъ, если бы они продолжали путь; они нашли бы въ этомъ городѣ и въ его окрестностяхъ припасы въ бóльшемъ изобиліи, нежели въ тѣхъ магазинахъ, къ которымъ они должны будто были пойти въ Куронію и Ливонію; подумаешь, не удобнѣе ли было бы перевозить припасы съ собой, чѣмъ отправляться за ними съ цѣлою арміею. Странно, когда подумаешь, что эта армія ни сколько не воспользовалась завоеваніемь Мемеля и всей береговой стороны Прусіи, которую она заняла до Инстербурга вдоль Куронскаго залива, армія, которая перевезла остатокъ своихъ припасовъ моремъ, пересѣкая заливъ отъ Мемеля до Инстербурга на галерахъ и другихъ сподручныхъ судахъ тогда, когда она не могла опасаться ни какой помѣхи со стороны непріятеля.

Фельдмаршалъ намѣревался, судя по его письмамъ, все опустошить и сжечь при отступленіи отъ Инстербурга до самаго Тильзита (плохое доказательство желанія возобновить военныя дѣйствія въ этомъ году, что старались именно этимъ доказать, и что невольно заставляетъ думать, не боялись ли весьма преслѣдованія непріятеля). Но Апраксину тотчасъ приказали ни чего не предпринимать подобнаго. Въ то время онъ написалъ Сенату просьбу сдѣлать нужныя распоряженія въ Куроніи и Ливоніи, чтобы тамъ приготовить квартиры для арміи, которая уже далеко за Тильзитомъ. Увѣряютъ также, что Апраксину послали приказъ такъ расположить свою армію, чтобы Мемель былъ въ срединѣ, какъ главный магазинъ, и всячески стараться удержать за собой этотъ городъ. Его упрекаютъ тоже въ томъ, что онъ не присылалъ, и даже не отозвался въ своихъ рапортахъ о письмахъ, посланныхъ ему Фельдмаршаломъ Легевальдомъ (Левальдомъ) относящихся къ опустошеніямъ, произведеннымъ въ Прусіи иррегулярными войсками, касающихся также обмѣна плѣнныхъ. Апраксину велѣли тотчасъ прислать сюда письма въ подлинникѣ. Генералъ Сибильскій (?) тоже сильно здѣсь жаловался на то, что во время сраженія, въ половинѣ осьмаго утромъ, онъ велѣлъ попросить у Фельдмаршала Апраксина нѣсколько драгуновъ и иррегулярныхъ войскъ, чтобы занять проходы, чрезъ которые непріятель долженъ былъ проходить

въ своемъ отступленіи, увѣряя, что легко тогда справиться со всею Прускою арміею; и хотя Генералъ безпрестанно повторялъ свою просьбу, но не могъ добиться ни какого отвѣта отъ Апраксина до четырехъ часовъ вечера, когда ему прислали наконецъ нѣсколько Казаковъ; но уже непріятель прошелъ ущелья, и слишкомъ было поздно, чтобы предпринять что ни будь. Во время сраженія вся Русская конница, собственно регулярная, была опрокинута въ одинъ мигъ, и, кто, не былъ, убитъ, бѣжалъ отъ Егерсдорфа до Инстербурга безъ оглядки; самыя большія потери понесены ею; и, однако, объ этомъ даже не упоминается въ донесеніи; тамъ помѣщены имена только тѣхъ Офицеровъ, которыхъ смерть могла быть здѣсь замѣчена; совершенно не упомянули объ именахъ мало, или вовсе, неизвѣстныхъ. Общая потеря простиралась до 20,000 человѣкъ, между которыми 800 Офицеровъ, а судя по послѣднему рапорту Апраксина, вся его пѣхота состоитъ только изъ 35,000 человѣкъ, или около того, что составляетъ почти половину того войска, которое у него было, когда онъ пошелъ въ походъ. Сраженіе выиграно, не извѣстно, какимъ образомъ, пѣхотой, которая принудила своихъ Офицеровъ отстаивать позицію, или итти впередъ, точь въ точь какъ въ Вильманстрадѣ, во время послѣдней войны со Швеціею.

По всему такое положеніе дѣлъ разстроитъ въ особенности предпріятіе Шведовъ въ Поморьѣ (Помераніи).

Впрочемъ, Саксонскій Министръ не получилъ еще отвѣта на сдѣланныя имъ представленія по случаю отступленія, а Графъ Эстергази еще не имѣлъ на дняхъ ни какихъ повелѣній отъ своего Двора сдѣлать подобныя же представленія.

Кавалеръ Ламбертъ, котораго недавно похитили изъ Варшавской темницы, находится въ этой столицѣ уже нѣсколько недѣль; пока его везли сюда, онъ нашелъ средство тайно бросить изъ телѣги на дорогу, между здѣшнимъ мѣстомъ и Петергофомъ, нѣсколько записокъ слѣдующаго содержанія: «Любезные друзья! Прошу васъ, именемъ Бога, дать знать моей бѣдной женѣ въ Гданскѣ, что ея мужъ, Кавалеръ Ламбертъ, здѣсь. Двѣ записки найдены были двумя Нѣмецкими купцами, по имени Гротомъ и Линдеманомъ; они случайно пошли прогуляться по этой дорогѣ. Его заключили здѣсь съ двумя шпіонами, Рёмеромъ и Манштейномъ, о которыхъ я имѣлъ честь Вамъ докладывать, и которые уже нака-

заны были кнутомъ; если Ламбертъ не подвергся еще этому наказанію, то навѣрное его не избѣгнетъ.

Осьмаго числа этого мѣсяца Императрица подверглась въ своихъ покояхъ снова апоплексическому удару, но не столь сильному, какъ въ Царскомъ Селѣ; на другой день она усилилась показаться Двору, но чѣмъ бы держаться стоя, или ходить по своему обыкновенію, она принуждена была сѣсть, подъ видомъ игры въ карты; но съ ней сдѣлалось дурно, и она велѣла себѣ прописать только бобровой струи; повѣрите ли, для чего? чтобы заставить подумать всѣхъ, что она страдаетъ только истерикой, потомъ она удалилась. Здѣсь пытались также, какъ увѣряютъ, по крайней мѣрѣ, вернуть сюда Професора Гобіуса. Ничего немогъ я еще узнать новаго о тайномъ договорѣ, который заключается между дворами Вѣнскимъ, Французскимъ, Русскимъ и (по видимому) между Шведскимъ, о чемъ я уже имѣль честь Вамъ передавать въ письмѣ 23 Августа. Между прочимъ Графъ Эстергази съ нѣкоторыхъ поръ часто бывалъ на совѣщаніи съ Великимъ Канцлеромъ вмѣстѣ съ Барономъ de Passe, Шведскимъ Посланникомъ Французское Посольство, о великолѣпіи котораго сначала шли самые восторженные слухи, кажется, упадаетъ день отъ дня, сколько въ слѣдствіе своей необыкновенной економіи, столько и по тому, что тѣ, которые заявляютъ себя здѣсь покровителями искуствъ и наукъ, и по этой причинѣ много способствовали хорошимъ отношеніямъ Французскаго Двора съ здѣшнимъ, ожидали, что Посольство привезетъ съ собою изъ Франціи много остроумныхъ людей (вмѣсто того нѣтъ ничего посредственнѣе личностей, изъ которыхъ состоитъ Посольство), но и самъ Посолъ, человѣкъ, впрочемъ, весьма разсудительный, говоритъ только о безчиніи, которое позволили себѣ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, Польскіе Гайдамаки, и все еще прибавляетъ: «Со стороны моего Двора;» онъ говоритъ также о многихъ другихъ пустякахъ, равно какъ о происках этого Двора въ Польшѣ, которые сильно не понравились Франціи; послѣдняя даже желаетъ по тому, чтобы ихъ загладили, а здѣсь объ этомъ и слышать не хотятъ; на такомъ основаніи разсчитываютъ навѣрно, что хорошія отношенія не будутъ, и не могутъ быть, долговременны.

Посолъ получаетъ не болѣе 140,000 ливровъ жалованья, которые недостаточны для жизни здѣсь; по тому онъ просился уже

въ отставку, и останется тогда, когда Дворъ увеличитъ его содержаніе. Пять Посольскихъ чиновниковъ, всѣ вмѣстѣ, получаютъ отъ Двора 10,000 ливровъ на содержаніе и прокормленіе, и Посолъ ничего не даетъ имъ и не долженъ давать; такимъ образомъ они играютъ весьма незначительную роль, и онъ перекрестилъ ихъ, назвавъ, вмѣсто чиновниковъ Посольства, молодыми людьми знатныхъ семействъ, которые путешествуютъ на иждивеніи Короля. Великій Канцлеръ, волей, неволей, вовлекся въ партію Французскую, отчасти въ слѣдствіе общаго къ ней стремленія, отчасти изъ основательнаго опасенія подвергнуться паденію изъ за ихъ усилій; онъ, однако, немного успокоился въ этомъ отношеніи дѣйствіями Саксонскаго Двора, который, посредствомъ супруги Дофина, заставилъ передать ему тѣ наказы, которые даны были Послу объ этомъ предметѣ; но онъ все таки этому не довѣряется. Его Превосходительство ясно мнѣ въ этомъ открылся, и сильно старался увѣрить меня (онъ повторялъ увѣренія нѣсколько разъ), что, не смотря на все предыдущее, онъ сердцемъ за Англію, и едва только минетъ необходимость щадить Францію, онъ не упуститъ случая возстановить дѣла съ Англіей на прежнемъ основаніи.

Утвержденіе договора о помощи между Дворомъ Вѣнскимъ и Великимъ Княземъ произошло десятаго числа текущаго мѣсяца, и Посланникъ Датскій, кажется, совершенно потерялъ надежду добиться обмѣна Герцогства Голштинскаго на Графства Ольденбургское и Дельменгорстское.

Совершенно вѣрно, что Русскій флотъ удалился въ Шведскія пристани только по тому, что опасался появленія Англійской эскадры въ водахъ Бальтійскаго моря; едва осталось довольно народа на корабляхъ, чтобы привести ихъ въ этѣ пристани, такъ что даже Офицеры принуждены были замѣнять въ маневрахъ матросовъ; большая часть послѣднихъ умерла на морѣ, а остальные, составляющіе меньшую часть, были перевезены въ весьма болѣзненномъ состояніи въ больницы. Во всемъ флотѣ недавно только набрали достаточно народу для семи кораблей, которые, подъ начальствомъ Вице-Адмирала Полянскаго, употреблены были на перевозъ припасовъ и корму въ Мемель.

Здѣсь дѣйствительно сильно косятся по случаю прибытія Англійскаго Полковника Кампбеля въ Стокгольмъ, и на то, что

Кавалеръ Уильямсъ снова вознамѣрился вернуться этимъ путемъ, какъ разъ въ то время, когда здѣсь получили извѣстіе о прибытіи Полковника въ Стокгольмъ; сильно опасаются начинающихся переговоровъ противъ Россіи между Дворами Великобританіи, Швеціи, Даніи и Прусіи; какое имѣется на это основаніе, я не знаю, но думаю, что должно быть плачевное и жалкое положеніе упадка, въ которомъ находится Россія; положеніе, которое ухуджается ежедневно, никто не предвидитъ ему конца, и оно-то и усиливаетъ здѣсь страхъ.

Вамъ, вѣроятно, извѣстно, Милостивый Государь, что здѣшній Дворъ, въ связи въ Французскимъ и Шведскимъ, сильно настаивалъ съ нѣкоторыхъ поръ передъ Датскимъ Дворомъ о совокупныхъ дѣйствіяхъ съ означенными Дворами для принятія необходимыхъ мѣръ противъ вторженія Англійской эскадры въ Балтійское море; отвѣтъ Короля Датскаго былъ таковъ: «Онъ не имѣетъ ни какого извѣстія о предполагаемомъ намѣреніи Англійскаго Двора; т. е., о высылкѣ эскадры въ Балтійское море; онъ не можетъ даже этому повѣрить и, въ случаѣ подобной мѣры, Его Величество рѣшился употребить въ дѣло переговоры, или выступить противъ этой мѣры съ дружескими представленіями, но что онъ вовсе не намѣренъ прибѣгать къ силѣ, что совершенно противорѣчило бы невмѣшательству, принятому Его Величествомъ за правило.»

Я имѣю честь быть и проч.

Суартъ.

С.-Петербургъ.
19 Октября, 1757 года.

III lettre.

Monsieur!

Lorsque l'Impératrice de Russie s'est exprimée si peu gracieusement dimanche passé au sujet d'Apraxin et de ceux, qui voulaient tâcher de le justifier, nommément du Comte de Schouvaloff. Elle se servit de ces termes: «Ce sont des traîtres; ils ont reçu de l'argent pour cela.» C'est de là, que vient la feinte maladie du Comte de Schouwaloff, qui a tâche de s'insinuer de nouveau, en faisant

marcher et passer en revue une légion de son corps d'observation, mais cela ne parait pas avoir produit son effet. Il y a des gens, qui croyent, que cette leçon n'a été apprise à l'Impératrice, que pour faire accroire aux Ministres des puissances interessées, qu'elle est sensible à la conduite infâme d'Apraxin. Le Grand Chancelier, qui est un des plus animés contre lui, aurait mieux aimé, qu'on l'eut laissé à Riga et qu'on eut nommé une Commission pour l'examiner là plutôt que de le faire revenir ici. Il y a toujours eu beaucoup de liaison et de confidence entre ces deux là, comme vous le savez bien; mais à présent dit le Grand Chancelier il n'est pas à craindre, qu'il puisse rien dire à son préjudice. Je le souhaite et je ne crois pas, que l'affaire d'Apraxin soit poussée bien avant, vû l'impunité, qui règne ici à tous égards et que Sa Majesté est tellement obsédée et ensorcelée par la famille du Comte de Shouwaloff, qu'elle ne peut vivre, ni être en repos sans eux; elle a dit elle même publiquement, que cette campagne lui a couté neuf millions; je n'ai pas de peine à le croire, vû le nombre de gens niais, par lesquelles les affaires doivent passer, où plutôt le nombre de gens, qui doivent avoir part au gâteau. En attendant, l'armée n'a ni bas, ni souliers, manquant de tout et est actuellement dans un état plus pauvre et plus misérable après sa prétendue victoire complête, qu'elle ne fut après sa grande et extraordinaire défaite à la fameuse bataille de Narva On en entend parler tous les jours de plus en plus. Pendant que j'écris ceci, je reçois de la maison de l'Ambassadeur de la cour de Vienne le billet suivant: «M-r Kempel est de retour de l'armée; le portrait, qu'il nous a fait de l'état, où il l'a trouvée, est affreux et ne nous promet rien de bon. On y envoyerait un Turenne, ou un Condé, il ne serait pas en état de rien entreprendre, et pour remédier aux maux pressants, il pourrait commencer par y faire marcher une armée, l'autre étant réduite à rien, ou peu de chose. Cela entre nous.» Le Lieutenant Général Impérial S.-André a demandé à sa cour son rappel de cette armée, disant, qu'il ne voulait plus longtemps partager la honte et l'infamie de cette nature.

J'ai l'honneur d'être etc.

Swart.

St.-Pétersbourg.
Le 28 Oct., 1757.

Милостивый Государь!

Русская Императрица выразилась не совсѣмъ ласково въ прошлое Воскресенье, говоря объ Апраксинѣ и о тѣхъ, которые старались его оправдать, именно, о Графѣ Шуваловѣ. Она выразилась такъ: «Это измѣнники. Ихъ, вѣроятно, подкупили.» Вотъ отъ чего и произошла мнимая болѣзнь Графа Шувалова, который старался, однако, снова попасть въ милость, назначивъ смотръ и парадъ своему наблюдательному корпусу; но это не произвело, кажется, должнаго впечатлѣнія. Есть даже лица, которыя думаютъ, что выше сказанное выраженіе навѣяно Государынѣ, чтобы заставить подумать Министровъ заинтересованныхъ Государствъ, что она дѣйствительно возмущена безчестнымъ поступкомъ Апраксина. Великій Канцлеръ очень противъ него ожесточенъ, но желалъ бы лучше, чтобы его оставили въ Ригѣ и назначили лучше Коммисію, чтобы разобрать дѣло тамъ, нежели вызывать Апраксина сюда. Эти два лица всегда были весьма близки и довѣрчивы другъ къ другу, какъ Вамъ это не безъизвѣстно; но теперь говоритъ Великій Канцлеръ, нечего опасаться, чтобы Апраксинъ сказалъ что ни будь ему во вредъ. Я тоже этого желаю и не думаю, чтобы дѣло Апраксина зашло далеко, благодаря царствующей здѣсь безнаказанности, и тому, что Ея Величество до того обойдена и осаждена членами Шуваловскаго рода, что она не можетъ ни жить, ни быть покойной безъ нихъ; она сама сказала при всѣхъ, что эта кампанія стоила ей до девяти мильоновъ; и вполнѣ этому вѣрю, судя по числу простаковъ, въ рукахъ которыхъ перебывали дѣла, или скорѣе по числу тѣхъ лицъ, которыя должны пользоваться отъ этихъ дѣлъ. Между тѣмъ у арміи нѣтъ ни чулокъ, ни башмаковъ; она нуждается во всемъ и находится теперь въ положеніи болѣе бѣдственномъ и стѣсненномъ послѣ своей пресловутой побѣды, нежели въ какомъ была послѣ великаго и удивительнаго пораженія, бывшаго при знаменитой Нарвской битвѣ. День ото дня болѣе и болѣе объ арміи говорятъ. Въ то время, какъ я пишу, получилъ изъ дома Посла Вѣнскаго Двора записку слѣдующаго содержанія: «Г-нъ Кемпель вернулся изъ арміи; онъ сдѣлалъ намъ такое описаніе ужаснаго положенія, въ которомъ она находится, что мы ничего хорошаго не ожидаемъ. Пошли туда хотя Тюреня, или Конде, и они не въ состояніи будутъ ничего предпринять, и что-

бы помочь стѣсненнымъ обстоятельствамъ, надобно сначала послать уда армію, такъ какъ другая почти доведена до ничтожности, или до незначительности. Все это останется между нами.»
Имперскій Генералъ-Лейтенантъ Сентъ-Андре просилъ свой Дворъ вызвать его изъ этой арміи, говоря, что онъ не хочетъ долѣе раздѣлять подобный позоръ и подобное безчестіе.

Я имѣю честь быть и проч.

Суартъ.

С.-Петербургъ.
28 Октября, 1757 года.

IV lettre.

Monsieur!

La parade, que le Comte de Shouwalloff passa Mercredi dernier avec la légion de son corps d'observation n'a point eu auprès de Sa Majesté Impériale le succès, qu'il en attendait, savoir: de s'insinuer de nouveau par là auprès d'elle. C'est là dessus, qu'il lui fit remettre le lendemain par son frère l'avis des médecins, qu'il ne pouvait être guéri ici, mais qu'il doit aller aux bains, dans l'espoir, que la réponse serait un refus et que Sa Majesté ne pourrait se passer de lui; mais bienloin de là on lui fit dire, qu'il pouvait partir; ce n'est pas là son intention. Là dessus il fit encore tenir le jeudi une consulte avec toute la Faculté, qui a persisté, dans son premier avis. Après leur avoir donné à chacun 200 roubles, il les retint tous à manger, et pendant le repas il exalta jusqu'aux nues sa capacité universelle, son courage, ses bonnes inclinations, son zèle, sa fidélité et son affection cordiale pour le bien de Sa Majesté Impériale et de l'Empire, pour lequel, disait-il, il serait près même d'escalader les cieux avec ses six légions, mais déplorant amèrement son état faible et dangereux, qui ne lui laissait pas assez de force pour prouver ses bonnes intentions de la façon qu'il le voudrait bien, pour cette raison et parce qu'on a fait partir ses légions de la ville immédiatement et contre son attente pour l'envoyer à l'armee, il a demandé hier par écrit d'être déchagé du commandement, et de la direction de ce corps, quoique ce ne soit point là du tout sa véritable intention. S'il n'était pas tout à fait aveugle, il se mettrait une bonne

fois en chemin, le plutôt le mieux, et pour toujours avec ses trésors immenses. Mais il serait alors vraisemblablement le premier des siens, qui aurait choisi le parti le plus prudent. Aussi longtemps cependant, que l'Impératrice vivra, il ne paraît pas qu'il ait beaucoup à craindre.

Il est certain, que le restant de l'armée, qui avant la campagne, passait les cent mille hommes, ne monte pas à présent à 40 mille hommes. Je ne vois point, comment on peut réparer cette perte; les régiments de garnison n'étant pas autre chose qu'un nom, et une nouvelle levée de recrues demanderait pour le moins deux ans, avant qu'on peut les rassembler en un corps. La Flotte est encore absolument sans monde. De ceux, qui ont été transportés de la mer malades dans le seul hôpital de Cronstadt, il est mort depuis 13 semaines au delà de 10 milles hommes.

J'ai l'honneur d'être etc.

Swart.

St.-Pétersbourg.
Le 1 Novembre, 1757.

Милостивый Государь!

Графъ Шуваловъ въ прошлую Середу сдѣлалъ смотръ своему наблюдательному корпусу, но смотръ этотъ не имѣлъ въ глазахъ Ея Величества того успѣха, котораго Графъ ожидалъ, именно возможности снова попасть въ милость. Тогда-то онъ рѣшился на другой день передать Ея Величеству, чрезъ посредство брата, мнѣніе врачей, которые находятъ, что онъ не можетъ излѣчиться здѣсь и долженъ ѣхать на воды, въ надеждѣ, что Государыня въ этомъ откажетъ, будучи не въ состояніи обойтись безъ него; но, вмѣсто того, ему велѣли передать, что онъ можетъ ѣхать; а это вовсе не его намѣреніе. Тогда Графъ снова затѣялъ въ Четверкъ совѣщаніе съ цѣлымъ Медицинскимъ Факультетомъ, который поддержалъ свое первоначальное мнѣніе. Графъ далъ каждому члену по двѣсти рублей и пригласилъ всѣхъ къ обѣду, а во время послѣдняго сталъ превозносить до небесъ свои всеобъемлющія способности, свое мужество, свои хорошія наклонности, свое рвеніе, свою вѣрность и свою сердечную привязанность къ пользамъ Ея Императорскаго Величества и самаго Государства, для

котораго, говорилъ онъ, готовъ бы даже взобраться на небеса со своими шестью легіонами, но, къ сожалѣнію, его слабое здоровье и опасное положеніе не оставляютъ ему достаточно силъ для доказательства его прекрасныхъ намѣреній тѣмъ способомъ, который ему желателенъ; а такъ какъ всему его корпусу велѣно было тотчасъ отправиться изъ столицы для соединенія съ арміей, и противъ его ожиданія, то Графъ подалъ вчера письменно просьбу объ отставкѣ отъ должности начальника и коменданта этого корпуса, хотя это вовсе не настоящее его намѣреніе. Если бы онъ не былъ такъ слѣпъ, то уже за одинъ разъ, и чѣмъ раньше, тѣмъ лучше, пустился бы въ путь навсегда съ своими огромными богатствами. Но тогда онъ былъ бы первымъ между своихъ, кто рѣшился бы избрать такой благоразумный исходъ. Но кажется, пока жива будетъ Государыня, ему нечего многаго опасаться.

Совершенно извѣстно, что остатокъ арміи, которая до похода простиралась до 100,000 человѣкъ, не превышаетъ теперь 40,000. Я не вижу, чѣмъ можно вознаградить подобныя потери, тѣмъ болѣе, что гарнизонные полки существуютъ только по имени, а новый наборъ потребуетъ, по крайней мѣрѣ, года два времени, пока можно будетъ составить изъ рекрутовъ цѣлый корпусъ. Флотъ все еще крайне нуждается въ людяхъ. Изъ тѣхъ, которыхъ привезли съ моря больными въ единственную больницу въ Кронштатѣ, въ теченіе 13 недѣль умерло болѣе десяти тысячъ человѣкъ.

Я имѣю честь быть и проч.

Суартъ.

С.-Петербургъ.
1 Ноября, 1757 года.

IV.

Два тайнописныя сообщенія Кейта Лорду Гольдернесу и Англійскому Послу при Прускомъ Дворѣ Митчелю по поводу удаленія и взятія подъ стражу Канцлера Бестужева. *

1.

Отъ Кейта къ Гольдернесу.

Petersbourg, 14 March, 1758.

The Empress of Russia is in perfect good health. M. Bestucheff, the late Chancellor, is still under close confinement in his own house, and there are frequent meetings there of the persons employed to enquire into his affairs, but nobody can yet determine, what will be that unfortunate Ministers fate, though people in general think, from the known goodness of the Empress, that nothing violent will be done to his person.

His fall was certainly owing to the joint endeavours of the Imperial and French Ambassadors, but the thing had been long contriving by his enemies at court, and the immediate pretence fo it was his having entered into some entrigues with the Grand Dutchess and which it is supposed had been discovered in Mareshal Apraxin papers, that were seized at Narva and brought to Petersbourg about a month ago, and the affaer was pushed with more vivacity, as it is pretended, upon the French party's hearing ot my coming nearer this place, and what confirms this opinion was Bestucheff being arrested on the very day, that the accounts arrived here of my being come to Riga.

But be that, as it will, I found at my arrival the French party in possession of the whole credit at court, and the two Ambassadors, Esterhazi and Marquis de l'Hopital, giving the law at both, court and town. They have likewise got the Great Duke absolutely in their hands, having in order there to alienated his affection from the Grand Dukhess, who used great influence over him, and it is supposed, that one Brocksdorff has been the instrument of this change, who ingratiated himself with his Imperial Highness, by encou-

---

* Addit. Mss. N. 6825. Mitchell Papers vol. XXII.

raging him in all sort of debauchery. The Grand Dutchess complained of him to the Empress sometimes befor, but unfortunately her complaints were not listined; to her enemies having taken care to give the Empress of Russia by false suggestions bad impressins of her Highness, so that at present she is far from being well at court, and two days ago M-r Stambke, the Grand Dukes Minister for the affairs of the Dutchy of Holstein and entirely devoted to the Great Dutechess, was put under arrest on pretence on his being in close connexion with the late Chancellor, and even of having carried on a secret correspondence with him since his imprisonment.

This being the situation of affairs. Iour Lordship will easily imagine, that is not a time for me to enter into ang political business at this court, and I am resolved to see well about me, before I enter upon any thing of that kind.

Петербургъ. 14 Марта, 1758 г.

Здоровье императрицы находится въ очень хорошемъ состояніи. Бывшій Канцлеръ Бестужевъ до сихъ поръ содержится подъ строгимъ надзоромъ въ своемъ собственномъ домѣ. Тамъ же происходятъ частныя засѣданія Коммисіи изъ лицъ, которымъ поручено произвести надъ нимъ слѣдствіе. Никто еще не знаетъ, какая участь готовится несчастному Министру, хотя всѣ вообще склонны думать, зная доброту Императрицы, что надъ нимъ лично не будетъ произведено ни какого насилія. Паденіе его несомнѣнно слѣдуетъ приписать совокупнымъ усиліямъ Французскаго и Австрійскаго Пословъ, хотя все дѣло было еще задолго подготовляемо его врагами при Дворѣ; непосредственнымъ же поводомъ къ его паденію были переговоры его съ Великой Княгиней, слѣды которыхъ открыты, какъ предполагаютъ, въ бумагахъ Фельдмаршала Апраксина, захваченныхъ въ Нарвѣ и привезенныхъ, съ мѣсяцъ тому назадъ, въ Петербургъ. Увѣряютъ, что все дѣло было подвинуто быстрѣе, какъ только Французская сторона узнала, что я уже на пути въ Петербургъ; это мнѣніе подтверждается тѣмъ, что Бестужевъ былъ взятъ подъ стражу въ тотъ самый день, какъ въ Петербургѣ было получено извѣстіе о моемъ прибытіи въ Ригу.

Какъ бы то ни было, но прибывъ сюда, я нашелъ, что Французская сторона пользуется исключительнымъ вліяніемъ при Дворѣ, и что два посла, Эстергази и Маркизъ де л'Опиталь, распоряжаются и Дворомъ и городомъ. Они прибрали за одно къ своимъ рукамъ и Великаго Князя, съ цѣлью отвратить его отъ Великой Княгини, имѣвшей на него большое вліяніе. Предполагають, что виновникъ этой перемѣны нѣкто Брокдорфъ, который ловко втерся въ довѣренность Его Высочества, поощряя его во всякаго рода невоздержаніи. Великая Княгиня жаловалась на него Императрицѣ, но, къ несчастію, ея жалобы не были услышаны, такъ какъ враги Великой Княгини позаботились ложными доносами внушить Императрицѣ дурное мнѣніе о ней, отъ чего въ настоящее время положеніе ея при Дворѣ далеко незавидное, а дня два тому назадъ Стамбке, Министръ Великаго Князя по дѣламъ Голштиніи и вѣрно преданный Великой Княгинѣ, былъ взятъ подъ стражу подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ состоялъ въ тѣсной дружбѣ съ бывшимъ Канцлеромъ и даже будто бы велъ съ нимъ тайную переписку со времени его заключенія.

Таково положеніе дѣлъ въ Петербургѣ. Ваше Лордство сами изволите видѣть, что теперь не время вступать въ какія бы то ни было политическія соглашенія съ этимъ Дворомъ, и я твердо рѣшился хорошо осмотрѣться кругомъ, прежде чѣмъ приступить къ чему ни будь подобному.

2.

Отъ Кейта къ Митчелю.

St.-Petersbourg, March 30, 1758.

Dear Sir!

I have the satisfaction to assure Jou, that the Empress is in perfect good health. The following is, believe, a true account to of the manner, in wich the Great Chancellor's fall was brought about.

When the news came here of my being arrived at Warsau, the French Ambassader went to Vice-Chancellor, representing to him, that no time was to be lost, and therefore insisted, that he and his friends should make their best push against Count Bestoucheff, declaring at the same time, that if they did not agree to his proposal,

he would go direclly to the Great Chancellor and discover to him all, that had passed, and join whith him to break his word on....... (далѣе нельзя разобрать), that the Vice-Chancellor intimidated by this menace, entered into the proposal, and he and his partisans at court set themselves at work immediately by private ways to blacken Bestoucheff conduct to the Empress and to give the finishing stroke. The French Ambassador took the opportunity of a court day, to come up to the Empress of Russia and after having kissed her Majesty's hand, pretending to admire the stuff of her gown, whisperd in her ear, that there was a person at court very dangerous both with regard to her Majesty's governement and person, and that he thought himself obliged in duty to tell her, that the Great Chancellor Bestoucheff was the man.

This alarmed the Empress and she having communicated the matter to her confidents, who had their cue before it was agreed to put the Great Chancellor under arrest, which was done two days after.

By this the power of the French party at this court is established and the French Ambassador has the Vice-Chancellor himself under the rod; the Chancellor Bestoucheff bears his misfortune with spirit and defies the enemies to prove any thing of consequence against him. The three persons appointed to iquire into his conduct are Prince Trubetskoy, Mareshal Boutourlin and Count Alexander Shouwaloff.

С.-Петербургъ, 30 Марта, 1758.

Дорогой Серъ!

Я имѣю удовольствіе сообщить Вамъ, что состояніе здоровья Императрицы вполнѣ удовлетворительно. Ниже слѣдующій разсказъ, я полагаю, есть вѣрное изложеніе того, какимъ образомъ было устроено паденіе Государственнаго Канцлера.

Когда здѣсь было получено извѣстіе о моемъ прибытіи въ Варшаву, Французскій Посолъ отправился къ Вице-Канцлеру и объявилъ ему, что времени терять нечего, и, въ слѣдствіе этого, настоятельно требовалъ, чтобъ Вице-Канцлеръ и его друзья употребили всевозможныя средства для низверженія Графа Бестужева, угрожая, въ противномъ случаѣ, если они не согласятся съ его предложеніемъ, отправиться прямо къ Государственному

Канцлеру, открыть ему все и даже соединиться съ нимъ, чтобъ..... Устрашенный этой угрозой, Вице-Канцлеръ вошелъ съ нимъ въ соглашеніе, и съ тѣхъ поръ онъ и его сторонники при Дворѣ принялись за дѣло, и немедленно постарались разными окольными путями очернить Бестужева передъ Императрицей, и тѣмъ нанести ему послѣдній ударъ. На одномъ изъ придворныхъ выходовъ Французскій Посолъ, воспользовавшись удобнымъ случаемъ, подошелъ къ рукѣ Императрицы, и подъ предлогомъ, что онъ восхищается матеріей на ея платьѣ, шепнулъ ей на ухо, что при Дворѣ есть лицо весьма опасное и для Правительства и для нея лично; что онъ счелъ своимъ долгомъ предупредить ее объ этомъ, и что это лицо есть не кто иной, какъ Канцлеръ Бестужевъ.

Это открытіе весьма встревожило Императрицу, и она не замедлила сообщить о немъ своимъ приближеннымъ, которые всѣ въ одинъ голосъ совѣтовали ей взять подъ стражу Бестужева, что и было исполнено два дня спустя.

Взятіе подъ стражу Бестужева твердо упрочило господство Французской стороны при Дворѣ, и самъ Вице-Канцлеръ пляшетъ теперь по дудкѣ Французскаго Посла. Канцлеръ Бестужевъ переноситъ свое несчастье съ большой твердостью и вызываетъ своихъ враговъ доказать хоть одно изъ взводимыхъ на него обвиненій. Слѣдствіе надъ нимъ поручено производить тремъ лицамъ: Князю Трубецкому, Фельдмаршалу Бутурлину и Графу Александру Шувалову.

V.

Account of Elisabeth's Daugther. *

Russia. 1778.

The Empress of Elisabeth had a daugther, who was for some time brought up in the house of a musician (his name, I believe, was Schwarz), belonging to the court and passed for his child. How long she remained at Petersbourg and when she was sent abroad, I can not telle. But I knew from undoubted authority, that she was

* Addit. Mss. N. 9284, f. 167—170.

seen in that musician house by several persons, who remembered her, when she was afterwards in Italy and who said, that she was in her person and features very like Elizabeth. She received somewhere a very good education and passed some years in Italy, principally at Rome. It is said, that Princ Radziwill met her in Italy and persuaded her (for she knew, who she was) to set herself up for a pretend to the throne of Russia. This report, whether true, or false, was enough to be her ruin, and accordingly Alexis Orloff received order, to try all possible means to get possession of her person. Accordingly upon his return from the Archipelago, at the conclusion of the peace in the year 1775, he made aequaintance with her at Leghorno, when she then was. He paid her care very assidiously, and she concluded he was in love with her. It is reported, that he proposed to marry her and to prevail upon the fleet to rewolt and declare itself in her favour, as the sovereign of Russia. By that it may be, he gained her confidence, that she accepted an invitation a board admiral Greig's ship, by which means her person was secured, and she was brought with the fleet to Petersbourg. I spoke with an English merchant of the factory, who (travelled) in company, with her in board Admiral Greig's vessel, before it entered the harbour of Cronstadt. He telg me, that the was about twenty eight years of age, that she had a very fair completion and in her person rather inclined to be large; she was remarkably accomplished and agreable (spoking) Russian, Polish, French, Italian and Latin; was very unequal in her spirits, being at time remarquably gay and at other time serious and pensive. She was at first reserved and had a great deal of dignity and even the appearance of pride in her behaviour. She was called Princess and treated as such, was attended by two Polish gentlemen and had several domestics. Upon her avrival at St.-Petersbourg, she was immediately sent into the fortress and emprisoned, where she died after a fow months. Dureng her emprisonment one of her Italien servants was allowed to attend her. Mister N. saw him after wards in the streets, selling barometers and thermometers, and asked him about his late mistress. She died of a cholic returned the fellow. But every one knows, what kind of cholic, it was, that killed her. I have been told, that Alexis Orloff was very much shocked upon being made the instrumeut of her imprisonment and death.

Свѣдѣнія о Княжнѣ Таракановой.

Россія, 1778.

У Императрицы Елисаветы была дочь, которая нѣкоторое время воспитывалась въ домѣ одного придворнаго музыканта (если не ошибаюсь, фамилія его была Шварцъ) и слыла за его собственную дочь. Какъ долго она оставалась въ Петербургѣ, и когда была отвезена за границу, я не могу сказать. Знаю только изъ вѣрнаго источника, что въ домѣ этого музыканта ее видѣли многія лица, встрѣчавшіяся съ ней потомъ въ Италіи и говорившія мнѣ, что она наружностью и чертами лица во многомъ напоминала Елисавету. Она получила прекрасное образованіе и провела нѣсколько лѣтъ въ Италіи, преимущественно въ Римѣ. Говорятъ, что Князь Радзивилъ, встрѣтясь съ ней въ Италіи, убѣдилъ ее (такъ какъ она знала свое происхожденіе) объявить свои притязанія на Русскій престолъ. Слуха этого, былъ ли онъ истиненъ, или ложенъ, было вполнѣ достаточно, чтобъ погубить ее; сообразно этому Алексѣй Орловъ получилъ приказаніе, во что бы то ни стало, захватить ее. На возвратномъ пути изъ Архипелага, по заключеніи мира 1775 г., Орловъ познакомился съ ней въ Ливорнѣ. Онъ сталъ до того прилежно ухаживать за ней, что она подумала, будто онъ въ самомъ дѣлѣ влюбленъ въ нее. Говорятъ даже, что онъ ей дѣлалъ предложеніе и обѣщалъ употребить свое вліяніе, чтобъ возмутить флотъ и провозгласить ее Императрицей Россіи. Весьма возможно, что онъ этимъ снискалъ ея довѣренность, и она, не колеблясь, приняла его приглашеніе посѣтить корабль Адмирала Грейга. Такимъ образомъ она была захвачена и, вмѣстѣ съ флотомъ, прибыла въ Петербургъ. Я разспрашивалъ одного Англійскаго купца, плывшаго вмѣстѣ съ ней на кораблѣ Адмирала Грейга до самаго Кронштадта. Онъ говорилъ мнѣ, что ей было на видъ около двадцати восьми лѣтъ; она была прекрасная и свѣжая женщина, съ замѣтной наклонностью къ полнотѣ, очень образованная и любезная въ обществѣ и знавшая Русскій, Польскій, Французскій, Итальянскій и Латинскій языки. Характеръ ея былъ весьма неровенъ: по временамъ она была замѣчательно весела, по временамъ становилась важной и задумчивой. Съ перваго раза она казалась сдержанной, и въ ея пріемахъ было много [illegible]

собственнаго достоинства, даже гордости. Ее называли и съ ней обращались какъ съ Принцессой: въ свитѣ ея находилось два Польскихъ Дворянина и нѣсколько слугъ. По прибытіи въ Петербургъ, она тотчасъ же была заключена въ крѣпость; гдѣ и умерла спустя нѣсколько мѣсяцевъ. Одному изъ ея слугъ, Итальянцу, разрѣшено было находиться при ней во время ея заключенія. Купецъ, который разсказывалъ мнѣ все это, встрѣтилъ въ послѣдствіи этого слугу, продававшаго по улицамъ барометры и термометры, и, спросивъ его объ его бывшей госпожѣ, получилъ въ отвѣтъ, что она умерла отъ коликъ въ желудкѣ. Но неизвѣстно, какого рода были колики, которыя свели ее въ могилу. Я слышалъ также, что Алексѣй Орловъ тяготился тѣмъ, что онъ былъ виной ея заключенія и смерти.

VI.

Собственноручное письмо Петра III, въ бытность его Великимъ Княземъ, къ Серу Чарльсу Уильямсу. *

Je regrette infininiment de n'avoir pas eu le plaisir avant vôtre départ de vous dire de bouche, combien par vôtre mérite et votre conduite vous vous êtes attiré mon estime. Je vous remercie, et ne doute point de vostre attachement à mes intérêts. Ils sont liés à ceux du Roy d'Angleterre de plus d'un côté. J'espère, que l'ennemy commun des deux royaumes s'en ressentira un jour. Je suis bien aise de voir, que vous me rendiez justice sur ce point. Je vous prie de vous intéresser auprès du Roi, vôtre Maître, de ma part pour Swallow; c'est un digne et fidèle sujet; je vous en aurai une obligation très particulière, étant avec une considération très distinguée,

Monsieur,
De Vostre Excellence
Le très affectionné ami

Pierre.

Le 19 d'Août, 1759.

---

* Это и два слѣдующія письма Екатерины помѣщены въ Add. Mss. N. 6864.

Весьма сожалѣю, что не могъ передать вамъ словесно, до вашего отъѣзда, на сколько ваши личныя достоинства и поведеніе заслужили мое къ вамъ уваженіе. Я благодарю за ваши заботы о моихъ интересахъ, и не сомнѣваюсь, что вы имъ преданы. Они имѣютъ много общаго съ интересами Короля Англійскаго. Надѣюсь, что когда ни будь общій врагъ нашихъ Государствъ почувствуетъ это на себѣ. Весьма доволенъ, что въ этомъ отношеніи вы мнѣ отдаете должную справедливость. Прошу васъ походатайствовать отъ меня за Шувалова (Swallow) у Его Величества, вашего Государя. Это достойный и вѣрный слуга; я буду амъ особенно обязанъ за такое ходатайство. Съ глубокимъ уваженіемъ остаюсь,

Милостивый Государь,
Вашего Превосходительства
найпривязанный другъ

Петръ.

19 Августа, 1759 г.

VII.

Два собственноручныя письма Великой Княгини Екатерины къ тому же.

1.

Monsieur!

J'ai pris la résolution de vous écrire, ne pouvant vous voir, pour vous faire mes adieux, les regrets les plus sincères accompagne (nt) celui, que je regarde comme un de mes meilleurs amis et dont la conduite s'est attirée toute mon estime et mon amitié. Je n'oublierai jamais les obligations, que je vous ai pour vous en récompenser d'une manière conforme à la noblesse de vos sentiments, voici ce que je ferai. Je saisirai toutes les occasions imaginables pour ramener la Russie à ce, que je reconnais pour son vrai intérêt, qui est d'être liée intimement à l'Angleterre, de donner à celle-ci par tous les secours humains l'ascendant, qu'elle doit avoir pour le bien de toute l'Europe, et plus en particulier pour celui de la Russie sur leur ennemi commun la France, dont la grandeur est la honte de la Russie. Je m'étudierai à mettre en usage ces sentiments, j'en bâtirai ma gloire et en prouverai

la solidité au Roy, votre Maître. Je suis bien aise, que le bien de la Russie m'oblige à pouvoir m'acquitter envers l'Angleterre des obligations personnelles, que j'ai à Sa Majesté, dont je conserverai le souvenir avec la plus vive reconnaissance. Je vous prie confidemment, Monsieur, d'arranger pour le mieux ce, dont vous êtes instruit. Soyez persuadé, qu'une des choses du monde, que je souhaite, le plus, c'est de vous ramener ici en triomphe. J'espère, qu'un jour le Roy, votre Maître, ne me refusera pas la grâce, que je lui demanderai de vous revoir. Il ne lui en reviendra, que du profit. Je suis avec une cousidération toute particulière,

Monsieur,

De Votre Excellence

La très devouée amie

Catherine.

Ce 19 d'Août 1759.

Au Chevalier Hanbury Williams.

Милостивый Государь!

Не имѣя возможности васъ видѣть, я рѣшилась вамъ писать чтобы съ вами проститься; самое искреннее сожалѣніе относится къ тому, на кого я смотрю, какъ на одного изъ лучшихъ моихъ друзей, чье поведеніе привлекло все мое уваженіе и дружбу. Я никогда не забуду, чѣмъ вамъ обязана; чтобы вознаградить Васъ согласно съ благородствомъ вашихъ чувствованій, вотъ что я сдѣлаю: я буду изыскивать всевозможные случаи направлять Россію на то, что я нахожу для нея выгоднымъ, именно, быть тѣсно связанной съ Англіею; всевозможными человѣческими усиліями дать послѣдней то вліяніе, которое Англія должна имѣть для блага Европы, и въ особенности для блага Россіи, въ виду общаго нашего врага, Франціи, которой величіе есть позоръ для Россіи. Я постараюсь проявлять на дѣлѣ такія чувствованія, созижду на нихъ свою славу и докажу ихъ прочность Королю, вашему Повелителю. Весьма рада, что благо Россіи заставляетъ меня оказать Англіи признательность за личныя мнѣ одолженія со стороны Его Величества, о которомъ я буду вспоминать съ величайшею благодарностью. Прошу Васъ дружески, Милостивый

Государь, устроить къ лучшему то, что Вамъ поручено. Повѣрьте, что я болѣе всего желаю вернуть Васъ сюда съ торжествомъ. Я надѣюсь, что когда ни будь Король, вашъ Государь, не откажетъ мнѣ въ просьбѣ снова Васъ увидать. Вы ему принесете только пользу. Съ особеннымъ уваженіемъ остаюсь,

Милостивый Государь,

Вашего Превосходительства

найпреданный другъ

Екатерина.

19 Августа, 1759 г.

Кавалеру Hanbury Ульямсу.

2.

От той же и къ тому же. *

Mardi.

Je suis au désespoir d'être privée du plaisir, que j'aurais eu à vous voir, à vous parler en liberté. Votre amitié désinterressée pour moi et pour le G. Duc est sans exemple. Mon coeur est ulcéré par la dureté du traitement, que vous essuyez, mais aussi ma plus vive reconnaissance pour vous sera éternelle. Puissent des tems plus heureux me permettre de vous la prouver dans toute son étendue; Elle égale (et c'est tout dire) les obligations, que je vous ai, et l'estime infinie, qui est due à la beauté de votre caractère. Adieu, mon meilleur, mon cher Ami.

Вторникъ.

Я въ отчаяніи, что лишена удовольствія васъ видѣть, съ вами поговорить на свободѣ. Ваша безкорыстная дружба ко мнѣ и къ Великому Князю не имѣетъ себѣ примѣра. Сердце мое удручено жестокостью оказаннаго вамъ обращенія; за то я вѣчно буду вамъ признательна. Да позволитъ мнѣ болѣе счастливое время оказать вамъ мою признательность во всей ея глубинѣ.

---

* Безъ означенія числа мѣсяца и года.

Она равняется (и этимъ я многое хочу сказать) тѣмъ услугамъ, которыя Вы мнѣ оказали, и глубочайшему уваженію, должному возвышенности вашего характера. Прощайте, мой лучшій, мой дорогой, другъ!

VIII.

Собственноручное письмо Павла I къ Уитворту отъ 17 Августа, 1799 г. *

Je propose en cas, que l'expédition d'Hollande ne puisse pas avoir lieu, d'employer mes troupes à la défense de la Grande Bretagne et pour faire une expédition sur les côtes de la France, entre Brest et Ploeuc.

Paul.

Pawlowsk.
Du 17 Août, 1799. **
Au Chevalier Whitworth, monsieur l'Envoyé de Sa Majesté Britannique auprès de moi.

Въ случаѣ невозможности сдѣлать экспедицію въ Голландію, я предлагаю свои войска для защиты Великобратаніи и для экспедиціи на берега Франціи, между Брестомъ и Плекомъ.

Павелъ.

Павловскъ.
17 Августа, 1799 года.

Кавалеру Уитворту, Господину Посланнику Его Величества, Короля Великобританіи, при мнѣ.

IX.

Два собственноручныя письма Княгини Дашковой къ Миссъ Уильмотъ и отвѣтъ послѣдней. ***

Défi.

Argument.

Raison pour le défi.

1. Miss Maria Wilmot aime Miss Wilmot de Moscou; je l'aime

---

* Addit. Mss. N. 12,096.
** Другой рукой, равно и на конвертѣ.
*** Addit. Mss. N. 9828, f. 193.

aussi de tout mon coeur. Ergo, nous sommes rivales; ergo, un défi est tout naturel.

2. Miss Maria Wilmot a tourmenté sa cousine par sa malice ingénieuse et charmante; je le fais aussi tant, que je le peux: reste à savoir, qui réussit le mieux, et ce n'est que par un défi, que la chose serait tirée au clair.

3. Parceque qu'un Empereur avec moins de raison a fait un défi moins compréhensible encore, quoiqu il ait été imprimé dans toutes les gazettes. *

Вызовъ.

Доводы.

Причина вызова.

1. Мисъ Марія Уильмотъ любитъ Мисъ Уильмотъ изъ Москвы; я тоже люблю ее отъ всей души. Слѣдовательно, мы соперницы; и такъ вызовъ дѣло весьма естественное.

2. Мисъ Марія Уильмотъ мучила свою двоюродную сестру своею находчивостію и прелестною шаловливостію; я стараюсь, во сколько могу, поступать также: слѣдуетъ рѣшить, за кѣмъ успѣхъ, и только вызовомъ можно дѣло выяснить.

3. Такъ какъ нѣкій Императоръ сдѣлалъ непонятный вызовъ изъ за менѣе важной причины, хотя вызовъ и былъ напечатанъ во всѣхъ газетахъ.

Défi.

Vous aurez la bonté de me dire, comment Vous lui prouviez votre amitié? Comment vous la rendriez heureuse, afin que je vous imite, ou plutôt vous surpasse, car tout loyal chevalier, que je suis

---

* Кажется, намекъ на вызовъ, сдѣланный Павломъ I всѣмъ Государямъ Европы прибыть и сразиться между собою въ турнирѣ, для прекращенія войны, одиннадцать лѣтъ уже терзавшей тогда всѣхъ Европейцевъ. См.: «Достопамятный годъ жизни Августа Коцебу, и проч.; перев. съ Нѣмецкаго Василій Кряжевъ. Изд. 2-е, 2 части. М., въ Унив. тип. 1816 г., въ 8, часть 2, стр. 211—216. Книжка вовсе не рѣдкая, вопреки увѣренію «Русскаго Архива» (тетр. 11, 1870 г., стр. 1960), и по тому всѣмъ доступная, хотя въ Русскомъ переводѣ и нѣтъ самаго вызова. О. Б.

je n'ai jamais cédé en amitié à personne. Comment exerciez Vous sur elle votre malice? atin que je puisse savoir, qui de Vous, ou de moi, mérite la palme? et comme ce défi ne doit pas occasionner du sang répandu, je propose un mezzotermine, c'est de me communiquer les moyens ainsi que les sujets, qui mettra votre malice en jeu, et je Vous communiquerai ceux, qui servent à mon usage, et alors la paix sera le prix de notre ligue; Vous la tourmenterez par lettre sur les hints, que je Vous donnerai, et Vous me fournirez de quoi m'exercer de viva voce; réponse, s'il vous plait.

Princesse Dashkow, crée chevalier l'an 1762.

P. S. Do not wonder, it my head is a little crazy, it is at the age of 18, that I was mierged in chevalerie. *

Вы мнѣ должны сказать, чѣмъ Вы ей доказывали свою дружбу? Чѣмъ можете сдѣлать ее счастливой, чтобы я могла Вамъ подражать, или старалась бы Васъ превзойти, по тому что, не смотря на свои рыцарскія чувства, я никогда никому не уступала въ дружбѣ? Чѣмъ ее такъ мучили, чтобы я могла знать, кому изъ насъ двухъ отдадутъ первенство? И такъ какъ этотъ вызовъ не можетъ повести къ кровавому столкновенію, я Вамъ предлагаю золотую середину: сообщите мнѣ, какими средствами вызывается и чѣмъ потѣшается ваша проказливость, а я Вамъ тогда сообщу о своихъ зарядахъ, и миръ тогда будетъ цѣною нашего союза. Вы въ письмахъ будете ее мучить на счетъ намековъ, которые я Вамъ дамъ, а Вы меня снабдите предметомъ для шутокъ на словахъ. Прошу отвѣта.

Княгиня Дашкова, пожалованная въ рыцари въ 1762 году.

Пп. Я не удивлюсь, ежели моё предложеніе найдете нѣсколько съумасброднымъ. Вѣдь, оно идетъ отъ 18 лѣтней, когда я пожалована была въ рыцари.

---

* Судя по отвѣту Миссъ Уильмотъ, письмо должно относиться къ концу 1803, или началу 1804 года.

Réponse au Défi.

Madame la Princesse!

Permettez moi de m'excuser d'accepter le Défi, que vous me présentez. Vous avez la bonté de faire disparaître la distance, qui sépare une grande dame d'un grand Empire, d'une simple Miss d'un coin de terre, qu'un petit cancre, arrivé de Corse et devenu plus long, plus large, plus enflé, que la plus énorme baleine, se propose d'avaler, comme une pillule. Cette grande indulgence de votre part pourrait me rassurer, mais ce qui m'effraye, c'est de Vous savoir armée chevalier. Depuis l'âge de dix huit ans, Vous êtes formée, au maniement des armes, et Vous pouvez compter le nombre de vos combats par celui de vos victoires; ce serait trop téméraire de vouloir entrer en lice, sans armes, sans expérience, sans adresse.

Lorsque j'avais près de moi ma cousine, j'osais me mesurer avec elle. Ses petits airs, ses tons, ses gestes, ses expressions irlandofrancisées, ses hints, me donnaient occasion de boxer avec elle. Le combat fini, nous nous en aimions davantage; maintenant, Madame la Princesse, Vous la possédez entière, et vos bontés pour elle ne me permettent pas de Vous la disputer. Non, Madame, il ne m'est plus permis d'être votre rivale.

Vous avez sur moi trop d'avantages. Je n'ai pour moi, que l'amitié, et Vous avez pour Vous l'amitié, que Vous voulez bien avoir pour la chère cousine, et de plus les bienfaits, dont Vous la comblez. Mais ne pouvant pas être votre rivale, je veux être celle de ma cousine, en partageant avec elle sa reconnaissance et son amitié respectueuse pour sa bienfaitrice. J'oserais donc Vous demander la faveur de croire, que je suis autant, que mon amie, avec les sentimens les plus respectueux,

Madame la Princesse,

Votre très humble et très obéissante servante

Marie Marow Wilmot.

Ce jeudi 22 Febr., 1804.

Отвѣтъ на вызовъ.

Княгиня!

Позвольте мнѣ извиниться въ томъ, что я принимаю вашъ вызовъ. Вы такъ милостивы, что уничтожаете разстояніе, которое раздѣляетъ знатную особу великой Имперіи отъ незначительной Мисъ нѣкоего уголка земли, которую нѣкій морской ракъ, прибывшій изъ Корсики и раздувшійся шире, длиннѣе и болѣе самого огромнаго кита, желаетъ проглотить, какъ пилюлю. Столь великая снисходительность могла бы меня успокоить, но вотъ что меня страшитъ: я знаю, что Вы пожалованы рыцаремъ. Съ осьмнадцатилѣтняго возраста Вы привыкли обращаться съ оружіемъ, и вы ведете счетъ вашимъ побѣдамъ по числу вашихъ битвъ; было бы слишкомъ дерзко выступать на поле битвы безъ оружія безъ опыта, безъ ловкости.

Когда кузина была со мною, я осмѣливалась съ ней бороться. Ея ужимки, тонъ, ухватки, Ирландскія, но офранцуженныя, выраженія, ея намеки, давали мнѣ случай съ ней помѣряться на кулакахъ. По окончаніи битвы наша дружба только росла; теперь, Княгиня, Вы обладаете моей кузиной, и на столько къ ней милостивы, что я не могу оспаривать у Васъ кузину. Нѣтъ, Княгиня, мнѣ не возможно болѣе быть Вашей соперницей.

Въ сравненіи со мной у Васъ слишкомъ много преимуществъ. За меня говоритъ только дружба, а за Васъ дружба, которую Вы милостиво питаете къ милой моей кузинѣ и, кромѣ того, тѣ благодѣянія, которыми Вы ее осыпаете. Но если я не могу быть вашей соперницей, то хочу соперничать съ сестрой, раздѣляя съ ней чувства признательности и почтительной дружбы къ ея благодѣтельницѣ. Осмѣливаюсь у Васъ просить милости считать меня также, какъ и кузину, съ почтительнѣйшемъ чувствомъ,

Княгиня,

Вашею покорнѣйшею слугою

Марью Маро Уильмотъ.

2.

Отвѣтъ Дашковой, безъ подписи, но ея же рукой.

Votre prétendu antagoniste ou rival, mais en fait votre admirateur, le vieux chevalier, la Princesse de Daschkow, a reçu votre lettre enfin, qui, par un délai inconcevable, a vieilli de plusieurs mois. En attendant des maladies et des spasmes ont refroidi le courage chevaleresque, et c'est bien sincèrement, que je Vous dirai en bon Italien, qui vaut mieux que le français: «Pace fata, pace sia,» et pour me donner un témoignage, que Vous êtes aussi dans une humeur pacifique, je Vous prie de Vous charger de faire de ma part à M-me, votre mère, de ne rien envoyer à notre angélique Wilmot, 1°, parce que, n'étant pas moi même à Pétersbourg, c'est très difficile de tirer des griffes des douanniers les jolies choses, qui viennent de votre pays; 2°, c'est qu'elle donne presque tout, ce que l'on lui envoye, et 3°, parce que l'on trouve tout ici. Voilà ce que fait l'âge, je me présente à Vous comme m'entendant aux raisons de la comédie, et pour Vous sauver du flux copieux des raisons, je vais Vous dire amen, en Vous priant d'écrire plus souvent à votre charmante cousine.

Вашъ мнимый противникъ или соперникъ, но на самомъ дѣлѣ вашъ почитатель, старый рыцарь, Княгиня Дашкова, наконецъ, получила ваше письмо; оно, по непонятному замедленію, постарѣло нѣсколькими мѣсяцами. Кромѣ того, болѣзни и судороги сильно охладили рыцарскій мой духъ, и я весьма искренно скажу Вамъ настоящимъ Итальянскимъ языкомъ, который лучше Французскаго: «Pace fata, pace sia.» А чтобы доказать мнѣ, что и Вы тоже въ мирномъ расположеніи духа, прошу Васъ взять на себя трудъ передать отъ меня вашей матушкѣ, ничего не посылать сюда нашей ангельской Уильмотъ: 1, такъ какъ меня нѣтъ теперь въ Петербургѣ, то очень трудно будетъ вытащить изъ когтей таможенныхъ чиновниковъ тѣ прелестныя вещицы, которыя привозятъ изъ вашего отечества; 2, по тому, что она почти раздаетъ все, что ей присылаютъ; 3, по тому, что все это можно достать здѣсь. Вотъ что значатъ года, я являюсь передъ Вами какъ будто знающая причины комедіи; а чтобы избавить Васъ отъ черезъ чуръ обильнаго изложенія причинъ, я скажу аминь, и попрошу Васъ писать почаще вашей прелестной кузинѣ.

V

СМѢСЬ

ПРАВОСЛАВНЫЙ МОНАСТЫРЬ
ЖИТОМЫСЛИЧЪ ВЪ ГЕРЦЕГОВИНѢ.

Монастырь Житомысличъ находится въ Мостарскомъ Уѣздѣ, въ четырехъ часахъ отъ Мостара, въ мѣстности, называемой Дубравы, въ селѣ Житомысличѣ, и немного въ сторонѣ отъ дороги, ведущей въ пограничный Австрійскій городъ Метковичъ, отъ коего отъ отстоитъ на разстояніи пяти часовъ.

Монастырь окруженъ почти со всѣхъ сторонъ горами и лежитъ какъ бы въ углубленіи, и только съ сѣверной стороны обители открывается небольшая долина, расширяющаяся довольно значительно въ томъ мѣстѣ, гдѣ построенъ самый монастырь и снова съуживающаяся на южной сторонѣ. Среди всей этой долины протекаетъ рѣка Неретва, отъ которой до монастыря не больше пяти минутъ разстоянія, а между обителью и рѣкой разстилается обширное поле, принадлежащее монастырю и обработываемое его поселянами.

Монастырь построенъ Милисавомъ Милорадовичемъ, однимъ изъ членовъ властельской фамиліи Милорадовичей, которые вскорѣ послѣ завоеванія Турками Герцеговины, покинули свою родину и удалились въ Россію, не желая слѣдовать примѣру многочисленныхъ своихъ соотечественниковъ, отрекшихся своей Вѣры, для сохраненія своихъ прежнихъ правъ, и принявшихъ Исламъ.

Фамилія эта прозывалась въ прежнее время «Храбрени,» но позднѣе она совершенно уничтожила это прозвище, перемѣнивъ его на «Милорадовичи».

Въ самой Герцеговинѣ живы еще до сихъ поръ потомки этой фамиліи, именно: поселяне этого монастыря, принявшіе Мухамеданство и перемѣнившіе имя Милорадовичей на Лоличи и Кузмани, и въ Дубравахъ, то же близъ монастыря, Мусульмане Опіячи, которые происходятъ, по словамъ Христіянъ и Му-

сульманъ, отъ одного изъ Милорадовичей, принявшаго Мухамеданство и удержавшаго по тому свои помѣстья въ Дубравахъ, въ селѣ Церничи.

Въ народѣ сохранилось до сего времени преданіе, что было три брата Милорадовичей: Радое, Любисавъ и Милисавъ и что одинъ изъ нихъ построилъ церковь въ Требнѣ, близъ Житомыслича, другой въ селѣ Ошеничахъ, близъ Столца, а третій въ селѣ Житомысличѣ. О Милисавѣ Милорадовичѣ говорятъ одни, что онъ, устроивъ церковь и видя, что, въ слѣдствіе сильныхъ притѣсненій Турокъ, владѣвшихъ тогда уже большею частію Герцеговины, не возможно долѣе оставаться на родинѣ, отправился въ Константинополь, гдѣ, исходатайствовавъ Султанскіе фирманы, и обезпечивъ ими основанную имъ обитель и дарованныя ей земли, удалился въ Россію; другіе же утверждаютъ, что, вернувшись изъ Царьграда, онъ умеръ въ Герцеговинѣ и погребенъ въ Житомыслицкомъ монастырѣ, по правой сторонѣ паперти построенной имъ церкви. О томъ, что сталъ съ его братьями, не имѣется ни какихъ свѣдѣній въ народѣ, но должно предположить, что они покинули также Герцеговину, въ слѣдъ за своимъ братомъ Милисавомъ.

Положительный годъ построенія монастыря и церкви не извѣстенъ; ибо существуетъ два различныхъ указанія. Судя по печати монастырской, церковь построена въ 1585 году; но это указаніе, мнѣ кажется вполнѣ несправедливымъ, и на печати, вѣроятно, по ошибкѣ, вырѣзанъ этотъ годъ, по тому что, какъ видно изъ надписи, высѣченной на правомъ столбу, поддерживающемъ сводъ храма, церковь построена въ 1603 году. На одной сторонѣ этого столба находится надпись: «въ лѣта ҂зраї 7111—1603) поставишесе сїи столпи,» а съ другой вырѣзанъ небольшой крестъ съ надписью: «манстора вукашина отъ манас... а раванице.»

Этотъ 1603 годъ и долженъ быть принятъ годомъ основанія храма, а конечно, и всей обители; ибо нѣтъ ни какого сомнѣнія высѣченъ онъ на столбѣ въ то самое время, когда строилась и церковь, и при томъ съ этимъ годомъ вполнѣ согласуется извѣстіе объ украшеніи церкви живописью и объ окончаніи ея, а такъ же и года, значущіеся на разныхъ рукописяхъ, писанныхъ въ самомъ монастырѣ.

Церковь очень простой работы и снаружи не отличается ни сколько отъ обыкновеннаго дома; только на двухъ оконечностяхъ крыши сдѣлано по небольшому каменному кресту. За алтаремъ, влѣво, на не большомъ возвышеніи, между могилами разныхъ монаховъ, погребенныхъ въ прежнее время, виситъ, на деревянныхъ подпоркахъ, колоколъ довольно большаго размѣра, присланный изъ Россіи, и другой меньшій, привезенный изъ Тріеста, по полученіи разрѣшенія Турецкаго Правительства поднять колокола въ церквахъ Герцеговины.

При входѣ въ церковь устроена паперть, отдѣляющаяся отъ самой церкви толстой каменной стѣною, съ небольшими дверьми. Паперть, а равно и церковь, были исписаны съ верху до низу разными священными изображеніями, до того уже испортившимися, что почти ни чего нельзя разобрать, особенно на потолкахъ, гдѣ оставались одни почернѣвшіе голые камни. Такъ какъ не возможно было возобновить живопись, а такъ же и оставлять церковь въ такомъ видѣ, то лѣтомъ прошлаго года то было все окрашено; иконостасъ вычищенъ и подновленъ, а въ стѣнахъ пробиты четыре большихъ окна, и два большихъ и одно малое въ алтарѣ.

На правой сторонѣ паперти находится, по народному сказанію, могила Милорадовича, соорудившаго монастырь и церковь, а надъ папертью устроено помѣщеніе для монастырской ризницы, по чему потолокъ на паперти несравненно ниже потолка самой церкви.

При передѣлываніи пола, прошедшимъ лѣтомъ, нашли, на паперти и въ церкви, четыре гроба съ остатками костей, очень большаго размѣра, особенно на томъ мѣстѣ, гдѣ, говорятъ, погребенъ Милорадовичъ; но, не смотря на всѣ розыски, не было открыто ни надписей, ни какихъ либо древностей.

Мною предлагается здѣсь описаніе церкви, до ея поправленія; впрочемъ, и въ настоящее время, кромѣ выкрашенія церкви и пробитія оконъ, все осталось по старому.

Надъ входной дверью въ церковь изъ паперти было на стѣнѣ изображеніе Благовѣщенія Богородицы, съ образомъ Господа Вседержителя, подписанной слѣдующею сохранившеюся и теперь надписью подъ нимъ: « † изволенне. оца. и поспѣшенне. сина. и саврьшѣнне, стаго. духа. божеставни. храмь. благовѣще-

ние. поиисасе. и саврьшисе:: месеца маиѣ є҃ дань. ва лето ҂зрзі (1117—1609). повелѣниѥ҃. ѥрмонаха. игумна. сава. потрꙋди. сїє. писанїє. ѥрмонах.маѯим. ї плати҆ бь да га прости.» Эта подпись служитъ подтвержденіемъ сказаннаго мною, что церковь построена въ 1603 году; ибо видно, что въ 1609 году она была совершенно окончена. Съ правой стороны изображенія Благовѣщенія былъ написанъ, такъ же на стѣнѣ, образъ Спасителя въ ростъ, а съ лѣвой—образъ Богоматери.

При входѣ въ церковь съ лѣвой стороны былъ написанъ на стѣнѣ портретъ строителя монастыря, Милисава Милорадовича. Онъ изображенъ въ ростъ держащимъ въ правой рукѣ чертежъ построенной имъ церкви, а въ лѣвой трость. Одѣтъ онъ въ шубу, спускающуюся немного ниже колѣна, покрытую краснаго цвѣта матеріей, съ мѣховой опушкою по краямъ, около него скуфья, такъ же съ мѣховой опушкою вокругъ. Съ правой стороны головы надпись: «милисав» а съ лѣвой: «спахїа.» Съ этого портрета снятъ фотографическій снимокъ, а равно и сдѣлана копія масляными красками.

Съ лѣвой стороны входныхъ дверей былъ изображенъ Ангелъ съ мечемъ въ рукѣ, а по обѣимъ сторонамъ церкви до самаго алтаря были изображенія въ ростъ разныхъ Святыхъ. Изображенія эти совершенно уничтожились; судя же по ничтожнымъ остаткамъ живописи, видно, что на стѣнахъ были представлены разныя событія изъ Священной Исторіи.

Церковь сдѣлана на сводахъ, поддерживаемыхъ двумя столбами изъ тесанаго камня, и имѣетъ въ длину отъ алтаря до паперти 25 ступней, а въ ширину 33 ступни. На правомъ столбу находится выше приведенная надпись, а на верхнемъ карнизѣ лѣваго высѣчены уродливыя изображенія разныхъ звѣрей, птицъ и человѣка, стрѣляющаго въ льва изъ лука.*

Внутренность церкви была довольно хороша, по тому что сдѣлано было по два маленькихъ окна, по обѣимъ сторонамъ алтаря, и небольшія два пробиты въ стѣнѣ, въ алтарѣ же бы-

---

* Если не ошибаюсь, подобныя изображенія находятся и на одной стѣнѣ лѣстничнаго прохода Кіево-Софійскаго Собора, ведущаго во второй ярусъ его изнутри церкви, на хоры, гдѣ устроено нѣсколько престоловъ. О. Б.

ло темнѣе, чѣмъ въ церкви; ибо въ томъ не было ни одного окна, кромѣ маленькихъ пробоинъ.

Около праваго клироса было сдѣлано Архіерейское мѣсто, изъ простаго рѣзнаго дерева, около стѣны въ церкви нѣсколько деревянныхъ мѣстъ для стоянія, совершенно уже развалившихся и теперь вынесенныхъ.

Алтарь отдѣленъ отъ церкви каменной стѣною, подобно тому, какъ отдѣлена и паперть; только въ срединѣ стѣны оставлено довольно значительное пространство, въ которомъ помѣщается самый иконостасъ, а южныя и сѣверныя двери пробиты въ самой стѣнѣ, покрытой такъ же прежде живописью, совершенно уже уничтожившеюся.

Иконостасъ въ два яруса, деревянный, окрашенный мѣстами въ голубую, а мѣстами въ красную, краску, съ позолоченнымъ украшеніемъ въ видѣ листьевъ и цвѣтковъ. Для поддержанія верхнихъ ярусовъ, теперь сдѣлана каменная стѣна до самаго втораго яруса, и на этой стѣнѣ утвержденъ весь первый ярусъ съ Царскими дверьми.

Царскія двери очень низки, сдѣланы изъ рѣзнаго дерева, всѣ позолочены. Внизу на дверяхъ, изображеніе Благовѣщенія, а на верху правой половинки дверей поясное изображеніе Царя Давида, на лѣвой же такъ же Царя Соломона. Подъ образомъ Ангела благовѣстителя, на лѣвой половинкѣ дверей, сохранилась надпись: сие двери сагра҇д проигумен серафионъ. въ ҂зрпг. ѿ р. хва а҃х҃о҃ѕ҃» (7183—1676).

Надъ Царскими дверьми небольшой образъ «Недреманное Око,» написаный масляными красками. Образъ этотъ такого содержанія: на первомъ планѣ представленъ Спаситель юношей, съ закрытыми глазами, въ полулежащемъ положеніи на возвышеніи, пригорюнившійся правою рукою и держащій въ лѣвой чашу; въ головахъ его стоитъ Богородица, съ знаменемъ въ лѣвой рукѣ, имѣющимъ видъ обыкновеннаго значка, а въ ногахъ стоитъ Ангелъ, съ знаменіями страданій: крестомъ, копьемъ и губою.

По правую сторону Царскихъ вратъ икона Вседержителя, большаго размѣра, Греческаго письма. Живопись сохранилась довольно хорошо, а подъ иконой существуетъ надпись замѣтными буквами въ двѣ строки, изъ коей я могъ прочесть только: «і сіє

иконе принесоше смирен. архимандрит...........;» остальное все вылѣняло.

Спаситель изображенъ сѣдящимъ на престолѣ въ Архіерейскомъ облаченіи зеленаго цвѣта съ золотымъ украшеніемъ, въ лѣвой рукѣ держитъ скипетръ, и придерживаетъ имъ Евангеліе, лежащее на его колѣнахъ и раскрытое на словахъ: «пріидите благословени,» а правою рукою благословляетъ. По сторонамъ головы: І͞С и Х͞С. Съ правой стороны престола изображена стоящая Божія Матерь съ надписью: М. ѲѴ.., только съ одной стороны головы; а съ лѣвой стороны престола Іоаннъ Креститель; съ одной стороны головы его написано: С͞ТЫ, а съ другой: І͞ѠАН. Какъ Божія Матерь, такъ и Іоаннъ, изображены молящимися.

Съ лѣвой стороны Царскихъ вратъ находится икона Богородицы, одинаковой величины вмѣстѣ съ Спасителемъ и такъ же довольно хорошо сохранившаяся. Божія Матерь изображена на престолѣ, въ одеждѣ краснаго цвѣта съ золотыми украшеніями, держащая въ лѣвой рукѣ младенца Іисуса, который имѣетъ въ лѣвой рукѣ державу, а правою благословляетъ; Божія же Матерь держитъ въ правой рукѣ скипетръ, а на головѣ у ней вѣнецъ. Съ обѣихъ сторонъ престола изображено по одному стоящему Ангелу.

Съ наружной стороны иконы нѣтъ ни какой надписи, съ задней же, во всю длину образа, сдѣлана надпись чернилами: «сіе иконе саписашесе настоанїемъ ӡнатнѣишаго проснигела кvрь петронїа вvкапарань, сеи бывшv богь да простить его. лета ӡѲ͞СІ. мца Їюнїа ЇЄ (7218 — 1710). помените братїа грешнаго михаила, писца обраӡомь, господа ради.»

Кромѣ этѣхъ двухъ иконъ, въ нижнемъ ярусѣ не было прежде больше другихъ; теперь же помѣстили, на стѣнахъ между иконостаса и сѣверными и южными дверьми, двѣ большія иконы: изъ нихъ одна изображаетъ распятіе, а другая, привезенная изъ Россіи, Спасителя съ 12 Апостолами. По стѣнамъ же церкви размѣщены небольшія иконы, пожертвованныя изъ Россіи.

Во второмъ ярусѣ 17 иконъ въ рядъ малаго размѣра. Въ срединѣ икона Спасителя на престолѣ, по бокамъ ея икона Богородицы и Іоанна Крестителя, а далѣе, съ однѣхъ сторонъ 12

Апостоловъ, Сербскаго просвѣтителя Св. Саввы и Св. Симеона Сербскаго.

Въ самомъ же верху иконостаса большой рѣзной деревянный крестъ, украшенный позолотой, съ распятіемъ и съ предстоящими по бокамъ его. На крестѣ вверху, подъ распятіемъ, изображенъ орелъ, съ книгою подъ ногами и надписью, сверху Мѳ. а внизу распятія левъ, такъ же съ книгой и съ надписью Іѡ҃. Очевидно, что надписи этѣ перемѣшаны, и должны замѣнить одна другую. Съ правой стороны распятія представленъ телецъ съ книгой и надписью Л҃, а съ лѣвой Ангелъ съ книгой въ рукахъ и надписью надъ головой, Мр҃. У подножія креста были прежде два очень грубо вырѣзанныхъ небольшихъ льва въ лежачемъ положеніи, поставленныхъ въ нѣкоторомъ одинъ отъ другого разстояніи, съ головами и частью туловища, выходившими наружу подъ иконостасомъ.

На клиросахъ стоятъ два деревянныхъ аналоя, имѣющіе форму семиугольныхъ колонъ. Одинъ изъ нихъ очень хорошо сдѣланъ, съ многочисленными инкрустаціями изъ перламутра, а на верху круглый мѣдный обручъ съ слѣдующею рѣзною на немъ вязью надписью: «сїа налоиа монастира житомисанүа храма благовещенїа пресвятыа богородицы на реце неретве содела се при блаженнѣйшемь архїепископе пеќскомь кѵ. калинику. трудомь и подвигомь изжүрениемь (одно слово стерлось) висарїона митрополита босанского вь лето ҂з҃с҃д (7204—1796) м҃ца априла дне а҃і у сарaеву рукоделание гаврила ермонаха раүанина.»

Другой аналой точно такой же формы и сдѣланъ на подобіе этого, только, вмѣсто инкрустацій, выкрашенъ разными красками, но весь уже развалившійся и негодный къ употребленію.

Алтарь весьма малый и можетъ равняться паперти. Онъ имѣетъ въ длину 10 ступней, а въ ширину 33 ступни. Алтарь тоже былъ расписанъ, но живопись уже совершенно уничтожилась.

Престолъ, какъ обыкновенно дѣлаютъ въ Герцеговинѣ, каменный, и состоитъ изъ большой каменной плиты, поддерживаемой снизу каменнымъ столбикомъ. Надъ престоломъ была прежде, теперь снятая, деревянная сѣнь, совершенно изгнившая, съ полинялой позолотой по мѣстамъ.

Въ углубленіи горняго мѣста были три большія иконы,

очень плохо сохранившіяся, исключая одной иконы распятія, которое подновлено немного и помѣщено теперь на стѣнѣ, рядомъ съ иконостасомъ, около образа Спасителя, а остальныя двѣ иконы оставлены въ прежнемъ видѣ. Средина иконы изображаетъ распятіе, съ предстоящими по сторонамъ, а внизу подъ распятіемъ положеніе во гробъ. Другая икона Спасителя, изображеннаго на престолѣ съ Богородицей и Іоанномъ Предтечею по бокамъ. Съ обѣихъ сторонъ образа поясныя изображенія 12 Апостоловъ, по шести съ каждой стороны, а вверху два поясныхъ изображенія Ангеловъ. На третьей иконѣ Богородица представлена такъ же на престолѣ съ Спасителемъ на лѣвой рукѣ, а съ обѣихъ сторонъ образа, а такъ же и внизу, поясныя изображенія 16 Пророковъ, и въ томъ числѣ Царей Соломона и Давида, на верху же изображеніе въ ростъ двухъ Ангеловъ.

На престолѣ стоитъ небольшая серебряная дарохранительница, имѣющая форму церкви и принесенная, какъ говорятъ, съ Аѳонской Горы.

Въ алтарѣ хранится кадильница, употребляемая иногда при богослуженіи, пожертвованная однимъ изъ Милорадовичей. Кадильница серебряная, имѣющая форму церкви съ пятью небольшими главами и крестами на верхней крышкѣ и съ пятью плетеными цвѣточками изъ серебра, съ бубенчиками на нихъ. На нижней части кадильницы существуетъ вырѣзанная кругомъ надпись: «† сїа. кадїлнїца. раба. божїа. спне. ћоура. храбран.»

Въ алтарѣ хранится такъ же употребляемое при богослуженіи, блюдо для благословенія хлѣбовъ. Оно сдѣлано изъ серебра и имѣетъ вокругъ надпись: «сїа петихлѣбница монастира житомислич҇ь сделовасе настоанїем хаджи їеремїи еромонаха тоежде обители кои беша у сараеву путникь и бысть ценою їа асїа лѣто отъ ро҇. хв҇а ,хпд (1684) у месту сараеву.»

Ризница монастырская довольно скудна старинными предметами и обогатилась въ послѣднее время большими пожертвованіями изъ Россіи, какъ сосудовъ, такъ Евангелій, крестовъ и облаченій.

Изъ старинныхъ предметовъ въ ризницѣ хранятся только:

1. Евангеліе малиновое бархатное, обложенное съ обѣихъ сторонъ позолоченнымъ серебромъ, а передняя доска вся покрыто позолоченнымъ серебромъ съ разными украшеніями и не-

большими каменьями. Въ срединѣ изображено, на серебрѣ же, распятіе, а по угламъ четыре Евангелиста. Кругомъ всей верхней доски надпись изъ началъ всѣхъ Евангелій вязью, очень хорошо выполненною и хорошо сохранившеюся. На верху начало Евангелія отъ Іоанна: «въ начеле бѣ слово, и слово бѣ къ боѕе, и бгъ бѣ слово. се бѣ искони въ бѕѣ.» Внизу Евангеліе Марка: «ѕачело еѵгли іс хр сна бжіа, ако же есть писано въ пророцехъ. се аѕь». Съ правой стороны Евангеліе Луки: «понеже оубо мноѕи начеше чинити повесть изѵѣствованіихъ въ насъ вещехъ, ако же преданіе намъ;» а съ лѣвой Евангеліе Матѳея: «книга родства іс хра сна двдва, сна авраамла. авраамь роди исаака, исаак же роди іакова, іаков же.» На другой сторонѣ Евангелія, кругомъ, ниже доски, слѣдующая надпись, то же вязью: «изволіеніемь оца и поспешеніемь сна и совръшеніемь стого дха сіе стое еѵгліе монастира житомислика храма блговещеніа престіе бце оковасе во богхранимомъ месте сараеви при васаосвещенномъ архіепископу..... арсенію србскомъ митрополиту саватию ѕахлмскомъ трудом и потом и подвигомъ висарнона ермонаха въ лѣт ,ѕрче» (7199—1691).

Евангеліе это, расположенное по Евангелистамъ, начато печататься при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, благословеніемъ Святѣйшаго Іосифа, Патріарха Московскаго и всея Русіи, 28 Нобря, ,ѕрнѳ (7159—1651), въ Москвѣ, и дѣло окончено въ томъ же году, 4 Іюня. На концѣ предпослѣдняго листа написано: «сіе стое бажатавное еѵгліе монатира житомислића. ѕри и чати сіе писаное. въ лѣ ,ѕрчѕ (7197—1689) принесе сіе стое бажатавное еѵгліе висарно ѥмона ѿ мета сараева. и положи его въ хра блговещеніа престые бце на реце неревє во своє посриѕе. и кои се братъ повигне проучитаті сію дшеполаѕную книгоу. помени и мене грешного господа ради.» Потомъ ниже той же рукою: «паки въ лѣто ,ѕрчѳ (7199—1691) окова его сребром и ѕлатом потащателие полѕи ради доушевніе. и проучитающи простите ме грешна висаріона ха ради о сем троудившагоса.» Еще же ниже, но другой рукою: «въ лето ,ѕрѯа (7161—1653) сію книгоу еѵгліе принесе анфоніе іеромонахъ отъ москве. купі ю цѣною сребра и положи во манастир милешеви въ своей ему келіи да служи. и кто се отъ братіе подвигнетъ проучитаті ю, нигъ да споменетъ господа ради. и да ю никто не отнеметъ отъ сего места, кроме благословеніа, да моу ніе просто.»

Изъ этой приписки видно, что Евангеліе принадлежало пре-

жде Милешевской обители, Лаврѣ Св. Саввы, гдѣ почивали и его мощи; но какъ оно попало позднѣе въ монастырь Житомысличъ, объ этомъ рѣшительно ни чего не извѣстно. На самомъ послѣднемъ листѣ, совершенно другой рукою и крупными буквами, написано: «да се ꙁна како приложи сїю божественнүю книгоү, глаголемүю евангелїе, монастирү на рѣцѣ вꙋвацꙋ, еже е храмъ рожество пресвятия богоматерь, рабь божїй милинько и подрꙋжїе его марїа и сынь его аѳонасїе и оүноүкь его обрадь и снаха его сара, дащи его сара, ꙁа своюю дүшү и ꙁа вѣчни помենꙋ да ниь слүжи непремѣно и да се саврш үю святая тайна сь нею и са хтиторь своею маꙁдою и подвигомь отца игүмена їеромонаха кирь герасима са братїами. сїе бысть вь лѣто ҂ꙁрѻѳ мѣсяца генүарїа к день на великого евфимїа» (7179—1671).

Мною не сохранена здѣсь орѳографія подлинника. Какой это былъ монастырь на рѣкѣ Вувацѣ, и гдѣ эта рѣка, я ни чего не могъ узнать.

На бокахъ четырехъ угловъ, обложенныхъ серебромъ, написано, что сіе святое Евангеліе окова златарь Сава отъ мѣста Сараева, въ 1692 году. Евангеліе это можетъ служить однимъ изъ лучшихъ доказательствъ, что въ Сараевѣ производились прежде прекрасныя серебряныя работы, отъ которыхъ теперь осталось мало слѣдовъ, которыя пришли въ настоящее время почти что въ совершенный упадокъ.

2. Крестъ рѣзной кипарисный, обложенный позолоченнымъ серебромъ, на такой же подставкѣ, украшенной дорогими каменьми. Крестъ вышиною въ поларшина вмѣстѣ съ подставкой. Кругомъ рукоятки креста вырѣзана надпись: «сїи үтиы. кртъ. оүкрасише блгверни. хртїане..... (стерлось) семꙋ же. настоятель. бы. проїгоүменъ висарїѡнъ. въ лѣто ҂ꙁрли» (7138—1630). Внизу самой подставки, съ внутренней стороны, написано: «сїи кртъ ста н тисбү и с апри съ вьсе ѡправданїемъ.»

Кромѣ того креста есть еще немного крестовъ, также рѣзныхъ изъ кипариса и обложенныхъ позолоченнымъ серебромъ съ каменьями и на подставкахъ, но только всѣ они меньше этого и безъ подписей.

3. Чаша круглая, въ четверть вышиной, выдолбленная изъ дерева, рѣзная и обложенная мѣстами золотомъ и позолоченнымъ серебромъ съ каменьями. Чаша эта утверждена на вызолоченнй

подставкѣ, кругомъ которой написано въ низу: «сїа чаша старца проигѹмьна михаила.» На днѣ подставки же находится надпись: «въ лѣто ,ҁрѡ҃ѳ (7179—1671), мца ианѹарїе ҃ѯ.»

4. Чаша тоже круглая, не меньше первой. Выдолблена тоже изъ дерева и обложена позолоченнымъ серебромъ, на такой же подставкѣ. Кругомъ верхняго ободка надпись: «сиа чаша проигѹмьна савє хоповаца єрьмона (ха).»

5. Дискосъ серебряный, который не удалось мнѣ видѣть, но на которомъ, по словамъ Архимандрита Никифора Дучича, описавшаго монастырь въ 1861 году, находится слѣдующая надпись: «сей сосѹдъ ѹстроенъ во святѹю церковь вознесенїа господна, что при кастелѹновьє на топлой, по обєщанїю єѧ императорскаго величества всерѹсїйской тайнаго совѣтника и кавалєра илирскаго графа сави владиславича во вѣчноє помнновенїе по дѹши єго и єго родителей и сродниковъ ,аѱлн (1738 года), септемврїа. москва.» Среди дискоса сдѣланъ гербъ, раздѣленный на четыре отдѣла: въ верхней части съ лѣвой стороны изображена рука въ латахъ съ мечемъ, въ верхней части съ правой три звѣзды, въ нижней части съ лѣвой стороны двѣ колонны, а въ нижней части съ права голова въ коронѣ. Я постараюсь, когда буду въ монастырѣ, разсмотрѣть часть дискоса и составить его описаніе.

6. Нѣсколько поясовъ изъ парчи съ серебрянными вызолоченными застежками и съ махрами, поясъ изъ бархата съ позолоченными украшеніями и такими же застежками; на одной изъ нихъ написано: «сїни поисъ манастыра житомислића прилложи хв рабь...... и сиь мѹ їѡаннь сарачевић.» Поясъ этотъ довольно тяжелъ.

Другихъ древнихъ предметовъ не имѣется въ монастырской ризницѣ, въ которой много прекрасныхъ утварей и облаченій, полученныхъ въ послѣднее время изъ Россіи.

Въ библіотекѣ монастыря сохранялось нѣсколько старинныхъ рукописей, изъ коихъ нѣкоторые листы въ самой обители, и на страницахъ коихъ встрѣчаются разныя замѣтки: *

1. Апостолъ, рукопись въ листъ, самая красивая изъ всѣхъ другихъ рукописей, и писана въ монастырѣ Житомысличѣ уставомъ съ разными при началѣ статей выньетками. На одномъ изъ первыхъ листовъ изображенъ красками, хорошо сохранившимися

---

* При передачѣ замѣтокъ мѣстами сохранено мною правописаніе подлинниковъ.

Св. Евангелистъ Лука сидящимъ на скалѣ со сверткомъ въ рукѣ и пишущимъ начало Апостольскихъ Дѣяній: «прьвое оубо слово.» Надъ Евангелистомъ надпись: «сты Лука.» На первомъ листѣ за престоломъ написано: «сїа света и божественна глаголема апостолъ манастыра житомислића храм благовѣщенїе прстые влѣце нашее бце и присно дви марие на реце неретве ,ҁѕѱв (1733).» На послѣднемъ же листѣ надпись, изъ коей видно, что Апостолъ написанъ въ самомъ монастырѣ Житомысличѣ: «сїа книга божествены апль саписасе при храму благовѣщенїа прты и преблвенїе вл̃дце наше бце и прно дѣвы марие въ манастырю ҁовому житомислић и положе плату дїаконъ киръ петронїе и положе дїакъ киръ илїа Шокотнуъ, даше цѣну сребра ав гроша и полъ. богъ и пресвятаа богородица мати да воздастъ нимъ честь съ всѣми святыми въ будущи вѣки. лѣто ,ҁрк̃ѕ» (7126—1618).

2. Минея за Сентябрь, прекрасная рукопись въ полъ листа, писанная полууставомъ, но неизвѣстнаго года. На послѣдней страницѣ надпись: «сы мѣсечникъ платно спахиа киръ радивои сынь.... спахинь, ҁовомы храбрены, и приложи га храму благовѣщенїа пресветыа богородицы манастиру житомислићу на реце неретви при игумену киръ евфимию..... ,ҁрм̃ѕ» (7146—1638).

3. Минея за Мартъ, красивая рукопись, полууставъ въ листъ, не извѣстно, гдѣ написанная. Вмѣстѣ съ нею переплетено Правило Покрову Богородицы, потомъ Архидіакону Стефану, съ похвалой ему, написанной Іоанномъ Златоустомъ. Передъ началомъ Похвалы изображенъ Св. Іоаннъ Златоустъ, красками, въ ростъ, въ Архіерейскомъ облаченіи, держащимъ въ рукѣ свертокъ. На концѣ книги надпись: «сїю книжицу исписа азъ грѣшный и грѣхомъ братъ авакумъ одъ монастыра хопова и приложихъ ю светому манастырю житомислићу во храмъ пресветое благовѣштенїе при частномъ отцу игумену и господину киръ константину їеромонаху, на лѣто одъ бытїа ,ҁрчи (7198), а отъ воплоштенїа сина божїа ,ахч (1690). у сараеву.»

4. Ефремъ Сиринъ, красивая рукопись, полууставъ, но не имѣется первыхъ и послѣднихъ листовъ, и не извѣстно, гдѣ писана. На первомъ листѣ, за переплетомъ, написано: «сїа сватаа и душеполезнаа книга, глаголемаа ефремъ, монастыра житомислића близь рѣци неретви, храмъ благовѣщенїа пресвятыа богородицы

и приснодѣвы марїи. въ лѣто бытїа ҂з҃с҃м҃в (7242) отъ рождества христова ҂а҃ѱ҃м (1740) мѣсаца Феврала к҃г.»

5. Апостолъ съ толкованіями, красивая рукопись, полууставъ, писанная на Аѳонской Горѣ, въ монастырѣ Хилендарѣ, какъ то видно изъ приписки въ концѣ книги: «сїа книга, глаголемаа апостолъ съ протлъкомъ писасе иже въ светои горѣ аѳона, въ велицеи лаврѣ, глаголемои хиландаръ, при игумену киръ филимону, въ лѣто ҂з҃р҃м҃ѳ» (7149—1641).

6. Чудеса Богородицы. Совершенно теперь разорванная рукопись, писанная прекраснымъ мелкимъ полууставомъ, но только нѣтъ ни первыхъ, ни послѣднихъ, листовъ, а по тому не возможно знать, гдѣ она написана.

7. Житіе Св. Іоанна Златоустаго, рукопись, полууставъ, безъ означенія мѣста и времени письма, но только на крайнемъ листѣ стоитъ: «лѣто ҂а҃ѱ҃н҃ѕ (1756).» На томъ же листѣ написано: «октомврїа к҃е прїиде у мостаръ ћехаа (повѣренный) сопа салаиъ паше на церну гору, и съ њимъ крааиа сва, и даша конакъ мостарани на луци (крайней части Мостара), и ту попеше чадоре (и раскинули тамъ шатры), а преда иные данъ и другу ноћъ затворише каше мостарене шехеръ и не дадоше никоме одъ ћехайне ордїе у шехеръ улести (первые Мусульмане Мостара затворили городъ и не допускали никому изъ полка повѣреннаго войти въ городъ), ни ша купити, и ту ноћь удри време (была гроза), мало не исгинуше и люди и кони, и кад би икиндїа (3 молитвы Мусульманскія въ теченіи дня, между полднемъ и заходомъ солнца) поћоше 4 алай бега (начальника полковъ) предъ чашїю (мечеть) шарића те запросише мостаране да отворе шехеръ, и тако имъ отворише, и отоленъ у ютру дижисе ордїа (отправились полки) у проклети влаган (городъ), и ми дасмо конака 12000, пак у ютру поће у невесинску варошъ (городъ) Пазаръ.»

8. Откровеніе Св Іоанна, красивая рукопись, малый полууставъ, не извѣстно, гдѣ писано. Послѣ Откровенія слѣдуетъ Правило для монаховъ и о степеняхъ родства. По окончаніи Откровенія написано: «вь лѣто ҂з҃р҃к҃ѳ (7129—1621) м҃ца августа г҃ д҃нь съвръшихомь сеи книзе бытїе елико обретохомь вь нїеи п҃ниа въ дни научелїа и власти сирѣчь ц҃ртвїа султань ахмата. тогда ему подвигшусе брань створити с лѣси и сь северьнїею страною.»

9. Минея за Мартъ мѣсяцъ, рукопись, писанная полууста-

вомъ, красиваго письма, но безъ означенія мѣста писанія и имени писца. На одномъ изъ первыхъ листовъ написано: «откупи га іеромонахъ серафимь июлла одь єдного турчина, кадь є поробленъ манастырь острогъ, олѣрь пашине годиие» (1853 г.)

Остальныя рукописи, число коихъ очень мало, почти всѣ разодраны, и я пока не могу ни чего сказать о нихъ, но въ послѣдствіи надѣюсь составить по возможности полное описаніе ихъ.

Архимандритъ Никифоръ Дучичъ, составившій описаніе монастыря въ 1861 году, насчитываетъ много рукописей, бывшихъ въ его время въ библіотекѣ обители, но, судя по незначительному числу ихъ въ настоящее время, трудно поручиться, что и теперь вполнѣ сохранились всѣ тѣ рукописи, о которыхъ упоминаетъ почтенный Архимандритъ; но одну изъ нихъ, «Царостанникъ,» писанный въ Сремѣ, въ монастырѣ Хоповѣ, ҂зрмв (7142—1634), не смотря на все мое стараніе и тщательное разысканіе, я ни какъ не могъ отыскать.

Такъ какъ съ рукописями обращались крайне небрежно и до сихъ поръ оставляли ихъ совершенно на волю мышей и сырости, то, можетъ быть, уже многія рукописи совершенно сгнили, или были изъѣдены, а другія, болѣе важныя, въ слѣдствіе недосмотра, сдѣлались украшеніемъ библіотеки людей, сколько нибудь понимавшихъ значеніе ихъ, и по тому ими и воспользовавшихся.

Старопечатныхъ книгъ, какъ Сербской, такъ и Русской, печати немного, и между ними слѣдующія замѣчательныя, какъ по своей старинѣ, такъ и особенно по замѣткамъ, на нихъ сдѣланнымъ:

1. Бесѣды Св. Іоанна Златоустаго на Дѣянія Апостольскія, печатанныя въ Кіевѣ ҂зрлв (1624 г.). На одномъ изъ листовъ этой книги находится собственноручная замѣтка Сербскаго Патріарха Арсенія IV: «въ лѣто господне ҂аѱлд, мѣсеца марта ві. прїидохомъ мы смиренїи долу именовани ва богомъ собладаемїи манастиръ житомислићъ, при частномъ игумене киръ арсенїѧ. тогда велика война бысть во италїи между цесаромъ немецкимъ карломъ шестимъ и между кралїемъ францускимъ. божїею милостїю архїепископомъ печски и всемъ србомъ, словеномъ, болгаромъ и всего илирика патрїархъ смиренїй арсенїе четверти. марта ві. ҂аѱлд (1734).

2. Октоихъ, напечатанный въ Москвѣ въ ҂зр҃ (7100—1592). На концѣ онаго надпись: «҂аѱ҃ое и то лѣто би на босни силистарь паша, и біаше одъ нега врло зулумъ (притѣсненія) сиротини, и обеси на купресу з҃ луди све правне, и то лѣто обновише требиниски калуђери именомь Їованнуае и Їосипь манастирь озрень храмь св. николаа, и му книгу приложи азь грѣшни херомонахъ симеонь предь своу душу да му е вѣчни споменъ, богь да га прости. априла д҃ дань ҂аѱ҃оз.» На одномъ изъ другихъ листовъ той же книги собственноручная надпись Сербскаго Патріарха Арсенія IV: «да се зна, егда приходихь у манастирь гомионицу азъ последни приставникь стимие (?) патриархие србскіе пеки. арсеніе утврти. въ лѣто господне ҂аѱ҃кз марта ке҃ на благовѣштеніе пресветіе богородице. тогда слуунсе на лазареву суботу ҂зсл҃д (7234—1726). подписахъ своеручно арсеніе пекски.»

3. Камень вѣры, напечатанъ въ Кіевѣ въ 1730 году. На одномъ изъ крайнихъ листовъ написано: «҂ахп҃г (1683) оде султань мехмедь на беч, избише га ҂ахп҃ѕ. исте године узеше нѣмци будимь одь турака. ҂ах҃уз поробише нѣмци сараево. октомбра а҃г дан ҂аѱ҃аг разбисе турчинь на вардину и погибе везирь. исте године узеше нѣмци темишварь. ҂аѱ҃аз узеше нѣмци одъ турака бѣлиградъ. ҂аѱ҃ла августа е҃ узеше турци биоградь одь нѣмаца.» На другихъ же листахъ написано: «и҃ (8) фер. ҂аѡ҃кѳ (1829). побисе алнага стоуевић, реуени ризванъ беговићъ, и освои (завладѣлъ) расно, габелу и дубраве, упале у расну ѕ҃ (6) куђа (домовъ) и оћера животину (угналъ стада), и узе одь манастира житомислића гроша ҂гфп҃з (3587) бивши тада у манастиру игумань о. христофорь борковићъ а клиса мелетие плакиа и иларионь благайски парокъ. ово писа христофорь борковићь.

4. Октоихъ перваго гласа, Сербской печати, напечатанный при Зетскомъ Воеводѣ, Георгіѣ Церноевичѣ, какъ то видно въ предисловіи книги: «повелѣніем гн҃а ми гюрга цьрноевика азь хв҃ рабь сщ҃енноинокь макаріе, рокуделисах сіе при всеѡсщ҃енном митрополите зетском кірь вавиле вь лѣто ҂за. круг слн҃ца а. луне ѳ҃.» Надъ предисловіемъ изображенъ двуглавый орелъ съ буквою б между головъ, съ г подъ правымъ крыломъ, и съ го надъ лѣвымъ крыломъ. Вѣроятно, этѣ быквы означаютъ: «благовѣрный господинъ георгій.»

5. Тріодіонъ, напечатанъ «у млетке» ҂афу (вѣроятно 1590), а далѣе: вицеице де господинь божидара вуковь ѡдь старца.»

6. Малый Требникъ, напечатанъ «вь блєцѣх» (Венеція) съ обозначеніемъ года, но нѣтъ первыхъ и послѣднихъ листовъ.

Другія богослужебныя книги позднѣйшихъ временъ исключительно.

Монастырская библіотека богата какъ вещами богослужебными, привезенными Архимандритомъ Серафимомъ Перовичемъ изъ Россіи, такъ и многими Русскими книгами церковнаго и свѣтскаго содержанія, а равно и разными Сербскими книгами.

Монастырь окруженъ мѣстами низкой каменной стѣною, а мѣстами сами монастырскія строенія служатъ ему оградой. Келіи всѣ старинной постройки и съ крайне низкими дверьми и малыми окнами, и только нѣсколько лѣтъ тому назадъ выстроенъ каменный трехъярусный домъ около монастырскихъ воротъ, въ которомъ и помѣщаются теперь монахи.

На восточной сторонѣ монастыря, за стѣною, находится кладбище, какъ для монаховъ, такъ и для простыхъ жителей, съ поросшимъ столѣтнимъ дубомъ по срединѣ, около котораго въ Троицынъ день устраивается на счетъ монастыря обѣдъ для всѣхъ приходящихъ къ тому дню многочисленныхъ богомольцевъ.

Монастырь имѣетъ собственныхъ поселянъ и большое пространство обработываемой земли, а также прекрасныя большія виноградники и много масляничныхъ деревьевъ, такъ что, по значительному для Герцеговинскихъ монастырей приходу, монастырь Житомысличъ считается самымъ богатымъ изъ всѣхъ здѣшнихъ монастырей.

Подобно другимъ обителямъ Герцеговины, монастырь Житомысличъ имѣетъ свои приходы, отъ чего въ монастырѣ рѣдко можно встрѣтить всѣхъ монаховъ, находящихся обыкновенно въ своихъ приходахъ, гдѣ исполняютъ обязанности приходскихъ Священниковъ и пріѣзжаютъ въ монастырь только временемъ. Въ послѣднее, впрочемъ, время монастырь отказался отдалече удаленныхъ приходовъ и удержалъ лишь тѣ, которые ближе къ обители.

Монастырь управляется Настоятелями, теперь Архимандритомъ, и состоитъ подъ надзоромъ нѣсколькихъ выборныхъ Христіанъ Мостара, которые получая ежегодно отъ Настоятеля отчеты о состояніи обители, должны представлять ихъ монастырской Православной общинѣ.

Митрополитъ, подобно тому какъ и въ другихъ монастыряхъ

Герцеговины, имѣя лишь власть надъ всѣмъ относящимся до части собственно церковной, не имѣетъ ни какого права вмѣшиваться во внутренности управленія монастырей и требовать отчета объ ихъ расходахъ и приходахъ.

При монастырѣ устроена школа, которую намѣрены были преобразовать въ Семинарію, для чего и былъ допущенъ сборъ въ Россіи; но такъ какъ для устройства Семинаріи въ полномъ смыслѣ слова собрано очень мало и не имѣется достаточныхъ средствъ, то при Житомыслицкой школѣ находится одинъ учитель, дающій самое первоначальное образованіе. Хотя вообще школа и не соотвѣтствуетъ вполнѣ своему назначенію, которое хотѣли придать ей, но все таки она можетъ считаться самымъ лучшимъ Православнымъ училищемъ Герцеговины.

Мостаръ.
20 Февраля, 1870 года.

Н. Иларіоновъ.

КРЕСТНЫЙ ХОДЪ НА ОСЛЯТИ,

который въ старину былъ отправляемъ въ Тобольскѣ въ Вербное Воскресенье.

Большой Московскій Соборъ, бывшій подъ предсѣдательствомъ трехъ Патріарховъ, Россійскаго Іоасафа II, Александрійскаго Паисія и Антіохійскаго Макарія, въ 1667 году, постановилъ возвести Тобольскую Епархію изъ Архіепископіи на степень Митрополіи, съ предоставленіемъ ей четвертаго мѣста въ ряду прочихъ 12 Россійскихъ Митрополій, послѣ Новгородской, Казанской и Астраханской. Согласно сему постановленію и по призыву Государя Царя Алексѣя Михайловича, чрезъ нарочно присланнаго въ Тобольскъ чиновника, Алексѣя Богданова, въ слѣдующемъ 1668 году шестой Тобольскій Архіерей, Архіепископъ Корнилій, отправился въ Москву, и тамъ 25 Мая, въ церкви Всемилостиваго Спаса, что на Царскихъ сѣняхъ, былъ посвященъ въ Митрополита [1] Патріархами Россійскимъ Іоасафомъ II и Александрійскимъ Паисіемъ. [2]

Съ возвышеніемъ Тобольской Епархіи на степень Митрополіи, были возвышены права и преимущества ея Архипастырей въ облаченіи. Такъ Преосвященный Корнилій, по однимъ свѣдѣніямъ, съ самаго посвященія въ Митрополита, [3] а по другимъ съ 1675 г. (въ слѣдствіе постановленій новаго Московскаго Собора объ облаченіяхъ лицъ высшей Іерархіи Россійской Церкви, [4] сталъ употреблять, внѣ богослуженія, вмѣсто чернаго клобука, бѣлый,

---

[1] Въ настоящее время производство Епископовъ и Архіепископовъ въ Митрополиты совершается единственно чрезъ возложеніе на производимаго бѣлаго клобука съ крестомъ на челѣ, но въ XVI—XVII столѣтіяхъ и началѣ XVIII, для того производства былъ особенный чинъ. См. Акт. Арх. Эксп. т. XIII, стр. 297—301. Ирк. Епарх. Вѣд. 1863 г. № 12, стр. 157.

[2] Ист. Іер. Рос. Ц. ч. 1, стр. 32. Ист. Рос. Ц. Митр. Платона ч. 2. стр. 214.

[3] Матеріалы для Ист. Хр. Пр. Сиб. Абрамова, стр. 18. Ист. Платона, ч. 2, стр. 214. Древн. Вивл. ч. 3, стр. 205. Ист. Росс. Церкви, Филарета 4, 152.

а при богослуженіи, вмѣсто митры безъ креста на верху, митру со крестомъ, и, вмѣсто многокрестной фелони, саккосъ со звонцами; [5] облачался на шестиступенномъ и при шести огненникахъ амвонѣ; въ путешествіи былъ предносимъ ему крестъ.

Но вотъ еще какую новость, съ возвышеніемъ Сибирской Епархіи на степень Митрополіи, увидѣли жители Тобольска: съ 1669 года, по Указу Царя Алексѣя Михайловича и по грамотѣ Патріарха Іоасафа II, Митрополитъ Корнилій, въ недѣлю Ваій, т.е., въ Вербное Воскресенье, въ память торжественнаго входа Господа Іисуса Христа на осляти въ Іерусалимъ, сталъ каждогодно отправлять крестный ходъ на осляти. Это дѣлалось обыкновенно такъ: утромъ въ Вербное Воскресенье, послѣ благовѣста, по сборѣ народа и прибытіи въ церковь главнаго Сибирскаго Воеводы и другихъ чиновъ, и по облаченіи Митрополита, сей послѣдній со всѣмъ духовенствомъ, пѣвчими, иконами и крестами, выходилъ изъ собора, а можетъ быть и изъ церкви Входа Господня въ Іерусалимъ, [6] и тамъ, на нарочно устроенномъ амвонѣ, освящалъ, по церковному чиноположенію, вербу, раздавалъ ее духовенству и почетнѣйшимъ изъ міряиъ, при громогласномъ чтеніи Протодіакономъ Евангелія (о торжественномъ входѣ Господа Іисуса Христа въ Іерусалимъ), и садился бокомъ на сторону на осля, т. е., на богато и особеннымъ образомъ убраннаго коня, и за тѣмъ отправлялся въ ходъ по улицамъ города.

---

[5] Россійскіе Архіепископы и Епископы стали служить въ саккосахъ только со времени уничтоженія Патріаршества въ Россіи и учрежденія Св. Синода. На перваго изъ Епископовъ, при посвященіи, саккосъ былъ возложенъ Ѳеофана Прокоповича. Словарь писателей духовнаго чина, ч. 2, стр. 298.

[6] Церковь Входа Господня въ Іерусалимъ была на горѣ и, кажется, не въ далекѣ отъ Архіерейскаго дома и Никольской церкви. Она сгорѣла въ 1701 году. См. мое Описаніе Тобольскаго Софійскаго собора, стр. 12.

[7] Въ Тобольскихъ лѣтописяхъ не упоминается, по которой части города совершался ходъ на осляти. Впрочемъ, вѣроятно, что только по одной нагорной. Старцу Митрополиту, во все не привыкшему къ верховой ѣздѣ, или уже давно отвыкшему отъ нея, спускаться и опять подниматься по такимъ крутымъ и малоудобнымъ взвозамъ, каковы, особенно въ прежнее время, были въ Тобольскѣ, при томъ весной, во время таянья, было не только неблаголѣпно и неудобно, но и опасно, не смотря на всѣ поддержки со стороны и предосторожности окружавшихъ его. Да и сколько бы для хода по подгорной части города потребовалось времени? Когда бы стали служить литургію?

Во все время хода коня подъ Митрополитомъ водилъ во всемъ парадномъ своемъ платьѣ, первый Тобольскій Воевода, [8] а самъ онъ осѣнялъ народъ крестомъ, держимымъ въ правой рукѣ, а лѣвою поддерживалъ Евангеліе, лежавшее у него на колѣнахъ; пѣвчіе, Діяконы и Подділконы и причетники при этомъ пѣли Евангельскіе стихи, при пѣніи которыхъ встрѣчали Іудеи Господа Іисуса, т. е.: «Осанна! Благословенъ грядый во имя Господне», и пр. Объѣхавши городъ, Митрополитъ, со всѣмъ ходомъ и народомъ, возвращался въ соборъ, или въ ту церковь, въ которой было предположено служить тамъ во время Часовъ, гдѣ онъ переоблачался и наконецъ совершалъ Литургію. Чтобы сколько можно лучше уяснить для читателей сказанное доселѣ о совершеніи въ Тобольскѣ крестнаго хода въ Вербное Воскресенье, и чтобы представить его для нихъ, такъ сказать, нагляднымъ образомъ, сообщаю здѣсь описаніе того же крестнаго хода, какъ онъ совершенъ былъ Патріархомъ Іоакимомъ въ Москвѣ въ 1675 году. [9] Существенной разницы между отправленіемъ его (хода на осляти) въ Тобольскѣ и отправленіемъ въ Москвѣ не могло быть, кромѣ той, что въ Тобольскѣ, подобно какъ и во всякомъ другомъ Епархіальномъ городѣ, лицо Іисуса Христа, или что то же благодатное Царство Христово, представлялъ, вмѣсто Патріарха, Митрополитъ, ѣздившій на конѣ, Іудейскую превратность, [10] вмѣсто Царя, изображалъ Воевода, водившій подъ нимъ коня. Вѣдь, всѣ церковные обряды и всѣ священныя церемоніи обыкновенно отправлялись и отправляются во всей Россіи по однимъ и тѣмъ же книгамъ.

---

[8] Въ 1669 г. подъ Митрополитомъ Корниліемъ водилъ коня Стольникъ Государевъ, Петръ Ивановичъ Годуновъ, въ 1670 г. водилъ коня Воевода Андрей Павловичъ Акинеовъ, въ 1671 и 72 годахъ водилъ Бояринъ Князь Иванъ Борисовичъ Рѣпнинъ, въ 1673, 1674 и 1675 годахъ Бояринъ Петръ Михайловичъ Салтыковъ, въ 1676 г. Стольникъ Иванъ Өедоровичъ Пушкинъ, а въ 1677 г. Бояринъ Петръ Васильевичъ Шереметевъ (Изъ рукоп. Записной книги о Сибири и о событіяхъ ея, хранившейся при Тобольскомъ Соборѣ).

[9] Это описаніе хода на осляти заимствуется изъ Москвитянина на 1853 годъ № 8; но въ Исторіи Россійскаго Государства Карамзина, есть другое, древнѣйшее того, описаніе и нѣсколько отъ него отличное.

[10] Такое объясненіе хода на осляти можно видѣть въ Церковной Исторіи Иннокентія т. 2, вѣкъ XVII, отд. IV, стр. 511, изд. 6.

«Въ 1675 году, въ недѣлю Ваій, къ Литургіи Патріахъ Іоакимъ и Царь Алексѣй Михайловичъ первоначально прибыли въ Соборъ; Патріахъ облачался въ Соборѣ въ малое облаченіе а т. е., только въ мантію, епитрахиль, поручи, омофоръ и митру. Изъ Собора съ иконами и съ пѣніемъ Патріархъ и Государь пошли къ празднику, т. е., въ церковь Входа Господня въ Іерусалимъ. Оттуда, по облаченіи Царя въ полный Царскій санъ, а Патріарха въ полное Святительское (жемчужное) облаченіе и большую митру, оба они вышли на Лобное мѣсто, гдѣ Патріархъ подалъ Государю, Архіереямъ, Боярамъ, Окольничимъ, Думнымъ Людямъ, Чернымъ Властямъ (Архимандритамъ, Игуменамъ и вообще монашествующимъ) и Протопопамъ, ваія и вербы, а за тѣмъ, по благословенію Патріарха, Митрополиты, сошедши съ Лобнаго мѣста, раздавали вербу Стольникамъ, Стряпчимъ, Дьякамъ, гостямъ (купцамъ) и народу. По раздачѣ вербы, Протодьяконъ началъ читать Евангеліе отъ Марка, зач. 49 (гл. XI, ст. 1): «Во время оно: приближися Іисусъ во Іерусалимъ, и пріидс въ Виѳсагію и Виѳанію, къ горѣ Елеонстѣй, посла два отъ ученикъ своихъ,» и проч. Рѣчь эту Протодьяконъ прочелъ трижды, во время чего Протопопъ и Ключарь пришли къ Патріарху; и лишь Протодьяконъ прочелъ: «и глагола имъ, какъ Патріархъ послалъ Протопопа и Ключаря по осля, сказавши имъ на изустъ (а если не зналъ, то говорилъ по столбцу): «Идита въ весь, яже есть прямо вама; и абіе входяща въ ню, обрящета жребя привязано, на неже ни кто же отъ человѣкъ всѣде: отрѣшша е, приведита. И аще кто вама речетъ: «Что творита сіе! рцыта, яко Господь требуетъ е» (Марка XI, 2 и 3). Тѣ, принявъ благословеніе, пошли, а Протодьяконъ читалъ: «и абіе послетъ е сѣмо. Идоста же и обрѣтоста жребя привязано при дверехъ внѣ на распутіи, и отрѣшиста е. И нѣцыи отъ стоящихъ ту глаголаху има: «Что дѣета, отрѣшающа жребя?» Она же рѣста имъ, яко же заповѣда има Іисусъ: и оставиша я. И приведоста жребя ко Іисусови» (Марка XI, 3—7). Эту рѣчь читалъ, т. е., повторялъ онъ, доколѣ не привели осля; когда же привели, то онъ продолжалъ: возложиша на ризы своя (читалъ это, доколѣ не убрали осля), при чемъ Патріаршіе Приказные покрывали осля сукнами и коврами по чину (по положенію). По упряжи осляти, Протодьяконъ сказалъ: «и всѣде на не» (ст. 7), а Патріархъ, принявъ крестъ и благосло-

вивъ Государя (на веденіе осляти), сѣлъ на осля (доколѣ садился, Протодьяконъ читалъ: «Мнози же ризы своя постилаша по пути, друзіи же ваіа рѣзаху отъ древія и постилаху (бросали) по пути. И предходящіи и въ слѣдъ грядущіи вопіяху, глаголюще» (ст. 8 и 9), и лишь выговорилъ: «вопіяху глаголюще,» иподіяконы, шедшіе впереди Патріарха, запѣли: «Осанна, благословенъ грядый во имя Господне», и пр. (ст. 9), и, пропѣвъ, оборотились и поклонились Патріарху въ поясъ, а онъ ихъ осѣнилъ крестомъ. За тѣмъ пѣвчіе, шедшіе позади Патріарха, пѣли на двѣ половины попеременно Евангельскіе стихи и, пропѣвъ также поклонились. За пѣвчими шли Архіереи и прочее духовенство, всякъ на своемъ мѣстѣ. Во все время шествія Патріархъ осѣнялъ крестомъ, держимымъ въ правой рукѣ, а лѣвою на колѣнахъ держалъ Св. Евангеліе. На Спасскомъ мосту стояло шесть вербъ: при каждой было по два Патріаршихъ причетника, которые и пѣли Евангельскіе стихи, доколѣ не проѣхалъ Патріархъ. Подъѣхавъ къ дверямъ церковнымъ, Патріархъ слѣзъ съ осля, благословилъ Царя и осѣнилъ тѣмъ же крестомъ и руками Царицу и весь домъ Царскій, бывшій тогда въ Грановитой палатѣ, и весь народъ. По входѣ въ церковь, Протодьяконъ уже на амвонѣ дочитывалъ Евангеліе: «и вшедшу ему во Іерусалимъ, потрясеся весь градъ, глаголя: «Кто есть сей?» и пр. (Матѳ. зач. 83, гл. XXI, ст. 10—17) конецъ: «и водворися ту»). За тѣмъ начались Часы, и Патріархъ, перемѣнивъ облаченіе, служилъ Литургію. Такъ ходъ на осляти въ недѣлю Вaiй или Цвѣтоносную совершался въ Москвѣ Патріархомъ и Царемъ; такъ, повторю, безъ сомнѣнія, онъ совершаемъ былъ и въ Тобольскѣ Митрополитомъ съ Воеводами.

Впрочемъ, эта духовная церемонія совершалась въ Тобольскѣ недолго, всего только 9 лѣтъ: въ первый разъ она совершена была въ 1669 году, а въ послѣдній въ 1677 году. [11] Почесть, какая оказываема была въ недѣлю Ваій Царемъ и Воеводами Іерархамъ Россійскимъ, собственно относилась къ божественному лицу Христа Спасителя, какъ справедливо говоритъ въ своей «Краткой Церковной Россійской Исторіи» (ч. 2, стр. 222), Митрополитъ Платонъ; такъ на нее смотрѣли, по благочестію тѣхъ временъ, самъ Царь и лучшіе

---

[11] Выше названная Записная книга о Сибири. Геогр. Словарь Щекатова, часть 6, стр. 261.

Воеводы; но нѣкоторые, какъ замѣчаетъ тотъ же писатель, собла знялись тою почестью, смотрѣли на нее, съ одной стороны, какъ на униженіе Царя и вельможъ, и вообще свѣтской власти предъ духовною, а съ другой, какъ на несправедливое возвышеніе, во мнѣніи народа, Архіереевъ и вообще власти духовной. По этому, для отвращенія соблазна, Соборъ, бывшій въ Мартѣ 1678 года, подъ предсѣдательствомъ Патріарха Іоакима, постановилъ ходъ на осляти въ недѣлю Ваій оставить безъ измѣненія только въ Москвѣ, [12] какъ издревле тамъ отправлявшійся, а во всѣхъ прочихъ (Епархіальныхъ) городахъ воспретить; если же гдѣ народъ привыкъ къ нему и будетъ требовать отправленія его, то дозволялось Епархіальнымъ Преосвященнымъ въ Вербное Воскресенье предъ Литургіею выходить съ духовенствомъ, на устроенный на площади амвонъ, и тамъ, предъ иконою Входа Господня въ Іерусалимъ, освящать, по церковному чиноположенію, вербу и раздавать ее духовенству и народу, ходить съ тою иконою, при пѣніи праздничныхъ стихиръ, по городу, а по обходѣ возвращаться во храмъ, и тамъ совершать Литургію. [13] Совершалась ли въ Тобольскѣ церковная процесія недѣли Ваій въ этомъ послѣднемъ видѣ, это не извѣстно. Впрочемъ, весьма вѣроятно, что не совершалась: жителямъ Тобольска, по недолгому отправленію на глазахъ ихъ хода на осляти, пристраститься къ нему некогда было; да и Митрополитъ Корнилій, который одинъ только отправлялъ въ Тобольскѣ эту церемонію, въ концѣ Декабря, 1677 года, скончался, а преемникъ его, Митрополитъ Павелъ I, болѣе года не пріѣзжалъ, до 25 Марта, 1679 года. Къ тому же этотъ послѣдній Архипастырь самъ лично, въ санѣ Чудовскаго Архимандрита, засѣдалъ на Соборѣ, воспретившемъ ходъ на осляти по Епархіальнымъ городамъ; по тому невѣроятно, чтобы онъ захотѣлъ совершать, если не вовсе воспрещенную, то только полудозволенную, при томъ въ ослабленномъ, измѣненномъ, видѣ, церемонію.

Протоіерей Александръ Сулоцкій.

27 Ноября. 1869 года. Омскъ.

---

[12] Впрочемъ, и въ Москвѣ онъ оставленъ по смерти послѣдняго Патріарха (Адріана).

[13] Древн. Вивл. ч. 6, стр. 357. Акт. Арх. Эксп. т. 4, стр. 309. Церк. Россійск. Ист., Платона, ч. 2, стр. 222. Церк. Ист., Иннокентія, ч. 2, стр. 511.

ДѢЛО

ГАДЯЦКАГО ПОЛКОВНИКА, МИХАЙЛА МИЛОРАДОВИЧА,

СЪ

ГЕНЕРАЛЬНЫМЪ СУДЬЕЮ ЧЕРНЫШОМЪ, 1716 ГОДА.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Дѣло это писано на двухъ листахъ почеркомъ своего времени, уже чрезвычайно ветхихъ, отъ чего коегдѣ недостаетъ по нѣскольку словъ, особливо въ концѣ строки. Но почеркъ очень четокъ, хотя письмо вовсе не Церковно-Славянское, не смотря на то, что тамъ и сямъ встрѣчаются еще ѡ, ѿ и ѳ, а ударенія всюду выставлены надъ словами. Съ одной стороны писана жалоба, и то покрупнѣе, а съ другой, насупротивъ, помелче примѣчанія на нее, конечно, въ Канцеляріи Графа Головкина, коему была принесена. Дѣло это свидѣтельствуетъ, съ какими, однако, препятствіями должны были иногда бороться насылаемые Царскимъ Величествомъ люди на уряды Козацкіе. Извѣстно, что Михайло Ильичъ Милорадовичъ (въ Дѣлѣ, впрочемъ, всюду Милородо́вичь), приглашенъ былъ, черезъ Графа Головкина, въ 1711 году, въ службу, вѣроятно, при посредствѣ и по указанію, служившаго уже у насъ, извѣстнаго Серба изъ Герцеговины (родомъ изъ Попова), Саввы Владиславлевича, въ послѣдствіи Графа Рагузинскаго (по мѣсту выселенія отца его въ Рагузу или Дубровникъ) и, кромѣ прочихъ услугъ Петру I-му, бывшаго также съ нимъ въ походѣ Прутскомъ. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что Владиславлевичъ и Милорадовичъ были оба земляка по происхожденію, именно изъ Герцеговины (а не изъ Босны), гдѣ предки послѣдняго построили славный монастырь въ селѣ Житомысличѣ (въ 4-хъ часахъ отъ главнаго города Герцеговины, Мостара, и въ 5-ти отъ Австрійской границы, въ мѣстности «Дубравы,» близъ

большой дороги), и гдѣ и теперь еще потомки ихъ проживаютъ, хотя уже подъ другимъ именемъ, именно: Лоличи, Кузмани и Опіячи (около самаго монастыря) и въ «Дубравахъ», въ селѣ Црничи; но всѣ они давно Мусульмане, и по тому удержали за собою свои земли. Всѣ они, однако, производятъ себя отъ Храбреновичей, точно такъ, какъ и потомки, происшедшіе отъ Михайла Ильича и его братьевъ, утверждаютъ, что они ведутъ родъ свой отъ тѣхъ же Храбреновичей, которые, въ свою очередъ, произошли отъ Охмутевичей, игравшихъ въ свое время въ исторіи Герцеговинской весьма важную роль. Тамошніе потомки Милорадовичей утверждаютъ, что было три брата: Радое, Любисавъ (Любославъ) и Милисавъ (Милославъ), построившіе по церкви, первый въ селѣ Требнѣ, близъ Житомыслича, другой въ селѣ Ошеничахъ, близъ города Столца (за «Дубравами,» на р. Бреговѣ), и третій въ Житомысличѣ. Послѣдній (Милисавъ), исходатайствовавъ Султанскій фирманъ для своей церкви и наданныхъ ей угодій, удалился въ Россію, по словамъ же другой молвы народной, онъ умеръ, по возвращеніи изъ Царьграда, и погребенъ около своей обители, построенной въ началѣ XVI-го столѣтія (на правой сторонѣ паперти). Точно такъ извѣстно, что и Михайло Ильичъ Милорадовичъ, сначала прибылъ къ намъ одинъ, а потомъ за нимъ пріѣхали и два родные брата его, Гавріилъ и Александръ. Отъ нихъ-то наши Милорадовичи происходятъ. Въ родословной ихъ въ головѣ всѣхъ стоитъ Родіонъ: не Радое ли, нынѣшнихъ Герцеговинскихъ потомковъ Милорадовичей родоначальникъ? Въ послѣдствіи выѣхали къ намъ и другіе Милорадовичи, тоже изъ той же Герцеговины и отъ тѣхъ же Охмутовичей ведущіе родъ свой, и при томъ именно изъ мѣстности «Дубравы», между Мостаромъ и Столцомъ. Сперва они утвердились было въ Австрійскихъ владѣніяхъ, гдѣ одинъ изъ нихъ, Іеронимъ Милорадовичъ, получилъ отъ Императрицы Маріи Терезіи, въ 1757 г., грамоту на Дворянство. При Елисаветѣ Генералъ-Аншефъ Броунъ пригласилъ изъ Цесарской службы въ Русскую тоже одного изъ Милорадовичей. Отъ сихъ послѣднихъ есть у насъ также потомки Милорадовичи и въ нынѣшнее время. См. обо всемъ этомъ: «Біографическіе очерки замѣчательныхъ Милорадовичей, соч. Григорія Александровича Милорадовича. Черниговъ, 1857,» и статью: «Православный монастырь Житомыслячъ въ Герцеговинѣ,» въ «Чтеніяхъ въ

Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ.» 1870 г., кн. 3, отд. V, стр. 1).

Михайло Ильичъ Милорадовичъ, вмѣстѣ съ Капитаномъ Иваномъ Лукачевичемъ изъ Подгорицы (въ прежней Зетѣ, на рѣкѣ Морачѣ, пониже впаденія въ нее р. Зеты съ права и при самомъ впаденіи Рыбницы съ лѣва, въ нынѣшней верхней Албаніи), проникли въ Черногорію съ грамотой Царя Петра І-го къ Черногорцамъ, отъ 3-го Марта, 1711 года, изъ Москвы, въ коей, между прочимъ, объявлялось, что «противу непріятеля бусурмана съ воинствомъ и сильнымъ оружіемъ въ средину владѣтельства его входимъ, утѣсненныхъ Православныхъ Христіянъ, аще Богъ допуститъ, отъ поганскаго его ига освобождать..... самоперсонно выступаемъ... того для, въ нынѣшнее отъ Бога посланное время, пристойно есть вамъ, подражая своихъ предковъ, древния свои славы возобновити, союзився съ нашими силами и единокупно на непріятеля вооружився, воевать за Вѣру и отечество, за честь и славу, за свободу и вольность вашу и наслѣдниковъ вашихъ.... и тако, аще будемъ единокупно кійждо по своей возможности трудитися и за Вѣру воевати, то имя Христово вящше прославится, а поганина Магомета наслѣдницы будутъ прогнаны въ старое ихъ отечество, въ пески и степи Аравійския.» Въ народной пѣснѣ тоже сохранилась память у Черногорцевъ объ этомъ посольствѣ:

«Какъ Русія съ Турцимъ ратоваше,
Петаръ Првый, Императоръ Рускій,
Оправіо посланника свога,
Михаила Милорадовитя,
Одъ старине изъ Герцеговине,
Да понесе Црной Горы книге,
Петровитю Данилу Владици
И Главаромъ одъ Горице Црне.»

Далѣе поется, какъ надоумилъ на это его Савва Владиславлевичъ:

«Веть ми каже вѣрна слуга моя,
Вѣрный Саво Владиславѣвитю,
Одъ Попова изъ Ерцеговине,
Да вы, славны Црногорци, вольни,
Съ Турци мира нигда не имате,
И да мене помоти́ можете....
Вы сте съ Русма и еднога рода,

Єдне вѣре, еднога єзика,
Вѣть сроднія бытъ не ймамо куда;
Кадъ ко Руси, єсте и юнаци.
Но скочите како витезови,
Покликните како соколови,
Подигните окружна Христяне,
Све юнаке на старе налике (образцы),
Пакъ на Турску землю навалите,
Разорайте штогодеръ стигнете,
Осваяйте што выше можете,
У Стамбола да се састанемо,
У Стамбола, оли у Едреву (Адріянополѣ) ..»

Владыка Черногорскій тотчасъ разослалъ приглашеніе

« . . . . . . на све (всѣ) стране,
У сву Босну и Ерцеговину,
У сва Берда (горы) и у Зету плодну...
А главари войску подигнули,
И на Турску землю ударили:
Опалише села и вароше (города),
Око Бѣла Оногошти града,
Око Спужа, око Подгорице
И около града Жаблячкога;
Затворише у градове Турке,
А Христяне себе присвоише.»

Упоминаемыя сдѣсь крѣпости лежатъ по близости Черногоріи, именно: Оногоштъ градъ у Никшичей, со стороны Герцеговины, на сѣверъ отъ Черной Горы, а прочіе подъ нею, на югѣ, со стороны нынѣшней Албаніи, именно: Спужъ на Зетѣ, при самомъ выходѣ ея изъ Черногоріи, на лѣвомъ берегу, противъ племени Мартыничей, а прочіе два на Морачѣ, т. е., Жаблякъ, при впаденіи ея въ Скадарское озеро. Впрочемъ, это воеванье недолго продолжалась:

«Н'ако само (только) мѣсецъ и полъ дана,
Него (но) се є брзо обратило
На Сербальску жалость и несретю (несчастье),
Єрбо (ибо) худи гласи допадоше,
Да се Петре съ Турцимъ умиріе,
Не по волй, него по неволй,
Што га бѣху Турци опколѣли
Близу Прута, студене ріеке,
Теръ (и) му помоть доги не могаше,
Ни остало, што є войсци нужно.»

Такой оборотъ воинскаго счастья сильно поразилъ Черногорцевъ:

«Уплакасе мало и велико,
Свакъ (всякъ) жаляше Хриштянскога Цара;
Михайло поде у Русію,
А остави у рать Црногорце.»

Дѣйствительно, Султанъ черезъ годъ же послалъ на Черную Гору своего Сераскара съ сильнымъ войскомъ, но тотъ былъ на голову побитъ; это не остановило его: въ 1714 г. отправилъ онъ, съ 120 т., знаменитаго Везиря, Куприли-Пашу, который разорилъ и сжегъ все въ Черногоріи, изъ коей, черезъ Албанію, прошелъ въ Морію (Морею) и отнялъ ее у Венеціянъ. Это бѣдствіе побудило Черногорскаго Владыку, Даніила, лично пуститься въ Россію за вспоможеніемъ, которое и получилъ онъ въ половинѣ 1715 года, какъ свѣдѣтельствуютъ то двѣ грамоты: одна Черной Горѣ, а другая Цетинскому монастырю ея, отъ 9-го Іюля, въ Петербургѣ. Въ обѣихъ ихъ упоминается о возстаніи ихъ противъ Турокъ въ 1741 году по приглашенію черезъ Милорадовича и Лукачевича, и за вспоможеніе въ войнѣ жалуется 10 т. рублей, «на вспоможеніе разореннымъ людемъ 5 т. и на созиданіе церквей и монастырей 5 же т.,» обѣщая, «по освобожденіи отъ претяжкихъ воинскихъ иждивеній, не оставити Царскою милостію, вяще наградати.» Въ грамотѣ же Цетинскому монастырю сказано еще, что «соизволяемъ изъ монастыря Цетинскаго въ предыдущія времена присыланнымъ пріѣзжать въ Государство наше, а имянно къ Москвѣ и ко двору нашему въ Санктпетербургъ, въ третей годъ по милостыню, и въ пріѣздѣ ихъ быть по два и по три монаха, да по два жъ, или по три, человѣка изъ бѣльцовъ, съ которыми посылать въ тотъ монастырь въ такой указной годъ по пяти сотъ рублевъ.» Эта Русская милостыня съ тѣхъ поръ, время отъ времени, увеличивалась, и въ послѣдніе годы дошла до весьма почтенной цифры, въ видѣ пособія или «призрѣнія и жалованія къ народу Монтенегрійскому;» за то и народъ этотъ никогда не отступалъ «отъ Русіи и Православнога Цара,» но всегда спѣшилъ наступать на Турчина во всѣхъ нашихъ съ нимъ войнахъ.

Милорадовичъ, отходя изъ Черногоріи, тоже оставилъ Черногорцамъ грамоту отъ своего имени, которая «писасе на збору Црно-

горскому, на Цетинѣ, Априла 16, 1712,» и подъ коей подписался такъ: «Благочастиваго Цара Петра Велики Полковникъ и Кавалиаръ Михаилъ Милорадовичъ.» Въ ней онъ «допуштава имъ (Черногорцамъ) сваку слободу, да су своевластни, да не маю надъ собомъ Господара, токмо Цара, а другу меншу Господу и Официре да имаю отъ своихъ племенахъ и отъ своего отечества, а отъ друге землѣ и отъ другога племена да не ма никада медю нима Войводе, ни Кнеза, ни Капитана, ни никаквога старіега, токмо Цара по Царскому закону и суда, а по духовному Митрополита, како смо ихъ тако и нашли,» и проч. Разумѣется, давая такія обѣщанія слободъ Черногорцамъ, Милорадовичъ хотѣлъ тѣмъ только, сколько то было въ его власти, утѣшить ихъ въ неожиданномъ оборотѣ вещей къ худшему, какъ сказано выше:

«Михайло поде у Русію,
А остави у рать Црногорце.»

Услуга Черногорцевъ въ Петровъ походъ была велика: они своимъ движеніемъ удержали на мѣстѣ Албанскія, Герцеговинскія и Боснійскія, войска, которыя по тому не могли явиться съ прочими у Прута, и тѣмъ еще въ худшее поставить положеніе Русскаго Государя; а этѣ войска считаются самыми лучшими между Турецкими полчищами. Это выставлено на видъ именно въ грамотѣ Петра Милорадовичу 1718 года: «Принявъ отъ Насъ, Великаго Государя, чинъ Полковничества, ѣздилъ къ Монтенегринскимъ и къ другимъ тамошнимъ народамъ нашея благочестивыя Вѣры, тако жь и Римскаго закона, возбуждалъ и поощрялъ тотъ народъ къ принятію оружія противъ Турокъ, и такимъ своимъ вѣрнымъ и ревностнымъ стараніемъ привелъ въ дѣйствительную съ ними Турки войну многое число тѣхъ народовъ, и, имѣя, подъ командою своею, знатные надъ Турки военные поиски учинилъ, и тѣмъ отъ большаго наступленія на наши, Царскаго Величества и Малой Россіи, Турокъ и Татаръ удержалъ.» По возвращеніи же въ Россію, Великій Полковникъ получилъ деньгами 500 червонныхъ, портретъ Государя на Андреевской лентѣ, помѣстья въ Малороссіи и пожалованъ въ Гадяцкіе Полковники въ 1815 году: награды большія, но не необычайныя, по тому что Савва Владиславлевичъ тоже, еще до участія своего въ Прутскомъ походѣ, получилъ, въ 1710 годѣ, три села (Тополь, Вишеньку

и Парахвіевку), принадлежавшія Ломиковскому, родственнику Мазепы. Въ упомянутой сейчасъ грамотѣ сказано, что Милорадовичъ, «не могши уже паки туда (въ отечество свое) возвратиться, билъ челомъ Намъ, Великому Государю, и всепокорственно просилъ, дабы ему опредѣлить чинъ по заслугамъ его, въ нашихъ Малороссійскихъ городахъ, по которому его прошенію, прошедшаго 1715 году, Іюля 10 дня, повелѣли Мы, Великій Государь, ему, Михайлу, за оные его Намъ, Великому Государю, вѣрные дѣйствительные оказанные службы, быть Нашего Царскаго Величества Войска Запорожскаго въ Гадяцкомъ полку Полковникомъ, на мѣсто бывшаго тамо Полковника, который нынѣ Генеральнымъ Судьею, Ивана Черныша, и о томъ тогда Наша, Царскаго Величества, грамота къ подданному нашему, Войска Запорожскаго обоихъ сторонъ Днѣпра Гетьману, Ивану Ильичу Скоропадскому, послана.»

Гадяцкій полкъ, какъ видно изъ исторіи Малороссіи, считался принадлежностью Гетманской булавы; въ немъ находилась Козачья артиллерія. Только двѣ сотни его состояли въ управленіи Полковника, и какъ до того времени, такъ и въ эту пору, ими распоряжались, а съ уполномоченія Гетьмана, и прочими, ближніе родственники его, Полковники: Михайло Боруховичъ и Иванъ Чернышъ. Первый былъ, по замѣчанію Ясаула Бутовича (см конецъ этого Дѣла), племянникъ, а другой зять Гетьманской, или родной своякъ (по словамъ Ѳедора Протасьева, о чемъ см. ниже), а по тому, по его словамъ, онъ, Милорадовичъ, не можетъ тѣхъ правъ имѣть, какъ прежніе Полковники имѣли.» Боруховичъ участвовалъ въ поискѣ 1692 г. противу Петрика, любимца Гетьмана и родственника Искры, вторгнувшагося было въ Малороссію съ Татарами, данными Крымскимъ Ханомъ, и провозглашавшаго себя Гетьманомъ, надѣясь достичь булавы при неудовольствіи народа на Мазепу за чрезмѣрныя строгости и притѣсненія. Въ 1695 г. онъ былъ отправленъ въ Москву, вмѣстѣ съ Мировичемъ (Полковникомъ Переяславскимъ) и Мокіевскимъ (Кіевскимъ) съ плѣнниками, взятыми Козачьимъ войскомъ, соединеннымъ съ Царскимъ, подъ начальствомъ Бориса Петровича Шереметева, дѣйствовавшими по Днѣпру, во время похода самаго Петра къ Азову, и воротился съ богатыми подарками. Во время вступленія Карла XII-го въ Польшу, Боруховичъ былъ посланъ съ 7 тысячами на соеди-

неніе съ Княземъ Репнинымъ. За тѣмъ ходилъ съ Лизогубомъ (Полковникомъ Черниговскимъ) и Танскимъ въ Спижъ, гдѣ разсѣяли они отрядъ тамошняго Воеводы, приверженнаго къ Лещинскому, и самаго его Воеводу убили. Онъ же подписался и подъ статьями при избраніи Мазепы въ Гетьманы, Іюля 25, 1785 г.

Чернышъ же, столько непріязненный Милорадовичу, опирался, конечно, во враждѣ своей къ нему на свойство свое съ Гетьманомъ. Онъ писалъ въ прошеніяхъ, Государю поданныхъ 1718 года, Февраля 12, и Мая 14-го, о подтвержденіи Универсаловъ Гетьманскихъ на разныя имѣнія, что и сдѣлано грамотою, данною въ С.-Петербургѣ Іюля 2-го дня (впрочемъ, сомнительною, такъ какъ въ ней сказано, что она дана «государствованія нашего 13-го году,» вм. 36, * что «за службы дѣда и отца его во время Чигиринской баталіи, и его отъ малыхъ лѣтъ, что онъ былъ при взятіи Кизикирмена и Тавана, тако жъ, по Царскаго Величества Указу, посыланъ былъ къ Султану Турецкому въ Царьгородъ, и оттуда привезъ постановленные тогда мирные договоры,, былъ подъ Нарвою и подъ Ригою при войскахъ Малороссійскихъ, также на Калишской, а особливо на Полтавской, баталіяхъ съ полкомъ Гадяцкимъ его команды,» получилъ въ награду разныя наданія. Изъ этой же грамоты видно, что онъ, 15 лѣтъ тому назадъ (отъ 1718), т. е., въ 1701 году былъ Канцеляристомъ Войсковымъ, а изъ Дѣла Кочубея и Искры съ Гетьманомъ Мазепой знаемъ, что Искра, въ первомъ же допросѣ, 19-го Апрѣля, 1708 г., показалъ, что Канцеляристъ Иванъ Чернышъ также знаетъ про невѣрность Гетьмана, и охотно поѣхалъ бы къ Государю, если бы былъ предваренъ объ отъѣздѣ Кочубея и Искры. А Петръ Яценко, своякъ Попа Святайла (духовника Кочубеева и Искрина), ѣздившій, по предложенію Святайла, отъ Ко-

* Она имѣется у меня въ спискѣ, въ которомъ на концѣ сказано: «1780 году, Октября 8 дня, въ Судъ Земскій Повѣта Зенковскаго, такова подлинная грамота, представленная отъ Господина Войсковаго Товарища Василя Черниша для надобности Господина Надворнаго Совѣтника Григорія Григоріевича Фридрикевича, съ его копіею свидѣтельствована въ ономъ Судѣ Земскомъ, и что копія съ оригиналною есть въ точности, о томъ, въ силу права Роздѣла 4-го артикула 12-го, справилъ при печатѣхъ Судьей, Предводителя Шляхетства полковъ Миргородского и Гадяцкого Судьи Земского Федора Войпы и Подсудка Ивана Ставѣцкого, Писарь Земскій Михайло Лишинъ.»

чубея съ доносомъ въ Москву, писаннымъ имъ же, Яценкомъ, на допросѣ тоже показалъ, что Чернышъ присылалъ слугу его къ Полтавскому Протопопу, Тимоѳею, съ запиской, въ которой стояло: «что присланный станетъ объявлять, тому онъ, Протопопъ, долженъ вѣрить и донесть, куда надлежитъ, и что Царскій Указъ крайне поруганъ и осмѣянъ Гетьманомъ.» Чернышъ и Миргородскій Полковникъ Апостолъ были за это приговорены Судьями къ выдачѣ Гетьману, чтобы онъ поступилъ съ ними, какъ самъ знаетъ, но тотъ перваго простилъ, а втораго еще оправдалъ передъ Государемъ (объ этомъ см. грамоты Петра къ Гетьману отъ 20-го и 23 Августа, 1708 г.). Въ упомянутой же выше грамотѣ сказано, что «въ 1709 году, Марта 2-го дня, за понесенныя во время разоренія Батуринскаго въ добрахъ его, около Бутурина обрѣтающихся, когда онъ былъ тогда Знатнымъ Войсковымъ Товарищемъ, получилъ онъ отъ Гетьмана село Митченки во владѣніе.» Конечно, Полковникомъ Гадяцкимъ сдѣланъ тотчасъ по избраніи Скоропадскаго. Въ этомъ-то послѣднемъ званіи, какъ бывшій Полковникъ Гадяцкій и родственникъ Гетьманскій, а за тѣмъ и Судья Генеральный, онъ воспротивился назначенію Милорадовича, который, какъ опредѣленный самимъ Государемъ, принесъ на него жалобу въ письмѣ своемъ къ Канцлеру Головкину, при семъ печатаемую. Вѣроятно, жалоба эта составляетъ отпускную, предварительно заготовленную, по распоряженію Канцлера, со всѣми замѣчаніями противъ его показаній и выписками изъ дѣла, сюда относящимися.

Замѣчательно, что жалуясь на обиды, ему Чернышомъ наносимыя, Милородовичъ настаиваетъ только въ томъ, чтобъ, «когда уже онъ пожалованъ чиномъ Полковника, то бъ и содержанъ былъ какъ прежніе Полковники, а не такъ, какъ нынѣ чинится.» А это нынѣ состояло въ томъ, что изъ 12 сотенъ Гадяцкаго полка, «10 належали до булавы Гетьманской, до коихъ онъ и не интересуется, доволенъ двумя сотнями, Комышанскою и Рашевскою, коими Полковники владѣли; но Господинъ Гетьманъ Комышанскую силою хотѣлъ взяти и Господину Чернышу отдати,» такъ какъ въ Комышанской Чернышъ «многие себѣ поучинилъ грунты и немалые заводы своимъ иждивеніемъ здѣлалъ,» за что Гетьманъ готовъ былъ Милорадовича вознаградить отъ себя. Кромѣ того, Гетьманъ выдалъ Универсалъ, запрещавшій «Комышанскимъ,

подъ страхомъ немилосерднаго наказанія, слушаться кого либо другого. кромѣ прежняго своего Полковника, Черныша.» Хуже же всего было то въ этомъ случаѣ, писалъ новый Полковникъ, что при объявленіи этого Универсала, «явно и публично предъ народомъ безчестилъ ево срамотне, называючи измѣнникомъ Запорожцемъ, плутомъ. Цыганомъ и шалберомъ» (бездѣльникомъ, надувайломъ). И кто же? Подписокъ (помощникъ Писаря Судебнаго, Подъячій, Приказный) Черныша, что подтвердили полковая старшина и Сотники. Въ особенности упирали Чернышовскіе на слово «измѣнникъ.» «Уже онъ, Милорадовичъ, измѣнилъ одному, и Государю измѣнитъ; можетъ, онъ за море запровадить, какъ кого и иного (намекъ на посольство Милорадовича къ Черногорцамъ), или за границу вывести и запропастить» (тоже намекъ на тѣхъ, кого съ собою привелъ онъ изъ Славянъ въ Россію). Такъ какъ, по требованію Милорадовича, Подписокъ не былъ допрошенъ какъ слѣдуетъ, съ чьего повелѣнія онъ такъ поносилъ его, а только 7 разъ его велѣно ударить по шубѣ, то Милорадовичъ, недовольный тѣмъ, не согласился на примиреніе, на которое было уже склонялся, по настоянію стороны Черныша, подъ угрозою «быть ему противниками, если примиренія не возметъ,» и по тому просилъ «впредь быть въ оборонѣ Царского Величества и въ патронствѣ Сіятельнаго Графа.» Видно, что и Гетьманъ Скоропадскій ходатайствовалъ (отъ 9-го Августа, 1715) за своего у Головкина, чтобы, «если уже иноземецъ определенъ на Полковничество, то бы ему, по крайности, довольствоваться 2-мя только сотнями Гадяцкого полка;» спустя же двѣ недѣли (24-го Августа), Гетьманъ уже предлагалъ удовольствоваться новоопредѣляемому одною сотнею, а другую предоставить прежнему Полковнику. На это Канцлеръ отвѣтилъ (въ Октябрѣ, или Ноябрѣ), что «отмѣнить Царскаго Величества Указу не мочно,» и Милорадовичъ довольствоваться долженъ будетъ «всѣми, къ уряду принадлежащими, моетностями, чѣмъ прежніе Полковники владѣли, а въ маетности Гетманскіе, къ булавѣ приналежащіе, не интересовался бы, и о томъ къ нему (Милорадовичу) писано.» Безъ сомнѣнія, Милорадовичъ получилъ свое, а Чернышъ, не смотря на свойство съ Гетьманомъ, долженъ былъ отказаться отъ притязанія располагать, по прежнему званію Полковника, еще хоть частью его, и по тому принужденъ вѣдать только свой урядъ Генеральнаго Судьи.

Дальнѣйшая судьба сихъ соперниковъ такова: съ 14 Ноября, 1721 года, Чернышъ сдѣланъ былъ, въ званіи Генеральнаго Судьи, Предсѣдателемъ Судебной Канцеляріи, а 17 Мая, 1722 г., членомъ новоучрежденной Малороссійской Коллегіи. Грубости Бригадира Вельяминова, предсѣдательствовавшаго въ этой Коллегіи, и самоуправство его, вызвали сопротивленіе со стороны членовъ ея изъ Малороссійскихъ Старшинъ, во главѣ коихъ стоялъ Наказный Гетьманъ, Павелъ Леонтьевичъ Полуботокъ, правдолюбивый и преданный своей родинѣ. Извѣстно, что онъ поплатился за свое безстрашное заступленіе и правду жизнію: онъ умеръ, въ новопостроенной Петропавловской крѣпости, въ Петербургѣ, куда вызванъ былъ Петромъ съ 2-мя старшинами, Генеральнымъ Писаремъ Савичемъ и Генеральнымъ Судьею Чернышомъ, которые, явившись въ началѣ Августа (3-го дня), напрасно хлопотали о ходатайствѣ у всѣхъ сильныхъ въ ту пору, и подъ конецъ, послѣ смѣлой рѣчи Полуботка, брошены въ крѣпость, лишены всего, что ни было при нихъ, а имѣнія ихъ отобраны въ казну. Съ Полуботкомъ умеръ въ темницѣ и Савичъ, а Чернышъ и новопривезенные изъ Малороссіи, въ томъ числѣ и Милорадовичъ (который съ Апостоломъ, Полковникомъ Лубенскимъ, только что воротился, съ 12 т. Козаковъ, на родину изъ подъ Коломака, куда ходили они для охраненія границы), были допрашиваны, и томились въ заключеніи до самой смерти Петра, когда Екатерина, освободивъ ихъ и возвративъ имъ имѣнія ихъ, приказала, однако же, не выѣзжать всѣмъ имъ изъ Великороссіи, за исключеніемъ Апостола и Милорадовича, которымъ дозволено было возвратиться къ своимъ полкамъ. Милорадовичу не въ первый разъ приходилось быть въ Великороссіи: не говоря уже о поѣздкахъ его до посылки къ Черногорцамъ, онъ сопровождалъ, вмѣстѣ съ прочею Козацкою Старшиною, Гетьмана въ 1718 г. въ Москву, для принесенія поздравленія Государю, по случаю возвращенія его изъ за границы, и тутъ-то онъ, съ прочими Малороссіянами, присутствовалъ при судѣ надъ Царевичемъ, Алексѣемъ Петровичемъ. Извѣстно, что одна только Малороссійская старшина имѣла гражданское мужество отказать Царю въ одобреніи приговора надъ судимымъ, и смѣло отреклась отъ подписанія онаго. Въ это-то пребываніе свое въ Москвѣ Милорадовичъ «доносилъ Государю, что онъ (читаемъ въ грамотѣ, данной ему, по его прошенію), «по Нашему, Царскаго

Величества, Указу, за вѣрные его къ Намъ, Великому Государю, службы и знатные надъ Турками военные поиски, за что, въ знакъ къ ему Нашей, Царскаго Величества, милости, данъ ему и портретъ Нашъ, Царскаго Величества, опредѣленъ онъ быть въ Гадяцкомъ полку Полковникомъ, а Нашей, Царскаго Величества, жалованной грамоты на тотъ чинъ Гадяцкаго Полковничества не имѣетъ; того ради просилъ Насъ, Великого Государя, всеподданше, дабы Мы, Великій Государь, повелѣли, на подтвержденіе помянутаго его Полковническаго чина, дать ему Нашу, Царскаго Величества, милостивую грамоту, какъ и прочіе Малороссійскіе Наши, Царскаго Величества, Полковничьи чины имѣютъ. И Мы.... Наше Царское Величество, подтверждаемъ ему сею настоящею (грамотою) Нашего Царскаго Величества, подданному, Войска Запорожскаго обоихъ сторонъ Днѣпра Гетману, Ивану Ильичу Скоропадскому, Генеральной Старшинѣ и Полковникамъ, повелѣваемъ его, Гадяцкаго Полковника, Михаила Милорадовича, въ томъ чинѣ надлежащимъ образомъ имѣть, а Гадяцкаго полку Старшинѣ и рядовымъ Казакамъ онаго почитать, и всякое должное послушаніе отдавать, и всѣми, принадлежащими къ тому Полковническому уряду, и маетностьми, и доходы, которые прежніе Полковники имѣли, владѣть ему, Полковнику Михаилу Милорадовичу,» и пр. Эта жалованная грамота дана въ Москвѣ Марта 21-го дня, 1718 года, за подписью Государственнаго Канцлера, Графа Гаврила Головкина и Царскаго Величества печатью висячею. Черезъ 6 лѣтъ послѣ возвращенія изъ Петропавловской крѣпости (1728 г.), Михайло Милорадовичъ скончался, и женѣ его, Ульянѣ (дочери Генеральнаго Асаула Степана Бутовича, упомянутаго выше), Петръ II пожаловалъ, за службу ея мужа, полъ сотни дворовъ въ Малороссіи (въ придачу къ 52 дворамъ, полученнымъ въ приданое за нею въ слободкѣ Бутовкѣ). Милорадовичъ подписывался: «Гадяцкимъ Полковникомъ и Македонскимъ Кавалеромъ,» а въ грамотѣ Черногорцамъ, даже «Великимъ Полковникомъ.» Преемникомъ ему въ Полковничествѣ по Гадяцкому полку былъ другой братъ его, Гавріилъ, вскорѣ за взятки отрѣшенный Новымъ Гетманомъ, Даниломъ Апостоломъ, по возвращеніи изъ Москвы въ Малороссію, во время большаго производства, утвержденнаго юнымъ Государемъ въ 1729 г., Петромъ II-мъ. Третій братъ, Александръ, былъ Оберъ-Капитанъ въ Герцеговинѣ, и

также служилъ у насъ. Эти три брата — родоначальники Милорадовичей у насъ старшей вѣтви.

Соперникъ же его, Чернышъ, возвратился въ Малороссію лишь по паденіи Князя Меньшикова и Малороссійской Коллегіи; онъ участвовалъ въ посольствѣ за позволеніемъ избрать новаго Гетьмана, каковымъ и былъ избранъ Апостолъ (1727 г.). Однако, не смотря на то, въ Статьяхъ новоизбраннаго Гетьмана, 17-го Іюля, 1728 г., въ Москвѣ не пощадили Черныша. Такъ, въ 1-мъ пунктѣ сихъ Статей, въ отвѣтъ на упрекъ въ накладахъ и взяткахъ Малороссійскихъ Судовъ, въ коихъ «хто больше дастъ, того, хочай виновнаго, оправдаютъ, а хто убогій, а не имѣетъ чего дати, того, хочъ въ невинности, чинятъ виновнымъ,» сказано, что «тотъ на Судьи порокъ наведенъ при бывшемъ Гетьманѣ (Скоропадскомъ), котораго свойственникъ, Чернышъ, не по обыкновенію правъ Козацкихъ и не изъ вольныхъ голосовъ, но приватными фаворами учиненъ Судіею Генеральнымъ, и колико неправости въ судахъ и волокиты онъ, Чернышъ, дѣлалъ, также что взятки отъ многихъ бралъ, публиковано сіе всенародно печатнымъ блаженной памяти Императорскаго Величества манифестомъ, чего ради повелѣно было учредити Малороссійскую Коллегію, для чиненія въ судахъ справедливости; но оная Коллегія во всю бытность свою никому жалобливому не учинила по правнымъ артикуламъ управы, токмо беручи взятки, волокитами продолжала справы, покамѣсть обѣдвѣ спорные стороны, крайне убыточившись, мусять (принуждены) бывало чрезъ мировые письма погодиться.» А и въ Малороссійской Коллегіи засѣдалъ тотъ же Генеральный Судья, Чернышъ, по чему и не удивительно, что и въ ней все по старому же шло, хотя она и учреждена была именно, какъ сказано въ Указѣ Петра, «что въ судѣхъ Генеральныхъ чинятца многіе неправды.... и нынѣ изъ Малороссіянъ на Судью Генеральнаго, Черныша, есть многіе челобитчики.» Слѣдовательно, Коллегія эта съ ея Великороссійскими членами не объ искорененіи накладовъ и взятокъ хлопотала; напротивъ, стакнувшись скоро съ своими товарищами изъ Малороссіянъ, Великороссійскіе члены ея также взяточничали. Цѣль учрежденія ея была совсѣмъ другая, именно, какъ выразился Указъ Петра, «для лучшей вѣрности и управленія,» т. е., наблюденія за вѣрностью Гетьмана (послѣ Мазепы) и его управленіемъ, другими словами: для ограниченія, а послѣ и отмѣне-

нія совсѣмъ, его власти. И дѣйствительно, какъ скоро приставленъ былъ къ Гетьману Бригадиръ съ нѣсколькими (6-ью) Штабъ-Офицерами, Гетьмана уже не было больше въ Малороссіи. Это до того поразило Скоропадскаго, что онъ, при всей своей ограниченности и добродушіи, увидѣлъ, однако, что его за живо кладутъ въ гробъ, не перенесъ, сильно заболѣлъ и добровольно сошелъ въ него вскорѣ по возвращеніи изъ Москвы (ровно черезъ недѣлю, 3-го Іюля, 1722 г.). Послѣдующіе Гетьманы были только по имени Гетьманами. «Отъ Богдана до Ивана (Ильича) не було Гетьмана,» сказали тогда же Малороссіяне, и сказали правду. Послѣдній Гетьманъ, Иванъ Степановичъ, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, былъ все же не Иванъ Ильичъ, который, какъ всѣ знали, былъ слабаго до нельзя свойства, что именно и доставило ему булаву изъ рукъ Петра, которую, впрочемъ, не онъ, а подружіе его, Настя (урожденная Марковичъ), носило во все его Гетьманство, по замѣчанію того же народа, а онъ только ея плахту; отъ того всѣ безпорядки, при немъ происходившіе, были слѣдствіемъ слабости его душевной. Естественно, ближайшіе по чему либо къ нему, особливо родственники, спѣшили извлечь какъ можно побольше выгодъ для себя изъ такого Гетьмана. Чернышъ не былъ исключеніемъ, какъ показываетъ это его «Дѣло» съ Великимъ Полковникомъ и Македонскимъ Кавалеромъ, который послужилъ Царю первый предлогомъ къ непосредственному вмѣшателству во внутреннія дѣла Молороссійскаго войска и народа назначеніемъ его въ Полковники Гадяцкіе, вопреки обѣщанію хранить ихъ права и преимущества по старинѣ.

И не только Милорадовичъ былъ такъ опредѣленъ, но и сподвижникъ его, Капитанъ Иванъ Албанезъ, упоминаемый въ семъ же «Дѣлѣ,» по просьбѣ Милорадовича, былъ назначенъ въ тотъ же Гадяцкій полкъ Полковымъ Обозпымъ, въ награду за то, что онъ, какъ пишетъ Милорадовичъ, «какъ въ нашей странѣ (въ Черногоріи и т. п.), служилъ со мною вѣрно Его Царскому Величеству, такъ и нынѣ служитъ и служити хощетъ.» Служба же его, по показанію самаго Албанеза, въ прошеніи его къ Графу Головкину, приложенномъ къ письму Столника Ѳедора Ивановича Протасьева (смѣнившаго Ближняго Стольника и Намѣстника Суздальскаго, Андрея Петровича Измайлова, въ должности при Гетьманѣ, 30 Іюля, 1709, по Сентябрь 1710 г., препровожденномъ отъ 15-го Генваря,

1716 г.), состояла въ томъ, что онъ въ 1711 г. относилъ грамоты Царскія въ Македонію, Черногорію и въ Мултянскую землю (Кмяжества Румунскія), и хотя, по прибытіи въ Петербургъ, получилъ въ награду 500 рублей, но самъ въ тѣхъ краяхъ задолжалъ 600; и по тому, «не имѣючи съ чимъ поѣхати, ни долгу платити, того ради остался при Господинѣ Полковнику, Михайлу Милорадовичу, и живу нынѣ (пишетъ онъ) при немъ безъ ни какое офиціи.» Протасьевъ же объ Албанезѣ отозвался: «і онъ, Албанисъ, человекъ изрядной.» Въ этомъ письмѣ Протасьевъ въ первый разъ доноситъ Головкину «о многократныхъ жалобахъ Милорадовича на Черныша,» извѣщая, что послѣдній «пространно уже до его, Господина Канцлера, писалъ чрезъ нарочнаго, отъ себя посланного,» а въ концѣ того же 1716 года (отъ 24-го Декабря), Протасьевъ уже цѣлое письмо свое къ Головкину наполнилъ однимъ только разсказомъ о жалкомъ, по его мнѣнію, положеніи Милорадовича, утѣсняемаго Чернышомъ (роднымъ свякомъ Гетьмана) и Господаремъ (управителемъ) Гадяцкаго замка до того, что «не повиненъ (не имѣетъ права) онъ, кроме Казаковъ, никаво за какую вину карать, іли куда послать, ни какова мастеравова человека х какому делу употребить; ежели, де, что ему потребно, все работаютъ на нево ізъ найму; также и атъ Сотниковъ онъ полку своево почитания не імѣетъ. Во истинна, Милостивый Государь, я многакратна ево виделъ, что, плачучи, праклинаетъ день рождения своего, что въ такое мѣсто онъ Полковникомъ определѣнъ. Аднако жъ ізволишь а всемъ усмотреть іс писма ево, Господина Милорадовича.» И точно, выше Протасьевъ, въ началѣ своего письма, доноситъ: «какъ мы прибыли въ Гадичъ, тогда Полковника Гадицкова, Господина Милорадовича, братъ родной подалъ челобитную і просилъ меня, дабы я оную послалъ до Вашего Сиятельства, котораю при семъ і посылаю, а объ немъ, Милорадовичѣ, даношу, что онъ человекъ ізрядной, і сказываютъ многа время служилъ при армѣе Цесарского Величества, о чемъ Ваше Сиятельство ізволишь із челобитной ево усмотреть.» На эту-то челобитную, и на письмо, черезъ нарочнаго, отъ него посланнаго, еще въ Генварѣ (какъ видно то изъ прошенія Албанеза, писаннаго 14-го Генваря, и приложеннаго къ донесенію Протасьева отъ 15-го того же мѣсяца), конечно, и послѣдовали отвѣтныя статьи, кои теперь мною и предлагаются сдѣсь, вмѣстѣ съ самой

челобитной, и кои, разумѣется, составляли, так называемую, отпускную. Донесенія Протасьева находятся въ собраніи писемъ его, какъ Пристава при Гетьманѣ Скоропадскомъ, тоже находящихся нынѣ въ моемъ распоряженіи: они будутъ, равно какъ и письма самаго Гетьмана Скоропадскаго, сообщены мною въ послѣдствіи. Гетьманъ о Протасьевѣ, въ челобитной своей Царю, поданной лично 22-го Мая, 1722 года, въ послѣднее свое пребываніе въ Москвѣ, отозвался, что онъ, «мѣшаючи порядки, многихъ винныхъ заступаетъ, для взятковъ и прихотей своихъ, якъ о томъ подленнія суть документа, и побуждаетъ ихъ упрямитися и Маестатъ Вашего Величества напрасно турбовати, искаю подъ тѣмъ своея прибыли, а не Государственнаго интересу, да и невинныхъ многихъ взятками озлобилъ насильно.» Гетьманъ же этотъ, при всѣхъ слабыхъ сторонахъ своихъ, отличался, какъ извѣстно, правдивостью и честностью души.

О. Бодянскій.

6-го Августа, 1870 г.
Москва.

ДѢЛО

ГАДЯЦКАГО ПОЛКОВНИКА, МИХАЙЛА МИЛОРАДОВИЧА,

СЪ

ГЕНЕРАЛЬНЫМЪ СУДЬЕЮ ЧЕРНЫШОМЪ, 1716 ГОДА.

Въ письмѣ къ Государственному Канцлеру, Графу Гаврилу Ивановичю Головкину, Гадицкого Полковника Милородовича изъ Глухова 14-го Генваря 1716, написано:

Хотя прежде сего писалъ я къ Вашему Сиятельству, объявляючи о бѣдахъ моихъ и безчестіяхъ тутошнихъ, прилагаючи урядовые свидѣтельствованные инквизиціи подъ разсуждение Вашего Граѳского Сиятельства, однако жъ когда, прибывъ здѣсь въ Глуховъ, подалъ Его Вельможности, Господину Гетману, челобитную, которую тутъ же посылаю, и Его Вельможность велѣлъ Полковникамъ и Старшинѣ Генеральной жалобы моей выслушать, тогда всѣ сторонѣ Господина Черныша, будучи ѳаворизантами, убѣдили мене до примирения, выговариваючи, что мы тебѣ будемъ противъниками, естли примирения не возмешъ, и я, яко единъ странный, за толикия мои безчестия, къ миру было склонился, толко того требовалъ, дабы Подписокъ Черныповъ былъ питанъ какъ надле-

Такова писма напредъ сего отъ него, Милородовича, не было.

А в копіи с челобитной Полковника Милородовича, поданой Гетману, написано:

Что какъ скоро приѣхалъ онъ в Гадичь, Господинъ Черпышъ без всякоії причины многие ему нанесъ безчестия.

Казаковъ Сарскихъ и Крутковскихъ, подъ командою Полковничьею издавна будучихъ, за то, что подали они челобитную, дабы при бытности ево, Милородовича, в волностяхъ Казацкихъ могли пребывати, и мужики на него, Черныша, не работать, наславъ ночью, велѣлъ ловити, бити, и кого изловятъ, заковати, грозя, чтобъ из подданства не отбывали.

Казаковъ Комишанскихъ знатныхъ, прежде бывшихъ на урядахъ, за то, что на приѣзде ево, Милородовича, приносили ему

житъ, естли онъ самъ отъ себѣ, или с повелѣния чьего, такъ срамотне обезчестилъ. Но Подписку тому полгочено, и не допрашиванъ какъ належало, кромѣ того, что 7 разъ по шубе ударенъ; с того я не контентъ. О семъ доношу Вашему Сиятельству, и тоже прошу, дабы я впредъ в обороне Царского Величества и в патронствѣ Вашего Сиятельства будучи, не терпѣлъ таковаго поругания, какое уже мнѣ здѣсь случилось. И благоволите, Ваше Сиятельство, разсмотрѣть мою нужду и уважити подробно всякое дѣло, что мнѣ здѣсь дѣется, естли и то пристойно, что на памяти моей, которую я ради квартиръ писалъ в Борки, въ маетность Черныша, онъ, Господинъ Чернышъ, имя своей маетности вытеръ, и написалъ в Розбышовку, маетность Господина Рагузинского. Для чего я опасаюся, что можетъ онъ искати главы моей, понеже когда случится мнѣ писати до Ясневелможного, или до другого лица высокого, то онъ вытретъ и подпишетъ писмо мое къ Хану Татарскому.

хлѣбъ по обычаю, при пушке чрезъ нѣсколко дней держалъ въ заключеніи.

Рыбалокъ из села Роменца, Полковнику належныхъ, нарочно разослалъ для своихъ дѣлъ, чтобъ выгоды ни какой ему, Милородовичю, не было.

Когда отъ него, Милородовича, на оболонную послано было нѣсколко подводъ привести сѣна, которого сто возовъ онъ, Гетманъ, на приѣздъ далъ, тогда дворецкій Чернышевъ набѣжавъ, людей тѣхъ побилъ и коней позабиралъ.

Слуги его, Чернышевы, во время ярмонки, о святой Параскевіи в Гадяче бывшей, розбивая ночью, грабя ихъ, какъ на самомъ дѣле изловлены были, без розыску за караулъ Ратушской отданы, то... сверсники, отъ дворецкого посланные, сторожевскую розегнали и, тюрму отбивъ, самоволно ихъ выпустили, вино, посланное отъ него, Милородовича, велѣлъ запечатать и не велѣлъ продавать, а в мѣсто того, своего вина чрезъ три мѣсяца выдалъ кухъ 15, съ коихъ прибыли взялъ 150 рублевъ.

Приходъ сь ярмонки Дмитреевской 70 талярей онъ завладѣлъ.

О пашне яровой того лѣта, которого онъ, Милородовичь, туда прибылъ, приказъ Господина Гетмана былъ, чтобъ по поламъ ему с Чернышемъ роздѣлить, а онъ, Чернышъ, до 5 скирдъ, вымолотя, забралъ на свою потребу, и ни чего ему отъ того не далъ.

Онъ же, Чернышъ, многимъ полчанамъ Гадяцкимъ выдалъ....

судейские свои Универсалы, уволняя ихъ отъ всякихъ податей и зимовыхъ квартиръ войску Царского Величества.

Палетъ тотъ, который по опознанию на Ратуше Гадяцкой положенно в маетности Борки для квартиръ салдацкихъ, за рукою и печатью ево, Милородовича, фортелне скасованъ; ибо сверху его напись Борковскій вытерши, написалъ Розбышовскій, и в Розбышовку отослалъ, приводя ево, Милородовича, в ссору з Господиномъ Рагузинскимъ.

Онъ, Чернышъ, писалъ к нему, Милородовичю, писмо укорительное, и отъ гордости имени своего не подписалъ, вмѣняючи его за найгрубшого простака.

На остатокъ, что есть паче всего жалостнѣйше, онъ же, Чернышъ, Подписка своего, а Господаръ замковый шафара своего, посылали въ... и Комишную с Универсаломъ, чтобъ Казаки ни въ чемъ ево, Милородовича, не слушали, но его, Черныша, и тотъ Универсалъ на рынку въ Комишной прочитанъ былъ. Да тотъ же Подписокъ въ Саратъ собравъ множество Казаковъ и мужиковъ, явно и публично предъ народомъ безчестилъ ево, Милородовича, срамотне, називаючи измѣнникомъ Запорожцомъ, плутомъ, цыганомъ и шалберомъ.

Я же прошу за Капитана Албанеза, которой, какъ в нашей странѣ служилъ со мною вѣрно Его Царскому Величеству, такъ и нынѣ служитъ и служити хощетъ, дабы его, Капетана, учинить обознымъ Полковымъ Гадицкимъ, понеже Обозного в полку нѣтъ.

Въ прошломъ 1715 году, когда онъ, Албанезъ, здѣсь былъ, данъ ему апшитъ.

А на Москвѣ данъ ему патретъ въ 20 червонныхъ с короною алмазною въ 60 рублевъ, да денегъ 500 рублевъ.

При томъ присланы отъ него, Господина Милородовича, пункты:

1. Поздравляетъ Господина Канцлѣра рожденіемъ Государя Царевича Петра Петровича.

2. Поздравляетъ праздникомъ Рожества Христова.

3. Что получилъ его, Граеское, писмо Октября отъ 17 числа прошлого 1715 году.

4. Что Указъ, въ томъ писмѣ изображенной, исполнять онъ будетъ.

5. Знатно, что не ради ево тамо бытности, понеже прежде приѣзду его писано на него, будто онъ хочетъ Гетманскими сотнями завладѣть и его подданными, и уредъ обыкновенной въ полку Гадицкомъ чинить.

6. Что онъ никогда такова намѣренія не имѣлъ.

7. Что, когда уже онъ пожалованъ чиномъ Полковника, то бъ и содержанъ былъ, какъ прежніе Полковники, а не такъ, какъ нынѣ чинится.

Писалъ Господинъ Гетманъ Скоропадскій отъ 9-го дня Августа, что увѣдомился отъ Царскаго Величества, на Полковничество определенъ иноземецъ Господинъ Милородовичь, которой, не вѣдая войсковыхъ ихъ порядковъ, (а) въ томъ полку люди посполитые издавна на Гетманскую булаву налѣжатъ, не похотѣлъ (бы) интересоватся, но доволствовался (бъ) особливо в двухъ сотняхъ, Рашевской и Камишанской людми, также издавна на Полковника определенными.

Потомъ в писмѣ ево жъ, Гетмана, отъ 24 Августа, предложены прошеніе Гадицкого Полковника Черныша и Гетмана за него рекомендация, дабы когда Милородовичь будетъ на Полковничество Гадицкое определенъ, из тѣхъ двухъ (сотенъ), на Полковника належащихъ, одною толко правилъ, а другую Чернышу оставить, (да) онъ, Чернышъ, в тѣхъ полковыхъ маетностяхъ многие себѣ грунты и немалые заводы своимъ иждивеніемъ здѣлалъ, а онъ, Гетманъ, вмѣсто той Полковничьей маетности, Милородовичю дастъ отъ себя.

Противъ тѣхъ обоихъ писемъ отвѣтствовано к Господину Гетману въ   бря:

Что Милородовичь давно уже на Полковничество Гадицкое имян-

нымъ Царского Величества Указомъ определенъ, туда отправленъ и велѣно ему всѣми, къ уряду приналѣжащими, маетностями, чѣмъ прежніе Полковники владѣли, владѣти; по тому отмѣнить того Царского Величества Указу не мочно; а чтобъ онъ, Милородовичь, въ маетности его, Гетманскіе, къ булаве приналѣжащіѣ, не интересовался, о томъ писано к нему, Милородовичю.

8. Въ полку Гадицкомъ 12 сотенъ; и ис тѣхъ 10 налѣжатъ до булавы Гетманской, до коихъ онъ не интересуется, доволенъ двемя сотнями, а имянно: Комишанскою и Рашавскою, коими Полковники владѣли; но Господинъ Гетманъ Комишанскую силою хотѣлъ взяти и Господину Чернышу отдать; каковъ Универсалъ отъ него, Гетмана, былъ выданъ, с того списокъ для рассмотренія посылаетъ.

А в списке с Универсалу Гетманского, данного в Глуховѣ Ноября 3-го дня, 1715 года, написано:

Объявляетъ онъ, Гетманъ, Старшинѣ Камишанской, Сарянской и Остаповской, со всѣми Казаками и посполитыми людьми, что увѣдомился онъ, Гетманъ, яко они нѣ съ чьего наущенья будучи ослушными, не хотятъ державцу своему, Ивану Чернышу, Судье Войсковому Генералному, отдавати послушенства. Того ради нарочно тѣмъ Универсаломъ накрѣпко упоминаетъ, дабы они, Камишанные, Сарянские и Остаповские жители, знаючи одного державца своего, Господина Судью, без жадной противности всякое ему, не смотря ни на кого, по прежнему отдавали послушаніе и повиновение. А хто будетъ противный, такового велено будетъ сыскивать в Глуховъ и карать немилостивно, какъ бунтовщиковъ.

Такими словами: Писари и люди Чернышевы, по ево наученію, читали Универсалъ ево, Милородовича, предъ народомъ, бранили и измѣнникомъ называли,

А в копиі с свидѣтелства полковой Старшины и Сотниковъ, 17-ти человѣкъ, данного Ноемврия 9-го числа, 1715 года, написано:

Гдѣ когда объявлено будетъ

и протчими безчестными словами поносили, о томъ во свидѣтелство онъ прислалъ Старшины полку Гадицкого атестацію, противъ которой проситъ у Его Царского Величества суда, что ежели онъ той человѣкъ, какъ они по умыслу сперва предъ народомъ объявляли, то онъ достоинъ казни; а ежели напрасно ево такимъ называютъ, то да будетъ равною мѣрою, равно тѣмъ, которые службу уничтожаютъ и измѣнникомъ называютъ.

9. Онъ, Чернышъ, полкъ Гадицкой до конца разорилъ, в чемъ на него, Черныша, болше ста челобитенъ есть, которые, челобитные, не смѣлъ онъ, Милородовичь, закрыти, держитъ у себя, а к Господину Гетману посылалъ списки, однако же, или за его многими оккупациями, или свойствомъ, о чемъ ни пишетъ, не видитъ иного, кромѣ продолженія, а челобитчики кричатъ и грозятъ ему, ежели имъ суда не будетъ, то вcѣ пойдутъ ко двору Его Царского Величества искати суда за свои обиды; и той ради причины, дабы ему, Милородовичю,

предъ каждымъ судомъ и правомъ, то извѣстно сотворится, что Его Царскому Величеству за благороднаго Господина Михайла Милородовича, по милости Царского Величества Полковникомъ Гадицкимъ опредѣленного, какъ они, Старшина полковая, такъ и все полчане, Єотники, Атаманы городовыя, селская и куренная, старшее и меньшее полку Гадицкого товариштство, также чинъ духовный и посполитой народъ, рабски покорно благодарствуютъ, и который, по природному добронравию своему, любезенъ, милостивъ и добротенъ есть ко всѣмъ, будучи в службе Царского Величества без найменшей обиды, ибо ни кого ничемъ не озлобляетъ, но паче ущедряетъ, желая во всемъ изобиловати. А что онъ на Господина Черныша, бывшого Полковника Гадицкого, жалуетъ, яко бы онъ отъ него с начала обиженъ и обесчещенъ, и в томъ протестуется, о томъ они свѣдомы.

А в розыску записки подлинной знатно... велецкого да полковой и городовой Старшины 9 человѣкъ Ноября 12-го, 1715 году, за печатью Ратушною написано: Что Господинъ Милородович известився отъ Атамана Сарского с товариством, какъ Иванъ Ставецкій бывшого Полковника Черныша съ Яковомъ Реченковымъ, шафаромъ замковымъ, приѣхавъ в село Сары Уѣзду Гадицкого, до всего товарищества тамошняго и посполитыхъ и Свещенника Крутиковского читалъ Гетманскиі Универсалъ, чтобъ нынешняго Полковника Казаки не слушали и належитое на дворъ

не отвѣтовать впредь, принужденъ онъ донести о всемъ, и что онъ же, Чернышъ, все доходы Полковничьи, надлѣжащие, прежде времяни нареченного выбралъ, а ему, Милородовичю, здѣшъние люди, Старшина и весь полкъ до сего числа зѣло ради, какъ видимо изъ приложенной ихъ атестаціи.

Чернышовъ отсылали, безчестилъ Господина Милородовича и называлъ ево Цыганомъ, шалберомъ и измѣнникомъ, требовалъ оныхъ Василія и протчихъ подлинно о томъ розыскать, и они чинятъ Полковника доволство на Ратуше Гадицкой... же реченного Атамана Сарского Юска подпрашивали, который объявилъ, что того Ноября въ 7-мъ числѣ Иванъ Ставецкій Чернышовъ и Яковъ Реченко, шафаръ замковой, приѣхавъ в село ихъ, Сары, велѣли всѣмъ имъ Казакомъ и.... собратися в домъ Священника для слушанія Универсала Гетманского о томъ, чтобъ Казаки по прежнему Чернышу в работе послушаніе отдавали, а по томъ Универсалу Яковъ Реченко говорилъ: «Такъ знайте вы опять Судью Генералного, а не Полковника!» Потомъ и.... говорилъ такими словами: «Дурни Казаки! Для чего хочете сего Полковника плута, Цыгана, шалбера? Ибо сей такой же, какъ и Запорожцы. Може за море запровадитъ, или на границу вывѣвши, запропаститъ.» Иванъ Руда сказалъ, когда вычитанъ Универсалъ: «Тогды я за все товарство говорилъ, что доволно ево терпѣли. Хвала Богу, имѣютъ они нынѣ себѣ отъ великого свѣта Государя. Пусть будетъ.... слушати.» За что Яковъ Реченко... спохвалялся...... цки говорилъ: «Или вы не знаете сего Цыгана, плута, шалбера, измѣнника, что и васъ запровадитъ за море, какъ кого и иного?»

Еще 6 человѣкъ Казаковъ по имяномъ порознь сказали, что ре-

10. Онъ же, Чернышъ, будучи Полковникомъ, изъ артилеріи Гадицкой пушки городовые в маетности свои вывозилъ, порохъ, палубы, шоры и протчее, запасъ военной, невѣдомо гдѣ подевалъ, особливо войсковыхъ болшихъ 3000 злотыхъ забралъ.

ченные два, что Подписокъ Ставецкій называлъ Милородовича плутомъ, шалберомъ и измѣнникомъ.

И ізъ тѣхъ прибавилъ, что Ставецкій же прибавилъ: «Ибо уже онъ, Милорадовичъ, измѣнилъ одному, и Государю измѣнитъ.»

Другой, что «Онъ, Милородовичъ, зовется.....без обыде, и я такимъ зватися. Да что жь по тому?»

Казаковъ же, по имяномъ 9 человѣкъ, сказали, что въ своей челобитной написали, такъ какъ и при дѣлѣ, слово в слово, что такъ было, а не иначе, и съ Християнства подтвержаютъ.

В прошеніи к Полковнику Милородовичю Гадицкому... и протчихъ артилерскихъ служителей написано, что издавна имѣли они доходъ з Березовой луки, и онъ собиралъ нашу заслужчину в Березовой луцѣ, а... на 100 аршинъ, 3 шубы, ценою по 5... сапоговъ, у мясниковъ камнемъ да масломъ, за 7 колъ по 5 копъ за коло, а в леси... онъ, Милородовичь, приѣхалъ в Глуховъ да вои.... а 16 выездивъ, роздалъ в сотни из.... иные продали, а иные пропали. Онъ же... 15, хомутовъ 10, возовъ 6, топоровъ 2, казана 5, кожи, жита было жатого 40 копъ, проса 200 копъ, овса 220 копъ, ячменю.... А в росписи о расходе войсковыхъ денегъ, которые издержаны на расходъ войсковый по приказу Полковника Гадяцкого, Ивана Черныша, съ 17... по 1715-й, и въ томъ 1715-мъ годѣ жъ, Черкаского счету золотыхъ....

На покупку во дворъ его, Полковничей, вина, калачей, дровъ, дехтю, на дѣло шоръ, за починку палубовъ и протчего..................	870
На дачю дворовымъ его, трубачамъ, Господарю, цылюрикамъ, Гетманскому дохтору, кухарю............	274
Для посылокъ для его, Полковничьихъ, дѣлъ в Киевъ, в Стародубъ, в Глуховъ, в Харьковъ и в другие мѣста..................	276
На покупку скотины для посылки к Господину Генералу Фелтмаршалу Графу Шереметеву................	143½
А на то збираны деньги особливо съ полку: на покупку хоронгве............	600
А на тѣ хоронгви особливо с полку собрано денегъ немалое число.	
Армашамъ и пушкарямъ сапоговъ и протчего......	27
Ясаулу Мартину.......	200
Да Павлу Хвалишеву..	50
И Старшинѣ Полковой на ралецъ предъ Рождествомъ......................	80
А збираны для того деньги особливо с полку.	
Киевскому Пустынно-Никольскому Игумену и другимъ духовнымъ особамъ, присыланнымъ ис Киева в дѣле Лисовского, да Македонскому Игумену, ѣдучему для милостыни, и Свещенникомъ на молитву і за казане	184, 8 к.

Невольникамъ Грекамъ и на откупъ Сотнику Китайгородцкому и двумъ вдовамъ, которыхъ мужья в неволе Бусурманской обрѣтаются, да привезенымъ Татарамъ ис Крыму 49 и пол. 14 коп.

Всего 2854 золотыхъ 12 копѣекъ, а рублями учинитъ 370 рублевъ 30 алтынъ 4 к.

11. Войско и городовую Старшину с вѣдома Господина Гетмана перемѣнять заказано, а ему, Чернышу, оставлять таковыхъ волно, который, увѣдомясь о Милородовичеве прибытіи до ихъ и проччихъ по волѣ... оставилъ.

12. Войско 1000 полковыхъ Казаковъ, которые по дѣде и по отце были... тѣхъ на Гетманскую, насилиемъ принуждають в мужики, грабятъ у нихъ лошади и волы, а они не хотятъ быть мужиками, ищутъ у него, Милородовича, воли и свободы изъ мужиковъ.

Отдавалъ ему Ясаулъ Енеральный Бутовичь сотню Ряжскую, а Камышанской не отдалъ. Тогда онъ, Милородовичь, говорилъ ему, Ясаулу: «Для чего не по прежнему определяетъ?» И онъ, Ясаулъ, сказалъ, что «онъ, Милородовичь, не можетъ тѣхъ правъ имѣть, какъ прежние Полковники имѣли; ибо одинъ былъ племянникъ, а другой зять Гетманской.

Напослѣди объявляетъ онъ, Господинъ Милородовичь, что прежніе Генеральные Судьи жили при Гетманахъ, и тамо дѣло судѣйское управляли, а до полку не интересовались, а Господинъ Чернышъ живетъ в Гадичю и коинде

Въ прошломъ 1715-мъ году, Генваря 22-го дня, в Грамоте Великого Государя к Гетману, Господину Скоропадскому, писано, что указалъ Его Царское Величество впредь Полковникомъ Регименту его, Гетманского, в полковую Старшину и в Сотники собою не выбирать и не учреждать, а когда в которомъ полку будетъ порожжее мѣсто Полковои Старшины, или Сотника, тогда Полковнику учинить раду и совѣтъ с Полковою Старшиною и с Сотниками, и на томъ совѣте по приговору общему назначить к тому уряду из людей заслуженныхъ и не подозрителныхъ в вѣрности человѣкъ 2, или 3, и назнача, писать к нему, Гетману, и ихъ самихъ присылать, а ему, Гетману, изъ тѣхъ назначенныхъ людей, усматривая кто изъ нихъ к тому уряду годенъ быти, и которые всегда были к нему, Великому Государю, во всякой вѣрности безпорочной, и из тѣхъ поволятъ единому быти и опредѣлятъ о томъ отъ себя на тотъ урядъ Универсаломъ, и в вѣрности къ Царскому Величеству приводить тѣхъ новоопределенныхъ в Полковую Старшину

ево, Полковника Милородовича, чинитъ помѣшателства

и в Сотники к вѣре, по обычаю, при Столнике Өедоре Протасьеве. А которые были въ явной измене и до сего Его Царского Величества Указу отъ Полковниковъ поставлены в Полковую Старшину и в Сотники, и о тѣхъ взявъ подлинное извѣстие, оныхъ переменить, и на ихъ мѣста выбрать и поставить другихъ, выше объявленнымъ же образомъ, вѣрныхъ и достойныхъ людей.

СТРАДАЛЬЧЕСКАЯ КОНЧИНА

М. М. ПУТИЛОВА

ВЪ 1773 ГОДУ.*

Для васъ, милыя дѣти, принялся я за перо; но старому солдату оно не такъ послушно; я жь, милые друзья, учился, по Русской пословицѣ, на мѣдныя деньги. И такъ, когда вы выростите, выучитесь, читая этѣ строки, не взыщите на грамматическихъ ошибкахъ, и не смѣйтесь надъ ними!

Не желанiе прослыть авторомъ заставило писать вашего отца; нѣтъ, желанiе передать памяти вашей геройскiй подвигъ вашего прадѣда, его самоотверженiе, любовь къ Богу и преданность къ престолу. Пусть примѣръ его будетъ неизгладимо запечатлѣнъ въ сердцахъ вашихъ, и, полные чести въ страшныя минуты жизни, вы встрѣтите неустрашимо смерть. «Какъ умеръ прадѣдъ, скажите вы, такъ умремъ и мы, но не запятнаемъ постыдной трусостью родъ праведника, коего ни какiя страданiя не въ силахъ были поколебать въ вѣрности къ долгу.»

Во время страшнаго бунта злодѣя Пугачова, прадѣдъ вашъ жилъ въ Оренбургской Губернiи, въ своемъ родовомъ имѣнiи. Онъ былъ богатырь и по сложенiю и по характеру: къ 12 вершковому росту, неимовѣрной ширинѣ плечъ, явно выказывавшей чрезмѣрную силу, онъ присоединялъ необычайную ловкость, которую сохранилъ до старости; въ 60 лѣтъ онъ леталъ на конѣ соколомъ, какъ разсказывалъ покойный мой дядька, бывшiй еще

---

* Подлинная рукопись этого разсказа, записаннаго внукомъ страдальца, хранится у Валерiя Ивановича Чарыкова, который былъ женатъ на дочери одного изъ потомковъ страдальца, Дмитрiя Азаровича Путилова (извѣстнаго по всему Заволжью, необыкновенною силою, остротою ума и сарказмами, которыя онъ сыпалъ на людей, съ коими имѣлъ какiя либо столкновенiя, и скончавшагося въ 1861 году). Копiя съ рукописи доставлена намъ, съ согласiя Г. Чарыкова, Княземъ В. И. Баюшевымъ.

—Кого тебѣ надобно? спросилъ его пьяный Казакъ, котораго прочіе называли Полковникомъ.

—Того, кто потчиваетъ виномъ, отвѣчалъ, принявъ на себя шутовскую рожу Вака.

—Видно, охотникъ, шельма!

—Смертный, отвѣчалъ Вака, и залпомъ выпилъ стоявшій на столѣ полуштофъ.

—Славно, сказалъ Казакъ.

Вака началъ врать прибаутки, припѣвая и приплясывая, какъ бы нарочно, бралъ ружья и пистолеты, ссыпалъ потихоньку порохъ съ полокъ, плевалъ въ нихъ. Пьяная ватага не могла замѣтить его продѣлокъ. Наконецъ, притворившись пьянымъ, онъ, въ двоемъ съ однимъ изъ Казаковъ, отправился показывать по секрету зарытыя деньги въ саду. Подошедъ къ концу сада, Вака схватилъ товарища за горло; покуда тотъ старался выбиться изъ желѣзныхъ рукъ Ваки, изъ закустовъ вышли товарищи послѣдняго и безъ шуму связали Казака, а чтобы тотъ не кричалъ, вложили въ зубы кляпень, и сѣли на лошадей. Вака помѣстилъ на сѣдлѣ своего молчаливаго по неволѣ товарища и, пѣгій, какъ бы не чувствуя двойной тяжести, крупной рысью полетѣлъ за товарищами. По пріѣздѣ Вака донесъ, что вся ватага пьяная пируетъ безпечно въ барскомъ домѣ. «Зажечь домъ со всѣхъ четырехъ угловъ!» сказалъ старикъ Вакѣ, а мы поспѣемъ. Чрезъ короткое время пламя вспыхнуло, и всѣ, подъ предводительствомъ прадѣда вашего, бросились на барскій дворъ; безчувственно-пьяные Казаки схватили оружіе, бросились изъ дома, тѣснясь въ сѣняхъ, мѣшали другъ другу выйти. «Ну-ка, Купріяша, плюнь имъ въ глаза!» сказалъ Вака молодому барину: видишь, съ просонья не протрутъ!» Раздался выстрѣлъ изъ мушкетанта, какъ дождемъ обдало картечью толпившихся въ сѣняхъ; всѣ бросились назадъ. «Заряжай, Купріяны!» сказалъ прадѣдъ вашъ, и, въ свою очередь, выстрѣлилъ изъ мушкетанта, висѣвшаго у него на сѣдлѣ, тяжестію и огромностію калибра сподручнаго только силачамъ того времени. За оглушительнымъ трескомъ послышались стоны переравненныхъ. Проворный и смѣтливый Вака, для защиты осаждающихъ, велѣлъ подвезти воза награбленнаго имущества, приготовленные злодѣями для отправки къ главному отряду. Въ окнахъ показалось нѣсколько человѣкъ съ оружіями; о-

хотники начали отстораниваться отъ направленныхъ на нихъ выстрѣловъ.

—Небойсь, ребята!» кричалъ Вака, я заговорилъ ихъ ружья; и дѣйствительно, безпрестанныя осѣчки ружей и пистолетовъ подтверждали его слова. Недолго злодѣи могли держаться въ домѣ: огонь проникъ во внутрь комнатъ, и они бросились опрометью къ сѣнямъ. Опять раздались выстрѣлы мушкетантовъ; но отчаянiе взяло верхъ: нѣсколько уцѣлѣвшихъ отъ ранъ выскочили изъ дверей.

—Вотъ и моему дураку работа! сказалъ Вака, и тяжелый кистень завизжалъ въ рукѣ его; многiе охотники имѣли для волчей охоты также кистени, и управлялись ими ловко: всѣ выпрыгнувшiе легли подъ ударами ихъ. Домъ пылалъ, убитые, раненые и мертвецки пьяные злодѣи горѣли вмѣстѣ въ немъ. Староста и старики этого села упали въ ноги старому начальнику: «Отецъ нашъ, мы не звали злодѣевъ!»

—Вѣрю, встаньте и отвезите ко мнѣ все уложенное въ возахъ; лучшее оружiе взять съ собой, остальное переломать, сказалъ онъ Вакѣ.

—Смекнулъ, Миша, отвѣчалъ шутъ, и весь отрядъ потянулся домой.

—Что, Миша, вѣдь сердиться подлецы будутъ, что мы угостили товарищей ихъ жаркой баней? Кажись бы, и проболтаться не кому, развѣ кривой цѣловальникъ: не велишь ли его на веревку да къ рыжему Казаку въ товарищи на вышку? Имъ не скучно будетъ.

—А если онъ не мошенникъ?

—Экой ты, Миша, дурень: да въ умныхъ-то царствахъ, я слыхалъ, и за рожу вѣшаютъ; а погляди-ка на него: такъ чертомъ и смотритъ.

На другой день Староста прадѣда пришелъ ему доложить, что молодой Священникъ читалъ имъ какую-то бумагу отъ Царя Петра III-го; что ни онъ, ни мужики, ничего не поняли; что Попъ былъ пьянъ и уговорилъ ихъ итти съ покорною головою къ Царю, который оставался верстахъ въ 15-ти, но крестьяне безъ твоего спроса, батюшка, не идутъ. Попъ разругалъ ихъ и поѣхалъ одинъ съ какимъ-то кривымъ мѣщаниномъ. Что сказалъ

Вака, мое сердце вѣщунъ: надо бы кривую собаку посадить на вышку; а еще бы лучше повѣсить на первой осинѣ.

Ночью караульные разбудили прадѣда вашего. Багровое зарево виднѣлось надъ деревней, въ которой истреблены бунтовщики; въ слѣдъ за нимъ вспыхнуло ближайшее село, и менѣе чѣмъ въ часъ всѣ окрестныя деревни пылали. На дворѣ въ осеннюю ночь было свѣтло, какъ днемъ. Спустя немного время, прибѣжалъ крестьянинъ и объявилъ, что Пугачовъ съ огромной партіей остановился верстахъ въ 5-ти, и утромъ, по убѣжденію Попа и доносу цѣловальника, для истребленія партіи бунтовщиковъ, явится въ Родники. Прадѣдъ вашъ собралъ людей, объявилъ имъ объ опасности, и дозволилъ тѣмъ, которые боятся умереть, выйти изъ дому.

—Вамъ не безчестно спасать свою жизнь, сказалъ онъ съ грустію: вы не Дворяне.

—Экой ты гордой, Миша, перервалъ его Вака, и умереть-то намъ по Дворянски не дозволяетъ. Ну нѣтъ, дружище: кто какъ хочетъ, а я умру по Дворянски; да и вамъ, ребята, совѣтую его не слушать. Спросите хоть батьку Алексѣя: кто умретъ по Дворянски, будетъ въ раю. Слова Ваки подѣйствовали на оробѣвшихъ дворовыхъ, всѣ бросились на колѣни. «Жили съ вами, отцы наши, и умремъ съ вами,» закричали они въ одинъ голосъ.

—Да благословитъ васъ къ страданіямъ Страдавшій на крестѣ! сказалъ старый Священникъ, осѣняя крестомъ.

Всѣ бросились цѣловать крестъ, произнося клятву быть вѣрными.

—Миша, сказалъ Вака, ребята-то знаютъ, гдѣ раки зимуютъ: всѣмъ въ рай хочется. Вотъ у дяди Евѳима шестеро по лавкамъ: небось, старый хрѣнъ впередъ всѣхъ по барски умирать собрался. Давай-ка, дядя, побратаемся: я справа, а ты слѣва, возлѣ Миши умирать станемъ. Рѣчь Ваки обращена была къ старику, огромнаго роста, бывшему сперва камердинеромъ, а потомъ управителемъ, прадѣда.

—Вѣкъ ты не вралъ, Вака, умнѣе, сказалъ старикъ, подавъ ему руку.

Почти съ разсвѣтомъ явился Казакъ и передалъ чрезъ мужика указъ Пугачова, называвшагося Петромъ III, чтобъ прадѣдъ вашъ съ Дворянами шелъ къ батюшкѣ Царю безъ опаски;

что онъ за прежнюю его службу пожалуетъ, и что онъ, не узнавъ его людей, разбилъ ихъ, въ вину ему не поставитъ; по тому что тѣ люди безъ вѣдома Царя озорничали. Желалъ ли симъ выманить дѣда хитрый Пугачовъ, или, узнавъ о храбрости и уваженіи къ нему всего околотка, хотѣлъ привлечь его на свою сторону обольщеніями, не извѣстно. Прадѣдъ вашъ прочиталъ письмо всѣмъ, но никто не согласился выкупить жизнь безчестьемъ. Онъ написалъ отвѣтъ слѣдующаго содержанія: «Петра III-го я видѣлъ лично мертваго, былъ при его погребеніи, присягнулъ Императрицѣ Екатеринѣ; знаю, что называющій себя Царемъ Емелька Пугачовъ, воръ и разбойникъ, Донской Казакъ. Съ повинной не йду и смерти не боюсь: да будетъ надо мною воля Божія!» Письмо передано чрезъ мужика.

Не прошло часу, пыль по дорогѣ показала приближеніе бунтовщиковъ. Огромная шайка Казаковъ, мѣщанъ, дворовыхъ людей и крестьянъ, окружили домъ; нѣкоторые были вооружены, а большая часть съ пиками, топорами, косами и желѣзными вилами. Вдали виднѣлся кружокъ лучше вооруженныхъ и одѣтыхъ: это была дружина приближенныхъ Пугачова: въ ней былъ кривой цѣловальникъ и Попъ съ крестомъ въ рукахъ; нѣсколько человѣкъ Казаковъ, отдѣлясь отъ нихъ съ Попомъ, подъѣхали къ мужикамъ и что-то жарко разговаривали. Видно было, что послѣдніе сопротивляются; человѣкъ до 20 изъ окружающихъ Пугачова вновь подъѣхали къ толпѣ, подвезли бочку съ виномъ: чернь въ драку бросилась пить, кто чѣмъ попало, кто шляпой, кто рукавицами. Наконецъ вся толпа бросилась къ дверямъ, подъ предводительствомъ Казаковъ, нѣкоторые тащили бревно, вѣроятно, чтобы выбить рѣшетки нижняго этажа, или двери.

—Мѣть въ Казаковъ! сказалъ прадѣдъ вашъ.

Раздался выстрѣлъ винтовокъ и ружей, рѣдкая пуля миновала своей цѣли: человѣкъ 20 Казаковъ слетѣли съ лошадей, вся толпа бросилась назадъ.

—Что, не охотники воры, до нашихъ орѣховъ! сказалъ Вака.

Послѣ нѣсколькихъ совѣщаній, толпа, предводительствуемая Казаками, съ ужаснымъ ревомъ вновь бросилась отбивать двери. Опять посыпался градъ пуль, но не остановили онѣ разъяренную и опьянѣвшую чернь.

—Погляди, Вака: нѣтъ ли нашихъ? сказалъ прадѣдъ вашъ.

—Нѣтъ, Миша: это все пьяницы Ласковцы. «Купріянъ, стань къ тому окну, что съ боку дверей съ мушкетантомъ, цѣль по тѣмъ, которые ближе къ дверямъ! Раздался выстрѣлъ двухъ мушкетантовъ въ стѣсненную толпу; изъ другихъ оконъ также дали залпъ изъ 4 мушкетантовъ, за тѣмъ засвистали пули изъ винтовокъ. На дворѣ были только убитые и раненые: картечь мушкетантовъ въ тѣсной толпѣ сдѣлала ужасное пораженіе, и, по близости цѣли, рѣдкая рана не была смертельна.

Разбѣшенные неудачею злодѣи, боясь подходить близко, подвезли пушку; долго уставляли, наконецъ раздался выстрѣлъ, ядро задѣло карнизъ и часть крыши, не нанеся ни какого вреда; сдѣлали еще нѣсколько неудачныхъ выстрѣловъ. Ободренные охотники явно увидѣли, что имъ нечего бояться. «Видишь, дядя Евѳимъ, Іуда-то вертиться: твоя винтовка далеко бьетъ,» сказалъ Вака. Старикъ положилъ длинную винтовку свою на окно, долго цѣлился, раздался выстрѣлъ, и цѣловальникъ растянулся возлѣ пушки: ее отвезли дальше, выстрѣлы едва долетали до дому и ядра едва ударялись въ стѣну. Видя и въ этомъ неудачу, злодѣи прекратили стрѣльбу.

Одинъ изъ людей, глядѣвшихъ въ слуховое окно, прибѣжалъ къ прадѣду и доложилъ, что значительная толпа народу скопилась въ саду; старикъ послалъ сына и Ваку посмотрѣть, къ чему клонится умыселъ злодѣевъ. «Что они затѣваютъ, Вака?» спросилъ молодой баринъ. Навиваютъ солому и сѣно на воза, да и мужики, кажись, наши; за чѣмъ бы это?»

—Теперь вижу, что затѣваютъ воры, сказалъ Вака. Вотъ начали разбирать полѣницы и накладывать на воза.

—Они хотятъ зажигать домъ. Кто жь ихъ допуститъ? Станемъ стрѣлять.—А что имъ сдѣлаешь, баринъ, за возами? И много ли помѣстимъ въ двухъ окнахъ людей?—Что жь мы будемъ дѣлать, Вака?—Умирать, баринъ: видно такъ угодно Богу. Но надо передъ смертью посчитаться съ канальями.—Вака сбѣжалъ внизъ и разсказалъ старому барину свои догадки. Лучшіе стрѣлки съ винтовками и старый Евфимъ явились къ слуховымъ окнамъ. Прадѣдъ не могъ взойти по крутой лѣстницѣ, и остался въ низу охранять наружную часть дома; деревья, росшія густо въ саду, мѣшали стрѣлять. Евѳимъ пустилъ нѣсколько пуль, и каждая свалила съ коня распоряжавшагося Казака; но работа не прекра-

щалась; видно было, что Казаки били нагайками крестьянъ, неохотно исполнявшихъ ихъ приказанія; наконецъ телѣгъ 50 съ соломой, сѣномъ и дровами, начали подъѣзжать къ дому; Казаки прятались за возами и деревьями, били крестьянъ, естьли тѣ останавливались. «Не подъѣзжай, убью! закричалъ Евѳимъ молодому, ѣхавшему въ передъ, крестьянину; тотъ остановился, выстрѣлъ изъ пистолета раздробилъ руку несчастнаго, и онъ упалъ замертво; вдали посыпались удары нагаекъ и, не смотря на стрѣльбу, обозъ подошелъ къ дому. Крестьяне выпрягли лошадей, Казаки, которые были спѣшены, поползли въ густой травѣ, какъ змѣи, прочь отъ дому, и менѣе осторожные поплатились жизнью съ Евѳимомъ, котораго винтовка не бросала пуль на вѣтеръ; но менѣе искусные и смѣтливые охотники не были такъ удачны: они боялись даже стрѣлять, чтобы не убить своихъ. Ободренные успѣхомъ, злодѣи вновь начали навивать воза, другой обозъ придвинулся съ меньшимъ урономъ; вспыхнулъ огонь на одномъ концѣ, потомъ на другомъ; вѣтеръ былъ прямо на домъ, дымъ и пламя мѣшали стрѣлявшимъ изъ слуховыхъ оконъ. Евѳимъ, снявъ съ окна винтовку и угрюмо взглянувъ на Ваку, сказалъ: «Худо братъ: не попадешь въ нихъ теперь.»—Да, плоховато, дядя Евѳимъ; пойдемъ лучше умирать возлѣ Миши.»—Пойдемъ, отвѣчалъ Евѳимъ: мнѣ и такъ недолго жить осталось.» Опасность была извѣстна вашему прадѣду, но ни малѣйшей робости не замѣтно было на лицѣ его; онъ не мутилъ, не ободрялъ товарищей своихъ, но увѣщевалъ ихъ умереть вѣрными своему долгу.

Всѣ стали на колѣни; не слышно было рыданій; лишь шопотомъ произносились молитвы къ Всевышнему, да дастъ силы перенести страданія; старецъ Священникъ тоже молился. Вдругъ какой-то восторгъ проявился на лицѣ его, онъ всталъ и, осѣня крестомъ молящихся, сказалъ: «Благословляю васъ, вѣрныи, крестомъ Спасителя, страдавшаго за насъ, на страданіе: тамъ, у престола Всевышняго, награда ваша; примите вѣнецъ мученическій, приступите и примите теперь тѣло и кровь Спасителя!» Всѣ подошли къ нему, и пріобщились запасными дарами, кои онъ имѣлъ съ собою. Показался дымъ отъ загорѣвшагося пола, нѣкоторые бросились тушить его и почти успѣли въ этомъ; огонь показался на потолкѣ; пробраться на подволоку былъ не возможно: вся кровля горѣла. Прадѣдъ вашъ подозвалъ охотниковъ: «Друзья мои!

Вы были вѣрны вашимъ господамъ, но вы не связаны клятвою: у васъ есть семейства, ступайте, спасайтесь!» Многіе начали прощаться съ господами своими, цѣловали ихъ руки, обнимали колѣни. Видно было, какъ горько имъ было разстаться съ ними. «Прости, Евѳимъ, сказалъ прадѣдъ вашъ.»—«Я не разстанусь съ тобою, отецъ мой: 60 лѣтъ я служилъ тебѣ вѣрно, и умру твоимъ слугою.»

—«А ты, Вака?»—«Погляди, какой я Вака: я баринъ (на Вакѣ, вмѣсто шутовскаго платья, былъ сертукъ одного изъ помѣщиковъ, который, чтобы избавиться отъ смерти, промѣнялся съ нимъ на его шутовскій нарядъ). «Подлецъ Вака убѣжалъ, умирать боится, продолжалъ Вака, я за него умру.» Потомъ подошелъ Купріянъ Михайловичъ, сталъ на колѣни предъ отцомъ, чтобъ принять его благословеніе. Всѣ рыдали, но прадѣдъ вашъ былъ твердъ: ни одна слеза не обличала его душевнаго волненія. Комнаты болѣе и болѣе наполнялись дымомъ, роковая минута настала, отворили двери, охотники вышли, брося оружіе. Прадѣдъ вашъ съ обнаженнымъ палашомъ, возлѣ его, съ права, Вака съ кистенемъ, а Евѳимъ съ топоромъ, за ними Купріянъ Михайловичъ и 10 человѣкъ Дворянъ, вооруженныхъ саблями и пистолетами. «Бери бунтовщика! Не слушается батюшки Царя Петра!» заревѣла толпа: нѣсколько Казаковъ съ пиками бросились на прадѣда; какъ тростники перелетѣли древки отъ удара тяжелаго палаша, кистень Ваки раскололъ нѣсколько головъ Казачьихъ, желавшихъ съ боку нанести ударъ его барину. Евѳимъ крошилъ топоромъ съ другой стороны; атлетическая сила и отчаяніе трехъ человѣкъ долго боролись съ толпою нападавшихъ; кровь текла ручьями изъ Евѳима и Ваки, получившихъ нѣсколько ранъ пиками, но они защищали своего барина. Наконецъ рука Ваки начала слабѣть. Раздался выстрѣлъ, прадѣдъ вашъ закачался и упалъ на колѣни: пистолетная пуля раздробила ему ногу. «Прочь, злодѣй!» закричалъ Евѳимъ, разсѣкая черепъ Казаку, схватившему за руки прадѣда, и самъ грянулся на полъ, пораженный пулею въ грудь. Толпа кинулась было рубить прадѣда: «Не бить собаку» (кричалъ толстый Казакъ): «ведите его къ батюшкѣ Царю!» Ослабѣвшему старцу связали руки и потащили къ Пугачову, который сидѣлъ на лошади возлѣ пушки, окруженный Казаками и каторжными, на коихъ и знаки клеймъ не совсѣмъ были выведены. Почти къ самымъ ногамъ притащили

несчастнаго и лишеннаго чувствъ. «Развяжите его! сказалъ Пугачовъ. Развязали, онъ поднялся и сѣлъ, не имѣя силъ стоять.

— Что, спросилъ Пугачовъ, принесешь повинную? Узнаешь Царя?

—Ты Царь? спросилъ страдалецъ.

—Да! Началъ, видно, узнавать?

—Нѣтъ, ты не Царь, а злодѣй, бунтовщикъ, Емелька Пугачовъ. Въ рукахъ твоихъ, извергъ, только мое бренное тѣло, а душа въ волѣ Божіей. Знаю участь мою, но не страшусь мученій и не измѣню Богу и Царицѣ.

—Увидимъ: проревѣлъ Пугачовъ. Привязывай къ пушкѣ!

Злодѣи бросились исполнять приказаніе его. Одинъ изъ Полковниковъ, бывшій прежде палачомъ, распоряжался: сорвали кирасу, руки привязали къ пушкѣ, а ноги къ кольцамъ лафетнаго станка, платье изорвали.

—Власъ, не вдругъ! сказалъ Пугачовъ Полковнику.—Знаю, батюшка, не привыкать, отвѣчалъ извергъ.

Удары нагаекъ не вызвали стона: мученикъ читалъ молитвы, кровь обливала тѣло его, изверги продолжали бить.

—Стой! раздался голосъ Пугачова, и онъ подъѣхалъ къ страдальцу ближе.

Возлѣ Пугачова держали связаннаго Купріяна Михайловича. Лицо его было облито кровью отъ раны на головѣ.

—Узнаешь, что ли, старая собака, сына? спросилъ Пугачовъ. Признай меня Царемъ, и я прощу тебя и его; не прізнаешь, сейчасъ велю повѣсить предъ твоими глазами.

—Господи, подкрѣпи! произнесъ страдалецъ и, взглянувъ на сына, сказалъ: «Купріянъ, клянись мнѣ, что не признаешь злодѣя Царемъ!»

—На признаю, отецъ мой.

—Благословеніе Божіе и мое надъ тобою!

—На вороты, чтобъ видѣлъ старый чортъ!

Предъ самыми глазами мученика повѣсили сына. Онъ продолжалъ молиться. Крестьяне, стоявшіе вдали, упавъ на колѣни, завопили: «Помилуй, батюшка Государь, барина: онъ былъ отецъ нашъ.» Самые изверги, окружавшіе Пугачова, были тронуты твердостію страдальца и любовью къ нему крестьянъ, которую и самая опасность подзергнуться той же участи не могла потушить.

Пугачовъ, замѣтя это, сказалъ извергу, исправлявшему должность палача: «Скорѣй!» и тотъ усилилъ удары. Истерзанное тѣло висѣло кусками, но неясные звуки молитвы были еще слышны изъ устъ страдальца.

—Господи, пріими духъ мой! были послѣдними его словами. Вдругъ толпа раздалась: сквозь нея ринулся къ ногамъ его Вака, который, опомнясь отъ оглушившаго его удара, съ отчаяніемъ пробился къ своему господину. Ударъ въ голову уложилъ его мёртвымъ тутъ же, и онъ судорожно сжалъ руками ноги своего господина.

—Собакамъ на кормъ! Кто мнѣ не слуга, проревѣлъ Пугачовъ, никто не смѣй хоронить! Три дня лежали трупы мучениковъ. Старый Священникъ предалъ землѣ тѣла ихъ: но руки Ваки окостенѣли вокругъ ноги барина, ихъ не могли разнять, и одна могила вмѣстила трупъ вашего достойнаго прадѣда и вѣрнаго его слуги.

Роль шута не спасла Дворянина отъ смерти. Пугачовъ, узнавъ, что Вака дѣйствовалъ болѣе всѣхъ при разбитіи его шайки, велѣлъ его повѣсить вмѣсто Ваки. Богъ наказалъ малодушнаго и въ здѣшнемъ мірѣ.

———

О

ВЗЯТКАХЪ, ВЗЯТОЧНИКАХЪ И ДОНОСЧИКАХЪ.[1]

Взятка, взяточникъ, суть слова, принадлежащія собственно Русскому языку, и не всегда имѣютъ то значеніе, которое у другихъ народовъ присвоивается этой черной сторонѣ человѣка. Обширное значеніе у насъ слова взятка часто неправильно выражаетъ естественныя слабыя стороны человѣчества: угодливость, самосохраненіе и т. п., а также иногда скрываетъ преступныя страсти людей: сребролюбіе, корыстолюбіе, вымогательство и т. п.

Слова: взятка, взяточникъ, какъ должно полагать, вошли у насъ въ употребленіе со времени владычества Татаръ въ одной части нашего отечества.[2] То, что у насъ подразумѣвается подъ словомъ взятка, у другихъ Европейскихъ народовъ (исключая Магометанъ), на ихъ языкахъ, буквально знаменуетъ: лихоимство, подкупъ, совращеніе, вымогательство, корыстолюбіе и т. п.[3] Но всѣ эти синонимы далеко не то, что на Рус-

---

[1] Записка эта была написана, по порученію, въ Маѣ 1856 года.

[2] Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи простонародіе называетъ взятку габсой: «Онъ сорвалъ габсу; онъ далъ габсу; онъ сгабсилъ» и т. п. Иногда, впрочемъ, очень рѣдко, извощики тяжестей и, конечно, тѣ, которые посѣщаютъ Нѣмецкія области, когда бываютъ вынуждены дать взятку, говорятъ: «Я забецалилъ. Да ты бы ему забецалилъ. Сколько съ тебя сорвали забецала?» и т. п. Слова эти видимо передѣланы съ Нѣмецкаго языка (bezahlen). Относительно же слова габса, то и оно едва ли не происходитъ изъ того же источника, что и забецалить, а именно отъ слова Die Gabe, изъ котораго Русскій человѣкъ и сдѣлалъ габсу.

[3] На Латинскомъ языкѣ repetundae, venalitás; на Греческомъ δῶρον, δωρεά, δωροκία, на Еврейскомъ шаухетъ; на Турецкомъ рушветъ, рушатъ, бозманъ, аздермакъ, бузульмакъ, азмакъ, чалмакъ, сателеръ и пр. Славяне Турецкой Имперіи употребляютъ Турецкое слово. На Французскомъ corruption, extortion; на Нѣмецкомъ Bestechung, Erpressung; на Англій-

комъ языкѣ взятка. На другихъ языкахъ это означаетъ вообще: преступленіе, постыдное дѣйствіе, а по тому тамъ постыдная страсть эта обозначается точнѣе, и человѣкъ, подверженный оной, пятнается общественнымъ мнѣніемъ правильно, по тому что это доказывается юридически, а не догадочнымъ, или голословнымъ, образомъ, тѣми людьми, которые имѣютъ въ рукахъ своихъ монополію права класть печать эту изъ личныхъ видовъ, по злобѣ ли, по мести, или для прикрытія собственно своихъ дѣйствій въ этомъ родѣ, или, наконецъ, чтобы высказывать свою дѣятельность. Словомъ, какъ будто бы эти люди не принадлежатъ общей семьѣ народа и не имѣютъ общихъ свойствъ человѣка, по тому только, что носятъ мундиръ, или только воротникъ другого цвѣта. Между тѣмъ, какъ у насъ взятка, въ среднемъ и нижнемъ чиновничьемъ кругѣ, не всегда есть слѣдствіе страсти къ лихоимству, такъ что берущій оную можетъ быть вовсе чуждъ помянутаго преступленія.

Но если у всѣхъ другихъ народовъ на ихъ языкахъ и нѣтъ словъ: взятка, взяточникъ, то изъ этого не должно, однако же, заключать, чтобы преступная страсть эта не была болѣе, или менѣе, развита и между всѣми другими народами, и едва ли она не родилась вмѣстѣ съ человѣкомъ.*

Не говоря уже о слѣдахъ влеченія къ оной, находимыхъ нами въ миѳологіи и твореніяхъ Гомера, мы видимъ изъ книгъ Ветхаго Завѣта, что взятки и взяточники были въ сильномъ развитіи между Судьями и другими начальниками Израильскихъ колѣнъ. Въ книгѣ Царствъ (1 глав. 8 — 14 и пр.) мы встрѣчаемъ сыновей Самуила зараженными мздоимствомъ, корыстолюбіемъ и вообще они являются неправильными судіями и т. д. Въ древней исторіи Персіи Камбизъ приказалъ снять съ живаго Остенея кожу и обтянуть ею судилищное кресло, на которое посадилъ сына несчастнаго судьи, чтобъ заступилъ мѣсто отца. Древняя Греція и Римъ представляютъ намъ то же самое. Въ этомъ послѣднемъ были законы (Lex de repetundis) собственно противъ лихоимства. Рѣчь Цицерона, произнесенная имъ въ Римскомъ Се-

---

скомъ bribery, extorsion, exaction; на Польскомъ podkup, а иногда wziątka. Это послѣднее, конечно, происходитъ отъ Русскаго языка, тѣмъ болѣе, что слова взяточникъ нѣтъ на Польскомъ языкѣ.

натѣ противъ Римскаго намѣстника въ Сициліи, Верреса, обвиняемаго въ лихоимствѣ, есть важнѣйшее письменное доказательство о развитіи этой страсти между Римскими сановниками. Но не только Греки и Римляне, почитавшіеся въ ту пору народами просвѣщенными, вмѣщали въ себѣ этотъ порокъ, но и народы, извѣстные тогда подъ именемъ варваровъ, поглотившіе въ послѣдствіи и Римъ и Грецію, не отставали отъ нихъ въ этомъ отношеніи. Свида оставилъ намъ любопытный отрывокъ, доказывающій эту истину. Описывая паденіе могущественнаго Царства Аваровъ около половины IX столѣтія, онъ присовокупляетъ: «Когда Крумъ, грозный для Восточной Имперіи Царь Болгарскій, спросилъ у плѣнныхъ Аваровъ о причинахъ паденія ихъ Царства, они отвѣчали: «Паденіе это совершилось по тому, что взаимныя обвиненія сдѣлались частыми, а это было причиною пагубы благоразумнѣйшихъ и мужественнѣйшихъ между нами. По тому, что судьи сдѣлались участниками воровъ и людей несправедливыхъ; по тому, что изобиліе вина произвело пьянство, которое, въ свою очередь, породило дерзость; по тому что развратъ вкрался посредствомъ взятокъ, или подарковъ; по тому, что мы всѣ сдѣлались торговцами; ни о чемъ другомъ не думали, какъ только о томъ, какимъ бы образомъ обмануть одинъ другого. Вотъ причины нашей гибели!» Крумъ, выслушавъ неопроверженную вѣками эту великую политическую истину, созвалъ всѣхъ поглаварей Болгарскихъ и, между прочимъ, постановилъ законъ: «Если кто будетъ обвинять другого, то выслушивать обвинителя не иначе, какъ заковавъ его въ желѣзо, и если найдутъ, что онъ клеветникъ, то предавать его смерти» и пр. Въ лѣтописи Франціи мы находимъ, что страсть эта обуревала должностныхъ лицъ еще до Св. Людовика, и постепенно усиливалась до переворота 1792 года. И послѣ, и недавно еще, не видимъ ли Министра Теста (1847), приговореннаго за взятки? Герцогъ Рошефуко, болѣе ста лѣтъ тому назадъ писавшій, справедливо замѣчаетъ, въ своихъ разсужденіяхъ, что «развращеніе нравовъ примѣшивается ко всему и пороки входятъ въ составъ добродѣтелей точно также, какъ яды входятъ въ составъ цѣлебныхъ средствъ.»

При такихъ условіяхъ и при существованіи въ нѣкоторыхъ Государствахъ законовъ и учрежденій, способствующихъ лихоим-

ству, стремленіе человѣка къ обогащенію себя не имѣетъ предѣловъ. На этихъ-то основаніяхъ Испанцы замѣчаютъ, что женская добродѣтель и честность опредѣляются цифрами. Въ первомъ случаѣ исторія сохранила намъ разговоръ одной Французской Королевы съ вельможей своего двора. Во второмъ, мы убѣждаемся очень часто, что тотъ, который не возметъ двадцати пяти рублей, не откажется отъ сотни; другой, отвергая сто рублей, будетъ благодаренъ за тысячу; третій откажется отъ этой суммы, а возметъ десять тысячъ; не принимающій десяти тысячъ не отречется ста тысячъ; отказывающійся отъ этого, возметъ милліонъ и т. д. И здѣсь Испанцы едва ли не справедливы. Люди всѣхъ странъ одинаковы; страсти ихъ общи, исключеній не много. Законы, въ какомъ бы то ни было Государствѣ, не одинаково дѣйствуютъ на всѣ сословія: бѣдный чиновникъ, взявшій за труды свои десять, или двадцать пять, рублей, для пропитанія своего сумейства, подвергается всей строгости законовъ, тогда какъ стоящій на цифрѣ ста тысячъ и болѣе остается не только что безъ преслѣдованія, но, богатѣя болѣе и болѣе, пріобрѣтаетъ и болѣе значенія. Это такъ не только что нынѣ, но едва ли и не съ самаго того времени, какъ начали постановляться законы, и этотъ упрекъ законамъ касается древнѣйшихъ временъ. Діогенъ Лаертскій уподобляетъ законы паутинѣ, которая останавливаетъ мухъ, но птицы прорываютъ ее. Великій баснописецъ нашъ выразилъ это еще сильнѣе:

«Что сходитъ съ рукъ ворамъ,
За то воришекъ бьютъ!»[1]

Несомнѣнно, что въ каждомъ Государствѣ есть взяточники. Большее, или меньшее, число оныхъ проявляется существующимъ порядкомъ вещей въ томъ, или другомъ, Правительствѣ. Тамъ, гдѣ чиновникъ обезпеченъ, хотя и скуднымъ, но достаточнымъ для пропитанія себя, содержаніемъ, а главное, когда онъ убѣжденъ, что, исполняя добросовѣстно свою обязанность, онъ охраняетъ отъ гибельнаго для всѣхъ Государствъ самоуправства, а если и подпадетъ подъ оное, то у него есть путь къ предъ-

---

[1] Я гдѣ-то читалъ:

«Бичуя маленькихъ воришекъ,
Для удовольствія большихъ!»

явленію своей правоты, тогда, въ такомъ Государствѣ, само собою разумѣется, число взяточниковъ не столь велико: ибо, на помянутыхъ основаніяхъ, каждый дорожитъ своимъ мѣстомъ, которое обезпечиваетъ, посредствомъ закона, его будущность, закона, котораго, безъ добросовѣстнаго изслѣдованія, ни кто не вправѣ нарушить. [5] Но, напротивъ, тамъ, гдѣ участь чиновника зависитъ отъ перемѣны Директора, Начальника Отдѣленія, Правителя Канцеляріи, а участь этихъ, въ свою очередь, отъ перемѣны Министровъ, большею частію имѣющихъ правило замѣнять прежнихъ чиновниковъ своими, какъ будто бы чиновники должны служить ихъ личности, а не Государю, [6] словомъ, въ тѣхъ Государствахъ, гдѣ ни одинъ изъ служащихъ, при всей своей чистотѣ дѣйствій и способностяхъ, не убѣжденъ въ прочности своего мѣста и ежечасно подверженъ прихоти Начальника, противъ котораго нѣтъ ему путей доказывать свою невинность, тутъ, по естественному стремленію каждаго человѣка къ самохраненію, на случай невзгоды, онъ старается не упускать случая матеріяльно себя обезпечивать. Горе тому, у котораго собранная цифра незначительна: тогда съ потерею мѣста онъ остается и нищимъ. Но не то бываетъ съ тѣми, которымъ сопутствуетъ счастіе, случай, а иногда и самое покровительство Начальства. [7] Пользуясь симъ, они успѣваютъ, какъ говорится, въѣсться въ эту промышленность: тогда цифра ихъ состоянія обезпечиваетъ ихъ служебный и частный бытъ.

---

[5] Въ Германіи мнѣ случалось видѣть лица въ третьемъ поколѣніи занимающихъ одну и ту же должность, какъ, на примѣръ: Почтмейстера, Сборщика податей и т. под.

[6] Это мы видимъ ежедневно въ Европѣ, что поступающій вновь Министръ мѣняетъ многихъ должностныхъ лицъ, служившихъ при его предмѣстникѣ.

[7] Обыкновенная чиновничья взятка заключается въ цифрѣ отъ трехъ до пяти сотъ, смотря по лицамъ и дѣламъ. Эта послѣдняя случается рѣдко, еще рѣже въ тысячу и т. д. Но если она восходитъ до пяти тысячъ, то здѣсь уже есть покровительство. Цифры же: двадцать пять, пятьдесятъ и сто тысячъ (случается и болѣе), выходятъ изъ обыкновенныхъ чиновничьихъ взятокъ, и Директоръ и Правитель Канцеляріи вступаютъ тогда въ дѣлежъ со своими Начальниками. Это тѣмъ болѣе очевидно, что такіе Правители Канцелярій остаются на мѣстѣ по нѣскольку лѣтъ, и, не смотря на всѣ указанія и противозаконныя дѣйствія, не теряютъ довѣренности своего прямаго Начальника, который, пользуясь своимъ положеніемъ, еще осыпаетъ его наградами. Такъ,

Такой порядокъ вещей неотмѣнно долженъ увеличивать число взяточниковъ, которымъ представляется самый вѣрный расчетъ, по тому что чѣмъ болѣе они наберутъ, тѣмъ болѣе будутъ пользоваться вниманіемъ, какъ люди достаточные; это служитъ образцомъ для другихъ и поощряетъ ихъ искать возможныхъ случаевъ, чтобъ обезпечивать и себя, [8] на тотъ конецъ, что если и не за взятки, а такъ, просто, по самоуправству, потеряютъ должность, или вовсе службу, въ такомъ случаѣ честность, это безсмысленное слово въ такомъ порядкѣ вещей, не спасаетъ ихъ, а по тому все равно, берутъ ли они, или нѣтъ; слѣдовательно, имъ должно прибѣгать къ первому средству, и уже руководствоваться поговоркой: «Брать, такъ брать: и съ живаго и съ мертваго, и даже съ имѣющихъ родиться!»

Въ тѣхъ Государствахъ, гдѣ каждый, занимающій мѣсто, огражденъ отъ своеволія начальниковъ, противу беззаконія которыхъ, не смотря ни на какое лицо, онъ находитъ справедливость, въ такихъ Государствахъ и число взяточниковъ не столь велико: ибо не будетъ ни какого расчета играть въ эту опасную игру, въ особенности же, когда каждый такого рода проступокъ будетъ обсужденъ не голословно, а иногда еще и тѣми, которые подобными средствами успѣли уже сколотить себѣ состояніе, или дѣйствующими изъ личныхъ побужденій разнообразныхъ выгодъ. Подозрѣваемый во взяткахъ долженъ быть юридически уличенъ, и тогда безщадно подвергается всей строгости существующихъ законовъ. Здѣсь скажутъ: «Трудно доказать взятку юридически;» но это мнѣніе не имѣетъ ни какого основанія. Чтобъ взять взятку; нужно: исказить въ дѣлѣ истину, выставить ложно обстоятельства, ввести не бывалыя данныя и т. п. Но можетъ ли все это укрыться отъ добросовѣстнаго и свѣдущаго наблюдателя? Взять же взятку и обмануть, значитъ потерять довѣрен-

---

между прочимъ, Министръ во Франціи, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, уличенъ былъ во взяткѣ въ сто тысячъ франковъ.

[8] Галетъ Кюльтюръ, въ извѣстномъ сочиненіи своемъ о Россіи, между прочимъ говоритъ: «En Russie le vol ne déshonore pas, s'il produit le bien-être. Le cynisme habile est l'objet de tous les respects. On le cite en exemple, on aspire à l'imiter»... Но если бы дѣйствительно это было и такъ у насъ, то приблизительно не то ли самое и у многихъ другихъ, пожалуй, не только что въ той же степени, но и повыше?

ность на всегда у, такъ называемыхъ, благодарителей. Посягать же голословно на честь другого, значитъ методически потрясать Государственное зданіе, по тому уже одному, что подобное дѣйствіе роняетъ вѣ глазахъ народа ближайшую къ нему исполнительную власть, которая (а не Министры и другіе сановники) содержитъ массы въ повиновеніи. Эта истина была признана всѣми законодателями.

Всѣ Государства, во всѣ времена, чувствовали необходимость исправленія нравственности, и на этихъ основаніяхъ принимали соотвѣтственныя обстоятельствамъ и времени мѣры. Такъ начали учреждаться и тайныя вѣдомства, именуемыя иногда тайною полиціею. Обязанность этихъ вѣдомствъ раздѣлялась на два главныхъ отдѣла: нравственный и политическій. Относительно перваго, нравственнаго, такія вѣдомства занимались безнаказанно, офиціяльно, этою безгласною клеветою, * рѣшающею участь лицъ изъ особенныхъ видовъ: злобы, зависти и т. п. Противъ клеветы подобныхъ учрежденій не было, и не будетъ, возможности даже о мысли прояснять истину, по тому что доносы оныхъ составляютъ клевету закулисную, собираемую лицами самаго низшаго слоя, а иногда и руководители подобныхъ вѣдомствъ сами создавали, и создаютъ, то, что можетъ согласоваться съ ихъ тайными замыслами противъ лицъ, въ которыхъ направляли свое жало. Они клеймили свою жертву въ глазахъ главы Правительства, такъ что ни что не могло уже сгладить этого клейма. Сами же, какъ видимъ изъ записокъ Сартами, Пейше и другихъ, участвовали во всѣхъ игорныхъ обществахъ, разумѣется, съ вѣрнымъ бенефисомъ, содержали по нѣскольку любовницъ, и все это оправдывали необходимостію дѣлать связи по политическимъ обязанностямъ, и заставляли Правительство даже награждать своихъ сводчиковъ.

Въ дѣлахъ политическихъ такой образъ дѣйствія, пожалуй,

---

* Нума, въ своихъ постановленіяхъ, жестоко наказывалъ клеветниковъ, а послѣдующіе законы Римлянъ были еще строже. Выше мы видѣли, что даже варвары Среднихъ Вѣковъ признавали это необходимымъ. Петръ Великій постановилъ, чтобы доносчика тотчасъ сажали подъ крѣпкій караулъ. Александръ I-й питалъ презрѣніе къ подобнымъ злодѣямъ. Указъ, данный имъ на имя Херсонскаго Губернатора, въ 1816 году, останется вѣчнымъ памятникомъ Христіянской мудрости этого монарха.

могъ бы еще имѣть мѣсто; но въ дѣлахъ гражданскихъ беззаконность должна быть гласною, и обвиняемаго не слѣдуетъ приносить въ жертву, не выслушавъ его оправданія.

Какой же былъ итогъ такихъ учрежденій во Франціи, Австріи и въ инквизиціонныхъ Италіи и Испаніи? Въ первой изъ нихъ Кардиналъ Ришелье дѣйствовалъ самоуправно и раздавалъ въ огромномъ количествѣ свои Lettres de cachet, по просьбѣ своихъ кузинъ и даже камердинеровъ. Словомъ, ни кто не былъ огражденъ отъ клеветы, которая не столько погубила лицъ, сколько возмутила противъ Правительства слабаго Короля. Вліяніе Министра распространялось и на членовъ Царственнаго дома. Кардиналъ этотъ подготовилъ и ускорилъ переворотъ, совершившійся въ 1789 году. Всѣ сословія начали тайно искать средствъ, чтобы сбросить съ себя этотъ образъ закулиснаго дѣйствія. Въ Австріи Метернихъ такимъ же образомъ, въ особенности противъ Мадьяръ и Ломбардо-Венеціянъ, возбудилъ еще большую ненависть народа противъ Правительства и вызвалъ переворотъ 1848 года. Кто могъ и у кого можно было искать защиты противъ Кардинала, Метерниха и инквизиторовъ, освящавшихъ свои дѣйствія, одни видомъ предусмотрительной внутренней политики, а другіе личиною Христолюбивой политики? Всѣ ихъ дѣйствія основывались на шаткихъ данныхъ, почерпаемыхъ отъ доносчиковъ. Такія учрежденія приближали только политическій переворотъ Государствъ. Эти вѣдомства были ужаснѣе инквизиціи, суда Божьяго, Вестминстерскихъ судовъ и слова и дѣла; ибо въ сихъ послѣднихъ предъявлялись причины призыва, выслушивались оправданія, давались очныя ставки, и тогда, или оправдывали, или пытали, или казнили. Но вышеупомянутыя учрежденія не находили нужнымъ объявлять вину и выслушивать оправданія: они казнили закулисно, и тѣмъ распространяли казнь на все потомство. Я разумѣю здѣсь не дѣла политическія и гражданскія, которыхъ обнаруженіе не должно быть тайною. Но эти вѣдомства находили легче проникать въ кабинеты и будуары, запиравшіеся на ключъ, и составлять о происходящемъ въ оныхъ свои таинственныя донесенія, чѣмъ замѣчать о происходящемъ, такъ сказать, на улицахъ! Худо понимая, или не желая вовсе понимать, что главная цѣль учрежденія такихъ вѣдомствъ заключается: вѣрно представлять Главѣ

Правительства нужды народа, чтобы имѣть время предупреждать оныя, и тѣмъ представлять Государю носить имя отца народа.

Казнь закулиснымъ орудіемъ увеличиваетъ въ геометрической прогресіи число недовольныхъ. Десять справедливыхъ рѣшеній не сдѣлаютъ такого впечатлѣнія на массы, какъ одна несправедливость, сопряженная еще съ какими-то таинственными формами. Это было понято въ Наказѣ Великой Екатерины. Такія дѣйствія отнюдь не уменьшатъ числа взяточниковъ, а, напротивъ, по многимъ причинамъ, увеличатъ оное. [10] Между же тѣмъ, какъ всѣ Государства, болѣе, или менѣе, признавали клеветниковъ вредными для общественнаго блага, учреждались, однако, оффиціяльно отдѣльныя вѣдомства онымъ. Подобныя привилегіи, даруемыя нѣсколькимъ лицамъ, возбуждали ропотъ и заставляли каждаго спрашивать самого себя: «Отъ чего же не собираютъ отъ насъ свѣдѣній о нравственной сторонѣ тѣхъ лицъ, которымъ мы всѣ отданы на произволъ?» И дѣйствительно, не уже ли цвѣтъ воротника на мундирѣ человѣка, поставленнаго внѣ всякой отвѣтственности за клевету, могъ перерождать его, и изъ общихъ свойствъ, врожденныхъ смертному, содѣлывать его, такъ сказать, существомъ не земнымъ? Относительно же втораго отдѣла, политическаго, то мы видимъ, что подобныя учрежденія тайныхъ наблюденій часто доказывали всю ничтожность своего основанія, на тѣхъ началахъ, на которыхъ они дѣйствовали. Примѣромъ тому могутъ служить Генералы Малетъ, Гвидаль и Лагори, едва не поколебавшіе могущество Наполеона. Тайная Полиція узнала объ этомъ тогда только, когда заговорщики арестовали не только что Префекта оной, но и самаго Министра Полиціи, надменнаго Савари. Одинъ случай, ни какъ не ожиданный, спасъ только Имперію. Въ Вѣнѣ, въ 1848 году, за два часа предъ разрушеніемъ Имперіи и внезапнымъ побѣгомъ Метерниха, обнаружился заговоръ уже своимъ дѣйствіемъ, и многія другія событія доказываютъ, что такія учрежденія не знали о существующихъ издавна заговорахъ, обращая свое вниманіе только

---

[10] Замѣчательно мнѣніе Кардинала Ришелье, считаемаго подnесь великимъ Министромъ. Онъ признавалъ взяточничество полезнымъ во многихъ Государственныхъ случаяхъ, о чемъ пространно разсуждаетъ въ своемъ «Testament politique.»

на составленіе бездоказательныхъ закулисныхъ обвиненій во взяткахъ, въ неправильныхъ, въ ихъ понятіи, взглядахъ на тотъ, или другой, предметъ, а главное на тѣхъ, которыхъ взгляды не согласуются съ ихъ воззрѣніями и т. под.[11]

У насъ говорятъ: «Онъ взяточникъ; онъ беретъ взятки; онъ пользуется; онъ извлекаетъ; онъ не совсѣмъ чистъ» и т. д., обозначая тѣмъ и нравственное и матеріяльное пользованіе своимъ положеніемъ, именемъ, званіемъ, или мѣстомъ: принятіе благодарностей и частное вознагражденіе за усиленные труды по занимаемой должности, вознагражденіе за совѣты; съ другой стороны корыстолюбіе, лихоимство, вымогательство, подкупъ, совращеніе, кража на должности и т. п., одинаково безъ разбирательства кладутъ печать общественнаго мнѣнія во взяточничествѣ и клеймятъ безъ разбора каждаго, не вникая въ многочисленныя подраздѣленія этой слабости человѣчества. Во всѣхъ почти Государствахъ тотъ, кто выше другого, а по тому ближе къ Правительству, ищетъ выказывать это въ другихъ вѣдомствахъ, тогда какъ, можетъ быть, безъ случайнаго вліянія его, онъ первый долженъ бы былъ попасться въ томъ, что ищетъ приписы-

[11] Горестно и невольно дѣлаешь себѣ вопросъ: «Не уже ли, при всемъ желаніи изгонять казнокрадовъ, притѣснителей народа и ихъ покровителей, постановленные, собственно на сей предметъ въ каждой Губерніи (независимо Губернаторовъ, Прокуроровъ), жандармскіе Губернскіе Штабъ-Офицеры, а въ настоящее время и Генералъ-Полиціймейстеры арміи, не имѣли ни какого свѣдѣнія, что въ округѣ, имъ подвѣдомственномъ, совершались дѣйствія, имѣвшія столь гибильное послѣдствіе для арміи, а по тому и для цѣлаго Государства? Не уже ли все это должно было открыться почти чрезъ годъ, когда война уже кончилась? Чѣмъ можно объяснить таковое равнодушное молчаніе, хранимое вопреки священной своей обязанности? Не уже ли, повторяю, кругъ ихъ дѣятельности долженъ былъ ограничиваться только тѣмъ, чтобъ доносить о Губернскихъ мельчайшихъ взяткахъ, да и то по слуху, или въ умѣ своемъ создаваемыхъ, или таинственно сообщать о любовныхъ связяхъ и сплетняхъ?.. Не уже ли, наконецъ, и эти лица раздѣляли общій расчетъ: «не доносить о непріятномъ, чтобъ не огорчить!» И отъ этой будуарной политики оставлять сотни тысячъ на жертву лихоимства, или отъявленныхъ неспособностей? Можетъ ли здравый разсудокъ допустить, чтобъ Правительство только чрезъ годъ узнало о всѣхъ ужасахъ, происходившихъ въ продолженіи двухъ лѣтъ, тогда какъ все это не было ни для кого тайною? Можетъ быть безъ личной бытности Государя въ арміи и до сихъ поръ тайна эта оставалась бы покрытою мракомъ.

вать другимъ. Одно коренное преобразованіе взглядовъ, уничтоженіе взаимно враждебныхъ отношеній многочисленныхъ вѣдомствъ, которыя составляютъ болѣе, или менѣе, почти вездѣ, какъ бы отдѣльные Штаты, между собою соперничествующіе, можетъ положить первый камень въ основаніе ослабленія этой слабости человѣка. Отсѣкая вѣтви, нельзя подрѣзать корень; напротивъ, часто отрубивъ первыя, доставляютъ болѣе пищи вновь растущимъ. Корень этотъ уже такъ разросся и пустилъ такія вѣтви, болѣе, или менѣе, во всѣхъ Государствахъ, что, приступая къ его искорененію, должно многое обдумать, и обдумать съ людьми спеціальными. Здѣсь сила закона, опирающагося на строгость, не принесетъ плодовъ, если законъ этотъ будетъ основываться не на полномъ знаніи того, противъ чего онъ изрекаетъ; такіе законы роняютъ свое достоинство, а объ этомъ можно бы сказать многое.

Выше было замѣчено, что **взятка**, какъ это понимается у насъ, не всегда была слѣдствіемъ **лихоимства**, **подкупа**, **корыстолюбія**, **совращенія**, **вымогательства** и т. п., и что она въ нѣкоторыхъ Государствахъ часто бываетъ освящена обычаемъ, временемъ и терпима Правительствомъ, [12] хотя бы у насъ, на прим., какъ бы назвать огромную сумму, **ежегодно** раздаваемую **Откупомъ**, распредѣляющимъ ее **систематически между лицами**, начиная это очень высоко въ разныхъ вѣдомствахъ и постепенно нисходя до Окружнаго Начальника, Надзирателя, Становаго Пристава, а иногда и Городоваго и Десятскаго? За что же Откупъ жертвуетъ ежегодно такою суммою? За то, чтобъ тѣ, на которыхъ возложенъ надзоръ за соблюденіемъ откупщиками контракта, не обращали вниманія на ихъ злоупотребленія. Пусть же кто либо изъ лицъ, внесенныхъ откупщиками въ свой списокъ, отвергъ бы ему назначаемое, и вздумалъ, по долгу службы и по присягѣ, **потребовать** защищать букву контракта: но тогда, такой ревностный, или, лучше сказать, **опрометчивый чиновникъ простакъ**, какъ бы онъ высоко ни стоялъ, не долго

[12] Были же люди, какъ, на прим., Кардиналъ Ришелье, почитавшійся за великаго Министра, который, въ своемъ политическомъ завѣщаніи, находилъ полезнымъ для Государства допущеніе нѣкоторыхъ взятокъ. Другіе раздѣляли это мнѣніе странными выводами.

остается на своемъ мѣстѣ. Примѣры такой честности, или правильнѣе, необдуманности, бывали, а по тому тотъ, который не принималъ отъ откупщика назначенной ему цифры, по внушенію ли правилъ чести, по достаточному ли состоянію своему, одинаково не дерзалъ преслѣдовать зла, оставаясь равнодушнымъ при видѣ развращенія, обмана, обмѣра, отравленія тѣхъ, которыхъ Государь предоставилъ его охраненію. И такъ, какъ назвать этѣ, принимаемыя отъ откупщиковъ, суммы: взятка это, или нѣтъ? [13]

Полицейскій Офицеръ, въ извѣстные дни праздниковъ, отъ домовладѣльцевъ и купцовъ своей Части, или Квартала, получаетъ нѣкоторую сумму, или провизію. Всѣ кричатъ, что это взятки, а между тѣмъ не разсуждаютъ, что, во первыхъ, это есть добровольное пожертвованіе домовладѣльца тому лицу, которое охраняетъ его и къ которому онъ обращается со многими своими нуждами. Во вторыхъ, подносить подарокъ въ извѣстные дни праздника между Русскимъ народомъ есть обычай, который, видимо, теперь ослабѣваетъ, по разнымъ причинамъ. Въ третьихъ, что безъ этихъ праздничныхъ приношеній, ни частный Приставъ, ни Квартальный Надзиратель (то же и Земская Полиція), не были бы въ возможности управлять своими частями, по крайней скудости отпускаемыхъ денегъ на содержаніе, какъ ихъ самихъ, такъ и Канцеляріи; для сего необходимо, по крайней мѣрѣ, въ шесть разъ болѣе. Это извѣстно всѣмъ властямъ, и предметъ этотъ не разъ обращалъ на себя вниманіе. Слѣдовательно, въ строгомъ смыслѣ, не Квартальный беретъ взятку; ибо, всѣмъ извѣстно, Квартальный долженъ прибѣгать къ косвеннымъ средствамъ, чтобъ удовлетворить служебнымъ требованіямъ, этимъ же самымъ Правительствомъ на него возложеннымъ. Наконецъ, въ четвертыхъ, весьма не многіе изъ служащихъ въ Полиціи оставляютъ оную съ кускомъ, такъ сказать, насущнаго хлѣба. Нѣкоторыя изъятія изъ сего отнюдь ни чего не доказываютъ въ общемъ; [14] напротивъ, вникнувъ со вниманіемъ во всѣ отношенія

---

[13] Въ статью, которая предположена къ изложенію, все, относящееся къ откупу и къ закулиснымъ онаго дѣйствіямъ, по собраніи еще нѣкоторыхъ офиціальныхъ цифръ, будетъ включено.

[14] Тутъ Правители Канцеляріи Оберъ-Полицімейстера не включаются. Нѣкоторые изъ нихъ составляли баснословные капиталы. Молва говоритъ и о нѣкоторыхъ Директорахъ Департамента Полиціи.

обязанностей столичной Полиціи, и сообразивъ предоставленныя ей средства, безпристрастный человѣкъ найдетъ болѣе удовлетворительныхъ данныхъ въ пользу нравственнаго направленія къ тому, въ чемъ голословно ее обвиняютъ. Пусть обратятъ только вниманіе на огромныя суммы, переходящія въ Кварталахъ и Частяхъ безъ Казначеевъ и т. д. Были ли примѣры пропажи оныхъ? Сего нельзя сказать о Казначеяхъ разныхъ вѣдомствъ и т. п. Близко обращаясь съ С. Петербургскою Полиціею, съ 1841 по 1852 годъ, я смѣло могу это сказать, и доказать безчисленными данными.

Можно ли назвать лихоимствомъ, взяткою, когда чиновникъ, по просьбѣ къ нему, внѣ своихъ занятій, иногда просиживаетъ ночи, чтобы поскорѣй списать копію съ какого либо опредѣленія, съ какого либо дѣла, которое не воспрещается въ выдачѣ просителю, или поспѣшить изготовленіемъ окончательныхъ бумагъ, для чего онъ долженъ заниматься внѣ своей службы и т. п.? За это обязаны ему благодарностію, и это ни въ какомъ случаѣ не есть взятка, а еще менѣе лихоимство.

Всѣ помянутые синонимы общаго названія взятокъ могутъ быть вообще, во всѣхъ Государствахъ, распредѣлены слѣдующимъ образомъ: [15]

1. Лихоимство принадлежитъ во всѣхъ странахъ нѣкоторымъ лицамъ, имѣющимъ прямое, или косвенное, вліяніе на подряды, на заготовленія, словомъ, на расходованіе по этимъ многосложнымъ предметамъ казенныхъ, или частныхъ, суммъ. Здѣсь цифры бываютъ баснословныя, далеко превосходящія обыкновенные чиновничьи доходы, а главное: лихоимство всегда сопряжено не только что съ расхищеніемъ казны, но и имѣетъ могущественное вліяніе на народъ безчисленнымъ множествомъ впечатлѣній, которыхъ созрѣніе бываетъ неблагопріятно.

2. Вымогательство, въ безчисленныхъ видахъ, есть элементъ безсовѣстныхъ, или угодливыхъ, для нѣкоторой части публики, Слѣдователей. [16]

---

[15] Каждое раздѣленіе имѣетъ множество подраздѣленій, которыхъ исчисленіе увлекло бы за предѣлы сей Записки.

[16] Тутъ должно замѣтить главное то, что если Слѣдователь неумолимъ для подпавшихъ ему подъ разбирательство, и обладаетъ всѣми въ дѣлѣ этомъ не-

3. **Подкупъ**, можетъ случаться въ Присутственныхъ Мѣстахъ цѣлой Европы, чтобы изъ бѣлаго дѣлать черное, и на оборотъ. Здѣсь поприще самое пространное, и, не исчисляя безконечныхъ уловокъ, замѣчу, на прим., самое простое у насъ: Журналъ составленъ, чтобъ, по существу дѣла быть отправленнымъ, положимъ, въ **Тамбовъ**; но Писарь, яко бы по ошибкѣ, надписываетъ конвертъ въ **Тобольскъ**! Истецъ теряетъ время, теряетъ часто и срокъ и т. д. [17] Но чѣмъ же все это и множе-

---

обходимыми способностями и условіями, тогда весь разрядъ зерщиковъ и ихъ покровителей вооружается и обращаетъ всѣ средства, чтобъ уронить его въ общественномъ мнѣніи и въ глазахъ его Начальника, съ цѣлію отстранить такого чиновника отъ подобныхъ занятій. Это торжественно доказывается множествомъ дѣлъ, въ производствѣ которыхъ Слѣдователь, отвергнувъ всѣ предложенія, матеріяльныя и будущаго покровительства, не хотѣлъ скрыть отъ Правительства то, что обнаруживалось. Какія же были послѣдствія для Слѣдователя, открывшаго, на примѣръ, болѣе полумилліона похищенной суммы, и когда первое слѣдствіе, въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ, по горячимъ слѣдамъ, ни чего не открыло и ставило въ необходимость казну заплатить похищенную сумму? Слѣдователь, отвергнувъ всѣ предложенія, достаточныя поколебать многихъ, не захотѣлъ скрыть ни чего отъ лица, возложившаго на него порученіе; но разъясненіе этого къ чему повело? Къ тому, что казна получила свои деньги, а Слѣдователь сдѣлался жертвою! Противъ такихъ Слѣдователей дѣйствуютъ безыменныя письма и все, что только можетъ изобрѣсть необходимость не быть обнаруженными. Напротивъ же того Слѣдователь, который легко склоняется снисходить къ преступникамъ, пользуется доброю молвою, по тому что скрываетъ отъ Правительства людей случайныхъ, заискиваетъ въ нихъ, чтобъ имѣть опору, и такъ, нарушая долгъ свой, отнимаетъ возможность у Правительства принимать необходимыя мѣры къ исправленію того, или другого, недостатка въ законодательствѣ. Каждый кошельникъ имѣетъ въ рукахъ своихъ средство къ отклоненію всей строгости законовъ. Такихъ Слѣдователей не будутъ называть взяточниками, по тому что они нужны. Часто, и очень часто, само Начальство остается довольнѣе этими послѣдними, чѣмъ тѣми, которые имѣютъ упрямство, или, положимъ, самолюбіе, прояснять то, что было бы необходимымъ для успокоенія благонамѣренныхъ массъ. Не желая входить въ сношенія съ другими вѣдомствами, очень рады бываютъ, что дѣло кончилось дружелюбно.

[17] Не говорю уже о томъ, что судебное мѣсто, разсматривая дѣло, рѣшаетъ оное по своему расчету, подводя статьи закона, вовсе не соотвѣтственныя дѣлу, и тѣмъ ставитъ въ необходимость переносить оное въ высшія Государственныя судебныя мѣста по аппелляціи. Эти мѣста, усмотрѣвъ неправильность рѣшенія, дѣлаютъ свое; но судьи, подведшіе несоотвѣтственные законы, ни чему не

ство другого оканчивается на основаніи судопроизводства? Сдѣлать выговоръ, оставить въ подозрѣніи!!! Фраза, неизвѣстная въ другихъ законодательствахъ: человѣкъ долженъ быть или правъ, или виноватъ. Говорю это по опыту: многіе изъ отъявленныхъ кошельниковъ разныхъ сословій, такъ и въ обществѣ извѣстныхъ, и такъ даже именуемыхъ значительными лицами, въ управленіи, неоднократно (по семи и болѣе разъ) попадали подъ судъ, по одной и той же профессіи, и каждый разъ оставались въ подозрѣніи, не смотря на то, что, по нѣсколько лѣтъ, въ разное время, содержались въ темницѣ! Можно ли же послѣ этого ожидать успокоенія и довѣренности массъ? [18]

4. Сребролюбіе. Алчность эта, въ каждомъ изъ Государствъ, не принадлежитъ низшимъ слоямъ чиновничьей сферы. Стремленіе къ удовлетворенію ея проявляется сильнѣе въ высшихъ сословіяхъ, прикрывающихся общественнымъ значеніемъ въ служебной іерархіи. По чему, при обуреваніи оною, имъ предо-

---

подвергаются, хотя и этой продѣлкой, конечно, всегда почти умышленной, и проволокли дѣло на нѣсколько лѣтъ. Да то ли еще бываетъ!

[18] Тутъ нельзя не упомянуть о двухъ чрезвычайно замѣчательныхъ дѣлахъ, близко мнѣ извѣстныхъ. Первое изъ нихъ—дѣло о несостоятельномъ должникѣ Николаѣ Мясниковѣ, въ послѣдствіи получившемъ, по смерти брата своего, Никиты, извѣстнаго золотопромышленника, наслѣдство, вмѣстѣ съ другимъ братомъ, Иваномъ, столь же извѣстнымъ откупщикомъ. Возникшее дѣло о Николаѣ, по изумительнымъ продѣлкамъ, обратило на себя вниманіе шефа жандармовъ, Министровъ: Внутреннихъ Дѣлъ и Юстиціи, а равно и С.-Петербургскаго Военнаго Генералъ-Губернатора, которые соборнѣ составили Коммисію для разсмотрѣнія продѣлокъ. Какъ вдругъ останавливаютъ дѣйствіе Коммисіи, начавшей обнаруживать всю злостность продѣльщиковъ, закрываютъ оную, и дѣло отправляютъ въ Коммерческій Судъ, допустившій все это! Черезъ три, или четыре, года 4-й Департаментъ Правительствующаго Сената находитъ, что Коммисія эта должна была дѣйствовать. Между тѣмъ дано время, многихъ лѣтъ, скрыть зло во вредъ истинѣ и въ пользу, такъ сказать, злодѣевъ общества.

Другое дѣло, по поставкѣ въ Морское Министерство провіянта и овса, выходитъ изъ всѣхъ размѣровъ, которыхъ изложеніе здѣсь показалось бы баснословнымъ. Обличенные бравшіе съ казны деньги, ополчившіеся, такъ сказать, противъ власти насильственнымъ образомъ и по десятку подобныхъ дѣлъ, успѣли быть признанными невинными и т. д. Дѣло это, конечно, одно изъ вопіющихъ и заслуживаетъ вниманія, въ особенности, въ настоящее время, когда казнокрады такъ обозначились.

ставляется множество путей достигнуть своей цѣли, хотя бы только и одной кичливости; такъ, на примѣръ: помѣщеніе на значительныя должности тѣхъ лицъ, съ которыми имѣли, или еще имѣютъ, денежные расчеты, не принимая въ соображеніе даже и того, что прежняя служба этихъ покровительствуемыхъ не всегда была безукоризненною и оставалась не разсмотрѣнною офиціально, по тому только, что цифра, на которой успѣли они утвердиться, не допускала къ тому. Въ мнѣніи вельможъ-бюрократовъ это значило бы подвергать покровительствуемыхъ ими оскорбленію! Между же тѣмъ изъ сихъ послѣднихъ есть во многихъ Европейскихъ Государствахъ такіе чиновники, которые, за тридцать лѣтъ тому назадъ, были въ ничтожествѣ, часто простыми факторами, а нынѣ, обвѣшанные орденами, осыпанные благодѣяніями, почестями, владѣютъ огромными помѣстьями и значительными капиталами! Какія же способности нужно было имѣть чиновнику на службѣ, чтобъ составить такое состояніе? Разумѣется, каждый понимаетъ, что для того нужны были: случайность, умѣнье пользоваться своимъ значеніемъ при сановникѣ-покровителѣ, или милостями его семейства, или участіемъ его любимицы, или, наконецъ... особенными двигателями. Многіе изъ нихъ, умѣя, до поры до времени, владѣть собою, играютъ роль кащеевъ, отказывая себѣ даже въ необходимомъ, изъ опасенія огласки въ мелочной лавкѣ, посредствомъ своей кухарки, и чрезъ то слыть (конечно, не въ публикѣ) Діогенами и Аристидами. Такіе чиновники-бюрократы едва ли не во всѣхъ Государствахъ чтимы властями. Но горе тѣмъ чиновникамъ, которые подѣлятся чашкой чаю со своими товарищами: тогда всѣ закричатъ, что онъ живетъ не по своему состоянію и пр. [19]

Назначеніе на, такъ называемыя, теплыя мѣста чиновниковъ, не по достоинству, не по очереди, или по праву служебной іерархіи, но по безотчетному произволу, не обращая

---

[19] И это, однако же, имѣетъ свои условія: когда товарищи такого чиновника люди значительные, тогда все сходитъ съ его рукъ. Кто въ продолженіи многихъ лѣтъ, на примѣръ, хотя бы у насъ, не обѣдывалъ въ Петербургѣ у нашего Лукулла-Монтекристо? Но Монтекристо этотъ умѣлъ хорошо кормить, дѣлать въ свое время подарки, оказывать одолженія (а кто не нуждается въ этомъ?). Были же власти, на которыхъ наблюденіе за симъ лежитъ на прямой ихъ обязанности, и, однако же, это не было замѣчено, а двадцать пять р. сер., взятыхъ

ни какого вниманія на пользу, или вредъ, отъ такихъ назначеній произойти могущихъ. Къ какому разряду должно отнести этотъ родъ чистыхъ взятокъ? Во Франціи Министръ Тестъ, восемь лѣтъ тому назадъ, какъ замѣчено уже выше, былъ приговоренъ за это на десять лѣтъ къ заключенію. Въ Апрѣлѣ 1856 Наполеонъ III отставилъ отъ службы Генерала Рикара, за принятіе участія въ промышленномъ предпріятіи. Много ли можно изъять сановниковъ, не участвующихъ въ подобныхъ дѣлахъ, какъ, на примѣръ, въ золотопромышленности и въ другихъ обществахъ, въ компаніяхъ, въ устроеніи случайныхъ заводовъ, фабрикъ и т. п., можетъ быть и просто для благонамѣренной цѣли, чтобъ давать имъ ходъ своимъ вліяніемъ? Но у насъ, если и есть такія лица, то общее (разумѣется, народное) мнѣніе привыкло уже приписывать все это корыстолюбивымъ цѣлямъ, по тому что оно, не будучи еще совершенно проникнуто Западнымъ просвѣщеніемъ, не можетъ согласовать такое направленіе къ барышамъ съ возвышеннымъ значеніемъ сановниковъ, пользующихся милостями Царя. [20] Словомъ, подобное дѣйствіе, если бы и случилось у насъ, то, по общественной молвѣ, припишется лихоимству, пользованію своимъ положеніемъ, сребролюбію, т. е., алчности пріобрѣсть себѣ болѣе того, чѣмъ сановникъ облагодѣтельствованъ Государемъ, или тѣмъ, что получилъ отъ предковъ. И если лица эти не прямо матеріяльно пріобрѣтаютъ свои выгоды, то удовлетворяютъ своему самолюбію, съ цѣлью показать свою силу, и тѣмъ распространять въ молвѣ свое значеніе. [21]

несчастнымъ чиновникомъ, въ знакъ благодарности, часто выставляется торжественно. Вездѣ видны страсти и слабости человѣческой природы. Одни мудрыя безпристрастныя постановленія могутъ только ослабить то, что, такъ сказать, сроднилось съ условіями взаимныхъ отношеній.

[20] У насъ въ настоящее время, едва ли насчитается до осьми аристократовъ.

[21] Противъ этого, конечно, возразятъ, что духъ нынѣшняго времени есть духъ промышленности; что капиталы каждаго должны быть въ оборотѣ и т. п. Это такъ, но не у насъ, въ Россіи, столбовое Дворянство можетъ похвалиться такимъ развитіемъ. У насъ есть разрядъ импровизированныхъ Дворянъ, купечества и фабрикантовъ, которые могутъ этимъ заняться; а при томъ, много ли Дворянъ-капиталистовъ, которые, не будучи на службѣ, а къ тому еще и не на мѣстахъ значительныхъ, пускаются въ такіе обороты? Занявъ же мѣста, покровительствуютъ подобнымъ предпріятіямъ своимъ вліяніемъ. Такимъ образомъ пошло у насъ добываніе золота, страховыя компаніи, когда-то дилижансы

Отдача подъ залогъ (въ цѣлой Европѣ) въ откупа и подряды своихъ имѣній, за высшій процентъ противъ того, который платится тѣми же откупщиками всѣмъ другимъ лицамъ не случайнымъ, не высокостоящимъ въ служебной іерархіи и не имѣющимъ ни прямаго, ни косвеннаго, вліянія на откупа. Не представляется ли это чистымъ со стороны откупщиковъ подкупомъ, и не взятка ли это со стороны берущихъ возвышенный процентъ? Взятка эта прикрыта только какимъ-то мнимымъ приличіемъ, которымъ утѣшается одинъ, получающій оную, но публика видитъ это въ настоящемъ свѣтѣ. Подобная ассоціація сановниковъ разныхъ значеній съ поставщиками, подрядчиками и откупщиками, въ цѣломъ мірѣ почитаемыми за піявицъ народа, предоставляетъ своекорыстію нѣсколькихъ лицъ разореніе цѣлой страны. Въ Турціи система эта въ сильномъ развитіи, а послѣднія обстоятельства показываютъ, что и Англія не была чуждою этой страсти: прѣнія, происходящія въ Парламентѣ (въ 1856 г.) и въ Палатѣ Лордовъ обнаруживаютъ эту заразу человѣческаго рода и указываютъ, какъ и тамъ Министры и Лорды ищутъ прикрывать, заглушать и оставлять безъ вниманія, вопли Палаты, набрасывающей тѣнь на ихъ самихъ и на ихъ собратовъ администраторовъ. Во Франціи до сихъ поръ это въ меньшей гласности.

Вступленіе въ разныя промышленныя общества, такъ нынѣ расплодившіяся въ Европѣ, при образованіи которыхъ часто нѣсколько случайныхъ лицъ и капиталистовъ овладѣваютъ всѣми акціями, не смотря на всѣ публикаціи, по призыву коихъ являющіеся бѣдняки, предполагавшіе пріобрѣтеніемъ нѣсколькихъ акцій улучшить свой служебный бытъ, получаютъ въ отвѣтъ, при самомъ открытіи засѣданія, объявленнаго для раздачи акцій, что оныя всѣ уже разобраны, и т. д., преимущественно по разработкѣ

1-го заведенія и т. д. Такъ это было до Адріанопольскаго мира, а частію и по нынѣ въ Придунайскихъ Княжествахъ, гдѣ такого Бояра, который могъ болѣе другихъ предаваться противозаконію въ управляемомъ имъ Министерствѣ и оказывать разныя покровительства, чтобъ тѣмъ пріобрѣтать въ общемъ мнѣніи свое значеніе, народъ всѣхъ сословій считалъ и видѣлъ въ немъ истиннаго вельможу, отъ котораго, вопреки законовъ и власти Князя, каждый могъ имѣть надежду, за извѣстное пожертвованіе, къ разнаго рода проискамъ и къ обогащенію. Привилегія эта называлась кривиписала. Въ Турціи одинаково это существуетъ и понынѣ.

золотыхъ розсыпей въ Калифорніи, Австраліи и другихъ странахъ, принятіе во всѣхъ этихъ предпріятіяхъ и вездѣ участія, часто безъ взноса капитала и пріобрѣтенія такимъ же образомъ паевъ, должно ли почитаться однимъ безкорыстнымъ снисхожденіемъ для развитія этой отрасли промышленности, подъ вліяніемъ своего имени и значенія? Или это есть вѣрный расчетъ? Не косвенная ли это взятка? По крайней мѣрѣ, такъ всѣми въ Европѣ это понимается. Но кто дерзнетъ указывать на нее? [22] Въ нѣкоторыхъ странахъ сановники въ этомъ случаѣ дѣйствуютъ осторожнѣе. Они, подъ именами извѣстныхъ банкировъ, или другихъ лицъ, принимаютъ безгласно, для офиціальности, такое участіе. Въ другихъ же странахъ, безъ всякаго стѣсненія въ этомъ отношеніи, дѣйствуютъ прямо отъ своего лица. Молва для нихъ не опасна: они стоятъ высоко по имени, по званію, по богатству, по вліянію; они имѣютъ средства и силу заставлять ее молчать.

Въ новѣйшее время въ Европѣ является особаго рода промышленность, причиняющая большіе перевороты и служащая поводомъ къ недоумѣнію въ политическихъ отношеніяхъ Европейскихъ Государствъ, а именно: возбужденіе Министрами Иностранныхъ Дѣлъ и Финансовъ многихъ вопросовъ, можетъ возвышать, или понижать, разные фонды, чѣмъ помянутые сановники, прежде обнародованія обстоятельствъ, пользуются двумя, или тремя, часами, чтобъ составлять огромную наживу на счетъ другихъ, Большая часть Государственныхъ людей во Франціи, съ 1815

[22] Въ особенности тамъ, гдѣ противъ высшаго лица, что бы онъ ни дѣлалъ, нѣтъ ни какой возможности отыскивать справедливость: «Онъ, де, есть довѣренное лицо Правительства!» А по тому, кого бы онъ ни заблагоразсудилъ погубить изъ подвѣдомственныхъ ему лицъ, ни одно изъ нихъ не можетъ искать противъ него справедливости; все многолѣтнее прошлое уничтожается. Всякое по этому предмету на него прошеніе препровождается къ нему же самому на рѣшеніе. Спрашивается: можетъ ли онъ обвинить себя и сознаться въ содѣланной несправедливости, въ опрометчивости? Чистая логика указываетъ ему усилить еще болѣе голословное показаніе, за неимѣніемъ такихъ данныхъ, которыя бы могли преслѣдуемое лицо осудить по законамъ, чего бы онъ отнюдь не упустилъ, и что онъ скажетъ, то и будетъ. Къ одному ему имѣютъ только вѣру! Остальные все люди неблагонадежные, безпокойные, по тому что ищутъ оправдывать себя противъ старшаго! Высшіе Государственные люди не знаютъ, какое вліяніе производитъ это, и какъ это распространено.

года до сихъ поръ обязаны состояніемъ своимъ этой продѣлкѣ. Въ другихъ Государствахъ, по мѣрѣ возможности, не отставали отъ Французовъ. Недавно Главный Начальникъ Телеграфовъ въ Берлинѣ показалъ искуство пользоваться прибылью изъ получаемыхъ имъ свѣдѣній, сдѣлавъ своими участниками нѣсколько значительныхъ банкирскихъ домовъ. Не основано ли все это на значеніи своего мѣста, пользуясь которымъ, разоряютъ другихъ? По логикѣ такое дѣйствіе есть чистая взятка, и взятка самая вредная, хотя бы только поданіемъ примѣра подвѣдомственнымъ лицамъ. То же самое можетъ имѣть свое приложеніе, въ разнородныхъ видахъ, къ желѣзнымъ дорогамъ и ко всѣмъ другимъ подобнымъ учрежденіямъ, хотя бы только по агентурѣ и т. д.

Лица, достигшія степеней, въ которыхъ они могутъ имѣть вліяніе на другихъ, оказывая покровительство людямъ въ различныхъ, не всегда согласныхъ съ справедливостію, дѣлахъ (а по тому и съ законами; въ прямомъ ихъ толкованіи), не берутъ ли взятку, лишая права, или отклоняя оное на неопредѣленное время, вознагражденія за причиненные ему убытки и часто совершенное разореніе, хотя бы только удовлетвореніемъ своему самолюбію, доказывая тѣмъ значеніе въ административной сферѣ? Но это, по видимому, безкорыстное дѣйствіе имѣетъ цѣль, и цѣль вѣрную, можетъ случиться, и вовсе безсознательную, но тогда ясно доказывающую неспособность стоять на той ступени, на которую поставлены.

Трудно исчислить все то, что можетъ отнестись ко взяткамъ, подъ разными къ онымъ примѣненіями; замѣчу еще нѣсколько оттѣнковъ оныхъ.

Бюрократъ, окруживъ себя плутами, въ слѣдствіе вліяній, просьбъ любовницъ и т. п., раздаетъ мѣста своей и ея безнравственной родинѣ, распоряжая своимъ управленіемъ, какъ арендаторъ имѣнія. Здѣсь взяткамъ разнообразнаго рода нѣтъ конца. Ксавье де Монтепенъ, въ изданной имъ въ 1856 году книгѣ, [11] изобразилъ яркими красками въ этомъ отношеніи даже Министра Франціи, и вліяніе на него общими путями, по которымъ слѣдуютъ, конечно, не въ одной только Франціи. Вопро-

---

[11] Les filles de plâtre. Bruxelles et Leipzig 1856, in 12, 4 v. Книга эго была запрещена во Франціи и сочинитель объявленъ арестованнымъ.

чемъ, въ строгомъ смыслѣ, не должно ли причислять къ разряду взятокъ и то покровительство, которое оказывается высшими должностными лицами, имѣющими разнородное вліяніе на многихъ другихъ, по разнымъ дѣламъ, прелестному полу, выигрывающему часто несправедливыя тяжбы, иногда, конечно, платою только своими прелестями?

Открывается выгодный подрядъ. Знатный чиновникъ, если не самъ главный подрядчикъ (а бываетъ и это), то его пріятель, получаетъ этотъ подрядъ въ ущербъ казны, а онъ даетъ свои залоги и руководитъ имъ вездѣ и т. д.

Чиновникъ, въ угожденіе котораго покупаютъ изъ его имѣнія песокъ, камни и пр., по тому что покупатель ищетъ въ немъ покровительства по другимъ дѣламъ, въ которыхъ запутанъ и которыя находятся въ разбирательствѣ у чиновника, или подъ его вліяніемъ и пр. Все это болѣе, или менѣе, въ движеніи, въ цѣлой Европѣ, не суть ли прямыя, или косвенныя, взятки, прикрываемыя, не для общества, которое все это видитъ ясно, но для высшихъ лицъ, отъ которыхъ чиновникъ зависитъ? Здѣсь останавливаюсь; ибо, чтобъ исчислить всѣ пути къ такой поживѣ въ Европѣ, надо бы написать многое и многое.

Въ каждомъ изъ Государствъ, судя по развитію, болѣе, или менѣе, въ нихъ этой страсти, необходима была прозорливая усмотрительность, прежде чѣмъ начинали расшевеливать предметъ взятокъ. Это могло повести далеко, если бы захотѣли быть безпристрастными; казнить же однихъ голодныхъ чиновниковъ, а смотрѣть на сытыхъ сквозь пальцы, не могло принести ни какихъ плодовъ. Для сего надо вооружиться силою, чтобъ прилагать дѣйствіе закона одинаковово ко всѣмъ, а главное, чтобы голословные доносы не имѣли вліянія на того, кто подпадетъ подъ нихъ, и такъ, пользуясь обстоятельствами, образовывать молву. Одно юридическое и при томъ совершенное доказательство должно имѣть силу въ подобныхъ случаяхъ. Св. Ѳома, въ твореніяхъ своихъ, говоритъ: «Судья долженъ судить на основаніи уликъ и доказательствъ, а не на одномъ своемъ умозаключеніи.»

Не видимъ ли мы въ самой Англіи, какъ осторожно приступаютъ въ настоящее время (1856 г.) къ этому предмету? Во Франціи же дѣйствуютъ въ этомъ случаѣ еще осторожнѣе. Турція при-

ступила было еще рѣшительнѣе, но должна была послѣдовать за примѣромъ своихъ союзниковъ, по тому что разъясненіе этого зла потрясло бы въ основаніи, при существующемъ родѣ правленія, все Государственное зданіе: оно требуетъ прежде преобразованія.

Какъ бы Государство ни казалось сильнымъ, оно никогда не успѣетъ побѣдить врожденныя страсти человѣка. Мудрое Правительство не предприметъ строгостію, и еще безъ безпристрастнаго суда, уничтожить то, что вкралось подъ сѣнію его самого и содѣлалось обычаемъ, освященнымъ временемъ и имъ самимъ терпимымъ. Думать вдругъ превратить людей въ ангеловъ есть напрасная попытка, которая можетъ усилить только зло. Здѣсь должно искать организаціи, которая начала бы очищать отъ гнили корень, а не обрѣзывать только его вѣтви, которыя разростутся еще съ большею силою отъ того же зараженнаго источника: это законъ природы. Настоящій Императоръ Французовъ, убѣжденный въ этой истинѣ, не обращаетъ мелочнаго вниманія на зло, которое онъ постигъ на корнѣ въ послѣдніе три года, и, какъ наблюдатель опытный, прошедшій, такъ сказать, чрезъ огонь и воду, по зрѣломъ обсужденіи, нашелъ, что зло, какъ и всякое истинное благо, происходитъ отъ высшихъ сановниковъ, а по тому (какъ мы видимъ въ газетахъ, въ первыхъ числахъ Мая 1856 года) сдѣлалъ уже распоряженіе «о воспрещеніи всѣмъ сановникамъ и высшимъ дожностнымъ лицамъ вступать въ обширныя, даже коммерческія, предпріятія.[24] Онъ постигъ, что все зло происходитъ отсюда, а по тому принялъ, конечно, первоначальныя еще мѣры начать уничтожать, или, по крайней мѣрѣ, парализировать зло сверху, а не снизу; ибо иначе это значило бы, съ одной стороны, торжественное

---

[24] Мы видѣли, когда представитель Общества движимости, Перейра, желалъ принять участіе въ пріобрѣтеніи желѣзныхъ дорогъ въ Австріи, во время послѣдней войны, какъ могущественно и предусмотрительно въ этомъ дѣлѣ было вліяніе Наполеона III-го, дозволившаго частному обществу приступить къ улучшенію Австрійскаго денежнаго кризиса, тогда только, когда Австрія подчинитъ свой политическій взглядъ видамъ Французскаго Правительства, на что Австрія, какъ держава, не вполнѣ самостоятельная, и должна была согласиться, тѣмъ болѣе, что существованіе ея зависитъ отъ снисхожденія другихъ державъ. Не имѣя національности, она не имѣетъ будущности.

сознаніе въ своемъ безсиліи, а съ другой искать еще болѣе озлобленія всѣхъ сословій, стоящихъ ниже.

Стремленіе вовсе уничтожить злоупотребленія есть цѣль, нигдѣ не достигнутая. Должно было бы ограничиться только тѣмъ, чтобы мудрыми постановленіями, практически приложенными къ дѣятельности, пресѣчь, сколько возможно болѣе, пути къ злоупотребленіямъ. Тогда только каждое Правительство могло надѣяться парализировать общее у всѣхъ народовъ влеченіе къ онымъ.

Но какъ достигнуть этого? Здѣсь-то и былъ камень преткновенія. Едва ли не въ каждомъ Государствѣ кусочекъ сукна на воротникѣ: красный, зеленый, синій, черный и др., имѣетъ рѣшительное вліяніе на Государственныя дѣла. Сегодня въ Министерствѣ такого-то цвѣта я разсуждаю иначе, нежели буду разсуждать завтра, когда воротникъ мой будетъ другого цвѣта. Въ немногихъ странахъ есть общее направленіе къ Государственному благу. Каждое Министерство, или Главное Управленіе, есть какъ бы отдѣльное Государство: оно дѣйствуетъ только въ пользу своего вѣдомства, а несравненно еще чаще къ удовлетворенію своего самолюбія, кичливости и т. п., а если еще при этомъ представитель такого Министерства одаренъ словомъ и пользуется при Дворѣ значеніемъ, тогда онъ побѣждаетъ всѣхъ, вопреки общихъ Государственныхъ пользъ; такое положеніе дѣлъ есть исключительное во всемъ политическомъ, древнемъ и новомъ, мірѣ. Американскіе Штаты, Нѣмецкая Конфедерація и Швейцарская Республика, не представляютъ подобныхъ явленій. Тамъ Штаты, Государства и Кантоны, враждуютъ въ частныхъ случаяхъ, необходимо проистекающихъ отъ разнообразія климата, отъ мѣстныхъ условій и другихъ мелкихъ политическихъ, географическихъ, статистическихъ и т. п. разногласій. Но когда дѣло идетъ объ общемъ благосостояніи Государствъ и Республикъ, все соединяется къ рѣшенію вопроса, для общаго благоденствія. Тогда страсти, личность, утихаютъ; всѣ убѣждаются, что частное благо ихъ прочно тогда только, когда всѣ части Государственнаго союза находятся въ общемъ согласіи. Это же самое совершилось въ Англіи въ 1854 году. Предъ началомъ войны, когда предстояла опасность, всѣ Министерства, заглушивъ въ себѣ голосъ партій и честолюбіе, составились изъ лицъ, бывшихъ нѣкогда первыми

Министрами, а въ кризисѣ заняли второстепенныя, и даже низшія, мѣста.

Обузданіе, или усиленіе, страсти ко взяткамъ въ каждомъ Государствѣ, какъ замѣчено уже выше, зависитъ отъ организаціи административныхъ и судебныхъ вѣдомствъ (изъ коихъ истекаетъ и всякое зло и всякое добро). Тамъ, гдѣ чиновникъ отвержденъ на мѣстѣ и не предается безотчетному самоуправству начальника, противъ котораго онъ могъ бы находить справедливость и безпристрастное воззрѣніе на то и другое, тамъ, конечно, число взяточниковъ ограниченнѣе, чѣмъ въ тѣхъ Государствахъ, гдѣ чиновникъ никогда и не выслушивается при попыткѣ искать справедливости. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, попавъ на мѣсто, чиновнику остается одно: стараться какъ можно скорѣе обезпечить себя матеріально, по тому что онъ не увѣренъ, останется ли завтра на мѣстѣ, и не будетъ ли изгнанъ безъ всякой основательной причины. Чиновникъ, служащій въ такомъ вѣдомствѣ, гдѣ расходуются, скопляются, или хранятся, знатныя суммы, лишенъ всякой нравственной возможности, въ случаѣ какихъ либо безпорядковъ, при неправильномъ расходованіи суммъ, даже при самомъ видимомъ похищеніи изъ оныхъ, доводить о томъ до свѣдѣнія Начальства. Такой чиновникъ, хотя бы его донесеніе было вполнѣ доказано, едва ли не вездѣ пятнается именемъ доносчика. За что же? За то, что онъ, или дѣйствительно, по совѣсти и по присягѣ, или изъ опасенія отвѣтственности, въ случаѣ открытія злоупотребленія, рѣшился донести о семъ Правительству и спасти казенныя деньги! [25] Такой чиновникъ, по существующему общему порядку вещей, въ томъ мѣстѣ служить уже не можетъ, и скоро вытѣсняется подъ разными, впрочемъ, благовидными, предлогами. Другія вѣдомства, въ которыя бы онъ искалъ перейти, естественно, чуждают-

---

[25] Не то ли же самое можетъ случаться и тамъ, гдѣ подчиненный, обязанный свидѣтельствовать качество и принимать для своей части то количество одежды, или обуви, которая опредѣляется ему закономъ, нашелъ бы свидѣтельствуемое не въ должной добротѣ, или не захотѣлъ бы расписаться въ полученіи полнаго числа, тогда, какъ ему дана только часть и т. п? Спрашиваю: не сдѣлается ли онъ вѣрною жертвой безпредѣльной власти Начальника, на котораго жаловаться онъ не можетъ, будучи на другой день выгнанъ изъ службы?.. Ему остается одно—дѣлиться.

ся его, и онъ погибаетъ безвозвратнѣе самаго казнокрада, или записнаго, отъявленнаго и всѣмъ извѣстнаго, обыгрывателя и т. п.! Что же, при существующемъ такомъ порядкѣ вещей, остается дѣлать чиновнику на службѣ, если бы у него и проявлялось желаніе служить честно? Одно: или раздѣлять кражу со своимъ Начальникомъ (всегда почти покровительствуемымъ, если не самимъ Управляющимъ, то сильнѣйшей его эгидой—Директоромъ), или соглашаться со всѣми его незаконными дѣйствіями, прикидываясь не понимающимъ? Ибо если въ этомъ послѣднемъ случаѣ онъ подастъ хотя малѣйшій поводъ думать, что смекнулъ дѣломъ, то не долго останется въ должности. Боже сохрани, если Начальникъ замѣтитъ, что подвѣдомственный чиновникъ и не совершенный дуракъ, а, понимая дѣло, думаетъ быть полезнымъ (въ мнѣніи такого Начальника подчиненный не можетъ, не долженъ, не смѣетъ, знать даже столько, сколько онъ самъ знаетъ), тогда этотъ послѣдній погибаетъ уже неминуемо. Если нельзя подвести его законно подъ отвѣтственность по дѣламъ, тогда прибѣгаютъ къ извѣстнымъ путямъ, представляя его будуарную, частную, такъ сказать, постельную жизнь безнравственною, соблазнительною; словомъ, взводятъ на него такіе пороки, которые, по сущности своей, не могутъ быть доказаны; но это не мѣшаетъ, однако же, рѣшать его участь... Таковъ обыкновенный и почти повсемѣстный ходъ дѣлъ. Здѣсь не разсуждаютъ, что самый геній, воплотившійся въ Начальника, не въ силахъ будетъ сдѣлать что либо полезное для Государства, если онъ не имѣетъ при себѣ людей сподобныхъ, постигающихъ высокія его предначертанія; напротивъ, правитель, ограниченный въ способностяхъ, но проникнутый этой истиной, будетъ вѣрнымъ слугою Государю и своему отечеству. Исторія всѣхъ временъ и во всѣхъ Государствахъ торжественно доказываетъ это. Только люди ограниченные, себялюбы, опасаются имѣть при себѣ людей свѣдущихъ въ той, или другой, части и ищутъ окружать себя или лицами, вовсе неспособными, чтобы имѣть выпуклость предъ ними, или и способными, но льстивыми, желающими этими средствами всползти на высшія ступени.

Чтобы измѣнить этотъ ходъ дѣлъ нравственнаго и умственнаго направленій, нужны не строгость и сила, не всегда, впрочемъ, могущая проявиться, а опытность, спеціальное знаніе

того, противъ чего предпринимается борьба, точно также, какъ искусный врачъ прежде всего вникаетъ подробно въ причину недуга, къ излѣченію котораго призывается. Онъ хладнокровно разсматриваетъ специальныя явленія припадковъ и, угадавъ болѣзнь, ищетъ излѣчивать ее, смотря по ходу оной, обыкновенными, или героическими, средствами. Но и тутъ опытный врачъ обратитъ особенное свое вниманіе на сложеніе больнаго; ибо одна и та же болѣзнь въ одномъ темпераментѣ уступитъ дѣйствію врачебныхъ средствъ, а въ другомъ тѣ же самыя средства еще болѣе усилятъ припадки. Одинаково и врачеваніе нравственныхъ болѣзней, на примѣръ, маніи взятокъ, въ разныхъ вѣдомствахъ должно быть различно. Общія мѣры, общія средства, не могутъ быть съ успѣхомъ приложены. Каждое вѣдомство имѣетъ свои особенные пути: Духовное не знаетъ путей, которыми пользуется Финансовое, Внутреннихъ Дѣлъ, Юстиціи, Военное, Путей Сообщенія, Морское, Государственныхъ Имуществъ и т. д. Слѣдовательно, только на совершенномъ познаніи всѣхъ этихъ путей и можно было бы воздвигнуть нѣкоторыя преграды переобразованіемъ дѣятельности каждаго вѣдомства въ особенности. Это, конечно, и есть причиною того, что многія Государства затруднялись въ окончательномъ преобразованіи различныхъ вѣдомствъ, чтобы отсѣчь, или, лучше сказать, затруднить пути, содѣйствующіе взиманію взятокъ.

Прежде чѣмъ приступить къ преобразованіямъ относительно уменьшенія взятокъ и взяточниковъ, необходимо имѣть точное понятіе о закулисномъ ходѣ существующей администраціи и судопроизводства во всѣхъ ихъ подробностяхъ. [26] Тогда только высшее Правительство получаетъ возможность издать соотвѣтствующія положенія, которыя будутъ удобоисполнимы, по тому что проистекутъ изъ практической дѣятельности, а не такъ, какъ часто бываетъ въ разныхъ Государствахъ, что созданной теоріи усиливаются подчинить практическое дѣйствіе. Такія постановленія никогда не могутъ утвердиться, а отъ этого

---

[26] Военные суды, къ которымъ безсознательно имѣютъ какое-то преимущественное предпочтеніе, окажутъ менѣе пользы въ подобныхъ дѣлахъ, чѣмъ гражданскіе, само собою разумѣется, составленные изъ лицъ, способныхъ и добросовѣстныхъ.

самаго теряется въ народѣ уваженіе не только къ распоряженіямъ властей, но и къ самымъ законамъ. [27]

Какимъ же образомъ, для полнаго итога въ этомъ предначертаніи, могло получить спеціальное изложеніе всѣхъ закулисныхъ двигателей различныхъ вѣдомствъ? Возвышенные сановники, при всемъ своемъ стремленіи къ благу, одни не были въ возможности проникнуть въ эти тайники и каждому нравственному недугу противопоставить соотвѣтственное противоядіе. Не многіе изъ нихъ прошли по чиновничьей лѣстницѣ въ различныхъ вѣдомствахъ, [28] а по тому имъ вовсе чужды пути, ведущіе

---

[27] Такъ, на прим., хотя бы у насъ, строгость закона о карточной игрѣ нигдѣ не соблюдается: играютъ вездѣ, и какъ играютъ! Но еще болѣе, ни одинъ законъ не опредѣляетъ, какія именно игры должно признавать запрещенными и какія дозволительными. Раздѣленіе же ихъ просто на азартныя и комерческія не имѣетъ ни какого смысла. Обстоятельство это было изложено въ Отношеніи Генералъ-Фельдмаршала Князя Паскевича къ Графу Блудову, переданномъ Министру Внутреннихъ Дѣлъ, для сообщенія своихъ соображеній съ своимъ заключеніемъ. Мнѣ было поручено развить этотъ предметъ, и въ 1847 году я представилъ подробную Записку, съ изложеніемъ всѣхъ игръ, нынѣ употребляемыхъ, изъ чего естественно выводилось мнѣніе объ играхъ, долженствующихъ почитаться азартными; но все это до сихъ поръ остается по прежнему. Куреніе табаку воспрещено въ нѣкоторыхъ мѣстахъ загородныхъ гуляній, а между тѣмъ папиросы и сигары встрѣчаются на каждомъ шагу. Такса, установленная для извощиковъ, не соблюдается и т. д. Власти, дѣлающія такія распоряженія, не обдумываютъ прежде, будутъ ли онѣ въ силахъ заставить уважать свои постановленія. Въ этомъ случаѣ гораздо лучше не обращать вниманія на то, что можетъ быть въ народѣ упрочено по недостатку себѣ мощи и средствъ, и чрезъ то избѣгать сталкивать публику съ полицейскою властью, что чрезвычайно вредно; ибо пріучаетъ ее не уважать начальничья распоряженія. Все это проистекаетъ единственно отъ того только, что составители такихъ постановленій не были спеціально знакомы съ предметомъ, который принимались устроивать. То же можно сказать и объ Обществѣ громоздкихъ движимостей. Къ чему писать величественныя положенія, и не наблюдать за святостію ихъ исполненія? Самовольство къ пріобрѣтенію этимъ Обществомъ и многими другими подобными учрежденіями барышей, не признаваемыхъ законами, распространяетъ вредное ощущеніе между тѣми, которые вынуждены бываютъ прибѣгать къ онымъ и простодушно полагаться на законъ. Здѣсь не было бы конца перечислить все то, что совершается вездѣ, гдѣ только встрѣчается малѣйшая лазейка для стѣсненія тѣхъ, которыхъ обстоятельства предаютъ въ руки другихъ. А что можно было бы сказать о возвышеніи цѣнъ на народныя продовольствія въ столицѣ?!!

[28] Точно такъ, какъ полководецъ, не раздѣлявшій трудовъ войскъ во всѣхъ степеняхъ, останется навсегда чуждымъ многосложныхъ потребностей, встрѣчаю-

къ многочисленнымъ родамъ злоупотребленій. Второстепенныя лица, знающія подробно всѣ продѣлки, обращаясь, по многочисленнымъ порученіямъ, среди всѣхъ вѣдомствъ, и отъ природы общежительные и любознательные, могли ли имъ добродушно содѣйствовать? Трудно рѣшить, по множеству весьма уважительныхъ причинъ.

Таковы представляющіяся преграды совершенію этого великаго предпріятія. Оно не неисполнимо; ибо несомнѣнно, что къ достиженію сего есть пути. И Св. Писаніе говоритъ: «Ищите, и обрящете.» Послѣдующіе за тѣмъ законы, ясно приложенные, обуздаютъ, по возможности, постыдную страсть, болѣе и болѣе развивающуюся. Но здѣсь главнымъ условіемъ должны быть исполнители. Θукидидъ сказалъ: «Худые законы, хорошо выполняемые, предпочтительнѣе хорошихъ, но не выполняемыхъ.» Эта истина была повторена, двадцать три вѣка спустя, знаменитымъ Фейербахомъ, бывшимъ Министромъ Юстиціи въ Баваріи, который, лѣтъ 30 тому назадъ, при составленіи уголовнаго свода въ Королевствѣ, предложилъ палатѣ вопросъ: «Лучше ли имѣть хорошіе законы, а худыхъ исполнителей, или на

щихся въ томъ, или другомъ, случаѣ относительно благосостоянія арміи, въ особенности же сохраненія здоровья солдата, какъ бы ни были высоки его умственныя способности, никогда онъ не постигнетъ тѣхъ мелкихъ подробностей практической школы, которыя только исключительно и могутъ составлять одно цѣлое несокрушимое. А по тому и всѣ распоряженія, проистекающія изъ точки не практической, не могутъ увѣнчиваться успѣхомъ. Одинаково и въ день битвы, высокое, кабинетное, стратегическое и тактическое, соображеніе содѣлывается ничтожнымъ, если движеніе частями арміи не сопровождается опытностію. Противное бываетъ тому, когда принимаемыя мѣры основываются на практическомъ знаніи всѣхъ подраздѣленій, всѣхъ нуждъ и потребностей различныхъ частей въ частности и въ общемъ; когда знаютъ степень силъ солдата, что онъ не можетъ перенести въ составѣ малыхъ частей, въ большихъ и наконецъ въ соединеніи въ массу. Преобразователь Россіи прозрѣлъ эту истину, и, чтобъ подать раждающемуся Государству примѣръ, самъ прошелъ всѣ степени, чтобъ содѣлаться Великимъ. Можно изучить изъ книги берейторскую науку, указывать на посадку, на правила какъ поднять лошадь въ галопъ съ той, или другой, ноги, какъ заставить ее итти траверсомъ и т. п.; но если самъ берейторъ незнакомъ съ лошадью, и не прошелъ всей этой школы, то, сѣвъ на нее, скоро свалится, не будучи въ состояніи приложить теоріи къ практикѣ. Опытность выше всѣхъ теорій: эта послѣдняя безъ первой—ничтожна. Здѣсь нужно было бы обратить вниманіе на VI-ю главу Цицерона: «О старости.»

оборотъ?» Онъ рѣшилъ, что «благо народа обезпечивается хорошими исполнителями; что буква закона безъ нихъ мертва.» [29]

Послѣ Фейербаха, тоже знаменитый Профессоръ Философіи и Уголовнаго Права въ Берлинѣ, Сталь, подтвердилъ мнѣніе Баварскаго Министра Юстиціи.

Наши же законы открываютъ преддверіе къ преозразованіямъ; ибо законодательство наше, подъ сѣнію природныхъ Русскихъ Государей, возникло самостоятельнымъ, независимымъ и основывающимся на народности. Это явленіе едва ли не единственное во всей Европѣ. Всѣ законодательства прочихъ ея Государствъ основаны на смѣси туземнаго съ Римскими законами, а въ нѣкоторыхъ послѣдніе совершенно преобладаютъ, какъ на прим., во Франціи, въ Молдавіи и Валахіи, отчасти въ Бельгіи, Австріи, Италіи, Прусіи и во многихъ другихъ Нѣмецкихъ Государствахъ. Въ самой Англіи законодательство представляетъ смѣсь законовъ Норманно-Саксонскихъ съ Римскими, которые, до половины прошедшаго столѣтія, а въ нѣкоторыхъ краяхъ и недавно еще, писались на, непонятномъ для народовъ, языкѣ Латинскомъ. Начиная съ самаго начала XI-го столѣтія, со времени изданія Ярославомъ I Русской Правды на народномъ языкѣ, мы видимъ у насъ водвореніе законнаго порядка, основаннага на народности. Съ теченіемъ времени является рядъ новыхъ законовъ, послужившихъ къ упроченію внутренней тишины и благосостоянія народа, получившихъ свое начало въ нуждахъ его и потребностяхъ. Это правило сохраняется до настоящаго времени; ибо многіе законы, дѣйствовавшіе во времена Царя Алексѣя Михайловича, сохранили силу даже по настоящее время. Уложеніе же его составлено на началахъ Судебниковъ Іоанна III-го и Іоанна IV-го.

Слѣдовательно, у насъ нѣтъ тѣхъ препятствій, которыя бы могли возникнуть во всѣхъ другихъ Государствахъ къ преобразованію нѣкоторыхъ частей управленія. У насъ воля Монарха священна: онъ почитается источникомъ одного добра; все остальное относится къ исполнителямъ. Это глубоко врѣзано въ убѣжденіи Русскаго человѣка.

И. Липранди.

---

[29] Св. Апостолъ Іаковъ (6, 20) тоже самое говоритъ о Вѣрѣ: «Вѣра безъ дѣлъ мертва есть.»

ЗАПИСКА

ОБЫВАТЕЛЯ ЦАРСТВА ПОЛЬСКАГО.

Обращаясь къ событію послѣдняго возмущенія въ Царствѣ Польскомъ; разсматривая дѣйствія лицъ, духъ возставшихъ противъ законной власти, и изыскивая причины тому, нельзя не убѣдиться въ истинѣ, что преходившая всякую мѣру увѣренность Правительства въ мнимой приверженности къ оному Поляковъ, и поверхностныя розысканія проступковъ въ отношеніи политическомъ, кои представляемы были, какъ заблужденія, шалости молодежи безъ цѣли, и не подвергали для того виновныхъ примѣрнымъ наказаніямъ, постепенно образовывали въ Краѣ возмущеніе, которое вспыхнуло наконецъ и увлекло въ ужасную пропасть свою самыхъ мирныхъ гражданъ, страшившихся всегда общаго мнѣнія гораздо болѣе, нежели законной власти.

Правительство, осыпавшее Край благодѣяніями, видящее оный процвѣтавшимъ, не могло не вѣрить благодарнымъ чувствованіямъ; не могло полагать, чтобы мечтательныя идеи самобытности треволненнаго Царства были сильнѣе здраваго разума и тѣхъ положительныхъ основаній, на которыхъ зиждется прямое благо общее.

Въ прошедшемъ заключаются наставительные примѣры для настоящаго.

Отъ избытка въ способахъ жизни, отъ бездѣйствія, въ которомъ находилось войско, отъ недостаточнаго надзора за духомъ Университета, отъ не наказаннаго вольнодумства наставниковъ въономъ, и отъ слабой, потворствующей публичному мнѣнію Полиціи, въ 1819 году начали оказываться, по самому духу времени, разныя возмутительныя общества въ войскѣ и въ Университетѣ. Оказались связи Студентовъ Варшавскихъ съ заграничными, и Правительство принуждено было приступить къ дальнѣйшимъ розысканіямъ по сему столь важному предмету.

Въ томъ же году открылся заговоръ Патріотическаго Общества, имѣвшаго цѣлію возстановленіе прежней цѣлости и независимости Польши. Общество сіе составилось въ войскѣ, и именно въ 4-мъ линѣйномъ полку, всегда квартировавшемъ въ Варшавѣ. Главою онаго былъ того же полка Маіоръ Лукасинскій. Въ составѣ Общества находилось много военныхъ, Академиковъ принимаемыхъ въ оное бывшимъ Ассесоромъ Трибунала въ Калишѣ Кошутскимъ, и другихъ званій вольнодумцевъ. Въ числѣ главнѣйшихъ членовъ были правовѣдцы Венгржецкій и Шрёдеръ.

По поверхностномъ изслѣдованіи дѣла, всѣ дѣйствія Общества признаны ни чѣмъ болѣе, какъ только работами слишкомъ извѣстнаго Масонства; въ самомъ же дѣлѣ Общество имѣло цѣль народную,—политическую; за составленіе онаго Маіоръ Лукасинскій только былъ назначенъ состоять по арміи, а всѣ прочіе, въ томъ числѣ и Офицеры гвардіи, получили прощеніе, и только взяты были отъ нихъ подписки никогда не принадлежать къ какомубы то ни было тайному Обществу.

Плодами такого слисхожденія было то, что въ 1820 году тотъ же Маіоръ Лукасинскій составилъ вновь тайное Общество по плану гораздо обширнѣйшему; оно раздѣлялось уже на провинціональные комитеты, имѣло уставъ, форму присяги, и дѣйствовало въ духѣ прямо революціонномъ.

Для открытія и искорененія потомъ зла сего, учреждена была особая слѣдственная Коммисія изъ Статскихъ Совѣтниковъ: Ганкѣвича и Ильницкаго и изъ Прокураторовъ: Подоскаго и Филенскаго, и за тѣмъ, въ 1821 году наряженъ былъ судъ подъ предсѣдательствомъ, убитаго во время мятежа, Генерала Гауке. По приговору онаго суда подверглись взысканію только 4 лица изъ виновнѣйшихъ членовъ Общества; всѣмъ прочимъ опять даровано прощеніе, въ томъ числѣ Венгржецкому и Шрёдеру, который даже не потерялъ мѣста своего.

Въ спискѣ Общества было весьма много Студентовъ Варшавскаго Университета; открылись связи ихъ съ Студентами Берлинскими, Бреславскими и другихъ Университетовъ; отправленъ былъ по сему предмету въ Берлинъ-Прокураторъ Фаленскій (нынѣ Судья высшей инстанціи), и въ слѣдствіе розысканій арестованы Эксъ-Академики: Скварскій (служащій и нынѣ Ассе-

соромъ въ Муниципалитетѣ), Гофманъ, Козловскій, Брониковскій, Мохнацкій, Келеръ и другіе. * Изъ Слѣдственной Коммисіи въ 1822 году составился Чрезвычайный Судъ, приговоромъ коего всѣ арестованные признаны не достойными занимать какіе либо уряды; но въ послѣдствіи времени тотъ же самый Судъ, по вліянію и ходатайству патріотовъ, и изъ боязни публичнаго мнѣнія, постановилъ: что, поелику въ дѣйствіяхъ Общества не открывается ни чего болѣе, какъ одни только заблужденія, безъ всякой важной цѣли, то принадлежавшіе къ оному и не заслуживаютъ строгаго наказанія; по сему 1823 года Скварскій, Гофманъ и Брониковскій не токмо допущены къ урядамъ, но даже получили высшія, а Козловскій, коего не возможно уже было оправдать, признанъ за сумасшедшаго.

Защитники виновныхъ предъ Судомъ: Меценасъ Козловскій и Адвокатъ Пёнтковскій, за явное оскорбленіе при томъ Правительства, были отставлены отъ должностей; но и они вскорѣ, чрезъ протекцію патріотовъ, получили прежнія мѣста, а послѣдній возвышенъ потомъ въ Меценасы.

Такой оборотъ дѣла, до того осмѣлилъ жаждущихъ перемѣны Правительства, что они при всякомъ случаѣ начали оказывать сопротивленіе противу постановленій онаго, и даже дерзали на Сеймѣ изъяснять революціонныя теоріи, домагаясь учрежденія судовъ присяжныхъ и проч. А между тѣмъ Академики имѣли сходбища по публичнымъ мѣстамъ, учреждали торжества въ лѣсу на Бѣлянахъ, оказывали явное пренебреженіе къ тѣмъ изъ своихъ Профессоровъ и Кураторовъ, кои не были рабами возмутительнаго общаго мнѣнія, оскорбляли при малѣйшемъ случаѣ чиновниковъ Полиціи, не щадили наконецъ ни кого, кто не раздѣлялъ съ ними мятежническихъ идей и намѣреній: и за все сіе Ректоры, желавшіе выиграть мнѣніе публики, ограничивались одними напоминаніями, и то въ такомъ уже случаѣ, когда буйства и безчиніе Академиковъ доходило до нихъ отъ Высшаго Начальства.

Ежели котораго либо изъ Академиковъ, или подобнаго имъ вольнодумца, по важности проступка въ политическомъ отноше-

* Гофманъ, Брониковскій и Мохнацкій во время возмущенія были самыми злѣйшими мятежниками.

ніи необходимость указывала взять подъ стражу, и даже представить лично къ Государю Цесаревичу, то Вице-Президентъ Любовидзкій, желая быть популярнымъ, желая такъ же угодить общему мнѣнію, при исполненіи сего по своей обязанности, старался подавать всевозможныя средства виновному къ оправданію, ласкалъ его, давалъ наставленія для отвѣтовъ, избѣгалъ дальнѣйшихъ розысканій, и даже оправдывался предъ арестованнымъ, что не онъ, Вице-Призидентъ, а высшая власть, признаетъ нужными столь строгія мѣры.

Въ 1826 году опять открыто было возмутительное Общество, руководимое бывшихъ Польскихъ войскъ лейбъ-гвардіи конно-егерскаго полка Подполковникомъ Кржыжановскимъ, и по изслѣдованію оказалось:

а) Что Общество сіе было продолженіемъ таковаго же, составленнаго Лукасинскимъ.

б) Что вѣтви онаго распространились не только въ войскѣ, но и въ Сенатѣ; поелику принадлежалъ къ оному Каштелянъ Солтыкъ въ Правительственномъ Совѣтѣ; ибо членомъ его былъ Графъ Залускій, и наконецъ между духовенствомъ, изъ коего былъ такъ же членомъ Общества Ксёндзъ Дембекъ и т. д.

в) Что оно имѣло связи и сношенія съ провинціями Польскими и, замышлявшимъ бунтъ въ самой Россіи, государственнымъ преступникомъ, Пестелемъ и другими.

Посѣдѣлые патріоты высшаго класса восхищались въ тайнѣ такимъ направленіемъ умовъ, представляя между тѣмъ Правительству тщету замысловъ; публичное мнѣніе было за преступниками: оно руководило судящимъ ихъ; а общій голосъ, раздававшійся въ палатахъ вельможъ, въ Присутственныхъ Мѣстахъ и въ домахъ публичныхъ: «что не должно подозрительными розысканіями оскорблять народнаго характера; что ежели Общество имѣло цѣлію возстановленіе прежней независимости и правъ народа, то сіи священные патріотическіе порывы заключаютъ въ себѣ духъ времени, и что строгія наказанія за чувства сіи были бы противны Конституціи,» заглушалъ несогласныя съ симъ, но не рѣшительныя, двусмысленныя, мнѣнія.

Проникнутый подобными впечатлѣніями, разбиравшій дѣло до 1828 года, Чрезвычайный Сеймовый Судъ, не осудилъ членовъ Общества, яко государственныхъ преступниковъ, и одного только

Подполковника Кржыжановскаго, за сношеніе его съ бунтовщикомъ Пестелемъ, приговорилъ наказать домашнимъ арестомъ, устраняя самую силу закона, опредѣляющаго ясно кару подобнаго рода преступникамъ. Такую имѣла силу партія злонамѣренныхъ и публичное мнѣніе!

Правительство, видя, что, не взирая на очевидное стремленіе Общества къ мятежническому перевороту, не взирая на распространившіяся во всемъ Царствѣ вѣтви заговора, только семь членовъ онаго подверглись суду, и что опять не дойдено до источника злу сему и остаются покрытыми многія лица, принадлежавшія къ Обществу, предписало произвести вновь строжайшее розысканіе, открыть всѣхъ виновныхъ, и дабы главнѣйшіе изъ нихъ понесли справедливое наказаніе въ примѣръ прочимъ.

По сему пріостановлено было опубликованіе приговора, учиненнаго Чрезвычайнымъ Судомъ. Дѣло представлено на Высочайшее благоусмотрѣніе. Приговоръ остался въ своей силѣ; но Государь Императоръ изволилъ объявить неудовольствіе Суду за оный, Всемилостивѣйше даруя вины преступнымъ.

Видимая сила общаго мнѣнія и торжество патріотовъ, отвратившихъ и въ семъ случаѣ въ Судѣ дальнѣйшее изысканіе виновныхъ, еще болѣе раскрыли и осмѣлили идеи въ стремящихся къ ниспроверженію порядка и законной власти. Погребеніе 1829 года Презуса Сеймоваго Суда, Бѣлинскаго, возстававшаго противу наказанія виновныхъ членовъ Общества и защищавшаго ихъ съ превозносимою ими самоотверженностію, доказало, какимъ духомъ пылаетъ молодежь въ Царствѣ Польскомъ, и какое благоговѣніе отъ нихъ заслуживаетъ тотъ, кто руководствуется слѣпо однимъ публичнымъ мнѣніемъ. Необузданная молодежь самую ничтожную вещицу, принадлежавшую покойному Бѣлинскому, почитала священною; напротивъ того сына Генералъ-Адьютанта Графа Красинскаго (Викентія) Академики, ободравши съ него мундиръ, изгнали изъ среды себя за то, что отецъ его дерзнулъ обвинять преступниковъ.

Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ Новосильцовъ и другіе, подобно ему предвидѣвшіе несчастныя слѣдствія отъ распространявшихся мятежническихъ замысловъ, представляли необходимость въ пріятіи чрезвычайныхъ средствъ къ отвращенію оныхъ; но важнѣйшая, многочисленнѣйшая и готовая на всякія жертвы об-

щему мнѣнію, партія, заглушала голосъ истины. Пламеннѣйшіе изъ патріотовъ: Вороничъ и Нѣмцевичъ, за ними Потоцкій и Закршевскій, и наконецъ, позьзовавшійся особливою довѣренностію и уваженіемъ по уму. Министръ Мостовскій, всегда представляли Правительству, что «Поляки, будучи осыпаемы благодѣяніями, пользуясь всѣми правами счастливыхъ гражданъ, не могутъ даже помыслить о какомъ ни будь возмущеніи, ни по разуму, ни по интересамъ, ни по самому характеру народному, и что Польша не порождала вѣроломцевъ противу присяги и Монарховъ своихъ; а ежели и возникаютъ между нѣкоторыми идеи, можетъ быть и слишкомъ вольныя, сіе не должно приписывать цѣлому народу. Это есть не что иное, какъ мечты умовъ не созрѣлыхъ еще, пустое подражаніе, шалость безъ цѣли, и лишь однѣ враги Поляковъ могутъ приписывать имъ неблагодарность и обдуманныя,—преступныя намѣренія.»

Правительство, внимая оправданіямъ симъ, не могло, съ одной стороны, не признавать ихъ имѣющими основанія; и хотя, съ другой стороны, представлялся вопросъ: какая революція руководима была здравымъ разумомъ, общимъ интересомъ, и гдѣ не увлекался въ оную народъ иступленниками, дѣйствующими слѣпо, по видамъ нѣсколькихъ хитрыхъ честолюбцевъ? за всѣмъ тѣмъ выше приведенныя теоретическія умствованія, повторяемыя одними по убѣжденію логики, другими изъ преступныхъ видовъ, затмѣвали историческіе факты и очевидное напряженіе умовъ безпокойныхъ.

Духъ мятежа соединялся съ общимъ мнѣніемъ, которое раздѣляли въ тайныхъ помышленіяхъ своихъ едва ли не всѣ люди и высшаго сословія; онымъ руководствовалась, какъ оказалось потомъ, и самая Слѣдственная Коммисія, коей старшій членъ, Ганкѣвичъ, арестованный въ революцію, оправдывался предъ народнымъ правленіемъ тѣмъ, что «онъ всегда старался представлять революціонные порывы частными выходками, устраняя всемѣрно дѣйствительную принадлежность къ тому многихъ, и ограничиваясь обвиненіемъ только тѣхъ, коихъ оправдать не было уже ни какой возможности; что онъ, равно какъ Слѣдственная Коммисія, никогда не изображали предъ Правительствомъ политическихъ Обществъ въ томъ видѣ, въ какомъ оныя были на самомъ дѣлѣ; и что, наконецъ, онъ, Ганкѣвичъ, старался подавать каж-

дому изъ обвиняемыхъ всѣ средства къ возможному оправданію, видя въ томъ участіе патріотовъ и тайную цѣль народную;» равномѣрно въ письмѣ своемъ изъ подъ ареста къ Бонавентурѣ Нѣмоевскому, бывшему въ то время Министру революціоннаго правленія, онъ приводилъ въ оправданіе свое то, что: «производя слѣдствіе надъ Академиками, Правовѣдцами и надъ Обществомъ Лукасинскаго, имъ сокрыто и защищено множество лицъ, участвующихъ нынѣ съ такою славою и пользою для отечества въ народномъ возстаніи, какъ, на примѣръ: Венгржецкаго, Коштутскаго и другихъ.»

Во вниманіи къ симъ доводамъ невинности Ганкѣвича и къ раскрываемымъ имъ тайнымъ направленіямъ въ дѣйствіяхъ своихъ по службѣ, безъ которой онъ, какъ объяснялъ, обойтиться не могъ, онъ былъ освобожденъ изъ подъ ареста, пользовался совершенною свободою, и въ послѣдствіи уже, 15-го Августа, 1831 года, былъ повѣшенъ волновавшимся народомъ, не слушавшимъ ни какихъ оправданій.

Подъ столь сильною защитою общаго мнѣнія возрастала смѣлость готовящихся произвести мятежъ; сіи послѣдніе, видя, какъ можетъ быть обманываемо Правительство, безъ опасенія стремились къ совершенію своихъ намѣреній, и всѣ власти въ Краю служили не Правительству, а публичному мнѣнію.

Среди волненія умовъ и тайныхъ замысловъ наступила коронація въ Варшавѣ благополучно царствующаго Государя Императора; и къ прибытію Его Величества составился заговоръ Смагловскаго, противу священной особы Монарха-благодѣтеля.

Послы и Сенаторы раздѣлились на клубы, имѣвшіе засѣданія свои у Владислава Островскаго и Звѣриовскаго; духъ мятежа и неповиновенія оказывался явно, когда дѣлались представленія у Трона о публичныхъ обрядахъ Сеймовыхъ и объ увольненіи изъ подъ надзора Нѣмоевскаго. Послы сносились съ Высоцкимъ и другими, готовящимися къ бунту; внимательный надзоръ на сей разъ предвидѣвшихъ бурю пріостановилъ порывы оной, но заговоръ Смагловскаго съ единомышленниками признанъ сумасшествіемъ и остался почти безъ изслѣдованія; по крайней мѣрѣ, не обнародованы были вины преступниковъ и заслуженная ими кара.

Общее торжество коронаціи; личина благодарныхъ чувство-

ваній къ Престолу, и повторенныя выше приведенныя фразы Вороничемъ: «о неучастіи облагодѣтельствованнаго народа въ безумныхъ злонамѣреніяхъ частныхъ,» казалось успокоили Правительство.

Между тѣмъ заговоръ, составившійся предъ коронаціею, началъ изъявляться въ поступкахъ Академиковъ и въ Школѣ Подпрапорщиковъ: открылись списки заговорщиковъ; предположено было уничтожить Университетъ, а Подпрапорщиковъ разослать по полкамъ, но и тутъ общее мнѣніе превозмогло; опять обратились къ одному только вопросу: «Могутъ ли дѣти ниспровергнуть власть и порядокъ въ Краѣ?» — «Нѣтъ, повторяли патріоты; затмѣвать такимъ образомъ просвѣщеніе значило бы слѣдовать за внушеніями враговъ народа.» И столь важное происшествіе кончилось тѣмъ, что арестовано было нѣсколько Академиковъ, а Школа Подпрапорщиковъ была поручена Бригадному Генералу Трембицкому. Вице-Президентъ Любовидзкій и при семъ случаѣ, желая въ одно время служить и мнѣнію публичному и Правительству, не имѣя твердости характера, страшась противу себя поставить патріотовъ, не занялся самъ допросами Академиковъ, а поручилъ сіе Ассесору Блещинскому, воспитывавшемуся въ одномъ мѣстѣ съ преступниками, который длилъ дѣло, не выкрывая, но затмѣвая, истину до самой революціи, вспыхнувшей 29 Нобяря, 1830. За сіе во время мятежа Блещинскій пользовался всею признательностію Академиковъ и особеннымъ вниманіемъ Народнаго Правленія. Любовидзкій же въ первыя минуты возмущенія нечаянно попался иступленникамъ, и въ пылу онаго былъ израненъ, а по тому и не извѣстно, какъ были бы приняты бунтовщиками двустороннія его угожденія.

Революція раскрыла силу мнѣнія публичнаго въ людяхъ, служившихъ Правительству, но во глубинѣ души питавшихъ первое; ибо хотя Народное Правленіе на другой день мятежа и разослало отзывы о успокоеніи, но довольно было голоса нѣсколькихъ, не имѣвшихъ ни какого значенія, людей, довольно было прибытія одного Академика въ какой ни будь городъ, чтобы мѣстное Начальство кинулось въ вихрь революціи, не слушая ни какихъ убѣжденій со стороны мнимыхъ правителей народа.

Сіе служитъ непреложнымъ доказательствомъ, что если бы лица, занимавшія должности Презусовъ въ Воеводскихъ Комми-

сіяхъ, Президентовъ, Бургомистровъ, Обводовыхъ Коммисаровъ и вообще Полицейскія, были вѣрными слугами Правительства, а не публичнаго мнѣнія, и основывали бы всѣ надежды свои на приверженности къ первому, то что могъ бы сдѣлать иступленный Академикъ? А отъ арестованія такого безумца могло зависѣть спокойствіе тысячи обывателей какого ни будь значительнаго города. Но такихъ чиновниковъ въ Краѣ не было, — и пламя возмущенія вдругъ разлилось по Царству, не встрѣчая нигдѣ себѣ препоны.

Нынѣ, когда событія удостовѣрили, что, не взирая на казавшуюся весьма бдительной Тайную Полицію, дерзкое предпріятіе молодежи, подъ предводительствомъ ничтожнаго Подпоручика, могло причинить столько несчастій въ Краѣ, всегда питающемъ неудовольствіе противъ Правительства, могло увлечь за собою всѣ классы народа, и когда, по благости Божіей, силою оружія уничтоженъ мятежъ и возвращено гражданамъ благодѣтельное спокойствіе, противъ самаго желанія безумныхъ, обуреваемыхъ тщетными надеждами, Правительство, конечно, обезпечитъ на грядущія времена спокойствіе подвластнаго оному, хотя и неблагодарнаго, народа, учредивъ преграды къ замысламъ посредствомъ лицъ мѣстной Полиціи.

Дабы упрочить благосостояніе Края, необходимо имѣть во всѣхъ отрасляхъ Правительства возможное число такихъ чиновниковъ, кои бы служили вѣрно Монарху, гордились бы своими званіями, не раздѣляли суетнаго общаго мнѣнія, не зависѣли отъ онаго, и приверженность къ Трону почитали самою священнѣйшею обязанностію. Съ сими качествами нельзя искать людей въ Краѣ, возмущенномъ идеями мнимой свободы; не возможно допустить, чтобы раздѣлявшіе общее мнѣніе, оправдывающее причины бунта, изысканные и возвышенные мятежническимъ Правленіемъ, не сохраняли въ тайнѣ вкоренившагося въ нихъ вреднаго образа мыслей противу Правительства монархическаго, и не дѣйствовали въ духѣ общаго мнѣнія.

Хотя и не возможно наполнить всѣ Присутственныя Мѣста въ Царствѣ чиновниками изъ Россіянъ, но вопіющая необходимость требуетъ, чтобы Полиція въ Краѣ была въ рукахъ Русскихъ, и чтобы мѣста оной были заняты Русскими чиновниками,

привязанными къ пользамъ Россіи и воспитанными въ монархическомъ Правленіи.

Могутъ ли быть блюстителями порядка и спокойствія, могутъ ли внушать народу благоговѣніе къ Трону и повиновеніе къ законнымъ властямъ тѣ; кои съ восхищеніемъ кинулись въ бурю революціи, кои гораздо усерднѣе служили мятежническому Правленію, получая половинное жалованье, нежели законному Правительству, получая полный окладъ? Могутъ ли быть полезными чиновниками тѣ, кои привыкли толковать въ худую сторону всѣ распоряженія Правительства? Нѣтъ! Такіе люди скорѣе научатъ народъ ненавидѣть законную власть, нежели водворятъ въономъ повиновеніе и спокойствіе.

Не возможно ожидать приверженности и усердія къ пользамъ Россіи отъ тѣхъ, которые возвышеніями своими обязаны общему мнѣнію, изысканному ими во время бунта, какъ, на примѣръ: нынѣшній Президентъ Варшавской Полиціи Лащинскій, который изъ Референта съ 8 тыс. злотыхъ въ годъ жалованья, возвышенъ мятежническимъ Правленіемъ въ настоящее званіе, коему присвоено въ годъ до 24 тыс. злотыхъ; какъ Вице-Президентъ сей же Полиціи Герличъ, который изъ ничтожнаго Обводоваго Коммисара возведенъ бунтовщиками за отличіе во время мятежа въ теперешнее званіе съ годовымъ окладомъ по 15 т. злот.

Могутъ ли съ пользою занимать мѣста въ разныхъ отрасляхъ Правленія тѣ, кои, еще до революціи, за заговоръ противъ Правительства, подвергались наказаніямъ, какъ, на примѣръ: Ассесоръ Скварскій, который служилъ въ революцію, и нынѣ служитъ въ Муниципальномъ Правленіи? Тѣ, кои въ періодичныхъ изданіяхъ, вмѣстѣ съ Лелевелемъ и Нѣмоевскимъ не щадили самое священное имя Монарха, раздували пламя бунта и волновали умы своими статьями, какъ на примѣръ: Адвокатъ Кантій Воловскій (говорившій рѣчь на безумномъ погребеніи казненнаго бунтовщика Пестеля) и Патронъ Маевскій, и кои и нынѣ остаются при своихъ мѣстахъ? Тѣ, которые, бывши въ составѣ мятежническаго Комитета, имѣвшаго порученіе разобрать бумаги прежняго Правленія въ Царствѣ, брали и пытали всѣхъ подозрѣваемыхъ въ приверженности, какъ, на примѣръ: Защитникъ Прокураторіи Консевичъ, Адвокатъ Рудницкій, Подпрокураторъ и Ассесоръ Славяновскіе, Патронъ Трибунала Шварцъ и Ас-

сесоръ онаго Остромецскій, кои не только остались при своихъ мѣстахъ, но послѣдній даже возвышенъ еще теперь въ Писаря Суда Аппеляціоннаго, поелику онъ былъ учителемъ дѣтей нынѣшняго Президента Коммисіи Юстиціи, Генерала Косецкаго? Тѣ, кои въ 1828 и 1829 годахъ, съ неописанною дерзостію защищали предъ судомъ заговорщиковъ противъ Правительства, а во время возмущенія были пламенными приверженцами онаго, какъ, на примѣръ: Меценасы Кржившевскій и Тарчевскій, остающіеся и теперь на своихъ урядахъ? И наконецъ всѣ тѣ, которые, бросивши гражданскія должности свои, взялись за оружіе и проливали кровь непріятелей бунта?

Ежели Правительство терпитъ такихъ чиновниковъ, то люди сіи, конечно, мыслятъ, что оно и теперь боится раздражать публичное мнѣніе, и что оно для того не ниспровергаетъ прежней системы, что само еще не увѣрено въ непоколебимой твердости своего положенія въ Царствѣ Польскомъ.

Обязанные всѣмъ мятежу, чиновники сіи, вкушая плоды онаго и полагая всю надежду на силу общаго объ нихъ мнѣнія и на связи съ единомыслящими, не вѣрятъ, чтобы Правительство, пренебрегши мнѣніемъ симъ, рѣшилось лишить ихъ интересныхъ мѣстъ, коихъ они достигли, отличаясь патріотизмомъ.

Я наименовалъ для примѣра однихъ только вдругъ вспавшихъ на мысль мнѣ; впрочемъ, подобными людьми наполнены всѣ Присутственныя Мѣста въ Царствѣ, и вся Полиція въ рукахъ тѣхъ же Поляковъ. Такіе чиновники всегда готовы выставлять народу тягость податей и рекрутскаго набора, хотя во время мятежа вымогали отъ него послѣдній грошъ, отрывали отцовъ отъ дѣтей, разстроивали семейства и гнали бѣдныхъ поселянъ безъ оружія на вѣрную смерть за мнимую свободу разоряемаго отечества.

Недавно одному изъ приверженныхъ къ Правительству случилось быть въ Пултускѣ и Ломзѣ: онъ содрагался, какъ говоритъ, слышавши разговоры собравшихся чиновниковъ тамошнихъ Присутственныхъ Мѣстъ, которые въ публичномъ мѣстѣ, безъ малѣйшаго опасенія Полиціи, порицали Правительство, расказывали самые нелѣпые слухи о скоромъ прибытіи Французовъ, о близкомъ паденіи Россіи, и предрекали участь приверженныхъ къ Россіянамъ, для коихъ наготовлены уже веревки.

Подобныя разглашенія и насмѣшки при всякомъ случаѣ, то надъ начальствомъ, то надъ обычаями Русскихъ, сдѣлавшіяся любимою забавою въ обществахъ, переходя къ простому народу, производятъ въ немъ самыя вредныя впечатлѣнія: но нынѣшняя мѣстная въ Краѣ Полиція останавливать сего, конечно, не будетъ.

Напрасно Правительство полагаетъ, что чиновники, напитанные возмутительными идеями, обязанные всѣмъ публичному мнѣнію, могутъ быть употреблены къ выполненію распоряженій онаго. Вотъ еще примѣръ: Вице-Президенту Герличу поручено было розысканіе: дѣйствительно ли Начальникъ Отдѣленія въ Коммисіи Внутреннихъ Дѣлъ, Квятковскій, участвовалъ въ убійствѣ 15 Августа н. с. 1831 года Статскаго Совѣтника Ганкѣвича? Герличъ, призвавши къ себѣ свидѣтеля, и желая внутренно оправдать обвиняемаго мятежника, тотчасъ предупредилъ свидѣтеля, что, «невинность Квятковскаго уже открыта.» Послѣ сего что оставалось говорить свидѣтелю?

Нѣтъ, безъ перемѣны лицъ въ разныхъ отрасляхъ Правленія, оно перемѣниться не могло, и не можетъ. Оно осталось то же, какимъ было до возмущенія, и даже во время онаго. Правда, что отличавшимся во время революціи преграждены средства дѣйствовать прямо въ духѣ оной, но не преграждено желаніе къ тому; и Правительство, полагаясь на нихъ, не успѣло еще принять въ соображеніе примѣровъ прошедшаго для улучшенія настоящаго. Духъ возстанія не дремлетъ. Первый удобный случай къ оному удостовѣритъ въ истинѣ сего, и въ томъ, что питающіе надежды мечтательной самобытности Польши не были праздными.

Прежде говорили, какъ приведено выше: «Могутъ ли дѣти перемѣнить порядокъ въ Краѣ?» Теперь говорятъ: «Можно ли успѣть въ какомъ ни будь безумномъ предпріятіи къ перевороту безъ денегъ, безъ войска и безъ оружія?» Безуспѣшность не сомнительна; но одной попытки довольно, чтобы пали тысячи жертвъ неистовства. Нынѣ, когда Край наполненъ Русскими войсками, и тутъ волненіе умовъ не утихаетъ совершенно. Не всегда можно имѣть стотысячную армію на стражѣ, для спокойствія одной провинціи; слѣдовательно, нужно изыскивать мѣстныя средства къ оному, а средства сіи заключаются въ Полиціи и вѣрныхъ чиновникахъ.

Правительство Прусское, занявши въ 1815 году Княжество

Познанское, тотчасъ не только смѣнило чиновниковъ по Присутственнымъ Мѣстамъ и замѣстило ихъ своими, но тогда же начало вводить общія права въ Королевствѣ и господствующій языкъ въ ономъ; а по сему и могло уже твердо полагаться, если не на народъ, то на мѣстныя власти, установленныя имъ изъ людей приверженныхъ къ пользамъ Королевства и гордящихся своими званіями. Событія доказали пользу сего; ибо ни одинъ Ландратъ, ни одинъ Бургомистръ, не раздѣлялъ революціонныхъ идей и публичнаго въ Краѣ мнѣнія, и, конечно, не допустилъ бы ни какого Академика читать всенародно возмутительныя прокламаціи и распоряженія, какъ сіе было при вспыхнувшемъ мятежѣ въ Царствѣ Польскомъ; отъ того Княжество Познанское менѣе всѣхъ другихъ провинцій бывшей Польши и участвовало въ общемъ, какъ пишутъ нынѣ Поляки, возстаніи.

А. Стороженко.

1833 года, Февраля 20.

ЗАПИСКА

ПО ДѢЛУ О ЗЛОУМЫШЛЕННИКАХЪ,

ВЫСЛАННЫХЪ ИЗЪ ФРАНЦІИ ВЪ ЦАРСТВО ПОЛЬСКОЕ,

ДЛЯ НАЧАТІЯ НОВАГО МЯТЕЖА.*

Всемилостивѣйше дарованная амнистія возставшимъ противу Монарха и законной власти, и возвращеніе правъ обывателямъ Царства Польскало, ими самими попранныхъ, казалось, должны бы были поселить въ умахъ хотя временное спокойствіе; но благотворенія сіи, какъ оказалось нынѣ, не произвели тѣхъ впечатлѣній признательности и раскаянія, какихъ можно было ожидать и надѣяться. Люди, чуждые гражданскаго спокойствія по треволненному народному характеру, вскорѣ начали скучать порядкомъ и мирною жизнію и, нарекая на произведенный въ Краю мятежъ, не преставали между тѣмъ переписываться съ бѣжавшими въ разныя Государства мятежниками.

Многія перехваченныя письма открывали духъ негодованія противу Правительства; за всѣмъ тѣмъ принятыя мѣры кротости ограничивали сколь можно взысканія съ виновныхъ.

Бѣдственные опыты должны были уничтожить всякое довѣріе къ преданности, всегда оказываемой и при малѣйшемъ случаѣ нарушаемой Поляками; необходимая осторожность соблюдалась въ строгой точности, но ни кто не былъ отягощенъ оною; напротивъ того, желающіе спокойствія пользуются таковымъ въ полной мѣрѣ.

Завидуя мѣрамъ справедливости и порядку въ Краю, тяго-

---

* Дѣло производилось въ Слѣдственной Коммисіи, учрежденной въ Варшавѣ подъ предсѣдательствомъ Исправляющаго должность Военнаго Генералъ-Полицій-мейстера дѣйствующей Арміи, корпуса жандармовъ Полковника А. Я. Стороженка, въ послѣдствіи Варшавскаго Оберъ-Полиціймейстера, а потомъ Сенатора Варшавскихъ Департаментовъ, скончавшагося въ недавнее время въ своемъ помѣстьѣ Лубенскаго Уѣзда Полтавской Губерніи. О. Б.

тясь, заслуженнымъ, впрочемъ, жребіемъ своимъ и утѣшая себя разными вымыслами о не бывалыхъ здѣсь утѣсненіяхъ, бѣжавшіе за границу Поляки печатали многія возмутительныя сочиненія, кои, при всей бдительности Правительства, равно какъ журнальныя статьи и частныя письма, будучи провозимы тайно въ Край, ходятъ по рукамъ между мнимыми патріотами и увлекаютъ въ заблужденіе легковѣрныхъ.

При такомъ направленіи безпокойныхъ умовъ, въ Февралѣ мѣсяцѣ сего 1833 года, начали получаться свѣдѣнія изъ заграницы, и оказалось изъ частныхъ писемъ, что тайныя Французско - Польскія общества высылаютъ эмисаровъ Польскихъ въ Польшу и Литву, для произведенія въ Краяхъ сихъ новаго возмущенія. По сему сдѣланы были надлежащія распоряженія и приняты строгія мѣры къ предотвращенію зла, какое могло бы произойти отъ могущихъ проникнуть въ Край злоумышленниковъ.

Въ одномъ изъ такихъ писемъ, бѣжавшій во Францію мятежникъ Винницкій писалъ къ женѣ своей, что сынъ ихъ, бѣжавшій же съ нимъ, Офицеръ бывшаго Польскаго войска, Антоній Винницкій, «посвятивъ себя благу отечества, скоро имѣетъ прибыть въ Царство.»

По письму сему предписано было, въ началѣ Марта мѣсяца, искать Винницкаго, который схваченъ, и 1 Апрѣля учреждена Слѣдственная Коммисія, для раскрытія намѣреній и дѣйствій его.

Приступивъ къ дѣлу, Коммисія не имѣла въ виду ни чего такого, чтобы могло обвинять Винницкаго въ какомъ либо зломъ замыслѣ. Онъ твердо стоялъ въ томъ, что прибылъ въ Край единственно для того, дабы увидѣться съ женою и семействомъ своимъ и испросить себѣ прощеніе. Такъ показывалъ и всякой, пойманный въ послѣдствіи злоумышленникъ. Показаніе сіе было условное между ими. Подобнымъ образомъ оправдывались и помѣщики, братые за укрывательство эмисаровъ. Коммисія встрѣчала при всякомъ допросѣ несознаніе и упорство и, перепросивъ болѣе ста человѣкъ, взятыхъ по явному подозрѣнію, едва могла доходить до признаній, и то, по большей части, неполныхъ.

При арестованіи Винницкаго взята была переписка его съ женою, которая подтверждала такъ же выше прописанное общее оправданіе.

Наконецъ доводы Коммисіи, правдоподобность нѣкоторыхъ обстоятельствъ и арестованіе всѣхъ тѣхъ обывателей, къ коимъ Винницкій заѣзжалъ, слѣдуя къ женѣ своей, поставили его въ необходимость учинить нѣкоторое сознаніе; послѣ каковаго, дабы покрыть соучастниковъ злонамѣренія, онъ рѣшился отравить себя ядомъ, который носилъ въ челюсти между зубами, въ металическомъ цилиндрѣ. Скорая помощь возвратила его къ жизни, но самоубійство казалось уже неразлучнымъ съ важнымъ преступленіемъ, и дѣйствія Коммисіи воспріяли начало къ постепеннымъ и положительнымъ открытіямъ истины. Она узнала отъ Винницкаго, что вмѣстѣ съ нимъ вышло изъ Ліона семь человѣкъ эмисаровъ, съ намѣреніемъ проникнуть въ Царство Польское и возмутить народъ. Между тѣмъ, въ сіе же самое время вторгнулись въ Край съ вооруженными шайками чрезъ границу со стороны Австрійской Галиціи Польскихъ мятежническихъ войскъ Маіоръ Дзѣвицкій, Офицеръ Бѣлковскій и другіе, а со стороны Княжества Познанскаго, оныхъ же войскъ Офицеры: два брата Сулимирскіе, два брата Потоцкіе, Эгерсдорфъ, Полихновскій, Сперчинскій и Дуньскій, направленные укрывавшимся у помѣщиковъ Княжества Познанскаго эмисаромъ Залѣскимъ, пріѣзжавшимъ въ Царство Польское осматривать посты, занятые вооруженными бродягами въ лѣсахъ Калишскаго Воеводства.

Шайка Дзѣвицкаго на другой день послѣ вторженія была разсѣяна; нѣкоторые взяты съ оружіемъ въ рукахъ, * въ томъ числѣ и самъ Дзѣвицкій, который, принявъ ядъ, тогда же кончилъ позорную жизнь свою. Отдѣлившіеся отъ Дзѣвицкаго эмисары, Подпоручикъ Шпекъ и Секретарь бывшаго Виленскаго Университета, Титулярный Совѣтникъ Гецольдъ, такъ же взяты въ послѣдствіи съ вооруженными людьми, при нихъ бывшими; равномѣрно схвачены еще нѣкоторые злоумышленники, проникнувшіе въ Край изъ Галиціи же, сужденные особою Коммисіею въ Люблинѣ и понесшіе заслуженное наказаніе; прочіе же скрылись, перейдя обратно въ Галицію.

До сего происшествія, казалось не возможно бы допустить, чтобы помѣщики, имѣющіе семейства и достоянія, дерзнули принять участіе въ безумномъ предпріятіи нѣсколькихъ иступленни-

---

* Трое изъ нихъ разстрѣляны въ Варшавѣ.

ковъ, высланныхъ изъ Франціи на явную погибель; но событія удостовѣрили, къ несчастію, въ противномъ. Эмисары Сулимирскіе и Потоцкіе, проникнувшіе (какъ выше сказано) изъ Княжества Познанскаго въ Калишское Воеводство съ вооруженными бродягами, почти вездѣ находили пристанища и укрывательство, даже и послѣ того, когда они 3 го Мая, дабы ознаменовать день сей, почитаемый какъ бы священнымъ въ народѣ (по конституціи 3 Мая), напавши въ м. Шадкѣ на безоружныхъ Казаковъ, гулявшихъ въ шинкѣ, трехъ изъ нихъ предали смерти. Руки, обагренныя кровію не могшихъ защищаться, получали помощь отъ помѣщиковъ, и когда шайки злоумышленниковъ сихъ были разсѣяны и нѣкоторые взяты съ оружіемъ въ рукахъ, то главнѣйшіе изъ нихъ, подъ тайнымъ покровительствомъ обывателей, скрылись обратно въ Княжество Познанское.

Болѣе 60 человѣкъ помѣщиковъ, въ томъ числѣ и такіе, кои вовсе не участвовали и въ самомъ возмущеніи въ Краю, оказались причастными къ дѣлу Сулимирскихъ, и одни явно, а другіе скрытно, давали и помощь и пристанище вооруженнымъ бродягамъ.

Въ дальнѣйшемъ слѣдствіи Коммисіею открыто изъ сознаній пойманныхъ преступниковъ, что изъ Франціи выслано было ихъ болѣе двухъ сотъ человѣкъ въ разныя мѣста Польши, Литвы и въ самую Россію, подъ разными подложными именами; что начальникомъ эмисаровъ есть извѣстный бунтовщичій Подполковникъ Заливскій; что еще въ Парижѣ онъ распредѣлилъ каждаго изъ высылаемыхъ эмисаровъ по Обводамъ, поручая ему начальство въономъ; что каждому изъ такихъ Обводовыхъ начальниковъ дана была инструкція набирать шайки вооруженныхъ людей (кои обязывались выполнять присягу безусловнаго повиновенія своему начальнику подъ смертною казнію), вести партизанскую войну, пресѣкать комуникаціи, жечь магазины, грабить казну, подговаривать Русскихъ солдатъ къ присоединенію къ нимъ, даже красть оружіе у сихъ послѣднихъ, и принуждать тѣмъ къ побѣгамъ.

Каждый такой эмисаръ, при отправленіи своемъ изъ Франціи запасался кинжаломъ и ядомъ для отравленія себя въ случаѣ поимки, и дабы травить, какъ нѣкоторые преступники показали, колодези, для уничтоженія тѣмъ Русской арміи.

Всѣ вообще злоумышленники сіи имѣли при себѣ, составленныя во Франціи къ народу и къ самимъ Русскимъ, прокламаціи, кои раздавались ими принимавшимъ ихъ помѣщикамъ и разсѣвались между жителями. Девизомъ ихъ была: «Месть (Zemsta ludu),» средствами: «Ядъ и кинжалъ.»

Дѣйствіе эмисара Обводоваго Начальника съ неограниченною властію, ограничивалось однимъ своимъ Обводомъ. Ему извѣстны были только сосѣднія Обводовые Начальники, и онъ чрезъ одного изъ нихъ обязывался дѣлать свои донесенія главному лицу преступнаго ихъ замысла, каковое предполагалось быть на рѣкѣ Днѣпрѣ.

Все сіе болѣе, или менѣе, было открываемо эмисарами тѣмъ помѣщикамъ, кои принимали ихъ къ себѣ и не отказывались принимать участіе въ ихъ предпріятіи.

Отравившій себя ядомъ, Дзѣвицкій, вторгнулся въ Край послѣ свиданія въ Галиціи съ начальникомъ предпріятія, Заливскимъ, а въ слѣдъ за нимъ, какъ видно изъ показаній Шпека и Гецольда, вошелъ и самъ Заливскій, для проникнутія въ возвращенныя отъ Польши Губерніи. Перешедши же границу съ Сулимирскими, эмисаръ Пищатовскій направленъ былъ съ другими въ Литву.

Не взирая на то, что Край наполненъ войскомъ, эмисары перевозимы были помѣщиками отъ одного къ другому, ни одинъ изъ послѣднихъ не донесъ Правительству о нарушителяхъ общаго спокойствія, а нѣкоторые духовные простерли дерзость свою до того, что въ самыхъ костёлахъ произносили возмутительныя проповѣди къ народу.

Когда шайка Дзѣвицкаго была уничтожена, Бѣлковскаго же, исключая 4 пойманныхъ и преданныхъ казни, * скрылась въ Галицію, а Сулимирскихъ и Потоцкихъ преслѣдовалась, въ Плоцкомъ и въ Мазовецкомъ Воеводствахъ оказались такія же шайки вооруженныхъ бродягъ, подъ начальствомъ Артюра Завиши и Каликста Боржевскаго. Злоумышленники сіи, перешедши границу отъ Торна изъ Прусіи 2-го Мая н. с. въ д. Радзикахъ Плоц-

* Карчевскаго и Пленкевича въ г. Люблинѣ, а Давидовича и Якубовскаго въ д. Боровѣ, на границѣ Галиціи.

каго Воеводства, Липновскаго Обвода, напали на пять спящихъ Казаковъ, изъ коихъ трехъ перекололи кинжалами.

У пойманнаго въ послѣдствіи времени Завиши между бумагами найдены сочиненные имъ стихи, въ коихъ выхвалялся сей гнусный поступокъ.

Шайки Завиши и Боржевскаго бродили по лѣсамъ и укрывались у помѣщиковъ съ 2-го Мая по 17 Іюня н. с.; наконецъ Завиша съ вооруженными бродягами схваченъ былъ командою гусаръ; при чемъ лишились жизни: Офицеръ, Унтеръ-Офицеръ жандармовъ и два гусара Эрцъ-Герцога Фердинанда полка; Боржевскій же до того еще скрылся въ Княжество Познанское.

Нельзя пройти молчаніемъ, что команда гусаръ, напавшая на вооруженныхъ бродягъ, равняясь въ числѣ симъ послѣднимъ, безъ выстрѣла перехватала пятерыхъ преступниковъ, въ томъ числѣ и начальника шайки, и что, напротивъ того злодѣи, долго готовящіеся на смерть, въ рѣшительную минуту, хотя и защищались, но не могли устоять противу истиннаго самоотверженія преданныхъ Трону и изучившихся почитать обязанности свои священными.

Во время пребыванія шаекъ Завиши и Боржевскаго въ Плоцкомъ Воеводствѣ, и особенно въ Липновскомъ Обводѣ, болѣе 150 обывателей, какъ по слѣдствію оказалось, и оказывается, не только укрывали злоумышленниковъ, но давали имъ всякую помощь и принимали участіе въ зловредныхъ замыслахъ ихъ, а нѣкоторые, будучи даже служащими чиновниками, обвиняются, что они, при дѣлаемыхъ ими поискахъ, предупреждали о томъ злодѣевъ. Женщины ни сколько не уступали въ дѣятельности мущинъ. Многія изъ нихъ снабжали оружіемъ, съѣстными припасами и бѣльемъ укрывавшихся по лѣсамъ злоумышленниковъ, и когда Завиша привезенъ уже былъ, окованный въ Варшаву, родственница его, жена облагодѣтельствованнаго Правительствомъ Радцы Стану Пивницкаго, не будучи вовсе не извѣстною о произведенныхъ Завишею злодѣяніяхъ, писала къ нему, чрезъ Слѣдственную Коммисію, письмо въ такихъ выраженіяхъ, какъ бы почитала его невиннымъ.

Поступокъ сей, въ которомъ Пивницкая, конечно, не находила ни чего дурного, и множество подобныхъ оному, изображаетъ духъ обывателей и убѣждаетъ въ горестной истинѣ, что

добро и благодѣянія со стороны Правительства скользятъ по чувствамъ неблагодарныхъ, и что женщины участвуютъ въ искаженномъ патріотизмѣ со всею дѣятельностію, не только по общему образу мыслей внушаемому имъ съ воспитаніемъ, но и изъ легкомыслія и вѣтренности.

Ежели при вторженіи въ Край эмисаровъ, они, находя вспомоществованіе у обывателей, не могли увеличивать шаекъ своихъ, сіе должно приписать страху отъ войска и тому, что простой народъ не раздѣляетъ вполнѣ изступленія высшаго отъ него класса готовыхъ къ возстанію. Многіе крестьяне напротивъ того и Евреи доносили Правительству, и представляли ловимыхъ ими преступниковъ.

Ненависть Шляхты къ Русскимъ и стремленіе къ несбыточному возстановленію всегда мятежной, впрочемъ, Польши, переходитъ отъ родителей къ дѣтямъ, и спокойствіе въ Краю удерживается одною военною властію.

Подъ личиною наружной преданности всякой здѣсь скрываетъ месть и готовность кинуться въ вихрь самыхъ сомнительныхъ, безумныхъ, предпріятій. Любимый разговоръ людей, какъ лучшихъ состояній, равно и такихъ, кои едва имѣютъ дневное пропитаніе, а особенно отставныхъ бывшаго Польскаго войска Офицеровъ, есть полагаемая ими навѣрно всеобщая въ Европѣ революція, проповѣдывая каковую высланные изъ Франціи эмисары весьма легко сыскали въ Краю единомышленниковъ.

Съ уничтоженіемъ шайки Зивиши Царство Польское очистилось отъ вооруженныхъ бродягъ. Слѣдственная Коммисія кончила категоріи: Винницкаго, по которой допрошено 72 человѣка мужчинъ и 4 женщины, подвергнуто аресту 12, освобождено 49, представлено для преданія военному суду 15, въ томъ числѣ не арестованными 4 женщины; Гецольда, по которой допрошено и предано военному суду 5 человѣкъ; Шпека и Ляховскаго, по которой допрошены 25 человѣкъ мужчинъ и 4 женщины, подвергнуто аресту 9, освобождены 7, представлено для преданія Военному Суду 13, въ томъ числѣ не арестованными 4 женщины; Бугайскаго и Рацѣнскаго, по которой допрошено 6 человѣкъ, освобождено 4, суждены и разстрѣляны на мѣстѣ преступленія два первые; Сулимирскихъ и Потоцкихъ, по которой допрошено 61 человѣкъ, подвергнуто аресту и представлено

для преданія Военному Суду 39, освобождено 22 человѣка. Оканчиваетъ категоріи: Серпутовскаго, по которой допрошено 10 человѣкъ, подвергнуты аресту 4; Завиши и Боржевскаго, по которой допрошено и допрашиваются 158, изъ коихъ подвергнуто аресту 43 человѣка.

Къ сей послѣдней категоріи принадлежитъ нѣсколько и женщинъ.

Кромѣ сего изслѣдованы Коммисіею поступки Ксёндза Богуньскаго, говорившаго въ костёлѣ возмутительную проповѣдь, и дѣло объ немъ представлено для преданія виновнаго Военному Суду. Равномѣрно изслѣдованы поступки другихъ десяти человѣкъ, не принадлежащихъ ни къ одной изъ выше означенныхъ категорій, открыты изъ допросовъ злоумышленниковъ, проникнувшіе въ Литву: Пищатовскій и Воловичъ, о коихъ сообщено Виленскому Военному Губернатору, и они тамъ пойманы, и допрашиваются еще четыре человѣка, на коихъ падаетъ подозрѣніе въ принадлежности къ вооруженнымъ бродягамъ.

Коммисія, принявъ за основаніе въ дѣйствіяхъ и соображеніяхъ своихъ то, что поверхностныя розысканія возникавшихъ въ Польшѣ до мятежа заговоровъ противъ Правительства, были одною изъ главныхъ причинъ бѣдствій, какія испыталъ Край, возмущенный заговорщиками, не наказываемыми примѣрно, старалась всѣми возможными средствами открыть зло въ самыхъ источникахъ онаго, и не минуть ни кого, кто только какимъ бы то ни было образомъ прикосался въ связяхъ съ эмисарами, дабы ни кто и впредь изъ чувствующихъ себя виновнымъ не полагалъ возможнымъ, чрезъ протекціи, или другимъ какимъ либо образомъ, укрыть вину свою предъ бдительностію Правительства, и по сему число допрошенныхъ содѣлалось весьма значительнымъ.

Розысканіе сихъ политическихъ преступленій раскрываетъ начала и поводы дерзкаго предпріятія вторгнувшихся въ Край начальниковъ вооруженныхъ, ничтожныхъ, впрочемъ, шаекъ.

Изъ показаній, собранныхъ Коммисіею, и изъ книги, изданной въ 1832 году въ Гюржѣ мятежническимъ Генераломъ Ружицкимъ, подъ заглавіемъ: «Отчетъ народу о дѣйствіяхъ его въ 1831 году (Zdanie sprawy narodowi z czynności w roku 1831),» видно, что Поляки, рѣшившіеся, по прекращеніи бунта въ Краю, удалиться во Францію, по переходѣ части войскъ мятежническихъ

въ Австрійскую Галицію, почитая возстаніе свое все еще не оконченнымъ, дѣлали разные планы къ новому вторженію въ Царство Польское. Совѣщанія нѣкоторыхъ изъ нихъ по сему предмету были у, бѣжавшаго же во Францію, Графа Ворцеля; въ оныхъ находился и извѣстный бунтовщикъ Заливскій, который въ послѣдствіи времени, продолжая связи съ обывателями Галиціи, присылалъ туда изъ Франціи агента, чрезъ коего переслано къ нему, какъ показываютъ эмисары, до 200 тысячъ злотыхъ.

Съ мыслію формировать легіоны бѣглецы пришли во Францію. Французы, покровительствуя имъ, не только дали пристанище и способы къ жизни, но позволили носить всѣ знаки военные, раздѣлили ихъ по этапамъ, учредили начальниковъ, подавали всѣ виды возможности къ составленію замышляемыхъ легіоновъ.

Въ Парижѣ, съ прибытіемъ туда нѣкоторыхъ бѣжавшихъ изъ Края Поляковъ, учрежденъ былъ Польскій Комитетъ, подъ предсѣдательствомъ Бонавентуры Нѣмоевскаго. Комитетъ сей, однако жь, вскорѣ рушился: когда же начало прибывать въ Парижъ болѣе и болѣе Поляковъ, составилось изъ нихъ Общество Эмиграціонное, подъ распоряженіемъ Комитета, въ коемъ предсѣдательствовалъ Лелевель и коего высшими членами были: Звѣрковскій, Малаховскій, Ходзько, Ледуховскій, Водзинскій, Пѣткевичъ, Кремповецкій и Гуровскій.

Сіе Эмиграціонное Общество (конечно, не безъ позволенія Французскаго Правительства) тотчасъ выслало своихъ коммисаровъ на границы Франціи и въ Германію, для принятія ушедшихъ изъ Польши военныхъ, служившихъ въ рядахъ мятежниковъ.

Въ одно почти время съ Польскимъ Комитетомъ составился во Франціи другой, Французско-Польскій Комитетъ, подъ предсѣдательствомъ извѣстнаго революціониста, Генерала Лафаета, въ которомъ Ходзько занималъ мѣсто Секретаря.

Въ Эмиграціонномъ Обществѣ образовалось еще одно: Общество усовершенствованія, коего цѣлію было подавать способы Полякамъ заниматься науками и приготовлять ихъ къ разнымъ предназначеніямъ. Мѣсто Предсѣдателя сего послѣдняго Обще- занималъ Чиньскій, управляя въономъ законодательнымъ отдѣленіемъ; членами назначены были: Кремповецкій по отдѣленію Политическому, Ксёндзъ Пулавскій по отдѣленію Просвѣщенія, Корженевскій по части Военной, и Глуснѣвичъ по

Медицинской части; но въ самомъ началѣ, когда издано образованіе онаго и объявлено было формально о начальникахъ отдѣленій, Поляки мнили видѣть въ немъ прежде временное присвоеніе властей и цѣль начальниковъ отдѣленій быть нѣкогда правителями мечтаемаго ими Государства Польскаго: возстали противу сего, оспаривали права въ несущественномъ идеалѣ, и составъ сего Общества такъ же вскорѣ рушился.

Въ слѣдъ за тѣмъ Поляки содѣлались равно недовольными и особымъ своимъ Комитетомъ подъ предсѣдательствомъ Лелевеля; поелику Комитетъ сей, по ихъ разсужденію, дѣйствовалъ весьма слабо къ достиженію главной цѣли, т. е., къ возстановленію Польши. Составлена была Коммисія: изъ Адвоката Плужанскаго, Ксёндза Пулавскаго, Чиньскаго и Брониковскаго, которой поручено представить по сему предмету особое свое мнѣніе.

Коммисія сія предложила Комитету:

1. Войти въ сношенія съ Правительствами Англійскимъ и Германскихъ народовъ, чрезъ высланныхъ отъ эмиграціи дипломатическихъ агентовъ.

2. Разослать такихъ же агентовъ ко всѣмъ либеральнымъ Обществамъ въ Европѣ.

3. Войти въ тѣснѣйшія связи во Франціи съ тѣми, кои быть Польшѣ почитаютъ нужнымъ для равновѣсія въ Европѣ, а особенно съ засѣдающими въ Палатѣ Депутатовъ революціонной партіи, и

4. Объявить публично основанія демократическія.

Польскій Комитетъ отвергъ послѣдній пунктъ; члены же Коммисіи, держась своего мнѣнія и соединясь съ Яновскимъ, Кремповецкимъ и Гуровскимъ, составили особое Общество Демократическое, котораго цѣлію было выполненіе всѣхъ выше писанныхъ четырехъ пунктовъ и, сверхъ того, поддержаніе и распространеніе вездѣ демократическихъ правилъ. Предсѣдатель сего Общества избирался на каждое засѣданіе изъ членовъ по очереди; но главнѣйшіе дѣйствователи были въономъ: Пулавскій, Плужанскій, Гуровскій, Кремповецкій и Кновскій.

Лелевель, будучи тайною пружиною всѣхъ дѣйствій, возставалъ противу демократовъ; предрекалъ, что они могутъ потерять симъ покровительство и пристанище во Франціи; увѣрялъ

что протестація ихъ противу проекта, внесеннаго въ палату Депутатовъ о подчиненіи однимъ правиламъ всѣхъ эмигрантовъ, не исключая и Поляковъ, равно какъ самый проектъ, происходитъ отъ Россійскаго Кабинета, и тщательно скрывалъ высшія свои преднамѣренія.

Всѣ сіи показанія, изображая тщету и суетность народа легкомысленнаго, хотя ни чего не открываютъ, кромѣ возникшихъ и уничтожавшихся Обществъ и Комитетовъ; но, поелику въ каждомъ депо Поляковъ существуютъ отдѣленія тайнаго общества карбонаріевъ, основаннаго на соединенныхъ правилахъ тайныхъ клубовъ Шотландскихъ и Италіянскихъ, которое распространено нынѣ во всей Европѣ: по сему цѣль составленія Комитетовъ Польскихъ, извѣстная только весьма малому числу, соединяется съ общею цѣлію карбонаріевъ, стремящихся къ ниспроверженію властей и настоящаго порядка въ Государствахъ; и Общество Демократическое составлено было для одного только соединенія людей, кои бы, льстя себя каждый собственнымъ своимъ значеніемъ, дѣйствовали слѣпо по направленію, какое дано имъ будетъ свыше.

Высылка эмисаровъ въ Польшу и Литву изъ Демократическаго Общества есть дѣло карбонаріевъ: они, полагаясь на связи свои во всей Европѣ, чрезъ агентовъ своихъ при Польскихъ депо, утвердили эмисаровъ въ надеждѣ, что вездѣ имъ будутъ облегчены средства въ дѣйствіяхъ ихъ; что начало партизанской войны въ Польшѣ послужитъ знакомъ возмущенія во всей Германіи; и Поляки эмисары были однимъ ихъ орудіемъ.

Ниже слѣдующая присяга, установленная карбонаріями, въ коей помѣщено возстановленіе отечества, служитъ доноказательствомъ тому:

«Клянусь Всемогущимъ Богомъ, что, рѣшась, по доброй волѣ и безъ принужденія, возстановить мое отечество и права равенства, одинаково принадлежащія всѣмъ людямъ, безъ различія племенъ и религій, обрекаю себя на всѣ труды, опасности и самую смерть, дабы до послѣдней капли крови моей биться противу деспотовъ и тѣхъ, кто имъ служитъ. Клянусь при томъ слѣпо повиноваться моимъ новымъ начальникамъ. Да поможетъ мнѣ Богъ въ семъ мірѣ и бучущемъ!»

Всѣ схваченные и допрошенные Коммисіею эмисары показа-

ли: что каждый изъ нихъ былъ приглашенъ итти въ Польшу мятежникомъ Заливскимъ, начальникомъ злонамѣреннаго ихъ предпріятія; что Заливскій объявилъ, что отъ высшаго Общества онъ получилъ сіе назначеніе; но кто именно составляли означенное высшее Общество, сіе было для всѣхъ тайною.

Заливскій увѣрялъ ихъ такъ же, что четыре мѣсяца предъ ними высланы уже агенты въ Княжество Познанское и въ Галицію, для расположенія тамъ умовъ въ пользу ихъ, заготовленія оружія и аммуниціи, и для составленія капиталовъ на предпринимаемыя военныя дѣйствія; и наконецъ, что высшее Общество, или Комитетъ, имѣя пребываніе свое въ Парижѣ, будетъ руководствовать поступками его и эмисаровъ, и что, въ случаѣ смерти его, оно назначитъ другого начальника. О существованіи высшаго Комитета въ Парижѣ преступники согласно показываютъ.

Сего года 4-го числа Генваря было общее собраніе Поляковъ въ Ліонѣ, коимъ Горецкій представилъ все то, о чемъ они слышали отъ Заливскаго, увѣщевалъ ихъ принять участіе въ дѣлѣ отечества, снабжалъ ихъ деньгами и письмами къ разнымъ лицамъ въ Швейцаріи и Германіи; въ Княжествѣ же Познанскомъ адресовалъ ихъ къ нѣкоему Маіору Кронковскому, а въ Галиціи къ Пѣткевичу. Принявшіе предложеніе тогда же получили, чрезъ Горецкаго, отъ Ліонскаго Префекта пашпорты подъ ложными именами и званіями, и съ оными отправились, по данному каждому изъ нихъ направленію. Можно ли думать, чтобы Префектъ выдалъ такіе пашпорты безъ вѣдома Правительств и для такого числа людей? ибо эмисары показываютъ, что ихъ вышло болѣе 200 человѣкъ.

Слѣдуя чрезъ Швейцарію и Германію, эмисары вездѣ находили, какъ показываютъ, людей подобно имъ мыслящихъ; прибывши же одни въ Галицію, другіе въ Княжество Познанское, нашли, а особенно въ первой, у многихъ помѣщиковъ дѣйствительно заготовленное для нихъ оружіе и всѣ необходимыя потребности.

О тѣхъ помѣщикахъ въ Галиціи, кои давали помощь и отправляли вооруженныя шайки въ Царство Польское, а въ Княжествѣ Познанскомъ о тѣхъ, кои, помогая же, передерживали эмисаровъ, съ формальными протоколами, составленными Слѣдственною Коммисіею изъ показаній преступниковъ, сообщены

всѣ нужныя свѣдѣнія, какъ Австрійскому, такъ и Прусскому Правительствамъ.

Обыватели сіи суть, въ Галиціи: Графы Тышкевичи, Хородыскіе, Славинскіе, Лабовскій и помѣщица Тетмаеръ; агентъ Пѣткевичъ; въ Княжествѣ Познанскомъ: Бобровскій, Былина, Кренскій, Парчевскій, Вильчевскій, Павловскій, Сулержицкій, Вибицкій, Дзяловскіе, Вилькржицкій, Калькштейнъ, Косовскій, Лисковскій, Высоцкій и Богумилъ Сулимирскій съ женою; агентъ Кронковскій.

Изъ выше изложеннаго явствуетъ, какимъ духомъ проникнуты безпокойные умы во Франціи, Швейцаріи и Германіи, и какъ необходимы самыя сильныя средства, для отвращенія зла общаго, готовящагося въ Европѣ.

Не возможно, кажется бы, допустить, что бы ничтожное число эмисаровъ Польскихъ могло надѣяться на успѣхъ въ явно гибельномъ своемъ предпріятіи; но, прочитавши въ изданномъ въ Парижѣ 1832 года сочиненіи на Польскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: «Книги Народу Польскаго» (Księgi Narodu Polskiego),» въ коемъ сочинитель, подражая Священному Писанію слогомъ и выраженіями, говоритъ, на страницахъ 32 и 33:

«Не тѣ между вами мудрые, которые разбогатѣли продажею науки своей, и накупили домовъ и имѣній, и снискали золото и ласки отъ Коронованныхъ.

«Но тѣ, кои проповѣдывали вамъ слово вольности, и терпѣли заключенія и истязанія. Тѣ, кои наиболѣе потерпѣли, почтенны суть; а кои смертію запечатлѣютъ науку свою, святыми будутъ.

«Во истину говорю вамъ, что вся Европа должна учиться отъ васъ, кого называть мудрымъ; ибо нынѣ степени (людей) въ Европѣ есть посрамленіе, а наука Европы есть глупость.

«А ежели кто скажетъ изъ васъ: «Мы суть блуждающіе, безоружные, какъ же можемъ измѣнять порядокъ въ Государствахъ великихъ и сильныхъ?»

«Кто говоритъ такъ, пусть разсудитъ, что Имперія Римская была великая какъ свѣтъ, Императоръ Римскій такъ силенъ, какъ всѣ Государи вмѣстѣ.

«Христосъ же послалъ противу него только 12 простыхъ

людей; но люди сіи имѣли духъ святый, духъ посвященія себя, и по тому побѣдили Императора.

«А ежели кто речетъ изъ васъ: «Мы суть солдаты, люди не ученые, какъ можемъ убѣдить мудрецовъ въ краяхъ, которые края найпросвѣщеннѣйшіе и нейобразованнѣйшіе?»

«Кто речетъ такъ, пусть разсудитъ, что мудрецы Аѳинскіе, были называемы найпросвѣщеннѣйшими и найобразованнѣйшими, а были убѣждены словами Апостоловъ; ибо, когда Апостолы начали научать во имя Бога и вольности, тогда народъ оставилъ мудрецовъ, а шелъ за Апостолами.»

Прочитавши сіе зловредное сочиненіе, нельзя отвергать, чтобы иступленники, принявшіе въ искаженномъ смыслѣ за Вѣру мнимую, гибельную, вольность, и почитая себя Апостолами оной, не дерзнули на самыя ужасныя неистовства.

А. Стороженко.

Варшава.
26 Августа, 1838 года.

ПРИКАЗЪ
ПО УРАЛЬСКОМУ ВОЙСКУ.

Г. Оренбургъ. Іюля 4 дня, 1837 года.

Съ той поры, какъ Государю Императору благоугодно было вввѣрить управленію моему край Оренбургскій, въ теченіе четырехъ лѣтъ не упускалъ я ни одного случая ходатайствовать на добро и пользу Уральскаго Казачьяго войска: я уважалъ молодечество и расторопность Казаковъ, съ удовольствіемъ видѣлъ благое стремленіе молодыхъ войсковыхъ чиновниковъ къ образованію и просвѣщенію, и не разъ просилъ у Высшаго Правительства снисхожденія къ закоренѣлымъ предразсудкамъ, упорству и строптивости стариковъ, въ увѣренности на признательность ихъ, на здравомысліе и благоразуміе, которое привыкъ предполагать въ каждой головѣ почтенной наружности.

Когда Государь Наслѣдникъ и Атаманъ всѣхъ Казачьихъ войскъ приблизился на путешествіи своемъ къ войсковымъ предѣламъ, я осмѣлился просить Его Величество оказать Уральскому войску посѣщеніемъ своимъ особое, милостивое благоволеніе, дабы ознакомиться съ промыслами и бытомъ Казаковъ и порадоваться благосостоянію уголка Имперіи, гдѣ впервые, со времени самаго существованія войска этого, явился нынѣ благодатный посѣтитель Царской крови.

Но войско Уральское, среди этого всерадостнаго для каждаго вѣрноподданнаго событія, доказало на дѣлѣ, что оно не умѣетъ вполнѣ цѣнить своего благоденствія, ни высокаго вниманія и милости Царственнаго Посѣтителя, ни ходатайства моего. Государь Наслѣдникъ, оставляя, можетъ быть, навсегда край Оренбургскій, едва успѣлъ вымолвить милостивое, привѣтливое прощальное слово, едва успѣлъ высказать снисходительное спасибо, какъ буйная шайка Казаковъ осмѣлилась, шумливою толпою, остановить среди города вожделѣннаго Посѣтителя, подать

ни кѣмъ не подписанные ябеднические извѣты на мѣстное Начальство свое и умолять притворными слезами, сама не зная о чемъ! Такъ, въ постыдномъ, безъименномъ, подметномъ письмѣ этомъ не заключается ни одного благовиднаго и малѣйше вѣроподобнаго предлога къ подачѣ просьбы: за нелѣпымъ извѣтомъ на Наказнаго Атамана и лично на меня въ лихоимствѣ, въ пользованіи войсковыми рыбными ловлями, слѣдуютъ однѣ только безтолковыя и сбивчивыя, вздорныя жалобы, въ общихъ выраженіяхъ, явно внушенныя частною личностію и происками извѣстныхъ партій, и наконецъ даже жалобы на Высочайшія Государя Императора постановленія и учрежденія.

Дерзкій и злоумышленный поступокъ этотъ свидѣтельствуетъ въ высшей степени неблагодарность и безчестіе просителей. Войско Уральское пользуется такимъ всеобщимъ благосостояніемъ, какого нѣтъ ни въ одномъ изъ другихъ Казачьихъ войскъ; частный достатокъ и войсковые доходы обезпечиваются изобиліемъ промысловъ; Правительство, особенно въ послѣдніе годы, предпочтительно обращало отеческое вниманіе свое на Уральцовъ, а Наказный Атаманъ, посвятивъ себя совершенно на общее благо войска, въ продолженіи шестилѣтняго управленія своего, постоянно и неутомимо боролся съ трудностями на каждомъ шагу, перенося съ терпѣніемъ козни неблагонамѣренныхъ, вразумляя блуждающихъ и легкомысленныхъ и стремясь съ примѣрнымъ усердіемъ къ оправданію довѣренности Государя Императора.

Хотя подача просьбы этой принадлежитъ собственно закоснѣлому въ изувѣрствѣ и безсмысленно строптивомъ духѣ скопищу, но навлекаетъ поруганіе на все войско: благомыслящему большинству цѣлаго сословія предстояла обязанность удержать неблагоразумныхъ просителей, а, въ случаѣ упорства, выдать ихъ головою; но, къ общему стыду и поношенію, старики, пользующіеся въ войскѣ незаслуженнымъ довѣріемъ и уваженіемъ, были первою причиною безпорядка, къ которому не призадумались присоединиться старые Казаки, едва только милостію Государя возвращенные изъ многолѣтней ссылки за подобное, слишкомъ тридцать лѣтъ тому назадъ совершенное, преступленіе.

Я въ то же время донесъ Г. Военному Министру, для доведенія до Высочайшаго свѣдѣнія о происшествіи этомъ, присово-

кування, что немедля отправляюсь лично въ Уральскъ, для примѣрнаго наказанія виновныхъ.

Вина просителей состоитъ въ слѣдующемъ:

1. Шайка буйной вольницы остановила дорожную коляску Его Высочества при выѣздѣ изъ города и, называя себя повѣренными людьми отъ войска, подала Государю Наслѣднику просьбу, въ которой говоритъ: «по данной намъ довѣренности отъ общества,» тогда какъ довѣренности этой ни отъ кого не получала.

2. Просьба содержитъ жалобы на Высочайшія учрежденія и постановленія въ самыхъ дерзкихъ выраженіяхъ и, между прочимъ, домогательство о смѣнѣ Наказнаго Атамана, Высочайше утвержденнаго въ званіи этомъ, какъ осмѣлились выразиться просители, «вопреки старинныхъ войсковыхъ правъ и преимуществъ.»

3. Содержитъ ложные извѣты и ябеднические, нелѣпые, доносы на Военнаго Губернатора, Наказнаго Атамана и Войсковое Начальство.

4. Просьба ни кѣмъ не подписана, а, слѣдовательно, есть не что иное, какъ подметное письмо, нетерпимое законами.

5. Буйные и шумные возгласы толпы, въ присутствіи и послѣ отбытія Государя Цесаревича, сами по себѣ составляютъ уже преступленіе.

Корень и побудительная причина этого поступка заключаются явно въ происках стариковъ, которые всемѣрно противятся полезнымъ и необходимымъ нововведеніямъ, и въ пронырливости нѣкоторыхъ отставныхъ и устраненныхъ чиновниковъ; они, то собственно стараются распространять въ народѣ ложные толки, ропотъ и неудовольсьвіе, изъ личной ненависти къ новымъ и лучшимъ учрежденіямъ.

Но безпорядки подобнаго роду не могутъ быть терпимы; я, приглашаю всѣхъ благомыслящихъ Казаковъ, и въ особенности чиновниковъ, способствовать мнѣ всемѣрно при нынѣшнемъ розыскѣ моемъ и обличеніи преступниковъ: всякое упорство и взаимное укрывательсво можетъ только увеличить число виновныхъ, но не спасетъ ихъ отъ заслуженнаго наказанія. Государю дорогъ воинъ, преданный и вѣрный; но что пользы въ безсмысленной толпѣ, которая дерзко кичится мнимыми правами и преимуществами, и при первомъ удобномъ случаѣ готова соблазниться безумными возгласами неблагонамѣреннаго глашателя? Буй-

ною, строптивою шайкой должно жертвовать для общаго блага и спокойствія, а правые и благомыслящіе обязаны отдѣлиться словами и поступками отъ виновныхъ и преступныхъ. Права и преимущества даются каждому сословію, и измѣняются по волѣ Государя Императора, и всякое Высочайшее постановленіе имѣетъ цѣлію одно только благоденствіе подданныхъ.

И такъ, если бы въ дѣлѣ этомъ открылся духъ общности и единомыслія, то большое число виновныхъ могло бы только увеличить важность преступленія: полкъ, который дозволилъ бы себѣ забыться въ общемъ составѣ и оказать ослушаніе, былъ бы, волею Государя Императора, немедленно уничтоженъ, упраздненъ и разосланъ во всѣ концы; и здѣсь одного слова Его Императорскаго Величества будетъ достаточно для совершеннаго уничтоженія и самаго даже имени Уральскаго Войска и выселенія въ другія мѣста всѣхъ Казаковъ, если бы они оказались недостойными милости и снисхожденія. Найдутся другіе, болѣ преданные, которые займутъ богатыя рыбными промыслами низовья Урала и будутъ благодарными, честными и полезными подданными Царя своего. Еще разъ приглашаю всѣхъ благомыслящихъ устраниться отъ неблагонамѣренныхъ, отказаться рѣшительно отъ всякаго съ ними соучастія, и тѣмъ самымъ дать мнѣ средство отличить праваго отъ виновнаго.

Подлинный подписалъ:

Генералъ-Адъютантъ Перовскій.

Сообщ. Князь В. Н. Баюшевъ.

ЗАМѢТКА

О

КАМЕННЫХЪ БАБАХЪ БЛИЗЪ МОСКВЫ.

Кеппенъ указалъ Обоянскій Уѣздъ, какъ границу распространенія на сѣверъ древнихъ человѣкоподобныхъ каменныхъ изображеній, называемыхъ въ нашихъ южныхъ степяхъ «бабами.» Между тѣмъ извѣстно, что подъ Москвою, именно въ Кунцовѣ, въ имѣніи, принадлежавшемъ прежде Гг. Нарышкинымъ, а нынѣ Гг. Солдатенкову и Солодовникову, находится такое же точно каменное изображеніе. Появленіе его на столь отдаленномъ сѣверѣ объяснялось прихотью барства прошедшаго вѣка, хотя, при отсутствіи всякихъ положительныхъ данныхъ, первоначальное мѣсто нахожденія этой «каменной бабы» въ большомъ отдаленіи отъ усадьбы и парка (болѣе чѣмъ на версту), въ глуши лѣса, на высокомъ холмѣ, или мысѣ, образуемомъ рѣкою Москвою, на, такъ называемомъ, «Проклятомъ Мѣстѣ», гдѣ видны слѣды какого-то древняго кладбища, [1] могло бы нѣсколько ослабить силу этого убѣжденія. Нѣсколько десятковъ лѣтъ эта «каменная баба» Кунцова обращала уже на себя вниманіе просвѣщенныхъ Русскихъ людей и археологовъ; но все это вниманіе ограничивалось лишь созерцаніемъ древняго идола и упорнымъ сохраненіемъ убѣжденія, что онъ перевезенъ сюда съ юга Россіи въ недавнее время. На томъ всѣ и успокоивались, какъ успокоивались на многомъ, какъ успокоивались, на примѣръ, и на мысли, что случайно найденные подъ Москвою и раскопанные Чертковымъ и Нечаевымъ курганы суть случайныя могилы, какіе-то «Татарскіе» курганы, покамѣстъ мнѣ, новому въ Москвѣ человѣку, не пришлось указать, что вся почва Московской Губерніи покрыта густо этими

1

---

[1] Къ сожалѣнію, это, признаваемое по догадкѣ учеными Татарскимъ, кладбище доселѣ, какъ и многое въ окрестностяхъ Москвы, остается не изслѣдованнымъ.

курганами, и что они не случайные, не Татарскіе, а курганы предшественниковъ Славянъ въ здѣшней мѣстности. Такъ точно и въ этомъ случаѣ: никто, сколько мнѣ извѣстно, не полюбопытствовалъ доселѣ дознаться: не сохранилось ли у бывшихъ владѣльцевъ Кунцева какого ни будь письменнаго свѣдѣнія, доказывающаго, что дѣйствительно, по волѣ одного изъ ихъ предковъ, или по какому либо особенному случаю, издалека притащили сюда эту несчастную «бабу», и нѣтъ ли около Москвы другихъ подобныхъ «бабъ»? Спѣшу исправить дѣло, обращаясь нынѣ отъ имени науки къ бывшимъ владѣльцамъ Кунцева съ слѣдующею покорнѣйшею просьбою: не благоволятъ ли они разыскать въ своемъ семейномъ архивѣ какого ни будь письменнаго приказанія ихъ предка времени Екатерины II касательно перевозки съ юга Россіи «каменной бабы», счета, или какого ни будь извѣщенія объ ея доставкѣ въ Кунцево? Однимъ такимъ свѣдѣніемъ они избавили бы нашу науку отъ напрасной потери времени, силъ и издержекъ.

Не сомнѣваясь, что просвѣщенные Русскіе Бояре не оставятъ безъ вниманія этой небольшой просьбы нашей науки, я считаю не лишнимъ замѣтить, что въ окрестностяхъ Москвы найдена еще одна «каменная баба». Именно, въ сельцѣ Зенинѣ (въ сторонѣ, слѣдовательно, прямо противоположной Кунцеву), въ 21 верстѣ на востокъ отъ Москвы, принадлежавшемъ, кажется, Графу Сергѣю Петровичу Румянцеву, потомъ... Дивовой, и нынѣ принадлежащемъ Госпожѣ Шалапутиной, близъ пруда, и гдѣ находится памятникъ Графу Сергѣю Петровичу Румянцову, на небольшомъ холмикѣ одиноко стоитъ себѣ каменная баба нашихъ южныхъ степей. Пріѣзжающіе гулять въ Кусково и Зенино, гдѣ недавно еще помѣщался, замѣчательный по породистому скоту, скотный дворъ, имѣютъ обыкновеніе осматривать, между прочими достопримѣчательностями сельца Зенина, и каменную бабу, но ни кто доселѣ не считалъ нужнымъ заявить наукѣ объ ея существованіи. Меня извѣстилъ о ней знатокъ Московскихъ окрестностей, Лекторъ Французскаго языка и Литературы при Московскомъ Университетѣ, А. П. Гемиліанъ, доставившій и предлагаемое при семъ изображеніе ея, снятое имъ карандашомъ съ натуры въ 1860 г. Размѣры ея на этомъ рисункѣ не вполнѣ точны, но общее впечатлѣніе вѣрно.

Такимъ образомъ мы знаемъ теперь о существованіи подъ Москвою двухъ «каменныхъ бабъ», и при подобныхъ открытіяхъ не можемъ быть увѣрены, чтобы не нашлось здѣсь этѣхъ «бабъ» еще двѣ, три, кромѣ двухъ находящихся уже въ Москвѣ, въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ и въ Румянцевскомъ Музеѣ, привезенныхъ сюда въ 1839 г. изъ Харьковской Губерніи Вадимомъ Пассекомъ, по порученію и при содѣйствіи упомянутаго Общества. Новое данное, предлагаемое нами въ настоящей Замѣткѣ, служитъ, по видимому, къ подтвержденію мнѣнія о перевозкѣ каменной бабы въ Кунцево въ концѣ XVIII, или въ началѣ XIX столѣтія. Братъ Канцлера, Графъ Сергѣй Петровичъ Румянцовъ, какъ любитель древностей и всякихъ курьезовъ, могъ перевезти «каменную бабу» въ Зепино. Подражая ему, и Нарышкинъ могъ перевезти другую «бабу» къ себѣ въ Кунцево. Но въ такомъ случаѣ старики-крестьяне здѣшнихъ мѣстъ помнили бы появленіе около нихъ чудной «бабы»; между тѣмъ, сколько я съ 1857 г. ни распрашивалъ ихъ, сколько ни возбуждалъ въ нихъ воспоминаній касательно диковинной «бабы», не могъ, однако, вызвать что либо путное. «Давно, говорятъ, было,

до нашей памяти.» Но спросите ихъ о курганахъ, они прямо вамъ скажутъ: «Это было, когда Литва находила.» Слѣдовательно, помнятъ, быть можетъ, набѣги Литвы 1612 года, быть можетъ, XV и XIV вѣка; помнятъ времена Екатерины II, по скольку они отразились на окрестныхъ мѣстахъ; до мелочей помнятъ 1812 г. и послѣдующія событія, касавшіяся здѣшнихъ мѣстъ. Какъ бы, кажется, не помнить имъ появленія чудной «бабы» на «Проклятомъ Мѣстѣ?» Когда они были мальчишками, часто должны были заглядываться на это новое явленіе. А между тѣмъ, они не помнятъ появленія здѣсь этой «бабы»... Впрочемъ, быть можетъ, мои распросы были недостаточно тщательны, или неудачны.

Позволю себѣ, въ заключеніе, прибавить еще одну замѣтку, замѣтку касательно «каменныхъ бабъ» вообще.

За весьма малымъ исключеніемъ, почти всѣ онѣ изображаютъ людей типа «прогнатическаго» (съ значительно развитою, выдающеюся нижнею частію лица), отличающагося отъ прочихъ типовъ «прогнатизма» развитіемъ широты лица на счетъ верхней части черепа. Зная, что, не смотря на грубость искуства у младенческихъ народовъ, изображенія ими людей и животныхъ отличаются вообще вѣрною передачею общихъ чертъ типа, мы не можемъ не признать, что въ нашихъ «каменныхъ бабахъ» вѣрно изображены общія черты типа того народа, который ихъ произвелъ. [2] Кто же былъ этотъ народъ? Къ какому времени отнести происхожденіе этѣхъ «бабъ»?

Понимаю, что этотъ, не новый въ наукѣ, вопросъ требуетъ, для рѣшенія его, не легкой замѣтки, а цѣлаго изслѣдованія. Но какъ я не собираюсь окончательно рѣшать вопросъ, и не желаю утомлять моего ученаго читателя повтореніемъ извѣстныхъ ему свѣдѣній и данныхъ, для того только (какъ это за частую дѣлается), чтобы высказать одно, другое, болѣе, или менѣе, своеобразное соображеніе, то и ограничиваюсь скромною за-

---

[2] Профессоръ Богдановъ, въ своей диссертаціи: «Антропологическіе матеріалы для курганнаго племени Московской Губерніи» 1867 г., развивая замѣтку Академика Бера объ одномъ черепѣ Московскихъ кургановъ, доходитъ до крайности въ своемъ стремленіи развить у первожителей Московской Губерній «прогнатизмъ» и «долихоцефализмъ» (см. мою статью въ Чт. Общ. Ист. и Др. Росс. 1869 г., кн. 4.). Почтенному Професору стоило бы найти въ Московской Губерній побольше «каменныхъ бабъ», и онъ вѣрнѣе достигъ бы своей цѣли.

мѣткой. Иное дѣло, если бы соображеніе это заняло науку и послѣдняя потребовала бы представленія не однихъ выводовъ изъ личныхъ изслѣдованій, но нагляднаго сочетанія всѣхъ извѣстныхъ и не извѣстныхъ ей данныхъ, тогда можно будетъ представить и 5 изслѣдованій, начиная каждое, если не отъ Адама, и даже не отъ Авраама съ его отцомъ, то, по крайней мѣрѣ, со свѣдѣтельствъ Византійскихъ писателей и до Записокъ Россійской Академіи Наукъ включительно.

Византійцы, какъ извѣстно, ни чего не говорятъ о «каменныхъ бабахъ» нашихъ степей. Молчатъ о нихъ и Арабскіе писатели. Молчатъ и Русскія свѣдѣтельства древности. Только свѣжій глазъ Европейскаго посла въ Орду въ XIII вѣкѣ замѣчаетъ ихъ здѣсь, какъ давнишнихъ идоловъ, и, хотя не совсѣмъ ясно, но приписываетъ ихъ мѣстнымъ кочевникамъ, Половцамъ. Но не ошибся ли этотъ правдивый вообще путешественникъ? Къ XIII вѣку слѣдуетъ отнести употребленіе въ Придонскихъ и Приволжскихъ степяхъ этихъ идоловъ, или къ болѣе отдаленному времени и, слѣдовательно, признать ихъ не Половецкими? Не простое ли это соображеніе заѣзжаго Европейца, которому Татаре, или даже Половцы, только разсказывали объ этихъ степныхъ идолахъ? Лѣтъ 30 тому назадъ путешественники наши видывали въ степяхъ Цыганъ, «творящихъ игрищи поганьскыя» вокругъ «каменныхъ бабъ.» Цыгане видѣли въ этихъ каменныхъ изображеніяхъ не только просто людей, по чему-то окаменѣвшихъ, но существъ близкихъ ихъ духу, предковъ своихъ, родственныя ихъ божества. Вотъ какъ мало младенцы-народы знакомы съ Антропологіею! Имъ достаточно встрѣтить родную ихъ духу обстановку, родную имъ степень скульптурнаго искуства, чтобы принять изваянную обезьяну за своего окаменѣвшаго предка. Здѣсь дѣйствуетъ тотъ же законъ, какъ у нашего простолюдина и старообрядца, смотрящаго съ подобающимъ почтеніемъ только на тѣ иконы, гдѣ лики Святыхъ изображены по извѣстному стилю и, главное, не похожи на обыкновенныхъ людей. Развѣ Половцы, блуждая по нашимъ степямъ, не могли также, какъ Цыгане, признать эти каменныя изображенія за своихъ идоловъ?

Половцы прибыли къ намъ изъ за Волги, во время господства уже въ Россіи и Средней Азіи, такъ называемаго, желѣзнаго вѣка. Между тѣмъ, всматриваясь въ украшенія, изображаемыя

на «каменныхъ бабахъ», мы не рѣдко встрѣчаемъ украшенія стиля чисто мѣднаго (бронзоваго) вѣка, могущія объяснять употребленіе той, или другой, вещи. Такъ, на пр., груди нѣкоторыхъ «бабъ» прикрыты двойнымъ плоскимъ завиткомъ, совершенно подобнымъ тѣмъ, какія находятъ въ Западной Европѣ въ могилахъ бронзоваго вѣка и употребленіе которыхъ можно было объяснять различно. На одной изъ «бабъ», помѣщающихся во дворѣ Харьковскаго Университета, я замѣтилъ тоже такое украшеніе, и полагаю не возможнымъ считать это за попытку грубаго ваятеля изобразить возвышенія груди, тѣмъ болѣе, что изображена здѣсь и линія проволоки, соединяющая оба завитка. То же замѣчаемъ мы въ изображеніяхъ браслетовъ и проч. Далѣе, въ одномъ изъ изслѣдованныхъ мною по верховьямъ Донца кургановъ, въ большомъ курганѣ, совершенно подобномъ тѣмъ, на которыхъ стоятъ «бабы», я нашелъ, при горшкахъ съ удлиненнымъ горлышкомъ, признаки чисто бронзоваго вѣка. Наконецъ, въ Харьковской, Полтавской, Екатеринославской и Херсонской Губерніяхъ, а равно и вверхъ по Днѣпру, мы находимъ, въ огромномъ количествѣ и разнообразной формы, мѣдныя стрѣлы—свѣдѣтелей мѣднаго вѣка тамошнихъ мѣстъ. [3]

Сколь ни скудны эти данныя, но все таки они даютъ право относить происхожденіе «каменныхъ бабъ» къ тому времени, когда у народа, производившаго ихъ, господствовалъ (по крайней мѣрѣ, относительно украшеній) вкусъ бронзоваго вѣка; а у Половцевъ онъ едва ли уже могъ сохраниться; въ Россіи, слѣдовательно, они, или, по крайней мѣрѣ, нѣкоторая часть ихъ, не могутъ быть признаваемы за Половецкія: это произведенія болѣе отдаленнаго времени, чѣмъ время появленія Половцевъ въ нашихъ степяхъ. Впрочемъ, нужно принять и то въ соображеніе, что однажды созданный художественный типъ младенческіе народы повторяютъ со всѣми подробностями, совсѣми принадлежностями, въ теченіе

---

[3] Г. Мурзакевичъ, на Археологическомъ съѣздѣ въ Москвѣ 1868 г., высказалъ мнѣніе, что большую часть этѣхъ стрѣлъ должно признать за стрѣлы Греческаго происхожденія. Но такой же точно работы стрѣлы мы встрѣчаемъ не только въ Литвѣ и подъ Москвою, но даже въ Пермской Губерній и на Алтаѣ, куда произведенія Греческаго искуства не могли заноситься въ большомъ количествѣ.

многихъ сотенъ лѣтъ такъ же рабски, какъ наши древніе иконописцы слѣдовали «Подлинникамъ.»

Доселѣ, сколько мнѣ извѣстно, не изслѣдованъ тщательно камень, изъ котораго сѣчены этѣ «бабы»: принадлежитъ ли онъ къ породамъ, встрѣчающимся на поверхности нашихъ степей, или привозный? Всѣ этѣ «бабы», сколько могу судить, сѣчены изъ камня одной породы.

А. Гатцукъ.

1870 г., Іюля 24.
Москва.

МОЛЕЛЬНАЯ

ПРИ ЦЕРКВИ МАРІИНСКАГО ДВОРЦА ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Моленъ, этѣхъ маленькихъ національныхъ галерей, мы имѣемъ у себя сравнительно немного. Честь собранія того, что мы имѣемъ, за немногими исключеніями, принадлежитъ нашему купечеству и достаточному крестьянству; наше передовое сословіе составляло себѣ галерею исключительно изъ произведеній иностранныхъ художниковъ. Такова въ высшей степени замѣчательная молельня при домовой церкви Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Маріи Николаевны. Эта молельня помѣщается около домовой церкви, построенной въ Византійскомъ стилѣ и вмѣщающей въ себѣ два креста, относящіеся къ роду тѣхъ, о которыхъ Мартиньи говоритъ: «Нѣкоторые кресты высочайшей древности украшены на ихъ оконечностяхъ четырьмя Евангельскими животными.» [1]

Если же въ этой молельнѣ, выражаясь языкомъ древней Руси, нѣтъ ничего мрачнаго и зачадѣлаго, нѣтъ иконъ съ Греческими или подробными подписями, въ которыхъ нуждалась несовершенная живопись Греческихъ и Этрурскихъ вазъ, Римскихъ катакомбъ, Древне-Христіанскихъ мозаикъ, какъ и наша Новогородская иконопись, то, съ другой стороны, въ ней найдется много прекрасныхъ образцовъ того лучшаго, до чего въ своемъ искуствѣ дошла наша древняя иконопись. Она можетъ познакомить съ однимъ изъ прекрасныхъ образцовъ того Византійскаго вліянія, которое до позднѣйшаго времени сохранялось даже иногда и въ дурно намалеванномъ типѣ Ангела. Икона эта, около 4-хъ вершковъ вышиною и 3-хъ шириною, въ серебряномъ окладѣ, представляетъ Троицу подъ видомъ Ангеловъ. Ангельскія фигуры отличаются очень тщательной отдѣлкой, сохраняя изящные типы стараго Греческаго письма и напоминая собой извѣстную Гре-

---

[1] Dictionnaire des antiquités chrétiennes, par Martigny. 1865 г., стр. 251.

ческую икону Троицкой Лавры. Классическія головки Ангеловъ убраны красными тороками. Одежа ихъ писана въ два цвѣта, темный и красный. На правой сторонѣ иконы представлены узорчатыя палаты, а на лѣвой гора съ бѣлыми уступами и черпаго цвѣта растеніями. Тщательная отдѣлка всей иконы и живописности красокъ заставляетъ любоваться собою любителя и возбуждаетъ сожалѣніе о томъ, что иконѣ даны такіе малые, а не величественные, размѣры. На оборотной сторонѣ иконы сдѣлана надпись: «Отъ Ея Величества, 10 Сентября, 1851 года.»

Если эта молельня не имѣетъ цѣлаго иконостаса, этой Христіанско-Русской иконописной паэмы, за то въ ней есть одна изъ важнѣйшихъ частей этой паэмы—царскія двери. Подобно барельефамъ Древне-Христіанскаго саркофага, представляющимъ иногда цѣлую Христіанскую поэму, подобно входнымъ дверямъ храма, иногда изображающимъ какую ни будь часть поэмы Библейской, наши внутреннія царскія двери, съ своими иконописными предметами, должны представлять что ни будь цѣлое. Какъ что-то составляющее цѣлое, онѣ обыкновенно вывѣшиваются на стѣнахъ сельской церкви, когда ихъ замѣняютъ въ иконостасѣ новыми. Однѣ двери молельни $2^1/_2$ аршина вышиною (съ сѣнью или кивотомъ) и аршина 5 вершковъ шириною, скругленныя сверху и утвержденныя на тоненькихъ столбикахъ. На этихъ же столбахъ утверждена сѣнь, въ срединѣ которой изображена Троица несимволически: Богъ Отецъ, на колѣнахъ у него Христосъ, который держитъ Св. Духа. По ту и другую сторону Троицы изображено пріобщеніе подъ двумя видами. Подобное же изображеніе пріобщенія встрѣчается въ той же молельнѣ на подобной же сѣни отъ неизвѣстныхъ вратъ, написанное грубѣе и на полотнѣ, а не на деревѣ. На самыхъ дверяхъ вверху изображено Благовѣщеніе передъ зданіемъ съ прялкой. Архангелъ, благословляя Богородицу, стоитъ съ жезломъ, на верху котораго цвѣтокъ, а внизу трезубецъ. На тѣхъ же дверяхъ ниже изображены 4 Евангелиста съ Евангельскими знаками на верху. На узенькихъ столбикахъ, одинъ надъ другимъ, представлены Вселенскіе учители, какъ главные установители богослуженія: Василій Великій, Григорій Богословъ, Іоаннъ Златоустъ и Николай Чудотворецъ. На тѣхъ же столбахъ, на сторонахъ, обращенныхъ къ вратамъ, изображены, какъ помощники при совершеніи богослуженія, Діаконы: Фи-

липõъ, Лаврентій, Стефанъ и Аммонъ. Сличая всѣ иконописные предметы нашихъ царскихъ вратъ съ мозаиками Кіево-Софійской церкви, мы пришли къ тому заключенію, что первые прямо были заимствованы изъ послѣднихъ, на которыхъ мы встрѣчаемъ уже и Благовѣщеніе, раздѣленное на два отдѣльные рисунка, и пріобщеніе подъ двумя видами, и Евангелистовъ и Вселенскихъ Учителей и Діаконовъ (Записки Импер. Аркеол. Общ. т. VIII: Кіевскіе мозаики). Нужно замѣтить, что на описываемыхъ нами вратахъ нѣтъ той мѣстной особенности, которая уже выработалась Москвой, въ храмахъ которой, какъ въ Благовѣщенскомъ соборѣ, внесены въ общую картину царскихъ вратъ и Московскіе первосвятители. Предоставляя спеціально занимающимся изслѣдованіемъ объ иконостасахъ возсоздать цѣлую и стройную поэму нашихъ царскихъ вратъ, мы скажемъ нѣсколько словъ о технической сторонѣ описываемыхъ нами. Иконопись на нихъ отличается правильнымъ рисункомъ, но фигуры Святителей и Діаконовъ слишкомъ длинны и узки, какъ и самые столбы, на которыхъ они написаны. Господствующими цвѣтами являются: желтый, красный и темнозеленый, но на ризахъ Святителей крестами и кружками черный съ бѣлымъ цвѣтомъ. Какъ изображеніе Благовѣщенія, такъ и Евангелистовъ, обставлено вычурными палатами и горами. Діаконы представлены въ плащахъ по Древне-Христіанскому обычаю.[1] Если описанныя нами двери прежде находились въ какомъ ни будь общественномъ храмѣ, за то другія, вѣроятно, были въ какой ни будь домовой маленькой церкви, судя по ихъ размѣрамъ. Какъ извѣстно, и въ общественныхъ храмахъ древней Руси размѣры царскихъ дверей были до того малы, что священнодѣйствующіе должны были наклонять голову, чтобы проходить въ нихъ: таковы и до сихъ поръ существующія двери въ придѣлѣ собора Богородицы при Благовѣщенскомъ соборѣ. Царскія двери въ древней Руси были также малы, какъ и внутреннія двери въ домахъ Боярскихъ. Въ послѣднихъ онѣ напоминаютъ проходы въ норы, гнѣзда и логовища. Да и откуда могла выработаться величественность, когда основнымъ типомъ нашего Древне-Русскаго храма была обыденка? Описываемыя нами царскія двери своею величиною меньше тѣхъ, которыя находятся въ упо-

---

[1] Dictionnaire des ant. chrét., стр. 207.

мянутомъ предѣлѣ Благовѣщенскаго собора: онѣ $1^1/_2$ арш. и $1^1/_2$ верш. вышиною и $^3/_4$ арш. шириною. Верхъ ихъ также вырѣзанъ дугою; сходствуя въ своихъ изображеніяхъ съ описанными выше, онѣ не имѣютъ при себѣ ни столбовъ, ни кивота, но за то отличаются живописностью, яркими красками. Господствующая краска въ нихъ малиновая. Евангельскіе знаки писаны на нихъ темномалиновымъ цвѣтомъ. Писанныя на тонкомъ полотнѣ, онѣ покрыты басмянною прозрачною рязой, изъ подъ которой просвѣчивается малиновая фольга. Въ заключеніе описанія царскихъ дверей не можемъ не сказать того, что хотя изображеніе Благовѣщенія на двухъ отдѣльныхъ доскахъ и составляетъ исключительную особенность въ нашей иконописи, но нельзя сказать того, чтобы то же не встрѣчалось въ Западной живописи.

Теперь перейдемъ къ описанію деревяннаго троптиха, котораго каждая часть въ $4^1/_2$ вершка вышиною и 4 шириною. На средней доскѣ, въ верху, въ кругломъ ореолѣ, покрытомъ Херувимами и окруженномъ Евангельскими знаками, изображена Троица: сидящій съ распростертыми руками Богъ Отецъ имѣетъ у себя на колѣняхъ Сына, а надъ ними обоими Духъ Святой. Ниже идутъ ряды Апостоловъ и Равноапостольныхъ, въ числѣ которыхъ Св. Владиміръ и Ольга. На правой доскѣ складня идутъ иноки, рядъ которыхъ начинается Антоніемъ и Өеодосіемъ Печерскими. Третій рядъ той же доски начинается Княземъ Всеволодомъ съ церковью въ рукахъ, такъ какъ онъ былъ строителемъ Троицкаго собора въ Псковѣ, какъ на древнихъ мозаикахъ какой ни будь Папа, строитель церкви, подобно тому, какъ въ одной Франкфуртской церкви (Liebfrauen Kirche), основатель ея въ барельефѣ изображенъ съ церковью въ рукахъ. За Всеволодомъ слѣдуютъ: Михаилъ и Константинъ, Глѣбъ и Борисъ и Царевичъ Димитрій. Послѣ нихъ уже слѣдуютъ: Леонтій Ростовскій, Митрополитъ Филиппъ и Іона, Епископъ Никита. На лѣвой доскѣ складня изображены пустынножители, между которыми: Зосима и Савватій, Александръ Свирскій, Сергій Родонежскій, Варлаамъ Хутынскій, Евфросимъ Псковскій, Кириллъ Бѣлозерскій. Изъ этого описанія ясно, что этотъ древній складень отличается сильнымъ преобладаніемъ національныхъ Святыхъ. Мало того, въ самой постановкѣ Русскихъ Святыхъ впереди, какъ Святаго Владиміра, Антонія Печерскаго, Зосимы Соловецкаго, Всеволода Псковскаго замѣтно

нѣкоторое патріотическое увлеченіе. Что же касается до постановки Князя Всеволода раньше Бориса и Глѣба, предшествующихъ ему по порядку времени, раньше Михаила и Константина, которые могутъ стоять выше его по значенію, то не указываетъ ли это на первоначальный Псковскій переводъ этого складня? Но сколько ни представляетъ національнаго интереса означенный складень, къ сожалѣнію, въ цѣломъ онъ не имѣетъ ни какого драматическаго движенія. Ряды фигуръ, основной типъ которыхъ составляютъ наши иконописные святцы, стоятъ, правда, благоговѣйно, ни слишкомъ молчаливо, смиренно, ни слишкомъ покойно. Не придано ни какого общаго драматическаго движенія цѣлой иконѣ. Нашъ иконостасъ, взявшій себѣ за основу мозаики древняго абсида или тріумфальной арки, не отбросивъ лирическое молитвенное положеніе, съ которымъ являются на древнихъ мозаикахъ Папы, и не выработавъ драматическаго движенія для общей картины, какъ на мозаикѣ абсида церкви Св Пуденціаны въ Римѣ, онъ удержалъ только эпическое представленіе съ обращеніемъ къ срединѣ иконостаса, какъ, на пр., на мозаикѣ тріумфальной арки Богородицы (in Domnica) въ Римѣ, заимствовавъ самые предметы иконостаса съ Кіево-Софійскихъ мозаикъ, тщательнымъ сличеніемъ съ которыми и долженъ заняться желающій основательно изучить наши иконостасы. Письмо нашего складня отличается поразительною мелкотою, такъ что безъ увеличительнаго стекла довольно трудно разсмотрѣть лица фигуръ, а тѣмъ болѣе подписи, которыя находятся при каждой фигурѣ. Разсматривая эту и подобныя ей иконы, вы какъ будто читаете иллюстрированную книжку, по которой можно обучаться незнающему и неграмотному. Главный фонъ складня золотой. Господствующими цвѣтами красокъ являются темнозеленый и малиновый. Лица фигуръ сдѣланы съ отбѣлами. Вокругъ всего складня бордюромъ по зеленому полю идутъ золотые листья.

Какъ новый примѣръ того, какъ національный элементъ проявлялся и высказывался въ Русской иконописи, мы опишемъ изъ той же молельни икону Владимірской Богородицы, представляющую нѣкоторую особенность перевода. Эта икона въ $^3/_4$ арш. вышиною и шириною, съ надписью вязью на верху: «Образъ Пресвятыя Богородицы Владимирскія.» Богородица изображена по обычаю этого перевода, стоящею со свиткомъ въ рукѣ, на

которомъ слѣдующая подпись: «Владыко Вседержителю, Сыне и Боже мой, приклони ухо твое святое, вонми вопіющу къ сильному ти благоутробію припадающу, помилуй Владыко, градъ сей Смоленскъ и святую обитель сію и Князя и вся Праславные Хрестіане, нарицающе твое имя.» Такимъ образомъ этотъ новый переводъ иконы, покровительницы города Владиміра, былъ вызванъ однимъ изъ бѣдствій, постигшихъ городъ Смоленскъ. Фигура Богородицы возвышается передъ толпою молящихъ, которые состоятъ уже не изъ двухъ, трехъ, лицъ, не изъ семейной группы, до изображенія чего дошла и Новѣгородская иконопись, а какъ бы изъ представителей всего общества, довольно удачно сгруппированныхъ въ 3 ряда. Евѳимій, покровитель Суздальской области, Варлаамъ, покровитель Новогородской, прежде враждовавшей и не соединявшейся съ первою; тутъ и Царь въ коронѣ, и Бояринъ, и Царица съ отроками, и старики, и молодые, монахи и монахини, женщины и дѣти, въ одеждахъ Боярскихъ и простой чади. Но эта общественная просьба какъ бы усиливается представителями всей Руси, размѣщенными на поляхъ иконы: Антоніемъ и Ѳеодосіемъ Печерскими, Сергіемъ Радонежскимъ, Никитой Переяславскимъ, Леонтіемъ Ростовскимъ, Никитой и Ефремомъ Новогородскими, Евфросимомъ Псковскимъ. Что касается до технической стороны, то икона отличается и правильностью рисунка, и групировкою, и живостью красокъ, хотя нѣтъ пропорцій въ отношеніи фигуры Богородицы къ прочимъ, изображеннымъ на иконѣ. Фонъ иконы желтый, нѣсколько переливающій въ золото. Отроки написаны въ бѣлой одеждѣ, женщины въ свѣтлыхъ одеждахъ, одна въ красной, одна представлена въ темной. Ноги Богородицы написаны обутыми въ красные башмаки.

Съ типомъ Іоанна Крестителя, получившимъ по нѣкоторымъ принадлежностямъ особенность въ Восточно-Русской иконописи, молельня знакомитъ въ двухъ экземплярахъ. Одинъ образъ Іоанна Крестителя 7 верш. вышиною и 6 шириною, въ серебряномъ окладѣ. Іоаннъ Креститель изображенъ съ крыльями. Въ лѣвой рукѣ онъ держитъ чашу съ головою и свитокъ, а правою благословляетъ. Иконопись Западная представляетъ вмѣсто этого дискъ съ ягненкомъ, какъ на мозаикѣ Флорентійскаго баптистерія, или книгу, на которой агненокъ, какъ у Gondolfino изъ школы Верцел-

ли. [3] Внизу иконы, съ лѣвой стороны, изображено дерево, подъ которымъ лежитъ сѣкира. Лице Крестителя писано съ отбѣлами. Отбѣлами сдѣланы и складки на его одеждѣ. Самая же одежда писана темнокоричневою краскою. Крылья Крестителя сдѣланы красною краскою съ золотыми линіями. Другой образъ Крестителя $3\frac{1}{2}$ верш. вышиною, въ $2\frac{1}{2}$ шириною, писанъ на холстѣ, наклеенномъ на доску. Главный фонъ образа золотой. Хотя позой своей фигура Крестителя нѣсколько напоминаетъ положеніе своего туловища во время усѣкновенія его главы на нашихъ иконописныхъ изображеніяхъ, но фигура его отличается очень тонкою и тщательною отдѣлкой. Лице Крестителя темнокоричневаго цвѣта. На лицѣ есть тѣни, борода очень тщательно завита. Верхнее платье темнозеленое, а исподнее красное. Въ положеніи одежды есть драпировка и видна забота о складкахъ.

Молельня имѣетъ одну икону, какъ образецъ рельефной. Она 8 верш. вышиною и 6 шириною, въ серебряномъ окладѣ и изображаетъ Благовѣщеніе. Но она не принадлежитъ къ роду Сибирскихъ рельефныхъ иконъ, въ которыхъ выпуклость производится самыми красками. Та небольшая выпуклость, которая, на пр., встрѣчается на одной иконѣ отдѣленія Христіанскихъ Древностей при Румянцевскимъ Музеѣ, а также на другой, находящейся въ Романовскихъ палатахъ, имѣетъ сходство съ тѣми рельефами, которые встрѣчаются въ живописи старой Итальянской школы, какъ у Ваварини, на пр., въ его картинѣ: «Поклоненіе волхвовъ,» гдѣ рельефомъ сдѣланы сбруя, ошейникъ, вѣнцы и крылья, [4] и какъ во многихъ произведеніяхъ школы Вергелли. Описываемая нами рельефная икона ближе подходитъ къ тѣмъ рѣзнымъ иконамъ, которыя, черезъ Псковъ, съ 1540 года, начали распространяться по Россіи въ видѣ деревянныхъ рѣзныхъ статуетокъ, представлявшихъ Николая Чудотворца, Св. Георгія, Параскеву Пятницу, Св. Ольгу, Св. Гавріила, рѣзную плащаницу, что уже теперь собрано въ Петербургѣ, или какъ Христа въ темницѣ съ воинами передъ шкафомъ и моленіемъ о чашѣ на верху, [5] или какъ рѣзное снятіе со креста [6] и т. д. Но въ этомъ родѣ рѣзныхъ иконъ

---

[3] Въ Туринской Пинакотекѣ № 41.

[4] Въ Берлинскомъ Музеѣ.

[5] Въ церкви села Чернева Каширскаго Уѣзда.

[6] Въ церкви Спаса въ Журавляхъ Каширской Уѣзда Тульской Губерніи.

есть складни, въ которыхъ фигуры рѣзныя не отдѣляются отъ доски, какъ это видимъ въ одномъ складнѣ Распятія и въ другомъ изображеніи Св. Николая. [7] Описываемая нами икона подходитъ къ ряду именно этихъ складней. На ней Богородица изображена сидящею и покрыта зеленою краскою, а Архангелъ изображенъ въ красномъ одѣяніи. Икона эта, какъ и большая часть рѣзныхъ этого рода, довольно грубой работы.

Но между иконами этой молельни встрѣчается одна такая, которая, по своему предмету, представляетъ очень рѣдкое явленіе въ нашей иконописи, сообщая иконописному предмету много нѣжности, низводя высокія Божескія силы до нѣкотораго чувства человѣческой слабой природы и дѣтской боязни. Такова икона 7 верш. вышиною и 6 шириною, изображающая Архангела съ крестомъ въ рукахъ. Онъ стоитъ передъ Богородицей, у которой на правой рукѣ Христосъ младенецъ. Послѣдній какъ бы съ испугомъ смотритъ на крестъ, отвертываясь отъ него плечомъ (отпрянулъ) и держа въ правой рукѣ свитокъ. Идея этой иконы, безъ сомнѣнія, та, что Христосъ прозрѣваетъ, глядя на крестъ, свои будущія страданія. Но въ этой иконѣ онъ является не недреманнымъ окомъ, покойно прозрѣвающимъ свои будущія страданія, а человѣчески, боязливо предчувствующимъ ихъ. Это движеніе, приданное младенцу, по оттѣнку своей мысли, скорѣе идетъ къ Западному искуству, въ которомъ мы встрѣчаемъ иногда передъ Христомъ десятки Херувимовъ, которые держатъ орудія страданій. На землѣ между Богородицей и Ангеломъ стоитъ зеленый съ золотомъ цвѣтокъ, обыкновенный при Благовѣщеніи въ Западной живописи. Не это ли подало поводъ кому-то сдѣлать подпись на задней сторонѣ этой иконы: «Благовѣщеніе Пресвятыя Богородицы.» Но тутъ же встрѣчается и другая подпись: «Пострадати и распяту быти и въ третіи день воскреснути.» Цвѣтъ лицъ у фигуръ темнокоричневый. Архангелъ изображенъ въ одеждѣ краснаго цвѣта съ темнозеленымъ исподомъ, съ золотыми крыльями и отбѣлами на лицѣ. Богородица изображена въ красномъ верхнемъ платьѣ съ темнымъ исподомъ.

Какъ образецъ такихъ произведеній нашей древней иконописи, которымъ не молились, а которыя только служили назида-

[7] Въ той же церкви села Черцева.

ніемъ, молельня имѣетъ одну доску $^3/_4$ аршина вышиною и $1^1/_2$ шириною, раздѣленную линіями на три части, въ которыхъ помѣщаются и отдѣльные предметы. На правой сторонѣ доски изображено сотвореніе міра и грѣхопаденіе, въ срединѣ изображено видѣніе Іоанна списателя лѣствицы. Какъ тотъ, такъ и другой, предметъ равно встрѣчаются и въ Западной живописи. Образецъ послѣдняго предмета можно видѣть въ Болонской пинакотекѣ. На лѣвой сторонѣ доски вверху представлена подъ сѣнію трапеза, за которою сидятъ мужчина и женщина, которымъ прислуживаетъ юноша въ красной одеждѣ и въ шапкѣ. Въ противоположность этой сценѣ внизу представлено, какъ Христосъ благословляетъ монаха въ кельѣ и монашескую трапезу. Иконопись сдѣлана на полотнѣ. Господствующимъ цвѣтомъ является темнокоричневый. Хотя письмо далеко не живописное, за то рисунокъ довольно правиленъ и отчетливъ.

Нельзя не упомянуть также о нѣкоторыхъ иконахъ этой молельни, которыя или своимъ предметомъ, или именами самыхъ иконописцевъ, представляютъ новыя данныя для исторіи Русской иконописи. Такова икона: «Единородный сыне слово Божіе,» 7 верш. длиною и 6 шириною, по рисунку сходная съ сдѣланнымъ въ «Сборникѣ Общества Древне-Русскаго Искуства на 1866 годъ,» но по подписямъ ближе подходящая къ рисунку, изданному Даженкуромъ, т. е., съ главною подписью: «Единородный сыне и слово Божіе,» и т. д., и: «Воззоветъ (вм. взыде) Господь отъ Сіона и глагола отъ Іерусалима.» [8] На двухъ иконахъ этой молельни я встрѣтилъ подписи. Одна изъ нихъ $6^1/_2$ верш. вышиною и 5 шириною, изображающая Василія Великаго и Василія Блаженнаго, съ темнокоричневымъ цвѣтомъ тѣла и съ подписью на оборотной сторонѣ доски: «Сія икона изуграфа Филона Антонова его чести Попова,» котораго имя не встрѣчается въ «Словарѣ иконописцевъ,» Г. Ровинскаго. Другая икона $8^1/_2$ верш. вышиною и $7^1/_2$ шириною въ окладѣ и съ вѣнцами, представляющая: Князя Петра, Февронію, Александра Свирскаго, Преподобнаго Авраамія, Князя Александра, случайно соединенныхъ, вѣроятно, по желанію заказчика, и написанныхъ съ отбѣлами на лицахъ, бородахъ и одеждѣ, имѣетъ на лицевой сторонѣ своей подпись:

---

[8] Въ статьѣ Ѳ. И. Буслаева: «Общія понятія о Русской иконописи,» стр. 12.

«Лѣта 7195 (1685) писалъ изографъ Мак. (Максимъ) Фед. (Федоровъ).» Перечисляя Царскихъ иконописцевъ, Д. А. Ровинскій приводитъ имя иконописца Максимова, и указываетъ его работы образъ Алексѣя Митрополита съ видомъ Кремля и съ подписью самого иконописца, помѣтившаго свое произведеніе 1686 годомъ. Быть можетъ и тотъ и другой образъ писаны однимъ и тѣмъ же иконописцемъ, но, благодаря описываемой нами молельнѣ, получается новый экземпляръ произведенія того же иконописца, да при томъ самъ иконописецъ пріобрѣтаетъ другую фамилію, вмѣсто Максимова — Максимъ Өедоровъ.

Изъ сдѣланнаго нами, хотя и краткаго, описанія становится яснымъ, что по описываемой нами молельнѣ можно познакомиться почти со всѣми тѣми итогами, которыхъ достигла наша древняя иконопись.

Въ заключеніе намъ остается только пожалѣть о томъ, что мы не воспользовались описаніемъ остальныхъ иконъ, находящихся въ этой молельнѣ, и которыя, можетъ быть, привели бы насъ еще къ нѣкоторымъ соображеніямъ и доставили нѣкоторыя новыя данныя для исторіи Русскаго искуства.

Иванъ Некрасовъ.

Москва.
1867 года, Апрѣля 1.

---

[1] Исторія Русскихъ школъ иконописанія, стр. 161.

МОСКОВСКІЙ МИТРОПОЛИТЪ

ФИЛАРЕТЪ

ВЪ ПИСЬМАХЪ СВОИХЪ КЪ РАЗНЫМЪ ЛИЦАМЪ.

Здѣсь видны разнородныя и всегда искреннія отношенія миролюбиваго Филарета къ лицамъ, болѣе или менѣе, близкимъ ему; здѣсь, сверхъ Христіанскихъ совѣтовъ и богословскихъ указаній, сверхъ одобрительныхъ отзывовъ и замѣчаній, не всегда мягкихъ, особенно же по служебнымъ дѣламъ, встрѣчаются и отвѣты на вопросы, не только въ его время возникшіе, и послѣ него вновь возбужденные, но (какъ бы по предчувствію) и вообще на современные, по сей часъ поднимаемые, вопросы. Здѣсь частію обрисовывается высокая личность великаго мужа. То строгій, непреклонно взыскательный Архіерей, то снисходительный къ немощи человѣческой пастырь, онъ внушалъ и страхъ и любовь. То глубоко ученый проповѣдникъ и богословъ, то вполнѣ просвѣщенный классикъ, онъ былъ блюстителемъ и охранителемъ религіи, науки, словесности, чистоты Русскаго языка. То съ высоты первосвятительскаго сана поражаетъ величіемъ духа и прозорливостію, то, углубясь въ себя и въ непокидавшую его мысль о суетѣ суетствій, удивляетъ глубиной своего смиренія, самоумаленія, самоуничиженія. То, утомясь трудомъ самообладанія, какъ бы невольно предается сродному его мирной душѣ веселонравію и сыплетъ бисеръ остроумія, не безъ жалостной и укорительной порою улыбки къ пробудившимъ его многознаменательную веселость своими странными словами, или неразумными письмами. Онъ снисходилъ къ маловѣдѣнію и ограниченности понятій, и терпѣливо выслушивалъ мелкіе, дѣтскіе даже, вопросы; но гордая самонадѣянность, тщеславіе, самовозвышеніе, вызывали его тонкую иронію. Не любилъ онъ и ревности не по разуму, что особенно видно изъ совѣтовъ его Игуменіямъ и не Игуменіямъ,

т. е., свѣтскимъ послушницамъ. Онъ постоянно удерживалъ въ дѣлѣ Вѣры каждаго отъ увлеченій, пытливости, рвенія не по силамъ и чаянія чудесъ тамъ, гдѣ желаемое и молимое можетъ совершиться естественно, на пр., исцѣлѣніе. Не менѣе того онъ и остерегалъ, разумѣется, отъ невѣрія въ силу Божію, т. е., отрицанія чудесъ: «Есть ли худо провозглашать вымышленное чудо (сказано имъ въ одномъ изъ писемъ его), худо также не признавать и дѣйствительнаго исцѣлѣнія.»

Любя ближняго, своихъ кровныхъ, свою родину, свое отечество, онъ особенно любилъ Москву и свое духовное сословіе. «Я (написалъ онъ, между прочимъ, В. М. Нарышкиной) люблю въ Господѣ Московскихъ моихъ отцевъ, братій и сестеръ, полною мѣрою любви, какая вмѣстительна моему недостоинству, и желаю имъ благословенія Божія обильнѣйшаго, нежели какое я испросить могу, но такого, какое Господь, по преизбыточествующей благости своей, даровать можетъ, и какое они вѣрующею душею принять могутъ. Не именую никого, а желаю, чтобы имена ихъ, коихъ память моя часто теряетъ, а сердце опять находитъ, были неизгладимы въ книгахъ животныхъ.» И послѣ такихъ трогательныхъ, задушевныхъ словъ голосятъ иные, что онъ сухъ и холоденъ!.. Какъ горячи и любовны должны быть таковые глашатаи!..

Чтобы не пестрить этѣхъ выписокъ ссылками на повременныя и отдѣльныя изданія, которыми я главнѣйше пользовался, укажу на: «Чтенія въ Московскомъ Обществѣ Любителей Духовнаго Просвѣщенія (ихъ вышло доселѣ 10 книгъ), на «Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ,» на «Душеполезное Чтеніе,» на «Письма къ Рязанскому Архіепископу Гавріилу, въ тѣхъ же «Чтеніяхъ» и отдѣльно, на «Письма къ А. Н. М.»

1. Къ В. М. Нарышкиной.

На что бранить? Но кто дѣлаетъ и говоритъ: «Не брани!» тотъ могъ бы не дѣлать, и тогда не было бы нужно уговаривать, чтобъ не бранили.

Рясы цвѣтной мнѣ не хочется. Не цвѣтущее время. Вамъ да подастъ ризу свѣтлу и нетлѣнну Одѣяйся свѣтомъ, яко ризою.

Надлежало бы болѣе трудности находить въ томъ, чтобы судить людей, нежели въ томъ, чтобы смотрѣть на нихъ просто, какъ смотрятъ на колеблемыя вѣтромъ дерева, или на текущую рѣку; но видно и въ томъ есть трудность, чтобы не судить. Что же дѣлать? Надобно учиться постепенно, сперва осуждать себя за осужденіе ближнихъ, потомъ удерживаться отъ осужденія словомъ, когда мысль на то подвигнется, далѣе удерживать самую мысль. Кто довольно знаетъ и судитъ себя, тому недосужно судить другихъ. Все же благое пріобрѣтается подвигомъ, признаніемъ своей немощи и помощію Божіею, которая да будетъ съ Вами!

Напишите Екатеринѣ Владиміровнѣ, [1] что я принимаю ея порученіе, чтобы облегчить ее отъ заботы о Новоспаскомъ, [2] и дать ей свободу заботиться о томъ, что болѣе на потребу. А естьли Богъ такъ устроитъ, что ей послѣ меня, а не мнѣ послѣ ея, можно будетъ исполнять порученіе, то я прошу ее просить мнѣ сколько нибудь мирнаго мѣста тамъ, куда здѣшній Градоначальникъ ни запретить, ни открыть пути не можетъ.

Подлинно часто блещетъ около Васъ серпъ жатвы. Что жь? Пусть идутъ добрыя зерна въ житницу Господню. Смотря на сіе, мы не должны сохнуть безъ пользы, а лучше расти и зрѣть, сколько можно, пока долготерпѣливый серпъ насъ обходитъ... Да откроетъ Вамъ Господь въ сердцѣ книгу молитвы, къ которой внѣшнія книги суть приготовленіе и руководство и которая одна родила всѣ внѣшнія и молитвенныя книги чрезъ уста Святыхъ, а открывается она именемъ Господа Іисуса. Прилагайте къ сердцу сей ключъ, которымъ отверзается царствіе Божіе, сущее внутрь; прилагайте часто и просто: толкущему отверзется.

А что слово утѣшенія не всегда есть, когда ожидается, сіе, конечно, есть скудость того, отъ кого ожидается утѣшеній; впрочемъ, иногда не приходитъ слово, когда слухъ не довольно отверстъ. Что скорбь и сѣтованіе сильно вооружаются противъ мира вашего, не упадайте отъ того духомъ. Быть въ борьбѣ не бѣда, и часто сіе не отъ насъ: надобно, при помощи Божіей, подвизаться, чтобы добровольно не предаваться борющимъ намъ силамъ, и беречь

---

[1] Новосильцевой.

[2] Она желала приготовить себѣ мѣсто на Новоспаскомъ кладбищѣ, рядомъ съ своимъ сыномъ.

остальныя капли слезъ и малую искру ограждать отъ бури; зная же свои немощи, меньше будемъ судить другихъ; меньше судя ихъ, меньше на нихъ сѣтовать.

Да будетъ постъ не перемѣна брашенъ, но отъятіе пищи у страстей и земныхъ хотѣній, и питаніе духа памятію о Богѣ и желаніемъ божественнымъ. Недостатокъ же поста въ томъ, что входитъ въ уста, дополнимъ постомъ въ томъ, что изъ устъ исходитъ и отъ сердца.

Естьли не Вы въ церкви, нельзя ли, чтобы церковь была въ Васъ, или съ Вами? Давыдъ съ Вами въ псалтири, отцы и пастыри съ Вами въ молитвенникѣ. Внимайте имъ и себѣ, воспѣвающе и поюще въ сердцахъ вашихъ Господеви. Возвеселихся о рекшихъ мнѣ: въ домъ Господень пойдемъ. Изволихъ приметатися въ дому Бога моего. Сіе правда, но правда и слѣдующее: Хощу, да молитву творятъ мужіе на всякомъ мѣстѣ, воздѣюще преподобныя руки безъ гнѣва и размышленія... Не лишимъ себя храма, когда можемъ, но и съ собою носить его поучимся. Молитесь и Вы, и надѣйтесь на Бога. Впрочемъ, скорби посылаются не для одной надежды, но и для терпѣнія. Надѣйтесь помощи, и будьте расположены терпѣть скорби въ послушаніи. Пока болѣзнь по малу подаетъ мысль о смерти, рано, или поздно, неизбѣжной, пріучайтесь по малу и къ мысли о смерти, чтобы, когда и сія наконецъ явится, не явилась слишкомъ нечаянно. Или я огорчаю Васъ сими мыслями, когда надлежало бы утѣшать? Не желалъ бы, но мнѣ кажется, должно слѣдовать, сколько можно, указаніямъ Провидѣнія Божія. Ищите утѣшенія не всегда въ томъ одномъ, чтобы имѣть желаемое, но и въ томъ, чтобы послушно переносить неизвѣстность будущаго и мирить настоящее съ будущимъ.

2. Къ К. С. М. Голицыну.

Скорбная нѣкогда при крестѣ Матерь Господа обладаетъ нынѣ неистощимымъ сокровищемъ утѣшенія для всякой скорбной матери, прибѣгающей съ вѣрою къ ней, а чрезъ нее къ Ея Сыну и Богу, посылающему Духа утѣшителя отъ Отца.

3. Къ К. Е. Р. Вяземской.

Орлы получилъ, и сегодня стоялъ на нихъ, поручая трудъ вашъ Тому, для котораго Вы ихъ выработали иглою и который

намъ повелѣваетъ, чтобы, смотря на нихъ, выработывали орла духомъ. Вы не думали, можетъ быть, что вышивали мнѣ наставленіе, а я охотно такъ принимаю вашу работу.

Сказать ли вкратцѣ, что значатъ всѣ причины вашего унынія и самое уныніе? Все—тайныя призыванія Божіи, чтобы Вы паче и паче къ Богу прибѣгали. Ибо хотя и теперь прибѣгаете, но, безъ сомнѣнія, не почитаете себя достигшими: а Онъ, по благости своей, все употребляетъ для привлеченія Васъ къ Себѣ, для приближенія, и наконецъ для глубокаго внутренняго соединенія съ Нимъ въ вѣрѣ и любви. Въ семъ заключается отгадка многаго загадочнаго въ жизни, но отгадка сія такъ велика, что, пока живемъ, часто загадка остается не отгаданною. Положимся на Премудраго, Который составилъ загадку жизни, и отъ Него же съ терпѣніемъ и надеждою подождемъ разрѣшенія. Да разрѣшитъ Онъ ваши заботы въ спокойствіе, скорби въ утѣшеніе, молитвы въ исполненіе.

Вы варите розы: а мы все изъ словъ хотимъ готовить пищу и лѣкарство. Посылаю для дѣтей вашихъ книжку Библейскихъ чтеній, извлеченныхъ мною для дѣтей.

Говорите о скорбяхъ и смущеніяхъ: не зная ихъ, не знаю, что сказать о нихъ, а, можетъ быть, и зная, не умѣлъ бы сказать полезнаго. Знаю только, что не по цвѣтамъ ходятъ къ небу, а всего чаще по тернію. Видали ли Вы, какъ варятъ пищу? Какое смущеніе въ кипящемъ сосудѣ! но за то пища будетъ вкусна и здорова, а безъ того была бы и не вкусна и не здорова. Есть ли сосудъ вашъ у огня: какъ быть, что въ немъ неспокойно! Потерпите! Можетъ быть со временемъ понятно будетъ написанное: Пройдохомъ сквозь огонь и воду, и ввелъ ны еси въ покой. Благословенъ Господь, обличающій болѣзни душевныя тѣлесными, но непоражающій до конца. О если бы мы не препятствовали Ему врачевать насъ! Да уповаемъ на Него, да любимъ Его; любя Его, возненавидимъ злая: и Онъ сквозь самое злое явитъ намъ благая.

У меня на умѣ не столько многая лѣта, сколько вѣчная память многихъ братій нашихъ въ Петербургѣ. Сильное поученіе для оставшихся! О если бы сей урокъ и поняли и приняли!

4. Къ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, отъ 25 Февраля, 1855.

Да утѣшаетъ Тебя воспоминаніе, какъ знаменательно Господь благословилъ Его жизнь въ Его послѣднихъ дняхъ и часахъ, въ

которыхъ свѣтлыя черты Царя и отца семейства, Христіанина, не смотря на изнеможеніе внѣшняго человѣка, сіяли такъ сильно, такъ назидательно и благотворно! Твоя молитва соединилась съ Его послѣднею молитвою. Надъ симъ союзомъ не имѣетъ власти смерть. Онъ простирается отъ времени въ вѣчность. Молитва приближаетъ къ Богу, и близъ сего средоточія существъ и міровъ не разлучено то, что является разлученіемъ въ мірѣ перемѣнъ. Молитвою вѣры и упованія возверзи на Господа печаль Твою.

5. Къ Ректору М. Д. Академіи Филарету.*

Кто воспользовался лучшими рукописями покойнаго О. Поликарпа, [1] я не знаю; что я получилъ, то къ Вамъ и препроводилъ.

Журналомъ причислить сумму къ Академическимъ не служитъ доказательствомъ дѣйствительнаго причисленія, когда она въ приходъ не записана. Но какъ теперь дойти до того, что сдѣлано съ суммою, которая получена и потеряна изъ вида въ 1818 году? Я могу сказать все то же, что говорилъ уже, что надобно первому члену Академическаго Правленія пристально смотрѣть за полученіемъ суммъ и за поступленіемъ ихъ въ свои мѣста.

Не худо спросить по сему дѣлу бывшаго Економа, Іеромонаха Меѳодія, не припомнитъ ли онъ чего. И о суммѣ 1821 года за Нѣмецкую Грамматику поискать бы кого современнаго и спросить. Вѣроятно, или теперь, или по требованію Контроля, понадобится произвесть о каждой изъ сихъ суммъ особое маленькое дѣло, которое кончится манифестомъ.

«Царскій путь креста» читалъ я давно въ Русскомъ изданіи. Помню, что встрѣчалъ хорошее, а частію длинноту и принужденность. Начиная пересматривать, теперь встрѣчаю не мало такого, что меня останавливаетъ. Слишкомъ дико, что І. Хр. говоритъ

---

* Гумилевскому, въ послѣдствіи Архіепископу Черниговскому.

[1] Гайтанникова, который родомъ изъ Тверской Губерніи, воспитывался въ С.-Петербургской Духовной Академіи, откуда вышелъ Магистромъ въ 1814 г. и сдѣланъ тогда же Инспекторомъ тамошней Семинаріи, въ Декабрѣ принялъ монашество; 1817 Архимандритъ, 1819 Ректоръ Семинаріи, 1822 Докторъ Богословія, 1824, въ началѣ Ноября, Ректоръ Московской Академіи, съ управленіемъ Новоспаскаго монастыря, въ половинѣ Декабря 1835 уволенъ отъ Ректорства и жилъ въ своемъ монастырѣ, гдѣ и скончался 19 Генваря, 1837 г. Преемникомъ ему въ Ректорствѣ былъ Филаретъ Гумилевскій, изъ Инспекторовъ Академіи. О. Б.

словами Виргилія. Надобно подумать, что дѣлать съ сею книгою, особенно въ такое время, къ которое и лучшая сторона ея нападеніямъ подвержена.

6. Къ К. Д. В. Голицыну.

Нѣтъ поздравленія столь справедливаго и многозначущаго, какъ поздравленіе съ воскресеніемъ Христовымъ, торжественнымъ началомъ Христіанства. Отъ воскресенія Христова и мы наслѣдуемъ наше воскресеніе: умственное отъ невѣдѣнія къ Боговѣдѣнію, воскресеніе нравственное отъ грѣха къ добродѣтели, воскресеніе духовное отъ смерти къ жизни вѣчной, не исключая и тѣла, нынѣ смертнаго; наконецъ даже возрожденіе того, что есть лучшаго въ быту человѣческомъ: ибо между народами Христіанскими и не Христіанскими разность подобна разности между мертвыми и живыми.

7. Къ М. М. Тучковой.

По чему Вы думаете, что далеко радость? Она близко: позади скорби, какъ, въ Пѣсни пѣсней, женихъ за стѣною близъ невѣсты. Вечеръ водворится плачь, а заутра радость. Далеко ли?

Одиночесто дѣло не худое, когда умѣютъ имъ пользоваться. Не хорошо ли, когда никто и ничто въ мірѣ не останавливаетъ человѣка? Тогда, естьли онъ знаетъ и помнитъ Бога, прямо идетъ къ Нему. Одиночество на земли ведетъ въ общество небесное.

Господь и радость Его съ Вами особенно нынѣ. Вода изъ Іерусалимскихъ розъ что-то необыкновенное. Не для меня бы она; но къ олтарю да принесется отъ Васъ, какъ чистыя благодатныя слезы. Ахъ! Что-то теперь въ Іерусалимѣ: вода ли чистая, какъ слезы, или слезы многія, какъ вода? Говорятъ, онъ ограбленъ.

8. Къ ней же, уже Игуменьи Спасо-Бородинскаго монастыря Маріи.

Невидимые, но подлинные, грѣхи видѣть иногда препятствуютъ человѣку видимыя, но мнимыя, добродѣтели. Иной, на примѣръ, безъ истинной надобности, по собственной волѣ и выдумкѣ, обременитъ тѣло свое веригами и вздумаетъ, что онъ уже вступилъ въ истинный чинъ Христовыхъ крестоносцевъ и по духу, а не

примѣчаетъ что на внутренней сторонѣ веригъ написано: «Въ самовольнѣй службѣ и непощадѣніи тѣла» (Колосс. 11, 23). Сіе, впрочемъ, говорю не противъ веригъ, для которыхъ есть люди, и времена, и причины.

Еще говорятъ Отцы: «Если нѣтъ сокрушенія и умиленія, должно подозрѣвать, нѣтъ ли тщеславія.»

Не бѣгайте упорно людей: между ими есть люди Божіи. Надобно стараться и добрыя дѣла вести съ осторожностію, чтобы впереди ихъ не шло наше мудрованіе и наша воля.

Хорошо, если радуемся Богу, помощнику нашему. Но когда къ радости о Богѣ присоединяется радость о дарахъ Его намъ: не всегда примѣтишь, какъ примѣшается сюда радость о себѣ, и сіе примѣшеніе лишитъ радость Божественную чистоты, ей свойственной. По тому очень надобная осторожность присоединять къ пріятному пряное, къ радости трепетъ, къ радости о Богѣ трепетъ о своемъ недостоинствѣ, которое можетъ и чистый источникъ возмутить излишнимъ движеніемъ, и свѣтъ затмить, или превратить въ поверхностный блескъ и призракъ.

Вы спрашиваете, какъ врагъ смѣетъ коснуться служителя олтаря? Такъ же, какъ дождь сквозь худую кровлю проходитъ въ олтарь и въ комнату, какъ вѣтеръ сквозь скважину задуваетъ свѣчу въ олтарѣ и въ комнатѣ. Олтарь и служеніе остается святымъ: а небрегущій о цѣлости своей храмины обличается послѣдствіями сего небреженія, малаго, или великаго, и побуждается поправить кровлю, заградить скважину, чтобы предупредить больній вредъ.

Минута искушенія показываетъ, столько ли мы успѣли въ духовности, какъ казалось въ минуты восторга, или въ часы мира. А что Вы говорите о крестахъ монашества, хорошо со смиреніемъ и послушаніемъ принимать ихъ отъ руки Божіей, но не надобно выработывать ихъ самому для себя.

Если Васъ любятъ: благодарите Бога за имѣющихъ любовь, и за то, что Онъ даетъ Вамъ утѣшеніе видѣть сіе; бойтесь только думать, что Вы заслужили сіе. Въ чадахъ Божіихъ любитъ любовь Божія: а она любитъ и недостойныхъ, по снисхожденію и человѣколюбію. По сему не можетъ человѣкъ сказать: «Видно, я достоинъ, когда меня любятъ.» Нѣтъ, милость Божія то, что тебя любятъ добрыя души; питайся ихъ добротою и любовію, и взаимно служи имъ любовію. Въ добрыя минуты по тихоньку вынимайте изъ сердца

ея (одной больной) углубившіеся помыслы страсти, тогда и въ нервы ея приходить будетъ тихій свѣтъ, и нападающая тьма не обыметъ ихъ.

Что страхъ смерти есть, это еще не бѣда. Видѣли его и въ многоподвизавшихся Отцахъ. Кольми паче естественно, что къ намъ онъ приходитъ. Но скажите страху: «Ты правъ, если судьба наша должна рѣшиться правосудіемъ Божіимъ только; но теперь уже дѣло въ особенномъ положеніи; Христосъ «умре и воскресе», чтобъ уничтожить страхъ смерти, чтобы кровію Своею смыть рукописаніе грѣховъ нашихъ; чтобы простить насъ, вѣрующихъ въ Него, и судить насъ судомъ милосердія, которое сжалится надъ нами, между прочимъ, и по тому, что мы боимся своего недостоинства. И такъ, страхъ, я тебя не боюсь; оставайся, если такъ угодно Богу, при мнѣ, и будь моимъ стражемъ отъ забвенія и развлеченія, но не мѣшай мнѣ вѣровать, любить и уповать!»

Савва Освященный, или Θеодоръ Освященный, считали у себя въ пустыняхъ живущихъ сотнями и тысячами; но не читаемъ, чтобы они кого приняли по тому, что даетъ деньги, или землю, и тѣмъ поддержали общежитіе. Богъ, трудъ и добродѣтель поддержатъ общежитіе: такъ думали встарину.

Суровой пищи, жесткаго ложа и подобнаго сему Господь не требуетъ отъ вашей немощи, но тихой молитвы, любви, попеченія о сестрахъ и сохраненія вашего здоровья, для исполненія вашихъ обязанностей. Снисхожденіе къ строптивымъ дѣло иное: вотъ это хорошо вмѣсто жесткаго ложа.

Правила церковныя обязываютъ насъ избирать достойныхъ, а не входить въ торговыя сдѣлки.

Бывало, искали достоинства въ томъ, чтобы говорить мягко, а теперь ищутъ въ томъ, чтобы говорить рѣзко, и по тому говорятъ иногда хуже, нежели думаютъ.

Возвращаю вашу книжку. Это, подъ именемъ Исторіи Іерусалима, Священная исторія, какъ я, помнится, уже сказалъ Вамъ по догадкѣ, не видавъ книги. Сочинитель не безъ вѣры, но мѣшаетъ съ нею модный теперь романтизмъ. Хорошо ли—книги: Исходъ, Левитъ, Числъ и Второзаконіе, назвать Одиссеею Еврейскою? Хорошо ли сказать о народѣ Еврейскомъ: «Отъ великолѣпной и гигантской эпопеи Іеговы онъ перешелъ къ скудной комедіи таинственныхъ лжецовъ, заключенныхъ въ темныхъ пещерахъ?»—Это

буквальный переводъ изъ вашей книги. Мнѣ кажется, для монастыря можно найти чтеніе лучше сего. Одну книжку посылаю, можетъ быть, уже извѣстную Вамъ, другую постараюсь прислать вскорѣ, такую, которая совершенно замѣнитъ вашу, безъ поэтическаго празднословія.

Радость земная проницается печалію, по тому что душа сокровенно чувствуетъ неудовлетворительность земнаго и потребности лучшаго. Печаль о Господѣ проницается радостію, по тому что душа предчувствуетъ то, что сказано Апостоломъ: «Печаль, яже по Бозѣ, спасеніе содѣловаетъ.» Да взыщемъ радости, въ которой бы не скрывалось жало печали. Да не страшимся и печали, которая въ радость будетъ.

И это нерѣдко, что слышу о вашихъ странствующихъ по Москвѣ. Не надобно ли Вамъ обратить на сіе вниманіе? Не надобно ли употребить Вамъ болѣе твердости, хотя не всѣмъ пріятной, вмѣсто снисхожденія, которое подвергаетъ ввѣренныхъ Вамъ опасности преткновенія, а Васъ отвѣтственности за неохраненіе? Не надобно ли вспомнить Отеческое слово, что монахи внѣ келіи; а особенно внѣ монастыря, какъ рыбы внѣ воды, скоро умираютъ.

Отъ немощнаго тѣла не требуйте много, чтобы оно не изнемогло больше, но оказывайте ему снисхожденіе, для сохраненія его силы, дабы, какъ говоритъ Св. Максимъ, имѣть въ немъ соработника въ служеніи лучшему.

Для чего вострепетали Вы 23 Февраля отъ мысли умереть 14 Іюня, когда безъ всякаго предваренія знали, что могли умереть въ тотъ же день, 23 Февраля? «Аще живемъ, Господеви живемъ; аще же умираемъ, Господеви умираемъ,» скоро, или не скоро, предвидѣнно, или непредвидѣнно. Впрочемъ, если мысль о 14 Іюня напоминаетъ Вамъ о приготовленіи къ великому пути, пользуйтесь симъ напоминаніемъ, уготовляя себя очищеніемъ, вѣрою, молитвою, любовію. Сонъ еще не пророкъ; о пророкѣ учитъ пророкъ Іеремія: «Пришедшу слову, познаютъ пророка,» то есть, когда придетъ срокъ предсказанія, и оно исполнится, тогда только, а не прежде, можно знать, что это подлинно пророкъ и предсказаніе. И такъ пользуйтесь напоминаніемъ къ полезному, которое хорошо, какъ бы ни пришло, но не связуйте и не смущайте себя мыслію о днѣ и часѣ невѣдомомъ и послѣ напоминанія о немъ.

Легкаго вѣтра легкомысленныхъ словъ человѣческихъ не пре-

вращайте въ бурю... Иная клевета изгоняетъ, приводитъ въ нищету, повергаетъ въ темницу: это тяжко. А то не легче ли, когда клевета проходитъ мимо ушей, какъ вѣтеръ? Вниди въ клѣть твою, и не слушай шума вѣтра.

Не будемъ торопливы. Торопливая поспѣшность можетъ причинить болѣе медленности въ послѣдствіи, нежели дѣйствованіе не спѣшное, съ осмотрительностію.

9. Къ Гавріилу, Архіепископу Рязанскому.

Послушники, изъ разныхъ состояній съ увольненіями, естьли не опредѣлены въ монастырь Указомъ, не принадлежатъ къ духовному вѣдомству, и по тому не йдутъ подъ Указъ о разборѣ. Изъ нихъ неодобряемаго въ поведеніи надобно просто выслать за монастырскія ворота. Опредѣленные Указомъ, и неодобряемые въ поведеніи, или прямѣе, безнадежные, должны быть отданы въ военную службу. А одобряемые въ поведеніи, хотя и сверхштатные, должны быть оставлены. Таковъ, по моему мнѣнію, смыслъ Указа.

Ученики, исключенные по окончаніи Философскаго курса, не слѣдуютъ къ разбору: слѣдственно, также исключенные изъ Богословіи, поелику и они окончили курсъ Философскій. Изъ приведеннаго выраженія Указа слѣдуетъ, что исключенные изъ Философіи прежде окончанія курса слѣдуютъ въ военную службу. Такъ разрѣшилъ я своей Консисторіи. Ученики, исключенные за худое поведеніе, изъ какого бы класса ни были, должны быть отданы въ военную службу, по общему разуму Указа, хотя о семъ нѣтъ въ немъ особой статьи.

Приватно обучающіеся, по моему мнѣнію, принадлежатъ къ разряду исключенныхъ, доколѣ не приняты въ училище формально, и по тому слѣдуютъ въ военную службу. Но мои Консистористы думаютъ иначе, придираясь къ слову обучающіеся, поставленному въ докладѣ. Я думаю представить о семъ на разрѣшеніе Св. Синода.

Впрочемъ, слушаясь Васъ, я пишу толкованія на такой актъ, въ составленіи котораго я не участвовалъ, и который и для меня во многихъ случаяхъ не сказываетъ, что хотѣли сказать сочинители. На примѣръ, они говорятъ: «Единственнаго сына пятидесятилѣтняго Священника, дѣйствительно служащаго, имѣющаго мѣсто и содержаніе, такого Священника сына оставить ему въ подпору.» А

единственнаго сына сорокадевятилѣтней вдовы, безмѣстной, бездоходной, имѣющей, можетъ быть, еще дочерей на рукахъ: не во сто ли разъ нужнѣе оставить ей въ подпору? Но они не говорятъ о семъ. Подумываю и о семъ представить; но еще нѣтъ въ виду просьбы сего рода, и непріятно доводить и у насъ до того, что не рѣдко у свѣтскихъ, чтобы на одинъ законъ было много дополнительныхъ постановленій; и когда поворотиться въ четыре мѣсяца?

Правительство обращаетъ вниманіе на то, какъ помѣщики Католики вредятъ Православію, и не дѣлаютъ должнаго для церквей Православныхъ. Можно надѣяться, что побудятъ.

Выдавать ли окладъ мѣщанамъ, правящимъ должность за Дьячковъ? Не умѣю отвѣчать: по тому что законъ не знаетъ сего, а требуетъ Дьячковъ.

Въ отношеніи къ людямъ разныхъ Исповѣданій надобно со всею свободою и силою открывать убѣжденіе въ достоинствѣ Православнаго Исповѣданія; но въ обличеніи заблужденій и заблуждающихъ терпимость, спокойствіе, кротость, снисхожденіе, осторожность, также нужны, какъ и ревность.

Просить ли перенесенія мощей Преподобныя Евфросиніи, надобно много подумать, прежде нежели рѣшиться. Естьли при семъ Богу угодно будетъ явить руку свою, какъ теперь въ Воронежѣ: польза очевидна. Но кто разумѣ умъ Господень? Кто предскажетъ, что сотворить угодно Ему будетъ? Естьли же дѣло будетъ состоять въ одной церемоніи: то враги найдутъ, что сказать противъ сего.

Мы слушали въ Комиссіи Д. У. два представленія объ одномъ предметѣ въ противномъ смыслѣ: Ваше и Преосвященнаго Подольскаго.[1] Чтобы лучше понять дѣло, я рѣшился предложить Вамъ обоимъ вопросы. Его спросилъ я: По чему онъ хочетъ закрыть классъ Польскаго языка, когда Вы открываете? А Васъ спрашиваю: По чему Вы открываете классъ Польскаго языка, когда Преосвященный Подольскій хочетъ закрыть оный?

Отзывъ вашъ о Польскомъ языкѣ я предлагаю Ком. Дух. Учил. Онъ имѣетъ свои основанія, хотя противоположное сему мнѣніе Преосвященнаго Подольскаго признано доказаннымъ и у-

---

[1] Кирилла, бывшаго Архіепископомъ Каменецъ Подольскимъ, съ 1832 по 1841 годъ; скончался въ Петербургѣ погребенъ въ Лаврѣ. О. Б.

тверждено. Желательно видѣть переводъ, или извлеченіе лучшаго изъ книгъ, писанныхъ на Польскомъ языкѣ въ защиту нашей Церкви.

Латины умѣютъ доказать Правительству, что надобно быть Епископу и тамъ, гдѣ онъ не нуженъ. Будемъ умѣть доказывать истину такъ, какъ они умѣютъ доказать, что хотятъ.

Естьли я забылъ отвѣчать Вамъ на вопросъ о крещеніи дѣтей родителей разновѣрныхъ въ Православной Вѣрѣ: то отвѣчаю. Поелику въ законѣ не означено ни будущаго срока, ни изключенія: то онъ со времени изданія дѣйствуетъ на все, и на браки, и на крещеніе рожденныхъ отъ браковъ, связанныхъ прежде закона, тѣмъ паче, что трактатъ, служившій основаніемъ прежнему порядку, давно умеръ съ Рѣчью Посполитою. Но, безъ сомнѣнія, не безъ споровъ будемъ.

А выпискою изъ Польской книги: «Согласіе и разность Вост. и Запад. Ц.» (естьли нельзя имѣть полнаго перевода) особенно меня обяжите. При семъ прошу упоминаемыя брань и клеветы перевесть безъ уменьшенія и ослабленія. Надобно знать вещь, какъ есть, чтобы поступить, какъ должно.

За переводъ изъ Польской книги много благодарю. Мнѣ хочется сдѣлать къ «Разговорамъ о Православіи» прибавленія, которыя бы служили противуядіемъ, не касаясь впрочемъ, бранныхъ словъ, которыя остаются въ распоряженіи того, кто ихъ произноситъ. Но не знаю, какъ позволятъ недосуги. Довольно некстати между тѣмъ вышло новое Русское изданіе «Разговоровъ» я и прежде помышлялъ, въ случаѣ новаго изданія, пересмотрѣть книжку, а думать о новомъ изданіи не почиталъ принадлежащимъ до меня.

О новокрещенномъ Сергіи давно хочу писать къ Вамъ: къ немощи и дѣла должностныя всегда дѣлаютъ меня медленнымъ и неисправнымъ въ письмахъ. Онъ сначала испугалъ меня раввинскою ученостію, которая казалась ему очень важною, но въ которой я не видалъ убѣдительности. Я сказалъ ему рѣшительно, что ни его учености, ни его книгѣ, ничего не обѣщаю: а естьли онъ желаетъ Христа и спасенія, то посмотримъ. Богъ далъ ему смириться предъ симъ, и я утѣшенъ былъ, что, по крещеніи его въ утренніе часы праздника Преподобнаго Сергія, въ сей праздникъ на торжественной литургіи могъ пріобщить его Трапезѣ Господней и имѣть съ собою за нашею соборною трапезою, поставляемою,

по обычаю нашей Лавры, въ церковной трапезѣ. Теперь, когда смиреніе и ближайшее познаніе Христіанства научило его лучше употреблять, что онъ знаетъ, надобно отдать ему справедливость, что Еврейскія его познанія несравненно выше познаній вашего Темкина, которому (мимоходомъ сказать) ни какъ не надлежало попускать печатать Еврейскими буквами: «Родица Дѣва:» слишкомъ грубо, прегрѣшительно, естьли не неблагонамѣренно.

Теперь забота какъ бы употребить Сергія, съ миромъ для него и съ пользою общею. Не дадите ли Вы мнѣ мысли? А при томъ отъ него и отъ меня есть къ Вамъ просьба. У него остался въ вашемъ краю сынъ, котораго ему хочется пріобрѣсть въ Христіанство. Естьли писать къ нему о семъ прямо: то возбудится противоборство, и ему помѣшаютъ. Отцу думается, что естьли бы сынъ какимъ нибудь случаемъ попалъ къ намъ, и могъ слушать отца, не бывъ смущаемъ другими: то, вѣроятно, покорился бы истинѣ. Не придумаете ли Вы средства открыть сему путь безъ преткновеній? Сдѣлайте, что можете, или скажите, что могли бы мы сдѣлать.

Разговоръ его о Уніи, признаюсь, не прельстилъ меня. Самыя имена Іосафата и Семена представляютъ неприличный намекъ на лица, стоящія рядомъ подъ сими именами. Прилично ли рисовать такія картины, какъ: Уніатскій Священникъ, взявши у мужика последнюю овцу, и съ нею, въ картузѣ, съ крестомъ, сидящій на телѣгѣ? Что, естьли Неправославные вздумаютъ рисовать подобнымъ образомъ Православныхъ Священниковъ? Прилично ли говорить, что Латинскіе Попы дѣйствуютъ для того же, для чего дьяволъ? Послужитъ ли сіе къ утвержденію Православія? И что, естьли Неправославные вздумаютъ отвѣчать Православнымъ подобными нѣжностями?

Не больше усладилъ меня поддѣльный разговоръ панагіота съ азимитомъ, гдѣ сочинитель не умѣлъ даже притвориться знающимъ Славянскую Грамматику. Не уже ли прекрасно сказано, что Папа безъ брады—истая обезьяна? Не уже ли позволительно бритвенную язву на брадѣ называть печатью Антихриста? Подумалъ ли сочинитель, кто въ Россіи употребляетъ брадобритіе, и на кого хочетъ онъ положить Антихристову печать? Не стыдно ли мнимому панагіоту грезить съ Стоглавнымъ Соборомъ и съ раскольниками, будто есть правило, запрещающее и молиться за брадобритыхъ? Стыдно переговаривать болѣе нелѣпости сихъ разговоровъ. Совѣ-

тую Вамъ сжечь сіи грамотки, которыя, естьли дойдутъ до Правительства, не принесутъ ни чести, ни удовольствія, ни сочинителямъ, ни распространителямъ.

Вредъ отъ Уніатскихъ духовныхъ, остающихся безъ мѣстъ по обращеніи приходовъ, долженъ быть принимаемъ въ разсчетъ при предварительномъ соображеніи предосторожностей при обращеніи. Ибо людей сихъ нельзя уничтожить, или перетворить. Надобно, чтобы обращеніе созрѣвало подъ дѣйствіемъ слова силы и духа: тогда оно надежно, а не тогда, когда болѣе рукою плоти совершается.

Сына новопросвѣщеннаго Сергія, видно, трудно просвѣтить, когда онъ отъ тьмы душевной дошелъ до тьмы темницы. Въ такомъ случаѣ, естьли и освободится, едва ли полезно будетъ посылать его къ отцу. Изъ сего можетъ только произойти затрудненіе отцу и намъ. Развѣ не клеветою ли доведенъ онъ до настоящаго своего положенія?

Правила о крестномъ родствѣ неясны. Въ Указѣ 1810 года хотѣли слишкомъ облегчить ихъ, но и опасались пререканія: отъ того выразились темно и вошли въ противорѣчіе съ Соборными Правилами. Соборное Правило запрещаетъ двѣ степени въ семъ родствѣ; сего, по моему мнѣнію, и должно держаться, и при томъ имѣть въ виду, что и по Кормчей книгѣ крестное родство не дѣйствуетъ на боковыя степени.

Еще не излишнимъ считаю обратить вниманіе ваше на слышанное нынѣ мною отъ Симоновскаго Архимандрита, будто отчетъ о построеніи Симоновской колокольни предполагается препроводить въ Государственный Контроль. Чѣмъ болѣе онъ искусенъ получать вѣсти, тѣмъ менѣе я полагаюсь на сіе искуство. Но на случай скажу, что какъ въ семъ дѣлѣ деньги не казенныя, а данныя вкладчикомъ въ монастырь, и, слѣдственно, монастырскія, или церковныя, то подведеніе сего дѣла подъ ревизію Государственнаго Контроля не отворило бы сему Контролю дверей къ суммамъ, отъ которыхъ съ трудомъ ихъ затворили, при попечительномъ содѣйствіи Графа Николая Александровича. [5]

Споспѣшествуйте охраненію ученія отъ уклоненій, благонамѣ-

[5] Пратасова.

ренныхъ по цѣли охранить преданіе, но не безопасныхъ по мыслямъ, унижающимъ достоинство Священнаго Писанія. [6]

Естьли «Маякъ» хочетъ провозглашать догматъ о преданіяхъ: какая бѣда? Пусть хотя одинъ журналъ свѣтскій проповѣдуетъ догматы, когда многіе празднословятъ противъ догматовъ и заповѣдей!

Непохвально, по моему мнѣнію, похвалами человѣку недостойному освобождать отъ него одно мѣсто, чтобъ обременить имъ другое. Впрочемъ, можетъ быть тогда, когда мнѣ похвалили Лаврентія, еще не прозябло въ немъ то, что теперь процвѣтаетъ неблагоухающими цвѣтами. Богъ да поможетъ Вамъ привести его въ разумъ истины.

Надъ Штатами трудимся и мы, и еще не знаю, какъ выйдемъ изъ сего труда, многими обстоятельствами затрудняемаго. Уже нѣсколько сотъ безмѣстныхъ учениковъ бѣдныхъ имѣемъ. Что будетъ, естьли еще многія цѣлыя семейства, по сокращеніи Штатовъ, останутся безъ пропитанія? Священникъ съ однимъ причетникомъ какъ будетъ исправлять службу алтарную и клиросную, чтеніе и пѣніе? Что будетъ съ церковнымъ правиломъ о невхожденіи мірскихъ въ олтарь, которое и теперь уже не точно соблюдается? При забвеніи его не уменьшится ли, не потеряется ли, благоговѣніе къ олтарю, такъ прекрасно отличающее Православную Церковь?

Странная у насъ судьба книгъ! Въ иныхъ и вредное не преслѣдуется, а въ иныхъ строго преслѣдуется то, что хотя и не совсѣмъ правильно и непріятно, но невредно.

А что я думалъ о семъ и ранѣе, то покажетъ Вамъ приготовленный и препровожденный къ Вамъ (надѣюсь, и полученный Вами) списокъ съ записки о текстѣ седмидесяти толковниковъ и о Славенскомъ текстѣ Библіи. [7] Она составлена по нѣкоторому весьма немаловажному требованію, и по сему самому была подвергнута сужденію нѣкоторыхъ изъ братій нашихъ, старѣйшихъ и опытнѣйшихъ, и предложенное въ ней удостоено ихъ согласія. Сообщаю Вамъ оную, по братской довѣренности, для того, что въ ней можете найти причины, по которымъ и я полагалъ бы, согласно съ Вами, пріостановиться благословеніемъ на предположеніе Архимандрита Поликарпа

---

[6] Замѣчанія М. Филарета на «Руководство къ Герменевтикѣ,» въ «Чт. въ О. Л. Д. Пр.» кн. V, стр. 151—167.

[7] Она напечатана въ «Прибавленіяхъ» къ 3-й книжкѣ «Твореній Св. Отцовъ въ Русскомъ переводѣ», за 1858 годъ, и отдѣльно.

сдѣлать новый переводъ текста Седмидесяти Толковниковъ... Не рѣдкая въ наше время черта, что нѣкоторые люди мнятъ знать дѣло, ревновать о пользѣ, службу приносити Богу, а въ самомъ дѣлѣ угадываютъ (и то не всегда удачно) мысль, которая теперь въ модѣ и покровительствуется сильными, и служатъ ей, въ надеждѣ, что и она имъ послужитъ. Не такъ созидается истинное благо Святыя Церкви. Простите меня.

Что въ моихъ «Словахъ» и «Рѣчахъ» находятъ несовершенства, противъ того не имѣю ни малѣйшаго спора. И естьли въ нихъ внутренній недостатокъ окруженъ типографской каймою, то внутренній недостатокъ принадлежитъ мнѣ, но койма отнюдь не мнѣ, а издателямъ, которымъ, послѣ настоятельной просьбы, отдалъ я рукопись безъ всякихъ условій, и хоть потомъ, увидѣвъ образецъ изданія, говорилъ, что роскошное изданіе не обогатитъ содержанія книги, но они поставили на своемъ.

Да поможетъ Вамъ Богъ устроить дѣло Штатовъ сельскаго духовенства. Намѣреніе благодѣтельное: но исполненіе не легко, при возрастающемъ избыткѣ. Говорятъ, въ Епархіяхъ, гдѣ дѣло въ полномъ ходу, и то оказывается, что оклады не удовлетворяютъ, а прихожане взыскательно много требуютъ отъ Священника, какъ отъ работника, которому уже заплачено. Со мною опять особенное. Всѣмъ окрестнымъ Епархіямъ по сему предмету предписано, а мнѣ еще нѣтъ. Видно, Провидѣніе сей трудъ предоставляетъ не такъ немощному, какъ я, моему преемнику. Между тѣмъ умноженіе опытовъ поможетъ благонадежности распоряженій. Московскую Епархію при сокращеніи Штатовъ труднѣе успокоить, нежели другую. Она привыкла къ полному и благолѣпному чину священнослуженій. Въ маленькомъ селѣ находятъ неблаголѣпною службу, естьли нѣтъ Діакона, и докучаютъ просьбою, чтобы дали Діакона. Что причетнику одному при церкви неудобно быть, по разнымъ причинамъ, о томъ я представлялъ мое мнѣніе Св. Синоду, и въ проектѣ Штата при церквахъ Московской Епархіи вездѣ положено по два причетника. До сихъ поръ предписанія по сему не имѣю, и желаю мудрости моему преемнику для сего труднаго дѣла. Судъ Божій за наши грѣхи въ томъ, что тогда, какъ людей дѣвать нѣкуда, еще уменьшаютъ мѣста. При семъ приходитъ на мысль на всякій случай просить вашего вразумляющаго слова, что бы можно было придумать, чтобы

избыточествующему числу дѣтей духовенства дать законное постоянное въ обществѣ существованіе, дѣло и хлѣбъ?

Второбрачныхъ причетниковъ допускать до жертвенника было бы не совсѣмъ противно правиламъ, естьли бы жертвенникъ устроялся и нынѣ, какъ въ древнихъ церквахъ, отдѣльно отъ олтаря. Но нынѣ во многихъ церквахъ нельзя иначе подойти къ жертвеннику, какъ подходя близко къ престолу. По сему, думаю, лучше перемѣщать второбрачнаго причетника къ такой церкви, гдѣ олтарную должность можно поручить другому. Немощны мы нынѣ для строгаго исполненія правилъ: но, съ другой стороны, ослабленіе правилъ въ клирѣ, въ однихъ рождаетъ неуваженіе къ клиру, въ другихъ увеличиваетъ небреженіе о себѣ самихъ. Естьли церковники не исполняютъ древнихъ правилъ: по чему міранину не жить какъ захочетъ? Мнѣ кажется, жестоко не допускать причетническихъ дѣтей до высшихъ классовъ ученія, и не полезно, по тому что Провидѣніе не обязано лучшія способности давать священнослужительскимъ дѣтямъ, а церковнослужительскимъ въ семъ отказывать.

Знаю, что Директоръ Придворной Капеллы жалуется на здѣшній Комитетъ и на меня. Но что дѣлать? Онъ желаетъ, чтобы мы сказали о его предложеніяхъ, что это все прекрасно. А мы, не умѣя, можетъ быть, судить о прекрасномъ, говоримъ только: «Это сходно съ древнимъ напѣвомъ, а это не довольно сходно и не удовлетворяетъ слуха, привыкшаго къ древнему.» Справедливо ли послѣднее, или нѣтъ, желалъ бы я слышать ваше мнѣніе.

Нынѣшнее время говоритъ строго, какъ Іоаннъ Креститель. А мы, кажется, мало приносимъ плодовъ покаянія, чтобы отдалить сѣкиру отъ корене древа. Молитесь о Православной Церкви и о Православномъ Отечествѣ. Помолитесь и о моемъ недостоинствѣ.

10. Къ управлявшему Московскою Митрополіею, Августину.

Недавно претворенные изъ учениковъ наставники вскорѣ предстанутъ лицу Вашего Преосвященства.... Дабы пріобрѣсти имъ начало вашего вниманія, позвольте, Преосвященнѣйшій Владыко, напомнить, что они, какъ ученики ученика вашего, суть, хотя еще не возрастшіе; потомки вашего духа вѣдѣнія. [8]

---

[8] Митрополитъ, тогда еще Ректоръ Духовной С.-Петербургской Академіи, ло-

По прочтеніи предъидущей половины листа, да не въ трудъ будетъ Вашему Высокопреосвященству отдѣлить сію, на случай прихода Матвея Яковлевича: [9] пусть она скажетъ ему, что его порученіе къ Осипу Кирилловичу [10] исполнено; что за присланныя мнѣ, на дорогу, похвальное слово и ананасъ, оба со вкусомъ, я покорнѣйше благодарю; что первое изъ нихъ съ великимъ удовольствіемъ читаю въ дорогѣ, а послѣдній съ великимъ тщеславіемъ предложенъ на Юрьевской трапезѣ Новгородцамъ.

Есть ли даръ, принесенный на землю воплощеніемъ, есть миръ, Воплотившійся Начальникъ мира, посланники Его служители примиренія, вѣрующіе въ Него сыны мира, причастники блаженства Его миротворцы: то Ваше Высокопреосвященство имѣете особенный въ Христіанствѣ жребій благовѣствовать и миръ собственно Божіей Церкви, коея свѣтильникъ подвигнулся было гнѣвомъ Божіимъ, и миръ собственно на земли сынамъ несчастія и жертвамъ страшной брани. [11]

По самой скорости, съ какою одно изданіе слѣдуетъ за другимъ [12] Ваше Высокопреосвященство примѣтите, что это не плоды трудовъ, но или весенній цвѣтъ, или, можетъ быть, вмѣстѣ и осенній листъ, разносимый вѣтромъ. Такъ и бываетъ, что сперва цвѣтутъ пустоцвѣтомъ, а потомъ уже научаются приносить плодъ. Пусть сей пустоцвѣтъ предваряетъ плоды, возбуждая ревность произвести вмѣсто слабаго совершенное.

11. Къ Игуменіи Зачатейскаго въ Москвѣ монастыря Аполлинаріи (Шуваловой).

Игуменіи М., видно, поговариваетъ совѣсть, что ея сестры частенько приходятъ въ Москву. Въ такомъ случаѣ, лучше не ко мнѣ, а къ совѣсти, представлять оправдательныя причины, чтобы имѣть миръ, если онѣ удовлетворительны.

билъ и уважалъ Августина, какъ «своего прежняго наставника», какъ ученикъ учителя, «съ сыновнею признательностью.»

[9] Мудрова, Професора Медицины въ Московскомъ Университетѣ.

[10] Лейбъ Медику Каменецкому.

[11] Августину суждено было возстановить поруганную въ Москвѣ святыню послѣ святотатственнаго пребыванія въ ней Наполеона. (Очерки жизни Московскаго Архіепископа Августина. Соч. И. М. Снегирева).

[12] «Начертаніе Церковной Библейской Исторія,» и «Записки на Книгу Бытія.»

Пчелы улетаютъ изъ улья и возвращаются, принося медъ: монахи выходятъ изъ монастыря, и часто возвращаются, потерявъ не мало меда, и принося что нибудь не такъ хорошее, какъ медъ.

Увѣренности о мирѣ души ея не должно препятствовать слышанное Вами сужденіе о ея болѣзни. Душа, постоянно ищущая Господа и молящаяся, принадлежитъ Ему, не смотря на то, что нижняя чувственная область ея, иногда, противъ ея воли, волнуется приражені[е]мъ и дѣйствіемъ несродныхъ ей силъ.

Не излишне имѣть осторожность отъ многоглаголанія письменнаго, такъ же какъ и словеснаго.

О юношѣ, ищущемъ добраго пути, надобно имѣть добрую надежду и молиться за него: а восхищаться имъ еще рано.

Относительно вашей холодности къ тѣмъ, которые Вамъ оказываютъ холодность, не осуждаю Васъ, и не требую отъ Васъ ничего особеннаго: только внимайте себѣ, чтобы видъ холодности, показываемый нѣкоторымъ, для назиданія другимъ, не перешелъ въ чувство холодности, и не повредилъ любви. Обхожденіе простое, мирное, спокойное, какъ безъ изысканной ласки, такъ и безъ ухищряемой холодности, полезно въ отношеніи къ немирнымъ и не повредитъ мирнымъ.

Естьли бы мы были монахи: то взирали бы въ чертогъ Небеснаго Жениха, и не домогались видѣть чертогъ Царя земнаго! Но какъ мы еще дѣти: то надобно позволить заглянуть на Царское великолѣпіе, съ молитвою за Царя.

На что позволять всякому вѣтру слова человѣческаго колебать себя? Трава колеблется отъ вѣтра, и успокоивается, когда онъ пройдетъ: слово прошло мимо Васъ, а Вы не перестаете колебаться. Надобно человѣку, и особенно человѣку вѣрующему, быть тверже травы.

12. Къ Гавріилу, Архіепископу Тверскому.

Владыка (С.-Петербургскій Михаилъ) совершилъ свою проскомидію, и принесъ себя Богу на вѣки. Смерть его честна. Обыкновенная кротость его въ послѣднее время наипаче въ немъ просіяла. Нѣсколько послѣднихъ дней ежедневно пріобщался Св. Таинъ. Послѣднія сутки были тяжки тѣлесно: впрочемъ, и сіе страданіе было тихо. 24 дня прошедшаго мѣсяца, послѣ вечерни, когда въ домовой церкви его пропѣли: «Нынѣ отпущаеши раба твоего», онъ предалъ

духъ. Я видѣлъ его въ самые легкіе и самые трудные часы его болѣзни; въ сіи послѣдніе особенно можно было чувствовать себя у предѣла вѣчности. Оплаканъ онъ усердно, погребенъ благолѣпно. Мнѣ приходитъ на мысль смерть Іоддая и Іосіи. Молитесь, любезный братъ! Не Епархія, но Іерархія сиротствуетъ. За нѣсколько дней до кончины Владыки одному видѣлся сонъ: огромный столпъ, съ вѣнцомъ на верху, съ громомъ разрушился. Господи, Господи! Зданіе и такъ ветхо, бури съ часу на часъ усиливаются; и въ сіе время столпъ, на которомъ лежалъ самый сводъ, разрушается! Чего намъ ждать?

Катихизисъ толковать на Греческомъ я бы не умѣлъ. И замѣчалъ не въ малолѣтнихъ даже, что чужой языкъ задерживаетъ ходъ понятій. Мнѣ кажется, ученіе Вѣры должно превращать училище въ церковь; а смѣшеніе съ симъ обученія языку превращаетъ Церковь въ дѣтское училище.

Посѣтилъ меня на сихъ дняхъ вручитель письма Вашего, не такъ краткій, какъ ваше письмо.

Косые взгляды, несправедливо бросаемые, сносите, не отвѣчая косыми взглядами, а просто. Не бойтесь: это не стрѣлы. Для избѣжанія косыхъ взглядовъ не должно же впадать въ человѣкоугодіе и поощрять честолюбцевъ.

Естьли совѣтъ мой не опоздаетъ, поступайте просто, не слишкомъ заботясь и не торопясь, а спокойно исполняя должное, полагаясь на волю Божію и на сердце Царево. Въ рѣчи не хвалите Государя, а говорите что нибудь полезное и правдивое, и то не много. Можетъ быть, я худо сіе исполнилъ, но какъ умѣлъ, и по совѣсти; и потому рѣчь мою Вамъ посылаю.

13. Къ Николаю, Епископу Дмитровскому.[13]

Архіепископъ Ириней Указъ о своемъ отрѣшеніи объявилъ подложнымъ, потому что письменный, и просилъ себѣ защиты солдатъ на главной гауптвахтѣ. Смѣю сказать, что я въ въ предъидущіе годы указывалъ сѣмена того, что теперь созрѣло: но меня не поняли, или не хотѣли понимать.

---

[13] Въ послѣдствіи Калужскому.

О Иркутскѣ здѣсь дурные слухи. Или испорчено въ разсказѣ приключеніе Архіепископа, или онъ успѣлъ, вмѣстѣ съ собою, свести съ ума многихъ, что и нѣкоторыя письма показываютъ. Новое повѣтріе нынѣшняго времени есть сумасбродство.

Прочитайте мою длинную резолюцію по дѣлу о Діаконѣ, упорствовавшемъ въ писаніи метрическихъ книгъ, и въ дѣлѣ о семъ упорствѣ, и скажите, какъ Вамъ кажется. Естьли Вы согласитесь, что я нашелъ въ дѣлѣ болѣе правды, нежели Консисторія: то выведете заключеніе, что въ дѣлахъ запутанныхъ не надобно останавливаться на опредѣленіи, а разбирать самое дѣло. Стараніе сіе тѣмъ болѣе нужно, когда есть опасеніе, чтобы не пострадалъ человѣкъ, хотя безтолковый, но незлобивый. Иное дѣло, когда бы виноватый потерпѣлъ менѣе должнаго; сіе скорѣе пропустить можно.

Сказалъ нѣкто, что Богъ не потребовалъ бы Авраамовой жертвы отъ матери. Остроуміе тупое въ познаніи таинъ вѣрующаго сердца! Вѣрный Авраамъ страдалъ ли столько при жертвѣ своего сына, сколько Преблагословенная Марія при крестной жертвѣ Своего Сладчайшаго Сына?

Глазъ моихъ и съ очками часто не достаетъ для сего бумажнаго вѣка. Синодальной Конторѣ, которая хочетъ посвятить двоеженца, отвѣтъ простъ: развѣ она можетъ сжечь Кормчую книгу, гдѣ сіе запрещено? И естьли, по несчастію, извѣтъ (о двоеженцахъ) докажется, будетъ зло многимъ, а добра не будетъ никому. Такъ я думаю, потому что такъ думать велитъ законъ. А господинъ законъ, по моему мнѣнію, заслуживаетъ вниманія не менѣе, какъ господинъ Прокуроръ, хранитель закона, который, видно, расположенъ не сохранять, а схоронить, законъ о двоеженцахъ.

Странный вѣкъ! По старымъ законамъ—злоупотребленія, по новымъ то и дѣло—недоразумѣнія.

Въ заглавіи шутовскаго представленія поставить идею преставленія свѣта: правда, что нелѣпо. Но вѣкъ сей такъ страстенъ къ безпорядку и вздору, и такъ забылъ первыя начала здраваго смысла и приличія, что между ревностію строгою, которой онъ не помышляетъ и не выноситъ, и между недостаткомъ ревности, преступнымъ противъ истины, трудно пробираться тропинкою ревности терпѣливой.

Сегодня у насъ еще выборъ въ Тамбовъ, а можетъ быть и на мѣсто Экзарха. Между тѣмъ Астраханскій приказалъ выбирать на

свое мѣсто. Какъ былïе падаютъ Архіереи: а не такъ скоро выростить Архіерея, какъ былïе. То правда, что Архіереевъ перетаскаваютъ слишкомъ часто. Но что будешь дѣлать? Въ Синодѣ соглашаются съ симъ замѣчаніемъ; а когда дойдетъ до выбора, поступаютъ по прежнимъ примѣрамъ. Недавнія перемѣщенія всѣ опредѣлены были особенными причинами. Сокращенія могли быть только по предвидѣнію заранѣе. Но и сіе не всегда возможно. Можетъ быть, найдется случай представить Государю Императору мысли противъ частыхъ перемѣщеній, которыхъ и онъ не изволитъ любить безъ нужды.

Сказаніе о монахинѣ въ трактирѣ, къ сожалѣнію должно быть справедливо. Это должна быть та же, которая явилась въ Серпуховѣ, имѣя у себя свѣчи, ладонъ, портретъ Юрьевскаго Архимандрита и Г. А. А.,[14] билетъ во 100,000 руб. и пр. Владыка сказалъ въ Синодѣ, что О. Фотій боленъ: тутъ неудобно было говорить о подробностяхъ. Другіе говорятъ, что онъ все роздалъ, и наложилъ на себя молчаніе: Богъ да устроитъ все во благо и спасеніе душъ!

Церкви малоприходныя и близкія къ другимъ, если нѣтъ особенныхъ обстоятельствъ, Вы назначайте къ припискѣ: а я, сколько можно, буду откладывать сіе, или иногда просить имъ помощи.

Послушайте, и скажите мнѣ, что будутъ говорить о томъ, что Алексѣевскій монастырь снимется съ мѣста. Что жъ дѣлать? Храмъ надобенъ среди Москвы; а среди ея не найдешь пустаго поля. Значеніе Алексѣевскаго монастыря не очень велико. Память Святителя Алексія остается сохраненною въ важнѣйшихъ памятникахъ. Монастырь не уничтожится, а переведется. Я защищаю сію мысль безпристрастно: ибо я не подавалъ оной. А не худо показывать правую сторону сего дѣла людямъ, которые охотнѣе заглядываютъ на лѣвую. Спасоборскій монастырь переведенъ же за городъ, и названъ Новоспаскимъ: почему жь и женскій Алексѣевскій не перенесть съ люднаго мѣста на другое, болѣе тихое, и не назвать Новоалексѣевскимъ?

Консисторія все гнѣвается, что ее побуждаютъ: а дѣла все являются въ такой оплошности, что мнѣ стыдно видѣть, какъ до сихъ поръ не умѣлъ я побудить къ исправности... Вамъ все одно

---

[14] Графини А. А. Орловой-Чесменской.

и тоже: дремлютъ, сердятся, когда будятъ, и опять дремлютъ. Да не дремлите, такъ не будутъ будить, и вы не будите сердиться.

По моему мнѣнію, женскій полъ надобно учить больше рукодѣлію и хозяйству, нежели наукамъ. Но и то хорошо, чтобы мать могла давать дѣтямъ начальныя познанія. Въ какомъ не додѣланномъ видѣ представляетъ свои дѣла Попечительство! Иное даже смѣшно. На примѣръ: «Обязанность Смотрительницы есть ставить дѣтей виноватыхъ въ уголъ.» Экая обязанность! А естьли Смотрительница поставитъ дитя къ двери: это будетъ преступленіе противъ обязанности? Удивительное законодательство!

Скучаю я, что у меня часто не достаетъ памяти и напоминателей. Есть счастливые начальники, за которыхъ сотрудники и подчиненные и мыслятъ и дѣйствуютъ. Я желалъ бы хотя не цѣлаго сего счастія, но половины онаго.

Я вовсе не одобряю правила: лгать, чтобы не безпокоить. Какъ бы ни была истина горька, она все слаще лжи. Естьли Богъ посылаетъ на меня уничиженіе въ какомъ либо скорбномъ приключеніи, кто смѣетъ поправлять путь Провидѣнія? И зачѣмъ хотятъ меня лишить наставленія, которое мнѣ Богъ посылаетъ? Естьли человѣкъ обманулъ меня однажды, подъ предлогомъ, чтобы не безпокоить: не должно ли мнѣ каждую минуту опасаться, что онъ и теперь меня въ чемъ нибудь обманываетъ? Такъ для того, чтобы не безпокоить однажды, лишаютъ спокойствія навсегда и разрушаютъ довѣренность.

Кажется, Вы не писывали ко мнѣ репортовъ; что вздумалось теперь? Я думалъ, что я одинъ на свѣтѣ Архіерей къ Архіерею писалъ рапортъ: но мнѣ приказали, а я отъ Васъ не требовалъ сей формы. Она выражаетъ только подчиненность: а старшимъ Архіереямъ надобно помнить, что младшіе имъ братья Репорта вашего не будетъ въ дѣлахъ.... Съ чего Вы взяли, что рапортъ вашъ ввелъ меня въ сомнѣніе непріятное для Васъ? Совсѣмъ нѣтъ. А я взялъ подозрѣніе на себя, не разсказывалъ ли я когда нибудь Вамъ, какъ мнѣ, въ бытность Викаріемъ, велѣно было подать рапортъ, даже безъ надобности, и я подалъ; а изъ моего разсказа не взяли ль Вы мысли, будто и мнѣ тоже необходимо?

Скажите Благочинному монастырей, чтобы посѣтилъ подворье, посмотрѣлъ, доставляются ли больнымъ удовлетворительныя пособія врачебныя и прочія, и далъ Анастасію нужные совѣты. Хотя часть

жителей подворья теперь въ Петербургѣ: но, можетъ быть, тамъ и теперь еще тѣсно. Въ такомъ случаѣ часть комнатъ верхняго этажа употребить можно, чтобы размѣстить людей просторнѣе.

Бывшій Тарасій и еще существующій Антоній суть лопаты, (очень грязныя сами), которыя, однако, служатъ къ очищенію грязныхъ монастырей. Но не надобно слишкомъ раскидывать грязь, чтобы не загрязнить и чистаго.

А когда будете возлагать палицу на Протоіерея Никитскаго: то скажите, что я, прибавляя ему сію статью въ послужной списокъ, прошу его исключить изъ своего списка статью о пожалованной табакеркѣ. Естьли бы раскольникамъ попался сей списокъ: то они вырвали бы его, и стали бы показывать своимъ въ упрекъ намъ.

Призовите Кадашевскаго Священника и скажите ему, что плохо велъ онъ дѣло объ иконостасѣ, и мнѣ далъ скучную работу плавать по широкому морю мелко и слѣпо писаннаго дѣла, и собирать обломки правды, которую ябеда отвѣтчика и неловкость истца-Священника разбили. Пусть прочитаетъ, что я писалъ, не нужно ли ему сіе знать, и лучше ходить по дѣлу въ Сенатѣ, нежели ходилъ въ нижнихъ мѣстахъ.

Естьли Андроніевскій и Секретарь оправдываются: то, стало быть, выноватъ я. Въ такомъ случаѣ пусть пришлютъ оправданіе и дѣло: я готовъ повиниться предъ ними. Но что пишите Вы: въ томъ оправданія еще не вижу. Естьли въ дѣлѣ двѣ разныя рекомендаціи: то и въ опредѣленіи надлежало указать на двѣ; или, естьли рѣшились указать на новѣйшую: то надлежало объяснить, откуда она взята. А я стою въ томъ, что я не обязанъ обыскивать всѣ углы дѣла, а все нужное должно быть въ протоколѣ. Естьли хочу повѣрить въ чемъ либо протоколъ: ищу въ дѣлѣ по предмету рекомендаціи въ справкѣ, иногда не нахожу, кричу, что не такъ. Надобно еще замѣтить, что Благочинный вздумалъ лучше рекомендовать Священника, когда рѣчь идетъ о деньгахъ: въ семъ случаѣ особенно надобно было не пропустить, а уважить, прежнюю рекомендацію, данную не для доставленія Священнику денегъ, а просто по правдѣ. Извольте сказать сіе отцу Архимандриту и господину Секретарю; я съ ними не ссорюсь, если они и не оправданы, но надобно, чтобы правда была права, а вина виновата, ихъ ли, моя ли.

Чудовскимъ о хоругви замѣчаніе сдѣлано. Естьли случится, и Вы скажите Намѣстнику, что я сто разъ толковалъ ему, что не чело-

вѣкоугодіе мнѣ надобно, а простая правда, которой притомъ совѣтую ему держаться, даже не разбирая, правды ли хочетъ начальникъ, или человѣкоугодія. Мнѣ кажется, сей совѣтъ годится и дома, и на дорогу.

Пословица не хвалитъ того, кто идетъ за семь верстъ кисель ѣсть. Не знаю, похвалила ли бы она и того, кто идетъ за семь сотъ верстъ конфекты кушать. Но какъ нѣкоторые думаютъ, что они разсуждаютъ лучше пословицы: то увольте, Преосвященнѣйшій, Елоховскаго Протоіерея въ Петербургъ на свадьбу, естьли онъ сего просить будетъ.

Апокалипсисъ дошелъ и до меня. Первоначальный видецъ Новочеркаскій имѣетъ признаки неподдѣльнаго благочестія; и на описаніе видѣній его, по моему мнѣнію, должно смотрѣть съ уваженіемъ. Но изреченіе: «Скоро конецъ,» многознаменательно. Сочинитель толкованія на Апокалипсисъ понялъ сіе изреченіе строго, и изъ того вышло его толкованіе дѣло разума, а не духа, естьли позволить себѣ судить о семъ. Держась за оное изреченіе, о достовѣрности коего онъ былъ увѣренъ и въ неправильномъ разумѣніи коего себя не подозрѣвалъ, онъ усиливался всѣ образы Апокалипсиса откинуть на прошедшее, чтобы не опоздалъ скорый конецъ. и впалъ, какъ я думаю, не разъ, вмѣсто истины въ односторонность. Это судьба многихъ толкователей, которые хотятъ разумомъ разломать печати Апокалипсиса, прежде нежели сниметъ ихъ духъ и опытъ. Такъ я думаю; а не сомнѣваюсь ни въ здравомысліи, ни въ благонамѣренности г. Золотарева. Скажете: «Чтоже думать о скоромъ концѣ?» Отвѣчаю: гораздо лучше и нужнѣе подумать о увѣщаніяхъ, кои дѣлаетъ видѣцъ и намъ, Священникамъ.

Простите меня ко времени покаянія во всякомъ дѣлѣ неумѣнія и во всякомъ словѣ нетерпѣнія. Мой же духъ съ Вами въ мирѣ и въ любви призываетъ Вамъ миръ Божій.

Дѣла Божіи надобно открывать, но вѣрующимъ, или имѣющимъ нужду въ подкрѣпленіи вѣры, а не безъ разбора; а выставленіе оныхъ на показъ, съ побужденіями своекорыстными, наводитъ опасеніе, да не горше что будетъ избавленному. Получившая здѣсь изцѣленіе дѣвица Боде, о которой упоминается въ сказаніи о Святителѣ Митрофанѣ, была въ хорошемъ состояніи, когда мы со Владыкою ее видѣли; ей и матери говорили тогда, что надобно беречь даръ Божій, и она сама просила тогда благословенія на исполненіе

нѣкоторыхъ предпріятій духовныхъ: но когда она сдѣлалась предметомъ любопытства, и ее не охраняли отъ сего, даже разсѣявали, возили въ театръ: то теперь, говорятъ, она впала въ нѣкоторое странное состояніе, похоже на умоповрежденіе.

Но надобно знать, что всѣ Консисторіи на свѣтѣ также дѣятельны для пустой формы дѣлъ, какъ недѣятельны для ихъ сущности.

Я измѣрилъ Московско-Петербургскій путь въ двадцать первый разъ въ моей страннической жизни благополучно. И какъ уже много «пришельствова душа моя»: то я очень желаю пройти путемъ симъ не болѣе одного еще раза, для возвращенія въ Москву. [18]

Ваше Преосвященство не отвѣчали мнѣ, согласились ли Консистористы отложить гнѣвъ за резолюцію, посланную въ Серпуховъ. Вотъ другое средство къ примиренію. Естьли я оскорбилъ ихъ, открывъ ихъ недѣятельность Серпуховскому Духовному Правленію. то, надѣюсь, достаточно отмстили они мнѣ доносомъ на меня Св. Синоду въ вѣдомости о нерѣшенныхъ дѣлахъ, будто одно дѣло не рѣшено за моею медленностію. Какъ вѣдомость заключаетъ въ себѣ болѣе 1500 дѣлъ: то легко могло статься, что я, не примѣтивъ сего доноса, подписалъ бы репортъ просто, слѣдственно, призналъ бы отмѣтку правою, а себя виноватымъ и далъ бы Св. Синоду право, безъ требованія объясненія, сдѣлать мнѣ замѣчаніе. Не угодно ли имъ по сему признать гнѣвъ свой удовлетвореннымъ и остаться уже безъ гнѣва?

Наконецъ надобно возвратиться къ Московской заставѣ. У Васильевской церкви Священникъ вышелъ ко мнѣ съ крестомъ изъ лавки. О сихъ случаяхъ я думаю такъ: естьли бы смотрѣть на нихъ, какъ на личную почесть, то лучше всего было бы прекратить ихъ. Но я смотрю на нихъ, и думаю, что должно смотрѣть, какъ на благословеніе Церкви, а кстати, и какъ на испытаніе духовенства въ его чинѣ и устроеніи. Въ такомъ разумѣ я желаю получить благословеніе изъ церкви, а не изъ лавки, и видѣть Священника, дѣлающаго свое дѣло съ толкомъ, а не безъ толка. Онъ скажетъ: «Изъ церкви не видно,» отвѣтствую: «У тебя есть колокольня и звонъ, который скажетъ, когда выйти изъ церкви.»

---

[18] Это желаніе изъявлено было еще въ 1833.

14. Къ А. Н. М. [16]

Здѣсь нужно сказать нѣсколько словъ читателю. У насъ смотрятъ на критику почти всегда не съ лицевой стороны, указывающей достоинства и недостатки разбираемаго произведенія, а съ изнанки, пытаясь раскрыть поводъ и основаніе критики въ пріязни, или непріязни разбирающаго къ сочинителю, переводчику, издателю. Бродя, вотъ уже 60 лѣтъ, по литературному полю, одиночно, средней тропинкой между пишущей братіи всевозможныхъ стремленій и направленій, я съ молоду и до старости открыто высказывалъ свои убѣжденія, правильны ли они, или ошибочны. Не только въ письменныхъ и служебныхъ трудахъ, но и въ жизни, семейной и общественной, я не лукавилъ съ своею совѣстью: что на умѣ, то и на языкѣ. Призванный, не призванный, но чистосердечный цѣнитель всего и всѣхъ—за и противъ —друзей и недруговъ, я не затушевываю, не закрашиваю, не утаиваю въ половину моихъ мнѣній: правда мнѣ всего дороже. Отсюда понятно, что я, какъ издатель многихъ свѣдѣній о жизни и времени Филарета Московскаго Митрополита, вмѣнилъ въ священную себѣ обязанность возстановить истину въ ошибочныхъ о немъ толкахъ, слухахъ и писаніяхъ; обнаруживать опрометчивость, или неблагонамѣренность заключеній объ его душѣ и сердцѣ, о характерѣ и дѣлахъ; обличать событіями и исторической критикой всякую о нёмъ ложь и клевету на него. Такъ въ 1-мъ изданіи моихъ «Записокъ,» и въ разныхъ статьяхъ и указаніяхъ, прежде и послѣ выхода моей книги, я, не стѣсняясь ни значеніемъ, ни силой, ни высотой тѣхъ, или другихъ, особъ, ни моими къ нимъ личными отношеніями, неопровержимо, думается мнѣ, опровергнулъ все ошибочно, ложно, нечестно и злонамѣренно сказанное и распространенное о немъ печатно, письменно и на словахъ кѣмъ бы то ни было (Домашняя Бесѣда, Странникъ, Москвичъ, Чтен. въ Общ. Ист. и Др. Рос. и т. д.). Не смотря на близкое знакомство и даже пріязнь съ

---

[16] Не понимаю, для чего издатель этихъ многоцѣнныхъ писемъ скрылся подъ треми, на заглавномъ листѣ, буквами, тогда какъ изъ книги видно, что онъ— сынъ Николая Николаевича Муравьева, братъ Графа Михаила Николаевича и Карскаго Николая Николаевича, дядя Графу Леониду Михайловичу? Чуть не вся родословная тутъ.

одними, на чувства уваженія и любви къ другимъ, на заслуженную извѣстность и добрую славу иныхъ, я прямо говорилъ: о патріотѣ Шишковѣ, объ ученомъ Екзархѣ Ѳеофилактѣ, о просвѣщенномъ Стурдзѣ, о благородномъ Графѣ Пратасовѣ, о даровитомъ Павскомъ, о честномъ и незлобивомъ Графѣ Комаровскомъ, о почтенномъ Архіереѣ Веніаминѣ, и т. д., я безстрашно указывалъ и на страшныхъ не рѣдко, при гнѣвѣ, редакторовъ повременныхъ изданій, намекалъ на нѣкоторыхъ для собственнаго ихъ вѣдома; пристыжалъ вообще поднявшихъ пяту на Іерарха.

Такъ и теперь я обличаю — обмолвки и недомолвки, запамятованія, заблужденія и т. п. въ разсказахъ и поясненіяхъ А. Н. М., не смотря на давнее, правда, не тѣсное, но всегда мирное, знакомство мое съ нимъ, на многократно заявленное мной сочувствіе и уваженіе къ его литературной дѣятельности и даровитости (Зап. о жизни и времени М. М. Филарета; М. У. Благор. Пансіонъ и проч., Раутъ, истор. и литер. Сборникъ 1854), не смотря на радушныя посѣщенія моей семьи его отцомъ и братьями, Николаемъ и Александромъ Николаевичами, на мою связь съ Графомъ Михайломъ Николаевичемъ, родственную, по моей женѣ, дружественную по сердцу; не смотря, наконецъ, и на встрѣчи наши у Святителя, назидавшаго: его, съ 1832 года, большею частью письменно; меня, съ 1828, большею частью устно, особенно же въ послѣдніе 25 лѣтъ постояннаго пребыванія моего въ Москвѣ, съ 1842 по 13 Ноября, 1867: это было прощальное мое съ нимъ, за пять дней до его кончины, свиданіе. И такъ къ дѣлу.

«Были крещенные, которые переводомъ и толкованіемъ хотѣли сдѣлать Библію безъ Христа.

«Теперь у нихъ перенялъ обрѣзанный то же самое, и хочетъ сдѣлать Библію безъ Мессіи.

«Вотъ Вамъ образчикъ толкованія. О Енохѣ сказано: «не обрѣташеся, зане преложи его Богъ» Толкованіе новаго переводчика: «умеръ отъ паралича, либо отъ чумы.»

Издатель писемъ не замѣтилъ, какъ замѣчательна въ нѣсколькихъ строкахъ оцѣнка перевода Библіи на Французскій языкъ Когеномъ! Митрополитъ торопился «очистить отъ нея (Библіи) столъ и руки.»

«Вмѣсто епитеміи я заставилъ себя читать до повечерія пере-

водъ Мессіады. Посмотрите карандашъ, и судите, годнымъ ли образомъ прохожу я епитимію.»

Нельзя не отнести къ тяжелымъ трудамъ и подвигамъ долготерпѣливаго учителя его многолѣтнюю переписку съ А. Н. М., непрестанно и неустанно доставлявшимъ ему на просмотръ, дополненіе, исправленіе и т. д., свои произведенія, съ 1832 г. чуть не до послѣдняго вздоха Святителя. Г. Муравьевъ не усомнился озаботить его даже своимъ переводомъ Клопштоковой Мессіады. Мало того: онъ, послѣ двухъ, трехъ, недѣль допрашивалъ уже пастыря: прочтена ли поэма? Въ отвѣтъ ему сказано: «Литераторы бываютъ слишкомъ нетерпѣливы.» Что жь тутъ обиднаго?... Однако литераторъ обидѣлся, и «Владыка, сейчасъ же, извинился въ опрометчивости своего слова!», и А. Н. М. повѣрилъ, что Владыка опрометчивъ, и хвалитъ его (стр. 4) за Христіанское смиреніе, т. е., за то, что извинился передъ нимъ. Не ему бы, думается мнѣ, свидѣтельствовать передъ потомствомъ объ опрометчивости, въ которой никто никогда не осмѣлился упрекнуть Іерарха. Преувеличенное самоумаленіе знаменитаго мужа передъ малоизвѣстнымъ еще лицомъ не иронія ли, въ урокъ обидчивости и гордости молодаго человѣка? На частныхъ вечеринкахъ Екатерины, въ наказаніе за всякое нарушеніе установленныхъ ею правилъ для собесѣдниковъ, читали стихи изъ Телемахиды Третьяковскаго: не то же ли значитъ читать, вмѣсто епитеміи, переводъ Мессіады?

Стр. 11. «Естьли подлинно хотятъ дать Прокуроровъ Консисторіямъ: пусть дадутъ безъ меня, дабы, при разсужденіи о семъ, не поставили меня защитникомъ Архіерейскаго самовластія, тогда какъ я защищалъ бы права Іерархическія по ходу дѣлъ и для пользы подчиненнаго Консисторіямъ духовенства... Сія глаголя, не досаждаю ли Вамъ, какъ сущему отъ Оберъ-Прокурорства? Простите, свѣтъ истинный да показуетъ Вамъ лучшее.»

Стр. 13. «Естьли испросятъ позволенія посвящать во Священники не ученыхъ прежде 30 лѣтъ возраста: то сдѣлаютъ дѣло, сколь противное церковнымъ правиламъ, столь же вредное для управленія. Эти люди теперь обыкновенно исключенные ученики, т. е., выброшенные, какъ негодные. Ихъ долго надобно испытывать, чтобы годились во Священники: а раннее производство во Священники изъ таковыхъ даетъ самыхъ худыхъ Священниковъ. Я это знаю

по опыту, во время моего управленія Ярославскою Епархіею, гдѣ мой предшественникъ надѣлалъ такихъ Священниковъ. Вы не согрѣшите, если то, что теперь пишу, перескажите, кому вѣдать надлежитъ.

Стр. 14. Ни до «Патерика,» ни до «Бесѣды къ Старообрядцу» не могу дотянуться рукою чрезъ кучу приказныхъ бумагъ, даже и въ святки. Потерпите, а долго ли, не знаю.

Стр. 556, 557, 593. Теперь прислали въ Указѣ новое изобрѣтеніе Преосвященнаго Н..., чтобы брать деньги за наперсный крестъ, за камилавку, за скуфью, за набедренникъ, за метрическую и брачную запись, за жалобу, даже за мертвыхъ на кладбищѣ; за Архіерейскую грамоту 25 р., за введеніе Архимандрита въ монастырь 10 р. Слава Богу, что еще не утвердили сего, а требуютъ мнѣнія. Я составилъ Комитетъ, чтобы облегчить неудобства сихъ предложеній. Поговорите Владыкѣ Кіевскому, чтобы не споспѣшествовалъ превращенію церковнаго управленія въ рынокъ.

Тѣмъ, которые жалуются, что мало ученыхъ монаховъ, не безполезно было бы посовѣтовать, чтобы тщательнѣе образовали въ монашескомъ духѣ и въ способности къ службѣ тѣхъ немногихъ, которые выходятъ изъ ихъ рукъ.»

Здѣсь не нужно поясненій. Таковы были его убѣжденія относительно дѣлъ церковныхъ. Что же касается всѣмъ извѣстнаго сочиненія «Бесѣды къ глаголемому Старобрядцу,» нѣтъ сомнѣнія, что этѣ бесѣды, дополненія къ нимъ и отвѣты на вопросы Старообрядцевъ, написаны, не по случайно сказанному слову при немъ, или ему, Православнымъ міряниномъ, а по обязанности, призванію и желанію пастыря образумить заблуждающихъ; что къ подобному труду нельзя приступить внезапно, экспромптомъ (какъ придѣлываютъ стишки къ заданнымъ риемамъ); что къ нему долго нужно готовиться предварительной работой надъ источниками, книгами, рукописями раскольниковъ всевозможныхъ названій; что заботы нашего богослова-проповѣдника о вразумленіи отщепенцевъ видны во многихъ изъ его Словъ и рѣчей,» сказанныхъ имъ и прежде и послѣ изданія «Бесѣдъ.» Но Г. Муравьевъ объявляетъ, что первая «Бесѣда» написана по тому, что онъ усомнился: «Челобитная Соловецкая не заключаетъ ли въ себѣ истину?» Въ подтвержденіе этой смиренной мысли приведено сказанное ему на другой день: «Я побоялся, чтобы Вы не сдѣла-

лись раскольникомъ, и написалъ возраженіе.» Очевидно, что это сказано въ шутку. Тридцать печатныхъ страницъ (изд 3) занимаетъ первая бесѣда; не коротенькая же рукопись написалась въ одинъ присѣстъ и, видно, въ очень длинную ночь. Трудно, однако, вообразить, чтобы она поспѣла на другой день. Да не такъ и было: письмо отъ 30 Декабря, 1834, а первая «Бесѣда, напечатана еще 25 Марта. Прочія въ Апрѣлѣ и Маѣ 1834, въ Февралѣ (двѣ), въ Сентябрѣ и Ноябрѣ 1835, въ Апрѣлѣ (три), и послѣдняя 30 Сентября, 1836. И такъ этотъ трудъ созрѣвалъ и совершался (то въ Москвѣ, то въ Петербургѣ), по крайней мѣрѣ, три года, съ тою приготовительною работою, какая здѣсь требовалась. Планъ былъ обширный: предполагалось коснуться всѣхъ догматическихъ, обрядныхъ, историческихъ, вопросовъ (стр. моихъ «Записокъ» 84 — 85). Жалѣя, что не успѣлъ довершить это произведеніе, какъ бы желалъ, Митрополитъ не сказалъ мнѣ, что онъ обязанъ имъ Г. Муравьеву, тогда какъ всякое стороннее, откуда бы ни было, побужденіе, или, какъ говорится, починъ (внушеніе, вліяніе, настояніе) онъ всегда объяснялъ, указывая на лица и поводы, которыми былъ вызванъ на то, или другое, дѣло, сочиненіе, предположеніе. Такъ указано на Князя А. Н. Голицына, по желанію котораго написаны «Разговоры между испытующимъ и увѣреннымъ» и проч., и, по его же порученію: «Изложеніе о разности между Восточною и Западною Церковію въ ученіи Вѣры» (напечатанное въ 1-й кн. «Чтеній въ Обществѣ Исторіи и Древн Россійскихъ» 1870 г.); на А. Н. Оленина, по задачѣ котораго составлено: «Разсужденіе о нравственныхъ причинахъ неимовѣрныхъ успѣховъ нашихъ въ настоящей (съ Наполеономъ) войнѣ;» наконецъ на какого-то раскольника, своими толками о статьѣ Филарета, Епископа Рижскаго: «Богослуженіе Русской Церкви до Монгольскаго времени» (тамъ же, 1847 г., кн. VII), подвигнувшаго Московскаго пастыря написать: «Нѣчто о древнемъ образѣ крестнаго знаменія» (стр. моихъ «Записокъ» 82, 86, 87, 88).

Сверхъ этого, вотъ еще и два письма Владыки къ своему Викарію о доставленіи нѣкоторыхъ свѣдѣній для этой работы, отъ 1-го и 2-го Апрѣля, 1834 г., т. е., за нѣсколько мѣсяцевъ до мнимаго почина Андрея Николаевича:

1-ое. «Прошу, Ваше Преосвященство, сказать и приказать Архангельскому Протоіерею слѣдующее:

Въ Архангельскомъ Соборѣ есть староцисьменное Евангеліе. Изволилъ бы онъ осмотрѣть оное получше, и пооснователькѣе сказать, яже о его времени. Да посмотрѣлъ бы,. какъ писано въ немъ имя Іисусъ; и если окажется ІИ, либо ИІ: то выписать мѣста съ указаніемъ листовъ и прислать ко мнѣ. Хорошо не медлить.

Еще велите Чудовскому Намѣстнику осмотрѣть Евангеліе Святителя Алексія, съ такимъ же наблюденіемъ о имени Іисуса. Помнится, къ сему Евангелію приписаны еще посторонніа статьи: записать и сказать, что такое.

Теперь ѣду въ Императорскую Библіотеку за такими же справками.

2-ое. Велите, кому можно и надежно, пойти въ Синодальную Библіотеку, найти первоначальную рукопись Стоглаваго Собора, и въ ней главу 9 ю, а въ сей главѣ о разнорѣчіяхъ Символа Вѣры, начиная отъ слова: «такожде и вѣрую во единаго Бога суще глаголется,» и пр., и выписать статью сію съ точностію, и пришлите сію выписку ко мнѣ.»

Стр. 38. «Я думалъ, въ концѣ Іюля имѣть возможность съ Вами безъ труда бесѣдовать живою грамотою, или, какъ Гомеръ приказалъ говорить Гнѣдичу, крылатыми словами. Но полученное вчера вечеромъ письмо Ваше заставляетъ меня тащить сегодня по сей бумагѣ мертвыя слова, и дать имъ, вмѣсто крыльевъ, колеса почтовой телѣги....»

Митрополитъ не любилъ высокопарности, не рѣдко встрѣчающейся въ переводѣ Гнѣдича, хотя въ цѣломъ цѣнилъ его прекрасный и полезный подвигъ ознакомить не знающихъ Греческаго языка съ Иліадой. Позже Жуковскій пытался обрусить Гомера въ своемъ подстрочномъ переложеніи съ Нѣмецкаго Одиссеи. Но Гнѣдичъ заботился о сохраненіи возможной, такъ сказать, подлинности своего подлинника.

Стр. 38. «Видѣлъ нѣкую (въ Θеодоровскомъ монастырѣ) особу въ одеждѣ послушницы, которую Игуменья назвала вкладчицею.»

«Митрополитъ (стр. 41) намекаетъ въ Переяславльскомъ женскомъ монастырѣ на загадочную личность Фотиніи, крестницы Архимандрита Фотія, ради которой обитель сія была осыпана щедротами Графини Орловой. Но эта Фотинія, послѣ смерти своихъ благодѣтелей, бросила монашеское платье и вышла замужъ.»

Это поясненіе Муравьева очень любопытно. Не та ли же это

монахиня, о которой упомянуто въ письмахъ Митрополита къ Епископу Дмитровскому, Николаю, которая побывала въ трактирѣ, появилась въ Серпуховѣ съ портретомъ Фотія, и проч.? Это путеводительная нить для біографіи Фотія и его Фотиніи.

Стр. 42. «Грамота о Морозовѣ, сначала Христіанская и Патріаршеская, а далѣе нищенская. Скучно слушать, какъ Патріархъ у Царя проситъ отчинки, будто нищій копѣйки, принужденно усиливаясь продолжать и разнообразить милостынный напѣвъ, между тѣмъ какъ изъ дѣяній Собора 1667 года видимъ, какъ многимъ онъ владѣлъ.

Грамота, въ которой Никонъ смиренно проситъ у Царя прощенія, есть, по моему мнѣнію, одинъ изъ лучшихъ оправдательныхъ актовъ для его памяти.

Грамота, въ которой увѣщеваетъ Царя прекратить гнѣвъ, защищается отъ обвиненія въ титлѣ Государя, обличаетъ въ нарушеніи тайны Патріаршаго архива и проч., кромѣ немногихъ примѣровъ, жестоко приведенныхъ, достойна Патріарха, соединяя дерзновеніе правды съ должнымъ уваженіемъ Царю и скромнымъ выраженіемъ о себѣ.

Грамота противъ совершавшаго обрядъ недѣли Вай не содержитъ ни чего основательнаго, а пахнетъ остатками самовластія.» [17]

Вотъ также руководство для историка знаменитаго и невполнѣ еще разгаданнаго Никона. Оцѣнка приведенныхъ грамотъ установляетъ отчасти точку зрѣнія и на Патріарха, и на время его дѣятельности, на духъ времени и попрошайства, которое искони водилось на Руси, и не въ Духовномъ только сословіи, но и въ Боярскомъ. И начальствующіе, и служилые люди, всѣ, отъ мала до велика, добивались «кормленія:» кто выпроситъ на кормленіе мѣстечко, или должность, особенно же гдѣ ни будь подальше отъ Царскихъ очей, въ глуши, на рубежѣ родимой земли; кто вымолитъ отчину на кормленіе; кто (въ позднѣйшее время) имѣнійце въ аренду—тоже кормленіе.

Стр. 55. «Сжальтесь надъ Симоновскою колокольнею, хотя во

---

[17] Ученое поясненіе издателя (стр. 43): «Все это относится къ судному дѣлу Патріарха, котораго первый столбецъ или свитокъ переписаннымъ доставилъ я Владыкѣ.»

вниманіе къ ея высокому росту, который не долженъ быть Вамъ непріятенъ.»

Когда Архимандритъ Мельхиседекъ старался поставить въ Симоновской обители колокольню выше Ивана Великаго, всномнилось Митрополиту, что А. Н. М. не величался своимъ высокимъ ростомъ.

Стр. 70. «Позвольте доложить, что мы съ Святославскимъ худы нѣсколько менѣе, нежели Вы думаете. Я я не столько плохъ, чтобы ему позволить распечатывать что ни будь поступающее ко мнѣ, и онъ не столько дерзокъ и безчестенъ, чтобы распечатывать чужія письма, и перечищать числа. Вотъ въ чемъ дѣло: мы, по старому вѣку, не привыкли на челѣ письма, надъ почтительными, или дружелюбными, воззваніями ставить число, какъ будто клеймо на лбу преступника, а всегда ищемъ числа тамъ, гдѣ въ старину писывали и гдѣ можно написать на вѣрное: «дано, или писано,» т. е., на концѣ письма. Тутъ не нашелъ я числа, и сказалъ Вашему родителю, что его нѣтъ; а потомъ, когда еще разъ сталъ читать письмо, чтобы отвѣчать, тогда уже увидѣлъ, что число на письмѣ есть.»

Здѣсь своеобразное разсужденіе о томъ, гдѣ вѣрнѣе ставить число, на верху, или на концѣ, письма,—само по себѣ; а главное дѣло въ томъ, что ему наскучили нападки на своего Секретаря, Святославскаго.

Стр. 93. «Прочитайте мою тетрадь, какъ я Ваши.»

«Не помню (говоритъ Г. Муравьевъ), о какой тетради идетъ рѣчь, но это показываетъ снисходительную довѣрчивость Владыки, и смиренное его сужденіе о своихъ произведеніяхъ.»

Митрополитъ называлъ печатныя брошюры тетрадями. Онъ раздавалъ ихъ желающимъ прочитать и яснѣе уразумѣть недавно слышанное въ церкви (слово, рѣчь, бесѣду); такъ дарилъ онъ нѣкоторымъ и свои отдѣльныя статьи, появлявшіяся въ повременныхъ духовныхъ изданіяхъ. Явно, что память на этотъ разъ обманула Г. Муравьева. Не зная, часто ли учитель обращался за совѣтами и поправками своихъ незрѣлыхъ твореній къ ученику, я искалъ благодарственнаго письма за исправленіе посланной тетради, но не нашелъ его въ изданіи. И что это, въ правду, за память человѣческая! Сколько разъ, и читаючи, и пишучи, доводилось мнѣ досадовать на эту безпечную, упрямую, своеволь-

ную, сумасбродную, память человѣческую! Ты просишь отъ нея повѣсти о чемъ ни будь важномъ, поучительномъ, а она суесловитъ о мелочахъ. Какъ не грѣхъ ей выкинуть изъ головы и сердца такой примѣръ смиренія Іерарха, не предъ Патріархомъ, а предъ А. Н. М.! Даже названіе и содержаніе брошюры позабыто.

Стр. 101. «Приходитъ на мысль забота, въ какое сосѣдство поставится Ваше описаніе Архангельскаго Собора въ книгѣ, назначенной для искупленія Смирдина. Легко случиться можетъ, что поставятъ Архангельскій Соборъ подлѣ смрадной корчемницы, или безстыднаго позорища, или вертепа разбойниковъ и подобныхъ украшеній романтическаго міра. За услуги Смирдина Словесности, не лучше ли ранѣе поблагодарила бы его Словесность добрымъ совѣтомъ, менѣе подкупать Словесность? Тогда, вѣроятно, и писатели въ своихъ книгахъ, да и Г. Смирдинъ въ своихъ счетныхъ книгахъ, меньше листовъ исписали бы мечтами. Но да простятъ меня книги! Желаю имъ истины, правды и пользы.»

Тутъ рѣчь идетъ о Сборникѣ: «Сто Русскихъ литераторовъ.» Строгій и тонкій критикъ не любилъ продажи и покупки литературныхъ произведеній. Какъ классикъ, не любилъ онъ сочиненій по заказу; призваніе и вдохновеніе — не ремесло; наука, художества, искуства, созрѣваютъ и процвѣтаютъ на свободѣ; заказщикъ стѣсняетъ своими требованіями и условіями поставщика стиховъ, или прозы; благородный трудъ даровитаго дѣятеля на полѣ письменности — не товаръ; оцѣнка денежная убиваетъ въ немъ нравственное чувство писателя и художника; ихъ двигатель и цѣль — желаніе завѣщать свои труды и свое труженическое имя потомству; а ихъ вознаграждаютъ, не столько по достоинству, сколько по толщинѣ рукописи, или по числу печатныхъ листовъ. Какой же это судъ созданій ума и сердца, свѣтлыхъ убѣжденій и чистыхъ стремленій? Художническая совѣсть засыпаетъ и... много ли теперь на всѣхъ языкахъ безспорно добросовѣстныхъ твореній?

Стр. 201. «Простите меня Вы, и да проститъ Михаилъ Петровичъ, [1] что я не согласился, чтобы напечатано было свѣдѣніе о Геѳсиманіи. Она не имѣетъ офиціально объявленнаго существова-

[1] Погодинъ.

нія: потому говорить о ней значитъ говорить о не существующемъ, или дѣлать доносъ и давать вину ищущимъ вины. При томъ она и сдѣлана не для извѣстности. Въ молчаніи все родится и растетъ. Дѣла, о которыхъ рано провозглашаютъ, часто кончаются звукомъ словъ. Помириться съ Михайломъ Петровичемъ я постараюсь.»

«Митрополитъ (говоритъ издатель его писемъ) особенно боялся огласки для своего новаго Геѳсиманскаго скита, который учредился самъ собою, безъ разрѣшенія Св. Синода, и довольно странно, что первое утвержденіе сему скиту привезъ я отъ Патріарха Іерусалимскаго, въ 1850 году, который благословилъ его основаніе своей грамотой, назвавъ «Новою Геѳсиманіею.»

Опять коварная память вынесла изъ своихъ историческихъ запасовъ невѣрную выписку! Основатель скита не боялся Синода и не таился отъ него. Онъ дѣлалъ то, что имѣлъ право дѣлать. Скрытность, хитрость и обманъ не въ его благородной природѣ. Какъ Платонъ устроилъ себѣ уединенную обитель — Виѳанію, такъ Филаретъ устроилъ пустынножительство—Геѳсиманію. Она не вновь учрежденный монастырь, а выселокъ подвижниковъ изъ Троицкой Сергіевой Лавры въ дремучій лѣсъ и въ подземныя въ немъ пещеры. Не любилъ онъ, приступая къ какому либо дѣлу, провозглашать о начинаніяхъ своихъ, какъ кукушка кричитъ на весь птичій міръ, что снесла яйцо, которое тотчасъ же и складываетъ въ чужое гнѣздо. Онъ всегда терпѣливо ожидалъ окончанія начатаго дѣла. Такъ и здѣсь, расчистивъ лѣсъ, приготовя пристанище переселенцамъ, возведя храмы, онъ гласно учредилъ Новую Геѳсиманію, говорилъ, при освященіи каждой въ ней церкви, назидательныя предъ народомъ проповѣди, и, стало быть, не опасаясь Синода, не дожидаясь отъ Патріарха Іерусалимскаго грамоты, который, конечно, могъ благословить нововозникшій скитъ, могъ, пожалуй, и угадать, какъ его назоветъ учредитель, но не имѣлъ права выдать чрезъ А. Н. М.: «первое утвержденіе сему скиту,» какъ не зависящему отъ его Святѣйшества. Желательно было бы видѣть это первое, а также и второе, утвержденіе скиту, т. е., согласіе предержащей власти на его существованіе. Но вотъ бѣда: не было вовсе объ этомъ ходатайства, стало быть, не было и втораго ни откуда утвержденія. А было въ послѣдствіи, не о скитѣ, или выселкѣ, подвижниковъ изъ Лавры, а о дозволеніи устроить при немъ лавки, что и дозволено, и онѣ устроены снаружи, у воротъ,

а не во внутреннемъ пространствѣ выселка. Какъ жаль, что издатель не оглашаетъ такихъ важныхъ бумагъ, какова грамота Патріарха, и не менѣе любопытныя грамоты отъ всѣхъ Патріарховъ на его званіе Епитропа (Повѣреннаго и даже Намѣстника Патріаршихъ Церквей, какъ самъ себя называлъ (стр. 410)! При этомъ кстати бы огласить и Высочайшее дозволеніе принять ему на себя епитропство или епитропію.

Стр. 355. «Вы не хотѣли признать, что я получилъ отъ Васъ выговоръ, и что Вы имѣете право сдѣлать его мнѣ. Ни какъ не обижаюсь, естьли Вы мнѣ сдѣлали выговоръ, и не отнимаю отъ Васъ права сдѣлать его впредь. Вѣдь, это не Французскій réprimande, который хочетъ réprimer, придавить человѣка, который сдѣлалъ Вамъ непріятное; Русскій выговоръ показываетъ, что выговаривающій готовъ бы былъ и молчать, но, по откровенности, или по желанію предупредить непріятное впредь, выговариваетъ, прерываетъ молчаніе, сказываетъ, что, по его его мнѣнію, не такъ, но не укоряетъ и не оскорбляетъ. Извольте въ семъ усмотрѣть скромность Русскаго языка, и помиритесь съ выговоромъ.»

Прочитавъ этѣ строки, я подумалъ: Какой тонкій урокъ безъ укора, какъ бы шутя, не превозноситься, не давать выговоровъ (которые бываютъ отъ старшихъ младшимъ, а не отъ чиновника Митрополиту)! Авось, думалъ я, вспомнитъ дающій ему выговоры Апостольское ученіе: «Не мнози учители бывайте, братіе моя, вѣдяще, яко большее осужденіе пріимемъ: много бо согрѣшаемъ вси.» Іак. III. 1. Мнѣ такъ вспомнилось и слово, сказанное на эти слова (Слова и Рѣчи, ч. I, стр. 228). Мнѣ всегда какъ-то становится страшно отъ этой проповѣди! Какъ бы не попасть въ бѣду — не сдѣлаться Діотрефомъ... а это легко можетъ случиться со всякимъ, при необузданіи прирожденнаго намъ тщеславія. «А въ комъ нѣтъ тщеславія?»—сказалъ мнѣ однажды почившій проповѣдникъ; а какъ быстро вторгаются въ душу за тщеславіемъ гордая самооцѣнка, самоугодіе, упорство, нетерпѣливость, злоба, зависть, лицемѣріе, мстительность, коварство... лишь бы поставить на своемъ, устоять на своемъ, не сознаться въ ошибкѣ и заблужденіяхъ, послѣднему сказать послѣднее слово... хоть бы надъ могилой возражателя, да лишь бы не уронить свою житейскую спесь!.. Смиреніе, глубокое смиреніе, только убиваетъ въ насъ тщеславіе

и рождаетъ смиренномудріе. А первенстволюбецъ Діотрефъ, пишетъ Евангелистъ Іоаннъ (3 Іоан. 1, 9,10), «не пріемлетъ насъ... хотящимъ возбраняетъ и отъ церкве изгонитъ!..»

Возвращаюсь къ строкамъ, при первомъ чтеніи показавшимся мнѣ ясными, а при объясненіи А. Н. М. кажущимися загадочными. «Владыка (объявлено имъ) съ большимъ смиреніемъ продолжаетъ оправдываться предо мною» (стр. 356). «Продолжаетъ!» Ужь не случилось ли что ни будь очень важное между ними? Ужь не обидѣлъ ли, волею, неволею, пастырь единую отъ овецъ своихъ? Не ужь ли онъ, всегда мирный, снисходительный, потерялъ терпѣніе? Какое же это было состязаніе, недоразумѣніе? Дай поищу въ предыдущихъ письмахъ и объясненіяхъ, не разрѣшится ли загадка?.. Пересмотрѣлъ—ни чего нѣтъ, ни малѣйшаго намека на ту, огромную, должно быть, вину, въ которой Митрополитъ «продолжаетъ оправдываться» передъ А. Н. М., и я остаюсь при первомъ мнѣніи, что его строки урокъ, а не повинная.

Стр. 589. «Правда, что о Св. Тихонѣ лучше было бы читать Синодальную Грамоту, нежели Указъ. И хорошо бы было, чтобы грамота прочитана была повсюду въ день открытія. Но что послѣ Указа, прежде открытія, пѣты молебны: въ чемъ Вы можете обвинять меня, въ томъ вины я не вижу. Мало ли Святыхъ, которыхъ мощи совсѣмъ не открыты, и которымъ поютъ молебны?»

Стр. 591. «Вы не согласились со мною, что можно было совершать молебны Святителю Тихону прежде открытія мощей его. Не соглашаюсь и я съ Вами, будто его состояніе до открытія мощей то же, что состояніе нареченнаго во Епископа до рукоположенія.

Епископа посвящаетъ рукоположеніе: отрытіе мощей не посвящаетъ Святаго; онъ уже посвященъ благодатію Божіею прежде, по крайней мѣрѣ, съ тѣхъ поръ, когда отъ него начали являться знаменія, а это началось прежде открытія мощей и прежде изслѣдованія. Изслѣдованіе доказало, что есть Святый; объявленіе отъ Св. Синода сдѣлало сіе извѣстнымъ Церкви, для того, чтобы вѣрующіе безъ сомнѣнія прибѣгали къ молитвамъ Святаго: слѣдственно, и пѣли ему молебны, открыты ли между тѣмъ его мощи, или нѣтъ.» [19]

Сказанное на стр. 589 не осталось безъ опроверженія, какъ

---

[19] Въ этомъ письмѣ упоминается и о нашихъ путешественницахъ, Русскихъ Парижанкахъ:

это обнаруживаетъ сказанное на стр. 591. Но далѣе не видно изъ ученыхъ коментаріевъ возраженія. Здѣсь невыразимо нова мысль, что мощи—не мощи до открытія ихъ, т. е., до прочтенія о признаніи Святаго святымъ Указа, или Грамоты, и до совершенія обычныхъ обрядовъ и духовныхъ дѣйствій, подобно какъ нареченный Епископъ — не Епископъ до рукоположенія!..

Стр. 597. «Благодарю за увѣдомленіе, что издатель «Православнаго Обозрѣнія» находится въ родственномъ ко мнѣ отношеніи: по тому что, давно будучи монахомъ, многаго подобнаго или не знаю, или не помню. Не скажете ли, что по родству отецъ его переведенъ на Московское кладбище?—Совсѣмъ нѣтъ, а по тому, что онъ имѣлъ заслугу по училищной службѣ, и еще болѣе по тому, что онъ глухъ и при церкви приходской неудобно ему служить, особенно въ отношеніи къ Таинству Покаянія.»

Уже прежде были «имѣющимъ уши слышати» намеки не стучаться въ запертую дверь съ совѣтами (стр. 267), не преслѣдовать на чужомъ полѣ по чему либо не нравящихся имъ лицъ подозрѣніями и нареканіями (на пр., Секретаря Святославскаго), не давать выговоровъ (предыдущая выписка), не покровительствовать: «опредѣленія на службу по покровительству вредятъ достоинству и растроиваютъ службу, и особенно ученую» (стр. 452).

Наконецъ, когда одинъ помѣщикъ, избравъ Священника въ свое село, не обратился прямо къ Владыкѣ, прямо имъ сказано: «Не уже ли онъ думаетъ, что я могу дѣлать только то, что потребуетъ Андрей Николаевичъ? Просимъ не прогнѣваться!» (стр. 453).

Но это письмо показываетъ, что есть предѣлъ и смиренію; что старецъ скучалъ непрерывными жалобами и нападками то на того, то на другого, и при томъ на близкихъ ему людей, испытанныхъ, оцѣненныхъ имъ; что онъ, не любившій бездоказательныхъ обвиненій и старавшійся сокращать переписку, а не распложать дѣлопроизводства, особенно же слѣдственнаго и уголов-

---

«Въ Парижѣ освященіе храма произошло, по вѣрнымъ свѣдѣніямъ, лучше, нежели Вы ожидали. Когда Архіерей шелъ около храма со Святыми мощами на главѣ, горожане, не только открыли головы, но иные и преклонили колѣна. У нашего Архіерея брали благословеніе по нашему обычаю; хуже всѣхъ, говорятъ, велъ себя Русскій женскій полъ: не безгласно стоялъ въ церкви. И такъ не гнѣвайтесь на несходное съ вашими мыслями распоряженіе, которое имѣло причины не поверхностныя.»

наго, тяготился заботами, справками и развѣдываніями, которыя требовались къ уличенію ли, къ оправданію ли, заподозрѣнныхъ предъ нимъ лицъ. Какими словами поставлено ему въ упрекъ его родство съ Протоіереемъ Сергіевскимъ, покуда не извѣстно; но будетъ же напечатана переписка Митрополита, хранящаяся въ Лаврѣ: тогда откроется и укорительное посланіе; говорю «укорительное», по тому что оно вызвало не къ услажденію укорителя пять строкъ, какъ бы въ оправданіе Епархіальнаго Начальника, и объ отцѣ издателя «Православнаго Обозрѣнія.» Сказанное подтверждается отвѣтомъ мнѣ Митрополита на мой вопросъ: «За чѣмъ Сергіевскій прекратилъ печатаніе апокрифическихъ Евангелій, хотя бы только въ извлеченіяхъ?»—«Андрею Николаевичу (сказано съ легкой улыбкой) не угодно.»—«Да онъ что за цензоръ?»—

«По усердію онъ поднялъ тревогу, а я не люблю шума; лучше, при началѣ превратныхъ толковъ, прекратить всякій къ нимъ поводъ.»

«Такъ В. В. Преосвященство запретили?»—

«Посовѣтовалъ издателю пріостановить печатаніе апокрифовъ. Я (та же тонкая улыбка) покаялся и повинился.»

И такъ настоящее письмо имѣетъ связь съ письмомъ объ апокрифахъ, изъ котораго видно, что помѣщеніе ихъ въ «Православномъ Обозрѣніи» не осуждалось; что это допущено Синодомъ, одобрившимъ программу журнала, и что апокрифы ожидали: допуститъ ли онъ сію часть изданія? Св. Синодъ допустилъ (стр. 569 — 570).

Повторю: есть предѣлъ и смиренію, какъ-то показываютъ приведенныя мною строки, уже безъ малѣйшаго смягченія и оговорокъ, по обычной снисходительности Митрополита къ обидчивости и щекотливости наставителя, репримандора и вразумителя, который жаловался на придирчивость (стр. 424). «Грустно, что всякое благонамѣренное замѣчаніе пріемлется съ неудовольствіемъ.» Не льстивыя, хотя и бѣглыя, замѣчанія въ его письмѣ сдѣланы на приступъ Г. Муравьева къ исторіи Патріарха Никона:

«Двѣ статьи прочиталъ я съ занимательностью. Но третья, о воцареніи и вѣнчаніи на царство Алексѣя Михайловича, выходитъ изъ предѣловъ исторіи Никона, и хотя любопытна, но вмѣстѣ и непріятна нестройнымъ дѣломъ и словомъ, и утомительна многословными и торжественными рѣчами.

«Никонъ самое колосальное лицо.» Это обидно для многихъ, на примѣръ, для Святителей Петра, Алексія, Іоны и Филиппа.

«Былъ выраженіемъ церковной жизни своего времени.» Или нѣтъ, или я сего не понимаю.

«Блистательный Архимандритъ.» Мнѣ кажется, эти слова удивляются, какъ имъ случилось стоять рядомъ.

«Вѣчевыхъ Владыкъ.» Думаю, не признаетъ ни Церковь, ни исторія.

Грамота начиналась, кажется, «не Псалтирью,» а Часословомъ.

«Спать на колодѣ благовѣстнаго колокола.» Что-то мудрено. Не знаю ни какой колоды при колоколѣ, кромѣ бруса, на которомъ онъ сидитъ. Это была бы слишкомъ узкая кровать.

Для чего родственники Никона, по смерти отца его, уговаривали «не предавать дома родительскаго запустѣнію?» Въ немъ была мачиха съ своими дѣтьми.

«На морѣ-океанѣ.» Для чего въ исторіи сказочное выраженіе?

«Пучина» есть ли близъ Соловецкаго монастыря?..

«Празднуя честь иконѣ.» Празднуютъ Спасителю, или Божіей Матери, или Святымъ.

Прошу прощенія въ прекословіи!» (стр. 598 —599).

Кончая мои выписки этимъ письмомъ, въ надеждѣ, не укажетъ ли оно: какъ должно понимать и многія другія, не по буквѣ, а по духу, въ ихъ истинномъ смыслѣ, въ заключеніе приведу нѣкоторыя свѣдѣнія и соображенія по перепискѣ Іерарха съ А. Н. М. касательно вопроса: О« времени преложенія Св. Даровъ.»

Не догадываясь, что тревога на изданіе «Творенія Св. Отцовъ» была поднята Муравьевымъ, я глядѣлъ на всѣ выходки, упорство, раздражительность, нетерпимость, какъ на «ревность не по разуму» какого ни будь новообращеннаго, заносчиваго юноши неофита, и по тому снисходительно отозвался о совопросникѣ въ моей книгѣ. Но теперь передо мною мужъ зрѣлый, преисполненный чувствомъ собственнаго достоинства, увѣренный въ своей непогрѣшимости, признающій себя не ученикомъ, а учителемъ Владыки, вопреки слову Божію: «Нѣсть ученикъ надъ учителя,» и равносильнымъ ему богословомъ, и по тому такъ смѣло, гордо, настоятельно, вызывавшій на бой снисходительнаго, терпѣливаго, щадившаго до крайней возможности самолюбіе, самонадѣяніе, самомнѣніе бойца, искавшаго, однако, себѣ и союзниковъ, опол-

чаясь на смиренномудраго соперника! Говорю соперника со словъ самаго ратоборца, не скромно заявившаго, что «между имъ и Митрополитомъ возникла странная и не совсѣмъ пріятная (правильнѣе: вовсе непріятная) полемика, т. е., состязаніе, чтобъ не сказать перебранка, равнаго съ равнымъ... Эта полемика помѣщена въ Приложеніяхъ къ моимъ «Запискамъ.» Муравьевъ нашелъ ее неудовлетворительною, и перепечаталъ въ своемъ изданіи по своему, съ убавленіями и добавленіями, съ пропусками и измѣненіями. Какъ назвать такія видоизмѣненія, да еще не въ собственныхъ только, а въ чужихъ, писаніяхъ? Это ужь не просто разнословіе, или разнорѣчіе, или иночтеніе, не поправки даже, а новыя стрѣлы ратующаго, новое препирательство высокомудрствующаго сь смиренномудрствовавшимъ; это война живаго съ мертвымъ—правда не опасная: тутъ нечего бояться возраженій и обличеній... изъ гроба. Въ примѣчаніи О. Б. (редактора «Чтеній въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ») къ моей статьѣ: «О запискахъ Юрьевскаго Архимадрита Фотія», [20] между прочимъ, замѣчено на слова А. Н. М, будтобы «списки полемики появились въ печати не въ удовлетворительномъ видѣ,» что «это еще вопросъ, который будетъ разъясненъ повѣркой напечатаннаго, какъ въ «Запискахъ» Сушкова, такъ и въ изданной книгѣ А. Н. М., съ тѣми дополненіями и списками, которые переданы самимъ Филаретомъ въ Московскую Духовную Академію.»

Чтобь убѣдиться въ буквальной точности списка, съ котораго напечатано въ моей книгѣ «словопрѣніе,» какъ называетъ Муравьевъ возникшую переписку о времени пресуществленія Св. Даровъ, я отправился въ Троицкую Сергіеву Лавру, сличить мой списокъ со списками другихъ, и послушать тамъ преданія о впечатлѣніи, произведенномъ на издателей «Твореній Св. Отцовъ,» на Ректора, Намѣстника и вообще ученыхъ и благочестивыхъ подвижниковъ въ Лаврѣ и Виѳаніи, бурей, принесшейся съ Кавказа. Поиски мои открыли, что первое нападеніе на Лаврское изданіе смутило Ректора, Цензора, Редактора и всѣхъ сотрудниковъ; что первое письмо называли въ Лаврѣ не письмомъ, или донесеніемъ по обязанности, или по требованію, а донесеніемъ по призванію и доброй

---

[20] Чтенія 1869 г., кн. III.

волѣ; что потомъ чудились нападкамъ и нападчику, радовались защитѣ и дивились долготерпѣнію защитника; что желали напечатать переписку, въ намѣреніи самимъ вооружиться на гонителя, стать съ нимъ лицомъ къ лицу и обличить «живущаго въ немъ духа препирательства, настойчивости» (это говорю не я, а преданіе); что прозорливый Архимандритъ Лаврскій угадалъ такое намѣреніе, и не согласился на оглашеніе переписки; что списки съ нея не ходили по рукамъ, хотя и носился слухъ, что въ Виѳаніи Студенты успѣли добыть и списать ее тайкомъ, торопливо, въ одну ночь, въ нѣсколько рукъ, но что они не смѣли распространять переписку, которая хранилась въ тайнѣ; что только одинъ Ректоръ имѣлъ въ ту пору возможность снять вѣрный съ нея списокъ для себя; что позже даже и не слышно было, чтобы кто ею воспользовался, кромѣ, развѣ, опять также одного лишь новаго Ректора; что въ моей книгѣ она приведена вѣрно, а въ изданіи А. Н. М. не вполнѣ согласно съ тѣмъ, что, келейно, впрочемъ, читалось, слушалось, обсуживалось въ свою пору, и остается еще въ памяти старожиловъ. И такъ, преданіе, одинъ изъ источниковъ бытописанія, не утверждаетъ сказаннаго Муравьевымъ, будто списки полемики «ходили по рукамъ.» Сличеніе же двухъ и, вѣроятно, единственныхъ списковъ съ подлинныхъ бумагъ, Митрополитомъ переданныхъ къ особому храненію, удостовѣрило въ вѣрности ихъ, такъ какъ они вполнѣ согласны, и только не важными описками, или немногими словами, разнствуютъ, на примѣръ: «писаніе» въ одномъ, «письмо» въ другомъ; «не произносилъ,» и «не приводилъ» текста, безъ «всякой силы,» и «безъ великой силы;» «преданіе» (о Папѣ) и «признаніе Папы;» «если» вмѣсто «есть ли» въ Латинскомъ Служебникѣ молитва: это явная ошибка, а далѣе «совершатися»—явный пропускъ въ одномъ изъ двухъ списковъ. Вотъ и всѣ описки.

Теперь сличимъ напечатанное въ изданіи А. Н. М. съ рукописью.

Стран.	Строк.	
216,	26	Ссылка на Матѳ. XXVI, 26, 28; въ рукописи же выписанъ самый текстъ: «Пріимите, ядите,» и т. д. Далѣе, въ рукописи, подъ строкой ссылка: De proditione Jud. Hom. 1, 6, tom. II, pag. 364, а въ письмахъ ея нѣтъ.

Стран.	Строк.	
216,	33	«и сіе слово измѣняетъ предложенное,» и проч. но въ рукописи: «Сіе слово измѣняетъ (μεταῤῥυθμίζει) [21] предложенное...
217,	и 10	строкъ 218-ой: приступъ къ 150 письму, котораго въ рукописи вовсе нѣтъ.
218,	12—13	«и затруднить меня въ приготовленіи къ слѣдующему дню,» добавлено.
—	15—16	«и какъ явную ошибку нельзя исправлять тайно, рѣшился дать предложеніе Академической Конференціи,» добавлено.
—	17—19	«Беру книгу; смотрю въ вашемъ письмѣ число страницы; не разбираю, не нахожу обличаемаго мѣста. Наконецъ нахожу и читаю,» измѣнено; въ рукописи же: «Беру книгу; нахожу обличаемое мѣсто и читаю.»
—	20—23	«тогда какъ надъ приготовленными дарами, то есть, надъ хлѣбомъ и виномъ, возглашаются слова Іисуса Христа: «Пріимите,» и пр., добавлено.
—	24—25	«и завтра, по Литургіи, возвратиться къ сему дѣлу,» добавлено.
219,	11	«Посмотримъ, сколько здѣсь вины вмѣсто: «Посмотримъ, сколько здѣсь вины въ самомъ дѣлѣ.»
220,	2	«сію жалобу, вмѣсто: «сію ошибку.»
—	27	«да прораститъ» вмѣсто: «да произраститъ.»
221,	1	«земледѣліе» вмѣсто: «земледѣланіе.»
—	4	«простѣе» вмѣсто: «проще.»
—	6	«утвердить вѣрованіе» вмѣсто: «утвердить вѣру.»
—	9	«часто,» добавлено.
—	10	«о такихъ частяхъ» вмѣсто: «въ такихъ частяхъ.»
—	13	«выраженій» вмѣсто: «возраженій.»
—	16	«къ извиненію мѣста прибавленія» вмѣсто: «къ извиненію того мѣста въ прибавленіяхъ.»
—	17	«подвергшагося» вмѣсто: «которое подверглось.»
—	24	«и отдали справедливость составителю, что»... вмѣсто: «и признали, что»...

[21] Не измѣняетъ, а преобразуетъ, прелагаетъ, претворяетъ.

Стран.	Строк.	
—	31	«человѣческими словами» вмѣсто: «человѣческими только словами.»
222,	3	«Можно» вмѣсто: «Можете.»
—	4	«Я уже не расположенъ подвергать издателей суду Конференціи» вмѣсто: «Я уже не столько, какъ прежде «расположенъ гнѣваться на издателей.»
—	5	«Естьли Преосвященный Екзархъ одобрилъ,» вмѣсто: «Естьли кто одобрилъ»..
—	6	«ему» вмѣсто: «тому».
—	7—8	«который онъ произнесетъ не безъ выслушанія предстателя обвиняемыхъ» вмѣсто: «который произнесенъ будетъ не безъ выслушанія оправданія.»
—	9	«Охотно за Кавказъ» вмѣсто: «Охотно и въ дальній край.»
—	26	«теперь» вмѣсто: «въ наше время.»
223,	22—23	«ибо, что простительно міранину, то не простительно духовному лицу» вмѣсто: «ибо то простительно міранину, что не простительно духовному лицу.»
—	33	«въ своей Богословіи» вмѣсто: «въ своемъ Богословіи»..
224,	7	«освятить» вмѣсто: «совершить.»
—	8	«освящаются» вмѣсто: «совершаются.»
—	9	«преложи Духомъ» вмѣсто: «преложи ихъ Духомъ.»
—	12	«присвоять» вмѣсто: «прояснить.»
—	—	«въ изданномъ,» вмѣсто: «въ выданномъ.»
226,	32	«совершеніе Тайны,» вмѣсто: «совершеніе сея Тайны.»
227,	15	«не знаютъ» вмѣсто: «не знаетъ.»

Передъ слѣдующимъ письмомъ 152 вставлено письмо 151 (стр. 227—229), не идущее къ дѣлу, какъ касающееся другихъ предметовъ. Въ немъ только мелькомъ проглядываетъ иронія: «Я (написалъ Митро-

Стран.	Строк.	
228,	2—9	политъ) предъ вашею ревностію по Православію предстательствую за Академическій журналъ» Эти слова и слѣдующія строки, конечно, должно было огласить, но безъ примѣси стороннихъ обстоятельствъ: «Академія такъ довольна моимъ защищеніемъ, что проситъ въ журналъ выписки и изъ вашего и моего писемъ, съ исключеніемъ личныхъ выраженій. Но я сомнѣваюсь, надобно ли вводить публику въ такія догматическія подробности о Таинствѣ, которыя ничего не прибавляютъ къ силѣ и чувству Вѣры.»
229,	2—30	«Проводя недѣлю въ Лаврѣ, между прочимъ, для обновленія храма Преподобнаго Сергія, возвратился я въ Москву въ большомъ изнеможеніи, по увеличивающейся ветхости моей, и нашелъ Ваше письмо, не изъ числа тѣхъ, которыя могутъ облегчить больнаго.» Этого приступа въ рукописи нѣтъ.
230,	4—5	«Вотъ чего не доставало мнѣ: чтобы Преосвященный Исидоръ и Андрей Николаевичъ представили»... въ рукописи же: «Вотъ чего недоставало мнѣ: чтобы... и... представили.
—	8	«Ближніи мои отдалече мене сташа,» добавлено.
—	18	послѣ слова: «понялъ» выпущено «ее.»
—	19	«и» вмѣсто: «а.»
—	22	«съ непризнающими» вмѣсто: «съ непризнающимъ.»
231,	16	«Есть ли желаемъ» вмѣсто: «Есть ли желали.»
—	25	«тотъ» вмѣсто: «то.»
232,	23	«молитвы» вмѣсто: «молитвъ.»
233,	25	«опредѣленіе вины Латинянъ» вмѣсто: «обвиненія Латинянъ.»
—	27	«дѣйствіе однимъ словамъ Христовымъ».. «однимъ,» добавлено.»
—	31	«знаменій» выпущено «надъ предлежащими Дарами.»
234,	6—7	«и конечно не для иной цѣли, какъ для преложенія оныхъ,» добавлено.
—	26	«а» вмѣсто: «и.»

Стран.	Строк.	
234	27	«Но судить» вмѣсто «Но чтобы судить.»
—	28	«малымъ» вмѣсто: «съ малымъ.»
—	29	«облегчительныхъ» вмѣсто «обличительныхъ.»
—	31	«Іисуса Христа,» добавлено.
235,	4	«призывается Духъ Святый» вмѣсто: «когда призывается Духъ Святый.»
—	18	«воздвигаетъ войну» вмѣсто «поднимаетъ войну.»
		За этимъ письмомъ слѣдуетъ очень важное Дополненіе; но оно выпущено, или забыто, издателемъ переписки (Прилож. въ моей книгѣ). Приступъ же въ письмѣ 153 вовсе не тотъ, какой въ рукописи (см. тамъ же).
237,	19	«представлялась» вмѣсто: «представилась.»
238,	5	«сею силою» вмѣсто: «ею.»
—	20	«сражаться съ ними» вмѣсто: «сразиться съ нами.«
239,	6	«Флорентинскаго,» вмѣсто: «Флорентійскаго.»
—	11	«Господними, и едиными» вмѣсто: «Господними словами, и едиными.»
—	25	«Іоанна Наѳанаила» вмѣсто «Іоанея Наѳанаила.»[22]

[22] Здѣсь представляется мудреная загадка: Митрополитъ указалъ на Скрижаль, но ни въ Новой (трудъ Архіепископа Нижегородскаго и Арзамазскаго, Веніамина Краснопѣвкова), ни въ Никоновской, я не нашелъ двойнаго имени «Іоанея Наѳанаила.» Муравьевъ поставилъ имя: «Іоаннъ Наѳанаилъ;» но этого нѣтъ ни въ Святцахъ, ни въ Мѣсяцословахъ. Справлялся я и въ иностранныхъ историческихъ и библіографическихъ словаряхъ, но и въ нихъ встрѣтилъ только близкія къ имени Іоанея имена Joanes, Joanet и Joanez, не прилагаемыя къ лицу, о которомъ идетъ рѣчь, и безъ придаточнаго прозванія «Наѳанаилъ.»

«Новая Скрижаль (Веніаминова) издана въ 1803 Преосвященный черезъ три года, въ 1806, напечаталъ ее вторымъ изданіемъ, съ нѣкоторыми, по пересмотрѣ своей книги, измѣненіями. Вѣроятно, и въ третьемъ, при жизни его, въ 1810 были также перемѣны. «Новая Скрижаль,» по смерти Веніамина, пережила еще шесть изданій. Въ послѣдствіи она печаталась уже въ переложеніи на современный языкъ; у меня третье изд. (Кораблева и Сѣрякова) на Русскомъ 1859, С. П. Б. Тип. Эдуарда Веймара. Не первоначальное ли 1803 изданіе Скрижали Веніаминовой случилось подъ руками Митрополита? Не на нее ли онъ ссылается? Наконецъ, не существуетъ ли какой иной, старинной, Греческой рукописной Скрижали, списанной, или составленной, «Пресвитеромъ Критскимъ Іоанеемъ (или Іоанномъ) Наѳанаиломъ?» Предлагаю эту задачу Еллинистамъ, библіографамъ, археологамъ.

Стран.	Строк.	
240,	17	«сіе» вмѣсто «сі есть.»
—	19	«пресуществуется» вмѣсто: «пресуществляется,» и опять: «сіе существо хлѣба,» и проч. вмѣсто: «сі есть существо хлѣба» и проч.
—	24	«совершенное» вмѣсто: «совершенно.»
—	28	«смотрите» вмѣсто: «посмотрите.»
241,	14	«Нельзя же думать безпечно» вмѣсто: «Нельзя дремать безпечно.»

Это послѣднее письмо кончено такъ:

«Узнавъ, что бесѣды о Таинствахъ думаютъ напечатать вновь, я сказалъ слова предостереженія, и скажу.»

Рукопись заключена слѣдующими словами: (это, конечно.» P. S., т. е., добавка послѣ подписи) «а надѣюсь, что мы съ обѣихъ сторонъ положимъ оружіе и возвратимъ прежній совершенный миръ, которому врагъ мира позавидовалъ.»

Которая изъ двухъ редакцій: «Записокъ ли о жизни и времени Филарета Московскаго,» или же: «Писемъ его къ А. Н. М.» удовлетворительнѣе? Пусть разрѣшатъ этотъ вопросъ библіографія и историческая критика. И та и другая требуютъ буквальной точности въ передачѣ письменъ печати. Ни та, ни другая, не допускаетъ перемѣнъ въ подлинныхъ рукописяхъ, ниже малѣйшихъ поправокъ, убавленій, прибавленій, а тѣмъ пуще пропусковъ. Выше указано на мягкоколкое дополненіе письма отъ 15 Марта, 1847, обличающее Езуитскую уловку состязателя; оно выпущено.

Какъ и чѣмъ объяснить тщетныя усилія ученика сразить учителя послѣ смерти его?... Не явно ли тутъ тщеславное мечтаніе стать выше его?.. Иное дѣло распоряженія Митрополита: онъ не выжидалъ смерти Муравьева, чтобы вновь возражать прилпѣвшимъ устамъ къ гортани; онъ передалъ Ректору его письма подлинникомъ, безъ всякихъ въ нихъ измѣненій, а свои, частью черневыя, частью въ спискахъ, и частію въ выпискахъ, изъ которыхъ, разумѣется, исключено все стороннее и не относящееся прямо и непосредственно къ предмету словопрѣнія, даже имя почтеннаго сочинителя записки: «Разсужденіе о времени преложенія Св. Даровъ,» которое, мимоходомъ молвить, силь-

нѣе и самостоятельнѣе всѣхъ разглагольствій А. Н. М Объясненія по поводу разсужденія уже не споръ съ міряниномъ. Здѣсь уже представляются читателю не пререканія ученика учителю, а мирная бесѣда двухъ Святителей, Митрополита и Екзарха, о затруднительномъ вопросѣ.

И такъ въ ожиданіи, что скажутъ библіографы, историческая критика и богословы, я оставляю помѣщенныя въ моей книгѣ письма къ А. Н. М., разсужденіе Екзарха (нынѣ Новгородскаго и С.-Петербургскаго Митрополита) и отвѣты Филарета Московскаго безъ малѣйшей перемѣны, отъ точки до точки, ни на іоту.

Николай Сушковъ.

15 Августа, 1870 г

ОБЪЯСНЕНІЯ.

I.

Въ Іюньской книжкѣ Петербургскаго Журнала «Заря,» въ отдѣлѣ Библіографіи, стр. 166, Г. Орестъ Миллеръ, между прочимъ, говоритъ слѣдующее о «Русскихъ народныхъ пѣсняхъ, собранныхъ П. В. Шейномъ и печатаемыхъ въ «Чтеніяхъ въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ:» «Пѣсни частью записаны самимъ собирателемъ въ различныхъ мѣстностяхъ Великой Руси, частію доставлены ему другими. Остается пожалѣть о множествѣ опечатокъ, за которыя, по всей вѣроятности, надо винить не самаго почтеннаго собирателя, такъ какъ сборникъ печатался въ Москвѣ; мѣсто же его настоящаго жительства — Витебскъ. Но еще большаго сожалѣнія заслуживаетъ то, что часть сборника, посланная изъ Витебска въ Москву по почтѣ, безслѣдно пропала, хотя въ книгѣ Московскаго Почтамта имѣется росписка въ полученіи обоихъ посланныхъ Г. Шейномъ тюковъ съ пѣснями.... Дѣло собиранія пѣсенъ и безъ того неблагодарно, при подобнаго же рода обращеніи съ ними оно становится окончательно не заманчивымъ.... А между тѣмъ Общество Исторіи и Древностей, куда адресованы были тюки Г. Шейна, состоитъ при Московскомъ Университетѣ.... И изъ того, что спаслось отъ погибели, напечатано еще не все.»

О множествѣ опечатокъ можно судить теперь по напечатаннымъ опечаткамъ за «Оглавленіемъ» 1-й части пѣсенчаго сборника Г. Шейна въ этой книжкѣ. Оказывается, ихъ на 45 листовъ не такое множество, какъ заявляетъ Г. Орестъ Миллеръ. При томъ большая часть ихъ приходится на первые отдѣлы пѣсенъ, съ подлинника коихъ и слѣдующихъ, по его неточности, оказалось не возможнымъ продолжать наборъ, и по тому большая половина его была отослана назадъ къ собирателю, съ просьбою просмотрѣть его тщательно и, исправивъ, возвратить. Къ сожалѣнію, вторично присланныя тетради не дошли въ Общество Исторіи

и Древностей Россійскихъ: онѣ, какъ открылось при розыскѣ, хотя и получены были въ Правленіи Московскаго Университета, куда отправлены Г. Шейномъ, но Чиновникъ, расписавшійся въ полученіи ихъ въ книгѣ Почтамтской, не могъ объяснить, куда онѣ дѣвались послѣ того, или кому онъ ихъ сдалъ? Разумѣется, онъ за то поплатился лишеніемъ мѣста, но отъ этого не легче было ни для собирателя, ни для Общества. Пришлось въ третій разъ списывать и доставить въ Общество. Отъ того печатаніе, естественно, позатянулось: напечатано же все, что спаслось отъ погибели, выражаясь словами Г. Ореста Миллера, т. е., что послѣ нея поступило въ Общество, именно: 1-я часть сборника; слѣдующая же часть и не доставлялась въ Общество никогда.

II.

Недавно появились «Записки, мнѣнія и переписка Адмирала А. С. Шишкова, изданіе Н. Киселева и Ю. Самарина, 2 тома въ Берлинѣ (B. Behr's Buchhandlung, 27. Unter den Linden), типографія I. С. Скрейшовскаго въ Прагѣ. 1870 г.» Во 2-мъ томѣ этого изданія помѣщены также и «Записки его съ 1824 по 1826 годъ» (стр. 161 — 290). Въ примѣчаніи 1-мъ къ симъ «Запискамъ» замѣчено, что «эта часть Записокъ» уже два раза появлялась въ печати. Въ первый разъ эти «Записки» были изданы въ 1863 г. Журналомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, по списку, полученному Протоіереемъ М. Я. Морошкинымъ отъ служившаго нѣкогда въ Синодѣ чиновника, Алексѣя Андреевича Павлова. Издатели, вѣроятно, съ цѣлію, не наносить полнаго ущерба законнымъ наслѣдникамъ автора, отпечатали весьма ограниченное число экземпляровъ и не пустили ихъ въ продажу. Во второй разъ они появились въ 1868 г., въ 3-й книгѣ «Чтеній въ Обществѣ и Исторіи и Древностей Россійскихъ» (Отд. II, стр. 1 — 142). Печатались они по тремъ спискамъ. Въ краткомъ предисловіи, Г. О. Бодянскій, упоминая о первомъ изданіи, высказываетъ мнѣніе, что эти Записки, не заключающія въ себѣ ничего запретнаго, должны сдѣлаться достояніемъ всѣхъ, а не однихъ избранныхъ. Мы конечно вполнѣ раздѣляемъ мнѣніе Г. Бодянскаго; но, не признавая за нимъ права

дѣлиться не принадлежащимъ ему достояніемъ, убѣждены, что почтенное ученое Общество допустило это нарушеніе правъ собственности именно только по тому, что «Чтенія,» по своему характеру, имѣютъ ограниченный кругъ избранныхъ читателей. Для неизбранныхъ же, т. е., для всѣхъ, мы, по праву владѣльцевъ собственноручныхъ записокъ адмирала Шишкова, назначаемъ настоящее изданіе.»

Изъ сего примѣчанія открывается: а) что это сказано обоими издателями, а не однимъ изъ нихъ, Г. Киселевымъ, хотя тоже въ примѣчаніи къ обоимъ томамъ, на отдѣльныхъ страницахъ напечатанномъ, и читаемъ: «Подстрочныя примѣчанія, обозначенныя цифрами и напечатанныя мелкимъ шрифтомъ, составлены однимъ изъ издателей, Н. Киселевымъ;» ибо въ примѣчаніи, о коемъ у меня теперь рѣчь, употреблены выраженія: «Мы конечно вполнѣ раздѣляемъ мнѣніе Г. Бодянскаго;» «мы, по праву владѣльцевъ собственноручныхъ Записокъ адмирала Шишкова,» и проч.

б) Если издатели раздѣляютъ мнѣніе Г. Бодянскаго, какъ выразились, «вполнѣ,» касательно того, что «Записки этѣ, не заключающія въ себѣ ни чего запретнаго, должны сдѣлаться достояніемъ всѣхъ, а не однихъ избранныхъ;» если при томъ они «убѣждены, что почтенное ученое Общество допустило это нарушеніе правъ собственности именно только по тому, что «Чтенія,» по своему характеру, имѣютъ ограниченный кругъ избранныхъ читателей,» т. е., говоря другими словами, по тому же самому, по чему не притязаютъ и къ Журналу Министерства Народнаго Просвѣщенія, котораго, по ихъ словамъ, «издатели, вѣроятно, съ цѣлью не наносить полнаго ущерба законнымъ наслѣдникамъ автора, отпечатали весьма ограниченное число экземпляровъ (а какое именно? Не больше ли еще противъ «Чтеній?) и не пустили ихъ въ продажу (но, конечно, раздавали и разсылали по своему усмотрѣнію, отъ чего ущерба едва ли меньше законнымъ наслѣдникамъ, по тому что и Министерскій Журналъ и Журналъ Общества имѣютъ одинъ и тотъ же кругъ читателей, т. е., ограниченный, по замѣчанію самихъ издателей); если все это такъ, за чѣмъ же законные наслѣдники Адмирала Шишкова привлекаютъ къ отвѣтственности лишь Г. Бодянскаго, говоря, что «мы не признаемъ за нимъ права дѣлиться не принадлежащимъ ему достояніемъ?» А издатели Журнала Министерства На-

роднаго Просвѣщенія, стало быть, имѣли это право? Вѣдь, и сіи послѣдніе, и Г. Бодянскій, находятся въ одинаковомъ отношеніи къ своимъ предержащимъ? Оба они только исполнители порученій послѣднихъ. Не изъ за словца ли «всѣхъ» такое возстаніе тутъ на Г. Бодянскаго? Но выраженіе: «должны (Записки) сдѣлаться достояніемъ всѣхъ» употреблено имъ въ его предисловіи къ нимъ въ противоположность только того таинственнаго появленія сихъ «Записокъ», по коему онъ узналъ о напечатаніи ихъ, какъ замѣтилъ о томъ и въ предисловіи своемъ, только по ссылкамъ на нихъ въ разныхъ журналахъ, какъ на напечатанныя, но безъ означенія, гдѣ именно, и единственно теперь, изъ примѣчанія издателей, узнаетъ о послѣднемъ въ первый разъ. Слѣдовательно: «достояніемъ всѣхъ» значило собственно: «достояніемъ не однихъ избранныхъ,» что и стоитъ у него тотчасъ за словомъ «всѣхъ.» Каково же это «всѣхъ,» сами издатели поясняютъ, говоря: «ограниченный кругъ избранныхъ читателей;» конечно, кругъ этотъ не большій такого же круга Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія, хотя послѣдній и не пустилъ напечатаннаго въ продажу, а Общество того не сдѣлало, по тому что оно не издаетъ ни чего ни для какихъ избранниковъ міра сего. А такъ какъ изданія его имѣютъ «ограниченный кругъ читателей,» по замѣчанію самихъ же издателей «Записокъ,» то, повторяю, выраженіе: «достояніемъ всѣхъ» равносильно этому послѣднему. Въ самомъ дѣлѣ, изданія Оащества Исторіи и Древностей Россійскихъ печатаются всего на всего въ числѣ 600, изъ коихъ всегда половина остается въ складѣ, такъ что, за исключеніемъ 3 годовъ, самыя «Чтенія» его можно имѣть и теперь еще за всѣ прочіе годы. Нѣкоторыхъ статей, правда, отпечатывается еще для сочинителей, или сообщителей, оныхъ извѣстное число, не свыше, однако, 300, въ видѣ вознагражденія, такъ какъ Общество, по своимъ вещественнымъ средствамъ, не въ состояніи вознаграждать своихъ сотрудниковъ инымъ образомъ. Это же дѣлаетъ Общество и для себя самаго, если помѣщаемое на страницахъ его изданія принадлежитъ собственно ему одному. Такъ изъ особыхъ оттисковъ «Записокъ Адмирала Шишкова,» въ теченіи 2-хъ лѣтъ не разошлось и 5-ти экземпляровъ. Такъ вотъ какой подрывъ нанесенъ Обществомъ Исторіи и Древностей Россійскихъ «праву законныхъ владѣльцевъ собственноручныхъ Записокъ Адмирала Шишкова!»

Но, какой бы «ущербъ» ни усматривали «законные владѣльцы Адмирала» въ напечатаніи Обществомъ части его «Записокъ,» во всякомъ случаѣ Г. Бодянскій тутъ ни при чемъ. Онъ не дѣлился, какъ видно изъ всего сказаннаго доселѣ, не принадлежащимъ ему достояніемъ: онъ такой же, повторяемъ еще разъ, тутъ исполнитель распоряженій Общества, какъ и издатели сихъ же «Записокъ» въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Какъ послѣдніе, такъ и онъ, предали тисненію оныя не для себя, и отъ расхода ихъ для нихъ столько же прибыли, сколько отъ козла, либо отъ быка, молока. Но за чѣмъ же, спрашивается, послѣ сего упрекъ въ присвоеніи чужого достоянія? За чѣмъ, по мнѣнію «издателей-владѣльцевъ собственноручныхъ Записокъ Адмирала Шишкова,» заподозривается въ этомъ О. Бодянскій, а издатели ихъ въ Журналѣ М. Н. Просвѣщенія не прикосновенны тому, по сужденію ихъ? Что за логика? Бодянскій врывается въ права не принадлежащаго ему достоянія, когда онъ, въ 18 лѣтъ своего Секретарства и Редакторства въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ, трудился и трудится безъ всякихъ видовъ на какое либо, откуда бы то ни было, возмездіе, а лишь, какъ выразился пѣвецъ Игоря Святославича объ его Русичахъ, «ищучи себѣ чти, а Князю славы!» А кто ищетъ чти, не безчестія же ищетъ. Досадно въ высшей степени, когда вынуждаешься пускаться въ подобныя объясненія, между тѣмъ какъ думалось, что авось то скажутъ о насъ когда ни будь другіе. Но честь, замѣчаетъ нашъ народъ, наживается головою, а защищается животомъ и душою.

Кромѣ того, по чему, въ глазахъ «законныхъ владѣльцевъ собственности и правъ Адмирала Шишкова,» печатавшіе прочія его произведенія въ другихъ повременныхъ изданіяхъ нашихъ не присвоители «не принадлежащаго имъ достоянія,» хотя и они тоже печатали оныя «безъ участія наслѣдниковъ, не съ подлинниковъ, а со списковъ, распространенныхъ,» безъ сомнѣнія, «самимъ авторомъ?» Да и сами издатели «Записокъ» своего родственника что сдѣлали, помѣстивъ въ своемъ изданіи (томѣ 2-мъ, стр. 156): «Мнѣніе о проектѣ и уставѣ Общества соревнователей просвѣщенія и благотворенія,» съ замѣткой: «Изъ «Чтеній въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ?»

норучныхъ Записокъ Адмирала Шишкова,» увидавъ напечатаніе ихъ въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, не прибѣгли къ тому самому средству, къ которому обратились, встрѣтившись съ напечатаніемъ оныхъ въ «Чтеніяхъ въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ,» т. е., къ объявленію въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» о преслѣдованіи судебнымъ порядкомъ тѣхъ лицъ, которыя стали бы продолжать дальнѣйшее печатаніе «Записокъ Адмирала» помимо воли наслѣдниковъ? До появленія въ печати этого объявленія родъ Шишкова считался, по общему мнѣнію, угасшимъ съ нимъ, и Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ, печатая сію часть его «Записокъ,» хотѣло тѣмъ почтить память замѣчательнѣйшаго нашего Государственнаго дѣятеля и пламеннаго патріота, а вовсе не имѣло въ виду какія-то мелочныя корыстныя цѣли, въ которыхъ теперь, въ лицѣ Г. О. Бодянскаго, своего Секретаря и Редактора изданій своихъ, оно обвиняется «законными наслѣдниками и владѣльцами собственноручной собственники Адмирала Шишкова.» Будь это сдѣлано своевременно Господами наслѣдниками, конечно, помѣщеніе «Записокъ» въ «Чтеніяхъ въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ» было бы не мыслимо, и, такимъ образомъ, печальное недоразумѣніе между нимъ и наслѣдниками не могло бы произойти. Но какъ бы то ни было, безъ этого столкновенія не скоро, думается, «Записки и прочія мнѣнія и переписка Адмирала Шишкова» сдѣлались бы достояніемъ «всѣхъ,» чѣмъ онѣ становятся теперь, будучи напечатаны въ Прагѣ и выпущены въ свѣтъ въ Берлинѣ. Какъ разъ именно для «всѣхъ!»

Но, полно-те, не для однихъ ли опять тѣхъ же «избранныхъ?»

Въ заключеніе и я повторю слова незабвеннаго Адмирала, сказанныя имъ въ сихъ же самыхъ «Запискахъ,» и поставленныя владѣльцами его собственности на челѣ 2-го тома ихъ изданія его сочиненій: «Правда не боится суда... Предстанемъ предъ судію справедливаго,—предъ ученый свѣтъ. Убѣгать отъ суда его есть внутреннее признаніе неправоты своей.»

О. Бодянскій.

19 Октября, 1870 г.

ОПЕЧАТКА

въ кн. II-й, Отд. V-мъ.

Напечатано:			*Читайте:*
Стр.	Строк,		
207.	5 снизу:	чистыхъ	частыхъ

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

ЧТЕНІЯ

ВЪ ИМПЕРАТОРСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ

при Московскомъ Университетѣ

выходятъ и въ 1870 году, какъ повременное изданіе, четыре раза въ годъ, по одной книгѣ, отъ 30 до 40 и болѣе печатныхъ листовъ, въ концѣ Марта, Іюня, Сентября и Декабря. Содержаніе каждой книги составляютъ: I. Изслѣдованія, II. Матеріялы: Отечественные, III. Славянскіе, IV. Иностранные, и V. Смѣсь.

Подписка годовая — шесть рублей серебромъ въ Москвѣ, а съ пересылкой въ другія мѣста — семь съ полтиной. Съ требованіями обращаться въ самое Общество, или къ Московскому книгопродавцу, Ивану Григорьевичу Соловьеву (бывш. И. В. Базунову), на Страстномъ бульварѣ, противъ Университетской Типографіи.

ЧТЕНІЯ

ВЪ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ

ОБЩЕСТВѢ ИСТОРІИ и ДРЕВНОСТЕЙ

РОССІЙСКИХЪ

ПРИ

МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

ПОВРЕМЕННОЕ ИЗДАНІЕ.

1870

Октябрь — Декабрь.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

МОСКВА.
1871.

I

ИЗСЛѢДОВАНІЯ

О

СОБОРНОМЪ УПРАВЛЕНІИ

ВЪ

ХРИСТІАНСКОЙ ЦЕРКВИ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Статья эта вызвана, очевидно, современностью, по требованію которой появилось въ недавнее время нѣсколько статей подобнаго же содержанія въ разныхъ нашихъ повременныхъ изданіяхъ. Я разумѣю тутъ, между прочимъ, весьма дѣльную статью С. П. Сушкова, помѣщенную въ 7-й книжкѣ «Русскаго Вѣстника» 1870 года: «Каноническое устройство церковнаго управленія,» которая, безъ сомнѣнія, вызвана была, въ свою очередь, предполагаемыми Правительствомъ преобразованіями судебной и управительной части въ Духовномъ Вѣдомствѣ, хотя, по увѣренію сочинителя своего, «составлены были уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ краткія замѣтки о церковномъ устройствѣ и управленіи на основаніи древнихъ соборныхъ правилъ Вселенской Церкви.» На эту статью явились не менѣе дѣльныя замѣчанія Профессора Каноническаго Права въ Московскомъ Университетѣ, Н. К. Соколова, подъ заглавіемъ: «О составѣ Епископскаго управленія въ древней Церкви,» напечатанныя въ 10-й (Октябрьской) книжкѣ «Православнаго Обозрѣнія» за 1870 годъ (стр. 445—478). По мнѣнію Профессора, составитель первой статьи «особенно недовольно опредѣлилъ вопросъ объ участіи мірянъ въ дѣлахъ церковнаго управленія, которое никто изъ авторитетныхъ церковныхъ писателей, не отрицалъ въ первоосновѣ (принципѣ), не говоря уже о Церкви, о каноническихъ воззрѣніяхъ ея на этотъ предметъ и о древней церковной практикѣ. Вопросъ здѣсь по этому въ томъ, чтобы опредѣлить свойства этого участія, его условія, формы и границы, въ особенности выяснить тѣ основанія, которыми должны опредѣляться отношенія этой дѣятельности мірскихъ членовъ въ области церковнаго управленія къ власти собственно церковной. Но, къ сожалѣнію, замѣчаетъ Профессоръ, сочинитель не остановилъ надлежащаго вниманія на этой сто-

ронѣ дѣла, не по тому, чтобы у него недоставало матеріала, но по тому, что предъ нимъ носилась въ увеличенныхъ размѣрахъ и заслоняла собою все остальное предвзятая (тенденціозная) мысль доказать канонически обширное и разнообразное участіе мірскихъ членовъ Церкви въ дѣлахъ ея внѣшняго управленія. Мысль эта, сама по себѣ, поставленная въ правильныя границы, не подлежитъ сомнѣнію; но и самая справедливая мысль, какъ скоро она получаетъ преобладающее значеніе въ ряду другихъ и сдѣлается тенденціозною, способна свести и изслѣдователя съ прямаго пути, заслонить предъ нимъ многія важныя стороны въ вопросѣ, принудить, почти незамѣтно, къ разнымъ натяжкамъ въ доказательствахъ для ея усиленія, къ невѣрной обрисовкѣ частныхъ фактовъ и привести къ одностороннимъ выводамъ (результатамъ).» Исправляя эти недостатки четвертой главы статьи С. П. Сушкова, Профессоръ опредѣляетъ отъ себя, на основаніи данныхъ историческихъ, каковъ въ самомъ дѣлѣ былъ въ древности составъ Епископскаго управленія. Къ этому же предмету относятся и другія двѣ статьи почтеннаго Профессора, изъ коихъ одна появилась прежде статьи его: «О составѣ Епископскаго управленія,» въ Сентябрьской книжкѣ того же повременнаго изданія, съ заглавіемъ: «Церковный судъ въ первые три вѣка Христіанства» (стр. 302 — 327), а другая послѣ, въ книжкахъ Ноябрьской (586—609) и Декабрьской (752—768), подъ названіемъ: «Каноническое устройство церковнаго суда по началамъ Вселенскаго Соборнаго законодательства.»

Въ предлагаемой небольшой статьѣ тоже разсуждается: «О соборномъ управленіи въ Христіанской Церкви,» примѣнительно къ Россіи, и выводятся три степени управленія суднаго: Епископскаго (единоличнаго), Митрополичьяго (окружнаго), Патріаршескаго или Синодальнаго (областнаго), что удовлетворяетъ и дѣлу церковно-законодательному, и церковно-правительному, и напослѣдокъ церковно-судному. Такой порядокъ суда, по убѣжденію сочинителя, сохраняется въ Церкви Христіанской отъ начала ея и до нынѣ, опираясь и на слово

Божіе, и на каноны, и на практику, и посягать на коренное свойство Епископства, обозначеніемъ котораго въ особенности занялся сочинитель статьи, опасно, «чтобы духъ Православія не отошелъ отъ мѣстной Церкви и не превратилась бы она изъ Божескаго въ человѣческое учрежденіе; ибо едва ли можно, говоритъ онъ, почитать Православною Церковь съ превращеннымъ характеромъ Епископства.»

Замѣчательно въ высокой степени, что этотъ вопросъ о необходимости созванія мѣстныхъ Соборовъ для дѣлъ Вѣры и нуждъ Церкви, независимо отъ постояннаго небольшаго Собора въ лицѣ Св. Синода, вовсе не новый вопросъ, появившійся только въ наше время. Напротивъ, пользу такой мѣры, «для укрѣпленія взаимной связи Епархій, поднятія далеко умалившагося значенія духовенства, его нравственнаго вліянія на пасомыхъ имъ, даже для укрѣпленія самаго Православія,» давно сознавалъ, и даже склонялъ къ тому наше Правительство, незабвенный для Москвы и всей Россіи, Московскій Архипастырь, Митрополитъ Филаретъ. «Въ бумагахъ Императора Александра Павловича, сообщаетъ намъ жизнеописатель Святителя (въ своихъ чрезвычайно любопытныхъ: «Запискахъ о жизни и времени Московскаго Митрополита Филарета» (М., 1868 г., стр. 194—196), нашлось его предположеніе о раздѣленіи духовнаго управленія въ Государствѣ на 9-ть церковныхъ округовъ; а въ такомъ случаѣ неминуемы были бы со временемъ и помѣстные и даже великіе Соборы. Какія затрудненія не дозволили Государю привести благую мысль въ исполненіе, продолжаетъ далѣе Н. В. Сушковъ, не знаю. Но мысль заявлена, и рано ли. поздно ли, вѣроятно, осуществится. Она возникла въ то время, когда Императоръ возымѣлъ намѣреніе раздѣлить Имперію на Генералъ-Губернаторства: онъ самъ поручилъ Митрополиту поставить въ соотвѣтствіе къ управленіямъ гражданскимъ управленія Епархіальныя. Тогда, разумѣется, окружный Архіепископъ, или Митрополитъ, сталъ бы въ тѣ же отношенія къ Епархіальнымъ Начальникамъ, какія существовали въ древности. Смиренный составитель проекта, по Высочайшей волѣ составленнаго, про-

силъ передать его трудъ на обсужденіе Синода. Но этотъ трудъ, какъ и многое, передъ отъѣздомъ Государя въ Таганрогъ, отданъ, съ другими бумагами, Графу Аракчееву. Графъ передалъ, однако, предпололоженіе Членамъ Синода. Члены отринули его, сказавъ: «За чѣмъ проектъ, и по чему намъ о немъ не говорено?» — «Такъ повелѣно (отвѣтилъ Митрополитъ), а говорить о немъ запрещено.» Синодъ, замѣчаетъ далѣе сочинитель Записокъ, конечно, со словъ покойнаго Іерарха, смотря по ходу и роду дѣлъ, являетъ собой, или совмѣщаетъ въ себѣ, двѣ степени суда: судъ высшій, на который нѣтъ аппелляціи, и судъ 1-й инстанціи, на который жалобы должны допускаться. Когда дѣла восходятъ установленными путями до Синода изъ Епархій, рѣшенія его окончательны; но когда они непосредственно въ немъ самомъ возникаютъ, тогда судъ его равняется суду 1-й степени или инстанціи, и такимъ образомъ онъ становится уже не верховнымъ судилищемъ, а собирательнымъ лицемъ областнаго Іерарха (Патріарха, мѣсто котораго онъ заступилъ), и жалобы на него могутъ быть приносимы только Собору Епископовъ. Таково древнее правило церковное. Такой со временемъ порядокъ, дастъ Богъ, будетъ соблюдаемъ и на Руси. Въ случаѣ жалобъ на приговоры Синода, предполагалось сзывать Епархіальныхъ Начальниковъ, въ числѣ 24, изъ старѣйшихъ по Іерархіи и менѣе отдаленныхъ отъ Петербурга. При невозможности же имъ собраться, станутъ требовать отъ нихъ мнѣнія на письмѣ по предположеннымъ дѣламъ и жалобамъ. Что до повременныхъ Соборовъ, Владыка признавалъ ихъ полезными уже въ томъ отношеніи, что личныя, волею, неволею, всегда болѣе искренні, нежели заочныя на бумагѣ, объясненія, скорѣе, удобнѣе, ближе раскроютъ истину и положатъ твердое основаніе къ правильному сужденію и къ справедливому постановленію приговора. Сношенія же письменныя онъ полагалъ вовсе безполезными, и даже вредными.»

Такъ вотъ когда уже и какъ думалось, говорилось и предлагалось, о занимающемъ теперь всѣхъ насъ вопросѣ чрезвы-

чайной важности,—церковномъ управленіи въ Русской землѣ. Но больше, чѣмъ странно, что обсуждающіе это первостепенной важности дѣло, духовные и свѣтскіе писатели наши въ повременныхъ изданіяхъ, совершенно забываютъ о первовиновникѣ онаго и его первообсудителѣ, словно, будто они только первые вызвали и поставили этотъ вопросъ! Вѣдь, давно уже было сказано мудрѣйшимъ изъ мудрыхъ: «Почитати же подобаетъ словеса славна.»

О. Бодянскій.

10 Генваря, 1871 г.
Москва.

О

СОБОРНОМЪ УПРАВЛЕНІИ ВЪ ХРИСТІАНСКОЙ ЦЕРКВИ.

Существуетъ мнѣніе о необходимости, чтобы Русская Церковь раздѣлена была на Округи или Митрополіи; чтобы каждую осень всѣ Епископы Округа соединялись въ Соборъ Окружный; чтобы, для приготовительныхъ кк Собору работъ, въ каждой Епархіи были съѣзды избранныхъ отъ духовенства и міранъ, на коихъ нѣкоторые вопросы могли бы быть окончательно рѣшаемы съ утвержденія Епископа, а нѣкоторые должны бы восходить къ Соборному сужденію; чтобы, въ свою очередь, на Окружномъ Соборѣ нѣкоторыя дѣла были окончательно рѣшаемы, а нѣкоторыя возводимы къ Большому Собору, который есть постоянный Синодъ; чтобы въ концѣ Собора, избранный Соборомъ Преосвященный, взявъ съ собою дѣла, Соборомъ не рѣшенныя, журналы засѣданій Собора и отчетъ Митрополита по управленію Митрополіею, ѣхалъ въ Синодъ, для присутствія и продолженія Синодальнаго годоваго Засѣданія (сессіи). Такимъ образомъ I. Синодъ, во первыхъ, будетъ имѣть характеръ Собора; ибо если не всѣ Епископы Русской Церкви будутъ въ Синодѣ, то, по крайней мѣрѣ, всѣ Митрополіи или Округи будутъ имѣть своихъ представителей; во вторыхъ, будетъ имѣть ясное понятіе о дѣлахъ, людяхъ и особенностяхъ всѣхъ частей отечественной Церкви и живое съ нею сношеніе. II. а) Епископы освободятся отъ гнетущаго одиночества, мертвящаго ихъ самихъ и жизнь Епархій; б) получатъ особое побужденіе заниматься внимательнѣе дѣлами Церкви. III Синодъ, Соборы, съѣзды, обнимутъ всю Церковь собою и возвратятъ ей прежнюю жизненность; ибо каждый членъ Церкви будетъ въ дѣйствіи, будетъ занятъ и болѣе важными и менѣе важными, и общими и частными, предметами. Такъ какъ Синодъ долженъ имѣть свойство Большаго Со-

1

бора, то надобно, чтобы въ Синодѣ число членовъ было болѣе, нежели въ найбольшемъ изъ Окружныхъ Соборовъ. Остальныхъ членовъ Всемилостивѣйше назначать изволитъ Государь Императоръ. Предсѣдатель Собора и Первостоятель всего Епископства Русской Церкви—Митрополитъ того города, гдѣ водворенъ будетъ Синодъ, и на его имя подаются въ Синодъ всѣ просьбы; за его подписомъ вся переписка съ Архіереями и главными Начальниками частей Государственнаго Управленія. Если нужно будетъ сохранить отдѣльность Вѣдомства духовенства придворнаго и военнаго—они сами собою станутъ въ каноническій порядокъ, при существованіи Митрополита первостоятеля, къ коему должны будутъ относиться. Тогда прекратится это странное учрежденіе, не существующее ни въ какой Церкви, ни даже въ Лютеранскихъ общинахъ, сохранившихъ Епископство. Вездѣ есть начальство личное и нигдѣ Соборъ съ лицомъ Епископа не смѣшенъ, какъ въ Россійской Церкви, гдѣ Св. Синодъ представляютъ намъ то въ характерѣ Патріарха, то въ харатерѣ Собора. Всегда и вездѣ духовенство все, безъ всякаго исключенія, подчинено Епископу тому, или другому, а соединившіеся Епископы составляютъ Соборъ, который власти каждаго Епископа не измѣняетъ и не отмѣняетъ. Къ сему надлежитъ присоединить, что установленіе трехъ означенныхъ степеней соборности:[1] Епархіальной, Окружной и Синодальной, удовлетворяло бы не только дѣлу церковно-законодательному и церковно-управительному, но и церковно-судному.

И слово Божіе, и каноны, и практика церковная, признавая въ Епископѣ полноту Священства, усвояютъ Епископству[2] всю судную власть въ Церкви. Низшая степень суда есть единоличный судъ Епископа, средняя степень—судъ Митрополита Окружнаго съ нѣсколькими, или со всѣми, Епископами Округа, и высшая—судъ Патріарха или Екзарха съ нѣсколькими, или всѣми, Митропо-

---

[1] Въ канонахъ Церкви устроенной постоянной соборности Епархіальной не находимъ, но она является въ видѣ Пресвитерій при Епископѣ, въ видѣ собраній народныхъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, на пр., при избраніи Епископовъ.

[2] Епископству исключительно, но Епископству, а не Епископу, подобно тому, какъ хиротонія принадлежитъ исключительно Епископству, но не Епископу; ибо единолично Епископъ ставитъ Пресвитера и Діакона, но не Епископа, коего ставятъ два, или нѣсколько, Епископовъ.

литами и Епископами Патріархіи или Области. Епископъ можетъ судить безъ помощи, или при помощи, Пресвитеровъ. Какъ Пресвитеръ тайнодѣйствуетъ и священнодѣйствуетъ не самостоятельно, а въ зависимости отъ Епископа, которому онъ есть помощникъ, рука, такъ и въ судѣ онъ есть не Судія самостоятельный, а только помощникъ Епископа. Можетъ Епископъ потребовать себѣ помощи отъ Пресвитера единоличной, или отъ собранія Пресвитеровъ, но онъ имѣетъ при этомъ полное право опредѣлить мѣру ихъ содѣйствія, и ихъ единоличное, или собирательное, мнѣніе утвердить, измѣнить, отмѣнить, замѣнить, своимъ собственнымъ. Иначе и быть не можетъ; ибо онъ одинъ несетъ отвѣтъ предъ Пастыреначальника и Судію Вѣчнаго, Іисуса Христа, за клиръ и за народъ, ему ввѣренный.

Его судъ рѣшительный и обязательный; но какъ онъ въ отвѣтѣ предъ Богомъ за дѣйствіе зависимыхъ, отъ него поставляемыхъ, Пресвитеровъ, такъ за него въ отвѣтѣ Соборъ Епископскій, какъ поставляющій Епископа. По сему недовольный судомъ Епископа имѣетъ право перенести свое дѣло въ Окружный Епископскій судъ, гдѣ Митрополитъ съ Епископами разбираютъ жалобу, требуютъ объясненія у Епископа, и могутъ, отмѣнивъ его рѣшеніе, постановить свое собственное. Для предоставленія наибольшаго обезпеченія подсудимому, предоставляется ему право жалобы и на судъ Окружный къ Патріархіи, или у насъ, Святѣйшему Синоду.

Такой порядокъ суда сохраняется въ Церкви Христіанской отъ начала ея и до нынѣ. Епископъ носитъ на себѣ образъ Христовъ въ мѣстной Церкви, за которую онъ одинъ полный предъ Судомъ Божіимъ отвѣтчикъ, и по тому полноправенъ въ ней. Онъ пріемлетъ помощь отъ Пресвитерства (Консисторіи, Правленія, съѣзды, Благочинные), но не стѣсняется его мнѣніями. Его рѣшеніе имѣетъ законно обязательную силу, но ни у кого не отнято право обжаловать его рѣшеніе предъ Святѣйшимъ Синодомъ, который, простирая власть свою на всю Россійскую Церковь, есть судъ Патріаршескій или Областный. Недостаетъ средняго термина — суда Митрополичьяго Окружнаго, существовавшаго отъ древнѣйшихъ временъ и весьма полезнаго; ибо, при соборномъ свойствѣ, онъ отличается отъ Областнаго тѣмъ, что, будучи мѣстнымъ судомъ, не обремененъ множествомъ дѣлъ и знакомѣе съ мѣстными

обстоятельствами разбираемыхъ дѣлъ, облегчаетъ Областный судъ (Синодъ) отъ излишняго бремени и обезпечиваетъ подсудимыхъ надеждою на перенесеніе дѣла еще въ высшую инстанцію. При этой инстанціи Синодъ не тратилъ бы силы на дѣла малозначительныя, и постоянно держался бы на высотѣ общецерковнаго дѣланія, какъ въ отношеніи законодательства, управленія, такъ и суда.

Всякое правительственное, или судное, учрежденіе, которое посягаетъ на коренное свойство Епископства, здѣсь изображенное, если и будетъ принято въ Церкви, то развѣ какъ временное, какъ болѣзнь, которую надобно переносить, но отъ которой нужно стараться освободиться, чтобы духъ Православія не отошелъ отъ мѣстной Церкви, и не превратилась бы она изъ Божескаго въ человѣческое учрежденіе.

Что долженъ быть сохраненъ неприкосновенно сей характеръ Епископства, это чувствуется даже и въ Протестантскихъ Епископальныхъ учрежденіяхъ. Въ Сѣверной Америкѣ, такъ называемая, Епископальная Церковь имѣетъ около 40 Епархій. Каждые 4 года всѣ Епископы съѣзжаются на общее собраніе, и каждый привозитъ съ собой по 8 выборныхъ: 4 отъ духовенства и 4 отъ мірянъ. Собраніе состоитъ изъ 2 Палатъ: Верхней, Епископской, закрытой, и Нижней, выборныхъ. Ни какое рѣшеніе Нижней Палаты не имѣетъ силы закона безъ утвержденія Палатою Епископовъ. Вопросы догмата и благочинія (дисциплины) даже и не обсуждаются въ Нижней Палатѣ, а только формулируются и представляются на обсужденіе и рѣшеніе Епископовъ. Блюститель канояовъ на все четырехлѣтіе—Епископъ-Президентъ. Тамъ чувствуется тягость надзора за 40 Епархіями, хотя Епископы и сходятся черезъ четыре года, и предпріемлется раздѣленіе на Округи.

У Шотландскихъ Епископовъ 7 Епархій, подъ начальствомъ Епископа-Примаса (нынѣ Bishop of Marray and Ross). Каждую осень въ каждой Епархіи бываютъ собранія церковныя (духовныхъ и мірянъ). Постановленія этихъ собраній Епископъ или утверждаетъ, или, если сомнѣвается, удерживаетъ у себя. Епископъ-Примасъ, какъ скоро узнаетъ, что собранія вездѣ окончены, назначаетъ городъ, куда должны съѣхаться на Соборъ Епископы. На этомъ Соборѣ обсуждаются не утвержденныя мѣстными Епископами постановленія собраній и всякіе другіе вопросы и дѣла обще-

церковнаго, или мѣстнаго, свойства, по почину Примаса и другихъ членовъ Собора. Эти рѣшенія для всѣхъ Шотландскихъ Епископаловъ имѣютъ вполнѣ обязательную силу.

Печально будетъ, если въ учрежденіяхъ Православной Церкви явится менѣе церковнаго духа, нежели въ учрежденіяхъ Протестантскихъ общинъ, если только можно будетъ признать Православною Церковь съ превращеннымъ характеромъ Епископства.

СОЧИНЕНІЯ

БЛАЖЕННАГО ѲЕОФИЛАКТА БОЛГАРСКАГО,

АРХІЕПИСКОПА ПЕРВОЙ ЮСТИНІАНЫ.

Достоинство сочиненій блаженнѣйшаго Ѳеофилакта давно уже оцѣнено Западными учеными, что свидѣтельствуетъ двукратное изданіе полнаго собранія его сочиненій: «Theophylacti, Bulgariae Archepiscopi, opera omnia,» въ 3 томахъ, напечатанное въ Римѣ въ 1754—1758 годахъ. Есть еще и другое изданіе, напечатанное въ Венеціи, [1] съ Греческимъ текстомъ и Латинскимъ переводомъ. Извѣстно также, что, кромѣ цѣльныхъ сочиненій его, относящихся собственно къ исторіи Болгарской Церкви и просвѣщенія, каковы: «Житіе Св. Климента Охридскаго и Житіе Тиверіопольскихъ мучениковъ,» въ посланіяхъ этого ученаго Архипастыря къ разнымъ лицамъ разсѣяно немало данныхъ для древняго періода Славяно-Болгарской исторіи, но, при всемъ томъ, доселѣ еще не обслѣдовано, въ какомъ именно столѣтіи жилъ и писалъ блаженнѣйшій Ѳеофилактъ. Венеціанскіе издатели, приписывая всѣ, собранныя ими, сочиненія Архіепископу Болгарскому, Ѳеофилакту, который, по указанію Дюканжа и Ассемана, жилъ въ царствованіе Византійскаго Императора Алексѣя Комнина (1081—1118), и считается по каталогу Дюканжа 14 Болгарскимъ (?) Архіепископомъ, [2] однако же замѣтили, что въ посланіяхъ (письмахъ) и словахъ блаженнѣйшаго Ѳеофилакта «рѣчь и слогъ испорчены, мало вразумительны и вообще много походятъ на слогъ всѣхъ Грековъ IX столѣтія, только въ Житіи Св. Тиверіопольскихъ мучениковъ слогъ лучше и ровнѣе.»

---

[1] Venetiis, 1754, apud Josephum Dertellam, in officina Hertziana, 4 vol.

[2] Заимствованный у нихъ списокъ Болгарскихъ Архіепископовъ помѣщенъ въ «Обозрѣніи Кормчей книги», Барона Розенкампфа. При всемъ подобающемъ уваженіи къ трудамъ сихъ ученыхъ, нельзя не сказать, что, въ отношеніи Болгарской церковной исторіи, онъ далеко неполонъ, и не на столько вѣренъ, чтобы можно было принимать ихъ безъ всякой повѣрки. Когда будутъ обнародованы всѣ матеріалы, тогда историческая критика еще рѣшитъ много вопросовъ, которые считаются теперь неясными.

Это мнѣніе Венеціанскихъ издателей твореній Ѳеофилакта обратило на себя вниманіе одного изъ Славянистовъ, а именно: покойнаго Н. В. Савельева-Ростиславича, и онъ напечаталъ о семъ особую статью подъ заглавіемъ: «Новый источникъ для Болгарской исторіи IX вѣка.» [3] Поставляя на видъ выше приведенное мнѣніе Венеціанскихъ издателей, Савельевъ дѣлаетъ изъ него слѣдующее заключеніе: 1) Такъ какъ сами издатели замѣтили различіе между слогомъ Житія Тиверіопольскихъ мучениковъ и другими твореніями Ѳеофилакта, писателя XI вѣка; 2) такъ какъ въ Житіи мучениковъ описываются лишь тѣ чудеса, бывшія отъ ихъ св. мощей, которыя случились въ царствованіе Симеона, въ концѣ IX вѣка, и 3) такъ какъ недавно (съ 1840 г.) стало извѣстно, что былъ другой Ѳеофилактъ, Архіепископъ Болгарскій, жившій въ IX вѣкѣ, то по сему и слѣдуетъ (говоритъ Г. Савельевъ) заключить, что Житіе Тиверіопольскихъ мучениковъ писалъ Ѳеофилактъ I, современникъ Болгарскихъ Царей Бориса и Симеона, а не Ѳеофилактъ II, современникъ Византійскаго Императора Алексѣя Комнина, жившій въ XI вѣкѣ. Но, разбирая точнѣе эти три положенія, мы приходимъ совершенно къ иному заключенію: во первыхъ, Венеціанскіе издатели сочиненій блаж. Ѳеофилакта ясно говорятъ, что слогъ всѣхъ твореній его, «кромѣ Житія Тиверіопольскихъ мучениковъ,» невразумителенъ и походитъ на слогъ всѣхъ Грековъ IX столѣтія, а слогъ Житія лучше и чище, чѣмъ во всѣхъ остальныхъ сочиненіяхъ; а изъ этого естественно истекаетъ заключеніе, совершенно противоположное сдѣланному Г. Савельевымъ, то есть (допуская существованіе двухъ одноименныхъ Архіепископовъ Болгарскихъ [Ѳеофилактовъ] и при томъ писателей, жившихъ въ IX и XI столѣтіяхъ), что Житіе Тиверіопольскихъ мучениковъ принадлежитъ писателю XI вѣка, а всѣ остальныя, ему приписываемыя, сочиненія принадлежатъ (по слогу и языку) другому писателю того же имени IX вѣка. И заключеніе это, какъ прямой выводъ изъ замѣчанія Венеціанскихъ издателей, такъ естественно, что стоило бы послѣ сего убѣдиться, точно ли существовали два одноименныхъ Болгарскихъ Архіепископа и оба писатели въ IX и XI столѣтіяхъ, чтобы считать это заключеніе вполнѣ вѣрнымъ. Но въ томъ-то и дѣло, что существованіе двухъ одноименныхъ

---

[3] См. Славянскій Сборникъ Н. В. Савельева-Ростиславича. Спб., 1845 г.

Болгарскихъ Архіепископовъ-писателей IX и XI вѣка не имѣетъ твердыхъ основаній: открытіе другого Болгарскаго Архіепископа Ѳеофилакта, жившаго будто бы въ IX вѣкѣ, Савельевъ приписываетъ Г. Мацѣевскому; по справкѣ же оказывается, что сей последній заимствовалъ это у Феслера (изъ его Исторіи Угровъ. Вѣна, 1815 г.), трудъ котораго, хотя и весьма почтенный въ отношеніи избраннаго имъ предмета, не составляетъ еще, однако, необходимаго авторитета въ рѣшеніи вопроса, относящагося къ такой глубокой древности.

Г. Мацѣевскій, со словъ Феслера, называетъ Ѳеофилактомъ того Архіепископа, котораго Патріархъ Фотій отправилъ къ Болгарскому Царю Борису, послѣ Собора 870 года; слѣдовательно, Архіепископъ этотъ былъ отправленъ въ собственную (восточную) Болгарію, въ Преславу; а всѣ извѣстныя сочиненія Болгарскаго Архіепископа Ѳеофилакта носятъ надписаніе: «Ѳеофилакта Архіепископа Первой Юстиніаны,» каѳедра коей, какъ извѣстно, была въ IX столѣтіи, въ Болгарской Моравіи, а въ X перенесена въ Охриду.

И такъ, одно изъ двухъ: или Болгарскаго Архіепископа этого имени въ IX столѣтіи вовсе не существовало, или, если онъ существовалъ, то не ему принадлежатъ сочиненія, о которыхъ идетъ рѣчь.

А между тѣмъ ученый и трудолюбивый изыскатель Славянскихъ древностей, такъ рано угасшій для науки, Филаретъ, Архіепископъ Черниговскій, въ своемъ послѣднемъ трудѣ: «Житія Св. Южныхъ Славянъ» (Черниговъ, 1865 г.), указываетъ, что Житіе Тиверіопольскихъ мучениковъ было посвящено сочинителемъ его Болгарскому Царю Петру; упоминаетъ также и о двухъ неизданныхъ сочиненіяхъ того же писателя: «Житіи Св. Петра, Царя Болгарскаго,» и «Разговорѣ о природѣ,» посвященный ему же, и что, по изысканіямъ ученыхъ, всѣ эти труды принадлежатъ Болгарскому Архіепископу Ѳеофилакту..[1]

Стало быть, выходитъ, что сочинитель «Житія Тиверіопольскихъ мучениковъ, Житія Болгарскаго Царя Петра, Разговора о природѣ» и, какъ покажемъ ниже, и другихъ сочиненій, заключающихся въ

---

[1] Святые Южныхъ Славянъ. Отд. I. Черниговъ, 1865 г., стр. 33, примѣч. 63, ссылка на Fabricii Bibl. Graec. ed. Harles. VII, 598.

Венеціанскомъ изданіи, жилъ въ царствованіе Болгарскаго Царя Петра, сына Симеонова (который царствовалъ съ 927 по 967 годъ), а, слѣдовательно, жилъ не въ IX и не въ XI, а въ X вѣкѣ, и, какъ описавшій жизнь Царя Петра, самъ скончался ни какъ не ранѣе 967 года; послѣднее согласно и съ тѣмъ, что онъ говоритъ о себѣ въ Житіи Св. Климента.

При дальнѣйшемъ изслѣдованіи оказывается, что и главнѣйшее изъ его богословскихъ сочиненій: «Толкованіе на Четвероевангеліе,» тоже доселѣ приписываемое (безъ изслѣдованія) писателю XI вѣка, принадлежитъ тому же самому Болгарскому Архіепископу, Ѳеофилакту ,который написалъ: «Житіе Тиверіопольскихъ мучениковъ, Житіе Св. Климента и прочихъ седмочисленниковъ,» и самъ жилъ въ X вѣкѣ. Въ первопечатномъ Московскомъ изданіи Славянскаго перевода: «Толкованіе на Четвероевангелія Ѳеофилакта, Архіепископа Болгарскаго, 1649 года,» замѣчено, что онъ предпринялъ этотъ трудъ, «будучи убѣжденъ къ тому Маріею, Царицею Болгарской.» Извѣстно же, что Болгарскій Царь Петръ былъ точно женатъ на Маріи, внукѣ Византійскаго Императора, Романа Лакапена. И такъ, оказывается, что главнѣйшія сочиненія богословскаго и историческаго содержанія, приписываемыя доселѣ Ѳеофилакту, Архіепископу Болгарскому, жившему, по свидѣтельству (требующему повѣрки) Дюканжа и Ассемана, въ концѣ XI вѣка, принадлежатъ не ему (если только существованіе его будетъ доказано достовѣрными свидетельствами), а другому писателю того же самаго имени, Архіепископу Первой Юстиніаны, Ѳеофилакту, современнику Царя Болгарскаго Петра, жившему въ X вѣкѣ.

Гдѣ же была каѳедра этого Архіепископа? Отвѣтомъ на это служитъ надписаніе составленнаго имъ же: «Житія Св. Климента Охридскаго» (изданнаго въ Албаніи, въ Москополѣ, въ 1742 году), въ которомъ сказано, что оно сочинено: «Святѣйшимъ Ѳеофилактомъ, Архіепископомъ Первой Юстиніаны и Майсторомъ Константинопольскихъ риторовъ.» Изъ этого надписанія съ достаточною вѣроятностію можно заключить, что блаженнѣйшій Ѳеофилактъ, какъ преемникъ Архіепископа Агаѳона (титуловавшагося, по своему каѳедральному городу, Моравскимъ), былъ первымъ Архіепископомъ Охридскимъ, послѣ перемѣщенія туда каѳедры Архіепископа Первой Юстиніаны, что случилось въ томъ же X столѣ-

тіи, но не ранѣе, какъ по кончинѣ Св. Климента († 919); ибо въ Житіи его ясно говорится, что одна изъ созданныхъ имъ въ Охридѣ церквей, была въ послѣдствіи каѳедральной Архіепископской; при томъ же на Соборѣ 870 года видимъ, при Архіепископѣ Агаѳонѣ, и Епископа Охридскаго, Гавріила, какъ ему подчиненнаго (это объясняетъ, по чему и Св. Климентъ, называемый Охридскимъ, т. е., по мѣсту его святой дѣятельности, пользовался, однако же, титуломъ Велицкаго). Отсюда возникаетъ цѣлый рядъ весьма вѣроятныхъ предположеній, а именно: блаженный Ѳеофилактъ какъ «Майсторъ Константинопольскихъ риторовъ,» могъ быть вызванъ, для занятія Архіепископской каѳедры въ Охридѣ, или извѣстнымъ чтителемъ Еллинской учености, полу-Грекомъ Симеономъ, или сыномъ его, Петромъ, вошедшимъ въ тѣсныя сношенія съ Византіею, по случаю женитьбы на Греческой Царевнѣ (Маріи); извѣстно, что при этомъ случаѣ былъ утвержденъ за Преславскими Болгарскими Архіепископами, присвоенный имъ Симеономъ, титулъ Патріарховъ; съ своей стороны, Византійскіе Императоры могли потребовать отъ Петра той уступки, чтобы на Архіепископскую каѳедру Первой Юстиніаны былъ назначенъ ученый Грекъ Ѳеофилактъ, для того, чтобы сохранить духовное вліяніе Константинопольской Патріархіи на области, бывшія въ подчиненномъ отношеніи къ Византійской Имперіи (и входившія, по изначальному дѣленію, въ составъ духовной области Архіепископовъ Первой Юстиніаны). Ѳеофилактъ въ такомъ случаѣ долженъ былъ прибыть въ Болгарію въ сопровожденіи Царицы Маріи, покровительствомъ которой, какъ мы видѣли, и пользовался до конца ея жизни (она умерла ранѣе своего супруга, слѣдовательно, до 967 г.).

Выше упомянутый титулъ: «Майстора Константинопольскихъ риторовъ» очевидно доставила Ѳеофилакту слава его богословскихъ познаній и сочиненій, во главѣ которыхъ стоитъ: «Толкованіе на Четвероевангеліе;» а мы видѣли уже, что это сочиненіе, какъ написанное по внушенію супруги Болгарскаго Царя Петра, принадлежитъ его современнику; слѣдовательно, и Житіе Св. Климента, изъ надписанія котораго видно, что написано тѣмъ же «Майсторомъ Константинопольскихъ риторовъ,» безспорно принадлежитъ тому же самому лицу. Сверхъ того, и въ самомъ Житіи встрѣчаются нѣкоторыя внутреннія черты, по которымъ можно приблизительно опредѣлить время его написанія.

Блаженнѣйшій Ѳеофилактъ, какъ сочинитель Житія Болгарскаго Царя Петра, очевидно, пережилъ этого Государя, скончавшагося преждевременно отъ скорби, въ 967 году, а слѣдовательно, онъ былъ свидѣтелемъ паденія Болгарскаго Царства, что и случилось при дѣтяхъ Петра. Ѳеофилактъ же, какъ видится, писалъ Житіе Св. Климента Охридскаго уже послѣ паденія Болгарскаго Царства подъ ударами нашего воинственнаго Святослава (хотя плодами этой побѣды воспользовался не онъ, а хитрый Цимисхій: хорошій урокъ для будущаго!). Въ концѣ этого Житія онъ, между прочимъ, говоритъ, что Славянскій жизнеописатель Св. Климента (на котораго онъ не разъ ссылается, называя его безыменно ученикомъ Св. Климента), какъ бы предвидя будущее горе своихъ единоплеменниковъ—Болгаръ (слѣдовательно, очевидно, что рѣчь идетъ о томъ горѣ, которое считалось уже совершившимся въ то время, какъ Ѳеофилактъ писалъ Житіе Св. Климента), въ своей молитвѣ къ Св. Клименту, какъ покровителю Болгарскаго народа, восклицаетъ такъ: «О пастырю добрый, соблюдай чада твоя отъ варварскаго нашествія и сохраняй насъ во всякое время, и особенно нынѣ, когда приближается скорбь, когда нѣтъ у насъ другого помощника, когда Скиѳскій мечъ напоился Болгарской кровію, когда языческая рука разбросала трупы духовныхъ чадъ твоихъ на съѣденіе птицамъ небеснымъ....» Изъ этого очевидно, что и Славянскій жизнеописатель Св. Климента былъ свидѣтелемъ, не извѣстныхъ намъ, Скиѳскихъ нашествій * на его родину (предшествовавшихъ погрому Святославову), бывшихъ въ столѣтній періодъ отъ принятія Болгарами Христіанской Вѣры до паденія перваго Болгарскаго Царства (отъ 860 по 967).

Уцѣлѣло ли гдѣ ни будь первоначальное Славянское Житіе Св. Климента Охридскаго? Нашъ извѣстный археологъ, покойный И. П. Сахаровъ, указывалъ на то, что ему попадались въ Славянскихъ рукописяхъ отрывки изъ этого Житія, а по сему можно полагать, что сохранилось гдѣ ни будь и цѣлое. Пока же предлежитъ изслѣдовать Греческое сокращенное Житіе Св. Климента (открытое В. И. Григоровичемъ въ рукописи XIII вѣка въ Охридѣ), не есть ли оно только переводъ съ того древняго Славянскаго Житія

* По всему вѣроятію, тутъ подъ Скиѳскими нашествіями разумуются нашествія Угровъ или Мадьяръ, вторгавшихся нѣсколько разъ еще до Святослава нашего въ Болгарію, съ 934 по 962 годъ. О. Б.

Св. Климента, на которое ссылается сочинитель его пространнаго Житія, блаженнѣйшій Архіепископъ Ѳеофилактъ Охридскій, писатель X вѣка? Объ этомъ уже начали догадываться нѣкоторые изъ нашихъ ученыхъ Славянистовъ. [5]

Сдѣлаемъ краткій выводъ изъ нашихъ замѣчаній: 1. Сочинитель главнѣйшихъ богословскихъ и историческихъ сочиненій, заключающихся въ Венеціанскомъ изданіи твореній блаженнѣйшаго Ѳеофилакта, Архіепископа Болгарскаго, жилъ въ царствованіе Болгарскаго Царя Петра и его супруги, Царицы Маріи (по внушенію которой и написалъ, посвященное ей, Толкованіе на Четвероевангеліе, а нѣкоторыя изъ своихъ сочиненій посвятилъ самому Царю Петру), слѣдовательно, не въ IX и не въ XI, а въ X столѣтіи.

2. По всей вѣроятности, и прочія мелкія сочиненія Архіепископа Ѳеофилакта, приписанныя Венеціанскими издателями писателю XI вѣка, принадлежатъ тому же самому Ѳеофилакту, писателю X вѣка, какъ сходныя съ главнымъ по языку и слогу и, по замѣчанію самихъ же издателей, «похожимъ на сочиненія Грековъ IX столѣтія.»

3. За тѣмъ нѣтъ ни какой надобности приписывать ихъ ни Архіепископу Ѳеофилакту, жившему, по свидѣтельству Дюканжа и Ассемана, въ XI вѣкѣ (если только они не смѣшали его съ Архіепископомъ того же имени, жившимъ и писавшимъ несомнѣнно въ X вѣкѣ), ни Архіепископу Ѳеофилакту IX вѣка, о существованіи котораго нѣтъ ни какихъ данныхъ, кромѣ голословнаго показанія Феслера (въ его исторіи Угріи).

Архимандритъ Леонидъ.

Константинополь.
26 Апрѣля, 1867 года.

---

[5] «Смѣю думать, писалъ В. И. Ламанскій, въ своемъ: «Изслѣдованіи о Славянахъ въ Малой Азіи....», что краткое Житіе Св. Климента написано природнымъ Болгариномъ; сочинитель этого Житія жилъ, всего вѣроятнѣе, въ XI, или X, вѣкѣ; видно, что всѣ преданія и воспоминанія о Св. Климентѣ были въ его время еще весьма свѣжи.» См. Ученыя Записки II-го Отдѣл. Импер. Академіи Наукъ, книга V, 1859 года, стр. 154.
Но объ этомъ см. мое сочиненіе: «О времени происхожденія Славянскихъ письменъ.» М. 1855 г. О. Б.

ПОСЛѢДНІЙ ПАТРІАРХЪ БОЛГАРСКАГО ЦАРСТВА, БЛАЖЕННЫЙ ЕВѲИМІЙ И ЕГО СОЧИНЕНІЯ.

«Уже есть солнцу угаснути, нежели Евѳиміеву языку умолкнути.»

Вопль Болгарскаго народа при вѣсти о заточеніи Евѳимія по взятіи столицы Болгарскаго Царства, Тернова, въ 1392 г. (Изъ рукописи „Панегирикъ" Рыльскаго монастыря.)

Ни изъ постороннихъ источниковъ, ни изъ уцѣлѣвшихъ случайно сочиненій блаженнаго Евѳимія, нельзя почерпнуть свѣдѣній, достаточныхъ для изложенія его, не только полной, но и сколько ни будь удовлетворительной, біографіи. Самое время назначенія его на каѳедру Болгарской Терновской Патріархіи можетъ быть опредѣлено лишь приблизительно, по слѣдующимъ соображеніямъ: изъ Житія Преподобнаго Ѳеодосія Терновскаго видно,* что на церковномъ Соборѣ, созванномъ въ Терновѣ, въ царствованіе Царя Александра въ 6886 (1360) году, на которомъ осуждены и преданы проклятію: «не точію отъ Еврейскихъ ересей злѣ мудрствующія, но и послѣдующія скверной и богомерзкой Богомильской, сирѣчь, Мессаліанской, ереси, и еще другой новоявленной, Варлаамовой и Акиндиновой, ереси,» предсѣдательствовалъ еще престарѣлый Патріархъ Терновскій, Киръ Ѳеодосій, о которомъ списатель выше упомянутаго Житія говоритъ: «иже тогда Церкви (Болгарской) предстательствующій Патріархъ, простъ сый (тѣмъ же) и недоумѣвашеся отвсюду.» Изъ списка же Терновскихъ Патріарховъ, напечатаннаго въ извѣстномъ Синодикѣ Царя Бориса (Болгарскіе книжницы 1858 года, № 7), видно, что между выше

* См. «Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ» 1860 г. кн. I., Отд. III.

упомянутымъ Патріархомъ Ѳеодосіемъ II и Евѳиміемъ былъ еще Патріархъ Іоанникій II. Но во время посѣщенія нашимъ Митрополитомъ Кипріаномъ, по пути изъ Кіева въ Константинополь (сухопутно, черезъ нынѣшнюю Бессарабію, Молдавію и Болгарію), города Тернова, въ 1379 году, былъ уже Патріархомъ Терновскимъ Евѳимій, ради котораго и было предпринято Кипріаномъ это многотрудное путешествіе. О свиданіи двухъ знаменитыхъ современныхъ Архипастырей Славянскаго народа, родныхъ не только по Вѣрѣ, но и по происхожденію (см. нашу статью о Митрополитѣ Кипріанѣ во 2 книгѣ «Чтеній» 1867 года), * мы имѣемъ подробное описаніе, составленное племянникомъ Кипріана, Литовскимъ Митрополитомъ, Григоріемъ Самблакомъ (въ его надгробномъ словѣ Митрополиту Кипріану; въ полномъ собраніи его словъ. См. «Описаніе Славянскихъ рукописей Московской Синодальной Библіотеки,» № 235).

Здѣсь, между прочимъ, говорится о томъ, что блаженный Евѳимій вышелъ на встрѣчу Кипріану со всѣмъ своимъ клиромъ и народомъ, и какъ Кипріанъ, потерпѣвши въ пути многія скорби (онъ былъ ограбленъ въ низовьяхъ Дуная), «исполнился неизглаголанной радости, видѣвъ отечество свое (изъ такого яснаго свидѣтельства слѣдуетъ заключить, что Кипріанъ былъ родомъ не Сербъ, а Болгаринъ) тако правимо, яко многимъ похваламъ достойно бяше, своего же и великаго Евѳимія таковая кормленіа держаща.» При отсутствіи другихъ данныхъ, трудно рѣшить, какое здѣсь значеніе имѣетъ «своего и»: употреблено ли оно въ широкомъ смыслѣ, единоплеменника, или въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, личнаго родства. Остается пока несомнѣнныхъ одно, что Терновскій Патріархъ Евѳимій и нашъ Митрополитъ Кипріанъ были соотечественники, и именно по Тернову, и были въ близкомъ родствѣ, если не по плоти, то по духу; посланіе же, писанное Евѳиміемъ къ монаху Кипріану на Аѳонскую Гору (куда удалился Кипріанъ, для довершенія своего духовнаго воспитанія, начатаго въ Терновскихъ школахъ) даетъ поводъ полагать, что блаженный Евѳимій былъ наставникомъ и духовнымъ руководителемъ Митрополита Кипріана въ его юношескомъ возрастѣ, и что сей послѣдній, прежде вступленія на Св. Гору, жилъ и воспитывался въ Терновѣ подъ руко-

* Тамъ же, Отдѣл. I, стр. 11—32.

водствомъ блаженнаго Евѳимія; однимъ словомъ, что, до назначенія своего на Митрополитскую каѳедру въ Кіевъ, Кипріанъ прошелъ тѣмъ же путемъ, какимъ слѣдовалъ послѣ того его племянникъ, Григорій Самблакъ, въ 1379 году еще воспитывавшійся въ Терновѣ, въ духовной школѣ, подъ руководствомъ и покровительствомъ блаженнаго Евѳимія, о чемъ самъ упоминаетъ въ Похвальномъ Словѣ своему дядѣ, Кипріану Митрополиту.

И такъ, крайними, извѣстными намъ, предѣлами Патріаршей дѣятельности Евѳимія надобно признать 1379 и 1392 (годъ взятія Турками Тернова и заточенія Евѳиміева, о чемъ см. ниже). Но есть поводъ полагать, что пастырская его дѣятельность на пользу Болгарской Церкви началась гораздо ранѣе, и, по всей вѣроятности, она состояла въ заведеніи, или улучшеніи, тамошнихъ духовныхъ школъ, потребность чего могла быть живо ощущаема послѣ выше упомянутаго Собора 1360 года, когда самъ Патріархъ «яко простъ сый, недоумѣвашеся отовсюду.» Патріаршій же престолъ Евѳимій занялъ несомнѣнно гораздо ранѣе 1379 года, и какъ полагаемъ, въ концѣ 6-го, или въ самомъ началѣ 7-го, десятилѣтія этого столѣтія, и, слѣдовательно, управлялъ Болгарскою Церковію не менѣе 20 лѣтъ, будучи во все это время современникомъ послѣдняго Болгарскаго Царя, Іоанна Шишмана. Не имѣя данныхъ, трудно рѣшить, отъ чего, при своей мудрости и святой жизни, Евѳимій не имѣлъ столько вліянія на Царя, чтобы прекратить семейныя смуты, обуревавшія все его царствованіе; но, судя по удѣльному періоду нашей собственной исторіи, мы видимъ, что если, съ одной стороны, не было недостатка ни въ мудрыхъ совѣтахъ, ни въ самоотверженіи пастырей, то, съ другой стороны, весьма рѣдки примѣры того, чтобы голосъ истины и любви находилъ доступъ въ сердца, омраченныя одною изъ самыхъ лютыхъ человѣческихъ страстей — властолюбіемъ. Чаще всего, въ отвѣтъ на кроткія увѣщанія, слышался отвѣтъ, сдѣланный Пр. Саввѣ Освященному супругою Царя Анастасія: «Хорошо ты, старецъ Божій, говоришь, да жаль, что некому тебя слушать.» Нѣтъ сомнѣнія, что и блаженный Евѳимій употреблялъ всѣ, зависящія отъ него, средства, чтобы прекратить гибельныя семейныя распри Болгарскихъ удѣльныхъ Князей съ Царемъ Шишманомъ, но успѣхъ увѣщанія зависѣлъ, очевидно, не отъ его воли.

Всѣ, извѣстныя доселѣ, сочиненія блаженнаго Евѳимія заклю-

чаются въ Сборникѣ, называемомъ «Панегирикъ,» единственный экземпляръ котораго (въ двухъ книгахъ) находится въ Болгарскомъ Рыльскомъ монастырѣ. Онъ переписанъ Владиславомъ Грамматикомъ въ монастырѣ Св. Богородицы, «иже въ подкрыліи Черныя Горы (въ Македоніи), въ предѣлѣ Жеглиговецкомъ, во дни Царя Мехметъ-Бега, въ лѣто 6987 (1479).»

Сборникъ, называемый Панегирикомъ, по составу своему подходитъ всего ближе къ нашимъ большимъ Макарьевскимъ Четь-Минеямъ. Онъ содержитъ въ себѣ Житія Святыхъ Православной Восточной Церкви на цѣлый годъ и Похвальныя (панегирическія) слова на Праздники Господни, Богородичные и нѣкоторыхъ Великихъ Святыхъ. Грамматикъ Владиславъ только переписалъ Панегирикъ; собственно ему въ этомъ Сборникѣ принадлежитъ лишь одна статья, а именно: «Повѣсть о возвращеніи мощей Пр. Іоанна Рыльскаго изъ Тернова, и обновленіе его священной обители, яже въ Рылѣ.» Изъ Житій собственно Болгарскихъ Святыхъ четыре значатся написанными блаженнымъ Евѳиміемъ:

1) Житіе Пр. отца нашего Іоанна Рыльскаго; 2) Житіе Иларіона, Епископа Меглинскаго; 3) Житіе Пр. матери нашея Параскевы, глаголемыя Пятницы; 4) Житіе Пр. Матери нашея Великомученицы Недѣли (Іулія 7-го).

Изъ Похвальныхъ Словъ, находящихся въ Сборникѣ, одно лишь несомнѣнно принадлежитъ Патріарху Евѳимію: это Слово Св. Константину и Еленѣ; въ концѣ его Святитель, обращаясь къ лицу Болгарскаго Царя, говоритъ: «Сіи ти отъ насъ, Благочестивѣйшій Царю, Іоанне Шишмане, любимый даръ, иже на сіе насъ понудивый слово....»

Здѣсь же помѣщены и три поучительныя Посланія блаженнаго Евѳимія: 1) Посланіе къ Никодиму Священнику, иже въ Тасменѣ, вопросившу о нѣкихъ главизнахъ церковныхъ нуждныхъ; 2) Посланіе къ Кипріану монаху, живущу во Святѣй Горѣ Аѳонстѣй, и просившу написатися ему о нѣкихъ церковныхъ винахъ нуждныхъ, и послатися ему тамо; 3) Посланіе къ Священнѣйшему Митрополиту Унгровлахійскому, Киръ Анѳиму.

Вотъ все, что по надписанію въ этомъ Сборникѣ относится къ сочиненіямъ Евѳимія. На Аѳонѣ нашелъ я съ надписаніемъ Евѳимія, въ Сборникахъ Хилендарскаго монастыря, лишь двѣ статьи: Похвальное Слово Царю Константину и матери его, Еленѣ, письмо

XVI столѣтія, писанное полууставомъ, и Посланіе къ Кипріану монаху, писанное въ прошломъ столѣтіи скорописью.

Г. Григоровичъ сверхъ того приписываетъ блаженному Евѳимію, изъ числа Похвальныхъ Словъ, находящихся въ Панегирикѣ, три слова Великомученицѣ Недѣлѣ, хотя они и не надписаны его именемъ.

Обращая вниманіе на замѣчаніе, извѣстнаго своими учеными трудами, Рыльскаго Іеромонаха Неофита, что Сборникъ, подъ именемъ Панегирика, не составленъ, а лишь переписанъ, Владиславомъ Грамматикомъ, и что самый Сборникъ удержалъ характеръ Болгарскій, хотя и переписанъ Сербскимъ Грамматикомъ, мы имѣемъ право заключить, что первоначальный изводъ этого Сборника былъ Болгарскій же. Кто же могъ быть составителемъ, или собирателемъ, такого обширнаго труда, для чего, очевидно, недостаточны средства и силы частнаго лица, какъ не самъ блаженный Патріархъ Терновскій, Евѳимій, сдѣлавшій въ XIV столѣтіи для Болгарской Церкви то самое, что сдѣлалъ въ XVI столѣтіи для Россійской Церкви Митрополитъ Макарій, слѣдуя его примѣру и образцу, [1] что можетъ раскрыться еще подробнѣе черезъ сравненіе этихъ обоихъ трудовъ, а пока не найдетъ ли возможнымъ Императорское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ, или Общество Любителей Россійской Словесности, съ помощію кого либо изъ любителей Славянской письменности, снять, для своихъ, или для Московской Публичной Библіотеки, точный противень съ Панегирика, изъ опасенія, какъ бы не пропалъ, или не разрознился, этотъ важный для Славянской филологіи и исторіи Сборникъ? О. Неофитъ, безъ сомнѣнія, не откажется послужить посредникомъ въ этомъ благомъ дѣлѣ, то есть, найти переписчика и провѣрить списокъ съ подлинникомъ.

Конецъ жизни блаженнаго Евѳимія также мало извѣстенъ,

[1] Извѣстно, что въ Четь-Минеи Макаріевы вошли всѣ Житія Славянскихъ Святыхъ, находящіяся въ «Панегирикѣ;» а въ доказательство, что составитель нашихъ Четь-Миней считалъ Панегирикъ трудомъ Евѳимія, можетъ служить то, что Житія нѣкоторыхъ Святыхъ, которые въ Рыльскомъ Сборникѣ извѣстны съ другимъ надписаніемъ, въ наши Четь-Минеи перешли, какъ написанныя Евѳиміемъ. Такъ, на примѣръ, Житіе Пр. Филоѳеи (28 Мая), которое въ Рыльскомъ Сборникѣ надписано именемъ Бдинскаго (Видинскаго) Митрополита Іоасафа, и въ Макарьевскихъ Минеяхъ приписано Патріарху Евѳимію.

какъ и ея начало. Въ Житіи Преподобныя матери нашея Филоѳеи, которое находится въ томъ же Панегирикѣ и, какъ значится, написано Іоасафомъ, Митрополитомъ Бдинскимъ (Видинскимъ), въ сказаніи о перенесеніи мощей ея, по повелѣнію Царя Іоанна Асеня въ Терновъ, между прочимъ читаемъ слѣдующее: «Преемшу же Царство Болгарское Великому Царю Калоіоанну, и поятъ всю землю Греческую; дошедъ же до града Моливота (отечество Пр. Филоѳеи), пріятъ его, и веземъ Святыя тѣло, принесе въ свой градъ Трьновъ.... Времени же многу мимошедшу, въ лѣто ҂зѱв (1392) индиктіонъ г҃, егда на мѣсто оно, ради безвѣстныхъ таинъ Божіихъ, гнѣвъ и нашествіе велико Агарянское сотворися, увы, и конечное разореніе града того (Трьнова) содѣяся со окрестными, не вѣмъ, како попущеніемъ всесильнаго Промысла.... тогда Архіерейство изъ гражданства изгонимо бываше умиленнѣ, и, о бѣды! и Патріаршескому заточенію бывшу, ради благочестія, свѣтилу оному свѣтиломъ и Христоподобному образу, егда отъ премногихъ слышашеся: «Уне бѣ солнцу угаснути, нежели Евѳиміеву языку умолкнути.»

Изъ этого повѣствованія очевидно, что Евѳимій дожилъ до взятія и разоренія Турками столицы Болгарскаго Царства, Тернова, въ 1392 году (годъ сей согласенъ и съ показаніемъ краткихъ Сербскихъ лѣтописей), и былъ отосланъ побѣдителемъ въ заточеніе, одновременно съ послѣднимъ Болгарскимъ Царемъ, Іоанномъ Шишманомъ, но куда именно, не извѣстно. Не трудно догадаться, что чувствовалъ Архипастырь родолюбецъ, видя плѣненіе стольнаго града, избіеніе гражданъ, разореніе церквей и поруганіе святыни, словомъ, видя мерзость запустѣнія, стоящую на мѣстѣ святѣ, до дня избавленія, чаяніе котораго есть главнѣйшая опора многострадальнаго Болгарскаго народа.

Архимандритъ Леонидъ.

II

МАТЕРІЯЛЫ ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ

ОЛОНЕЦКІЙ МОНАСТЫРЬ

КЛИМЕНЦЫ,

съ

приписными къ нему пустынями,

царскими и іерарш[ими] грамотами.

сочиненіе

Е. В. Барсова.

ОЛОНЕЦКІЙ МОНАСТЫРЬ КЛИМЕНЦЫ.

I.

Географическое положеніе Климецкаго монастыря.

Климецкій мужской монастырь находится въ Петрозаводскомъ Уѣздѣ, Олонецкой Губерніи, подъ 61° 51′ с. ш. и 52° 51′ в. д., на острову Онежскаго озера, составляющемъ рогъ островов, извѣстныхъ подъ названіемъ Кижъ, или, какъ говорится въ старинныхъ монастырскихъ документахъ, [1] «монастырь стоитъ среди Онега озера, на Климецкомъ острову, въ ужномъ (южномъ) наволокѣ, край воды, въ мысу.» Въ «Книгѣ Большому Чертежу» о семъ монастырѣ сказано: «А противъ Повинца на озерѣ, на острову, монастырь Климецкій.» [2] Самый островъ имѣетъ видъ треугольника и, по измѣренію Швейцера, занимаетъ площадь въ двѣ квадратныхъ мили; разстояніемъ отъ города Петрозаводска, къ юго-востоку, верстахъ въ 60-ти. Материкъ лежитъ вдоль острова, отъ монастыря къ сѣверу, а съ трехъ сторонъ окружаютъ монастырь воды Онежскаго озера, съ одной на 60, а съ двухъ другихъ на 50 верстъ Длина же всего озера Онега, по сказанію старины, [3] простиралась до 300 верстъ, а ширина до 150 верстъ. Въ прежнія времена на острову считалось 34 деревни. [4] Названіе Климецкаго монастырь получилъ, по догадкамъ нѣкоторыхъ, [5] отъ имени основателя монастыря, который въ мірѣ назывался Іоанномъ Климентовымъ.

---

[1] Роспись убыткамъ, причиненнымъ монастырю Отводчикомъ Гаврилою Островскимъ, 1647 г. Тоже въ Челобитной Царю Михайлу Ѳедоровичу отъ Студенаго Моря Государевыхъ дворцовыхъ селъ, Заонежскихъ Погостовъ Кижскаго конца крестьянишекъ 1644 г.

[2] Книга Большому Чертежу стр. 187.

[3] Челобитная дворцовыхъ Кижскихъ крестьянъ Царю Михайлу Ѳедоровичу 1644 г.

[4] Тамъ же и въ другихъ челобитныхъ.

[5] Такъ думаетъ Преосвящ. Игнатій (см. его «Сказаніе о Климецкомъ монастырѣ»).

II.

Основаніе Климецкаго монастыря.

Кто былъ первымъ насельникомъ Климецкаго острова, не извѣстно; по крайней мѣрѣ, прежде чѣмъ основанъ былъ нынѣ извѣстный монастырь, здѣсь существовала уже обитель иноковъ, названная въ житіи Преподобнаго Іоны «старою». Обитель эта находилась верстахъ въ 2-хъ отъ нынѣшняго монастыря, въ горѣ, такъ называемой, Нятиной Губы, гдѣ и донынѣ стоитъ молитвенница и видны слѣды бывшаго довольнаго строенія; но ни преданій, ни сказаній о сей обители до насъ не дошло. Собственно Климецкій монастырь, существующій доселѣ, основанъ былъ Преподобнымъ Іоною. Отецъ Преподобнаго Іоны, Іоаннъ Климентьевъ, былъ Новгородскимъ Посадникомъ и, какъ большая часть Новгородцевъ того времени, занимался торговлею, но богатство и знатность не препятствовали ему быть добродѣтельнымъ и воспитывать дѣтей своихъ въ страхѣ Божіемъ. Въ такомъ именно духѣ воспитанъ былъ сынъ его, Іоаннъ, въ послѣдствіи, подъ именемъ Іоны, прославившій своими подвигами островъ Климецкій. По кончинѣ отца и матери, Ѳеодоры, онъ долго еще оставался въ безбрачномъ состояніи, занимался торговлею и не разъ въ Корельскихъ насадахъ переплывалъ обширныя воды Онежскаго озера.

Разъ возвращаясь въ Новгородъ съ Повѣнецкой пристани на насадѣ, нагруженномъ солью, Іоаннъ на срединѣ озера былъ застигнутъ страшною бурею. Громадныя волны долго носили насадъ и каждую минуту Іоаннъ ожидалъ смерти. Трепетъ объялъ сердце его, и онъ обратился съ молитвою къ Богу, Пресвятой Дѣвѣ, Чудотворцу Николаю, и рѣшился всю жизнь свою посвятить на служеніе Богу въ санѣ иноческомъ. Милосердый внялъ молитвѣ раба своего, и чрезъ нѣсколько минутъ волны бросили насадъ на луду, т. е., каменистую отмель вблизи острова, названнаго потомъ Климецкимъ. На небольшой лодкѣ Іоаннъ достигъ берега, и здѣсь, павъ на землю, со слезами благодарилъ Бога за свое спасеніе. Помолившись, онъ сталъ любоваться красотами прибрежья, и вдругъ услышалъ голосъ: «Іоанне, Іоанне! Здѣсь подобаетъ тебѣ быти, и братію собрати, и обитель на сожитіе ино-

камъ соорудити, и храмъ Св. Троицы соградити.» Въ ужасѣ онъ отправился къ тому мѣсту, откуда слышанъ былъ голосъ, и на можжевельномъ кусту увидѣлъ икону Пресвятыя Троицы. Обрадованный, онъ тотчасъ же водрузилъ на томъ мѣстѣ крестъ, срубилъ часовню, и въ ней поставилъ явленную икону.

На лудѣ, куда выбросило ладью, онъ также водрузилъ крестъ, отъ чего она съ тѣхъ поръ и получила названіе «крестовой луды.» [6] Исполнивъ это, Іоаннъ возвратился въ Новгородъ, прекратилъ торговлю, большую часть имѣнія роздалъ нищимъ и, подъ именемъ Іоны, постригся въ одномъ изъ Новгородскихъ монастырей. Здѣсь, подъ руководствомъ опытныхъ иноковъ, онъ пріобрѣлъ опытность наставника иноковъ, и тогда уже смиренно испросилъ у Игумена благословенія оставить обитель и ити на мѣсто, показанное ему Богомъ. Снова ввѣрился онъ волнамъ Онежскаго озера, и на этотъ разъ благополучно приплылъ на островъ, въ послѣдствіи названный Климецкимъ.

Здѣсь Преподобный Іона употребилъ остатокъ своего имѣнія на устройство обители. На мѣстѣ явленія иконы Пресвятыя Троицы построилъ Свято-Троицкую церковь, и потомъ вблизи другую во имя Святителя Николая, котораго призывалъ онъ на помощь во время бури. Вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣлъ для церкви утварь и книги, построилъ для иноковъ келіи и склонилъ братію монастыря, находившагося подлѣ Нятинской Губы, на томъ же островѣ, перейти въ новую обитель. Тогда Преподобный снова отправился въ Новгородъ испросить у Епископа антиминсовъ и благословенія на освященіе церквей обители. Въ это время Новгородскій Архіепископъ, Святый Серапіонъ, находился въ Свято-Троицкомъ Сергіевомъ монастырѣ въ заточеніи, и Епархіею его управлялъ Московскій Митрополитъ Варлаамъ (1511—1522). [7] Онъ

---

[6] На этой лудѣ и нынѣ стоитъ деревянный крестъ, но уже третій послѣ поставленнаго Преп. Іоною. Отъ начала постановленія послѣдняго креста считаютъ, впрочемъ, около 70 лѣтъ. Говорятъ, что въ весеннее и осеннее время, въ бурную погоду, когда страшныя громады льда покрываютъ всю каменистую отмель, едва виднѣющуюся поверхъ воды, этотъ небольшой крестъ, утвержденный не въ землѣ, а только обложенный небольшими камнями, всегда остается цѣлымъ: льдины, образуя кругъ, не прикасаются къ нему.

[7] См. въ моемъ спискѣ Новгородскаго Лѣтописца подъ 7017 (1509) годомъ. То же въ «Іерархіи Россійской Церкви», ч. 1, стр. 76—77. Архіепископъ Серапіонъ

далъ Преподобному антиминсы и благословеніе на освященіе церквей, а Игуменомъ новой обители назначилъ самого Іону; но когда тотъ по смиренію отклонилъ отъ себя эту честь, инока Прохора. [2] Получивъ благословеніе и немалую милостыню отъ Митрополита, Іона и Прохоръ скоро достигли Климецкаго монастыря и освятили храмы.

Предчувствуя свою кончину, Преподобный Іона призвалъ братію и, поучивъ ее довольно, причастился Христовыхъ Таинъ и перешелъ въ вѣчныя обители Отца Небеснаго, 6 Іюня, 1534 (7042) г., при державѣ Великаго Князя, Ивана Васильевича, всея Россіи, и при Новгородскомъ Епископѣ Макаріѣ. Осиротѣвшіе иноки оплакали потерю своего наставника, и 8 іюня погребли тѣло его подлѣ алтаря церкви Св. Николая.

Утверждаясь на семъ сказаніи, основаніе Климецкаго монастыря на теперешнемъ его мѣстѣ мы относимъ къ началу XVI столѣтія, именно къ 1520 году.

III.

Состояніе монастыря отъ 1534 по 1600 годъ.

Послѣ кончины ктитора Климецкой обители, Преподобнаго Іоны, положеніе ея видимо улучшилось. Не извѣстно, какому уставу слѣдовало собранное имъ братство въ своей иноческой жизни,

---

сведенъ былъ на Москву 1502 г. въ Маѣ, на третьей недѣлѣ по Пасхѣ, Великимъ Княземъ, Васильемъ Ивановичемъ, между тѣмь Архіепископія въ Новгородѣ продолжалась до 1526 г., когда поставленъ былъ туда Архіепископъ Макарій.

[2] Въ рукописи и житіи Преподобнаго Іоны первый Игуменъ, сопутствовавшій основателю Климецкой обители, названъ Тихономъ. То же повторяютъ Преосвященные, Игнатій Олонецкій и Филаретъ Черниговскій. Но мы предпочитаемъ въ семъ случаѣ «Выпись изъ писцовыхъ книгъ Андрея Плещеева 1583 г.», гдѣ говорится о церквахъ деревянныхъ Св. Троицы и Николая Чудотворца, что онѣ «прежняго Строителя Іоны да Игумена Прохора». Далѣе уже въ нихъ пишется: «на монастырѣ келья Игуменская, да въ кельи черный Попъ Тихонъ» и т. д. Списатель житія Преподобнаго Іоны могъ и перепутать этѣ имена. Выпись изъ писцовыхъ книгъ въ двухъ, или трехъ, спискахъ и кромѣ того приводится во многихъ челобитныхъ, но вездѣ говорится одно и то же. Объ Игуменѣ же Тихонѣ нигдѣ, кромѣ Житія, не упоминается ранѣе 1583 г., а въ грамотѣ Царя Бориса Өедоровича Годунова (1602 г.) прямо сказано, что Царь Иванъ Васильевичь пожаловалъ Игумена Тихона въ 1583 г. пустошами въ Роксѣ и Осиповщинѣ на Муетъ-Наволокѣ.

и каково было внутреннее устройство монастыря въ самомъ началѣ, но то не сомнѣнно, что, спустя нѣсколько времени по кончинѣ Преподобнаго, монастырь пользовался уже тѣми привилегіями, какія пожалованы были многимъ изъ сѣверныхъ монастырей, извѣстныхъ тогдашнему Правительству своею дѣятельностію для заселенія сѣвернаго края. Царь и Великій Князь Иванъ Грозный, такъ много содѣйствовавшій развитію Олонецкихъ монастырей и заселенію Олонецкаго края, и вмѣстѣ, говоря правду, такъ не любившій монашескаго тунеядства и праздности, [9] почтилъ своимъ Царскимъ вниманіемъ Климецкую обитель, и пожаловалъ ее правомъ, въ то время особенно важнымъ для внутренняго и внѣшняго развитія монастырей, именно правомъ несудимымъ или самоуправленіемъ.» «Намѣстницы наши, говорилось въ его Царской Грамотѣ, монастырскихъ слугъ и крестьянъ не судятъ ни въ чемъ, опричь душегубства съ поличнымъ, а вѣдаютъ и судятъ ихъ Игуменъ съ братіею; при совмѣстномъ судѣ монастырскаго человѣка судитъ Игуменъ при Тіунахъ; самаго же Игумена судятъ Государевы Дьяки на Москвѣ, въ Новгородской Чети. [10]

Во внѣшнемъ отношеніи Климецкій монастырь во второй половинѣ XVI вѣка представляется достаточно благоустроеннымъ. Если Правительство, вскорѣ послѣ его основанія, пожаловало его «несудимымъ правомъ,» то частная благотворительность спѣшила восполнить его церковное имущество. До нынѣ сохранилось въ монастырѣ 16-ть рукописныхъ богослужебныхъ книгъ, которыя были пожертвованы въ обитель въ 1522 г., при Царѣ и Великомъ Князѣ, Иванѣ Васильевичѣ, и Серапіонѣ, Архіепископѣ Новгорода и Пскова: [11] «Се азъ, читаемъ на одной изъ нихъ, Евфро-

---

[9] См. мою статью: «Важеозерская пустынь,» и при ней «Царскую грамоту,» въ «Памятной книжкѣ Олонецкой Губерніи на 1869 годъ.»

[10] Списокъ въ грамотѣ Царя Михаила Ѳедоровича Игумену Алексію 1615 г., гдѣ помѣщена выписка изъ грамоты Царя Ивана Васильевича.

[11] Всѣ этѣ книги въ малую четверку, переплетены большею частію въ доскахъ очень толстыхъ, и писаны почеркомъ хотя не со всѣмъ небрежнымъ, но и недовольно яснымъ. Въ приведенной нами надписи показано только 6 книгъ, но должно полагать, что и прочія 10 книгъ поступили въ монастырь отъ той же вкладчицы. Это доказываетъ одинаковое письмо, одинаковая бумага и одинаковый форматъ. Быть можетъ были надписи и на прочихъ книгахъ, но ни въ одной изъ нихъ не сохранилось заглавнаго листа. На концѣ одной изъ нихъ есть

сенія, Өедорова дочь, Валоуева, жена Замыцкаго, дала сіи святые великіе книги Минеи мѣсячные въ святую великую обитель Климецкаго монастыря, въ домъ къ Троицѣ Живоначальной на Онегѣ островѣ, на память своей души и своихъ родителей въ вѣчный поминокъ. И ни кто же да смѣетъ освоить сіи святыя книги, или же насильствомъ восхитить отъ церкви Троицы Живоначальной; таковый да судится, яко преобидникъ и хищникъ Божія церкви, не токмо здѣ, но и въ будущій вѣкъ.» Около того же времени пожертвованъ въ монастырь колоколъ вѣсомъ въ 6 пудовъ, отлитый «благоволеніемъ Божьимъ, помощію Христа Бога нашего, при Благовѣрномъ Царѣ и Великомъ Князѣ, Иванѣ Васильевичѣ,» и при Митрополитѣ Макаріѣ всея Россіи 7069 (1561) г.» [12] Въ 1592 году Климецкій монастырь подвергся бѣдствіямъ Нѣмецкой войны, какія испытывалъ тогда Олонецкій край. Отдѣлы непріятелей, разсѣявшихся по Олонецкой Губерніи отъ береговъ Ладожскаго озера до Заонежья, проникли и въ Кижскіе острова; крестьяне разбѣжались, кто куда могъ, оставивъ врагу свои домы и имущества. Запустѣло и Климецкое Богомолье: враги не пощадили тихаго пріюта старцевъ. Впрочемъ, изъ дозорныхъ книгъ Андрея Плещеева (1593 г.) видно, что монастырскія зданія не потерпѣли отъ набѣга непріятеля; вѣроятно, расхищено было только монастырское имущество, какое оставлено было въ добычу врагамъ. По описанію Плещеева, обитель оставалась довольно благоустроенною, и послѣ этой войны въ ней было двѣ деревянныхъ церкви: одна во славу Живоначальныя Троицы, а другая въ честь Николая Чудотворца; церковной утвари было достаточно. Все это церковное имущество, и образа, и книги, и свѣчи, и колокола, по словамъ Плещеева, «прежняго строителя Іоны да Игумена Прохора, еже о Христѣ съ братіею;

надпись: «Лѣта 7127 Марта въ 26 день вложился въ домъ к Живоначальные и к Николѣ Чудотворцу в Климецкой монастырь Жданъ Савельевъ сынъ Поповъ, Діачекъ, а вкладу далъ четыре рубли Священноинокъ Арсеніе, да при Келаре Тихоне, да при Казначее Павле, да при старцахъ Иродіаконе Филиппе и Акакіи, Ерофѣи. Филарети, и Варламіи, и Макаріи, и Сильвестрѣ, Яковѣ, Іевѣ и Селуані (всѣхъ 14 братій), и при всей иже о Христѣ братіи и слугахъ Климецкаго монастыря. И вкладъ его по аговору денегъ доподалъ.» Есть и другая подобнаго же рода надпись.

[12] Такъ въ надписи, вылитой на самомъ колоколѣ.

да на монастырѣ была келья Игуменская, а въ кельи черный Попъ Тихонъ, да въ кельи черный Попъ Исаакъ, да въ кельи Дьяконъ черный Варлаамъ. Да кромѣ того было двадцать келій, въ которыхъ жило двадцать девять братовъ, да шесть келій для слугъ монастырскихъ; кругомъ была деревянная ограда, а за монастыремъ дворъ гостинной на пріѣздъ» и т. д.

Отношеніе Климецкаго монастыря къ Новгородской Софіи въ XVI в. мало извѣстно; можно только сказать, что церковная дань съ обители получалась исправно. «Десятильничаго корму на Архіепископовъ домъ монастырь ежегодно платилъ одинъ рубль три алтына.» [13] Даже въ бѣдственный годъ Нѣмецкой войны Софійскій домъ не упустилъ своихъ доходовъ. Въ 1582 г. «Архіепископль Сынъ Боярскій, Романъ Бартеневъ, успѣлъ получить церковной дани съ Клименицъ у Троицкаго Попа Тихона полчетверти десять алтынъ восемь Московской и на черный кормъ.» [14]

Гораздо занимательнѣе то, какъ монастырь распространялъ свои владѣнія, и здѣсь начало той драмы, которая разыгрывается между нимъ и сосѣднимъ земствомъ въ теченіи двухъ сотъ лѣтъ. Пользуясь разными случаями, Климецкіе монахи пріобрѣтали у Правительства формальныя права на разныя земли и угодья, но сосѣди ихъ, Сѣнногубскіе земскіе люди, не признавали за ними этихъ правъ; они считали себя собственниками этихъ угодій и упорно отстаивали предъ Правительствомъ свои изстаринныя владѣнія. Изложить исторію этой вѣковой тяжбы—одна изъ задачъ настоящаго изслѣдованія. Кромѣ внутренней важности, эта исторія драгоцѣнна для науки въ томъ отношеніи, что представляетъ немало данныхъ для разъясненія весьма важнаго вопроса Русской исторіи, именно, вопроса: «Объ отношеніи нашихъ монастырей къ земству.» Споры о земляхъ составляютъ не исключительную только особенность Климецкой обители: рѣдкій монастырь въ этомъ случаѣ не вступалъ въ столкновеніе съ земствомъ.

Вскорѣ по смерти Преподобнаго Іоны Климецкіе иноки

---

[13] Лѣта 7080 (1582) Архіепископль Сынъ Боярской Романъ Бартеневъ взялъ церковной дани у Троицкаго Попа Тихона полчетверда десять алтынъ, восемь Московской, на черной кормъ. Отпись на маленькомъ свиточкѣ; по отписи же 7106 (1598) г. у Строителя Варсонофія взято десятильничаго корму 1 руб. 3 алтына.

[14] Отпись на маленькомъ свиткѣ, подлинная.

обратились съ челобитьемъ къ Царю Ивану Васильевичу, и, выражая предъ нимъ, что «живутъ они на пустомъ острову, что къ острову ихъ прилегли мхи и болота, дикій черный лѣсъ и необрочныя воды, умоляли Царя пожаловать имъ земли и воды на пропитаніе братіи.» [15] Внялъ челобитью старцевъ Грозный Царь Иванъ Васильевичъ и далъ имъ на вѣчныя времена «чернаго лѣсу отъ монастыря на пять верстъ, да водъ для рыбной ловли отъ монастыря на пять же верстъ во всѣ стороны.»

Но этотъ Царскій даръ, такъ обрадовавшій иноковъ, не по сердцу былъ Кижскому крестьянству. Земскіе люди Сѣнногубской волости возмутились такимъ прошеніемъ Климецкаго братства и спѣшили въ иномъ свѣтѣ представить это прошеніе. Въ 1547 году они, въ своей челобитной, объясняли Грозному Ивану Васильевичу, что Климецкіе старцы, добывая его Царскую жалованную грамоту, оболгали его и неправедно ему говорили, будто они живутъ на пустомъ острову и прилегли къ нему мхи и болота, а не пашенное мѣсто; будто близъ монастыря ни какихъ крестьянскихъ угодій не прилегло, тогда какъ деревня Конда находится «отъ монастыря верстахъ въ четырехъ, а сгодья ихъ и рыбная ловля близъ самаго монастыря и Кловецкіе станы верстахъ въ трехъ, четырехъ и больше» [16] Къ сожалѣнію, не извѣстно, какую силу имѣла эта жалоба и что именно сдѣлано по ней.

Только въ 1568 году въ монастырь посланъ былъ писецъ и дозорщикъ Андрей Лихачовъ съ Подьячимъ Ляпуномъ Добрынинымъ, которые, въ силу дарованной Царской грамоты, отвели монастырю земли къ сѣверу на пять верстъ, да до деревни Нятиной Губы на 2 версты, предоставивъ право братіи и на рыбную ловлю въ Онегѣ безоброчно, не упоминая, впрочемъ, о числѣ верстъ. [17]

---

[15] Челобитная Кижскихъ крестьянъ Царю Ивану Васильевичу 1547 г.; то же повторяется въ грамотѣ Царя Михайла Ѳедоровича старцу Климецкому Акакію 1615 г.; о томъ же упоминается и во многихъ другихъ актахъ монастырскихъ.

[16] Челобитная Кижскихъ крестьянъ 1547 г.

[17] Выписки изъ челобитныхъ Кижскихъ крестьянъ на старцевъ Климецкаго монастыря; о писцовыхъ книгахъ Андрея Лихачова упоминается и въ писцовыхъ книгахъ Никиты Панина 1628—1029 г.г. Ссылка на книги Лихачова нѣсколько разъ повторяется въ росписи убыткамъ отъ отвода Гаврилы Островскаго 1647

Съ 1570 года во владѣніи монастыря появляется новый «починокъ» земли на рѣкѣ Яндомѣ, у мельницы, въ количествѣ «полуобжи.» За эту новоприбылую землю монастырь платилъ пошлинныхъ денегъ по тридцати алтынъ съ полушками на годъ. [18]

Пользуясь бѣдствіями Олонецкаго края въ 1582 году, Климецкіе иноки спѣшили распространить свои владѣнія. Мы уже видѣли, что Климецкая обитель немного пострадала отъ Нѣмецкой войны, тѣмъ не менѣе въ 1583 г. Игуменъ Тихонъ, въ своей челобитной къ Царю Ивану Васильевичу, выставлялъ на видъ совершенное разореніе Климецкаго Богомолья отъ Нѣмецкой войны и безвотчинности, и въ силу этихъ обстоятельствъ просилъ Царя Ивана Васильевича пожаловать имъ въ Кижахъ, [19] въ Шаховской волости, на рѣкѣ Роксѣ, въ деревнѣ Юхновской обжу земли, которая оставалась пустою «полтретья тридцать лѣтъ,» да пустошь на Мусть-Наволокѣ, Осиповщину, двѣ трети обжи, которая запустѣла уже «семьдесятъ лѣтъ,» да въ томъ же погостѣ, въ Лукьянской волости, «лѣшее озеро Нюхту,» изъ коего течетъ копанъ ручей, и на немъ поставить мельницу и кругъ мельницы землю и островокъ. Царь пожаловалъ Климецкой братіи грамоту на владѣніе сими пустошами, землями и угодьями, но въ настоящій разъ уже съ оговоркою: «если они никому не принадлежатъ.» [20] Для приведенія въ силу этой жалованной грамоты, изъ Новгорода въ Клименцы посланъ былъ Боярскій Сынъ, Дмитрій Кашкинъ, коему поручено было означенныя деревни отвести къ монастырю по припрaвочнымъ книгамъ Андрея Лихачова. Кашкинъ, исполняя порученіе, отдѣлилъ къ монастырю всѣ угодья пустошей Юхновской и Осиповщины, кромѣ четы-

---

г., въ челобитныхъ Игумена Гедеона Царю Алексѣю Михайловичу 1664 г., Строителя Іосифа 1665 г., Строителя Іоасафа 2-го 1677 г.

[18] Роспись убыткамъ отъ Гаврилы Островскаго (прил. IV, 8) и отпись о пошлинныхъ деньгахъ «съ новоприбылаго починка» на рѣкѣ Яндомѣ у мельницы.

[19] Погостъ Кижскій отстоитъ за 12 верстъ отъ монастыря.

[20] Грамота Царя Бориса Өедоровича Новгородскому Воеводѣ, Князю Данилу Андреевичу Ногтеву, 1602 г. Грамота Царя Михайла Өедоровича старцу Климецкому Акакію 1615 г. Выпись данная Бояриномъ и Воеводою, Княземъ Иваномъ Борисовичемъ Рѣпнинымъ, съ писцовыхъ книгъ Андрея Плещеева (1664 г., Февр. 10).

рехъ лѣшихъ пашней, которыя, по сказаніямъ старцевъ, «паханы были безъ дѣлу [21] съ Кижскими крестьянами повытно.» [22]

Всѣ эти монастырскія жалованныя угодья вошли и въ дозорныя книги Андрея Плещеева (1593 г.): «Монастырю дано земли, сказано въ этѣхъ книгахъ, около монастыря на пять верстъ, да деревня въ Нятиной Губѣ на двѣ версты, да на Яндомѣ рѣкѣ молола монастырская мельница, за которую давали оброку Царю и Великому Князю по двѣ гривны, да у тое жъ мельницы была монастырская пустошь, въ которой жилъ мельникъ, Конанко Степановъ, безъ пашни, да на Климецкомъ же острову ловятъ рыбу неводы и сѣтьми безоброчно.»

Вскорѣ послѣ межеванья Кашкина въ 1585 году пріѣзжалъ въ Клименцы Леонтій Аксаковъ съ товарищами: онъ измѣрялъ деревни Кижскаго погоста въ четвертное число, на выть, по 14 четей въ полѣ, въ дву по тому жь.» [23]

Сначала споровъ не было, но чрезъ 12-ть лѣтъ дворцовые крестьяне, не обращая вниманія на юридическія права монастыря, насильно стали отнимать у него поля, распаханныя старцами въ новопожалованныхъ земляхъ и черныхъ лѣсахъ, своевольно обработывали, удобряли и засѣвали ихъ. Игуменъ Филиппъ жаловался Царю Өедору Ивановичу на такое своеволіе крестьянъ, и просилъ его оградить на будущее время Климецкую обитель отъ ихъ насильства. Царь приказалъ Новгородскимъ Боярамъ розыскать, какъ про черныя пашни, такъ и про мельницу на Конанъ ручью по отдѣльнымъ книгамъ Дмитрія Кашкина. [24]

Въ слѣдствіе такой Царской воли, отъ Новгородскаго Воеводы, Князя Данила Андреевича Ногтева, послѣдовалъ разъѣзжій наказъ Подьячему Богдану Помѣщикову, который, собравъ Поповъ и понятыхъ людей Шунгскаго, Спаскаго и Толвуйскаго погостовъ и крестьянъ дворцовыхъ Вяжицкаго и Хутынскаго монастырей, отвелъ Климецкому братству земли и пашни въ деревняхъ Роксѣ и Осиповщинѣ по Царскимъ грамотамъ, по отдѣль-

---

[21] т. е., безъ дѣлежа.

[22] Грамота Царя Бориса Өедоровича 1602 г.

[23] Грамота Царя Бориса Өедоровича 1602 и выписка изъ челобитныхъ крестьянъ 1547 г.

[24] Грамота Царя Бориса Өедоровича 1602 г.

нымъ книгамъ Кашкина и по разводнымъ межамъ, написаннымъ въ наказѣ съ отдѣльныхъ книгъ. Это происходило въ 1596 году при Строителѣ Варсонофіи. [25] Но Кижскіе крестьяне заявили при этомъ случаѣ крайнее неудовольствіе и сопротивленіе. Они не хотѣли дать Помѣщикову ни знатца, ни Дьячка, кому книги писать, называя межи Кашкина «непрямыми» и говоря, что онъ отвелъ земли по мздѣ. Въ этомъ смыслѣ они подавали и челобитья Царю Өеодору Ивановичу въ 1591 г. и въ 1596 г., обвиняя Кашкина, что онъ далъ монастырю лишнюю землю: «а Кижане въ ту пору бѣгали Нѣмецкой войны и стоять за ту землю было некому.» По тому дѣлу со стороны крестьянъ ходатаемъ былъ Третьякъ Игнатьевъ, а со стороны монастыря служка Сергѣйка Игнатьевъ. [26]

Въ 1597 году «чертежъ тому дѣлу и поручныя записи отъ обѣихъ истцовъ присланы были къ Москвѣ,» «и оба истца стали предъ Дьяками, Иваномъ Нормацкимъ да Посникомъ Дмитріевымъ,» которые присудили: «отмежевать монастырю земли въ пустошахъ Роксѣ и Осиповщинѣ на Мусть-Наволокѣ по писцовымъ книгамъ Левонтья Аксакова.» Но оба истца поспѣшили доложить Дьякамъ, что они «учинили межи промежъ себя.» По этой мировой «излюбленой» записи пожалованныя монастырю пустоши и Нюхтъ озеро размежеваны въ томъ видѣ, какъ было у прежнихъ отводчиковъ. За неустойку Третьякъ обязывался внести 50 рублей. [27]

По поводу этой мировой посыланъ былъ въ Спаскій Кижскій погостъ Подьячій Третьякъ Елизаровъ, для измѣренія полей и угодій деревень Роксы и Осиповщины на Мусть-Наволокѣ и размежеванія по мировой записи обоихъ истцовъ и доправки въ нихъ пошлинъ 3 рублей 5 алтынъ.

Но изъ доѣзжей памяти, присланной Елизаровымъ въ Новгородъ, оказалось слѣдующее: всѣ свидѣтели сказали, что они Третьяка Игнатьева къ Москвѣ не посылали и записи ему не дава-

---

[25] Та же грамота и списокъ съ дозорныхъ книгъ Богдана Помѣщикова 1596 г. Подлинныя дозорныя книги сгорѣли во время пожара, истребившаго городъ Олонецъ въ 1668 году.

[26] Грамота Царя Бориса Годунова.

[27] Списокъ съ мировой излюбленой записи между Государевымъ крестьяниномъ, Третьякомъ Игнатьевымъ Третьяковымъ и служкою Климецкаго монастыря; Сергѣемъ Игнатьевымъ Нечаевымъ, 1597 г. Копія за подписью Игумена Іосифа и чернаго Попа Пахомія.

ли; Сѣнногубскіе крестьяне также межевать земли не хотѣли, «Указу не слушаютъ и хотятъ землю дѣлить самовольствомъ, и въ Новгородъ по Ноябрь 7-го числа, 1598 г. за тѣмъ дѣломъ не пріѣхали.» Этого казалось мало для Кижанъ: въ слѣдующемъ 1599 г. Кижскій крестьянинъ, Самулка Ѳоминъ, отъ лица всѣхъ крестьянъ, подалъ въ Москвѣ челобитную на Климецкихъ старцевъ и Третьяка Игнатьева о той же землѣ, говоря, что въ 1598 г. «по ложному Игнашкину челобитію и бывшимъ въ слѣдствіе того землянымъ разводамъ, Климецкимъ старцамъ велѣно разорвать ихъ ложныя записи.» По чему «посланъ былъ изъ Новгорода въ Кижскій погостъ Подъячій, Нежданъ Луговскій, разводить землю по старымъ межамъ,» но Климецкіе, Игуменъ Германъ съ братіею, Неждану «земляной записи не дали, и на основаніи тѣхъ ложныхъ записей замлею лишнею владѣютъ, причиняя крестьянамъ въ волокитствѣ великіе убытки.» Этотъ тяжебный споръ оконченъ пока на время въ томъ же 1599 г. Царскимъ рѣшеніемъ. Грамотою Царя Бориса Ѳеодоровича на имя Новгородскаго Воеводы, Князя Данилы Андреевича Ногтева, да Дьяка Дмитрія Алябьева, по Боярскому приговору велѣно Игумена Германа оправить и землею монастырю по прежнему владѣть по мировой записи, а Третьяка Игнатьева обвинить, доправивъ съ него, вмѣсто 50 р., 10 р. 50 к. Эта правая Царская Грамота, подтвержденная потомъ Царемъ Ѳедоромъ Алексѣевичемъ Строителю, старцу Іоасафу, 1677 г., и Царями Иваномъ и Петромъ Алексѣевичами Игумену Ѳеодосію, 1684 года, дана была въ монастырь уже 1602 г. [28]

Въ послѣдствіи Строитель Геннадій спряталъ эту грамоту, и ни кто не зналъ куда. Въ 1675 году, когда начали ломать ветхую часовню надъ гробомъ Прп. Іоны и строить новую, нашли эту грамоту «въ стѣнномъ бревнѣ, врублено ящикомъ.» Вотъ по чему она не была подписана на имя Царей Василья Ивановича Шуйскаго, Михаила Ѳеодоровича и Алексѣя Михайловича. [29]

Кромѣ земель и угодій, жалованныхъ Царскими Грамотами,

---

[28] Всѣ эти обстоятельства прописаны въ челобитной Строителя Климецкаго монастыря, старца Іоасафа, Царю Ѳедору Алексѣевичу, 1677 года.

[29] Грамота, за приписью Дьяка Ивана Нормацкаго и справою Подьячаго Сеньки Самсонова, имѣется въ трехъ копіяхъ: одна изъ нихъ очень невѣрна; другія двѣ и вѣрны, но обѣ безъ конца.

обитель до 1600 г. владѣла нѣкоторыми оброчными, довольно значительными, пашнями, принадлежавшими прежде разнымъ крестьянамъ. [30]

IV.

Климецкій монастырь въ XVII вѣкѣ

Изъ актовъ Климецкаго монастыря видно, что если онъ и не приходилъ въ упадокъ въ XVII столѣтіи, то, съ другой стороны, нельзя сказать, чтобы онъ развивался и процвѣталъ въ этомъ вѣкѣ.

Въ теченіи всего столѣтія онъ пользовался дарованнымъ ему правомъ самосуда и самоуправленія. Точно такъ, какъ въ другихъ Олонецкихъ монастыряхъ, былъ здѣсь Братскій Соборъ, на которомъ рѣшались всѣ монастырскія дѣла подъ предсѣдательствомъ Игумена, или Строителя. Здѣсь же присутствовалъ иногда и Поповскій Староста и объявлялъ братству распоряженія Новгородскаго Владыки. На Соборѣ происходилъ судъ. Такъ Климецкаго монастыря старецъ Варсонофій, прозвищемъ Кукуевъ, приносилъ здѣсь повинную въ своемъ ложномъ и затѣйномъ челобитьѣ на Строителя, Казначея и Келаря, въ томъ, что онъ «напрасно разореніе чинилъ и убычилъ монастырь.» Видно также изъ дѣлъ Климецкаго монастыря, что виновныхъ садили на цѣпь въ столовой кельи. Такъ посаженъ былъ монахъ Тарасій за присвоеніе и продажу монастырскаго хомута.

По отношенію къ Настоятелю, братія пользовились свобод-

---

[30] Оброчная запись Дьяка Семена Емельянова 1593 г., Февраля 3. Дьякъ взялъ у старца Варсонофія съ оброчныхъ пустошей, данныхъ старцу Веніамину на Сѣнной губѣ «Вачевской наволокъ,» къ полувыти да съ пополчети, тоже на Сѣнной губѣ на «Чюрковской горѣ» и съ бывшей деревни Арндовской, Голиковщины и Сотиловой, тожъ съ полчети и съ полполчети на 101 годъ, съ пашни и сѣнокосу и за рыбную ловлю оброку два руб. 19 алтынъ съ полуденьгою. По другой записи 1594 г., Октября 5 числа, по наказу, за приписью Дьяка Семена Емельянова, Стахій Монятинъ да Подьячій первой Григорьевъ взяли въ Спаскомъ погостѣ, въ Кижахъ, въ деревни на Леликовѣ островѣ, Аренцовской, съ чети выти, съ пустоши Рикотовиной, съ трети выти, съ деревни на Лариковѣ островѣ со всѣхъ трехъ деревень, съ выти безъ трети, оброчныхъ на 101 г 1 руб. 3 алтына у старца Варсонофія.

нымъ правомъ выбора изъ своей среды на праздное мѣсто. Право это, какъ увидимъ, имѣло силу и въ XVIII вѣкѣ. Въ 1685 году Келарь Іона, Казначей Даніилъ, съ собратами обращались съ челобитьемъ къ Митрополиту Корнилію, и просили Святителя благословить имъ избраннаго Строителя, «по тому Строитель, черный Попъ Ѳеодосій, изнемогъ и постарѣлъ и по многое время отказывается.» До 1664 года Настоятельство въ обители было Игуменское, а съ этого времени, до упраздненія пустыни, Строительское. Въ числѣ начальственныхъ лицъ монастыря были и такіе въ XVII вѣкѣ, кои происходили изъ Сѣнногубскихъ крестьянъ, имѣли вблизи множество родственниковъ, а по тому, забывъ иноческіе обѣты, радѣли не столько о пользахъ монастыря, сколько о выгодахъ и прибыткахъ своей родни.

Что касается внѣшняго благоустройства обители въ XVII вѣкѣ, то, не смотря на многія земли угодья и льготы, пожалованныя ей щедротами Монарховъ, она не отличалась ни особеннымъ благолѣпіемъ храмовъ Божіихъ и другихъ монастырскихъ зданій, ни многочисленностію общебратства. Въ Писцовыхъ Книгахъ Никиты Панина да Семена Копылова (1628—1629 г.), внѣшнее состояніе монастыря описывается въ слѣдующемъ видѣ: «На монастырѣ церковь поставлена вново на старомъ церковномъ мѣстѣ, во имя Николы Чудотворца, о пяти верхахъ, верхи шатровыи, а въ церкви два креста благословляющіе, обложены серебромъ басмы, распятія литые золоченые, сосуды оловяные, кадило мѣдное, двои ризы полотняныи, на престолѣ Евангеліе письменно, Евангелисты мѣдные. Другая церковь во имя Живоначальныя Троицы, теплая съ трепезою и келарскою, верхъ шатровой; по сторону Царскихъ дверей образъ мѣстный Живоначальной Троицы; у него прикладу три вѣнца серебряные, сканные, съ финифтемъ, да три креста, крестъ серебрянный, другой раковинный, третій костяной, обложенъ серебромъ сканнымъ; по лѣвую сторону Царскихъ дверей образъ Пречистыя Богородицы Одигитрія на золотѣ; у ней прикладъ цѣпочка серебряна, на ней крестъ серебрянъ, да въ олтарѣ за престоломъ образъ Пречистыя Богородицы Знаменія, вѣнецъ басмы золоченъ; сосуды церковные мѣдные лужены, да въ паперти 4 колокола, по смѣтѣ въ тѣхъ 27 пудовъ, да клепало желѣзное. Да на монастырѣ въ кельѣ

Игуменъ Герасимъ, въ кельѣ Келарь старецъ Евтеѳей, [31] да шесть келій братскихъ, да келья больничная, а въ нихъ десять старцевъ; за монастыремъ дворъ конюшенный, а въ немъ живутъ дѣтеныши монастырскія.»

Что касается монастырскихъ владѣній, то, по описанію Папина, ихъ было весьма достаточно: «Пашенного и не пашенного лѣсу монастырю принадлежало, по прежнимъ Писцовымъ Книгамъ Андрея Плещеева (1583 г.), на пять верстъ; рыбныя ловли на Климецкомъ острову въ Онегѣ озерѣ, да въ лѣсныхъ озеркахъ въ Сусалгѣ, въ озеркѣ Вестьнускомъ, въ озеркѣ въ Рогмонаволокѣ, да въ Черги ловили на монастырь неводы и сѣтьми безоброчно. Къ вотчинѣ Климецкаго монастыря относились три деревни: Конда, Осиповская и Рокса, да пустошь Юхновская, [32]

---

[31] Въ кладной книгѣ въ 1627—1631 году упоминается только одинъ Келарь Павелъ.

[32] Да отъ монастыря двѣ версты на Онегѣ озерѣ, на острову Кодо-Наволокъ деревня Кириловская, а въ ней дворъ монастырскій, да дворъ коровей, а въ немъ живутъ дѣтеныши и коровники, пашни пахатные добрые земли двѣнадцать четей въ полѣ, а в дву по тому жъ; вытного выть съ полтретью выти и третникъ пашни, сѣна шестьдесятъ копенъ. Да къ тому жъ монастырю дано по Государевѣ Царевѣ и Великаго Князя Михаила Ѳедоровича грамотѣ, за прописью Дьяка Прокофья Пахирева 132 (1624) года (Грамота дана 1615 года, но подтверждена черному Попу Арсенію тѣмъ же Царемъ Михайломъ Ѳедоровичемъ, вмѣстѣ съ отцомъ его, Патріархомъ Филаретомъ Никитичемъ, по новому уложенію 1134 (1624), за прописью Дьяка Прокофья Пахирева) деревня Мусть-Наволокъ Осиповская, а въ ней дворъ монастырской старцамъ на пріѣздъ; пашни паханые добрые земли три чети съ осминью въ полъ, а в дву по тому жъ: вытного треть выти и полтретника пашни, сѣна пять копенъ. Да того жъ монастыря деревня Рокса, роспахана изъ чернаго лѣсу, а въ ней дворъ монастырскій старцамъ на пріѣздъ, да дворъ коровей, а въ немъ живутъ приходя съ монастыря дѣтеныши; пашни паханые монастырскіе добрые земли двадцать двѣ чети въ полъ, а в дву по тому же, вытьми двѣ выти съ третью выти безъ третника пашни, сѣна десять копенъ, да мельница Усть-Ядомы рѣки, двоеколесная; да у мельницы пустошь Юхновская, а на ней во дворѣ мельникъ Васька Данилковъ. И всего Климецкаго монастыря вотчина: три деревни да пустошь, а въ нихъ пять дворовъ монастырскихъ, три старцамъ и служителямъ на пріѣздъ, а два двора коровьихъ, да дворъ мельницкой; пашни паханые добрые земли тридцать семь четей съ осьминой, вытьми четыре выти безъ чети, сѣна семьдесятъ копенъ, да мельница двоеколесная. Сошного письма въ пахотной пашнѣ полчети сохи, а пашутъ тое пашню старцы собою, монастырскіе дѣтеныши.

а въ нихъ пять монастырскихъ дворовъ, три на пріѣздъ старцамъ и служкамъ, два двора коровьихъ, да дворъ мельницкой; пашни паханные добрые земли тридцать семь четей съ осминой, вытьми четыре выти безъ чети, сѣна семьдесятъ копенъ, да мельница двоеколесная: сошного писма въ пахатной пашни полъ чети сохи, а пашутъ тое пашню старцы собою монастырскими дѣтеныши. [33]

Кромѣ выгодъ, доставляемыхъ разными угодьями, Климецкій монастырь въ XVII вѣкѣ получалъ еще немало матеріяльныхъ средствъ отъ вкладовъ, которыя были иногда очень значительны. Въ числѣ вкладчиковъ мы встрѣчаемъ имена разныхъ старцевъ, иноковъ, Священно-иноковъ, бѣлыхъ Поповъ, Строителей, Игуменовъ, Архимандритовъ; изъ Климецкихъ Игуменовъ вкладчиками были: Кипріянъ, Варлаамъ, [34] Іоасафъ (1643). Изъ лицъ посторонних: Вяжицкаго монастыря Игумены Іосифъ (1645) и Илья (1674), Палеостровскій Игуменъ Антоній (1674), Свирскаго монастыря Игуменъ Авраамій (1646); изъ бѣлаго Духовенства: Виданскій Попъ Мина Лазаревъ (1661), съ Москвы Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, что у Государя на сѣняхъ, предѣлу Собору Архангела Гавріила Священникъ Іоаннъ Васильевъ (1640), и Великогубскій Священникъ Илья Архиповъ (1645), замѣчательный тѣмъ, что ставленная его грамота, сохранившаяся въ монастырѣ, украшена собственноручными подписями Новгородскихъ Митрополитовъ Аѳонія, Никона, Макарія, Питирима и Корнилія; [35] изъ лицъ свѣтскихъ: отводчикъ Василій Сильвестровичъ Мусинъ-Пушкинъ и Подьячій Борисъ Ивановъ (1661). Большая же часть вкладовъ слѣдовала отъ крестьянъ сосѣднихъ селъ и деревень. Къ значительнымъ пріобрѣтеніямъ монастыря въ XVII вѣкѣ надобно отнести два колокола, сохранившіеся доселѣ и пожертвованные, какъ гласитъ преданіе, дворцовымъ крестьяниномъ, Захаріемъ Кириловымъ сыномъ Игумновымъ: [36] одинъ вѣсомъ въ пудъ 30

---

[33] Выпись изъ писовыхъ книгъ писца Никиты Панина да Подъячаго Семена Корнилова 136 и 137 годовъ.

[34] Вкладная книга: вкладчиковъ всѣхъ было въ 1639—4, 1640—9, 1641—7, 1642—10.

[35] Грамота эта имѣется въ моемъ собраніи рукописей.

[36] Колокола эти отличаются необыкновенно пріятными звуками.

фунтовъ съ надписью: «Deo gloria in excelsis, anno 1643,» другой праздничный въ 25 пудовъ 20 фунтовъ, отлитый при Игуменѣ Іоасафѣ и Казначеѣ старцѣ Иринархѣ и при всей братіи въ лѣто ҂зрнг (1645). Число всѣхъ вкладчиковъ, отъ начала его основанія по XVII вѣкъ, восходитъ до 654. Количествомъ вкладовъ отличались по преимуществу годы 1615, 1619, 1634, 1643, 1674, 1699; въ прочихъ годахъ число вкладчиковъ было значительно меньше.

Царскихъ вкладовъ мы не видимъ отъ самаго основанія монастыря, хотя встрѣчаемъ о томъ нѣсколько прямыхъ челобитныхъ къ Царственнымъ особамъ. Такъ въ 1678 году Строитель Θеодосій жаловался Царю Θедору Алексѣевичу о томъ, что «построенъ былъ своею силою монастырь, но отъ Нѣмецкихъ людей разоренъ: колокола и всякая церковная утварь, и книги, и ризы пограблены, остались ветхіе, да изъ тѣхъ многія въ пожарное время въ церквахъ погорѣли, по чему и служба отправляется по письменнымъ ветхимъ книгамъ, нѣтъ Устава, Октоя, мѣсячныхъ Миней, Тріодей, Апостола и Евангелія толковаго, повседневнаго и чернаго; ризъ и колоколовъ строить не изъ чего.» Обращая Царское вниманіе на эти обстоятельства, онъ просилъ Царя пожаловать въ монастырь утварь для поминовенія родителей. [37] Съ подобной же просьбой монастырь обращался къ Царицѣ и Великой Княгинѣ, Натальѣ Кириловнѣ, чтобы она, поминаючи въ блаженномъ успеніи Государя Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича, и для своего многолѣтняго здравія, пожаловала шубу, мантію и ряску, да въ церковь книгу Шестодневъ, да Псалтирь Слѣдованную. Но были ли дѣйствительно какія пожертвованія, не видно изъ Исторіи Климецкаго монастыря.

Отношеніе Климецкаго монастыря къ Новгородской Софіи въ теченіи XVII вѣка выражается, судя по письменнымъ актамъ, главнымъ образомъ въ исправномъ платежѣ церковной дани, которая постоянно возрастаетъ. Вотъ исторія этой дани: Съ 1602 по 1617 годъ въ Софійскую казну съ Климецкаго монастыря получалось подъѣзда и за десятину рубль Московской и 3 алтына, писча-

[37] Въ этомъ челобитьи пишется, что монастырь Климецкій не ружный; вотчинъ, крестьянъ и бобылей, нѣтъ не единого человѣка.

го и истопничаго 6 денегъ. [38] Съ 1617 года Софійская пошлина увеличивается до 2 рублей Московскихъ и 10 алтынъ. [39] Кромѣ того явились новыя требованія на Митрополичій кормъ; такъ въ 1618 г. взято на Московскій Митрополичій подъемъ 10 алтынъ; [40] въ 1521 г. для Митропотичья обновленья чернаго корму 1 руб. 3 алтына; [41] въ 1627 г. кромѣ подъѣзда и десятины 2 руб. на Московское число взято, также для Митрополичья обновленья, еще 1 руб. и 3 алтына. [42] Въ 1629 году Игуменъ Герасимъ и Строитель черный Попъ Арсеній нашли нужнымъ бить челомъ Новгородскому Владыкѣ, Кипріяну, о невзиманіи съ монастыря десятины на 137 (1629 годъ). Правда, на челобитной состоялась помѣта Митрополита: «ради монастырской скудности на 137 (1629) годъ Церковные дани, подъѣзды и десятины и казенныя пошлины и истопничаго не взимать,» [43] но за то въ слѣдующіе годы Софійской дани получилось гораздо больше прежняго; такъ въ 139 (1631) году монастырь долженъ былъ заплатить подъѣзда и десятины 3 рубля Московскимъ числомъ, казенной пошлины 5 алтынъ, Дьячихъ 2 алтына, писчаго и истопничаго 1 алтынъ. [44] Въ 1634 году «за Митрополичь Московскій подъемъ» съ монастыря уплачено болѣе 1631 года 10-ю алтынами. [45] Въ слѣдующемъ 1635 году Климецкіе братія обратились

---

[38] Такъ въ отписи 1602 г., а по отписямъ 1604 и 1606 годовъ дани платилось 1 руб. Московскій и 3 алтына.

[39] По приказу Митрополита Исидора отпись Сына Боярскаго Обиды Бухвостова, да Подъячаго Гуляя Заливнева, 1613 г., Марта 7 дня.

[40] Отпись дѣтей Боярскихъ Өедора Бухвостова да Василія Посникова Священнику Арсенію да Священнику Геннадію, 1618 г., Февраля 22 дня.

[41] Отпись Софійскаго дому судныхъ дѣлъ Подьячаго Ивана Дмитріева да Ивана Шикова черному Священнику Арсенію 1627 г., Генваря 2.

[42] По приказу Митрополита Кипріана отпись Софійскихъ Дѣтей Боярскихъ Өедора Быкова да Еремѣя Тяполкова черному Попу Арсенію 1627 г., Генваря 2.

[43] Челобитная на свиткѣ; помѣта написана на оборотѣ ея за приписью Дьяка Никифора Ананьина.

[44] Отпись 7139 г., Декабря 18, за малою печатью чернаго воска; деньги получали Софійскаго дому Митрополичій Казначей Михайла Матөеевъ, да Сынъ Боярскій Өедоръ Аөанасьевъ сынъ Быковъ, а платилъ Игуменъ Герасимъ.

[45] По отписи на свиткѣ: взято подъѣзда и десятины 3 руб. Московскимъ числомъ, казенныхъ пошлинъ 5 алтынъ, Дьячихъ пошлинъ, писчаго и истопничаго 2 алтына, да за Митрополичь Московскій подъемъ 10 алтынъ на 142 г. Платилъ

съ челобитьемъ къ Новгородскому Владыкѣ объ освобожденіи ихъ отъ Софійской дани: «Не вели, Государь Преосвященный, Аѳоній, посланникамъ твоимъ къ намъ въѣзжать и доходовъ на насъ имати. Государь, смилуйся!» Владыка внялъ этому челобитью и положилъ милостивую резолюцію: «Въ теченіи трехъ лѣтъ (1637, 1638 и 1639) ни какихъ пошлинъ имать съ нихъ не велѣлъ, и Десятильниковъ къ нимъ въѣзжать, и подводъ и кормовъ имати у нихъ не велѣлъ же.» [46] За тѣмъ во второй половинѣ XVII столѣтіи Софійская дань все болѣе и болѣе возрастаетъ. По 1660 годъ монастырь платилъ подъѣзда и десятины 4 рубля, Дьячихъ пошлинъ 4 деньги, за сидѣлаго Десятильника отступныхъ 10 алтынъ, да съ тѣхъ денегъ съ рубля по 5 алтынъ; [47] съ этого же времени дань была уже свыше 5 руб., а именно: подъѣзда и десятины 4 руб. 20 алтынъ, записнаго 2 руб. 4 деньги, за сидѣлаго съ рубля по 5 алтынъ, да съ престола 10 алтынъ; [48] къ 1673 года она доходила уже до 6 руб. 11 алтына. «Твой Святительскій Сынъ Боярскій, Никита Тютрюмовъ, писали Климецкіе братія своему Владыкѣ, наложилъ на насъ, богомольцевъ твоихъ, Святительскую десятину безъ указу вновь, не по силѣ отъ прежняго, вдвое, по 6 руб. по 11 алтынъ, и мы разоренные, твои богомольцы, по тому непомѣрному окладу, платили тебѣ съ великого правежу, займучи у Христолюбцевъ тѣ платежные деньги.... и впредь

Игуменъ Аркадій, а получали Дѣти Боярскіе Григорій Саблинъ да Второй Рябининъ.

[46] Челобитная къ Новгородскому Митрополиту Аѳонію о насильственномъ взиманіи съ монастыря Митрополичьихъ пошлинъ и «Приказъ» Митрополичъ о томъ, чтобы со Игумена Аркадія за три года (145, 146 и 147) ни какихъ пошлинъ не брать; челобитная на маленькомъ свиткѣ.

[47] Роспись въ полученіи церковной дани на 1648 г., у Келаря Матѳея, Софійскаго дому Подъячаго, Тихона Нежданова. Таковая же росписка въ полученіи церковной дани на 1650 г., у Игумена Иліи, Стряпчаго Меркурія, Ивана Борзого. Таковая же выборнаго Старосты, Попа Якима Григорьева, 1654 г. Его же, Григорьева, таковая же росписка 1655 г., Декабря 13, и Ноября 2. Его же, Григорьева, подобная росписка 1652 г., Генваря 5.

[48] 1661 г., Февраля 9, Сынъ Боярскій, Матѳей Макарьевъ Балавенскій, взялъ въ Софійскую казну у Игумена Гедеона подъемные деньги на 168 г. 2 р. 11 алт. 2 деньги. 1663 г., Генваря 10, Попъ Якимъ Григорьевъ далъ отпись въ полученіи 5 руб. и 2 деньги. Приведенная нами церковная дань значится по отписи Попа Якима Григорьева, данной 1664 г., Генваря 7-го.

твоей Святительской десятины платить не чѣмъ.... погибаемъ гладомъ и наготою и кормимся Христовымъ именемъ... пожалуй насъ, Государь, Царскихъ и твоихъ Святительскихъ богомольцевъ, не вели своей Святительской десятины вдвое имати, чтобы намъ, нищимъ, врозь не разбрестися.» Въ 185 (1677) году Митрополитъ Корнилій, указалъ платить церковную дань по окладу въ Новгородѣ по вся годы на срокъ на Рождество Христово, а посланнымъ и Поповскимъ Старостамъ для сбору денежной дани и иныхъ дѣлъ въ монастырь не въѣзжать и подводъ и кормовъ не имать; а буде явятся безчинники, и по такихъ безчинникахъ будетъ послано нарочно изъ Великаго Новгорода, изъ дома Премудрости Божіей.» Наконецъ, Софійская дань не по силамъ была монастырю, истощенному въ тяжбахъ съ Сѣнногубскимъ Земствомъ изъ за разныхъ угодій и рыбныхъ ловель. Въ 1676 году, Климецкій Строитель Θеодосій просилъ Новгородскаго Митрополита Корнилія о сбавленіи съ монастыря церковной дани противъ окладу, ради убогости обители. Дань эта возрасла противъ прежняго вдвое, кромѣ Десятильнича корму и подводъ. Въ слѣдствіе этого челобитья въ томъ же году изъ дома Премудрости Божіей получена была жалованная грамота Владычня слѣдующаго содержанія: [49] «Мы, Великій Господинъ, Преосвященный Корнилій, Митрополитъ Великаго Новогорода и Великихъ Лукъ, челобитье Климецкаго монастыря Строителя Θеодосія и выписку изъ окладныхъ книгъ слушавъ, пожаловали, указали съ того Климецкаго монастыря платить имъ Церковные дани на годъ по 1 руб. по 16 алтынъ по 4 деньги, за Десятильничи доходы тожъ число, да Дьячихъ пошлинъ по 3 алт. по 4 деньги, въ Великомъ Новгородѣ, въ нашемъ казенномъ Приказѣ, по вся годы на срокъ на Рождество Христово; а для сбора церковные дани посланникомъ въ тотъ монастырь по прежнему и по сему нашему Указу и грамотамъ не въѣзжать и подвода и кормовъ не имать.» [50]

---

[49] Грамота Новгородскаго Митрополита Корнилія. Печать Митрополичья сорвана. Припись Андрея Сказина: «платить самимъ.»

[50] Въ челобитной Θеодосій жаловался, что Софійскаго дому Сынъ Боярской, Никита Тютрюмовъ, безъ Указу наложилъ Святительскую десятину по 5 руб. по 11 алтынъ, кромѣ Десятильничья корму и подводъ, и деньги эти споправлены непомѣрнымъ правежомъ. Грамота Корнилія 1596 г., Февраля 4-го. Печать Митрополичья сорвана. Припись Дьяка Андрея Сказина: «платить самимъ.»

Сверхъ постепеннаго возрастанія Софійскихъ пошлинъ, изъ актовъ Климецкаго монастыря видно, что Владычни Чиновники и Поповскіе Старосты не отличались честностію и пользовались случаемъ положить деньгу въ собственный карманъ. Такъ, въ 1647 (155) году Софійскаго дому Боярскій Сынъ, Еремѣй-Левонтьевъ, сполна получалъ десятину и подъѣздъ для Софійской казны, и въ полученіи, для своей бездѣльной корысти, отписи на давалъ.» Въ одной челобитной Климецкихъ старцевъ (отъ 7185 г., Мая 11 дня), между прочимъ, прописывается, что Поповскіе Старосты пріѣзжаютъ для сборовъ церковной дани и чинятъ большіе убытки.» [51]

Кромѣ податей, Софійскому дому Климецкій монастырь оказывалъ финансовые услуги и Государству. Такъ въ 1633 г., 9-го Марта, По Указу Царя Михайла Θедоровича, Бояринъ Князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій, да Симовскій Архимандритъ Левкей (Левкей въ 1635 г. Псковскій Епископъ), да Дьяки Василій Копнинъ да Баженъ Степановичъ, взяли у Игумена Аркадія, его Игуменскихъ и Братскихъ келейныхъ денегъ и съ ихъ монастырскихъ слугъ 8 руб., 1 алт. и 4 деньги. [52] Въ томъ же году, Марта 15-го, по Указу того же Царя и по наказу Воеводъ, Князя Ивана Михайловича Котырева Ростовскаго да Павла Ивановича Долинскаго, Подъячій Никита Молчановъ взялъ съ вотчинъ Климецкаго монастыря, живущаго съ четвертья пашни, съ 37 четей съ осьминою, кормовыхъ солдатскихъ денегъ 18 рублей 25 алтынъ. [53]

Въ XVII столѣтіи Климецкій монастырь, благодаря ходатайствамъ нѣкоторыхъ изъ своихъ Настоятелей, подобно многимъ другимъ монастырямъ, усердно пріюбрѣталъ себѣ у Московскаго Правительства разныя права и преимущества, которыя не всегда согласовались съ земскими пользами, и по тому возбуждали неудовольствіе и протестъ со стороны земства. Милости, связывавшія монастыри съ Москвою, подрывали такимъ образомъ нравственную связь ихъ съ народомъ. Казна, обезпечивая внѣшнее

---

[51] Челобитная Царю и Великому Князю, Алексѣю Михайловичу, на маленькомъ свиткѣ.

[52] Отпись на свиткѣ.

[53] Отпись на свиткѣ.

ихъ благоденствіе, подавила развитіе въ нихъ общиннаго труда и дала ложное направленіе монастырской жизни. Монастыри стали величать себя «Царскими богомольцами,» и въ ихъ челобитныхъ постоянно читаемъ: «кормилися мы, Царскіе богомольцы, Великаго Государя жалованьемъ милостынею, а нынѣ намъ, богомольцамъ, даютъ Государева жалованья половину, и тѣмъ намъ, нищимъ, кормиться нечѣмъ; опасаемся, чтобы Царское богомолье въ конецъ не запустѣло.»

Климецкій монастырь, какъ мы видѣли, владѣлъ такими обширными угодьями, землями и рыбными ловлями, изъ которыхъ могъ извлекать весьма важныя выгоды, вполнѣ достаточныя для его матеріяльнаго обезпеченія. Постоянныя жалобы братіи на свою бѣдность и убожество были напрасны... Въ послѣдствіи мы увидимъ, что это замѣчаніе сдѣлано было монастырю даже однимъ правительственнымъ лицомъ. Тѣмъ не менѣе благосердый Царь Михаилъ Θеодоровичъ, внимая усердному челобитью Климецкихъ Старцевъ, въ 1639 г., пожаловалъ монастырь своимъ Царскимъ жалованьемъ милостынею. Новгородскому Воеводѣ предписано было выдавать старцамъ изъ дворцовыхъ Новгородскихъ доходовъ на 19 братовъ руги денегъ по 5 руб. 29 алт. 2 деньги, и хлѣба по 28 четвертей ржи, овса то жъ, впрочемъ такъ, какъ видно изъ Царской грамоты 1642 г. Воеводѣ Глѣбу Ивановичу Морозову. чтобы безъ ежегоднаго Царскаго Указу имъ руги не давали. [54] Въ Ноябрѣ же 1646 года грамотою Царя Алексѣя Михайловича на имя Новгородскихъ Воеводъ, Князя Семена Андреевича Урусова, да Князя Григорья Петровича Барятинскаго, разрѣшено было на будущее время выдавать монастырю Царскую ругу безъ ежегоднаго Царскаго Указу и безъ Московскіе волокиты, изъ Новгородскихъ дворцовыхъ доходовъ, вмѣстѣ съ иными Новгородскими ружники. [55] Это распоряженіе сдѣлано было по просьбѣ Климецкаго Игумена Іоасафа, который жаловался,

---

[54] Обѣ этѣ грамоты Царя Михаила Θеодоровича прописаны въ спискѣ съ грамоты Царя Алексѣя Михайловича въ 1646 г. въ Ноябрѣ на имя Новгородскихъ Воеводъ, Князя Семена Андреевича Урусова да Князя Григорія Петровича Барятинскаго, да Дьяка Луки Толцына. Грамотою этою повелѣно монастырю давать ругу изъ Новгородскихъ дворцовыхъ доходовъ повсегодно.

[55] Списокъ съ грамоты на свиткѣ; см. Прилож.

что «той руги Воеводы болѣе давать не хотѣли, а имъ, де, старцамъ, по вся годы ѣздити къ Москвѣ не можно, мѣсто дальное и убогое.» [56] Что эта Царская милостыня не имѣла значенія насущной поддержки для монастыря, это видно изъ челобитной того же Игумена, Іоасафа, къ Царю Алексѣю Михайловичу въ 1647 г., [57] въ которой онъ, жалуясь на нѣкоторыхъ крестьянъ Кижскаго и другихъ сосѣднихъ погостовъ, что они утаили отъ писца Никиты Панина (1628—1629) многія пустопорожнія земли, черный лѣсъ и рыбныя ловли, и владѣютъ ими, не платя оброку, самъ отказывался отъ Царской руги, и просилъ, въ замѣнъ ея, монастырю утаенныя крестьянами угодья: «вмѣсто твоего Государскаго дарованья, руги и милостыни, что намъ даютъ въ Новгородѣ, писалъ онъ Царю, вели, Государь, тѣ прописные (учтеные) обводные порожніе земли и черный лѣсъ и рыбную ловлю отдать въ домъ Живоначмльныя Троицы и великаго Чудотворца Николы въ вотчину.... Тебѣ, Государю, та руга, хлѣбъ и деньги, будетъ въ прибыль на всякій годъ.» Но просьба Іоасафа не была уважена; на его челобитной состоялась помѣта Думнаго Дьяка, Михайла Волошининова: «Государь пожаловать велѣлъ про ту землю и угодья сыскать, а въ монастырь не отдавать,» и Царская руга выдавалась по прежнему до 1671 года. Съ настоящаго же года она получалась только на половину. Это обстоятельство было причиной новой челобитной со стороны монастыря. Строитель Ѳеодосій съ братіею выяснили свои права на ругу Царю, Ѳедору Алексѣевичу, и, жалуясь на то, что она выдается несполна, просилъ его въ 1674 году, «ради Живоначальныя Троицы и Его Царскаго пресвѣтлого многолѣтняго здравія, выдать и другую половину милостыни, какъ изстари было, чтобы имъ, нищимъ, межъ дворы скитаючись, не померети голодной смертію. [58] Эта просьба Ѳеодосія была удовлетворена» въ 1679 году: Новгородскому Воеводѣ, Боярину Князя Юрію Михайловичу Одоевскому, грамотою велѣно было выдавать ругу сполна изъ Новгородскаго

---

[56] Грамота въ спискѣ; дана 1649 года въ Ноябрѣ по челобитью Игумена Іоасафа.

[57] Челобитная на свиткѣ.

[58] Челобитная Строителя Ѳеодосія на свиткѣ, на лѣвой сторонѣ подпись: «К сей челобитной Клѣмецкаго монастыря черной Попъ Ѳеодосій, вмѣсто всей братіи, по ихъ велѣнью, руку приложилъ.»

Дворцоваго Приказу по вся годы безъ Московскіе волокиты.»[59] Но и это было неудобно. Дорога въ Новгородъ сопровождалась также немалыми расходами и затрудненіями, и по тому монастырю захотѣлось воспользоваться тѣмъ правомъ, какимъ обладалъ уже въ этомъ отношеніи монастырь Палеостровскій. Въ 1686 году они обратились къ Царямъ, Ивану и Петру Алексѣевичамъ, съ слѣдующимъ челобитьемъ: «Отъ Великаго Новгорода нашъ Климецкій монастырь стоитъ въ дальнемъ разстояніи, больше 600 верстъ, и намъ, убогимъ чернецамъ, бродячи въ Великій Новгородъ за Вашимъ Государскимъ жалованьемъ чинятся великіе расходы; переѣздъ большой черезъ два великіе озера, Онего и Ладожское и нерѣдко за погодою бываетъ долгая простойка, а мы, чернецы, всѣ устарѣлые и убогіе. Палеостровскій монастырь прежде получалъ Ваше хлѣбное и денежное Государское жалованье также въ Новгородѣ, но съ 178 (1670) года дается ему то Ваше жалованье на Олонцѣ, на Олонцѣ же хлѣбъ есть въ остаткѣ за раздачею Олонецкимъ ружникомъ и оброчникомъ, а по тому, Милосердые Государи, пожалуйте насъ, богомольцевъ, убогихъ и немощныхъ чернецовъ, велите, Государи, ради нашея немощи и скудости и ради труднаго пути и дальняго разстоянія Великаго Новгорода, выдавать намъ свое, Великихъ Государей, жалованье, вмѣсто Новгорода, на Олонцѣ, чтобы не запустѣть Вашему Царскому богомолью.»[60] Въ томъ же году и къ тѣмъ же Царямъ была отъ того же Игумена другая челобитная, въ которой, между прочимъ, прописывалось, «что Климецкій монастырь отстоитъ отъ Новгорода на 700 верстъ, дорога идетъ къ нему по рѣкамъ, Волхову и Свири, въ порогахъ надо нанимать спущиковъ, сдымщиковъ и тяглецовъ, и при томъ въ пашенное время; а какъ по челобитью Палеостровскаго Игумена, Антонія, монастырь тотъ получаетъ жалованье въ Заонежскомъ Шунгскомъ погостѣ, то

---

[59] Челобитныхъ двѣ. Въ одной пишется, что, память хлѣбная запечатана, а денежная выписка у Матѳея Тарасьева, и доселѣ деньги не выданы.» Въ другой же прописывается, что руга выдается съ 179 по 185 годъ только въ половину. Царская грамота о полной ругѣ дана 1679 г., Генваря 14. Она имѣется въ спискѣ подтверждена была Царями, Иваномъ и Петромъ Алексѣевичами, 7192 г., Генваря 26.

[60] Челобитная на свиткѣ.

просятъ, чтобы имъ также выдаема была руга въ Спасскомъ Кижскомъ погостѣ. [61]

Въ 1693 году, какъ видно, удовлетворено было и это последнее челобитье. Въ грамотѣ Государей Ивана и Петра Алексѣевичей на имя Стольника и Воеводы, Леонтія Стрѣшнева, велѣно Царскую ругу, въ количествѣ 5 руб. 9 алт., 2-хъ денегъ, и хлѣба 15 четвертей и пополтрети ржи, овса, по тому жъ на годъ, въ Московскую мѣру выдавать въ Олонецкомъ Уѣздѣ въ Кижскомъ погостѣ; деньги изъ тѣхъ доходовъ, которые собраны будутъ съ крестьянъ, а хлѣбъ изъ тѣхъ запасовъ, которые остаются отъ сбора на стрѣльцовъ, и даже если хлѣба недостанетъ и Стрѣлецкій сборъ будетъ пополняться деньгами, то и въ такомъ случаѣ выдавать монастырю деньги за хлѣбъ, что придется изъ собранной суммы; брать при этомъ съ Строителя и братства роспиorigin, для предъявленія ея въ Приказной Избѣ, для очищенія приходорасходныхъ книгъ. Но въ этой грамотѣ по чему-то хлѣбная руга убавлена была на половину: немедленно Настоятель съ братіею обратились съ новою просьбою къ тѣмъ же Царямъ; въ ней они жаловались, что «мѣсто ихъ каменистое, скудное и безводничное, и что, кромѣ Великихъ Государей жалованья, питаться имъ не чѣмъ; что хлѣбъ Государской, когда они получали его въ Новгородѣ, продавали самою дешевою цѣною, по тому, де, что Новгородъ отстоитъ въ дальнемъ разстояніи, на 700 верстъ, и что по этому въ 1693 году имъ разрѣшено получать Царское жалованье не въ Новгородѣ, но въ Олонецкомъ Уѣздѣ, въ Кижскомъ погостѣ, но, вопреки прежнимъ жалованнымъ грамотамъ, хлѣбныя руги убавлено у нихъ, не вѣдомо для чего: по прежнимъ грамотамъ слѣдовало выдавать не 15, а 28, четвертей ржи и овса по тому жъ ежегодно.» Выставляя на видъ Государямъ Ивану и Петру Алексѣевичамъ, что въ 1684 году грамоты этѣ подписаны ими на свое имя, просили ихъ выдавать ругу въ Кижскомъ погостѣ, но сполна, «по силѣ прежнихъ грамотъ, изъ денежнаго и хлѣбнаго сбора съ крестьянъ.» Въ 1694 году Царской грамотой на имя Генералъ-Маіора, Олонецкаго Воеводы, Карлуса Андреевича Ригельмана, приказано было «выдавать, Строителю Іеромонаху Варлааму и будущимъ по немъ, ежегодно по окладу денегъ по 5 руб. по

[61] Двѣ челобитныхъ Θеодосія; обѣ на свиткахъ.

29 алт. и по 2 деньги, а хлѣба ржи по 28 четвертей и овса тожъ, и этотъ хлѣбъ разверстать съ Олонецкаго Уѣзду и приложить тое дачу къ Олонецкому окладному доходу.» [62]

Любопытно теперь, какъ отнеслось Земство къ этому Царскому жалованью, къ этой денежной и хлѣбной ругѣ, которую оно само должно было выдавать изъ своихъ собственныхъ сборовъ. Монастырь, получая ее изъ Новгорода, могъ вѣрнѣе и надежнѣе расчитывать на нее, чѣмъ теперь, когда онъ долженъ былъ получать ее непосредственно изъ рукъ Земства. Земство видимо неблагосклонно взглянуло на эту ругу и очень неохотно выдавало ее. Были случаи, что Климецкіе братья по нѣскольку лѣтъ сряду оставались безъ этого Царскаго жалованья. Сряду же, почти по полученіи этой послѣдней жалованной грамоты, Земскій Кижскій Староста, Михей Родіоновъ, два года не выдавалъ монастырю ни денежной, ни хлѣбной, руги. Монастырь вынужденъ былъ жаловаться. Вотъ что писалъ онъ къ Царямъ Ивану и Петру Алексѣевичамъ: «Отъ Олонецкаго Воеводы Карлуса Андреевича Ригельмана. По силѣ грамотъ 1693 и 1695 года послана была въ Кижскій погостъ память къ Старостѣ и къ мірскимъ людямъ, а въ памяти у него написано: велѣно ему, Старостѣ, собрать и сборщикомъ тотъ милостынной хлѣбъ въ монастырь къ намъ отвесть и отдать съ роспискою; но онъ, Староста, Михей Родивоновъ, выслушавъ Великихъ Государей Указъ и наказную память съ мірскими людьми, намъ, нищимъ, о томъ хлѣбѣ срокъ на срокъ отсрачивалъ: и нынѣ онъ, Староста, съ мірскими людьми, въ томъ хлѣбѣ отказалъ, не платилъ за прошлый годъ и за нынѣшній.» [63] Въ этой жалобѣ видно отношеніе Земства къ Царской ругѣ въ пользу Климецкой обители, но, къ сожалѣнію,

---

[62] Грамота отъ 30 Генваря, 1694 г., въ трехъ спискахъ; на одномъ изъ нихъ помѣщена копія съ грамоты о томъ же предметѣ въ Новгородъ, Ближнему Боярину и Воеводѣ, Князю Борису Ивановичу Прозоровскому, съ товарищи. Припись Дьяка Василія Бабинина, да справа Подъячаго Ивана Іевлева, писалъ Подъячій Петръ Курбатовъ, къ копіи руки приложили: Строитель Іеромонахъ Илья и вмѣсто братіи Псаломщикъ Кондратій Яковлевъ.

[63] Грамота Царей Ивана и Петра Алексѣевичей Генералъ-Маіору и Воеводѣ Карлусу Андреевичу Ригельману объ отмѣнѣ прежней хлѣбенной руги. Припись Дьяка Василья Бабинина. Грамота на свиткѣ.

мы не имѣемъ документа, который бы говорилъ намъ, какъ отнеслась Царская власть къ этому протесту Земства. Послѣдующая исторія говоритъ, что эта руга также неисправно получалась и въ XVIII вѣкѣ.

Такимъ же неудовольствіемъ сопровождалась со стороны Земства и другая привилегія, которою пользовался Климецкій монастырь, благодаря усердію нѣкоторыхъ Игуменовъ и благосклонности къ иночеству Московской власти. Въ 1624 году Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ изволилъ пожаловать Климецкимъ старцамъ свою Царскую грамоту, которая давала монастырю право безпошлинно «покупать на свой обиходъ хлѣба, и соли, и рыбы, и кожъ, и масла, и на братью и слугъ всякаго платья, и обуви и иныхъ всякихъ монастырскихъ запасовъ, которыя на монастырскій обиходъ пригодятся, на сто пятьдесятъ рублей.» Покупать эти запасы позволено въ Новгородѣ, въ Ладогѣ, на Волотдѣ, на Бѣлѣозерѣ, въ Каргополѣ, на Холмогорахъ, въ Новгородскомъ Уѣздѣ на Сермаксѣ, и у моря, и по волостямъ, и по торжкамъ. «А возить тѣ запасы дозволялось зимою на саняхъ, на сколькихъ лошадяхъ мочно подняти, а лѣтомъ въ ладьѣ, и съ тѣхъ монастырскихъ съ купчихъ запасовъ съ 150 руб. явчего, вѣсчего, полоцоваго, свальнаго, отвознаго, съ лодьи кормчеваго, и привязнаго, и проѣзжія пошлины, и на рѣкѣ на Свири головщины и на Волховскихъ порогахъ и иныхъ, ни какихъ пошлинъ имать не велѣно.... а брать съ того, что явится у нихъ лишняго.» [4] Мы не касаемся того, что эта привилегія могла благотворно вліять на развитіе монастырской торговли, но для насъ важно то, что Климецкіе монахи вынуждены жаловаться тому же Царю, что «и съ того запасу и съ того хлѣба въ Великомъ Новгородѣ, и въ иныхъ городахъ и по торжкамъ, и по ярмаркамъ, таможенные головы, и цѣловальники, и откупщики, не уважая его Царской грамоты, емлютъ таможенные пошлины насильствомъ, и на Свири и на Волховскихъ порогахъ съ ладьи ихъ спущики емлютъ спуска съ порога рубля по два, по три и больше.» Въ 1641 г., Генваря 11-го, Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ послалъ новую грамоту въ Новгородскій Уѣздъ, въ Заонежскіе погосты, на имя Дороѳея Карповича Ельчанинова, коею онъ подтвердилъ: «ни какихъ пошлинъ съ мона-

---

[4] Объ этомъ приводится выписка въ Грамотѣ Царя Михаила Ѳеодоровича 1641 г.

стырскихъ запасовъ на 150 рублей съ прямого не брать.» Эта грамота въ 1659 г., 19 Марта, по просьбѣ Игумена Иліи, подписана на имя Царя Алексѣя Михайловича, а въ 1674 году въ Февралѣ, по просьбѣ Строителя, старца Θеодосія, на имя Царя Θедора Алексѣевича. [65] По силѣ этой грамоты отъ Воеводы Ельчанинова была особая память откупщикамъ Свирскихъ лодейныхъ спусковъ, Андрюшкѣ Михайлову да Ивашкѣ Порфирову, чтобы они съ монастырской лодейки, и съ покупныхъ на ней, и съ продажныхъ товаровъ, съ 150 руб., пошлины брать не смѣли.» [66]

Не смотря на всѣ этѣ грамоты, возовыя и проѣзжія пошлины были нерѣдко получаемы съ монастыря, или же вызывали большія притѣсненія и даже грабительство. «На Крестопоклонной недѣлѣ въ 1694 г., приказный старецъ Исаія прибылъ съ солью въ Оштинскій погостъ для торгу. 11 Марта крестьяне его соль обобрали и веретища выносили. На другой день Исаія объявилъ объ этой кражѣ Священникамъ, Старостамъ и всѣмъ жителямъ и иногороднымъ торжникомъ. И что же? Въ тотъ же самый день вечеромъ Оштинскій житель, Сенька Логиновъ, съ товарищами, напалъ на старца Исаію, на работниковъ и караульщиковъ, открыто на улицѣ у соляныхъ возовъ, въ старца кидалъ полѣньемъ и каменьемъ, и выломалъ оконницы въ тотъ домѣ, гдѣ былъ старецъ. [67] Описывая это грабительство, Климецкій Строитель, Варлаамъ, между прочимъ жаловался, «что съ того воровскаго находу имъ, нищимъ, пріѣзду въ Оштинскій погостъ съ торгомъ не стало.» Но если этотъ случай можетъ быть приписанъ буйству нѣ-

---

[65] Грамота эта извѣстна въ 5 спискахъ. По одной копіи въ концѣ ея написано: «на зади подлинной грамоты приписъ Дьяка Григорія Львова, печать орелъ двоеглавый.» Надпись: Въ Новгородскій Уѣздъ въ Заонежскіе погосты Дороѳею Карповичу Ельчанинову (149 г.), подалъ, старецъ Климецкаго монастыря Иринархъ.» Есть и подлинная память объ исполненіи прописаннаго въ грамотѣ «Свирскихъ лодейныхъ спусковъ отпущикамъ, Андрею Михайлову да Ивану Порфирьеву, отъ Дороѳея Карповича Ельчанинова;» печать маленькая чернаго воску съ грамотами и буквами Д. К. Е.; писана на свиткѣ 7149 г., Мая.

[66] Память Свирскихъ лодейныхъ спусковъ, по грамотѣ Царя Михаила Θедоровича (1641) и по челобитью Климецкаго монастыря Игумена Варлаама съ братіею. Память на свиткѣ.

[67] Челобитная Царямъ Ивану и Петру Алексѣевичамъ Климецкаго Строителя Іеромонаха Варлаама на Онежскаго жителя, Сеньку Логинова, съ товарищи (1694, Марта 12). Челобитная на свиткѣ.

которыхъ крестьянъ, то слѣдующій доказываетъ, какъ относились къ монастырской привилегіи Головы и Цѣловальники. 1696 года приказный старецъ Дороѳей съ монастырскими служками пріѣхалъ на Сермаксу съ солью, купленною ими на 5 рублей въ количествѣ 450 пуд., и привезенною на карбасѣ водянымъ путемъ, для продажи на монастырской обиходъ. Но вотъ пріѣзжаетъ на Сермаксу Голова Ладожанинъ, посадской человѣкъ, запечатываетъ монастырскую соль, беретъ подъ стражу старца Дороѳея, и держитъ его въ таможнѣ двои сутки, требуя съ той соли пошлины на срокъ къ 21 числу Мая, 1697 года, или же новаго Царскаго Указа, помимо прежнихъ старинныхъ грамотъ. Климецкій Строитель, Александръ, съ братіею, ссылаясь въ своей челобитной къ Царю Петру Алексѣевичу на прежнія жалованныя грамоты его дѣда, отца, брата и его самого, выставлялъ ему на видъ, что Голова Андрей Охряевъ нарушаетъ всѣ этѣ грамоты. «Милосердый Государь! просили его братія, помилуй насъ, богомольцевъ своихъ, убогихъ старцевъ: не вели, Государь, своего Царскаго Указу и жалованныхъ грамотъ нарушать и съ покупные нашей соли и со всякихъ монастырскихъ запасовъ про монастырскіе обиходы, съ купли и продажи со ста пятидесяти рублевъ, имать въ Великомъ Новгородѣ, и Ладогѣ, и на Сермаксы, и на Тихвинѣ и въ Уѣздахъ, и о томъ вели, Государь, дать намъ свой, Великаго Государя, Указъ. Великій Государь, смилуйся!» [6]

Но особенно отношеніе Земства къ Климецкому монастырю выясняется изъ той борьбы, какую вели Кижскіе и Сѣнногубскіе крестьяне за угодья и рыбныя ловли, пожалованныя монастырю, въ ущербъ ихъ выгодамъ, Московскою властію. Борьба эта отчасти кидаетъ свѣтъ и на характеръ дѣятельности Судебныхъ Слѣдователей XVII вѣка. Успѣхъ тяжебнаго иска чрезъ все столѣтіе колеблется то, на ту то на другую, сторону и ни чѣмъ почти не оканчивается. Въ сохранившихся документахъ есть прямыя указанія на то, что дѣло рѣшалось «по мздѣ.»

Всѣ Московскіе Цари XVII вѣка, съ первой юной отрасли дома Романовыхъ до великаго преобразователя Россіи, собственноручными подписями утверждали за Климецкимъ монастыремъ право на угодья и пустоши, пожалованныя ему Царемъ и Вели-

---

[6] Челобитная на свиткѣ 1697 г.

кимъ Княземъ Иваномъ Васильевичемъ. Въ 1615 г., 15-го Іюля, Царь Михаилъ Θедоровичъ пожаловалъ Климецкому старцу Акакію съ братіею, по ихъ челобитью, свою Царскую подтвердительную грамоту на данныя монастырю земли и угодья, и рушить ее ни кому не велѣлъ. За тѣмъ онъ подтвердилъ эту самую грамоту въ 1624 году, Ноября 21 дня, черному Попу Арсенію, вмѣстѣ съ отцомъ своимъ, Филаретомъ, Никитичемъ. Царь Алексѣй Михайловичъ (1650 г., Мая 21), Царь Θедоръ Алексѣевичъ (1677 г., Февраля 9), Цари Иванъ и Петръ Алексѣевичи (1684 г., Генваря 26), подписали эту грамоту на свое, Царево имя. Сверхъ того жалованныя угодья закрѣплены были за монастыремъ писцовыми книгами Мины Лыкова (1620) и Никиты Панина (1628—1629 годовъ), согласно писцовымъ книгамъ XVI вѣка.

Не взирая на все это, неприкосновенность монастырскихъ владѣній, огражденная столькими Царскими грамотами и дозорными книгами, не могла избавить Климецкую обитель отъ притязаній Сѣнногубскихъ и Кижскихъ крестьянъ на этѣ угодья.

Изъ мировой записи между Игуменомъ Герасимомъ, управлявшимъ Климецкимъ монастыремъ съ 1628 по 1632 годъ, и крестьянами Третьякомъ Θоминымъ съ товарищами, 1628 г., Генваря 17 дня, видно, что Игуменъ Германъ вынужденъ былъ подать челобитье на имя Царя Михаила Θедоровича Воеводѣ Богдану Ивановичу Камынину, въ коемъ онъ жаловался, что означенные крестьяне «насильствомъ своимъ завладѣли копаннымъ ручьемъ, мельницею и Ванъ островомъ; мельницу они разорили, а съ огорода, бывшаго на Ванъ островѣ, свезли васѣяннаго братіею ячменя 59 четвертей.» По суду о семъ дѣлѣ уже преемникъ Германа, Игуменъ Герасимъ, «сказанъ правымъ,» а Третьякъ съ товарищи обвинены. По силѣ же мировой записи искъ монастыря и притязанія крестьянъ на мельницу и Ванъ островъ прекращены.[69]

При Игуменѣ Іоасафѣ, настоятельство котораго продолжалось съ 1643 по 1647 годъ,[70] тогдашнія притѣсненія отъ сосѣднихъ крестьянъ монастырскимъ владѣніямъ дошли до того, что уже

---

[69] Списокъ съ мировой 136 г. Генваря 17. Въ концѣ мировой прибавлено: «о сѣнныхъ покосахъ Игумену самому вѣдатца съ Глуховымъ.»

[70] При немъ Келарями были Павелъ и Александръ (1642 г.), Казначеями Филаретъ, Иринархъ (1643) и Антоній (1644—1645) г.

сдѣлались нестерпимыми. Іоасафъ вступился за права монастыря. Завязалась снова безконечная тяжба.

Въ 1644 году Игуменъ Іоасафъ съ братіею били челомъ Царю Михаилу Ѳеодоровичу, что дано имъ «Царскаго жалованья черные земли и воды около монастыря на всѣ стороны по пяти верстъ, да деревни Рокса и Мусть-наволокъ Осиповщина со всѣми угодьи, да двѣ мельницы, а отъ тѣхъ земель и угодій ихъ монастырская черная земля и вода не отведена и межи не отесаны; и многіе сторонніе люди, подъѣзжая подъ монастырь верстъ за десять и больше, насильствомъ пашутъ ихъ земли, косятъ сѣно, ловятъ рыбу, пустошатъ всякія угодья въ черномъ лѣсу; мало того, чинятъ даже обиды и побиваютъ лошадей и коровъ и всякой монастырской скотъ.» По чему старцы и просили Царя пожаловать велѣть ихъ монастырскую землю и воду отъ иныхъ земель и отъ угодій отдѣлить, а деревни ихъ и деревенскія угодья велѣть по прежнимъ стариннымъ межамъ размежевать и межи описать.» Къ этому присовокуплена выпись изъ писцовыхъ книгъ, письма и мѣры Никиты Панина 136 и 137 (1628 и 1629) годовъ, о монастырскихъ владѣніяхъ, съ которою мы отчасти познакомились выше. Царь Михаилъ грамотою предписалъ Новгородскому Воеводѣ, Глѣбу Ивановичу Морозову да Дьяку Никифору Демидову, «послать въ Заонежскій погостъ, кого пригоже, и велѣть ему взять съ собою окольныхъ погостовъ Поповъ, и Старостъ, и Цѣловальниковъ, и крестьянъ, сколько человѣкъ пригоже, да съ тѣми окольничими людьми велѣть отвести въ Климецкій монастырь въ вотчину, по жалованнымъ Государскимъ грамотамъ, по писцовымъ книгамъ и по крѣпостямъ, въ Кижскомъ погостѣ, около того монастыря, на всѣ стороны по пяти верстъ, также мельницы, и рыбные ловли, и сѣнные покосы, и всякія монастырскія угодья, отъ Государскихъ земель и угодій отвести, и признаки учинить по тому жъ, чтобы впредь ни въ чемъ спору и челобитья не было.» [71]

Воевода Морозовъ отправилъ для этой цѣли въ Клименцы Боярскаго сына, Петра Зміева, который и отвелъ монастырю землю по писцовымъ книгамъ Никиты Панина и по Царскимъ жа-

---

[71] Грамота эта 1644 г. Марта, 23, имѣется въ спискѣ; въ ней прописана и челобитная Игумена Іоасафа.

лованнымъ грамотамъ. [72] Но Кижскіе крестьяне, Гришка Максимовъ (Третьяковъ) съ товарищами, протестовали [73] противъ сдѣланнаго Зміевымъ отвода.

Въ поданной ими жалобѣ монастырскія владѣнія описываются иначе, чѣмъ въ писцовыхъ книгахъ Никиты Панина, а потому да простятъ намъ читатели, если мы, въ виду научно исторической точности, приведемъ здѣсь выписку изъ челобитной Кижскаго конца «крестьянишекъ, Старосты Тишки, Якушки Богданова да Гришки Максимова....» во всѣхъ крестьянъ мѣсто, на Игумена Іоасафа съ братіею о неправильномъ отводѣ земли.

«Во 105 (1597) году, пишутъ крестьяне, старецъ Даніилъ да слушка Сергушка Игнатьевъ били челомъ Царю Ѳедору Ивановичу объ отводѣ земли и воды и около монастыря на всѣ стороны по пяти верстъ, но не сказали, что прежде того монастыря, въ четырехъ верстахъ отъ него, стояла деревня Коденаволокъ Кириловская, значущаяся и по писцовымъ книгамъ Панина; въ ней 14 дворовъ, а иные крестьяне живутъ верстъ за 7 и 8; промежъ нихъ пролегли монастырскіе деревни Рокса и Осиповщина на Мусть-наволокѣ. А живемъ мы на острову, на Онегѣ озерѣ, длина ему 15 верстъ, а ширина 3 версты, на немъ 34 деревни, вытнаго подъ нами $12^1/_2$ вытей, да пустыхъ $8^1/_4$ вытей, да оброчной 12 вытей безъ полчети, а облегло кругомъ острова Онего, длина ему 300 верстъ, а ширина 150 верстъ, а землею пашею на 4 версты отъ монастыря владѣютъ монастырскіе. Сверхъ того, монастырь владѣетъ деревнею Роксою за 10 верстъ, гдѣ положена имъ выть земли, а они пригородили къ ней и крестьянскихъ полей больше половины, сѣна ставится 15 возовъ, да въ Кужевомъ ободу 20 возовъ, да у каменнаго ободу 10 возовъ. Да они жъ владѣютъ деревнею на Мусть-наволокѣ Осиповщиною, длина той земли 3 версты, а ширина 1 верста, да тутъ

---

[72] Въ слѣдствіе предыдущей грамоты составлена выпись съ отводныхъ книгъ Петра Зміева, данная Игумену Іоасафу по наказу Воеводы, Глѣба Ивановича Морозова да Дьяка Никифора Демидова, 1647 г., Іюня 8. Выпись эта имѣется въ подлинникѣ; къ ней приложена печать Воеводы Морозова чернаго воску. На оборотѣ припись Дьяка Никифора Демидова, справа Ивашки Темирова; челобитная на свиткѣ 1645 г. Игумена Іоасафа Царю Алексѣю Михайловичу на Гришку Максимова.

[73] Таже челобитная.

же владѣютъ пожнями въ Коневомъ ободу, и въ Бабей губѣ и въ Челмужъ губѣ и на Озоръ-наволокѣ, а сѣна ставится 300 возовъ. Да на Тамбицкомъ острову за 7 верстъ сѣна 15 возовъ. Да за 12 верстъ въ Вояликши сѣна 9 возовъ. Да за 15 верстъ мельница на рѣкѣ Усть-Яндомѣ; да мельница на Коженъ-ручью, а около мельницъ земли на версту по обѣ стороны; да противъ мельницы Ванной островъ, на немъ сбирается сѣна 15 возовъ; да деревня въ Нятиной Губѣ: земли пашенной полвыти, а сѣна 200 возовъ. И всею землею владѣютъ насильствомъ (!?), затая у себя Государеву грамоту, держали 50 лѣтъ и сжидаютъ времени, чтобъ тѣ люди померли и стариковъ бы не было на тѣ угодья. А нынѣ (1644) Игуменъ Іоасафъ билъ челомъ Царю ложно объ обнѣрѣ земли монастырской, не сказавъ, что къ монастырю близко прилегаютъ крестьянскія земли, а по его челобитью присланъ изъ Новгорода Сынъ Боярскій Петръ Зміевъ, и онъ отвелъ на рѣкѣ Усть-Яндомѣ сѣнныхъ покосовъ отъ крестьянской деревни Кулоевской 10 возовъ, да на рѣкѣ Гарницкой угодья деревни Вачеевской вдоль и поперегъ на 20 саж.; а Игуменъ Іоасафъ съ старцами его отводчика съ понятыми вели водою по берегу Онега озера, а нашихъ угодій не досматривали... и отвелъ онъ, Зміевъ, нашихъ поженъ на 400 возовъ, а по западной сторонѣ на томъ же острову крестьянскихъ земель и угодій на 10 верстъ, и у насъ не осталось не засѣянныхъ ни какихъ полей, все стало монастырское. Да тотъ же Іоасафъ и другіе старцы на крестьянской землѣ сѣкутъ лѣсъ и на ихъ же крестьянскіе подскотины выпускаютъ изъ дворцовъ стоялыхъ жеребцовъ, коровъ и воловъ больше трехъ сотъ безъ пастуховъ. А мы, крестьянишка, платимъ съ тѣхъ земель въ казну данныхъ, и урочныхъ, и таможенныхъ, и кабацкихъ, и ямскихъ подложныхъ денегъ, одиннадцать сотъ шесть рублевъ, 26 алтынъ, 4 деньги; а запустѣло деревенскихъ участковъ отъ хлѣбной зябели 12½ вытей, крестьяне сошли безвѣстно куда. А мы, платя доходы Государевы, женъ своихъ и дѣтей закладываемъ (кому?) отъ Іоасафова и Келарева насильства, и достальныя врозь разбредемся, пахать нечего и косить нечего.» [74]

Если предположимъ, что въ этой крестьянской челобитной

---

[74] Въ спискѣ на свиткѣ челобитная Царю Михайлу Ѳедоровичу отъ Студнаго моря

монастырскія владѣнія и преувеличены, все таки нельзя не согласиться, что монастырскія угодья въ половинѣ XVII столѣтія были весьма обширны, и постоянныя жалобы братіи на свою скудость были отчасти напрасны. Въ послѣдствіи, какъ увидимъ, это замѣчаніе было сдѣлано монастырю даже однимъ правительственнымъ лицомъ.

Въ удовлетвореніе приведеннаго нами челобитья крестьянъ, посланъ былъ изъ Новгорода новый Отводчикъ, Дворянинъ Надежда Кулебакинъ. Этотъ отводчикъ развелъ межи монастырскимъ землямъ въ томъ же размѣрѣ, какъ и Петръ Зміевъ. Оба они мѣряли землю печатною саженью, по 1000 саж. въ верстѣ. Но крестьяне, по выраженію братіи, «подживили» и этого отводчика.[75]

Недовольство крестьянъ ходомъ этого дѣла и злоба ихъ на старцевъ Климецкихъ дошли до крайнихъ предѣловъ. Они покушались даже на жизнь Игумена Іоасафа. Въ одномъ отрывкѣ челобитной пишется, что Сѣниогубскіе челобитчики, выборные люди, Григорій Максимовъ (изъ семьи Третьяковыхъ), да Кирило Игнатьевъ, да Важенскаго погоста Иванъ Перхинъ, наняли Московскихъ стрѣльцовъ на Москвѣ, Ивашка Кулебаку съ пятью человѣкъ, убить его, богомольца Государева (Игумена Іоасафа), а рядили за голову пять рублей (!), съ тѣмъ, чтобы его платье дать Григорію съ товарищи. И стрѣлецъ Ивашка Кулебака съ товарищи, убояся Бога и праведнаго суда Царя Михаила Ѳедоровича, тотъ ихъ умыслъ воровской ему (Іоасафу) сказали, и для показанія имъ клобукъ его взяли, и сказавъ имъ, что онъ убитъ по заговору, деньги получили пять рублей сполна.[76]

Въ 1645 году, по Царскому Указу, отправленъ былъ въ Кижы изъ Москвы отводчикъ, Дворянинъ Гаврило Островскій; крестьяне умѣли сманить Островскаго на свою сторону. Въ виду ихъ выгодъ, онъ распорядился разводомъ монастырскихъ земель совсѣмъ иначе, чѣмъ его предшественники. Вмѣсто того, чтобы

Государевыхъ Дворцовыхъ селъ, Новгородскаго Уѣзда, Заонежскихъ погостовъ, Олонецкаго стану погоста, Кижскаго конца крестьянишекъ.

[75] Челобитная та же, что въ примѣчаніи 72.

[76] Челобитная безъ начала. Въ концѣ сказано о челобитьѣ Іоасафа: «Распросные рѣчи за ихъ, оговоренныхъ крестьянъ, руками въ Володимірской Чети у Подьячаго, Аѳанасія Дмитріева.» Въ послѣдствіи неоднократно указывалъ на этотъ поступокъ крестьянъ въ своихъ челобитныхъ Строитель Іоасафъ 2-й.

отмѣрить монастырю земли на 4 версты, Островскій отмежевалъ только двѣ версты; земля въ томъ мѣстѣ непашенная, каменистая, лѣсу въ ней мало, и «бревенъ брать больше не стало гдѣ.» Островскій къ деревнямъ Роксѣ и Осиповщинѣ лѣсу и сѣнныхъ покосовъ отвелъ не сполна, къ первой поженку на 1½ десятины, поскотины въ длину 100, поперекъ 50 саженъ, а къ послѣдней сѣннаго покосу, лѣсу и поскотины въ болотѣ въ длину 500, а поперекъ 400 саж. Противъ Конанъ-ручья отнялъ островокъ; у мельницы на Усть-Яндомѣ не отвелъ пустошь Юхновскую, хотя мельница стоитъ на той пустоши. Этотъ отводъ Островскаго принудилъ Игумена Іоасафа снова подать челобитную Царю о болѣе правильномъ разводѣ монастырскихъ земель, и судъ о томъ затянулся на всю вторую половину XVII столѣтія. [77]

Но еще прежде развода Гавріила Островскаго состоялся приговоръ Новгородскаго Воеводы, Боярина Глѣба Ивановича Морозова, да Дьяка Никифора Демидова; о спорныхъ рыбныхъ ловляхъ въ двухъ станахъ; въ Рускихъ-наволокѣ и на островку на Сосновцѣ, о чемъ искалъ Игуменъ Іоасафъ на Сѣннотубскихъ крестьянахъ, Кузёмкѣ Третьяковѣ съ товарищами; обвиняя ихъ въ незаконномъ «проловѣ рыбы въ этихъ станахъ,» по тому что тѣ ловли находятся въ монастырской пятиверстной чертѣ, и требуя взыски съ нихъ за этотъ проливъ 232 рубли; 24 алтына, 1½ деньги. Игуменъ слался на Царскія жалованныя грамоты, «на писцовыя книги Петра Воинова да Дьяка Ивана Луговского, и Никиты Панина да Подьячаго Семена Копылова, крестьяне же, съ своей стороны; ссылались на писцовыя книги Андрея Плещеева. Но какъ во всѣхъ книгахъ тѣ ловли за крестьянами не записаны; а они сами показали; что станы, гдѣ они ловили рыбу, находятся въ 2-хъ верстахъ отъ монастыря, и слѣд., напрасно считаются Государскими, то приговоромъ Воеводскимъ крестьяне и были обвинены, а Игуменъ оправленъ, и искъ монастырскій велѣно на нихъ доправить, [78] Но этотъ искъ, какъ и другіе, никогда не былъ до-

---

[77] Челобитная Игумена Іоасафа Царю Алексѣю Михайловичу 1648 г., гдѣ подробно описываются всѣ обстоятельства дѣла, какъ крестьяне начали отнимать у Монастыря пожалованныя ему земли и угодья. Жалобы на неправильный отводъ Островскаго приводятся во множествѣ челобитныхъ и послѣдующихъ временъ.

[78] Челобитная Кижскимъ крестьянъ деревни Конды Кузёмки Третьякова съ сусѣды. Приговоръ Морозова состоялся въ 1745 г. и имѣется въ двухъ спискахъ.

правленъ и послужилъ только поводомъ къ подачѣ многочисленныхъ челобитныхъ, не принесшихъ, кромѣ проволочекъ и убытковъ, ни какой существенной пользы монастырю.

Послѣ Іоасафа сильно вступился за права монастыря на пожалованныя ему угодья Игуменъ Илія, управлявшій монастыремъ съ 1657 по 1661 г., хотя также не имѣлъ успѣха.

Такъ въ 1651 г. подалъ челобитную на имя Царя Алексѣя Михайловича Воеводѣ Новгородскому, Боярину Юрію Петровичу Буйносову-Ростовскому, о доправѣ монастырскаго иска съ крестьянъ Сѣнногубскихъ, Куземки Третьякова съ товарищи, которые, за проловъ рыбы на монастырскихъ водахъ, приговорены были въ 1645 г. къ уплатѣ 232 р. 24 алтынъ $1^1/_2$ денегъ, но отъ правежа сбѣжали изъ Новгорода и жили на Москвѣ. Буйносовъ-Ростовскій далъ отпись на Олонецъ Окольничему и Воеводѣ, Василію Александровичу Чоглокову, чтобы доправить этотъ искъ на крестьянахъ. Однако онъ доправленъ не былъ. [79]

Но всего болѣе озабочивалъ Игумена Илію неправильный отводъ къ монастырю земель Гаврила Островскаго, которымъ Сѣнногубскіе крестьяне умѣли воспользоваться. Островскій отнялъ отъ пятиверстной монастырской земли хлѣба, сѣна и подсѣковъ на столько, что въ одну зиму монастырскаго скота пало на 10 руб. Сверхъ того отъ деревень Роксы и Осиповщины съ отхожихъ земель на Береговой сельгѣ и на Кодонаволокѣ снято ячменя 15 овиновъ или 10 четвертей, по рублю за четверть; ржи 20 овиновъ или 15 четвертей, 1 руб. 10 коп. за четверть. Сѣна снято луговаго обода 20 возовъ, съ Тамбицкаго острова 15 возовъ, съ Вано острова 15 возовъ, въ Бабьи и Челмужъ-Губахъ 72 воза, съ Воялаксы 10 возовъ; а всего 142 воза, по полтинѣ возъ; а всѣхъ убытковъ на 108 руб. 56 коп. [80] Прибавимъ къ сему убытокъ въ 50 рублей, причиненный монастырю отнятіемъ рыбныхъ

---

[79] Челобитная Игумена Иліи, изъ коей видно, что Государевы пошлины по этому дѣлу съ Куземки Третьякова доправлены. Его же челобитная, чтобы о взыскѣ денегъ съ крестьянъ дать грамоту Новгородскому Воеводѣ, Князю Ѳедору Андреевичу Хилкову. Списокъ съ отписи Новгородскаго Воеводы, Буйносова-Ростовскаго да Ивана Дмитріева, Олонецкому Воеводѣ, Василію Александровичу Чоглокову, о томъ же 1651 г. Челобитная Игумена Иліи къ Царю Алексѣю Михайловичу о томъ же 1651 г.

[80] Роспись убыткамъ, которые причинены монастырскимъ владѣніямъ неправиль-

ловель. [81] Такимъ образомъ монастырь по отводу Островскаго вдругъ лишился годичнаго доходу на 158 руб. 56 коп.; суммы, по тогдашнему счету весьма важной. Отнятіе сихъ земель и угодій казалось Климецкому братству тѣмъ несправедливѣе, что монастырь владѣлъ ими уже 100 лѣтъ. [82] Надлежало отстаивать свои права. Игуменъ Илія подавалъ о томъ неоднократно челобитныя Царю Алексѣю Михайловичу; [83] просилъ Митрополита Новгородскаго, Никона, чтобы онъ «заступилъ старцевъ своею святительскою милостію праведному Государю отъ крестьянъ Сѣнногубскихъ.» [84] И Царь и Святитель заботились объ охраненіи достоянія обители. Неоднократно посылались Царскія грамоты къ Воеводамъ Новгородскимъ, а отъ нихъ къ Олонецкимъ, «о вершеніи землянаго монастырскаго дѣла.» [85] Но Кижскіе крестьяне своимъ насильствомъ

нымъ отводомъ земель Гаврила Островскаго. Роспись на свиткѣ весьма длинномъ; всѣхъ статей 20-ть; челобитная Строителя Іоасафа 1671 г.; см. прим. 115.

[81] Роспись убыткамъ отъ отвода Гаврила Островскаго.

[82] Тамъ же.

[83] Ввозная грамота, данная монастырю по челобитью Игумена Иліи, съ отводныхъ книгъ Сотника Стрѣлецкаго, Якима Аристова, Новгородскимъ Воеводою, Княземъ Юріемъ Петровичемъ Буйносовымъ-Ростовскимъ, въ спискѣ 1651 г., Августа 22, Челобитная Игумена Ильи Царю Алексѣю Михайловичу, въ коей онъ проситъ не повѣрить Гришкину и сына его Исачка челобитью и одному отводу Гаврила Островскаго. Его же челобитная тому же Царю, гдѣ онъ проситъ «сличить отводъ Островскаго съ отдѣльными книгами Петра, Надежи и Якима, и неправда Островскаго вся объявится.» Его же челобитная и явка на крестьянина деревни Гарницъ, Панкратія Баженова, съ совѣтники, 1652 г. Его же челобитная Царю Алексѣю Михайловичу на Гаврилу Островскаго, который отвелъ землю не противъ Царскихъ грамотъ, такъ что «у монастыря нѣтъ ни пашни, ни лѣсу, которыя находились съ одной стороны, съ другихъ трехъ сторонъ около монастыря вода морская, на всѣ три стороны отъ монастыря до берегу больши 60 верстъ моремъ.»

[84] Челобитныхъ Иліи къ Никону на Сѣнногубскихъ крестьянъ двѣ: одна писана около 1650 г., а другая около 1651 г.

[85] Такъ о помѣтѣ сдѣлать выписку изъ дѣла Дьяка Алмаза Иванова, по повелѣнію Царя, упоминается въ другой челобитной Игумена Иліи; см. прим. 84. Въ другой челобитной Игумена Иліи упоминается о Царской грамотѣ къ Новгородскому Воеводѣ, Юрію Петровичу Буйносову-Ростовскому, да Дьяку Исаку Кедрину, коею велѣно отвесть монастырскую землю по Царскимъ жалованнымъ грамотамъ и старымъ отводнымъ книгамъ. Грамота Царя Алексѣя Михайловича отъ 1660 г., Марта 21, сохранилася въ трехъ спискахъ. Она дана на имя Нов-

и ночью, своими клеветами и челобитными, полагали тому непреодолимыя препятствія.

Такъ въ 1550 г. посланъ былъ, по Царскому Указу, изъ Новгорода, для отвода монастырскихъ земель, Сотникъ Стрѣлецкій Якимъ Кузминъ Аристовъ. Но когда Игуменъ Илія поѣхалъ къ нимъ для отводу по Сѣнногубской Губѣ, то «наѣхали Сѣнногубскіе крестьяне и солдаты и воротили къ Сѣнногубскому выставочному храму Николы Чудотворца, и тамъ бранили Игумена непотребною бранью, а Келаря Иринарха изувѣчили до полусмерти, да и впредь грозили тѣмъ же.» [86]

Правда, Сотникъ Аристовъ, съ Попами и понятыми людьми успѣлъ отвести монастырю землю по старымъ крѣпостямъ и межамъ, и отводныя книги положилъ въ Великомъ Новгородѣ, а списки съ нихъ: одинъ отдалъ въ монастырь, и другой на Москву, въ Приказъ Большаго Дворца; но крестьяне по этому отводу владѣть землями старцамъ Климецкимъ не дали, и скотъ монастырскій побивали Мало того, въ 1652 г. солдатъ, Исачка Григорьевъ (изъ семьи Третьяковыхъ), билъ на Москвѣ челомъ, будто бы монастырю отведена крестьянская земля, написанная въ солдатскую службу, и выхлопоталъ о переслѣдованіи дѣла Царскую грамоту на Олонецъ къ Окольничему и Воеводѣ, Василію Александровичу Чоглокову, въ слѣдствіе чего возникли для монастыря новыя хлопоты. [87]

Не довольствуясь и симъ, Кижскіе крестьяне старались оклеветать монастырскихъ старцевъ, будто у нихъ живутъ Государевы крестьяне, солдаты, драгуны и захребетники, тогда какъ въ мо-

---

городскаго Воеводы, Князя Григорія Семеновича Куракина, которому предписано послать въ Клименцы изъ Новгорода Дворянина добра и Подьячаго отъ мѣста стараго, и развесть спорную землю по крѣпостямъ монастырскимъ.»

[86] Списокъ съ памяти Великогубскому Старостѣ, Василью Павлову, да домашнему Якимову, по челобитью Игумена Иліи Окольничему и Воеводѣ, Василію Александровичу Чоглокову, па крестьянъ Конденской волости, Ваську Калинина и проч. . . . . . гдѣ обстоятельно прописывается это буйство крестьянъ и предписывается «въ лаю дать судъ,» и если дѣла вершить нельзя, то прислать истца и отвѣтчиковъ на Олонецъ, къ Окольничему Чоглокову.»

[87] Ввозная грамота съ отводныхъ книгъ Аристова; см. прим. 73, а такъ же челобитная Игумена Иліи Царю Алексѣю Михайловичу 1652 г., имѣющіяся въ двухъ спискахъ,

настырь пріѣзжали только временно бобыльскіе люди изъ сосѣднихъ погостовъ, и работали изъ найму мѣсяца два и больше, потомъ опять уѣзжали. [88] Въ 1658 г., по челобитью крестьянъ и по наказу Дворянина Сергѣя Андрониковича Малаго, посыланъ былъ въ монастырь сыскивать про драгуновъ и солдатъ Посадскій Олонецкій «Матоѳй Кириловъ пріѣзжего,» но, вмѣсто солдатъ, которыхъ не оказалось, взялъ изъ монастыря пять человѣкъ старцевъ и увѣчныхъ, которые «Бога ради терпѣли и въ спискахъ солдатскихъ не бывали.» Это обстоятельство вынудило Игумена Илію утруждать просьбою Царя Алексѣя Михайловича о позволеніи «впредь принимать Христолюбцевъ по Вѣрѣ и обѣщанію и наемныхъ работниковъ въ пашенную пору, а крестьянамъ запретить составлять ложныя росписи и дѣлать напрасный изъянъ.» [89]

Съ 1661 по 1664 годъ управлялъ монастыремъ Игуменъ Гедеонъ. [90]

Тяжба съ крестьянами о рыбныхъ ловляхъ и о земельномъ разводѣ продолжалась и при семъ Игуменѣ. Въ 1661 г., по Указу Царя Алексѣя Михайловича, и по наказу Новгородскаго Воеводы Боярина, Князя Григорія Семеновича Куракина, пріѣзжали съ Новгорода отводить монастырскія земли Василій Сильвестровичъ Мусинъ-Пушкинъ да Подъячій Борисъ Ивановъ, и отмѣряли къ монастырю землю, не проходя трехъ верстъ, не противъ Царскихъ жалованныхъ грамотъ и писцовыхъ книгъ. По чему не прекратили, а снова затянули, дѣло на долго. [91] Равно и взыскъ съ крестьянъ за проловъ рыбы на монастырскихъ водахъ 232 р. 24 алт.

[88] Объ этомъ прописывается въ одной челобитной Игумена Иліи Царю Алексѣю Михайловичу. Илія доказываетъ, что въ послушничество позволительно принимать людей изъ всѣхъ сословій; потомъ приводитъ выписку изъ Соборнаго Уложенія о пени за продержательство бѣглыхъ, каковой пени, если вѣрить челобитью крестьянъ, на монастырѣ насчитывалось бы 134 руб., 26 алт. 4 деньги.

[89] Челобитная Царю Алексѣю Михайловичу Игумена Иліи на Старосту и вольныхъ людей Кижскаго погоста.

[90] Келарями при Гедеонѣ были: Іаковъ и Іероѳей (1661), Іона (1669), Казначеями: Меркурій, слуга Данила Васильевъ.

[91] Челобитная Строителя Іоасафа на отводчика Мусина-Пушкина около 1664 г. Здѣсь сказано, что грамота Царя Алексѣя Михайновича объ отводѣ къ монастырю земель дана 1661 г. въ Октябрѣ изъ Новгородской Четверти, за приписью Дьяка Дмитрія Шубина. Мусинъ-Пушкинъ отвелъ къ монастырю земли не доходя 3 верстъ. А между тѣмъ отъ тяжбы у монастыря съ Сѣнногубскими

1½ деньги, не былъ доправленъ; посланныхъ за тѣмъ дѣломъ Приставовъ крестьяне ослушались, такъ что Игуменъ Гедеонъ вынужденъ былъ подать челобитную Царю Алексѣю Михайловичу, и просилъ послать зазывную память на Олонецъ къ Воеводѣ, Князю Терентію Васильевичу Мышецкому, да Дьяку Дружинѣ Протопопову, чтобы поставить крестьянъ на поруки въ Новгородъ. [92]

Съ 1664 года въ Климецкомъ монастырѣ начинается настоятельство Строительское. Первымъ Строителемъ былъ старецъ Іоасафъ, управлявшій монастыремъ до 1672 года.

Строитель Іоасафъ съ особенною и неутомимою ревностію заботился о сохраненіи монастырской недвижимости. Съ этою цѣлію онъ большую часть времени проживалъ въ Москвѣ, отсюда и выправлялъ нужныя грамоты. Вотъ по чему отъ его времени сохранилось челобитныхъ, Царскихъ Указовъ и Воеводскихъ памятей, несравненно больше, чѣмъ отъ его предшественниковъ, взятыхъ порознь. Не смотря на всю свою ревность, Іоасафъ успѣлъ не болѣе своихъ предшественниковъ. 1665 года, Марта 6-го, послѣдовалъ Указъ Царя Алексѣи Михайловича Олонецкому Воеводѣ Окольничему, Василію Александровичу Чоглокову, да Дьяку Дружинѣ Протопопову, по челобитью Іоасафа, Сѣнногубской волости на Пономоря Жданка Субботина да на старца Θеодосія Чючу, на старца Заклѣя съ сосѣды, которые, постригшись, «жили въ мірѣ у своихъ сродичей и владѣли, невѣдомо по чему, монастырскими угодьями, о поставленіи истцовъ и отвѣтчиковъ предъ Воеводою на Олонцѣ въ Съѣзжей Избѣ, и дать имъ правильный судъ по монастырскимъ крѣпостямъ.» [93] Не извѣстно, чѣмъ кончилось это дѣло о лицахъ, злоупотреблявшихъ монашескимъ саномъ и церковнымъ достояніемъ.

Въ томъ же 1665 г. чернецъ Іоасафъ снова билъ челомъ на крестьянъ, присужденныхъ къ уплатѣ 232 руб. 24 алт. 1½ ден. за проловъ монастырской рыбы, Кузьму Третьякова и Жданка Субботина, которые въ 1562 г. просили челобитною взять то суд-

---

крестьянами, въ убыткахъ отъ рыбной ловли и на расходы пяти отводчикамъ прошло 500 руб.

[92] Челобитная Игумена Гедеона и Строителя Іоасафа на Сѣнногубскихъ крестьянъ Куземку Третьякова съ товарищи 1663 г., Ноября 28.

[93] Этотъ Указъ или позывной приказъ имѣется въ спискѣ.

ное дѣло къ Москвѣ, и съ этѣхъ поръ, знаючи свою вину, не бьютъ челвмъ 13 лѣтъ. «По чему Іоасафъ и просилъ прислать грамоту въ Новгородъ къ Боярину и Воеводѣ, Князю Василію Григорьевичу Ромодановскому, да Дьяку Семену Услицкому, и дать судъ по прьговору Воеводы Морозова. [94]

Въ этомъ же году Іоасафъ просилъ Царя Алексѣя Михайловича дать судимую грамоту на Олонцѣ Окольничему и Воеводѣ Чоглокову на солдата Новгородскаго полка, Микулку Андреева, который завладѣлъ монастырскимъ чернымъ лѣсомъ на Климецкомъ острову, выстроилъ домъ, посѣялъ и сжалъ хлѣбъ. [95]

Въ 1666 г., какъ видно по челобитной того же Строителя, Сѣнногубской волости солдатъ, Григорій Германовъ, съ дѣтьми, завладѣли монастырскимъ урочищемъ, береговою сельгою, «пашутъ землю и сѣно косятъ, невѣдомо по чему.» [96]

Изъ челобитной Іоасафа 1667 года на Олонцѣ въ Приказной Избѣ Думному Дворянину и Воеводѣ, Замятнѣ Θедоровичу Леонтьеву, да Дьяку Ивану Олухову, видно, что Сѣнногубскіе обѣльные крестьяне, Бутора Трофимовичъ съ братьею, своими насиліями сдѣлали новые убытки монастырю, а именно: «ловили рыбу на монастырскомъ острову на Сосновцѣ съ 1647 по 1667 годъ, выручая на рыбѣ въ годъ по 7 руб., всего 140 руб., сгноили монастырскій станъ, цѣною въ 12 руб., да ссѣкли 300 бревенъ на новый станъ, цѣною на 16 руб., а всѣхъ убытковъ причинили на 167 рублей. [97]

Въ 1667 году случилось особое несчастіе съ Іоасафомъ, причиною коего были вражды сосѣднихъ Кижскихъ крестьянъ. Вотъ

---

[94] Челобитная чернеца Іоасафа Царю Алексѣю Михайловичу 1665 г., гдѣ подробно описываются всѣ обстоятельства дѣла о взыскѣ съ крестьянъ за проловъ рыбы—дѣла, порѣшеннаго еще 1645 г.

[95] Челобитная Іоасафа. Солдатъ Микулка выпросилъ, по ложному челобитью, на черный монастырскій лѣсъ данную и вводную у Олонецкаго Воеводы, Князя Терентія Васильевича Мышецкаго.

[96] По челобитной Іоасафа солдатъ Германовъ завладѣлъ березовою сельгою съ 159 (1650), и продолжаетъ владѣть по 174 (1666) г.

[97] Въ челобитной Іоасафа 1669 г. пишется, что Воевода Левонтьевъ посылалъ съ Олонца стрѣлецкаго Сотника, Михайлу Васильева Косцкова, по того Бутору съ братьею, но они къ суду не пришли. По сему просилъ послать къ нимъ снова зазывную память, которая и дана Начальному человѣку, Ивану Емельянову Не-

что прописываетъ Іоасафъ въ двухъ своихъ челобитныхъ 1668 г. Въ 1666 г. былъ онъ на Олонцѣ, и въ отсутствіе его прибылъ въ Клименцы Архимандритъ Вяжицкаго монастыря, Илія, безъ «Святительскаго вѣдома и Государева Указу.» 1667 года, Августа 10-го, писалъ тотъ Илія къ нему, что 3-го числа того же мѣсяца находили въ монастырь разбоемъ, не вѣдомо кто, и ограбили двѣ кельи, его, Іоасафа, и Келаря Іосифа. Въ Строительской кельѣ похищенъ чемоданъ съ платьемъ чернаго Попа, Іосифа Москвитянина, ряска, сукно черное рядное, кафтанъ шубный новый, да слитокъ серебра въ полфунта, всего на 75 руб. 10 алт. Да его, Іоасафа, книгъ печатныхъ и письменныхъ, и платья, и суконъ свиточныхъ, посуды мѣдной, оловянной, деревянной и серебряной, золота и серебра плавленаго на сусальное дѣло, да два забья съ снастьми, да книжные переплетные снасти, тиски и обрѣзы, и колки и середники, всего на 337 руб. 11 алт. Въ послѣдствіи «недомекъ» посему дѣлу со стороны Іоасафа и другихъ монастырскихъ старцевъ палъ на Кижскаго крестьянина, Исака Васильева, [98] который пріѣхалъ въ монастырь безъ всякихъ животовъ и запасовъ, и прожилъ въ немъ годъ, поѣхалъ въ Кижскій погостъ съ судномъ, нагруженнымъ «полно животовъ» и покрытымъ кожанными монастырскими полстьми. [99]

Между тѣмъ судное дѣло объ отводныхъ монастырю земляхъ съ крестьянами, Кузьмою Третьяковымъ и Жданомъ Субботинымъ, вызвали Іоасафа въ 1668 году въ Москву. Въ это время случился на Олонцѣ пожаръ, выгорѣлъ весь городъ. Многіе монастырскіе документы, хранившіеся на подворьѣ Александро-Свирскаго монастыря, истреблены были пожаромъ. [100] Къ тому открылось

красову 7177 г., Апрѣля 21. Память въ подлинникѣ, печать Леонтьева, припись Олухова.

[98] Это былъ дядя Архимандрита Иліи Лопарева. По чему Іоасафъ справедливо подозрѣвалъ въ участіи съ нимъ въ воровствѣ самого Архимандрита, про котораго мы встрѣтили въ бумагахъ монастырскихъ и другія весьма зазорныя дѣла, не стоющія исторической памяти.

[99] Дѣло это прописывается въ двухъ челобитныхъ Іоасафа, изъ коихъ одну онъ проситъ принять, какъ извѣтъ, а другою проситъ очной ставки съ крестьяниномъ Иваномъ Мокрушинымъ. Есть еще обвинительное показаніе Іоасафа на того же Ивана.

[100] О пожарѣ на Олонцѣ прописано въ челобитной на Кижскихъ крестьянъ, кото-

еще, что бывшій Келарь монастырскій, Іаковъ, «имѣлъ въ Сѣнногубской волости и сестру, и дѣтей, и братьевъ, и родъ и племя, и по тому, стакнувся съ Игуменомъ Гедеономъ и Отводчиками, Василіемъ Мусинымъ-Пушкинымъ и Борисомъ Ивановымъ, въ 1661 г., наровилъ во всемъ крестьянамъ.» Монастырской земли отведено было въ ту волость больше 2-хъ верстъ. Для вѣрнѣйшаго же успѣха Отводчику дана вкладная въ 50 руб., Подъячему въ 25 р., Попу Виданскому въ 10 руб. Въ слѣдствіе челобитья Іоасафа, старецъ Іаковъ, по приказанію Новгородскаго Митрополита, Питирима, сидѣлъ въ Новгородѣ на смиреньи, а Игуменъ Гедеонъ и Великогубскій Попъ, Илія Архиповъ, не явились къ Питириму. [101]

Въ слѣдующемъ 1669 г., въ бытность свою въ Москвѣ, Іоасафъ выхлопоталъ Царскую грамоту, въ которой весьма обстоятельно изложенъ весь ходъ дѣла о взыскѣ съ крестьянъ, съ Куземки Третьякова съ товарищи, 232 руб. 24 алт, за рыбныя ловли, и велѣно, по Соборному Уложенію, удовлетворить Строителя взыскомъ денегъ съ Третьякова. Грамота писана на Олонецъ къ Воеводѣ, Замятнѣ Ѳедоровичу Леонтьеву, 7177 (1699) г., Генваря 12-го. [102]

Къ сожалѣнію, Воевода Леонтьевъ, какъ значится въ челобитной Іоасафа 1670 г., не только не доправилъ монастырскаго иска, но даже не учинилъ ни какого Указу, «хотя монастырь изволочить и изубыточить,» а велѣлъ взять съ крестьянъ поручную запись, чтобы имъ стать на Москву, на Покровъ Пресвятыя Богородицы. Но отвѣтчики на Москвѣ не бывали, и поручной записи по нихъ Леонтьевъ въ Москву не присылалъ. Іоасафъ умолялъ Царя избавить монастырь отъ разорительныхъ убытковъ и проволоки, тя-

---

рые не пошли отмежевать монастырю землю на деревню Роксу, облыгая земли Дмитрія Кашкина. Челобитная на свиткѣ безъ начала и конца. Объ отпускѣ въ Москву по судномъ дѣлу съ крестьянами, Куземкою Третьяковымъ и Жданкомъ Субботинымъ, Іоасафъ подавалъ въ 1668 г. особую челобитную Митрополиту Новгородскому, Питириму.

[101] Челобитная Іоасафа Митрополиту Питириму 1668 года на старца монастырскаго Іакова.

[102] Копія съ этой подлинной грамоты находится въ 2-хъ экземплярахъ. Грамота надписана: «На Олонецъ, Думному Дворянину и Воеводѣ, Замятнѣ Ѳедоровичу Леонтьеву, да Дьяку Ивану Олухову.» Приписъ Дьяка Ивана Стефанова, справа Богдашка Никитина. Къ копіи Іеромонахъ Пафнутій руку приложилъ.

нувшейся уже 25 лѣтъ, а между тѣмъ «рыбными тѣми ловлями крестьяне и по ся мѣстъ владѣютъ.» [103]

Насилія монастырскимъ владѣніямъ со стороны сосѣднихъ крестьянъ все болѣе и болѣе усиливались, и своеволіе ихъ въ этомъ отношеніи поддерживаемо было Воеводами. Мы находимъ множество челобитныхъ Іоасафа на поступки крестьянъ и другихъ лицъ, имъ потворствовавшихъ, челобитныхъ, которыя онъ, по видимому, подавалъ во время пребыванія своего въ Москвѣ. Такъ на примѣръ:

Въ 1669 г. онъ подавалъ челобитную въ Новгородской Четверти на Москвѣ Думному Дьяку, Герасиму Дохторову, на Сѣнногубскихъ крестьянъ, Михайлу Ѳедорова Чючу, Куземку Третьякова и другихъ, завладѣвшихъ монастырскими землями и угодьями въ деревняхъ Роксѣ и Осиповщинѣ на Мусть-наволокѣ, на Кодъ-наволокѣ, въ Челможъ-губѣ, Бабьей губѣ, Березовой сельгѣ, Луговомъ ободѣ, Кужевомъ теребѣ и въ Вояloксой губѣ. [104]

Въ этомъ же году просилъ онъ о доправкѣ съ крестьянъ деревни Кулоевской, Ѳедора Созонова съ дѣтьми, убытковъ на 125 рублей съ полтиною, причиненныхъ простоемъ, запоромъ и потопомъ монастырской мельницы отъ поставленной ими новой мельницы. [105]

Въ 1670 г. Іоасафъ искалъ 167 руб. съ Кижскаго обѣльнаго крестьянина, Козьмы Трофимова Буторы, за владѣніе монастырскою рыбною ловлею. [106]

А въ слѣдующемъ 1671 г. Іоасафъ билъ челомъ на Отводчика, Гаврила Островскаго, позволившаго владѣть крестьянамъ Самовскимъ теребомъ, который былъ вымѣнянъ у крестьянъ, по добровольной сдѣлкѣ, на Кужеевъ терeбъ. [107]

---

[103] Челобитная Іоасафа 1670 г. на свиткѣ. Сверхъ того прописываетъ въ ней Іоасафъ: «Крестьяне приходятъ въ монастырь скопомъ и заговоромъ, съ сродцы и друзьями, братію и мірскихъ людей волочатъ, изъ кельи грабятъ, изъ монастыря гонятъ.

[104] По челобитью Іоасафа Дьяку Дохтурову, была грамота Воеводѣ, Замятнѣ Леонтьеву, да Дьяку Олухову, и велѣно дать судъ и Указъ учинить по Соборному Уложенію. Но ни того, ни другого, учинено не было.

[105] По челобитью Іоасафа на Созоновѣ были доправлены пошлины, и пересудъ, и правый десятокъ, а искъ монастырскій не доправленъ. Челобитная на свиткѣ.

[106] По челобитью на Бутору Іоасафъ жалуется, «что было по немъ двѣ зазывныя памяти, но онъ не послушалъ Указу, говоря, что судимъ онъ не на Олонцѣ, а на Москвѣ.

[107] Челобитная Іоасафа на Гаврила Островскаго 1671 г. на свиткѣ. Въ ней прописы-

Въ этомъ же 1671 г. онъ подавалъ челобитную на Островскаго, за неправильный его отводъ монастырскихъ земель и рыбныхъ ловлей Сѣнногубскимъ крестьянамъ чѣмъ причинилъ убытку на 108 руб. съ полтиною. А какъ въ Московскомъ Судномъ Приказѣ суда ему не было, то просилъ учинить ему судъ предъ Думнымъ Дворяниномъ, Артамономъ Сергѣевичемъ Матвѣевымъ. [108]

Но когда, по челобитью Іоасафа и по приговору Окольничаго, Артамона Сергѣевича Матвѣева, посланъ былъ для отвода монастырской земли Дворянинъ, Смольянинъ Кипріянъ Михайловъ Амушкинъ изъ Бѣлаозера, съ двумя Приставами и Подьячимъ, [107] Кижскіе крестьяне сильно возстали на такое начальственное распоряженіе, и съ своей стороны подали длинную челобитную въ 1674 г., и потомъ въ 1675 г. Въ этой челобитной они, между прочимъ, прописывали, что «Амушкинъ, пріѣхавъ въ Клименцы, велѣлъ имъ стать передъ собою, и волочилъ ихъ двѣ недѣли въ рабочую пору, Указа имъ не показывалъ, а просилъ къ себѣ Цѣловальниковъ и корму на день по 6 алт. по 4 деньги, да по барану, а въ постные дни противъ межговѣнныхъ просилъ деньгами, да Подьячимъ и людямъ дворовымъ назначилъ кормъ и разсыльщи-

---

ваетъ Іоасафъ, что по взаимной мѣнѣ монастырь владѣлъ землею на Кужевомъ теребу до 155 (1648), и съ тѣхъ поръ, по отмежеванію Островскаго, владѣютъ этою землею крестьяне, тогда какъ на ту землю есть записи и правая грамота Царя Бориса Ѳедоровича 107 г., за приписью Дьяка Ивана Нормацкаго. Іоасафъ проситъ взыскать съ Гаврила Островскаго о прокосѣ на Самовскомъ теребу сѣна въ теченіи 23 лѣтъ, по 50 возовъ каждогодно, по полтинѣ за каждый возъ.

[108] На этой челобитной помѣта: «179 г., Іюня 24. Поставить (Островскаго), и буде въ Москвѣ нѣтъ, послать по него Государева грамота.» Ниже: «Память Приставу Петру Алексѣевичу: дать ему на поруки Гаврилу Островскаго» 30 Генваря, подписалъ Дьякъ Александръ Вареоломеевъ. Далѣе челобитная на Островскаго подобнаго же содержанія съ нѣкоторыми подробностями не конченная. Все это писано на свиткѣ съ обѣихъ сторонъ.

[109] Дворянина Амушкина съ Бѣла Озера Іоасафъ просилъ послать для развода монастырскихъ земель особымъ челобитьемъ 1673 ч., «по тому, де, что на Олонцѣ никого нѣтъ.» На челобитной помѣта: «181, Декабря 16, подана. Послать грамоту Великаго Государя на Бѣлоозеро къ Воеводѣ, Василію Семеновичу Дохтурову, чтобъ онъ послалъ добраго Боярина межевать земли по жалованнымъ грамотамъ и писцовымъ книгамъ.» Челобитная на свиткѣ.

камъ подводы, что они, по ложному челобитью старца Іоасафа, пашни отбыли, и хлѣбъ не пожатый на земли погибаетъ, а иные крестьяне, боясь исковъ и угрозъ Іоасафа, пометали свои деревенскіе участки и дворишки; что Амушкинъ приказалъ чистить дорогу подъ ихъ деревни, а въ Кондинской деревнѣ поля будутъ въ отводѣ, а она поставлена за много лѣтъ до монастыря, а въ ней 40 домовъ, да на новыхъ починкахъ въ трехъ мѣстахъ 7 дворовъ; что крестьяне тѣхъ дворишковъ въ прошлыхъ годѣхъ драгунскую и солдатскую службу служили и платили всякіе данные и оброчные деньги и хлѣбные запасы и на службѣ многіе содаты побиты и померли—эти крестьяне разбѣжались отъ многихъ грамотъ, которыя Іоасафъ выводитъ съ Москвы; что Амушкинъ, послѣ двухнедѣльнаго волоченья, спустя три недѣли, позвалъ крестьянъ предъ себя, и велѣлъ пушкарямъ и разсыльщикамъ имать крестьянъ въ работную монастырскую келью и въ хлѣбную сажать, а иныхъ били до умертвія; что, наконецъ, Іоасафъ, по затѣйнымъ искамъ своимъ возитъ Царскія грамоты и посылаетъ Отводчиковъ изъ Владимирскіе, а не изъ Новгородскіе, Чети.» Помѣта на челобитной: «Перенесть дѣло къ иному Подьячему.» [110]

Но казалось, чѣмъ болѣе запутывалось дѣло, чѣмъ болѣе выигрышъ казался сомнительнымъ, тѣмъ болѣе возрастала настойчивость неутомимаго старца.

Въ 1677 г., по вступленіи на прародительскій престолъ Царя Θедора Алексѣевича, Строитель Іоасафъ безпрерывно утруждалъ Правительство челобитною за челобитною.

Въ одной, или двухъ, изъ этѣхъ челобитныхъ 1677 г. открывается, что Кижскіе крестьяне отводчика Амушкина бранили и бить хотѣли, а Подьячаго и Приставовъ били до умертвенія (отъ тѣхъ побоевъ одинъ Приставъ вскорѣ и умеръ), къ Дворянину въ окна каменьемъ бросали до тѣхъ поръ, пока Спаскій Попъ, Се-

---

[110] Одна челобитная Кижскихъ крестьянъ, Старосты Иванка Митрофанова съ товарищи, подана на Олонцѣ 2 Августа, 1664 г. Въ ней они просятъ Воеводу, Думнаго Дворянина, Богдана Ивановича Ордина-Нащокина, послать ихъ челобитье къ Москвѣ. Другая челобитная Дунайка Евстаѳьева и всѣхъ крестьянъ съ просьбою перенесть дѣло въ прежній Новгородскій Приказъ и спорную землю развесть по приказу Воеводы Ордина-Нащокина, имѣетъ помѣту: «183, Октября 1, по Указу Великаго Государя, велѣть то дѣло перенесть къ иному Подьячему.» Послѣдняя на свиткѣ.

менъ Никитинъ, вышедъ изъ избы, не отогналъ ихъ прочь. Но по отписѣ Амушкина о семъ бунтѣ крестьянъ въ Москву, Указу изъ Москвы не бывало. [111] А Дворянскій подьемъ этотъ съ Подьячими и пушкарями причинилъ монастырю убытка 100 руб. [112]

Изъ другой челобитной того же года видно, что дѣло о монастырскихъ земляхъ велѣно было перенести изъ Новгородскаго въ Иноземный Приказъ, къ Князю Юрію Петровичу Трубецкому, но уже какъ по двумъ памятямъ того дѣла Новгородскій Приказъ не отдавалъ, а Иноземный Приказъ порученъ былъ новымъ лицамъ, Боярину Ивану Михайловичу Милославскому да Думному Боярину Ивану Ивановичу Чаадаеву, то Іоасафъ и просилъ о перенесеніи къ симъ Боярамъ монастырскихъ дѣлъ послать третью память въ Новгородскій Приказъ. На челобитной помѣта Дьяка Григорія Карпова: «Государь велѣлъ учинить о томъ Указъ, а буде не мочно, внести къ Боярамъ.» [113] Помѣта эта указываетъ на участіе, какое принималъ въ дѣлѣ Іоасафа самъ Царь.

Далѣе еще въ одной челобитной того же года Іоасафъ проситъ не посылать новой грамоты, каковую Думный Дьякъ Иларіонъ Ивановъ, послалъ на Олонецъ къ Андрею Черному, и велѣлъ ему «дозрить рыбныя ловли и землю, и прислать къ Москвѣ чертежъ, а доправить искъ, какъ уже по вершенному дѣлу, и то дѣло отдать въ Печатный Приказъ, гдѣ Государевы грамоты печатаютъ.» [114]

Было и еще нѣсколько жалобъ въ другомъ родѣ на того же Думнаго Дьяка Новгородскаго Приказа, Иларіона Иванова, и въ особенности на Дьяка Бориса Протопопова. [115]

---

[111] Челобитная Іоасафа, коею онъ просилъ дать грамоту о вершеніи дѣла на Олонецъ къ Стольнику и Воеводѣ, Якову Максимовичу Стрѣшневу, да Дьяку Андрею Черному. Помѣта на ней Думнаго Дьяка, Аверкія Кирилова: «185, Мая 10, выписать, справясь подлинно.» Другая челобитная о томъ же дѣлѣ безъ конца.

[112] Челобитная Іоасафа съ жалобою на Подьячаго Новгородскаго Бориса Протопопова, который въ грамотѣ къ Олонецкому Воеводѣ, Ордину-Нащокину, объ Отводчикѣ, Дворянинѣ Амушкинѣ, стрѣльцовъ прописалъ, отъ чего крестьяне взбунтовалися и земли межевать не дали,—неизвѣстнаго года, безъ конца.

[113] Челобитная Іоасафа подана Царю Θедору Алексѣевичу 185 г, Марта 6.

[114] Челобитная Іоасафа Царю Θедору Алексѣевичу на Подьячаго Иларіона Иванова на свиткѣ.

[115] Челобитная Іоасифа Царю Θедору Алексѣевичу 1677 г. на Дьяковъ Бориса

Но любопытнѣе другихъ жалоба Іоасафа на Боярина Артемона Сергѣевича Матвѣева. Іоасафъ въ челобитной прописываетъ, что въ 1675 г. билъ онъ челомъ Матвѣеву объ Указѣ противъ Отводчика Кипріяна Амушкина о бунтѣ Кижскихъ крестьянъ. На этой челобитной была помѣта: «183 (1675) г., Апрѣля 23, послать противъ челобитья другая грамота Кипріану Амушкину съ прежняго отпуску, велѣть ему воды и земли противъ прежняго Указу отмежевать по писцовымъ переписнымъ книгамъ и жалованнымъ грамотамъ; а буде крестьяне отмежевать не дадутъ, быть имъ въ жестокомъ наказаньи и заводчикамъ въ смертной казни.» Челобитная эта отдана къ дѣлу Подьячему Никитѣ Лазареву. Но онъ Указъ у себя утаилъ и оболгалъ Артамона Сергѣевича помѣтою Дьяка Михайлы Волошининова, будто онъ помѣтилъ землю монастырю на 20 верстъ, а монастырь припрашиваетъ еще. Между тѣмъ какъ монастырь, владѣя прежде пятиверстною землею 100 лѣтъ, теперь имѣетъ на двѣ только версты не сполна, отнялъ же той земли больше трехъ верстъ Гаврило Островскій тому 30 лѣтъ; объ этомъ-то и билъ челомъ Іоасафъ Боярину Матвѣеву; приносилъ ему четыре Царскія грамоты и Патріарха Филарета Никитича для сличенія съ помѣтою Волошининова. Но Бояринъ Матвѣевъ велѣлъ Думному Дьяку, Григорью Богданову, положить на дѣлѣ, слѣдующее рѣшеніе «Помѣтѣ Волошининова не вѣрить, ни отводамъ по ней, а Іоасафа выслать.» Чрезъ полдесятка дней Іоасафъ снова послалъ Матвѣеву жалованную грамоту, «и учалъ бить челомъ о праведномъ судѣ,» но онъ сторожамъ заказалъ «Іоасафа не пускать и челобитныхъ не принимать, или, принимая, бросать ихъ въ воду;» на бунтовщиковъ Указу не чинилъ, вновь межевать никого не назначалъ, чтобъ это глухое дѣло замять.» Іоасафъ подалъ челобитную Царю объ Указѣ. На ней помѣта Дьяка Данила

Протопопова, Никиту Назарова, на которыхъ какъ значится здѣсь, и прежде отъ Іоасафа челобитье было, проситъ отдать дѣло другому Дьяку. Еще челобитная Іоасафа 1677 г., гдѣ пишетъ, что монастырскіе били челомъ перенесть дѣло отъ Бориса Протопопова въ Приказъ Владимерскіе Чети, но Думный Дьякъ Иларіонъ Ивановъ, въ томъ отказалъ, проситъ взять всѣ монастырскіе документы отъ Бориса Иванова и отдать въ Иноземный Приказъ къ Боярину Юрію Петровичу Трубецкому, и Указъ учинить дѣлу, за которымъ монастырь волочится болѣе 30 лѣтъ. Опять тоже челобитье проситъ не отсылать грамоты Бориса Протопопова къ Андрею Черному.

Полянскаго: 185 (1677), Іюня 7. Государь пожаловалъ велѣлъ о томъ Указъ учинить Боярину Артамону Сергѣевичу Матвѣеву, да Дьяку Григорію Богданову, а буде не мочно, внесть къ Боярамъ.» Но 15-го Іюля Бояринъ челобитной не принялъ: «взяли Дьяки, и Указу доселѣ нѣтъ.»[116]

Всѣ эти неимовѣрные хлопоты Іоасафа по дѣламъ монастырскимъ кончились Указомъ 1677 г. на Олонецъ Стольнику и Воеводѣ, Якову Максимовичу Стрѣшневу, да Дьяку Андрею Черкаго, чтобы послать Дьяка Андрея обозрѣть рыбныя монастырскія ловли по послѣднимъ писцевымъ книгамъ Никиты Панина 136 и 137 (1628 и 1629) годовъ, и разузнать «дозрить ловили ль крестьяне рыбу въ пятиверстномъ монастырскомъ владѣніи, и всему учинить чертежъ подлинный и прислать къ Москвѣ, а монастырскихъ денегъ править не велѣно до Государева Указу.»[117] Значитъ, кончились ни чѣмъ. Правда, Іоасафъ подавалъ челобитную и на этотъ неправедный судъ, и по его челобитью были о томъ Царскіе Указы, какъ увидимъ ниже, но Іоасафъ тогда уже не управлялъ Климецкимъ монастыремъ.

Преемниками Іоасафа, по вкладной книгѣ, были въ 1676 г. Священноинокъ Илія, а съ 1677 по 1688 Строитель, черный Попъ Ѳеодосій, хотя въ челобитныхъ и Царскихъ грамотахъ имя Іоасафа встрѣчается еще и въ 1677 г. Впрочемъ, Іоасафъ въ послѣдніе годы своего строительства, увлеченный монастырскими дѣлами, находился постоянно въ отлучкѣ въ Москвѣ и не могъ лично управлять монастыремъ.

Строитель Ѳеодосій, наученный, по видимому, горькими опытами прежнихъ Настоятелей, вовсе почти не занимался тяжбою съ крестьянами. Немного, очень немного, отъ его времени оста-

---

[116] Челобитная Іоасафа весьма общирная. Въ концѣ ея Іоасафъ проситъ положить дѣло съ памятою Дьяка Михайлы Волошининова предъ Думнаго Дьяка, Иларіона Иванова, и послать Указъ на отписку Амушкина противъ Указа Царя Алексѣя Михайловича 183 г. въ селѣ Коломенскомъ, когда на челобитной состоялась помѣта Думнаго Дьяка Гавренева: «Государь пожаловалъ, велѣлъ земли и воды размежевать по жалованной грамотѣ Царя Ивана Васильевича, и что останется за отмѣромъ, отдать крестьянамъ.»

[117] Грамота въ спискѣ за подписью Дьяка Бабинина. Взялъ Афонька Козьминъ; на свиткѣ.

ось грамотокъ о земленномъ монастырскомъ дѣлѣ, да и тѣ состоялись въ слѣдствіе челобитій Іоасафа.

Такъ имѣется списокъ съ грамоты Царя Θеодора Алексѣевича 1679 г. на имя Стольника и Воеводы Олонецкаго, Якова Максимовича Стрѣшнева, коею, по челобитью Іоасафа, вмѣсто Дьяка Андрея Чернаго, велѣно Воеводѣ Стрѣшневу послать для размежеванія монастырскихъ земель товарища своеуго, Льва Савлукова, снять съ нихъ чертежъ и послать къ Москвѣ. [118]

Есть еще челобитье Царю Θеодору Алексѣевичу отца Іоасафа на Яндомозерскихъ и Кукоевскихъ, Михайла Баженова и Θедора Созонова, о завладѣніи ими пустошью Юхновскою и построеніи на монастырской землѣ трехъ мельницъ, противъ писцовыхъ книгъ Андрея Плещеева 91 (1583) г. и Никиты Панина 137 (1629) года. [119]

Со стороны Строителя Θеодосія была подана челобитная 1686 Царямъ Ивану и Петру Алексѣевичамъ и Софіи Алексѣевнѣ о томъ, что пустошью Юхновскою и нижнимъ порожкомъ на Устьяндомѣ рѣчкѣ въ прошлыхъ годахъ завладѣли Кижскіе крестьяне деревни Куноевской, Θедька Созоновъ съ товарищи, и перепродали Яндомозерскому Попу, Ивану Корнилову, а онъ къ желѣзному заводу Датскаго Королевскаго фактора, Андрея Бутенанта и крестьянина Марелиса; пустошь по отдаленности показалась имъ неудобною для построенія завода и находится впустѣ; они хотятъ пожертвовать ее въ монастырь, но безъ Царской воли не смѣютъ. [120]

Его же челобитная тѣмъ же Царямъ подана была того же 1686 г. на Кижскаго крестьянина, Андрюшку Артемьева Кузнецова, который подалъ просьбу «на завладѣніе монастыремъ пашенною землею въ урочищѣ Койсъ-наволокѣ, объявляя ее пустою, въ дачу никому не данною, противъ монастырскихъ жалованныхъ грамотъ и отдѣльныхъ писцовыхъ книгъ,» о чемъ поду-

---

[118] Грамота въ спискѣ, на свиткѣ дана 7187 г. въ Сентябрѣ.

[119] Челобитная Іоасафа, года не означено. Есть и двѣ грамоты въ спискахъ Царя Θедора Алексѣевича на имя Олонецкаго Воеводы, Якова Максимовича Стрѣшнева, да Дьяка Льва Савлукова, отъ 1679 г. о Юхновской пустошѣ, по челобитью Іоасафа, но обѣ безъ конца.

[120] Подобныхъ челобитныхъ найдено четыре.

чилъ и грамоту съ Москвы на Олонецъ къ Стольнику и Воеводѣ, Никитѣ Даниловичу Глѣбову. [121]

Отъ 1688 г. находимъ грамоту Царей Ивана и Петра Алексѣевичей и Софьи Алексѣевны на Олонецъ Стольнику и Воеводѣ Князю Василью Өедоровичу Долгорукому, «объ измѣреніи и размежеваніи Юхновской пустоши на десятичное число, и отписную о томъ подать въ Новгородскій Приказъ Царственныя Большія Печати и Государственныхъ Великихъ Посольскихъ Дѣлъ Оберегателю, Ближнему Боярину и Намѣстнику Новгородскому, Князю Василію Васильевичу, да Боярину Князю Алексѣю Васильевичу, Голицынымъ.» [122]

Другіе просьбы Строителя Өеодосія показываютъ, что многолѣтняя тяжба сильно истощила средства монастыря къ безбѣдному существованію.

Тяжба монастыря съ Сѣнногубскими и Кижскими крестьянами возобновилась было еще разъ при Строителѣ Варлаамѣ (1690 — 1694). Кратковременное настоятельство его замѣчательно тѣмъ, что при немъ поступило въ монастырь нѣсколько закладныхъ заемныхъ крѣпостей и данныхъ, по силѣ коихъ монастырь пріобрѣлъ на вѣчное владѣніе нѣсколько участковъ земли и мельницу отъ сосѣднихъ Сѣнногубскихъ крестьянъ. [123] Но не обошлось и безъ челобитныхъ на тѣхъ же крестьянъ за насильственное владѣніе

---

[121] Челобитная чернаго Попа Өеодосія на свиткѣ.

[122] Грамота въ спискѣ. Въ ней сказано, что десятина должна быть въ длину 80, а въ ширину 30 сажень.

[123] Декабря дана закладная Сѣнногубскаго крестьянина, Константина Бадьина въ 3 руб. до Өомина Воскресенья на его новую росчисть. Того же числа заемъ его, Бадьина, 2 руб.; 1692 г., дана крѣпость крестьяниномъ Иваномъ Матвѣевымъ съ сыномъ Ермиломъ на владѣніе монастырю двумя поженками на рѣчкѣ Устьяндомѣ, у верхней монастырской мельницы и у старой мельницы; 1692 г. Февраля 10, поступила въ монастырь данная за 40 р. Кижскимъ крестьяниномъ, Мирономъ Окатовымъ, и Өедотицей Карповой, на половину мельницы на рѣкѣ Устьяндомѣ, данная же на другую половину мельницы за 8 р.; поступная того же Мирона Окатова на половину полянки и поженки око рѣки Устьяндомы отъ 15 Февраля, и отводная на етѣ земли Мая 22; того же 1692 г. данная крестьянина Ивана Матвѣева монастырю на владѣніе двумя его полянками на рѣкѣ Устьяндомѣ, подлѣ монастырскихъ мельницъ, за 2 руб.; Февраля 27, 1649 года, поступилъ въ монастырь вкладъ пожни Сѣнногубскаго крестьянина, Якима Петрова.

монастырскими деревнями Роксою и Осиповщиною, [124] опустошеніе всякихъ монастырскихъ лѣсовъ и угодій, побивку телятъ и сторожевыхъ собакъ, [125] и причиненіе убытка монастырской мельницѣ отъ запора воды на рѣкѣ Устьяндомѣ. [126] Но всѣ челобитныя этого Строителя не имѣли ровно ни какихъ послѣдствій; невидно даже, чтобы они имѣли какое либо движеніе.

Замѣчательно, что, не смотря на этѣ вѣковыя тяжбы сосѣднихъ крестьянъ съ монастыремъ, не смотря на крайне враждебное отношеніе Сѣнногубцевъ и Кижанъ къ монастырскому братству, большая часть вкладовъ въ Климецкую Обитель, какъ мы уже замѣтили, принадлежала этимъ именно земскимъ людямъ. Изъ Сѣнной Губы мы насчитываемъ въ XVII в. до 250 вкладчиковъ, изъ Кижъ 107, изъ Конды 55, изъ Шокши 23. Мы не видимъ здѣсь противорѣчія. Если Кижское и Сѣнногубское земство питало озлобленіе на Климецкихъ Настоятелей и наличный составъ братства, то это ни сколько не подавляло его мысленнаго отношенія къ Святынѣ и не мѣшало проявлять ему свое набожное чувство и уваженіе къ Ктитору Св. Обители. Вещественныя пользы земства, подрываемыя Климецкимъ братствомъ, не заглушали въ немъ нравственно религіозныхъ пользъ и не разрушали его мысленнаго религіознаго сознанія.

Кромѣ историческихъ и юридическихъ актовъ, относящихся прямо къ исторіи Климецкаго монастыря, въ архивѣ его сохранилось немало и такихъ письменныхъ памятниковъ XVII вѣка, которые имѣютъ значеніе обще-церковное, или государственное, и по тому свѣденія о нихъ мы заносимъ на страницы его исторіи.

Прежде всего замѣтимъ, что Климецкій монастырь принималъ участіе, конечно, со всею Россіей, въ радостныхъ и скорбныхъ событіяхъ Царскаго Дома, и выражалъ свои чувства въ соборной молитвѣ. Такъ въ 1633 году, 25-го Іюня, въ Клименцахъ получена была «богомольная грамота Новгородскаго Митрополита,

---

[124] Челобитная Іеромонаха Варлаама на Сѣногубскихъ крестьянъ, Афоньку Кузьмина Гяньтлова, съ товарищи.

[125] Челобитная Варлаама на Сѣнногубскихъ крестьянъ, Афоньку Кузьмина съ товарищи, 1690 г. Его же челобитная 1692 г. на крестьянъ Конденской волости, Ивана Алексѣева Бухаря съ товарищи.

[126] Челобитная Варлаамова на Яндомозерскаго крестьянина, Савинку Ильина Баженова, гдѣ сказано, что отъ остановки мельницы убытку понесено на 50 руб.

Кипріяна, «въ Обонежскую пятину, въ Заонежскую половину; до Каргополя и до Колмогоръ, и до Соловокъ, и на Вагу,» о рожденіи Царю Михаилу Ѳедоровичу и Царицѣ Евдокіи Лукьяновнѣ сына Ивана Михайловича 141 (1633), Іюля 2-го, которому въ тотъ же день наречено имя Святаго Великомученика Іоанна Новаго, пострадавшаго въ Бѣлгородѣ.[127] Въ 1645 г монастырь былъ оповѣщенъ богомольною грамотою Новгородскаго Митрополита, Аѳеонія, что Царь Михаилъ Ѳедоровичь, волею Божіею, представился противъ 13-го числа Іюня, и сынъ его, Алексѣй Михайловичъ, по благословенію отца своего, учинился на Московскомъ Государствѣ Государемъ.[128] 20-го Генваря, 1647 года Богомольною грамотою того же Новгородскаго Митрополита монастырю объявленъ былъ Указъ Царя Алексѣя Михайловича и Патріарха Іосифа: «молити въ Троицѣ славимаго Бога и Пречистую Богоматерь о вселенскомъ устроеніи и о благосостояніи Святыхъ Божіихъ церквей, и о умноженіи плодовъ земныхъ, и о многолѣтнемъ здравіи Богомъ вѣнчаннаго Государя Царя и Великаго Князя, Алексѣя Михайловича, всея Россіи, и его Царской семьи, и о побѣдѣ и одолѣніи на враги, чтобъ Господь Богъ даровалъ ему, Государю, свыше побѣду и одолѣніе на вся видимыя и невидимыя враги, и покорилъ бы подъ нозѣ его всякаго врага и супостата.» Молебство должно было сопровождаться седмидневнымъ постомъ.[129] Въ подобной же грамотѣ и того же Митрополита Аѳеонія «въ Заонежскіе и Лопскіе погосты, и въ Сумской острогъ, и въ Шую, и въ Кемь, и въ Соловецкій монастырь. оповѣщено о бракосочетаніи Царя Алексѣя Михайловича съ Марьею Ильиничною 16 Генваря, 1648 г.[130] Въ одной изъ грамотъ Митрополита Никона возвѣщается о рожденіи Царю Алексѣю Михайловичу и Царицѣ Марьѣ Ильиничнѣ первой дочери Евдокіи, 28-го Февраля, 1650 г., и о томъ, что имянины ея положено праздновать 1-го Марта;[131] въ другой же о рожденіи

---

[127] Списокъ современный.

[128] Богомольная эта грамота, писанная отъ 1745 г., Іюня 13-го, находится въ спискѣ. Конецъ оторванъ.

[129] Грамота въ спискѣ. Память въ Заонежскую десятину и въ Лопскіе погосты дана была сыну Боярскому, Тимоѳѣю Тяполкову.

[130] Грамота въ спискѣ, дана въ 1648 г., Февраля 2.

[131] Грамота въ подлинникѣ, дана 1650 г., Февраля 26; кромѣ Царя и Царицы, въ

имъ дочери Екатерины, Ноября 27-го, 1659 года.[132] Отъ Новгородскаго Митрополита Макарія были двѣ грамоты: въ одной монастырь извѣщается о рожденіи Царю сына, Θеодора Алексѣевича, 30-го Мая, 1661 г. (имянины его 8-го Іюня),[133] въ другой же, отъ 1663 г., выражается повелѣніе самого Царя, чтобы «во всѣхъ городахъ въ Господскіе праздники и въ Богородичны, и въ нарочитыхъ Святыхъ, и на Царскіе имянины, духовенство собиралось въ церковь ко всенощнымъ бдѣніямъ и литургіямъ и совершало молебства.»[134] Новгородскій Митрополитъ, Питиримъ, увѣдомлялъ монастырь богомольною грамотою, въ 1665 г., о рожденіи Царю сына Царевича, Симеона Алексѣевича, имянины коего положено праздновать 17 Апрѣля.[135] и за тѣмъ о рожденіи Царевича Ивана Алексѣевича въ 1666 г., 27 Августа, имянины коего предписано праздновать 29 Августа.[136] Тотъ же Митрополитъ оповѣщалъ монастырь и о второмъ бракосочетаніи Царя Алексѣя Михайловича съ дщерію Кирила Поліевктовича Нарышкина, Натальею Кириловною, 1671 г., 22 Генваря. Вотъ имена Царской семьи въ этой богомольной грамотѣ: Царь Алексѣй Михайловичъ, Царица Наталья Кириловна; Царевичи: Θедоръ, Иванъ Алексѣевичи; Царевны: Ирина, Анна и Татьяна Михайловны, Евдокія, Марθа, Софія, Екатерина, Марія и Θеодосія Алексѣевны.[137] О рожденіи Царю Алексѣю Михайловичу дочери отъ брака съ Нарышкиной, Царевны Θеодоры, въ 1675 г., 14 Сентября, извѣстилъ монастырь

ней упоминаются только имена сестеръ Государевыхъ, Царевенъ Ирины, Анны и Татіаны Михайловныхъ.

[132] Грамота въ спискѣ безъ конца.

[133] Грамота въ спискѣ, дана отъ 1661 г., Іюня 14.

[134] Грамота въ спискѣ, за приписью Дьяка Ивана Калинина; писана въ Новгородъ Дьяку Θедору Скрипицыну и Ивану Владыкину, а отъ нихъ Поповскому Старостѣ, Шумскому Никольскому Попу Якиму; въ ней имена Царской семьи: Царь Алексѣй Михайловичъ, Царица Марья Ильинична, Царевичи Алексѣй и Θедоръ Алексѣевичи, Царевны, Ирина, Анна и Татіана Михайловны, Евдокія, Марθа, Софія, Екатерина, Марія и Θеодосія Алексѣевны.

[135] Грамота Питирима въ двухъ спискахъ, дана отъ 14 Апрѣля, 1665 г.

[136] Грамота дана Августа 31-го, 1666 г.; въ концѣ ея написано: «Подлинная грамота за печатью Митрополита и приписью Дьяка Ивана Владыкина. Списокъ писалъ бывшій Климецкаго монастыря Архимандритъ Илья.»

[137] Грамота Питирима на Олонецъ въ Коловую десятину и въ Заонежскіе и въ Лопскіе погосты и проч. въ спискѣ.

Новгородскій Митрополитъ Корнилій, съ объявленіемъ, что имянины ея празднуются 11 Сентября. [138] Подобныя же богомольныя грамоты Митрополита Корнилія сохранились въ монастырѣ о томъ, что 1680 г., 18 Іюля, Царь Өедоръ Алексѣевичь поялъ благородную дѣвицу, Симеонову дщерь Өеодоровича Грушицкаго: тотъ же Царь поялъ благородную дѣвицу Матвѣеву дщерь Васильевича Апраксина, Марөу Матвѣевну, имянины же ея 1 Сентября. [139]

Изъ другихъ актовъ, сохранившихся въ Климецкомъ монастырѣ, имѣютъ значеніе для Русской гражданской исторіи, грамота Алексѣя Михайловича «о бѣжавшихъ съ Дону Казакахъ,» грамота Новгородскаго Митрополита, Макарія, «о заставахъ во время моровой язвы,» и два Указа Царя Петра Алексѣевича «о постройкѣ кораблей и корабельномъ сборѣ.»

27-го Августа, 1646 года, и Октября 1647 г., грамотами Царя Алексѣя Михайловича въ Заонежскіе погосты, на имя Воеводы Іова Ивановича Нащокина, велѣно было розыскать, нѣтъ ли гдѣ въ Заонежскихъ погостахъ въ укрывательствѣ бѣглыхъ драгуновъ и бѣжавшихъ съ Дону Казаковъ съ Царскою казною. [140] Если въ это время могли укрываться въ Заонежьи бѣглецы, запятнавшіе себя похищеніемъ казенныхъ денегъ, то очень не мудрено, что въ послѣдствіи изъ нихъ могли образоваться этѣ страшныя шайки буйныхъ Олонецкихъ бродягъ, извѣстныхъ подъ именемъ «воровъ и церковныхъ разбойниковъ.»

Страшное моровое повѣтріе въ половинѣ XVII в. разносилось изъ Москвы по всѣмъ городамъ Русскимъ и грозило бѣдой всему Новгородскому краю. Въ Климецкомъ монастырѣ сохранилась благословенная грамота Новгородскаго Митрополита, Макарія, отъ

---

[138] Грамота въ спискѣ на имя Палеостровскаго Игумена Антонія; имена Царской семьи: Царь Алексѣй Михайловичъ, Царица Наталья Кириловна, Царевичи: Өедоръ, Иванъ и Петръ Алексѣевичи, Царевны: Анна и Татьяна Михайловны; Евдокія, Марөа, Екатерина, Марія, Өеодосія, Наталія и Өеодора Алексѣевны.

[139] Память отъ Марта 19, 170 г., Царская семья: Царь Өедоръ Алексѣевичъ, Царица Марья Матвѣевна, Царица Наталья Кириловна, Царевичи: Иванъ и Петръ Алексѣевичи; Царевны: Анна и Татьяна Михайловны, Евдокія, Марөа, Екатерина, Софія, Марія, Өеодосія и Наталія Алексѣевны.

[140] Обѣ грамоты въ спискахъ на одномъ и томъ же свиткѣ; одна о сыскѣ драгунъ, а друга о сыскѣ сбѣжавшихъ съ Дону Казаковъ. Въ первой объявлено, что за укрывательство взыщется пени за всякаго драгуна по 100 руб.

1655 г., которая знакомитъ насъ съ тѣмъ участіемъ, какое принимало въ общественномъ бѣдствіи церковное и гражданское Правительство, и съ тѣми мѣрами, которыя были принимаемы тогда для предупрежденія и прекращенія дальнѣйшаго развитія моровой язвы. Царевичъ Алексѣй Алексѣевичъ и Новгородскій Митрополитъ Макарій старались оградить отъ этого бѣдствія Новгородскіе предѣлы. Въ благословенной грамотѣ этого Митрополита, по Указу Царевича, Алексѣя Алексѣевича, предписывается Свирскому Игумену, Савватію, подъ опасеніемъ смертной казни: «всѣ дороги изъ Москвы въ Новгородъ и въ Новгородскій Уѣздъ засѣчь на крѣпко и поставить заставы, гдѣ пригоже; и на тѣхъ заставахъ всякихъ чиновъ людей, кто учнетъ къ тѣмъ заставамъ пріѣзжать съ Москвы и изъ иныхъ городовъ, не пускать въ Новгородъ и его Уѣзды ни которыми дѣлы, а велѣть имъ ѣхать тѣми дорогами, кто откуда пріѣхалъ.» Сверхъ того приказано розыскивать, «нѣть ли гдѣ на людей упадка, и буде есть, сколь давно, гдѣ и сколько человѣкъ померло, и дома ль были больны, и какою болѣзнію, съ язвами, или безъ язвъ, и о томъ роспись прислать къ Царевичу, въ Троицкій станъ, въ Сергіевъ монастырь. А буде гдѣ моровое повѣтріе объявилось, или объявится, и тѣхъ дворовъ мертвыхъ людей погребати достальними жилецкими людьми тѣхъ же дворовъ, а дворы обламывать, и при нихъ поставить сторожи крѣпкіе, и приказать имъ достальныхъ людей изъ тѣхъ же дворовъ отнюдь не выпускать, а гдѣ нѣтъ колодезей, то сторожамъ приносить воды.» [141]

Въ Климецкомъ монастырѣ сохранились еще два Указа Царя Петра Алексѣевича на Олонецъ Стольнику и Воеводѣ, Василью Никитичу Зотову. Первымъ изъ нихъ повелѣвается «съ Патріаршихъ, Митрополичьихъ и монастырскихъ крестьянъ, съ семи тысячь дворовъ, сдѣлать корабль, а съ помѣщичьихъ крестьянъ, за которыми до 100 дворовъ, съ десяти тысячь дворовъ по кораблю. А корабль сдѣлать и лѣса на Воронежѣ нынѣшняго (205) (1698) года, и спустить на воду въ слѣдующемъ 1698 г. въ первыхъ числахъ Апрѣля. А за которыми монастырями и церквами и помѣщиками меньше 100 дворовъ крестьянъ, съ десяти тысячь

[141] Грамота въ спискѣ; дана 1655 г., Сентября 7. Отписку обо всемъ велѣно присылать въ станъ Царевича, Окольничему Ивану Андреевичу Милославскому да Дьяку Ивану Озимкову.

дворовъ корабль.» Въ другомъ Указѣ говорится о корабельномъ сборѣ съ двора по полтинѣ, которыя деньги платить во Владимірскомъ Приказѣ Окольничему, Александру Петровичу Протасову, на Сырной и на Свѣтлой Недѣлѣ 1697 года. А кто на срокъ не заплатитъ, съ тѣхъ взыщется съ двора по рублю.» [142]

Но гораздо важнѣе акты, имѣющіе значеніе церковно-историческое. Изъ нихъ видно отчасти нравственно-религіозное развитіе Олонецкаго края, видно, какъ рано и быстро распространялся здѣсь расколъ, и какія мѣры принимало противъ него Церковное Правительство.

На какой степени нравственно-религіознаго развитія находился Олонецкій народъ во 2 половинѣ XVII вѣка, это открывается изъ грамоты Царя Алексѣя Михайловича въ Новгородъ Боярину и Воеводѣ, Григорью Семеновичу Куракину, 1660 года, 3-го Марта. «Вѣдомо Царю учинилось, говорится въ этой грамотѣ, что нѣкіе, именующіеся Православными, безъ покаянія всегда пребываютъ и отцовъ духовныхъ николи у себя не имѣютъ, такъ что въ тридцать, сорокъ, въ пятьдесятъ, лѣтъ, а иные и до старости дожили, а въ покаяніе еще не пришли, развѣ въ болѣзни находящіеся просятъ погребсти ихъ у церкви, и ихъ невольное покаяніе мало пріятно Богу.» По чему и предписывается, чтобы Архимандриты, Протопопы, Попы и Діаконы, въ Среду, въ Пятокъ и во Владычные дни поучали прихожанъ приходить на покаяніе во всѣ четыре Поста, а по нуждѣ въ три, или два, но непремѣнно въ Великой Постъ.» Здѣсь же повелѣно, чтобы въ церквахъ пѣніе было единогласное, со страхомъ Божіимъ. [143]

Расколъ въ Олонецкой Губерніи началъ развиваться очень рано. Еще въ 1667 г. Климецкій Строитель Іоасафъ жаловался Царю Алексѣю Михайловичу, что иконописецъ Иванъ, «противникъ Церкви Божіей», 12-го Апрѣля нанесъ ему безчестье въ Соборной Олонецкой церкви послѣ Вечерни.» Иконописецъ, какъ видно изъ челобитной Іоасафа, назвалъ его «еретикомъ, между тѣмъ какъ я, пишетъ Строитель, слѣдую Соборной Апостольской Церкви.»

---

[142] Второй изъ этихъ Указовъ данъ 14 Ноября. Отписку доколѣ присылать къ Боярину Петру Васильевичу Шереметеву.

[143] Грамота въ спискѣ со многими описками.

Далѣе изъ Климецкихъ актовъ видно, что расколъ къ концу XVII в. былъ повсемѣстенъ, и не только народъ, но и сами Священники были настоящіе Старообрядцы.

Отъ 1682 года сохранилась грамота Новгородскаго Митрополита, Корнилія, на имя Климецкаго Строителя, Өеодорита, о томъ, чтобы Священнослужители наставляли всѣхъ мужеска и женска пола съ двѣнадцатилѣтняго возраста «приходить въ Великій Постъ къ церкви Божіей, и всѣмъ необлѣнно поститься, объ ослушникахъ же присылать именные росписи, по коимъ и будетъ учинено раскольникамъ быть въ монастыряхъ въ заточеніи, доколѣ раскольничать не перестанутъ.»[144] Въ грамотѣ же 1683 г. Закащику Оштинскаго стану, Шелтозерскому Попу, прямо прописывается, что «Священники крестъ на себѣ полагаютъ не по новоисправленному изложенію, крестяся двумя персты, а не тремя большими персты десныя руки, сложенными вмѣстѣ.»[145] Очевидно, что и Священники увлечены были тогда общимъ стремленіемъ Олонецкаго края къ усвоенію себѣ раскола, какъ древняго благочестія.

Въ виду ослабленія раскола, церковная власть къ концу XVII вѣка посылала для этой цѣли въ Олонецкій край особую миссію и хлопотала о повсюдномъ распространеніи книги «Увѣта духовнаго.» Весьма любопытенъ разсказъ Митрополита Корнилія Архимандриту Хутынскаго монастыря, Евөимію, 1684 года, коимъ предписывается, чтобы онъ ѣхалъ на Олонецъ, и въ Олонецкій Уѣздъ, и въ Заонежскіе погосты, и выставки, и монастыри, для дознанія, есть ли у Поповъ и причетниковъ Заонежскихъ погостовъ списки съ книги: «Увѣта духовнаго,» посланной къ Попамъ въ 1683 и 1684 гг., и также не скрываются ли въ какихъ погостахъ бѣжавшіе изъ Новгорода и Новгородскаго Уѣзда раскольники: Ивашко Тетеркинъ, да Ивашко Коломенскій, да Ивановъ крестьянинъ Звіейко Кондратьевъ, да изъ подначала черный Попъ Геннадій Качаловъ, и не имѣется ли въ приходахъ и другихъ раскольниковъ какого либо чину? вмѣстѣ учинить Старостамъ заказъ тѣхъ раскольниковъ искать и посылать въ Новгородъ. Сверхъ того поручено Архимандриту, Евөимію, учинить заказъ, чтобы Попы дѣ-

---

[144] Грамота за печатью Митрополитскою.
[145] Грамота въ спискѣ.

тямъ своимъ духовнымъ въ Великій Постъ велѣли поститься и Таинъ Святыхъ пріобщаться, объ ослушникахъ же подать росписи на шестой или послѣдней недѣли Поста, а Закащики представятъ ихъ послѣ Великаго Дня, въ третье Воскресенье. Да 191 (1683) г. посланы были изъ Новгорода на Олонецъ и въ Олонецкій Уѣздъ изъ Заонежья Николаевскаго Островскаго монастыря Игуменъ Іосифъ [146] да Софійскій Священникъ Иванъ Васильевъ, отъ коихъ раскольники Пудожскаго, Оштинскаго и Андомскаго погостовъ и выставки Замошья укрылись, о чемъ было отписано къ Воеводѣ, и Дьяку, и Игумену Александрова монастыря, Герасиму, и по этому наказу также сдѣлать розыскъ. Ему же, Евфимію, поручено освидѣтельствовать, кто крестится и кто не крестится троеперстнымъ перстослагательнымъ крестомъ, и поучить противниковъ креститься троеперстнымъ сложеніемъ; также учинить наказъ крѣпкой, чтобы Попы вѣнчали и крестили младенцевъ каждый въ своемъ приходѣ, старыя Богослужебныя книги и деревянные сосуды отбирать, вдовыхъ Поповъ и чернецовъ, живущихъ въ мірѣ, разсылать въ монастыри: Палеостровскій, Александровъ и другіе.» [147] Судя по этому наказу, расколъ гнѣздился въ болѣе многолюдной части Олонецкой области, и до того былъ опасенъ, что нужно было для ослабленія его нарядить особую миссію, которая, какъ видно, больше ни чего не сдѣлала, какъ заставила раскольниковъ укрыться. Быть можетъ, этѣ-то шайки раскольниковъ удалились изъ своихъ селеній въ Повѣнецкіе лѣса, и тамъ увеличившись въ числѣ, въ послѣдствіи частію сожглись въ Палеостровѣ и Пудожскомъ погостѣ, а частію пополнили собою Выговскіе скиты.

V.

Исторія Климецкой обители въ XVIII вѣкѣ до ея упраздненія.

Съ началомъ XVIII вѣка въ Климецкомъ монастырѣ начинается новый порядокъ вещей. Иноки не ищутъ и не просятъ себѣ вещественной помощи у Московскаго Государя, который скоро

---

[146] О миссіи Іосифа въ Олонецкій край для обращенія раскольниковъ упоминается и въ «Розыскѣ Димитрія Ростовскаго.»

[147] Наказъ въ спискѣ.

заявилъ, что онъ самъ разчитываетъ на содѣйствіе монастырей, для осуществленія своихъ преобразовательныхъ намѣреній; они даже не продолжаютъ борьбы съ сосѣднимъ земствомъ, тянувшейся около двухъ сотъ лѣтъ. Вниманіе братства главнымъ образомъ обращено было на тѣ земли и угодья, коими удалось воспользоваться монастырю; выгоды, извлекаемыя изъ нихъ, были весьма значительны, такъ что Климецкое братство въ вещественномъ отношеніи было весьма обезпечено.

Съ 1695 по 1768 годъ, когда Климецкій монастырь былъ упраздненъ, имъ управляли одинъ за другимъ четыре Настоятеля: Александръ (1695—1707), Илія (1707—1725), Корнилій (1727—1746), Іоасафъ 3-й (1756 — 1762) и Пафнутій (1765 — 1768), по обычаю древнихъ лѣтъ, избранные братствомъ и утвержденные Новгородскими Владыками. Изъ прошенія Климецкаго Келаря, Варсонофія, Новгородскому Митрополиту, Іову, видно, что Строитель, Іеромонахъ Александръ, отказался отъ Строительства и, отправившись чрезъ Онего въ Толвую, утонулъ съ 4-мя монастырскими работниками, и по тому братія, избравъ на его мѣсто чернаго Священника, Илію, били челомъ Митрополиту объ утвержденіи его въ сей должности, такъ какъ онъ «человѣкъ доброй и небражникъ.»[148] Точно также выбранъ былъ и Строитель Корнилій, который утвержденъ былъ Вицепрезидентомъ Св. Синода, Архіепископомъ Новгородскимъ, Ѳеофаномъ, 17-го Мая, 1727 года.

Имѣя въ виду Государственную пользу въ самомъ началѣ XVIII вѣка, Царь Петръ повелѣлъ привести въ извѣстность имущества и доходы монастырей и прекратить всякую безрасчетливую и безотчетную трату денегъ, остававшихся отъ необходимыхъ расходовъ.

Конечно, по этой мысли и приказанію Царя, данъ былъ отъ Митрополита Новгородскаго, 1700 года, Генваря 2-го, Указъ Поповскому Старостѣ, Вытегорскаго погоста Попу Асону Стефанову, объ отобраніи отъ Строителя, Іеромонаха Александра, съ братіею, сказки о монастырскихъ владѣніяхъ и доходахъ. Строитель съ братіею сказали: «По Царскимъ жалованнымъ грамотамъ, писцовымъ книгамъ, крѣпостнымъ и даннымъ, на пропитаніе братіи дано земли и воды по 5 верстъ на всѣ четыре стороны, да двѣ дере-

---

[148] Прошеніе въ спискѣ.

вни, Рокса и Осиповщина; къ нимъ въ угодья даны: Кодонаволокъ, Березовая сельга, Кужевъперебъ, да для рыбныхъ ловель два озерка, Сусанно да Ястынское; по сими всѣми угодьями владѣютъ крестьяне Сѣнногубской волости, Викула Никитинъ и Савва Артемьевъ, «данные Коммиссару Датскаго Короля Андрею Ивановичу Бутенанту фонъ Резенбуту, по Указу Государя, къ его желѣзнымъ заводамъ уже многіе годы.» Сверхъ того монастырю дается руга, да есть двѣ плохія мельницы, которыя часто, за скудостію воды, стоятъ; крестьянъ, бобылей, слугъ и служебниковъ въ монастырѣ нѣтъ; братія же, въ числѣ двадцати человѣкъ, кормятся своими трудами и принимаютъ работниковъ.» [149] Здѣсь Строитель Александръ названъ «Заонежскія десятины Закащикомъ.»

Того же 1700-го года, Генваря 22, по Указу Митрополита Іова, Строитель, Іеромонахъ Александръ, и Келарь, монахъ Варсонофій, съ братіею, тому же Попу, Асопу Стефанову, дали доѣздъ, «чтобы Строитель деньги монастырскія ни на какія строенья, безъ имяннаго Указу изъ Большаго Дворца, не употреблялъ, а собиралъ ихъ и берегъ, для чего учинилъ книги на 9 тетрадяхъ. Въ тѣхъ же книгахъ написать монастырскихъ Стряпчихъ и Подьячихъ слугъ, служебниковъ и монаховъ, сколько кто получаетъ окладовъ, съ какого году въ монастырѣ, изъ какихъ чиновъ и по какому Указу.» [150]

Въ Апрѣлѣ 1701 г. пріѣзжалъ въ монастырь изъ Олонца, по Царскому Указу, какой то Подьячій, для записи малыхъ суденъ и карбасовъ на Государя, но Строитель Александръ показалъ, что «было у нихъ малое полукарбасье, но и то продано Бутенанту, ради Государевыхъ припасовъ громады ядеръ весть въ Новгородъ.» [151]

15 Генваря, 1704 года, были получены два Царскіе Указа изъ Монастырскаго Приказу къ Митрополиту Новгородскому Іову. На требованіе перваго изъ Указовъ Строитель Александръ сказалъ, что «въ ихъ монастырѣ ни Приказныхъ, ни Стряпчихъ и иного чина ни какого нѣтъ, въ хлѣбнѣ и поварнѣ работаютъ монахи,

---

[149] Сказка въ спискѣ.

[150] Доѣздъ также въ спискѣ.

[151] Показаніе Строителя Александра также въ спискѣ.

монастырскія всякія работы Кижскіе бобыли изъ найму.»[152] На запросъ втораго Указа о водяныхъ, оброчныхъ, запустѣлыхъ мельницахъ Строитель Александръ показалъ, что, «въ монастырѣ есть на Устьяндомѣ рѣчкѣ двѣ мельницы но на одномъ жорнову вымеливаютъ хлѣбъ въ годъ про монастырскій обиходъ, ржи 125 четв. 3 четверик., да на сторону 452 четв., взимается за работу съ четверти по 4 деньги, всего 8 руб. 16 алт. Сидятъ на мельницѣ старцы. Но этотъ хлѣбъ вымеливаютъ, когда вода бываетъ полая, а если нѣтъ, то и того не вымеливаютъ; ибо лѣтомъ въ сихъ малыхъ рѣчкахъ вода высыхаетъ, а зимою вымерзаетъ.»[153]

Хозяйство монастыря, какъ видно, все болѣе и болѣе улучшалось въ XVIII в. до самаго упраздненія монастыря. Изъ росписи посланнаго на Вятскую ярмарку монаха Даніила видно, что съ нимъ на четырехъ лошадяхъ отправлено было 150 пудовъ свѣжихъ и соленыхъ лососей, 230 пудовъ палей мелкой руки и 5 пудовъ рянушной икры. Значитъ, однѣ рыбныя ловли доставляли монастырю значительныя выгоды. Въ этомъ же году монастырь пріобрѣлъ еще нѣсколько земли и часть мельницы отъ сосѣднихъ крестьянъ.[154] Въ вѣдомости 1720 года, составленной по Указу Новгородскаго Архіепископа, Ѳеодосія, монастырское хозяйство описывается такъ: «Пахотной земли подъ монастыремъ 16 четвертей съ полу въ полѣ, а в дву по тому жъ. Въ эту землю въ 1720 г. посѣяно ржи 16 четвертей съ осминою, жита двѣ четверти съ осминою, овса 30 четвертей, 3 четверика, а всего 49 четвертей 3 четверика, а выросло и умолоту вышло 172 четверти и 1 четверикъ. Другою же монастырскою жалованною землею владѣютъ Сѣнногубскіе крестьяне разныхъ деревень. Изъ кружечныхъ и другихъ доходовъ выдачи монахамъ не бываетъ, а все употребляется въ расходъ, остается малое количество, гривны по двѣ

---

[152] Сказаніе Строителя Александра также въ спискѣ.

[153] Показаніе его же также въ спискѣ.

[154] Закладная Сѣнногубца, Никиты Иванова, Строителю, Іеромонаху Иліи, въ 20 р. двухъ пожней новоросчистей въ урочищѣ Лисьемъ лѣсу и въ урочищѣ Дядъостровахъ; 1710 г. два заемныхъ письма Лижемскихъ крестьянъ, Ивана Ильина и Козьмы Калинина, въ 17 руб., подъ залогъ половины изъ мельницы. Эта мельница въ 1713 г. и поступила во владѣніе монастыря.

и меньше, а иногда и съ долгомъ; а сѣна снимается по 90 возовъ и все употребляется на прокормъ скота.»[155] Такія же точно двѣ вѣдомости, почти безъ перемѣнъ, поданы были и въ 1721 г. Олонецкому Протопопу, Закащику Петру Гаврилову.[156] Еще лучше видно состояніе монастыря въ хозяйственномъ отношеніи изъ вѣдомости 1722 года: «На монастырскихъ земляхъ, частію коихъ завладѣли Сѣнногубскіе крестьяне, сѣется ржи 14 четвертей съ осминою въ тамошнюю мѣру, овса — 30 четвертей, 2 осмины. Выростаетъ, если Богъ даетъ, ржи 50 четвертей, 2 осмины, овса 80 четвертей 3 осмины. Сѣна накашивается до 100 возовъ. Сверхъ сего есть двѣ мельницы на копаномъ ручьѣ и Устьандомѣ рѣчкѣ двоеколесные; дохода съ нихъ по 15 руб. 50 к. Есть еще по даннымъ крѣпостямъ двѣ мельницы въ Лижемской волости и на рѣкѣ Устьандомѣ, которая нынѣ сгорѣла, и другая въ Песчанской волости крѣпостная на Тубѣ рѣчкѣ; доходу съ нихъ по 4 р. 50 к.; кромѣ того, строится еще вновь мельница о двухъ жерновахъ въ Лижемской волости... Изъ скота въ монастырѣ 22 коня таглыхъ, 30 подросниковъ, однолѣтковъ, двулѣтковъ и трехлѣтковъ, 40 коровъ, да подростковъ и недоростковъ 20-ть. Рыбныхъ ловель двѣ: одна въ Онегѣ, въ 5 верстахъ, гдѣ ловятся лососи въ осеннюю пору рѣдкими сѣтями и неводами, а другая въ Снежской Губѣ Череги, въ 40 верстахъ отъ монастыря, гдѣ ловится ряпушка частыми сѣтьми.[157]

За тѣмъ, въ какомъ отличномъ состояніи находилось монастырске хозяйство, о томъ можно судить по однимъ монастырскимъ заведеніямъ на Роксѣ. Здѣсь въ 1728 г., по порученію Строителя Корнилія, монахъ Тарасій у монаха Геннадія принялъ слѣдующее количество разнаго хлѣба: ржаной муки 14 четвертей, овсянной муки 10 ступъ, житной крупы 1 четверть, сѣмянной ржи 9 четвертей, ѣдомой 10 четвертей, овса сѣмяннаго 18 четвертей, жита 8 четвертей, домоваго жита 2 четверти, немолоченнаго овса 5 кучи, жатоіі ржи 155 бабокъ, до выкошенной

---

[155] Вѣдомость въ спискѣ.

[156] Вѣдѣніе Декабря 15, 1721 г., Климецкаго Строителя Иліи, Келаря Варсонофія, Олонецкаго Собора Протопопу, Закащику Петру Гаврилову; подобнаго же содержанія вѣдѣніе к. ему же Келаря Варсонофія 1721 г.

[157] Не написано, съ какою цѣлію составлена эта вѣдомость о состояніи монастыря.

ободъ.[158] Въ 1737 году хлѣба вымолочено было 146 четвертей а въ 1738 году 100 четвертей.[159] Кухонная посуда въ монастырѣ большею частію была мѣдная: «принялъ у бывшаго Келаря Варсанофія, сверхъ 28 скатертей, большихъ 15 мѣдныхъ котловъ, 10 мѣдныхъ мѣръ, чашу мѣдную кончатую, луженую, звонку мѣдную, 4 солопки мѣдныхъ и т. п.»[160]

Но если хорошо веденное хозяйство монастыря доставляло ему богатыя средства, за то мы не видимъ, чтобы онъ въ теченіи этого времени богатъ былъ вкладами и приношеніями. Извѣстно только, что въ 1740 году Кижскій крестьянинъ, Бадьинъ, пожертвовалъ въ Климецкій монастырь въ вѣчное владѣніе двѣ пожни, одну въ два заколья, и другую, называемую кошеной ободъ, въ 1002 заколья, на что и далъ поступное письмо.[161] Было еще одно, и единственное, приношеніе отъ Царствующей особы. Оно сдѣлано въ 1743 г. Императрицей Елисаветой Петровной. На основаніи преданія пишутъ,[162] что въ царствованіе ея, на пути въ Соловецкій монастырь, привелось заѣхать въ Клименецкую обитель одной приближенной къ Императрицѣ фрейлинѣ, которая, по возвращеніи въ Петербургъ, доложила Государынѣ о Климецкой обители, что мощи Преподобнаго ея основателя почиваютъ подъ спудомъ въ землѣ, не имѣютъ приличной гробницы и лежатъ подъ кровлею ветхой часовни. Императрица, узнавъ о томъ; немедленно послала казну свою на сооруженіе каменной церкви вмѣсто часовни надъ мощами Ктитора Іоны. Гробница надъ мощами Преподобнаго дѣйствительно устроена въ 1743 г., Октября 14, въ С.-Петербургѣ, въ царствованіе Императрицы Елисаветы Петровны. Равно существуетъ доселѣ и каменный храмъ, но обстоятельства, сопровождавшія пожертвованіе Императрицы, по документамъ монастырскимъ нѣсколько несогласны съ преданіемъ. Объ этомъ Царскомъ приношеніи сохранилось особое доношеніе Строителя Климецкаго монастыря, Іеромонаха Кормилія, Новгород-

---

[158] Роспись Монаха Тарасія о пріемѣ хлѣба на Рокcѣ 1728 г.

[159] Приходная книга Келаря Варсонофія о хлѣбѣ 1728 г.

[160] Выборъ Келаря схимонаха Варлаама въ Мартѣ 17.8 г.

[161] Закладная Бадьина на 1 пожню въ вѣчное владѣніе, за 10 руб. послѣдовала въ Маѣ, 1740 г. А на 2-ю пожню далъ поступное письмо въ томъ же году.

[162] Такъ пишетъ Преосвященный Игнатій въ «Краткомъ сказаніи о Климецкомъ монастырѣ.»

скому Архіепископу, Амвросію, отъ 1744 года, мѣсяца Августа. Въ томъ доношеніи сказано, что въ 1744 г. вкладчикъ Вонифатій Митрофановъ испросилъ у Императрицы Елисаветы Петровны 1063 руб., на каковыя деньги братія желаетъ выстроить каменную церковь во имя Пророка Захаріи и Праведной Елисаветы и на построеніе сей церкви испрашиваетъ Архипастырское разрѣшеніе.[163] Надобно полагать, что разрѣшеніе дано и тогда же приступлено къ постройкѣ церкви, но эта постройка, какъ увидимъ ниже, совершалась медленно, въ теченіи 13 лѣтъ.

Послѣ этого событія, замѣтнаго въ исторіи монастыря по тому, что вкладовъ въ него отъ Царскаго Дома не бывало отъ самаго его основанія, Климецкая обитель быстро начала пустѣть, до того пустѣть, что чрезъ два года, и именно въ 1746 г., не кому уже было совершить въ ея храмахъ божественной службы.

Царская руга получалась очень неисправно. Изъ прошенія Климецкаго Строителя Иліи видно, что ни денежной, ни хлѣбной, руги въ монастырь «не давано съ 1701 по 1709 годъ.[164] Съ этого года монастырь получалъ по временамъ ржи и овса по 14 четвертей[165] и жалованья на свѣчки 5 руб., 29 алт. 2 деньги. Хлѣбное и денежное жалованье выдавались изъ Канцеляріи Петровскихъ заводовъ, отъ Начальниковъ Вильгельма Ивановича Генина и Ландрата Григорья Өедоровича Муравьева (1713 — 1722).[166] Въ 1732 году, по Указу Ея Императорскаго Величества, изъ Государственной Штатсъ-Конторы въ Олонецкую Воеводскую Канцелярію, повелѣно «выдавать братіи Климецкаго монастыря за рожь и овесъ (14 четвертей) деньгами, по чемъ въ тѣхъ годахъ рожъ и овесъ цѣною, и производить деньги изъ Олонецкой Воеводской Канцеляріи, изъ неположенныхъ въ штатахъ доходовъ, впредь до опредѣленія Генеральнаго о томъ штата.»[167]

Оброки и подати въ Государственную казну монастырь взносилъ исправно; съ одной мельницы въ Лижемской волости, на

[163] Прошеніе на полулистѣ черновое.
[164] Прошеніе писано въ Февралѣ 1709 г.
[165] Вѣдѣніе Келаря Варсонофія 1721 г., Декабря 15.
[166] Вѣдомость о хозяйственномъ состояніи монастыря, не извѣстно по какому случаю составленная 1722 г.
[167] Указъ въ подлинникѣ.

рѣкѣ Устьяндомѣ, онъ платилъ 4 алт. 4 деньги, и съ другой въ Пещанской волости на рѣкѣ Тубѣ 5 алт. 4 ден. [168] Съ Богарадниковъ, посвятившихъ себя на служеніе монастырю, онъ взносилъ всѣ подати земскія и воинскія. [169] Подать платилась за 8 душъ бѣльцовъ въ разные годы, въ разномъ количествѣ, смотря по раскладкѣ. [170] Относительно этихъ бѣльцовъ, за которыхъ платилась подушина, въ сказкѣ Строителя Корнилія, 1738 г., пишется слѣдующее: «Въ подушный окладъ написано бѣльцовъ 8 душъ, но изъ нихъ, при генеральномъ осмотрѣ въ 1723 г., въ постриженіи было 6 человѣкъ, которые въ переписи гарнизоннаго баталіона Подполковника, Петра Ивановича Неплюева, изъ подушнаго окладу не выключены, съ тѣхъ поръ 2 бѣльца и 3 монаха померло, осталось 3, и то престарѣлыхъ.» [171] Не смотря, однако жь, на эту сказку, подать съ 8 душъ продолжалась еще и въ 1746 году. [172]

Церковная дань, которую монастырь платилъ также отчетливо

---

[168] Вѣдомость о хозяйственномъ состояніи монастыря 1723.

[169] Въ Апрѣлѣ 1704 г. Шуйскаго погоста Помѣщичьи крестьяне, Антонъ Евѳимовъ и Стахей Кузьминъ, взяли у Келаря Павла и Казначея Варсонофія съ душъ Климецкаго монастыря 2 р. 32 алт.

[170] Такъ въ 1729 г. Коммисаръ Иванъ Яковлевъ далъ роспиську о полученіи съ 8 душъ Климецкаго монастыря, по 23 к. съ души, 1 р. 84 к., коммисарскихъ по одной деньгѣ на рубль, за относъ полтины Олонецкихъ ходовъ 8 к. на С. П. Бургскій полкъ, въ Бѣлозерскую Провіантскую Канцелярію, 1731 г., Дек. 10, Олонецкой Канцеляріи отставной солдатъ Иванъ Сухой принялъ у монастырскаго Казначея въ рекрутскую складку съ 8 душъ по 30 к. съ каждой. Того же года Коммисаръ Петръ Михайловъ получилъ съ 8 душъ на С. П. Бургской полкъ 1 р. 84 к.; 1732 г., Дек. 31-го, росписка Земскаго Коммисара Григорія Воропанова, въ полученіи на С. П. Бургскій полкъ съ 8 душъ по 30 к., всего 2 р. 40 к. 1733 г., Марта 14-го, Нижиземской волости Староста Мартынъ Ѳедотовъ принялъ въ полковой дворъ подушныхъ на первую половину 733 г. съ 8 душъ Климецкаго монастыря по 3 р. 4 ден. съ души; 1734 г., Декабря 23, Капитанъ Василій Шестаковъ съ 8 душъ принялъ за Майску треть по 20 к. съ души, 1 р. 60 к. Пріемная росписка 1737 г. съ 8 душъ по 12 к.

[171] Сказка Строителя Корнилія объ 8 душахъ бѣльцовъ, положенныхъ въ окладъ въ Іюлѣ 1738 г.

[172] Въ 1748 г., Генваря 18, Солдатъ Олонецкой Воеводской Канцеляріи принялъ у Строителя Корнилія съ 8 душъ на драгунскихъ лошадей 80 к. Того же 1738 г., Іюля 19, съ 8 душъ Климецкаго и 1-й Соломенскаго монастырей приняты деньги за раскладку сѣна на рекрутскія повинности (сколько, не извѣстно); того же 1738 г., Дек. 28, квитанція солдата Корнилія Никифорова въ пріемѣ съ 8 душъ

ратно, состояла изъ 3 руб., 5 алт. и 2 ден. [173] кромѣ того онъ взносилъ еще нѣкоторую сумму на покупку писчей бумаги, свѣчъ и на другія потребы въ Олонецкое Духовное Правленіе. [174]

Но не одни только денежныя средства Климецкій монастырь доставлялъ въ домъ Софіи, Премудрости Божіей: онъ оказывалъ ему услуги и своими хлѣбными запасами. Государь Петръ I, посѣщая неоднократно Олонецкій край, имѣлъ случай видѣть

---

2 р. 8 к. подушныхъ, расходныхъ и проводныхъ 20 к. на вторую половину 1738 г. Въ Мартѣ 1739 г. росписка плательщика въ пріемѣ подушныхъ денегъ съ 8 душъ по 35 к. съ души, на Канцелярію, на жалованье Офицерамъ. По 2 к. на каждый рубль за относъ и подъ квитанцію 16 алт. Того же 1769 г. отпись въ пріемѣ подушныхъ денегъ по 35 к. съ души, да приказнымъ служителямъ по 2 к., всего до 1-го рубля, за 8 душъ Климецкаго монастыря; 1740 г. квитанція крестьянина Семенова въ пріемѣ съ 8 душъ по 18 к. на платежный рубль по 2 коп., на проводины 4 гривны, на вторую половину. Къ 29 Декабря 1741 г., по Указу Е. И. В. велѣно взыскать Соломенской пустыни служителю Гуру Григорьевичу изъ монастырской пустыни съ 3-хъ душъ и Климецкаго монастыря съ 8 душъ, съ каждой муки по 5 гарнцевъ, крупы $^{5}/_{16}$, овса по 2 четверика $^{15}/_{16}$ гарнца, сѣна по 5 пуд. $^{4}/_{10}$ фунт.; 1743 г. пріемная росписка Шуйскаго Старосты Петра Григорьева за 8 душъ Климецкаго монастыря и 1 душу Соломенской пустоши по 38 к. Того же года, Ноября 14, лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка капралъ Аѳанасій Матвѣевъ принялъ съ Климецкаго монастыря въ С. П. Бургъ на общія подворья для строенія. 1745 г. въ Мартѣ Шуйскій крестьянинъ Герасимъ Кононовъ принялъ денегъ 1-й половины съ 8 душъ по 35 к., накладная на 1 р. 2 к. 1746 г., Февраля 17, Шуйскаго погоста плательщики Иванъ Титовъ и проч. дали пріемную росписку Соломенской, Климецкой и Яшезерской пустыни жителямъ, Гуру Григорьевичу съ прочими, въ томъ, что приняли у Гура съ товарищемъ въ складу въ нарядъ, что спрашивается рекрутъ въ драгунскую и подъетмую 2 лошади, съ одной души Соименскаго монастыря, съ 8 Климецкаго и съ 3 душъ Машезерскаго.

[173] На пр., 1727 г., Марта 14. По Указу Ѳеофана, Архіепископа Новгородскаго, принято, для отдачи въ его казну, съ Климецкаго монастыря церковной дани 3 р. отвозныхъ 5 алт. 2 деньги; 1728 г., Февраля, такой же дани 3 р. 5 алт. 2 ден. принялъ Подъячій Иванъ Меньшій; 1731 г. церковной дани 3 р. 16 к., принялъ Коловыя десятины Попъ Ѳедоръ Савиновъ; 1732 г. 3 р. 5 алт. 2 ден. принялъ Олонецкой Николаевской церкви Попъ Семенъ Ивановъ.

[174] Такъ 173 г., Марта 10-го, духовныхъ дѣлъ Писарь Вукула Протопоповъ принялъ отъ Строителя и Казначея Варсонофія на покупку бумаги, свѣчъ и проч. въ Духовное Правленіе . . . . сколько, не сказано. Февраля 14, 1729 г., онъ же, Вукула, принялъ за 727 и 728 г. расходныхъ денегъ 25 алт. 2 д. 1733 г., Дек. 9-го Строитель Корнилій платилъ Олонецкому Духовному Правленію на бумагу, свѣчи, чернила, сургучъ и пр. 23 к.

здѣшнихъ раскольниковъ и бесѣдовать съ ними. Ему извѣстно было образовавшееся тогда Выгорѣцкое Белюповщинское общежительство, отличавшееся непримиримою враждою противъ Церкви Православной и опасное для Государства. Желая воздѣйствовать на нихъ, Государь, какъ извѣстно, Указомъ 1722 г., 22 Апрѣля, повелѣлъ Святѣйшему Синоду «въ раскольническіе скиты, которые обрѣтаются въ Олонецкомъ Уѣздѣ, немедленно послать духовное лицо для разглагольства о происходящемъ ихъ со Св. Церковію разногласіи и для увѣщанія ихъ.» Св. Синодъ назначилъ Іеромонаха Неофита, предоставивъ попеченіе о его продовольствіи Новгородскому Архіепископу, Ѳеодосію. Преосвященный указалъ давать ему «питомство» изъ Олонецкихъ монастырей, и въ томъ числѣ изъ Климецкаго. Вотъ Указъ о томъ Строителю, Іеромонаху Иліи, 11 Сентября, 1722 г.: «По Указу Его Императорскаго Величества и Святѣйшаго Правительствующаго Синода приговору, отправленъ, ради увѣщанія и обращенія церковныхъ противниковъ, Іеромонахъ Неофитъ въ Олонецкій Уѣздъ. По чему и велѣно всѣмъ въ томъ Уѣздѣ духовнаго сана людемъ въ требованіи онаго Іеромонаха и въ довольствѣ его пищею и въ дачѣ ему подводъ и служителей и прочаго, что чего имъ востребуется, быть ему послушнымъ, и имѣть его во всѣхъ того Уѣзда монастырѣхъ за начальствующее лицо, и почитать достойною честію, и ничего противнаго ему не чинить. Въ чемъ и вамъ достойно повиноваться ему долженствуетъ и по требованію ему питомства отправлять къ нему безотлагательно; а коликое чего въ оное питомство отправится, о томъ присылать въ Архіерейскій Разрядъ письменныя вѣдомости.» [175] Отъ 1724 г., Ноября 25, найдено письмо Іеромонаха Неофита къ Келарю Варсонофію и Казначею Даніилу, но оно не заключаетъ въ себѣ особенной важности. Изъ него видимъ, между прочимъ, что Неофитъ «вельми нуждался въ рыбѣ и сальнихъ свѣчахъ, и просилъ немедленно прислать недоплаченные припасы.» [176]

---

[175] Указъ Архіепископа Ѳеодосія о довольствованіи питомствомъ Неофита имѣется въ подлинникѣ.

[176] Неофитъ пишетъ: «Капитанъ Герасимъ Григорьевичъ Микулинъ ему объяснилъ, что въ вѣдомостяхъ монастырскихъ о переписи хлѣба забвеніемъ не написано, которой хлѣбной всякій запасъ, по Указу Архіерейскому, ему, Нифонту, на додовольное питомство опредѣлено имать съ монастырей. По чему онъ проситъ

Въ 1726 г. Климецкіе Келарь Варсонофій и Казначей Іосифъ продолжали доставлять ему «питомство» на Петровскій заводъ и, что особенно важно, доставляли ему говядину, вмѣсто рыбы, что было не только неприлично Іеромонаху, но и весьма опасно для успѣха его миссіонерскаго дѣла. Изъ росписи Псаломщика, Кондратья Яковлева, ѣздившаго съ припасами къ Неофиту на Петровскій заводъ, видно, что въ 1726 г. на него вышло хлѣба 6 четвертей. [177] Да къ тому же 1-го Генваря ему дано, вмѣсто лососей, мяса 2 пуда безъ 8 фунт., да свѣчь куплено на 10 алт., да деньгами дано 8 алт. 4 деньги. [178] Въ Октябрѣ за сиговъ вышло три ноги коровьихъ тушъ, да пудъ сала данъ на свѣчи, да денегъ за припасы, т. е., лукъ, чеснокъ, перецъ, уксусъ, муку пшеничную, масло семянное 2 рубли. [179] Отчетовъ за другое время не сохранилось въ монастырскомъ архивѣ. Положительно извѣстно только, что Олонецкій миссіонеръ, Іеромонахъ Неофитъ, съ 1722 г. по 1726 получалъ кормовое содержаніе отъ Климецкаго монастыря. [180]

Есть еще одинъ историческій документъ 1753 г., изъ котораго видно, что Климецкій монастырь доставлялъ содержаніе не одному заѣзжему миссіонеру Неофиту; это именно Указъ Архіепископа Ѳеофана изъ Новгородскаго Консисторіальнаго собранія. Въ немъ предписывается Климецкому Строителю, Корнилію, чтобы

на питаніе переписать вѣдомости и включить данный припасъ, каковыя вѣдомости и посылаетъ въ монастырь для заученья.»

[177] Роспись Климецкаго Келаря Варсонофія, по Указу Новгородскаго Архіепископа Ѳеодосія, о хлѣбѣ монастырскомъ, изъ коей видно, что въ 1726 г. вышло въ питомство Неофиту 6 четвертей.

[178] Роспись Климецкаго монастыря Псаломщика Кондратья Яковлева о томъ, какъ отпустилъ его Келарь Варсонофій въ Петрозаводскъ, гдѣ онъ пишетъ, что ѣздилъ съ письмоводствомъ къ Іеромонаху Неофиту. Роспись 1726 г., Генваря 1.

[179] Тамъ же.

[180] См. примѣч. 175, 176, 177 и 178. Несправедливо пишутъ нѣкоторые, будто Іеромонахъ Неофитъ вскорѣ послѣ подачи Выгорѣцкими пустынножителями отвѣтовъ на его вопросы (1723 г. въ Сент.) отозванъ былъ въ Петербургъ. Изъ документовъ Климецкаго монастыря мы видимъ, что ему даны на зиму припасы еще въ Октябрѣ 1726 г. По мѣстному преданію, Неофитъ скончался и погребенъ въ Петрозаводскѣ, въ Апрѣлѣ 1727 г., да и сами раскольники пишутъ (на пр., въ исторіи Семена Денисьевича), что Неофитъ, послѣ ихъ отвѣтословія, «чрезъ немногое время исчезе отъ житія сего.»

онъ требуемые отъ него припасы «на довольствованіе Іоасафа Архіепископа и Архимандрита Юрьевскаго присылалъ неотложно припасами, или деньгами.» [181]

Изъ несчастныхъ случаевъ Климецкой обители за разсматриваемый нами періодъ исторія сохранила для насъ память объ одномъ «Божьемъ посѣщеніи:» три деревянныя монастырскія церкви, во имя Живоначальныя Троицы, Николая Чудотворца и Срѣтенія Господня, 1709 г., въ Августѣ, отъ молніи сгорѣли безъ остатку; по чему изъ монастыря посланъ былъ монахъ Даніилъ къ Митрополиту Іову для испрошенія благословенія построить на прежнемъ мѣстѣ вновь церковь во славу Живоночальныя Троицы; Іовъ благословилъ, но съ тѣмъ, чтобы верхъ былъ не шатровый, алтарь круглый тройной, и только подъ этимъ условіемъ выдалъ антиминсъ. Новая церковь освящена была въ 1712 году, 23 Сентября.» [182]

Въ 1725 году Климецкая Обитель подверглась опасности потерять свою самостоятельность, вѣроятно, въ слѣдствіе Указа о подчиненіи маловотчинныхъ и безвотчинныхъ монастырей многовотчиннымъ: Климецкій монастырь приписанъ былъ къ Палеостровскому. Строитель сей послѣдней обители, монахъ Кириллъ, и Келарь, монахъ Варсонофій, явились для переписи и пріема имущества Климецкаго монастыря. Но распоряженія ихъ были непріятны и отяготительны для Климецкой братіи. Келарь Геннадій и Казначей Даніилъ жаловались Архіепископу Новгородскому, Өеофану, что «пріемщики въ ихъ монастырѣ побрали на себя и выдали своевольно разнымъ людямъ значительное количество монастырской казны, немало разнаго хлѣба, лососей, мѣдной и оловянной посуды, коровьяго масла, говяжьяго сала и проч.» [183] и отбирали потомъ неоднажды. Архіепископъ Өеофанъ Указомъ предписалъ изслѣдовать дѣло Кижскому Попу, Ивану Романову, и Шокшинскому, Тихону Антонову. Не извѣстно, [184] чѣмъ кончилось

---

[181] Указъ въ спискѣ.

[182] Подлинный Указъ Митрополита Іова, за печатью Митрополичьею и подписью Софійскаго дому Казначея Өеодосія.

[183] Челобитная Климецкаго монастыря работника Якова Карпова, по порученію Келаря Антонія и Казначея Даніила, на Палеостровскаго-Строителя, монаха Кирилла, и Келаря, монаха Варсонофія.

[184] Указъ въ спискѣ. Здѣсь прямо сказано, что Палеостровскаго монастыря Строи-

это слѣдствіе, но ни по вкладной книгѣ, ни по документамъ монастырскимъ, не видно, чтобы въ 1726 г. Климецкій монастырь находился подъ управленіемъ Палеостровскаго.

Съ 1743 года, какъ мы сказали, Климецкая Обитель быстро начала пустѣть, такъ что чрезъ три года некому было отравлять богослуженія. Въ слѣдствіе этого Келарь, схимонахъ Варсонофій, и Казначей, схимонахъ Германъ, съ братіею, вынуждены были обратиться въ Олонецкое Духовное Правленіе съ донесеніемъ, что въ Климецкомъ монастырѣ нѣтъ Священника не только для обыденнаго служенія, но и для Высокоторжественныхъ, Викторіальныхъ и другихъ подобнаго рода службъ, и просили имъ дать какого либо Священника, въ коемъ настояла великая нужда. [185]

Не знаемъ, гдѣ въ то время былъ Строитель Корнилій. По вкладной книгѣ онъ значится Строителемъ какъ въ этомъ 1746, такъ и въ слѣдующемъ 1747 году. Какъ бы то ни было, а монастырь клонился къ паденію.

Документовъ этого времени не сохранилось. По вкладной книгѣ 1748 года Строителя не было: управляли монастыремъ Келарь Варсонофій и Казначей Козьма. А съ 1750 по 1756 годъ монастырь находился подъ завѣдываніемъ Десятоначальника, Сѣнногубскаго Попа Ѳедора Козьмина, вмѣсто Келаря и Казначея правилъ Приказный, Михей Угревъ, въ 1751 г., Козьма Мерзлой, 1752 келарь Никита Монятинъ, въ 1758 Казначей Тарасъ Іудинъ.

Между тѣмъ построеніе новой церкви на пожертвованіе Императрицы мало по малу подвигалось впередъ и къ сему времени окончено. Указомъ изъ Новгородской Духовной Консисторіи въ Олонецкое Духовное Правленіе 1757 г., Февраля 24, предписано освятить каменную церковь въ Климецкомъ монастырѣ, во имя Праведныхъ Захаріи и Елисаветы, которая въ 1756 г., сказано тамъ, па пожалованную Императрицею Елисаветою Петровною сумму въ 1000 р., строеніемъ окончена и утварью снабжена. [186] Новопостроенная церковь по сему Указу и освящена 1757 г.

тель Кириллъ пріѣхалъ въ Климецкій монастырь для пріема монастыря подъ вѣдѣніе Палеостровскаго.

[185] Донесеніе это писано на полулисткѣ.

[186] Указъ имѣется въ подлинникѣ.

Іюня 2 дня, при Строителѣ Іоасафѣ, управлявшемъ обителію въ 1756—1761 г. [187]

Съ 1762 года по 1763-й снова завѣдывалъ монастыремъ Священникъ Ѳедоръ Козьминъ, какъ пишется во вкладной книгѣ; Келаремъ въ это время былъ Никита Монятинъ, Казначеемъ Мерзлой. Въ слѣдующемъ же 1764 предполагалось совсѣмъ упразднить монастырь, но это было остановлено стараніемъ Епископа Олонецкаго и Каргопольскаго, Іоанна, который сохранилъ цѣлость монастыря. Вотъ Указъ о томъ изъ Олонецкой Консисторіи новоопредѣленному Строителю Климецкаго монастыря, Іеромонаху Пафнутію, отъ 14 Генваря, 1765 года: «Его Преосвященство разсуждая, что Климецкій монастырь, по росписанію Новгородской Духовной Консисторіи, назначено упразднить, а монашествующихъ въ разныя мѣста развести; но монашествующіе имѣются престарѣлые и дряхлые, кромѣ того монастырь и въ Святыхъ церквахъ имѣетъ предовольное церковное благолѣпіе и каменную церковь, построенную на иждивеніе Императрицы Елисаветы Петровны, удовольствованъ серебрянными сосудами и ризницею; при томъ же и угодій монастырскихъ довольное число, коими монастырь довольствовался безъ оскудѣнія до сего времени и впредь до разсмотрѣнія можетъ еще оставаться на своемъ содержаніи; равно, чтобы и не прійти монастырю въ крайнее разореніе и опустошеніе, предписывается вновь опредѣленному Строителю, Іеромонаху Пафнутію, принять монастырь у Сѣнногубскаго Священника, Ѳедора Козьмина, къ тому же перевести въ братство монастыря изъ упраздненнаго Юрьевскаго монастыря монаховъ Варлаама и Антонія.» [188]

Строитель Пафнутій во вкладной книгѣ упоминается въ 1765—1768 годахъ.

Кромѣ изложенныхъ нами данныхъ, относящихся собственно къ исторіи Климецкаго монастыря, въ архивѣ его сохранилось отъ XVIII в. нѣсколько актовъ, касающихся Исторіи Государства и Русской Церкви вообще. Большая часть изъ нихъ давнымъ давно уже извѣстны, но мы не опускаемъ ихъ изъ виду и заносимъ ихъ

---

[187] Такъ значится по вкладной книгѣ.

[188] Указъ этотъ хранится въ подлинникѣ.

въ настоящую статью единственно только въ видахъ полнаго знакомства съ составомъ монастырскаго архива.

Относительно Царскаго Дома въ Климецкомъ монастырѣ имѣются слѣдующія письменныя извѣстія: 1. Богомольною грамотою Митрополита Іова 1714 г. на имя Строителя Кедринской пустыни, Іеромонаха Гавріила, извѣщено, что Іюля 12 Царевичу Алексѣю Петровичу и подружію его даровалъ Богъ дщерь, Наталію Алексѣевну, крещенную 18 Іюля, имянины же ея Августа 26. А Сентября противъ 8 числа у Царя Петра Алексѣевича и супруги его, Екатерины Алексѣевны, родилась дщерь, Маргарита Петровна, Порядокъ произношенія именъ Царской фамиліи опредѣленъ такой: «О Благовѣрномъ Государѣ Петрѣ Алексѣевичѣ и супругѣ его, Екатеринѣ Алексѣевнѣ, о Благовѣрномъ Царевичѣ Алексѣѣ Петровичѣ, и подружіи его, Благовѣрной Царевнѣ, Великой Княгинѣ, и о новорожденной Благовѣрной Княжнѣ Маргаритѣ Петровнѣ и Благовѣрной Великой Княжнѣ Наталіи Алексѣевнѣ.» [189]

2. Подъ 1718 годомъ, Апрѣля 2, встрѣчается Царскій Указъ Подьячему Семену Михайлову: «ѣхать ему къ Митрополиту Рязанскому и Муромскому, Стефану, а изъ Патріаршаго Разряда къ Преосвященному Аарону, Епископу Ладожскому и Карельскому, для объявленія Царскаго Указа во всѣхъ церквахъ Бога молить о наслѣдственномъ сынѣ Его Величества, Благовѣрномъ Царевичѣ Петрѣ Алексѣевичѣ, а потомъ о Царевичѣ Алексѣѣ Петровичѣ.» [190]

1719 г., Іюня 28, Указомъ отъ Аарона, Епископа Карельскаго и Ладожскаго, на имя Остречинскаго Попа, Димитрія Евтихіева, извѣщается, что «на день Тезоименитства Царевны Елисаветы Петровны прислано изъ Штатсъ-Конторы Коллегій 100 книгъ для раздачи въ монастыри и соборы, три книги изъ коихъ посылаются въ Ощтинскій, Водлозерскій и Вытегорскій станы, а въ подвѣдомые ему монастыри и церкви предписывается разослать копіи съ тѣхъ книгъ.» [191]

3. Сохранился также печальный документъ отъ 1726 г. Это не что иное, какъ обнародованіе отъ Св. Синода о кончинѣ Императора Петра Великаго, Генваря 28-го, 1726 г., послѣ двѣнадцати-

[189] Грамота была за печатью красною Архіерейскою.

[190] Указъ сохранился въ спискѣ.

[191] Указъ въ спискѣ.

дневной жестокой болѣзни. Въ этомъ же обнародованіи объявлено: «быть Наслѣдникомъ тому, кто по воли Императорской будетъ избранъ,» то удостоенная 1724 г. короною Императорскою супруга его, Екатерина Алексѣевна, за мужественные труды Государству, какъ въ Указѣ 1723 г., Ноября 15-го, объявлено, и вступила нынѣ въ управленіе Государствомъ. [192]

4. Отъ 1733 года находимъ списокъ съ Указа Св. Синода на имя Вицепрезидента, Архіепископа Новгородскаго, Θеофана, а отъ него Соборному Протопопу, Петру Гаврилову, о имѣющемъ быть короновавіи Ея Императорскаго Величества, Анны Ивановны, 28 Апрѣля, 1733 года. [193]

Изъ другихъ Государственныхъ актовъ въ Климецкимъ архивѣ уцѣлѣли:

5. Указъ Императора Петра Великаго, отъ 16 Сент., 1722 г., радостный для всей Россіи, и особенно для самого Царя, на Олонецъ отъ артилеріи Полковнику и Коменданту, Вильгельму Ивановичу Генингу, о томъ, что Септября 3 прибѣжалъ на Котлинъ островъ курьеръ изъ Конгресса Министровъ въ Ништатѣ съ трактатомъ вѣчнаго мира, заключеннаго 30 Августа, въ коемъ постановлено, что Корона Шведская уступаетъ намъ Лифляндію, Эстляндію, Ингрію и знатную часть Кареліи, съ городами: Ригою, Ревелемъ, Нарвою, Перновомъ, Выборгомъ и знатнымъ дистриктомъ изъ Финляндіи съ Эксгольмомъ. По сему и предписывается за такое миротвореніе, окончившее долгопротяжную войну, воздать Господу Богу благодареніе въ разныя времена троекратно: 1) въ самый день полученія Указа, съ семидневнымъ звономъ, какъ въ Свѣтлую Недѣлю Пасхи; 2) 22 Октября, и 3) въ предыдущемъ 1723 г., Генваря 22, съ такимъ же семидневнымъ звономъ. [194]

6. Отъ 1741 года объявленіе о взятіи Шведской крѣпости Вильманстранда Генералъ-Фельдмаршаломъ Графомъ Фонъ Ласси, Августа 22. Въ крѣпости взяты: командующій корпусомъ, Генералъ Врангель, нѣсколько Полковниковъ, Штабсъ и Оберъ Офи-

---

[192] Обнародованіе Св. Синода о кончинѣ Петра І-го и о восшествіи на престолъ Екатерины I имѣется въ спискѣ.

[193] Указъ въ спискѣ.

[194] Указъ въ спискѣ.

церовъ и болѣе 2-хъ тысячь рядовыхъ съ артиллеріею въ плѣнъ и проч. [195]

Изъ актовъ, имѣющихъ значеніе для Исторіи Русской Церкви замѣчательны:

1. Отъ 1710 года Указъ Митрополита Іова Заонежскія десятины, Закащику, Вытегорскому Попу, Семену Асонову. Вотъ его содержаніе: «1710 году, Декабря 6, въ письмѣ изъ Петербурга, за подписомъ Святѣйшаго Римскаго и Россійскаго Государствъ Князя и Герцога Ижорскаго, Генералъ Фельдмаршала и Губернатора С. П. Бургской Губерніи, Александра Даниловича Меньшикова, писано къ Митрополиту Іову, чтобы, по именному Царя Петра Алексѣевича Указу, во всѣхъ церквахъ С. П. Бургской Губерніи Св. Благовѣрнаго и Великаго Князя Александра Невскаго, Новгородскаго чудотворца, съ прочими Святыми на обычныхъ молитвахъ и литіяхъ и на отпустѣхъ вседневныхъ по чину Церковоему поминать всегда: по чему и предписывается въ церквахъ на Литіяхъ и въ водоосвященныхъ молитвахъ и на отпустѣхъ Субботнихъ воспоминати всѣмъ сицевымъ образомъ: «иже во Святыхъ Отецъ нашихъ Никиты, Нифонта, Іоанна, Евфимія, Іоны, Моисея и Серапіона, и Преподобныхъ и Богоносныхъ Отецъ нашихъ, Св. Благовѣрнаго Великаго Князя Александра Невскаго, во иноцѣхъ Алексія, Антонія Римлянина, Александра Свирскаго и прочихъ Новгородскихъ Чудотворцевъ.» На вседневныхъ же отпустахъ воспоминать по храмовомъ святомъ. [196]

2. Отъ 1712 года Указъ того же Митрополита, въ коемъ онъ предписываетъ Оштинскаго, Водлозерскаго и Вытегорскаго становъ Поповскому Старостѣ, Остречинскому Попу Димитрію Евстаѳіеву, о учиненіи строгаго заказу, чтобы монахамъ и монахинямъ быть въ своихъ монастыряхъ безысходно, въ иные монастыри безъ Указу не выходить и въ свои никого не пускать безъ отпускныхъ писаній, подъ опасеніемъ штрафа съ Архимандритовъ и Игуменовъ по 50 руб., съ Келарей по 30 руб., и съ прочихъ начальствующихъ по 10 рублей. [197]

3. Отъ 1721 года, 17 Генваря, Приказъ солдату Саввѣ Коно-

---

[195] Объявленіе на полулистѣ.

[196] Этотъ Указъ имѣется въ спискѣ.

[197] Указъ Митрополита Іова въ спискѣ.

нову, «ѣхать ему въ Шуйскую половину, въ пустыни Машеозерскую, Соломенскую, Троицкую, Важеостровскую, въ Лопскихъ погостахъ, въ Троицкую, Шуезерскую пустынь [198] и монастыри Палеостровскій и Климецкій, и осмотрѣть обрѣтающіеся въ нихъ древнія жалованныя грамоты и другіе куріальныя письма оригинальныя, также книги историческія рукописныя и печатныя, какія гдѣ найдутся, описать ихъ и послать артилеріи Полковнику Вильгему Ивановичу Генину, для отсылки въ Правительствующій Сенатъ.» [199]

Приведенный нами Приказъ отъ 17 Генваря, 1721 г., показываетъ, что у Петра Великаго явилась свѣтлая мысль разрабатывать науку Отечественной Исторіи по ея прямымъ источникамъ, скрывавшимся доселѣ въ нашихъ архивахъ, мысль, какъ видно, начинавшая уже осуществляться на дѣлѣ.

4. Отъ 1722, года Апрѣля 22, Указъ Св. Синода «о употребленіи находящихся у образовъ привѣсокъ на просфоры и вино церковное и другія нужнѣйшія потребности. А какъ нѣкоторыя привѣски могутъ имѣть большую цѣнность, на пр., древнія монеты, старинные по обычаю неграненые камни драгоцѣнные, то симъ Указомъ предписывается, для надлежащей ихъ оцѣнки присылать въ Св. Синодъ, а въ важнѣйшіе, богатые подобными привѣсками, монастыри послать знающихъ дѣло людей, для оцѣнки сихъ рѣдкостей.» [200]

5. Указъ Новгородскаго Архіепископа, Θеодосія, отъ 26 Іюля, коимъ предписывается Подъячему, Исааку Григорьеву, ѣхать въ Оштинскій, Выгозерскій и Водлозерскій станы, и отобрать изъ монастырей и церквей списки со всѣхъ грамотъ на мѣстности, требуемыя съ Камеръ-Коллегіи. [201]

6. Любопытный Указъ того же Архіепископа, Θеодосія, отъ 22 Сентября, Александро-Свирскому Архимандриту Кириллу, о томъ, что, по Указу Его Императорскаго Величества, изъ Св. Правитель-

[198] О пустыняхъ Машеозерской, Соломенской, Важеостровской, найдено нѣсколько документовъ въ Климецкомъ монастырѣ. Что касается Шуезерской пустыни, то ни какихъ свѣдѣній о ней не имѣется.

[199] Приказъ Кононову въ подлинникѣ.

[200] Списокъ съ напечатаннаго Синодальнаго Указу.

[201] Указъ въ спискѣ.

ствующаго Синода, приговорено въ С.-Петербургѣ, при Св. Синодѣ, а равно и въ Москвѣ, при церковномъ Духовномъ Правленіи опредѣлить по одному Протоинквизитору отъ духовныхъ персонъ, а въ великихъ Русскихъ городахъ во всѣхъ Епархіяхъ по Инквизитору, кои опредѣлены Марта 13, въ С.-Петербургѣ Невскаго монастыря Іеромонахъ Макарій, а въ Москвѣ Іеромонахъ Пафнутій. Но 1722 года, Іюля 10, Св. Синодъ усмотрѣлъ, что Протоинквизиторъ С.-Петербургскій не дѣятеленъ, а Московскій дѣятеленъ, и опредѣлилъ: «Протоинквизитору Московскому Пафнутію проходить какъ собственную должность, такъ и въ прочихъ, подчиненныхъ Протоинквизитору Макарію Инквизиторскую должность Епархіяхъ.» [202]

7. Отъ 1734 года Указъ изъ Новгородскаго Архіерейскаго Разряда о вытребованіи изъ Климецкаго монастыря Указа Императора Петра I (1725 г.) о монашествѣ и монахахъ, при чемъ Строитель Корнилій, возвративъ объявленіе о монахахъ и монашествѣ Дворянину Денису Ушакову, далъ отпись, что хуленія и противности оному Государеву Указу въ монастырѣ не было. [203]

8. Указъ Императрицы Анны Ивановны объ освобожденіи отъ запрещенія Епископа Вологодскаго и Бѣлоозерскаго, Аѳанасія, за учиненныя противности церковнымъ преданіямъ и Св. Отецъ и въ Лаодикіи бывшаго Собора 15 правила немалыя вины. [204]

9. Указъ той же Императрицы о явившихся по оговорамъ воровъ и Атамановъ Поповъ Рязанской Епархіи, Муромскаго Уѣзда, вотчины Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника, Князя, Кабинетъ-Министра, Алексѣя Михайловича Черкаскаго, села Селидьбы, Петра Алексѣева, виновныхъ въ воровствѣ. [205]

---

202 Указъ въ спискѣ.

203 Указъ въ подлинникѣ.

204 15-е правило Лаодикійскаго Собора гласитъ: «Безъ малыхъ ризецъ ни кто же на амвонъ да не взыдетъ.» Въ толкованіи этого правила, между прочимъ, сказано: «Имѣющему Священническое постриженіе на главѣ и благословеніе отъ своего пастыря, нѣсть инако како пѣти и чести на амвонѣ, аще не облечется въ малыя ризицы, малыя же ризицы глаголются фелонь.» Смотри Кормчую, начатую печатаніемъ при Патріархѣ Іосифѣ 1650 г., а оконченную при Патріархѣ Никонѣ 1653 г., на оборотѣ листъ 75.

205 Оба Указа на одномъ листѣ подъ заглавіемъ: «Копіи съ Указовъ Ея Императорскаго Величества, года неозначено.

VI.

Упраздненіе и возстановленіе Климецкой обители.

Упраздненіе Климецкаго монастыря началось съ 18 Февраля, 1769 года, при Строителѣ Пафнутіи, и совершилось въ 1772 году, Марта 6.

Дальнѣйшихъ свѣдѣній о томъ, подъ чьимъ завѣдываніемъ находилась съ тѣхъ поръ упраздненная обитель, или къ какой изъ сосѣднихъ церквей была приписана, мы вовсе не имѣемъ. Можемъ развѣ только догадываться, что Климецкій монастырь, по примѣру предшествовавшихъ годовъ, состоялъ въ вѣдѣніи причта Сѣнногубскаго прихода.

Въ этомъ переходномъ состояніи монастырь находился до 1809 года, когда Указомъ отъ 14 Марта, Епископъ Старорусскій Антоній, предписалъ опредѣлить въ пустыню причтъ, состоящій изъ одного Священника, Дьячка и Пономаря. Съ 1813 года заведены въ пустынѣ Исповѣдныя росписи, а съ 1820 г. Метрическія книги. Но вѣроятно содержаніе причта было слишкомъ недостаточно, по тому что Священники и причетники постоянно уклонялись отъ предлагаемаго имъ мѣста при Климецкой церкви, такъ что въ 1833 году въ наличности былъ только одинъ Пономарь. Правда, въ томъ же году опредѣленъ и Священникъ, но для облегченія содержанія, предписано быть ему входящимъ въ упраздненную Брусенскую пустынь.

По открытіи Олонецкой Епархіи, Преосвященный Игнатій, пріискивая способы для приличнаго содержанія вновь устрояемаго Архіерейскаго дома, обратилъ вниманіе на запустѣвшую Климецкую обитель съ ея храмами, землями и угодьями.

Сообразивъ всѣ выгоды, какія могутъ произойти отъ возстановленія Климецкаго монастыря, и для усердствующихъ къ Св. обители окрестныхъ жителей, и для пользы Архіерейскаго дома, Преосвященный Игнатій представилъ о томъ 27 Іюля, 1833 года, Св. Синоду, настоятельнѣйше испрашивая разрѣшенія возстановить упраздненный монастырь въ прежнемъ его видѣ, съ припискою къ Архіерейскому дому.

Св. Синодъ, принявъ во вниманіе, что Климецкій монастырь пользуется особеннымъ народнымъ уваженіемъ; что одинъ храмъ

воздвигнутъ въ немъ щедротами Императрицы Елисаветы Петровны, но со времени упраздненія, по отдаленности отъ селеній, ни разу не имѣлъ Священнослужителей; что многіе изъ жителей, готовы жертвовать на устройство обители своими приношеніями, и одинъ изъ нихъ предлагалъ уже 1600 р., мнѣніемъ своимъ, отъ 4 Октября, 1833 г., положилъ: «Климецкій упраздненный монастырь, со всѣми землями и угодьями, приписать навсегда къ Олонецкому Архіерейскому дому.» Каковое предположеніе Святѣйшаго Синода Государь Императоръ 7-го Октября Высочайше утвердить соизволилъ. [206]

Получивъ сей Указъ, Преосвященный Игнатій сдалъ его въ Консисторію «къ немедленному и обстоятельному распоряженію.»

По справкѣ въ Консисторіи оказалось: «Въ пустынѣ Климецкой имѣются три церкви: 1-я, устроенная въ (7220) 1712 году, во имя Живоначальныя Троицы; 2-я, построенная въ (7227) 1719 году, во имя Срѣтенія Господня, обѣ деревянныя однопрестольныя; 3-я, построенная въ 1757 г., во имя Святыхъ и Праведныхъ Захаріи и Елисаветы, каменная съ предѣломъ во имя Святителя и Чудотворца Николая. Утварью церковною достаточны. Земли при церквахъ имѣется: пахотной 38, сѣнокосной 31 и лѣсопорослой 161 десятина. Изъ причта на лицо состоитъ: Священникъ, Михаилъ Матвѣевъ Архангельскій, произведенный въ пустынь Августа 15-го, 1833 г., съ опредѣленіемъ быть входящимъ въ Брусенской пустынѣ. Дьяческое мѣсто праздно. Пономарь, Дмитрій Ивановъ, опредѣленъ въ пустынь 1815 г., Іюля 18.» Консисторія опредѣлила: «Священника перевесть въ Брусенскую пустынь; Пономарю объявить, чтобы онъ пріискивалъ мѣсто, а пріемъ церквей, имущества и документовъ по описямъ, земель по планамъ, предоставить Економу Архіерейскаго дома.» Каковое опредѣленіе, по утвержденіи Преосвященнымъ Игнатіемъ, и приведено въ исполненіе.

Послѣ того приступлено было къ устройству обители. Прежде всего возстановлена церковь во имя Св. Захаріи и Елисаветы внѣшнею и внутреннею отдѣлкою. Въ ней поставленъ новый иконостасъ, перестланъ полъ. Стѣны внутри и снаружи вы-

---

[206] Дѣло въ Олонецкой Консисторіи о припискѣ Климецкой пустыни къ Архіерейскому дому, начавшееся 24 Іюня, 1833 г.

бѣлены. Освященіе храма, въ возобновленомъ видѣ, происходило 31-го Марта, 1840 года. [207]

Въ 1843 г. старинная деревянная церковь Срѣтенія Господня перестроена и освящена во имя Святителя и Чудотворца Николая. Съ тѣхъ поръ воcстановленный Климецкій монастырь началъ приходить постепенно въ лучшее и лучшее состояніе.

VII.

Климецкая обитель въ настоящее время.

Замѣчательныхъ древностей въ обители до нашего времени сохранилось немного. Кромѣ упомянутыхъ нами четырехъ колоколовъ, отличающихся пріятными звуками, и 16-ти богослужебныхъ книгъ, достойны еще вниманія слѣдующія книги:

1. Въ церкви Николая Чудотворца Евангеліе, «печатанное въ царствующемъ градѣ Москвѣ, въ лѣто 7144, Августа въ 1 день, при Царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, въ 24 лѣто царствованія и въ третье лѣто патріаршества отца его и богомольца, Киръ Іосифа, Патріарха Московскаго и всея Россіи.» Евангеліе пожертвовано въ монастырь Московскимъ Протоіереемъ Никитою церкви Благавѣщенія Господня, что во дворѣ Государевомъ.

2. Въ придѣлѣ Срѣтенія Господня Евангеліе, «печатано въ царствующемъ градѣ Москвѣ, въ лѣто 7147, мѣсяца Іюля въ 16 день, въ 27 лѣто благочестивыя державы Царства его, Государя Царя и Великаго Князя, Михаила Ѳеодоровича, всеа Русіи, и въ 7-е лѣто патріаршества отца его и богомольца, Киръ Іосифа, Патріарха Московскаго и всея Русіи.» Оно пожертвовано при Игуменѣ Варлаамѣ и Келарѣ Павлѣ съ братіею Ѳедоромъ Максимовичемъ Мамошкинымъ.

3. Въ той же церкви Апостолъ, «печатанный при Царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, въ 26 лѣто царствованія его, и при Патріархѣ Киръ Іосифѣ, въ 5-е лѣто патріаршества его.»

4. Есть еще Требникъ, печатанный при Патріархѣ Іовѣ Невѣжею.

Въ настоящее время всѣ три храма обители благоукрашенны.

---

[207] Краткое извѣстіе о Климецкомъ монастырѣ, Преосвященнаго Игнатія.

Красивыя чешуйчатыя главы Троицкой церкви покрыты жестью и ярко горятъ при солнечныхъ лучахъ. Стѣны храма во имя Захаріи и Елисаветы расписаны живописью. Выстроена новая каменная колокольня и каменная же ограда, обращенная къ озеру Онегу. Когда приближаешься къ обители по озеру, то зданія ея далеко бѣлѣются, какъ будто въ волнахъ Онежскихъ водъ, или купаясь въ зелени деревъ; а по мѣрѣ отдаленія отъ обители они постепенно теряются въ туманѣ, и наконецъ едва виднѣясь, какъ бы сквозь дымчатую сѣтку, представляютъ красивую картину.

Самое мѣстоположеніе обители отличается особенною красотою. Ее окружаютъ лѣса и поля; у самыхъ воротъ вѣчно шумятъ Онежскія волны, а вдали рѣютъ паруса судовъ. Все это вмѣстѣ производитъ весьма сильное впечатлѣніе на душу, расположенную къ уединенію. По тому-то, говорятъ, покойный преосвященный Игнатій не разъ высказывалъ мысль свою избрать Климецкую Обитель мѣстомъ своего покоя.

СПИСОКЪ.

Настоятелей Климецкаго монастыря:

1. Преподобный Іона, основавшій обитель около 1520 г., преставился...... 1534 г.

ИГУМЕНЫ:

2. Прохоръ........................... около 1520 г.
3. Діонисій........................... около 1540 г.
4. Тихонъ........................... 1582—1583 г.
5. Филиппъ........................... около 1590 г.
6. Варсонофій........................... 1596 г.
7. Германъ........................... 1599 г.
8. Кипріанъ........................... 1600—1609 г.
9. Геннадій........................... 1611—1615 г.
10. Арсеній........................... 1617—1628 г.
11. Герасимъ........................... 1628—1632 г.
12. Аркадій........................... 1632—1638 г.
13. Варлаамъ 1-й........................... 1639—1642 г.

14.	Іоасафъ 1-й	1643—1647 г.
15.	Игнатіи	1648 г.
16.	Илія 1-й	1649—1660 г.
17.	Гедеонъ	1661—1664 г.

СТРОИТЕЛИ:

18.	Іоасафъ 2-й	1664—1675 г.
19.	Илія 2-й	1676 г.
20.	Θеодосій	1677—1688 г.
21.	Сергій	1689 г.
22.	Варлаамъ 2-й	1690—1694 г.
23.	Александръ	1695—1707 г.
24.	Илія 3-й	1707—1725 г.
25.	Корнилій	1727—1746 г.
26.	Іоасафъ 3-й	1756—1762 г.
27.	Пафнутій	1765—1768 г.

VIII.

Упраздненныя пустыни, бывшія нѣкогда въ завѣдываніи Климецкаго монастыря.

Въ актахъ Климецкаго монастыря мы встрѣчаемъ нѣсколько документовъ касательно обителей Брусенской Петропавловской на тридевять косахъ, Важеостровской, Сунорѣцкой. Но обители этѣ никогда не были подчинены Климецкому монастырю. Въ завѣдываніи его, и то на самое краткое время, находились только три обители: Машеозерская, Соломенская и Яшеозерская. Къ сожалѣнію, извѣстія о нихъ мы нашли очень скудныя. Подѣлимся тѣмъ, что имѣемъ.

А. Машеозерскій монастырь.

Машеозерскій мужской Ильинскій монастырь находился на островѣ озера Машезера, отъ города Петрозаводска къ югозападу въ 22 верстахъ. Островъ, на которомъ былъ расположенъ монастырь, очень не великъ, не болѣе версты въ окружности;

за то весьма красивъ, въ особенности тѣмъ, что берега его кругомъ оттѣнены развѣсистыми деревами. Самое озеро также не слишкомъ велико, до 15 верстъ въ окружности, окаймлено со всѣхъ сторонъ отлогими берегами, поросшими густымъ лѣсомъ; по мѣстамъ виднѣются нѣсколько хижинъ малыхъ деревень.

Монастырь Машеозерскій основанъ въ 1563 году Священноинокомъ Іоасафомъ,- бывшимъ Игуменомъ Александро-Свирскаго монастыря. Извѣстіе о семъ мы нашли въ спискѣ съ надписи на алтарномъ крестѣ церкви Машеозерской пустыни. [208] Въ этой надписи значится: «Освятися церковь сія во имя Св. славнаго Пророка Иліи лѣта 7072 (1564), мѣсяца Октября въ 1 день, на память Покрова Пресвятыя Богородицы, при Благовѣрномъ Царѣ и Великомъ Князѣ Иванѣ Васильевичѣ, при Митрополитѣ Макаріѣ и при Архіепископѣ Пиминѣ, а поставилъ церковь сію Священноинокъ Іосафъ, бывшій Игуменъ Александровы пустыни, да старецъ Игнатей, да Келарь Павелъ, да Володимеръ, да Ѳедоръ, да Иванъ, да Ѳементій. Начало монастырю, сему общежитію, лѣта 7071 (1563), по благословенію Архіепископа Пимена Великаго Новаграда и Пскова, а вложися вкладчиковъ того года 20 человѣкъ.»

Недолго послѣ сего основанія обитель Машеозерская наслаждалась тишиною. Обитавшіе въ ней иноки жаловались Царю Ѳедору Ивановичу, что «въ 90 (1592) году приходили къ нимъ Нѣмецкіе люди войною, и монастырь воевали, и старцевъ побили, и церковное строеніе, книги, и ризы, и свѣчи, и всякое церковное строеніе ихъ монастырское поимали, и всякой запасъ, а жалованья денежнаго и хлѣбнаго не йдетъ ничего, і имъ, де, церкви Божіи и монастыря строить и самимъ питаться не чѣмъ.» Царь Ѳедоръ Ивановичъ освободилъ земли монастырскія отъ всѣхъ повинностей и пожаловалъ монастырю многія другія привилегіи. Подобную же жалованную грамоту далъ монастырю Царь Василій Ивановичъ Шуйскій. Но обѣ этѣ грамоты, «отъ Литовскихъ людей и отъ Русскихъ воровъ изодраны.» [209]

---

218 Списокъ съ этой надписи доставленъ въ Климецкій монастырь 1745 г., въ Маѣ, управлявшимъ тогда Машеозерскою пустынею монахомъ Геннадіемъ.

209 Это было, по видимому, въ 1612 г., когда весь Олонецкій край подвергся разоренію отъ нашествія «Литовскихъ людей и Русскихъ воровъ.»

По сему Игуменъ Макарій съ братіею били челомъ Царю Михайлу Өедоровичу, чтобы онъ «пожаловалъ, велѣлъ переписать та грамота противъ прежнихъ грамотъ на ево, Царево и Великово Князя, Михаила Өеодоровича, імя, и рудить тое грамоты у нихъ не велѣлъ никому ничѣмъ, а велѣлъ у нихъ о всемъ ходить по тому, какъ у нихъ въ старой грамотѣ написано.» Царь Михаилъ Өедоровичъ 1620 г., Іюля 27 дня, подтвердилъ грамоты прежнихъ Царей въ такомъ видѣ: «Азъ Царь и Великій Князь, Михаилъ Өеодоровичъ всея Русіи, Ільинскаго монастыря Игумена Макарія з братіею, или хто по немъ в томъ монастырѣ иный Игуменъ будетъ, пожаловалъ: съ Ильинскаго монастыря съ Машезера, съ ихъ монастырское пашни съ чети выти, нашихъ ямскихъ и приметныхъ денегъ, и посохъ и всякихъ кормовъ, и сошного хлѣба, и ямское строеніе и во всякіе наши подати не имать, и въ Онегѣ озерѣ ловить на монастырской обиходъ соймою рыбу, неводомъ, судномъ, безоброчно, какъ иные наши крестьяне Остречинскаго погоста ловятъ безоброчно жъ. А купить и продать на монастырской обиходъ, отъѣзжати по городомъ и по торжкомъ, зимою на пяти лошадѣхъ, а лѣтомъ Карельскимъ посадомъ вездѣ безпошлинно. А наши Намѣстники и всякіе наши приказные люди съ нихъ таможенныя пошлины не емлютъ, и лѣсъ имъ черной въ Остречинскомъ погостѣ на монастырской обиходъ сечи безъявочно, и пахати, и съ старцевъ и слугъ монастырскихъ, и со крестьянъ наши пошлинные люди и откупщики мостовщины и перевозовъ не емлютъ. А кому до нихъ, монастырскихъ слугъ и до крестьянъ, какое будетъ дѣло, чево кому на нихъ искать, и наши Приставы пишутъ имъ одинъ срокъ въ году, на Крещеніе Христово, а опричь того сроку по нихъ Приставы наши не ѣздятъ и сроковъ на нихъ не намѣтываютъ. А хто на нихъ накинетъ срокъ не по тому ихъ сроку, и азъ имъ къ тому сроку ѣздить не велѣлъ же, и та безсудная не въ безсудную.» [210]

Эти преимущества и льготы, данные обители для того, какъ сказано въ жалованной грамотѣ, «чтобы въ монастырѣ церковь и монастырь устроить и самимъ питатися,» послужили къ благоустройству Машеозерскаго общежительства. Не долѣе, какъ чрезъ

---

[210] Эта жалованная грамота найдена въ спискѣ на листѣ, писанномъ уставнымъ почеркомъ; по видимому, это списокъ современный.

8 лѣтъ, монастырь успѣлъ пообстроиться и завестись порядочнымъ хозяйствомъ. По описанію въ писцовыхъ книгахъ Князя Ивана Долгорукаго 1628 — 1629 г.,[211] состояніе Машеозерскаго монастыря представляется въ слѣдующемъ видѣ:

«Въ Остречинскомъ погостѣ, въ Ладвинской выставки, монастырь Ильинскій на Машъ-озерѣ, на острову. А въ монастырѣ церковь Ильи Пророка, древяна клѣцки, верхъ шатровый. А въ церкви образовъ: образъ мѣстный Ильи Пророка, обложенъ серебромъ, окладъ басменъ золоченъ, вѣнецъ и гривна серебрянны, басмены золочены; образъ мѣстный Ильи жъ Пророка въ одѣяньи на золотѣ; образъ мѣстной Пресвятыя Богородицы Одигитріи на золотѣ; образъ Николы Чудотворца на золотѣ жъ; образъ мѣстной Александра Свирскаго Чудотворца на золотѣ; образъ мѣстный Георгія Страстотерпца на золотѣ; Деисусъ и двери царскіе, и сѣни, и столбцы на краскѣ; передъ Деисусомъ два паникадила мѣдные, одно о двѣнадцати шандалѣхъ, а другое о шести шандалѣхъ, да въ алтарѣ за престоломъ образъ Пресвятыя Богородицы Воплощеніе на золотѣ, да на другой сторонѣ образъ Ильи Пророка, да Николы Чудотворца, да Василья Кесарійскаго на краскѣ; крестъ запрестольный выносной на краскѣ; крестъ благословящій выносной на деревѣ, индитья полотняная, покровъ выбойчатый.

«Другая церковь Кесарійскаго древяна клѣцки, теплая съ трапезою, а въ церкви образовъ: образъ мѣстный Василья Кесарійскаго на золотѣ; образъ мѣстной Пресвятыя Богородицы Одигитріи на золотѣ; Деисусъ и двери царскіе, сѣни и столбцы на краскѣ; да въ олтарѣ за престоломъ образъ Пресвятыя Богородицы Знаменіе, а на другой сторонѣ образъ Николы Чудотворца на золотѣ; да крестъ запрестольный выносной на краскѣ, крестъ благословящей на краскѣ; сосуды церковные, потиръ и блюдо и звѣзда оловянные, покровцы и воздухъ таетяные, на престолѣ индитья выбойчатая, покровъ крашенинный, блюдо большое мѣдное; ризы и стихарь полотняные, оплечье выбойчатое, поручи и патрахѣль изуфрь червчатая, двѣ ширинки полотняные шиты шолкомъ, кадило и укропникъ мѣдные. Да въ той же церкви книгъ: Евангеліе напрестольное письменное въ десть, оболочено

[211] Древніе Историческіе памятники Олонецкаго края, перепечатано изъ Олонецкихъ Губернскихъ Вѣдомостей. Петрозаводскъ, 1849 г., стр. 31—32.

камкою желтою, Евангелисты и средина мѣдные, басманы, позолочены.... прочихъ письменныхъ книгъ 18.

«Да на колокольницѣ четыре колокола, а въ нихъ повмѣстѣ пудъ съ семь.

«Да въ монастырѣ жъ кельи, а въ нихъ живетъ черной Попъ да старецъ, да десять мѣстъ келейныхъ.

«Да на томъ же острову дворъ конюшенной, да на берегу дворъ коровницкій; да у того жъ коровницкаго двора на черномъ лѣсу на новыхъ росчистяхъ монастырскіе пашни паханые добрые земли четверть въ полѣ и в дву по тому жъ, сѣна 5 копенъ, а старцы и детеныши пашутъ на монастырь. Да Ильинскаго жъ Машьозерскаго монастыря вотчиные деревни Мошниковская на Мать-озерѣ, Горянковская, на Мать-озерѣ, деревня, что была пустошь Висляковская, на рѣкѣ на Сажѣ мельница монастырская большая, колесная съ толчеею, объ однихъ жерновахъ, а поставлена и мелетъ безоброчно тому пять лѣтъ.

«І всего въ Машеозерской вотчинѣ три деревни живущихъ, а въ нихъ семь дворовъ крестьянскихъ, а людей въ нихъ то жъ, да ихъ братьевъ и дѣтей 12 человѣкъ, да дворъ бобыльской, а въ немъ человѣкъ. Крестьянскіе пашни паханые добрые земли двѣ четверти съ осминою, да крестьянские жъ перехожие пашни паханые, что осталось за живущими вытьми семь четей съ осминою, въ живущемъ четверть выти, да въ перехожей пашни выть безъ четверика, въ сошномъ письмѣ крестьянские живущие пашни семь четей съ осминою. И обоего крестьянские пашни паханые и перехожие десять четей, въ живущей и въ перехожей пашни выть въ сошномъ письмѣ четвертнею пашнею десять же четей, сѣна 65 копенъ.»

Послѣ писцовыхъ книгъ Князя Долгорукаго немного находимъ письменныхъ памятниковъ о Машезерской пустынѣ, принадлежащихъ XVII столѣтію. Намъ извѣстно, что въ 1669 году былъ Строителемъ Машеозерской пустыни старецъ Серапіонъ. А въ 1693 г. деревянная церковь во имя Св. Василія Великаго, существующая и доселѣ, построена, не извѣстно по какому случаю, вновь, какъ значится въ надписи на дскѣ надъ западными дверьми: «7191 (1693) года поставленъ бысть храмъ во имя Св. Василія Великаго, при Благовѣрныхъ Царехъ и Великихъ Князѣхъ,

Іоаннѣ и Петрѣ Алексѣевичахъ, всея Великія и Бѣлыя и Малыя Россіи Самодержцѣхъ.» [212]

Въ 1689 г. управлялъ Машезерскимъ монастыремъ Строитель старецъ Макарій, какъ видимъ изъ «Досмотра и сказки» о монастырскихъ земляхъ и сѣнныхъ покосахъ Подьячего Олонецкой Приказной Избы Потапа Ростовцева. [213]

---

[212] О старцѣ Серапіонѣ упоминается въ памяти Воеводы Замятни Леонтьева, 7176 г., Сентября; она за печатью чернаго воску. О надписи см. «Описаніе Олонецкой Губерніи въ историческомъ, статистичес комъ и этнографическомъ отношеніяхъ, составленное В. Дашковымъ.» С. П. Б. 1842 г., стр. 110.

[213] Списокъ съ дѣла сказки и досмотру, на свиткѣ, найденъ въ Климецкомъ монастырѣ. Начинается такъ: «173 (1689) году, Іюня въ 21 день, на Олонцѣ, въ Приказной Избѣ, передъ Думнымъ Дворяниномъ и Воеводою, передъ Иваномъ Богдановичемъ Левчиковымъ, да передъ Дьякомъ Иваномъ Ивановымъ, Олонецкой Приказной Избы Подъячей Потапко Ростовцевъ сказалъ» и пр. Досмотръ земель Машеозерскаго монастыря произведенъ по челобитью Строителя, старца Макарія, съ братіею, о насильственномъ завладѣніи сѣнными покосами на рѣкѣ Лососинницѣ, отъ Оленья порога до сосноваго ручья, Шуйскаго погоста, Лососинской волости жителями, Мирошкою Симучевымъ съ товарищи. Для любопытства предлагаемъ здѣсь отрывокъ изъ старинныхъ нашихъ досмотровъ: «Почелася межа отъ Салма мху на Крестную гору, ставши съ мосту на прислонъ, а разстоянія отъ Салма мху до Крестной горы двѣ версты, а отъ Крестной горы до водянаго болота вышли два ручейка и сошлися вмѣстѣ, у того ручейка на корбѣ сысканъ въ сухой ели крестъ, а разстоянія межъ крестною горою до того креста посмѣтили версты три, а отъ того воданаго болота и отъ креста до Коткозера разстоянія посмѣтили версты съ четыре, а отъ Коткоозера и Лососинницы рѣки къ Оленью порогу по берегу разстоянія двѣ версты, а отъ Оленья порога вверхъ, перешедъ рѣку Лососинницу, черезъ наволокъ прямо къ сосновому ручью и устью версты двѣ, а отъ того Оленья жъ порога подлѣ рѣки Лососинницы по берегу, по лѣвой рукѣ, до Сосноваго жъ ручья верстъ пять; а въ томъ мѣстѣ межъ Оленьимъ порогомъ и межъ Сосновымъ ручьемъ по лѣвую сторону подлѣ рѣки Лососинницы до устья Сажи рѣчки сѣнныя покосы монастырскія, по смѣтѣ возовъ на десять; отъ того жъ Оленья порога вверхъ, по правую сторону въ наволокѣ, подлѣ тое жъ Лососинницы рѣки до Сосноваго ручья и по лѣвую сторону тое жъ рѣки Лососинницы, отъ Сажи рѣчки до устья Сосноваго ручья, сѣнныя покосы Шуйскаго погоста, Лососинской волости Государскихъ крестьянъ, Мирошки Симучева съ товарищи; у нихъ, Мирошки съ товарищи, въ томъ урочищѣ межъ Оленьимъ порогомъ и Сосновымъ ручьемъ, на сто возовъ слишкомъ, а въ томъ мѣстѣ межъ Оленьимъ порогомъ и до Сосноваго ручья по лѣвую сторону о сѣнныхъ покосахъ Машеозерскаго монастыря у Строителя старца Макарія съ братіею съ Государскими крестьяны Лососинской волости, съ Мирошкой Симучевымъ съ товарищи, учинился споръ; а отъ Сосноваго ручья впрямь на Сокирью гору, на середку, на высокое мѣсто,

За тѣмъ въ первой половинѣ XVIII столѣтія Машеозерскій монастырь потерялъ свою самостоятельность и приписанъ былъ къ Климецкому монастырю. [214]

Письменныхъ памятниковъ, найденныхъ въ Климецкомъ монастырѣ о запустѣвшей обители Машеозерской, и отъ этого времени сохранилось весьма мало.

Мы узнаемъ только, что въ 1731 г. завѣдывалъ Машеозерскимъ монастыремъ служебникъ Григорій Семеновъ. [215]

1742 года служителю Соломенской пустыни, Гуру Григорьеву, велѣно взыскать съ 4 душъ крестьянъ Машеозерской пустыни по извѣстной мѣрѣ разнаго хлѣба и сѣна. [216] 1743 года, Февраля 7, изъ Важенскаго погоста Попъ Иванъ Михайловъ принялъ съ Машеозерской пустыни церковной дани 60 коп. за десятильничи доходы то жъ число, почетныхъ и отвозныхъ пошлинъ 16 коп. Платилъ Климецкаго монастыря Строитель Корнилій. [217] 1746 года, Февраля 17, Шуйскіе плательщики, Иванъ Титовъ и проч., дали пріемную росписку Гуру Григорьевичу въ томъ, что они,

---

а разстоянья межъ Сосновымъ ручьемъ и Сокирьею горою двѣ версты, а отъ Сокирьей горы на Курью гору, на середку, до дороги Лососинской, а разстоянія промежъ Сокирьею горою и Курьею горою двѣ версты; а отъ Курьей горы впредь пошла межа къ Чего озеру-да на Шапше озеро, на Лебежей ручей, на устье, да Лебежьимъ же ручьемъ вверхъ къ Лебежью озеру, да отъ Лебежья озера къ Долгому озеру, да къ Лычному озеру до Шапша мху, а грань и признакъ межъ тѣми урочищами не написаны.»

[214] Церковная Росс. Іерархія о Вашеозерскомъ монастырѣ. То же подтверждаютъ нѣкоторые документы въ Машеозерской пустынѣ, найденные въ Климецкомъ монастырѣ.

[215] Въ Указѣ изъ Канцеляріи Петровскихъ Заводовъ, отъ 17 Октября, 1731 г., имѣется: по донесенію служебника Машеозерскаго монастыря, Григорья Иванова, въ прежнихъ годахъ жилъ въ монастырѣ Ладвинскій крестьянинъ, Маркъ Семеновъ; но отъ Синодальныхъ разореній (?!) сшелъ съ монастыря въ свое отечество на деревенскій участокъ, гдѣ умеръ, а между тѣмъ въ 723 г. его записали въ подушный окладъ за монастыремъ, который платилъ за него по дати, не пользуясь его участкомъ. Нынѣ оказалось, что тѣмъ участкомъ владѣютъ внукъ его, Иванъ Лукинъ, и невѣстка, вдова сына Конана. По чему изъ Канцеляріи Петрозаводскихъ Заводовъ и предписывается взыскать съ нихъ плаченыя за Марка монастыремъ деньги. Подписалъ Meinder.»

[216] Предписаніе дано Гуру Григорьевичу, Генваря 4, 1741 г.

[217] Росписка на маленькомъ клочкѣ бумаги.

между прочимъ, приняли у Гура въ складню съ Карелъ за рекрутовъ, что слѣдуетъ, съ 3 душъ Машеозерскаго монастыря. [218]

Мы не знаемъ положительно, за какія души платилъ повинности Машеозерскій монастырь, но предполагаемъ, судя по писцовой книгѣ, что этѣ души считались по числу крестьянъ, принадлежавшихъ монастырю. Послѣ этихъ временъ Машеозерскій монастырь, не извѣстно съ какого года, по словамъ писателя Исторіи Россійской Іерархіи, [219] находился въ завѣдываніи Алексадро-Свирскаго монастыря до штатовъ 1764 года.

Вѣроятно, уже послѣ штатовъ монастырь обращенъ въ приходъ, и въ такомъ видѣ существуетъ по настоящее время. Въ немъ церковь деревянная во имя Святителя Василія Великаго осталась такою же, какъ она построена была въ 1663 г., но безъ поддержки пришла въ ветхость; другая деревянная же церковь во имя Пророка Иліи возобновлена послѣ открытія Олонецкой Епархіи С.-Петербургскимъ 1-й гильдіи купцомъ Яковомъ Прокопьевичемъ Янковымъ. [220]

Изъ Машеозерской церкви обращаютъ на себя вниманіе: 1) Крестъ мѣдный, посеребреный, хранящійся съ незапамятныхъ временъ. Онъ имѣетъ надпись: «Сей Крестъ въ градѣ Ростовѣ, во Авраамiевѣ монастырѣ, Св. Іоанномъ Богословомъ данъ Преподобному Авраамію побѣдити идола Валеса при Князѣ Владимірѣ; представися въ лѣто 6518» (1010). [221] 2) Письменное старонарѣчное Евангеліе, неизвѣстнаго года, обложенное малиновымъ полинявшимъ бархатомъ.

Приходъ Машеозерскій бѣденъ. Церковь и причтъ поддерживаются подаяніями жителей окрестныхъ селеній и въ особенности города Петрозаводска, которые въ лѣтнее время нерѣдко путешествуютъ на поклоненіе Святынѣ бывшей обители.

---

[218] Въ этой же роспискѣ говорится о платежѣ повинностей съ одной души Соломенской пустыни и 8 душъ Климецкаго монастыря.

[219] Цер. Рос. Іерархія о Машеозерскомъ монастырѣ.

[220] Описаніе Олонецкой Губерніи Дашкова, стр. 110.

[221] Крестъ этотъ чрезвычайно сходенъ съ изображеніемъ креста, находящагося въ Авраміевскомъ Богоявленскомъ монастырѣ.

Б. Соломенская пустынь.

Соломенская мужская Петропавловская пустынь находилась на прекраснѣйшемъ мѣстоположеніи, при проливѣ изъ озера Онего въ Логмозеро, на сѣверозападъ отъ Петрозаводска, по прямой линіи верстахъ въ пяти.

Свѣдѣнія, имѣющіяся у насъ о Соломенской пустынѣ, еще скуднѣе, чѣмъ о Машеозерскомъ монастырѣ. Судя по надписи на старинномъ холщевомъ антиминсѣ, найденномъ въ Соломенской церкви,[222] можно положить, что монастырь сей основанъ въ первый годъ учрежденія Патріаршества въ Россіи, при первомъ Новгородскомъ Митрополитѣ Александрѣ.

Вотъ эта надпись: «Оскатися олтарь Гдa Бгa и Спса нашего Їсa Хтa в церкви Стыхъ Апл҃ъ Петра и Павла Скацїна бысть црквь сїа лѣта ҂зҷ҃ѳ (1599), мцa....... при благовѣрномъ Царѣ и Великомъ Князѣ Ѳедорѣ Ивановичѣ всеа Росїи и при Митрополитѣ Новгородскомъ Александрѣ.» Можно навѣрное полагать, что Соломенскій монастырь основанъ старцемъ Касьяномъ. Въ писцевыхъ книгахъ Панина прямо говорится, что «все древнее строеніе тое пустыни бывшаго Строителя старца Касьяна.»

Чрезъ три года послѣ своего основанія пустынь Соломенская еще не устроилась. На это указываетъ тарханная грамота Митрополита Новгородскаго Варлаама, данная 1592 года, Мая 24, Строителю ея, старцу Касьяну, и всей братіи «Обонежскіе пятины, Шуйскаго погоста въ Соломени, съ Онежскаго берега, пустыннаго мѣстечка особнаго монастыря Святыхъ Верховныхъ Петра и Павла.» Въ ней, между прочимъ, прописывается: «били мнѣ челомъ (старецъ Кассіанъ съ братіею) и сказали, что, де, у нихъ тотъ ихъ монастырекъ мѣстечко убогое. Государева, де, и жалованья, руги и вотчины къ тому монастырю нѣту, питаютца, де, они въ мірѣ Христовымъ именемъ, а живутъ, де, они отъ Новгорода пятьсотъ верстъ: и намъ бы ихъ пожаловать, своей дани и подъезда и десятины съ того ихъ монастыря въ Софійскую казну имати не велѣти, для ихъ убожества. И будетъ такъ, какъ намъ старецъ Касьянъ и во всей братьи мѣсто билъ че-

[222] Антиминсъ этотъ найденъ былъ при переплетѣ стариннаго Служебника подъ кожею; хранится въ Петрозаводскомъ каѳедральномъ Соборѣ.

ломъ...... и азъ пожаловалъ до сыску и до договору Десятильниковъ нашихъ Заонежскихъ, и до коихъ мѣстъ они къ тому монастырю пашни не распашутъ и ругою не исполнятца, кто у нихъ въ томъ Петровскомъ монастырѣ учнетъ пѣти Игуменъ, или Попъ, и тому Игумену и Попу и всей братьи и причту церковному не надобѣть имъ платить мой подъѣздъ, ни благословенная куница, ни иные мои нѣкоторые пошлины. также и Десятильникомъ моимъ корму и дару и всѣхъ его Десятилничихъ пошлинъ не даютъ ничего; а какъ къ тому ихъ монастырю пашня въ роспашкѣ устроитца, и Государева жалованья руга будетъ, и по сыску и по дозору Десятилниковъ нашихъ, въ нашей дани въ подъѣздѣ и десятинѣ мы и указъ свой учинимъ.»[223] Впрочемъ, ниже, другимъ почеркомъ, приписано, что «Митрополичихъ пошлинъ взято и отдано печатнику старцу Михаилу 9 алт. 2 ден., да печатнаго алтынъ, да Дьячихъ одное половины отдано Казначею Старцу Пахнотью 4 алт. и 4 ден., да дворецкаго алтынъ, да истопникамъ Митрополичимъ отдано алтынъ, а другіе Дьячіе пошлины Дьякъ Михаилъ Коротневъ взялъ 4 алт. и 4 денги.»

Изъ писцовыхъ книгъ Панина (7135, 7137, 1627 и 1629 гг.) видно, что Соломенская пустынь не приходила въ лучшее состояніе. Внѣшнее устройство ея представляется весьма жалкимъ, сравнительно съ другими монастырями и пустынями. По описанію Панина, здѣсь «была церковь Св. Апостоловъ Петра и Павла съ трапезою; богатыхъ иконъ не было; два мѣстныхъ образа: одинъ Апостоловъ Петра и Павла, и другой Предтечи Господня Іоанна на празелени, прочія же писаны красками; крестъ животворящій, писанъ красками же; священные сосуды были деревянные; священныя одѣянія полотняныя съ оплечьями турской выбойки. На колокольнѣ было два колокола, вѣсомъ по пуду. Образа, книги, свѣчи и ризы и все древнее строеніе тое пустыни, замѣчаетъ Панинъ, бывшаго Строителя старца Касьяна. Изъ зданій была ограда съ двумя воротами Святыми и задними, келья строительская, келья келарская, 4 кельи братскихъ жилыхъ, да двѣ кельи пустыхъ.»

Въ такомъ же жалкомъ видѣ представляется эта пустынь и въ позднѣйшихъ писцевыхъ книгахъ, за скрѣпою Дьяка Степана

---

[223] Акты Историческіе, т. 1., № 237, стр. 453.

Шишкина (1647 г.): «монастырь Соломени пустыни, а въ ней церковь во имя Св. Апостоловъ Петра и Павла древяна, а на монастырѣ 4 кельи братскихъ, а братіи въ нихъ то жъ, а питаютца Христовымъ именемъ.»

Изстари Соломенскій монастырь владѣлъ нѣкоторыми угодьями и порожними землями, какъ-то: «пустошью Деревяннымъ четверть выти Ивана Ларіонова за Онегомъ озеромъ, да на верхнемъ Бѣсовцѣ пустошью Липачевымъ полвыти Куземки Вашнева, да на Логморучью на другой сторонѣ пустошью четверть выти Иванка Лекцева; обѣжнаго оброку съ тѣхъ пустыхъ участковъ имать на братіи не велѣно и въ тягло въ сошное письмо та земля была не положена; старостамъ и крестьянамъ Шуйскаго погоста въ тое землю и угодья вступаться не велѣно.»

Всѣми этими угодьями Соломенская пустынь обязана была своему основателю, старцу Касьяну: онѣ пожалованы были, по его стараньямъ, Царями Ѳедоромъ Ивановичемъ (7104 = 1596) и Васильемъ Ивановичемъ (7116 = 1608). Ихъ жалованныя грамоты подтверждены были Царями Михайломъ Ѳедоровичемъ (7104 = 1617) и Алексѣемъ Михайловичемъ (7159 = 1651). Не смотря на то, монастырь не былъ свободенъ отъ непріятностей со стороны сосѣднихъ крестьянъ, которые изъявляли свои права на этѣ угодья. Строитель старецъ Симеонъ съ братіею жаловались Царю Ѳедору Алексѣевичу «что по грамотѣ отца его велѣно имъ въ тѣхъ дворцовыхъ деревняхъ тою землею владѣть по прежнему впредь вѣчно, и что нынѣ въ ту землю вступаются и владѣютъ насильствомъ всякихъ чиновъ люди.» Въ слѣдствіе этого челобитья Царь Ѳедоръ Алексѣевичъ грамотою (7190 = 1682) на имя Олонецкаго Воеводы Василья. Матвѣевича Заборовскаго, съ товарищами, подтвердилъ, чтобы изстаринныя жалованныя владѣнія Соломенскаго монастыря, по силѣ прежнихъ Царскихъ грамотъ, принадлежали ему «вѣчно,» и чтобы Старосты и крестьяне Шунгскаго погоста не смѣли вступаться въ этѣ угодья и чинить насильства строителямъ съ братіею.

Въ управительномъ отношеніи едва ли не съ самаго основанія Соломенская пустынь подчинена была Новгородскому Хутынскому монастырю. Это видно изъ писцовыхъ книгъ Панина (1627 и 1629), гдѣ говорится, что «въ прошлыхъ годѣхъ она была подъ вѣдѣніемъ Хутыня монастыря.»

Съ этого времени до тѣхъ поръ, пока Соломенская пустынь не была подчинена Климецкому монастырю, мы рѣшительно не имѣемъ о ней ни какихъ письменныхъ извѣстій, да и въ актахъ Климецкаго монастыря найдены извѣстія о Соломенской пустынѣ, въ первой половинѣ XVIII столѣтія, довольно скудныя. Они начинаются 1726 годомъ, въ коемъ Климецкій Псаломщикъ, Кондратій Яковлевъ, взялъ у Ялгубца Софронова въ прибавокъ къ Соломенской дачи за два имени сепоничныхъ 6 денегъ. [224]

1727 года Марта, 4, Староста Лопскаго Панозерскаго погоста получилъ съ одной души Соломенскаго монастыря денегъ полтину. [225] Потомъ въ 1738 г., Іюля 19-го, получены деньги за раскладку сѣна на рекрутскія повинности, также съ одной души Соломенскаго монастыря. [226]

Въ Декабрѣ того же года послѣдовалъ Указъ изъ Разряда Новгородскаго Архіерейскаго дома и Консисторіальнаго собранія Соломенской пустыни властямъ, чтобы была послана вѣдомость въ Коммисію Ингерманландскаго пѣхотнаго полка Полковника Дурнова, о выданномъ монастырскимъ крестьянамъ на посѣвъ хлѣбѣ, и о томъ, возвращенъ ли этотъ хлѣбъ по снятіи съ поля. [227] И такъ пустынь имѣла крестьянъ, но сколько, не извѣстно.

Въ Декабрѣ 1740 г. Климецкаго монастыря работникъ, Василій Анисимовъ, далъ письмо Келарю Варсонофію и Казначею Козьмѣ Матвѣеву, что онъ принялъ Соломенскій монастырь «на держаніе,» и въ немъ: «Церковь во имя Петра и Павла, утвари на жертвенникѣ: чаша оловянная со лжицею и звѣзда, да семь блюдцевъ оловянныхъ; на престолѣ: Евангеліе печатное, Евангелисты мѣдные, два креста градильныхъ, покровъ малый и большой, ризъ трои цвѣтныхъ, и четвертыя бѣлыя полотняныя, три подризника бѣлыхъ полотняныхъ, пять поручей, пять патрахилей, два хороля, чаша водоосвященная мѣдная, блюдо большое мѣдное, два желѣзныхъ, за престоломъ образъ Богородицы и крестъ на красках, царскіе двери на краскѣ жъ; на правой рукѣ образъ Спасителя, второй мѣстной Ап. Петра и Павла на краскахъ, привѣ-

---

[224] Роспись Кондратья Яковлева о приходѣ и расходѣ денегъ на Петровск. завод.
[225] Копія съ Указу Лопскаго Ругозерскаго Старосты.
[226] Пріемная росписка, не извѣстно, кѣмъ дана.
[227] Указъ данъ Декабря 8, 1738 г.

сокъ пять, крестовъ старыхъ; на лѣвой рукѣ Богоматерь, между вратами, на краскахъ, и другихъ образовъ на тяблахъ и въ трапезѣ на краскахъ. Да книгъ: Псалтирь слѣдованная, печатная, Апостолъ печатной, двѣ Тріоди печатныхъ, Шестодневъ печатной. Евангеліе и толкованіе печатное. Въ колокольнѣ три колокола мѣдныхъ малыхъ; четыре кельи, три анбара, да погребъ, гумно и баня; кобыла тяглая, четыре коровы дойныхъ, 4-ре подтелка, 1 быкъ; неводъ ловецкій, двѣ лодки ловецкіе малые, четыре гарвы, пять мережъ, два копія желѣзныхъ варочихъ, 100 бабокъ ржи, жита 500 сноповъ, овса 1200; насѣяно ржи 13-ть маленокъ, сѣна 10 заколей. [228]

Состояніе пустыни, какъ изображаетъ эта опись, было очень незавидное.

Въ 1742, 1743 и 1746 гг. завѣдывалъ пустынею служитель Гуръ Григорьевъ и уплачивалъ за всѣ эти годы разныя повинности съ одной души Соломенскаго монастыря. [229]

Послѣ Штатовъ монастырскихъ 1764 г. Соломенская пустынь обращена въ приходъ. [230] Отъ монастыря осталась церковь деревянная во имя Св. Апостолъ Петра и Павла, двѣ кельи и ограда, но около 1780 г. церковь и кельи и часть ограды сгорѣли. [231]

Нынѣ существуютъ двѣ церкви каменныя: 1-я во имя Ап. Петра и Павла, теплая, съ придѣлами во имя Пророка Иліи и Пророчицы Анны, построенная 1795 г. и освященная 1798 г. въ царствованіе Императора Павла I, по благословенію Веніамина, Архіепископа Архангельскаго и Каргопольскаго; 2-я во имя Срѣтенія Господня, съ придѣлами во имя Успенія Богоматери и Св. Царя Константина и Елены, построенная въ царствованіе Императрицы Екатерины II, 1775 г. и освященая 1780 г., по благословенію Іоанникія, Епископа Олонецкаго и Каргопольскаго. И та и другая церковь сооружены по завѣщанію умершаго Петроза-

---

[228] Подлинная росписка приказнаго работника Василья Анисимова.

[229] Росписка Гура Григорьева отъ 1742 г., Мая 11, таковая же отъ 1743 г., таковая же отъ 17 Февраля, 1746 г.

[230] Такъ сказано въ одной рукописи, полученной мною отъ бывшаго Соломенскаго Священника Іоанна Ухотскаго.

[231] Тамъ же.

водскаго купца Якова Конанова, сыномъ его, также умершимъ, С.-Петербургскимъ купцомъ, Ильею Яковлевымъ Конановымъ.

Церковь Срѣтенія стоитъ на одномъ большомъ камнѣ, выдавшемся въ проливъ. Этотъ валунъ такой величины, что на поверхности его могла бы помѣститься не одна церковь; а протяженіемъ своимъ, какъ увѣряютъ, занимаетъ весь берегъ Онежскаго залива верстъ на 12-ть.

Къ замѣчательностямъ, принадлежащимъ церкви, можно отнести: 1) на одной изъ алтарныхъ иконъ небольшой сребропозлащенный крестъ, похожій на наперстный, съ частями мощей, неизвѣстно какихъ Святыхъ; и 2) ризы полотняные съ оплечьемъ выбойки турской; онѣ шиты собственными руками Царицы Прасковьи Ѳедоровны и пожалованы ею въ церковь въ проѣздъ ея къ Марціальнымъ водамъ. [232]

Есть преданіе, что Императоръ Петръ Великій, во время пребыванія своего на Марціальныхъ водахъ, самъ выгнулъ и устроилъ кресла и отдалъ ихъ въ Солоуменскую церковь для сидѣнія Священнику въ алтарѣ, въ положенное время при Богослуженіи. Онѣ уцѣлѣли и отъ пожара, но послѣ того уже не вносились въ храмъ и составляли собственность Священниковъ. [233]

В. Яшеозерская пустынь.

Яшеозерская пустынь находится при озерѣ Яшезерѣ, въ каменистой пустынѣ, на западномъ берегу озера. Мѣстность эта отстоитъ отъ города Петрозаводска въ 75 верстахъ къ югу.

Основателемъ пустыни Яшеозерской былъ Преп. Іона, по мѣстному преданію, родомъ изъ Шокши, недальняго отъ пустыни селенія. [234] Единственнымъ указателемъ времени основанія пустыни могутъ служить писцовыя книги 136 и 137 (1620 и 1629 гг.) Князя Ивана Долгорукаго. [235] Въ нихъ описывается Яшеозерская пустынь такъ:

---

[232] Царица Прасковья Ѳедоровна нѣсколько разъ посѣщала Олонецкія Марціальныя воды, вмѣстѣ съ Императоромъ Петромъ I. Она сдѣлалала нѣсколько пожертвованій и въ другіе монастыри и церкви Олонецкой Епархіи.

[233] Кресла этѣ подарены мнѣ покойнымъ Священникомъ Солоуменской церкви, О. Іоанномъ Ухотскимъ.

[234] Такъ пишется о Преподобномъ Іонѣ въ Синодикѣ церкви Ивинскаго прихода.

[235] Акты Историческіе Олонецкаго края 1850 г., стр. 32.

«Въ Остречинскомъ погостѣ монастырь Благовѣщенскій на Яшезерѣ..... А въ монастырѣ церковь Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, да у той же церкви придѣлъ Николы Чудотворца, деревянна клѣцки. А въ церкви образовъ: образъ мѣстной Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы на краскахъ (всего 7 образовъ); крестъ благословящій на краскѣ, да на престолѣ индитья крашенинная, покровъ выбойчатый; сосуды церковные: потиръ и блюдо деревянные; звѣзда и копіе и лжица мѣдные; воздухъ и покровъ крашенинные. Ризы и стихарь полотняные, оплечье выбойчатое; патрахель выбойчатая, поручи крашениные. Да предъ Деисусомъ паникадило мѣдное, яблоко деревянное, кисть шелковая. Да въ церкви книгъ: Евангеліе напрестольное, печатное въ десть, оболочено бархатомъ червчатымъ, Евангелисты и средина сребрянные, басмены, застежки сребрянные жъ; Псалтирь печатная съ слѣдованіемъ въ десть; Часовникъ печатной въ четверть: данье тѣ книги Великіе Государыни старицы Мареы Ивановны: Служебникъ печатной въ десть; Тріодь цвѣтная печатная въ десть: данье тѣ книги блаженные памяти Царя и Великаго Князя Ѳедора Ивановича всея Русіи; Апостолъ апракосъ письменный въ полдесть, а данье тѣ книги Соловецкаго монастыря Игумена Іакова; Шестодневъ письменной въ полдесть, а данье тѣ книги Новгородскаго Митрополита Исидора; Шестодневецъ письменный въ четверть; Ермологій письменной въ четверть же: данье тѣ книги Соловецкаго монастыря Игумена Иринарха; Служебникъ письменной въ полдесть; Апостолъ харатейный въ десть; Прологъ харатейный, Сентябрская половина въ десть, Прологъ Мартовскія половины письменный въ десть: данье того жъ Яшеозерскаго монастыря Строителя Іоны; Прологъ письменный въ десть, двѣ Минеи — Сентябрь и Октябрь мѣсяцъ: данье Соловецкаго монастыря Игумена Іакова. Да въ придѣлѣ Николы Чудотворца: 5 образовъ, крестъ и двери царскіе на краскѣ.

«Церковь Преображенія Господня теплая съ трапезою, клѣцки, а въ церкви образовъ: 11, двери царскіе и проч. на краскѣ; на престолѣ индитья и покровъ крашенные (таковы и проч. одежды); да на престолѣ Евангеліе тетръ печатное въ десть. Да на колокольницѣ четыре колокола, по смѣтѣ въ четыре пуда: данье Новгородскаго Митрополита Исидора, да Соловецкаго Игумена Іакова. Да клепало желѣзное.

«Да на монастырѣ келья гостинная, да три кельи брацкихъ, а въ нихъ живетъ черный Попъ Іона да три старца.

«Да у монастыря на черномъ лѣсу на новыхъ росчистяхъ, пашни паханые земли осмина съ четверикомъ, а лѣсомъ поросло четверть съ осминою въ полѣ, а в двy по тому жъ. Сѣна на рѣкѣ на Муромлѣ 60 копенъ. Да у нихъ же рыбная ловля въ Яшъозерѣ да Яшъ-озерскомъ ручью.»

Здѣсь указываютъ на время основанія Яшеозерской пустыни вклады Царя Θедора Ивановича, царствовавшаго съ 1584 по 1598 годъ, и Соловецкаго Игумена Іакова, ученика Св. Филиппа, Митрополита Московскаго, опредѣленнаго Настоятелемъ Соловецкаго монастыря 1581 г. по Указу Царя Ивана Васильевича IV изъ Игуменовъ Палеостровскаго монастыря. [236] Принимая въ расчетъ время, когда жили поименованные здѣсь вкладчики, можно положительно утверждать, что пустынь Яшеозерская устроилась въ царствованіе Царя Θедора Ивановича, а начало устроенію ея положено въ концѣ царствованія Іоанна Грознаго. Послѣднее предположеніе мы основываемъ на томъ, что Игуменъ Соловецкій Іаковъ, бывшій Игуменъ Палеостровскаго монастыря, могъ или лично знать Преподобнаго Іону, или, по крайнѣй мѣрѣ, слышать о его постнической жизни и заботахъ по устроенію новаго пріюта благочестія.

Изъ Царственныхъ вкладчиковъ Яшеозерской Обители извѣстенъ еще Василій Ивановичъ Шуйскій, пожаловавшій въ пустынь Цвѣтную Тріодь съ собственноручною надписью; кромѣ этого онъ надѣлилъ обитель угодьями пашенными, сѣнокосными, лѣсными и рыболовными. [237] Голый перечень вкладчиковъ, перечисленныхъ въ приведенныхъ нами писцовыхъ книгахъ, краснорѣчиво сказываетъ о той высокой славѣ, которую пріобрѣлъ Преподобный Іона святостію своей жизни и неусыпнымъ попеченіемъ о созиданіи тихаго пристанища для трудниковъ Божіихъ. Онъ успѣлъ заслужить любовь и уваженіе трехъ Царственныхъ особъ, изъ коихъ Царица, великая инокиня Марөа Ивановна, могла наслышаться о его доблестныхъ иноческихъ подвигахъ еще въ быт-

---

[236] Описаніе Соловецкаго монастыря, Архимандрита Діонисія, ч. 1, стр. 81.

[237] Донесеніе Яшеозерской Хозяйственной Коммисіи Высокопреосв. Аркадію.

ность свою въ Толвуйскомъ селеніи, гдѣ она заточена была по волѣ Бориса Годунова.

По преданію трудолюбивый Іона самъ прокопалъ канаву изъ Яшеозера въ Сѣнное озеро, для большей удобности ловли рыбы,[238] самъ ѣздилъ верхомъ на лошади по глухимъ мѣстнымъ тропинкамъ, ради пользы обители,[239] самъ вытачивалъ нѣкоторые деревянные сосуды, для употребленія при Богослуженіи.[240]

Когда послѣдовала кончина Преподобнаго, духовное его завѣщаніе, ветхое, за рукою отца его духовнаго, Машеозерскаго монастыря Іеромонаха Макарія, «года не описуетъ.»[241]

По кончинѣ основателя, исторія Яшеозерской Обители теряется въ прошедшемъ почти на цѣлое столѣтіе. Въ Синодикѣ Яшеозерской церкви, найденномъ въ церкви Ивинскаго прихода, послѣ Строителя Іоны, записаны: Іеромонахъ Іосифъ, Лаврентій, Θеодосій I, Θеодосій и Варлаамъ, но были ль они Строителями, и кто изъ нихъ сколько и въ какое время управлялъ обителію, не сказано. Въ описи 1724 г.[242] упоминается о Строителѣ Евфиміи, который скрѣпилъ запись рядную па плотниковъ 183 (1672) г., для покрытія и постройки церкви во имя Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, съ придѣломъ во имя Святителя Николая Чудотворца, по благословенной грамотѣ Митрополита Новгородскаго, Питирима, 173 и 177 (1565 и 1669) г. Въ той же описи говорится, что въ пустынѣ хранились вкладная книга съ 160 (1652) по 1721 годъ, приходорасходныя книги Казначея Сергія 1713 г., да записка расходу бывшаго Строителя Антонія 1766 года.

1734 года Яшеозерская пустынь приписана была, «по малотребственности,» къ Александросвирскому монастырю. Въ слѣдствіе чего Генваря 27 того же года, по Указу Архіепископа Новгородскаго, Θеодосія, и по приказу Александросвирскаго монастыря Архимандрита Кирилла, Софійскаго дому Сынъ Боярской Василій Бухвостовъ, описалъ зданія «приписной Яшеозерской пу-

---

[238] Донесеніе Яшеозерской Хозяйственной Коммисіи Высокопреосв. Аркадію.

[239] Двѣ дорожныя верховыя кожаныя сумы Преп. Іоны сохранились и доселѣ.

[240] Ковшикъ для употребленія подъ теплоту, выточенный изъ Корельской березы самимъ Іоною, сохранился и доселѣ.

[241] Опись Яшеозерской пустыни 1724 г., при Конторѣ Олонецкаго Архіерейскаго дома.

[242] Та же опись.

стыни» и имущество. По описи оказалось, между прочимъ, слѣдующее: «церковь деревянная во имя Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы съ обветшалою кровлею; въ ней болѣе замѣчательные мѣстные образа: Благовѣщеніе Пресвятыя Богородицы въ кіотѣ, мѣрою полъ аршина, окладъ серебрянной, золоченъ, басменой, а крестовъ шесть большихъ, малыхъ девять, Николая Чудотворца въ аршинъ вѣнецъ и гривна серебряны, золоченыя, басмены, на лѣвой сторонѣ царскихъ дверей образъ Пресвятыя Богородицы Одигитріи на краскахъ, у того образа лапочки серебряны на золотѣ, подъ тѣмъ образомъ пелена выбойчатая, и съ иныхъ образовъ привѣсы обрѣтаются въ казнѣ, въ ящикѣ. Прочіе образа писаны на краскахъ, передъ ними подсвѣчники желѣзные. На престолѣ Св. Евангеліе, обложено бархатомъ краснымъ, да на немъ Евангелисты серебрянные, позолочены, басмены, сосуды, звѣзда и лжица и ковшикъ оловянныя, воздухи крашенинные, посередки вставленъ зеленый атласъ. Въ придѣлѣ Николая Чудотворца, на правой сторонѣ, образъ Святителя Николая на краскахъ, у того образа вѣнецъ серебрянный, позолоченный, басменой, прочія образа на краскахъ.

«Изъ ризъ болѣе другихъ замѣчательны: ризы пестрые, бумажные, оплечье атласное, изъ епитрахилей одна съ травицами серебрянными, числомъ до осьми, на ней нашито шесть крестовъ серебрянныхъ, изъ поручей одни атласные бѣлые.

«Да вновь ризы: подаянье въ тое Яшезерскую пустынь, въ церковь Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы и Николая Чудотворца, Великія Государыни, Благовѣрныя Царицы и Великія Княгини, Параскевы Ѳедоровны, красного атласу, оплечье атласу бѣлаго, шито разными шелками, травами, да поручи лудину краснаго и зеленаго, воздухи парчевые, травчатые, кружева серебрянные, въ срединахъ на тѣхъ воздухахъ кресты также серебряные.

«Да Евангеліе престольное, обложено бархатомъ зеленымъ, Евангелисты серебрянны, золоченые, басменые, безъ застежекъ; да книгъ новоисправныхъ печатныхъ: Тріодь Великопостная, Апостолъ, два Пролога въ десть Сентябрской половины, да Прологъ Іюль и Августъ: подаянье Александро-Свирскаго монастыря Архимандрата Кирилла (1703 — 1705).» При этомъ надобно замѣтить, что изъ книгъ, дарственныхъ при жизни Преподобнаго Іоны ни одной не уцѣлѣло, за то много прибыло книгъ новопечатныхъ.

«Окна въ церкви слюдяные, колокольня осмиугольная, рубленая, ветхая, колокола прежніе.

«Ограда около монастыря ветхая гораздо, и ворота выпали; хорошаго строенья три кельи: въ одной связи хлѣбная и двѣ малыхъ кельи, ветчаныя и съ чуланы, среди монастыря анбаръ хлѣбной, а въ немъ всякого молоченаго хлѣба четвертей 12, да не молоченаго шесть четвертей, соли полпуда.

«Скота рабочаго пять головъ, роговаго двѣнадцать. Хлѣба посѣяно въ 725 году 1 четверть $3^1/_2$ осьмины, сѣна 35 возовъ.

«На скотномъ дворѣ строенье все новое, да монастырская мельница стоитъ на ручью, отъ монастыря въ $1^1/_2$ верстахъ.

«Да въ той же Яшезерской пустыни монахи: Строитель Адріанъ, да бѣглецы вкладчики и трудники, Алексѣй Ерофѣевъ съ дѣтьми и Потапъ Захарьевъ.» [243]

Изъ этой записи видно, что благолѣпіе храмовъ Божіихъ въ обители многимъ украсилось противъ прежняго Царица. Прасковья Ѳедоровна пожаловала драгоцѣнныя ризы, какъ бы въ дополненіе къ дарамъ прежнихъ Царственныхъ особъ, да и самое состояніе обители въ хозяйстзенномъ отношеніи нельзя назвать недостаточнымъ.

Въ 1726 г., Мая 14, по Указу отъ Закащика, Архимандрита Александро-Свирскаго монастыря, Кирилла, Яшеозерская пустынь подчинена была смотрѣнію монаха Нифонта, съ званіемъ Надзирателя. Хозяйство пустыни противъ 1724 г. представляется въ болѣе благоустроенномъ видѣ. Число рабочаго, роговаго и мелкаго скота возрасло до 30 головъ. Хлѣба разнаго въ записи имѣлось 34 четверти. [244]

Вскорѣ послѣ этого Яшеозерская пустынь причислена была къ Климецкому монастырю и быстро начала приходить въ упадокъ.

Изъ документовъ Климецкаго монастыря видно, что въ 1736 г., по Указу Архіепископа Новгородскаго, Ѳеофана, Дворянинъ Василій Дмитріевъ Мальгинъ, принялъ для Новгородскаго Архіерейскаго дому, за двадесятую часть собраннаго хлѣба въ Яшезерской пустынѣ въ предшествовавшемъ году денегъ 2 руб. 80

---

[243] Та же опись.

[244] Роспись пріемная Яшеозерской пустыни при Конторѣ Олонецкаго Архіерейскаго дома.

коп. Эта двадесятая часть составляла одну четверть и четь четверика разнаго хлѣба. Значитъ, всего хлѣба за цѣлый годъ собрано было въ обители 20 четвертей и 5 четвериковъ, количество, сравнительно съ прежнимъ весьма малое. Платилъ означенныя деньги Климецкаго монастыря Келарь монахъ Варсонофій да Казначей монахъ Тихонъ, «понеже оной Яшезерскъ монастырь въ подпискѣ Климецкому.» [245]

Въ 1738 г. пустынею завѣдывалъ старецъ Моисей, по порученію Строителя Климецкаго монастыря, Іеромонаха Корнилія. [246]

1741 года, Апрѣля 3-го, Климецкаго монастыря Строитель Іеромонахъ Корнилій съ братіею, того жъ монастыря монаха Геннадія «отпустили и послали съ общаго согласія и надзиранія и оберегательства церкви и церковной утвари Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы и Николая Чудотворца, святыхъ образовъ и книгъ и ризъ, и всякаго монастырскаго зданія, лошади и коровы и хоромнаго строенія, кельи съ дворомъ и гумна съ ригою, съ амбаромъ, и что хлѣба будетъ ядомаго и сѣменнаго, ржи и овса; и во всемъ ему, монаху Геннадію, въ тое пустыни вѣдати и управляти со всѣмъ радѣніемъ и усерднымъ желаніемъ; а по Указомъ, что проситце церковные дани и задесятильничи доходы и двадесятую часть и всякіе платежи, что въ тое пустыни спроситце, то все ему монаху Геннадію вѣдатце и платить, а въ настоящей въ Климецкій монастырь ему, монаху Геннадію, ни съ какимъ платежемъ не допускать; а въ платежахъ ему, монаху Геннадію, платежные чистые отписи относить въ Климецкій монастырь въ монастырскую казну.»

Распоряженіе это вызвано было особеннымъ обстоятельствомъ. Въ пустынѣ тогда хозяйничалъ не монахъ, или какое либо духовное лице, а простой работникъ Климецкаго монастыря, Иванъ Ивановъ.... монахъ Геннадій по чему-то не отправленъ въ Яшеозерскую пустынь до 1744 года. А въ это время обитель была доведена до такого состоянія, что въ 1743 г. до выкупу за двадесятую часть взяты были изъ церкви Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы въ закладъ (!?) Евангеліе, Псалтирь съ вослѣдовані-

[245] Опись 1736 г. на маленькомъ свиткѣ, за подписью Дворянина Мальгина.

[246] Роспись 1738 г., поданная Строителю Климецкаго монастыря, Корнилію, Матвѣемъ Масляниковымъ.

емъ и ризы.[247] Въ 1744 году монахъ Геннадій получилъ отъ Ивана Иванова очень жалкую роспись монастырскаго имущества. Разнаго скота и съ подростками считалось не болѣе пяти головъ. Хлѣба разнаго и съ сѣменнымъ не насчитывалось и трехъ четвертей.[248]

Въ такомъ же незавидномъ положеніи, приходя въ оскудѣніе болѣе и болѣе, находилась пустынь Яшеозерская до Штатовъ 1764 г., когда она была вовсе упразднена и, по видимому, оставлена безъ всякаго призора.

Нѣтъ ни какихъ указаній, подъ чьимъ завѣдываніемъ находилась упраздненная пустынь до 1800 г.,[249] Но въ этомъ году, какъ видно изъ дѣлъ Новгородской Консисторіи[250] проживали на Яшезерѣ Дьячекъ и Пономарь. Священника не было, а совершалъ служеніе, въ случаѣ надобности, входящій Священникъ Брусенской пустыни, Маркъ Ѳедоровъ. Къ 1809 г. утвержденъ въ Яшеозерской пустынѣ, штатъ; Священникъ былъ Іоаннъ Семеновъ. Но Указомъ Новгородской Консисторіи того же 1709 г., по просьбѣ означеннаго Священника, штатъ причта Яшеозерской пустыни уничтоженъ, и она причислена къ Ивинской приходской церкви со всѣми угодьями.[251]

По открытіи Олонецкой Епархіи, вторымъ Олонецкимъ Архипастыремъ, Архіепископомъ Венедиктомъ, обращено было особое вниманіе на запустѣніе Яшеозерской пустыни. Въ 1846 г., Указомъ чрезъ Олонецкую Консисторію, отъ 30 Ноября, онъ приказалъ учредить Хозяйственную Коммисію, которая бы привела всѣ земли Яшеозерской пустыни въ извѣстность и отыскала ближайшіе способы къ употребленію ихъ на пользу церкви. Коммисія эта открыта въ 1847 году. Обитель Яшеозерская найдена была Коммисіею въ слѣдующемъ положеніи:

1. Церковь холодная, во имя Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы съ придѣломъ, во имя Святителя Николая Чудотворца, крайне обветшала; утвари мало, и та очень скудна. Служеніе въ

---

[247] Выкупная опись 1744 г. Иванова на свиткѣ.
[248] Сдаточная опись его же, Иванова.
[249] Довесеніе Хозяйственной Коммисіи.
[250] Тамъ же.
[251] Тамъ же.

ней совершается одинъ разъ въ году, 25 Марта, въ день храмоваго праздника. На этотъ день стекаются на Яшезеро многосленные богомольцы.

2. Колокольня съ часовнею подъ нею, гдѣ сдѣланъ рѣзной иконостасъ и рака надъ мощами (подъ спудомъ) Преп. Іоны, довольно тверда. Колокольня, часовня и гробница (впрочемъ, самыя простыя) подъ мощами Препод. Іоны устроены въ позднѣйшее время С.-Петербургскимъ Купцомъ Матвѣемъ Григорьевичемъ Григорьевымъ.

3. Ограда развалилась.

4. Двѣ кельи на однихъ сѣняхъ съ чуланами, крайне обветшали. Не мудрено, по тому что кельи эти стояли слишкомъ 120 лѣтъ.[252]

5. Отъ зданій, построенныхъ основателемъ пустыни, не видно даже и развалинъ. Мельница обрушилась, но развалины ея нѣсколько видны; канава начала засориваться.

6. Царскіе и другіе вклады утратились; осталиеь только два колокола, пожертвованные Новгородскимъ Митрополитомъ Исидоромъ и Соловецкимъ Игуменомъ Іаковомъ.

7. Земли при сей обители пашенной съ сѣнокосными, лѣсными и рыбными, и угодьями, значится въ количествѣ 417 дес. 687 квадр. саж. Земля эта обмежевана въ 1783 г. при генеральномъ межеваніи, Сентября 21, 24 и 25 чиселъ, въ трехъ кругахъ землемѣромъ Подпоручикомъ Скрипицынымъ.[253] Но вся доброкачественная земля, какъ пашенная, такъ и сѣнокосная, по большей части поросла лѣсомъ. По чему сѣнокосы въ 1850 г. и были отчищены, а земля, гдѣ было только можно, распахана.»

Между тѣмъ, для исправленія и поддержанія церкви и пустыни, была собрана достаточная сумма отъ разныхъ благотворителей. Часть этой суммы употреблена была Коммисіею въ 1850 г. на заготовку матеріаловъ для поправки монастырскихъ зданій.

Преемникомъ Архіепископа Венедикта, Высокопреосвященнымъ Аркадіемъ, Указомъ чрезъ Олонецкую Консисторію, отъ 4 Августа, 1851 года, предписано Хозяйственной Коммисіи испра-

---

[252] По описи 1724 г. кельи этѣ были выстроены и ранѣе этого времени.

[253] Нѣсколько списковъ съ разныхъ межевыхъ плановъ земли Яшеозерской пустыни хранятся въ конторѣ Олонецкаго Архіерейскаго дома.

вить церковь Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы. Коммисія, имѣя въ своемъ распоряженіи заготовленные матеріялы и сборную сумму, въ томъ же году и приступила къ возобновленію храма Божія. Церковь поднята, подъ нее подведенъ каменный фундаментъ, главы сдѣланы новыя, крыша и стѣны снаружи обиты тесомъ, внутренность церкви также исправлена. При чемъ Коммисія заботилась о прочности и благоприличіи, ни сколько не измѣняя характера стариннаго устройства храма во внѣшнихъ и внутреннихъ частяхъ.

Благодаря усердію Петрозаводскаго 1-й гильдіи купца и Почетнаго Гражданина Марка Пименовича Пименова, въ возстановленной Яшеозерской пустыни сооруженъ новый очень красивый каменный храмъ, во имя Преображенія Господня.

IX.

Опись древнихъ писменныхъ памятниковъ, находящихся въ Климецкомъ монастырѣ и послужившихъ матеріалами для настоящаго изслѣдованія.

1. Царскія грамоты.

1. Грамота Царя Бориса Өедоровича Новгородскому Воеводѣ, Князю Даніилу Андреевичу Ногтеву, да Дьяку Дмитрію Алябьеву, по челобитной Климецкаго монастыря старца Филиппа съ братіею къ Царю Өедору Ивановичу въ 1597 г., въ которой прописывается, что въ 1583 году Царь Иванъ Васильевичъ пожаловалъ Игумена Тихона съ братіею въ Спасскомъ Кижскомъ погостѣ пустыми деревнями Роксою и Осиповщиною на Мусть-наволокѣ, со всѣми угодьи и съ черною лѣшею пашнею, каковыя земли и отмежевалъ къ монастырю посланный Новгородскій Боярскій Сынъ, Дмитрій Кашкинъ, и по его отмежеванью монастырь владѣлъ тѣми землями 12 лѣтъ, а черный лѣшей пашни Кижескіе крестьяне пахать не дали; и въ 1594 году Кижскаго погоста крестьянинъ Өедосейко Звонковъ съ сосѣды подавалъ челобитную, коею ложно требовалъ, будто бы за неправильное владѣніе ихъ землями, со старцевъ 63-хъ руб., хотя въ 1585 году писцы Леонтій Аксаковъ межевалъ с товарищы ту же самую землю, и крестьяне Кижскаго погоста тогда на сіе челомъ не били, по чему Царь Өедоръ Ивановичъ велѣлъ снова размежевать ту землю, для чего и посланъ былъ изъ Новгорода Богданъ Помѣщиковъ, который отмѣрялъ монастырскія угодья по отдѣльнымъ Кашкинскимъ межевальнымъ книгамъ съ понятыми, но крестьяне Кижскаго погоста на ту межу Кашкина не пошли и знатца не дали. На свиткѣ; конецъ оторванъ. 1602.

2. Списокъ съ грамоты Царя Михайла Өедоровича въ Заонежскіе погосты Дороөею Карповичу Ельчанинову, по челобитью Климецкаго Игумена Варлаама, о томъ, что съ покупныхъ и продажныхъ монастырскихъ запасовъ со 150 руб. ни какихъ пошлинъ не брать; потверждена Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ 1659 года, Марта 19, и Царемъ Өедоромъ Алексѣевичемъ 1680 года, 4149 (1641) года, Генваря 11.

3. Грамота Царя Алексѣя Михайловича Новгородскому Воеводѣ, Князю Григорью Семеновичу Куракину, о томъ, чтобы Архимандриты, Протопопы, Попы и Дьяконы, въ Среду и Пятокъ и Владычные дни, поучали прихожанъ приходить на покаяніе во всѣ четыре поста, а по нуждѣ въ три, въ два, и непремѣнно въ Великой Постъ, по тому что вѣдомо Государю учинилось, что многіе имѣютъ тридцать, сорокъ, пятьдесятъ лѣтъ и больше, а другіе, доживъ до старости, а въ покаяніе еще не пришли, и отцовъ духовныхъ не

имѣютъ; объ ослушникахъ представлять особые списки въ Монастырскій Приказъ, также и о томъ, чтобы въ церквахъ божественное пѣніе было единогласно со страхомъ Божіимъ. На свиткѣ. 7168 (1660) года.

4. Грамота Царя Алексѣя Михайловича Новгородскому Воеводѣ, Князю Григорью Семеновичу Куракину съ товарищи, по челобитью Климецкаго монастыря игумена Иліи съ братіею, въ коей прописывается, что въ 1547 г. Царь Иванъ Васильевичъ пожаловалъ монастырю пашни и луговъ и чернаго лѣсу въ длину отъ монастыря на пять верстъ, да въ Онегѣ озерѣ водъ для рыбной ловли на 5-ть верстъ отъ монастыря на всѣ стороны, да сверхъ того пожаловалъ въ Кижскомъ погостѣ пустошь Юхновскую на Роксѣ, да Осиповщину на Мусть-наволокѣ, со всѣми угодьями, да озеромъ лѣшимъ Нюхчею и копанъ ручейкомъ, и мельницу и у копанаго ручейка, островкомъ, да на Устьяндомѣ рѣчкѣ мельницу, да у мельницы по писцовымъ книгамъ пустынь Юхновскую; а при Циряхъ Ѳеодорѣ Ивановичѣ и Борисѣ на тѣ монастырскія угодья даны правыя грамоты за приписью Дьяка Ивапа Нармацкаго, а 1615 года Царь Михайло Ѳедровичъ далъ на тѣ же земли новую жалованнную грамоту за приписью Дьяка Василья Семенова, но крестьяне Кижскаго погоста Сѣнногубскаго конца Конденской деревни учали отнимать у нихъ тѣ земли, а въ 1644 году посланъ былъ отводчикъ изъ Новгорода Петръ Змѣевъ, но крестьяне его отводъ олживили, и по ихъ челобитью посланъ новый отводчикъ Новгородецъ Надежа Кулебякинъ, крестьяне и того полживили; по чему въ 1646 году они били челомъ Царю Алексѣю Михайвивичу о третьемъ отводчикѣ, для чего и посланъ былъ изъ Москвы уже Гаврило Островскій; этотъ отводчикъ, не справляясь ни съ какими монастырскими жалованными грамотами, писцовыми книгами и правыми крѣпостями, отнялъ у монастыря много принадлежащей ему земли и угодій; тогда, по челобитью старцевъ, въ 1650 г. посланъ отъ Царя Алексѣя Михайловича къ Новгородскому Воеводѣ Боярину Князю Юрію Петровичу Буйносову Ростовскому, и по той грамотѣ посланъ изъ Новгорода отводчикъ Сотникъ Стрѣлецкой Якимъ Аристовъ, который размежевалъ спорныя земли законно; но въ 1652 г., по ложному челобитью того же Гришки Максимова и сына его, Исачка, Василью Александровичу Чоглокову, будто тотъ Сотникъ Аристовъ, вмѣсто ихъ крестьянской, отвелъ имъ землю монастырскую, повелѣно послать изъ Новгорода Дворянина добра Подъячаго отъ мѣста стараго, чтобы они ту спорную землю одноличпо в праву, безъ всякія наровки, не дружа никому, отмежевали, дабы впредь этой землѣ ни отъ кого Государю челобитья о томъ не было. Грамота на свиткѣ. Приписъ Дькая Дмитрія Шубина, справа Подъячаго Ѳедора Ѳедорова. 7168 (1660), Марта 21.

5. Грамота Царя Алексѣя Михайловича Новгородскимъ Воеводамъ, Князю Семену Андреевичу Урусову, да Князю Григорью Петровичу Борятинскому, да Дьяку Лукѣ Толычину, по челобитью Климецкаго монастыря Игумена Іоасафа

съ братіею о томъ, что въ 1639 г. Царь Михайло Θедоровичъ пожаловалъ монастырю ежегодной руги изъ дворцовыхъ доходовъ денегъ 5 рублей 29 алтынъ и 2 деньги, да хлѣба 28 четей ржи, овса то жъ, каковую ругу монастырь получалъ по 1646 годъ, но болѣе имъ той руги Воеводы давать не хотѣли за тѣмъ, что всякій разъ для сего присылалась особая Царская грамота; а какъ старцамъ по всякъ годъ къ Москвѣ ѣздить немочно, мѣсто дальнее и убогое, а по тому и велѣно выдавать имъ означенную ругу по всякъ годъ безъ перевозно, безъ Московскіи волокиты, въ Новгородѣ изъ дворцовыхъ доходовъ съ другими Новгородскими ружными. Приписъ Дьяка Ивана Θедорова, справа Подъячаго Васки Арбенева: 7154 (1466 г.), Ноября « » дня.

6. Грамота Царя Алексѣя Михайловича на Олонецъ Думному Дворянину и Воеводѣ, Замятнѣ Θедоровичу Леонтьеву, да Дьяку Ивану Олухову, по иску Климецкаго монастыря Игумена Іоасафа на крестьянехъ Кижскаго погоста Сѣнногубской волости, Куземкѣ Третьяковѣ съ товарищи, которые ставили станы за версту отъ монастыря въ Русскитъ-наволокѣ и версты за двѣ на острову Сосновцѣ, въ монастырскихъ водахъ посильствомъ ловили рыбу 16 лѣтъ, и получаютъ за нее въ годъ по 40 рублей, о томъ, чтобы взыскать съ Куземки въ монастырь 232 рубля 24 алтына и $1^1/_2$ деньги. Грамота въ подлинномъ спискѣ, за приписью Дьяка Ивана Степанова и скрѣпой Богдана Никитина. 7177 (1669), Генваря 12.

7. Грамота Царя Θедора Алексѣевича на Олонецъ Воеводѣ Якову Максимовичу Стрешневу да Дьяку Андрею Черново, объ описаніи рыбныхъ ловель Климецкаго монастыря и учиненіи имъ чертежа по судному дѣлу о сихъ ловляхъ съ Кижскимъ крестьяниномъ Аθонькою Кузьминымъ Сѣнногубцемъ съ товарищи. 7185 (1677), Сентября 26 дня.

8. Грамота Царя Θедора Алексѣевича Новгородскому Воеводѣ Князю Юрію Михайловичу Одоевскому, по просьбѣ Климецкаго Строителя Іоасафа, о дачѣ 20 старцамъ руги, денегъ по 5 руб. 29 алтынъ 2 деньги, хлѣба 28 четей ржи, овса то жъ, изъ Новгородскаго Дворцоваго Приказу. Списокъ на листѣ за приписью Дьяка Василья Кипріянова и справой Пашки Иванова. 7187 (1679), Генваря 14.

9. Грамота Царя Θедора Алексѣевича на Олонецъ Стольнику и Воеводѣ Якову Максимовичу Стрешневу, да Дьяку Льву Савлукову, на челобитную, Климецкаго монастыря Строителя Іоасафа съ братіею, по причинѣ насильнаго завладѣнія монастырскою пустошью на рѣчкѣ Яндомозерѣ крестьяниномъ Кижскаго погоста Яндомозерской волости деревень Кукоевской и Савинской, Θедькою Созоновымъ съ отцомъ, съ дѣтьми, съ братомъ и со сусѣдями (конца недостаетъ). 7187 (1679).

10. Грамота Царя Θедора Алексѣевича на Олонецъ Стольнику и Воеводѣ Якову Максимовичу Стрешневу, чтобы онъ вослалъ товарища своего, Дьяка Льва Савлукова, досмотрѣть Климецкаго монастыря земли и рыбные ловли, ко-

торыми владѣли на двѣ версты Кижскаго погоста дворцовые крестьяне и съ 1674 г. не дали разможевать земли и положить чертежъ пріѣзжавшему для того изъ Москвы Дворянину, по челобитью Климецкаго монастыря старца Строителя Іоасафа 1679 года, въ Сентябрѣ. 7187 (1679).

11. Грамота Царей Ивана и Петра Алексѣевичей Думному Дворянину Ивану Ивановичу Панину, по челобитью Климецкаго Игумена Ѳеодосія съ братіею, подтвердительная, чтобы съ монастырскихъ покупныхъ запасовъ, со 153 рублей, ни какихъ пошлинъ не брать. Подлинная грамота за подписью Дьяка Ивана Волкова и справой Ивашка Иванова. 7192 (1684), Апрѣля 22.

12. Грамота Царей Ивана и Петра Алексѣевичей и Царевны Софіи Алексѣевны на Олонецъ Стольнику и Воеводѣ, Князю Василію Ѳедоровичу Долгорукому, объ измѣреніи и размежеваніи на десятины Юхновской пустыши, принадлежащей Климецкому монастырю и находящейся у монастырской мельницы на Устьяндомѣ рѣчкѣ. На подлинной справа Ивашка Алексѣева, подпись Василья Бабинина и Строителя Іеромонаха Пафнутія. 7196 (1688), Декабря 31.

13. Грамота Царей Ивана и Петра Алексѣевичей на Олонецъ Генаралъ-Майору Карлусу Андреевичу Ригельману да Дьяку Борису Остолопову, по челобитью Климецкаго монастыря Строителя Іеромонаха Варлаама съ братіей о томъ, чтобы имъ по жалованнымъ грамотамъ Царей Михайла Ѳедоровича (1639) и Алексѣя Михайловича (1649), выдавать руги, вмѣсто 15 четей и пополтретнику ржи и овса то жъ, деньгами на 20 братовъ 5 руб. 29 алт. 2 деньги, и хлѣбомъ 28 четей ржи и овса то жъ. 7202 (1694), Генваря 30.

Ниже приписана копія съ грамоты о томъ же и отъ тѣхъ же Царей въ Новгородъ Ближнему Боярину и Воеводѣ Князю Борису Ивановичу Прозоровскому съ товарищами. Припись Дьяка Василья Бабинина, справа Подъячаго Ивана Іевлева, писалъ Подъячій Петръ Курбатовъ. 7202 (1694), Генв. 30.

14. Указъ Царя Петра Алексѣевича о томъ, чтобы съ 7 тысячъ дворовъ монастырскихъ и съ 10 тысячъ дворянскихъ и иныхъ крестьянъ сдѣлать корабль 7205 (1697).

15. Указъ его же объ отправкѣ на зимній прокормъ съ Петровскихъ заводовъ лошадей въ монастыри Палеостровскій, Вашеостровской, Сунорѣцкій и Климецкій. 1707.

16. Грамота Царя Петра Алексѣевича Коменданту Олонецкому Геннингу объ отправленіи молебствій по случаю славнаго Ништатскаго мира съ Швеціею, за подписаніемъ Секретаря Позднякова. 1722, Сентября 16.

II. Іерархія грамоты.

1. Богомольная грамота Митрополита Новгородскаго Макарія въ Заонежскую десятину о рожденіи Царю Алексѣю Михайловичу и Царицѣ Маріи Ильиничнѣ 1651 года, Мая 30, сына Ѳедора Алексѣевича, коего именины Іюня 8. 7169 (1651), Іюня 14.

2. Грамота Новгородскаго Митрополита Корнилія Стольнику и Воеводѣ Якову Максимовичу Стрешневу да Дьяку Льву Өедоровичу Савлукову, о томъ, чтобы они учинили по Указу Царя Өедора Алексѣевича, крестьянамъ Заонежскихъ погостовъ Лижемской волости, Васькѣ Жданову съ товарищи, какъ поручителямъ по Дьякѣ Лижемской же волости, Якушкѣ Ивановѣ сынѣ Ростовцовѣ, который не сталъ по требованію въ Новгородскомъ Духовномъ Приказѣ на очную ставку съ извѣтникомъ своимъ, Калинкою Акиндиновымъ. 7186 (1678), Апрѣля 16.

3. Грамота Митрополита Новгородскаго Корнилія Климецкому Строителю, черному Попу Өеодосію, объ уплатѣ монастырю церковной дани по 1 руб. 16 алтынъ и 4 деньги, Десятильничей то жъ, Подъячихъ 3 алтына, 4 деньги, на годъ вмѣсто 1 рубля 5 коп. Грамота подлинная; Митрополичья печать сорвана. Припись Дьяка Андрея Сназина: «Платить самимъ.» 7186 (1678), Февраля 14.

4. Грамота Новгородскаго Митрополита Корнилія о томъ, чтобы монастырю платить церковную дань въ Софійскую казну прямо въ Новгородѣ на Рождество Христово, а не чрезъ Поповскихъ Старостъ, ради его бѣдности. Грамота подлинная; Митрополичья печать краснаго воску съ благославляющерукой. Припись Дьяка Андрея Сназина. 7185, (1677).

5. Грамота Новгородскаго Митрополита Корнилія Оштинскаго стана Вознесенскаго монастыря Строителю, черному Попу Өеодориту, о томъ, чтобы приходскіе Священники побуждали приходскихъ людей мужескаго и женскаго пола, отроковъ и отроковицъ, возрастомъ лѣтъ въ двѣнадцать, въ Великій Постъ приходить къ Божественному пѣнію неотмѣнно, о непослушныхъ же составлять росписи и отсылать ихъ въ Митрополичій Судный Приказъ. 7190 (1682), Февраля 8.

6. Богомольная грамота, не извѣстно, по какому случаю, по тому что нѣтъ начала.

7. Грамота Новгородскаго Митрополита Іова Оштинскаго, Водлозерскаго и Выгозерскаго становъ Поповскому Старостѣ Дмитрію Евстаөьеву о томъ, чтобы монахамъ и монахинямъ быть въ тѣхъ монастыряхъ безвыходно, и въ другіе монастыри безъ воли Митрополичьей не отпускать, равно какъ и къ себѣ не принимать. 1712, Марта 1.

III. Памяти и наказы воеводъ, духовныхъ властей и другихъ начальныхъ людей.

1. Память по Указу Царя Михайла Өедоровича Свирскихъ лодейныхъ спусковъ откупщикамъ, Андрюшкѣ Михайлову да Иванкѣ Порфирову, отъ Дороөея Карповича Ельчанинова, о томъ, что по челобитью Климецкаго монастыря Игумена Варлаама съ братіею, велѣно по грамотѣ Царя Михайла Өедоровича (1641), съ монастырской лодейки и съ покупныхъ на ней и продажныхъ товаровъ со 150 рублей пошлины не брать. Печать маленькая чернаго сургуча особаго состава съ 5ю стрѣлками и тремя буквами: Д. К. Е. 7149 (1641).

2. Позывной приказъ отъ Олонецкаго Воеводы Василья Александровича Чоглокова Климецкому Строителю Іоасафу и Сѣнногубскимъ крестьянамъ явиться къ нему на судъ о земляномъ дѣлѣ по Указу Царя Алексѣя Михайловича. 1665, Мар. 6.

3. Память по Указу Царя Алексѣя Михайловича Стрѣлецкому Сотнику Михайлу Васильеву о томъ, чтобы онъ поставилъ на Олонецъ на Покровъ 1668 г. Сѣнногубскаго Буторку Трофимова, по иску Климецкаго Строителя Іоасафа во 167 рубляхъ. 1677, Іюля 22.

4. Память по Указу Царя Алексѣя Михайловича начальному человѣку Ивану Омельянову Некрасову отъ Олонецкаго Воеводы Замятни Ѳедоровича Леонтьева, о доставленіи къ суду на Олонецъ Сѣнногубскаго крестьянина Куземку Трофимова Бутора, по жалобѣ Климецкаго Строителя Іоасафа, о завладѣніи имъ монастырскими рыбными ловлями. 1669.

5. Память по Указу Царя Алексѣя Михайловича Шуйскаго, Кижскаго Шунгскаго и Выгозерскаго погостовъ Сямозерской, Святозерской и Кузаранской волостей и Великогубскаго конца и Повѣнецкаго рядку Старостамъ и всѣмъ крестьянамъ, а по монастырямъ Игуменамъ и Строителямъ, а по волостямъ монастырскихъ вотчинъ Приказнымъ и Старостамъ и крестьянамъ Олонецкаго Воеводы Богдана Ивановича Ордина Нащокина, о поимкѣ ссыльнаго старца Іова, въ мірѣ называвшаго себя Салтыковымъ, бѣжавшаго изъ темницы Кожеозерскаго Каргопольскаго монастыря. Припись Дьяка Алексѣя Мискова, печать Воеводы Богдана Ивановича Ордина Нащокина; писалъ Аѳонька Шестого. Ниже: черновая отпись о выслушаніи сего заказа, писанная рукою Строителя Климецкаго монастыря Іоасафа и посланная на Олонецъ 1675 года. 1674 г., Августа 2.

6. Память по грамотѣ Преосвященнаго Корнилія, Новгородскаго Митрополита, Оштинскаго стану по монастырямъ Строителямъ и чернымъ Попамъ съ братіею, а по погостамъ и по выставкамъ Попамъ и Дьяконамъ и церковнымъ причетникамъ, и всѣмъ Православнымъ Христіанамъ, отъ Строителя Вознесенской пустыни чернаго Попа Ѳеодорита о богомоленіи, по случаю бракосочетанія Царя Ѳедора Алексѣевича съ благородною дѣвицей, дочерью Семена Ѳедоровича Грушецкаго. 7189. (1681).

7. Память, по грамотѣ Новгородскаго Митрополита Корнилія, Поповскому Старостѣ Шелтозерской волости Георгіевскому Попу Ивану Аѳанасьеву, по монастырямъ Игуменамъ и Строителямъ и чернымъ и бѣлымъ Попамъ и Дьяконамъ, а по погостамъ и выставкамъ Попамъ же Дьяконамъ и всѣмъ церковнымъ причетникамъ, отъ Выгозерскаго Поповскаго Старосты Преображенскаго Попа Симеона Никитина, о богомоленіи по случаю бракосочетанія Ѳедора Алексѣевича со дщерью Матвѣя Васильевича Апраксина Марѳой Матвѣевной. 7190 (1682).

8. Наказъ Архимандриту Хутыня монастыря Еѳимію, по Указу Митрополита Новгородскаго Корнилія, о томъ, чтобъ онъ ѣхалъ на Олонецъ и въ Олонецкій Уѣздъ и въ Заонежскіе погосты и выставки и монастыри, для дознанія, есть ли у Поповъ и причетниковъ Заонежскихъ погостовъ списки съ книги «Увѣта духовнаго», посланной къ Поповскимъ Старостамъ по Указу Патріарха Іоакима въ 1683 и 1684 г. г., а также не скрывались ли въ какихъ погостахъ бѣжавшіе изъ Новгорода и Новгородскаго Уѣзда Ивашко Тетеркинъ, да Ивашко Коломенской, да Ивановъ крестьянинъ Спячаго, Евсейко Кондратьевъ, да изъ подъ началу черной Геннадій Качаловъ, или не имѣется ли въ приходахъ и другихъ какого либо чину раскольниковъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ учинить церковнымъ Старостамъ заказъ крѣпкой, чтобы они тѣхъ бѣглыхъ раскольниковъ не таили, да самому ему, Архимандриту, о томъ провѣдывать накрѣпко, и если найдутся гдѣ за стражею, прислать въ Новгородъ. И ему же, Архимандриту, учинить крѣпкой заказъ, чтобы Попы дѣтямъ своимъ духовнымъ, въ нынѣшній 1684 г. Великій Постъ велѣли поститься и Святыхъ Таинъ пріобщаться, и объ ослушныхъ подать росписи Закащикамъ на послѣдней, или шестой, недѣли поста, а Закащики представятъ ихъ въ Новгородъ послѣ Великаго Дня въ 3-е Воскресенье. Кромѣ того въ 1683 г. посланы были изъ Новгорода на Олонецъ и въ Заонежскіе погосты Палеостровскаго монастыря Игуменъ Іосифъ да Софійскій Священникъ Иванъ Васильевъ, для сыску церковныхъ раскольниковъ, но они разбѣжались, о чемъ было и предъявлено Олонецкому Воеводѣ, и ему, Архимандриту, по сему наказу дѣлать также розыски. Сверхъ того Еѳимію поручено свидѣтельствовать, кто крестится и не крестится троеперстнымъ крестополагательнымъ крестомъ, и поучать противниковъ креститься троеперстнымъ сложеніемъ, а также учинить Попамъ заказъ крѣпкой, чтобы они вѣнчали и младенцевъ крестили каждый въ своемъ приходѣ, старые богослужебныя книги отбирать, понуждать къ пріобрѣтенію оловянныхъ сосудовъ вмѣсто деревянныхъ, вдовыхъ Поповъ и чернцовъ, живущихъ въ мірѣ, разсылать по монастырямъ, и т. п. Списокъ на свиткѣ; содержаніе наказа показываетъ, что подлинный долженъ остаться у его, Архимандрита, Еѳимія. 1684 г.

IV. Выписки изъ писцовыхъ книгъ, крѣпостей, отводныя, пропускныя, данныя, купчія, судныя, мировыя, повинныя, уговорныя и пріемныя письма, записи, сказки, росписки и т. п.

1. Отрывокъ изъ отводнаго акта монастырскихъ земель отводчика Кашкина (безъ начала и конца). 7091 (1583).

2. Списокъ съ мировой записи между Кижскимъ крестьяниномъ Третьякомъ Игнатьевымъ и старцами Климецкими о владѣніи монастырю пожалован-

ными ему землями отъ Царей Ивана Васильевича и Θедора Ивановича по писцовымъ книгамъ Леонтія Аксакова. 7105 (1597).

3. Мировая запись Климецкаго Игумена Герасима, данная Кижскому крестьянину Третьяку Θомину съ товарищи. 7136 (1628).

4. Выпись изъ писцовыхъ книгъ Никиты Панина о Климецкомъ монастырѣ. 1629.

5. Отпись Софійскаго Казначея старца Савватія Тишнева да Дьяка Никифора Ананьина въ полученіи съ Климецкаго монастыря церковныхъ пошлинъ. 7141 (1633).

6. Отпись Заонежскаго Десятильника Ивана Тимоθѣева сына Саблина въ полученіи церковныхъ пошлинъ отъ Климецкаго Келаря съ братіею. 7152 (1647).

7. Росписка въ полученіи съ Климецкаго Келаря Александра соляныхъ пошлинъ съ 32 возовъ 5 рублей 2 деньги. 7155 (1647).

8. Роспись крѣпостямъ, какія отводчикъ Гаврила Островскій отъ монастыря не принялъ и развелъ землю не противъ старинныхъ крѣпостей. Въ этой росписи упоминается почти о всѣхъ отводчикахъ и тяжбахъ монастыря съ крестьянами. Здѣсь сказано о чертежномъ географическомъ положеніи монастыря. 1647.

9. Выпись съ отводныхъ книгъ Гаврила Островскаго. 7155 (1647).

10. Отпись Цѣловальниковъ Ждана Иванова и Андрея Иванова въ полученіи таможенной пошлины съ 11-ти возовъ соли 62 алтынъ. 7158 (1650).

11. Отпись Цѣловальника Воскресенскаго Важинскаго погоста Нестора Евсѣева въ полученіи съ монастыря возовыхъ проѣзжихъ пошлинъ 3 руб. сполна. 7165 (1651).

12. Отпись Попа Θедора Якимова въ полученіи съ монастыря церковной дани. 7170 (1662).

13. Судное дѣло по иску Климецкихъ старцевъ на Сѣнногубскихъ крестьянъ, Куземку Третьякова съ товарищи, за владѣніе ими рыбными монастырскими ловлями въ Рускитъ-наволокѣ и на островѣ Сосновцѣ, въ 232 руб. 24 алт. $1\frac{1}{2}$ деньгахъ, гдѣ производителями наведены справки о ходѣ всего дѣла, отъ чего оно получаетъ особенную занимательность. 7171 (1663), Ноября 2.

14. Отпись Софійскаго Казначея Іеромонаха Евоимія въ полученіи съ монастыря церковной дани 3 руб. 2 алт. 8 денегъ. 7189 (1681).

15. Поручная запись, которою Дунай Щетининъ обязывается явится къ суду предъ Воеводою Замятнею Θедоровичемъ Леонтьевымъ и Дьякомъ Иваномъ Олуховымъ. 7175 (1667).

16. Ссылка Дуная Щетинина, Олонецкаго посадскаго человѣка, на разные акты, коими онъ защищаетъ право своего владѣнія монастырскою пожнею. 1689.

17. Данная Яндомозерскаго крестьянина Ивана Матвѣева на владѣніе Кли-

мецкому монастырю двумя его пожнями на Устьяндомѣ рѣчкѣ подлѣ монастырскихъ мельницъ. 7200 (1692), Февраля 27.

18. Мірской приговоръ и роспускъ и послушная невыдаточная память крестьянъ Кондужской волости на построеніе каменной Николаевской церкви. 7206.

19. Купчая Строителя Іеромонаха Варлаама на запасной хлѣбъ Кижскаго Старосты Костьки Бадьина. Подлинная на свиткѣ. 7199 (1691).

20. Роспись Климецкаго старца Іоны монастырскаго прихода и расхода. На свиткѣ. 7188 (1680).

21. Сказка Строителя Іеромонаха Александра о томъ, что крестьяне Датскаго Коммисара Андрея Иванова сына Бутенанта Фонъ Розенбуша, Кижскаго погоста деревни Конды, завладѣли нѣкоторыми жалованными монастырскими землями и рыбными ловлями. На свиткѣ. 7208 (1700).

22. Вѣдомость изъ приходныхъ книгъ. 1706.

23. Пропускная Сумскаго Головы служебнику Климецкому съ провозами соли. 1707, Марта 5.

24. Отпускная Климецкому монаху Матѳію на Вятскую ярмарку съ рыбой. 1714.

25. Мировое и повинное письмо монаха Кукоева въ извѣтѣ на монастырь. 1715.

26. Показаніе Климецкаго схимонаха Даніила на монаха Тарасія. 1722.

27. Опись монастыря въ хозяйственномъ отношеніи съ 1714 по 1722. 1722.

28. Отпись Подъячаго Ивана Меньшаго въ полученіи отъ Строителя Климецкаго монастыря Корнилія въ Софійскую казну церковной дани. 1728, Февраля 5.

29. Приходная записка Климецкаго Келаря схимонаха Варсонофія. 1738.

30. Квитанція крестьянина Козмы Алексѣева въ полученіи за Ильинскую половину 1741 года съ 8 душъ слугъ Климецкаго монастыря. 1741.

31. Уговорное письмо крестьянъ Алимпія Андреева и Никулы Петрова Строителю Іеромонаху Корнилію. 1744.

32. Пріемное письмо работника Климецкаго монастыря Ивана Иванова тому же Строителю. 1747.

V. Челобитныя, явочныя и жалобы.

I. Челобитныя къ Царямъ.

1. Явочная Царю Михайлу Ѳедоровичу Кижскаго крестьянина Пріѣзжайка Кирилова сына на Кижскихъ Старостъ и волостныхъ людей въ томъ, что казенный Государевъ хлѣбъ не представленъ къ сроку на Успеніе Богородицы по той причинѣ, что эти Старосты и волостные люди хлѣба не отмѣрили ни

одной четверти, и этотъ Государевъ хлѣбъ задержали многое время. 7138 (1620).

2. Челобитная Царю Алексѣю Михайловичу Климецкаго Строителя Иліи о томъ, чтобы доправить монастырскій искъ на Сѣнногубскихъ крестьянахъ, Куземкѣ Третьяковѣ съ товарищи по судному дѣлу о рыбныхъ ловляхъ. 1645.

3. Челобитная Климецкаго монастыря Игумена Іоасафа съ братіею Царю Алексѣю Михайловичу о томъ, что крестьяне Кижскаго погоста, Григорій Максимовъ да Кирилко Игнатьевъ, просили 1645 г. Царя Михайла Ѳеодоровича дать имъ другого отвотчика противъ прежняго 1644 г., который яко бы неправильно отвелъ земли, монастырю принадлежащія и тому новому отводчику они писцовыхъ сошныхъ книгъ не показали то, а отводчикъ, съ своей стороны, земли ихъ не межевалъ, а межевалъ монастырскія; въ слѣдствіе чего тѣ же крестьяне подали челобитную къ Царю Алексѣю Михайловичу 1646 г. о присылкѣ имъ съ Москвы третьяго отводчика; по чему Игуменъ Іоасафъ и проситъ Царя, чтобы новый отводчикъ прежде по писцовымъ книгамъ Никиты Панина измѣрилъ землю деревни Конды и другихъ, и что останется излишнимъ, то взялъ бы въ свою Царскую казну. 7154 (1646).

4. Явочная Царю Алексѣю Михайловичу Климецкаго монастыря чернаго Попа съ братіею о томъ, что Кижскіе крестьяне, Григорій Максимовъ съ товарищи, полживили отводы Петра Зміева и Надежи Кулебякина, которые отводили по жалованнымъ и правымъ грамотамъ Царей Ивана Васильевича (1547 г.), Бориса Ѳеодоровича и Михайла Ѳеодоровича (1615), и по отводу Гаврила Островскаго владѣютъ искони принадлежащими монастырю землями, не противъ жалованныхъ грамотъ, чѣмъ монастырь крайне убожатъ. 1646.

5. Явочная Царю Алексѣю Михайловичу Шуйскаго погоста крестьянъ, Тимошки, Триѳонтка да Самоньки Тереньтьевыхъ, на Воеводу Князя Петра Андреевича Хилкова, который не привелъ къ Царской присягѣ по наговору Лучки Пономарева. 1646.

6. Челобитная Царю Алексѣю Михайловичу Климецкаго Игумена Іоасафа о томъ, что нѣкоторые крестьяне Кижскаго и другихъ сосѣднихъ погостовъ утаили отъ писца Никиты Панина (1628—1629) многія пустопорожнія земли, черный лѣсъ и рыбныя ловли, и владѣютъ ими, не платя оброку, и по тому нельзя ли ихъ угодья отдать въ монастырь, въ замѣнъ Царской хлѣбной и денежной руги, ржи 28 четв., овса то жъ, денегъ 5 рублей 29 алтынъ и 4 деньги? На свиткѣ. 7155 (1647).

7. Челобитная Царю Алексѣю Михайловичу Климецкаго Игумена Іоасафа съ братіей на Кижскихъ крестьянъ, Старосту Григорья Максимова да Исака Микулина съ товарищи, о томъ, чтобы имъ наказомъ запрещено было подавать челобитье о спорныхъ монастырскихъ земляхъ. 1647.

8. Челобитная Царю Алексѣю Михайловичу Никольскаго Шунгскаго погоста Игумена Гаврилища съ причетники на Сына Боярскаго, Еремѣя Леоньтьева, о

томъ, что онъ собиралъ церковную дань противъ книгъ и противъ прежнихъ отписей, и въ полученіи ее для бездѣльной своей корысти отписи не далъ. 1647.

9. Челобитная Царю Алексѣю Михайловичу Климецкаго Игумена съ братіею о сыскѣ Кижскихъ крестьянъ, Куземки Третьякова съ товарищи, сбѣжавшихъ, не заплатя монастырскаго иска. 1647.

10. Челобитная Царю Алексѣю Михайловичу Климецкаго чернаго Попа Ильи съ братьею о томъ, чтобы третьею Царскою грамотою велѣно было доправить монастрырскій искъ на Кижскихъ крестьянахъ, Куземкѣ съ товарищи. 1648.

11. Челобитная Царю Алексѣю Михайловичу Климецкаго Игумена Ильи о неправильномъ отводѣ въ 1647 г. Гаврила Островскаго къ монастырю земель, который отвелъ отъ монастыря двѣ версты, и изъ тѣхъ двухъ верстъ околомъ сдѣлалъ пять верстъ. 1649.

12. Челобитная Царю Алексѣю Михайловичу Климецкаго Игумена Іоасафа на отводчика Гаврила Островскаго, отведшаго въ 1647 году Сѣнногубскимъ крестьянамъ, Григорью Максимову съ товарищи, принадлежащій монастырю Кужевъ ободъ.

13. Челобитная Царю Алексѣю Михайловичу Климецкаго Игумена Іоасафа на Дворянина Гаврила Петровича Островскаго, о неправедномъ его разводѣ монастырскихъ земель съ Кижскими крестьянами въ 1645 г.

14. Челобитная Царю Алексѣю Михайловичу на отводчика Гаврила Островскаго, который въ 1647 году противъ Царскихъ жалованныхъ грамотъ и правыхъ монастырскихъ крѣпостей оттянулъ отъ монастыря чернаго лѣсу 3 версты и многія угодья при деревняхъ Роксѣ и Осиповщинѣ.

15. Челобитная Царю Алексѣю Михайловичу Строителя Климецкаго Іоасафа на отводчика Гаврила Островскаго, который неправильнымъ своимъ отводомъ отнялъ у монастыря въ пользу Сѣнногубскихъ крестьянъ земли и причинилъ убытковъ на 104 руб. 50 коп. На свиткѣ, безъ начала и конца; ниже намять Приставу: «Дати ему на поруки Островскаго къ суду, Генваря 30.» 1671, Іюля 24.

16. Челобитная Царю Алексѣю Михайловичу Сѣнногубскаго Попа Ѳедота Никитина на Космозерскаго Попа Григорія Артемьева и крестьянъ Яндомозерской волости, о томъ, что они за освященіе построенной у нихъ оной церкви не дали ему доходовъ. 1650, Декабря 18.

17. Челобитная Царю Алексѣю Михайловичу Климецкаго Игумена Иліи на Куземку Третьякова съ товарищи, которые не платятъ по приговору суда искъ на нихъ за насильственное владѣніе рыбными ловлями. 1651.

18. Челобитная Царю Алексѣю Михайловичу о томъ, чтобы дозволено было принимать въ монастырь желающихъ, равно какъ и нанимать въ работники, не внося ихъ въ составныя росписи. 1658.

19. Челобитная Царю Алексѣю Михайловичу Климецкаго Игумена Ге-

деона на неправый земляной отводъ Гаврила Островскаго. Челобитная Царю Алексѣю Михайловичу Климецкаго Игумена Иліи о томъ, чтобы обои отводныя книги Акима Аристова и Гаврила Островскаго перенесть въ одно мѣсто въ Приказъ, и о монастырской землѣ, оспариваемой Кижскимъ солдатомъ Исачкомъ, Царскій судъ учинить. 7160 (1652).

20. Челобитная Царю Алексѣю Михайловичу Климецкаго Игумена Иліи о томъ, чтобы не повѣрить челобитью Кижскаго погоста солдата Исачка, будто Сотникъ Стрѣлецкій, Акимъ Аристовъ, отвелъ къ монастырю таглую ихъ землю, и дать съ сотныхъ отводныхъ книгъ Аристова ввозную грамоту. 1652.

21. Челобитная Окольничему и Воеводѣ Василью Александровичу Чоглокову Великогубскаго конца Старостишки, Васьки Павлова, да вмѣсто домашняго Якимова племянника его, Якушки Өедорова, о записи, сколько какого хлѣба родится, и сколько скашивается сѣна на отводной землѣ, которую отвелъ монастырю Стрѣлецкій Сотникъ, Якимъ Аристовъ. 1657.

22. Челобитная и явочная Царю Алексѣю Михайловичу Сумскаго острога стрѣльца, Андрейка Евтихіева, на ямщика Томила Өедорова да на Претку Иванова Попова съ товарищи, о томъ, что подводъ ему не давали на Государево дѣло, харкали и его, холопя, убить хотѣли. 1660.

23. Челобитная Царю Алексѣю Михайловичу Климецкаго Игумена Иліи съ братіею о томъ, чтобы Олонецкому Воеводѣ Князю Терентію Ивановичу Мышецкому, велѣно было доправитьмо настырской искъ на Кижскихъ крестьянахъ, Кузємкѣ съ товарищи. Года не означено.

24. Челобитная Царю Алексѣю Михайловичу Климецкаго Игумена Иліи на неправый земляной отводъ Гаврила Островскаго. Года не означено, но послѣ 1647 г.

25. Челобитная Царю Алексѣю Михайловичу Климецкаго Строителя Іоасафа на Щетинина о томъ, что онъ уклоняется отъ суда по монастырскому иску. 1667.

26. Челобитье Климецкаго Строителя Іоасафа Царю Алексѣю Михайловичу на солдатъ Сѣнногубской волости, Алексѣя Өедорова съ товарищи, которые присѣкли монастырское судно, стоющее 2 руб. съ полтиной. Года не означено, но послѣ 1664.

27. Челобитная Климецкаго Строителя Іоасафа Царю Алексѣю Михайловичу о зазывной памяти поставить на Олонецъ Кижскихъ обѣльныхъ крестьянъ, Кузьму Трофимова съ товарищи, завладѣвшихъ насильствомъ монастырскими рыбными ловлями. 1667.

28. Извѣтная челобитная Песчанской волости Кирилка Григорьева Царю Өедору Алексѣевичу на песчанскаго Попа, Іуду Өедорова. Около 1667.

29. Челобитье Климецкаго Строителя Іоасафа Царю Алексѣю Михайловичу о зазывной памяти поставить на Олонецъ Кузьму Трофимова, и дать имъ судъ и управу. 1667.

30. Челобитная Климецкаго Строителя Іоасафа Царю Алексѣю Михайловичу на иконописца Ивана, который обезчестилъ его, назвавши еретикомъ. 1667.

31. Челобитье, не извѣстно, какому Царю, но кажется, Θедору Алексѣевичу, о пожалованіи въ Климецкой монастырь церковной утвари, книгъ, ризъ и на церковное строенье, ради разоренія Нѣмецкаго.

32. Челобитная, не извѣстно, какому Царю, Климецкаго Строителя Іоасафа ȏ возвращеніи монастырю прежней грамоты на монастырскія земли; ибо Сѣнногубскіе крестьяне, Кузьма Третьяковъ съ товарищи, не смотря на излюбленную сдѣлку съ монастыремъ о спорной землѣ, условій не исполняютъ.

33. Извѣтная челобитная Климецкаго Строителя Іоасафа Царю Алексѣю Михайловичу о покражѣ изъ монастыря имѣнья на 337 руб. 11 алт. и 4 ден. 1667.

34. Челобитная Климецкаго Строителя Іоасафа Царю Алексѣю Михайловичу объ очной ставкѣ съ нимъ Спаскаго крестьянина, Исака Васильева, по извѣту больничнаго старца, Пафнутія.

35. Жалоба Царю Алексѣю Михайловичу на посадскаго человѣка, Дуная Щетинина, о завладѣніи имъ монастырскою пожнею и о взыскѣ съ него 25 рублей. 1667.

36. Челобитье Царю Алексѣю Михайловичу Климецкаго Строителя черница Іоасафа на Сѣнногубскаго крестьянина Михайла Чуча, о завладѣніи имъ безъ крѣпостей монастырскою пашнею и сѣнными покосами. 1669.

37. Челобитная Климецкаго Строителя Іоасафа съ братіею Царю Алексѣю Михайловичу о томъ, чтобы грамотою повелѣно было Дворянину, присланному изъ города въ Володимерскую Четь, учинить судъ и расправу между ними и Куземкой Трофимовымъ, который не явился къ суду на Олонецъ, потому, де, что онъ судимъ на Москвѣ. 1669.

38. Челобитье Климецкаго Строителя Іоасафа Царю Алексѣю Михайловичу о взыскѣ съ крестьянина Устьяндомской волости, Θедора Созонова, 125 руб. съ полтиною за убытки, нанесенныя монастырской мельницѣ на Устьяндомѣ рѣчкѣ. 1670.

39. Челобитная Климецкаго Строителя Іоасафа Царю Алексѣю Михайловичу о правежѣ монастырскаго иска 232 руб. 24 алт. 1½ ден. съ крестьянъ Кузьмы Третьякова съ товарищи. 1670.

40. Челобитная Климецкаго Строителя Іоасафа съ братіею Царю Алексѣю Михайловичу о томъ, чтобы судное дѣло ихъ съ Кузьмой Третьяковымъ и его товарищами внесть для суда вверхъ предъ самаго Государя и предъ Бояръ. 1672.

41. Челобитная Климецкаго Строителя Іоасафа съ братіею Царю Алексѣю Михайловичу о присылкѣ для развода спорной монастырской земли съ Сѣнно-

губскими крестьянами Дворянина съ Бѣла Озера, Кипріана Михайлова сына Амушкина. 1673.

42. Челобитная Климецкаго Строителя Ѳеодосія съ братіею Царю Ѳедору Алексѣевичу о выдачѣ жалованья по выписи Подъячему Матвѣю Тарасьеву. 1678.

43. Челобитная извѣтная Климецкаго черница Іоасафа Царю Ѳедору Алексѣевичу на крестьянина Кижскаго погоста, Михайла Иванова сына Бажанова, завладѣвшаго монастырскою пустошью на рѣчкѣ Яндомѣ. 1679.

44. Челобитная извѣтная Климецкаго Дьячка Василія Иванова Царю Ѳедору Алексѣевичу на Поповскаго Старосту, Преображенскаго Попа, Семена Никитина, о буйствѣ и дракѣ. 1681.

45. Челобитная Боярину Богдану Матвѣевичу Климецкаго Строителя черица Іоасафа о пожалованіи вкладу на поновленіе обветшавшихъ церквей, поминаючи Аѳанасія Ивановича.

46. Челобитная Ивану Андреевичу о ходатайствованіи у Думнаго Дьяка Иларіона Ивановича объ успѣшномъ повершеніи монастырскаго дѣла.

47. Челобитная Царю Ѳедору Алексѣевичу Климецкаго Строителя Ѳеодосія о пожалованіи Царской милостыни годовой, 5 руб. 29 алтынъ 2 денегъ, да хлѣба ржи и овса по 28 четвертей сполна, которыя съ 1671 по 1677 г. выдавались въ половину.

48. Челобитная Климецкаго Строителя чернаго Попа Ѳеодосія Царямъ Ивану и Петру Алексѣевичамъ о томъ, чтобы денежное и хлѣбное жалованье, назначенное монастырю, было выдаваемо не въ Новгородѣ, а на Олонцѣ. 1686.

49. Челобитная Царямъ Ивану и Петру Алексѣевичамъ Климецкаго Строителя, чернаго Попа Ѳеодосія съ братіею, на Кижскихъ крестьянъ, Офонька да Ивашка Козьминыхъ съ товарищи, в насильственномъ завладѣніи монастырскими землями и угодьями на Кодо-наволокѣ и березовой сельгѣ, и о пожалованіи на эти угодья новой Царской грамоты монастырю противъ прежнихъ Государскихъ жалованныхъ и правыхъ грамотъ и крѣпостей. 1685.

50. Жалоба Царямъ Ивану и Петру Алексѣевичамъ Климецкаго Строителя Іеромонаха Варлаама съ братіею на Кижскихъ крестьянъ, Ивашка Алексѣева Бухаря да на Петрушку Ѕотилова съ товарищами, о томъ, что они монастырскую землю и всякія угодья пустошатъ, и въ возку всякой лѣсъ емлютъ, и самихъ ихъ и служакъ ихъ всякой неистовой бранью бранятъ и безчестятъ. 1692.

51. Челобитная Царямъ Ивану и Петру Алексѣевичамъ Климецкаго Строителя Іеромонаха Александра на Кижскаго Старосту, Михея Родіонова, который два года не выдаетъ монастырю жалованной Царской хлѣбной денежной руги. 1693.

52. Челобитная Царямъ Ивану и Петру Алексѣевичамъ и Софьѣ Алек-

сѣевнѣ на Сѣнногубскихъ крестьянъ, Афоньку Кузьмина Ганькова съ товарищи, которые, не смотря на грамоты Царей Ивана Васильевича, Θедора Ивановича, Бориса Θедоровича, Михайла Θедоровича, Алексѣя Михайловича, Θедора Алексѣевича, и ихъ разныхъ отводчиковъ, насильно владѣютъ монастырскими деревнями Роксою и Осиповщиною съ 1666 года.

53. Челобитная Царямъ Ивану и Петру Алексѣевичамъ Климецкаго Строителя Іеромонаха Варлаама на Оштинскаго жителя, Сеньку Лоткова, съ товарищи, которые съ велимъ насиліемъ въ Оштинскомъ стану разграбили монастырскую соль и иную рухлядь.

54. Челобитная Климецкаго Строителя Θеодосія Царямъ Ивану и Петру Алексѣевичамъ о возращеніи монастырю Юхновской пустоши и порожка, коими завладѣли Кижскіе крестьяне, Θедька Созоновъ съ дѣтьми и съ товарищи за тѣмъ продали Яндомозерской волости Попу Ивану Корнилову, а тотъ Попъ и Θедькины товарищи передали Датскаго Королевскаго Величества фактору Бутенанту.

55. Челобитныя Царямъ Ивану и Петру Алексѣевичамъ и Софіи Алексѣевнѣ о позволеніи принять вкладомъ жертвуемую въ монастырь пустошь Юхновскую и Нижній Порожокъ на Устьяндомѣ рѣчкѣ, которыя въ прежнихъ годахъ отняты были Кижскими крестьянами, Θедькою Созоновымъ съ товарищи, и потомъ переданы Датскому фактору Андрею Бутенанту.

56. Челобитная Царю Петру Алексѣевичу Климецкаго Строителя Александра на Голову Ладожанина посадскаго человѣка Ондрея Θедорова Охряева съ товарищи, который, вопреки прежнимъ жалованнымъ грамотамъ, требовалъ пошлины съ закупленной монастырской соли и продержалъ старца Дороθея въ таможнѣ двое сутокъ. 7205 (1697).

57. Прошеніе Климецкаго Строителя Александра Царю Петру Алексѣевичу о томъ, чтобы отказано было Ивану Кирилову съ братомъ его, Константиномъ въ искѣ его на гумно, отданное вкладомъ въ монастырь. 1703.

58. Прошеніе Климецкаго монаха Исаака съ братіею къ Царю Петру Алексѣевичу о выдачѣ съ 1701 по 1709 годъ хлѣбнаго жалованья. 1709.

59. Прошеніе Кондужскаго Дьячка Ивана Дьяконова къ Государынѣ Императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ объ отпускѣ съ Петровскихъ Заводовъ желѣза для строющейся каменной въ Кондушахъ церкви. 1725.

2. Челобитныя къ Іерархамъ.

1. Челобитная Новгородскому Митрополиту Никону Климецкаго Игумена Иліи съ братьею о ходатайствѣ предъ Государемъ утвердить за монастыремъ право владѣнія около пятиверстною землею и рыбными ловлями. Около 1650.

2. Челобитныя Климецкаго Строителя Θеодосія Митрополиту Новгородскому Корнилію о платежѣ церковной дани въ Новгородскую Софійскую казну въ

прежнемъ количествѣ, а не вдвойнѣ, какъ нынѣ наложили сборщики. 7160 (1652).

3. Челобитная Новгородскому Митрополиту Питириму о распутномъ и безчестномъ поведеніи Иліи, бывшаго Игумена Новгородскаго Вяжицкаго монастыря. 1665.

4. Челобитныя къ тому же Преосвященному Митрополиту Питириму Климецкаго Строителя черица Іоасафа о томъ, чтобы своими грамотами онъ приказалъ Поповскимъ Старостамъ выслать изъ монастыря Попа Матѳія и чернеца Геннадія за распутное и дурное поведеніе. 1665.

5. Челобитная къ Новогородскому Митрополиту Аѳонію о насильственномъ взиманіи съ монастыря Митрополичьихъ пошлинъ, и приказъ Митрополита о томъ, чтобы съ Игумена Аркадія за 3 года (1637 1638, 1639) ни какихъ пошлинъ не брать.

6. Челобитная къ Новогородскому Митрополиту Питириму Климецкаго Строителя чернца Іоасафа о томъ, чтобы не считать выкупленную кабалу (4 руб. 50 коп.) Игумена Иліи, бывшаго Вяжицкаго Архимандрита, дѣйствительною. Около 1667 г.

7. Челобитная Климецкаго Строителя чернца Іоасафа Новгородскому Митрополиту Питириму о допросѣ Поповъ волею, или неволею, подписали отводъ монастырскихъ земель Надежи Кулебякина. Около 1667.

8. Челобитная Митрополиту Новгородскому Питириму Климецкаго Игумена Іоасафа на Кижскихъ крестьянъ, Гришку Максимова съ товарищи, которые поллживили отводъ Надежи Кулебякина и сказали, что три Попа подписали неволею, а двѣнадцать Поповъ не подписали вовсе. Около 1667.

9. Челобитная Новгородскому Митрополиту Питириму Климецкаго Игумена Іоасафа на бывшаго монастырскаго Келаря старца Іакова, который въ 1661 году задарилъ отводчика Василія Мусяка и заставилъ его отвести Сѣнногубскимъ крестьянамъ, гдѣ у него были дѣти и родство, монастырской земли больше 2-хъ верстъ. 1668.

10. Челобитная Новгрдскому Митрополиту Корнилію мірскаго челобитчика, Андрюшки Подорина, на Поповскаго Старосту, Попа Семена Никитина, о сыскѣ по поданной на него росписи въ неистовомъ житіи. 1678.

11. Челобитная Вышеостровскаго монастыря старца Тихона Новгородскому Митрополиту Корнилію на Поповскаго Старосту, Кижскаго погоста Попа Семена Никитина, о насильственномъ завладѣніи его имуществомъ. 1681.

12. Челобитная Климецкой братіи Новгородскому Митрополиту Корнилію объ утвержденіи въ Строителяхъ. 1685.

13. Челобитная Климецкой братіи Новгородскому Митрополиту Іову объ утвержденіи въ Строителяхъ выбраннаго чернаго Священника, Іеромонаха Иліи. 1707.

14. Прошеніе Амвросію, Архіепископу Велико-Новгородскому и Велико-Луцкому Климецкаго Строителя Іеромонаха Корнилія о разрѣшеніи строить каменную церковь во имя Святаго Пророка Захарія и Елисаветы. 1742.

VI. Акты, относящіеся къ исторіи Соломенской пустыни.

1. Грамота Царя Өедора Алексѣевича на земли и угодья Соломенской пустыни. 7190 (1682).

2. Списокъ съ писцовыхъ книгъ письма и мѣры Никиты Панина да Подъячего Семена Копылова. 7135—37 (1627—29).

3. Межевая книга Петрозаводскаго Уѣзда Шуйскаго погоста упраздненной Соломенской пустыни. 1782.

ГРАМОТЫ.

А.

Царскія грамоты.

1.

Списокъ зъ Государевы грамоты слово въ слово.

От Царя і Великаго Князя Бориса Θедоровича всея Русіи, в нашу отчину, в Великій Новгородъ, Воеводе нашему Князю Даніилу Андреевичю Ногтеву, да Дьяку нашему Дмитрію Алябьеву. В прошломъ во 105 году (1597) писали есте блаженныя памяти к Великому Государю Царю і Великому Князю Θедору Ивановичу всея Русіи, что билъ челомъ блаженные памяти Великому Государю Царю і Великому Князю Θедору Ивановичу всеа Русіи, Новгородцкаго Уѣзда, из Обонежские пятины, Троицкаго и Николы Климецкаго монастыря старецъ Θилипъ съ братею. В прошломъ, де, въ 91 году (1583 г.) Великій Государь Царь і Великій Князь Іванъ Васильевичь всеа Русіи пожаловалъ Климецкаго монастыря Игумена Тихона з братіею, в Спаскомъ в Кижскомъ погостѣ пустыми деревнямі, деревнею Роксою выть земли, деревнею Осиповщиною на Мусть-наволоку пол выті земли, со всѣми угодьи тѣхъ деревень і с черною лѣшою пашнею, да островкомъ, что копанъ ручей на мельницу; и по той жалованнной грамоте посыланъ из Новагороду Сынъ Боярской Дмитрій Кашкинъ, а велѣно ему тѣ деревни, деревню Роксу, да деревню Осиповскую на Мусть-наволокѣ отвести, а Климецкому монастырю, по приправочнымъ книгамъ Ондрея Лихачева, со всякими угодьи тѣхъ деревень и с черной лѣшею пашней с старожилцы не в коробейное, в четвертное число. И Дмитрій Кашкинъ, взявъ у Старостъ и волостныхъ людей, Кижсково жъ погоста старожилцовъ, на деревню на Роксу Карпушку Яковлева Лонгачева, а на деревню на Осиповскую на Мусть-наволоке, Касіянка Евдокимкова, і тѣ старожилцы тѣхъ деревень поля і пожни і всякія деревенскія угодья отвели, опроче черные лѣшие пашни, по

своему прежнему владѣнью не въ коробейное і не в четвертное число, і островокъ, что копанъ ручей на мельницу, а про чорную, де, лѣшую пашню тѣ старожилцы сказали, что пахали без дѣлу с одново Кижсково погоста с крестьяны повытно, и имъ Дмитрей Кашкинъ полямъ и пожнямъ межи и грани і урочища въ отдѣльные книги написалъ, а черную лѣшую пашню в отдѣльные книги написалъ пахати имъ Кижскаго погоста со крестьяны с одново повытно, и отдѣльные книги за своею і за Поповскими и за волостныхъ людей руками отдалъ в нашу казну в Новѣгородѣ, и онѣ, деі, по Государевѣ жалованной грамоте і по отдѣльнымъ книгамъ, тою полевою пашнею і сельскими покосы владѣли двѣнадцать лѣтъ, а черные, де, і лѣшие пашни, что отделилъ имъ по Государеве грамоте Дмитрій Кашкинъ Кижсково погоста крестьяне имъ пахать не дали, і во 102, де, году Кижсково погоста крестьяне Ѳедосейко Звонковъ во всѣхъ крестьянъ мѣсто, і сказали на нихъ на старцевъ ложно припуску полевому к тѣмъ ихъ монастырскимъ деревнямъ, к деревні к Роксинской да деревни Осиповской Мусть-наволока и сенныхъ покосовъ і лѣшие черные отхожие пашни за отдѣлными межами за владѣнье шестьдесятъ трехъ рублевъ. А после, де, отдѣлу Дмитрія Кашкина приѣзжали писцы въ 93 году Левонтей Аксаковъ съ товарищи, и писали, де, и мѣрили Кижсково погоста деревни в четвертное число, на выть по четырнатцати четъ в поле, а в дву по тому жъ, и тѣ, де, крестьяне Спаскаго погоста Кижскаго въ тѣ поры Государю не били челомъ, і писцомъ на нихъ о поляхъ, ни о пожняхъ, не бивали жъ челомъ и не сказывали, а и тѣхъ, де, крестьянъ деревни съ ихъ монастырскими деревнями стоятъ в розни, і поля с полями не сошлися, и писцы, де, ихъ монастырскихъ деревеѣь не писали и не мѣряли, а мимо, де, отдѣльныхъ книгъ полони къ монастырскимъ деревнямъ не припущали, і лѣшие черной пашни тѣхъ крестьянъ от насильства къ тѣмъ деревнямъ не паховали, и роспаши, де, полевые, что они роспахали, і пожни, что они розчистили, къ монастырскимъ деревнямъ по отдѣлу у нихъ отнимаютъ тѣ крестьяне сильно, і называютъ, де, еѣ своею пашнею ложно, а черная, де, отхожая пашня тѣхъ пустыхъ деревень, что за ними Климецкаго монастыря за старцы в оброке Кижсково погоста нашихъ дворцовыхъ деревень недѣлная, изстари пахали с одново повытно, и межнѣ, і блаженные жъ памяти по Государеве Цареве и Великаго Князя Ѳедора Івановича всеа Русіи грамоте, какова к вамъ прислана по

челобитью Климецкаго монастыря старца Өилипа з братею, велено вамъ про тѣ Климецкаго монастыря поля, и про отхожую черную пашню, і про островокъ, что копанъ ручей на мельницу, что имъ по Госудуреве жалованной грамоте отделилъ Дмитрей Кашкинъ, сыскати Государевою жалованною грамотою і отдѣльными книгами Дмитрея Кашкина; да будетъ въ жалованной грамоте и в отдѣльныхъ книгахъ Дмитрея Кашкина поля ихъ монастырскихъ деревень і отхожіе черные пашни і пожни і островокъ, что копанъ ручей на мельницу, и иные какие угодья, писаны къ ихъ монастырскимъ деревнямъ, і вамъ къ ихъ монастырскимъ деревнямъ поля і черную отхожую пашню і пожни і скотинной выпускъ і островокъ, что копанъ ручей на мельницу, велѣти отдѣлить по розводной межи Дмитрія Кашкина, и пашню у нихъ в поляхъ велѣти измѣрять въ чети, а отхожея будетъ пашня по Дмитріевымъ по отдѣльнымъ книгамъ Дмитрія Кашкина Климецкаго монастыря старцамъ велѣно пахати Кижсково погоста со крестьяны с одново; а межи будетъ промежъ ими не учинено, і вамъ велено Климецкаго монастыря старцамъ отхожие черные пашни к тѣмъ монастырскимъ деревнямъ отдѣлить, смѣтя по обжамъ, по сколько десятинъ на обжу доведется сряду с одново, і межу промежъ деревень Кижскаго погоста крестьянъ і монастырскихъ деревень учинити, і по отдѣлу тое землю в книги написати, і вы для отдѣлу и межеванья тѣхъ монастырскихъ деревень полевые і отхожіе пашни і осенныхъ покосовъ и всякихъ угодей посылали Богдана Помѣщикова, і наказъ ему противъ Государевыхъ грамотъ і противъ Дмитріевыхъ Кашкина межевыхъ книгъ дали, і Богданъ Помѣщиковъ привезъ тѣмъ монастырскимъ деревнямъ отдѣльные межевые книги за своею і за Поповскими и за волостныхъ людей руками и чертежъ; а в межевальныхъ книгахъ написана і на чертежу отчерчено отмежевалъ Богданъ околъ нихъ погостовъ с Попы і Старосты и с Целовальники по прежнимъ по межевальнымъ книгамъ Дмитрія Кашкина к деревни Роксѣ в первомъ поле двѣнатцать чети съ восьминою, в другомъ полѣ двенадцать чети съ осминою, в третьемъ полѣ четырнадцать чети съ осминою, земля середняя; и Кижсково погоста крестьяне на тое межу Дмитрея Кашкина не пошли, и знатца и Земскаго і церковнаго Дьячка не дали, а сказали, что, де, і Дмитрій Кашкинъ тое межу межевалъ по мздѣ, по тому, де, і знатца не дали, сами не пошли, а дали, де, на ту деревню.... (Конецъ оторванъ).

2.

Списокъ з Государевы грамоты слово въ слово.

Отъ Царя и Великаго Князя Михаила Өеодоровича всея Русіи, в Новгородской Уѣздъ в Заонежскіе погосты Дороѳею Карповичу Ельчанинову. Били намъ челомъ изъ за Онега озера Живоначальные Троицы и великаго чудотворца Николы Климецкаго монастыря Игуменъ Варлаамъ з братею. Въ прошломъ во 135 году дана имъ наша жалованная грамота, а по той грамоте велено купить на монастырской обиходъ хлѣба, і соли, и рыбы, и кожъ, и масла, и на братію и на слугъ всякаго платья и обуви и иныхъ всякихъ монастырскихъ годовыхъ запасовъ, которые на монастырской обиходъ пригодятся, на сто на пятьдесятъ рублевъ; а покупати имъ тѣ запасы в Новгородѣ, в Ладоги, на Вологди, на Белѣозерѣ, въ Каргополѣ, на Колмогорахъ, в Новгородскомъ Уѣздѣ и уморя, и по волостямъ, и по торжкомъ; и возить тѣ покупные запасы изъ городовъ и отъ моря соль и рыбу и кожи зимою на саняхъ, на сколькихъ лошадяхъ мочно подняти, лѣтомъ в ладье; а с тѣхъ ихъ с монастырскихъ с покупныхъ запасовъ, со ста пятидесяти рублевъ, явчего, вѣчего, полозоваго, свальнаго, отвознаго сходне и корговаго, и привязнаго и проѣзжіе пошлины, и на рѣкѣ на Свирѣ спускнаго і сходной с людей головщины, і иныхъ ни какихъ пошлинъ с нихъ имати не велено. И которую, де, они у моря купятъ соль, и провозятъ в лодьѣ внизъ по Свирѣ рекѣ в Ладогу и на Сермаксу, и тое соль продаютъ, а на тѣ денги покупаютъ на монастырской обиходъ хлѣбъ и всякой запасъ, и с того, де, хлѣба и запасу в Великомъ Новгородѣ и въ иныхъ городехъ и по торжкомъ и по ярманкамъ таможенные Головы, и Целовальники, і откупщики, и в Сумскомъ остроге Соловецкие Приказные старцы и ихъ таможники, емлютъ таможенные пошлины насильствомъ, і на Свирѣ рѣкѣ и на Волховскихъ торгахъ с лодьи ихъ спущики емлютъ спуски, с порога рубля по два и по три и больше; а вотчинъ у нихъ нѣтъ, кормятся покупнымъ запасомъ. И намъ бы ихъ пожаловать по нашей жалованной грамоте, какова имъ дана во 132 году с монастырскихъ с покупныхъ и с продажныхъ запасовъ, со ста с пятидесяти рублевъ, в городахъ и по торжкомъ, и на рѣкахъ на Свири и на Волховѣ на порогахъ с лодьи ихъ спускнаго имать не велелъ. И мы Живоначальныя Троицы и Великаго Чюдотворца Николы Климецкаго монастыря

Игумена с братею пожаловали, для дальнего и скуднаго мѣста по нашей жалованной грамоте пошлинъ с нихъ имати не велели с прямова, чѣмъ они пожалованы; а что сверхъ пожалованной грамоты объявитца лишнево, и с тово, велели имати по прежнему. И какъ къ тебѣ сія грамота наша придетъ, и ты того Климецкаго монастыря на Игумена з братею по нашей жалованной грамоте пошлинъ имати не велѣлъ, с прямова, чѣмъ они пожалованы, а что сверхъ нашей жалованной грамоты объявитца у нихъ лишнево, і ты с того велелъ пошлину имати по прежнему, і в таможенныхъ книгахъ тое пошлину писалъ имено особною статьею. А прочетъ сію нашу грамоту и списавъ съ нее списокъ, да тотъ списокъ оставилъ въ нашей казнѣ в съѣсжей избѣ, а сію нашу грамоту отдалъ бы еси Климецкаго монастыря Игумену Варлааму з братею. Писанъ на Москвѣ лѣта 1649 году, Генваря въ 11 день. Назади подлинные грамоты припись Дьяка Григорья Львова. Списокъ с подписи слово в слово: Лѣта 7063 (1667) году, Марта въ 19 день, Великій Государь Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ всея Великія, и Малыя, и Бѣлыя Росіи Самодержецъ, сего, отца своего, Государева, блаженныя памяти Великаго Государя Царя и Великаго Князя Михаила Өеодоровича, всея Русіи Самодержца, грамоты слушавъ, из за Онега озера Живоначальныя Троицы и Великаго Чюдотворца Николы Климецкаго монастыря Игумена Илью з братею, и кто по немъ в томъ монастырѣ иной Игуменъ и братья будутъ, пожаловалъ, велѣлъ имъ сію грамоту подписати на свое, Великаго Государя и Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича, всея Великия, и Бѣлыя, и Малыя Росіи Самодержца, имя, и о всѣмъ велѣлъ дѣлать по тому, какъ в сей грамоте сказано. Припись у подписи Дьяка Дмитрія Шубина. Списокъ с подписи слово в слово: 7188, Ферваля въ « » Великій Государь и Царь и Великій Князь Өедоръ Алексѣевичъ, всея Великія, и Малыя, и Бѣлыя Росіи Самодержецъ, сего, отца своего, Государева, блаженныя памяти Великаго Государя Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича, всея Великія, и Малыя, и Бѣлыя Росіи Самодержца, грамоты слушавъ, из за Онега озера Живоначальныя Троицы и великаго Чудотворца Николы Климецкаго монастыря Строителя старца Өеодосія з братіею, и кто по немъ в томъ монастырѣ иный Игуменъ з братію будетъ, пожаловалъ, велѣлъ и имъ сію грамоту подписать и на свое, Великаго Государя и Царя и Великаго Князя Өеодора Алексѣевича, всея Росіи Самодержца, имя, о всемъ велѣлъ дѣлать по тому,

какъ въ сей грамотѣ указано, без нарушенія, опричь тѣхъ статей, которые в сей грамоте писаны противные его, Великаго Государя, Указу и Соборному Уложенію, а тѣмъ статьямъ быть во всемъ противъ его, Великаго Государя, Указу и Соборнаго Уложенія. Припись у подписи Думнаго Дьяка Алексія Кирилова . . . . На другой сторонѣ свитка написано: Къ сему списку Климецкаго монастыря Строитель черный Попъ Өеодосій . . . . ниже . . . . руку приложилъ.

3.

Отъ Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича, всея Великія, і Малыя, и Бѣлыя Росіи Самодержца, в нашу отчину, въ Великій Новгородъ, Боярину нашему и Воеводамъ, Князю Григорью Семеновичу Куракину съ товарищи. Вѣдомо намъ, Великому Государарю, учинилось: есть нѣкія имянуются всуе Православные Христіани разныхъ всякихъ чиновъ люди, і отъ препроста ума своего і своимъ неразуміемъ и нерадѣніемъ, гордости ради, о дѣлахъ своихъ ни мало попеченія не имѣютъ, и без покаянія всегда пребываютъ, и отцовъ духовныхъ николи не имѣютъ, и за не исповѣдание грѣховъ своихъ душами погибаютъ, і во мнозехъ грѣсехъ нечествомъ бываютъ, и многія въ совершеннехъ лѣтехъ в тридесять, і в четыредесять, да в пятьдесять и выше, а иные долготерпеніемъ Божіимъ и до старости дошли, а к покаянію еще не пришли, и отцовъ духовныхъ у себя не имѣютъ никогда, и таковые по Писанію горше невѣрныхъ, а когда таковые в болезни тѣлесніи впадутъ, і тогда онѣ, не боящеся Бога, хотяше, дабы ихъ у церкви погребли, и таковыхъ невольное покаяніе при смерти в мале пріятно Богу, и когда со одра болѣзни востаютъ, и тогда покаяние свое забываютъ, а у отцовъ духовныхъ самоизволеніемъ своимъ ни в которые посты на исповѣди до смерти не бываютъ, и во мнозехъ гресехъ без покаянія и до старости пребываютъ, аки чюжи веры Христовы, а иныя многія просто без покаянія помираютъ внезапною скорою смертію. И сего ради внезапнаго смертнаго скораго часа подобаетъ всемъ Православнымъ Христіанамъ всякихъ чиновъ людемъ всегда ко отцамъ духовнымъ на покаяніе прибѣгати не одинова годомъ, но во вся четыре поста обновлятися своими дѣлами и грѣховъ своихъ каятися, яко же велѣша Святіи Отцы, аще не возможно кому, великія ради нужды, во вся четыре годовыя поста къ покаянію пріити трижды, прити дважды

въ годъ; а будетъ кому отнютъ не возможно и дважды въ годъ къ отцу духовному на покаяніе пріити, а въ великій постъ, оставя всякую нужду и презревъ всякое дѣло земное и всякія суеты и душетлѣнныя печали, попещися и поскорбѣти, о душе своей потужити, и поплакатися о грѣсѣхъ своихъ всякому человѣку Православному Христіанину, но паче прочихъ постовъ ко отцамъ духовнымъ на покаяніе пріити; а кто по правиломъ Святыхъ отецъ достоинъ будетъ Святыхъ Христовыхъ таинъ причаститись, тотъ да причастится. А будетъ который человѣкъ Православныя Христіанскія вѣры не пріидетъ на покаяніе в тотъ который постъ, паче же въ великій, той не есть достоинъ нарещися истиннымъ Христіаниномъ, но всуе нарицаетъ себя таковымъ святымъ именемъ, Христіаниномъ, и кто не исповѣдуетъ грѣховъ своихъ отцу духовному на великій постъ, тотъ несовершенъ Христіанинъ пребываетъ, но всуе именуетъ себя таковымъ званіемъ, и таковый чуждъ есть Христіанскаго званія, и Святіи отцы Іереямъ Христовымъ заповѣдаша не приняти у таковыхъ ни какова приношенія, в церкви Божіи не повелеша, входити въ церковь Божію таковымъ возбраниша, недостойныхъ бо суща входа церковнаго яко иновѣрцы не каявшихся грѣховъ своихъ никогда же, дѣлами своими погибаютъ во мнозехъ грѣсехъ и безъ покаянія живутъ. И сего ради Мы, Великій Государь, о таковыхъ погибельныхъ и о не покающихся душахъ изволи душею своею поскорбети, чтобъ таковыхъ погибельныхъ души на истинный путь на покаяніе обратить, и тѣмъ гнѣвъ Божій укротить, и милостива его себѣ сотворить Православному роду Россійскому благочестивыя своея Державы. И какъ вамъ сія наша грамота придетъ, и вы въ Новгородѣ и въ Новгородскомъ Уѣздѣ Архимандритамъ, Игуменамъ, Протопопамъ и приходскихъ всѣхъ церквей Попамъ и Діаконамъ церкви Божіей пасти законъ и заповѣдь хранити такожде велите, да вамъ же бъ приходскихъ церквей Попомъ и Діакономъ по вся воскресные дни, въ среду и въ пятокъ, и владычни праздники, какъ прихожане въ церковь Божію соберутся, и въ церкви Божіи поученіе чести с толкованіемъ, изо устъ слово Божіе разсуждати, дабы онѣ на истинное покаяніе не покаявшіеся души обратились, престали бъ отъ злобъ своихъ всякихъ, ихъ же ненавидитъ Богъ, пришли бъ въ сей великій постъ къ отцемъ духовнымъ на покаяніе, а достойные будутъ причастится Святыхъ Таинъ Христовыхъ. Да приходскихъ же бы всѣхъ церквей Попы и Діаконы въ своихъ приходахъ испытовали прихожанъ своихъ, и рас-

прашивали бъ накрѣпко у своихъ прихожанъ, естьли отцы духовные, и кто именемъ, и в нынѣшній великій постъ постятся ли, и отцамъ духовнымъ исповѣдуются ли, и въ послѣдніе дни хотятъ ли на покаяніе пріити, и чтобъ одноличио всякій человѣкъ мужеска полу и женска въ нынешній великій постъ и впредь въ великіе посты покаивались, и душами своими скорбѣли, понеже покаяніе веліе бремя грѣховное облегчиваетъ. И вы бъ, Архимандриты, Игумены, Протопопы и приходскихъ церквей всѣхъ Попы и Діаконы, и всякихъ чиновъ люди, приказывали съ великимъ разсмотрѣніемъ и подкрѣпленіемъ, чтобъ во всѣхъ церквахъ Божіихъ божественное пѣніе было единогласно со страхомъ Божіимъ. А будетъ кто своимъ закоснѣніемъ и жестокосердечіемъ учинится и къ покаянію не обращателенъ будетъ, и сему нашему, Государеву, повелѣнію явится ослушникъ, и таковымъ непокоривымъ имѣти у Архимандритовъ, и у Игуменовъ, и у Протопоповъ, и у Поповъ, имянныя росписи за руками, и о томъ къ намъ, Великому Государю, къ Москвѣ писати и росписи ослушникомъ велите подать въ Монастырскомъ Приказѣ Окольничему нашему Ивану Ѳедоровичу Болшему Стрешневу, да Дьякомъ нашимъ Петру Малыгину да Андреяну Немирову, и таковымъ ослушникомъ нашъ, Великаго Государя, Указъ будетъ с опалою безъ всякія пощады. А будетъ приходскихъ церквей Попы и Діаконы по сей нашей, Великаго Государя, грамоте, дѣтей духовныхъ и прихожанъ на истинной путь обращать не учнутъ въ сей великій постъ и въ прочіи посты, станутъ таковымъ молчати и не покаявшихся укрывати, а намъ, Великому Государю, учинится ведомо, и приходскихъ церквей Попамъ и Дьяконамъ за то отъ насъ, Великаго Государя, быть въ великой опалѣ и въ пени, и правила Святыхъ Апостолъ и Святыхъ Отецъ въ большомъ запрещеніи. А с сею нашею, Великаго Государя, грамотою ѣхали бъ въ соборную церковь, и собравъ приходскихъ церквей Поповъ и Діаконовъ, и весь причетъ церковный, Дворянъ и Дѣтей Боярскихъ, и всякихъ служилыхъ людей, и Земскихъ Старостъ и Целовальниковъ, и всѣхъ Православныхъ Христіанъ всякаго чину, и велеть ту нашу, Великаго Государя, грамоту честь всѣмъ людямъ въ слухъ, чтобъ сей нашъ, Великаго Государя, Указъ всѣмъ былъ вѣдомъ, и ходили бъ противъ правилъ Святыхъ Апостолъ и Святыхъ Отецъ, по сему нашему, Великаго Государя, Указу. А списавъ съ сей нашей, Великаго Государя, грамоты списокъ, послали бъ въ Новгородской и Великолуцкой Уѣзды и въ

монастыри и къ приходскимъ церквамъ, чтобы онѣ церкви Божіи и въ церквахъ Божіихъ пѣніе и всякое благочестіе чинили по сему нашему, Великаго Государя, Указу. Писана на Москвѣ 7168 году, Марта въ 3 день, а подлинная Государева грамота за приписью Дьяка Андрея Немирова.

4.

Списокъ зъ Государевы грамоты слово въ слово.

Отъ Царя и Великаго Князя всея Великія, и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, Алексѣя Михайловича, въ нашу отчину, въ Великій Новгородъ, Боярину нашему и Воеводамъ, Князю Григорью Самсоновичу Куракину съ товарищи. Билъ челомъ намъ, Великому Государю, Новгородскаго Уѣзда, съ Онега озера, Живоначальныя Троицы и Великаго Чудотворца Николы, Климецкаго монастыря Игуменъ Илья съ братею. В прошломъ, де, во 155 году блаженные памяти Великій Государь Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи пожаловалъ въ тотъ Живоначальные Троицы и Великаго Чудотворца Николы въ Климетцкой монастырь на пашню, и на скотинной выпускъ, и на церковное и на монастырское строенье, черново диково лѣсу, отъ монастыря въ длину на пять верстъ, да во Онегѣ озерѣ воды для рыбныя ловли, отъ монастыря по пяти жъ верстъ на всѣ стороны, да сверхъ того пожаловалъ, де, въ Кижскомъ погостѣ пустошью Юхновскою на Роксѣ, да пустошью на Мусть-наволокѣ Осиповщиною и со всѣми угодьями, да озеркомъ Лѣшимъ, Нюхчею и Копанъ ручейкомъ, и мельницу, и у Копанаго ручейка островкомъ, да на устьяхъ Домерѣчкѣ мельницею, да у мельницѣ, по писцовымъ книгамъ пустошь Юхновская; а послѣ, де, того, блаженныя памяти, при Царѣ и Великомъ Князѣ Ѳеодорѣ Ивановичѣ всеа Русіи, и при Царѣ Борисѣ, даны имъ на тѣ на всѣ монастырскіе згодья правые грамоты и Боярской приговоръ съ приписью Дьяка Ивана Нармацкаго. А въ прошломъ, де, во 123 году, по Указу отца нашего блаженные памяти Великаго Государя Царя и Великаго Князя Михаила Ѳеодоровича всеа Русіи, на тѣ прежніе Государевы жалованные грамоты о той монастырской земли въ черномъ лѣсу и о рыбной ловли и о всякихъ угодьяхъ и о пустошахъ дана имъ его, Государева, новая жалованная грамота за приписью Дьяка Василья Семенова, и рудить ее никому ни въ чемъ не велѣлъ, а велѣлъ ходить по тому, какъ въ грамоте написано. И после того

ихъ монастырское згодье, землю, черной лѣсъ и скотинной выпускъ и рыбные ловли и всякіе згодья его, Государевы, крестьяне Кижскаго погоста, Сенногубскаго конца, Конденскіе деревни, Гришка Максимовъ съ товарищи, учали у нихъ отнимать и владѣть сильно; и в прошломъ, де, въ 152 году били они челомъ отцу нашему блаженныя памяти Великому Государю Царю и Великому Князю Михаилу Ѳеолоровичу всеа Росіи, на тѣ монастырскія згодья и объ отводѣ, и по Указу, де, отца нашего былъ изъ Великаго Новагорода для того землянаго отдѣлу Петръ Зміевъ, и онъ по Его Государеву Указу и прежнихъ Государей Царей пожалованнымъ грамотамъ и по крѣпостямъ и по писцовымъ книгамъ, монастырскую землю и рыбные ловли, и пустоши Роксу и Осиповщину, и мельницы и всякіе згодья, монастырю отвелъ и по старымъ межамъ размежевалъ, и тѣ, де, крестьяне Петровъ отводъ полживили; и посыланъ былъ по ихъ челобитью другой отводчикъ, Новгородецъ Надежа Кулебакинъ, и тѣ жъ, де, крестьяне хотя его, Государево, богомолье разорить и тою монастырскою землею всякими угодьи впередъ сильно завладѣть, и догово отводчика полживили жъ. И в прошломъ, де, во 154 году били они челомъ намъ, Великому Государю, о третьемъ отводчикѣ, и по тому, де, ложному челобитью, для того землянаго отводу, посыланъ былъ съ Москвы Гаврило Островской, и наровя, де, онъ крестьяномъ, для своей корысти, отводилъ онъ ихъ монастырскую землю поверстную и рыбные ловли и пустоши и всякія угодья и къ монастырю напротивъ прежнихъ Государей Царей и нашихъ Великихъ Государей жалованныхъ грамотъ и писцовыхъ книгъ и монастырскихъ правыхъ крѣпостей, отнялъ онъ, Гаврило, у нихъ отъ монастыря и изъ нашихъ Великихъ Государей грамотъ поверстные земли чернаго лѣсу три версты; да онъ же Гаврило отнялъ у нихъ отъ монастырскихъ пустошей отъ Роксы и отъ Осиповщины искони вѣчныя монастырскія угодья, Березовую сельгу и Кодо-наволокъ, и Кужеевъ ободъ, и логовой, да въ Копаницы у мельницы островокъ, да на Устьяндомѣ рѣчкѣ у мельницы пустошь Юхновскую, а та, де, монастырская земля ни въ которыхъ въ писцовыхъ книгахъ, ни въ какихъ крѣпостяхъ за ними не написана, а у нихъ, де, на тое монастырскую землю и на всякіе угодья наши, Великихъ Государей, грамоты и писцовые книги и правые монастырскіе крѣпости есть, а онъ, де, Гаврило, ничему тому не вѣрилъ, все нарушилъ. И въ прошломъ, де, во 158 году, по нашему, Великаго

Государя, Указу, и по ихъ челобитью, подписана грамота блаженныя памяти отца нашего, Великаго Государя Царя и Великаго Князя Михаила Θеодоровича, всея Великія, и Малыя и Бѣлыя Росіи Самодержца, имя, и не велено рушить ее никому ни въ чемъ, а велено имъ тою монастырскою землею и всякими угодьи владѣть, какъ въ грамотѣ прописано; и по нашему Великаго Государя Указу Большаго Дворца послана наша, Великаго Государя, грамота въ Великой Новгородъ, къ Боярину и Воеводѣ нашему, ко Князю Юрью Петровичу Буйносову-Ростовскому, а велено, де, по тое нашей, Великаго Государя, грамоте монастырскую землю и рыбные ловли и всякія угодья къ монастырю отвесть, и для того землянаго отдѣлу посыланъ былъ изъ Великаго Новагорода Сотникъ стрелецкій Акимъ Аристовъ, и онъ со Священники и понятыми людьми монастырскую землю и рыбные ловли и всякія угодья къ монастырю прежнихъ Государей Царей и по нашимъ, Великаго Государя, жалованнымъ грамотамъ, и по писцовымъ книгамъ, и по всѣмъ монастырскимъ крѣпостямъ, отдѣлилъ, и тѣ, де, его отдѣльные книги присланы къ Москвѣ въ нашъ, Великаго Государя, Приказъ Большаго Дворца. И въ прошломъ же, де, во 160 году, по ложному челобитью того же Гришки Максимова и сына его, Исачка, прислана на Олонецъ наша, Великаго Государя, грамота къ Окольничему и Воеводѣ нашему, къ Василью Александровичу Чоглокову, будто тотъ Сотникъ Акимъ Аристовъ отвелъ ихъ крестьянскую тяглую землю, а онъ, де, Акимъ отвелъ ихъ искони вѣчную монастырскую землю и угодья, а не ихъ крестьянскую, и о томъ, де, онъ, Гришка, и сынъ его, Исачко, били челомъ намъ, Великому Государю, ложно, хотя они впередъ нашего, Великаго Государя, богомолье разорить, и тою монастырскою землею и всякими угодьи насильствомъ завладѣть; и намъ бы, Великому Государю, пожаловати ихъ, своихъ Царскихъ богомольцевъ, не велѣти бы прежнихъ Государей Царей и нашихъ, Великаго Государя, грамотъ жалованныхъ и правыхъ крѣпостей и послѣднихъ отдѣльныхъ книгъ Акима Аристова нарушить, и не велѣти бъ тому ихъ, Гришкину, и сына его, Исачки, ложному челобитью и отводнымъ книгамъ Гаврила Островскаго повѣрить, по тому что, де, онъ, Гаврило, прежнихъ Государей Царей и наши, Великаго Государя, жалованные грамоты и писцовые книги и правые монастырскіе крѣпости всѣ нарушилъ, землю и угодья отъ монастыря отнялъ безъ нашего, Великаго Государя, Указу и Соборнаго Уложенья, и по тому, де, его

неправедному отводу, тотъ Гришка и сынъ его, Исачко, съ товарищи, и тое жъ ихъ монастырскую землю пострадали, и пахали, и хлѣбъ монастырской пожали, и сѣно покошеное повозили насильствомъ, и отъ того, де, насильства и отъ разоренья наше, Великаго Государя, богомолье до конца разорилось, и многая братья по міру врознь разбрелись, питаться, де, имъ стало не чѣмъ, и скотины выпустить нѣкуда, наши же, Великаго Государя, крестьяне у нихъ землю и скотинной выпускъ отняли, сами и бьютъ и скотъ ихъ колютъ и сѣкутъ, и выпуску имъ не даютъ; и велѣти бъ имъ намъ, Великому Государю, разоренныхъ противъ прежнихъ Государей Царей и по нашимъ, Великаго Государя, жалованнымъ грамотамъ и по правымъ монастырскимъ крѣпостямъ и по послѣднимъ отдѣльнымъ книгамъ Акима Аристова, тою ихъ монастырскою землею и рыбною ловлею и скотнымъ ухожимъ и всякими угодьи по нашему, Великаго Государя, Указу и по жалованнымъ грамотамъ, впредь имъ владѣть, и о томъ велѣти бъ намъ, Великому Государю, дать имъ Великаго Государя грамоту, чтобъ наше, Великаго Государя, богомолье впредь отъ ихъ разоренья не запустѣло, и имъ бы достальнымъ отъ нашего, Великаго Государя, богомолье не отбыть и въ конецъ не погибнуть. И какъ къ вамъ сія наша, Великаго Государя, грамота придетъ, и вы бъ велѣли на ту Климецкаго монастыря и Спаса Кижскаго погоста на спорную землю послать изъ Великаго Новагорода Дворянина добра и Подъячаго отъ мѣста стараго, и велѣли ту землю развесть съ сторонними людьми и со старожилцы по нашимъ, Великаго Государя, жалованнымъ грамотамъ и по всякимъ крѣпостямъ в правду, безо всякія понаровки, не дружа никому, чтобъ впередъ ни отъ кого челобитья къ намъ, Великому Государю, не было; а какъ ту землю разведутъ, и на той земли межи и границы, всякія признаки учинить, и вы бы то все велѣли написать въ книги, также и рыбные ловли, которые в спорѣ, и иные всякіе угодья написать въ тѣ жъ разводные книги подлинно, и тѣ книги за руками прислали къ намъ, Великому Государю, къ Москвѣ, въ Новгородскую Четверть, къ Дьякомъ, къ Думному Ларіону Лопухину да Дмитрію Шубину. Писана на Москвѣ лѣта 7168, Марта въ 21 д., и подлинная Государева грамота за приписью Дьяка Дмитрея Шубина, а справка Подъячаго Өедора Өедорова.

5.

Списокъ зъ Государевы грамоты слово въ слово.

Отъ Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича всеа Русіи, въ нашу отчину, въ Великій Новгородъ, Воеводамъ нашимъ, Князю Андрею Семеновичу Урусову, да Князю Григорью Петровичу Борятинскому, да Дьяку нашему Лукѣ Талызину. Били намъ челомъ съ Онега озера, Живоначальные Троицы, Великаго Чюдотворца Николы, Климецкаго монастыря Игуменъ Іоасафъ съ братею. Въ прошломъ во 147 году, по Указу блаженные памяти отца нашего, Государя Царя и Великаго Князя Михаила Θеодоровича всеа Русіи, велѣно имъ наше жалованье, ругу, деньги и хлѣбъ, давать въ Великомъ Новгородѣ, изъ нашихъ дворцовыхъ доходовъ, по окладу сполна, денегъ пять рублевъ дцадцать девять алтынъ две деньги, да хлѣба двадцать восемь четвертей ржи, овса то жъ, и то наше жалованье, деньги и хлѣбъ, давали имъ ежегодно безпереводно по нынѣшней по 154 годъ, а впредь, де, имъ по той грамоте руги давать не хотите, по тому въ прошломъ во 150 году прислана блаженныя памяти отца нашего, Государя Царя и Великаго Князя Михаила Θеодоровича всеа Русіи, грамота въ Великій Новгородъ, къ Боярину нашему и Воеводѣ, Глебу Ивановичу Морозову, да Дьяку нашему Θилипу Арцибашеву, а велѣно имъ деньги и хлѣбъ давати Новгородскимъ ружнымъ, которые били челомъ блаженные памяти отцу нашему, Государю Царю и Великому Князю Михаилу Θеодоровичу всеа Русіи, а безъ нашихъ ежелѣтныхъ грамотъ давать никому не велено, и имъ, де, по грамоты къ намъ къ Москвѣ по всякой годъ ѣздити не мочно, мѣсто дальнее и убогое; и намъ бы ихъ помиловать, для ихъ скудости, велѣти имъ давать наше жалованье, деньги и хлѣбъ, въ Великомъ Новгородѣ, изъ нашихъ дворцовыхъ доходовъ, ежегодъ безпереводно, безъ Московскіе волокиты, по жалованнымъ грамотамъ блаженные памяти отца нашего, Государя Царя и Великаго Князя Михаила Θеодоровича всеа Русіи, чтобъ имъ от дальные волокиты в конецъ не погибнуть и розно не разбрестися. И какъ къ вамъ сія наша грамота придетъ, и вы бъ Живоначальные Троицы и Великаго Чудотворца Николая Климецкаго монастыря Игумену Іоасафу съ братею наше жалованье, годовую денежную и хлѣбную ругу, на нынешній на 154 годъ, велѣли выдать впредь, по всякъ годъ велѣли давать въ Великомъ Новгородѣ, изъ нашихъ дворцовыхъ доходовъ, съ иными

Новгородскими ружники вмѣстѣ, по нашему Указу, безъ Московскіе волокиты. А прочетъ сію нашу грамоту и сей Указъ, велѣли въ Съѣзжей Избѣ записать, а сію нашу грамоту отдали Климецкаго монастыря Игумену Іоасафу съ братею, впередъ для иныхъ нашихъ Воеводъ и Дьяковъ. Писана на Москвѣ, лѣта 7154, Ноября въ день; а назади подлинной грамоты пишетъ Дьякъ Иванъ Өедоровъ, справилъ Васька Арьбеневъ. Назади свитка написано: Къ сему списку Климецкаго монастыря Игуменъ Іоасафъ, къ сему списку Климецкаго монастыря Игуменъ Илья, руку приложилъ.

6.

Списокъ зъ Государевы грамоты, что на Олонецъ, по судному дѣлу, слово въ слово.

Отъ Царя и Великаго Князя Алесѣя Михайловича, всеа Великія, Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, на Олонецъ, Думному нашему Дворянину и Воеводѣ Замятнѣ Өедоровичу Леонтьеву, да Дьяку нашему Ивану Олохову. Въ прошломъ во 153 году въ Великомъ Новгородѣ, передъ Бояриномъ нашимъ и Воеводою, передъ Глѣбомъ Ивановичемъ Морозовымъ, да передъ Дьякомъ передъ Микифоромъ Демидовымъ, Живоначальные Троицы Климецкаго монастыря Игуменъ Іоасафъ искалъ Кижскаго погоста, Сенногубскіе волости на крестьянехъ, на Куземкѣ Третьяковѣ съ товарищи: по челобитной дано, де, имъ наше, Великаго Государя, жалованье на пропитанье, на Онегѣ озерѣ воды и земли и рыбные ловли около монастыря по пяти верстъ, и тѣ, де, крестьяне, Куземка съ товарищи, въ ихъ монастырскихъ водахъ насильствомъ ловятъ рыбу на продажу и ставятъ на той ихъ монастырской землѣ станы и на пріѣздъ избы, одинъ станъ въ Рукитъ-наволокѣ отъ монастыря съ версту, а другой поставилъ на острову на Сосновцѣ, отъ монастыря версты за двѣ, а емлютъ, де, за ту рыбу на годъ по сороку рублей, а владѣютъ онѣ ихъ тою рыбною ловлею шестнадцать лѣтъ. И Куземка, за себя и за товарищей, сказалъ въ отвѣтѣ: на монастырскихъ рыбныхъ ловляхъ, въ прошлыхъ годахъ онъ и товарищи его на себя и на продажу рыбы не лавливали, и на монастырской землѣ становъ на пріѣздъ избъ не ставливали, а ловили они рыбу на Государевѣ водѣ и станы ставили въ тѣхъ мѣстахъ же; онъ же Куземка, слался на писцовые книги Сабурова, Андрея Плещеева, Петра Воейкова, Никиты Панина,

что тѣ рыбные ловли изстари написаны въ книгахъ за ними; и Игуменъ Іоасафъ на тѣ жъ книги слался, что тѣ угодья написаны къ монастырю въ пяти верстахъ; да Игуменъ Іоасафъ слался на наши, Великаго Государя, жалованные грамоты, Царя и Великаго Князя Ивана Вавильевича всеа Русіи году, да блаженные памяти отца нашего, Великаго Государя Царя и Великаго Князя Михаила Θеодоровича всеа Русіи 123 и 132 году, что тѣ воды Климецкому монастырю написаны на всѣ стороны отъ монастыря по пяти верстъ, а они, де, Кузсмка съ товарищи, насильствомъ ихъ монастырской земли отъ монастыря въ верстѣ и въ дву станы ловецкіе и избы поставили, и ловятъ рыбу въ монастырской водѣ; о тѣхъ же пяти верстахъ и Куземка сказалъ, и нашихъ жалованныхъ грамотъ не лживилъ, только, де, тѣ угодья написаны въ писцовыхъ книгахъ къ ихъ деревнямъ прежде монастыря, и отъ деревень, де, ихъ тѣ угодья подошли къ ихъ Климецкому монастырю ближе й пяти верстъ отъ монастыря; и истецъ же, Игуменъ Іоасафъ, по дву сылкамъ слался на отводные книги Петра Зміева въ 152 году, да Надежи Колюбакина въ 153 году, въ томъ, что та рыбная ловля, гдѣ у нихъ ловецкіе станы поставлены, въ тѣхъ отводныхъ книгахъ написаны къ ихъ Климецкому монастырю; по третьей сылкѣ слался на мировую запись, какову дали Симанко да Пронка Игнатьевъ, Куземкины товарищи, узнали свою вину, не ходя въ судъ, съ ними помирились во владѣнье рыбныхъ ловляхъ за шестнадцать лѣтъ и въ своихъ доляхъ, кромѣ Куземки съ товарищи; и Куземка на отводные книги, на мировою запись слался въ послушество, а сказалъ, что онъ съ тѣми крестьянами рыбы не лавливалъ, и становъ на монастырской землѣ не ставливалъ, а въ жалованной грамотѣ Царя и Великаго Князя Ивана Васильевича всеа Русіи 7055 году, за приписью Дьяка Юрья Сидорова, написано: пожаловалъ Климецкаго монастыря Игумена Кирила съ братьею, и далъ имъ рыбные ловли въ Онегѣ озерѣ, отъ берега отъ монастыря по пяти верстъ на всѣ стороны, рыба имъ ловити на монастырь; да блаженныя памяти отца нашего, Государя Царя и Великаго Князя Михаила Θеодоровича всеа Русіи, въ жалованныхъ грамотахъ 121 и 132 году написано: пожаловалъ Климецкому монастырю въ Онегѣ озерѣ на пять верстъ ловить рыбу отъ берега и отъ монастыря по пяти верстъ; а кто черезъ тѣ наши жалованные грамоты Климецкаго монастыря чернаго Попа съ братьею и монастырскихъ слугъ и крестьянъ чѣмъ изобидятъ, и

тому быти въ опалѣ. И во 153 году, по приговору Боярина нашего, Глѣба Ивановича Морозова, да Дьяка Никифора Демидова, Климецкаго монастыря Игуменъ Іоасафъ съ братьею въ рыбной ловлѣ въ дву станехъ въ Рускитъ-наволокѣ да на острову Сосновцѣ, за ловленную рыбу въ дву сотъ въ тридцати двухъ рублехъ въ двадцати четырехъ алтынехъ, оправленъ, а Кижскаго погоста крестьяне, Куземка Третьяковъ съ товарищи, обвинены, и впередъ тѣми рыбными ловлями велѣно владѣть Климецкаго монастыря Игумену Іоасафу съ братьею. И во 155-мъ году прислана наша, Великаго Государя, грамота въ Великій Новгородъ, къ Стольнику и Воеводѣ, Князю Семену Урусову, и къ Дьяку Талызину, по челобитью Климецкаго монастыря Келаря старца Иринарха съ братіею, велѣно въ томъ дѣлѣ нашъ Указъ учинить по приговору Боярина нашего, Глѣба Ивановича Морозова, безволокитно. И во 155 году писалъ намъ, Великому Государю, Князь Семенъ Урусовъ, что Заонежскіе погосты въ Великомъ Новгородѣ ничѣмъ невѣдомы, и къ нему жъ, къ Князю Семену, послана наша, Великаго Государя, грамота, по челобитью Кижскаго погоста крестьянъ, Жданка Суботина съ товарищи, велѣно въ томъ дѣлѣ нашъ Указъ учинить; и во 159 году, по отпискѣ изъ Великаго Новагорода, Боярина нашего, Князя Юрья Петровича Буйносова Ростовскаго, на Олонецъ Кижскаго погосту на крестьянехъ, на Куземкѣ Третьяковѣ съ товарищи, по тому судному дѣлу доправлено пошлинъ, и пересуду, и праваго десятка, двадцать четыри рубли, а искъ Климецкаго монастыря Игумену Іоасафу съ братіею, двести тридцать два рубли двадцать четыре алтына, на немъ, на Куземкѣ Третьяковѣ, доправили, или нѣтъ, того въ отпискѣ не написано. И въ нынѣшнемъ во 177 году, Ноября въ 12 день, билъ челомъ намъ, Великому Государю Климецкаго монастыря Строитель старецъ Іоасафъ: въ прошломъ во 151 году, по судному дѣлу, по приговору Боярина нашего, Глѣба Ивановича Морозова, да Дьяка Никифора Демидова, въ иску въ рыбныхъ ловляхъ, въ дву сотъ въ тридцати двухъ рублехъ въ двадцати четырехъ алтынехъ въ полуторе деньгахъ, отправлены изъ Заонежскихъ погостовъ Сенногубскіе волости крестьяне, Куземка Третьяковъ, въ ихъ иску обвинены, и наши, Великаго Государя, пошлины на нихъ на Олонецъ на отпискѣ Боярина нашего, Князя Юрія Петровича Буйносова Ростовскаго, доправлены и въ Великій Новгородъ присланы, и искъ ихъ велѣно доправить же и отдать имъ въ монастырь; и тотъ, де, Куземка съ товарищи, не хотятъ

того иску имъ платить. И въ прошломъ во 176 году билъ челомъ намъ, Великому Государю, они, Строитель Іоасафъ съ братіею, и подали въ Великомъ Новгородѣ Боярину нашему и Воеводамъ нашимъ, Князю Василью Григорьевичу Ромодановскому, да Окольничему нашему Князю Дмитрію Алексѣевичу Долгорукому, двѣ челобитные, чтобъ то ихъ судное дѣло прислать къ намъ, къ Великому Государю, къ Москвѣ; и то дѣло къ Москвѣ прислано, и намъ бы, Великому Государю, ихъ, Строителя старца Іоасафа съ братіею, пожаловать, велѣти бъ на Олонецъ дати нашу, Великаго Государя, грамоту, и велѣти бы по прежнему судному вершеному дѣлу и по приговору Боярина нашего, Глѣба Ивановича Морозова, и по отпискѣ, на тѣхъ крестьянехъ, на Куземкѣ Третьяковѣ съ товарищи, тотъ ихъ монастырской искъ доправя, отдать Строителю старцу Іоасафу съ братіею, а въ насильствѣ въ рыбныхъ ловляхъ и въ земляномъ владѣньи велѣти бъ имъ нашъ, Великаго Государя, Указъ учинить по нашему Указу и по Соборному Уложенію; и въ нашемъ, Великаго Государя, Указу и въ Соборномъ Уложеньи, въ пятойнадесять главѣ, въ четвертой главѣ, напечатано: Которые судные всякіе дѣла всякихъ чиновъ людей во всѣхъ Приказахъ по нашему, Великаго Государя, Указу и по Боярскимъ приговорамъ вершеные до нынѣшняго Уложенія, и тѣхъ судныхъ дѣлъ не вчинять, по тому какъ тѣ дѣла вершены. И какъ къ вамъ сія наша, Великаго Государя, грамота придетъ, и вы бъ Новгородскаго Уѣзду съ Онега озера Троицкаго Климецкаго монастыря Строителя старца Іоасафа съ братіею, въ ихъ монастырскомъ иску, въ двусотъ въ тридцати въ двухъ рубляхъ въ двадцати четырехъ алтынахъ, Заонежскихъ погостовъ Сенногубскіе волости со крестьяны, съ Куземкою Третяковымъ съ товарищи, учинили Указъ по нашему, Великаго Государя, Указу и по Соборному Уложенію; да что учините, о томъ къ намъ, Великому Государю, отписали бы, а отписку велѣли подать Новгородской Чети Боярину нашему, Аѳанасью Лаврентьевичу Ордину Нащокину, да Думнымъ нашимъ Дьякомъ, Герасиму Дохтурову да Лукіану Голосову съ товарищи; а прочетъ сію нашу, Великаго Государя, грамоту, и списавъ съ нее списокъ, оставить у себя въ Приказной Избѣ, а подлинную сію нашу, Великаго Государя, грамоту велѣли отдать Климецкаго монастыря Строителю Іоасафу съ братіею, впредь для спору тѣхъ крестьянъ. Писана на Москвѣ, лѣта 7177 году, Генваря въ 12 день. Припись Дьяка Ивана Степанова, справа Подъячаго Богдана Никитина. Къ сему спи-

ску Климецкаго монастыря Строитель старецъ Іоасафъ руку приложилъ.

7.

Отъ Царя и Великаго Князя Өеодора Алексѣевича, всея Великія, и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, на Олонецъ, Стольнику нашему и Воеводѣ, Якову Максимовичу Стрешневу, да Дьяку Льву Савлукову. Въ прошломъ во 185 году по нашему, Великаго Государя, Указу послана къ тебѣ, Стольнику нашему и Воеводѣ, наша, Великаго Государя, грамота, да Дьяку Андрею Чернаго, по челобитью Олонецкаго Уѣзда Спаскаго Кижскаго погоста крестьянъ Аөоньки Кузьмина съ товарищи, велѣно земли Климецкаго монастыря и рыбные ловли досмотрѣть, а для того досмотру послать съ Олонца Дьяка Андрея Чернаго, и тѣхъ монастырскихъ рыбныхъ ловель по писцовымъ послѣднимъ книгамъ досмотрить въ правду, и списать по пяти ль верстъ тѣ рыбные ловли къ тому монастырю написаны, и на двѣ ль версты монастырскихъ рыбныхъ ловель Олонецкаго Уѣзду наши, Великаго Государя, дворцовые крестьяне, противъ ли монастырскаго челобитья в правдѣ ли, и рыбу ловили ль, и описавъ все имянно, учинить всему чертежъ подлинно, и о томъ велѣно къ намъ, Великому Государю, писать чертежъ, прислать къ Москвѣ, а по прежнему судному дѣлу иску Климецкаго монастыря Строителя старца Іоасафа, двухъ сотъ тридцати двухъ рублевъ двадцати четырехъ алтынъ полуторыхъ денегъ, которые велѣно править Кижскаго погоста на крестьянехъ, на Аөонькѣ Кузьминѣ съ товарищи, до нашего, Великаго Государя, Указу править не велѣно, покаместъ тѣмъ монастырскимъ землямъ и рыбнымъ ловлямъ досмотръ и чертежъ присланъ будетъ къ намъ, къ Великому Государю къ Москвѣ, въ Новгородской Приказъ, и съ прошлаго 185 году, Сентября по число нынѣшняго 187 году не писали, и о землѣ и о рыбныхъ ловляхъ досмотру и чертежа не присылали, невѣдомо для чего. И нынѣ билъ челомъ намъ, Великому Государю, Климецкаго монастыря Строитель старецъ Іоасафъ съ братьею: въ прошломъ во 153 г. былъ у нихъ, въ Великомъ Новѣгородѣ, судъ предъ Бояриномъ и Воеводою, передъ Глѣбомъ Ивановичемъ Морозовымъ, Олонецкаго Уѣзда Кижскаго погоста Сенногубскіе волости съ нашими, Великаго Государя, крестьяны, съ Куземкою Третьяковымъ съ товарищи, въ насильствѣ и во владѣньѣ рыбной ловлею за прежнее владѣнье, за

шестнадцать лѣтъ, которые воды подъ монастыремъ въ Онегѣ озерѣ отъ монастыря въ верстѣ и въ двухъ верстахъ поставлены у нихъ станы и ловили рыбу въ монастырской водѣ, а на судѣ слались на наши, Государевы, грамоты, и тотъ, де, Куземка на наши, Государевы, жалованные грамоты слался; да онъ же, Куземка, подавалъ на судѣ ссылку, а въ ней писаны четыре пісцовые книги, а въ тѣхъ писцовыхъ книгахъ писаны, тѣ рыбные станы были за крестьяны прежъ монастыря, и въ тѣхъ книгахъ за крестьяны въ тѣхъ мѣстахъ становъ не написано, и онъ, де, Строитель, на тѣ книги слался же, и по той общей ссылкѣ Бояринъ ихъ оправилъ, а крестьянъ обвинилъ, и приговоръ написалъ, а Бояринъ и Воевода Князь Юрій Петровичь Буйносовъ-Ростовской велѣлъ на нихъ пошлины доправить, и ихъ монастырской искъ и пошлины, де, на нихъ доправлены, а иску ихъ монастырскаго по сіе время на нихъ не доправлено, и то, де, судное дѣло изъ Великаго Новгорода прислано къ Москвѣ, въ Новгородской Приказъ, а съ того жъ суднаго дѣла Бояринъ Афонасій Лаврентьевичъ Ордынъ Нащокинъ далъ имъ отца нашего, блаженные памяти Великаго Государя Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича, всея Великія, Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, грамоту правежную съ прочетомъ на Олонецъ къ Воеводѣ, и по той же грамотѣ велѣно ему искъ ихъ монастырской на томъ Куземкѣ съ товарищи доправить, а въ убыткахъ по Уложенью Указъ учинить; и Воевода, де, наровя крестьяномъ, для своей корысти, имъ, Строителю, Указу не учинилъ. И въ прошломъ, де, во 182 году посыланъ съ Москвы Дворянинъ ихъ монастырской земли межевать съ тѣми крестьяны, да ему жъ велѣно и въ наказѣ написано на тѣхъ крестьянехъ искъ ихъ монастырской доправить и съ убытки; и какъ, де, тотъ Дворянинъ пріѣхалъ съ понятыми людьми монастырской земли межевать, и тѣ, де, крестьяне, знаючи свою вину, того Дворянина на землю не пустили и во всемъ ему отказали, и на комъ велѣно деньги править, и тѣхъ всею волостью отбили. И въ прошломъ, де, во 184 году тѣмъ крестьянамъ по понаровкѣ дана наша, Великаго Государя, грамота на Олонецъ къ тебѣ, Стольнику нашему и Воеводѣ, да Дьяку къ Андрею Черново, мимо Указу отца нашего, блаженныя памяти Великаго Государя Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича, всея Великія, Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, и Соборнаго Уложенья и суднаго вершенаго дѣла, и мимо Боярскихъ приговоровъ, иску ихъ монастырскаго на тѣхъ крестьянахъ не велѣно, и то, де, судное

дѣло сужено и вершено до Соборнаго Уложенія, и тѣхъ судныхъ дѣлъ пересуживать и переговаривать не велѣно; намъ бы пожаловать ихъ, Строителя старца Іоасафа съ братіею, велѣти бъ по судному вершеному дѣлу и Боярскимъ приговорамъ искъ ихъ монастырской на тѣхъ крестьянахъ доправить и отдать имъ въ монастырь, а они, де, волочатся за тѣмъ дѣломъ и между дворъ скитаются многіе годы, и отъ того монастырь запустѣлъ, братья и служебники врознь разбрелися. И какъ къ вамъ сія наша, Великаго Государя, грамота придетъ, и ты бъ, Стольникъ нашъ и Воевода, по прежнему и по сему нашему, Великаго Государя, Указу, для досмотру тое монастырской земли и рыбныхъ ловель, послалъ съ Олонца товарища своего, Дьяка нашего Льва Савлукова, и тѣхъ монастырскихъ рыбныхъ ловель по писцовымъ послѣднимъ книгамъ досмотрѣть в правду, и описать имянно, по пяти ль верстъ тѣ рыбныя ловли къ тому монастырю написаны, и на двѣ версты тѣхъ монастырскихъ рыбныхъ ловель Олонецкаго Уѣзду наши, Великаго Государя, дворцовые крестьяне противъ монастырскаго челобитья владѣли ль, и рыбу ловили ль, и описавъ все имянно, велѣлъ учинить всему чертежъ, къ намъ, Великому Государю, писалъ и чертежъ прислалъ къ Москвѣ, въ Новгородскій Приказъ, чтобъ о томъ впредь намъ, Великому Государю, челобитья не было, по чему бъ земля развесть и въ иску нашъ, Великаго Государя, Указъ учинить. Писанъ на Москвѣ лѣта 7187, Сентября 26 дня.

8.

От Царя и Великаго Князя Ѳедора Алексѣевича, всея Великія Малыя и Бѣлыя Росіи Самодержца, въ нашу отчину, въ Великій Новгородъ, Дворянину нашему и Воеводѣ, Князю Юрью Михайловичу Одоевскому, да Дьяку нашему Кудрявцеву. Въ нынѣшнемъ во 187 году били челомъ намъ, Великому Государю, Новгородскаго Уѣзду съ Онега озера, Живоначальныя Троицы Великаго Чудотворца Николая, Климецкаго монастыря Строитель Іоасафъ съ братьею. Въ прошломъ въ 154 году, по Указу отца нашего, Государева, блаженныя памяти Великаго Государя Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича, всея Великія, Малыя и Бѣлыя Росіи Самодержца, дана имъ сія, Государева, грамота въ Великій Новгородъ, а велѣно имъ давать наше, Великаго Государя, жалованье, ругу, въ Великомъ Новгородѣ, изъ нашихъ дворцовыхъ доходовъ, по окладу, денегъ по пяти рублевъ по двадцати девяти алтынъ по двѣ деньги, хлѣба по двад-

цати по осьми чети ржи, овса то жъ, на годъ, по вся годы; и та, де, грамота обветшалась и подралась. И намъ бы, Великому Государю, пожаловать имъ, велѣть то наше, Великаго Государя, жалованье, годовую ругу, деньги и хлѣбъ, давати имъ въ Великомъ Новѣгородѣ; противъ прежняго Указа отца нашего, блаженныя памяти Великаго Государя, и о томъ вновь дать имъ нашу, Великаго Государя, грамоту. А въ грамотѣ отца нашего, Государева, блаженныя памяти Великаго Государя Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича, всеа Великія, Малыя и Бѣлыя Росіи Самодержца, какова послана въ Великій Новгородъ, къ Воеводѣ Князю Семену Андреевичу Урусову, да ко Князю Григорью Петровичу Борятынскому, да къ Дьяку Лукѣ Талызину, въ 154 году, написано: велѣно Новгородскаго Уѣзду Климецкаго монастыря Игумену Іоасафу съ братьею, годовую ругу, деньги и хлѣбъ, на 154 (1646) годъ дать, и впередъ давать всякій годъ въ Великомъ Новгородѣ, изъ нашихъ, Великаго Государя, дворцовыхъ доходовъ, съ иными Новгородскими ружники вмѣстѣ, безъ Московскіе волокиты; и въ Приказѣ Большаго Дворца, въ Новгородскихъ дворцевыхъ смѣтныхъ спискахъ прошлыхъ лѣтъ написано: Великаго Государя жалованья Новгородскаго Уѣзда въ монастырь Живоначальныя Троицы, что въ Климецкомъ острову, Игумену, и старцамъ, двадцати человѣкамъ, годовые руги даютъ по окладу, денегъ пять рублевъ двадцать девять алтынъ двѣ деньги, хлѣба двадцать восемь четей ржи, овса то жъ. И нынѣ, по нашему, Великаго Государя Указу, велѣно Климецкато монастыря Строителю Іоасафу съ братіею наше, Великаго Государя, жалованье, денежную и хлѣбную ругу, давать противъ прежняго Указу отца нашего, Государева, блаженные памяти, Великаго Государя Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича, всея Великія, и Малыя и Бѣлыя Росіи Самодержца. И какъ къ вамъ сія наша, Великаго Государя, грамота придетъ, и вы бъ Новгородскаго Уѣзду Климецкаго монастыря Строителю Іоасафу съ братьею, и кто по нихъ впредь въ томъ монастырѣ иныя будутъ, наше, Великаго Государя, денежное и хлѣбное годовое жалованье на пропитаніе, велѣли давать по прежнему, въ Великомъ Новгородѣ, изъ нашихъ, Великаго Государя, дворцовыхъ доходовъ, по вся годы, съ иными Новгородскими ружники вмѣстѣ, безъ Московскіе волокиты. А прочетъ сію нашу, Великаго Государя, грамоту, велѣли отдать Строителю Іоасафу съ братьею, а въ Великомъ Новгородѣ, во Дворцовомъ Приказѣ, оставить списокъ, за рукою. Писана на Москвѣ лѣта 7187 (1679 г.),

Генваря въ 14 день. Припись Дьяка Василья Кипріянова, справа Пашки Иванова. На подлинной грамотѣ подписана: Лѣта семь тысячь сто девятьдесять втораго (1684 г.), Генваря въ 26 день. Божіею милостію, Мы, Великіе Государи Цари и Великіе Князи Іоаннъ Алексѣевичъ и Петръ Алексѣевичь, всея Великія, и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцы, сію грамоту слышавъ, пожаловали Новгородскаго Уѣзду Живоначальныя Троицы и Великаго Чудотворца Никодая Климецкаго монастыря Игумена Өеодосія съ братіею, или кто по немъ впредь иныя игумены и братія будутъ, велѣли имъ сію грамоту подписать на наше, Великихъ Государей, Царей и Великихъ Князей, Іоанна Алексѣевича и Петра Алексѣевича, всея Великія, и Малыя и Бѣлыя Росіи Самодержцевъ, имя, и денежное и хлѣбное жалованье годовое давали бъ изъ нашихъ, Великихъ Государей, доходовъ, по прежнему; а писалъ Государевъ Царевъ Дьякъ Ларіонъ Вязиинъ.

9.

Списокъ зъ Государевы грамоты на Олонецъ о пустоши Юхновской.

Отъ Царя и Великаго Князя Өеодора Алексѣевича, всеа Великия, и Малыя і Бѣлыя Росіи Самодержца, на Олонецъ, Стольнику нашему и Воеводѣ, Якову Максимовичу Стрешневу, да Дьяку нашему Льву Савлукову. Въ нынѣшнемъ во 187 году, Ноября 1 дня, били челомъ намъ, Великому Государю, Онѣга, с озера Живоначальныя Троицы Климецкаго монастыря Строитель Іоасафъ з братьею. Въ проштомъ, де, во 177 году, Декабря въ 24 день, били челомъ они отцу нашему, Государеву, блаженные памяти Великому Государю Царю і Великому Князю Алексѣю Михайловичу, всеа Великия, и Малыя и Бѣлыя Росіи Самодержцу, Олонецкого Уѣзду Кижского погоста Яндомозерской волости крестьянъ, на Мишку Баженова, завладѣлъ онъ насильствомъ своимъ ихъ монастырску пустошъ на речки на Яндомозере, землю пашутъ и сена косятъ, да онъ же, де, поставилъ мельницу; да тое жъ, де, Яндемозерской волости деревни Кукоевской, да деревни Савинской крестьяне, Өетка Созоновъ со отцомъ своимъ, и з детьми, и з братомъ, и съ соседи, во 136 году на той же ихъ монастырской пустоши поставили две мельницы, и хотя, де, тою пустошью у нихъ вѣчно завладѣть, били, де, писцу, на тѣ две мельницы оброкъ положили по полтара рубля, да пошлинъ по два алтына 4 деньги на годъ; послѣ, де, того поставили

они третью мельницу, а тое, де, пустошъ пашутъ и сено косятъ насильствомъ, а у ихъ, де, на тое пустоши крепости писцовые книги Андрея Плещеева 91 году, да Никиты Панина 137 году, что та, де, пустошь къ монастырю написана, пустошь Юхновская, а владѣютъ, де, они тою ихъ пустошью не вѣдомо по чему, отъ Онѣга озера и до Яндомозера и вверхъ по речки по правую сторону, а въ нашемъ, де, Великаго Государя, Указе і в Соборномъ Уложеніи напечатано: На чужую землю оброку не накладывать, не велено; въ томъ, де, ихъ насильстве дана имъ была отца нашего, Государева, блаженныя памяти Великаго Государя, грамота на Олонецъ къ Думному нашему Дворянину и Воеводе, к Заметне Өедоровичу Леонтьеву, и на той нашего, Великаго Государя, грамоте велено (Конца нѣтъ).

10.

Списокъ зъ Государевы грамоты.

Отъ Царя і Великаго Князя Өеодора Алексѣевича, всея Великія, и Малыя и Бѣлыя Росіи Самодержца, на Олонецъ, Стольнику нашему і Воеводе, Якову Максимовичу Стрешневу, да Дьяку нашему Льву Савлукову. В прошломъ во 185-мъ году по нашему, Великаго Государя, Указу послана к тебѣ, Стольнику нашему і Воеводѣ, наша, Великаго Государя, грамота, да Дьяку к Андрею Черново, по челобитью Олонецкаго Уѣзду Спаскаго Кижскаго погоста крестьянъ, Өеоньки Кузмина с товарищи, велено Климецкаго монастыря земли рыбныхъ ловель досмотрѣть, а для того досмотру послать с Олонца Дьяка Андрея Черново, и тѣхъ монастырскихъ ловель рыбныхъ по писцовымъ послѣднимъ книгамъ досмотрить вправду і описать имянно, по пяти ль верстъ тѣ рыбные ловли къ тому монастырю написаны, і на две ль версты монастырскихъ рыбныхъ ловель Олонецкого Уѣзду наши, Великаго Государя, дворцовые крестьяне, противъ ли монастырскаго челобитья в правдѣ ли, и рыбу ловили ль, и описавъ все имянно, учинить всему чертежъ подлинно, и о томъ велено к намъ, Великому Государю, писать, чертежъ прислать къ Москвѣ, а по прежнему судному дѣлу иску Климецкаго монастыря Строителя старца Іоасафа двухъ сотъ тритцати двухъ рублевъ двадцати четырехъ алтынъ полуторыхъ денегъ, которые велено править Кижскаго погоста на крестьянехъ, на Өеоньки Кузмине с товарищи, до нашего, Великаго Государя, Указу править не велено, покамѣстъ тѣмъ монастырскимъ

землямъ и рыбнымъ ловлямъ досмотръ и чертежъ присланъ будетъ к намъ, к Великому Государю, к Москвѣ, въ Новгородскій Приказъ, и с прошлаго со 185-го году Сентября по число нынѣшняго 187-го года не писывали, и о землѣ и рыбныхъ ловлехъ досмотру и чертежу не присылывали, не вѣдомо для чего. И нынѣ билъ челомъ къ намъ, Великому Государю, Климецкаго монастыря Строитель старецъ Іоасафъ з братьею: въ прошломъ во 153 году былъ у нихъ, въ Великомъ Новгороде, судъ предъ Бояриномъ и Воеводою, передъ Глебомъ Івановичемъ Морозовымъ, Олонецкаго Уѣзду Кижскаго погосту Сеногубскіе волости с нашими, Великаго Государя, крестьяны, с Куземкою Третьяковымъ с товарищи, в насильствѣ и за владѣнье въ рыбной ловлѣ за прежнее владѣніе, за шестнадцать лѣтъ, которые воды подъ монастыремъ в Онеге озере отъ монастыря в верстѣ і в двухъ верстахъ поставлены у нихъ станы и ловили рыбу въ монастырской водѣ, а на судѣ слались на наши, Государевы, жалованные грамоты, і тотъ, де, Куземка, на наши, Государевы, жалованные грамоты слался; онъ же, Куземка, подалъ на судѣ ссылку, а в ней писаны четыре писцовые книги, а въ тѣхъ, де, писцовыхъ книгахъ писаны тѣ рыбные станы были за крестьяны прежь монастыря, и въ тѣхъ книгахъ за крестьяны въ тѣхъ местехъ становъ не написано; и онъ, де, Строитель, на тѣ книги слался же, и по той общей ссылке Бояринъ ихъ оправилъ, а крестьянъ обвинилъ и приговоръ написанъ, а Бояринъ, де, и Воевода, Князь Юрей Петровичъ Буйносовъ Ростовской, велѣлъ на нихъ пошлины доправить, і ихъ монастырской искъ и пошлины на нихъ доправлены, а иску ихъ, монастырскаго, по се время на нихъ не доправлено; и то, де, судное дѣло из Великаго Новгорода прислано къ Москве, в Новгородской Приказъ, а съ того жъ суднаго дѣла Бояринъ Аѳанасій Лавреньтьевичь Ордынъ Нащокинъ далъ имъ отца нашего блаженныя памяти Великаго Государя Царя і Великаго Князя Алексѣя Михайловича, всеа Великія, и Малыя и Бѣлыя Росіи Самодержца, грамоту правежную с прочетомъ на Олонецъ къ Воеводѣ, и по той, де, грамоте велено ему искъ ихъ монастырской на томъ Куземке с товарыщи доправить, а в убыткахъ по Уложенью Указъ учинить; і Воевода, де, наровя крестьяномъ для своей корысти имъ, Строителю, Указу не учинилъ. И в прошломъ, де, во 182 году с Москвы Дворянинъ ихъ монастырской земли межевать, с тѣми крестьяны, да ему жъ велѣно і в наказе написано на тѣхъ крестьянехъ искъ ихъ монастырской доправить и с убытки,

и какъ, де, тотъ Дворянинъ пріѣхалъ с понятыми людьми монастырской земли межевать, и тѣ, де, крестьяне, знаючи свою вину, того Дворянина на землю не пустили и во всемъ ему отказали, и на комъ велѣно деньги править, и тѣхъ всею волостью отбили. I в прошломъ, де, во 184-мъ году тѣмъ крестьяномъ по поноровкѣ дана наша, Великаго Государя, грамота на Олонецъ к тебѣ, Стольнику нашему і Воеводѣ, да къ Дьяку к Андрею Черново, мимо Указу Отца нашего, Великаго Государя Царя і Великаго Князя, блаженные памяти Великаго Государя Царя і Великаго Князя Алексѣя Михайловича, всеа Великія, и Малыя и Бѣлыя Росіи Самодержца, и Соборнаго Уложенья и суднаго вершеного дѣла, и мимо Боярскихъ приговоровъ, иску ихъ монастырскаго на тѣхъ крестьянехъ править не велено жъ, а то, де, судное дѣло сужено и вершено до Соборного Уложенья, і тѣхъ судныхъ дѣлъ пересуживать и переговаривать не велѣно; и намъ бы пожаловати ихъ, Строителя старца Іоасафа з братіею, велѣти бъ по судному вершеному дѣлу и Боярскимъ приговоромъ искъ ихъ монастырской на тѣхъ крестьянахъ доправить и отдать имъ въ монастырь, а они, де, волочатца за тѣмъ дѣломъ і межъ дворѣ скитаютца многие годы, і от того монастырь запустѣлъ, братья и служебники врознь разбрестся (могутъ). I какъ к вамъ ся наша, Великаго Государя, грамота придетъ, і ты бъ, Стольникъ нашъ и Воевода, по прежнему и по сему нашему, Великаго Государя, Указу, для досмотру тое монастырскія земли и рыбныхъ ловель, послалъ с Олонца товарища своего, Дьяка нашего, Льва Савлукова, и тѣхъ монастырскихъ рыбныхъ ловель по послѣднимъ книгамъ осмотрить в правду, и описать имянно, по пяти верстъ рыбные ловли к тому монастырю написаны, и на две версты тѣхъ монастырскихъ ловель рыбныхъ Олонецкаго Уѣзду наши, Великаго Государи, дворцовые крестьяне противъ монастырскаго челобитья владѣли ль и рыбу ловили ль, и списавъ все имянно, велѣлъ учинить чертежъ подлинно, а досмотря и чертежъ учиня, прислать къ Москвѣ в Новгородскій Приказъ, чтобъ о томъ впредь намъ, Великому Государю, челобитья не было. Писанъ на Москвѣ лѣта 7187, Сентября въ день.

11.

От Царей и Великихъ Князей Іоанна Алексѣевича и Петра Алексѣевича, всеа Великія, и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцевъ, на Олонецъ, Думному нашему Дворянину и Воеводѣ, Івану Івановичу Па-

нину, да Дьяку нашему Алексѣю Мискову. Въ прошломъ во 149 году били челомъ дѣду нашему, Великихъ Государей, блаженныя памяти Великому Царю і Великому Князю Михаилу Ѳеодоровичу, всея Русіи Самодержцу, із за Онега озера Живоначальные Троицы и Чудотворца Николая Климецкаго монастыря Игуменъ Варлаамъ з братіею: в прошломъ; де, 132 году дана имъ ево, Государева, грамота, а по той, де, грамоте велено купить на монастырскій обиходъ хлѣба, и соли, и рыбы, и кожъ, и масла, и на братью и на слугъ всякаго платья и обуви, и иныхъ всякихъ монастырскихъ годовыхъ запасовъ, которые на монастырской обиходъ пригодятца, на сто на пятдесятъ рублевъ, а покупать имъ тѣ запасы въ Великомъ Новѣгородѣ, в Ладогѣ, на Вологдѣ, на Белѣозере, в Каргополе, на Колмогорахъ, в Новгородскомъ Уѣзде, и на Сермаксе, и у моря, и по волостямъ, и по торжкомъ, и возить тѣ купные запасы изъ городовъ, от моря соль, рыбу и кожи, зимою на санякъ, на сколкихъ лошадяхъ можно поднять, а лѣтомъ в лодьѣ; а с тѣхъ, де, ихъ монастырскихъ покупныхъ запасовъ, со ста пятидесяти рублевъ, явчаго, вѣщого, полозового, свальнаго, отвознаго съ лодьи, и кормовово, и привознаго, и проѣзжей пошлины, и бродового, и на рѣкѣ на Свери спускного, и с людей головщины и иныхъ ни какихъ пошлинъ с нихъ имать не велено; а которую, де, соль они у моря купятъ и провозятъ в лодье внизъ по Свирѣ рѣки в Ладогу и Сермаксу, и тое соль продаютъ, а на тѣ деньги покупаютъ на монастырскій обиходъ хлѣбъ и всякой запасъ, и с того, де, хлѣба в Великомъ Новѣгородѣ и в ыныхъ городѣхъ, и по торжкомъ, по ярманкамъ таможенные Головы и Цѣловальники и Откупщики, и в Сумскомъ острогѣ Соловецкіе Приказные старцы и ихъ таможники, емлютъ таможенные пошлины насильствомъ, и на Свирѣ рѣкѣ и на Волховскихъ порогахъ ихъ спущики емлютъ спуски, с порога, рубля по два, и по три, и болши; а вотчины, де, у нихъ нѣтъ, корматца покупнымъ запасомъ, и чтобъ по жалованной грамоте, какова имъ дана въ 132 году, с манастырскихъ ихъ с покупныхъ и продажныхъ запасовъ, со ста пятидесяти рублевъ, в городѣхъ и по торжкомъ таможенныхъ, и на Свире, и на Волхове рѣкахъ, на порогахъ, с лодьи ихъ спускнаго имать не велено. І во 149 году, Генваря въ 11 день, по тому ихъ челобитью дана имъ дѣда нашего, Великихъ Государей, блаженныя памяти Великаго Государя, грамота в Заонежскіе погосты к Дороѳѣю Елчанинову

за приписью Дьяка Григорья Львова, съ прочетомъ, того Климецкаго монастыря на Игумена з братьею, по прежней жалованной грамотѣ пошлинъ имать не велѣно, чѣмъ они пожалованы, а что сверхъ ево, Государевой, жалованной грамоты объявитца у нихъ лишнево, и с того велено пошлину имать по прежнему, і в таможенные книги тое пошлину велено писать имянно особ статьею. І в прошломъ во 167 году, Марта въ 19 день, та грамота на имя отца нашего, Великихъ Государей, блаженныя памяти Великаго Государя Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича, всеа Великія, и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, а во 188 году, Февраля въ 10 день, на имя брата нашего, Великихъ Государей, блаженныя памяти Великаго Государя Царя і Великаго Князя Өеодора Алексѣевича, всеа Великія, и Малыя и Бѣлыя Росіи Самодержца, подписана, велено дѣлать по тому, какъ въ той грамоте указано, без нарушенія, опричь тѣхъ статей, которые въ оной грамоте писаны, противны нашимъ, Государевымъ, Указамъ и Соборному Уложенію, и тѣмъ статьямъ велено быть вовсемъ противъ нашего, Великихъ Государей, Указа и Соборнаго Уложенья. И ныне били челомъ намъ, Великимъ Государемъ, того Климецкаго монастырь Игуменъ Өеодосій з братьею: та, де, дѣда нашего, Великихъ Государей, блаженныя памяти Великаго Государя, грамота у нихъ утерялась, и намъ, Великимъ Государемъ, пожаловати бъ ихъ, велѣти имъ противъ той грамоты дать нашу, Великихъ Государей, грамоту вновь, чтобъ имъ, будучи без запасу и без одежи, от того монастыря врозь не разбрестись; а у нихъ, де, за монастыремъ кромѣ той покупки, пашенные земли и иныхъ ни какихъ промысловъ нѣтъ. И мы, Великіе Государи, пожаловали того Климецкаго монастыря Игумена Өеодосія з братьею, велѣли имъ по прежней жалованной грамоте дѣда нашего, Государскаго, блаженные памяти Великаго Государя, про монастырской обиходъ всякихъ запасовъ покупать, всего на сто на пятьдесятъ рублевъ, и ис тѣхъ ихъ запасовъ с продажи имать таможенную пошлину по Торговому Уставу. А какъ к вамъ ся наша, Великихъ Государей, грамота придетъ, и ты бъ, Думной нашъ Дворянинъ і Воевода, и Дьякъ, учинили о томъ по нашему, Великихъ Государей, Указу, какъ писано в сей нашей, Великихъ Государей, грамоте выше сего; а прочетъ сию нашу, Великихъ Государей, грамоту, отдали того Климецкаго монастыря старцомъ, впредь для иныхъ нашихъ Воеводъ и Дьяковъ. Писанъ на Москвѣ лѣта 7192, Апрѣля въ 22 день.

12.

Отъ Великихъ Государей Царей и Великихъ Князей Іоанна Алексѣевича и Петра Алексѣевича, и Великія Государыни Благовѣрныя Царевны и Великія Княжны Софіи Алексѣевны, всеа Великія, и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцевъ, на Олонецъ, к Стольнику нашему и Воеводѣ, Князю Василью Өедоровичу Долгорукому, да Дьяку нашему Ивану Уланову. В Олонецкихъ писцовыхъ книгахъ, писма и меры Никиты Панина да Подіачего Семена Ковылева, 136 и 137 годовъ написано: В вотчинѣ Климецкаго монастыря три деревни да пустошь, а въ ней пять дворовъ монастырскихъ, три старцамъ и слушкамъ на пріѣздъ, два двора коровьи, да дворъ мельницкой; пашни паханые добрые земли тридцать семь четверей с осминою, вытьми четыре выти без четверти, сена семдесятъ копенъ, да мельница Устьяндомы речки двоеколесная; сошного письма в паханой пашнѣ полполчетви сохи, а пашутъ тое пашню собою, монастырскими дѣтьми. І ныне били челомъ намъ, Великимъ Государемъ, Олонецкаго Уѣзду, с Онега озера, Живоначальные Троицы и Великаго Чудотворца Николая Климецкаго монастыря черный Попъ Өеодосей з братіею: есть у нихъ въ Кижскомъ погосте на Устьяндомѣ ихъ монастырская мельница, и у той мельницы пустошь Юхновская; і въ писцовыхъ книгахъ написана за ними, а в четвертое в десятичное число та ихъ пустошь Юхновская у мельницы не положена; и намъ, Великимъ Государямъ, пожаловать бы ихъ, велеть тое ихъ пустошь Юхновскую у мельницы в десятиное число положить, противъ писцовыхъ книгъ, и отдѣлить къ мельнице, и межи и грани учинить, по чему бы имъ владѣть, и о томъ на Олонецъ дать нашу грамоту с прочетомъ. И какъ к вамъ ся наша, Великихъ Государей, грамота придетъ, и вы бъ послали с Олонца кого пригоже в тотъ Кижской погостъ, в вотчину Климецкаго монастыря, дождавъ лѣтняго времени, і тое ихъ Юхновскую пустошъ, что у мельницы, околныхъ волостей старожилы велели измерять в десятины, і положить в четверти, а мѣрять в десятины противъ нашего, Великихъ Государей, Указу и писцоваго наказу, в длину по осмидесяти, а поперегъ по тридцати саженъ; а ізмеря тое пустошь в десятины, велѣли от иныхъ земель отмежевать, і на межахъ учинить грани і признаки, а сверхъ той пустоши лишнихъ земель изъ нашихъ, Государевыхъ,

земель, также с колькихъ волостей нашихъ, Великихъ Государей, крестьянъ земли к той пустоши лишнего не примѣривать и не примежевывать, чтобъ о томъ намъ, Великимъ Государямъ, от окольнихъ крестьянъ челобитья не было; а сколько будетъ в той пустоши четвертные пашни, и с кемъ имяны в межахъ и в граняхъ, и о томъ велѣть учинить книги, да те книги, за межевщиковою и стороннихъ людей за руками, прислали къ намъ, Великимъ Государемъ, к Москве, да о томъ писали, а отписку и книги велѣли в Новгородскомъ Приказе наши Царственные Большие Печати и Государственныхъ Великихъ и Посольскихъ дѣлъ Оберегателю, Ближнему нашему Боярину и Намѣтснику Новгородскому, Князю Василію Васильевичу, да Боярину нашему, Князю Алексѣю Васильевичу, Голицынымъ, с товарыщи. А прочетъ сю нашу, Великихъ Государей, грамоту, велѣли с неѣ списать списокъ, и тотъ списокъ ты, Иванъ, за своею рукою, оставили в Приказной Избѣ, а подлинную нашу, Великихъ Государей, грамоту отдали Климецкаго монастыря челобитчику, впредь для иныхъ Воеводовъ і Дьяковъ и Приказныхъ людей. Писанъ на Москве лѣта 7196 году, Декабря въ 31 день. Пошлинъ 25 алтынъ. Дьякъ Василій Бобининъ. Справилъ Ивашко Алексѣевъ.

13.

Отъ Великихъ Государей Царей І Великихъ Князей Іоанна Алексѣевича и Петра Алексѣевича, всеа Великія, и Малыя и Бѣлыя Росіи Самодержцевъ, на Олонецъ, Генералу Маеору и Воеводе нашему, Карлусу Андреевичу Ригельману, да Дьяку нашему, Борису Остолопову. В Олонецкомъ сметномъ списку прошлого 199 году написано: Олонецкимъ стрельцомъ и ружникомъ по окладу хлѣба на годъ в пріимочную мѣру тысеча семсотъ двадцать одна четверть с полу осминою и с четверикомъ бес полмалаго четверика ржи, тысяча шесть сотъ сорокъ четыре чети і полтора четверика овса, а за достальной хлѣбъ противъ окладу, за тысячу за семнадцать чети с осминою і за четверикъ бес полпочетверика и за полмалой четверикъ ржи, за тысячу за девяносто за пять чети бес полуосмины і за полпочетверика овса, по Указной ценѣ деньгами, по тридцати алтынъ за юфть, и того девятсотъ тридцать восемь рублевъ тридцать три алтына з денгою, и в томъ числѣ по разверстке с Кижскаго погоста с тысячи двусотъ двадцати дворовъ, хлѣбомъ сто семьдесятъ одна четь с осминою і с получетверикомъ ржи, сто шесдесятъ

две чети і полполчетверика овса, денегъ сто сорокъ рублевъ четыре денги; да с Кижского жъ погоста с оброчныхъ угодей оброчныхъ денегъ по окладу четырнадцать рублевъ семь алтынъ, с денгою. І в прошломъ во 201 году, Февраля въ 17 день, послана наша, Великихъ Государей, грамота на Олонецъ, к Стольнику і Воеводе, к Леонтью Стрешневу, да к Дьяку Ивану Іванову, велено Олонецкаго Уѣзду Кижскаго погоста в монастырь Живоначальныя Троицы і Великаго Чюдотворца Николая, что на Климецкомъ острову, наше, Великихъ Государей, жалованье, что давано в Великомъ Новѣгородѣ, денегъ по пяти рублевъ по двадцати по девяти алтынъ по двѣ деньги, хлѣба по пятнадцати четі і по полутретнику ржи, овса по тому жъ на годъ, в Московскую торговую мѣру, давать в Олонецкомъ Уѣздѣ в Кижскомъ погосте денги, і с техъ дворовъ, которые собраны будутъ того погоста с крестьянъ, а хлѣбъ, и этого хлѣба буде что сбираетца в томъ погосте сверхъ окладу Олонецкихъ стрельцовъ, а буде за окладомъ в сборѣ хлѣба не бываетъ, а сбираютъ залишней хлѣбъ деньгами, і за хлѣбъ давать імъ іс тѣхъ денегъ, которыя сбираются за тотъ лишній хлѣбъ, или из оброчныхъ, по тамошней по настоящей торговой ценѣ, для того, что тотъ погостъ къ монастырю в близости, і чтобъ имъ в волоките на Олонецъ о той годовой ругѣ лишнихъ убытковъ не было, а на Олонецъ того числа денегъ и хлѣба привозить не велено, а привозить на Олонецъ, вмѣсто тѣхъ денегъ и хлѣба, и того погоста Старостамъ и сборщикомъ в пріемѣ и того указнаго числа руги Климецкаго монастыря Строітеля с братьею, росписки, и по тѣмъ росписскомъ на Олонцѣ в Приказной Избѣ, в приходныхъ книгахъ і в смѣтныхъ спискахъ, очищать имянно, і в росходѣ тое дачю зачищать. І велено послать о той дачѣ с Олонца из Приказной Избы в Кижской погостъ Старостамъ и зборщикамъ памать за Дьячьею приписью, и в Великомъ Новѣгородѣ тое руги давать имъ не велено, і о томъ в Великій Новгородъ къ Боярину нашему и Воеводе, ко Князю Борису Ивановичу Прозоровскому, с товарыщи, наша, Великихъ Государей, грамота послана жъ. Нынѣ были челомъ намъ, Великимъ Государемъ, Климецкаго монастыря Строитель Іеромонахъ Варлаамъ з братьею; в прошлыхъ, де, во 147 і во 154 и во 187 годахъ, по Указу дѣда нашего, Великихъ Государей, блаженныя памяти Великаго Государя и Царя і Великаго Князя Михаила Феодоровича, всея Русіи, і отца нашего, Великихъ Государей, блаженныя памяти Великаго Государя, Царя і Ве-

ликаго Князя Алексѣя Михайловича, всеа Великія, и Малыя и Бѣлыя Росіи Самодержца, і брата нашего, Великихъ Государей, блаженныя памяти Великаго Государя, Царя и Великаго Князя Феодора Алексѣевича, всеа Великія, и Малыя і Бѣлыя Росіи Самодержца, даны имъ в монастырь ихъ, Государевы, жалованные грамоты, и по тѣмъ грамотамъ велено імъ в Великомъ Новгороде давать нашего, Великихъ Государей, жалованья, на дватцать братовъ, по окладу, денегъ по пяти рублей по дватцати пяти алтынъ по двѣ деньги, да хлѣба по дватцати по осми четі ржи, овса по тому жъ, на годъ; і в прошломъ, де, во 192 году, по нашему, Великихъ Госудурей, Указу, тѣ прежніе жалованные грамоты на наше, Великихъ Государей, имя подписаны; и то, де, наше, Великихъ Государей, жалованье берутъ они в Великомъ Новгородѣ і хлѣбъ продаютъ самою дешевою ценою, по тому что Новгородъ отъ нихъ в далекомъ разстоянія, за семь сотъ верстъ, и от того, де, они помираютъ голодною смертію, и оскудали, и одолжали великими долгами; а кромѣ, де, того нашего, Великихъ Государей, жалованья, питатца імъ не чѣмъ, ни какихъ угодей къ монастырю не прилегло, мѣсто каменистое, скудное, безвотчиное. А в прошломъ, де, во 201 году, по нашему, Великихъ Государей, Указу, а по ихъ челобитью, дана имъ наша, Великихъ Государей, грамота, велено імъ нашего, Великихъ Государей, жалованья, годовые руги, давать денегъ по пяти рублевъ по дватцати по девяти алтынъ по двѣ денги, хлѣба по пятнадцати чети і по полутретнику ржи, и овса по тому жъ, на годъ в Олонецкомъ Уѣздѣ, в Кижскомъ погосте; і противъ прежнихъ, де, жалованныхъ грамотъ убавлено у нихъ многое число хлѣбнаго жалованья, не вѣдомо для чего; по тому что по прежнимъ, де, грамотамъ, даетца имъ хлѣба по дватцати по осми четі ржи, овса по тому жъ, на годъ; і по той, де, нашей, Великихъ Государей, грамоте на прошлой 201 годъ денежнаго и хлѣбнаго жалованья в Олонецкомъ Уѣзде в Кижскомъ погосте, за хлѣбною убавкою они, Строитель з братею, не взялись, а взяли на прошлой 201 годъ денежную и хлѣбную ругу противъ прежняго сполна в Новѣгороде, і во многихъ, де, Московскихъ и Новгородцкихъ волокитахъ разоряютца они до конца. И намъ, Великимъ Государемъ, пожаловати бъ ихъ, для ихъ бѣднаго і скуднаго безвотчиннаго мѣста і дальняго растоянія, велеть по нашему, Великихъ Государей, Указу і по прежнимъ жалованнымъ грамотамъ, каковы имъ даны в монастырь, выше писанное наше, Великихъ Государей, годовое жалованье,

деньги и хлѣбъ по окладу давать по вся годы с полна, денегъ по пяти рублевъ по дватцати по девяти алтынъ по двѣ денги, хлѣба по дватцати по осми четі ржи, овса по тому жъ, на годъ, безъ дальные Новгородцкіи волокиты в Олонецкомъ Уѣзде, въ Кижскомъ погосте, із збору, которой хлѣбъ и денги збираютца того погоста с крестьянъ, и о томъ дать имъ на Олонецъ нашу, Великихъ Государей, грамоту с прочетомъ, чтобъ имъ отъ дальные Новгородцкіе волокиты не разорятца, і голодною смертью не умереть, і в розно не розбрестись. І в Новгородцкомъ Приказе Климецкаго монастыря старецъ Доровей к челобитью своему подалъ грамоту брата нашего, Великихъ Государей, блаженные памяти Великаго Государя, Царя и Великаго Князя Феодора Алексѣевича, всеа Великия, і Малыя и Бѣлыя Росиі Самодержца, какова имъ дана іс Приказу Большова Дворца в прошломъ во 137 году о даче в тотъ монастырь годовые руги, денежнаго и хлѣбнаго жалованья, із Новгородцкихъ дворцовыхъ доходовъ, и с той грамоты взятъ списокъ за рукою, а подлинная отдана ему с роспискою. А в той грамоте написано: По грамоте отца нашего, Великихъ Государей, блаженные памяти Великаго Государя, Царя і Великаго Князя Алексѣя Михайловича, всеа Великия, і Малыя і Бѣлыя Росіи Самодержца, какова послана в Великій Новгородъ, к Воеводамъ, ко Князю Семену Андреевичу Урусову, да ко Князю Григорью Петровичу Барятынскому, да к Дьяку Луке Талызину, во 154 году, велено Новгородцкого Уѣзду Климецкаго монастыря Игумену Іоасафу з братьею, годовую ругу, денги, хлѣбъ на 154 годъ дать, і в предь по вся годы давать в Великомъ Новгороде, из дворцовыхъ доходовъ, с иными Новгородцкими ружниками вместе, без Московские волокиты. І в прошломъ во 157 году били челомъ брату нашему, Великихъ Государей, блаженные памяти Великому Государю, Климецкаго монастыря Строітель старецъ Іоасаеъ з братьею: выше писанная, де, отца нашего, Великихъ Государей, блаженныя памяти Великаго Государя, грамота, какова имъ дана во 154 году, обѣтшала и подралась, и чтобъ о даче годовые руги дать імъ вновь ево, Великаго Государя, грамоту. А в Приказе Большого Дворца, в Новгородскихъ дворцовыхъ смѣтныхъ спискахъ прошлыхъ лѣтъ написано: в Климецкой монастырь Ігумену и старцомъ, дватцати человѣкомъ, годовые руги, по окладу, денегъ пять рублевъ дватцать девять алтынъ двѣ денги, да хлѣба двадцать восемь четі ржи, овса по тому жъ, на годъ. И по той брата нашего, Великихъ Го-

сударей, блаженныя патяти Великаго Государя, грамоте, велено в Климецкой монастырь Строітелю Іоасафу з братьею, или кто по нихъ впредь в томъ монастыре иные будутъ, годовую ругу, денежное і хлѣбное жалованье, на пропитаніе давать по прежнему, в Великомъ Новгороде, із дворцовыхъ доходовъ, по вся годы, с ыными Новгородцкими ружники вмѣсте, без Московские волокиты; і во 192 году, Декабря въ 26 день, та брата нашего, Великихъ Государей, блаженныя памяти Великаго Государя, грамота на наше, Великихъ Государей, имя подписана в Приказе Большаго Дворца, і велено імъ годовое денежное і хлѣбное жалованье давать в Великомъ Новѣгороде із дворцовыхъ доходовъ по прежнему. И какъ к вамъ ся наша, Великихъ Государей, грамота придетъ, и вы бъ Олонецкаго Уѣзду Кижскаго погоста в монастырь Живоначальные Троицы і Чудотворца Николая, что на Климецкомъ острову, Строітелю Іеромонаху Варлааму з братьею, и впредь по немъ будучимъ Строителемъ, или Игуменомъ і братія, нашего, Великихъ Государей, жалованья, годовые руги, велѣли давать по окладу на годъ, денегъ по пяти рублевъ по дватцати по девети алтынъ по двѣ денги, хлѣба по дватцати по осми четі ржи, овса по тому жъ. Для того в грамоте брата нашего, Великихъ Государей, блаженныя памяти Великаго Государя, Царя і Великаго Князя Θеодора Алексѣевича, всеа Великия, і Малыя і Бѣлыя Росіи Самодержца, какова дана іс Приказу Большого Дворца в тотъ Климецкой монастырь, в прошломъ во 187 году написано: велено в тотъ монастырь годовые руги по прежнему Указу отца нашего, Великихъ Государей, блаженныя памяти Великаго Государя, Царя і Великаго Князя Алексѣя Михайловича, всеа Великія, і Малыя і Бѣлыя Росіи Самодержца, і по Новгородцкимъ дворцовымъ смѣтнымъ спискамъ прошлыхъ лѣтъ, выше писанное число денегъ, по пяти рублёвъ по дватцати по девяти алтынъ по двѣ денги, хлѣба по дватцати по осми четі ржи, овса по тому жъ на годъ. И та ево, брата нашего, Великихъ Государей, блаженные памяти Великаго Государя, грамота, во 192 году, на наше, Великихъ Государей, імя подписана, и велено денежное и хлѣбное жалованье давать имъ по прежнему, і велели имъ, Строітелю з братею, тое денежную и хлѣбную ругу давать по вся годы сполна в Олонецкомъ Уѣзде, въ Кижскомъ погосте, денги іс тѣхъ доходовъ, которые збираются того погоста с крестьянъ, с оброчныхъ угодей і за достальной стрелецкой хлѣбъ, а хлѣбное жалованье из зборного хлѣба, что збираетца с того

жъ погоста в Олонецкой окладной расходъ, для того, что тотъ погостъ к монастырю ихъ в близости, і чтобъ имъ в волоките на Олонецъ по ту годовую ругу лишнихъ убытковъ не было, і то число хлѣба, что в Климецкой монастырь въ годъ дать доведется, двадцать восемь четі ржи, овса то жъ, велѣли разверстать с Олонецкаго Уѣзду, и приложить тое дачю к Олонецкому окладному расходу, а за тотъ хлѣбъ противъ указной статьи денегъ по тритцати алтынъ за юфть, і того по двадцати по пяти рублевъ по шести алтынъ по четыре денги, на годъ, імать велѣли, і из окладу тѣ денги выложить, і в выше писанной даче денегъ и хлѣба в пріемъ Кижскаго погоста Старостамъ и зборщикомъ велѣти привозить на Олонецъ Климецкаго монастыря Строителя з братіею росписки, и по тѣмъ росписцамъ на Олонцѣ в Приказной Избе, в приходныхъ книгахъ і в смѣтныхъ спискахъ, велѣти очищать імянно, і в расходъ тою дачю зачитать, а денегъ и хлѣба того числа ис Кижскаго погоста на Олонецъ привозить не велѣли, і послати о той дачѣ из Олонца іс Приказной Ізбы в Кижской погостъ к Старостамъ и Зборщикамъ память, ты, Дьякъ, за своею приписью. А что в прошломъ во 201 году, по справке с Приказомъ Болшаго Дворца, велено было в тотъ Климецкой монастырь давать хлѣба по пятнадцати четі і по полтретнику ржи, овса по тому жъ, на годъ, і тое дачю велено оставить, для того что по грамоте брата нашего, Великихъ Государей, блаженныя памяти Великаго Государя, велѣно в тотъ монастырь давать хлѣба по двадцати по осми четі ржи, овса по тому жъ, на годъ, а не по пятнадцати четі на годъ, і отписано напередъ сего о томъ ис Приказу Большаго Дворца, не справясь с тѣмъ ево, Великаго Государя, Указомъ, а в Великомъ Новѣгороде тое денежные и хлѣбные руги давать імъ не велено. И о томъ в Великій Новгородъ к Боярину нашему і Воеводе, ко Князю Борису Івановичу Прозоровскому, с товарищи, наша, Великихъ Государей, грамота послана. А прочетъ сю нашу, Великихъ Государей, гратоту, велели списать с нее списокъ, да тотъ списокъ ты, Дьякъ, за своею приписью оставили на Олонце в Приказной Избе, а сю нашу, Великихъ Государей, подлинную грамоту отдали Климецкаго монастыря Строителю Варлааму з братьею, впредь для иныхъ нашихъ Воеводъ и Дьяковъ. Писанъ на Москве лѣта 7202, Генваря въ 30 день.

14.

От Великаго Государя, Царя і Великаго Князя Петра Алексѣевича, всеа Великія, и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, на Олонецъ, Стольнику нашему і Воеводѣ, Василью Никитичу Зотову. Указали мы, Великій Государь, по имянному своему, Великаго Государя, Указу, Святѣйшаго Патріарха, і Митрополитовъ, і Архіепископовъ, і Епископовъ, і монастырскихъ и церковныхъ, с крестьянскихъ и бобыльскихъ с осми тысячь дворовъ здѣлать корабль; а Бояръ нашихъ, і Окольничихъ, і Думныхъ, і ближнихъ людей, і Стольниковъ, и Стряпчихъ, и Дворянъ, і Дьяковъ, і жильцовъ, і городовыхъ Дворянъ, і дѣтей Боярскихъ, і вдовъ, і недорослей, и всякихъ чиновъ, и у жилыхъ и приказныхъ людей, крестьянскихъ и бобыльскихъ людей, бездворныхъ и бездѣловыхъ, за которыми до ста дворовъ, с десяти тысячь дворовъ сдѣлать корабль же. А буде впредь понадобитца, і тѣ корабли сдѣлать с двадцати тысячь по кораблю со всѣми корабельными припасы. А каковы тѣ корабли мѣрою сдѣлать, і что к нимъ какихъ припасовъ порознь надобно будетъ, і тому присланы будутъ росписи. А дѣлать тѣ суды і лѣса готовить на Воронеже с нынѣшняго 205 году. А сдѣлавъ і учиня со всѣми припасы, спустить на воду въ 205, въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ в первыхъ числахъ. А мастеры, для указыванья і уставу у того дѣла будутъ наши, Великаго Государя. А за которыми монастыри, и за церквами, і за помѣщики, и за вотчинники, менши ста дворовъ, і у тѣхъ указали мы, Великій Государь, взять на то жь корабельно строеніе с двора по полтинѣ, а платить тѣ деньги на Москвѣ, во Владимірскомъ Приказѣ. А за кѣмъ с большаго числа болши ста дворовъ, і тѣмъ сила даватца в корабль в десять тысячь; а какъ с хожатца, и хто с кѣмъ о томъ імать у нихъ скаски, і росписи, і челобитные за руками, і прислать въ Помѣстной Приказъ; а за которыми помѣщики і вотчинники з большаго числа в десять тысячь...........

1707 года, Декабря въ день, по Указу Великаго Государя, Палеостровскаго, Вышеостровскаго, Климецкаго, Троицкаго, Сунскаго монастырей Игумену и Строителямъ з братьею. Сего Декабря 18 числа, по Указу Великаго Государя, с Петровскихъ заводовъ послано к вамъ на кормъ до весны Государевыхъ лошадей, въ Палеостровъ пять лошадей, в Вышеостровской четыре лошади, в Климецкой

четыре лошади, в Троицкой Сунской монастырь двѣ лошади, записавъ в лѣта и в приметы за заводскимъ пятномъ по ниже писанной росписи с рекрутами, солдаты, съ Егоромъ Михѣевымъ да с Иваномъ Васильевымъ. І какъ они, солдаты, тѣхъ лошадей к вамъ приведутъ, і вамъ бы у нихъ, солдатъ, тѣхъ лошадей по ниже писанной росписи принять с росписками і велеть кормить і поить довольно, і держать въ цѣлости до весны с великимъ береженіемъ, чтобъ имъ упадку не было. А будетъ вашимъ небреженіемъ и за неприсмотромъ тѣмъ лошадямъ учинитца упадокъ, и по Указу Великаго Государя, за всякую лошадь доправлено будетъ на васъ вдвое. А сено тѣмъ лошадямъ брать по дорогѣ у жителей сколько пристойно, і в томъ давать имъ, жителямъ, в пріемѣ того сена росписки, а назадъ до заводовъ давать солдатомъ подводы без прогоновъ.

15.

Отъ Великаго Государя, Царя и Великаго Князя Петра Алексѣевича, всеа Великія, и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, на Олонецъ, отъ Артилеріи Полковнику и Комендату нашему, Вилиму Ивановичу Геннингу. Сего Сентября 6 дня, въ бытность нашу на Котлинѣ островѣ, прибѣжалъ къ намъ курьеръ отъ полномочныхъ Министровъ изъ Ништата съ трактатами вѣчнаго мира, который между нами и Шведами заключенъ въ 30 день Августа, въ которомъ поставлено, что Корона Шведская вѣчно уступаетъ намъ Лифляндію, Истляндію, Ингрію и знатную часть Кареліи, съ городами Ригою, Ревелемъ, Нарвою, Перновомъ, Выборгомъ, и по оному знатнымъ дистриктомъ изъ Финляндіи и со Кексголмомъ, а съ нашей стороны, изъ завоеваннаго Швеціи, возвращаются пр......... отъ Княжества Финляндскаго Въ тотъ же миръ вкличенъ Его Королевское Величество и рѣчь Посполитая Польская. И съ тою всерадостною вѣдомостію прибыли мы въ Санктпетербургъ сего Сентября 10 дня, и того же дни учинено Всевышнему благодареніе за прекращаніе такъ долгопротяжныя войны и заключеніе того славнаго и пожелаемаго мира, при молебномъ пѣніи. И какъ къ тебе ся наша, Великаго Государя, грамота придетъ, и вы бъ Всевышнему и въ Троицѣ славимому Богу, таковое миротвореніе, въ пользу вѣрныхъ своихъ рабовъ устроившему, достодолжное благодареніе отправляли, празднственное съ молебнымъ пѣніемъ торжество въ разные времена трекратно: первое, въ самый тотъ день, въ ко-

торый сію нашу, Великаго Государя, грамоту получишь, и с того полученія, во знакъ тое преславные Государственные радости, по молебномъ пѣніи седьмодневной обычайной при церквахъ звонъ, какъ отъ Господня свѣтлые Пасхи во всю Свѣтлую седьмицу бываетъ; второе Октября 22 дня; третье въ предбудущемъ 1722 г., Генваря 22 дня, съ такимъ же седьмодневнымъ звономъ, и объяви о томъ того города всякихъ чиновъ командующимъ и прочимъ людемъ всенародно въ церквахъ при молебнѣ и при публичныхъ мѣстѣхъ, а о томъ же изъ Святѣйшаго Правительствующаго Духовнаго нашего Синода во всѣ Епархіи ко Архіереемъ и прочимъ, кому слѣдуетъ, наши, Великаго Государя, Указы посланы. Писанъ въ Санктпетербурхѣ 1722 году, Сентября 16 дня.

Б.

Іерархія грамоты.

1.

Отъ Великаго Господина, Преосвященнаго Макарія, Митрополита Великаго Новагорода і Великихъ Лукъ, в Заонежскую десятину, по монастырямъ Игуменомъ, і Строителемъ, и черныимъ Попомъ з братьею, а по погостамъ и по выставкамъ Попомъ и Дьякономъ и всѣмъ церковнымъ причетникомъ, і Государевымъ Княземъ, и Дворяномъ, и Дѣтямъ Боярскимъ, і всякимъ служебнымъ людямъ, і Земскимъ Старостамъ, и Целовальникомъ, и Соцкимъ, и Пятидесятцкимъ, и Десятцкимъ, и церковнымъ Старостамъ, и всѣмъ Православнымъ Христіаномъ. В нынѣшнемъ во 169 году, Іюня въ 6 день, в грамоте Великаго Государя, Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича, всея Великія, и Малыя и Бѣлыя Росіи Самодержца, за приписью Дьяка Андрея Немирова, писано ко мнѣ, богомольцу его, Государеву: в нынешнемъ же 169 году, Маія въ 30 день, за милость Святыхъ Отецъ, Богъ простилъ Благовѣрную и Христолюбивую его, Великаго Государя, Царицу и Великую Княгиню Марью Ильиничну, а родила ему, Великому Государю, Царю і Великому Князю Алексѣю Михайловичу, всеа Великія, и Малыя и Бѣлыя Росіи Самодержцу, сына, Благовѣрнаго Царевича і Великаго Князя Ѳеодора Алексѣевича, всеа Великія, и Малыя и Бѣлыя Ро-

сіи; а именины Благовѣрному Государю, Царевичу і Великому Князю Θеодору Алексѣевичу, всеа Великія, и Малыя и Бѣлыя Росіи, Іюня въ 11 число. И какъ к вамъ ся наша грамота придетъ, і вы бъ, сынове и сослужебники нашего смиренія, Игумены, и черные, и бѣлые Попы и Дьяконы, со всѣмъ Освященнымъ Соборомъ, пѣли молебны с звономъ, для всемирныя радости, рожденія Благовѣрнаго Царевича, і Великаго Князя Θеодора Алексѣевича, всея Великія, и Малыя и Бѣлыя Росіи, и молили Всемилостиваго, Всещедраго, въ Троице славимаго, Бога, и Пречистую Владычицу нашу Богородицу и присно Дѣву Марію, и всѣхъ Святыхъ, соборне и келейне о Благовѣрномъ и Христолюбивомъ Великомъ Государѣ нашемъ, Царѣ і Великомъ Князѣ Алексѣ Михайловичѣ, всеа Великія, и Малыя и Бѣлыя Росіи Самодержцѣ, и о его, Великаго Государя, Благовѣрной Царице и Великие Княгине, Маріи Илиничнѣ, и о сыновѣхъ его, Великаго Государя, о Благовѣрномъ Царевичѣ и Великомъ Князѣ Алексѣ Алексѣевичѣ, всеа Великія, и Малыя и Бѣлыя Росіи, о Благовѣрномъ Царевичѣ і Великомъ Князѣ Θеодорѣ Алексѣевичѣ, всеа Великия, и Малыя и Бѣлыя Росіи, и о его, Великаго Государя, сестрахъ, о Благовѣрной Царевны и Великие Княжны Ирины Михайловны, о Благовѣрной Царевны і Великие Княжны Татьяны Михайловны, о его Великаго Государя, дщерехъ: о Благовѣрной Царевны і Великие Княжны Марθы Алексѣевны, о Благовѣрной Царевны и Великие Княжны, Евдокѣи Алексѣевны, о Благовѣрной Царевны и Великие Княжны Софьи Алексѣевны, о Благовѣрной Царевны і Великие Княжны Екатерины Алексѣевны, о Благовѣрной Царевны и Великие Княжны Марьи Алексѣевны, многолѣтнемъ здоровьи, чтобы Господь Богъ умножилъ лѣтъ живота ихъ, Великихъ Государей. А во всѣхъ ектеньяхъ и во многолѣтьяхъ соборне и келейне Бога молить по прежнему. А с сею нашею грамотою богомольною посланъ к вамъ в Заонежье, в монастырь, і в погосты, і в выставки, Софѣйскаго дому нашъ пѣвчій Діакъ, Семенъ Θедоровъ; а велено ему с сее нашее богомольные грамоты давати имъ, Игуменомъ, и чернымъ, и бѣлымъ, Попомъ, с причетники, списывати списки слово в слово. Къ сей богомольной грамоте Великій Господинъ, Преосвященный Макарій, Митрополитъ Великаго Новаграда і Великолуцкій, велелъ печать свою приложить Лѣта 169 году, Іюня въ 10 день.

2.

Божіею милостію, Великій Господинъ, Преосвященный Корнилій, Митрополитъ Великаго Новаграда і Великихъ Лукъ. В нынешнемъ во 185 году, Майя въ день, билъ челомъ намъ, Преосвященному Митрополиту, Климецкаго монастыря, с Онѣга озера, слушка Гаврилка Амосовъ, чтобъ Великій Господинъ, Преосвященный Корнилій, Митрополитъ Великаго Новаграда и Великихъ Лукъ, пожаловалъ Указомъ, с того Климецкаго монастыря церковную дань платить въ Великомъ Новѣгородѣ по вся годы, по тому что отъ присланныхъ и Поповскихъ Старостъ, которые пріѣзжаютъ для сбору церковные дани, чинятъ убытки большіе, а тотъ, де, монастырь безвотчинной, кормятца братия Великаго Государя жалованьемъ; и о томъ бы далъ нашу грамоту имъ. Великій Господинъ, Преосвященный Корнилій, Митрополитъ Великаго Новаграда і Великихъ Лукъ, слушавъ челобитье, указалъ: с того Климецкаго монастыря церковную дань по окладу платить въ Великомъ Новеграде по вся годы, на срокъ на Рождество Христово, а посланнымъ и Поповскимъ Старостамъ для збору денежныя дани и иныхъ дѣлъ без Указу в тотъ Климецкой монастырь не въѣзжать, и подводъ и кормовъ не имать; а буде в томъ Климецкомъ монастыре явятся безчинники, или церковное неисправленіе, а про то намъ, Преосвященному Митрополиту, будетъ вѣдомо, или кто о томъ извѣститъ, и по такихъ безчинниковъ посланы будутъ изъ Великаго Новагорода нарочно. А дана сія наша грамота въ Великомъ Новѣгородѣ в домѣ Премудрости Божіей, лѣта 7185-го, Маія въ 11 день.

3.

Благословеніе Преосвященнаго Корнилія, Митрополита Великаго Новаграда, Стольнику і Воеводе, Господину Якову Максимовичю, да Дьяку Лву Өедоровичю. В прошломъ 155 (1677) годе, Заонежскихъ погостовъ, Лижемской волости, крестьяне Васька Семеновъ Ждановъ, Гришка Пядинъ, Симашка Троеимовъ, Меркушка Баженовъ, Еөимко Нагюнинъ, Микиөорко Аөимовъ, Ивашко Ермолаевъ, Тимошка Евсеевъ, Калинка Евпловъ, Өедка Степановъ, Мишка Аөанасьевъ, Гришка Яринъ, Яшка Семеновъ, ручалися Лижемской же волости по Дьячкѣ по Якушкѣ Івановѣ сыне Ростовцове, что ему, Якушку, стать в Великомъ Новѣгороде, в нашемъ духов-

номъ Приказе по извету Лижемской волости Калинки Акиндинова, в великомъ духовномъ дѣле, для распросу и очной ставки с нимъ, Калинкою, и за ихъ порукою тотъ Якушко в Великомъ Новгороде не сталъ, і вамъ бы, Господие, поручникомъ его, Васькѣ Жданову с товарищы, о томъ Дьячкѣ Якушкѣ Ростовцове къ намъ въ Великій Новгородъ учинить по Указу Великаго Государя, Царя і Великаго Князя Ѳеодора Алексѣевича, всеа Великія, и Малыя и Бѣлыя Росіи Самодержца; а милость Святыя неизреченныя Премудрости Божіи і Великихъ Чудотворцевъ Никиты, Ниѳонта Епископовъ, Іоанна, Евѳимія, Іоны, Моусея и Серапіона Архіепископовъ Новгородскихъ і всѣхъ Святыхъ молитвы и нашего смиренія благословеніе да есть и будетъ с вами нынѣ и в вѣкъ.

4.

Божіею милостію Великій Господинъ, Преосвященный Корнилій, Митрополитъ Великаго Новаграда і Великихъ Лукъ. В нынешнемъ во 186-мъ году, Генваря 21 дня, били челомъ намъ Заопежскіе десятины, Выгозерскаго стану, Живоначальные Троицы Климецкаго монастыря Строитель, черный Попъ Ѳеодосій, з братіею, и показали челобитную, а в челобитной ихъ написано: обложенъ, де, тотъ Климецкой монастырь церковною данью большимъ окладомъ, и, тое, де, церковные дани, противъ того окладу, платить не в мочь, по тому что, де, мѣсто убогое, крестьянъ и бобылей и іныхъ ни какихъ угодей нѣтъ, кормится Христовымъ имянемъ, и чтобъ намъ, Преосвященному Митрополиту, пожаловати ево, Строителя, чернаго Попа Ѳеодосія, з братіею, велети бы церковные дани збавить, для ихъ монастырскіе скудости, и тое бы церковную дань по окладу платить имъ в Великомъ Новѣгороде, в нашемъ Казенномъ Приказе, по вся годы самѣмъ. И мы, Великій Господинъ, Преосвященный Корнилій, Митрополитъ Великаго Новаграда і Великихъ Лукъ, Климецкаго монастыря Строителя, чернаго Попа Ѳеодосія, з братіею, челобитья и ізъ окладныхъ книгъ выписку слушавъ, пожаловали Указами: с того Климецкаго монастыря платить имъ церковные дани на годъ по рублю по шестнадцати алтынъ по четыре денги, да Дьячихъ пошлинъ по три алтына по четыре денги, в Великомъ Новѣграде, в нашемъ Казенномъ Приказе, по вся годы, на срокъ на Рождество, а на нынешней на сто восемьдесятъ шестой годъ, церковные дани по окладу рубль с полтиною, да за Десятильничи доходы

то жъ число, рубль с полтиною, в Софѣйскую и нашу казну принять, а для збора церковные дани посланнымъ в тотъ Климецкой монастырь, по прежнему и по сему нашему Указу і грамотамъ, не въѣзжать и подводъ и кормовъ не имать. К сей жалованной грамоте Великій Господинъ, Преосвященный Корнилій, Митрополитъ Великаго Новаграда и Великихъ Лукъ, велелъ печать свою приложить. Лѣта 7186 (1679), Февраля въ 4 день.

5.

Отъ Преосвященнаго Корнилія, Митрополита Великаго Новаграда і Великихъ Лукъ, Оштинскаго стану Закащику, Вознесенскаго монастыря Строителю, черному Попу Ѳеодориту. В прошломъ во 189 году, по нашему Указу, посланы наши грамоты нашея Епархіи в городы, и в Уѣзды, и монастыри, і в погосты, и в выставки, а велено по всемъ церквамъ учинить заказъ крѣпкой, чтобъ онѣ приходцкимъ людемъ мужеска пола и женска, і отрокомъ і отроковицамъ, возрастомъ лѣтъ в двенадцать, велели в Великій Постъ приходить к церкви Божіи къ божественному пѣнію необленно, і поститися, по исповѣди отъ отцовъ своихъ духовныхъ, хто достоинъ, Святыхъ Христовыхъ Таинъ причащатся, и хто у нихъ отцы духовные, или хто приходцкихъ людей явится сему противникъ, і тому велено приходцкимъ Попомъ в Митрополей Судный Приказъ присылать росписи за руками. И какъ к тебѣ ся наша, Преосвященнаго Митрополита, грамота придетъ, и ты бъ в Оштинскомъ стану в монастырехъ, и в погостехъ, и в выставкахъ, по всемъ церквамъ Попомъ о постѣ приходцкимъ людемъ, противъ прежняго и сего выше писаннаго Указу, заказъ учинилъ с большимъ подкрѣпленіемъ, и хто имяны и в которую недѣлю учнутъ поститца, или хто будетъ сего Указа явится противникъ, и о томъ прислать в Великій Новгородъ, в нашъ Судной Приказъ, імянные росписи безо всякаго мотчанія, не ожидая о томъ къ себѣ іного нашего Указу; а хто противниковъ укрывать и имянныхъ росписей за руками давать и присылать вскоре не учнетъ, и імъ быть за то по нашему, Преосвященнаго Митрополита, Указу, отъ Священства в вѣчномъ отлученіи, а раскольникомъ и сего Указа непокорникомъ въ сылкѣ в монастырехъ в заточенье, под крепкимъ началомъ, докеле они от упрямства своего отстанутъ и принесутъ истинное покаяніе и расколничать престанутъ. Писанъ в Великомъ Новѣграде лѣта 7190

Ѳеврале въ день. А у подлинной грамоты печать Преосвященнаго Корнилія, Митрополита Великаго Новаграда и Великихъ Лукъ.

.............Литургіи служить і молебствовать в Соборной церкви, какъ было в прежнихъ годѣхъ, а в Оштинской станъ в монастыри къ Игуменомъ, і к Строителемъ, і чернымъ Попомъ, і Дьякономъ, і и погосты, і выставки, разослать отъ себя, велено мнѣ, Поповскому Старостѣ, память, велено збиратись ко всенощнымъ бдѣніямъ, и всенощныя бдѣнія совершать, и божественныя Литургіи служить, і молебствовать по сему ево, Великаго Государя, Указу, гдѣ собирались напередъ сей, а в погостехъ бы у себя в Лигорскомъ и Вытегорскомъ в выставкахъ списывали с сей грамоты списки и оставляли къ себѣ.

9.

Отъ Великаго Господина, Преосвященнаго Іова, Митрополита Новаграда і Великихъ Лукъ, Олонецкаго Уѣзда, Оштинскаго, Водлозерскаго и Выгозерскаго становъ Поповскому Старостѣ, Остречинскаго погоста Попу Дмитрію Еѳстафееву. В прошломъ 701 году, по Указу Великаго Государя, Царя и Великаго Князя Петра Алексѣевича, всеа Великия, и Малыя и Бѣлыя Росіи Самодержца, и по грамотамъ, учиненъ во всѣхъ монастырехъ властемъ з братьею заказъ, чтобъ монахомъ и монахинямъ быть в тѣхъ монастыряхъ неизходнымъ, въ иные монастыри безъ Указу и безъ настоящія правильныя вины отнюдь не отпущать, и къ себѣ изъ другихъ монастырей безъ отпустныхъ писаній не принимать, подъ страхомъ церковные казни и подъ опасеніемъ взятья пени большія. А нынѣ намъ, Преосвященному Митрополиту, учинилось вѣдомо, что многіе монахи и монахини, не памятуя своего обѣщанія, изъ своихъ имъ монастырей исходятъ безъ всякихъ правильныхъ винъ, а иныхъ и власти безстрашіемъ своимъ, не опасуяся онаго запрещенія, безъ Указовъ отпущаютъ, и изъ другихъ монастырей изшедшихъ къ себѣ в монастыри принимаютъ безъ отпускныхъ писаній, и от такова тѣхъ начальствующихъ небреженія многіе монахи и монахини являются бродя въ мірѣ, и тѣмъ наносятъ монашескому чину укоризну и поношеніе. И того ради указали мы, Преосвященный Митрополитъ, симъ нашимъ Архіерейскимъ Указомъ паки подтвердить, чтобъ во всѣхъ монастырехъ начальствующіе монаховъ и монахинь вельми неисходныхъ имѣли, и безъ Указовъ и безъ самыхъ пра-

вильныхъ нужнѣйшихъ винъ никуда отнюдь не отпускали, также и къ себѣ в монастыри, безъ нашего, Преосвященнаго Митрополита, Указу и безъ отпускныхъ писаній, никого не принимать; а буде которые изъ нихъ, оплошкою своею и безстрашіемъ, монаховъ и монахинь по прежнему изъ монастырей безъ Указовъ выпущать и къ себѣ в монастыри принимать будутъ, и на тѣхъ, за такое многихъ Указовъ преслушаніе и за неисполненіе повеленнаго, доправлено будетъ изъ келейныхъ ихъ денегъ пени, на Архимандритахъ и Игумнахъ по пятидесяти, на Келарехъ по тридцати, а на прочихъ начальствующихъ по десяти рублевъ на человѣка. И какъ къ тебѣ ся наша, Преосвященнаго Митрополита, грамота придетъ, и ты бъ во все Олонецкаго Уѣзду монастыри послалъ о выше писаномъ съ сей нашей грамоты памяти немедленно, которые велеть тамо раздать начальствующимъ с росписками, и тѣ росписки прислать за руками съ Ошкинскою своею къ намъ, Преосвященному Митрополиту, въ Великій Новгородъ, въ скоромъ времени, и велѣлъ подать въ нашемъ Разрядѣ, духовныхъ дѣлъ Судіи Приказному, монаху Стефану с товарищи. Писанъ въ Великомъ Новѣграде лѣта 1712, Марта 1 дня.

В.

Акты Соломенской пустыни.

1.

Грамота Царя Федора Алексѣевича на земли и угодья Соломенской пустыни. 7190 (1682) г.

Отъ Царя и Великаго Князя Феодора Алексѣевича, всея Великія, и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца. На Олонецъ, Воеводамъ нашимъ, Василью Матвеевичу Заборовскому съ товарищи. Били челомъ намъ, Великому Государю, Новгороцкаго Уѣзду Обонежскія пятины, Шуйскаго погоста, пустыни Святыхъ Апостолъ Петра и Павла Строитель, старецъ Симеонъ съ братьею: въ Новгородскомъ Уѣздѣ, въ Шуйскомъ погостѣ, въ нашихъ, Великаго Государя, дворцовыхъ деревняхъ, владѣютъ они землею пустыми жеребьи изстари; и въ прошломъ, де, во 159 (1651) году, по Указу отца нашего, Государева, блаженныя памяти Государя, Царя и Великаго

Князя, всея Великія, и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, дана имъ на ту землю жалованная грамота изъ Приказа Большаго Дворца, а по той грамотѣ велѣно имъ въ тѣхъ нашихъ дворцовыхъ деревняхъ тою землею владѣть по прежнему впредь вѣчно. И нынѣ, де, въ ту землю вступаются и владѣютъ насильно всякихъ чиновъ люди, а спрашиваютъ у нихъ на ту землю грамоту на наше, Великаго Государя, имя; и намъ, Великому Государю, пожаловати бы ихъ, велѣть противъ прежняго Указу отца нашего, Государева, блаженныя памяти Великаго Государя, и жалованной грамоты, въ тѣхъ нашихъ дворцовыхъ деревняхъ, тѣми жеребьями, землею, которая дана имъ на пропитаніе, владѣть впредь вѣчно, и о томъ дать имъ нашу, Великаго Государя, грамоту. А въ грамотѣ отца нашего, Государева, блаженныя памяти Великаго Государя, Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича, всеа Великія, и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, какову подали въ Приказѣ Большаго Дворца тое пустыни Строитель Симеонъ съ братьею, написано: По прежнимъ жалованнымъ грамотамъ блаженные памяти Великаго Государя, Царя и Великаго Князя Василья Ивановича, всея Росіи, и дѣда нашего, Государя, Царя и Великаго Князя Михаила Ѳеодоровича, всеа Росіи Самодержца, и отца нашего, Государева, Великаго Государя, Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича, всея Великія, и Малыя и Бѣлыя Росіи Самодержца, велѣно имъ владѣть въ Шуйскомъ погостѣ порозжими землями: пустошью Деревяннымъ, четверть выти, Ивана Ларіонова за Онегомъ озеромъ, да на Верхнемъ Бѣсовцѣ пустошью Липачевымъ полвыти, Куземки Вагинова, да на Логморучья на другой сторонѣ пустошью четверть выти, Иванка Лѣкцева, и та земля велѣно отдѣлить и обѣжнаго оброку съ тѣхъ пустыхъ участковъ имать на нихъ не велѣно, и въ тягло въ сошное письмо та земля не положена, Шуйскаго погосту Старостамъ и крестьяномъ въ тое землю и въ угодья, что къ той землѣ изстари было, вступаться, и тое пустыни старцамъ продажъ и насильства ни какого ни въ чемъ чинить не велѣно. И мы, Государь, Царь и Великій Князь Ѳеодоръ Алексѣевичъ, всея Великія, и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержецъ, пустыни Святыхъ Апостолъ Петра и Павла Строителя старца Симеона съ братьею пожаловали, велѣли тое прежнюю грамоту переписать вновь на наше, Великаго Государя, имя. И какъ къ вамъ ся наша, Великаго Государя, грамота придетъ, и вы бъ Обонежскіе пятины, Шуйскаго погоста, пустыни Святыхъ Апостолъ

Петра и Павла Строителю старцу Симеону съ братьею, или кто по нихъ въ той пустыни впредь будутъ, въ Новгородцкомъ Уѣздѣ, въ Шуйскомъ погостѣ, землею пустые жеребейки, которые имъ даны на пропитаніе изстари, велѣли владѣть по прежнимъ и по сей нашей, Великаго Государя, грамотамъ, а Шуйскаго погоста Старостамъ и крестьянамъ, и инымъ, никому въ тое землю и въ угодья, что къ той землѣ дано имъ, не вступаться, и продажѣ и насильствъ ему, Строителю, съ братьею чинить не велѣли. А прочетъ сю нашу, Великаго Государя, грамоту, велѣли отдать старцу Симеону съ братьею, по чему имъ тою данною землю впредь владѣть, а на Олонцѣ въ Приказной Избѣ оставить списокъ за рукою. Писана на Москвѣ лѣта 7190 (1682) года, Генваря въ 31 день.

А припись у тоя, Великаго Государя, подлинной грамоты Дьяка Ларіона Вязьмина, справа Подъячаго Ларіона Гурьева.

Подана та, Великаго Государя, подлинная грамота на Олонцѣ, Февраля въ 25-й день, нынѣшняго 190 году; подалъ тое пустыни старецъ Ефремъ.

2.

Списокъ съ писцовыхъ книгъ письма и мѣры Никиты Панина, да Подъячаго Семена Копылова 7135 и 7137 (1627 и 1629) годовъ.

Въ Шуйскомъ погостѣ, на устьѣ рѣки Шуи, у Онега озера, на берегу на Соломяни пустынька, а въ ней церковь Святыхъ Апостоловъ Петра и Павла съ трапезою, и въ церкви Божія милосердія образовъ: надъ царскими дверьми въ таблѣ Деисусъ стоящій, писанъ краски; двери царскія, писаны краски жъ; по правую сторону царскихъ дверей образъ мѣстный Святыхъ Апостолъ Петра и Павла, на празелени; образъ мѣстный Святаго славнаго Пророка и Предтечи Крестителя Господня Іоанна, на празелени; по лѣвую сторону царскихъ дверей образъ мѣстный Пресвятыя Богородицы Одигитріи, писанъ краски; да въ олтарѣ за престоломъ образъ Пресвятыя Богородицы Воплощеніе, да крестъ выносной, крестъ животворящій, писанъ краски. Сосуды церковные деревянные, кадило мѣдянное; ризы и стихари Поповскіе и Дьяковскіе полотняные, оплечья выбойка Турская. Да книгъ въ церкви: Евангеліе на престолъ письмянное, Евангелисты мѣдянные; Октай перваго гласу, Апостолъ, Потребникъ, два Пролога, двѣ Псалтири, Служебникъ, два Соборника, всѣ письмянные; Часовникъ, печать Литовская. На

колокольнѣ два колокола, вѣсомъ по пуду. А въ церкви образы и книги, и свѣчи и ризы, и все древнее строенье тое жъ пустыни Строителя старца Касьяна. А около пустыни ограда за метомъ, да двои ворота, однѣ святыя, а другія заднія. Да въ той же пустынѣ на монастырѣ въ кельѣ Строитель старецъ Илья, въ кельѣ Келарь старецъ Тихонъ; да четыре кельи братскихъ, а въ нихъ четыре старца; да двѣ кельи пустыя. Да около тое пустыни подъ монастыремъ, на берегу Онега озера, пашни пахотныя монастырскія восемъ четей въ полѣ, а въ дву по тому жъ; и та ихъ пашня со крестьянскою пашнею въ сошное письмо не положена, а пашутъ они тое пашню своими труды.

Да къ той же пустынкѣ изъ Государевыхъ дворцовыхъ деревень дано, по Государевымъ жалованнымъ грамотамъ, полдеревни Липачевыхъ, Кузьмы Вашгина, на рѣкѣ на Шуѣ. А какъ имъ та полдеревня по Государевымъ грамотамъ дана, и что къ ней четвертныя пашни и сѣва, и то писано въ Шуйскомъ погостѣ подъ тою деревнею; да того жъ монастыря подъ деревнею, что былъ починокъ на Логморучьѣ, мельница колесная, Нѣмецкое колесо.

Да въ тѣхъ же книгахъ написано въ Шуйскомъ погостѣ межь деревнями Государственныхъ и Хутыня монастыря крестьянъ:

Полдеревни Липачевыхъ Кузьмы Вагинова, на рѣкѣ Шуѣ, на Бѣсовцѣ; въ ней крестьянъ: во дворѣ Елисѣйко Дѣевъ, во дворѣ Костька Кириловъ, во дворѣ Филька Ларіоновъ, во дворѣ Конанко Прокопьевъ, у него сынъ Костька, во дворѣ бобыль Лучка Ивановъ, всего четыре двора крестьянскихъ, людей въ нихъ пять человѣкъ, да дворъ бобыльской. Пашни паханыя середнія земли таглыя четыре чети безъ полуосьмины, да оброчныя двѣ чети съ осьминою и съ полполтретникомъ, да перелогомъ и лѣсомъ поросла четь безъ третника въ полѣ, а въ дву по тому жъ; сѣна къ живущимъ и къ пустымъ вытямъ шесть копенъ; въ живущемъ четь выти съ полуосьминою пашни; въ оброкѣ полтрети выти съ полуосьминою пашни; да впустѣ полполполтрети выти и полполтретника перелогу.

А другая полдеревни по Государевѣ грамотѣ 104 (1596) блаженныя памяти, Государя Царя и Великаго Князя Өеодора Іоанновича, всея Росіи, да по грамотѣ отъ Царя Василья 116 (1608) году дано въ Соломенскую новопоставленную пустыню Святыхъ Апостолъ Петра и Павла, Строителю Касьяну съ братьею,

безоброчно пашни паханые середніе земли семь четей въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна шесть копенъ, въ живущемъ полвыти.

Въ деревнѣ на Логморучьѣ, на другой сторонѣ ручья, пустые земли Иванка Лѣнцева, Рыполово тожъ, по Государевѣ, Царевѣ и Великаго Князя Васелья Ивановича всея Росіи, грамотѣ, за приписью Дьяка Григорья Елизарова 7116 (1608) года, дано въ монастырь Соломяни пустыни Святыхъ Апостолъ Петра и Павла Строителю Касьяну съ братьею, или кто по немъ въ тое пустыни иной Строитель и братья будутъ, четь выти, со всѣми угодьи, и оброку съ нихъ съ тое пашни, съ чети выти со всѣми угодьи, и съ сѣнныхъ покосовъ и со всякихъ угодій, имать не велѣно; и во 7125 (1617) году та Государя Василья грамота подписана на Государево и Великаго Князя Михаила Ѳедоровича имя, а припись на грамотѣ Дьяка Ивана Болотникова, а велѣно ходить во всемъ, какъ въ Царя Василья грамотѣ написано. И тою пустою землею владѣютъ Соломяны пустыни Строитель Касьянъ съ братьею, да впредь ему владѣть по прежнему безоброчно; и въ тягло и въ сошное письмо та четь выти не положена; сѣна къ той выти чети двѣ копны съ полукопною.

Деревня на Деревянномъ Олферовская Иванка Ларіонова, а въ ней крестьянъ: во дворѣ Поздѣйко Амосовъ, во дворѣ Родька Истоминъ, во дворѣ Лучка Мининъ, во дворѣ Логинко Юдинъ, у него сынъ Корнилко, во дворѣ бобыль Терешка Мининъ, всего четыре двора крестьянскихъ, людей въ нихъ пять человѣкъ, да дворъ бобыльской. Пашни пахатныя середнія земли четыре чети безъ полуосьмины, да оброчныя четь безъ полполтретника въ полѣ, а в дву по тому жъ; сѣна семь копенъ съ полукопною; въ живущемъ четь выти съ полуосминою; пашни въ оброкѣ полполчети выти и полполполтретника пашни.

Да въ той же деревнѣ Олферовской, по Государевѣ, Царевѣ и Великаго Князя Василья Ивановича всея Россіи грамотѣ, за приписью Дьяка Григорья Елизарьева 7116 (1608) года, дано въ монастырь Соломяни пустыни Святыхъ Апостолъ Петра и Павла Строителю старцу Касьяну съ братьею, или кто въ той пустыни иной Строитель и братья будутъ, пустыя земли три чети съ осьминою въ полѣ, а въ дву по тому жъ, четь выти со всѣми угодьи; и оброку съ нихъ съ тое пашни, съ чети выти и съ сѣнныхъ покосовъ и со всякихъ угодій имать не велѣно. И во 125

(1617) году та, Царя Василья, грамота подписана на Государево, Царево и Великаго Князя Михаила Өеодоровича всея Росіи, имя, и припись на грамотѣ Дьяка Ивана Болотникова, а велѣно имъ ходить во всемъ по тому, какъ Царя Василья въ грамотѣ написано, и тою пустою землею четью выти владѣть Соломяни пустыни Строителю Кассіану съ братьею безоброчно, и въ тягло и въ сошное письмо та четь выти не положена.

Да въ той же писцовой книгѣ подъ Шуйскимъ погостомъ въ перечнѣ написано: да по Государевымъ грамотамъ Царя Василья Ивановича и Царя Бориса, за Соломеннымъ монастыремъ полдеревни, да въ двухъ деревняхъ по жеребью, а въ нихъ пашни и перелогу и лѣсомъ поросло четырнадцать чети, въ живущемъ и впустѣ выть, сѣна двадцать одна копна.

А какъ Соломенская пустынь была въ прошлыхъ годѣхъ подъ вѣденіемъ Хутыня монастыря, и въ то число оная пустыня и жалованная грамота въ томъ пожарѣ сгорѣла.

3.

Межевая книга Петрозаводскаго Уѣзда Шуйскаго погоста упраздненной Соломенской пустыни.

1782 года, Августа 23 дня. По Указу Ея Величества, Государыни Императрицы Екатерины Алексѣевны, Самодержицы Всероссійской, и пр. и пр. и пр. Учинена межа въ Петрозаводскомъ Уѣздѣ въ Шуйскомъ погостѣ, съ ея пашенною землею, сѣнными покосы, лѣсными и прочими угодьи, которая состоитъ во владѣніи той упраздненной пустыни священно и церковнослужителей, отъ всѣхъ смежныхъ земель, какъ слѣдуетъ. Начало межи смежнымъ озеромъ Онегомъ, отъ поставленнаго на берегу онаго озера Онега межеваго столба съ признаками, и предъ нимъ въ сажени положенной мѣры межевая яма, при обмежеваніи мною дачи того жъ Петрозаводскаго Уѣзда Шуйскаго погоста съ выставками и деревнями общаго владѣнія Государственныхъ черносошныхъ и бывшихъ прежде Новгородскаго Варлаамія Хутыня монастыря, а нынѣ вѣдомства Государственной Коллегіи Економіи и обѣльныхъ крестьянъ. Съ того мѣста взятъ починный пунктъ, какъ на специальномъ планѣ и видно, и по тому мѣстоположенію, что межа не спорная между владѣніемъ, того для, отступя отъ того столба впередъ по межѣ одну сажень, вырыта вновь другая починная межевая яма, шириною во всѣ сто-

роны по полуторы сажени, въ глубину одна сажень; въ ней положено уголья и межевыхъ, такъ какъ въ починную, пять камней; а между тѣхъ ямъ на починѣ продолжающей линіи, ставлена астролябія, и та линія склоненіе свое имѣетъ на ромбъ отъ N къ W 34 градуса 30 минутъ; идучи тою линіею и при продолженіи той линіи по озеру Онегу, браны были влѣво чрезъ 100 саженъ перпендикуляры, коихъ мѣра значится на планѣ. Отъ озера дровянной лѣсъ, пашня, селеніе, кладбище и каменная плита Соломенской пустыни владѣнія священно и церковнослужителей, а на лѣвой озеро Онего. И на оной линіи, перешедъ дорогу, по которой ѣздятъ изъ деревни Патрушина Наволока во оную упраздненную Соломенную пустынь, а въ концѣ ее переходя проливъ, вытекающій изъ Логмозера въ Озеро Онего. Длина линіи до поворота 437 саж., въ концѣ оной линіи, дошедъ до учиненнаго на берегу пролива, по теченію воды, на правой сторонѣ межеваго съ признаками столба, при обмежеваніи мною дачи, коснувшейся однимъ пунктомъ города Петрозаводска градской выгонной земли владѣнія того города купцовъ и мѣщанъ, а потомъ отъ пролива по другую сторону дачи жъ того жъ Петрозаводскаго Уѣзда, Шуйскаго погоста, съ выставками и деревнями владѣнія выше писанныхъ черносошныхъ Економическихъ и обѣльныхъ крестьянъ; съ того мѣста отъ столба линія напротивъ учиненной мною межи поворотилась вправо на ромбъ отъ S къ W 51 гр. 30 м., астролябическій уголъ 17 гр.; идучи тою линіею чрезъ проливъ, который по переходѣ остался позади, и перешедъ выше писанную дорогу направѣ отъ пролива, сначала каменная плита, а потомъ пашня упраздненной Соломенской пустыни, а на лѣвѣ земля Шуйскаго погоста съ выставками и деревнями; длина линеи до поворота до ямы и столба 145 саж. Съ того мѣста отъ столба линія поворотилась вправо на ромбъ отъ S къ O 50 гр. 30 м., астрономическій уголъ 179 гр.; идучи тою линіею на правѣ пашня упраздненной Соломенной пустыни, около же земля Шуйскаго погоста съ выставками и деревнями. Длина линіи до ямы столба и до поворота 280 саж. Отъ того столба линія напротивъ учиненной мною межи поворотилась вправо и пошла прямо на поставленный при починѣ межи межевой столбъ, на ромбъ отъ S къ W 40 град., астрономическій уголъ 89 град. 30 мин.; идучи тою линіею на правѣ пашни, а въ концѣ оной дровянной лѣсъ упраздненной Соломенной пустыни владѣнія священно и церковнослужи-

телей, а на лѣвѣ земли Шуйскаго погоста съ выставками и деревнями выше писанныхъ владѣльцевъ; и пройдя линіею, дошедъ до починнаго пункта, гдѣ первой межевой столбъ уже поставленъ. Длина линіи 120 саж. Въ семъ углу тригонометрическимъ правиломъ, безъ поврежденія онаго столба, нашлось 74 град. 30 м.; и такимъ образомъ межа Соломенной упраздненной пустыни кончилась. Въ той Соломенной упраздненной пустыни, обмежеванной отъ всѣхъ смежныхъ владѣльцевъ одною окружною межею, по нынѣшней мѣрѣ по исчисленію земли состоитъ: пашни 19 д. 625 с., мелкаго лѣсу 1200 саж., подъ поселеніемъ, огородами, гуменниками и конопляниками 500 саж., подъ церквами и кладбищами 649 саж., подъ проселочною дорогою 150 саж., подъ каменною плитою 1 дес. 1100 саж.; всего 21 дес. 1824 саж., а за исключеніемъ неудобныхъ мѣстъ, осталось удобной земли 10 десятинъ 2305 саженъ.

III

МАТЕРІЯЛЫ СЛАВЯНСКІЕ

ДУМЫ

д) Господарскія и скотарскія.

1.

(Т. I, стр. 228. Ср. А. Метлинск. стр. 18.)

Ой зацвила калинонька та на сухôмъ терню:
Проситъ мила Василенька на свою вечерю.
«Якъ не прійдешь вечеряти, прійди поснѣдати,
Якъ не прійдешь поснѣдати, прійди обѣдати,
Якъ не прійдешь обѣдати, прійди одвѣдати,
Якъ не прійдешь одвѣдати, най слава не буде,
Ой утонешь край дунаю, где воды не буде!»
О утонув Василенько, та хусточка плавле,
Ходитъ мила край дунаю, бѣлй ручки ламле:
«Ой не жäль ми тои хустки, що 'мь ей вышивала,
Ано жäль ми Василенька, що 'мь го вѣрне кохала.
А дамъ же я рыбаченькамъ о пôвъ золотого,
Най шукаютъ Василенька хоть бы не живого;
А дамъ же я рыбаченькамъ по пôвъ сорокôвця,
Най шукаютъ Василенька, та везутъ идъ жêнцѣ;
А дамъ же я рыбаченькамъ пива ся напити,
Най шукаютъ Василенька, хоть ся подивити!»
Найшли, найшли, Василенька на жовтôмъ пѣсочку,
Дали ему перстенину и бѣлу сорочку.
«Ой дамъ же я Попамъ, Дякамъ по бѣлôмъ таляру,
Абы ёго поховали на новомъ цвинтарю!»

2.

Ой у поли кирниченька, зъ неи воду пьютъ,
А вже мою молоду дѣвчину до слюбу ведутъ:
Одинъ веде за лѣву руку, другій за рукавъ,
Третій сидитъ на воронъ коню, що любивъ, та не взявъ.
«Чому 'сь тогди не приходивъ, коли 'мъ ти казала,

Коли 'мъ до тя дробненькіи листоньки писала?
Чому 'сь тогди не приходивъ, коли 'мъ листы слала,
Чи 'сь коника не мавъ, чи 'сь дороги не знавъ, чи ненька ти не казала?»
«И коника мавъ, и дорогу знавъ, и ненька ми позволяла,
Наймолодша сестра, абы не зросла! сѣделце ми сховала:
«Не ѣдь, братчику, не ѣдь, молодчику, до тои негôдницѣ,
Она не вмѣе жати, ни вышивати, тôлко у карти грати!»

3.

(Т. I, стр. 183, 184. Метл. 101.)

Выйшла, выйшла, Подолянка по воду,
Сподобала си Козаченька на вроду:
«Ты, Подолянко, ты, бѣленькая утко,
Ступай, ступай, на той Дунай хутко!»
Ще й Подолянка на Дунай не ступила,
Вже Подолянку быстра вода поймила.
«Ой ратуй, ратуй, Козаченьку, ратуй!
Будешь мати вôдъ матêнки заплату.» —
«Ой не хочу я вôдъ матêнки заплаты,
Но я тя хочу за миленькую взяти.» —
«Ой волѣла бъ я въ той Дунай утонути,
Нêжь бы я ти мала за миленькую бути!»
Ой утонула Подолянка, утонула,
Но за нею червона китаёчка сплынула:
«Ой затягайте дрôбненькіи сѣти,
Пôдемо мы Подолянку глядѣти!»
Найшли, найшли, Подолянку тую,
Пôдъ береженькомъ, та вже неживую.
Ой выбрали Подолянцѣ яму:
Заплакавъ Козакъ якъ за рôдну маму.
Та зробили Подолянцѣ кидрову трумну:
Заплакавъ Козакъ, ажь всѣмъ людямь сумно.

(Зап. въ Золочевскомъ Округѣ.)

4.

Межи двома гороньками
Свѣтитъ мѣсяцъ съ зôроньками,
Єще вышче пôдлѣтае
Сивый сокôлъ зъ вôрленьками.

* *
*

Ой летитъ же вôнъ, летитъ,
Та й крылоньками блудитъ,
Тяжко жь тому на серденьку,
Якъ хто кого вѣрне любитъ.

* *
*

Ой у поли край дороги
Стоитъ камень маймуровый,
А на тôмъ то камêночку
Сидитъ хлопець чорнобровый.

* *
*

Ой сидитъ же вôнъ, сидитъ,
Та и думочку думае,
Закохався вôнъ въ дѣвчинѣ,
Покидати не гадае.

* *
*

«Допоможи менѣ, Боже,
Тую дѣвчину взяти,
Хоть худобы не дôждуся,
Най съ хорошовъ оженюся!

* *
*

А що же мêнѣ по худобѣ,
Що обору ми заляже,
Якъ лихая дружиночка
Молодому свѣтъ завяже!»

Ходитъ милый надъ водою,
Сѣтковъ рыбу ловитъ:
«Щось до мене, пане брате,
Дѣвчинонька не говоритъ! —

* *
*

Памятай же, дѣвчинонько,
Що будешь тужити,
Якъ я сяду, та й поѣду
На Украину служити!»

* *
*

«Ой не буду, мôй миленькій,
Не буду, не буду,
Ты поѣдешь за ворота,
Я тебе забуду.»

* *
*

Лишь выѣхавъ ей миленькій
За новы ворота,
Заплакала дѣвчинонька:
«Лишила 'мь ся сирота!»

* *
*

Лишь выѣхавъ миленькій
За браму новую,
Берутъ, несутъ, дѣвчину
До домъ неживую.

* *
*

«Ты казала, дѣвчинонько,
Що не будешь тужити,
Якъ я сяду, та й поѣду
На Вкраину служити.»

(Зап. въ с. Раковцѣ Коломыйскаго Уѣзда.)

5.

Край дороги широкои
Стоитъ камêнь маймуровый,
На тôмъ камêнь-камêнчику
Стоитъ хлопець чорнобровый.

* *
*

Ой стоитъ же вôнъ, стоитъ,
Та й думку думае:
«Зъ великого закоханя
Та розлука бувае.

* *
*

Ой поможи ми, Боже,
Ту дѣвчину взяти,
Хоть худобы не дождуся,
Най хороше наживуся!

* *
*

Що же мêнѣ по худобѣ,
Що обору та й заляже,
Не едная негôдниця
Молодому свѣтъ завяже!»

* *
*

«Розвивайся, лѣщинонько,
Дубе, розвивайся:
Ты, молодый Козаченьку,
Съ села выберайся!

* *
*

Выберайся, Козаченьку,
Громадѣ вклонися:
«Будь здорова, громадонько!
Може коли посварився!»

За нимъ, за нимъ. дѣвчинонька:
«Вернися, Козаче!
За тобою, Козаченьку,
Отець, мати плаче!

* *
*

Ой вернися, Козаченьку,
Сгину за тобою!» —
«Не вернуся, горда дѣвко,
Бо вже 'сь мновъ сгордѣла!»

6.

Ни хто мêнѣ не виненъ,
Тôлько я, тôлько я:
Сама 'мь собѣ полюбила
Гйльтая, гильтая!

* *
*

Ой бо гйльтай молоденькій
Въ корчмѣ пье, въ корчмѣ пье,
Та якъ прійде до домоньку,
Мене бье, мене бье.

* *
*

А я, бѣдна сирôтонька,
Бѣдую, бѣдую,
По пôдъ чужй перелазы
Ночую, ночую;

* *
*

По пôдъ чужй перелазы
Ночую, ночую.
Та ще свои дрôбни дѣтки
Годую, годую.

«Ой привыкай, моя доню,
Привыкай, привыкай;
Якъ вôнъ иде зъ корчмы пьяный,
Ты втêкай, ты втêкай!» —

* *
*

«Хто вôдъ него, моя мати,
Утече, утече,
Ой якъ зловитъ нелюбонько
За плече, за плече,

* *
*

Назадъ мене до свѣтлоньки
Волоче, волоче,
Ой тамъ мое бѣле тѣло
Натовче, натовче.

* *
*

Якъ мя вдаритъ, моя мати,
Рукою, рукою,
Пôдутъ зъ мене дрôбнѝ слёзы
Рѣкою, рѣкою!»

7.

(Отрывокъ.)

Ой чому вода каламутна?
Бо ю рыбка змутила:
Чому дѣвчина така смутна?
Бо ю матêнка побила.

* *
*

Мене матêнка зъ роду не била,
Все словами картала,
Полюбила я Козака зо свѣта,
На вѣченьки 'мь пропала!

8.

(Паул. II, 31.)

Ой на горѣ два мулярѣ муровали керницю:
«Выдай, выдай, матинонько свою одиницю!» —
—«Ой най у тôй керниченцѣ вода прибувае,
Нехай моя одиниця ще зъ рôкъ погуляе!»—
Якъ узяла одиниця одинъ рôкъ гуляти,
Взяли паны, взяли люде, на ню нарѣкати.
Ой и пôшла одиниця въ долину по глину,
Несе вôдти одиниця въ подôвку дитину:
«Ой нà тобѣ, моя мати, за твою науку,
Сѣдай собѣ, та й за пецомъ колыши онуку!»

9.

(Паул. II, 77.)

Ой летѣли журавлѣ,
Сѣли собѣ на рôлѣ:
«Лѣпша рôля ранная,
А нѣжь тая пôзная;
Бо на раннôй пшениця,
А на пôзной мѣтлиця;
А пшеницю женцѣ жнутъ,
А мѣтлицю конѣ мнутъ.»
Ой врикнули молодцѣ
Та сидючи въ коморцѣ:
«Лѣпша жѣнка першая,
Нѣжли тая другая;
Та съ первою дѣти мавъ,
А съ другою розôгнавъ:
Та йдѣть, дѣти, служити
Чѣмъ мачусѣ годити!»
Одинъ пôшовъ до Попа,
Другій пôшовъ до Жида,

Третій пôшовъ до пана,
Щобъ мачуха пропала!
Ходитъ батько по валу,
Кличе дѣтокъ до дому:
«Ходѣть, дѣти, до дому,
Не буде вамъ розгону!»—
«Живи, тату, якъ Бôгъ давъ,
Коли ты насъ розôгнавъ;
Мы будемо служити,
За матêрью тужити!»

Въ другихъ мѣстахъ кончаютъ такъ:

«Вы, сороки, до лѣса,
А вы, дѣти, до бѣса!»
«Дѣти мои дрôбненькі,
Чого вы такъ марненькі?»—
«Бо насъ мама, тату, бьетъ,
А намъ ѣсти не даетъ;
Своя мама попôбье,
Якъ ластôвка гнѣздо вье;
Своя мама голубить,
Съ того свѣта не губитъ.»

10.

(Т. I, 193. Паул. II, 145.)

Дала мати дочку далеко вôдъ себе,
И заказала ѐй не бути сêмь лѣтъ у себе,
А я не стерпѣла, за рôкъ прилетѣла,
Ой сѣла я сивою зазулёю въ вишневôмъ садочку;
Ой сѣла я си, та й стала ковати,
Выйшла стара мати, та й стала плакати:
«Ой не куй же, зазуленько, въ вишневôмъ садочку,
Гей сй, гей сй, зазуленько, въ темный лѣсъ ковати!»
А я молоденька того не стерпѣла,
Полетѣла до сестроньки на лелію сѣла;

Выйшла до ней сестронька, стала ю зганяти:
«Гей сй, гей сй, зазуленько, въ темный лѣсъ ковати!»
Выйшовъ до ней братичокъ, зъ нею ставъ ся розмовляти:
«Если 'сь сива зазуленька—въ темный лѣсъ ковати!
А если 'сь моя сестра, прошу жь тя до хаты!»
Ой выйшовъ же мôй рôдный братонько и ставъ плакати:
«Ой прошу жь тя, рôдна сестро, прошу жь тя до хаты!»
Ой якъ взрѣла стара мати, стала плакати,
Ой отворила двери изъ сѣній до хаты;
Прилетѣла зазуленька, та й повѣла: «Куку!»
Подай, подай, моя мати, мêнѣ теперь руку!»
Ой якъ есь ми, стара мати, якъ есь ми жичлива,
Що 'сь ты мêнѣ мого вѣна нѣгды не вжичила!
Мене мужь убиває: «Иди, жоно, до батêньки,
Иди, жоно, до матêнки, вѣно вôдбирати!»

11.

Дала мене моя мати
Далеко вôдъ себе,
Не бувала 'мь у матêньки,
Нй матêнка въ мене.

* * *

«Пусти мене, мôй миленькій,
На дунай по воду,
Та най я ся вôдвѣдаю,
Що ся дѣе въ роду.»

* * *

Взяла воду зачерпати
Брате призывати:
«Братье мое рôдненькое,
Що въ роду чувати?

Братье мое рôднинькое,
Брате соколята,
Прійдѣть до мя у гостину
У зелени свята!»—

* *
*

«Сестро наша рôдненькая,
Сестро наша рôдна,
Та якъ до тя въ гостѝ ити,
Коли 'сь така бѣдна?»—

* *
*

«Ой я пôду хусты прати,
А милый орати,
Та мы тôлько заробимо
Братій трактовати.»—

* *
*

«Сестро наша рôдненькая!
Гостина не мила,
Через тыждень працювати,
Въ Недѣлю пропила.»

12.

(Т. I. стр. 105.)

Ой гое, гое, ой гое, гое!
Любилося насъ двое,
Ой гое, гое, ой гое, гое!
А обое молодое.

* *
*

Рôкъ ся любили, рôкъ ся любили,
А день ся не видѣли,

Ой якъ ся взрѣли, ой якъ ся взрѣли,
Аженъ ся поболѣли.

* * *

Ой мила лежитъ
Въ матѣнки въ постѣлонцѣ,
А милый лежитъ
Въ зеленôй дубрôвонцѣ.

* * *

«Ой возми, мати, ой возми, мати,
Єдвабну хустиноньку,
Та пôди, мати,
Въ зелену дубрôвоньку.

* * *

Та пôди, мати,
Въ зелену дубрôвоньку,
Та зважи, мати,
Милому головоньку!

* * *

Ой якъ вôнъ не вмре,
То зятёмъ тобѣ буде,
Ой якъ вôнъ умре,
Прости Бôгъ ти буде!»

13.

(Паул. II, 110.)

Ой пôду же я греблею по надъ ставомъ,
Ой кому я ся, молоденька, дôстану?
Ой чи не тому съ сивою бородою,
Що ôнъ такъ любитъ говорити зо мною?

Его борода припêчки замêтати,
Мое личенько хлопчикамъ цюлювати.
Ёго борода, якъ соломенька въ стрѣсѣ,
Мое личенько якъ калиноньска въ лѣсѣ.
Его борода, якъ на улицѣ смêтье,
Мое личенько, якъ рожовое квѣтье.
Его борода припêчки замѣтае,
Мое личенько калиновъ процвѣтае.

14.

Ой вылетѣло, ой вылетѣло,
Двѣ зазульцѣ зъ Подôлья,
Вынесли собѣ, вынесли собѣ,
По двѣ цвѣтонцѝ зѣля.

* * *

Та й посадили, та й посадили,
На высокôй горонцѣ,
А сами бродять, а сами бродять,
По студенôй водонцѣ.

* * *

Студена вода, студена вода,
Тяженько ю сбродити,
Чужôй матêнцѣ, чужôй матêнцѣ,
Тяженько догодити.

* * *

Чужа матêнка, чужа матêнка,
Якъ солооньска въ стрѣсѣ,
Своя матêнка, своя матêнка,
Якъ калиноньска въ лѣсѣ.

15.

Ой кобы я маму мала,
Маму рôднесеньку,
Мала бы я що недѣлѣ
Сорочку бѣленьку.

* * *

Не лише я, сирôтонька,
Ой е сирôтъ бôльше,
Та кобы я маму мала,
Було бы ми лѣпше.

* * *

Ой кобы я маму мала,
Я бы не служила,
Я бы чужôй господинѣ
Воды не носила.

* * *

Я бы воды не носила,
Хату не мêтала,
Я бы чужôй господинѣ
Въ ласку не стояла.

(Изъ Стрыйскаго Уѣзда.)

16.

Вылетѣла зазуленька
Изъ лѣса на поле,
Здаетъ ми ся, що 'мь не знала
Матêньки нíколи.

Та якъ мою матуненьку
Землёвъ пригорнули,
Тогди мене, молоденьку,
Гаразды минули.

* *
*

Та якъ мою матуненьку
Прикрыли мураќовъ,
А я чужêй не догоджу,
Най ся стелю лавковъ!

17.

Ой ясно, красно, та куда сонêнько сходитъ,
Ой ясше, красше, куда рôдна матêнька ходитъ.
Сонêнько зôйде, та й за хмароньку зайде,
Матêнька умре, та й такои не буде.
Хоть она буде, то она студенька,
Не пристане в'на до моего серденька.
Чужа матêнька ударитъ, ще й ногою потрутитъ,
Своя вдаритъ, та й къ собѣ приголубитъ.
Кобы 'сь ты знала, моя матêнько, та якъ я тутъ бѣдую,
Взяла бы 'сь мя къ собѣ пôдъ муравоньку, пôдъ тую зеленую.

18.

(I, стр. 190. Метлин. 281.)

Ой въ недѣлю рано êще сонце не на сходжу,
Я зо своимъ братомъ по рыночку ходжу;
По рыночку ходжу, зтихонька говорю,
Зтихонька говорю, якъ рѣченька въ бурю:
«Не дай мене, брате, за селянина,
Тôлько мене вôддай за мѣщанина:

Бо у селянина стара деревня, а мала сѣнья,
А у мѣщанина велика сѣнья, новая деревня.
Де нова деревня, люблю жартовати,
Де велика сѣнья, люблю похаджати.»
Въ недѣлю рано задуднѣли мосты,
Братъ до сестры прiѣзджае въ гостѝ:
«Помогай Бôгъ, сестро! Чи 'сь дуже здорова?» —
«Не пытайся, брате, чимъ дуже здорова,
Тôлько пытай, брате, якá моя доля:
Вôкномъ утêкала, въ степахъ ночовала.» —
«Тото тобѣ, сестро, наробила новая деревня,
Новая деревня, великая сѣнья:
Де нова деревня, любишь жартôвати,
По великôй сѣньи любишь похаджати.»

19.

Ишôвъ я въ ночи о пôвночи,
Надыбавъ я соловья въ корчѣ:
«Соловѣю, скажи мêнѣ правду,
Де я свою дѣвчиноньку знайду?
Чи на меду, чи на горѣлцѣ,
Чи у батенька на бѣлôй постêлцѣ?» —
«Ни на меду, ни на горѣлцѣ,
Ино у батенька на бѣлôй постêлцѣ.»
Вертаюся до татуня и мамунѝ:
«Дай же, Боже, добрый день мамунѝ!
Добрый день, мамуню моя!
Десь ту е дѣвчина моя?» —
«Вона въ полѣ кукôль выбирае,
Ой у полѣ, полѣ, кукôль выбирае.» —
«Треба по ню посла посылати,
До дому дочку закликати.»

20.

(Отрывокъ.)

Ой Василю, Василеньку! дай ми яку раду,
Бо я съ тыми коноплями на вѣки пропаду!
А у кого чтыри копы, то ся помочили.
А у мене чтыри жмені, свиний зволочили.
А у кого чтыри копы, то ся перетерли,
А у мене чтыри жмени, и стоютъ за дверьми.

21.

(Паул. II, 21.)

Втворивъ милый квитирочку:
«Подай, мила, бѣлу ручку,
Подай бѣленьку рученьку,
Вандруй зо мновъ всю нôченьку!»—
Звандровали одно поле,
Звандровали и другое,
Взяли собѣ спочивати
И зтихонька розмовляти:
«Чи ты, мила, загорѣла,
Чи голова заболѣла,
Чи за родиною тужишь?» —
«А нй бо я загорѣла,
Голова моя не болѣла,
Нй за родиною тужу!»
Взявъ милый миленьку по пôдъ бѣлй боки,
Та пуститъ ю у дунай глубокій:
«Плыни жь ты, миленька, быстренькомъ водою,
Бо не буде намъ житья съ тобою.»
Ой выплинула мила на жовтый пѣсочокъ,
Промолвяли зтиха голосочокъ;
«Чи жь я не була красна, чи жь не уродлива,
Чи то моя така доля несчаслива?»—
«Ой ты була красна, ты була вродлива,
Лишь то була твоя доля несчаслива.»

22.

(Паул. II, 22. I, 188.)

Ой поѣхавъ милый за лѣсъ,
Та й чорни брови занёсъ;
Не такъ мёнѣ за бровами,
Якъ за вѣрными словами.
Ѣхавъмилый край Дунаю,
Та до родимого краю:
Ой ставъ Дунай проѣзджати:
Стали кони потопати.
«Ратуй мене, моя мила,
Колись мя вѣрнѣ любила.» —
«Ой хлѣба бъ я ошалѣла,
Щобъ я тебе не любила.»
Якъ только тее сказала,
Якъ стояла, такъ и впала,
Запуталася въ плахтину.
Та й крикнула «Гину! Гину!
«Ой ратуйте жь её люде,
Бо 'тъ се моя мила буде!»

23.

(Т. I, стр. 188.)

Ой поѣхавъ мой миленькій за лѣсъ,
Чорнй оченька занёсъ,
И слѣдоньки съ собовъ забравъ,
Мому серцю тугу завдавъ.
Ой туга жь мёнѣ, туга,
Вже недѣленька друга,
Туга жь мёнѣ тугою,
Вже мôй милый за водою.
Ой кажѣть мёнѣ, люде,
Коли мôй миленькій буде?

За чотыри недѣленьки,
Ажь тамъ ѣде мôй миленькій,
Ѣде миленькій, ѣде,
Штыри коники веде,
Ой а пятый вороненькій,
На нёмъ сидитъ мôй миленькій;
Пріѣжджäе до Дунаю,
До широкого краю,
Зачäвъ коні напавати,
Взяли коні выгравати,
Почäвъ милый потопати.
«Ой ратуйте жь го, люде,
Вже милого не буде!»—
«Ой ратуй же мя, мила,
Сли 'сь мя вѣрне любила!
Подай, миленька, руку
На тяженькую муку!»—
«Подамъ, миленькій, обѣ,
Чей тя вытягну дъ собѣ!»

24.

(Т. I, 205.)

Три Козаки, три Козаки, напивалися,
Зъ молодою дѣвчиною пôдмовлялися,
А молода дѣвчинонька не уважала,
Зъ молодыми Козаками повандрувала.
Вандруй нôчку, вандруй другу, та й нема села,
Привандрували Козаченки близко дуная,
Та узяли дѣвчиноньку за бѣлі боки
Та кинули дѣвчиноньку въ дунай глыбокій,
А сами ся повернули до того села,
Та сѣли си въ ёи отца по конець стола:
«Господарю, господарю, где твоя донька?»—

«Уже два дни и двѣ ночи, якъ выйшла изъ хатоньки,
Мали вы ê, Коваченьки, сами узяти,
Сами жь узяти и повандровати.»—
«Якъ бы мы ê, господарю, сами узяли,
Мы бы уже бôльше въ тебе та не бували!»

25.

«Ой где ты ѣдешь, ой где ты ѣдешь,
Мôй миленькій ôдъ мене?»—
«Не далеченько, не далеченько,
Я ся верну до тебе.»
«Ой где ты ѣдешь, ой где ты ѣдешь,
Молодый жовнярочку?
Хто жь тобѣ постелитъ, хто жь тобѣ постелитъ,
Въ дорозѣ постêлёчку?»—
«Постелитъ ми ся, постелитъ ми ся,
Зелена муравина,
А пôдъ голову, а пôдъ голову,
Молода буковина.» —
«Ой ты поѣхавъ, мене отъѣхавъ,
А я, бѣдная, плачу;
Сплакала 'мь очи, якъ въ день, такъ въ ночи;
Вже свѣтонька не бачу.
Щобы такъ тобѣ, якъ теперь мêнѣ,
Прійшовъ часъ загибати,
Щобы 'сь такъ не мôгъ, якъ я не могу,
Темнои нôчки спати!» —
«Ой заржи, заржи, сивый коничe,
Пôдъ круту гору ѣдучи,
Нехай учуе мила дѣвчина,
Вечеру готуючи!»—
Дѣвчина вчула, тяжко востхнула,
Ревненько заплакала:
«Ой нема, нема, та й вже не буде,
Кого 'мь вѣрно кохала!»

26.

(Паул. II, 48.)

«Що жь ты, милый, думаешь, гадаешь,
Що ты мене покинути маешь?»—
«По чѣмъ ты мя, мила, пôзнала,
Що ты мою гадку вôдгадала?»—
«По тôмъ я тя, мôй милый, познала,
Ще 'мь я твою гадку вôдгадала,
Що зъ вечера конёмъ обрôкъ даешь,
На розсвѣтѣ конѝ наповаешь».
«Не ѣдь, не ѣдь, мôй милый, вôдъ мене,
Не дай, Боже, недуги на тебе,
Якъ ты будешь въ недузѣ лежати,
Хто жь тѝ буде постêлоньку слати?»—
«Ой е въ полю зелена травиця—
Та жь то буде моя постêлниця.»—
«Не ѣдь, не ѣдь, мôй милый, вôдъ мене,
Не дай, Боже, недуги на тебе;
Якъ ты будешь въ недузѣ лежати,
Хто жь съ тобою буде нôчку розмовляти?»—
«Ой е въ полю сива зазуленька,
То жь та буде моя розмовонька.»—
«Не ѣдь, не ѣдь, мôй милый, вôдъ мене,
Не дай, Боже, недуги на тебе;
Якъ ты будешь въ недузѣ лежати,
Хто жь тѝ буде пива доношати?»—
«Ой маю я коня вороного,
Принесе ми пива червоного!»

27.

(Т. I, стр. 250.)

Не шуми ты, луже,
Дубровою дуже,

Не завдавай жалю,
Що я въ чужôмъ краю!

* * *

Бо я въ чужôмъ краю
Якъ на пожаринѣ,
Нихто мене не пригорне,
При лихôй годинѣ:

* * *

Не пригорне отець,
Не прогорне мати,
Треба мêнѣ, молодому,
Въ чужинѣ вмирати.

* * *

Плыне утка, плыне,
И въ гору все дмется,
Чогось мêнѣ съ моимъ милымъ
Мешканье псуется!

* * *

Плыне утка, плыне,
Я на ню дивлюся:
Таки мене думка мусить,
Що я утоплюся.

* * *

Изъ вôдки ся взяла
Старенькая мати,
Взяла мене, молодую,
Словами картати:

«Не топися, доню!
Бо душу загубишь,
Скажи мêнѣ щиру правду,
Кого вѣрно любишь!» —

* *
*

«Ой знаю я, знаю,
Кого я кохаю,
Але жь ёго тутки нема,
Бо ôнъ въ чужôмъ краю!»

28.

(Т. I, стр. 184 и 270.)

Ой пôду я горою, долиною,
Знайду я собѣ роженку съ калиною:
Чи рожу рвати, чи калину ламати,
Чи замужъ ити, чи дѣвою зôстати?
Замужъ пошôвши, то болитъ головонька,
Замужъ не йшовши, людская обмовонька,
Обмова буде, то колись перестане,
Голова болитъ, розумоньку не стане.

29.

(Метл. 31—34.)

«Чому 'сь не прійшовъ, якъ мѣсяць зôйшовъ,
Якъ зôрка засвѣтила?
Чи 'сь коня не мавъ, дороги не знавъ,
Чи мати боронила?» —

* *
*

«Я коника мавъ, дороженьку знавъ,
Мати не боронила,

Найменша сестра, бодай не вросла!
Она ма одрадила:

* *
*

«Не ѣдь, братейку, не ѣдь, братейку,
Бо нôчка невидная,
Коника струдишь, и самъ заблудить,
У миленькôй не будешь.

* *
*

«Не ѣдь, братчику, не ѣдь соколе,
Та не ѣдь до дѣвчины,
Бо коня стомишь, себе зневолишь,
Дѣвчины не намовишь.

* *
*

Якъ на павойцѣ золоте пêрье,
Такъ на дѣвойцѣ косы,
Жадна невѣстка та й не зазнала
При свекросѣ роскоши.

* *
*

Ой не зазнала, ой не зазнала,
Та й вже не буде знати,
Ой Боже, Боже, мôй милый Боже,
Треба ся розлучати!»

30.

(Паул. II, 23.)

Простâ жовняры по всѣмъ селѣ стали,
Молодôй вдовѣ Поручника дали,
Выйшла вдова, выйшла, та взяла плакати:
«Ой нема жь бо въ мене, де кôньми стояти » —

«Ой ты, вдовонько, не фрусайся того,
Не фрасуйся, вдово, не буде злого
Суть бо у мене два вартôвниченьки,
Будутъ вартовати мои коничеиьки;
Ой мôй ти коникъ стайнй не загноитъ,
А золота зброя клинцêвъ не поломитъ,
И я самъ молодъ ложе не заляжу,
Ложе не заляжу, и тебе не зражу.
Ой ты, вдовонько, скажи ми два слова:
Цы много ты, вдово, якъ есь повдовѣла?» —
«Вже третій рочокъ, молодый паночку,
Якъ повязала чорнымъ головочку.»—
«Цы много ты, вдово, дѣточокъ мала?» —
«Мала жъ бо я, мала, велики и мала:
Мала я сыночка, въ Цêсарщинѣ служитъ,
Въ Цêсарщинѣ служитъ, по всячинѣ тужитъ.
Маю три дононцй, сидятъ въ коморонцѣ,
Сидятъ въ коморонцѣ, на моêй головонцѣ.» —
«Ой ты, вдовонько, кличь же ихъ до хаты,
Дай же ми, вдово, на ихъ поглядѣти!»
Найстарша выйшла, та й ся вôдступила,
Середуща выйшла, та й ся поклонила,
Наймолодша выйшла, та й до нôгъ упала,
Бо своего братчика по руцѣ пôзнала.

31.

(Паул. II, 30.)

Схилилися двѣ березы низко:
Живе Козакъ край дѣвчины близко:
«Ой, Козаче, не ходи до мене,
Буде слава на мене, на тебе.» —
«Ой я славы, славы, не боюся,
Съ кѣмъ люблюся, сяду, обôймуся!»
Пытае мати доню: «Де вѣнокъ свôй дѣла?» —
Де вѣнокъ дѣла, на що погубила?» —

«Ой прійшла жь я, мамо, по воду до броду,
Упустила 'мь вѣночокъ у воду.» —
»Треба жь, доню, громаду сбирати,
Треба жь твôй вѣночокъ ратовати,» —
«Не треба жь, мамо, людей турбовати,
Треба, мамо, всю правду сказати:
Ишовъ Козакъ, Козакъ молоденькій,
Вôнъ захвативъ вѣнокъ зеленькій.»

32.

Ой ты, сыну мôй, дитино моя,
Не пій, не пій, горѣлоньки въ недѣлю зъ раня,
Бо та горѣлонька дуже здрадлива,
Не одного Козаченька здрадила вона.»
Ой пье, коникъ пье, вода ёще е,
Пôдъ бѣлою березою Капитанъ ся бье:
«Ой ты, пане нашъ, Капитане нашъ!
Плыне рѣчка кервавая вôдъ тебе до насъ.»
Зôронька ясна на небѣ зôйшла,
Тогды моя дѣвчинонька по воду выйшла.
Я доломъ, доломъ, та й долиною,
Пôдъѣхавъ вороненькимъ ажь до дунаю:
«Дѣвчино моя, напôй ми коня!» —
«Не напою, бо ся бою, бо 'мь ще не твоя;
Якъ буду твоя, напою ти два,
Заведу тя до дунаю, где быстра вода.»
Ой пье жовнярь, пье, горѣлонька е,
Ёго мати старенькая все слёзоньки лье.

33.

(Т. II, 576.)

Дубъ на дуба повалився,
Сынъ изъ мамковъ посварився:
«Иди, мати, геть ôдъ мене!
Будутъ гостѝ кращѝ въ мене:

Мои гостѝ въ кармазинѣ,
Ты въ драптовôй сардачинѣ.»
Пôшла мати та лугами,
Вмываючись слёзоньками,
Пôшла мати въ долиноньку,
Здыбала тамъ свою доньку:
«Прійми, донько, мя до себе,
Ней прожію дни у тебе,
Буду тобѣ угожати,
Дѣти твои колысати,
Унучата научати,
Христа Бога почитати!» —
«Ты мнѣ, мати, не догодишь,
Тôлько вѣкъ свôй искоротишь:
Я лихого мужа маю,
Вôкномъ зъ хаты утêкаю.»
За годинку за маленьку
Бѣжитъ сынокъ за матеньковъ:
«Прійди, мамко, ты до мене,
Пригода ся стала въ мене:
Грôмъ ми хату испаливъ,
Та й двѣ душѣ ми убивъ:
Вбивъ ми жёнку молоденьку;
Та й дитину малесенку!»
«Не грôмъ хату тобѣ спаливъ,
Тôлько тебе Господь побивъ;
Плавала я надъ лозы,
Побили тя мои слёзы.»

(Изъ Буковины.)

34.

Гей, по пôдъ гай зелененькій,
Брала панна лёнъ дрôбненькій,
Брала, брала, выбирала,
До серденька прикладала:

«Личко мое румяное,
Кому будешь, коханое?
Ой цы тому паничеви,
Шо му хустка у кишени?
Ой цы тому Козакови,
Шо му шабля при бокови?
Ой цы тому мужикови,
Шо му оре плугъ у поли?» —
«А ни тому мужикови;
Шо му оре плугъ у поли;
А ни тому Козакови,
Шо му шабля при бокови,
Але тому паничеви,
Шо му хустка у кишени.
Бо паничикъ повный грошій,
Кучерявый и хорошій,
Пуститъ мене погуляти,
Съ царобками танцёвати;
Я не буду шити, ткати,
Лишь паничика кохати.»

35.

(Т. I, 68.)

Ой вô Львовѣ на рыночку сталася новина,
Чаровала бѣдна вдова богацкого сына;
Якъ го хтѣла чаровати, кликала до хаты:
«Прійди, прійди, красный хлопче, що 'сь ти йму казати!»
Ой вôйшовъ я до хатины, стоитъ склянка вина:
«Выпій, выпій, красный хлопче! Я уже выпила.»
Ой выпивъ я ту одную, нальяла другую:
«Може ты ми заварила трутину якую?» —
«Хыба бы я дурна была, розуму не мала,
Щобъ я тобѣ, красный хлопче, трутину давала.»
Ой прійшовъ я до домоньку, та й сѣвъ у куточку,
Пытаеся мене мати: «Где ты бувъ, сыночку?» —

«Ой бувъ же я, моя мати, у той вдовы въ хатѣ,
Дала мêнѣ склянку вина, треба умирати.
Ой дай мêнѣ, моя мати, бѣлую сорочку,
Но прошу тя, не позывай, тои вдовы дочку;
Бо якъ будешь позывати, будутъ ми лаяти,
Будутъ мои кости зъ гробу назадъ выкидати.»

36.

(Т. I, 68 (?), 81.)

Тамъ во Львовѣ на рыночку стала ся новина,
Счаровала дѣвчиночька богацкого сына;
Якъ го мала чаровати, кликала до хаты:
Прійди, прійди, мôй миленькій! Що 'сь ти маю дати.
Прошу я тя, мôй миленькій, на шкляночку пива:
На здоровье, мôй миленькій! бо я вже выпила.» —
«Пила 'сь едну, пила 'сь едну, выпій ще другую,
Може ты ми сготовала трутизну якую.»—
«Хыба бы я дурна була, розуму не мала,
Щобы 'мь мому миленькому трутизну давала.»
Ой прійшовъ я до домоньку, сѣвъ си конецъ стола,
Мати ся мя запытала: «Де 'сь бувъ, сыну, вчора?»—
«Ой бувъ же я, моя мати, въ Паращинѣ хатѣ.
Якъ ми дала склянку вина, треба умирати.
Ой дай мêнѣ, моя мати, бѣленьку сорочку,
Не позывай, моя мати, богацкую дочку:
Богацкая дѣвчинонька буде проклинати,
Буде мêнѣ, молодому, тяжко умирати.»
Єго везутъ, коня ведутъ, кôнь головою клонитъ,
Молодая дѣвчинонька бѣлы руки ломитъ;
Ломитъ вона бѣлы руки зъ мезиньного пальця:
«Якъ не мала 'мь, такъ не буду, Василя коханця!»

37.

«Чорна гречка, бѣли крупы:
Не впадайся, дѣвча, въ руки!
Якъ у руки упадешься,
То по слюбѣ не скаешься.»—
«Ты, Козаче, не пытай!
Якъ мя любишь, присылай,
Та якъ хочешь мене взяти,
Присылай сваты до хаты!»—
«Добрый вечѐрь вамъ, матусю!
Бо я прійшовъ по Настусю.»—
«Вôтчеписи, вражій сыну,
Ты не вартъ моей дитины.»—
«Ты мене, мати, не знаешь,
Волоцѣговъ называешь,
Я е хлопецъ пребогатый,
Въ мене е товаръ рогатый,
Въ мене злото, въ мене сребро,
Въ мене вôвцѝ, и все добро.»—
«Біймо, доню, коцюбою,
Ней не ходитъ за тобою!»—
«Стара мати, Богъ съ тобою,
За що бити коцюбою?»—
«Щобы 'мь ѣла борщъ безъ сала,
Абы ся съ нимъ пара стала!»—
«Якъ я жѐнки не мавъ,
Я горѣвки не пивавъ,
Теперѐнька жѐнку маю,
Горѣлоньку попиваю.
Возьми, жѐнко, два лôктѣ,
Принеси ми горѣвки!
Якъ не буду мавъ що пити,
Присяй Богу, буду бити.»—
«Лыжки, миски, до порога,
Несчаслива моя доля,
Що я собѣ наробила,

Же 'мь пяницю полюбила!»
Стара мати рано встала,
Не запецку заплакала:
«Но едну я дочку мала,
За пяницю тую дала!»—
«Ци жь я въ тебе не бувавъ?
Ты видѣла, що я мавъ:
Сѣрачина по колѣна,
На весêлье пожичена;
На весêльє вôдобравъ,
Ще ми гôршій жаль задавъ;
Мавъ я волы и коровы,
Забрали Жиды за довги,
А теперька хоть прійдутъ,
Посмѣяться, та й пôйдутъ.

(Изъ Золочевскаго Уѣзда.)

38.

Ой зацвѣла калинонька въ лузѣ:
Зломалася поличенька въ плузѣ;
Цы мêнѣ тую полицю ладнати,
Цы мêнѣ нôчку вандровати?
Не забивъ я но едну плѣшку,
Вандровавъ я до дѣвчины нôчку,
Вандровавъ я три мили дороги,
Прійшовъ я пôдъ ея пороги:
«Ростворн мнѣ, дѣвчинонько, сѣни!
Бо мя твои собаки присѣли.»—
«Ней же тя таки заразъ зъѣдятъ,
Бо въ мене вже инший у столахъ сидятъ!»
Ще Козакъ на лавонцѣ не сѣвъ,
Вже Козакъ перепелоньку зъѣвъ;
Не зъѣвъ же вôнъ, но едно крыльце,
Кольнула колька пôдъ ребро, подъ серце;
Уже Козакъ по пôдъ коню вьеся,

Дѣвчина безъ вôкно смѣеся:
«Не смѣй же ся, дѣвчинонько, зъ мене,
Наѣвъ я ся чаровины въ тебе!»
Вже дѣвчина на рочницѣ стала,
На Козака сыра земля впала;
Вже дѣвчиноньку до слюбу ладятъ,
А Козака до гробу провадятъ.

39.

(Паул. II, 123.)

Ой гаю жь мôй, гаю, зеленый розмаю!
Самъ не знаю, не вѣдаю, що чинити маю:
Казали ми дѣвчатонька на нôчь приходити,
Поставили сторожочку, хотятъ мене вбити.
Сторожочка добра була, дала мéнѣ знати:
«Гей, утêкай, ледêнику, хотятъ тя пôймати!»
А я, гôльтай молоденькій, того не злякався,
Хильцемъ, хильцемъ, по пôдъ вербы, та въ зѣлье сховався.
Выйшли раненько дѣвчата зѣлье пôдливати,
И зачали гôльтаеві слѣды пôзнавати;
А я, гôльтай молоденькій, взявся по пôдъ боки:
«Дивѣть же ся, дѣвчатонька, якій я высокій!»

40.

Ой зъ вечера, зъ вечера, люлька ся курила,
Якъ упала изъ полиці, на цебрикъ ся збила;
Спавъ я собѣ на припêчку и зачавъ думати:
«Люлько жь моя червоная, вже жь тебе не мати!»
Ой пôшовъ я до Бурштина люльку куповати,
Знайшовъ люльку червоную, не мôгь сторговати,
Ажь едная мармозеля пшоно продавала,

И та мêнѣ червоную люльку сторговала.
Ой пôшовъ я до дѣвчины люльку покурити,
Здерли зъ мене опанчинку, ѐще хтѣли бити;
А я собѣ хлопецъ добрый, добре догадався,
Опанчину вôдобравъ и бити не дався;
Ой втѐкавъ я черезъ поле и не оглядався,
А за мною мужикъ съ цѣпомъ, якъ скаженый гнався.

41.

Чемъ соловêй не спѣває?
Голосу не мае,
Ходитъ боднарь по лѣщинѣ
Обручй рубае.

* * *

Витявъ едень, вытявъ другій,
На третій гадае,
Молодая дѣвчинонька,
Гаю доглядае.

* * *

«Ой знати ти, дѣвчинонько,
Отца, мати не маешь,
Що ты така молодая
Гаю доглядаешь?» —

* * *

»Ой маю я отця, мати,
Обое старенькй,
Кажутъ мêнѣ доглядати
Въ гаю зелененькôмъ.»

Каламутна вода въ рѣчцѣ,
Та ходѣмъ до ставу:
Зробила 'сь ми, дѣвчинонько,
Велику неславу.»

42.

Ще не свитае, мати пытае,
«Где вѣночокъ задѣла?» —
«Ой, матусю моя единая,
Гультаёви дала.

* * *

Моя мати, моя единая,
Не турбуйся ты того,
Єна водѣ два лебедѣ,
Пôшлю я едного.

* * *

Лебедѣ плывутъ, вѣнка не несутъ,
Мати ся журитъ,
Мôй вѣночокъ, мое панењство,
Вже ся до мене не вернутъ!»

* * *

Взяла в'на сѣтки, пôшла на квѣтки,
До городочка свого,
Що вырве листокъ, кладе до устокъ,
До серденька свого:

* * *

«Чомъ ты цвѣтешь, жовтая лелѣё,
Що я тебе садила?» —

«Не для тебе то, марнотравицё,
Що 'сь вѣночокъ сгубила.

* *
*

Не радовала 'сь ся матки,
Сгубила 'сь вѣнокъ,
Но 'сь ся дивила на кавальера,
Що мае личенько гладке.

43.

Купью я ти, дѣвчинонько,
Та й павяный вѣнокъ,
Ходи зо мновъ ночовати
Нôчь на Понедѣлокъ!

* *
*

Купью я ти, дѣвчиненко,
Та й сорокъ пацорокъ,
Ходи зо мновъ ночовати
Нôчь на Второкъ!

* *
*

Купью я ти, дѣвчинонько,
Запаску съ переду,
Ходи зо мновъ ночовати
Нôчку на Середу!

* *
*

Купью я ти, дѣвчинонько,
Срêбный перстенецъ,
Ходи зо мновъ ночовати
Нôчку на Четверецъ!

Купью я ти, дѣвчинонько,
Дорогу спôдницю,
Ходи зо мновъ ночовати
Нôчку на Пятницю!

* *
*

Купью я ти, дѣвчинонько,
Дорогу капоту,
Ходи зо мновъ ночовати
Нôчку на Суботу!

* *
*

Купью я ти, дѣвчинонько,
Дорогу делѣю,
Ходи зо мновъ ночовати
Нôчку на Недѣлю.

* *
*

Ой заплачешь, дѣвчинонько,
Въ першій Понедѣлокъ,
Будутъ зъ тебе изнимати
Тотъ павяный вѣнокъ.

* *
*

Ой заплачешь, дѣвчинонько,
У другій Вôвторокъ,
Подивись на твое личко,
Маешь синцêвъ сорокъ!

* *
*

Ой заплачешь, дѣвчинонько,
А въ третю Середу,
Подивишься долôвъ собовъ,
Ци рôвна въ переду.

Ой заплачешь, дѣвчиионько,
А въ Четверъ четвертый,
Якъ ти буде лиха доля,
Твои кости терти.

* * *

Ой заплачешь, дѣвчиионько,
А въ пяту Пятницю.
Якъ не зможешь выкликати,
Изъ корчмы пяницю.

* * *

Ой заплачешь, дѣвчиионько,
А въ шесту Суботу,
Якъ не зможешь выкликати
Пяницю въ роботу.

* * *

Ой заплачешь, дѣвчиионько,
А въ сему Седѣлю,
Якъ не зможешь выкликати
До церкви вôтмѣну.

44.

Мысли мои, мысли, чого вы ту пришли?
А пôдъ моимъ миленькимъ сивый коникъ быстрый;
Сивый коникъ быстрый, золотая зброя,
«Що ты собѣ гадаешь, дѣвчиночько моя?» —
«Гадаю, думаю, въ тоѝ дунай втонути,
Жебы за тобою, гультаю, не бути.
Якъ въ дунай утону, где схочу спочину,
А якъ за гультая пôду, марно съ свѣта сгину.
Плынутъ каченята быстрою водою;

«Выйди, выйди, дѣвчино, розмовься зо мною.!»—
«Не разъ, не два, я съ тобовь розмовляла,
Нигды я тобѣ правды не сказала;
Тогды я тобѣ усю правду скажу,
Якъ твою рученьку на мою повяжутъ.
Тамъ на горонцѣ церковця стояла,
Тамъ дѣвчина примушоный слюбъ брала.
«Слюбе мôй, слюбе, примушоный слюбе,
Повѣджь ми правду, чи гараздъ ми буде?»—
«Такъ я тобѣ скажу, ты, дѣвчино красна,
Якъ нелюбъ не любитъ, то доленька несчасна.»
Поставлю я собѣ хату съ дерева самого,
Буду я ходити вечера каждого.
Поставлю я хату съ дерева кендрины,
Якъ ми ту зле буде, пôду до родины

45.

Оженила мати сына,
Сына молодого.
Привели невѣстку
До своего дому.

* *
*

Послала сынонька
Въ далеку дорогу,
А невѣстоньку
Въ поле до лёну:

* *
*

«Якъ лёнъ выберешь,
До дому прійдешь,
Якъ ни выберешь лёну,
Не прійдешь до дому.»

Не выбрала лёну,
Не прійшла до дому,
Пôшла она, пôшла,
Доломъ, долиною.

* *
*

Стала она, стала,
Въ полю тополёю,
Стала тополёю
Та на своêмъ полю.

* *
*

Прïѣхавъ сынонько
Съ далекой дороги,
Упавъ своêй мати
Низенько у ноги:

* *
*

«Ой мати, мати,
Що ту чувати,
Же моей милои
Дома не видати?»—

* *
*

«Пôшла она, пôшла,
Доломъ, долиною,
Стала тополёю
Та на своêмъ полю.»—

* *
*

Возьму я собѣ
Острую сокиру,
Порубаю тополю
Та на своêмъ полю.

Цюкнувъ вôнъ ю разъ,
Она ся схилила:
«Не цюкай мя, милый,
Бо я твоя мила!»—

* *
*

«Бодай наша мати,
На свѣтѣ не жила,
Же насъ молоденькихъ
Съ пары розлучила!»

46

(I, 204; Паул. II, 18.)

Ой въ мѣстѣ, въ мѣстѣ,
Въ мѣстѣ Березѣ,
Мала Жидôвка
Дочку Хаюню;
А любивъ ею
Ивась Тарновскій:
«Хаюню, любуню,
Чи любишь ты мене?»—
«Гой, гой, я люблю тебе.
Татыли, мамыли,
Пôшли до школы,
Лишили мêнѣ
Ключь вôдъ коморы.»—
«Хаюню, любуню,
Коли пріѣджати?»—
«Ивасю Тарновскій,
Въ Суботу рано,
Гой, гой, въ Суботу рано.»—
На першій вôзъ брали
Скрині, перины,

А другій вôзъ брали
Грошй золотыи,
На третій вôзъ сѣдали
Гой, гой, воны обое.
Ивасю Тарновскій,
Где твои дворы?»—
«Хаюню, любуню,
За тыми горы,
Тамъ мои дворы.»—
Ой выѣхали
На мôстъ высокій,
Кинувъ Ивась Хаюню
Въ дунай глыбокій:
«Плывай, Хаюню,
Вôдъ краю до краю,
Колись не знала
Нашого звычаю!
Плывай, Хаюню,
Вôдъ мѣры до мѣры,
Колись не знала
Нашои Вѣры!»

47.

Ой ты, сива зазуленько,
Высоко лѣтаешь.
Повѣжь менѣ щиру правду.
Где любка видаешь?» —

* * *

«Повѣмъ я щиру правду,
Смутну, невеселу,
А вже твою файну любку
До слюбу повели.» -

«А най ведутъ, а най ведутъ,
Най и заведутъ,
А я пôшлю добрыхъ людей,
Нехай отдадутъ!

* *
*

А я пôшлю добрыхъ людей
Або пôду самъ, самъ,
Та буду ся споглядати,
Що сидитъ за панъ.

* *
*

Сидитъ мила конецъ стола,
Межи панянками,
Якъ на небѣ красный мѣсяцъ
Межи звѣздоньками.

* *
*

«Ой ты мила, ой ты мила,
Не по правдѣ жіешь,
Дала 'сь менѣ бѣлу ручку,
За инчого идешь.»

48.

А въ недѣлю дуже рано дощикъ накропляе,
А та бѣдна удовонька волы выгоняе:
«Пасѣть же ся, сѣры волы, пасѣть же ся сами,
Я не маю господаря высылати зъ вами!
Та надъѣхавъ Козаченько, та сблудивъ съ дороги,
Та заѣхавъ на подвôрье до вдовы небоги:
«Помогай, Бôгъ, удовонько! Якъ же ми ся маешь?»—
«То ты 'сь Козакъ зъ Украины, по чѣмъ ты мя знаешь.?»
«Познаю тя, удовонько, по твоей худобѣ,»

Худоба ти невесела, ты сама въ жалобѣ.»—
«Прошу я тя, Козаченьку, до нôвои хаты,
Сама пôду вороное стадо выганяти».—
«Цы ты, молоденька, челядки не маешь,
Що ты сама, удовонько, стадо выганяешь?»— .
«Ой маю я челядоньку, не хоче робити,
Одна пôшла въ карты грати, друга въ коршму пити»—
«Ой цыть, вдово молодая, Господь Богъ съ тобою!
Якъ намъ Панъ Богъ допоможе, будешь ми женою.»—
«Ой що жь бы то, Козаченьку, за неслава впала,
Щобы я ся, молоденька, и тобѣ достала!»—
Тамъ по горѣ по высокôй ходила Марыся,
Ой ходила и гукала: «Козаче, вернися!
Ой вернися, Козаченьку, вернися, вернися!
Єсть у мене медъ и вино, напійся, напійся!»—
«Єсть у тебе медъ и вино, напій же ся сама!
Я не твôй, ты не моя, ты 'сь вдова кохана!»

49.

Ой що жь менѣ по фортунѣ на тôмъ свѣтѣ было,
Коли Господь мêнѣ отнявъ, що ми було мило;
Фортуна ми въ нивечь пôшла и вся надѣя,
Наглая смерть наступила, взяла пріятеля.

Ой пôду я до сосѣды порады зажити,
Пôшла моя порадонька въ сыру землю гнити;
Куды иду, туды иду, все одно гадаю.
Якій, такій, съ пріятелемъ, я ёго не маю.

Ой пôду я на ярмарокъ, знайду всёго много,
Но не знайду пріятеля, любця золотого.
Высокая лѣщинонька широкій листъ мае,
Тяжкій тягаръ на серденьку, хто же о тôмъ знае?

Тяжкій тягаръ на мя впаде, я то перебуду,
Но о своёмъ пріятелю нигды не забуду.

Летѣвъ орелъ по надъ море: «Подай, море, пити!»
А всѣ люде съ пріятелемъ, мêнѣ нѣ съ кѣмъ жити.

Летѣвъ орелъ по надъ море, и въ море схилився:
А всѣ люде мовятъ менѣ, же бымъ оженився.
А хотяй бымъ хтѣвъ зажити людской порады,
Но такъ, щобы 'мь я не зробивъ своимъ дѣтемъ зрады.

Взявъ бымъ собѣ дѣвчиноньку, якъ лебедь бѣленьку,
Ой привêвъ бымъ дѣтемъ матêрь, якъ ледъ студененьку.
Ой пôду я походити по горѣ, долинѣ,
Чи не прійде она сюда къ своêй родинѣ.

Борше бы то гора къ горѣ дала схилитися,
Нижели êй сюда прійти та подивитися.

(Изъ мѣстечка Потылича Жолковскаго У., поется также въ Чуловичахъ, селѣ Самборскаго У., съ мѣлкими перемѣнами.

50.

Ой шумятъ луги, шумятъ,
Буйны вѣтроньки вѣютъ:
Не вкрывай мя, мôй миленькій!
Мене твои слова грѣютъ.

* *
*

Ой грѣютъ они, грѣютъ,
Якъ Козацькая думка,
А ты сядешь, та й поѣдешь,
Я ся лишу, якъ голубка.

* *
*

Не жаль же ми за водою,
Що бренитъ по камêнью,
Ино ми жаль на милого,
Поѣхавъ на Украину.

Ой поѣхавъ, поѣхавъ,
Не звѣнчався зо мною,
Бодай же му коникъ издохъ,
Самъ наложивъ головою!

* *
*

Ой не слухай, милый Боже,
Що я тое говорила,
Бодай мого миленького
Пречистая боронила!

* *
*

Нема мого миленького,
Нема моёй квѣтки,
Я жь бы ёго вызирала,
Сама не знаю звбдки.

* *
*

Нема мого миленького,
Ой нема жь мого пана,
Ой вже жь ёго бѣла постѣль
Порошенькомъ припала.

* *
*

Нема жь мого миленького,
Тамъ на горѣ траву коситъ,
Буйный вѣтеръ повѣвае,
Ажь до мене голосъ носитъ.

51.

Добре мêнѣ говорили кумы и сусѣды:
«Не дай жêнки на весêлье, наробишь си бѣды!»
А я, бѣдный, несчасливый, самъ переконався,
Жêнка дружбу полюбила, самъ въ нêй закохався.
Радьте мêнѣ, добры люде, що маю робити?
Замкну ѐê до коморы, не дамь ѣсти, пити:
Она мене перепроситъ, дарую êй тое,
Щобъ не було межи нами тое, що е злое.
Добре менѣ панъ реентный вчора говорили:
«Не дай жêнку на веселья, кожуха, кобылы:
Бо якъ жêнка яка ладна, то ю зневажаютъ,
А одежа хоть порядна, то споневѣряютъ,
А кобыла або здохне, або пôдпалится,
Чужихъ жêнокъ зачипати, Бôгъ ме, не годится!»
Радьте менѣ, мои кумы, що жь маю робити,
На що жь менѣ, молодому, такъ теперь постити?

52.

Гей, на горѣ явôръ зелененькій,
Пôдъ яворомъ Козакъ молоденькій,
Сидитъ, сидитъ, на скрипочку грае,
Струна струнѣ правду вповѣдае:
«Нема встриму вдовиному сыну,
Звêвъ зъ розуму молоду дѣвчину;
Гей, якъ звêвъ же, на коника сѣвъ же,
Воронъ коня свого на волю пустивъ же.
Ѣде собѣ, ѣде, долôвъ за водою,
Чей ся стрѣтитъ, здыбле, съ своêвъ родиною?
Ни родины, ни дружины,
Бѣдна жь моя головонька!
Гей, якъ мêнѣ вогорѣла
Та чужая сторононька;
А на чужêй сторононцѣ
Назвали мя заволокою,

Кажутъ мéнѣ рѣчку плысти
Широкую та глыбокую;
А на тôй быстрôй рѣцѣ
Пьютъ голубы зимну воду:
«Гоя, гоя, по дунаю,
Плынѣть, ленѣть, до мого роду!
Та не кажѣть, голубочки,
Що я тутъ тяжко бѣдую,
Але кажѣть, голубочки,
Що я тутки та й пануую:
Гôрьке мое панованье,
Цѣсарское шанованье —
Вставаючи, лягаючи,
Слёзоньками вмываючись!

53.

Оженився человѣкъ, та й на якеесь лихо,
Теперь дома, якъ въ млынѣ, николи не тихо;
Якъ ми перша жёнка вмерла въ зимѣ, похововавъ емь,
Зôсталося двое дѣтій, гôрко працёвавъ емь.
Єдно 'мь носивъ на рукахъ, друге колысавъ емь,
Якъ пригадавъ першу жёнку, ревне заплакавъ емь.
Якъ ми стали добрѝ люде тее говорити:
«Нема дома господиній, треба ся вженити!»
Нараивъ ми нашь кумъ реентъ: «Є въ дворѣ дѣвчата:
«Возми собѣ зъ двора дѣвку, буде панъ за свата!»
Взявъ я собѣ зъ двора дѣвку, але жь не такая:
И пещаща, и ледаща, до того лихая;
Скажи ёй яке слово, осою ся кине,
За двоРакомъ казится, ажь мало не згине.
Поѣхавъ я въ дорогу ажь на двѣ недѣлѣ:
Бѣдна жь моя головонько, не маю надѣи!
Пріѣхавъ я зъ дороги, дôмъ мôй вôдмѣнився,
Якъ погадавъ першу жёнку, слёзами обмывся;

А стодола вôдчинена, гостѝ люльки курятъ,
Щобъ зъ дороги не пріѣхавъ, жêнкою ся журять;
Дѣти ходятъ якъ святіи, и свѣтять колѣньми,
Повбивала имъ мачоха, якъ била полѣньми!

54.

Романъ волы наповае,
Дѣвча воды доливае,
Дѣвча воды доливае,
Романъ зъ коновъ выливае:
«Ой Романе, Романочку,
Пусти жь мене до домочку!
Бо то́ мати не рôдная,
Головко жь моя бѣдна́я!
Буде бити, катувати,
Нема кому ратувати;
Буде бити, волочити,
Нема кому боронити!» —
«Знаешь, дѣвча, що казати,
Не буде тя бити мати:
Надлетѣли гуси зъ броду,
Сколотили зимну воду,
За кимъ ся вода встояла,
Я зъ Романомъ постояла.»

55.

Ой Романе, Романочку,
Вôдгадай ми загадочку:
А що росте безъ корêня,
А що горитъ безъ пломêня,
«А що цвѣте безъ цвѣточку?»—

«Камень росте безъ корêня,
Любовь горитъ безъ пломêня,
Вода цвѣте безъ цвѣточку,
Ты мôй милый, Романочку!»

56.

Ой ходила по саду,
Та й сбирала лободу:
Таки своему миленькому
За наймычку не буду.

* *
*

Ты пшеницю продаешь,
Мêнѣ гроши не даешь,
Я съ родинковъ сôйдуся,
За цыбульку напьюся.

* *
*

Пришли Жиды по довжокъ,
Взяли въ мене пять лыжокъ,
Мене дома не було,
Они взяли й помело.

* *
*

Пришли Жиды по вола,
Я вже дома була:
Кадукъ ваши Жиды мавъ,
Я не пила на вола!

* *
*

Въ мене когутъ на шопѣ,
Знêсъ ми яецъ три копы,
Якъ я яйця продамъ,
Тогды довжокъ вôддамъ.

57.

А въ Недѣлю пораночко
Дощикъ накрапае;
А молода удовонька
Товаръ выганяе.

* *
*

А молодый панъ Староста,
Зъ двора выѣзджае,
Та й молоду бѣдну вдову,
Въ полю доганяе:

* *
*

«Ой добры день, бѣдна вдово!
Чи слугôвъ не маешь,
Чому сама, удовонько,
Товаръ выгоняешь?» —

* *
*

«Ой паночку, соколочку,
Ой я слуги маю;
Головка ми склопотана,
Сама выганяю.» —

* *
*

«Ой ты, вдово, удовонько,
Будь мêнѣ женою,
По щирости, по милости,
Буду живъ съ тобою!» —

* *
*

«Ой паночку, соколочку,
Цы жь то подобонька,
Вы панъ собѣ, панъ вельможный,
Я бѣдна вдовонька!»

58.

Цы я несчасливый
На сей свѣтъ родився?
Якій свѣтъ немалый,
Яще не женився!

* *
*

А я ходжу та й думаю,
Чужй жёнки пôдмовляю,
Що жь то за выгода,
Серцю охолода!

* *
*

А я свою куму люблю,
Та й до неи хожу,
Та що въ дому маю,
Все до неи ношу.

* *
*

Носивъ сыръ, носивъ макъ,
Носивъ сало, поки стало,
А теперь думаю,
Самъ масти не маю.

* *
*

Треба кому позывати,
Щобы тото одбирати,
А мôй макъ буде й такъ,
Мое сало вже пропало.

* *
*

А сыръ подарую,
Ще разъ пожертую:
«Лихо, кумцю, твоей мамѣ!
Сидѣвъ же я три дни въ ямѣ.

Не разъ не два, кумцю моя,
Пôдъ оконцемъ въ тебе стоя,
Не разъ стою, та й боюся,
Та якъ на рожнѣ трясуся.

* *
*

Щобъ ся хто не выхопивъ,
Мене за лобъ не вхопивъ,
Не разъ, не два, псами чвали,
Та ще сами засѣдали.

* *
*

Якъ бы були ймили,
Були бы мя вбили,
А я, добрый хлопецъ,
Та й до полёванья,

* *
*

На двохъ ногахъ хожу
Безъ хорта спôймаю,
И гусочку обскубаю,
И подушку свою маю:
Якъ си ляжу спати,
Не хочеся встати.

59.

«Эй, Грушечко давна,
Давна, жалôбная!» —
«Пусти мене, старый!» —
«Пекъ ти, мерзеная!
Въ недѣлю до церкви
Не пущу, небого;

Бо тамъ дячкôвъ много,
А ты молоденька,
Гуляти 'съ радненька,
Та дашься имъ на пôдмову.»

«Эй, Грушечко давна,
Давна, жалôбная!»—
«Пусти мене, старый!» —
«Пекъ ти, мерзеная!
Въ корчму на гулянье,
Не пущу, небого:
Тамъ парубкôвъ много,
А ты молоденька,
Гуляти 'съ радненька,
Та дашься имъ на пôдмову.»

«Эй, Грушечка давна,
Давна жалôбная!»
«Пусти мене, старый!» —
«Пекъ ти, мерзеная!
До Дунаю воды брати,
Не пущу, небого:
Тамъ рыбарôвъ много,
А ты молоденька
Гуляти 'сь радненька,
Та дашься имъ на пôдмову.»—

«Пусти брата свого
И дѣверя мого,
Та най менѣ вѣра буде!
Пустивъ брата свого
И дѣверя мого,
Таки жь мêнѣ вѣра була:
Одновъ ручковъ воды начеряе,
Другoвъ ручковъ въ море потапае:
«Та най мои очи
Жовтый пѣсокъ точитъ,
Та най нелюбъ не звиджае!

Та най мои лиці,
Поѣдя плотиці,
Та най нелюбъ не цѣлуе!
Та най мое тѣло
Рыбка шибка ѣла,
А най нелюбъ не збиває!
Та най мои ноги
Поѣдя стоноги,
А най нелюбъ не сходжає!»

60.

Ой выорю я нивку,
Та посѣю тамъ гапушв,
Ой не дай мене, моя матѣнько,
Вже за двора́ка замужь!

* *
*

Бо двора́къ молоденькій,
Вôнъ въ далекôй дорозѣ,
Бѣдна жь я, вдова, рубаю дрова,
Горе жь мѣнѣ, небозѣ!

* *
*

Ой у лузѣ калина
Та вôтъ соненька зôвяла,
Ой полюбила я проходисвѣта,
Та й за нимъ я пропала!

* *
*

Вырву же я калину,
Та на дорозѣ покину:
Несчасна доля съ тымъ пройдисвѣтомъ,
Я на вѣки загину!

Ой пôду я до броду
По студеную воду,
Ой стану я, стану, тамъ я подивлюся,
Чи хороша на вроду:

* * *

И на личеньку бѣла,
И на вродоньку красна,
А що жь мéнѣ съ того молоденькій,
Коли доля несчасна!

60.

(I, 274.)

Пийте, люде, горѣлоньку,
А вы, гуси, воду,
Плынѣть, плынѣть, бѣли гуси,
Ажь до мого роду!

* * *

Не повѣжьте, бѣлй гуси,
Що я такъ бѣдую;
Но повѣжьте, бѣлй гуси,
Що я роскошую.

* * *

Єще гуси не доплыли,
Вже родина знае,
Вже ся мною, сиротою,
Родина цу́рае.

* * *

«Не цурайся, родиноньког
Я тобовъ не буду;
Пріѣдь, пріѣдь, въ гостиноньку,
Я ти рада буду!

Сама сяду на постелѣ,
Тебе гостемъ прійму:
Развесели мое серце
Хоть єдну годину!»—

* *
*

«Якъ же мы тя, моя сестро,
Маємъ веселити?
Ой въ далекôй 'сь краинонцѣ,
Не можемъ трафити.»

61.

Ой бѣда тому, ой бѣда тому,
Що горѣлицю любитъ,
По ночи ходитъ, по ночи ходитъ,
Оченьками блудитъ!

* *
*

Ой лѣпше тому, ой лѣпше тому,
Що горѣвку не любитъ,
Вôнъ дома сидитъ, вôнъ дома сидитъ,
По ночи не блудитъ.

* *
*

«А вы, дѣтоньки, а вы, дѣтоньки,
Раненько вставайте,
Та сѣчку рѣжьте, та сѣчку рѣжьте,
Худобы дозирайте!«

* *
*

А зôшлися та паны гавды
Въ господарскій дôмъ:
«Такъ мы собѣ починаймо,
Щобы Богъ завидѣвъ.

Ой щобы мы та не болѣли,
А ни хоровали,
Ой щобы мы отъ Господа
Божу ласку мали!»

62.

(I, 225—226.)

По тôмъ боцѣ дуная,
Не далеко вôдъ края,
Чобанъ вôвцѣ корняе,
Та й на хлопцѣ моргае:
«Ой вы, хлопци-молодцѣ,
Поклонѣтся дѣвочцѣ,
Що въ шовковôй сорочцѣ!
Най она ся не журитъ,
Красу лиця не губитъ!
Бо я хлопецъ молодый,
Ще до того войсковый,
Якъ я пôду на вôйну,
Тебе лишу на бѣду;
Якъ я пôду въ чужій край,
Тобѣ буде за мновъ жаль;
Якъ я буду стрѣляти,
А ты будешь плакати.»—
«Ой що, ненько, робити,
Не хоче чобанъ любити?»—
«Копай, дочко, корêня,
Зъ пôдъ бѣлого камêня!»
Копала го цѣлый день,
Не вкопала лишь одень,
Полокала на руцѣ,
Та й мочила въ горѣвцѣ,
Варила го въ молоцѣ,
Та й приваблю молодци;

Ще корѣнье не въ гранѣ,
А вже чобанъ на конѣ.
Єще корêнь не вкипѣвъ,
А вже чобанъ прилетѣвъ:
«А що тебе принесло,
Ой чи човенъ, чи весло?»—
«Принêсъ мене сивый кôнь
До дѣвчины на поклôнъ:
Сорокъ волôвъ полевыхъ,
Триста коней-вороныхъ,
Сêмь сотъ овецъ въ дойнику,
Ялôвнику безъ лику,
А дѣвчина въ лѣтнику.»
А она то якъ вчула,
Та й за гору стрепнула,
Бѣловъ ручковъ махнула.

63.

На тôмъ боцѣ дуная, Гей, гей!*
Чобанъ вôвцѣ корняе:
«Та вы хлопцѣ, молодцѣ,
Скажѣть то тôй дѣвочцѣ,
Шо въ шовковôй сорочцѣ,
И въ багрявôй горготцѣ,
Нехай мене не любитъ,
Лѣта свои не губитъ!
Бо я чобанъ молодый,
Ще й до того убогій:
Стадо коней въ дубнику,
Сêмь сотъ овецъ въ дôйнику,
Ялôвнику безъ лѣку,
А дѣвчина въ лѣтнику.»—
«Що бы, ненько, робити,

---

* Такъ послѣ каждаго стиха.

Не хочь чобанъ любити?»—
«Копай, доню, корêня,
Съ пôдъ бѣлого камêня;
Вари го въ молоцѣ,
Що бъ любили молодцѣ!»
Єще корêнь не вкипѣвъ,
А вже чобанъ прилетѣвъ:
«А що тебе принесло,
Цы човенчикъ, цы весло?»—
«Принêсъ мене сивый кôнь
До дѣвчины на поклôнъ.»

(Изъ Буковины.)

63.

«Чы ты мене, Василю, не знаешь,
Що ты мою хаточку минаешь?
Моя хатка край воды, край воды,
Зъ высокого дерева, зъ лободы.
Чорнѣ очи якъ деренъ, якъ деренъ,
Коли жь ми ся поберемъ, поберемъ?» —
«Маю въ Бога надѣю, надѣю,
Поберемся въ Недѣлю, въ Недѣлю.»
«Де жь ты мене поведешь, поведешь,
Своей хаты не маешь, не маешь?»—
«Поведу тя я въ чужую, въ чужую,
Поки свою збудую, збудую.»—
«Будуй свою зъ лободы, зъ лободы,
До чужои не веди, не веди!
Чужа хата тяжкая, тяжкая,
Де свекруха лихая, лихая.
Эй ты любишь Парашку, Парашку,
Зъ мене чинишь играшку, играшку;
Присіяй Богу, не люблю, не люблю,
И любити не буду, не буду!»

«Гей, ходило курятко по току:
Чекай мене, дѣвчино, до року!»—
«Хиба бы я розуму не мала,
Що бымь тебе до року не ждала.»

64.

(Т. I, стр. 383.)

Тамъ на старôй греблѣ,
Тамъ млыночокъ меле:
«Чому не приходишь,
Мôй милый, до мене?»—
«Якъ же я маю ходити,
Хотятъ насъ вороги сгубити:
Покопали ямы,
Пôдъ кимъ? Пôдъ нами;
Покопали ямы горою,
Щобымь не стояли съ собою.
Иструдивъ я коня, иструдивъ другого:
Повѣжь мила, правду, ци буде що зъ того?
Цы буде що зъ того, та й цы нѣ?
Най не вяне серденько въ мéнѣ!»—
«Я тобѣ казала, що слухали люде,
Що у мене, милый, вѣна не буде,
Возмутъ мене, милый, такъ люде.»—
«Эй, серденько мое, не кажи ми того!
Я тобѣ не кажу за вѣно нѣчого,
Ты у мене вѣно самая,
Якъ на небѣ зоря ясная.»—
Теперь мéнѣ кажешь: «Зоренька ясная!»
По тому ми скажешь: «Доле несчасная!»
Не дай то, Боже, недуги,
Будешь ся дивити на други.»—
«Скарай же мя, Боже, на душѣ, на тѣлѣ,
Коли я що мыслю та й о злôмъ дѣлѣ,
Скарай же мя, Боже, та й за разъ,

Коли я що мышлю негараздъ!»—
«Не скажешь, ты милый, скаже твоя мати:
«Було дѣвчиночку безъ вѣна не брати;
Не скаже мати, то сестра:
«Небогато 'сь вѣна нанесла!»—
«Эй, серденько мое, не кажи ми того,
Бо моему роду ни чо не до того,
Не тое то вѣно, що дають,
Та якъ ся доробять, такъ мають.»

65.

Чего я плачу, чего, чего, я смучуся,
Чего я ажь теперь плакати учуся?
Знаю бѣду, знаю я пригоду,
Моимъ ворогамъ нѣгды не догожу.
Вороги жъ мои, скажить же мѣнѣ,
Що жь вы за причину находите въ мѣнѣ?
Що жь я вамъ зробивъ та й такого злого,
Вы мене судите, якъ бы остатного?
Взяли 'сте гонорь, отберѣть и славу,
Вынесѣть славу на высоку трону,
Зрыйте тѣло, зрыйте, лишь тôлько немного,
А серця не рушите, бо вамъ нѣцъ до того!
Ой бо мое серце душу въ собѣ носить,
У вашои ласки нѣчого не просить,
Лишь у единого Бога найвыжшого
О милосердіе, и тако бѣ много.

66.

(Т. I, 267 и 110.)

Ой по горѣ, горѣ, яворъ похилився,
Сынокъ до матери низенько вклонився:
«Позволь мѣнѣ, мати, сіе дѣвче взяти,
Яка нôчь велика, нѣ съ кѣмъ розмовляти!»—

«Ой маешь ты, сыну, коня вороного,
Розмовляй же ся съ нимъ до дня бѣленького!»—
«То жь бы тобѣ, мати, такъ легко конати,
Якъ же мêнѣ легко съ конемъ розмовляти!
Ой коню мôй, коню, що ты такій смутный?
Цы ты изъ дороги прійшовъ такій трудный?
Ой цы моя зброя тобѣ догорѣла,
Цы моя дѣвчина тебе зневажила?»—
«А нй твоя зброя мêнѣ догорѣла,
Нй твоя дѣвчина мене зневажила,
Догорѣли жь мêнѣ тіи твои коршмоньки,
Догорѣли жь мêнѣ твои дороженьки:
Ты до коршмы йдешь, піешь й гуляешь,
За мя, воронъ коня, слова не згадаешь;
Передъ тобою стоитъ медъ, горѣвка,
А передъ мною а нй стебла сѣнка;
Передъ тобою дѣвки й молодицй,
А передъ мною не кроплй водицй;
Ты изъ горы ѣдешь, мене не стримаешь,
Ты до горы ѣдешь, мене нагоняешь;
Ты до дому идешь, та й спати лягаешь,
Мене, воронъ коня, не роззумбелаешь;
Ты до дому прійдешь, лягаешь въ перины,
А передъ мною а нй стебелины!»

67.

Жалй жъ мои, жалй,
То 'сь те ми на зрадѣ,
Якъ дрôбна росонька,
По зеленôй травѣ!

* * *

Якъ вѣтеръ повѣе,
Та й росоньку звѣе,
Вже мь мое серденько,
Зъ жалю не отѣе!

Якъ заспѣваю
Въ зеленôй дôбровѣ,
Пôйде голосочокъ
До моей милои.

* *
*

Якъ миленька вчуе,
Та й словонко рече:
«Де сь мое серденько,
Въ чужинѣ щебече!»

* *
*

Ой выйду я на гороньку,
Гора ся бѣлѣе,
Де жь ся моя миленькая
На зиму подѣе?»—

* *
*

«Збудую я хатку
Зъ жовтого дерева,
Буду приходити
Кождого вечера.

* *
*

Збудую я сѣни
Зъ жовтой кидрины,
Буду приходити
Кождои години.

* *
*

«Вôвцѣ жь мои, вôвцѣ,
То чорнѣ, то бѣлѣ,
Хто жь васъ буде пасти
Святои Недѣлѣ?

Вôвцѣ́ жь мои, вôвцѣ́,
Великій бутею,
Хто васъ буде пасти,
Якъ я ся оженю?»—

* * *

«Сами будемъ пасти,
Сами завертати,
Тебе, вôвчерику,
Завше згадувати.»

68.

(II, 576 и 33.)

Дубъ на дуба повалився,
Сынъ съ мамкою посварився:
«Иди, мати, пречъ вôтъ мене,
Будутъ гостѣ́ красни въ мене!

* * *

Мои гостѣ́ въ кармазинѣ,
Ты въ пôдертôй сукенчинѣ.»—
«Я тя, сынку, выплекала,
Я тя гôрко згодовала.

* * *

Да на тебе всю налѣю,
Де жь ся теперь, бѣдна, дѣю?»
Сынъ на тое невважаетъ,
Маму зъ хати выражаетъ.

* * *

Издôхнула тяжко мати:
«Прощай, сынку!» пôйшла зъ хаты;
Выйшла мати за подвôрье,
Бôль пôймила ю безъ мѣры.

Идетъ мати по доровѣ,
Рѣнь въѣдается ёй въ нозѣ.
Идетъ, стогнетъ, увявае,
Горесть вся предъ нёвъ лѣтае.

* *
*

Сынъ злодарный за плечима,
Гололъ, студень, предъ очима,
Ходитъ спати полянками,
Кормючися терночками.

* *
*

Ходитъ спековъ и зимою,
Боса, зъ головъ головою,
Ходитъ полемъ и лѣсами,
Неразлучна съ слезоньками.

* *
*

Идетъ мати стежечкою,
Здыбается съ донечкою:
«Прійми, донько, твою мати,
Буду тобѣ угожати!»

* *
*

Дѣточки ти колисати,
И хаточку замѣтати!» —
«Ахъ, не прійму, бо не можу,
Сама съ часта блудомъ хожу:

* *
*

Прелихого мужа маю,
Вôкномъ зъ хати утêкаю.»
Шумитъ вѣтеръ дубиною,
Вже бѣжитъ сынъ за мамою:

«Гей, ожди, мати, ожди на мене!
Пригода ся стала въ мене:»
Въ мою хату грôмъ ударивъ,
Воли й вôвцй ми пожаривъ,

* * *

Вбивъ ми жёнку миленькую,
И дитину маленькую;
Вернись, мамо, йди до мене,
Буду поважати тебе!» —

* * *

«Не вôтъ грому тй пожары,
То Господни, сынку, кары:
Видѣвъ Господь мои слёзы,
Мôй кревавый слѣдъ въ морозѣ.»

69.

Вôдъ пôвночи вѣтеръ вѣе,
Не хай же вôнъ вѣе,
Хоть у мене очи сухи,
Але серце млѣе.

* * *

Не твоя то, вѣтре, воля,
А ни твоя сила,
Лишень мене тота доля
На вѣки побила.

* * *

Ахъ, Боже жь мôй милосердый,
Лишь ты тимъ кируешь,
Однимъ людемъ щастіе берешь,
А другимъ даруешь.

Повѣй, вѣтреньку маленькій,
Отъ куду тя прошу,
Чей розвѣешь тоту тугу,
Що на серцю ношу!

* * *

«А хоть же я буду вѣти,
Не буду втихати,
Таки жь того не розвѣти,
Що Богъ мае дати.»

70.

(I, 103.)

Ой тамъ пôдъ вышнею,
Тамъ подъ черешнею,
Тамъ мôй милый лежитъ,
Та й скаржится
На головоньку.
Що го дуже болитъ.
«Болитъ моя головонька,
Та, вѣдай, я умру,
Та лишится моя дѣвчинонька,
Самъ не знаю кому.
А якъ тому товаришу мому,
Якъ мêнѣ самому,
А якъ тому блудному сынови,
Пожальси, Боже, Боже, ей!»
Ой копавъ я въ садѣ кирниченьку,
Та й воды не пити,
Та кохавъ я зъ малу дѣвчиноньку,
Та й жены не мати.
Ой копавъ я въ садѣ кирниченьку,
Два голуби воду пьютъ,
А вже жь мою дѣвчиноньку,
До слюбу ведутъ:

Єдинъ веде за рученьку,
Другій за рукавъ,
Третій стоитъ, серце болитъ,
Що любивъ, та не взявъ.

71.

Темная нôчка, темна, не видненка:
Головонько ты моя бѣдненька,
Съ кимъ я буду нôчку ночувати!
Съ кимъ я буду ревне розмовяти?
За ворôтьми яворъ зелененькій,
Подъ яворомъ хлопець молоденькій,
Съ тимъ я буду нôчку ночувати,
Съ тимъ я буду ревне розмовяти.
«Вы, сусѣды, вы, добріи люде,
Сватайте дѣвчину, господиня буде!
Що чужая була, теперь моя буде,
Оженюся, раютъ мѣнѣ люде.
Чужой жоны не похищаю,
Богатую не вышукую,
Возьму собѣ сиротоньку,
Що зазнала клопотоньку.
По садочку ходила,
Садовину садила,
И ходячи говорила:
«Нема того, кого я любила!
Мамко жь моя старенькая,
Долежь моя бѣдненькая!
Хорошую 'сь мя згодовала,
Щастя, доли, не вгадала!»—
«Все жь я тобѣ, доню, дала,
Щастя, доли, не вгадала,
Проси Бога ажь до вѣка
О доброго чоловѣка!»

Просю Бога о долечку,
О щасливу годиночку,
Хто мя любитъ, я не ёго,
Кого люблю, нема того! »

72.

Стоитъ явôрь надъ водою,
Вѣтеръ нимъ колыше,
А я того полюбила,
Що акцизу пише.

* *
*

Якимъ правомъ полюбила,
Прошу послухати:
Гузики ся ззблыщали
Взяла 'мь ся пытати.

* *
*

Ой що ся тамъ заблыщало,
Що ся тамъ яснѣе?
Коло шеи файный ковняръ
Якъ май зеленѣе.

* *
*

Коло шеи файный ковняръ
Якъ май зелененькій,
Аще красшій въ тôмъ ковнярѣ
Хлопецъ молоденькій.

* *
*

А надъ чоломъ малый дашокъ
Ясно гланцованый,
А надъ дашкомъ тонкій снурокъ
Срѣбромъ проплётаный.

А надъ снуркомъ кругла рожа
Злотомъ вышивана,
Та й и цыфра́ золотая
Яснѣйшого Пана.

* *
*

Давъ имъ Цѣсарь таки знаки,
Щобы ихъ любити,
Лише не давъ позволеня
Щобы ся женити.

* *
*

Ой Цѣсарю, Цѣсарику!
Буду тя просити:
Позволь мѣнѣ по щирости
Авзера любити.

* *
*

Ой погоди, гарный хлопче,
Буду ся пытати,
Чи умѣешь, гарныи хлопче,
Чи вмѣешь кохати?

* *
*

Бо якъ будешь мя любити,
А не схочешь взяти,
Замѣсть шаблѣ, возьми палку
Та й йди розбивати!

* *
*

Препрашаю, гарный хлопче,
Що 'мь тя розгнѣвала,
То за тое, гарный хлопче,
Що 'мь тебе кохала.

(Зап. въ Раковцѣ Колом. У. отъ Попадьи Левицкой.)

73.

Вставай, вставай, продри очи,
Хоть есь не спавъ сеи ночи!
Бо тя вчора накормили,
Фафулицй наварили;

* * *

Наварили фафулицй,
Съ квасныжъ сыромъ вареницй,
Двѣ картечи съ лоемъ въ водѣ,
Що ажь дивитися годѣ.

* * *

Якъ есь выбѣгъ зъ Ишпаніи,
Видишь здаля мантуліи
Съ цыбульками, съ грибочками,
Съ перчиками, съ приправками.

* * *

Завтра Пятокъ, день пôстненькій,
Буде борщикъ солоденькій,
Або супка шара-бура,
Однимъ словомъ, чиста люра.

* * *

Панъ селедецъ у мундурѣ,
Що му лобъ объѣли щуры,
На тарелѣ лежитъ бокомъ,
И дивится однимъ окомъ.

* * *

Свѣжи яйця, памятайте,
Виделцями не штуркайте;
Бо, моспане, фйку, фйку,
Яйце крикне: «Кукурѣку!»

Якійсь шницель, сѣканина,
Всего мяса сбиранина,
И быдляче, и коняче,
И свиняче, и теляче.

* *
*

Гей же, гаса, гаса, гаса!
Завтра екстрасосъ до мяса.
Бо мы за спѣвъ того варта,
Абы була кремотарта.

* *
*

Часомъ на велики свята
Достаемо и курчата,
Щобы здохлы не пôзнати,
Звыкли муковъ обсыпати.

* *
*

Гей же, гей же, веселися,
Що завтра съѣшь, не журися!
Ѣда, марность сего свѣта,
Ректорови многа лѣта!

(Семинарская.)

74.

Прійшовъ мужикъ до корчмы: «Здоровъ, арендарю!
Прошу тебе хорошенько, дай ми гардаману!
Напившися гардаману, пôшовъ бымь гуляти,
Тôлько менѣ капелйсты не хтятъ дармо грати.
А вы, паны капелйсты, танцю ми заграйте!
Я вамъ добре заплачу, тôлько не дрêмайте!
А но не тыхъ новомодныхъ, що рѣжутъ, якъ сѣчки,
Тôлько мéнѣ, старенькому, грай по старосвѣцки!

Не дивуйтесь, добрѝ люде, що мужикъ гуляе,
Я господарь зъ ласки Бога, и панъ мене знае,
Маю плуги, маю поля, маю що потрѣбно.
Зыграйте ми зъ горы шумки, ино не такъ дрôбно!
Натягнувся я косою, намахався цѣпомъ;
Пригнавъ волы я изъ росы еще передъ свѣтомъ,
Запросивъ я свою куму та й на честь до себе:
«Пій же, кумцю, горѣлоньку, коли прошу тебе!»
Вокомоны зъ нагайками ходятъ пôдъ вôконця,
Заказуютъ панщиноньку передъ сходомъ сонця;
Вокомоны зъ нагайками, гумснніѝ съ фандою,
Теперь же я, бѣдный мужикъ, що жь пôчну съ бѣдою?
Якъ я виджу, нема правды, громада бѣдуе,
Нѣмцѝ берутъ, Ляхи дерутъ, и Жидъ не даруе.
Теперь же я, бѣдный мужикъ, що маю робити?
Треба нести пану курку, сто разъ ся вклонити.
Не занесу десять яецъ, то берутся бити,
И бьють дуже мѝцно, тяжко намъ свѣтѣ жити!
А вокомонъ не зважае на нашу худобу,
Бере, кладе, кужика, та сыпле якъ бобу.

(Изъ Золочевскаго Уѣзда.)

75.

Пѣсня о Панщинѣ.

(Ср. Основа 1861 г., VI.)

Ой летѣла зазуленька,
Та й стала ковати:
«Почекайте, добры люде,
Що 'сь маю казати!»

* *
*

А вже гаи зеленѣли,
Я до вась вертала,
Сѣла 'мь собѣ въ темнôмъ лѣсѣ,
Трохи спочивала.

Ажь тутъ разомъ задуднѣло,
Я ся споглянула,
Якъ емь диво забачила
Ажь емь ся забула.

* *
*

А панщину свобода
Впередъ себе гнала,
Загнала ю въ лѣсы, дебры,
Щобъ тамъ пропадала.

* *
*

А за нею паны женутъ,
Стали ю просити:
«Повернися, панщинонько,
Нема звôтки жити!»

* *
*

Панщина имъ вôтповѣла:
«Я тому не винна;
Сами сьте мя вôтправили,
Я вамъ була вѣрна.»—

* *
*

«Не въ тôмъ часѣ мы съ тобою
Хтѣли ся розстати:
Мы казали, що ще будемъ
Съ тобовъ ся витати.»

* *
*

А вже нема того пана,
А ни ватамана,
Жебы ходивъ, колядовавъ,
По пôдъ вôкна зъ рана.

Окомонôвъ, ватаманôвъ,
Уже скасовали,
Що на панщину гонили,
Вôкна́ выбивали.

* *
*

Перше були штыре паны,
А два ватаманы,
Вôсêмнадцять полёвыхъ,
А единъ пôдданый!

* *
*

Выйшла стара панй
На затыльни двери:
«Повернися, панщинонько,
До насъ, до вечери!

* *
*

Ой вернися, панщинонько,
Вернися, вернися,
Хоць на рочокъ, або на два,
Та у насъ наймися!»

* *
*

Панщина имъ вôтповѣла:
«Я за васъ не дбаю,
То-то 'мь ся въ васъ доробила,
Що ничо не маю.»

* *
*

Ой пôшовъ панъ молотити,
Панй пôдмêтати:
«Десь нашеи панщиноньки
Теперь не видати!

Не вмѣемъ мы мôлотити,
Нашѣ жёнки жати,
Мы не знали, якъ то горько,
На хлѣбъ працёвати.

* *
*

Сюда, туда, по кишенькахъ,
Нема звôтки взяти,
Ой нема съ чѣмъ до кавярнѣ
Та дябелка грати.

* *
*

Зъ орендаря вже не можна
Бôльше раты потягати,
Бо не хочутъ хлопы на боргъ
Горѣлоньки брати.

* *
*

Наѣхали комисарѣ
Стали голосити:
«О часъ бы вамъ, бѣдны хлопы,
Панщинъ не робити!»

* *
*

Отъѣздили комисарѣ,
Та й наказовали,
Жебы хлопы предъ панами
Шапокъ не здôймали.

* *
*

Хлопы идутъ, люльки курятъ,
Паны сидятъ, та й ся журятъ:
«Де бъ намъ грошi заробити,
И тымъ хлопамъ заплатити?

И табаки понюхати,
Жебы пана послухати;
И горѣлки оковиты,
Щобъ на пана ще робити!»

* *
*

Вылетѣла зазуленька,
Сѣла съ голубами:
«Ой часъ бо вамъ, паны,
Приставати съ нами!»

* *
*

Сѣла собѣ надъ водою
Сива посмѣтюха,
Та й спѣвала панщиноньки,
А той Ляшокъ слуха:

* *
*

«Ой жебы намъ, пане брате,
Посмѣтюху вбити,
Щобъ не вчила та пташина
Зъ бѣдныхъ Ляшкôвъ кпити!»

* *
*

Ай летѣла та сорока,
Та й стала, скрегоче:
«Чогось бо намъ вже панщины
Робитись не хоче!»

* *
*

Вылетѣла ластôвочка,
Уже снѣгу малю:
«Въ самй свята Великоднй
Панщины не стало.»

Ой ты, Зоре Галицкая,
Яка жь бо ты ясна!
Якъ есь красно засвѣтила,
Ажь панщина сгасла!

* *
*

Свѣти, Зоре Галицкая,
Най видятъ всѣ люде,
Бо суть такі межи нами,
Що маютъ палуды.

* *
*

Ой ты, Зоре Галицкая,
Не свѣти никому,
Тôлько нашêй Русской справѣ,
Якъ иде до трону!»

76.

Ой летѣла зазуленька, та й стала ковати:
«Зачекайте, добры люде, щось маю казати!
Якъ я до васъ повертала, гаи зеленѣли,
Сѣла 'мь собѣ въ темнôмъ борѣ, трохи отпочила:
Загудѣло, задуднѣло, а ся обернула,
Таке диво зобачила 'мь, що 'мь ся ажь забула:
Ажь свобода передъ собовъ та панщину гнала,
Загнала ю въ дебры, лѣсы, щобы тамъ пропала;
А за нею Ляхи бѣгли, зачали просити:
«Вертай, вертай, панщинонько, нема звôтки жити!»
А панщина вôтповѣла: «Я тому не винна,
Сами сьте мя вôтправили, я вамъ була вѣрна.»—
«Мы не вмѣемъ молотити, нашѝ жêнки жати,
Мы не знаемъ, якъ то тяжко на хлѣбъ працювати!

(Изъ Жолковскаго Уѣзда.)

77.

Прилетѣла зозуленька,
Та й стала кукати:
«Да што я вамъ, добры люде,
Маю повѣдати?

* *
*

Якъ ся гаи зеленѣли,
Я до васъ вертала,
Сѣла 'мь собѣ въ темнôмъ лѣсѣ,
Мало 'мь спочивала.

* *
*

Лемъ ту на разъ што се здуднѣло,
Я ся обличила,
Якъ я нагло посмотрѣла,
Ажь я ся забыла!

* *
*

А то панщину свобода
Передъ собовъ гнала,
Загнала ю въ лѣсы, дебры,
Обы тамъ пропала.

* *
*

А за нею идутъ паны,
Зачнутъ ю просити:
«Вертай, вертай, до насъ назадъ!
Не откуда жити.»

* *
*

Панщина имъ отповѣла:
«Я тому не винна,
Сами сьте мя отправили,
Я вамъ была вѣрна!» —

«Не въ тотъ способъ мы съ тобою
Хтѣли ся розстати,
Мы не знаемъ молотити,
Нашй жёнки жати.

* * *

Мы не знали, же такъ тяжко
На хлѣбъ працовати,
До каварнѣ нѣтъ съ чѣмъ ити,
Тай чортика грати.

* * *

Бо въ карманѣ всюды пусто,
Не е откудъ взяти,
Отъ орендаря не можно
Бôльше вытягати,

* * *

Бо ужь на боргъ хлопъ не хочетъ
Горѣлоньку брати,
Ни съ чѣмъ, ни съ чѣмъ, намъ вже жити,
Пришлось пропадати!»

(Изъ Угорской Руси.)

78.

(Т. I, стр. 229.)

А у той ми полонинцѣ мрачки се зводили,
Вôвчерики молоденькй вôвцй погубили.
Пустилисе долинками та й за овечками,
Найшли, найшли, боднариню пôдъ Коровечками.
Ой ковала ми зозулька, ше буде ковати:
«Ой екъ бы тôй боднарчучцѣ дати въ село знати.
Ой сѣдлай-ко, боднарчучко, коня вороного,
Та выведи въ Погорѣлецъ Попа молодого!»
Осѣдлала боднарчучка коня вороного,
Та вывела въ Погорѣлецъ Попа молодого.
«Обертайте, боднарине, напротивъ сонечка!

А пôзнавай, боднарчучко, чи твоя донечка?
А иму я калиночку за саму сердечку.»—
«Чому бы я не пôзнала вже свою донечку?
У пасѣцѣ мênѣ бджолы, за пасѣковъ осы.»
А вже жь тота боднарчучка плаче та голоситъ:
«Ой не плачь-ко, боднарчучко, не плачь, не смуткуйсе!
Не прійде донечка въ гостѝ, сама помѣркуйсе!
Озми-ко ты, боднарчучко, жовтого пѣсочку,
Посыпь же ты та донечцѣ ба й коло гробочку!
А екъ же той та пѣсочокъ на гробочку зôйде,
Тогды твоя та донечка до тя въ гостѝ прійде!»

(Изъ Гуцулъ.)

79.

Ой маю я своей сестрѣ весêлье зробити,
Двѣ коровѣ до посагу зъ малыми телети.
А я на се слово вгôдне не йшовъ собѣ съ дому,
Двѣстѣ ренскихъ до посагу и съ телемъ корову.
«А вже сесе такъ не буде, якъ засуде люде,
В'на вхопила горнецъ каши, вергла ему въ груди.
А я жь тото черепечко зъ себе обтресаю,
В'на вхопила за мêтавку: «Рушь зъ хаты, Маскалю.»
А я, братйкъ, выхопивсе, на то мѣстце дъ дѣвцѣ:
«А бувъ же я, дѣвчиночко, сночи у публйцѣ.
Мêнѣ на се порадила та дѣвоча мама:
Єкъ бы ты пôшовъ до вôйта, ты бы доставъ права.»
А в'на мене зачêпила, не треба и дѣдька;
Я взевъ паличку у руки, та й гайда до вôйта.
А прійшовъ же я до вôйта, розказую файно:
«Ой зроби ми, вôйте, право, най ми не метъ банно!»
Тото жь паны не судили, люде толковали,
Взели, взели, два гайдучки, та й за невъ пôслали.
Они жь мêнѣ присудили штыри сорокôвцѝ,
Можна въ староcты ходити хоть и дъ котрôй дѣвцѣ.

(Оттуда же.)

80.

(T. I, 197, 198.)

Ишовъ бычокъ у плаичокъ, та тоненько рыче:
«Выйди-ко ты, дѣвко, зъ хаты, шось тя ледѣнь кличе!»
Ой не выйшла дѣвчиночка, выйшла еи мати:
«Чого треба ледѣневи, най иде до хаты!»
Прійшовъ ледѣнь та до хаты, та ставъ се витати,
А дѣвчина до вѣнничка хату замѣтати.
Ой а прійшли старосточки, та ели сидѣти:
«Иди-ко ты, свату, въ хату, цы любетсе дѣти!»
А дѣти се полюбили, ели говорити:
«Ой екимъ же метъ та нашъ лелько вѣнцемъ насъ мѣнити?»
Весѣлечко вôдограло, в'ни пришли по вѣно,
Стоитъ лелька на подвôры съ коленымъ полѣномъ.
Невѣсточка и сказала, шо то не до речи,
Вытегае еѣ лелька котика зъ пôдъ печи.
Котикъ иде царинками, а вона лугами,
Смутчѝ люде выгадали, шо в'на йде съ волами.
Котикъ иде царинками, а вона йде лугомъ,
Смутчѝ люде выгадали, шо вона йде съ плугомъ.
А свекрушка погадала, шо жене телицу,
Та скочила до потока, обмыла дôйницу.
А свекрушка погадала, шо жене коровку,
В'на скочила та до рѣчки, обмыла коновку.
Обмыла в'на коновочку, пôшла у плôтъ сѣна,
Єкъ узрѣла, шо то котикъ, а она си сѣла,
Таки сѣла, таки сѣла, та й заголосила:
«Цы таке ты въ своей мамки вѣнце заслужила?
Я робôтки не робила, лише вечерницѝ,
Таке мѣнѣ вѣнце дали, шо дере полицѝ!»—
«А встань же ты, невѣстице! Богъ дай есь не встала!
Выжени-ко сѣри волы, шо ти мама дала!»—
«Мѣнѣ мамка не давала, бо й сама не мала,
А на шо ты свого сына у старосты слала?»—
«Ой я слала, бо гадала, шо в'ни годны люде,
Я гадала, шо на волы выймaночка буде!

(Оттуда же.)

81.

А яке нынѣ настало, цы вы чули, люде?
Котрый иде у старосты, то най ся варуе!
Котрый иде у старосты, ме горѣвку пити,
Лише най ся добре варуе, ледви не мутъ бити.
Я самъ ишовъ у старосты, та не славъ никого,
Лишь кортѣло его знати, цы шо буде зъ того.
Єму дѣвка розсказала все по доброй волѣ,
Єму такъ ся тото вдало, якъ бы пара коній.
Єму дѣвка розсказала безъ бѣды, безъ дива,
Такъ ему ся тото вдало, якъ свинѣ кропива.
Эй бо вôнъ ставъ середъ хаты, та й зачäвъ гадати:
«Хиба пôду до старшого, шось май буду знати!»
А прійшовъ я до старшого, та й розговорився,
Та бо вôнъ сѣвъ на лавицю, та й воды напився.
«А я прійшовъ, товаришу, шось до тебе знати,
Хочу въ тебе сестру брати, шо êй маешь дати!»—
«А маю ей, товаришу, весêлье вчинити,
Та й у посагъ двѣ коровы съ малыми теляти.»—
«На сю раду, товаришу, я бы не йшовъ зъ дому,
Маешь дати êй сто левôвъ, та й въ посагъ корову.»—
Женка каже: «Такъ не буде, не засудя люде!»
Ухопила горнець зъ печи, та й шпурнула въ груди.
Табо я ся вôтъ черепья зачäвъ обрêсати,
В'на вхопила загрêбачку: «Рушай, гицлю, зъ хаты!»
Ой а я ся выхаплюю, та бѣжу идъ дѣвцѣ:
А бѣдна моя головко, въ якôй я публйцѣ!
А пôшовъ я вôдти скорѣй, не треба ми дѣдька,
Вхопивъ паличку у руки, та й гайда до вôйта.
Та бо я прійшовъ до вôйта, розказую файне:
«Изробѣтъ ми, братья, право, щобы ми не банно!
А вони ми засудили штыри сорокôвцѝ:
«Та й можно тобѣ ходити на свадьбы идъ дѣвцѣ!»
Тото вряда не судили, тото люде простѝ,
«Та й можна тобѣ ходити идъ дѣвчинѣ въ гостѝ.»

(Оттуда же.)

82.

А у тôй ми полонинцѣ вѣтеръ се вагує,
Котрый иде у старосты, най же се варує.
Котрый иде у старосты, иде безъ горѣвки,
А лишень се выпытати перше слово въ дѣвки.
Ой пôшовъ я до дѣвчины, водицѝ напивсе,
А сѣвъ собѣ на лавицу, та й розговоривсе;
А сѣвъ собѣ на лавицу, та й розговоривсе:
«Кобы сь мêнѣ слово дала, я бы оженивсе.
Она жь мêнѣ приповѣла безъ чуду, безъ дива,
Такъ мêнѣ се дѣвка вдала, якъ свинѣ кропива!

(Оттуда же.)

83.

А я пôйду въ полонинку по зелене сѣно,
Не перейду полонинку, бо сонечко сѣло.
Въ полонинцѣ на кидринцѣ голубы лѣтаютъ:
«Мы гаразду не зазнали, лѣта се минаютъ.
Мы гаразду не зазнали, та й знати не будемъ,
А по чому свои лѣта пôзнавати будемъ?
На свѣтѣ се не нажили, красно не входили,
Лишь по тому пôзнавати, шо сме нагрѣшили.»

(Всѣ 8 запис. отъ Гуцулки изъ Криворовни, Марины Грицючки.)

84.

(Т. I, стр. 112.)

Ишовъ легѝнь зъ полонины
На нове подвôрье,
То повернувъ до дѣвчины
На еи задвôрье.

Ой повернувъ до дѣвчины,
Та ставъ ся пытати:
«Ой чи можно, дѣвчинонько,
Старосты прислати.»—

* *
*

«Ой а можна, легйнику,
Старосты прислати,
Сли ми зможеть, молоденькій,
Тройзêля достати.»

* *
*

Ой пôшовъ вôнъ до стаенки
Коника сѣдлати,
Та й поѣхавъ межи ґоры
Тройзêля копати.

* *
*

Прилетѣла зазуленька,
Та й стала ковати:
«Ой лиши ты, легйнику,
Тройзêле копати!

* *
*

Ой лиши ты, легйнику,
Сесе трое зêлье:
Бо у твоей дѣвчиноньки
Грае вже весêлье.»

* *
*

О класти бы та й на коня
Новыи сѣдельця.
Та ѣхати до дѣвчины
До щирого серця.

Ой прійшовъ я на весêлье,
Та ставъ тамъ стояти,
Ой выносятъ мêнѣ братья
Горѣвочки зъ хаты.

* * *

«Ой не хочу я, братчики,
Вашеи горѣвки,
Лишь я хочу исказати:
Двѣ словѣ до дѣвки.

* * *

Бо я маю до дѣвчины
Шось заговорити,
Цы буде в'на еще бôльше
Зъ розума зводити?»

* * *

Зъ правой ручки изъ коника
Тройзêлье подае,
А зъ лѣвого свого боку
Шабельку выймае.

* * *

Ой ковала зазуленька
На верху, на млынѣ:
«Най не буде, песій сыну,
Нй тобѣ, нй менѣ!»

(Оттуда же.)

85.

(Отрывокъ.)

Ой у лѣсѣ на горѣсѣ
Два качорй вются:
Надо мною молодою
Два легйнй бьются.

* * *

«Ой бійтеся, рубайтеся,
Одного я буду,
Васильковн хустку куплю,
Иванова буду.»

86.

Люде кажутъ, що я гультай,
Що я гультаюю;
А ще я ся вôдъ оттеперь
Доста набѣдую.

* * *

Кобы сте ми дѣвку дали,
Буду шеновати;
Тричй на день на купинѣ
Букомъ обертати.

* * *

Иншй люде мутъ казати,
Що я лихо роблю,
Менѣ тогды лѣпше буде,
Якъ зъ разу второплю.

Менѣ тогды лѣпше буде,
Лѣпше 'ме робити,
Не 'мутъ пустѝ поза углы
Горѣвочку пити.

87.

Та бо въ нашêмъ Яворовѣ корчма коло схилку,
Тамъ пропила моя любка рыженьку кобылку.
«А ты лиши, молодице, горѣвочку пити,
Будешь боса, та безъ капцêвъ, безъ волôкъ ходити.
Не такъ еи студêнь въ петы, якъ студêнь у пальцѝ,
Она пôшла до сосѣда, выбрехала капцѝ.
Въ мене така файна любка, що êй нема пары,
Она нѝбы капцѝ вбула, на вѣки пропали.
А я прійду на весêлье, заспѣваю тутка:
«Вы бы, братя, не вгадали, котра моя любка!»
Та бо въ мене любка файна, на очи блешнява,
Роздивѣться помежи міръ, а цы е êй пара.
Нема пары ни въ Кордонѣ, ни въ нашêмъ Пôдгôрью,
Она себе продавала на Рôздво въ Недѣлю.
Рôздво свето е велике, бôлше якъ Недѣля,
Она ее продавала, поганая вѣра.
Зъ любки ми ся не збыткуйте, моя любка озде,
Дамъ у люльку два корений, хто въ данецъ ê озме.
Озмѣть, братя, любку въ данецъ, данцювати годна,
Она свище якъ данцюе, якъ у корчѣ довга.

(Оттуда же.)

88.

Ой пôшовъ легѝнь до церкви
У одну Недѣлю,
Тамъ дали му за прости Бôгъ
Одну козу бѣлу.

Вôнъ тоту козу не доитъ,
Лишь еê кохае,
Ой е въ Рѣчцѣ весêлечко,
Вôнъ ретелно знае.

* *
*

Лишь бы мêнѣ тра вызнати,
У котрую днинку,
Пôшовъ бы я погуляти
На малу годинку.

* *
*

А легінникъ моледенькій
Пôшовъ, та й танцуе,
Молодая молодиця
Боками болуе.

* *
*

Ой узявъ вôнъ танцовати,
Взявъ ся обзирати,
Ой йду я до домочку
Чесь ся перебрати.

* *
*

О пôшовъ вôнъ до домочку,
Перебираеся
А молода молодичка
Єго надѣеся.

* *
*

Ой Бодай тя, молодичко,
Смагонька побила!
Мавъ же бо я одну козу,
Й тоту бѣда взела!

Летѣло ми крôзь струночку
Сиве воробетко,
Та лишень ми ся зôстало
Кôзле сиротетко.

* *
*

Ой прійшовъ хлопецъ воробецъ,
Тото кôзля вхопивъ
Вôнъ на малу годиночку
До сусѣдки скочивъ.

* *
*

Прійшовъ же вôнъ до сусѣдки,
Та ставъ у порога:
«Дай-ко мéнѣ, сусѣдочко,
Моя мила, рога!»—

* *
*

«На що жь тобѣ, легінику,
Того рога дати!»—
«Моя мила сусѣдочко,
Сиротя плекати.

(Оттуда же.)

89.

Кобыхъ могли, люде добрі, теперь не грѣшити,
Припадѣмо на колѣнки Бога попросити:
«А Господи милосердный, якъ тя допросити,
Теперь народу богато, мало будемъ жити.»
Цы видите, люде добрі, якъ нынѣ постало,
Оденъ на другого важитъ, отъ якъ кôтъ на сало.
Цы знаете, люде добрі, поганого духа,
Отъ такъ бы тя радъ изъѣсти, отъ якъ садно муха.
Цы знаете, люде добрі, ту погану вѣру,

Якъ тя не зъѣстъ у Суботу, то зъѣстъ тя въ Недѣлю.
А хоть кажеть, що я брешу, хоть ся зъ сего смѣйте,
Люде! бѣда не далеко, борзо ся надѣйте!
А ну, люде православнї, просѣмъ щире Бога,
Та й може бы Господь нагнавъ бѣду одъ порога:
«А Господи милосердный, якъ тя допросити:
Людій много, поля трохи, зъ чого будемь жити?»
Намъ заробки не поможутъ, я дуже не вѣрю,
Не родяся кукурудзы у нашемъ Пôдгôрю;
Барабулй изогніютъ, нѣщо буде брати,
Вже не будемъ у Пôдгôрю якъ цапы скакати.

(Оттуда же.)

90.

Ой у моêй головонцѣ щось перевертае,
Самострѣлъ ми любку напавъ, бо êй натягае;
Самострѣлъ ми любку напавъ, лупае очима,
Усе каже, що êй болитъ щось межи плечима.
Але бо я ляжу спати, зачне ми ся снити,
Хиба возму букъ у руки, плечи помастити.
А якъ узявъ букъ у руки, помастивъ хробаку,
Яка жь по тому газдиня, дей ты ёго кату!
Яка жь ся зъ неё выбрала газдиня по тому,
Уже й другôй наказуе: «Дай спокôй пустому!»

(Оттуда же.)

91.

(II, 463.)

Ой легіню, легінику, лишь не пій горѣлку,
То дамъ тобѣ штыри волы та й хорошу дѣвку.
Що же есь ся такъ красно упивъ, що впавъ пю за грубы.
Такой песь тя, кобы здоровъ, нацмокався въ губы.

Дивѣтеся, люде добрі̂, що пяниця мае,
А що видитъ, бере зъ хаты, за горѣвку дае
Затягнувся самъ у корчму, та й ставъ говдувати,
А що занёсъ, усе пропивъ, Жидъ вытрутивъ зъ хаты.
Лѣзе въ потôчь до домочку страшный якъ блощиця,
Голый якъ быкъ, дурный якъ цапъ, подрапані̂ лиця.
Обскубли гô якъ гусака, голого пустили,
Ажь го слёзы обливаютъ, отъ тожь то го били!
Що жь то добре, товаришу, горѣвку лишити,
Май мало мешь грѣшити, довголѣтне жити.

(Оттуда же.)

92.

(II, стр. 166.)

Люде давно старосвѣтскі̂ горѣвку не пили,
По сто годôвъ по пятьдесятъ все на свѣтѣ жили.
Эй бо теперь якъ узяли жваво попивати,
Та й по сорокъ по исповна не будутъ тревати.
Дѣдька нема по камêнью, лише коло винниць,
Своимъ зêльемъ заправляе горѣвку для пяницъ.
А мы лишѣмъ, люде добрі̂, горѣвочку пити,
Бо будемо въ Бовцатулѣ бѣлані̂ кочäти.
Мы будемо въ Бовцатулѣ бѣлані̂ кочäти,
А Жиды мутъ изъ Залуча горѣвку возити.
Та бо у насъ на дорозѣ корчма на дорозѣ,
Тамъ не оденъ пропивъ вôвцю та й чотыре козѣ.

93.

Ой ходитъ панъ Ромашканъ студененькимъ ледомъ,
Та наваривъ Путилянамъ горѣвочки зъ медомъ;
А вôнъ тото та й наваривъ за велику плату,
Та наметавъ по терьхови все въ четверту хату;
Та наметавъ по терьхови, щобы тото пити,
Забравъ волы та й коровы, и вôвці̂ съ ягняти.
Пустилися бѣлі̂ мраки долôвъ облазами,
Забравъ волы та й коровы, пасѣки съ бжолами.

(Оттуда же.)

94.

Заиграли вчера въ скрипки, а сегодне въ зузы:
Сердится мельникъ на щура, що есть ьукурузы.
Та бо прійшовъ мелникъ у млынъ, та щось собѣ робитъ,
А такой щуръ по при него пôдвалиновъ ходитъ.
Мелникъ пôшовъ пôдъ колêсы потискати цѣвы,
А щуры ся прихопили, бесаги поѣли.
То бесаги мелниковй стояли съ пшеницевъ,
Та бо. мелникъ розгнѣвався, вбивъ щура тупицевъ.
Они ся съ щуромъ сварили на велику драчу,
Щура добивъ топорищемъ, не ѣжь чужу працю!
Та бо прійшовъ мелникъ домôвъ, росказуе жêнцѣ:
«Я вже того щура убивъ, що бувъ у млыновцѣ.»
Мелничка ся зъ того смѣе, не жäлуе рота:
«Добре, що есь щура убивъ, ты лѣпшій вôдъ кота.»
А мелничка мелникови кулешу готовитъ:
«Добре, що есь щура убивъ, най шкоду не робить!»
Та бо мелникъ поживився, та й лягъ собѣ спати,
А вôнъ не йде покôйника щура поховати.
Завзявся мелникъ на щуры, на щуровй дѣти,
Щурамъ ни якъ у млыновцѣ въ прутечку сидѣти.
Та бо мелникъ тоты щуры, хло', не любивъ зъ роду,
Гетъ-то выбивъ топорищемъ, най не робя шкоду!

(Оттуда же.)

95.

(Т. I, 210.)

Ишло дѣвче на воду
Презъ Попову заграду,
Нашло оно златонецъ,
Почало вицъ свой вѣнецъ;
Пришелъ ку ней младенецъ:
«Дѣвче, дѣвче, дай вѣнецъ?»—
«Якъ ти мамъ дацъ свой вѣнецъ,
Кедъ ты зъ пекла младенецъ?»—

Якъ ей хопилъ, та ей нёсъ
Понадъ горы, по надъ лѣсъ:
«Не несте мя по надъ млынъ,
Бо ми грызе очи дымъ!»
Якъ ей принѣсъ надъ пекло:
«О Боже мôй, якъ тепло!
Мои старши братове,
Отворяйте ми двере!»—
«Што такъ тяжко несете,
Же отворяцъ кажете?»—
«Несу тѣло и душу,—
Рихтарову Ганушу.»
«Што Ганися дѣлала,
Же ся ту такъ достала?»—
«Єдно съ псома скормила,
Друге въ водѣ втопила,
Трете вергла подъ меджу;
Што го люде не виджу.»
Посадили ей за столы,
Та и дали пити смолы;
Єдинъ погаръ выпила,
Ажь густочка збляднула;
Другій погаръ выпила,
Ажь стѣна сканула;
Третій погаръ выпила,
Ажь на землю спаднула.
«Вынесте мя за двере!
Няй мя вѣторъ проберe!»
Вылетѣли журавьи:
«Откажьте тамъ матери,
Ищё мать дома дѣвки двѣ,
Няй ихъ карать обѣдвѣ,
Няй до церкви посылать,
А до корчмы не пущать;
Бо мене не карала,
До пекла емь ся достала.»

(Изъ Угорской Руси.)

96.

(Т. I, 218.)

Помахала молодица палчикомъ на мене:
«Приди, приди, мôй миленькій, вечеромъ до мене!» —
Якъ я знаю до тя ити, маешь чоловѣчка,
Якъ застанетъ мене въ тебе, збавитъ здоровьичка.
Пôшовъ старый бородатый у лѣсъ по калинку:
«Приди, приди, милый хлопче, въ вечеръ на гостинку!»
Ой поглянувъ я въ оконце, а калинка близко:
«Где ся маю исховати, любезна Марисько?» —
«Сховаю тя , милой хлопче, пôдъ бѣлу плахтину,
Сама лягну до постелѣ, ажъ я марне гину.»
Пришовъ старый бородатый, та явъ звѣдовати:
«А што тобѣ, Марысенько, хочешь умирати?» —
«Иди, старый бородатый, принеси ми меду,
Тожь я свою головоньку еще разъ подведу!»
Пôшовъ старый бородатый меду куповати,
А молодый паробочокъ выхопився зъ хаты.
Пришовъ старый бородатый, та й руками трепле:
«А хто ту бывъ, Марысенько, еще мѣсто тепле?» —
«Мовчи, старый бородатый, не вчися брехати:
Кедь есь видѣвъ туй да кого, было го имати!»

(Изъ Бережскаго Уѣзда.)

97.

(I, 79.).

Эй, пôшовъ Симуненькô у поле орати:
«Не е моей Катарины мене поганяти.
«Орьте, орьте, штыри волы зо старѣнькимъ дѣдцомъ,
Не е моей Катарины зъ раненькымъ обѣдцомъ!»
Пріорався Симуненько ку широкой мечи:
«Не е моей Катарины великы обедчи!»

Пріорався Симуненько къ широкому полю,
И отсиливъ штыри волы, и заявъ до дому;
И увойшовъ Симуненько до новой свѣтлицы—
А ни сукенъ, а ни грошей, а ни заступницы.
И увойшовъ Симуненько изъ сѣній до хаты:
«Дѣти мои дрôбненькіи, та де жь ваша мати?» —
«Пôшла, татцу, мати у гай по телята,
Лемъ она намъ наказала, же мы сиротята.»
Ударився Симуненько по брюсѣ ручками:
«Дѣти жь мои дрôбненькіи, што жь я пôчну съ вами?» —
«Эй цытъ, татцу, татцу, нами не журися,
Приде осѐнь, приде лѣто, татцу оженися,
Возми за ся бѣле дѣвча, якъ бѣленьке гуся,
Тобѣ буде шувна жена, а намъ не матуся.»

(Оттуда же.)

98.

Пасло дѣвча волы
По подъ чарне горы,
Дробне шитья шило,
Волкы потратило;
Волкы потратило,
Само заблудило
До темного леса,
До глубокой долины;
Прилетѣвъ ку нему
Орябичокъ птачокъ:
«Орябичку птачку,
Препекны пѐрка машь
Ты высоко лѣташь!
Орябичку птачку,
Ты высоко лѣташь,
Ты высоко лѣташь,
Ты далеко видашь:
Цы не видѣвъ ты тамь

Мои штыри волы,
Мои штыри волы,
Лемъ яко соколы?
Мои штыри волы,
Лемъ яко соколы,
А на нихъ дзвоночкы,
Яко оргоночкы?»
«Видѣвъ я ихъ, видѣвъ,
На высокой горе,
На высокой горе
Отецъ съ нима оре,
А такъ горько плаче:
«Эй Боже мой, Боже!
Нѣтъ моей дѣвочкы
Поганяцъ волочкы!
Твоя стара мати
За кроснами сидитъ,
За кроснами сидитъ,
Полотенце робитъ,
А такъ горько плаче:
«Нѣтъ моей дѣвочкы,
Нѣтъ моей дѣвочкы
Шпуляти цивочкы!»

99.

Иде вôвчарь зъ полонинкы
Въ широкôмъ ременѣ,
Несе мéнѣ подарунокъ,
Мало сыра въ жменѣ.

* * *

Укушу я двичѝ сыра,
Сырецъ солодейкый!
Якъ вôвчаря не любити?
Вôвчарь молодейкый.

Якъ вôвчаря не любити?
У вôвчаря вôвцѝ,
У вôвчаря у ремени
Самѝ сорокôвцѝ!»

100.

(Зап. Геогр. Общ. I, 685.)

Якъ вôвчаря не любити,
Кой въ вôвчаря вôвцѝ,
Черный ремень выбиванный,
Самѝ сорокôвцѝ!

* *
*

Мамко моя старенькая,
Што емь учинила!
Полюбила 'мь вôвчарика
За грудочку сыра.

* *
*

Ой я вкушу разокъ сыра,
Сырецъ солоденькій!
Позираю на вôвчаря, —
Вôвчаръ молоденькій!

101.

А де идешь, пане брате?
Ци на косовицю?
На кого ты зоставляешь
Свою молодицю?

«Дозирай ми молодицѣ,
Дозирай ми жêнкы!
Якъ ся верну зъ косовицѣ,
Куплю ти горѣвкы.

* *
*

Дозирай ми молодицю,
Бы ся не бояла!
Якъ ся верну зъ косовицѣ
Твоя буде слава.»

102.

Панъ Богъ бы ти дѣвку давъ,
Панъ Богъ бы тя побивъ!
Мêнѣ мамка волкы дала,
А ты тото пропивъ!

* *
*

Мêнѣ мамка волкы дала
Съ жовтыми рогами,
А ты тото все прогулявъ
Съ чужими жонами.

* *
*

Єднôй 'сь купивъ чоботятка,
А другôй катранець,
Туды пошли мои волкы,
Чорту на ладанець!

103.

Ой заяла файна рыбка
Сивй кайлинята
У зелену полонину,
Тамъ отава мнята.

* * *

Ой заяла файна рыбка
Сивй волкы пасти,
А я за невъ, молодейкый,
Огника накласти.

* * *

Я огника та й наклавъ:
«Пойдь ся, рыбко, грѣти!»—
«Мене, любцю, кровця грѣе,
Бо не рожу дѣти.»

104.

«Прійди, прійди, соколику,
Де нова вболона!
Пôшовъ газда въ олѣйницю,
Не е ёго дома.»

* * *

Олѣйниця та не била,
Бо ся посукала,
Прійшовъ овôнъ до домочку
Звѣдать, де му жона.

Комôрниця неборачка
Знала якъ, казати:
«Пôшла твоя, каже, жона
Коровкы вязати.»

* *
*

Пôшовъ овôнъ до стаенки,
Жêнка кравкы доитъ,
А Иванко молодейкый
Телятойка поитъ.

* *
*

«Ци ты тото, каже, Йване,
Чесный чоловѣче,
Чого моя, каже, жêнка
До стаенкы втêче?

105.

Закукала зозулейка
У гаю, у гаю:
«Прійди, прійди, мôй миленькій,
Бо я умираю!

* *
*

Мене мамка годовала,
Въ папêръ обвивала,
За богача 'ня строила,
А за драба дала.

* *
*

За пана ей обѣцяла,
За жебрака дала,
Штыри волы обѣцала,
Єдно паця дала.»—

«А на чемъ ся, единице,
На чёмъ ся потѣшишь?
Жебракъ умре, паця сдохне,
А ты ся повѣсишь.»

106.

(Зап. Русск. Географ. Общ. 1867, I, 690.)

Лавуть 'ня, біють 'ня,
Черезъ побратима,
Я ся лаву, проклинаву,
Ожь емь ничь не винна.

* *
*

Я ся лаву, проклинаву,
Утратила 'мь душу,
Черезъ тебе, мôй миленькый,
Погинути мушу.

107.

Ой пôду я въ полонинку,
А що ся въ пей дѣе?
Калинка ся розвивае,
Листокъ зеленѣе.

* *
*

У зеленôй полонинцѣ,
Въ зеленѣ, въ зеленѣ,
Стоитъ стадо бѣлейкое,
Вôвцѝ не доенѝ.

Ой пôду я въ полонинку
Вôвцѣ зимовати;
Ци не будешь, файна рыбко,
За мновъ бановати?

* *
*

Ой пôду я въ полонинку,
Та въ зелену пущу;
Тамъ я себе зарубаю,
Ни кого не пущу.

(Оттуда же.)

108.

Пôшло мое соколятко,
Та вже не вернеся,
Ой бо мое та й серденько
За нимъ роспукнеся!

* *
*

Пôшло мое соколятко
Та долу лугами;
Лишило мня, молодейку,
Межи ворогами!

* *
*

«Ой выйди ты, молодейкый,
Изъ шумôвъ, изъ лугôвъ,
Возьми мене такъ сумную
Изъ межи ворогôвъ!

(Оттуда же.)

109.

Болитъ моя головиця,
И серденько ные,
Ай бо за тымъ соколикомъ,
Що въ Верецькомъ жіе.

* * *

Єдно мы ся плече мече,
А друге не хоче;
Солодко ме соколятко
Любити не хоче.

* * *

Ой Иванку, поздубанку,
А я была пышна,
Де были ми мои очи,
Коли 'мь за тя ишла?

* * *

Чорни очи по обочѣ,
Сивѝ по долинѣ;
Не е мого миленького
Зъ задъ той верховинѝ!

110.

(Зап. Русск. Геогр. Общ. 1867, I, 683).

У зеленой полонинѣ
Сова воду пила:
Ци чули 'сьте, добрѝ люде,
Жона газду била?

Прійшли они передъ панôвъ,
Обы ихъ судити;
Паны имъ такъ осудили,
Бы жону впросити.

* *
*

«Унеси ты, жоно моя,
Єдну ицъю пива;
Обы ты ся не гнѣвала
Що 'сь мене набала!»

111.

Ой играйте, хлопцѝ, играйте,
Берѣть рукавицѝ,
Стоять жоны якъ коровы,
Дѣвкы якъ телицѝ.

* *
*

Ой играйте, хлопцѝ, играйте,
Берѣть въ ручки бучки,
Не дайтеся поимати,
Бировови въ ручки!

* *
*

Одъ бирова утѣкайте,
Боженика бійте,
Громадского чоловѣка
Паленку не пійте!

112.

Гей, хто хоче воды пити,
Схилися въ кирницю!
Кого хоче бѣда найти,
Бери единицю!

* * *

Єдиниця неборачка
Не хоче робити,
Гардо ѣсти, гардо пити,
Парадно ходити.

* * *

Ой у саду вербу сажу,
Въ городѣ росаду:
Ой у танку на передѣ,
На роботѣ съ заду.

* * *

Обѣцяла молодиця
Паленки купити,
Лемъ обы ей на роботѣ
Съ заду не лишити.

113.

(Ср. I, 56.)

Прійшовъ любцё до милои:
«Добрый день, добрый день!»—
Она ему вітповѣла:
«Убій жёнку, убій!»—

«Якъ я маю, молодейкый,
Жêнечку убити,
Кедь жêночка якъ ластôчка
Буде ся просити.»—

* * *

Не позирай, соколику,
На еи прôсбицю:
Запни косу у лавицю,
Утни головицю!—

* * *

Знала 'сь мене порадити
Якъ жону убити,
Та знай мене порадити,
Де еи подѣти:»—

* * *

Позамыкай сѣни, хыжу,
Та наклади огень,
Та понеси въ чисто поле,
Якъ буде бѣлый день!»—

* * *

«Яли тото, яли тото,
Люде дознавати,
Яли его у желѣзнôмъ
Путѣ выправляти.

114.

(I., 130.)

«Эй, вôвчарю, синетарю,
Покинь вôвцû пасти!»—
Не покину, бо погину,
Не вчивъ емь ся красти.

* * *

Эй укравъ эмь два баранки,
А третю ягницю,
А вже менѣ сбудовали
Въ Сиготѣ темницю.

* * *

Эй бо тота ягниченька
Попова, Попова;
Бо вже мênѣ темниченька
Въ Сиготѣ готова.»—

* * *

«Эй, вôвчарю, синетарю,
Ссучи ми волоки!
Будеме ся любовати
За чотыри роки.

* * *

Эй ссучи ихъ, эй ссучи ихъ,
Лемъ обы тоненьки,
Будеме ся туловати
Хоть êсьме маленькû.

Эй ссучи ми, эй ссучи ми,
Обы ся не рвали!
Будеме ся туловати,
Вбы люде не знали.»

115.

Ой лука, лука, лука зелена,
Посла дѣвчина по нѣй елена.

Не бывъ то елень, была то пава:
«Чекай, дѣвчино, рочокъ, либо два!»—

«Я бымъ чекала рочокъ, пôвъ друга,
Ты бы ся вженивъ, ганьба бы была.

Ганьба бы была моему личку,
Же 'мь ся зостала старовъ дѣвочковъ.

Ганьба бы была моей родинѣ,
Же 'мь ся зостала у ледачинѣ.»

Якій то великій тотъ камêнь млынскій,
Якій то тяжкôй той ставъ малженскій.

Тотъ камêнь млынскій можно вбернути,
А ставъ малженскій не можь кинути.

Тотъ камêнь млынскій можно крутити,
А ставъ малженскій не можь лишити.

Ой якъ я умру, лежати буду,
Дамъ собѣ зробити изъ срêбра труну,

Изъ сребра труну, изъ злата вѣнецъ,
Обы люде знали, же я младêнецъ.

116.

(Т. I, 315.)

Ище кури не пѣли,
Люде кажутъ, день бѣлый:
«Выйди, выйди, молода дѣвчино,
Поговори со мною!» —

* *
*

Почекай ты годину,
Почекай ты другую,
Няй я своей старôй мамцѣ
Вечеряти зготую!» —

* *
*

«Добрê тобѣ гудити
По свѣтлицѣ ходити,
Бѣда менѣ, молодому,
На морозѣ стояти.

* *
*

На морозѣ стояти,
Коновъ съ медомъ держати,
Метêль мете, очка замêтае,
Коновъ съ медомъ до рукъ примерзае.» —

* *
*

«А хто тебе напросивъ,
Вбы ты менѣ медъ носивъ?
Є у мене медокъ солодейкій,
Є у мене иншій молодейкій.» —

* *
*

«Поглянь, Боже, съ тои высокости,
Пожаль, Боже, моей молодости;
Роспусть, Боже, тоту синю хмару,
Розлучь, Боже, фальшивую пару!»

117.

Ужь журавли отлетѣли:
Де ся мои лѣта дѣли!
Лѣта мои молоденьки,
Минулися помаленьку!
Плачутъ мои чорны очи,
Якъ и во дни, такъ и въ ночи,
Плачутъ они не маленько,
Бо имъ жити барзъ тяженько.
О Боже мôй милостивый,
Якъ я дуже несчасливый!
Волѣвъ емь ся не родити,
По сей землѣ не бродити!
Прикрый мене, земле черна,
Бо ты мене ужь не годна
На семъ свѣтѣ потѣшити
И животъ мой обновити!

118.

(Т. I, 225.)

Ой на горѣ сѣнета:
Пасе дѣвча ягнята,
Копле дѣвка корêнья·
Съ пôдъ бѣлого камêнья.
Ище корêнь не скыпѣвъ,
А вже любцё пришпытѣвъ,
Та сѣвъ собѣ на грушу,
На май вышню голузу;
Голуза ся схылила,
Милейка ся вклонила.

(Записана въ Мукачевськомъ Уѣздѣ.)

119.

(Зап. Русск. Геогр. Общ. 1867, I, 687)

Ой на горѣ синета:
Пасло дѣвча ягнята,
Накопало корêнья
Съ пôдъ бѣлого камêнья.
Ище корêнь не скыпѣвъ,
Уже милый пригримѣвъ:
«Ой што тебе принесло,
Ци кочія, ци весло?» —
«Принюсъ мене сивый кунь,
Бо я теперь, душко, твуй.»

120.

«Качмаръ, качмаръ, бѣлый качмаръ!
Эй, де ты то жйтко посьявъ?» —
«Эй, посьявъ я го по пôдъ слйвкы.
Эй, выжалй го шувны дѣвкы.
Посьявъ я го по пôдъ мосты,
Эй, выжалй го двѣ невесты.
Эй, якъ в'ны го дожйналй,
Эй, шувнѣ собѣ заспѣвалй:
«Жито, жито, озимина!
Эй не буду я материна;
Эй лемъ буду Янйчкова,
Бо Яничокъ душа моя.»
Горе, доловъ, Кошицамй,
Эй, иде Янчй малёваный,
Эй, иде, иде, писка себе,
Эй, Капраль за нимъ коня веде:
«Цытъ ты, Янчй, не смутйся,
Подь до карчмы, напíймеся!
Галву вйна, жиделъ пйва,
Заплатитъ то вшйтко мйла.»

Чорна гора родитъ поперъ,
Эй, повѣжь, дѣвча, чія 'сь теперь?» —
«Эй, я теперь сама своя,
Придь на вечаръ, буду твоя!»
Бѣла гора папе́рёва,
Шувна Ганча Ри̂хтарова,
Шувна, шувна, бо єсть бѣла,
Бо ся за нёвъ Янчи̂къ сби̂ра.
«А ты, Янчи̂къ, зъ тамтой страны,
Подь подвигнуть зайду травы!» —
«Якъ я пойду зайду двигацъ,
Будешь ты мацъ цо повивацъ!» —
«Не боюся повиваня,
Лемъ ся бою колысаня;
Бо я въ ночи твердо заспимъ,
А за дзецко не помышлимъ.»

121.

Сидитъ врабель на косцеле, яко младенецъ,
Прилетѣла къ нему врана, дала му венецъ
«А ты врано, чорна́ врано, чорны ноги машь.» —
«А ты, врабель, тлустый врабель, ночь на карты грашь?» —
«Хоцъ бымъ преградъ двадцетъ, трицетъ, такъ ти̂ то мало,
Твоя глава нечасана шитцемъ недзелю.» —
«Якъ я пойдземъ до вароша, купимъ си гребенъ,
Будземъ я ю почесовацъ кажды Божій денъ.»

122.

(Т. I, 54.)

Съ тамтой страны яблони̂
Пріѣхалъ Яшо на конѣ,
А Кася на нь волала,
На ручкахъ дѣтя три̂мала:

«Касю, Касю, Касенько,
Вруцъ до воды дѣтйнку!»
Якъ она вруцйла,
За главу ся вхопйла.
Стоялъ млынарь при водзе,
Злапалъ дѣтятко на водзе:
«Дайте дзвонаромъ, дайте знацъ,
Хтора паненка его мацъ!
Дайте дзвонаромъ посполу,
Вшиткы дзевечкы до столу!» —
Кожда дѣвочка у вѣнкахъ,
Вôтова Кася въ гайданкахъ.
Взяли Касю за ручку,
Та ей вывели на лучку:
«Не вѣшайте мя на дубѣ,
Бо мя розъедза голуби;
Лемъ ме завесце надъ водовь,
Тамъ ме гавраны не найду;
Тамъ буде милый воду брацъ,
Та онъ ме буде жаловацъ.

(Записана имъ же въ той же мѣстности.)

123.

Пониже млина густа вербина,
Треба бы ей вырубацъ:
Сподобало ми ся у сусѣды дѣвча,
Але ми ю не хцутъ дацъ.

* * *

Ужь емь стратилъ волы,
Што орали двойми,
И такъ ми ю не хцутъ дацъ.

Ужь емь стратилъ кони,
Што бранили полё,
И такъ ми ю не хцутъ дацъ

* * *

Ужь емь стратилъ талйгъ,
Добре 'мь не ошалѣвъ,
И такъ ми ю не хцутъ дацъ.

* * *

Ужь емь стратилъ вшитко,
И румяне личко,
И такъ ми ю не хцутъ дацъ.

* * *

А што ся выстало,
Дѣвча ся преспало,
Теразъ ми ю даваютъ.

* * *

А я имъ го не хцемъ,
Обрацимся, где хцемъ,
Няй собѣ го тримаютъ!

124.

А на горе липка зеленый вершокъ ма,
А подъ нёвъ Ганйчка зъ Янйчкомъ карты гра;
Якъ они ся гралй, якъ они ся гралй,
Зъ великого граня далй ся до спаня.
Прилетѣвъ сивый птахъ, сяднувъ на ей личко,
Такъ краснѣ заспѣвавъ: «Встань горе, Ганйчко!
Встань горе, встань горе, ужь есь ся выспала,
Твой зеленый вѣнóкъ быстра вода взяла!» —
«Кедъ она го взяла, няй она го несе,
Загатитъ съ нимъ воду при дунаю въ лесе!»

125.

Сьяло просо, але босо, не далеко ѳары,
Пришелъ ґу ней оргониста и самъ Плебанъ старый:
«А ты дѣвча, дѣвчаточко, подь ты до 'ня служицъ,
Не будешь ты тяжко робицъ, лемъ кочйша любицъ.» —
«Эй, мала бы я любовацъ кôчйша вашего,
Волѣла бы я любовацъ Плебана самего.» —
«А ты дѣвча, дѣвчаточко, не лакомься на 'ня,
Татъ я духовна особа, не пойдешь ты за 'ня.»

126.

Тотъ паробокъ Моравчанъ
Не мать жены, лемъ есть самъ.
На чьто му есть, на чьто,
Молода жена,
Кедь вôнъ мать съ собою
Дость траплѣнья?

* * *

Женѣ треба корыто,
И решето, и сито.
На чьто му есть, на чьто,
Молода жена,
Кедь вôнъ мать съ собою
Дость траплѣнья?

* * *

Женѣ треба чоботкы,
На сй бѣлы ноженькы:
На чьто му есть, на чьто,
Молода жена,
Кедь вôнъ мать съ собою
Дость траплѣнья?

Женѣ треба хустечку,
На ей бѣлу шіечку.
На чьто му е́сть, на чьто,
Молода жена,
Кедь вôнъ мать съ собою
Дость траплѣнья?

127.

Лѣтать голубь по улици гуркаючи, гуркаючи,
Свою милу, премилену, гледаючи, гледаючи. 2
Полетѣла голубйця по крайнѣ, по крайнѣ,
Потратила сиве пêрья по долинѣ, по долинѣ. 2
«Помозъ, Боже, сиве пêрья позбирати, позбирати,
Якъ то буде зъ моёвъ миловъ привыкати! 2.
«Ахъ цй ты спишь, цй ты не спишь, 2
Чомъ со мною, молодою, не говоришь?» — 2
«Якъ же я мавъ съ тобою говорити, 2
Лежитъ корбачь при ручéнцѣ, буде бити? 2
Отшмарь корбачь, мила моя, за сусѣчокъ, 2
Сама выйди голубкою на облачокъ!» 2

128.

Кошуле̃ тоненька!
Шила тя миленька,
Подъ бучкомъ, подъ грабомъ,
Зеленымъ гадвабомъ.

* *
*

Уже бучка стяли,
Спаднулъ до поточка,
Ужь ми ся справила
До милой лавочка.

Зъ Кошицкой касарни
Хлопцы позирають,
Цы ся по пôдъ горы
Бучкы розвиваютъ.

* *
*

Шê ся не розвила,
Лемъ една липочка,
Што ей посадила
Моя фраирочка.

* *
*

На Кошицкой церкви
Червена туренка,
Покопали коней
Бѣлого Иванка.

* *
*

Якъ го покопали,
Дуже форый лежитъ,
Єго премилена
За докторомъ бѣжитъ.

129.

Не буду ся женити той осени,
Буду ся женити въ Таліянской земли;
Возму собѣ отъ Француза жену,
Буду служить десять годовъ за ню.

* *
*

Не буду ся женити той осени,
Бо я ся оженю въ Таліянской землѣ;
Стану служить до Галибардого,
Возму собѣ Фрайцимêрку єго.

130.

Эй, шкода, Боже, Шари̂ша, Шари̂ша,
Же го подмыла Тори̂са, Тори̂са!
Эй, шкода, Боже, фарара, фарара,
Же себе не триматъ кухара, кухара!
Але себе триматъ кухарку, кухарку,
Шиткымъ Плебанôмъ фраирку, фраирку!

131.

Газда же я, газда,
Ужь емь догаздовалъ,
Шено сомъ попредалъ,
Конёмъ сламу давамъ!

* * *

Пришло на Вельки Постъ,
Вытягъ коня за хвостъ,
Корову за роги,
Стару мацъ за ноги.

132.

Не пуйдемъ за варгу,
Заваруй 'ня, Боже!
Пуйдемъ за млынаря,
Допомозъ ми̂, Боже!

* * *

Бо варга завола
Зъ тей высокей гуры:
«Намочь тамъ, дѣвчатко,
До Дуная шкуры!

А млынарь завола
Зъ тей новей млыници̂:
«Насыпь тамъ, дѣвчатко,
До грота пшеници̂!»—

* *
*

«За яречкомъ кони̂:
Хто ми̂ пуйде по ни̂?
Пуйде по ни̂ мила,
Зъ чарныма очима!»—

* *
*

«Чарны я очка мамъ,
Бѣлы я личка мамъ,
Фалечный то шугай,
Цо му ихъ бочкацъ дамъ?»

183.

Орала баба заграду,
Пришелъ панъ на пораду:
«Бабо, бабо, дай рады тамъ,
Якъ я тоту панну здрадзицъ мамъ?» —

* *
*

«Облечь ты шаты панянскы,
А черевики камужелскы,
Прохажай ты ся по рынечку,
Ажь до самого вечеречку!»—

* *
*

«Коваль, коваль, ковалёчку,
Преночуй мя тоту ночку!»—
«Якъ я тя мамъ преночовацъ,
Ты подорожня, я тя не знамъ!» —

«А я пани зъ Воршавы,
Йду на ярмаркъ до Прагы.»
«А ты, дѣвко, идь ложе слаць,
Бо ты пôдешь съ панёвъ спаць.»

* *
*

«Анню, Анно, Аничко,
Не бачить ми ся паничка.»—
«Де бы ти ся бачила,
Кедь ты ей нигда не видѣла?»—

* *
*

Не выстало пôвночи,
Кричить дѣвка одночи:
«Тихо, дѣвко, не кричи,
Бо твôй панъ отецъ въ свѣтлицѣ!»—

* *
*

Рано, рано, раненько,
Коли сходить слоненко,
Ходить дѣвка по луце,
Носить дѣтя на руце:

* *
*

«Люляй, люляй, сыну мой,
Велькы зводитель отецъ твой.

(Конца недостаетъ.)

134.

До костела пôшовъ,
Тамъ миленку найшовъ,
Боршаномъ прикрыта,
Свѣчками обита.

До кишени штергнувъ,
Острый ножъ вытягнувъ,
До шерца ударивъ:
«Терпи, шерцо, терпи!..

* *
*

Воли шерцо терпицъ строму ножови,
Мало оно терпицъ вулькему жалёви.
Єдно поховали повыше костела,
Друге поховали пониже костела.

* *
*

На еднôмъ выросла ружа и шалвія,
На другôмъ выросла дробна розмарія;
А тоты квѣтки въ едно ся зростали,
Жебы люде знали, же ся любовали.

(Всѣ отъ 125 запис. Дьякомъ Вас. Сухимъ въ Краснобродѣ Шарыскаго Уѣзда.)

135.

Въ жалобине при млыне,
Лежитъ Янчи въ вербине,
Лежитъ Янчи забитый,
А зъ вербину прикрытый.
«Ганчо, Ганчо! Ратуй ме!
Гледай желье коле мне.»—
«Якъ я це ратовацъ мамъ,
Шакъ я ту желье не мамъ.»—
«Подь, Ганичко, изъ гаю,
Ужь Янйчка ховаю.
Хто же за нимъ нарѣкатъ?
Отецъ, мати, фраирка;
Отецъ, мати сердечне,
А фраирка фалечне.
Утлачена долина
До Шандала, до млына;

Утлачили двораци,
Ку Ганйчци ходячи;
Утлачилъ ей младый панъ,
Ку Ганйчци ходилъ самъ.

(Изъ Шаришскаго Уѣзда, записана въ селѣ Чабѣ.)

136.

(Зап. Русск. Геогр. Общ. I, 1867, I, 678.)

«Смотри, дѣвко, смотри,
На суху тополю,
Коли ся розовье,
Тогда я тя возьму.»—

* *
*

«Бо я вже смотрѣла
И вчора и днеська,
Щё ся не розвила
Жадна голузочка.» —

* *
*

«Цы ты, дѣвко, дурна,
Цы ты ушалена?
Суха бо тополя
Не буде зелена!

* *
*

Смотри, дѣвко, смотри,
За кого машь ити,
Обысь не плакала,
Якъ тя буде бити!»

137.

(Зап. Русск. Геогр. Общ. 1867, I, 672.)

Изъ Середы на Четверь,
Памятую якъ теперь,
Же молды Козаки
Вовели мя въ бодаки.

* *
*

«Вы, молоды Козаки,
Я васъ не боюся,
Не ведѣть мя въ бодаки,
Бо тамъ поколюся!

* *
*

Ведѣть мене въ лободу,
Лобода холодна,
Постелѣть мнѣ жупану,
Бо я того годна!»

138.

(П, стр. 367.)

На бережоньку стояла, стояла,
Бѣлыи ноженьки мыяла, мыяла, мыяла:
«Эй, мои ноженькы бѣлои, бѣлои,
Кому жь вы будете милои, милои?
Эй, коли старому, хрань Боже, хрань Боже!
Коли молодому, дай Боже, дай Боже!»
А на горѣ зѣлья ядловецъ, ядловецъ:
Лѣпшій есть младенецъ, якъ вдовецъ, якъ вдовецъ;
Бо вдовецъ буде вымавлявъ, вымавлявъ,
Же першу жену крайшу мавъ, крайшу мавъ;
А дѣти будутъ плакати, плакати,

Бодай о мичосѣ не знати, не знати!
А у нашой заградойки бѣлый квѣтъ, бѣлый квѣтъ:
«Вандруй, вандруй, дѣвчинонько, зъ нами въ свѣтъ!
Але коли мы выйдеме на гору, на гору,
Тамъ я тобѣ вшитку правду зговорю, зговорю.»

139.

Руской была 'мь и буду, Руска моя мати,
За Руского молодца хочетъ мя отдати.
Чужей матери сыновъ я не потупляю,
Но къ Руской моей крови большу любовь чую;
Всегда, вездѣ, по Руски я буду спѣвати,
А всѣхъ Рускихъ молодцовъ буду чаровати.
Очарую каждого Рускима словами,
А всѣхъ серца наполню Рускими чувствами.
Всѣхъ Руской мамы сыновъ серца очарую,
Дабы ся любили, якъ я ихъ любую.
Пока духъ во мнѣ живетъ, буду ворожити,
Должны Руски молодцы Русчизну любити.
Старый Бескидъ, нашъ дѣдо, онъ мнѣ поворожитъ,
Онъ чародѣйный огень до серца положитъ;
Будутъ серца любящи любовью горѣти,
При томъ огнѣ небесномъ мы будемъ ся грѣти.
При томъ сердечномъ огнѣ пѣснь будеме пѣти,
Всѣ въ соединеньи другъ друга любити.
Русска мене родила мати моя мила,
Отъ мамы розлучитъ гробъ и могила.

140.

Повѣдаютъ люде,
Же діета буде,
Я на выволянку
Заспѣвамъ спѣванку.

Найяснѣйшій Краль нашъ
Рачилъ дозволйтй,
Жебы всѣ народы
Зышлйся радйтй

* *
*

Угерска краина,
Мила наша матй,
Съ народамй буде
Пораду трймати.

* *
*

Матй хоче съ дѣтмй
Мудро погварити,
На діету клйче
Свои милы дѣтй.

* *
*

Въ Пештѣ при Дунаю
Буде славна рада,
Тамъ ся зыйде честна
Краинска громада.

* *
*

Тамъ вшиткы народы
Будутъ раду матй,
Намъ конечно треба
Русску посылатй.

* *
*

Кебы на діетѣ
Безъ насъ ся радилй,
О Русскомъ народѣ
Може бы забыли.

Мы вшиткы до Пешту
Не можеме ити,
Намъ Русскыхъ заступцовъ
Треба выволитй.

141.

Пробудилися народы,
О житью думаютъ,
Духа народной слебоды
Сердечно витаютъ.

* *
*

Кипитъ, бульчитъ кровь народна
Въ нашемъ Русскомъ родѣ,
Кожда душа благородна
Тѣшится слебодѣ.

* *
*

Пробудився сынъ Бескидôвъ,
Зачавъ розмышляти,
Надъ гробами своихъ дѣдôвъ
Горенько вздыхати.

* *
*

Невидима Божа сила
Его посилняе,
Въ его душѣ Божу искру
Господь розъяряе.

* *
*

Житья намъ далъ Богъ створитель,
Неба, земли, творецъ,
Хранитъ насъ Богъ Вседержитель,
Нашъ небесный Отецъ.

Подастъ помочь, крѣпость, силу,
Русскому народу,
Допоможе выдобити
Народну слебоду.

142.

Добрянскій радъ видить
Худобну черняву,
Подьме, братья, люде,
Подъ его заставу.

* *
*

Тримаймеся, люде,
Розуму нашого,
А выберме собѣ
Пана Добрянского.

* *
*

Добрянскій добрый панъ,
Допоможь му, Боже,
Бѣдный людъ боронить
Якъ найлѣпше може.

* *
*

Не отрцаймеся
Охранцы нашого,
Тримаймеся вшиткы
Пана Добрянского.

* *
*

Допоможь намъ, Боже,
Поможь, Духу Святый,
Пана Добрянского
Въ Зборовѣ выбрати!

143.

Вера, Боже, не плебана -
Але барзъ доброго Пана,
Добрянского выбереме
А на діету пошлеме.

* *
*

Добрянскій бѣдный людъ хранйтъ,
Подлый чловѣкъ, хто го ганйтъ,
Плеткй слухацъ не будеме,
Добрянского выбереме.

* *
*

Выбереме Добрянского
За аблегата нашого,
Бо онъ мудрый, справедлйвый,
Добрѣ сталъ и одважлйвый.

* *
*

Выбере го Маковйца,
Наша цѣла околйца
Жада себе Добрянского,
Нягай Панъ Богъ жйвй его!

* *
*

Найяснѣйшій Краль нашъ
Дозволйцъ рачйлй,
Жебы ся народы
Разомъ порадйлй.

* *
*

Угерска крайна,
Матка наша мйла,
Же буде діета,
Ужь намъ ознаймйла.

Мы до Пешту
Пойти не можеме,
Але мѣсто себе
Заступцохъ пошлеме.

* *
*

О такомъ чловѣку
Треба роздумовацъ,
Штобы хтѣвъ а моголъ
Бѣдныхъ заступовацъ.

* *
*

Заступникохъ воля
Словенскы сынове,
Кого выволйме
У нашемъ Сиксове?

* *
*

Мы разъ выволили,
Пана Годожого,
Вѣрного охранцу
Народа бѣдного.

* *
*

Няй жіе Годожій,
Панъ нашъ справедливый!
Заступцу нашого
Нягай Панъ Богъ живи!

ДУМЫ

е) нравственно-поучительныя и религіозныя.

1.

Лазарь.

(Ср. II, 737.)

Єдинъ человѣкъ богатый бувавъ,
Который роскошне ѣдавъ та й пивавъ,
Въ дорогихъ шатахъ по дворъ ходжувавъ,
Про милости пана Бога николи не знавъ,
На святые церквы ничого не накладавъ,
Службы божественны, акафисты, парастасы, николи не наймавъ.
А отцêвъ духовныхъ въ домъ свой николи не пріймавъ,
Нищихъ, убогихъ, николи не обдѣлявъ,
А брата Лазаря за брата не мавъ.
Ой лежавъ святый Лазарь въ смердящôмъ гною,
Передъ богачевыми воротьми его,
А выйшовъ сильный богачь передъ свои ворота,
За нимъ слугъ красна, препышна рота.
Скоро бо святый Лазарь богача узрѣвъ,
Та й заразъ до него гласомъ возопѣвъ,
Эй гласомъ заволавъ, братомъ называвъ:
«Брате мой, брате, сильный богачу!
Дай же менѣ хлѣба, соли, третои воды,
Ой третои воды для охолоды,
Заплатитъ ти Господь зъ неба, зъ высокости.»—
«Ой не треба менѣ зъ неба заплаты,
Маю я стожки та оборожки,
Червоны золоти, дробныи пѣнёжки:

Де ся менѣ трафитъ смерть, то откуплюся,
А не откуплюся, то одобьюся,
До царства небеснаго самъ доберуся,
Господеви найвысшому не помолюся,
А всѣмъ святымъ его не покорюся.
Ты бо лежишь въ смердячѐмъ гною,
Ты бо то смердишь, якъ гнилый песъ,
Ще ся моимъ братомъ называешь;
Ой не е ты мой братъ, тôлько песôвъ братъ!»
А плюнувъ сильный богачь, и самъ пошôвъ паечъ,
И казавъ за собою ворота замкнути,
И гнилымъ колодьемъ позакидати.
Препышна челядь тое вчинила,
Передъ святымъ Лазаремъ врата замкнула,
И гнилымъ колодьемъ позакидовала,
А бы Лазарева гласу у дворъ не чути.
А не було у богача побожнои души,
Жебы ся надъ Лазаремъ була змиловала,
Жебы хлѣба и соли у гной подала;
Тôлько було у богача три лютыи псы,
Которы завжды по пôдъ стôлъ ходили,
Що дрôбны крôшки зазбировали,
Же богачеви зъ устôвъ спадали,
Тое жь бо тыи псы зазбировали,
И святому Лазареви у гной носили,
Тимъ же его душу и тѣло живили,
Крôвавы раны зализовали,
Що въ смердячѐмъ гною попрогнивали,
Полегкости его душѣ и тѣлу давали.
Ставъ же ся сильный богачь довѣдовати,
Казавъ всѣ собаки пречь вывѣшати;
Препышна челядь тое вчинила,
Взяла собаки, та й вывѣшала.
Ставъ ся святый Лазарь до Господа Бога молити,
Молитвы святые вѣрне творити:
«А выслухай, Господи Боже, молитвымеи,
Пріими мою душу и тѣло до хвалы своей!»
А выслухавъ Господь Богъ молитвы его,

Зôславъ два Ангелы по душу его:
Злетѣли два Ангелы барзо зтихенька,
А взяли Лазаря барзо злегенька,
Понесли его высоко въ гору,
Посадили Лазаря въ пресвѣтломъраю,
Въ святого Аврама на правôмъ лонѣ,
А Господь Богъ на правôмъ, въ моцы та хвалѣ.
За малу хвильку, часъ погодивши,
Взялася богача сильная тревога:
Одинъ повѣдае, же то тревога:
Богачъ повѣдае: «Всё то отъ Бога!»
Ставъ же сильный богачь Бога молити,
Молитвы святые вѣрне творити:
«А выслухай, Господи, молитву мою—
Прійми мою душу и тѣло, де Лазареву!»
А выслухавъ Господь молитвы его,
Зôславъ два пекельныхъ по душу его:
Ще бо пекельны двора не дôйшли,
А вже злото, срêбро прахомъ рознесли,
Пышную челядь порозганяли,
Сильного богача въ руки дôстали,
А вырвали зъ него душу желѣзнымъ гакомъ,
Желѣзнымъ гакомъ, а лѣвымъ бокомъ,
Пôднесли богача строго высоко,
А вкинули его въ пекло барзо глыбоко:
«Плавай, плавай, богачу! Маешь широко,
Поглядай на небо, якъ Богъ высоко!
Тамъ бо зобачишь святого Авраама,
А пôсля Авраама брата Лазаря.
Теперь, богачу, хочь откупляйся,
А не откупишься, то одбивайся,
До царства небесного самъ добирайся,
Господу Богу найвысшему не помолися,
А всѣмъ святымъ его не покорися!»—
«Жебы менѣ Богъ зволилъ на тамъ той свѣтъ,
А знавъ бы я вже, якъ пророкувати,
Де свое серебро и злото лѣвати,
На церквы святыи вже бы 'мь накладавъ,

Службы божественны, акафисты, парастасы завжды бы 'мь наймавъ,
А отцёвъ духовныхъ у свой домъ пріймавъ,
Нищихъ, убогихъ, завжды надѣлявъ,
Брата Лазаря за брата бы 'мь мавъ.
Ой се бо тамъ пророчества—Святое Письмо,
Оже то Письмо завжды бы 'мь читавъ,
И своихъ ученикôвъ та й научавъ,
Жебы ученики тое же памятали,
Бога навыйсшого за Бога мали!»
Скоро сильный богачь съ братомъ ся уздрѣвъ,
Та й заразъ до него гласомъ завопѣвъ,
Эй, гласомъ заволавъ, братомъ го назвавъ:
«Брате мой, брате мой, святый Лазарю,
Чи не мôгъ бы ты менѣ то вчинити,
Же я тебе буду вѣрне просити:
Свой мѣзельный палець въ море вмочити,
Мои смажущи уста та захолодити,
Той пекельный вогонь пригасити,
Мой спаленый языкъ закропити.»—
«Не моя то, брате, воля, но самого Бога,
Проси собѣ, брате, самого Господа Бога;
Жебы я, мой брате, всё море спустивъ,
Я бы пекельного огня не вгасивъ.»
А до него Авраамъ такъ пророкуе,
Зъ Письма Святого такъ отказуе:
«Пріймай, Лазаре, що тобѣ Богъ давъ;
А ты уживай, богачу, що 'сь си вготовавъ,
Ото тобѣ, богачу, за горды слова,
Же 'сь говоривъ тй слова насупротивъ Бога.»—
«Єдна насъ, брате, мати родила,
А пôдъ однымъ, брате, серцемъ носила,
И едну надъ нами кровь проливала,
Тôлько не едну намъ, брате, Богъ долю судивъ:
Тобѣ, брате, Богъ судивъ нище убожство,
Менѣ, брате, Богъ судивъ сильне богатство;
Ты, за твое убожество, въ преславномъ раю,
Я, за свое богатство, въ пекельномъ огню.

Лѣпше твое, брате, пендзне убожство.
Нёжь мое, пане брате, сильне богатство.
Аминь, аминь, аминь! Такъ намъ, Боже, дай,
А всѣмъ Христіянамъ пресвѣтлый рай,
А де всѣ святыи въ небѣ царствуютъ,
Преставленнымъ душамъ царство готуютъ.

(Золоч. У. въ с. Ратищахъ отъ слѣпца лирника Ѳомы Зеленюка изъ Лукавца.)

2.

О томъ же.

Ой единъ чоловѣкъ богатый бывавъ,
Который роскошь ѣдавъ, испивавъ,
Въ дорогомъ одѣяніи вôнъ рядно ходивъ,
Намилость у Бога ни чимъ не годивъ;
Вôнъ на святыи церквы не накладавъ,
Души своей царствія не готовавъ,
Брата своего Лазаря за брата не мавъ,
Да его при бѣдности вѣчной высылавъ,
А высылаючи лютымъ псомъ цковавъ.
Ой бувъ собѣ Лазарь нищій, убогій,
Нищій, убогій, хворый, недужій,
Лежавъ въ гноѣ предъ богачевыми вороты:
Выйшовъ богатый самъ за ворота,
За ни выбѣгла челядь сердопышна, горда;
Якъ скоро богатый съ Лазаремъ зрôвнявся,
Лазарь до него гласомъ отозвався:
«Гой же, мôй брате, сильный богачу!
Подай менѣ, брате, хлѣба та соли!
Господь тебѣ зъ неба, самъ онъ, наградитъ!»
Богачъ на тое ни мало не дбавъ,
Гордое слово брату отказавъ:
«Коли жь бо ты, Лазарю, въ гноѣ лежишь,
Коли жь бо ты, Лазарю, воняешь, смердишь,
Воняешь, смердишь, якъ той лютый песъ,

А еще ся моимъ братомъ рôднымъ зовешь.
Не называйся, Лазаре, ты братомъ моимъ,
Имѣю я братій, якъ единъ самъ:
Имѣю я стôжки, подворожки,
Червоныи золотыи, сребряны дорожки,
То я не боюся ни чимъ ни чого,
Коли менѣ що случится, я самъ отплачусь,
Отъ наглой смерти я самъ откуплюсь,
До царствія небесного приближуся,
А не приближуся, то прикуплюся,
А я Бога небесного во вѣкъ не боюся!»
Не боявся богачъ Бога, та все клопотився,
А плюнувши на Лазаря, назадъ воротився,
Велѣвъ за собою ворота замкнути,
Щобы вôдъ брата Лазаря и дыху не чути,
Щобы брата Лазаря и въ дворъ не пустити,
Щобы ему хлѣба, соли, та не сотворити.
Ни единъ тамъ чоловѣкъ милосердный не бувъ,
Щобы вôнъ Лазаря помиловавъ бувъ,
Щобъ нищему Лазарю хлѣба, соли, подавъ,
Тôлько Богъ нищу Лазарю черезъ милость давъ:
Були у богача два лютыи псы,
Которыи пôдъ столомъ хованы ходили,
Все дрôбныи крôхôтки высбировали,
Хворому Лазарю во гной носили,
Тѣмъ его душу и тѣло живили,
Раны его смертельныи солизовали.
Ставъ убогій Лазарь Богу ся молити,
Богу ся молити, молитвы творити,
Господа небесного милости просити;
«Господи Боже мой, Спасе милостивый!
Выслухай, Господи, молитвы моя,
Пріими мою душу съ тѣла до хвалы своея!»
Выслухавъ Господь Богъ молитвы его,
Ссылаетъ съ небесъ Святыхъ Ангеловъ
По Лазареву, по душу его,
Излинули Ангелы вельми зблизенька,
Взяли его душу зъ тѣла зтихенька,

Понесли Лазаря въ рай на небеса,
Посадили Лазаря въ пресвѣтлый рай,
У Господа небесного въ чести та хвалѣ,
У святого Авраама на правой лонѣ.
А въ другую хвилю, во злую годину,
Не дôшовъ богатый до своего двора,
Перестрѣла богача сильная хворота,
Сильна хворота, немилостивая,
Да за его справность, за гордыи слова,
Который отрекався брата Лазаря,
Не брата Лазаря, самого Христа
Выступили съ пекла демонiи злы,
Та по богачеву, по душу его:
Єще до богачевого двора ю дôшли,
А вже его сребро, злото, прахомъ рознесли,
А изъ богача душу бокомъ выдерли,
Лѣвымъ бокомъ, крещнымъ крижемъ вытягли,
Взяли богача пôдъ лѣвое ребро,
Строснули богача съ строю высоко,
Кинули богача въ пекло глыбоко:
«Скакай, богачу, въ пеклѣ широко!
Поглядай, богачу, въ гору высоко,
Въ гору высоко, а въ рай далеко!
Тамъ увидишь, богачу, Аврама въ раѣ,
Поблизко Аврама брата Лазаря.»
Скоро богачъ глянувъ, самъ пламень заздрѣвъ,
Тогда брата Лазаря огласомъ спросивъ:
«Гой же, мôй брате, Лазаре святый!
Єдинъ бо насъ отець, мати, родили,
Такъ не одну, брате, Богъ долю дѣливъ:
Тобѣ, брате, давъ Богъ нищее убожество,
Менѣ, брате, давъ Богъ сильное богатество;
Лучше тое, брате, нищее убожество,
Нêжь мое, брате, сильное богатество.
Ты, брате, спочиваешь въ пресвѣтлôмъ раѣ,
А я, брате, горюю въ пекельнôмъ огнѣ,
У старшого лукавого, у мукахъ его.
Чи не можно, брате мôй, тое вчинити,

Свôй мêзинный палець въ море вмочити,
Уста мои смажныи хоть закропити,
Языкъ мôй у роти охолодити,
Сей огонь пекельный хоть пригасити,
Старшого лукавого хоть засмутити?»—
«Радъ бы я, брате, тое вчинити,
Свôй мêзинный палець въ море вмочити,
Уста твои смажныи хоть закропити,
Языкъ твôй запекшій охолодити,
Такъ не моя, брате, воля, Бога самого:
Испроси жь ты, брате, Бога Святого,
Съ своими постами и съ молитвами Христовыми,
Съ молитвами Христовыми, съ моленьми его!»—
«Когда бъ надо мною Богъ ся умилосердивъ,
Когда бъ мене Господь на той свѣтъ пустивъ,
На той свѣтъ, на временный вѣкъ:
Имѣю я на тôмъ свѣтѣ зливыхъ пять братôвъ,
Зливыхъ пять братôвъ, сильныхъ богачêвъ,
Нехай же бъ я промежь ними хоть пророкувавъ,
Отъ Господа Бога пророчество извѣщавъ;
Уже бы я свое сребро, злото, на церквы дававъ,
Єже праздникъ и недѣля молебни наймавъ,
Тебе, брате Лазаре, всегда поминавъ,
И нищихъ, убогихъ, добромъ надѣлявъ,
Души своей царство вже бъ я вготовавъ.»
Ажь ему Святый Аврамъ такъ отповѣдавъ:
«Чему ты, богачу, давно такъ не дбавъ,
Когда ты на вольнôмъ свѣтѣ въ роскошѣ гулявъ?
Чему ты, богачу, тогда не откуплявся,
До царствія небесного не приближався?
Не потреба изъ неба братамъ пророкôвъ,
Мають браты пророчество—Святое Письмо:
Нехай они завсегда читають оно,
Нехай они Письмо Святое читають,
Своихъ дѣтей къ всему добру наставляють.
Которыи будуть доброе дѣлати,
Тамъ имъ будеть царство, где и Лазареви;
Которыи будуть злое начинати,

Тамъ имъ будетъ пекло, где и богачеви!
Уживай, богачу, що 'сь си зготовавъ,
Души своей пекла самъ наслѣдовавъ;
А ты, Святый Лазаре, що тебѣ Богъ давъ,
Що самъ Христосъ въ раю уготовавъ,
Где Святыи Ангелы у небѣ поютъ,
Преподобныхъ псаломъ Богу спѣваютъ,
И насъ, грѣшныхъ, къ собѣ пріймаютъ,
Отъ мукъ вѣчныхъ освобождаютъ,
До царствія небесного сопровождаютъ.
Аминь, аминь. Такъ намъ, Боже, дай!
Прійде Вѣра Христьянская во небесный рай.

(Отъ слѣпца лирника въ Терпопольскомъ Уѣздѣ.)

3.

Объ иконѣ Исуса Назарянскаго въ Милятинѣ Золочевскаго Уѣзда.

Въ славнôмъ мѣстѣ Милятинѣ,
Тамъ Исусъ Назарянскій,
Давъ ся бити, слуповати,
За міръ Христіянскій.

* *
*

Ой тамъ били, слуповали,
Кровъ зъ боку точили,
Не єдную терновину,
На главу вложили.

* *
*

Ой Пречиста Дѣва Мати
Пôдъ крижомъ стояла,
Свого сына взлюбленого
Въ раны цѣлювала:

«Ой сыну жъ мôй возлюбленый,
Чо тяжко вмираешь,
Тѣло и кровь пресвятѣйшу
До гробу отдаешь?

* * *

А всѣ Святиі Апостолы,
Славу учинѣте,
Ввійте Христа въ плащаницю,
У гробъ положѣте!»

* * *

А всѣ Святиі Апостолы
Славу учинили,
Ввили Христа въ плащаницю,
У гробъ положили.

* * *

Ни жадная, каже, Вѣра,
Не могла спôзнати,
Лише въ морѣ камêнь, камêнь:
Буде Христосъ славенъ,
А на вѣки вѣкôвъ Аминь!

(Отъ слѣпца лирника въ Львовѣ.)

4.

Сирôтка.

Померъ отець, мати,
Зôсталися дѣти,
Зôсталися дѣти,
Сироты на вѣки.

А пôшла сирôтка,
По свѣтѣ блукае,
По свѣтѣ блукае,
Мамунѣ̂ шукае.

* *
*

Здыбавъ ю Господь Богъ,
Стався ёй пытати:
«Де ты йдешь, сирôтко?» —
«Мамунѣ̂ шукати.» —

* *
*

«Не иди, сирôтко,
Бо далеко зайдешь,
Бо далеко зайдешь,
Мамунѣ̂ не знайдешь.

* *
*

Бо твоя мамуня
На высокôй горѣ,
На высокôй горѣ,
У судящôмъ гробѣ.»

* *
*

А пôшла сирôтка,
Та стала плакати,
Стала ся мамунця,
Зъ гробу обзывати:

* *
*

«А хто бо тамъ плаче,
Та на моёмъ гробѣ?» —
«Сирôтка, мамуню,
Примѣть мене къ собѣ!» —

«Нема ту, сирôтко,
Що ѣсти, та й пити,
Приказавъ Господь Богъ
Въ сырôй землѣ гнити.

* *
*

Иди жь ты, сирôтко,
До своей мачухи,
Най тобѣ мачуха
Сорочочку вшіе!» —

* *
*

«Ще менѣ мачуха
Сорочки не вшила,
Вже менѣ мачуха
Здоровья вôймила.» —

* *
*

«Иди жь ты, сиротино,
До своей мачухи,
Най тобѣ мачуха
Головочку змые!» —

* *
*

«Ще менѣ мачуха
Головки не змыла,
Вже жь менѣ мачуха
Вязы надкрутила.

* *
*

Ще мене мачуха
Не росчесала,
Вже мене мачуха
На вѣки проклялаǃ»

Ой плаче сирôтка
Дрôбными слёзами:
«Не мае родиноньки,
А ни рôдной мамы!»

* * *

А зôславъ Господь Богъ
Два Ангелы зъ неба,
Узяли сирôтку
Ангелы до неба.

* * *

А зôславъ Господь Богъ
Два пекельныхъ зъ пекла;
А взяли мачуху,
Понесли до пекла;

* * *

Понесли у гору
Барзо высоко,
Та кинули въ пекло
Та дуже глыбоко:

* * *

«Плавай, плавай, плавай,
Мачехо широко!
Поглядай на небо,
Якъ то Богъ высоко!

* * *

Плавай, мачехо,
Будешь плавати,
Будешь сиротиньски
Дѣти шановати!

Було шановати,
Було доглядати,
Коли 'сь хтѣла въ небѣ,
Въ небѣ царствовати.

* *
*

Якъ та смола кипитъ,
Будешь ты кипѣти,
Такъ ты, мачехо,
За сиротински̂ дѣти». —

* *
*

«Волѣла бъ я була
Дѣтей шановати,
Нôжь маю я теперь
Въ пеклѣ потопати.»

* *
*

А жій ты, сирôтко,
Въ небѣ со Святыми,
А ты, мачехо,
Въ пеклѣ съ проклятыми!»

* *
*

Бѣдна сиротина
А, въ небѣ крулюе,
Мачуха несчасна
Во пеклѣ горюе.»

* *
*

«Жебъ я була знала,
Же буду горѣти,
Була бъ шановала
Сиротински̂ дѣти;

Була бъ шановала
Та й довлядала,
Близшихъ, дальшихъ, сусѣдôвъ
Була бъ научала.

* * *

Вызволи мене, Господи,
Зъ тои неволеньки,
Буду шановати
Сироты маленькіи!»

5.

А въ недѣлю рано взяло свитати,
Пôшла сирôтка мамунцѣ шукати;
Ой пôшла сирôтка горами, долами,
Здыбавъ ю Господь съ двома Ангелами:
«Где йдешь, сирôтко?»—«Мамуни шукати.» —
«Вернися, сирôтко; бô далеко зайдешь;
Бо далеко зайдешь, мамунцѣ не знайдешь,
Ой иди, сирôтко, на высоку гору,
Тамъ твоя мамунця у судящêмъ гробу.»
Ой выйшла сирôтка на высоку гору,
Та й на гробѣ впала, ревне заплакала;
Ой впала на гробѣ, та й стала рыдати,
Взяла ся мамунця зъ гробу отзывати:
«Хто тамъ ходитъ, плаче, та на моемъ гробѣ?» —
«Ой, мамунця моя, возмѣть мене къ собѣ!» —
«Ой нема ту що ни ѣсти, ни пити,
Тôлько приказано въ сыровôй землѣ гнити.
Ой, иди, сирôтко, до мачёхи своей:
Нехай ти мачёха головоньку змые.» —
«Єще ми мачёха головоньки не мыла,
Вже мя мачёха на вѣки проклялa.» —
«Иди жь ты, сирôтко, до мачёхи своей,
Ней ти мачёха кошуленьку вшіе.» —

«Ой еще ми мачёха кошуленьки не шила,
Вже ми мачёха тѣленько отбила.»
Ой зôславъ Господь два Ангелы зъ неба,
Ой взяли сирôтку, понесли до неба,
А по мачёху два діяволы зъ пекла,
Вфатили мачёху, понесли до пекла;
Понесли жь они ю барзо высоко,
Пустили они ю до пекла глыбоко:
«Ой плывай, мачёхо: ту маешь широко,
Ту маешь, мачêхо, въ смолѣ кипѣти,
Въ смолѣ кипѣти, за сироты-дѣти;
Ту маешь, мачёхо, по смолѣ плывати,
Жебы 'сь ты знала, якъ сирôтъ шановати.» —
«Ой дай же ми, Боже, зъ пекла выплывати,
То я буду знала, якъ сирôтъ шановати.»

6.

Вѣчность.

Памятайте, Христіяне,
Що ся зъ нами потомъ стане
На вѣки! *

Всѣмъ по смерти ити треба,
Чи до пекла, чи до неба
На вѣки!

Єсть то правда неотмѣнна,
Же зъ тыхъ една, а не инна
На вѣки!

Чекаетъ насъ всѣхъ дорога,
Така е въ тôмъ воля Бога
На вѣки!

---

* И такъ послѣ каждыхъ 2 стиховъ.

Такъ въ святомъ Євангеліи
Христосъ учитъ о житіи
На вѣки!

Єдныхъ бо къ себѣ взываетъ,
Другихъ въ пекло отсылаетъ
На вѣки!

Тутъ свѣтовій зважьте люде,
Що то въ онôмъ пеклѣ буде
На вѣки!

Якіи тамъ будутъ муки,
Нужды, троски и докуки
На вѣки!

Темность страшна мѣстця того
Причиняетъ муки много
На вѣки!

О якъ тяжка тамъ казнь буде,
Где не ввидятъ свѣта люде
На вѣки!

Душу жалость зранитъ многа,
Черезъ грѣхъ стратила Бога
На вѣки!

И всѣ ласки, и вся дары,
И зрѣніє Божія твари
На вѣки!

Та гризе червь сумленья,
Же не доступивъ спасенья
На вѣки!

Для марности позбувъ неба,
А такъ погибати треба
На вѣки!

Тамъ роспачъ тяжкая волѣ,
Якъ зостане въ злои долѣ
На вѣки!

Безпрестанно нарѣкае,
И день и нощь проклинае
На вѣки!

Наветъ Творца преблагого
Клене зъ гнѣва завзятого
На вѣки!

Хулитъ имя его свято,
Же му добро все отъято
На вѣки!

Дочка матêрь, отецъ сына,
Же ихъ погибели вина
На вѣки!

Нарêкаетъ другъ на друга,
Проклинаетъ пана слуга
На вѣки!

Отъ такъ страшныя проклёны,
Чинятъ пекелницы оны
На вѣки!

Изъ своего отчаянья,
Сшедше въ адъ безъ покаянья
На вѣки!

Ужаснѣмься, Христіяне,
Бо и зъ нами то жь ся стане
На вѣки!

Якъ не будемъ ся каяти,
Суда Божія бояти
На вѣки!

Приказанья исполняти,
Наукъ церковныхъ слухати
На вѣки!

Не допусти, Христе Боже!
Страсть твоя да поможе
На вѣки!

(Записана отъ лирника въ селѣ Ратищѣ Золочевскаго Уѣзда.)

7.

О страшномъ судѣ.

Прійдê година для всѣхъ едина,
Коли ся разлучати
Одъ тѣла треба, якъ скажутъ зъ неба,
Свѣтъ и все покидати.

* *
*

Смерть надо мною стоитъ съ косою,
А не машь обороны,
Часъ уплывае, Богъ судъ выдае
Зле зъ всякои стороны!

* *
*

Я несчасливый, якъ же злосливый
Самъ на себе буваю,
За всякимъ дѣломъ иду за тѣломъ
На смерть не памятаю.

* *
*

Судъ наступае, трубу готуе,
А книга съ дѣлами
Всѣхъ записана, будетъ подана,
Зъ ней ся осудимъ сами.

Судья не мстивый, а всѣмъ страшливый,
Засяде на своёмъ тронѣ,
Перуномъ гляне къ тому, хто стане
Изъ лѣвои стороны;

* *
*

Зачне судити, добрымъ платити,
А злыхъ отдастъ на муки,
Съ тѣломъ, съ душею, згинутъ своею,
Безъ вэякои поруки.

* *
*

Охъ, вѣчна страта! Пекельны врата
Отворятся широко,
Туда грѣшныи и проклятыи
Въ пропасть пôдутъ глыбоко.

* *
*

А въ тôй неволѣ, несчаснôй долѣ,
Горе пребуде всегда,
Плачъ и червь горшій, діяволъ скоршій,
До муки прійдетъ сюда.

* *
*

Боже ласкавый, дай до поправы
Часу, просимъ со слезами,
Вѣчность та злая и проклятая
Да не владѣетъ нами!

* *
*

Лѣта золотыи въ небѣ Святыи
Не престанутъ имѣти,
Пѣснь пресвятую, безконечную,
Со ангелы йимутъ пѣти.

Лучами сонця тѣла безъ конца
Праведныхъ заяснѣютъ,
Всяки прикрости будутъ сладости,
Котры тутъ имѣютъ.

* *
*

Зри, душе моя, благая твоя,
Та зачни я любити,
Зри, мука злая, безконечная,
Перестань грѣшити!

(Записана отъ лирника тамъ же.)

8.

О Пречистой Дѣвѣ Почаевской.

Пречистая Дѣво, мати Руского Краю,
Якъ на небѣ, такъ и на земли, тя величаю.
Ты грѣшниковъ зъ тяжкôй муки
Черезъ твои збавляешь руки,
Не дай пропасти!

* *
*

Тобѣ всѣ Святыи служатъ, родице Бога,
И мы грѣшны Тебе славимъ всѣ яко мога:
Цѣлымъ серцемъ нехай мило
Тобѣ служитъ душа й тѣло,
Мати чистая!

* *
*

Хто жь не вдяченъ ласки Твоей, скажи который?
Зъ Пôдкаменя для збавленья идутъ до горы,
Темныхъ, хорыхъ и уломныхъ,
Очищаешь всѣ ту притомныхъ,
Прошу жь и мене!

Май въ бачности и милости вѣрного слугу,
Не дай менѣ упадати въ велику тугу:
Скажи жь теперь, якъ бы знати,
Що зъ грѣшными будешь дѣлати,
Мати ласкава!

* * *

Утêкающихся къ Тобѣ во всякôй потребѣ,
Знаю, що утвердишь всѣхъ насъ вѣрныхъ въ небѣ.
Не выпускай же на вѣки,
Зъ твоей пресвятой опêки,
Мене грѣшного!

* * *

Подай руку въ тяжкôй бѣдѣ и утрапленью,
Даруй ласку просящому и ку избавленью,
Буди всѣмъ намъ оборона,
Проситъ Тебе Руская Корона,
Яко Царицу!

* * *

Съ сыномъ Твоимъ возлюбленымъ буди ласкова,
Которому нехай будетъ вѣчна честь, слава,
Во вѣкъ вѣковъ не престане,
Поки всего свѣта стане
Тебе славити!

(Тамъ же и отъ того же.)

9.

О покаяніи.

Ахъ, уйшли мои лѣта,
Якъ вихоръ вкругъ свѣта;
Тôлько якъ во снѣ здалося,
Що во свѣтѣ прожилося!
Ажь тутъ смерть за мною,
Якъ едемъ страшна собою,
Єще гнѣвомъ наполненна,
Аки львица раздраженна,
Въ лютѣ зѣло рыкаетъ,
Въ путь скоро понуждаетъ,
Не прибранну, не готову,
Велитъ ступать и такову.
А що жь то за дорога?
То жь на той свѣтъ до Бога.
А вже жь менѣ умерати,
Суду Божію предстати.
А съ чимъ же тамъ явлюся,
Чимъ я Богу прислужуся?
Нй свѣтила, нй кадила,
Все то смерть розпорошила.
Надармо прорицаю,
На смерть вину складаю:
Смерть тамо не видала,
Якъ ся въ свѣтѣ проживала.
Моя то воля злая,
Зѣло лѣта трачая,
Мене жъ теперь подѣлила,
Житіемъ долгимъ представила.
Вѣкъ молодой пануе,
Тѣло и здравіе владѣе; –
По чемъ младость споминати,
Когда свѣта не зазнати?
Не забули и обѣта,
Якъ младенець минутъ лѣта,

Старость бо будетъ на тое,
Будетъ дѣлати благое.
Ажь мя смерть оманула
Якъ косою всѣпнула,
И старости не дождався
И на той свѣтъ не пребрався.
Часу доброго не стало,
На старость ся чекало,
Ажь кроткіи мои лѣта
Здѣлалися безъ отвѣта.

(Поется слѣпцами.)

10.

О страшномъ Судѣ.

Кажутъ люде, що я умру,
А я не хочу жити,
Скôлько, живши на семъ свѣтѣ,
Мушу согрѣшити!

* *
*

Зостанется сребро й злато,
И драгія шати,
Трудно жь менѣ изъ собою
На той свѣтъ забрати.

* *
*

И хотяй бымъ могъ забрати,
Тамъ того не треба;
Штыри доски, сажень землй,
Спасенія зъ неба.

* *
*

Якъ ударютъ во вся звоны
О смертнôй годинѣ,
Отклонюся всему свѣту
И своей родинѣ.

Дадуть менѣ смутну трунку
И твердое ложе:
Не дайждь въ грѣхахъ умерати,
Милостивый Боже!

* *
*

Якъ упустять грѣшне тѣло
Въ глыбокіи долы,
И засыплють пѣскомъ очи,
Не глянуть николи.

* *
*

Въ гробѣ будуть ребра й боки,
Съ головою й руки,
Душа пôйдеть несмертельна
На вѣчныи муки.

* *
*

Памятай же, чоловѣче,
Такъ велику страту;
Ибо хто якъ Богу служить,
Такъ береть заплату.

* *
*

Передъ часомъ все житіе
На смерть готовися,
Бѣгай грѣха, сповѣдайся
И Богу молися!

* *
*

Примирися съ ближнимъ твоимъ,
Отпусти обиды,
Да й тобѣ Богъ отпустить
Всякихъ грѣховъ виды!

И старайся притяжати
Учинки ласкавы,
Бо до царства заведутъ тя
Tôлько добри справы.

* *
*

в А егда ся не поправишь,
Зле будешь чинити,
То на вѣки съ проклятыми
Тамо будешь жити.

(Изъ Буковины, отъ Исидора Воробкевича, Православнаго Священника.)

IV

МАТЕРІЯЛЫ ИНОСТРАННЫЕ

ГРЕЧЕСКІЯ КНИГОХРАНИЛИЩА ВОСТОКА

И

ИХЪ РУКОПИСИ,

ОСМОТРѢННЫЯ ОДНИМЪ АНГЛІЙСКИМЪ ПУТЕШЕСТВЕННИКОМЪ

ВЪ

1858 году.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ 1859 годѣ Настоятель Русской Миссіи въ Іерусалимѣ, Архимандритъ Леонидъ, пріобрѣлъ, покупкою на торжищѣ, у одного Араба, рукописную тетрадь въ 4-ку, переплетенную въ черную тисненную бумажку, и въ ней синеватой бумаги 39 графленныхъ осьмушекъ, по 21 линейкѣ на каждой страницѣ, изъ коихъ на 78 страницахъ поименованы Греческія рукописи разнаго содержанія, харатейныя и бумажныя, находящіяся въ книгохранилищахъ Востока, именно: въ 2-хъ Каирскихъ (Патріарха Александрійскаго 93 и тамъ же монастыря Св. Екатерины 8), 1-мъ Іерусалимскомъ (Св. Гроба 108), 1-мъ окрестномъ (Св. Креста 8), 1-мъ близъ Мертваго моря (Св. Саввы 63 + 59), въ 7-ми на островахъ Средиземнаго моря (Патмосѣ, Св. Іоанна Евангелиста 131; Кипрѣ Епископской у Ларнака 2, Архіепископской въ Никосіѣ 4; Родосѣ Митрополитской 11; Критѣ Епископа Канейскаго 1, монастырѣ Св. Константина въ Аркадіи 1, Св. Иліи при Рустикѣ 1, Св. Антонія у Пазанеса 1, Св. Маріи близъ Кастра 3, Св. Іоны въ Ситіѣ 3; Милосѣ у старинарей 10, другихъ частныхъ лицъ 8; Паросѣ въ монастырѣ Св. Георгія 3, Св. Мины 2; Наксѣ Св. Романа 2; въ Царѣградѣ въ Сералѣ 21, Патріярха Іерусалимскаго 15, Доктора Миллингена 4, монастырѣ Пресв. Дѣвы въ Халкѣ 16; всего 535, и 2 грамоты (1713 г.). При каждой рукописи, кромѣ заглавія, означены форматъ, вещество (пергаментъ, бумага) и вѣкъ. Рукописи большею частію духовнаго содержанія (Отцы Церкви: Василій В., Григорій Богословъ, Іоаннъ Златоустъ, Іоаннъ Дамаскинъ, Іоаннъ Лѣствичникъ, Аѳанасій, Кириллъ Александрійскій, Іерусалимскій,

Исидоръ, Максимъ Исповѣдникъ, Макарій, Ефремъ Сиринъ, Нилъ, Ириней, Епифаній, Нифонтъ, Андрей Критскій, Антіохъ, Ѳеодоръ Студитъ, Анастасій Синаитъ, Григорій Назіанзинъ, Григорій Нисскій, Оригенъ, Германъ, Діонисій Ареопагитъ, Дороѳей, Ѳеофанъ, и мн. др.), также относящіяся до Церковной и вообще Исторіи, Географіи, Философіи, Филологіи, Краснорѣчія, Математики, Физики, Медицины, Канонического Права, Грамматики и Лексикологіи, но есть и классики Греческіе (Геродотъ, Ксенофонтъ, Гомеръ, Гезіодъ, Трагики, Аристофанъ, Пиндаръ, Димосѳенъ, Исократъ, Горгій, Аристотель, Птолемей, Лукіянъ и другіе); довольно на пергаментѣ и очень древнихъ, начиная съ VIII вѣка; впрочемъ, нѣтъ недостатка и въ рукописяхъ новѣйшаго времени (XVII—XIX). Тетрадь эта, вѣроятно, любознательнымъ путешественникомъ забыта въ одной изъ гостинницъ Іерусалимскихъ и попалась въ руки служившаго въ ней Араба, который и продалъ ее на наши деньги за полтину серебромъ. Ежели у путешественника этого не сохранилось черновыхъ замѣтокъ, и онѣ не были имъ нигдѣ еще напечатаны во всеобщее свѣдѣніе, то мы, не желая, чтобы труды, предпринятые имъ по любви къ знанію, пропали даромъ, печатаемъ оные въ нашемъ повременномъ изданіи. Быть можетъ, это дойдетъ какъ ни есть и до него, и онъ скажетъ сохранившимъ подъятый имъ трудъ спасибо, — и утѣшится, другіе же ученые не преминутъ воспользоваться собраннымъ имъ и предлагаемымъ нами здѣсь, каждый по своему разумѣнію и возможности, и поблагодарятъ случай, доставившій трудовое дѣло путника въ свѣдущія и надежныя руки.

О. БОДЯНСКІЙ.

7 Генваря, 1871 г.
Москва.

ГРЕЧЕСКІЯ КНИГОХРАНИЛИЩА ВОСТОКА

И ИХЪ РУКОПИСИ.

M. SS. IN THE LIBRARY OF THE PATRIARCH OF ALEXANDRIA AT CAIRO.

THESE M. SS. ARE PLACED IN THE PRESS FACING YOU AS YOU ENTER THE LIBRARY. THERE ARE 5 SHELVES. I COMMENCE WITH THF UPPER ONE.

1. Cyrilli, Patr. Alexandrini, Lexicon; codex chartaceus, in 4-to minori, seculo XIV scriptus.
2. Evangelia quatuor; membranaceus in 4-to sec. XIII.
3. Psalterium Davidis; chartaceus in 4-to sec. XV.
4. Gerasimi Syntagmatum liber; chart. in 4-to minori sec XV.
5. Anastasii Sinaitae Responsiones; chart. in 4-to sec. XV.
6. Samuelis, monachi Alexandrini, Rhetorica, anno 1687 scripta; chart. in 4-to.
7. Vitae SS. Barlaami et Josaphat, ut fertur, auctore Johanne Damasceno; chart. in 4-to sec. XIV.
8. S. Pauli Epistolae XIV et Canonicae septem; ex charta laevigata, sec. XIV in-4 to.
9. (Manuelis) Chrysaphis et aliorum Hymnologium, notis musicis instructum; chart. in 4-to sec. XV.
10. Operis fragmentum: Περὶ πολλαπλασίας μοῦ καὶ διαιρέσεως; membran. in 4-to sec XIV.
11. Preces plures; membr. in 4-to sec XIV.
12. Gorgiae Rhetorica; imperf. Incip.: Πολεμοῦ καὶ μαχῆς; membr. in 4-to sec. XIV.
13. Germani Constantinopolitani et aliorum Ascetica varia; chart. in 4-to sec. XII.

14 Syntagma canonum ecclesiasticorum (an Matthaei Blastaris?); Tit.: Συναγωγὴ κανόνων ἐκκλησιαστικῶν εἰς πεντήκοντα τρία διῃρημέτων. Incip. prol.: Οἱ τοῦ μεγάλου Θεοῦ.

15. Evangelia quatuor; imperf. in 4-to sec. XI.

16. Evangelia quatuor, cum synaxariis; memb. in 4-to, optime exaratus, sec XI.

17. Evangeliorum exemplar aliud; membr. in 4-to sec. XI

18. Lectionum collectio ex Testamento utroque; chart. in 4 to sec. XV.

Tit.: Συναγωγὴ λέξεων ἐκ παλαιᾶς καὶ νέας (γραφῆς).

ON THE 2ND SHELf.

19. Constantini Manassis Chronicon metricum; chart. in 4-to sec. XVI.

20. Opus intitulatum: Ἠθικὴ καὶ ῥητορικὴ τῆς ἡγεμόνος (an τῆς τέχνης Ἑρμογένους?); chart. in 4-to sec. XVI.

21. Nicephori Bleommidae Physica; chart. in 4-to sec. XVI.

22. Zonarae Commentarius in Gregorii Nazianzeni carmina varia; chart. in 4-to sec. XV.

23. Matthaei Blastaris De processione S. Spiritus liber adversus Latinos; chart. in 4-to sec. XVI.

24. Georgii Scholarii Logica; chart. in 4-to sec. XVI.

25. Johannis Damasceni De fide orthodoxa liber; chart. in 4-to sec. XV.

26. Germani, Patriarchae Constantinopolitani, Anthologia, stichera exhibens aliaque officia ecclesiastica, cum notis musicis; chart. in 4-to sec. XV.

27. Sebastis Trapezuntii in Apollonii Rhetoris Grammatica commentum; chart. in 4-to sec. XVI.

28. Anonymi cujusdam Encomia in Palaeologos; chart. in 4-to sec. XV.

29. Aristotelis Ethica, cum prolegomenis et scholiis marginalibus interlinearibusque; chart. in 4-to sec. XV.

Incip. prol.: Ὅτι τῆς φιλοσοφίας εἰς δύο διαιρουμένης εἰς τε τὸ θεωρητικόν.

Incip. schol.: Νικομαχεῖα ἐπιγέγραπται τὸ βιβλίον ἢ ἔτι πρὸς υἱὸν τινα ὅθεν ἢ καὶ ἀληθῶς οὕτω καλούμενον.

30. 1. Hesiodi Opera et Dies, cum glossis. Incip.: Ὦ γνώσεις.

2. Euripidis Hecuba et Orestes, cum Moschopuli vita auctoris.

3. Apollonii Rhodii Argonautica.

4. Scholia in Argonautica, Incip.: Ἀρχόμενος ἀποπερισκητικοῦ ῥήματος ἡ μετοχὴ σχημάτισται. Chart. in 4-to sec. XV.

31. Scholia in Progymnasmata Rhetorica (an Hermogenis?); chart. in 4-to sec. XIV.

Incip.: Ἀπροοιμίστως ἐπὶ τῶν προοιμίων τραγωδία εἰς τὴν τοῦ αὐτεξουσίου ἀναίρεσιν τὸ αὐτεξούσιον υἱοὶ τοῦ λογιστικοῦ καὶ τῆς θελήσεως—ἦλθε διὰ μεσότητος τῶν σχολαστικῶν θεολόγων καὶ τρι κοινῶν ἐν Ῥώμῃ ἔνθα παρὰ τοῦ Πᾶπα γέγουε Χριστιανὸς Παπαῖδς προλογίζει Φάβιος.

32. Ἱστορία ἤτοι διήγησις περὶ τῆς ἀρχῆς τῶν Ρῶσων, πόθεν κατάγονται οἱ ἀρχηγοί αὐτῶν, καὶ περὶ τοῦ πότε καὶ πῶς ἔλαβον τὸ ἅγιον βάπτισμα, καὶ περὶ τοῦ ἁγίου ἀποστόλου Ἀνδρέου ὅπου ἦλθεν σωματικῶς εἰς τὴν Ρωσσίαν—μεταφρασθεῖσα ἐκ τῶν Σλαβαϊκῶν βιβλίων παρὰ Διονυσίου Ῥαχενδύτου εἰς τὴν ἡμετέραν διάλεκτον.

Codex chartaceus in 4-to, anno 1606 scriptus.

ON THE 3RD SHELF.

33. Maximi Planudis Τεχνολογία; codex ex charta laevigata in 4-to sec. XV.

34. Nathanaelis Hieronymi Bestiarium; chart. in 4-to sec. XV.

35. Sophoclis Ajax et Electra, cum glossis marginalibus et interlinearibus et auctoris vita; chart. in 4-to sec. XV.

36. Anonymi cujusdam Lexicon; chart. in 4-to sec. XV. Tit.: Ἀρχὴ τοῦ λεξικοῦ καὶ λεξεῖς ἀπὸ τὴν γραμματικήν.

Incip.: Ἄατος, ἀκροσκέλαστος.

37. Aristotelis Rhetorica; chart. in 4-to sec. XV.

38. Cyrilli Alexandrini De S. Trinitate liber; chart. in 4-to sec. XV.

39. Anonymi cujusdam Ἔκθεσις συνοπτικὴ τῆς ὅλης λογικῆς; chart. in 4-to sec. XV.

40. Johannis Zonarae Expositio canonum ecclesiasticorum; chart. in 4-to sec. XV.

41. Collectanea Logica et Patristica; chart. 4-to sec. XVI.

42. 1. Aphthonii Sophistae Rhetorica.

2. Hermogenis Rhetorica Περὶ δεινότητος.
3. Catonis Majoris Disticha.
Codex chartaceus in 4-to sec. XV.

43. Nicolai Gerasimi Syntagma; chart. in 4-to sec. XVI.

44. Demosthenis Olynthiaca, cum Libanii prologo et argumentis; chart. in 4-to sec. XV exeuntis.

45. Theodoreti Historia Ecclesiastica; chart. in 4-to sec. XV.

46. Theophili liber Περὶ διαχωρημάτων.
Galeni Περὶ ὑποχρίσεων.
Aristotelis Physica.
Chartaceus, in 4-to sec. XV.

47. Johannis Botaniotae Carmina; chart. in 4-to sec. XV.

ON THE 4TH SHELF.

48. Michaëlis Pselli et aliorum Opiscula varia; chart. in 4-to sec. XV.

49. Josephi cujusdam Lexicon. Incip.: Ἄαπτος, βλάβος; chart. in 4-to sec. XV.

50. Theodori Prodromi commentarius in Johannis Damasceni et Cosmae Canones; chart. in folio sec. XV.

51. Anonymi cujusdam Loci Communes de virtutibus et vitiis, ex SS. Scripturis et Patribus collecti et in capp. XXI distributi, membran. in folio sec. XI.

52. Theodoreti, Episcopi Cyri, in Genesin Commentarius; chart. in folio sec. XV.

53. Nicephori Blemmidae et Johannis Damasceni Logica; chart. in folio sec. XV.

54. S. Pauli Epistolae, in epitomen redactae; chart. in 4-to sec. XV.

55. Theologica varia, ex Nicolao Methonensi, Johanne Philopono, Phurne et Symeone Thessalonicensi; chart. in folio sec. XII.

56. Psalterium Davidis; membran. in 4-to sec. XII.

57. SS. Cosmae et Johannis Damasceni Canones; chart. in folio sec. XV.

58. Cyrilli Alexandrini Lexicon; chart. in 4-to sec. XV.

59. SS. Apostolorum Acta, Epistolae S. Pauli et Canonicae; membran. in 4-to sec. XV.

60. Hermogenis Rhetorica; chart. in 4-to sec. XV.

61. Synesii Epistolae cum glossis; chart. in 4-to sec. XV.

62. Anonymi cujusdam Lexicon. Incip.: Ἀγαπῶ φιλῶ; chart. in 4-to sec. XV.

63. Opus, in quo Comparatio inter animam et corpus; mutil. Incip. cap. 20.: Ὅτι ἀδύνατον ὁμοῦ ταῖς σωματικαῖς ὑπηρεῖν ἡδοναῖς καὶ τὴν κατὰ Θεὸν εὐφροσύνην καρποῦσαν.

ON THE 5 TH. SHELF.

64. Johannis Mauroceni Encomia in B. V. Mariam, ex SS. Scripturis collecta.

Tit.: Μοροζήνου ἁμαρτολοῦ ἱερέως ἐγκώμια τῆς ἀειπαρθένου Μαρίας, ἐκ πάσης τῆς ἁγίας καὶ ἱερᾶς γραφῆς συλλεχθέντα.

Chartaceus in 4-to sec. XVI.

65. B. Virginis Mariae Miracula; ex chart. laevigata in 4-to sec. XV.

66. S. Augustini Preces; Graec., imperf.; chart. in 4-to sec. XV.

67. Psalterium; membr. in 4-to sec. XII.

68. Evangelia quatuor; membr. in 4-to sec. X.

69. Chrysostomi Liturgia; chart. laevig. in folio sec. XIV.

70. 1. Georgii Pachymerae Philosophica.
2. Liber Job, cum notis; chart. in fol. sec. XV.

71. Nicetae, Ep. Serrarum, super Gregorii Nazianzeni homilias nonnullas Commentarius; ex chart. laevig. in fol. sec. XV.

72. Aristotelis Liber de generatione et corruptione, cum commentario; chart. in fol sec. XV.

73. Georgii Constantinopolitani Syngraphe historica; chart. in fol. sec. XV.

74. Nili Thessalonicensis varia; chart. in fol. sec. XV.

75. Johannis Climaci Scala Paradisi; membr. in fol. sec. XII.

76. Johannis Chrysostomi, Patriarchae Constantinopolitani, in S. Pauli ad Timotheum Epistolas Homiliae; membr. in. fol. sec. XI.

77. Ejusdem in Epistolam secundam ad Corinthios Homiliae; membr. in fol. sec XI.

78. Ejusdem in S. Matthaei Evangelium Homiliae; membr. in fol. sec. XI.

79. Ejusdem in Epistolam ad Romanos Homiliae; membr in fol. sec. XI.

80. Nili, Archiep. Thessalonicensis, Ascetica; membr. in fol. sec. XIV.

81. Theophylacti, Archiep. Bulgariae, in Evangelia Commentarii; chart. in fol. sec. XIV.

82. Anonymi cujusdam Historiae Ecclesiasticae liber quintus. Intit.: Τῆς ἐκκλησιαστικῆς ἱστορίας βιβλίου έ περὶ Ἀναστασίου τοῦ διακόνου. Chart. in fol. sec. XV.

83. Syntagmata de processione S Spiritus; chart. in fol., anno 1381 scripta.

84. Johannis Zonarae Opus de Canonibus matutinis; membr. sec. XIII.

85. Commentarius super librum Geneseos; imperf.; membr. sec. XI ineunte

Incip. cap. XV: Οὗτος Χαμαχὸς Ἐλιέζερ ὁ Σύρος κ. λ. ἐνταῦθα τὸ σπέρμα ἴσως τῆς δευτέρας.

86. Theophylacti, Bulgariae Archiep., in Evangelia Commentum; membr. in fol. sec. XI

87 a. Psalterium.

b. Acta Apostolorum.

c. S. Pauli Epistolae.

d. Epistolae Septem Canonicae; membr. in f. l. sec XI.

88. Scholia in (Euripidis Hecubam?), chart. in 4 to sec XV. Incip.: ἦλθον ἐπί σε ἤτοι τὸν ἀποκρυφον τόπον.

89. Hesiodi Opera et Dies; chart. in fol. sec. XV

90. Theophili Corydalei Philosophica; chart. in fol. sec XV.

91. Historia contra Mahometum; chart. in fol. sec. XV.

92. Menologia plura; membr. in fol. sec. XI, XII.

M. SS. IN THE MONASTERY OF S. KATHARINE OF M. SINAI IN CAIRO.

THEY ARE MIXED WITH THEIR PRINTED BOOKS, AND NUMBERED, AS IN THE BRACKETS BELOW.

1. Georgii (Hamartoli?) Chronicon; chart. laevig. in folio sec. XV (12).

2. Gerasimi (Patriarchae Alexandr.?) Sermones panegyrici; chart in fol. sec XVI (15).

3. Gregorii, Archiep. Thessalonicensis, liber de S. Spiritu; chart. in fol. sec. XV (18).

4. Anonymi Enchiridion theologicum; chartaceus in fol. sec. XVI (23).

5. S. Chrysostomi Liturgia; chart. in fol. sec. XVI (56).

6. Matthaei Blastaris, Expositio SS. Synodorum; chart. in fol. sec. XV (65).

7. Synopsis, comprehendens Psalterium, Evangelia etc.; chart. in fol. sec. XV (100).

8. Philothei Patriarchae Homiliae; chart. in fol. sec. XV (105).

9. Psalterium; chart. in fol. sec. XV (109).

M. SS. IN THE MONASTERY OF THE HOLY SEPULCHRE AT JERUSALEM.

1. S. Job Liber, scholiis SS. Patrum instructus et illuminatus; membr. in fol. sec. XII.

2. SS Evangelia IV optime exarata; membr. in 4-to sec. X.

3. Gregorii Nazianzeni Orationes adversus Julianum et in S. Pascha, cum Nicetae (forsitan) scholiis, optime exaratus; membr. in 4-to sec. X.

4. Georgii Acropolitae Rhetorica Progymnasmata in diversos Sanctos; membr. in 4-to sec. XI.

Incip.: Ἄλλοι μὲν τῶν κομψοτέρων ῥητόρων.

5. Evangelia quatuor, optime exarata; membr. in 4-to sec. X.

6. S. Lucae Evangelium, Graece et Arabice, anno 1043, manu Euphemii, lectoris et clerici, exaratum; membr. in 4-to;

7 a. Acta Apostolorum; imperf. (incip. in cap. XII, v. 6).

b. Epistolae Paulinae XIV.

c. Epistolae Canonicae; membr. in 4-to sec. X.

8. Gregorii Nazianzeni Orationes; membr. in 4-to sec. X.

9. Anthologium διαφόρων ἐπιγραμμάτων ἀρχαίοις συντεθεμένων σοφοῖς ἐπὶ διαφόροις ὑποθέσεσιν, in quinque sectiones distinctum; membr. in 4-to minori sec. XII.

Incip. 1: Ἀρχιοῦ εἰς τεσσάρας ἀγῶνας, τέσσαρες εἰσὶν ἀγῶνες ἀν Ἑλλάδα.

Incip. 2: Εἰς ἄμπελον Φιλήππου.

Incip. 3: Εἰς ἀναθήματα τῷ 'Αρεΐ. Λεονίδου.

Penultima sectio est ἄδηλος.

Ult. est Juliani.

10. Nicephori Monachi et Symeonis varia; membr. in fol. sec. XIV.

11. Dorothei et Maximi Centuriae; membr. in fol. sec. XI.

12. Evangeliarium; membr. in fol. sec. XI exeunte.

13. Anastasii Sinaitae Quaestiones et Responsiones; membr. in 4-to majori sec. XII.

14. SS. Evangelia, cum scholiis; membr. in 4-to majori sec. XII.

Incip. schol. in S. Joh.: Οὗτος ὁ εὐαγγελιστῆς πατρίδος μὲν ἦν ἤτοι κώμης.

15. SS. Apostolorum Acta, Epistolae Paulinae et Canonicae, nec non S. Johannis Apocalypsis, omnia scholiis instructa uberrimis; membr. in 4-to sec. X exeunte.

Incip. schol. in Apocalyp.: 'Αποκάλυψις ἐστὶ ἡ τῶν κρυπτῶν μυστηρίων δήλωσις καταυγαζομένου τοῦ ἡγεμονικοῦ, εἴτε διὰ θείων ὀνείρων, εἴτε καθ' ὕπερ ἐκ θείας ἐκλάμψεως δοθῆναι δὲ τῷ Χριστῷ ταῦτά φησι ἀνθρωπινότερον μᾶλλον περὶ αὐτοῦ τὸν λόγον.

In initio codicis notatum est cryptographice de donatione codicis, absque tamen mentione vel nominis, vel anni.

16. Johannis Climaci Scala Paradisi; membr. in 4-to majori sec. XIII.

17. SS. Evangelia, cum scholiis paucis; membr. in 4-to sec. XI. exeuntis.

18. 'Εκλογαὶ τῶν θείων ῥήτων κατὰ στοιχεῖον. Opus scilicet Theologicum, ex Patrum Scripturarumque scriptis confectum et secundum alphabeti literas ordnatium.

Codex noster quinque solum literas priores amplectitur, qnarum tamen unaquaeque in quatuor, seu quinque, libros distributa est.

Incip.: Στιχεῖον ά περὶ ἀϊδίου θεότητος τῆς ἁγίας καὶ ὁμοουσίου Τριάδος καὶ ὅτι εἷς καὶ μόνος ἐπὶ πᾶσιν ὁ Θεὸς εἶχεν ὁ Θεὸς, ποιήσομεν ἄνθρωπον κατ' εἰκόνα.

In. cap. 5. liber IV. literae έ occurrunt scholia S. Cyrilli Alexandr. in Matt. cap. VI. Incip.: Ὥσπερ ἂν εἴτις εἰκόνα διαγειρ... μένην ἄριστα βλέπει καὶ ἀποθαυμάζει μὲν τὸ τοῦ βασιλέως σχῆμα.

Membr. in fol. sec. XII.

19. Gregorii Nazianzeni Orationes; membr. in fol. sec. XI.

20. Maximi Confessoris Quaestiones et Responsiones; membr. in fol. sec. XII ineunt.

21. Chysostomi in S. Matthaei Evangelia Homiliae; membr. in fol. sec. XI.

22. a. Octateuchus.

b. Prophetae XII minores

c. Prophetae IV majores.

Codex optimae notae, in fol. majori sec. forsan IX.

23. Maximi Quaestiones et Responsiones, cum scholiis; membr. in fol. sec. XII.

24. Martyrologium, Sanctorum vitas exhibens, quorum festa in ecclesia celebrantur a mense Martio usque ad Julium inclusive; membr. in fol. majori sec. XI.

25. Martyrologium, mensibus Decembri et Januario accommodatum; membr. in fol. sec. XI.

26. Martyrologium pro mense Novembri; membr. in fol. grand., sec. XI.

27. Martyrologium pro mense Januario; membr. in fol. sec. XI.

28. Martyrologium pro mense Octobri; membr. in fol. sec. XI.

29. Martyrologium pro mense Septembri; membr. in fol. sec. XI.

30. Opus de Fide Orthodoxa, ex scriptis Patrum aliorumque collectum; membr. in 4-to sec. XI.

31. Exemplar aliud ejusdem seculi in 4-to.

32. Exemplar aliud; membr. in 4-to sec. XII.

33. SS. Apostolorum et Patrum Canones; membr. in 4-to sec. XII. ineuntis.

Tit.: Νομοκάνονον, σὺν Θεῷ περιέχων συνοπτικῶς ὅλους τοὺς κανόνας.

In calce occurrunt nonnulla ex Necephori Chronographia.

34. a. Gregorii Papae cum S. Petro Dialogus; membr. in 4-to sec. XI.

b. Johannis Damasceni liber de Dormientibus.

35. a. Anonymi cujusdam expositio in Orationem Dominicam; cum scholiis.

b. Psalterium cum SS. Patrum scholiis, membr. in 4-to sec. XI.

36. Psalterium, cum Theodoreti praecipue expositione: membr. in 4-to sec. XII.

37. Exemplar aliud membr. in 4-to sec. XV.

38. » » chart in 4-to sec. XIV.

39. Testamentum Novum, si Apocalypsin excipias, integrum; optime exaratum, membr. in 4-to sec. XII.

40. SS. Evangelia, optime exarata; membr. in 4-to sec. XI. ineut.

41. Michaëlis Pselli Commentarius in Psalterium, cum. Euthymii (Zigabeni?) introductione; chart. in 4-to sec. XV.

42. SS. Evangelia, optime exarata; membr. in 4-to sec. XI.

Evangelium S Matthaei cum scholiis, scriptum est literis uncialibus et deauratis. Incip.: Εὐαγγέλιον καλεῖται ἡ παροῦσα βιβλὸς ὅτι κολάσεος ἀναίρεσιν καὶ ἁμαρτημάτων.

43. SS Evangelia; membr. in folio sec. XIV.

44. SS. Evangelia, Epistolae Paulinae et Canonicae; membr. in 4-to sec. XII.

Ad calcem sunt λέξεις τῶν πραξέων.

45. SS. Evangelia, membr. in 4-to minori sec. XI.

46. Psalterium, cum iconibus deauratis; membr. in 4-to sec. X.

47. Martyrologium pro mense Februario; membr. in fol. sec. XI.

48. Liber Geneseos, cum scholiis ex SS. Patribus; membr. in fol. sec. XII.

49. Gregorii Theologi Orationes, quoad paginam quamque figuris illustratae coloratis; membr. in fol. sec. XI.

50. Martyrologium pro mense Junio; membr. in fol. sec. XII.

51. » pro mense Januario; membr. in fol. sec. XI.

52. a. Johannis Climaci Scala Paradisi.

b. SS. Cosmae et Damiani Vitae; membr. in fol., anno 1080 exaratus.

53. Chrysostomi Homiliae in S. Johannem; membr. in fol. sec. XI.

54. Matthaei Blastaris Syntagma Canonum; chart. in 4-to sec. XV.

55. Theodori Prodromi in SS. festa et canones Expositio; chart. in 4-to sec. XV.

56. Xenophontis Cyropedia; chart. in 4-to sec. XV.

57. Balani B... puli Expositio in Hippocratem; chart. in 4-to sec. XVI.

58. Manuelis Moschopuli Grammatica; chart. in 4-to sec. XVI.

59. Johannis Zonarae Expositio in Odas etc..; chart. in 4-to sec. XVI.

60. Macarii Excerpta ex Suida; chart. in 4-to sec. XV.

61. Nicephori (Choniatis?) Chronologia; chart. in 4-to sec. XVI.

62. Anonymi cujusdam in Aristotelis Physica; chart. in 4-to sec. XVI.

63. Isocratis Orationes; chart. in 4-to sec. XVI.
Accedunt Gregorii Theologi Sermones.

64. Theophili Corydalei Rhetorica; chart. in 4-to sec. XV.

65. Theodori Prodromi in Aristotelis Logica Commentarius cum textu; chart. in 4-to sec. XIV.

66. Michaëlis Pselli in Aristotelis Physicas Auscultationes; chart. in 4-to sec. XV.

67. Andreae Cretensis Sermones Ascetici; chart. in. fol. sec. XIV.

68. Homeri Fragmenta, cum glossa recentiori; chart. in 4-to sec. XV.

69. Antonii Byzantini nonnulla; chart. in 4-to sec. XVI.

70. a. Isocratis Oratio ad Demonicum.
b. Synesii Epistolae.
Chart. in 4-to sec. XVI.

71. Johannis Tzetzis Expositio in Aristotelis de partibus animalium librum; chart. in fol. sec. XIV.

72. Libanii Epistolae etc.; chart. in fol. sec. XIV.

73. Theophili Corydalei Opera Logica, saepius; chart. in fol. sec. XV.

74. Nicolai Bryennii et Maximi etc. Opuscula; chartac. in fol. sec. XV.

75. Theophili Corydalei Rhetorica; chart. in fol. sec. XVI.

76. Michaëlis Syngelli sive Syncelli Methodus de constructione Orationis; chart. in 4-to sec. XV.

77. Johannis Frederici Βουχέρης (an Buceri?) Physica; chart. in 4-to sec. XVI.

78. De Physica Auscultatione liber unicus; chart. in 4-to sec. XVI.

79. Collecta ex Libanio, Demosthene, Herodoto et aliis; chart. in 4-to sec. XV.

80. Johannis Zonarae in Odas Anastasimas Expositio; chart. in 4-to sec. XV.

81. Theophili Corydalei Rhetorica: chart. in fol. sec. XV.

82. Pythagorae Versus Aurei; Aristophanis Plutus; Homeri Ilias; Hesiodi Opera et Dies; Euripidis Hecuba et Orestes; Sophoclis Ajax; Archias; chart. in 4-to sec. XVI.

83. Johannis Chalcedonensis Lectiones in Evangelia; chart. in fol. sec. XIV.

84. Nicolai (Methonensis?) Sermones; chartac. in 4-to sec. XV.

85. Gregorii Nazianzeni Orationes, cum scholiis; chart. in 4-to sec. XIV.

86. Theophili Corydalei Syllogistica; chart. in fol. sec. XV.

87. Corydalei Phylosophica; chart. in fol. sec. XV.

88. Constantini Harmenopuli Logica; chart. in fol. sec. XV.

89. Johannis Zonarae in canones ecclesiasticos Expositio; chart. in fol. sec. XV.

90. Maximi Quaestiones; Marci (Ephesi?) liber de Spiritu; chart. in fol. sec. XV.

91. Thomae Aquinatis nonnulla; chart. in fol. sec. XVI.

92. Johannis Xiphilini in Evangelia Expositio; chart. in fol. sec. XV.

93. Balani Commentum in Hippocratis Aphorismos; chart. in fol. sec. XV.

94. Aelii Dionysii Opera quaedam; chart. in fol. sec. XVI.

95. Georgii Choroboschi 'Επιμερισμοὶ ψαλτηρίου; chart. in fol. sec. XVI.

96. Georgii Coresii de S. Spiritu liber; chart. in 4-to sec. XVI.

97. Alexandri Byzantini de Syntaxi Grammatica liber; chart. in 4-to sec. XVI.

98. Nili Monachi Expositio in Canticum Canticorum; chart. in 4-to sec. XV.

99. Alexandri Chartophylacis Expositio in Aristotelis librum de generatione et corruptione; chart. in fol. sec. XVI.

100. Sylvestri (Sgyropuli?) de Synodo Florentina liber; chart. in fol. sec. XVI.

101. Georgii Coresii Thii Theologica; chart. in fol. sec. XVI.

102. Theodori Prodromi in Hymnos Ecclesiasticos liber; chart. in fol. sec XVI.

103. Grammaticalia quaedam; initio mutil.; membr. in 4-to sec. XII.

Desin. prolegomena—ὑπεσχόμεθα, μικρά τινα εἰκῶμεν καὶ πρῶτόν γε περὶ ἄρθρου, ἄρθρον οἄν ἐστιν μέρος λόγου.

104. Georgii Pachymerae in Aristotelis quaedam'e Parvis Naturalibus; chart in 4-to sec. XVI.

105. Georgii Coresii Theologica; chart in 4-to sec. XVI.

106. Ejusdem liber de S. Trinitate; chart. in fol. sec. XVI.

107. Alexandri Chartophylacis in Aristotelis librum de generatione et corruptione; chart. sec. XVI.

108. a Nicephori Chronographia.
b. Pauli Διατάξεις περὶ κανόνων ἐκκλησιαστικῶν.
c. Τίτλοι κανόνων πάντων.
d. Νόμοι Ἰουστινιανοῦ συναγωγὴ ἐν τῷ κωδίκι καὶ τοῖς διγεστοῖς.
Membr. in fol. sec. XI exeuntis.

M. SS. IN THE COLLEGE, LATE THE CONVENT OF THE HOLY CROSS, NEAR JERUSALEM.

1. a. Catena super Acta Apostolorum, manu Cosmae monachi exarata, ex SS. Patrum scriptis confecta.

Patres sunt: Chrysostomus, Basilius, Gregorius Theologus, Athanasius, Cyrillus Alexandr., Severus, Antiochus, Didymus, Ammonius, Irenaeus Lugdun., Apollinaris, Severianus, Isidorus, Hesychius, Arsenius, Epiphanius, Theophilus Alexandrinus.

In fine notavit scriba: ξνβωαβψζ κχλζεψ etc. (scilicet μνησθῆτι, κύριε τῶ (sic!) γράψοντι Κόσμαν μοναχόν).

b. Catena Patrum in Epistolas Catholicas; membr. in 4-to sec X exeuntis, optime exaratus.

2. Catena Patrum in Psalterium et in Cantica Sacra; membr. in 4-to sec. XII.

3. Evangelia quatuor, cum synaxariis et capitulis; membr. in 4-to sec. XI exeunte.

4. Psalterium, cum Canticis Sacris annexis; codex optimae notae; membr. in-4 to minori sec. XI ineunte.

5. Chrysostomi in Psalterium Homiliae; membr. in 4-to sec. XV.

6. Lectionarium pro Dominicis per annum, ex Testamento tam Veteri, quam Novo, confectum, una cum odis sticherisque, notis musicis instructis; membr. in fol. sec. XI.

Codex bonae, sed utrimque mutilus.

7. Martyrologium, Vitas Sanctorum, quorum festa in Decembri mense celebrantur, exhibens; duobus librariis in fol. sec. XI; optime scriptum, membran.

8. Vitae Sanctorum, quorum festa in mense Januario; membr. in fol. sec. XI.

Inter alia occurrit tractatus, cui titulus: Νείλου μοναχοῦ εἰς τὴν ἀναίρεσιν τῶν ἁγίων ἀγλαῶν τῶν 'ντῶ Σινᾶ ὄρει.

Incip.: 'Αλῶμε ος ἐγὼ μετὰ τὴν ἔφοδον.

M. SS. IN THE MONASTERY OF S. SABA, NEAR THE DEAD SEA.

1. Chrysostomi, Amphilochii et Andreae Cretensis Homiliae de diversis; membr. in fol. minori sec. XI ineunte.

2. Chrysostomi Homiliae super Genesin; membr. in fol. sec. XI. exeunte.

3. Ejusdem Homiliae in S. Pauli Epistolam ad Romanos; membr. in fol. sec. XI.

4. Symeonis Metaphrastis Vitae Sanctorum; membr. in fol. sec. XIII.

5. Vitae SS. per annum; membr. in fol. sec. XI.

6. Menologion; membr. in fol. sec. XI.

7. Symeonis Vitae SS., quorum festa in Novembri; membr. in fol. sec. XI.

8. Ejusdem exemplar aliud; membr. in fol. sec. XII.

9. Ejusdem Vitae SS., quorum festa in Decembri; membr. in fol. sec. XI.

10. Geronticon seu Vitae SS., chart. in 4-to maj. sec. XIV.

11. Vitae Patrum; chart. in 4-to maj. sec. XIV.

12. Andreae Cretensis et aliorum Sermones; membr. in 4-to sec. XI.

13. Ejusdem Ascetica; chart. in 4-to sec. XIV.

14. Niphonis et aliorum Ascetica; membranac. in 4-to sec. XIV.

15. Collectio canonum ecclesiasticorum; membranaceus in fol. sec. XI.

16. Symeonis Metaphrastis Vitae Sanctorum, quatuor voluminibus comprehensae; membr. in 4-to sec. XI.

17. Evangeliarium; membr. in 4-to majori sec. XII.

18. Menologion; membr. in fol. sec. XI.

19. SS. Patrum Sermones; membr. in fol. sec. XII.

20. SS. Apostolorum Acta, Epistolae Paulinae et Canonicae, necnon Apocalypsis S. Johannis; membr. in 4-to minori sec. XI ineunt.

21. Lectionum fragmenta ex Prophetis, membranac. in 4-to sec. VIII.

22. Commentarius super Prophetas Majores; membr. in 4-to sec. XII.

Codex palimpsestus et rescriptus, trium scripturam librariorum exhibens, quorum prior et antiquior sec. forsitan VII literis uncialibus usus est, hodie tamen vix enucleandis; secundus Euripidis Orestem et Phoenissam tragaedias, necnon Gregorii Theologi poëmata aliquot sec. XI ineunte exaravit; tertius, ut supra diximus, commentarium super Prophetas.

23. Evangelistarium; membr. in fol. sec. XII.

24. Idem.; membr. in fol. sec. XI.

25. Id ; membr. in fol. sec. XI.

26. Id.; membr. in fol. sec. XI.

27. Evangelia quatuor; membr. in fol. sec. XII.

28. Maximi Confessoris Centuriae Theologicae, cum scholiis marginalibus; membr. in 4-to sec. XI.

29. Chrysostomi in S. Matthaei Evangelium Homiliae: membr. in fol. sec. XI.

30. Ejusdem operis exemplar aliud ejusdem seculi.

31. Ejusdem Homiliae in Genesin; membr. in fol. sec. XI.

32. a. Johannis Zinae (Sinaitae?) Sermo Asceticus.
   b. Johannis Climaci Scala Paradisi; membr. in 4-to sec. XI.

33. Vita Barlaami et Josaphat Johanni, Damasceno fere tributa, picturis optime ornata; membr. in 4-to sec. XI.

34. Ephraem Syri Sermones Ascetici; membr. in fol. sec. XI.

35. Acta Apostolorum et Epistolae Paulinae Catholicaeque; membr. in 4-to sec. XI.

36. Gregorii Theologi Orationes; membr. in fol. sec. XI.

37. Ejusdem operis exemplaria tria alia membr. in fol sec. XI.

38. Basilii in Psalterium Homiliae; membr. in fol. sec. XI.

39. Alexii Macrembolitae Allegoriae; chart. in 4-to sec. XIV.

40. Evangelistarium, Graece et Arabice; membr. in fol. sec. XII.

41. Menologium pro mense Septembri; membr. in fol. sec. XV.

42. Luciani Dialogi, Euripidis Hecuba, Aristophanis Plutus; chart. iu 4-to sec. XVI.

43. Typicon τῆς ἁγίας ἐκκλησίας ἐν Ἱεροσλύμοις Λαύρας τοῦ ἁγίου Σάββα.

44. Evangeliarium; membr. in 4-to majori sec. XII.

45. Chrysostomi in S. Matthaei Evangelium Homiliae; membr. in fol. sec. XI.

46. Ejusdem in Genesin Homilia, pars prior; membr. in fol. sec. XI.

47. Ejusdem operis exemplar aliud ejusdem seculi.

48. Psalterium; membr. in 4-to minori sec. X. exeuntis.

49. Id.; membr. in 4-to min. sec. XI.

50. Id.; ejusdem seculi et formae.

51. Id.; membr. in 4-to sec. XII.

52. Evangelia IV nec non Epistolae Paulinae Canonicaeque cum synaxariis; membr in 4-to minori sec. XI.

53. Id.; membr. in 4-to sec. XI.

54. Id.: membr. in 4-to sec. XII.

55. Evangeliarium; membr in 4-to minori sec. XII.

56. Evangelia quatuor; membr. in 4-to minori sec. X.

57. Exemplar aliud; membr. in 4-to minori sec. X exeuntis.

58. Id.; ejusdem formae et seculi.

59. Id.; ejnsdem formae et seculi.

60. Id.;

61. Id.; exemplaria quinque; membr. in 4-to sec. XI.

62. Id.; exemplaria quinque; in 4-to sec. XII.

63. Synopsis Historica a fundatione mundi usque ad Constantinum Palaeologum Imperatorem, anno 1580 compilata.

Tit.: Σύνοψις ἱστοριῶν ἀπὸ κτίσεως κοσμοῦ μεχρὶ τῆς βασιλείας Κωνσταντίνου Παλαιολόγου τοῦ ἐσχάτον βασιλέως τῶν Ῥωμαίων, ἐπὶ

περιέχουσα καὶ τὰ τῆς βασιλείας τῶν Τούρκων μεχρὶ τὸν νῦν[1] Σούλταν Σελὴμ, πρὸς τούτοις διαλαμβάνουσα, καὶ περὶ τῆς Βενετίας πότε ἐκτίσθη, καὶ ποσοὶ τῶν Δούκων ὅρισαν αὐτὴν καὶ πόσα καὶ ποῖα κάστρη ἔλαβον, πόσοι δὲ τῶν πατριαρχῶν κ. λ. συναχθέντα ταῦτα πάντα ἐκ διαφόρων βιβλίων τὰ ἀναγκαιότερα καὶ γλυκοτέρα καὶ εἰς πέζην μεταγλωττισθέντα φράσιν ἐν ἔτεῖ ιζόη ἀπὸ κτίσεως κόσμου, ἀπὸ δὲ τῆς ἐνσάρκου οἰκονομίας τοῦ Κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ, ἀπὸ μηνὶ αὐγούστῳ.

Inc.: Θέλων ὁ σοφὸς δημιουργός.

Ex charta laevigata; in fol. FF. 360 sec. XVI.

Pauca de Venetiis versus finem occurrunt.

M. SS. IN THE TOWER LIBRARY OF THE MONASTERY OF S. SABA.

ON THE EAST SIDE.

1. Dionysii et aliorum opuscula de hymnis; chartac. in 4-to sec. XV.
2. Psalterium; membr. in 4-to minori sec. XI.
3. Id., ejusdem formae et seculi.
4. Id.; membr. in 4-to sec. XII.
5. Alia plura in chartis scripta recentioris aevi.
6. Trimenium; membr. in fol. sec. XI.
7. Homiliae (Chrysostomi forsitan) in Acta Apostolorum; membr. in fol. sec. XI.
8. Theophili Corydalei Physica; chart. in fol. sec. XV.
9. Chrysostomi Homiliae in Genesin, pars secunda; membr. in fol. sec. XI.
10. Ejusdem Homiliae mixtae; membr. in fol. sec. XI.
11. Johannis Carpathi in Philonem Commentarius; membr. in 4-to sec. XI.
12. Evangeliarium; membr. in 4-to sec. XI.
13. Officia varia ecclesiastica Johannis Damasceni etcet., notis musicis illustrata; membr. in 4-to sec. XI.
14. Chrysostomi Homiliae in S. Matthaeum; membr. in 4-to sec. XI.
15. Michaëlis Pselli nonnulla Stichera, cum notis musicis; membr. in 4-to sec. XI.

35. Acta Apostolorum et Epistolae Paulinae Catholicaeque; membr. in 4-to sec. XI.

36. Gregorii Theologi Orationes; membr. in fol. sec. XI.

37. Ejusdem operis exemplaria tria alia membr. in fol sec. XI.

38. Basilii in Psalterium Homiliae; membr. in fol. sec. XI.

39. Alexii Macrembolitae Allegoriae; chart. in 4-to sec. XIV.

40. Evangelistarium, Graece et Arabice; membr. in fol. sec. XII.

41. Menologium pro mense Septembri; membr. in fol. sec. XV.

42. Luciani Dialogi, Euripidis Hecuba, Aristophanis Plutus; chart. iu 4-to sec. XVI.

43. Typicon τῆς ἁγίας ἐκκλησίας ἐν Ἱεροσλύμοις Λαύρας τοῦ ἁγίου Σάββα.

44. Evangeliarium; membr. in 4-to majori sec. XII.

45. Chrysostomi in S. Matthaei Evangelium Homiliae; membr. in fol. sec. XI.

46. Ejusdem in Genesin Homilia, pars prior; membr. in fol. sec. XI.

47. Ejusdem operis exemplar aliud ejusdem seculi.

48. Psalterium; membr. in 4-to minori sec. X. exeuntis.

49. Id.; membr. in 4-to min. sec. XI.

50. Id.; ejusdem seculi et formae.

51. Id.; membr. in 4-to sec. XII.

52. Evangelia IV nec non Epistolae Paulinae Canonicaeque cum synaxariis; membr in 4-to minori sec. XI.

53. Id.; membr. in 4-to sec. XI.

54. Id.: membr. in 4-to sec. XII.

55. Evangeliarium; membr in 4-to minori sec. XII.

56. Evangelia quatuor; membr. in 4-to minori sec. X.

57. Exemplar aliud; membr. in 4-to minori sec. X exeuntis.

58. Id.; ejusdem formae et seculi.

59. Id.; ejnsdem formae et seculi.

60. Id.;

61. Id.; exemplaria quinque; membr. in 4-to sec. XI.

62. Id.; exemplaria quinque; in 4-to sec. XII.

63. Synopsis Historica a fundatione mundi usque ad Constantinum Palaeologum Imperatorem, anno 1580 compilata.

Tit.: Σύνοψις ἱστοριῶν ἀπὸ κτίσεως κοσμοῦ μεχρὶ τῆς βασιλείας Κωνσταντίνου Παλαιολόγου τοῦ ἐσχάτον βασιλέως τῶν Ῥωμαίων, ἐπὶ

περιέχουσα καὶ τὰ τῆς βασιλείας τῶν Τούρκων μεχρὶ τὸν νῦν[1] Σούλταν Σελὴμ, πρὸς τούτοις διαλαμβάνουσα, καὶ περὶ τῆς Βενετίας πότε ἐκτίσθη, καὶ πόσοί τῶν Δούκων ὅρισαν αὐτὴν καὶ πόσα καὶ ποῖα κάστρη ἔλαβον, πόσοι δὲ τῶν πατριαρχῶν κ. λ. συναχθέντα ταῦτα πάντα ἐκ διαφόρων βιβλίων τὰ ἀναγκαιότερα καὶ γλυκοτέρα καὶ εἰς πέζην μεταγλωττισθέντα φράσιν ἐν ἔτεῖ ιζόη ἀπὸ κτίσεως κόσμου, ἀπὸ δὲ τῆς ἐνσάρκου οἰκονομίας τοῦ Κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ, ἀπὸ μηνί αὐγοῦστῳ.

Inc.: Θέλων ὁ σοφὸς δημιουργός.

Ex charta laevigata; in fol. FF. 360 sec. XVI.

Pauca de Venetiis versus finem occurrunt.

M. SS. IN THE TOWER LIBRARY OF THE MONASTERY OF S. SABA.

ON THE EAST SIDE.

1. Dionysii et aliorum opuscula de hymnis; chartac. in 4-to sec. XV.
2. Psalterium; membr. in 4-to minori sec. XI.
3. Id., ejusdem formae et seculi.
4. Id.; membr. in 4-to sec. XII.
5. Alia plura in chartis scripta recentioris aevi.
6. Trimenium; membr. in fol. sec. XI.
7. Homiliae (Chrysostomi forsitan) in Acta Apostolorum; membr. in fol. sec. XI.
8. Theophili Corydalei Physica; chart. in fol. sec. XV.
9. Chrysostomi Homiliae in Genesin, pars secunda; membr. in fol. sec. XI.
10. Ejusdem Homiliae mixtae; membr. in fol. sec. XI.
11. Johannis Carpathi in Philonem Commentarius; membr. in 4-to sec. XI.
12. Evangeliarium; membr. in 4-to sec. XI.
13. Officia varia ecclesiastica Johannis Damasceni etcet., notis musicis illustrata; membr. in 4-to sec. XI.
14. Chrysostomi Homiliae in S. Matthaeum; membr. in 4-to sec. XI.
15. Michaëlis Pselli nonnulla Stichera, cum notis musicis; membr. in 4-to sec. XI.

16. Lectionarium, ex Testamento utroque confectum; membr. in 4-to sec. XII.

17. Theodoreti, Ep. Cyri, in S. Pauli Epistolas Commentarius; chart. in fol. sec. XIV.

18. Opus dict. Θησαυρός, ex Conciliorum canonibus etc. compilatum; chart. in fol. sec. XV.

19. Asceticorum Quaestiones, in sectiones eccl. distinctae. Incip.: Ἐπειδὴ ἔδωκεν ἡμῖν ὁ λόγος.

20. Chrysostomi in S. Johannis Evangelium; membr. in fol. sec. XI.

21. Nili Monachi Ascetica; membr. in 4-to sec. XI.

22. Chrysostomi Homiliae variae; membr. in fol. sec. XI.

23. Ejusdem in Genesin, pars prima; membr. in fol. sec. XI.

24. Ejusdem ad Antiochenos Homiliae; membr. in fol. sec. XI.

25. Nili Isaaci et aliorum Ascetica; membr. in fol. sec. XI.

26. Lectionarium, ex Prophetis desumptum; membr. in 4-to sec. XI.

27. Orationes Asceticae. Praemissus est sermo περὶ ξενιτείας. Incip.: Ξενιτεία ἐστὶν κατάλειψις ἀνεπίστροφος; membr. in 4-to sec. XI.

28. Chrysostomi in Genesin, pars altera; membr. in fol. sec. XI.

29. Ejusdem in SS. Matthaei et Johannis Evangelia; membr. in fol. sec. XI.

30. Gregorii Nazianzeni Orationes, optime scriptae; membr. in 4-to sec. XI.

31. Anastasii Sinaitae liber de Synaxi; membr. in 4-to sec. XII.

32. Chrysostomi in S. Pauli ad Romanos Epistolam Homiliae; membr. in fol. sec. XI.

33. Ejusdem Chrysostomi Homiliae variae; membr. in fol. sec. XI.

34. Ejusdem Homiliae variae; ejusdem aevi.

35. Diadochi Capita Ascetica (membr. in 4-to sec. XII?).

36—39. Chrysostomi Homiliae in Genesin, pars prior; exemplaria quatuor; membr. in fol. sec. XI.

40. Ejusdem Homiliae in S. Matthaei Evangelium, exemplaria plura; membr. in fol. sec. XI.

41. Theophylacti, Archiep. Bulgariae, in S. Pauli Epistolas Commentarius; chart. in fol. sec. XIV.

42. Lectionarium ex Testamento Veteri; membr. in 4-to sec. XII.
43. Expositio in Troparia; membr. in 4-to sec. XII.
44. Ephraem Syri Sermones varii; membr. in fol. sec. IX.

ON THE WEST SIDE.

45. Evangelia IV.; membr. in 4-to sec. XI.
46. » membr. in 4-to sec. XII.
47. » membr. in 4-to minori sec. XI.
48. Georgii Pachymerae Chronicon; chart. in fol. sec. XV.
49. Homeri Odyss. lib. III, cum scholiis; chart. in 4-to sec. XVII.
50. Synesii Epistolae; chart. in 4-to sec. XVII.
51. Sententiae Monostichae; chart. in 4-to sec. XI.
52. Lectionarium, cum tonis; membr. in 4-to sec. XI.
53. Odarium; membr. in 3-to minori sec. XI.
54. Syntagma canonum; chart. laevig. in 4-to majori sec. XIV.
55. Psalterium, cum Canticis, ex utroque Testamento desumptis, optime scriptum; membr. in 4-to sec. XII.
56. Odae, Canones et Stichera; membr. in 4-to sec. XI.
57. Interpretationes super SS. Marci et Lucae Evangelia; membran. partim et partim chart. in 4-to sec. XIV.
58. Hermologium; membr. in fol. sec. XII. Exemplaria quoque Hermologiorum et Synaxariorum plura invenimus in chartis exarata recentioris aevi.
59. Phrynichi Grammatica secundum ordinem alphabeti; chart in. 4-to sec. XV.
Tit.: Γραμματικὴ κατὰ στοιχεῖν τοῦ Φρενοιχᾶ.
Incip.: Ἄβαρις, ὄνομα κύριον.

PATMOS.

M. SS. IN THE MONASTERY OF S. JOHN THE EVANGELIST IN THE ISLAND OF PATMOS.

1. Liber Job, SS. Patrum scholiis instructus; codex re vera splendidus, figuris bene delineatis illustratus et literis uncialibus sec. forsan VII exeunte exaratus; membr. in fol. maximo.

2. Evangelia quatuor, cum scholiis; membr. in 4-to sec. XII.

3. Gregorii Nazianzeni Opera, cum scholiis, an Nicetae Serrarum Episcopi; membr. in fol. sec. IX, literis figuratis instructus.

4. Evangelistarium, membr. in 4-to literis uncialibus sec. XI.

5. Origenis Hexapla, cum scholiis membr. in fol. sec. X exeunte.

6. Evangelia quatuor, cum Synaxariis; membr. in 4-to sec. X ineunte.

7. Diodori Siceliotae Historiarum libri XI—XVI inclusive; membr. in fol. sec. IX.

8. Theodoreti, Episcopi Cyri, Sermones; chart. in 4-to sec. XIII.

9. S. Basilii in Isaiam Commentarius; membr. in 4-to sec. XI.

10. Evangelistarium; membr. in 4-to literis uncialibus sec. XI.

11. Nemesii liber de natura hominis; Methodii Symposium; membr. in 4-to minori sec. X ineunte.

12. Isaaci Syri Sermones Ascetici (membr. in 4 to; sec. XII?).

13. SS. Patrum Catena super Job; chart. in 4-to sec. XIV.

14. Dorothei Sermones Ascetici; membr. in fol. sec. XI.

15. Gregorii Nazianzeni Sermones, cum sholiis; membr. in 4-to sec. XIII.

16. Ejusdem operis exemplar aliud; membran. in fol. sec. X exeunte.

17. Gregorii Nysseni Sermones; membr. in fol. sec. XI.

18. Gregorii Nazianzeni Sermones; membr. in fol. sec. X.

19. Basilii Opera plura; membr. in fol. sec. XI.

20. Ejusdem in Prophetas Sermones; membr. in fol. sec. XII.

21. Evangelia quatuor; membr. in fol. sec. XII.

22. Evangelistarium; membr. in fol. litt. uncial. sec. XI.

23. Catena super Evangelia, ex SS. Patrum scriptis confecta; membr. in 4-to majori sec. XI.

24. S. Pauli Epistolae ad Romanos et Corinthios, glossa marginali instructae (membr. in 4-to sec. XII?).

25. Anonymi cujusdam Historia Ecclesiastica; membr. in 4-to sec. XI. Praefixum est capitulum περὶ τῶν Ἀγαρίνων ἐπιδημούντων ἐν Κωνσταντινουπόλει. Incip.: Ὁ οὖν Μασάλμας καθὼς ἀνωτέρω εἴρηται τὴν Ἄβυδον καταλαβών.

26. Basilii Comment. in Psalterium; membr. in 4-to sec. XI.

27. Acta Apostolorum, Epistolae Paulinae et Catholicae, glossis marginalibus instructae; membr. in fol. sec. XII.

28. Titi, Episcopi Bostrensis, in Evangelia Commentarius; membr. in 4-to sec. IX.

29. Johannis Damasceni Dialecta; membr. in 4-to sec. XII.

30. Basilii Caesariensis Homiliae variae; membranac. in fol. sec. XI.

31. Acta Apostolorum, Epistolae Paulinae Canonicaeque; membr. in fol. sec. IX.

32. Chrysostomi in Acta Apostolornm Homiliae; membr. in 4-to sec. XI.

33. Hesychii Symphonia Evangelica; membranac. in fol. sec. X exeunte.

34. Euthymii Icobaeni (Zigabeni?) Expositio super Alexii κατα-θῶματα; membr. in 4-to majori sec. XII.

35. Alexii Comneni Panoplia Dogmatica; chartac. in 4-to sec. XIV.

36. Anastasii Sinaitae Responsiones; membr. in 4-to sec. XI.

37. Chrysostomi Homiliae in S. Pauli ad Ephesos et Galatas Epistolas; membr. in fol. sec. XI.

38. Basilii in Psalmos varios Homiliae; membr. in fol. sec. X.

39. Gregorii Nysseni Sermones varii; membr. in 4-to sec. XI.

40. Gregorii Theologi Orationes; membr. in 4-to litt. uncial. sec. VIII.

41. Ejusdem operis exemplar aliud; membr. in 4-to majori sec. IX.

42. Basilii in Psalmos; membr. in fol. sec. XIII.

43. Exemplaria alia duo; membr. in fol. sec. XIV.

44. Dionysii Areopagitae De Ecclesiastica Hierarchia liber; membr. in 4-to sec. XI.

45. Isidori Epistolae ad diversos; membr. in 4-to sec. XI.

46. Dionysii Areopagitae Opera; membr. in 4-to sec. IX.

47. Johannis Gemet Expositio in istud: Χριστὸς γεννᾶται; membr. in 4-to sec. XI.

Tit.: Ἑρμηνεία εἰς τὸ, Χριστὸς γεννᾶται, συγγραφεῖσα παρὰ Ἰωάννου Γεμέτ τοῦ σοφωτάτου.

Incip.: Ὁ λαμπρὸς, καὶ παρὰ πᾶσι καὶ διὰ πάντον περιβόητος λόγος.

48. Gregorii Theologi et Basilii nonnulla, necnon S. Petri Martyrium. Incip.: Πέτρος ὁ ἀποστόλος ἐν τῇ Ῥώμῃ; membr. in fol. literis uncial. sec. VIII exeuntis.

49. Chrysostomi in S. Pauli Epistolas Homiliae; membr in fol. sec. XI.

50. Ejusdem in Genesin, pars secunda; membr. in fol. sec. XI.

51. Catena SS. Patrum in Isaiam Prophetam; membran. in fol. sec. XI.

52. Catena, ex scriptis Theodoreti aliorumque Patrum in libros quinque Mosis; membr. in fol. sec. XI.

53. Theodori Studitae Epistolae; membr. in fol. minori sec. XI.

54. Vitae SS. Johannis, Georgii, Eustratii etc.; membr. in 4-to sec. XI.

55. Cantarium per anni circulum; membran. in 4-to sec. X exeuntis.

56. Expositio super istud: ὅτι οὐ γάμος αὔξει τὸ ἡμέτερον γένος. Incip.: Καὶ νῦν δὲ οὐχ ἡ τοῦ γάμου δύναμις τὸ γένος; membr. in 4-to sec. XI.

57. Cantarium per annum; membr. in 4-to sec. IX.

58. Catena super Octoteuchum, ex SS. Patrum scriptis confecta (imperf.); membr. in 4-to sec. XI.

59. Evangelia quatuor; membr. in 4-to sec. X.

60. Chrysostomi in S. Johannis Evangelium; membr. in fol. sec. XI.

61. Chrysostomi in S. Matthaei Evangelium; membran. in fol. sec. X.

62. Germani, Archiepisc. Constantinopolitani, scholia in S. Pauli Epistolas; membr. in 4-to sec. IX.

63. Chrysostomi Homiliae in S. Johannis Evangelium; membr. in 4-to sec. X.

65. Ejusdem in S. Matthaei Evangelium; membranac. in 4-to sec. X.

65. Πεύσεις προσαχθεῖσαι ὑπὸ Κονστάντιου Θεοχάριστου, κ. τ. λ. ὀκηνινὰ ἐκρατήθη ἐν Κωνσταντινουπόλει διδάσκειν ἐπὶ ἔτη εἴπσι. Inc.: Οἱ τὴν μεγάλην καὶ εὐρύχοιρον διακλέοντες; membr. in fol. sec. IX.

66. Johannis Σύγχι: Περὶ κόσμου καὶ τῆς κατ' αὐτὸν φύσεως. Incip.: Περὶ κόσμου φύσεως πολλῶν πολλοῖς εἰρημένων; membr. in 4-to sec. forsan XI.

67. Canones Conciliorum variorum; membr. in fol. sec. X.

68. Johannis Zonarae Expositio super Canones; membr. in 4-to sec. XV.

69. Ephraem Syri Sermones varii; membr. in fol. sec. XI.

70. Theodori Studitae Sermones varii; membr. in fol. sec. XI.

71. Pauli Aeginetae Physica; imperf.; membr. in fol. sec. XIII.

72. Chrysostomi in S. Pauli Epistolas Homiliae; imperf. in fol., in voluminibus quatuor, sec. et

73. Ejusdem in Genesin, pars prior; membr. in fol. sec. X et XI.

74. Isidori Epistolae; membr. in 4-to sec. XII.

75. Cyrilli Alexandrini Lexicon; membr. in 4-to sec. XV.

76. Sophoclis Ajax et Electra; membr. in 4-to sec. XV.

77. Evangelia quatuor; membr. in 4-to sec. XI.

78. S. Andreae Vita, Chrysostomi Epistolae etc.; membr. in 4-to sec. X.

79. Marci monachi Sermones; membr. in 4-to sec. XI.

80. Diadochi Episcopi Sermones; membr. in 4-to sec. XI.

81. Evangelistarium, literis uncialibus; membr. in 4-to sec. VIII.

82. Epistolare per anni circulum; membr. in 4-to sec. XII.

83. Testamenta duodecim Patriarcharum; membran. in 4-to sec. XVI.

84. Gregorii Nysseni Sermones; membr. in fol. sec. XI.

85. Chrysostomi in S. Matthaei Evangelium; membr. in fol. sec. XI.

86. Exemplar aliud ejusdem seculi.

87. Exemplar aliud.

88. Canones Conciliorum Ecclesiasticorum; membran. in fol. sec. XII.

89. Catena in S. Matthaei Evangelium, ex SS. Patrum scriptis compilata; membr. in fol. sec. XI.

90. Catena in Psalterium, ex Theodoreti aliorumque scriptis confecta; membr. in fol. sec. XII.

91. Lectionarium, ex SS. Prophetis per annum; membr. in 4-to sec. XIII.

92. Thalassii monachi Opuscula varia; membr. in 4-to sec. XI.

93. Matthaei Blastaris Nomocanon; membr. in 4-to sec. XV.

94. (Palladii monachi) Lausiaca; membr. in 4-to sec. XIII.

95. Gregorii Nazianzeni et Basilii Epistolae mutuae; membr. in 4-to sec. X.

96. Pacomii Vita; membr. in 4-to, anno 1292 exaratus.

97. Origenis Commentarius super Pentateuchum et Prophetas.; imperf. membr. in fol. sec. IX.

98. Basilii in Psalmos varios; membr. in fol. sec. X exeunte.

99. Canones Conciliorum variorum; membr. in 4-to sec. XI.

100. Lectionarium per anni circulum, ex Testamento Veteri desumptum; membr. in 4-to litt. uncial. sec. VIII.

101. Menologium, cum tonis musicis; membr. in 4-to sec. XI.

102. Theophylacti, Episc. Bulgariae, in Evangelia Commentarius; membr. in fol. sec. XIV.

103. Menologium; membr. in fol. sec. XI.

104. Exemplaria alia, mensibus aptata variis; membr. et bombyc. in fol. secc. XI, XII.

105. Maximi Peloponnesii Lectiones super Evangelia per anni circulum; chart. in fol., anno 1614 Joanninae scriptus.

106. Johannis Palisterii Lexicon et de constructione partium orationis; membr. in 4-to minori sec. XV.

107. Theodosii Alexandrini Grammatica; Nicetae, Serrarum Episcopi, Evchologium et versus iambici; membr. in 4-to sec. XIII.

108. Lectionarium ex Testamento Veteri; membranac. in 4-to sec. XIII.

109. Euthymii Zigabeni Expositio in Psalterium; membr. in 4-to sec. XII.

110. Typicon, in usum monasterii S. Eliae βώμων, anno 1162, Manuele Comneno imperante, in 4-to exaratum.

111. Odarium; membr. in 4-to sec. XII.

112. Canones Conciliorum varii; membr. in fol., literis uncialibus sec. VIII.

113. a. Sententiae super S. Pauli Epistolas.
b. Epiphanii libellus De ponderibus.
c. Johannis Philoponi Lexicon περὶ τῶν πρὸς διαφόρον σημασίαν διαφόρως τῶν νοουμένων.
d. Sexti, Pythagorae aliorumque Sententiae; membr. in 4-to minori sec. IX.

114. Maximi Confessoris liber de Diversis apud SS. Scripturas dubiis; membr. in 4-to sec. XI.

115. Cantarium per anni circulum; membr. in 4-to sec. IX.

116. SS. Patrum adversus haereses collectanea; membr. in 4-to sec. XI.

117. Leonis Patricii Epitome de locis Testamenti Veteris et Novi difficilioribus; membr. in 4-to sec. X.

118. Euchologium, cum tonis musicis; membr. in 4-to sec. XII.

119. S. Johannis Theologi Acta, auctore Niceta Archiepiscopo; membr. in 4-to sec. XII.

120. (Matthaei Blastaris sive Johannis Nesteutae?) Nomocanon; membr. in 4-to sec. XIII.

121. Stichologium, cum notis musicis; membr. in 4-to sec. XIII.

122. Ejusdem operis exemplaria alia duo ejusdem seculi.

123. Menologium, cum notis musicis; membr. in fol. sec. XIII.

124. Sticherarium seu Stichologium, sub titulo: Ἀρχὴ κ. λ. τοῦ παλαιοῦ στιχηραρίου, περιέχων δὲ καὶ τὸ τριόδιου σὺν τῷ Πεντηκοσταρίῳ ὁλόκληρα; (membr. in 4-to sec. XIII?).

125. Μαθηματάριον τοῦ ὅλου ἐνιαυτοῦ, ποίημα κυρίου Βασιλικοῦ, cum notis musicis (membr. in 4-to sec. XIII?).

126. Platonis, Philippi aliorumque Martyria; membr. in fol. sec. XII.

127. Martyrologium; exemplaria duo; membr. in fol. sec. XII.

128. Sententiae Morales, ex auctoritatibus tam sacris, quam profanis, collectae; membr. in 4-to sec. XII.

129. Anonymi cujusdam Historia de Roma et Imperatoribus ejus; membr. in 4-to sec. XV.

130. Psalterium; membr. in 4-to sec. XIII.

131. Hirmologium; membr. in 4-to sec. XII.

M. SS. IN THE ISLAND OF CYPRUS.

IN THE POSSESSION OF THE BISCOP OF CITIUM AT LARNACA.

1. Evangelia quatuor, cum Synaxario annexo; membr. in 4-to sec. XII ineunte.

2. Theodori Gazae Grammatica, cum commento.
Praecedit Bessarionis ad Michaëlem Apostolium Epistola.
Chartaceus, anno 1451 scriptus.

IN THE ARCHBISHOP'S RESIDENCE AT NICOSIA.

1. Cyrilli Hierosolymitani Catecheses, Athanasii aliorumque Sermones; membr. in fol. sec. XI.

2. Sanctorum Vitae, apud quas occurrunt:
   a. S. Johannis Apostoli.
   b. Andreae Cretensis Encomium in S. Johannem.
   c. S. Jacobi Vita.
   d. S. Lucae Vita.
   e. Apostolorum XII Vitae.
   f. Pauli Thebani Vita, auctore S. Hieronymo.
   g. S. Bartholomaei Vita et Martyrium; membr. in 4-to sec. X ineunte.

3. Sticheron per anni circulum; membr. in 4-to sec. X exeunte.
   In calce κατάλογος... Νικολάου μαϊστόρος. Ὁ Θεὴς σώση αὐτὸν καὶ ῥύσεται αὐτὸν ἐκ τῆς μελλούσης γεέννης τοῦ κορὸς. Ἀμήν.

4. Psalterium, cum commento marginali; membr. in 4-to sec. X exeunte.
   Incip. in Ps. glossa: Τὰ ῥήματά μου, κ. λ. διατὶ μὴ εἶχεν τὸν λόγον μου, ἀλλὰ τὰ ῥήματα μου, ὅτι ὁ μὲν λόγος πολλὰ ὑφ' εαυτὸν περιλαμβάνει τὰ ῥήματα, τὰ δὲ ῥήματα μέλη εἰσὶ λόγου ὡς μέλη σώματος.

M. SS. IN THE LIBRARY OF THE METROPOLITAN AT RHODES.

1. Dorothei Quaestiones et Responsiones, ejusdem Διδασκαλίαι; membr. in fol. sec. XI.

2 Epitome Canonum Conciliorium, auctore forsan Matth. Blassare; membr. in 4-to minori sec. XI.

3. Gerasimi Rhetorica; chart. in fol. sec. XVI.

4. Macarij De sublimitate Angelorum liber; chartac. in 4-to sec. XV.

5. Constantini Ducae aliorumque Epistolae ad Patriarcham Constantinopol.; chart. in fol. sec. XV.

6. Josephi Bryennii Homiliae diversae; chart. in fol. sec. XV.

7. Johannis Damasceni, Andreae Cretensis et aliorum Homiliae; chart. in 4-to sec. XV.

8. SS. Patrum Auctoritates de S. Trinitate: chart. in 4-to sec. XV.

9. Manuelis Moschopuli et aliorum Grammatica; chart. in 4-to sec. XV.

10. Ephraem Syri Paraenetica; chart. in fol. sec. XVI.

11. Nili Cabasilae Opera adversus Latinos de S. Spiritus processione varia; chart. in fol. sec. XV.

M. SS. IN THE ISLAND OF CANDIA.

IN THE HOUSE OF THE BISHOP AT CANEA.

SS. Patrum Auctoritates variae, e codice vetustiori recentius transcriptae.

Praemissa est notitia: Ἡ παροῦσα βίβλος, ἣν ἀνὰ χεῖρας ἔχεις, ὦ φιλαναγνώστα μετεγράφθη κατὰ τὸ χιλιοστὸν ὀκτοκοσιοστὸν καὶ δεύτερον ἔτος τὸ σωτήριον ἐν μηνὶ Φευραρίῳ Ζ. παρ ἐμοῦ τοῦ δυστυχοῦς καὶ παντλήμονος Καλλινικοῦ ἀρχιθύτου Κυδωνίας ἔκ τινός ἄλλης χειρογράφου, κ. λ.

IN THE MONASTERY OF S. CONSTANTINE IN ARKADHI.

Psalterium; aevi recentioris; chart. in 4-to.

IN THE MONASTERY OE ELIAS AT RUSTICA.

Chartae duae, varia Monasterio Concedentes, dat. 1713.

IN THE MONASTERY OF S. ANTHONY AT PAZANES.

Euchologium secundum St. Anthonii usum.

IN THE MONASTERY OF ST. MARY AT SAVATIANA, NEAR CASTRO.

1. Chrysostomi Liturgia; chart. in 4-to sec. XVI.
2. a. Andreae Cretensis varia.
2. b. S. Euphrosynae aliorumque Vitae.
   c. Narrationes Sanctorum, praesertim ex Paterico.
   d. Historiae XII Apostolorum; chart. in 4-to sec. XVI.
3. Hirmologium secundum S. Antonii usum; chart. in 4-to sec. XVI.

IN THE MONASTERY OF ST. JOBY AT TOPOLU, IN SITEIA.

1. Nomocanon seu opus de vita ascetica, ex Synodis Oecumenicis a Johanne Nesteuta aliisque confectum.

Incip.: Στοιχεῖον α. περὶ τοῦ ἀρνηθέντος τὸν Χριστὸν ἑκουσίως ἢ διὰ φόβον, ἢ διὰ τιμωρίαν ἀνθρωπων.

2. Triodium, ἀρχόμενον ἀπὸ τῆς κυριακῆς Τελώνου καὶ Φαρισαίου μεχρὶ καὶ τῷ ἁγίῳ καὶ μεγάλῳ Σαββάτῳ; chart. in fol. sec. XV exeunte.

3. Vitae SS. Patrum ex Paterico; chart. in 4-to sec. XVI.

Praemissa sunt folia octo, in quibus de S. Johanne Evangelista agitur, ubi περὶ τοῦ κύνωπος τοῦ ἐν τῇ Πατμὸς νήσῳ τὰς νεκρομαντίας ποιοῦντος.

M. SS. IN THE ISLAND OF MILOS.

IN THE HANDS OF A DEALER IN ANTIQUITIES.

1. Chrysostomi in S. Matthaei Evangelium Homiliae (XV — XXVI); fragm. membr. in fol. sec. XI.
2. Ejusdem Sermones de diversis; membr. in 4-to sec. XI.
3. Vitae Patrum; fragm. membr. in fol. sec. XI.
4. Id. fragm. membr. in 4-to sec. X exeuntis.
5. Evangelistarii fragmentum membr. in fol. sec. XII.
6. Gregorii Nysseni Oratio Catechetica et Basilii de S. Spiritu i ber; membr. in 4-to sec. forsan X exeunte.
7. Euchologium per annum. Fragm. membr. in 4-to sec. XIII.
8. Basilii Sermones varii; membr. in 4-to sec. X fragm.
9. Theodori Studitae Catecheses; chart. in 4-to sec. XIV.
10. Nomocanon (M. Blastaris sive Johannis Nesteutae?); chart. n-4 to sec. XVI.

THE PROPERTY OF PRIVATE PERSONS.

11. Regula monachorum, in capita trecenta distributa, manu Johannis Chii anno 1653 exarata; chart. in 4-to.

Incip.: Περὶ κρίτου τοῦ εἶναι εἰς πάντας συμαθείας καὶ νὰ

μηδὲν πίστευμα λόγους τινὸς χάρις νὰ ἐξετάζῃ Ματθαίου τοῦ νομοθέτου, ὁ ὁποῖος ἦτοι ἱερομοναχὸς καὶ πολλασοφότατα τὸ ἐκικλὴν Βλαστάρης.

12. Psalterium; chart. in-4to sec. XVI.

13 Zosimae Narrationes; chart. in 4-to sec XV.

14. Geronticon; chart. in 4-to sec. XV.

15. Gregorii Nazianzeni Carmina varia, cum interpretatione; chart. in-4 to minori sec. XV.

16. Hymnologium, cum notis musicis; chart. in fol. sec. XVII.

17. Herodiani Historia; chart. in fol. sec. XVIII.

18. Evangelia quatuor, anno 1305 a Cyprio quodam bene exarata.

M. SS. IN PAROS.

IN THE MONASTERY OF S. GEORGE.

1. Chrysostomi aliorumque Sermones; chart. in 4-to sec. XVI.

2. Sanctorum Vitae; chart. in 4-to sec. XVI.

3. Sermones, ex SS. Patribus variis collecti; chart. in 4-to sec. XVI.

IN THE MONASTERY OF S. MINAS.

4. S. Spiridionis aliorumque Vitae; chart. in 4-to sec. XIV.

5. Matthaei Blastaris Nomocanon; chart. in 4-to sec. XVI.

M. SS. IN NAXOS.

IN THE MONASTERY OF FANO-ROMANIS.

1. Chrysostomi Homiliae in Hexaëmeron.

2. Theodori Studitae Catecheses; chart. in 4-to, anno 1612 manu Cyrilli monachi exaratus.

M. SS. IN CONSTANTINOPLE.

IN THE LIBRARY OF THE SERAGLIO, FROM A LIST KINDLY FURNISHED BY THE HON PERCY SMYTHE (NOW VISCOUNT STRANGFORT) AND DR. MORDTMANN.

1. Expositio in Psalterium, sub titulo: Ἐξήγησις τῆς βίβλου τοῦ ψαλτηρίου καὶ ἐγκώμιον τοῦ Δαβίδ. Membr.
2. Antonii Monachi σημαιαγωγὴ λέξεων; chart.
3. Liber de Arte Cabbalistica; chart.
4. Opus ad Historiam Byzantinam spectans bombycinus.
5. Homerus, cum commento; bombycinus.
6. Ptolemaei Astronomia; bombycinus.
7. Ejusdem operis exemplar aliud; bombycinus.
8. Grammatica Graeca; bombycinus.
9. Diogenis Laërtii Vitae Philosophorum.
10. Aristotelis de partibus animalium Liber.
11. a. Pythagorae versus Aurei, cum commento.
    b. Phocylidis Sententiae.
    c. Catonis Romani Paraenetica.
12. a. Aristotelis Liber de generatione et corruptione.
    b. Procli Diadochi Lycii στοιχείωσις φυσική.
    c. Heronis Opera Geometrica et Pneumatica.
13. a. Ptolemaei Geographia.
    b. Dionysii Periegetis Geographia.
14. Eudemi (?) Rhetoris λεξέων χρησίμων συναγωγή.
15. Lexicon Graeco-Latinum.
16. Opus Medicum.
17. Hesiodi Theogonia, cum commento.
18. Historia Universa a creatione mundi usque ad Imperii Byzantini destructionem.
19. Pindari Carmina, cum glossis.
20. Historia Byzantina.
21. De lapidum pretiosorum proprietatibus.

IN THE LIBRARY OF THE PATRIARCH OF IERUSALEM.

1. Catena commentariorum, ex SS. Patrum scriptis super Prophetas; bombyc. in 4-to majori sec. XIV.

2. Gregorii Nazianzeni Sermones, cum Nicetae commento; chart. in fol. sec. XV.

3. Dorothei, Tyri Episcopi, Sermones; membr. in 4-to sec. X.

4. Suidae Etymologicum; chart. in fol. sec. XV.

5. Euthymii Zigabeni in Psalterium Expositio; membr. in 4-to sec. XII.

6. Gregorii Nazianzeni Sermones, cum commento; membr. in 4-to sec. X exeunte.

7. Evangelia quatuor cum glossa; membr. in-4 to sec. XII.

8. Alexandri Maurocordati historiarum Epitome; chart. in fol. sec. XVI.

9. Catena commentariorum super Genesin, ex Hippolyto, Origene, Cyrillo et aliis; membr. in fol. sec. XII.

10. Evangeliarium; membr. in 4-to sec. XII.

Codex palimpsestus; latent sub Evangelistarii textu Geometrica quaedam, an ex Ptolemaeo, sec. forsan XI exarata.

11. Ἡ τῶν ἐν Βριταννία καθολικῶν λειψάνων ἀμοιβὴ τῇ ἀνατολικῶν ὀρθοδόξων ἀπόκρισει. Dat. Lond. 29 Mai, 1723.

12. Maurocordati Diarium, anno 1682 exarata, Vindobona tunc temporis obsessa.

13. SS. Evangeliorum exemplaria plura; membr. sec. XII.

14. Menologium; membr. in fol. sec. XII.

15. Johannis Damasceni Dialectica; membr. cod. vetust.

IN THE POSSESSION OF DR. MILLINGEN.

1. Officia varia Ecclesiastica, scilicet:
   a. Stichologium, cum Psalmis, Odis, etc.
   b. Horae, Typica et Cantacia.
   c. Coenae magnae officium.
   d Theophanis Canon paracleticus super B. V. Mariam.
   e. Officium εἰς τὴν ἀκάθιστον ὕμνον τῆς ὑπερευλογημένης Θεοτόκου.
   f. Menologium per anni cursum.
   g. Horae Nativitatis et Paschae.
   h. Ἀκολουθία ἱκετηρία.
   i. Evangelia Matutina.
2. Auctoris cujusdam Christiani Lexicon secundum nomina et

verba, ordine alphabetico disposita; bombyc. in 4-to sec. XV ineunt. (imperf.).

Desin. τὸ ω̃ μετὰ τοῦ ψ'. ἀρσενικὰ ὢψ ὁ ὀφθαλμὸς καὶ ἥλιου τοῦ ὤπος. ὄψ δὲ ἡ φωνὴ μικρὸν, κ. λ. ὀψώνητος, ὀψώνησις τις δὲ μικρὸν.

Citat auctor Sophoclem, Jamblichum aliosque.

Sequuntur Pselli versus Politici, et postea:

Lectiones in Epistolas Paulinas, λέξεις τῆς πρὸς Ἑβραίους ἐπιστολῆς. Incip.: Ἀπαύγασμα, ὃς ὢν ἀπαύγασμα τῆς δόξης.

3. Johannis Zonarae canonum Expositio ecclesiasticorum; membr. in 4-to sec. XIII ineunt.

4. (Gregorii Nazianzeni Sermones cum Nicetae, Serrarum Episcopi, commento); membr. in 4-to sec. XIV.

NOTE OF M. SS. IN THE MONASTERY OF THE VIRGIN AT CHALKY, NEAR CONSTANTINOPLE, FROM A PRIVATELY PRINTED BOOK, ENTILLED ὑπόμνημα ἱστορικὸν περὶ τῆς κατὰ τὴν Χαλκὴν μονῆς τῆς Θεοτόκου κ. λ. ἐκ πολλῶν μὲν συλλεγέν παρὰ Βαρθολομαίου Κουτλουμουσίνου; 800, Constant. 1846.

1—6. Evangelia, quorum quatuor argento leguntur compacta.

7. Ἀκολουθία ἐκκλησιαστική.

8. Συναγωγὴ (Zonarae?) κανόνων ἐκκλησιαστικῶν εἰς πεντήκοντα τιτλούς διῃρημένη, anno 883 exarata.

9—16. Ἐπτατεύχη παλαιά; chart., quorum vetustius anno 1319 exaratum est.

17. S. Basilii Liturgia.

18. S. Chrysostomi Liturgia.

19. Evangelia quatuor, charta crassa.

20. Evengelia quatuor, colore et auro illuminata; membr. sec. XII.

Praecedunt:

a. Imagines septem pictae, Domini Vitam exhibentes.
b. Canones Eusebii.
c. Hippolyti Thebani de Josepho et Salome Historia.
d. Eusebii Epistola ad Carpianum.
e. Epigrammata tam in Evangelistas, quam in Imagines, supra memoratas.

V

СМѢСЬ

ИЗВѢСТІЯ
О
ВАРЯГАХЪ АРАБСКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ
И
ЗЛОУПОТРЕБЛЕНІЕ ВЪ ИСТОЛКОВАНІИ ОНЫХЪ. *

«Только одно Арабское извѣстіе, «говоритъ Френъ, «до сихъ поръ было извѣстно; это есть небольшое мѣсто въ Рейскевомъ Латинскомъ переводѣ Абулфедовой Географіи (Büsching's Magaz. Th. IV, стр. 145, 152), гдѣ сей Арабъ, полагаясь на достоинство Бирунія, говоритъ объ одномъ сѣверномъ морѣ, Варенѣ (тамъ Варнакъ написанномъ), и о живущемъ при немъ народѣ подобнаго же имени.»

Сіе мѣсто дѣйствительно могло обратить на себя полное вниманіе въ то время, въ которое толкователи уже перекоптѣли надъ изысканіемъ слѣдовъ слова Варяги у Византійскихъ, Западныхъ и Сѣверныхъ писателей. Впрочемъ, Шлецеръ и Карамзинъ замѣтили оное изъ любопытства; ибо оно подтверждало только реченіе Нестора, что Варяги жили у Варяжскаго моря, новаго же ничего не представляло; по сему ученіе Байеро-Шлецеровское основывается на извѣстіяхъ и доказательствахъ, уже выше разобранныхъ и, какъ казалось, принято за доказанное. И такъ, все новооткрываемое могло развѣ послужить къ дальнѣйшему подтвержденію Скандинавизма Варяговъ. И дѣйствительно, послѣ смерти Шлецера и послѣ появленія въ свѣтъ «Исторіи Рос-

---

* Это, кажется, отрывокъ изъ сочиненія: «Скандинавоманія и ея поклонники или столѣтнія изысканія о Варягахъ,» изданнаго въ Москвѣ 1842 года, по чему-то не вошедшій въ оное своевременно и въ своемъ мѣстѣ. О. Б.

сійскаго Государства» многіе обогащали сіе ученіе своими находками, выходками и пр.

Изъ всѣхъ, однако, сторонъ, изъ коихъ можно было еще ожидать дальнѣйшихъ объясненій и подтвержденій, важнѣйшими были Арабскія Библіотеки. Упомянутое мѣсто Абулфеды указало на сіи сокровища, т. е., показало, что имени Варяговъ можно искать не только у Нестора и Византійцевъ, но и у Арабовъ, и, что еще было важнѣе, имя Варяговъ у Арабовъ встрѣчается, какъ имя народа; слѣдственно, Арабы свидѣтельствовали о немъ въ такомъ же смыслѣ, въ какомъ и Несторъ, между тѣмъ какъ изъ Византійскихъ и Западныхъ извѣстій трудно было сыскать народъ подъ симъ названіемъ.

Предшествовавшіе изыскатели не могли воспользоваться симъ открытіемъ; ибо Арабскія рукописи и изданныя сочиненія въ Европѣ не столь многочисленны, чтобы могли попасться въ руки всякаго того, кому бы вздумалось написать ученую диссертацію о Варягахъ; кромѣ сего, сіи изыскатели по большой части не были знатоками сего языка.

Но въ наше время, въ которое знаніе Арабскаго языка значительно распространяется, не только за границей, но и въ Россіи, можно было пріискать мужа, опытнаго и свѣдующаго въ упомянутомъ языкѣ, который бы собралъ и перевелъ всѣ мѣста изъ Арабскихъ писателей, не только касательно Россіянъ, но и Варяговъ. Очень можно радоваться, что сіе дѣло пало на Г. Френа. Трудъ сего почтеннаго мужа: «Ibn-Foszlan's und anderer Araber Berichte über die Russen der älterer Zeit, nebst drey Beilagen über sogenannte Russenstämme, die Warenger und Warenger-Meer» и пр., вышелъ въ Петербургѣ, въ 1823 году, въ 4-ку, въ которомъ онъ предлагаетъ, съ истинною ученою разборчивостью и объясненіемъ, собраніе Арабскихъ извѣстій о Россіянахъ, Варягахъ и Варяжскомъ морѣ; трудъ, конечно, тѣмъ еще важнѣе, что совершенъ истиннымъ знатокомъ Арабскаго языка.

По видимому, надлежало ожидать отъ Арабскихъ извѣстій чего нибудь новаго, могущаго подать поводъ, можетъ быть, къ новымъ спорамъ, затрудненіямъ, изысканіямъ; но дѣло кончилось тѣмъ, что Френъ привелъ сіи извѣстія прямо въ подтвержденіе Байеро-Шлецеровскаго ученія.

Изъ новѣйшихъ Русскихъ изслѣдователей М. П. Погодинъ

вкратцѣ изложилъ сіи извѣстія въ своемъ разсужденіи: «О происхожденіи Руси.»

И такъ, наконецъ, весь земной шаръ обысканъ для рѣшенія вопроса: «гдѣ были Варяги?» И Сѣверъ, и Западъ, и Югъ и Востокъ принуждены были сосредоточиться въ одно, для засвидѣтельствованія, что Несторъ, опершійся пальцемъ на Померанію, говоритъ не о Балтійской Славоніи, а о Швеціи!!

Теперь намъ остается строго разсмотрѣть, могли ли Арабы противорѣчить Русскому Лѣтописцу? Противорѣчили ли? Могли ли Норманнолюбцы призывать ихъ себѣ въ свидѣтели? Для сего мы должны выслушать собственныя ихъ слова. Извѣстія сіи я предлагаю въ такомъ порядкѣ, въ какомъ находятся они въ Френовомъ собраніи (см. упомянут. соч. стр. 176—204), съ его же объясненіями.

Френъ начинаетъ свои Арабскія извѣстія упомянутымъ мѣстомъ Географіи Абулфеды; вотъ оно: «О морѣ Вазенгскомъ (читайтеВаренгскомъ, говоритъ Френъ, т. е., Варяжскомъ). Извѣстій о семъ морѣ я нигдѣ не нашелъ, кромѣ сочиненій Абур-ри' ханъ Бируни (писавшаго въ концѣ X и началѣ XI вѣка) и Астрономическихъ Записокъ Назира (Назиръед-дина). По сему сіе извѣстіе я предлагаю такъ, какъ оставилъ оное Бируни; у него сказано: «Море Вазенгское (читайте Варенгское) выходитъ изъ Сѣвернаго Океана въ направленіи къ югу; оно имѣетъ значительную широту и длину. Вазенги (читайте Варенги) есть народъ, обитающій у береговъ онаго.»

Рейске, первый переводившій сіе мѣсто по Лейденскому кодексу, имя Вазенгъ перевелъ словомъ Варнакъ. Шлецеръ, коему хотѣлось сіе извѣстіе примѣнить къ своимъ Wäringer, предложилъ, чтобы слово Варнакъ читать лучше Варанкъ и т. д. Впрочемъ, иные недовѣряли сей поправкѣ. Френъ, въ двухъ Петербургскихъ экземплярахъ, вмѣсто Варнакъ нашелъ Взнгъ, и прочелъ Вазенгъ. Впрочемъ, въ одномъ нашелъ и по Рейскевому чтенію. Однако, Петербургскій оріенталистъ убѣдительно доказалъ, что въ обоихъ случаяхъ правильное чтеніе сего имени есть Варангъ, доказавъ достаточными примѣрами, сколь небрежны Арабы въ писаніи иностранныхъ именъ, и сколь легко у нихъ р можно принять и переписать за з (ибо одна точечка составля-

етъ ихъ различіе), что дѣйствительно и можно приписать переписчикамъ Абулфеды.

Впрочемъ, Френу желательно было сіе мѣсто выписать и перевесть изъ самаго источника (Бируни); но, по неимѣнію сочиненія Бируни, онъ нашелъ его въ предисловіи или введеніи къ большому Географическому Словарю Якута (умерш. 1229 г.). Онъ говоритъ: «Что касается до положенія морей въ обитаемой части міра, то описаніе оныхъ, найденное мною у Бируни, есть самое лучшее: «Море, говоритъ онъ, которое, на западѣ обитаемой земли омываетъ берега Танджи и Андалузіи (т. е., западные берега Тангера или Африки, и Испаніи), называется всеокружающимъ моремъ. Древніе Греки называли оное Океаномъ. Никто не отваживается во внутренность (высоту) сего моря и только плаваютъ у береговъ онаго. Отъ сихъ странъ сіе великое море распространяется къ сѣверу, къ странѣ Славянъ, и выходитъ изъ него на сѣверѣ Славянъ большой каналъ, проходящій къ странѣ Мохамеданскихъ Болгаръ. Онъ-то называется именемъ моря Варенгскаго. Это (имя) есть названіе народа, живущаго у береговъ онаго, отъ коего оно (море) распространяется къ востоку, гдѣ между его берегами и послѣдними предѣлами Турковъ находятся пустыя, необитаемыя, неизвѣстныя страны и горы.»

Это описаніе сообщенія или положенія морей довольно кратко и неопредѣленно и по нынѣшнимъ понятіямъ не совершенно ясно; ибо выраженіе, что океанъ отъ западныхъ, или даже сѣверныхъ, береговъ Испаніи простирается къ сѣверу, къ землѣ Славянъ, т. е., какъ бы въ направленіи береговъ Славянской страны, производитъ какое-то запутанное понятіе о Географическомъ ея положеніи. По буквальному смыслу словъ Араба, она должна бы находиться на мѣстѣ Британіи. Впрочемъ, можетъ быть, что карта Европы нашего Араба не была столь совершенна, какъ нынѣ; вообще, вся цѣпь сѣверныхъ береговъ Европы, въ опредѣленномъ положеніи оной, идетъ не просто къ сѣверу, а къ сѣверо-востоку. Я предполагаю, что сія цѣпь береговъ на усовершенствованной картѣ Аравитянина болѣе наклонялась къ прямой линіи съ юга на сѣверъ, такъ что онъ могъ ее назвать направленіемъ просто къ сѣверу, вмѣсто къ сѣверо-востоку. Та-

кимъ образомъ слова Аравитянина о протяженіи Океана къ сѣверу, во всю длину Славянскихъ береговъ, можно примирить съ нынѣшними землеписными понятіями.

Замѣчательно еще то, что сей писатель, въ изображеніи направленія Океана, въ которое входятъ берега многихъ странъ, упомянулъ объ однихъ Славянскихъ. Изъ сего видно, что нашъ водописецъ (ὑδρογραφος) не описывалъ подробныхъ извилинъ сихъ береговъ, а схватилъ цѣлое направленіе гуртомъ (en gros) или вообще, о Славянской же землѣ онъ упомянулъ по тому, что отъ береговъ ея начиналось новое море; кромѣ сего эта точка съ точкою, взятою съ Испанскихъ береговъ, вполнѣ изображали направленіе Океана. Подъ именемъ Славянской земли онъ разумѣетъ Германію, которой двѣ трети тогда дѣйствительно населяемы были Славянами, и которую, по сему, въ настоящемъ значеніи слова, не только онъ, но и всякой другой, могъ назвать Славянщиной.

Здѣсь должно еще замѣтить, что нашъ Арабъ, замѣчая каналы сего Океана, совсѣмъ не упомянулъ о находящемся между Британіею и Франціею. По видимому, Британію онъ принялъ за островъ, не столь великій, какъ онъ есть, и который, какъ островъ, не принадлежалъ къ цѣпи береговъ всей тверди. И дѣйствительно, въ краткомъ общемъ изображеніи направленія цѣлаго Океана, онъ не могъ и не долженъ былъ обращать вниманіе на острова, т. е., мелочи, находящіяся въ области самаго Океана.

И такъ, когда Океанъ, говоритъ намъ Арабъ, достигъ береговъ Славянскихъ, то тамъ онъ выпускаетъ изъ себя большой каналъ, составляющій сѣверную границу земли Славянской (это есть Балтійское море по нашему, а по Аравитянину, въ сравненіи съ огромнымъ Океаномъ, каналъ); онъ проходитъ сѣверные ихъ берега и, наконецъ, приближается (къ востоку) къ странѣ Болгаръ; слѣдственно, онъ продолжаетъ теченіе свое чрезъ Мемель къ Твери, чтобы быть поближе къ Волжскимъ Болгарамъ. Этотъ-то каналъ, говоритъ онъ, называется моремъ Варяжскимъ; ибо Варяги (народъ) живутъ у береговъ онаго. Отъ сего-то народа (отъ Мемеля) продолжается (?) къ востоку (чрезъ Россію) въ сѣверный Океанъ (который, по понятіямъ Бируни, распространяется къ югу до половины Сибири), между берегами коего и сѣ-

верными границами Туркестана находятся необитаемыя страны, т. е., Сибирь.

Изъ сего видно, сколь темныя и неправильныя понятія имѣли Арабы о сѣверѣ Европы. По ихъ свѣдѣніямъ вся Сѣверная Россія не существовала и была покрыта Океаномъ, т. е., была для нихъ неоткрытою страною; Балтійское море не есть просто заливъ Океана или глухой каналъ, но отверстый; Швеція и Норвегія, коей двѣ трети тоже покрыты были Океаномъ, представляли простой островокъ, о коемъ Арабы весьма мало знали; существованіе его, однако, необходимое для составленія Балтійскаго канала, они предполагали.

Впрочемъ, нельзя удивляться сему недостатку въ свѣдѣніяхъ Арабовъ о сѣверѣ Европы, когда самые даже наши сѣверные писатели (древніе) имѣли совсѣмъ темное понятіе о положеніи и направленіи Балтійскаго моря. Подобно почти Арабамъ, воображалъ и Еингардтъ, Секретарь Карла Великаго, и самъ даже Адамъ Бременскій описалъ оное, довольно неопредѣленно.

И такъ, и Арабъ говоритъ, что Варяги жили у береговъ Варяжскаго моря; свидѣтельство его совершенно согласно со словами Нестора. Теперь надлежитъ объяснить, у какихъ именно береговъ жили сіи Варяги?

Изъ всего этого мѣста и свойства его описанія видно: 1. Арабъ не обращалъ вниманія на острова; ему нужны были не они, а цѣпь береговъ тверди (continentis) или материка, какъ путеводительная линія между Океаномъ и всею землею; слѣдственно, что онъ ни сказалъ о берегахъ, разумѣетъ о твердой землѣ; по сему жилища Варяговъ онъ опредѣляетъ именно по сію сторону Балтійскаго моря, на материкѣ, а не по ту сторону онаго, въ предполагаемомъ имъ неизвѣстномъ островѣ.

2. Если онъ, для объясненія линіи между Океаномъ и материкомъ, хотѣлъ упомянуть о народѣ, находящемся на той точкѣ, то долженъ былъ схватиться за народъ, именно находящійся по сію сторону Балтійскаго моря, на самой, такъ сказать, линіи, и болѣе извѣстный не только ему, но и всякому его читателю, чѣмъ указать, противоестественнымъ порядкомъ, на островитянъ (Скандинавовъ), находящихся въ самомъ Океанѣ.

3. Только о жителяхъ материка можно сказать, что они живутъ у береговъ моря; объ островитянахъ же, какими можно

предполагать Скандинавовъ, это не говорится на какомъ бы то ни было языкѣ; все опредѣленіе ихъ жилищъ заключается въ словахъ «живутъ на островѣ,» который весь состоитъ изъ береговъ.

4. Если же бы сей Арабъ, предположимъ, занесся до того, что Варяговъ явно переселилъ на тотъ берегъ, тогда бы его уличилъ во лжи нашъ Несторъ, коему, въ семъ случаѣ, принадлежитъ преимущество; сверхъ сего, замѣтьте еще и то, что не только ни какой писатель міра, но и самые даже Скандинавскіе, никогда не слыхали и не знали ничего о Варягахъ въ Скандинавіи; но, къ счастью, у Араба нѣтъ ни малѣйшаго намека о Скандинавизмѣ Варяговъ; и хотя мѣсто его довольно кратко и сухо, однако, напротивъ, сіи четыре пункта показываютъ, что онъ въ полной мѣрѣ подтверждаетъ слова Нестора, указывая на жилище Варяговъ у южныхъ береговъ Балтійскаго моря, а именно: въ Помераніи.

«Но, возразятъ, можетъ быть, что въ Помераніи онъ поставляетъ Славянъ, а не Варяговъ, ergo»... Отвѣчаемъ: Названіе Славянской земли здѣсь, у Арабовъ, слишкомъ растянуто; они взяли оное съ южныхъ Славянъ, а именно Словенъ (съ коими они, въ дѣлахъ на Средиземномъ морѣ и въ нападеніяхъ на Словенскіе берега, лично познакомились), и отнесли на всю Германію, для наименованія только страны, а не народа, который дѣйствительно (во всей сѣверной Германіи) не именовался Словенами, и, какъ народъ приморскій, долженъ былъ явиться Арабу подъ собственнымъ своимъ названіемъ, Варяговъ.

Сверхъ сего, извѣстно, что Варяги владѣли не только берегами отъ Любека до устья Вислы, но и отъ сей рѣки до Новгорода; слѣдственно, всѣ почти берега, южные и восточные, сего моря, о коихъ могъ только воображать себѣ Бируни, были въ рукахъ Варяговъ, которые изъ, такъ называемой имъ, Славянской земли такъ далеко вытянулись, что отчасти дѣйствительно очутились и внѣ сей Славянщины.

И такъ, изъ этого видѣть можно, что Норманнолюбцы въ Арабахъ никакой не могутъ имѣть подпоры.

«Кромѣ Якута, воспользовались симъ мѣстомъ Бирунія еще два писателя, говоритъ Френъ, Ибн-ел-Варди и Ибн-Шабибъ, но пропустили въономъ извѣстіе о Варягахъ и Варяжскомъ морѣ.

Второй Арабскій писатель, изъ коего заимствовалъ Абулфеда,

есть Назиръ-ед-динъ (умершій въ 1274 году); онъ, однако, какъ замѣчаетъ Френъ, о Варяжскомъ морѣ сказалъ только, что: «о сѣверовосточномъ морѣ не имѣемъ вѣрныхъ извѣстій.» Сіи слова ученый его коментаторъ, Шерифъ Джорджани (пис. 1409 г.), объясняетъ слѣдующимъ образомъ: «Сіе море, называемое Варяжскимъ, есть рукавъ (заливъ) Западнаго Океана, который отъ сѣверныхъ береговъ Испаніи входитъ посреди обитаемыхъ странъ, простираясь на сѣверъ Славянской земли, и прошедъ (съ запада къ востоку) мимо странъ Варяговъ (Вазенгъ—Варенгъ), обитаемыхъ высокорослымъ и воинственнымъ народомъ, простирается, среди непроходимыхъ горъ и необитаемыхъ земель, до предѣловъ Китая. Его длина съ запада (разумѣется, отъ Гамбурга, по крайней мѣрѣ, если не отъ Испаніи, до Китая) 180 градусовъ, ширина (разумѣется, съ южныхъ береговъ, т. е., Помераніи, или средней Россіи, чрезъ которую предполагается его теченіе) къ сѣверу 5 градусовъ.»

И такъ, сіе мѣсто объясняетъ нѣсколько выше приведеннаго изъ Бируни. Изъ сего видно:

1. Что Арабы предполагали, что сѣверный полюсъ состоитъ изъ неизвѣстныхъ земель, которыя отдѣлялъ отъ обитаемой земли (южной) сей большой каналъ или рукавъ, называемый ими иначе Сѣверный и Сѣверо-Восточнымъ моремъ; по мнѣнію Джорджани, онъ былъ шириною, съ юга къ сѣверу, въ 5 градусовъ. И такъ, вотъ по чему онъ названъ каналомъ или рукавомъ, т. е., по причинѣ допущенныхъ полярныхъ земель, имъ совершенно неизвѣстныхъ. И такъ, предполагаемый Бируніемъ островъ Скандинавіи не былъ предполагаемымъ какъ островъ, какъ я выводилъ, но былъ частію предполагаемыхъ неизвѣстныхъ какихъ-то полярныхъ земель; слѣдственно, Арабы не знали ничего, и не могли говорить о жителяхъ сихъ полярныхъ областей, если бы они не подразумѣвали Варяговъ въ Помераніи.

2. Выраженіе Джорджани, что: «Варяги жили по берегамъ, лежащимъ съ запада къ востоку,» именно указываетъ на Померанію и Мекленбургъ и, какъ бы слово въ слово, повторяетъ слова, совершенно ему неизвѣстнаго, нашего Нестора: «По сему же морю присѣдять Варязи сѣмо къ востоку; по тому же морю сѣдять къ западу.»

Впрочемъ, Френъ замѣчаетъ, что Джорджани свое извѣстіе о великомъ ростѣ и воинственности Варяговъ заимствовалъ отъ Ширази, у коего оно находится; по сему, сіе извѣстіе могло принадлежать XII, XIII, или XIV, столѣтію. Вотъ извѣстія, коихъ источникомъ были Бируни и Назир-ед-еддинъ.

Теперь обратимся къ тѣмъ Арабамъ, которые писали независимо отъ упомянутыхъ двухъ:

«Касвини, знаменитый Персидскій географъ XIV столѣтія, говоритъ Френъ, пишетъ въ своемъ Ношетъ-эл-колубъ, или Услажденіи сердца, въ главѣ морей, слѣдующее: «Шестой морской рукавъ (заливъ) есть Галатское море, иначе называемое Варяжскимъ. На востокъ отъ онаго находятся земли Блидъ (можетъ быть Болгаре), Бдрія (?), Буде (чит. Юра) и часть Варяговъ; на югъ равнины Хардъ (Хазаровъ, т. е., Русь южная); на западѣ земли Франковъ и народа Кастильскаго и другія, на сѣверѣ Океанъ.»

Здѣсь уже открыто Варяги ставятся по сію сторону Балтійскаго моря. Касвини Варяжскому морю даетъ направленіе съ запада (отъ земли Франковъ) къ востоку до земли Болгаръ. Въ исчисленіи народовъ, находящихся съ разныхъ сторонъ онаго, онъ могъ сдѣлать ошибку; на восточномъ и западномъ концѣ онаго онъ помѣстилъ много народовъ, между тѣмъ какъ для южной стороны, которая, въ направленіи съ запада къ востоку, должна быть больше всѣхъ, онъ ставитъ одну Козарскую Русь, а о соотвѣтствующихъ южной сторонѣ земляхъ, какъ о Литовцахъ, Прусахъ и всѣхъ Померанцахъ умолчалъ; слѣдственно, умолчалъ здѣсь о Варягахъ; это подтверждается тѣмъ, что на восточной сторонѣ онъ полагаетъ только часть Варяговъ, что дѣйствительно и можно было сказать о Сѣверной Россіи.

Димешки (какъ кажется, изъ начала XIV вѣка) говоритъ о семъ предметѣ слѣдующее: «Наконецъ онъ (отъ Гибралтарскаго пролива) вытягивается въ узкій проливъ, называемый Кадикскимъ (?) у сѣверныхъ границъ Испаніи. Отсюда онъ простирается къ устью узкаго, но длиннаго, пролива, который называется Т-к-лту» (Френъ, съ нѣкоторымъ видомъ вѣроятія, догадывается, что это слово надобно читать Ингилтера (Ingilterra), т. е., будто Англійскимъ. Почтенный мужъ, приведенное выше названіе Галатскаго моря довольно хорошо объя-

снилъ отъ слова Galli или Keltae, коихъ Греки нѣкогда называли и Галатами, и что сіе имя Персіянинъ заимствовалъ отъ Грековъ. Мнѣ кажется, что лучше объяснить симъ именемъ и Т-к-лту, чѣмъ натянутымъ исправленіемъ предполагаемаго правописанія въ Ингилтерра. Мы видѣли выше, что Арабы не обращали вниманія на Англійскій островъ, и что въ семъ случаѣ Димешкію легче и естественнѣе означить проливъ именемъ Франціи, какъ точки, находящейся на материкѣ, что и видно изъ слова Т-к-лту, которое довольно явно изображаетъ слово Келтскій, или Галатскій, т. е., Французскій). «Отъ сего канала простирается (Океанъ) по берегамъ до тѣхъ поръ, пока наконецъ изворачиваетъ къ сѣверо-западу (вокругъ Даніи). Здѣсь находится великій заливъ, который называется моремъ Варенгскимъ (Варяжскимъ). Варяги же есть непонятно говорящій народъ и не понимающій ни слова, если имъ говорятъ другіе (т. е., имѣютъ свой особенный языкъ). Они суть Славяне Славянъ (т. е., знаменитѣйшіе изъ Славянъ).» Такъ сказано въ Арабскомъ подлинникѣ, такъ оное нашелъ не только Френъ въ своемъ экземплярѣ, но и другіе оріенталисты въ своихъ же.

Вотъ наконецъ! Слава Богу! Наконецъ дождались буквальнаго, именнаго, категорическаго, свидѣтельства Аравитянъ, что Варяги не только Славяне, но суть самые Славяне Славянъ, т. е., славянѣйшіе изъ всѣхъ Славянъ!

Сіе выраженіе «Славяне Славянъ» Френъ (въ замѣчаніи на стр. 192) объясняетъ изъ свойствъ Арабскаго языка, говоря, что «по Арабскому выраженію это значитъ: «они суть важнѣйшіе всѣхъ Славянъ» (Sie sind die vorzüglichsten aller Slawen). Такъ, на примѣръ, тотъ Гермесъ, коего Арабы почитали какъ Едриса и Еноха, въ отношеніи къ другимъ мудрецамъ, носившимъ имя Гермеса, называется у нихъ: «Гермесъ Гермесовъ,» т. е., первый и главнѣйшій между всѣми Гермесами; такъ, неизвѣстный въ Арабской старинѣ герой, именемъ Тал'га (Tal'ha), въ отношеніи къ другимъ сего же имени, называется «Тал'га всѣхъ Тал'говъ;» такъ вообще, и Главнаго Судью и Оберъ-Кадія именуютъ «судьею судей;» такъ и многія другія (см. о сей превосходной степени, и у Евреевъ весьма употребляемой, въ Genesius «Ausführl. Lehrgebäude der Hebräischen Sprache,» pag. 692 и слѣд., и пр.).

Очень ясно, совершенно убѣдительно, нечего сомнѣваться. Но не тутъ-то было.... Френъ, о томъ самомъ мѣстѣ, которое самъ объяснилъ совершенно удовлетворительно, и которое вытекло именно изъ свойствъ Арабскаго языка, о которомъ нечего сомнѣваться, въ противорѣчіе самому себѣ, сомнѣвается! «Но,» возражаетъ самъ себѣ, «невозможно, чтобы это хотѣлъ сказать нашъ авторъ, и чтобы Варяговъ принялъ за Славянское племя» (!!). По чему такъ? А вотъ по чему. Въ началѣ своего замѣчанія или толкованія (стр. 191) онъ говоритъ: «Я очень сомнѣваюсь въ правильности текста. Правда, что правописаніе имени Славянъ у Арабовъ и въ другихъ мѣстахъ (встрѣчается) начинается однимъ س s вмѣсто s твердаго или z» (слѣдственно, послѣднее правильно?); правда, въ немъ иногда Ia не находятся предъ послѣднею буквою» (т. е., въ словѣ Секлабъ), но сей образъ писанія долженъ здѣсь произвести затрудненіе (muss hier Anstoss erregen), по тому что послѣ одного имени (въ выраженіи: «Славяне Славянъ»), писаннаго чрезъ س, слѣдуетъ другое, писанное чрезъ , т. е., оба имени вообще чрезъ С.» (!). Miremini, amici!... Почтенному мужу выраженіе: «Славяне Славянъ» кажется щекотливымъ въ то самое время, въ которое онъ же доказалъ, что сіе имя Арабы начинаютъ произвольно, и тою и другою буквою, разумѣется, одна на другую весьма похожею и въ фигурѣ и въ произношеніи и, при не существующемъ правилѣ правописанія, зависящею вполнѣ отъ произвола всякаго Аравитянина!! Но еще удивительнѣе, что почтенный переводчикъ, который выше, на стр. 179 — 180, доказалъ убѣдительно многими примѣрами, сколь нерадивы Арабы въ писаніи иностранныхъ именъ, и сколь легко могутъ въ Арабскомъ произойти искаженія текста отъ небольшой переставки, или отъ недостатка ничтожныхъ значковъ ударенія (въ слѣдствіи чего онъ и принужденъ былъ дѣлать довольно натянутыя исправленія), здѣсь, гдѣ небольшой оттѣнокъ въ произношеніи буквы не производитъ въ словѣ извѣстномъ ни малѣйшаго затрудненія, здѣсь, гдѣ обвиняемая буква можетъ стоять въ полномъ значеніи слова по тому же праву, по которому она находится, по словамъ самаго переводчика, въ началѣ слова: «Славянъ» и въ другихъ Арабскихъ мѣстахъ, здѣсь, говорю, почтенный толкователь сомнѣвается въ правильности выраженія: «Славяне Славянъ,» которое, само по себѣ, не заключаетъ въ себѣ ни

малѣйшаго затрудненія, и именная правильность коего, доказанная самимъ переводчикомъ, проистекаетъ изъ самихъ свойствъ Арабскаго языка!! Остается только пожать плечами.

Но отъ чего это такъ? Дѣло въ томъ, что Френу хотѣлось уличить Араба во лжи, т. е., не хотѣлось почтенному оріенталисту повѣрить Арабу, утверждающему, что: «Варяги суть одинъ изъ главнѣйшихъ Славянскихъ народовъ,» т. е., хотѣлось ему Варяговъ пересадить въ Скандинавію: «eben desswegen wage auch nicht die sonst sehr leichte Conjectur,» т. е., «по тому именно и не смѣю я,» говоритъ онъ про себя, «дѣлать догадку, впрочемъ, очень легкую и удобную: «они (Варяги) суть злѣе всѣхъ Славянъ,» вмѣсто: «они Славяне Славянъ,» т. е., изыскатель самъ признается, что не смѣетъ коснуться ни какой догадки, хотя бы и самой удобной и вѣроятной, которая бы показывала Славянизмъ Варяговъ и удерживала ихъ на южныхъ берегахъ (въ Помераніи) Балтійскаго моря. А! Если такъ, то это дѣло другое; тогда перекрестись, и прощай историческая истина!

Но посмотримъ до конца. «Мнѣ пришло въ голову,» продолжаетъ онъ (пришло въ голову!), что не надо ли искать въ «Славяне» глагола «завоевали» (тутъ онъ составилъ отъ себя два Арабскія слова, долженствующія значить «завоеватели»); но это не согласуется съ Арабскимъ словосочиненіемъ» (къ чему всѣ эти крючки?); ибо тогда вышло бы, что они «завладѣли господствомъ надъ Славянами;» по сему мнѣ остается еще догадываться (догадываться!), что, вмѣсто «Славяне,» должно стоять, можетъ быть (можетъ быть!).» Тутъ опять выдумаетъ два Арабскія слова: «жили насупротивъ;» и такъ вышло бы значеніе» (вышло бы!), «что они живутъ насупротивъ Славянъ!» Какая счастливая высадка! И такъ, Френъ, основываясь на своемъ толкованіи, въ переводѣ Арабскаго текста Димешкіева, вмѣсто настоящаго его значенія («они суть Славяне Славянъ»), выставилъ: «они живутъ насупротивъ Славянъ» (Sie wohnen den Slawen gegenüber; его слова см. стр. 191).

По сему, удивительно ли, что бѣдные Скандинавы дѣлали завоеванія въ Россіи, безъ всякихъ современныхъ свидѣтелей, предпринимали путешествіе въ неизвѣстный имъ Цареградъ и прочая, когда Норманнолюбцы съ толикою легкостію готовы высадить ихъ на всѣ берега Земнаго Шара! И такъ, мы дожили до неслы-

ханнаго въ лѣтописяхъ исторической критики подвига, т. е., что то свидѣтельство, которое въ полной мѣрѣ сообразно съ Несторомъ, опровергаетъ все ученіе Байеро-Шлецеристовъ, и громогласно объявляетъ Славянизмъ Варяговъ, приняли за главнѣйшее доказательство Норманизма, Шведизма, сего народа, за доказательство и подтвержденіе, говорю, того, что именно опровергается!!!! Невольно оцѣпенѣешь при сей мысли. И дѣйствительно, нельзя видѣть безъ прискорбія, что и въ трудъ Френа, въ своемъ родѣ дѣйствительно драгоцѣнный, должны были влѣзть историческіе крючки. Почтенному оріенталисту не надлежало пускаться въ излишнія и натянутыя заключенія, а просто должно было излагать вѣрно мысли и слова Арабовъ; если что либо открылось въ нихъ новое и не согласное съ господствующимъ мнѣніемъ, то надлежало противоставить оному, дѣлать возраженіе, опроверженіе; тогда бы сей мужъ повелъ подъ свои знамена множество новыхъ изыскателей и послѣдователей; тогда бы возвращено было словамъ Нестора настоящее значеніе; тогда бы, наконецъ, примиррена была съ Исторіей и (здравый разсудокъ и естественность) Логика.

Однако, Французскіе оріенталисты, которые неодержимы слѣпымъ и чрезмѣрнымъ пристрастіемъ къ Норманнамъ или Скандинавамъ, прочли и перевели сіе мѣсто, сколько мнѣ помнится (въ Оссоновомъ собраніи Арабскихъ извѣстій о Востокѣ Европы), правильно, т. е., «Варяги Славяне Славянъ.» И такъ, невольно подумаешь, что потомки Норманновъ и ихъ братій, всѣ присягли и рѣшились надѣть на глаза исторической публики темную завѣсу во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ Исторія выражается не въ пользу ихъ предковъ, и попрать ногами всѣ тѣ безцѣнные единственные историческіе памятники, на которыхъ не начертаны имена ихъ предковъ. Но все это еще болѣе похоже на то, если бы кто нынѣ вздумалъ подойти къ памятнику какого либо великаго человѣка, выскоблить изъ онаго его имя и написать свое... .. ахъ! всякъ бы ужаснулся надъ сею дерзостью.

Впрочемъ, не стану приписывать всю бѣду одному пристрастью изыскателей, которымъ ни одинъ изъ нихъ уповательно не желалъ замараться; бѣда, по видимому, зависѣла отъ несовершенства тогдашней критики, отъ недоумѣній; многіе, можетъ быть, увлекались по дорогѣ, проложенной громкимъ именемъ,

безъ того, чтобы быть пристрастными. Дѣйствительно, можно найти и другія извиненія; но нынѣ уже не такъ думаемъ....

Но обратимся къ тексту Димешкія, такъ продолжающаго: «Сей заливъ (Варяжское море) есть Сѣверное море мрака; близъ береговъ онаго есть 5 острововъ.» Не очевидно ли изъ сего, что Димешки совершенно не зналъ, есть ли что либо за симъ моремъ къ сѣверу, и какъ далеко оно простирается къ сѣверу; словомъ, онъ называетъ его моремъ Сѣвера (составляющимъ Сѣверъ), моремъ мрака и неизвѣстности. Все, что о подробностяхъ сего моря онъ могъ сказать, суть 5 острововъ, кои, по его словамъ, находятся близко у береговъ материка. Какимъ же образомъ могъ бы сказать сей Арабъ, что Варяги живутъ насупротивъ Славянъ, т. е., въ Скандинавіи, о коей не только онъ, но и всѣ выше упомянутые, ни эти не упомянули, ergo и не знали, — въ странѣ, на мѣстѣ коей онъ предполагаетъ море Сѣвернаго мрака??

Въ другомъ мѣстѣ, говоритъ онъ, что «отъ Испанскихъ горъ простирается хребетъ до Сѣвернаго моря, до моря Варяговъ, Славянъ и Келабіевъ (можетъ быть, Литовцевъ, догадывается Френъ; по видимому, такъ). Здѣсь вполнѣ подтверждается сказанное и доказанное мною выше, что Арабы называли Балтійское море по имени жителей, именно, южныхъ береговъ онаго, имъ болѣе извѣстныхъ; здѣсь уже исчислены не одни Варяги, тно и ихъ сосѣди, Славяне, или лучше, думаю, Шалавяне, т. е., жители Прусіи и Латыши. Если въ выше приведенныхъ мѣстахъ Арабы не приводили всѣхъ сихъ народовъ, то это ни чуть не мѣшаетъ; ибо, для означенія моря, довольно было имя и однихъ Варяговъ; впрочемъ, и самъ уже Димешки, въ третьемъ мѣстѣ, выписываемомъ Френомъ, употребилъ только два имени, «Варяговъ и Славянъ.»

Наконецъ, въ четвертомъ мѣстѣ Димешки исчисляетъ страны 7-го климата, начиная съ Печенѣгіи (Молдавіи и Валахіи, Болгаръ, Русь, Словенъ и проч.), словомъ, онъ исчислилъ, стр. 194, большую часть странъ твердой Европы, а именно, входящихъ въ его 7-й климатъ; въ числѣ сихъ-то странъ находится у Димешкія и страна Вараикъ, т. е., Варяжская; очевидно, что симъ именемъ Арабы всегда почти означали (Сѣверную) Германію, между тѣмъ какъ Славянами именовали они страну, болѣе прилежащую

къ югу и Адріатическому морю. И дѣйствительно, должна же была и Германія, какъ большая и не столь отдаленная страна, имѣть у Аравитянъ свое имя; но другого, кромѣ имени Варяговъ, не видимъ. И такъ, у Аравитянъ Варяги есть названіе Германіи; сколь справедливо сіе положеніе, мы увидимъ обстоятельнѣе въ другой разъ.

Сіе мѣсто Димешкія повторено въ словарѣ Якута, почти также, какъ оно находится у Димешки.

Наконецъ, Френъ приложилъ еще мѣсто изъ Бакуви (писавшаго въ началѣ XV вѣка) о странѣ Варяжской такъ, какъ перевелъ оное знаменитый Desguignes (Дегинь) in Not. et Extr. II, p. 543: «Уазаинъ (чит. Варангъ) есть страна на берегахъ Сѣвернато моря, выходящаго изъ Сѣвернаго Океана и впадающаго въ Южное (?) море; оно-то и называется моремъ Вазангъ (Варангъ), на берегахъ коего находится упомянутая страна (т. е., Сѣверная Германія); она удалена къ Сѣверу; въ ней очень холодно, воздухъ густой съ безпрестаннымъ снѣгомъ: растенія и животныя не могутъ существовать въ ней, по причинѣ жестокаго холода, мрака и снѣга.»

Въ этомъ только одномъ извѣстіи нѣкоторымъ образомъ показалось бы, будто Бакуви говоритъ о Скандинавіи, представляя себѣ Варяжскую страну столь суровою; но сей Арабъ, какъ видно изъ его словъ, имѣетъ о Сѣверѣ Европы понятіе еще неправильнѣе, чѣмъ его предшественники; онъ воображаетъ, что Балтійское море впадаетъ въ какое-то Южное море. Дѣло въ томъ, что воображеніе сего Африканца преувеличило суровость климата Сѣверной Германіи, которая, впрочемъ, дѣйствительно довольно сурова; и какъ она въ его понятіи составляла прибережный край земли Европы) къ Сѣверу, то онъ и выразился о ней предположительно, точно по той причинѣ, по которой, на примѣръ, и жители Венгріи и нынѣ преувеличиваютъ ужасы Русскаго климата. И такъ, и Букави не противорѣчитъ положенію Варяжской страны

И такъ вотъ тѣ свидѣтельства Арабовъ, изъ коихъ можно было освѣдомиться о положеніи Варяжской страны, и Варяжскаго моря, и о Варягахъ, какъ именномъ народѣ, коего собственное имя и было Варяги.

Доселѣ думали, что однѣ только Русскія Лѣтописи говорили

о Варягахъ, какъ народѣ, и подъ собственнымъ ихъ именемъ, между тѣмъ какъ Византійскія и Западныя покрывали ихъ нарицательными. Впрочемъ, какъ Βαραγγοι въ Цареградѣ составляли военное ремесло, то это имя все только ихъ однихъ касалось, между тѣмъ какъ самые Греки ихъ родину и отечественниковъ покрывали нарицательнымъ прозвищемъ.

Теперь видимъ, что на сторонѣ Русскихъ извѣстій и Арабскія. Мы сими послѣдними обязаны Френу, собравшему и переведшему оныя. И такъ, Арабскія-то извѣстія совершенно противорѣчатъ тому, что было натолковано на счетъ Варяговъ; главная ихъ черта есть въ томъ, что онѣ, во первыхъ, представляютъ Варяговъ за народъ частный, то есть, не придаютъ имени ихъ общаго или родоваго значенія, какъ это думали, перетолковывая Нестора Шлецеристы; во вторыхъ, Арабы Варяговъ всегда приплетаютъ къ Славянской землѣ, а не къ Скандинавіи, о которой ни зги не упоминаютъ.

Тѣмъ бы мы и заключили наши умствованія и разборъ чужихъ о Варяжскомъ народѣ, если бы Френъ не открылъ намъ уже не Арабскій, но еще и Турецкій, источникъ. Френъ нашелъ у одного Турецкаго литтератора мѣсто, которое онъ весьма почитаетъ, и которое прибавляетъ къ концу Арабскихъ, какъ для коронованія своихъ заключеній. Сей Турокъ, а именно Хаджи-Хальфа, сочинилъ Географическое сочиненіе, которое онъ назвалъ Джиганъ-Нума; это есть смѣсь старыхъ, обветшалыхъ, и новыхъ Географическихъ извѣстій, между коими Френъ находитъ слѣдующее: «Аламанское море (по Френу, Нѣмецкое) въ нашихъ Астрономическихъ и Географическихъ сочиненіяхъ называется Варяжскимъ. Ученѣйшій Ширази въ своемъ сочиненіи, называемомъ Тогфе, говоритъ: «У береговъ моря (Варяжскаго) живетъ высокорослый и воинственный народъ,» и подрузумѣваетъ подъ сими Варягами Шведскій народъ. Сочинитель Исторіи Америки не понялъ словъ (писанныхъ по Арабски): «высокорослые и воинственные,» и перемѣнилъ ихъ значеніе въ слѣдующее: малые какъ , и такъ, отсюда вышло противное. Теперь это море тамошніе жители называютъ Балтійскимъ; вокругъ него лежатъ Померанія, Данія, Швеція, Лифляндія и Прусія; но и принадлежащая къ Германіи Аламанія находится по

близости онаго; по сему, оно у насъ извѣстно подъ именемъ Аламанскаго.»

Если бы Балтійское море называлось издревле Варяжскимъ по тому, что такъ назывались, положимъ, жители Шведскихъ береговъ онаго, то, по истребленіи имени Варяговъ, естественнымъ образомъ надлежало именовать оное Шведскимъ; и по чему это такъ не случилось? Странно и непонятно, что прежнее имя Балтійскаго моря не могли рѣшиться объяснить съ другого мѣста, кромѣ береговъ Шведскихъ, а теперь уже не только съ южныхъ, но со страны, которую Померанія раздѣляетъ отъ сихъ южныхъ береговъ!! Но еще страннѣе то, что самъ этотъ Френъ, который Арабовъ заставляетъ именовать Балтійское море съ сѣверныхъ береговъ онаго, самъ же, тогда какъ Швеція нынѣ совершенно извѣстна, называетъ оное съ южныхъ Нѣмецкимъ! Но и того болѣе удивительно то, что Норманнолюбцы, между тѣмъ какъ насильственно заставляютъ Аравитянъ подразумѣвать тѣ берега и производить отъ нихъ названіе моря, о коихъ они ничего настоящаго не знали, сами извѣстное нынѣ Нѣмецкое море прозвали такъ, не смотря на предписываемый ими Аравитянамъ законъ, и не смотря на то, что сіе море въ десять разъ болѣе принадлежитъ берегамъ Британіи, Даніи и Швеціи, нежели Германіи, единственно по тому праву и закону, по которому они не допускаютъ Арабамъ назвать море отъ береговъ Померанскихъ!!!

И такъ, нашъ Турецкій литераторъ занесся à la Schlözer, заставляя своего Ширазія подъ именемъ Варяговъ подразумѣвать Шведовъ; ибо, во первыхъ, сей почтенный Арабъ (писавшій въ XIII столѣтіи) совершенно молчитъ о Шведахъ; во вторыхъ, мы видѣли, что не только Ширази, но и всѣ выше приведенные Арабы ни чуть не подразумѣвали Шведовъ; въ третьихъ, сами Норманнолюбцы поступкомъ своимъ доказываютъ, что Арабы отнюдь не могли производить названія Варяжскаго моря отъ сѣверныхъ береговъ онаго. Мы видѣли уже, какъ и Нестора заставлялъ подразумѣвать невозможное Геттингенскій Хаджи-Халфа, или Талмудъ. Бѣдный Несторъ! Бѣдный Ширази!

Однако, выраженіе Турка мнѣ очень подозрительно; оно дышетъ въ полной мѣрѣ Шлецеризмомъ; впрочемъ, Турецкій коментаторъ могъ ошибиться и самъ собою случайно, и также воленъ былъ толковать, какъ и Шлецеръ.

И такъ, всѣ Арабы единогласно возстаютъ въ защиту Нестора и въ опроверженіе произносимой на него дерзкой толковательской клеветы, хотя уже вполнѣ оправдалъ его, своего сослуживца и современника, почтенный старецъ Бременскій. Но нѣтъ, Несторъ не нуждался въ оправданіяхъ; впервые палецъ въ Померанію и Мекленбургъ, онъ выше всякой клеветы.

Слава Богу, мы теперь коротко знакомы съ нашими Варягами, и тѣмъ пріостановляемъ наши изысканія, согласивъ между собою и Сѣверъ, и Востокъ, и Западъ, и Югъ, согласивъ и Логику и Исторію, объяснивъ между ними недоумѣнія.

Теперь остается намъ только развить нѣкоторыя черты, основываемыя на семъ твердомъ положеніи, въ дальнѣйшемъ ихъ отношеніи. *

Ю. Венелинъ.

---

* Продолженіе не отыскано.

ОБОЗРѢНІЕ

ЦАРЕГРАДСКИХЪ ПАМЯТНИКОВЪ И СВЯТЫНЬ XIV И XV ВѢКОВЪ

ПО РУССКИМЪ ПАЛОМНИКАМЪ

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Хотя сношенія наши съ Константинополемъ, какъ извѣстно, начались еще до просвѣщенія Россіи Христіанскою Вѣрою, послѣ же этого событія постепенно развивались и усиливались, и Царьградъ тогда, какъ и нынѣ, служилъ сборнымъ мѣстомъ отдохновенія для Русскихъ паломниковъ, отправляющихся на Аѳонъ и во святой градъ Іерусалимъ, но, къ сожалѣнію, доселѣ еще не открыто ни одного описанія святынь Цареграда, не только XI и XII, но и XIII вѣка. Замѣчательно, что и самъ Игуменъ Даніилъ (XII вѣка), оказавшій такую незабвенную услугу для топографіи Палестины описаніемъ Іерусалима и пути къ нему, не упоминаетъ ничего въ своемъ «Странникѣ» о Цареградскихъ святыняхъ, которыя несомнѣнно были предметомъ его благоговѣйнаго вниманія и поклоненія. Однимъ словомъ, до взятія и разграбленія Константинополя Латинскими Крестоносцами въ 1204 году, наша древняя народная письменность не представляетъ ни одного удовлетворительнаго сказанія для изыскателя Константинопольскихъ древностей.

Но за то въ теченіи столѣтія, протекшаго съ 1350 года до взятія Константинополя Турками въ 1453 году, мы имѣемъ четыре описанія Цареградскихъ святынь, которые заслуживаютъ не меньшаго вниманія, чѣмъ «Странникъ» Даніила, изданный съ такою тщательностію и знаніемъ дѣла нашимъ извѣстнымъ паломникомъ, А. С. Норовымъ. Имѣя, въ теченіе двухлѣтняго моего постояннаго пребыванія въ Константинополѣ, недоступную для временныхъ его посѣтителей, возможность повѣрить на мѣстѣ относительное достоинство сказаній нашихъ паломниковъ, и, сли-

чивъ ихъ, какъ между собою, такъ и съ сочиненіемъ лучшаго знатока Константинопольскихъ древностей, покойнаго Архіепископа Синайскаго, Константія, автора извѣстной всему ученому міру «Константиніады,»[1] я пришелъ къ заключенію, что изданіе «своднаго списка» четырехъ нашихъ паломниковъ, съ объяснительными къ нему примѣчаніями, будетъ имѣть не только частную занимательность для насъ, но и общую, по ограниченному числу сочиненій спеціально посвященныхъ изслѣдованію топографіи Константинополя временъ Имперіи.

По тщательномъ разсмотрѣніи оказалось, что изъ четырехъ нашихъ паломниковъ XIV и XV столѣтія: Стефана Новгородца (1350 года), Діакона Игнатія (1389), Дьяка Александра (1391—1395), Іеродіакона Зосимы (1420), [2] первое мѣсто, какъ по времени, такъ и по внутреннему достоинству, принадлежитъ Стефану Новгородцу (1350), по тому что онъ, при описаніи Цареградскихъ святынь, держался нѣкоторой опредѣленной системы, то есть, обозрѣвалъ ихъ въ теченіе нѣсколькихъ дней, сообразно съ ихъ расположеніемъ на 7 городскихъ холмахъ, и въ такомъ точно порядкѣ и составилъ свое описаніе, не злоупотребляя, подобно другимъ, выраженіями: «ту», или «ту близъ,» которыя другіе (на пр., Іеродіакона Зосима) вставляли иногда лишь для связи рѣчи.

По этому, при составленіи нами «своднаго списка,» мы приняли за основаніе описаніе Стефана Новгородца, присоединяя, по каждой описываемой имъ святынѣ, свѣдѣнія о ней, находящіяся у трехъ послѣдующихъ паломниковъ, и сопровождая каждый отдѣлъ объяснительными примѣчаніями, основанными на изслѣдованіяхъ А. Константія, а частію и собственныхъ наблюденіяхъ. Текстъ своднаго списка заимствованъ нами изъ сочиненій извѣ-

---

[1] Constantinade, tradiute de Grec par M. P. Constantinople, 1846.

[2] Касательно Стефана Новгородца и Іеродіакона Зосимы время посѣщенія ихъ извѣстно опредѣленно; Діаконъ Игнатій пишетъ, что онъ выѣхалъ изъ Москвы въ 1389 г., въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ, а осматривалъ Царьградъ, по прибытіи туда, въ Іюлѣ мѣсяцѣ. Время посѣщенія Царьграда Дьякомъ Александромъ опредѣляется, согласно его указаніямъ, между 1391—1395 г., отъ коронаціи Императора Мануила (при которомъ онъ былъ тамъ) до оставленія симъ послѣднимъ Царьграда, по междоусобной распрѣ съ Калоіанномъ, сыномъ Андроника, въ 1395 г., о чемъ также упоминается у Дьяка Александра: «приходилъ Царь Калачанъ, Андрониковъ сынъ, съ Турки къ Царьграду...»

стнаго нашего археолога, И. П. Сахарова, «Сказанія Русскаго народа» (т. II, кн. VIII, 1849 г.).

Не излишне будетъ замѣтить, что сказанія нашихъ паломниковъ очевидцевъ о Цареградскихъ святыняхъ оправдываютъ, въ большинствѣ случаевъ, вѣрность соображеній и изысканій А. Константія, въ нѣкоторыхъ же случаяхъ наводятъ и на новыя соображенія, которыми, безъ сомнѣнія, не преминутъ воспользоваться будущіе изыскатели Константинопольскихъ древностей. А такъ какъ наши паломники, при обозрѣніи Цареградскихъ святынь, обращали преимущественное вниманіе на внутреннее ихъ содержаніе, останавливались болѣе на описаніи того, что служило предметомъ благоговѣйнаго почитанія, а не одного любопытства, то въ этомъ отношеніи свѣдѣнія, доставляемыя ими, по своей опредѣленности и ясности, составляютъ совершенно новый матеріалъ, занимательность котораго для изслѣдованія по Византійской исторіи и древностей очевидна.

При сличеніи указаній нашихъ паломниковъ, относительно мѣстности древнихъ святынь, съ изысканіями ученаго автора Константиніады, о мѣстѣ нахожденія ихъ среди нынѣшняго Стамбула, мы руководствовались планомъ Константинопеля C. Stolpe (Константинополь, 1863 г.), который, хотя и не удовлетворилъ насъ вполнѣ въ этомъ отношеніи, тѣмъ не менѣе онъ считается лучшимъ и новѣйшимъ.

Архимандритъ Леонидъ.

Константинополь.
Ноябрь 1867 года.

ОБОЗРѢНІЕ

ЦАРЕГРАДСКИХЪ ПАМЯТНИКОВЪ И СВЯТЫНЬ

XIV И XV ВѢКОВЪ

ПО РУССКИМЪ ПАЛОМНИКАМЪ.

Суть же много столповъ по граду, стоятъ отъ камени мрамора... много бо есть дивитися, и умъ сказати не можетъ: како бо толико лѣтъ камня того ни что не иметъ! А о Святой Софіи, Премудрости Божіи, умъ человѣчь не можетъ сказати, ни вычести; и что видѣхомъ, то и написахомъ.

Стефанъ Новгородецъ. (1350 г.).

А. Цареградскіе памятники.

Общественные городскіе памятники «столпы и болваны (статуи) каменные», какъ невиданная еще тогда (съ XIV ст.) на Христіанской Руси диковинка, не могли не обратить на себя вниманіе нашихъ любознательныхъ паломниковъ; и вотъ они дѣйствительно описываютъ ихъ во всей подробности, не преминувъ записать и мѣстныхъ народныхъ сказаній о ихъ значеніи.

Стефанъ Новгородецъ: «Идохомъ къ Святой Софіи, и видѣхомъ: ту стоитъ столпъ чуденъ вельми, толстотою, и высотою, * и красотою, издалеча смотря видѣти его, и на верху его сидитъ Юстиніанъ Великій на конѣ, вельми чуденъ, аки живъ, въ доспѣсѣ одѣянъ Срацынскомъ, грозно видѣти его, а въ руцѣ держитъ яблоко злато велико, а на яблоцѣ крестъ, а правую руку отъ себя простре буйно на полдни, на Срацынскую землю,

---

* Одинъ подножникъ этого памятника, выложенный бронзою, возвышался на 30 метровъ. Лабартъ «Императорскій Дворецъ,» стр. 35—36.

къ Іерусалиму. А отъ столпа Юстиніанова внити въ двери Святыя Софіи». **

Тотъ же столпъ описанъ и у Іеродіакона Зосимы: «Предъ дверьми Святыя Софіи стоитъ столпъ, на немъ Царь Юстиніанъ стоитъ на конѣ: конь мѣдянъ и самъ мѣдянъ вылитъ, правую же руку держитъ распростерту, а зритъ на Востокъ, а самъ хвалится на Срацынскіе Цари; а Срацынскіе Цари противъ ему стоятъ, вcѣ болваны мѣдяны, держатъ въ рукахъ дань и глаголютъ ему: «А не хвалися на насъ, Господине; мы бо ся тебѣ ради, и потягнемъ противу ти не единожды, но многочастнѣ.» Въ другой же руцѣ держитъ яблоко злато, а на яблоцѣ крестъ.»

За тѣмъ у нашихъ паломниковъ слѣдуетъ описаніе Ипподрома и нѣкоторыхъ изъ его памятниковъ, а именно: Египетскаго обелиска и змѣиной колонны. Іеродіаконъ Зосима описываетъ оба эти памятника, а всѣ четыре нашихъ паломника упоминаютъ о змѣиной колоннѣ, какъ найболѣе привлекшей ихъ вниманіе, по соединенному съ ней мѣстному мистическому преданію:

«А оттуда (отъ Святой Софіи), пишетъ Іеродіаконъ Зосима, есть, яко съ стрѣловище, мѣсто, еже ся зоветъ Подорожье, [1] урыстаніе конское, и туто поставленъ столпъ на спѣ, а сопъ [2] есть вышины человѣка съ 3-и, а на спѣ томъ лодыги 4-е мраморяны, а на лодыгахъ тѣхъ поставленъ столпъ, а высота его 6-ть сажень [3] а ширина его одна сажень, единъ камень безъ става. И ты бо, человѣче, читавый хоженье се, не моги тому подивитися: кто бо тое есть ставилъ? Какіе бо се были людіе?»

«И возлѣ, продолжаетъ онъ, стоитъ столпъ, три главы аспидовы мѣдяны, сплетены вмѣсто одной главы, а въ нихъ запеча-

** «Императоръ (Юстиніанъ), говоритъ Прокопій, изображенъ въ одеждѣ Ахиллеса; его полусапожки не закрываютъ пятокъ; броня его броня Ахиллесова, голова покрыта шлемомъ, лицо обращено на востокъ, какъ будто онъ собирается идти противу Персовъ. Въ лѣвой рукѣ онъ держитъ шаръ, а правую протягиваетъ на Востокъ, повелѣвая варварамъ не выходить изъ своихъ границъ.» Лабортъ «Императорскій Дворецъ» стр. 35—36.

[1] Сопъ пьедесталъ, подстава слич. сѣверное: сопка.

[2] Ипподромъ.

[3] Высота обелиска показана вѣрно; по опредѣленію А. Константія она равняется 60 футамъ.

тлѣнъ ядъ зміинъ: кого охабитъ змія внутрь града, и тіи прикасаютъ бо ся и исцѣлѣваютъ; аще ли внѣ града, то нѣсть исцѣлѣнья.»

Дьяконъ Игнатій описываетъ этотъ паматникъ такъ: «Ту близъ двора Константинова есть игрище Царское, еже глаголется Иппoдромъ. И тамо стоитъ столбъ мѣдянъ, аки въ три пряди свитъ, въ верху раздѣлены быша тыя пряди, и на коемъ же концѣ тѣхъ прядей по зміевѣ главѣ съ каменіемъ и бисеромъ утворены. Въ томъ же столпѣ заклепанъ ядъ зміевъ.»

Дьякъ Александръ: «Близъ того (монастыря Святыхъ Сергія и Вакха) игрище, идѣже ядъ зміинъ запечатлѣнъ въ трехъ мѣдяныхъ зміяхъ, и иныхъ, де, вещей много ту. То сотворено Львомъ Премудрымъ Царемъ.»

За тѣмъ двое изъ нашихъ паломниковъ, а именно: Стефанъ Новгородецъ и Іеродіаконъ Зосима, описываютъ колонну «Константинову,» уцѣлѣвшую доселѣ. Стефанъ Новгородецъ пишетъ: «Идучи жь отъ Святыя Софіи, мимо столповъ Юстиніановыхъ и малыхъ трехъ [4] и мимо Святаго Ѳеодора, [5] на гору пойти великою улицею, Царевымъ путемъ, прошедъ не далечь добраго перестрѣла, ту стоитъ столпъ Правовѣрнаго Царя Константина, отъ багрянаго камени створенъ, отъ Рима привезенъ; на верху его сдѣланъ крестъ; въ томъ же столпѣ лежатъ 12 кошъ укругъ; ту жь и сѣкира Ноева лежитъ. Ту Патріархъ лѣто провождаетъ.»

О томъ же столпѣ упоминаетъ и Іеродіяконъ Зосима, говоря: «Повыше же Гипподрома стоитъ столпъ, и въ немъ запечатлѣны округи Христовы 12 (кошъ), и Ноева ковчега сѣкира, чѣмъ Ной ковчегъ дѣлалъ, и камень, ижъ изъ него Моисей воду источилъ.»

Тотъ же Іеродіаконъ Зосима описываетъ и другую, нынѣ

---

[4] По чему Зосима сказалъ о столпѣ Юстиніановомъ во множественномъ числѣ, поясняетъ его же описаніе этого памятника, то есть, что передъ главнымъ столпомъ стояло нѣсколько мѣдныхъ статуй, которыя онъ называетъ «Срацинскими Царями,» вѣроятно, на столпообразныхъ подставахъ. Подъ малыми же столпами (три), вѣроятно, онъ подразумѣваетъ три памятника на Ипподромѣ, называя ихъ малыми, по отношенію къ колосальному столпу Юстиніана.

[5] Вѣроятно церковь Св. Ѳеодора Тирона, которую А. Константій указываетъ на 2 холмѣ, на мѣстѣ, называемомъ Меѳа Мейданъ.

уже не существующую изъ колоннъ, украшавшихъ Константинополь а именно: колонну Аркадіеву, говоря: «И есть столпъ идучи къ Студійскому монастырю, весь подписанъ, что на свѣтѣ есть; сей столпъ поставилъ Царь Аркадій на память свою.» Описавъ примѣчательнѣйшіе памятники, наши паломники свидѣтельствуютъ, что и сверхъ того находится въ городѣ немало другихъ столповъ и болвановъ (статуй), которые оставлены ими безъ описанія.

Такъ Стефанъ Новгородецъ пишетъ: «Суть же много и иніихъ столповъ по граду стоятъ отъ камени мрамора, много же на нихъ писанія отъ верха и до долу, писано рытіею великою, и словеси всѣ позлащены быша, а иніи черны. Много бо есть дивитися и умъ сказати не можетъ: како бо толико лѣтъ камня того ничто не иметъ!» Дьяконъ Игнатій, описавъ змѣиную колонну, прибавляетъ: «Бяху жь ту (на Ипподромѣ) и иніи столпи мнози каменны и мѣдяны, и чудеса многа, и много сія смотряхомъ, дивящесь.» А Іеродіаконъ Зосима замѣтилъ, при описаніи монастыря Перевлепта (Славнаго), что: «того монастыря близъ стѣны (а по другому списку «близъ доспѣты») стоятъ два болвана каменны велики, иже были суть при Львѣ Царѣ Премудромъ въ правосудіи (а по другому списку добавлено: «правосудьи, ижь добрѣ судиша»).

Такимъ образомъ наши паломники описали болѣе, или менѣе, подробно пять примѣчательнѣйшихъ памятниковъ древняго Константинополя, изъ коихъ три: Египетскій обелискъ и змѣиная колонна (на Ипподромѣ) и колонна Константинова на форумѣ того же имени, цѣлы и доселѣ, отъ столпа Юстиніанова не осталось ни какихъ слѣдовъ, а отъ колонны Аркадіевой уцѣлѣлъ обезображенный подножникъ. На Ипподромѣ изъ множества упоминаемыхъ нашими паломниками столповъ и статуй, нынѣ уцѣлѣло лишь три памятника, краткое описаніе которыхъ предлагаемъ, въ пополненіе и поясненіе свѣдѣній о нихъ нашихъ паломниковъ:

1. Обелискъ изъ куска цѣльнаго гранита, имѣющій 60 футовъ вышины и исписанный Греческими іероглифами. Онъ относится къ отдаленной порѣ начала Египетской образованности за 1800 лѣтъ до Христіанскаго счисленія. Перенесенъ изъ Иліополя, что въ Нижнемъ Египтѣ. Императоръ Ѳеодосій Великій поставилъ его на Ипподромѣ въ 390 году, послѣ блистательной побѣды, одержанной имъ надъ Максимомъ, похитителемъ Западной Импе-

ріи. Онъ былъ воздвигнутъ стараніемъ Проконсула Прокла, въ теченіи 32-хъ дней, какъ гласитъ одна изъ его записей. Его поддерживаютъ 4-ре мѣдные куба на мраморномъ подножникѣ (въ 6 футовъ вышины). На одной изъ сторонъ онаго изображенъ Императоръ Ѳеодосій, сидящій на престолѣ съ Царицею и дѣтьми, Аркадіемъ и Гоноріемъ.

2. Второй изъ памятниковъ Ипподрома есть столпъ, составленный изъ 3-хъ змій, свитыхъ вмѣстѣ, который былъ взятъ изъ Дельфійскаго храма, гдѣ онъ поддерживалъ золотой треножникъ, посвященный Аполлону Греками. Этотъ столпъ привезенъ былъ Константиномъ Великимъ. Нынѣ уцѣлѣла лишь половина этого памятника. Магометъ II, чтобы показать свою силу, срубилъ, своимъ тяжелымъ мечомъ, одну изъ головъ этой колонны, другіе двѣ были сломаны и похищены ночью въ 1700 году.

3. Третій памятникъ Ипподрома, есть древній колосъ, составленный изъ 4-хъ гранитныхъ камней, вышиною въ 94 фута, на мраморномъ подножникѣ (въ 7 футовъ вышины); былъ поставленъ Константиномъ Багрянороднымъ; прежде былъ покрытъ мѣдными позлащенными листами.

Колонна Константинова находится на второмъ холмѣ Цареграда, гдѣ нынѣ Таукъ-Базаръ, перенесена изъ Рима, имѣетъ 90 футовъ вышины, на ней стоялъ Аполлонъ Фидіевъ, увѣнчанчанный лучами, съ надписью: «Константинъ, котораго правосудіе сіяетъ подобно солнцу» Такъ какъ наши паломники ничего неупоминаютъ объ этой статуи, то и надобно полагать, что она въ это время (въ XIV столѣтіи) уже не была на своемъ мѣстѣ, а, слѣдовательно, похищена Латинами (въ 1204 г.). Эта колонна составлена изъ восьми кусковъ Египетскаго порфира и по швамъ скрѣплена мѣдными обручами, въ видѣ вѣнцовъ. Землетрясеніе разрушило верхъ колонны, и тогда она была достроена плитами камня. Колонна Константинова, какъ много пострадавшая отъ пожаровъ, теперь называется: «Погорѣлая колонна.»

Колонна Аркадіева существовала до 1695 года, но землетрясеніе и пожары привели ее въ такое состояніе, что со дня на день ожидали ея паденія; а какъ было еще въ памяти паденіе, другой колонны, Ѳеодосіевой, отъ бури, случившееся въ 1517 г. при Султанѣ Селимѣ, при чемъ было разрушено нѣсколько окрестныхъ домовъ и погибло нѣсколько человѣкъ, то Правительство

Турецкое, чтобъ предупредить другое подобное несчастіе, приказало обрущить колонну, и нынѣ остается отъ нея одинъ полуразрушенный подножникъ на Авратъ-Базарѣ. На этомъ подножникѣ было изображено 4-ре скульптурныхъ орла и 7 геніевъ, держащихъ въ рукахъ лавровые вѣнки.

В. Церкви и монастыри.

I. Храмъ Святыя Софіи, Премудрости Божіей. [6]

Такъ какъ Святая София безспорно занимаетъ первое мѣсто между святынями Царяграда, то обычно съ нея и начиналось посѣщеніе оныхъ: ей принадлежала по достоянію большая доля похвалъ и удивленій со стороны нашихъ паломниковъ. Чѣмъ менѣе въ ихъ описаніяхъ дается мѣста подробностямъ архитектурнымъ, по незнакомству ихъ съ технической стороною этого искуства, тѣмъ внимательнѣе они останавливаются надъ описаніемъ внутреннихъ украшеній храма и современнымъ имъ расположеніемъ въ ономъ различной святыни: иконъ и святыхъ мощей, и въ этомъ-то отношеніи ихъ сказаніе служитъ почти единственнымъ матеріяломъ для исторіи этого величайшаго и славнѣйшаго изъ Христіанскихъ святилищъ Востока.

---

[6] Софійскій храмъ первоначально былъ основанъ Императоромъ Константиномъ. Архитекторы Анѳимій Трульскій и Исидоръ Милетскій строили его отъ 535 до 538 года. Въ 559 году, во время сильнаго землетрясенія, упалъ куполъ, и былъ выстроенъ другимъ Архитекторомъ, Исидоромъ. Императоръ Ѳеодосій Старшій основалъ этотъ храмъ въ большомъ размѣрѣ. Юстиніанъ выстроилъ его въ томъ колосальномъ объемѣ, въ которомъ онъ доселѣ сохраняется. На сооруженіе его были привезены изъ Ефескаго храма Діаны колонны зеленой яшмы; отъ храма солнца, построеннаго въ Римѣ Авреліаномъ, 8 порфировыхъ колоннъ; другія были вывезены изъ Александровой Трои, Аѳинъ, Цикладъ, Мемфиса, Александріи; Юстиніанъ употребилъ серебряную конную статую Ѳеодосія для балдахина, поддерживаемаго въ алтарѣ 4 золотыми колоннами. Софійскій Соборъ представляетъ огромную массу зданій, теперь изуродованную передѣлками. Куполъ, предметъ удивленія и непостижимости архитектурной, болѣе всего перестроивался. Еще Андроникъ Старшій на сѣверной сторонѣ, грозившей паденіемъ, пристроилъ контръ-форсы. Кантакузинъ и Іоаннъ Палеологъ возобновляли обветшалыя части храма. Магометъ, послѣ взятія Константинополя, обратилъ Софійскій храмъ въ мечеть, пристроивъ къ нему 4 минарета. Въ послѣднее время (1847—1848) онъ возобновленъ, по волѣ Султана, Абдулъ-Меджида, архитекторомъ Фоссати.

Стефанъ Новгородецъ (1350) описываетъ Святую Софію такъ: «Въ Недѣлю Страстную преидохомъ въ Царьградъ, и идохомъ къ Святой Софіи (слѣдуетъ описаніе Юстиніанова столпа, приведенное выше). А отъ столпа Юстиніанова внити въ двери Святой Софіи; въ первыя двери, поступивъ мало, ити въ другія, и третьи, и четвертыя, и пятыя и въ шестыя тоже, а въ седмыя двери внити въ Святую Софію, въ великую церковь. И пошедъ мало, обратитись назадъ, и возрѣвъ горѣ на двери, видѣти: ту стоитъ икона «Святый Спасъ», и о той иконѣ рѣчь въ книгахъ пишется, и того всего не мочно исписати. Ту бо погани иконоборцы лѣстницу приставили, восхотѣвъ содрати вѣнецъ златый, и Святая Θеодосія опроверже лѣстницу, и разби поганина, и ту Святую заклаша рогомъ козьимъ. И отъ того мимо пошедъ, видѣхомъ множество народа, цѣлующе съ умиленіемъ Страсти Господни,[7] и возрадовахомся вельми; зане бо безъ слезъ не мочно пріити къ Страстямъ Господнимъ. И ту видѣ насъ Царевъ Бояринъ, ему же имя простое: Ботаръ, и той, видя тѣсноту и нужду нашу, допроводи ны къ Страстямъ Господнимъ, Бога дѣля, и ту мы цѣловахомъ грѣшніи. Потомъ идохомъ, поступивше мало на сторону, и увидѣхомъ ту, на стѣнѣ, Спасъ, мусіею утворенъ, и вода святая отъ язвъ гвоздиныхъ отъ ногу его идетъ, и ту цѣловахомъ грѣшніи, и помаза ны единъ отъ Іеромонаховъ масломъ и напои водою святою. И ту стоятъ многи столпове отъ камене краснаго мрамора, окованы чудно, въ нихъ же лежатъ мощи святыя: ту люди прикасаются, и иже кто болитъ, и абіе съ вѣрою здравіе пріемлетъ И ту видѣ насъ свя-

---

[7] Какая святыня разумѣлась подъ названіемъ «Страсти Господни,» см. ниже при описаніи монастыря Георгія Мангана, въ которомъ она сохранялась постоянно. Исидоръ Бухирасъ, Патріархъ Цареградскій, мужъ просвѣщенный, былъ возведенъ на Патріаршескій престолъ Іоанномъ Кантакузинымъ, который отъ него во второй разъ принялъ вѣнчаніе на Царство, дабы тѣмъ болѣе оправдать и утвердить свое восшествіе на престолъ. По сказанію Стефана Новгородца, онъ былъ въ Константинополѣ въ шестое лѣто Патріаршества Исидорова, а по Греческимъ источникамъ Патріархъ Исидоръ правилъ Церковію всего только три года, съ 1347 по 1350 годъ; для соглашенія этого противорѣчія остается предположить, что Исидоръ правилъ Церковію нѣсколько лѣтъ прежде своего возведенія на Патріаршество, во время суда надъ его предмѣстникомъ, Іоанномъ XIV, и что Стефанъ Новгородецъ считалъ 6 годъ его Патріаршества съ

тый Патріархъ, Исидоръ, [8] а на Патріаршество поставленъ бысть шестое лѣто, и той Патріархъ призва ны, и благословихомся, и цѣловахомъ въ руку, и бесѣдова съ нами, понеже бо вельми любитъ Русь. О великое чудо! Колико смиреніе бысть ему, ижь бесѣдова съ страники ны, грѣшніи; не нашъ бо обычай имѣетъ!

И быхомъ довольнѣ въ великой церкви Святой Софіи; оттолѣ идохомъ къ святому Арсенію Патріарху, [9] и цѣловахомъ тѣло его; и то все идетъ посолонь [10] въ церкви той. И оттолѣ (то есть, изъ придѣла, въ которомъ опочивалъ Патріархъ Арсеній) пойти изъ церкви въ двери, ити промежъ стѣнъ со свѣщею, обходя аки кругомъ, [11] стоитъ икона Святой Спасъ, вельми чуденъ, и то зовется «Елеонъ гора,» по подобію яко же въ Іерусалимѣ. [12] И оттолѣ пошедъ къ олтарю, стоятъ столпи, вельми красны,

---

1342 года; тогда и заключеніе И. П. Сахарова, что Стефанъ былъ въ Царьградѣ въ 1350 году, будетъ правильно.

[9] Арсеній Патріархъ двукратно: съ 1254 по 1257 и съ 1261 по 1268 годъ, человѣкъ добродѣтельный и подвижнической жизни. Онъ двукратно былъ изгоняемъ съ святительскаго престола Императоромъ Михаиломъ Палеологомъ, за то, что защищалъ права законнаго наслѣдника престола (сына Ласкаря Младшаго) и съ 1268 года отлучилъ Михаила Палеолога отъ церковнаго общенія. Безъ сомнѣнія, за эту ревность и твердость духа современники уважали его память, а мѣстно онъ причтенъ былъ и къ лику Святыхъ, подобно нашему Митрополиту Филиппу (Но въ общихъ святцахъ нѣтъ его имени). Извѣстно также, что споры между приверженцами Патріарха Арсенія съ одной и его преемника, Іосифа Патріарха, съ другой стороны, долго волновали Константинопольскую Церковь, и что для умиренія оной, по волѣ Императора Андроника Палеолога, Патріархъ Арсеній, скончавшійся въ изгнаніи, былъ торжественно пересенъ въ Царьградъ, и гробъ его поставленъ въ Софійскомъ храмѣ, устами же тогдашняго Патріарха Цареградскаго Нифонта (1312—1315) возглашено, отъ имени Арсенія, прощеніе и разрѣшеніе всему народу.

[10] Посолонь, то есть, по солнцу, идя лѣвой стороной отъ входа.

[11] Слѣдовательно, по выходѣ изъ церкви нашъ паломникъ продолжалъ обходъ свой по внутренней галереѣ (которую ниже онъ называетъ «церковною улицею») за колонами, въ томъ мѣстѣ, гдѣ сѣверная стѣна смыкалась съ полукружіемъ алтаря

[12] Надобно полагать, что это тоже одинъ изъ малыхъ предѣловъ (подобный тѣмъ, какіе и до нынѣ находятся въ Іерусалимскомъ храмѣ Воскресенія), гдѣ, между колоннами къ стѣнѣ, было сдѣлано подобіе Елеонской горы изъ камня, а на верху представлено Вознесеніе Господне изъ фигуръ (плоскихъ, а не рѣзныхъ), на лицевой сторонѣ которыхъ изображены красками Св. лица, подобно тому,

на подобіе аспида: ту бо есть въ великомъ олтарѣ кладязь отъ Святаго Іордана явися. [13] И выйти изъ олтаря великаго на лѣвую руку посолонь, и ту кандило великое съ масломъ, подася отъ высоты и не разбиея, ни огнь не угасе. Аще бы желѣзно было, и абіе бы ся то разбило, но нѣкая сила невидимая поставила (его) на камени. И ту близъ трапеза камена: «Святый Аврамъ,» ему же Богъ въ Троицѣ явися подъ дубомъ Мамврійскимъ (слѣдуетъ описаніе дуба Мамврійскаго). Ту же одръ лежитъ желѣзный, на немъ же Святыхъ Мученикъ мучили, на огнь поставивши; у того же одра множество людей приходятъ и пріемлютъ изцѣлѣніе, а мы, грѣшніи, цѣловахомъ его. И ту стоятъ столпове отъ камени багряна (изъ порфира), красны вельми, пропестріе аспиду подобно, видѣти человѣку лица своего образъ, аки въ зерцалѣ; отъ великаго Рима привезены бо суть.»

«Имать же Святая Софія множество кладезей съ сладкими водами, опричь тѣхъ, иже въ стѣнахъ церковныхъ и промежъ стѣнъ, и не познать ихъ ровно съ дномъ, рекше, помостомъ церковнымъ. Надъ тѣми бо кладязи вбиты суть кольца желѣзныя во мраморъ, а мраморъ ся зоветъ камень гладокъ. Тако жъ и кандалъ развѣшено многое множество несчетно въ Святой Софіи, иная жъ въ предѣлѣхъ и каморахъ, а иніи въ стѣнахъ и промежъ стѣнъ, (и) въ улицахъ церковныхъ (галереяхъ), идѣже иконы велики стоятъ, и ту кандила съ масломъ древянымъ горятъ, и ту мы, грѣшніи, приходихомъ со слезами и съ радостію, по силѣ свѣщи подавахомъ, тако жъ и у мощей Святыхъ. Святая Софія имать дверей 365, тако жъ и престоловъ, окованы

какъ дѣлаютъ у насъ фигуры предстоящихъ у Распятія: Божіей Матери и Св. Іоанна Богослова.

[13] Здѣсь слѣдуетъ описаніе явленія кладезя, который, по отношенію къ цѣлому, нельзя не признать за позднѣйшую вставку: такъ онъ мало вяжется съ дѣльнымъ расказомъ Стефана Новгородца. Но для полноты описанія приведемъ и это мѣсто: «Бысть во едино утро стражи Царскіе, выняша изъ кладезя пахирь, (бокалы, кружки), и познаша калиги Рускія; Грецы же не яша вѣры. Русь же рѣша: «Нашъ пахирь есть; мы бо купахомся и изронихомъ на Іорданѣ. И не бысть отъ Грековъ тако, яко же рѣша Русь, и не даша калигъ; зане бо не яша Руси вѣры на томъ. Оле намъ страннымъ! А во днѣ кладезя того бысть злато запечатано; и во единожды изыскаша ставецъ, и разбиша той ставецъ, и обрѣтоша много злата, и дивишася. Се бо сотворися Божіемъ повелѣніемъ, что ся нарече: Іорданъ.»

хитро вельми, а иніи бо отъ нихъ заграждены за оскудѣніе. А о Святой Софіи, Премудрости Божіей, умъ человѣчь не можетъ ни сказати, ни вычести, и что видѣхомъ, то и написахомъ.»

Діаконъ Игнатій, посѣтившій Святую Софію спустя 40 лѣтъ послѣ Стефана Новгородца (съ 1390 году), описываетъ этотъ храмъ такъ: «Во утріе мѣсяца Іюня въ 30 день пойдохомъ къ церкви Сяятой Софіи, еже есть Премудрость Божія, и, дошедше великихъ вратъ, поклонихомся чудотворной иконѣ Пречистыя Богородицы, отъ нея же изыде гласъ Маріѣ Египецкой, егда же возбраняше ей божественная сила внити во святую церковь, ижъ во Іерусалимѣ, на поклоненіе Честнаго Креста. И уразумѣвшу ей согрѣшенія своя, и умилившуся о семъ, и поручницу о себѣ Пресвятую Богородицу дающе, и сицевая ей словеса глаголюще, и абіе внезапу услыша гласъ, глаголющь ей издалеча: «Аще Іорданъ прейдеши, добро покоище обрящеши.» И сице мы поклонихомся той святѣй и честнѣй иконѣ Пречистыя Богородицы, иже стоитъ внутри церкви Святыя Софіи, и прочимъ святымъ иконамъ, и святымъ мощемъ цѣлебнымъ, и святыя раки чудотворныя (цѣловахомъ). И цѣловахомъ трапезу, на ней же полагаются святыя Страсти Христовы, и потомъ цѣловахомъ Святаго Арсенія Патріарха, и многихъ Святыхъ. Тоже цѣловахомъ Троицу Авраамлю, на ней же угости Христа Бога, въ Троицѣ явльшагося. Таже цѣловахомъ одръ желѣзный, на немъ же Христовы Мученицы сжигаемы быша; и пребыхомъ все утро во церкви, покланяющеся и дивящесь чудесемъ Святыхъ, и величеству и красотѣ безмѣрнѣй церковнѣй.»

Дьякъ Александръ, посѣтившій Константинополь между 1391—1395 годами, также оставилъ описаніе Софійскаго храма, хотя и краткое, но ни въ чемъ не противорѣчащее двумъ первымъ: «Се азъ, Дьякъ Александръ, пишетъ онъ, проходихъ куплею въ Царьградъ, и ходихомъ поклонитиеь во Святую Софію; величества и красоты ея немощно исповѣдати. Входя въ великія двери, по правую сторону стоитъ икона Святой Богородицы, что гласъ отъ Нея ишелъ Маріѣ Египетской во Іерусалимѣ, и ту есть великія двери отъ Ноева ковчега; на лѣвой сторонѣ преобразился Спасъ нашъ на мраморѣ; [14] внутри церкви есть трапеза

---

[14] Можно полагать двояко: или что здѣсь было помѣщено изображеніе Преобра-

Авраамля, на ней же Спасъ явился въ Троицѣ Аврааму подъ дубомъ Мамврійскимъ. [15] Близъ того одръ желѣзенъ на немъ же жгли мощи Святыхъ Мученикъ; и ту мощи Святаго Патріарха Арсенія. Въ олтарѣ есть камень, на немъ же сидѣлъ есть Спасъ, беседуя съ женою Самарянынею при кладязѣ Іаковли.»

Наконецъ, Іеродіаконъ Зосима, посѣтившій Святую Софію въ 1420 году, слѣдовательно, за 33 года до начала ея нынѣшняго плѣна, описываетъ оную въ слѣдующихъ чертахъ: «Первое поклонихомся Святой великой церкви Софіи, идѣже Патріархъ живетъ, и цѣловахомъ образъ Господа нашего, Іисуса Христа, ижъ предъ нимъ грѣхи свои исповѣдуютъ, егда, срама ради, немощно исповѣдати духовнику, и то ся зоветъ «Спасъ Исповѣдникъ.» И видѣхомъ бо, образъ Пречистыя, иже отъ Іерусалима, егда бесѣдова къ Марiѣ Египтянынѣ; и Святаго Арсенія Патріарха мощи и гробъ Кирьяка (Кирика) трилѣтняго, и камень въ олтарѣ, иже съ Самарянынею Христосъ Богъ нашъ, стоя у кладезя Іаковля, беседова; и трапезу Авраамову, на ней же угости Святую Троицу Авраамъ подъ дубомъ Мамврійскимъ; и одръ желѣзный, на немъ же Мученикъ Святыхъ мучили; и посохъ Ивана Златоустаго вверху стоитъ. И ходихомъ ту по степенемъ отъ врата великая церковная. [16] И видѣхомъ Ноевъ ковчегъ ту же близъ Святыя церкви.» [17]

И такъ видно, что благочестивое вниманіе нашихъ паломниковъ при посѣщеніи Софійскаго храма останавливалося преимущественно на слѣдующихъ предметахъ:

1. Иконѣ Божіей Матери, перенесенный сюда изъ Іеру-

женія Господня на мраморѣ, или, что вѣроятнѣе, помѣщенъ тотъ камень (мраморъ), на которомъ, по преданію, стоялъ, во время Преображенія, Господь. А еще вѣроятнѣе, что это тоже самое, что у Стефана Новгородца называется «Елеонъ гора,» сдѣланная по подобію Іерусалимской, и что Игнатій, вмѣсто Вознесенія, ошибкой назвалъ Преображеніемъ (объясненіе значенія «Елеонъ горъ» см. выше пр. 12).

[15] Правильнѣе выражено у Дьякона Игнатія: «на ней же угости Христа Бога, въ Троицѣ явльшагося.»

[16] Кажется, надобно понимать такъ, что всходилъ по лѣстницѣ, ведущей изъ притвора храма въ верхнюю галерею,—Гениконъ.

[17] Изъ сказанія Дьяка Александра видно, что здѣсь разумѣются двери, по преданію, принадлежавшія Ноеву ковчегу, которые стояли въ главномъ портикѣ, у входа въ храмъ.

салимскаго храма, Воскресенія Господня, отъ которой Преподобная Марія Египетская, будучи возбранена невидимою силою отъ входа внутрь храма, и раскаявшись въ своихъ прегрѣшеніяхъ, услышала гласъ, повелѣвающій ей ити на ту сторону Іордана, и тамъ проводить покаянное житіе, которое подробно описалъ Іерусалимскій Патріархъ Софроній. Икона эта, какъ видно, стояла въ портикѣ храма по правую сторону входныхъ, такъ называемыхъ, красныхъ дверей, ведущихъ внутрь храма.

2. Тутъ же помѣщались великія двери, по преданію, отъ Ноева ковчега, которыя у Зосимы неправильно обозначены не опредѣленнымъ выраженіемъ: «Ноевъ ковчегъ;» обмолвка эта поправляется сказаніемъ Дьяка Александра.

3. Во внутренней галереѣ (отдѣлявшейся отъ великой церкви колоннами), съ лѣвой (сѣверной) стороны, была, по сказанію Стефана Новгородца, икона Святой Спасъ, и то зовется Елеонъ гора, по подобію Іерусалима, а по сказанію Дьякона Игнатія, икона Спаса Преображенія на мраморѣ. Основываясь на замѣчаніи, что это сдѣлано по подобію Іерусалимскому, мы полагаемъ, что въ одномъ изъ предѣловъ, находившихся во внутренней галереѣ храма, открытомъ спереди, было устроено возвышеніе на подобіе горы, и на немъ поставлены вырѣзныя по контуру, но плоскія съ лицевой стороны, фигура Спасителя съ предстоящими, по сказанію Стефана Новгородца; эта группа изображала Вознесеніе Господне, и отъ того называлась: «Елеонъ гора,» а по сказанію Дьякона Игнатія, «Преображеніе Господне.»

4. Объ образѣ Спаса Исповѣдника упоминаетъ лишь одинъ Іеродіаконъ Зосима.

5. Объ образѣ Спасителя на стѣнѣ мусіею (внутри храма, на сѣверной же сторонѣ) устроеннаго такъ, что изъ ножныхъ язвъ онаго струится вода, упоминаетъ лишь Стефанъ Новгородецъ.

6. Трапеза, на которой полагались для поклоненія, такъ называемыя, «Страсти Господни» (по объясненію Дьяка Александра, орудія Страстей Господнихъ цѣльныя и въ частицахъ). Стефанъ Новгородецъ сподобился поклониться имъ, по тому что посѣтилъ Святую Софію въ Страстную Седмицу, когда эта святыня выставлялась для народнаго поклоненія и освященія; въ остальное же время она хранилась въ монастырѣ Георгія Мангана,

и «были замчены и запечатаны Царскою и Патріаршею печатьми,» по свидѣтельству Дьяканъ Александра. Діяконъ Игнатій также упоминаетъ о сей святынѣ.

7. Всѣ четверо упоминаютъ о мощахъ Патріарха Арсенія, называя его Святымъ; они находились въ одномъ изъ предѣловъ храма, во внутренней его галереѣ, а Дьяконъ Игнатій упоминаетъ также о мощахъ трилѣтняго Кирика; всѣ согласно свидѣтельствуютъ, что въ храмѣ, кромѣ сихъ цѣлокупныхъ мощей, было много святыхъ мощей (частицъ), помѣщавшихся въ особыхъ ковчегахъ, утвержденныхъ на столбахъ (или около столбовъ) и открытыхъ для чествованія.

8. Трое упоминаютъ о хранившемся въ олтарѣ камнѣ, на которомъ сидѣлъ, или стоялъ, Спаситель, во время своей бесѣды съ женою Самарянскою, при кладезѣ Іаковли.

9. Всѣ упоминаютъ о трапезѣ, на которой Авраамъ угостилъ Святую Троицу, явившуюся ему подъ дубомъ Мамврійскимъ въ видѣ трехѣ Ангеловъ.

10. Всѣ упоминаютъ о желѣзномъ одрѣ, на которомъ жгли тѣла Святыхъ мучениковъ на медленномъ огнѣ.

11. Стефанъ Новгородецъ называетъ одинъ изъ кладязей великаго олтаря Іорданомъ, и передаетъ о немъ сказаніе, ходившее въ его время между Русскими паломниками (если только это не есть позднѣйшая вставка).

12. Наконецъ, всѣ четверо выражаютъ разнообразно свое удивленіе о высотѣ, широтѣ и красотѣ размѣровъ храма, и о украшавшихъ его колоннахъ, но не входятъ въ подробности по сему предмету, кромѣ Стефана Новгородца, замѣтившаго, что въ Софійскомъ храмѣ находилось 365 дверей и столько же предѣловъ, съ оговоркою, что нѣкоторые изъ нихъ «заграждены за оскудѣніе.» Приведенное число очевидно имѣетъ такое же отношеніе къ дѣйствительному, какъ сорокъ сороковъ Московскихъ церквей къ настоящему числу ихъ. Діаконъ же Игнатій пишетъ: «также въ 31 день Іюля ходихомъ вверху церкви Святыя Софіи, и видѣхомъ 40 оконъ шейныхъ, ижь на верху церкви Святыя Софіи, и мѣрихомъ окно едино со столпомъ по двѣ сажени, и сихъ 40 оконъ; въ ширину имѣяху со столпомъ по двѣ сажени въ шеѣ церковней. И сему много чудихомся, яко предивно и изрядно удобрено.» И такъ, сводя показанія нашихъ паломниковъ,

мы узнаемъ, что именно изъ древней святыни уцѣлѣло въ Софійскомъ храмѣ отъ ограбленія Латинскими Крестоносцами въ 1204 году, съ 1261 по 1453 годъ, то есть, отъ возвращенія Константинополя Греками до плѣненія его Турками.

П. Константій замѣчаетъ, что изъ числа древнихъ святынь Софійскаго храма доселѣ сохранился камень, закрывавшій во время Спасителя устье кладезя Іаковля, у котораго Господь нашъ Іисусъ Христосъ бесѣдовалъ съ женою Самарянынею, и что камень этотъ понынѣ служитъ покровомъ одной изъ многочисленныхъ храмовыхъ систернъ.

II. Монастыри и церкви, расположенные на 1-мъ холмѣ.

Извѣстно, что всѣ зданія, собственно такъ называемаго, города заключаются въ обводѣ его древнихъ стѣнъ и составляютъ въ географическомъ отношеніи полуостровъ, а въ отношеніи фигуръ треугольникъ, основаніемъ которому служитъ стѣна, ограждающая городъ со стороны материка, бока же этого треугольника омываются Босфоромъ, Пропонтидою (Мраморнымъ моремъ) и Золотымъ рогомъ. Такое положеніе Царяграда не осталось незамѣченнымъ нашими паломниками: одинъ изъ нихъ, а именно Іеродіаконъ Зосима пишетъ: «а Царьградъ стоитъ на три угла: двѣ стѣны отъ моря, а третья отъ западу, приступа дѣля ратныхъ.» Въ первомъ углѣ отъ Бѣлаго моря созданъ Студійскій монастырь, во второмъ углѣ созданъ Святаго Юрія монастырь, зовомой Манганъ: «а сей бяше первое градецъ малъ, зовомый Византія, напротивъ Скутаря. А мѣсто, зовомое Скутарь, есть на оной странѣ моря; и есть ту торговище: съѣзжаются Тургане, а съ сея страны Греки и Фрязове, и торгуютъ межъ ебобою. Отъ лимена повыше мало стоитъ Царева палата, а за лименомъ стоитъ Фряжскій градъ, [18] красенъ, и добръ, и лѣпъ.»

Всѣ же зданія Царяграда, заключающіяся въ обводѣ его древнихъ стѣнъ, какъ извѣство, расположены на 7-ми холмахъ и въ пресѣкающихъ ихъ удоліяхъ. По сему-то онъ и извѣстенъ издревле подъ названіемъ «семихолмнаго.» Эта особенность Цареграда также не оставлена безъ вниманія нашими паломниками (хотя и позднѣйшаго времени). Такъ Іеромонахъ Арсеній Сухановъ,

[18] Галата.

посѣтившій Константинополь въ 1641 году, то есть, уже почти спустя два вѣка по взятіи его Турками, описываетъ мѣстоположеніе его такъ: «Царьградъ стѣнами долгъ, выдается въ затокъ морской, въ землю межъ Царяграда и Галата, толико и стѣны градныя вдались вдоль, въ полѣ, сирѣчь, съ затокомъ ровны и поведены подлѣ затока, и мочно обойти судомъ даже до конца всего Царяграда затокомъ тѣмъ; а мысъ той, на чемъ Царьградъ стоитъ, и Галата, и Скутарь, весь каменнъ, и дворъ Царевъ начался съ низу отъ моря и отъ часу выше, и самыя палаты Царскія и Софія стоятъ на самомъ холму. И отъ Софіи рядомъ пошелъ холмъ, яко гребень, и тотъ гребень перещепывается долинами. А такъ стоятъ на томъ гребнѣ семь холмовъ, а на тѣхъ холмахъ ставлены мечети, великія и высокія, и хороши добрѣ и украшены зданіемъ, драгоцѣннымъ мраморомъ всякимъ, и рѣзьми, и водами приводными, несказанною мудростью и цѣною великою.....» [19]

Въ сочиненіи А. Константія, по изслѣдованіямъ, основанваннымъ на древнихъ Византійскихъ писателяхъ и собственныхъ изысканіяхъ, означено, на какомъ изъ 7-ми холмовъ Византіи какія находились церкви и монастыри, съ показаніемъ тѣхъ изъ нихъ, которыя обращены въ мечети, существующія и понынѣ, а равно и тѣхъ, отъ которыхъ въ настоящее время не осталось ни какихъ слѣдовъ. Это дало намъ возможность распредѣлить по холмамъ и тѣ святыни, которыя упоминаются въ сочиненіяхъ нашихъ паломниковъ XIV и XV вѣковъ, частію въ точности, а частію приблизительно съ достаточною вѣроятностію, оправдываемою изысканіемъ ученаго автора Константиніады.

И такъ, по внимательномъ изслѣдованіи, оказывается, что къ группѣ древнихъ Царьградскихъ Святынь, расположенныхъ на первомъ холмѣ, въ окрестностяхъ Святыя Софіи, принадлежатъ ниже слѣдующія церкви, монастыри и мѣста, изчисляемые нами въ томъ самомъ порядкѣ, въ какомъ они значатся у Стефана Новгородца, который, какъ было замѣчено выше, отличается отъ другихъ паломниковъ нѣкоторою системою, и тѣмъ самымъ даетъ нить для дальнѣйшихъ изслѣдованій и соображеній къ опредѣ-

---

[19] См. у Сахарова путешествія Русскихъ людей: «Путешествіе Арсенія Суханова (Проскинитарій)», стр. 194.

ленію мѣстности, упоминаемыхъ у него и другихъ паломниковъ, Святынь: 1. церковь Святой Ирины; 2. женскій монастырь Святыя Богородицы; 3. монастырь Святаго Великомученика Георгія Мангана; 4. церковь Святый Спасъ, а по другимъ Христосъ или Христосъ Милостивый; 5. женскій монастырь Святыя Богородицы; 6. монастырь Панагранъ; 7. монастырь Панданаса (Вседвладычицы); 8. храмъ Святыя Богородицы Наставницы (Одигитріи); 9. церковь девяточинная (Еннея Клессія), правильнѣе же новая церковь (Базилика); 10. палата (дворецъ) правовѣрнаго Царя Константина; 11. монастырь Святаго Сергія и Вакха; 12. врата градныя (городскія) желѣзныя; 13. монастырь Святаго Димитрія; 14. врата Жидовскія; 15. монастырь Святаго Кипріана; 17. монастырь женскій; 18. монастырь Святой Варвары. Для общаго опредѣленія мѣстности 11-ти первыхъ мѣстъ, мы находимъ у Стефана Новгородца слѣдующее замѣчаніе: «То все посолонь водится (идя отъ Святыя Софіи), подерживая на лѣвую руку городныя стѣны, возлѣ моря.» Это замѣчаніе понадобилось ему по тому, что, для помѣщенія мѣстъ, значащихся подъ № 11, 12 и 13, онъ шелъ уже не посолонь (по солнцу), а противъ солнца; всѣ эти мѣста, какъ видно, были посѣщены имъ въ одинъ разъ; мѣста же, значащіяся подъ № 15, 16, 17 и 18, онъ посѣтилъ другимъ разомъ, переходя для этого, какъ увидимъ ниже, отъ Свытыхъ вратъ Золотаго рога, чрезъ хребетъ, въ окрестности Святой Софіи, къ югу отъ нея.

а. Церковь Святой Ирины и монастырь Святыя Богородицы.

«Ту близъ Святой Софіи, пишетъ Стефанъ Новгородецъ, двѣ церкви великія стоятъ: Ирина, великая церковь, а оттолѣ недалеко Святыя Богородицы монастырь женскій: ту лежитъ Святая Евдокія.» [20]

Мѣстность храма Св. Ирины, уцѣлѣвшаго доселѣ (обращенъ въ арсеналъ), достаточно извѣстна; этотъ храмъ, гдѣ былъ Соборъ Восточныхъ Святителей въ царствованіе Θеодосія, обращенъ Турками въ арсеналъ и находится нынѣ внутри Серальскихъ стѣнъ,

[20] Извѣстны по Святцамъ двѣ Св. Евдокіи, обѣ преподобномученицы: одна пострадала отъ Воеводы Викентія въ 152 году 1 Марта, другая пострадала въ Персіи 4 Августа. Вѣроятно, здѣсь разумѣется первая.

недалеко отъ Монетнаго двора. Касательно же монастыря Святыя Богородицы, о которомъ ничего не упоминаютъ прочіе паломники, можемъ замѣтить, что сочинитель Константиніады указываетъ въ этой мѣстности монастырь Святой Богородицы Патрикіи.

6. Монастырь Святаго Георгія Мангана и церковь Спасъ или Христосъ Милостивый.

«И оттуда (то есть, отъ Святыя Ирины) на подолъ къ морю идучи, продолжаетъ Стефанъ Новгородецъ, есть холмъ Святаго Великомученика Георгія, рекше, непобѣдимая сила. Ту стоятъ страсти Господни, замчены и запечатаны церковною печатію. На Страстной Недѣлѣ Царь самъ съ Патріархомъ отпечатываютъ и цѣлуютъ, а потомъ не возможно видѣти никому же. Ту лежитъ тѣло Святыя Анны, и цѣловахомъ грѣшніи. И ту, за стѣною, надъ моремъ, явися Христосъ самъ, и ту церковь наричутъ Христосъ. Стоятъ множество болящихъ, и отъ всѣхъ градовъ привозятъ, и пріемлютъ изцѣлѣніе, и ту лежитъ Святый Аверкій, и цѣловахомъ тѣло его То бо все мѣсто подобно есть Соломоновой купели, ижь въ Іерусалимѣ.» Согласно съ Стефаномъ Новгородцемъ пишетъ о этихъ мѣстахъ и Дьякъ Александръ: «а въ монастырѣ Манганѣ стоятъ страсти Спасовы вси: багряница, и кровь и копіе, трость, губа; и Святыхъ мощей много въ томъ монастырѣ. Назади монастыря Мангана церковь Святый Спасъ, и ту мощи Святаго Аверкія, и вода цѣлебная туто есть.»

Діаконъ Игнатій о послѣдней церкви пишетъ: «Идохомъ вскрай моря, идѣже есть цѣлебный песокъ, и надъ нимъ церковь Святый Спасъ, въ ней же есть Святый чудотворный образъ Господень, и Святый Равноапостольный Аверкій, въ тѣлѣ знаменія и чудеса многи творя.»

Іеродіаконъ Зосима о мѣстности монастыря Святаго Георгія Мангана говоритъ слѣдующее: «Царьградъ стоитъ на три угла: въ первомъ углѣ отъ Бѣлаго моря созданъ Студійскій монастырь, во второмъ углу созданъ Святаго Юрія монастырь, зовомый Манганъ.» А церковь Святаго Спаса онъ называетъ монастыремъ женскимъ и описываетъ такъ: «близъ Святой Софіи стоитъ монастырь женскій: Христосъ Милостивый, и есть ту вода Святая въ немъ подъ церковію; и ту въ песокъ ноги копа-

ющe прокаженіи приходятъ, и ту болящіи исцѣленіе пріемлютъ безчисленное.»

Такимъ образомъ мѣсто монастыря Святаго Георгія, называемаго Манганъ, у нашихъ паломниковъ опредѣляется ясно: онъ стоялъ близъ моря, на холмѣ, внизу котораго, позади сего монастыря, надъ самымъ моремъ, находилась церковь, называемая по просту: Спасъ или Христосъ Милостивый (Филанеропу Христу). Въ церкви этой находилась агіасма (источникъ), къ которой приходило множество болящихъ и получали по вѣрѣ своей исцѣлѣніе. Патріархъ Константій говоритъ, что Греки, по преданію, открыли мѣсто этой агіасмы: оно находится подъ кіоскомъ, стоящимъ на берегу моря, который называется Инджиликіоскъ. По его же замѣчанію Манганою называлось зданіе, въ которомъ помѣщались Манганы или разныя военныя машины, употреблявшіяся при осадѣ городовъ. Дьякъ Александръ поясняетъ намъ, какая именно святыня разумѣлась подъ названіемъ «Страстей Христовыхъ,» которыя Стефанъ Новгородецъ видѣлъ выставленными на всенародное чествованіе въ храмѣ Святой Софіи въ Страстную Седмицу. Изъ числа многихъ Святыхъ мощей, хранившихся въ монастырѣ Святаго Георгія Мангана, Стафанъ Новгородецъ упоминаетъ о цѣлокупныхъ мощахъ Святой Анны. А касательно церкви Святаго Спаса трое свидѣтельствуютъ, что въ ней почиваютъ мощи Святаго Аверкія, котораго Діаконъ Игнатій правильно называетъ Равноапостольнымъ; это Аверкій Іеропольскій Епископъ и чудотворецъ, современникъ Марка Аврелія: память его празднуется 22 Октября.

в. Монастыри: Святыя Богородицы, Панагранъ, Панданасса (Παντανάσσης) и Святой Богородицы Одигитріи, Святаго Лазаря, Святой Варвары, Святаго Кипріана и Андрея Христа ради Юродиваго.

Первые четыре монастыря Стефанъ Новгородецъ описываетъ такъ: «оттолѣ (отъ монастыря Георгія Мангана и церкви Святый Спасъ) идохомъ въ монастырь Святыя Богородицы: ту лежитъ глава Ивана Златоустаго, и мы, грѣшніи, поклонихомся и цѣловахомъ. И оттолѣ идохомъ въ монастырь Панагранъ: ту лежитъ глава Святаго Василія. И оттолѣ недалече монастырь Панданасый: ту бо лежатъ замчены Страсти Господни, на двое раздѣлены. И оттолѣ идохомъ во Вторникъ къ Святой Богородицѣ поклони-

тися выходной иконѣ; ту бо икону Евангелистъ Лука написа, понорови самую Госпожу Дѣву Богородицу, еще сущу живу; ту бо икону во всякій Вторникъ выносятъ. Чудно вельми зрѣти, како сходится народъ и людіе изъ иныхъ городовъ! Икона жь та велика вельми, окована гораздо, и пѣвци предъ нею поютъ красно, а народи вси зовуть: «Киріе елейсонъ!» съ плачемъ. Единому человѣку на плеча вставятъ раму, а онъ руцѣ распростретъ, аки распятъ, также и очи ему запровержутъ; видѣти грозно, по ходбищу мещетъ его сѣмо и овамо, вельми сильно повертываетъ имъ, а онъ не помнится, куда его икона носитъ. Потомъ другій подходитъ, и той тако жь, та жь третій и четвертый подхватываютъ, и тіи вси тако жь. А они поютъ пѣніе съ Дьяки великое, и народъ зоветъ: «Господи помилуй!» съ плачемъ. Два Діакона держатъ рипиды, а иные кивотъ предъ иконою. Дивное видѣніе! Три человѣка вставятъ на плечи единому человѣку, а онъ аки простъ ходитъ, изволеніемъ Божіимъ.»

О томъ же монастырѣ упоминаетъ и Дьякъ Игнатій: «Идохомъ, пишетъ онъ, ко Пресвятѣй Богородицѣ Одигитріи, еже Русскимъ глаголется языкомъ Наставница, и, поклонившись, цѣловакомъ ю со страхомъ и съ трепетомъ, и взяхомъ поморизмо, и помазахомся.»

Дьякъ Александръ, изъ числа упоминаемыхъ Стефаномъ Новгородцемъ четырехъ выше означенныхъ монастырей, упоминаетъ лишь два: «близъ той церкви (Святаго Спаса), пищетъ онъ, монастырь женскій, и ту глава Святаго Василія Кесарійскаго.» Это очевидно тотъ самый монастырь, который у Стефана Новгородца названъ Панагранъ. «Въ Одигитріи, продолжаетъ онъ, есть икона Святой Богородицы, выносятъ во всякой Вторникъ и творитъ чудеса, кто съ вѣрою приходитъ, и здравіе получаетъ. Писалъ же сію икону Лука Евангелистъ. Нѣкогда были иконоборцы, и сохраниша сію икону въ Пандократорѣ монастырѣ, въ стѣнѣ, и зажегши кандило предъ нею, 60 лѣтъ не угасло предъ нею.»

Іеродіаконъ Зосима пишетъ не только о всѣхъ монастыряхъ этихъ, но упоминаетъ и о трехъ иныхъ (въ той же мѣстности), не значащихся у Стефана Новгородца: «и быхомъ, говоритъ онъ, въ монастырѣ Одигитріи, въ немъ же чудо Пречистая творитъ во всякій Вторникъ. Близъ того монастыря

есть два монастыря: Лазаря четверодневнаго, и въ немъ мощи его запечатаны въ столпѣ; и сестры его, Маріи, ту же, и другой Лазарь, Епископъ Галасійскій. Ту же близъ есть женскій монастырь, и ту лежитъ глава Ивана Златоустаго (мы уже знаемъ, что этотъ монастырь у Стефана Новгородца называется монастыремъ Святыя Богородицы). Близъ же того есть другій монастырь, идѣже лежитъ Святый Кипріанъ въ своемъ тѣлѣ, и инъ монастырь, идѣже есть Святый Андрей Юродивый Христа ради, иже и донынѣ больныхъ исцѣляетъ. Тамо же близъ Святой Софіи есть монастырь женскій Панохранъ, идѣже есть ту глава Василія Кесарійскаго, а стопы Святаго Апостола Павла на камени воображени добрѣ.» Далѣе слѣдуетъ у Зосимы описаніе церкви «Спаса Милостиваго» (см. о ней выше), которую онъ называетъ женскимъ монастыремъ, и потомъ говоритъ: «близъ того монастыря есть женскій монастырь, зовомый Панданасый; и ту есть часть отъ Страстей Христовыхъ, и отъ ризы, и отъ крови, и отъ власовъ Пречистыя.» За тѣмъ слѣдуетъ у Зосимы описаніе монастыря Юрія Мангана, приведенное выше.

О мѣстности всѣхъ этихъ монастырей можно сдѣлать общее замѣчаніе, что они были расположены на пространствѣ между двумя обителями, мѣста которыхъ намъ извѣстны довольно опредѣленно, а именно: Георгія Мангана и Одигитріи. О мѣстности перваго было упомянуто (на холмѣ, противъ того мѣста, гдѣ нынѣ на берегу моря стоитъ Инджили-кіоскъ), а вторая, по изысканіямъ А. Константія, находилась недалеко отъ нынѣшнихъ крайнихъ со стороны Мраморнаго моря вратъ, называемыхъ «Ахоръ-Капусси.» Это общее замѣчаніе подтверждается какъ нельзя лучше свидѣтельствомъ Стефана Новгородца, который отъ церкви Святой Ирины, спустившись на подолъ къ морю, осмотрѣвъ всѣ помянутыя монастыри и дойдя до монастыря Святаго Сергія и Вакха, замѣтилъ: «то все посслонь водится, подерживая на лѣвую руку городныя стѣны, возлѣ моря.»

Что же касается собственно до монастырей, упомянутыхъ Зосимою, Святаго Лазаря, Святаго Кипріана и Святаго Андрея Юродиваго, то изъ числа ихъ упоминаетъ также о монастырѣ Святаго Лазаря Дьякъ Александръ, говоря, впрочемъ, весьма кратко: «въ монастырѣ Святаго Лазаря Лазарь Святый, и сестры его обѣ, Марія и Марфа, зазданы въ олтарѣ,» а о монастырѣ Свя-

6

таго Кипріана упоминаетъ также и Стефанъ Новгородецъ; онъ, описавъ церковь Святой Θеодосіи (стоявшую, какъ увидимъ ниже, у Златаго рога, гдѣ были Святыя врата, нынѣ мечеть Гюль-Джамисси), говоритъ: «а оттолѣ идохомъ сквозь градъ далече, поприще велико ити къ Святому Кипріану, и цѣловахомъ тѣло его: великъ бѣ тѣломъ. Ту близъ, продолжаетъ онъ, стоитъ монастырь женскій, ту есть глава Святаго Пантелеимона. И оттолѣ идохомъ къ Святой Варварѣ, и глава ея ту.»

По изысканіямъ П. Константія церквы Святаго Лазаря и Святой Варвары находились на первомъ холмѣ, въ одной мѣстности съ монастыремъ Георгія Мангана и церкви Спаса Милостиваго. На мѣсто церкви Святой Варвары указываютъ ворота Топъ-Капусси, называющіеся вратами Святой Варвары. Что же касается до монастыря Святаго Кипріана и Святаго Андрея Христа ради Юродиваго (изъ коихъ первый упоминается равно и Іеродіакономъ Зосимою и Стефаномъ Новгородцемъ), то, судя по замѣчанію Зосимы, что монастыри эти находились близъ Святой Одигитріи, надобно полагать мѣсто ихъ на югъ отъ Святой Софіи, на мѣстности, называемой Буколеонъ.

д. Новая Царская церковь, палата Царя Константина, монастырь Святаго Сергія и Вакха, желѣзныя ворота и портъ, называемый Катерга Лимани.

Стефанъ Новгородецъ описываетъ эти мѣста такъ: «Оттуда (отъ монастыря Одигитріи) идучи къ монастырю Еннея Клессія, рекше девятой церкви, а все то во единой церкви. Ту Христосъ вельми гораздо, аки живъ человѣкъ, образно стоитъ не на иконѣ, но собою стоитъ; ту жь есть дворъ, нарицается палата правовѣрнаго Царя Константина; а стѣны его велики, стоятъ высоко вельми, выше городныхъ стѣнъ, велику граду подобны, подъ Гипподроміемъ стоятъ, при морѣ. Ту близъ монастырь Сергія и Вакха, и цѣловахомъ главы ихъ. А отъ Гипподрома пойти мимо Кантоскопія, ту суть стоятъ дивно врата градныя, желѣзные, рѣшетчатые, велики вельми, тѣми бо враты море введено внутрь града. И коли бываетъ рвеніе морю, и ту держатъ корабли катархи до трехъ сотъ; имѣютъ же катархи веселъ 200, а иныя 300 веселъ. Въ тѣхъ судѣхъ рать по морю ходитъ, а ожъ будетъ вѣтръ, и они тогда не могутъ

бѣжать, зане бо вѣтромъ ся гонятъ, а корабль стоитъ и погоды ждетъ.»[21]

Дьякъ Александръ замѣтилъ кратко: «Близъ Царева двора Константинова есть монастырь Сергія и Вакха; отъ мощей ихъ главы обѣ есть.»

Дьяконъ Игнатій пишетъ: «Идохомъ въ церковь при Константиновѣ дворѣ, еже глаголется Девяточинная церковь, въ ней же сутъ столпы чуднѣ зѣло и недомысленни, зрѣти убо есть сущихъ при нихъ человѣкъ всѣхъ приходящихъ, аки въ зерцалѣ чистѣ видяще свои образи, и сему много дивихомся.»

Упоминаемыя здѣсь мѣста, по изысканіямъ П. Константія, находились не на юго-западѣ отъ Святой Софіи. Мѣсто монастыря Сергія и Вакха извѣстно: это нынѣшняя мечеть «Кучукъ-Аія Софія,» то есть, Малая Софія, какъ называютъ ее Турки. Мѣсто палаты (дворца) Царя Константина «подъ Гипподріемъ», при морѣ, указываетъ на нынѣшнюю мечеть Султана Ахмета и мѣстность, называемую Буколеонъ.[22] Упоминаемое же Стефаномъ Новгородцемъ мѣсто, въ которомъ «держатъ корабли катархи (до 300), «коли бываетъ вреніе морю,» есть древній портъ, называемый, по роду укрывавшихся въ немъ судовъ, «Катерги Лимани.» Верхняя площадь или пристань этого порта извѣстна и по нынѣ подъ тѣмъ же самымъ именемъ; портъ этотъ находился между воротами Кумъ-Капу съ одной и Чатладжи-Капу съ другой стороны, противу

---

[21] Вѣроятно, Св. Анны мученицы, пострадавшей съ Епископомъ Александромъ и другимъ 22 Октября.

[22] Судя по изслѣдованію ученаго Лабарта о мѣстности Императорскихъ Дворцовъ въ Константинополѣ, то, что наши поломники называютъ «палатою Царя Константина, указывая ея мѣсто подъ «Гипподроміемъ, при морѣ,» былъ дворецъ, называвшійся еще въ XI вѣкѣ Буколеономъ. Этотъ дворецъ построенъ Ѳеодосіемъ Младшимъ († 450) при морѣ, близъ порта Буколеонъ; Никифоръ Фока (963—969) устроилъ возлѣ этого порта сильную крѣпость (акрополь), внутрь которой вошелъ и древній дворецъ Ѳеодосія. Верхнее жилье этого дворца, возвышавшееся надъ стѣнами, было его обыкновеннымъ жилищемъ. Что же касается до большаго дворца Константинова, то извѣстно, что съ начала XII столѣтія Императоры почти оставили его, проживая то во Влахернскомъ, то въ Буколеонѣ, устроенныхъ внутри крѣпостей, гдѣ они могли считать себя безопаснѣе во время частыхъ народныхъ смутъ (Le palais impériale de Constantinople, par Jules Labarte. Paris, 1861, p. 91).

заложенныхъ нынѣ (но видныхъ) воротъ Льва. Все это мѣсто и по нынѣ называется Катерга Лимани. Что же касается до Кантоскопіи, мимо которой проходилъ Стефанъ Новгородецъ, спускаясь отъ Гипподрома къ порту Катерга Лимани, то, по объясненію туземцевъ, этимъ именемъ назывался маякъ, или башня, стоявшая на возвышеніи, противъ которой въ морѣ, на одномъ изъ большихъ подводныхъ камней, возвышалась такая же башня; объ этѣхъ башняхъ упоминаетъ и учёной творецъ Константиніады, со словъ Византійскихъ историковъ, говоря, что они имѣли внутри пустое пространство, въ которомъ были проведены большія трубы. Кодинъ пишетъ, что «когда подымался южный, или сѣверный, вѣтеръ, и волны, бушуя, ударялись о стѣны, вѣтеръ врывался сквозь наружныя отверстія въ трубы этѣхъ башенъ, производилъ мелодію, которая восхищала и очаровывала слухъ. При попутномъ же вѣтрѣ флотилія выходила въ море, на инструментахъ вторили звукамъ музыкальныхъ башенъ. Церковь «Еннея Клессія,» указываемая Стефаномъ Новгородцемъ близъ «м. Одигитріи,» а Дьякономъ Игнатіемъ «при Константиновѣ дворѣ,» очевидно, есть та самая придворная церковь (ἡ νέα βασιλική ἐκκλησία, новая Царская церковь), которая подробно описана Константиномъ Багрянороднымъ и П. Фотіемъ. Церковь эта была построена Императоромъ Василіемъ Македоняниномъ. Относительно столповъ, справедливо удивившихъ нашего паломника (Д. Игнатія), П. Фотій пишетъ: «Внѣшніе портики церкви (τα προπύλαια) украшены съ большимъ великолѣпіемъ. Дощечки изъ бѣлаго мрамора, которыми они покрыты, блестятъ очаровательно, а представляютъ глазу какъ однородное цѣлое, по тому что тонкость сполоченія кусковъ скрываетъ ихъ подборъ и соединеніе ихъ окраинъ и заставляетъ думать, что все сдѣлано изъ одного камня, по которому проведены, какъ борозды, прямыя линіи. Очаровательная новизна оцепѣняетъ воображеніе зрителя; сей взоръ такъ очарованъ и до такой степени прикованъ здѣсь, что онъ не смѣетъ итти впередъ.» (Photii, Novae Ecclesiae descriptio.—Constantini Imperatoris Historia de vita et rebus gestis Basilii Imperatoris, ap. Script. post Theoph. Переведены Жюлемъ Лабартомъ, въ его: Palais impérial de Constantinople, pag. 88—90).

е. Церковь Святаго Димитрія, Жидовскія врата и мѣсто погруженія ризы Богоматери.

Эти мѣста Стефанъ Новгородецъ описываетъ такъ: «А оттолѣ (отъ порта Катерга Лимани) идохомъ ко Святому Димитрію; ту лежитъ тѣло Святаго Царя Ласкариса; таково бо бѣ имя его, и цѣловахомъ мы, грѣшніи, тѣло его. Той есть монастырь Царевъ, стоитъ при морѣ. И ту есть близъ монастыря того, живетъ Жидовъ много при морѣ, возлѣ городной стѣны, и врата на морѣ ся зовутъ Жидовская. И ту было знаменіе: приходилъ Хозрой, Царь Перскій, съ ратію къ Царюграду, и уже хотѣли взять градъ, и бысть въ Царѣградѣ плачь великъ. Тогда прояви Богъ видѣніе нѣкоему старцу, и рече: «Возьми поясъ Святыя Богородицы, и омочи конецъ его въ море!» И сотвориша тако съ пѣніемъ и плачемъ, и возмутися море, и разби корабли ихъ о градную стѣну. Ту жь нынѣ кости ихъ бѣлѣются, аки снѣгъ, при градной стѣнѣ, близъ Жидовскихъ вратъ.»

О мѣстѣ церкви Святаго Димитрія П. Константій пишетъ: «Недалече отъ вратъ Святыя Варвары, нынѣ Топъ-Капусси, находилась церковь Святаго Димитрія: отъ этого-то акрополь (кремль, крѣпость), который находился здѣсь, назывался Византійскими историками Акрополемъ Великаго Димитрія. Жидовскія ворота, по свидѣтельству Бондельмонти (см. его планъ Константинополя у Бандури Imp. Orient. t. II, p. 448), писателя XV вѣка, назывались первыя врата Золотаго рога отъ устья, нынѣ «Яли-кіоски-капусси.»

III. Монастыри и церкви, расположенные на 4-мъ холмѣ. [23]

Къ этой группѣ принадлежатъ слѣдующія изъ упоминаемыхъ нашими паломниками святынь: 1) храмъ Святыхъ Апостоловъ;

---

[23] Церквей и монастырей, которые у Патріарха Константія значатся расположенными на 2 и 3 холмахъ, у нашихъ поломниковъ не упоминается ни одной, собственно по тому, что въ числѣ ихъ не было особенно замѣчательныхъ. Всѣ же болѣе замѣчательныя святыни древняго Царяграда сгруппировались на восточной его сторонѣ, близъ храма Св. Софіи (холмъ 1), въ срединѣ, около храма Св. Апостоловъ (холмъ 4), а на западной сторонѣ раскинулись равномѣрно по холмамъ 5, 6, 7, въ каковомъ порядкѣ мы и обозрѣваемъ ихъ, слѣдуя за нашими паломниками и повѣряя ихъ указанія розысканіями Патріарха Константія.

2) монастырь Пандократора; 3) монастырь женскій Святаго Константина; 4) монастырь Липеси; 5) монастырь Аполиканти.

Изъ числа этѣхъ святынь преимущественное вниманіе нашихъ паломниковъ было обращено на два, а именно: на храмъ Святыхъ Апостоловъ, и монастырь Пандократора (Вседержителя), мѣста которыхъ извѣстны и нынѣ Это. обстоятельство даетъ намъ возможность, вмѣстѣ съ другими соображеніями, опредѣлить, хотя приблизительно, мѣста и остальныхъ церквей и монастырей этой группы.

Стефанъ Новгородецъ описываетъ церковь Святыхъ Апостоловъ такъ: «Оттолѣ (отъ монастыря Кирмарта или Гераматра) [24] ити на гору къ церкви Апостольской, и ту цѣловахомъ мощи Святаго Спиридона и Святаго Поліевкта. И пришедъ къ олтарю, на правой руцѣ, есть гробъ Святаго Григорія Ѳеолога, въ притворѣ олтарнемъ; ту жь гробъ Ивана Златоустаго; ту же близъ икона въ кіотѣ «Святый Спасъ,» въ его же ножомъ удари невѣрный, и пойде отъ иконы кровь, и цѣловахомъ грѣшніи. И отъ великихъ дверей, на правой руцѣ, стоятъ два столпа: единъ, идѣже бѣ привязанъ Господь нашъ, Іисусъ Христосъ, а другій, на немъ же Петръ плакася горько; тіи бо столповѣ привезены отъ Іерусалима Святою Еленою Царицею. Единъ столпъ, иже бѣ Іисусовъ, отъ зелена камени, съ прочернью, а другій Петровъ, тонокъ, аки бревенце, вельми красенъ, есть прочернь и пробѣлъ, видомъ аки дятленъ. А олтарь ту среди церкви вельми великъ; и потомъ, отъ олтаря прямо на востокъ идучи къ церкви, ту стоитъ гробъ Царя Константина, великъ вельми, сдѣланъ отъ камени, аки аспиду подобенъ, и иныхъ же много гробовъ Царскихъ ту стоятъ, но не всѣ бо Святіи, и мы цѣловахомъ, грѣшніи, и поклонихомся.»

Дьяконъ Игнатій о Апостольской церкви пишетъ: «Таже оттуда (отъ монастыри Продрома, что на 5-мъ холмѣ) идохомъ ко Апостольстей церкви, и поклонихомся, и цѣловахомъ со многимъ страхомъ и трепетомъ Святый столпъ, къ нему же привязанъ и біенъ бысть Господь нашъ, Іисусъ Христосъ, во спасенней и вольней его страсти, и четыредесять совершеннѣ пріимъ

---

[24] Стефанъ Новгородецъ обозрѣвалъ эту группу, идя отъ Студійскаго монастыря и другихъ, расположенныхъ на 6 холмѣ (см. ниже).

ранъ, смертельный являя отвѣтъ, спасенія ради нашего. Ту жь есть и Петра верховнаго камень, на немъ же плакалъ горько о отверженіи во время вольнаго страданія Христова. Также поклонихомся образу Пресвятыя Богородицы, иже явись Святому старцу въ пустынѣ. Также видѣхомъ тамо гроби Царстіи, и Святаго и Великаго и Равноапостольнаго Константина Царя, и Великаго Θеодосія Царя, и Θеодосія Малаго, и иніи монги. Тажь видѣхомъ тамо въ придѣлѣ Святаго Спиридона Епископа и Поліевкта, оба въ тѣлѣ суть, многая чудеса источаючи, и мощи Святаго Ивана Златоуста, и мощи Святаго Григорія Богослова Патріарха, въ каменныхъ ковчезѣхъ запечатаны.»

Дьякъ Александръ объ Апостольской церкви пишетъ: «Во Апостольской церкви мощи Святыхъ Апостолъ въ олтарѣ призданномъ: мощи Святаго Спиридона, мощи Святаго Поліевкта, гробъ Святаго Іоанна Златоустаго, гробъ Святаго Константина Царя и матери его Елены. Ту столпъ есть мраморяный, у него же привязанъ былъ Спасъ, коли мучили его Жидове. Туто же есть камень, у него же плакалъ Петръ Апостолъ объ отверженіи Господни, коли петель возласи.»

«Во святѣй же Апостольстѣй церкви, пишетъ Іеродіаконъ Зосима, стоитъ столпецъ, у него же Петръ Апостолъ плакася, егда отвергся Христа. Въ той же церкви великій Спиридоній и Святой мученикъ Поліевктъ лежатъ; и ту гробъ Царя Константина и матери его Елены, и многихъ Царей Правовѣрныхъ. И образъ Господа нашего, Іисуса Христа, ему же исповѣдася мнихъ, иже въ Патерицѣ написано, ижъ предъ образомъ исповѣдался. И предъ враты церковными стоитъ Ангелъ страшенъ великъ, и держитъ въ руцѣ скипетръ Царьграда, и противъ его стоитъ Царь Константинъ, аки мужъ живой, а держитъ онъ въ рукахъ своихъ Царьградъ, и даетъ его на соблюденіе тому Ангелу.»

Извѣстно, что церковь Святыхъ Апостоловъ, въ которой обычно погребались Императоры, соперница въ красотѣ и величіи со Святою Софіею, была, по приказанію Магомета II, передѣлана въ Патріаршій дворецъ, и служила Патріарху жилищемъ въ теченіе двухъ лѣтъ. Но такъ какъ она со всѣхъ сторонъ была окружена домами Магометанъ, то Патріархъ Геннадій, съ позволенія Султана, въ 1455 году, перенесъ Патріархію въ монастырь Паммакариста, вскорѣ послѣ чего церковь Святыхъ Апостоловъ

была разрушена, и на самомъ томъ мѣстѣ была воздвигнута, по образцу Святой Софіи, Архитекторомъ Христодуломъ, большая мечеть (Махмудіе), а также и Имаретъ или домъ для бѣдныхъ.

Монастырь Пандократора (τοῦ Παντοκράτορος, Вседержителя) Стефанъ Новгородецъ описываетъ такъ: «оттодѣ (отъ церкви Святыхъ Апостоловъ) идохомъ къ Спасу, великому монастырю, рекше, Вседержителю: внити во врата первая, и есть надъ враты Спасъ мусіею утворенъ, великъ бо образомъ и высокъ, такие и въ другія врата внити, тажь въ монастырь, видѣти зданіе чудно и красно, а церковь мусіею удивлена изовну, аки сіяетъ; ту доска Господня лежитъ, ижъ привезена бысть Святою Еленою Царицею; ту жь три главы лежатъ: Флора и Лавра и Іакова Перскаго; ту лежитъ тѣло Михаила черноризца безъ главы; [25] ту жь стоитъ въ олтарѣ чаша отъ бѣла камени, въ ней же Іисусъ отъ воды вино сотвори вельми чудно.»

Дьяконъ Игнатій описываетъ Пандократорскій монастырь такъ: «Идохомъ въ великій честный монастырь Пантократоровъ, и цѣловахомъ святую доску Господню, на ней же, со креста снемше, тѣло Христово положиша, и Пречистыя (то есть, Богородицы), слезы на томъ вообразишась; и тамо есть корчага, въ самороднемъ камени содѣлана, въ ней же Христосъ воду въ вино претвори, и держатъ въ ней нынѣ и всегда воду Святыхъ Богоявленій. Также видѣхомъ тамо лежаще главы Святыхъ мученикъ Сергія и Вакха (очевидная ошибка, вмѣсто Святыхъ мученикъ Флора и Лавра; ибо какъ мы уже знаемъ, главы Святыхъ мученикъ Сергія и Вакха находились въ церкви, ихъ имени посвященной), и Іакова Перскаго.»

Посѣтивъ вторично Пандократоръ, Дьяконъ Игнатій разсказываетъ, что «въ сосудохранительницѣ» видѣлъ онъ и святое Евангеліе, писано все златомъ рукою Ѳеодосія Царя Малаго; и тамо, прибавляетъ, цѣловахомъ кровь Господню, истекшую отъ ребръ его въ распятіи на крестѣ.»

Дьякъ Александръ о Пандократорской святынѣ пишетъ: «а въ Пантократорѣ монастырѣ есть доска Спасова, на ней же несли его ко гробу; корчага во олтарѣ, что воду въ вино претворилъ

---

[25] Михаилъ черноризецъ изъ обители Св. Савви, мученикъ IX вѣка, 23 Мая.

Спасъ въ Канѣ Галилеи, главы Святаго Фрола и Лавра, глава Святаго Іакова Перскаго.» [26]

Наконецъ, Іеродіаконъ Зосима описываетъ этотъ монастырь такъ: «монастырь же великій Пантократоровъ, еже зовется по Руски Вседержитель, въ томъ бо монастырѣ стоитъ дска, на ней же Христа несли ко гробу, на ней же слезы Богородицы Маріи и доныне знать. Туто же есть глава Флора и Лавра [27] и Іакова Перскаго, и Стефана Новаго [28] рука, и Преподобный Новый Михаилъ; и ту есть судно то въ олтарѣ, ижъ Христосъ воду въ вино претвори въ Канѣ Галилейстѣй.»

Изъ сличенія этихъ описаній оказывается, что всѣ четыре паломника описали согласно обѣ главныя святыни этой группы — храмъ Святыхъ Апостоловъ и монастырь Пандократора. Этотъ послѣдній былъ основанъ Императрицею Ириною, супругою Калоіоанна Комнина, а оконченъ сыномъ ея, Мануиломъ Комнинымъ, который былъ изображенъ внутри представляющимъ Господу Вседержителю, посвященную его имени, церковь. Она нынѣ называется «Зейрекъ Джамисси.»

«И оттолѣ (отъ монастыря Пандократора), пишетъ Стефанъ Новгородецъ, идохомъ къ Святому Константину, въ монастырь женскій: ту лежитъ тѣло Святаго Климента Архіепископа; ту жь лежитъ тѣло и Ѳеофаніи Царицы.»

А Іеродіаконъ Зосима, послѣ посѣщенія Пандократора, упоминаетъ о двухъ монастыряхъ: «въ сторонѣ того монастыря (то есть, Пандократора) съ два перестрѣлища большая, есть монастырь, еже ся зоветъ Аполиканти; [29] предъ враты того монастыря лежитъ жаба каменная; сія жаба, при Царѣ Львѣ Пре-

---

[26] Іаковъ Персянинъ, мученикъ въ 421 г., при Варарань, 27 Ноября.

[27] Флоръ и Лавръ мученики Илирійскіе, 18 Августа.

[28] Стефанъ Новый, преподобный, и Стефанъ мученики Цареградскіе въ VIII вѣкѣ при Копронимѣ, 28 Ноября.

[29] Невѣрность въ названіяхъ и опредѣленіи разстоянія, замѣчаемыя у Зосимы, преимущественно передъ прочими тремя паломниками, заставляетъ насъ предполагать, что, вмѣсто Аполиканту, слѣдуетъ читать Панохранту (τῆς Παναχράντου, Пренепорочная). Монастырь мужескій, обращенный въ мечеть, находящуюся на мѣстѣ, называемомъ «Халиджиляръ-кіоски,» къ юго-востоку отъ мечети Султана Мехмеда.

мудромъ, по улицамъ ходячи, смертію людей пожирала, а метлы пометали сами: возстанутъ людіе по рану, а улицы чистыя.»

Надобно замѣтить, что ни объ этомъ монастырѣ, ни объ каменной жабѣ и соединенномъ съ нею народномъ преданіи, записанномъ нашимъ паломникомъ, другіе паломники ничего не упоминаютъ.

«Ту есть, продолжаетъ Зосима, монастырь, еже зоветъ ся Филостратосъ (Войнолюбивый), въ немъ же мощи Святаго Климента Анкгирскаго, и Өеофаніи, и Царя Льва Премудраго.» Очевидно, что это тотъ же самый монастырь, о которомъ пишетъ Стефанъ Новгородецъ, называя его монастыремъ Святаго Константина женскимъ. П. Константій причисляетъ монастырь или церковь Святаго Константина къ группѣ находившихся на 6-мъ холму, упоминаніе же о нихъ послѣ Пандократора, и указаніе, что они находились «всего на два перестрѣлища отъ него,» заставляетъ полагать, что монастыри эти были на границѣ между 4 и 6 холмами, а, слѣдовательно, неподалеку и отъ мечети Махмудіе, построенной на мѣстѣ церкви Святыхъ Апостоловъ.

Монастырь женскій Липеси (Λίψη, Libis), о которомъ Іеродіаконъ Зосима пишетъ слѣдующее: «Монастырь женскій есть инъ подалѣе отъ того (Евергетиса), зовомый Липеси: ту лежитъ Святой Стефанъ, и Царица Ирина, и Царица Анна, дочь Московскаго Великаго Князя, Василья Дмитріевича, внука Великаго Князя Александра Литовскаго, зовомаго Витовта.» Объ этомъ монастырѣ П. Константій пишетъ, что церковь его близъ Святыхъ Апостоловъ была построена Патриціемъ Либисомъ, при Львѣ Философѣ, была возобновлена Императрицею Өеодорою, супругою Михаила Палеолога; здѣсь погребены сынъ этой Императрицы, Андроникъ Старшій, Ирина, жена Андроника Младшаго, и Анна, дочь Великаго Князя, Василья Дмитріевича, всея Россіи, первая супруга Императора Іоанна II Палеолога, отличавшаяся рѣдкой красотою и умомъ, скончалась отъ мороваго повѣтрія въ 1416 году, къ великому сожалѣнію всего Византійскаго Двора. Эта церковь, построенная съ куполомъ, обращенная въ мечеть, существуетъ еще близъ Атъ-Базара, на мѣстѣ, называемомъ нынѣ Чирчиръ (воробейнъ) Магалесси (кварталъ).

IV. Церкви и монастыри на 7 и 5 холмахъ.

Къ этой группѣ принадлежатъ церкви и монастыри: 1) Студійской; 2) Пигіи; 3) Привлепту или Прекрасной Богородицы; 3) Андрея Критскаго; 4) Святаго Патріарха Тарасія.

Студійскій (Святаго Іоанна Предтечи). Стефанъ Новгородецъ описываетъ его такъ: «Въ монастырѣ Студійскомъ быхомъ и цѣловахомъ тѣло Святаго Саввы. И церковь та велика вельми, и высоко полатою сведена, икона въ ней аки солнце сіяетъ, вельми украшена златомъ, много дивиться, аки жемчугомъ усажена, и писцу тако не мочно вписати. Тако жъ и трапеза устроена, идѣже братія ѣдятъ, вельми чудно, паче всѣхъ монастырей, а стоитъ на краю, близъ Златыхъ вратъ. Ту лежитъ Ѳеодоръ Студійскій. Изъ того бо монастыря въ Русь посылали много книгъ: Уставъ, Тріоди и иныя книги.» Онъ же въ другомъ мѣстѣ пишетъ: «идохомъ съ други моими по Святымъ монастырямъ, и обрѣтохомъ на пути Ивана и Добрилу, своихъ Новгородцевъ, и возрадовахомся зѣло, ижъ нѣколи бѣ мочно было свидѣтися, зане бо безъ вѣсти пропали, и нынѣ живутъ туто, списаючи въ монастырѣ Студійскомъ отъ книгъ Святаго Писанія, зане бо искусни зѣло книжному списанію.» [30]

Дьякъ Александръ пишетъ: «Въ Студійскомъ монастырѣ Святаго Ѳеодора (Студита) естъ мνро отъ Святаго Великомученика Димитрія, и мощей много святыхъ.»

---

[30] Извѣстно, что еще въ 1062 году Препод. Ѳеодосій Печерскій послалъ (какъ читаемъ въ его Житіи, написанномъ Преп. Несторомъ лѣтописцемъ) въ Царьградъ, къ проживавшему въ Студійскомъ монастырѣ иноку Печерской же обители, Ефрему каженику (скопцу), одного изъ братіи, моля его: «да весь Уставъ Студійскаго монастыря списавъ (равнозначительно нынѣшнему «переложивъ,» переведя), принесетъ ему. Приимъ же его (то есть, полный снимокъ Студійскаго Устава въ Славянскомъ переводѣ), отецъ нашъ Ѳеодосій повелѣ почести передъ братіею, и оттолѣ начатъ въ своемъ монастырѣ вся строити по Уставу Св. монастыря Стдуійскаго.» Въ томъ же монастырѣ проживалъ, въ бытность свою въ Царьградѣ, нашъ Митрополитъ Кипріанъ, занимаясь переводомъ съ Греческаго Лѣствицъ Св. Іоанна Лѣствичника, что видно изъ надписи на этомъ переводѣ, хранящемся въ Библіотекѣ Московской Духовной Семинаріи (подъ № 152): «Въ лѣто 6895 (1387), Апрѣля 24, съвръшишася сія книги въ Студійской обители Кипріаномъ, смиренцымъ М. Кіевскимъ и всея Руси.»

Іеродіаконъ Зосима пишетъ: «и ту стоитъ монастырь великой Студійскій; ту лежитъ Евфимій Патріархъ (✝ 473), и ту мѵро Дмитріево (Солунскаго) въ рацѣ стоитъ, близъ вратъ Студійскихъ.» Ниже онъ указываетъ мѣсто сего монастыря: «въ первомъ углѣ Бѣлаго моря созданъ Студійскій монастырь.»

Этотъ монастырь П. Константій описываетъ такъ: «Церковь Святаго Іоанна Крестителя или монастырь Студійскій, называемый такъ отъ Патриція Студіуса, его основателя, который жилъ во времена Льва Макелла. Эта церковь, по взятіи Константинополя Латинами, была разрушена, но Константинъ Палеологъ Багрянородный, братъ Андроника Старшаго, возобновилъ ее съ большими издержками. Въ этомъ монастырѣ былъ нѣкогда Настоятелемъ 1000 иноковъ ревностный подвижникъ Ѳеодоръ, прозванный по имени сего монастыря Студійскимъ. Этотъ монастырь также обращенъ въ мечеть, называемую нынѣ «Эмиръ-Ахоръ-Джамисси,» и находится между 7-ми мраморовъ и Псоматіею, близъ Греческой церкви Святаго Константина. Во дворѣ этой мечети еще видна древняя цистерна этой церкви, поддерживаемая 23 большими колоннами Коринѳскаго ордена.»

Пигій. Іеродіаконъ Зосима упоминаетъ и о Пигіи (такъ называемомъ нынѣ живоносномъ источникѣ, Балуклія): «ту есть внѣ града кладязь, еже зовется Пигій, а въ немъ достаютъ воду святую. И ту же близъ монастыря создана церковь Святаго Пророка Даніила, и ту стоитъ гробъ (его) внутрь въ церкви, возлѣ стѣны, на дву львахъ.»

О Пигіи же упоминаетъ и Дьяконъ Игнатій, говоря: «Въ пятый день Августа идохомъ къ Пигіи, и поклонихомся Пречистой Богородицѣ, и пихомъ святую воду цѣлебную, и умыхомся ею.»

Перивлепта монастырь (τῆς Περιβλέπτου). Изъ Студійскаго монастыря Стефанъ Новгородецъ посѣтилъ монастыръ Перивлепта, по его переводу «Прекрасной Богородицы:» «и оттолѣ (отъ Студійскаго монастыря), пишетъ онъ, идохомъ къ Прекрасной Богородицѣ въ монастырь, и цѣловахомъ руку Ивана Крестителя, и Симеона Богопріимца, и Григорія Богослова.»

Дьяконъ Игнатій двукратно посѣтилъ монастырь Перивлепту, и описываетъ его такъ: «таже идохомъ оттуду (отъ монастыря Святаго Тарасія Патріарха, который, по ошибкѣ его самаго, или переписчиковъ, названъ Аѳанасіемъ) въ Перивлепто монастырь,

и цѣловахомъ тамъ мощей много Святыхъ, и Святаго Священномученика Григорія въ тѣлѣ, много исцѣленій изливающа всѣмъ съ вѣрою приходящимъ, тамъ же есть и рука Святаго Ивана Предтечи, Крестителя Господня.» Второе свое посѣщеніе сего монастыря Дьяконъ Игнатій описываетъ такъ: «таже въ 8 день того же мѣсяца (Августа) идохомъ въ Перилептовъ монастырь, и цѣловахомъ руку Предотечеву, и главу Святаго Григорія Богослова Патріарха, и лобъ Святаго Стефана Новаго, [31] икону Господню, отъ нея же изыде гласъ Царю Маврикію, въ ней же вковано святыхъ мощей много. И тамо есть потиръ топазіонъ, камени многоцѣннаго, и иныхъ святыхъ мощей многое множество видѣхомъ.»

Дьякъ Александръ упоминаетъ кратко: «Въ Перевлептѣ монастырѣ рука правая Іоанна Крестителя, и ту глава Великаго Григорія, и отъ мощей Святаго Симеона Богопріимца, и отъ мощей 40 мучениковъ, и иныхъ святыхъ мощей много есть, Икона Святой Богородицы, что покололь Жидовинъ въ шахматной игрѣ, изошла кровь, и донынѣ знати.»

Іеродіаконъ Зосима о семъ монастырѣ пишетъ: «въ монастырѣ же Перевлептѣ есть рука Ивана Предтечи, коею Христа крестилъ, и ту есть глава Григорія Богослова, и Попъ Григорій Никомидійскій (?), и глава Татьяны мученицы, и ту же лежатъ мощи Святыхъ мученикъ многихъ.»

П. Константій, опредѣляя мѣсто этого монастыря, говоритъ, что это нынѣшняя Армянская церковь, называемая Сулу монастырь, близъ Псоматья Капусси, и говоритъ, что онъ былъ основанъ въ 1031 году, въ честь Богородицы Маріи, Императоромъ Романомъ Аргиромъ, который здѣсь и погребенъ, равно какъ и возстановитель сей обители, Никифоръ Вотоніатъ († 1081), принявшій здѣсь иноческое постриженіе. Послѣ разоренія его Латинами, былъ возобновленъ Михаиломъ Палеологомъ, изображеніе котораго было еще видно въ монастырской церкви до пожара 1782 г., коснувшагося и ея. [32]

---

[31] См. выше примѣч. 28.

[32] И въ этомъ монастырѣ проживали Русскіе иноки съ тою же цѣлію, какъ и въ Студійскомъ, для занятія переводами съ Греческаго языка Церковно-бого-

«И оттолѣ (отъ монастыря Перивлепта, продолжаетъ Стефанъ Новгородецъ, идохомъ къ Андрею Критскому, [33] той бо есть монастырь женскій, вельми красенъ, и цѣловахомъ мощи Святаго Андрея» (объ этомъ монастырѣ другіе наши паломники не упоминаютъ). И оттолѣ идохомъ къ Святому Патріарху Тарасію, [34] и цѣловахомъ мощи его.»

Объ этомъ монастырѣ упоминаетъ также Дьяконъ Игнатій, говоря: «Въ 24 день Іюля мѣсяца идохомъ въ монастырь Святаго и Великаго Афанасія Патріарха (здѣсь по ошибкѣ, сочинителя, или переписчиковъ, вмѣсто Тарасія поставленъ Аѳанасій: ошибку обличаетъ ниже приведенное обстоятельство изъ жизни Святаго Тарасія Патріарха), ему же вдала посохъ на Патріаршество Святая Пречистая Богородица, и цѣловахомъ мощи его въ тѣлѣ, много изцѣленія подавающе приходящимъ съ вѣрою.»

На мѣсто этого послѣдняго монастыря указываетъ отчасти и то обстоятельство, что Дьяконъ Игнатій посѣтилъ его, какъ пищетъ, одновременно съ монастыремъ Перивлепто, чѣмъ и подтверждаетъ указаніе Стефана Новгородца, что оба эти монастыря были не въ дальнемъ разстояніи одинъ отъ другого.

Далѣе Стефанъ Новгородецъ переходитъ къ описанію монастырей, которые, по соображенію съ изслѣдованіями П. Констатія, находились на 5-мѣ холмѣ: «оттолѣ (отъ монастыря Святаго Патріарха Тарасія, пишетъ Стефанъ) идохомъ къ Святой Богородицѣ въ монастырь, и цѣловахомъ Святую Елисавету.»

Изъ указанія на главную святыню сего монастыря, мощи Святой Елисаветы, можно заключить, что о томъ же самомъ монастырѣ

служебныхъ книгъ и свято-отеческихъ писаній. Извѣстно, что первый Русскій переводъ Типика или Церковнаго Устава Іерусалимской Лавры Св. Саввы Освященнаго, сдѣланъ въ этой обители въ 1401 году, въ царствованіе Іоанна, сына Андроникова, при Константинопольскомъ Патріархѣ Матеѣ, грѣшнымъ Аѳанасіемъ, «малѣйшимъ въ единообразныхъ» (т. е., въ монашествѣ). Этотъ Аѳанасій, Игуменъ Серпуховскаго Высоцкаго монастыря, былъ духовнымъ другомъ Всероссійскаго Митрополита Кипріяна, и сдѣлалъ упомянутый переводъ по его порученію (См. наше изслѣдованіе: «О Славянскихъ переводахъ Церковнаго Устава,» въ «Чтеніяхъ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ, кн. 2, 1869 года).

[33] Андрей, Пресвитеръ Критскій, муч. Цареградскій при Копронимѣ, въ VIII вѣкѣ, 17 Октября.

[34] Тарасій, Патріархъ Цареградскій, скончался въ IX вѣкѣ, 25 Февраля.

пишетъ и Іеродіаконъ Зосима, говоря: «монастырь женскій ту близъ есть (близъ Продрома; см. ниже монастыри на 7 холмѣ), идѣже лежатъ мученики Козьма и Даміанъ; и ту же лежитъ Преподобная Елисаветъ, [35] и ту же лежитъ Ѳомаида блаженная, юже посѣчена бысть отъ свекра, о ней же писано въ Патерицѣ;» «и оттолѣ, продолжаетъ Стефанъ Новгородецъ, идохомъ къ Святой Евфиміи, [36] и цѣловахомъ мощи ея.»

П. Констатій, при обозрѣніи Византійскаго седмихолмія, прямо говоритъ, что церкви Святой Богородицы и Святой Евѳиміи находились на 5-мъ холмѣ; равно какъ и монастырь женскій Святой Богородицы Паммакариста (Всеблаженная); отсюда, мы полагаемъ, что, упоминаемый Стефаномъ Новгородцемъ и Зосимою женскій монастырь Святой Богородицы, есть именно церковь Святой Богородицы Паммакариста, служившая, по оставленіи Патріархомъ Геннадіемъ, въ 1455 году, храма Святыхъ Апостоловъ, мѣстомъ для Греческой Патріархіи. Эта церковь была первоначально построена Михаиломъ Дукомъ Траханіотомъ и его супругою, Маріею Комниной, и Палеологиней, сестрой Алексѣя Комнина. Въ этой церкви погребены всѣ ея первые ктиторы, включая Алексѣя Комнина и его дочь, Анну Комнину, ученѣйшую женщину своего времени. Въ 1591 году церковь эта передѣлана въ мечеть и называется по нынѣ «Фатіiе Джамисси.» Она находится на 5-мъ холмѣ, надъ Золотымъ рогомъ, близъ церкви Георгія Потира.

«И оттолѣ, продолжаетъ Стефанъ Новгородецъ (то есть, отъ церкви Святыя Евѳиміи) идохомъ къ Святому Даніилу (Пророку), и пришедъ въ церковь, пойти подъ землею степеней 25, все со свѣщею ити, на правой руцѣ есть гробъ Святаго Даніила, а на лѣвой руцѣ Святаго Мученика Никиты, и цѣловахомъ ихъ грѣшніи.»

Дьякъ Александръ также упоминаетъ о семъ монастырѣ, говоря, что въ монастырѣ Пророка Даніила хранятся главы Свя-

[35] Преподобная Елисавета чудотворица 24 Апрѣля. Спасалась въ одной изъ Цареградскихъ женскихъ обителей (см. Мѣсяцесловъ П. Вершинскаго).

[36] Св. Евѳимія всехвальная, великомученица Халкидонская, въ концѣ III, 16 Сентября. Воспоминаніе чудесъ ея во время Халкидонскаго Собора 451 года, 11 Іюля. Мощи ея и донынѣ хранятся въ Соборной церкви Греческой Константинопольской Патріархіи.

таго Козьмы и Даміана (тогда какъ Стефанъ Новгородецъ указываетъ ихъ въ загородномъ монастырѣ во имя сихъ Святыхъ, близъ Влахерны; см. монастыри 7-го холма), «и почиваютъ: Пророкъ Даніилъ во гробѣ, Святый Великій Никита во гробѣ [37] Романъ пѣвецъ во гробѣ.» [38] Что касается главъ Святыхъ Козьмы и Даміана, то мы отдаемъ преимущество указанію Стефана Новгородца; ибо Дьякъ Александръ самъ признается, что онъ посѣщалъ не всѣ, описанные имъ, монастыри.

Іеродіаконъ Зосима, менѣе другихъ паломниковъ точный въ своихъ показаніяхъ, также упоминаетъ о монастырѣ Пророка Даніила, называя его церковію и описывая ее въ слѣдъ за упоминаніемъ о Пигіи (живоносномъ источникѣ); онъ говоритъ: «ту близъ монастыря (Пигіи, Богородичнаго) есть церковь Святаго Пророка Даніила, ту стоитъ гробъ внутрь въ церкви, возлѣ стѣны, на двѣ львахъ.» Но ничего не упоминаетъ о гробахъ и мощахъ Святаго Никиты и Романа. Мѣсто этого монастыря указываютъ ворота Святаго Романа, нынѣ Топъ-Капусси (ниже Адріанопольскихъ воротъ). Бандури же говоритъ, что въ этой самой мѣстности находился монастырь Святаго Романа, въ которомъ хранились мощи Пророка Даніила. И такъ, былъ ли это монастырь городской, какъ видится изъ описанія Стефана Новгородца, или загородный, какъ даетъ замѣтить Іеродіаконъ Зосима, все же онъ находился близъ воротъ Святаго Романа (Топъ-Капусси), но тогда этотъ монастырь приходится причислить къ группѣ расположенныхъ на 7-мъ холмѣ, туда мы и отнесли его на планѣ. Послѣ монастыря Даніила Пророка Стефанъ Новгородецъ посѣтилъ церковь, въ которой почивали мощи нѣсколькихъ Святыхъ, имъ поименованныхъ: «оттолѣ, пишетъ онъ, идохомъ къ Святому Іоанну Милостивому, и къ Святой Маріи Клеопиной, и къ Святой Мученицѣ Ѳеодосіи, юже заклаша рогомъ козьимъ за икону Христову: тіи Святіи лежатъ въ единой церкви, высоко ити по лѣстницѣ, въ гору. Ту жъ внидохомъ въ церковь, и цѣловахомъ ихъ грѣшніи.»

Объ этомъ монастырѣ упоминаетъ и Дьякъ Александръ, говоря:

---

[37] Никита преп., Цареградскій исповѣдникъ при Львѣ Армянинѣ и Ѳеофилѣ въ IX вѣкѣ, 13 Октября.

[38] Романъ пр., творецъ Кондаковъ, жившій при Императорѣ Анастасіи въ V вѣкѣ, 1 Октября.

«въ монастырѣ Царицыномъ, еже именуется Кирмарта (Госпожи Мареы) [39] есть отъ мощей Святаго Ивана Милостиваго, [40] Маріи Клеоповы, Апостоловъ сестръ, Святой Ирины, Феодосіи мученицы, что рогомъ заклали ю во Святой Софіи.»

Іеродіаконъ Зосима также упоминаетъ о немъ, говоря: «и ту близъ (близъ монастыря, называемаго Липеси, см. выше) есть монастырь Герамитрасъ (старой Мареы), ту лежитъ Марія Клеопова и Иванъ Воинникъ.»

На мѣстность этого монастыря указываетъ равно какъ замѣчаніе Стефана Новгородца, что онъ поднимался къ нему по лѣстницѣ въ гору, такъ и замѣчаніе Іеродіакона Зосимы, что онъ находится близъ монастыря Липеси (Libis), находившагося, какъ уже извѣстно, близъ храма Святыхъ Апостоловъ, возлѣ Атъ-Базара, на мѣстности, называемой нынѣ Чирчиръ - Магалесси. Однимъ словомъ, монастырь этотъ находился на одномъ изъ возвышеній 5-го холма, раздѣляющагося, по замѣчаніи П. Константія, на двѣ возвышенности. Мѣсто нынѣшней мечети Гюль - Джами, совершенно соотвѣтствовало бы указаніямъ и Стефана Новгородца и Зосимы относительно этого монастыря, если бъ не противорѣчило этому указаніе П. Костантія, что мечеть Гюль-Джами есть, по его соображеніямъ, церковь Святаго Феодосія. Стефанъ же Новгородецъ ставитъ эту церковь ближе къ морю, говоря: «идохомъ къ Святой Феодосіи дѣвицѣ, ту есть монастырь женскій во имя ея при морѣ.» Обращаемъ на это обстоятельство вниманіе читателей, не рѣшаясь опредѣлить утвердительно, что изслѣдованіе П. Константія о мѣстности церкви Святой Феодосіи не точно; ибо выраженіе Стефана Новгородца: «при морѣ» еще не даетъ права утверждать, что здѣсь разумѣется зданіе на самомъ берегу моря. По тому мы и поставляемъ этотъ монастырь Кирмарта, согласно съ П. Константіемъ, въ группѣ расположенныхъ на первой (западной) возвышенности 5-го холма.

Іеродіаконъ Зосима указываетъ въ окрестностяхъ монастыря Кирмарта еще одинъ женскій монастырь, который онъ называетъ Повасильясъ (вѣроятно, Панвасилевсъ, Всецарь): «ту, пишетъ онъ,

[39] Называется такъ, безъ сомнѣнія, по имени своей основательницы, одной изъ Царицъ этого имени.

[40] Іоаннъ Милостивый, Патріархъ Александрійскій, † 620, 12 Ноября.

лежитъ Святой Калія (не Калерія ли?) бѣлица, а мужъ ея бѣ богатъ, и гостилъ по морѣ 3 лѣта, она же бѣ отъ юности мудра, и богобоязлива, и милостива, и розда имѣніе безъ мужа все, мужъ же ея, пришедъ, и замучи ю; и то все творитъ врагъ, чтобы въ лихое дѣло впадали нечестивіи, и бѣ далъ ей Господь (благодать) изцѣленій: хроміи и больніи гробу ея бьютъ челомъ, и изцѣляются.»

Надобно полагать, что и этотъ монастырь находился въ одной мѣстности съ предыдущимъ.

Изъ числа же монастырей и церквей, находившихся на второй возвышенности 5-го холма (къ Золотому рогу), наши паломники упоминаютъ (соображая ихъ описаніе съ изслѣдованіями П. Константія) лишь о двухъ монастыряхъ: одинъ Святой дѣвы Ѳеодосіи мученицы, [41] находившійся, по изысканіямъ П. Константія, близъ вратъ Аія-Капусси и обращенный нынѣ въ мечеть, которая называется Гюль-Джами, а другой монастырь Евергетисъ (τῆς Εὐεργέτιδος, Благодательницы).

Стефанъ Новгородецъ описываетъ первый изъ этихъ монастырей такъ: «Идохомъ къ Святой Ѳеодосіи дѣвицѣ, и цѣловахомъ грѣшніи: ту есть монастырь женскій, во имя ея, при морѣ. Есть же чудно велми: створяется въ монастырѣ въ всякую Среду и Пятокъ, аки въ праздникъ; множество мужей и женъ подаваютъ свѣчи, и масло, и милостыню; ту же множество людей лежитъ больныхъ, на одрѣхъ различны недугы одержимыхъ, принимаютъ изцѣленіе, и входятъ въ церковь, а иныхъ вносятъ, и ложатся предъ нею по единому человѣку, и иже кто болитъ, и абіе здравіе пріемлютъ, а пѣвцы поютъ отъ утра до 2 часа, Литургію поютъ поздно.

Іеродіаконъ Зосима пишетъ: «Ту есть монастырь Вергетисъ (Евергетидосъ), идѣже лежитъ Ѳеодосія дѣвица.» А какъ онъ ничего не упоминаетъ о монастырѣ Святой Ѳеодосіи (находившемся въ той же мѣстности), то мы полагаемъ, что онъ смѣ-

---

[41] Св. Преподобномученица Ѳеодосія дѣвица: когда, по приказанію иконоборческаго Патріарха, Анастасія, воины хотѣли снять икону, бывшую надъ мѣдяными вратами, то Преп. Ѳеодосія съ другими женами рѣшилась воспрепятствовать сему, нисповергла лѣстницу и съ нею служителя нечестія. За сію ревность по Бозѣ, она была заклана козьимъ рогомъ, по приказанію Льва Исаврянина. Память ея Мая 29 дня.

шалъ эти два монастыря въ своемъ описаніи, какъ находившіеся близко одинъ возлѣ другого.

Дьякъ Александръ указываетъ на мѣсто монастыря Святой Ѳеодосіи, говоря, послѣ описанія монастыря Пандократорова: «а близъ того Ѳеодосія дѣвица въ тѣлѣ лежитъ.» Монастырь Святоіі Ѳеодосіи дѣйствительно находился выше Пандократорова монастыря (по указанію П. Константія) и не въ дальнемъ отъ него разстояніи.

Касательно монастыря Евергетисъ, который П. Константій ясно различаетъ отъ монастыря Святой Ѳеодосіи (вопреки сказанію Зосимы), онъ же указываетъ, что монастырь этотъ находится на томъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ нынѣ мечеть Султана Селима; ктиторомъ его былъ нѣкто Василій Протоаснекритъ.

Ѵ. Церкви и монастыри на 6-мъ холмѣ.

Монастыри и церкви, расположенные на 6-мъ холмѣ, Влахерну и окрестные, Стефанъ Новгородецъ описалъ такъ: «Идохомъ къ Святому Ивану Дамаскину. въ монастырь женскій, а оттолѣ идохомъ въ монастырь Ивана Предтечи, зовутъ Ивана Бога богатымъ (слѣдуетъ читать: »Богомъ богатого), и та церковь вельми удивлена мусіею, и ту цѣловахомъ руку Святаго Іоанна ктитора, иже устрои церковь, иконы окова златомъ и съ драгимъ каменіемъ и жемчугомъ. И глаголютъ бо нѣцыи, что та рука Ивана Предтечи, но нѣсть тако, не Предтечева рука; ижъ впередъ писахомъ у Прекрасной Богородицы (въ Перивлептѣ), близъ Студійскаго монастыря, та есть рука Святаго Ивана Предтечи правая, а лѣвая на Іорданѣ.»

Объ этихъ двухъ монастыряхъ Іеродіаконъ Зосима пишетъ: «Есть монастырь Сехаритоменитъ (Кехаритоменисъ, Обрадованная), идѣже лежитъ Иванъ Дамаскинъ.» Далѣе (описавъ Влахернскую церковь) продолжаетъ: «ту же монастырь стоитъ Продромъ: и ту стояли страсти Христовы, и риза Спасова, и копье, чѣмъ его прободоша, и трость, на чемъ копье было посажено, и губа, чѣмъ его напояли оцета, и желчи, и кровь Христова, кою икону Жидовины пробили въ городѣ Варутѣ, и хлѣбецъ, кой на вечери хлѣбецъ яде со ученики своими Господь во святомъ Сіонѣ; камень, кой клали Жидовины подъ главу Христову, и власы Пречистыя Богородицы.»

Дьаконъ Игнатій описываетъ послѣдній монастырь такъ: «Поидохомъ въ монастырь Святаго Ивана, еже глаголется Греческимъ языкомъ Продромъ, Рускимъ же глаголется Предотечи, и ту поклонихомся, и цѣловахомъ, и успокоиша насъ добрѣ тамо живущая Русь.» [42]

Дьякъ Александръ о семъ монастырѣ пишетъ: «Въ Продромѣ монастырѣ, именуется: «Богомъ богатымъ» (то есть, богатъ Богомъ, милостіею Божіею), есть мощи Святаго Іоанна Постника, глава Святаго Вонифатія, и отъ мощей Святаго Пантелеимона. У сего монастыря нѣтъ ни селъ, ни городовъ, но Божію милостію всѣхъ монастырей богатѣе.»

По сказанію П. Константія церковь этого монастыря была построена Ѳеодосіемъ Великимъ, который и положилъ въ ней половину головы Іоанна Крестителя, которую Латине, во время взятія Константинополя (1204 г.) отослали въ Аміенъ. Эта церковь была перестроена Юстиніаномъ и возобновлена Василіемъ Македоняниномъ, Р. Жиль видѣлъ въ 1540 году развалины этой церкви, и вотъ что онъ говоритъ о ней: «Къ востоку отъ Гебдемона есть церковь Святаго Іоанна Крестителя. Большая часть этой церкви обрушена, и не остается ничего, кромѣ нѣсколькихъ колоннъ, которыя случайно уцѣлѣли отъ разграбленія; впрочемъ, есть и другіе слѣды того, что церковь эта была черезвычайно красива, и между прочимъ цистерна Бона въ 300 шаговъ длины, которая находится нѣсколько повыше развалинъ этой церкви, и будучи лишена своихъ колоннъ и крыши, нынѣ обращена въ садъ.» Нынѣ же, спустя три столѣтія послѣ Жиля, не осталось ни малѣйшихъ слѣдовъ этой церкви, и, не смотря на всѣ изысканія, особенно ниже вышеупомянутой цистерны, не могли открыть ничего. [43]

---

[42] Пребываніе въ этомъ монастырѣ Славянскаго языка иноковъ подтверждается еще свидѣтельствомъ Сербскаго Архіепископа, Никодима, въ предисловіи къ его Славяно-Сербскому переводу Церковнаго Іерусалимскаго Устава Св. Саввы Освященнаго въ 1319 году (См. подробное описаніе сего Типика въ «Гласникѣ Друштва Сербске Словесности,» книга VI, 1859 г., стр. 189—203).

[43] Хотя на планѣ мы, согласно указанію Патріарха Константія (основанному на указаніи Жиля), и означили мѣсто этого монастыря приблизительно, ниже цистерны Бона, но, съ своей стороны, полагаемъ, что это нынѣшняя мечеть «Кахріе

«И оттолѣ (отъ монастыря Продрома), пишетъ Стефанъ Новгородецъ, идохомъ во Влахерну, въ церковь Святой Богородицы, идѣже лежитъ риза, и поясъ, и скуфья, ижъ на главѣ ея была, а лежатъ въ олтарѣ, на престолѣ, въ ковчегѣ, запечатана тако жъ, яко и Страсти Господни, еще и тверже того, приковано желѣзомъ, а ковчегъ сотворенъ отъ камени хитро вельми, и цѣловахомъ; ту лежитъ Святый Потапій, и Святый Анастасій, и Святаго Пантелеймона мощи, и цѣловахомъ грѣшніи. И оттолѣ идохомъ въ церковь Святаго Николы: ту лежитъ глава Святаго Григорія и Святаго Леонтія.»

Дьякъ Александръ пишетъ: «Близъ того монастыря (Продрома) есть женскій монастырь Святый Никола; туто часть отъ мощей его, а въ олтарѣ мощи Святаго Михаила. Въ Влахернѣ риза Святой Богородицы, и отъ пояса ея. Нѣкогда былъ иконоборецъ въ Царьградѣ, пріидоша (Персы) по суху и по морю. Сергій же Патріархъ омочи въ морѣ ризу сію Святой Богородицы, и море воскипѣ, и ратніи погибоша. Туто есть икона Святой Богородицы, юже видѣ Святый Андрей на воздусѣ за міръ молящуся.»

Дьяконъ Игнатій пишетъ: «Іюля въ 2 день, на положеніе ризы Пречистыя Богородицы, идохомъ во Влахерну, и цѣловахомъ тамо святую раку, въ ней же лежатъ риза и поясъ Пречистыя Богородицы.»

Іеродіаконъ Зосима говоритъ: «Во Влахернской церкви лежатъ: честная риза и поясъ Святой Богородицы Маріи, и мощи Святаго Потапія.»

П. Константій говоритъ, что Влахернская церковь была сожжена, по нечаянному случаю, при Іоаннѣ Палеологѣ, сынѣ Мануила. Послѣ взятія Константинополя Турками (въ 1453 г.) послѣдніе остатки этой прекрасной церкви были употреблены на другія зданія. Уцѣлѣло еще отъ этой церкви доселѣ нѣсколько полуразрушенныхъ портиковъ и одна арка, которая находится близъ святаго источника, который нѣкогда служилъ священною Влахернскою купелью. Этотъ водоемъ въ послѣдній разъ (при

Джами,» находящаяся близъ цистерны Бона, къ западу отъ нея, тѣмъ болѣе, что въ притворѣ этой мечети (въ куполѣ) видно еще мозаическое изображеніе «Проповѣди Св. Іоанна Крестителя на Іорданѣ.»

Императорахъ) былъ великолѣпно возобновленъ Императоромъ Василіемъ Болгароубійцею, сыномъ Романа Багрянороднаго. Нижнее подземелье со сводомъ, въ которомъ находится святой водоемъ или источникъ, посвящено Святой Фотиніи (лѣтъ 7 тому назадъ здѣсь устроена церковь во имя Божіей Матери и производится по временамъ Богослуженіе). Здѣсь-то находилось изображеніе Святой Дѣвы Богородицы, сдѣланное изъ мрамора такимъ образомъ, что изъ рукъ ея истекавшая вода наполняла верхній водоемъ. Императоры, послѣ особой церемоніи и молитвъ, препоясанные златотканнымъ лентіономъ, по краткой молитвѣ, троекратно погружались въ святую крестильницу (См. подробности о семъ у Константантина Багрянороднаго).

«И оттолѣ, продолжаетъ Стефанъ Новгородецъ, идохомъ внѣ града на поле, и ту бо, близъ града, есть монастырь великъ во имя Святыхъ Козьмы Даміана: ту цѣловахомъ главы святыи, окованы хитро вельми златомъ.» Дьякъ Александръ пишетъ: «Близъ того (Влахернскаго храма) монастырь Святыхъ Козьмы и Даміана: ту отъ мощей ихъ есть, а главы въ монастырѣ Святаго Пророка Даніила.» А Іеродіаконъ Зосима пишетъ: «Монастырь женскій ту близъ есть (близъ Продрома), идѣже лежатъ мученики Козьма и Даміанъ»... Показаніе Іеродіакона Зосимы о мѣстности этого монастыря близъ Продрома противорѣчитъ этому ясному указанію Стефана Новгородца (и согласному съ нимъ Дьяка Александра), что монастырь этотъ находился близъ Влахернскаго храма, на полѣ, внѣ града; а какъ, по тщательномъ изслѣдованіи, оказывается, что Іеродіаконъ Зосима вообще менѣе другихъ паломниковъ точенъ въ своихъ указаніяхъ о мѣстонахожденіи Цареградскихъ святынь, то мы и въ этомъ случаѣ отдаемъ предпочтеніе указанію Стефана Новгородца, полагая, что Іеродіаконъ Зосима, указывающій въ этомъ монастырѣ, кромѣ мощей Святыхъ Козьмы и Даміана, еще и мощи Святой Елисаветы, смѣшалъ его съ женскимъ монастыремъ Святой Богородицы, въ которомъ дѣйствительно, по сказанію Стефана Новгородца, почивали мощи этой Святой; находился же онъ на 5-мъ холмѣ, и точно не въ дальнемъ разстояніи отъ Продрома, что и было замѣчено нами при описаніи группъ монастырей 5-го и 7-го холмовъ.

НО СЪ ОПИСАНІЕМЪ

на II холмѣ.

Константина.
Св Велико Муч. Ѳеодора Тирона.
Ѳеодосія.

на I холмѣ.

1. Храмъ Св. Софіи Премудрости Божіей.
2. Церковь Ирины (или Мира.)
3. Монастырь Святой Богородицы.
4. Монастырь Св. Великомученика Георгія Мангана.
5. Церковь Св. Спасъ или Христосъ Милостивый.
6 Монастырь Св. Богородицы (Патрикія.)
7 Монастырь Панагранъ.
8. Монастырь Панданасъ (Всевладычицы.)
9. Монастырь Св. Богородицы Одигитріи (Наставницы)
10. Новая Церковь (Енеаклисія.)
11. Палата (дворецъ) Царя Константина.
12. Монастырь Святыхъ Сергія и Вакха.
13 Желѣзныя врата и портъ котораго ливани.
14 Монастырь Св. Димитрія.
15 Врата Жидовскія.
16. Монастырь Св. Лазаря.
17. Церковь Монастырь Св. Варвары.
18 Монастырь Св. Кипріана.
19 Монастырь Св. Андрея Христа ради Юродиваго.
20 Памятникъ Юстиніана.
21. Ипподромъ.
22 Обелискъ Египетскій.
23 Змѣиная колонна.
24 Колоссъ.
25 Колонна Ѳеодосія.

ДОМОВАЯ ЛѢТОПИСЬ АНДРЕЕВА,

ПО РОДУ ИХЪ,

ПИСАННАЯ

КАПИТАНОМЪ ИВАНОМЪ АНДРЕЕВЫМЪ

въ 1789 году. Начата въ Семипалатинскѣ.[1]

По времени взятія Атаманомъ Ермолаемъ Тимофѣевымъ въ 1585 г. Сибирскаго Царства, и по распространеніи въ ономъ Россійской власти, къ совершенному покоренію оставшихъ еще непокоривыхъ по Сибири народовъ отъ Государей, Царей и Великихъ Князей, какъ то довольно лѣтописи и грамоты доказываютъ, командированы бывали изъ Россійскихъ городовъ на службы разные люди, и при оныхъ командирами опредѣляемы были изъ Россійскихъ дворянъ молодыхъ людей, которые по тогдашнимъ временамъ назывались изъ Дѣтей Боярскихъ, смотря по количеству врученныхъ имъ войскъ подъ именемъ Сотниковъ и Пятидесятниковъ, а сверхъ того при оныхъ командахъ довольно изъ Великой Россіи, вѣдая пространство и изобилованіе богатствами Сибирской страны, переходило по данной вольности разныхъ поколѣній людей, въ томъ числѣ и изъ числа Россійскихъ дворянъ, кои и поселялись въ разныхъ мѣстахъ Сибири, гдѣ онымъ выгоднѣе быть казалось, по чему оные привилегіи дворянства своего растратили, такъ что, наблюдая свой покой, многіе уклонились въ хлѣбопашество и разные звѣриные промысла, а чрезъ то наложили на себя иго крестьянства, положивсь въ подушный окладъ, и въ духовенство, и въ разныя степени жизни, отъ чего многіе по родамъ ихъ жизни перемѣняли свои и фамиліи, по чему потомки ихъ о пріобрѣтеніи себѣ прежняго дворянства не старались, иль до сего не доходили, да и свѣдѣнія ни какого не имѣли. Въ числѣ каковыхъ были и предки нашей фамиліи, о которыхъ далѣе потомству моему объявить не могу, какъ только: Андрей Андреевъ, таковой же изъ Россіи переселенецъ Ниже-

городской Губерніи, поселясь въ Сибири, въ Краснослободскѣ, жилъ весьма достаточно, и, какъ изъ послѣдующаго усмотрѣть можно будетъ, былъ почтенный въ своемъ родѣ, имѣя у себя дѣтей: Ивана, Михаила и Якова, который, какъ уповать можно, по тогдашнимъ временамъ уже былъ въ мысляхъ обучить дѣтей своихъ, кромѣ всякихъ наукъ, Россійской грамотѣ, не разсуждая далѣе, что дворянство есть нѣкоторое достоинство предковъ. Но былъ ли онъ въ каковыхъ чинахъ и достоинствѣ, сказать не можно. Изъ которыхъ его дѣтей Яковъ былъ Земской Писарь, потомъ Дьячей, а напослѣдокъ Дьякъ.

По прибытіи же въ Сибирь Губернатора Князь Якова Петровича Гагарина, которое воспослѣдовало въ первыхъ десяти годахъ нынѣшняго столѣтія, во время царствованія Великаго Государя Императора, Петра I-го, когда учреждены были о Губерніяхъ штаты, тогда онъ, по Указу Правительствующаго Сената, пожалованъ Секретаремъ; и какъ отъ сего Губернатора было Сенату доложено, что по Сибири тогда еще войскъ, кромѣ начинанія, регулярнаго не было, а по тому весьма мало и чиновныхъ людей, кромѣ Казацкихъ старшинъ и Дѣтей Боярскихъ, а чрезъ то и не было довѣренности иногда возлагать въ отправленіи собираемыхъ съ Сибирскихъ народовъ ясашныхъ мягкихъ. рухлядей и въ казначействы, и разныя начальствы, просилъ о опредѣленіи штата дворянскаго. Просьба его принята во уваженіе, и велѣно, по чему оный и разбиралъ, какъ бывшихъ на службѣ и вольновыходцевъ Россійскихъ дворянъ, какъ то и нашлось: Черкасовы, [2] Фефиловы, Нефедьевы, Андреевы, Хворовы, Албычевы и прочихъ фамилій, коимъ и учиненъ штатъ 40 человѣкъ Сибирскихъ дворянъ, который и по нынѣ есть, но многіе уже изъ оныхъ снабжены чинами офицерскими, въ числѣ котораго дворянскаго штата былъ и Михайла и Иванъ Андреевы, а Яковъ, какъ уже былъ въ классѣ, остался. Человѣкъ былъ тихъ, скроменъ, совѣстенъ и человѣколюбивъ, имѣлъ жену Матрену Семеновну, но чья фамиліей, не извѣстно, во всѣхъ качествахъ добродѣтелей ему подобную, съ которою имѣлъ дѣтей Ивана, Григорья, и дочерей Стефаниду и Акилину, изъ которыхъ Стефанида выдана была за Стрѣлецкаго, бывшаго въ Сибири, чиноначальника Замощикова; дѣтей же своихъ, Ивана и Григорья, выуча по тому ихъ, кромѣ всякихъ наукъ, достаточно

знанію быть въ людяхъ, записалъ въ 732 году въ регулярную военную службу, и имѣвъ довольный достатокъ и домъ свой въ городѣ Тобольскѣ, на горѣ, у церкви Всемилостиваго Спаса, завелъ купленую деревню отъ Тобольска въ 18 верстахъ Этыгерову, которая изъ древнихъ временъ по взятіи Сибири была жилищемъ одного небольшаго Татарскаго Князя, Этыгера. Накупя людей, содержавъ оную, жизнь свою препровождалъ во изобиліи и 1739 года, по волѣ Божіей, скончался.

Сынъ же его, Иванъ, былъ женатъ и имѣлъ дѣтей, 6 дочерей, которыя выданы были теткою Акилиною за честныхъ людей; но какъ былъ бранъ неоднократно въ Губернію въ Канцеляристы, и по несчастію имѣлъ великую страсть питія, такъ что не было способа къ воздержанію, сколько старанія ни прилагаемо, напослѣдокъ отданъ въ военную службу, гдѣ будучи въ Ширванскомъ полку капраломъ, и какъ оный полкъ въ 1751 г. взятъ былъ изъ Сибири въ Россію, въ городѣ Тюмени умеръ. Акилина Яковлевна была выдана за Премьеръ-Маіора Стефана Дмитріевича Угримова, который на послѣдокъ былъ Коллежскій Совѣтникъ, и, не имѣвши дѣтей и будучи отъ всѣхъ дѣлъ въ отставкѣ, въ своей деревнѣ, отъ города Тюмени въ 30 верстахъ, по волѣ Божіей, въ довольной старости, въ 1780 году, скончался.

Григорій, какъ выше сего объяснено, опредѣленъ въ 1732 г. въ Сибирскій драгунскій полкъ, въ которомъ будучи, и происходилъ чинами Адъютантомъ 1740, въ оной же полкѣ Порутчикомъ, 744 въ Енисейскій гарнизонный пѣхотный Капитаномъ, 748 въ Тобольскій пѣхотный же полкъ; и будучи еще Вахмистромъ и Адъютантомъ при Полковникѣ Арсеньевѣ, въ Башкирскую войну былъ раненъ; прострѣленъ лѣвый бокъ, носъ и правая нога; и по выходѣ изъ Башкиріи, дано за службу его Башкирцевъ 6 человѣкъ въ вѣчное владѣніе; кои и поселены были въ деревнѣ, которую отецъ его ему по духовной и съ людьми, по невоздержной жизни брата его, Ивана, отказалъ. Будучи Порутчикомъ, изъ Тобольска посыланъ былъ на Иртышскую линію чрезъ Омскую крѣпость до города Кузнецка, для учрежденія по крѣпостямъ, форпостамъ и станціямъ, почтовыхъ становъ; Капитаномъ же былъ въ гренадерской ротѣ; ибо росту былъ двухъ аршинъ 10 вершковъ, плотенъ тѣломъ, чистъ лицомъ, бѣлокуроватъ, волосы имѣлъ большіе, добронравенъ, веселой жизни, но

безъ мотовства и пьянства, имѣлъ жену Прасковью Андреевну, дочь Сибирскаго дворянина. Андрея Яковлевича Черкасова, котораго происхожденіе доказывается изъ Россійскихъ дворянъ, какъ бывшихъ изъ Дѣтей Боярскихъ при Атаманѣ Ермакѣ Тимофѣевѣ съ 50 человѣками начальникомъ на службѣ Лукою, а равно въ лѣто по Рожд. Хр. 1623 и по взятіи Сибири 43 и въ 11 лѣто царствованія Государя Царя и Великаго Князя, Михаила Ѳедоровича, въ бытность въ Тобольскѣ Воеводы Матвѣя Годунова, посылано было къ Калмыцкому Тайшѣ Талаю посольство, при которомъ былъ сынъ Боярскій, Дмитрій Черкасовъ, и по тому о дворянствѣ оныхъ, что они происходятъ отъ Россійскихъ, кажется, ни какого нѣтъ сомнѣнія. Достопамятно жъ сіе время можетъ быть, что въ Сибири первый еще былъ тогда Архіепископъ Кипріанъ, который прибылъ въ Тобольскъ 1621 года, Мая 30, а посвященъ въ святительство того жъ года Сентября въ 8 день, изъ Великаго Новаграда, бывшій Хутынскаго Спаскаго монастыря у Варлаама чудотворца Архимандритомъ; бывъ же въ Тобольскѣ на престолѣ Святительскомъ 2 года и 8 мѣсяцевъ съ половиною, по Государевой грамотѣ, 1624 г., Февраля 15 числа, поѣхалъ къ Москвѣ и поставленъ на Крутицы въ Митрополита 1625 г., Декабря 12 дня, а по немъ пріѣхалъ въ Сибирь, 1625, Апрѣля въ 1 день, Архіепископъ Макарій, поставленъ былъ съ Костромы, Богоявленскаго монастыря изъ Игуменовъ, бывъ прежде дворянинъ Кучиныхъ, и въ 1635 г., Іюня 24 дня, въ Пятокъ, въ 14 ч. дни въ 3 четверти, скончался, бывъ на престолѣ 10 лѣтъ и 3 мѣсяца съ половиною и 9 дней, и погребенъ Нектаріемъ Архіепископомъ въ 1636 г., Мая въ 31 д., во Вторникъ.

Парасковья же Андреевна взята съ хорошимъ достаткомъ и съ людьми, малаго росту, шадровита, строптива и веселаго нраву; по бытности жь Григорья Андреева въ полкахъ, былъ всѣми весьма любимъ и заслуживалъ всегда себѣ честь, и когда былъ Поручикомъ, тогда прибылъ въ Тобольскъ Генералъ-Майоръ и Кавалеръ Киндерманъ къ командованію уже бывшихъ тогда въ Сибири полевыхъ полковъ и границами, который имѣлъ у него квартиру три года, и въ знакъ за то своей благодарности откомандированъ въ Томскъ къ покупкѣ и строенію судовъ, провіянта, и дано было наставленіе, чтобъ та покупка была производима въ Томскѣ, Красноярскѣ, Енисейскѣ и Кузнецкѣ; всего жъ

бытія въ Томскѣ было восемь лѣтъ, и стояли на квартирахъ у Паламошнова, за озеромъ у Харина и въ Татарской слободѣ у Богаткина. Въ сіе жъ бытіе великую дружбу имѣлъ онъ съ Камергеромъ, Карломъ Карловичемъ Левольдомъ, который былъ по женѣ въ несчастіи, и Петромъ Матвѣевичемъ Секретаремъ Соколовымъ; Воевода жъ въ Томскѣ былъ тогда Алексѣй Тимирязевъ; выѣхали изъ Томска въ 1747 году, и въ Тобольскѣ находился при Бригадирѣ и Оберъ-Комендантѣ Павлуцкомъ за Дежуръ-Майора. Въ сіе время, которое происходило въ 1750 г., сыновей своихъ, Александра и Ивана, отдалъ учить бывшему несчастливому Силвестровичу (ибо оный бывъ Лютеранскаго Закона и принялъ Вѣру Греческаго Исповѣданія отъ бывшаго въ Тобольскѣ Митрополита Сильвестра, который посвященъ на престолъ 1748 года изъ Архимандрита Казанскаго Свіяжскаго Богороцкаго монастыря; отбылъ изъ Тобольска въ концѣ 1757 г. по Указу, и скончался въ Суждалѣ) по Нѣмецки, съ рядою выучить совершенно знанію того языка 150 рублей, въ которой находилось 8 человѣкъ; преимущественнѣе жъ былъ всѣхъ изъ учениковъ Капитанской сынъ, Василій Яковлевичъ Мировичъ; онъ выучился по Нѣмецки достаточно, а сверхъ того на скрыпицѣ и бандорѣ, и опредѣлился въ Нашебургскій пѣхотный полкъ, и какъ сей полкъ вышелъ въ 1751 г. въ Россію, то и онъ находился; но по воспослѣдовавшему отъ него возмущенію къ выручкѣ изъ подъ ареста Ивана Антоновича Улриха, отсѣчена ему въ Москвѣ голова, будучи Подпоручикомъ; не оставлю жъ сказать, что онъ, будучи въ школѣ Нѣмецкой, былъ весьма остроуменъ, а сверхъ того и забіячивъ, такъ что напослѣдокъ великія грубости и досады причинялъ своему учителю, который съ нимъ управляться ни какъ не могъ, какъ былъ человѣкъ весьма нездоровый и чахотный. И въ 1753 г., онъ, Григорій, отлучился въ Москву для исходатайствованія себѣ отъ службы увольненія, или отставки; ибо въ тѣ времена Офицеры получали себѣ отставку изъ Коллегіи самолично, и находился въ Москвѣ два года. Выѣхавъ же оттоль, получа отставку, съ награжденіемъ чина Коллежскаго Ассесора, Иркутской Губерніи въ городъ Илимскъ Воеводою, и того жъ 1754 г., по первому зимнему пути, отправились. Во времени жъ сего проѣзда, въ Удинскомъ острогѣ, гдѣ были тогда Комисары за городомъ Красноярскимъ, оной будучи всегда непристойной

жизни, съ великою досадою сдѣлалъ остановку, такъ что прослушавъ его, особливо Братской пьяный народъ, учинили вооруженный бунтъ, собрався не менѣе 200 человѣкъ; но какъ со стороны его было довольное на то увѣщаніе и принуждено было по тому жъ приняться за оружіе, коего было, имѣвши своихъ людей, весьма недостаточно, признавшись въ своемъ безпутномъ поступкѣ, утихло, за что, по донесеніи формальной жалобы, какъ сей Коммисаръ не болѣе значилъ одного сына Боярскаго города Красноярскаго довольно пострадалъ; прибывъ же въ городъ Илимскъ, который представлялъ по себѣ совершенную пустыню, ибо оный городъ лежитъ при р. Илимѣ, на правой или нагорной сторонѣ теченія, между великихъ каменныхъ горъ и чернолѣсья, такъ что въ зимнее время и солнца мало бываетъ видно, Воевода въ ономъ былъ Коллежскій Ассесоръ Поповъ, а Секретарь Ефремъ Леонтьевичъ Смирновъ; по смѣнѣ онаго Воеводы не оказалось по счетамъ у него разныхъ казенныхъ суммъ до 17,000, ибо онъ былъ Воеводою лѣтъ 14, и какъ соляныхъ и винныхъ Коммисаровъ не смѣнялъ и не повѣрялъ, ибо былъ человѣкъ старой; по смѣнѣ жь взятъ былъ въ Иркутскъ и тамъ подъ слѣдствіемъ умеръ. Во время жъ бытія въ Илимскѣ одного года и 8 мѣсяцевъ, посылалъ людей своихъ съ двумя работниками для слуднаго промысла на рѣку Витимъ, куда ходятъ изъ Орленской слободы, рѣка жъ Витимъ чрезвычайно быстрая, такъ что ходу по оной вверхъ судномъ три недѣли, а обратно одного дня. Я не хочу описывать всѣхъ трудностей и обстрятельствъ слуднаго промысла, а кратко скажу, что достаютъ оную въ каменныхъ горахъ съ великимъ трудомъ, которая на разборы идетъ въ 4 части, какъ то головка, подголовка, косякъ и, щитуха; но всѣхъ сихъ номеровъ доставалось на три пая 59 пудъ, изъ которой между прочею была головка, что по вывозѣ въ Тобольскѣ продавалась по 11 рублей одинъ фунтъ, а прочая по своей добротѣ.

И по приключившейся ему болѣзни опухоли въ ногахъ, чрезъ великую силу ходилъ; но хотя былъ корпусенъ, но чахотки не миновалъ; ибо въ молодости своихъ лѣтъ всякимъ былъ трудностямъ подверженъ; и того жь 1755 г., Сентября 25, вечеромъ пришедъ къ нему городской Священникъ, который былъ одинъ, просилъ увольненія отлучиться на свою заимку, у коего вверхъ

отъ города по Илиму была своя заимка и въ оной церковь; хотя жъ онъ его не отпущалъ, но по усиленной Священниковой просьбѣ уволилъ, что и было по утру Сентября 26; по утру жъ вставши, намѣренъ былъ, по облегченіи нѣсколько отъ своей болѣзни быть въ Воеводской Канцеляріи въ присутствіи, по чему и приказалъ подавать себѣ одѣваться; во время жъ его одѣванія приходилъ къ нему для подписки дѣлъ Секретарь Смирной (Ефр. Леонт.), но онъ ему отказалъ съ тѣмъ, что онъ самъ будетъ въ Канцелярію въ присутствіе; ибо по болѣзни своей болѣе мѣсяца не бывалъ; привычку жь имѣлъ, когда одѣвался, пилъ чай и табакъ нюхалъ болѣе всегда обыкновеннаго; и уже надѣвъ верхнюю рубашку, спросилъ къ себѣ мать нашу, которой приказалъ нѣчто приготовить къ столу, что рѣдко случилось; ибо жизнь ихъ напослѣдокъ была не очень согласна, о чемъ я описать намѣренъ напослѣдокъ; а дабы не отстать отъ намѣренія ведущаго по жизнь отца нашего; и такъ, между прочими уборами, сидя за столомъ, закашлявшись, и очень тяжело, отъ чего показалась харкотина съ кровью, и какъ онъ былъ очень мокротенъ, имѣлъ всегда возлѣ кровати ящикъ, насыпанный пескомъ, то приказалъ себя отвесть и положить на кровать, гдѣ усилилась кровь гортанью, и продолжалось сіе не болѣе 10 минутъ, какъ постигъ его великой обморокъ, который и вѣчно преселилъ жизнь его, что учинилось 1755 г., Сентября 26 числа, по полуночи въ 11 часу. Въ каковомъ же горестномъ состояніи тогда была мать наша, что не могла застать его живаго, всякъ себѣ представить можетъ; будучи 35 лѣтъ отъ роду, въ таковой отъ родственниковъ своихъ отдаленности, и имѣя осьмерыхъ дѣтей, изъ коихъ большему Александру было 13 лѣтъ, не могу я болѣе описывать всѣхъ, тогда происходившихъ жалостныхъ приключеніевъ; но какъ бы то ни было, и проходятъ оныя по времени, жаль только того и сожалѣнія достойно, что кончина его постигла безъ покаянія, подлежащаго по долгу Христіанскому, но по исправленіи подлежащихъ пріуготовленіевъ, погребенъ при Соборной церкви, прямо горняго окна; надъ гробницею его сложена каменная доска съ подлежащею надписью. И такъ оставшись мать наша въ горестномъ семъ состояніи, оставя Воеводской домъ, перешла на квартиру, на мѣсто жъ отца нашего, по первому зимнему пути, по Указу Иркутской Губернской Канцеляріи, опредѣленной Вое-

водою изъ Якутска, прибылъ Поручикъ Дьяконовъ, который, принявъ всѣ дѣла и учиня счеты, не нашелъ ни какого недостатка; ибо по смѣнѣ Попова всѣ бывшіе при дѣлахъ и казенныхъ сборахъ были смѣнены и учреждены новые Коммисары и Счетчики, и по учиненіи отъ того Дьяконова Иркутской Губерніи Канцеляріи донесенія, были уволены; мать же нашу, къ совершенному ея безпокойству, постигло, что была нездорова; ибо, какъ и выше я сказалъ о несогласной жизни, то было начало сего приключенія слѣдующее: въ одно утро и очень рано мать ея, а наше бабушка, по обыкновенію своему, какъ человѣкъ старой, молилась въ передней Богу, въ которой было открыто одно окно; въ самое то время человѣкъ высокаго росту, рыжей, подошедъ къ тому окну, постучавшись, произнесъ громкимъ голосомъ: «Григорій! Спишь долго: долгу много будетъ!» И по семъ возгласѣ замаралъ подъ окномъ тѣмъ грязью по стѣнѣ. Видя сію дерзость, старушка принуждена была скликать людей, выслать на улицу, чтобъ сего человѣка поймать, но сколько тогда ни старались, сыскать не могли; напослѣдокъ она разсказывала сіе приключеніе какъ отцу нашему и матери, что и сочтено было не инако, какъ только произошло сіе отъ какого нибудь невоздержнаго и нахальнаго пьяницы; которое приключеніе было предъ самымъ отъѣздомъ въ Илимскъ. Спустя нѣсколько времени мать наша, почувствовавъ безпокойство, прохаживала цѣлыя ночи и сутки, по три и по четверы не спавши, приходила въ совершенное бѣшенство, и всякаго, кто бъ ни попалъ ей, бивала; а напослѣдокъ, опамятовавшись, о всемъ томъ жалѣла и плакала; сверхъ же всего весьма была прилежна и къ молитвѣ; которое несnокойство съ того времени продолжалось до кончины ея, отъ котораго мать ея родная, Парасковья Гавриловна, принуждена была отъ нетерпѣливости постричись въ Тобольскій дѣвичій монастырь въ монахини, гдѣ будучи уже схимонахинею и погубивши по старости лѣтъ своихъ зрѣніе, въ 1772 г. скончалась, бывши болѣе 100 лѣтъ отъ рожденія своего.

По увѣдомленіи жъ отъ матери нашей о семъ несчастномъ приключеніи въ Тобольскѣ дяди нашего, Стефана Дмитріевича Угримова, и тетки Акулины Яковлевой, присланъ былъ отъ нихъ слуга изъ Башкиръ Семенъ; по направленіи путевыхъ припасовъ, изъ Илимска отправились зимнемъ путемъ послѣ Рождества Хри-

стова; и доѣхавъ до Слободы Тулунской благополучно на Сырной Недѣлѣ, и какъ обыватели и Староста той Слободы въ разсужденіи праздничныхъ дней, были въ гулянкахъ, подводъ не давали, по чему принуждено пробыть въ оной цѣлую недѣлю. Мать наша видя, что ни какого успѣха нѣтъ и жить въ такомъ мѣстѣ ни какъ не можно, рѣшилась, нанявъ лошадей, ѣхать въ Иркутскъ, для принесенія жалобы Губернатору, Ивану Ивановичу Гульеру, который съ нею обратно для препровожденія послалъ одного Сержанта, который, собравъ подводы, отправились, а Старосту и прочихъ таковыхъ отвезли въ Иркутскъ, и что уже съ ними послѣдовало, не извѣстно. Во время жъ бытія въ Тулунской Слободѣ, ѣхали отправленные изъ Кяхты Китайскіе Послы, коихъ было два и при нихъ 6 человѣкъ Китайцевъ; люди сіи, сколько примѣчено, весьма нѣжны и слабаго сложенія, и при томъ безсильны, такъ что въ шуткахъ одинъ Русской человѣкъ можетъ оныхъ 3 и 4 осилить. Путешествіе сіе до Тобольска совершилось благополучно, кромѣ что въ Удинскомъ острогѣ слуга Леонтей нечаянно переломилъ ногу, но по выздоровленіи въ Тобольскъ пріѣхалъ; прибывши жь въ Тобольскъ, какъ брата моего, Александра, и меня отдали въ Ивановскій монастырь для обученія Ариѳметики, гдѣ находились болѣе года. Въ сіе время нечаянный случай постигъ меня, что распухла правая нога безъ всякаго по ребячеству приключенія, которою не ходилъ я болѣе 6 недѣль, и стараніемъ Лѣкаря, Ивана Ануфріевича Гибовскаго, былъ вылѣченъ.

Видя мать наша совершенство лѣтъ нашихъ, какъ Александра и меня, 1751 г., Августа 17 числа, по поданной отъ насъ челобитной, определила въ службу въ Олонецкій драгунскій полкъ, и отданы были въ команду бывшаго въ Тобольскѣ у покупки лошадей того полку Поручику Пламбеку, отколь, нѣсколько пробывши съ тѣмъ Поручикомъ, явились въ полкъ въ крѣпость Св. Петра на Ишимской линіи, и въ отбытіе наше мать наша отъ приключившейся жестокой горячки, 1759 г., Марта 24 числа, скончалась, оставя малолѣтныхъ дѣтей своихъ всѣхъ въ таковой же болѣзни, по истинѣ можно сказать, безъ всякаго призрѣнія; ибо тогда дяди и тетки не было, а находились подъ слѣдствіемъ въ С.-Петербургѣ; тогда-то было начало быть владыками имѣнію оставшему по воли, кто не боялся, иль не помнилъ, что онъ самъ изъ числа смертныхъ. Похороня оную, съ пристойною церемоніею, и по

исполненіи всѣхъ принадлежностей, оставшіе малые братья и сестры, оставивъ въ своемъ домѣ, съ помощію людей своихъ жили съ годъ, какъ пріѣхала изъ Москвы тетка, Акулина Яковлевна; препоручила со всѣмъ имѣніемъ въ смотрѣніе или опекунство Тобольскому купцу и фабриканту, Алексѣю Яковлевичу Корнильеву, за которымъ была сестра двоюродная, дяди Ивана Яковлевича дочь, Марья Ивановна, а тетка поѣхала обратно въ Москву. Тогда по малолѣтству властительство простиралось надъ всѣмъ оставшимъ имѣніемъ по ихъ волѣ. По прибытіи жъ тетки нашей въ другой разъ, довѣрены были Коллежскому Регистратору, Ивану Никифорову Борисову; но все сіе происхожденіе, по сиротству и малолѣтству не имѣющихъ ни какого почти покровительства, предовольно растащено, растрачено, коего и описывать весьма бъ было пространно и огорчительно; напослѣдокъ въ 1763 г., прибылъ въ Тобольскъ Губернаторъ, Денисъ Ивановичъ Чичеринъ, а между тѣмъ и дядя Угримовъ отпущенъ былъ, по тому жъ прибылъ въ Тобольскъ, то въ 1764 г. выдали сестеръ въ замужство; малые братья, Анемподистъ и Аѳиногенъ, того жъ года опредѣлены въ службу, изъ коихъ Анемподистъ, будучи въ Ревельскомъ драгунскомъ полку Прапорщикомъ, отъ чахотной болѣзни 1768 г. умре въ крѣпости Омской; Аѳиногенъ, будучи уже въ 1772 г., послѣ расформированія полковъ въ 10 легкой, полевой командѣ, и будучи во время бунта въ походѣ, женившись въ Тюменѣ у Помигалова на дочери, вышелъ въ отставку, и потомъ въ Тобольскѣ въ Нижнемъ Надворномъ Судѣ по отставкѣ Поручикомъ; о Флегонтѣ же въ послѣдующемъ описано будетъ.

О совершенномъ же происхожденіи большаго брата; Александра, умолчать ни какъ не могу; что онъ человѣкъ былъ веселаго нрава, но горячъ до безконечности, прозорливъ, проворенъ, писалъ хорошо и чисто; даже и по Нѣмецки; а происходилъ чинами въ 1765 г. взятъ былъ изъ Вахмистровъ къ Генералъ-Поручику Ширингеру Флигель-Адъютантомъ, гдѣ имѣлъ случай неоднократно быть въ Москвѣ и болѣе получа просвѣщенія, а въ 1769 г. Поручикомъ былъ безотлучно въ крѣпости Омской, а въ 1772 г., по расформированіи драгунскихъ полковъ, въ Капитаны, и уже при Генералъ-Поручикѣ Деналонгѣ опредѣленъ къ строенію крѣпостей по должности Инженерной Тобольской линіи, въ крѣпость Прѣсногорьковскую, гдѣ находясь, въ 1776 пріѣзжалъ ко

мнѣ въ крѣпость Семиполатную, но, съ удивленіемъ моимъ, удивлялся я перемѣнѣ жизни человѣческой; ибо онъ придерживался уже тогда весьма невоздержныхъ подгулокъ, что было мнѣ уже и смотрѣть и сносить несносно; напослѣдокъ онъ переведенъ былъ оттоль въ крѣпость Устькаменогорскую къ таковымъ же строеніямъ, то и видно, первая причина его была уклоненіе въ чрезвычайныя подгулки; ибо онъ, оставя тамъ въ Прѣсногорьковской одну дѣвку, кою содержалъ у себя и видно ее любилъ, отъ коей имѣлъ уже и сына; трогало все сіе безпокойство, при всемъ его разумѣ, вошелъ въ такую слабость, что уже началъ и весьма уклоняться въ подгулки. Ѣхавши жъ въ Устькаменогорскую, просилъ меня отдать ему слугу, Виктора, которой былъ у меня при горницѣ; ибо онъ съ собою не имѣлъ. Я снисходя, какъ большому брату, хотя мнѣ и надобенъ былъ, но люди отцовскіе какъ были не въ раздѣлѣ, согласился отдать; онъ будучи въ Устькаменогорской, будучи всегда въ подгулкахъ, вывелъ распри съ Комендантомъ, Княземъ Эристовымъ, о ссыльныхъ колодникахъ, поссорились и по невоздержности уже своей, будучи въ подгулкѣ, наказывая немилосердо и тирански слугу, который чрезъ два дни умеръ; и какъ дѣло сіе было по ненависти обнаружено, то Священникъ, осмотря мертваго, вошелъ въ доносъ, что онъ убитъ. Комендантъ, учиня ему запросъ, что его чрезмѣрно огорчило, и поставя себѣ сіе дѣло непростительнымъ, но какъ изъ обстоятельствъ видно съ его намѣреніемъ сіе исполнено, онъ, позвавъ къ себѣ человѣка три офицеровъ отобѣдать и все сіе весело окончавъ, остался успокоиться, что и было 1781 г., Мая 12, въ 3 часу послѣ полудни: онъ, разославъ за разными дѣлами бывшихъ у него людей, написалъ письмо, которое я здѣсь изъ благопристойности не прилагаю, хотя оно поелику и его завѣщаніе, изъ стуцера застрѣлился въ високъ, отъ чего черепъ разбивъ, мозгъ и кровь, какъ по стѣнамъ и на потолкѣ были доказательствомъ; и такъ окончалъ жизнь свою несчастіемъ и похороненъ хотя пристойнымъ образомъ, но не по Христіански, какъ должно. Получа я сіе извѣстіе чрезъ присланнаго нарочнаго Капрала отъ Коменданта Еристова, ни мало огорчаясь, предчувствовавъ прежде изъ его поведенія чему нибудь быть несчастливому, съѣздилъ въ Устькаменогорскую, гдѣ отдавъ послѣдній долгъ уже похороненному, возвратился.

Окончивши всѣ посторонніе происхожденія, случившіяся въ фамиліи нашей, приступаю теперь описывать по временамъ и жизнь свою безпристрастнымъ образомъ; ибо я ни какого на то побужденія не имѣю, а единственно для того, что всѣ содѣянныя мною пороки въ молодыхъ моихъ лѣтахъ и во времени обращенія моего въ добрыхъ дѣлахъ изъясня, дать примѣръ потомкамъ моимъ, отъ коихъ должно будетъ имъ воздержаться и что впредь предпринимать, и дабы знать имъ вѣрнымъ образомъ жизнь ихъ отцовъ и предковъ, а не такъ, какъ я здѣсь описывалъ, о которыхъ только слыхалъ и припомнить могъ.

По опредѣленіи 1757 г. въ воинскую службу, по поданной челобитнѣ, какъ уже и выше сказано, 1757 г., Августа 17, въ Олонецкій драгунскій полкъ, я отданъ былъ въ Тобольскѣ того полку Поручику Пламбеку, который былъ въ Тобольскѣ для покупки въ полкъ лошадей, въ команду. Въ сіе время въ Тобольскѣ былъ Губернаторъ Тайный Совѣтникъ Ѳедоръ Ивановичъ Соймоновъ, и въ Сентябрѣ мѣсяцѣ былъ великій пожаръ, отъ котораго во всемъ городѣ вывозились за земляной валъ. По прибытіи въ полкъ въ крѣпости Св. Петра на Тобольной линіи опредѣленъ былъ Подполковникомъ, Акимомъ Ивановичемъ Тюменевымъ, въ Полковую Канцелярію для письма; началась Пруская война и формированъ былъ, подъ предводительствомъ Генералъ-Фельдмаршала Шувалова, славной обсерваціонный корпусъ.

А 1758 г., Февраля 10 числа, пожалованъ изъ драгунъ Капраломъ. Прибылъ для командованія Сибирскимъ корпусомъ и линіями Бригадиръ Карлъ Львовичъ Фонъ Фрауендорфъ, о коемъ бы слѣдовало и должно объяснить, но по послѣдствію сіе окажется. Онъ, великой любитель наукъ, по прибытіи въ Омскую крѣпость, повелѣлъ находящемуся въ крѣпости Св. Петра Инженеръ-Поручику Тренину обучать, выбравъ изъ молодыхъ солдатскихъ дѣтей, къ которому, по желанію моему, какъ уже былъ прежде ученъ, поступилъ и я для обученія Ариѳметики и Геометріи.

Знаменитаго 1759 г. при семъ ничего сказать не могу, какъ только мать наша Марта 24 числа скончалась. Получа сіе несчастное извѣстіе, весною ѣздилъ въ Тобольскъ: вода такъ въ рѣкѣ Ишимѣ была велика, что сыскать было трудно переправы, а въ зиму такіе жестокіе морозы, что всякая птица мерзла, какъ сороки, воробьи и голуби.

Прибывъ въ Омскую крѣпость 1760 г. къ командованію Генералъ-Поручикъ Иванъ Ивановичъ Веймарнъ, которой былъ по тому жъ человѣкъ ученой и весьма прилежный къ строеніямъ, приказалъ прислать изъ крѣпости Св. Петра Поручику Тренину учениковъ его на экзаменъ, куда прибывъ, экзаменъ учинилъ онъ самъ многими задачами, и съ похвалою отпущены для найдальнѣйшаго впредь наученія. Мы имѣли въ крѣпости Св. Петра съ братомъ Александромъ собственной свой домъ и людей, и всякое скотоводство, и слугу, Леонтья, Гусева съ женою, который былъ весьма добродушной и добродѣтельный слуга и порядочной жизни; онъ ѣздилъ изъ Петропавловской въ Ирбить для торгу; но воспослѣдствовавшей же перемѣнѣ движенію драгунскихъ полковъ, полку Олонецкому должно было смѣнить полкъ Вологодскій въ крѣпости Желѣзинской, къ чему и требовалось довольно для смѣны форпостовъ Унтеръ-Офицеровъ и Капраловъ, тогда имъ, по случаю сему, отпущены были въ полкъ, откомандировавъ же изъ крѣпости Петропавловской меня въ Полуденную крѣпость къ ротѣ первой, куда прибывъ, собираясь прежде полку для смѣны по форпостамъ полку Вологодскаго командъ, должны были отправиться въ назначенныя намъ мѣста, гдѣ и досталось мнѣ командовать на Иртышской линіи вѣдѣнія крѣпости Желѣзинской въ станцѣ Изылбашскомъ, гдѣ изъ роты получилъ я служебную лошадь со всѣмъ сѣдломъ и прочею аммуниціею и 6 человѣкъ драгунъ. Подлинно не зналъ я, что тогда начать; во первыхъ малолѣтство, не привычка сконфузила такъ, что принужденнымъ нашелся отдаться во власть командированнаго со мною солдата Бати, коего по старости уже лѣтъ во всемъ полку такъ называли, что и было и послужило къ совершенному моему счастью; онъ купилъ мнѣ дровни, хомутъ и прочее снарядилъ; запрягши, поѣхали. О проклятая скотина Киргизскаго рода, о которой вспомнить безъ прискорбности не могу: она, проклятая не йдетъ и съ мѣста; стану стегать, а она лягать, то и принужденъ буду весть въ поводу; а только сяду на сани, то же самое отъ нея выдетъ; представьте, что во всю дорогу съ нею мучился такимъ образомъ, коя до того меня доводила, что не радъ былъ и жизни; но какъ бы то ни было, доѣхавъ до мѣста и смѣня Поручика Мертеса, жилъ въ семъ станцѣ выгодно, какъ отъ обывателей и Донскихъ Казаковъ весьма былъ во всякомъ удовольствіи, а

особливо въ пропитаніи. Случилось въ семъ мѣстѣ страдать мнѣ чуднымъ приключеніемъ: парившись въ банѣ, на правой рукѣ у большаго пальца натеревши отъ вѣника пузырь, и пришедши изъ оной, не поставляя онаго ни за что, продралъ и воду выпустилъ; она, раздурѣвшись, разболѣлась, что болѣе мѣсяца оною владѣть не могъ, весною жъ проѣзжалъ въ крѣпость Устькаменогорскую Бригадиръ Фонъ Фрауендорфъ, и по прибытіи его въ станецъ, изготовлены были рыба караси къ столу, весьма изрядные и вкусные, которые ему совершенно понравились. Онъ, спрося меня, далеко ль и въ которомъ мѣстѣ оные изловлены, о коихъ увѣдомясь, какъ былъ человѣкъ весьма любопытный, приказавъ заложить лошадей и ѣхать къ озеру, куда собраны были Казаки съ небольшимъ неводомъ; прибывъ на оное, изловя рыбы, чѣмъ былъ чрезвычайно доволенъ; въ обратный же путь приказалъ мнѣ сію дорогу или разстояніе, далеко ль сіе озеро, измѣрять шагами, что я, исполня съ великимъ трудомъ, ему донесъ, и тѣмъ дѣло сіе кончилось. Когда жъ полкъ Олонецкій со штапомъ прибылъ въ крѣпость Желѣзинскую, тогда и я взятъ былъ въ оную при ротѣ у Поручика Филипова; но благодѣтели ко мнѣ весьма были Поручики изъ Кадетскаго Корпуса, Тюменевъ и Ивашевъ. Въ оной крѣпости, по головной у меня болѣзни, напала вошь, отъ чего вся голова была чуднымъ образомъ наполнена, что ни промыть, ни прочесать оныхъ было уже не можно, и доходило, что полковой Лѣкарь приговоръ учинилъ обрить, но всякими образами было сіе отвращено. Сего лѣта, по выздоровленіи моемъ, командированъ былъ въ станецъ Татарки на 3 плашкоутахъ, на коихъ и было по 6 человѣкъ людей, для привоза оттоль провьянта муки, на которыя нагрузя того провьянта, вверхъ воды, не имѣя хорошихъ снастей и парусовъ, великое претерпѣли мученіе, посудить можно, что весьма разстояніе хотя и не велико, но трудно, принуждены были, бывъ безъ печенаго хлѣба дней 5, ловить въ рѣчкахъ рыбу, печь и бравъ ягоды, употреблять съ мукою сырою; пусть говорятъ, что хотятъ: такъ что было, то прошло. Прибывъ, однако, благополучно, выгрузя хлѣбъ, сдалъ, и находился при ротѣ, гдѣ въ первый разъ отъ Поручика Филипова при разводѣ за пьянаго драгуна принужденъ былъ вытерпѣть палкою одинъ жестокой ударъ. Въ сіе лѣто отъ вѣтреной болѣзни, иль, такъ называемой, язвы, множество померло людей и пало въ пол-

ку лошадей, что не болѣе осталось во всемъ полку до 100, или еще менѣе. По прошествіи 1761 же лѣта къ зимѣ взятъ въ крѣпость Омскую по прежнему, для обученія къ командѣ инженерной, гдѣ находясь, между прочимъ употреблялись также и въ караулы къ Генераламъ, какъ къ Веймарну, а равно и къ Фрауендорфу, а въ лѣтнее время къ присмотру разныхъ казенныхъ строеніевъ, коихъ тогда было весьма достаточно. Великіе въ семъ годѣ продолжались и чрезвычайные жары, отъ чего такъ былъ возгустившейся воздухъ, какъ мгла какая, и чрезвычайно было множество больныхъ, и язвило людей, и умирало, какъ примѣчательно отъ оной же скоропостижно, гдѣ и слуга мой, Леонтій, который достоинъ сожалѣнія, отъ сей язвы, называемой черной, хотя великія объ немъ прилагали старанія ко излѣченію, окладывая по распухлости его всего табакомъ и полагая въ парное молоко, но ни чемъ освободить не могли, умеръ.

1762 г. ГенералъПоручикъ Веймарнъ, отбывъ въ верхъ Иртышскія крѣпости, препоручилъ по себѣ командованіе помянутому Фрауендорфу, строеніе же происходило: тюремной острогъ, провіантскіе въ цитадели магазейны и для оныхъ пристань выкладывалась фашинникомъ Штабъ и Оберъ-Офицерскихъ домовъ и множество, коихъ описать подробно уже не могу. Онъ, Фрауендорфъ, столько былъ жестокъ, немилосердъ, а лучше сказать мучитель, что не устыдился одного дня до обѣда пересѣчь плетьми, кошками, при своемъ присутствіи, гдѣ долженъ былъ слушать вопль иногда и невинныхъ, до 110 человѣкъ; ходя за нимъ ординарцы, всегда имѣли съ собою орудіи кошки, плети, палки, грабли, вилы и тому подобное нелѣпое, который, сколько по своей горячности и запальчивости, а болѣе видно было отъ злобы, предвидя, можетъ быть, по увѣдомленіямъ, къ нему нерасположеніе, только было у него въ употребленіи: «Бей до смерти!» Такой жестокости и немилосердія уже я болѣе нигдѣ не видывалъ, что изъ послѣдствія и конецъ жизни его оказалъ, что онъ, будучи въ Иркутскѣ Губернаторомъ, многія жестокости причиня разнымъ честнымъ людямъ и запытавъ одного солдата въ присутствіи своемъ въ жарко натопленой банѣ, Капитанскаго сына, коего на отца имѣлъ злобу, но узнавъ, что всѣ его дѣла дошли въ ясность вышнимъ, скоро умеръ, не ждавъ опредѣленія оной. Онъ меня, при строеніи острога будучи, нашелъ самомалѣйшую неисправность, приказалъ бить фуктелями, а сверхъ того

самъ изъ своихъ рукъ бивъ палкою по головѣ, проломилъ оную и правую руку перешибъ, отъ чего выросла кость, но фистула, коя уже лѣтъ чрезъ нѣсколько открылась, удержала растеніе оной; фистулу жъ имѣя на правой отъ того рукѣ, видно по смерть мою оной пользоваться буду долженъ. По просьбѣ моей отпущенъ былъ, въ Тобольскъ, гдѣ будучи, подавъ объ людяхъ сказки къ ревизіи, находился тамъ при командѣ резервной, въ командѣ Капитана Соймакова, Афонасія Федоровича, и по вольнности, отъ него данной, жилъ мѣсяца два безъ всякой воздержности, утопая, по молодости лѣтъ, въ разныхъ распутныхъ обстоятельствахъ, о коихъ всякъ разсудить и знать можетъ, что только можетъ быть непозволеннѣе для молодаго человѣка, какъ гуляніе и при томъ пьянство, а потомъ послѣдовать уже жертвою Венерѣ и ея угожденіямъ.

Сего 1763 года, Мая 1 числа, произведенъ Подпрапорщикомъ, Декабря же 25 числа, къ сожалѣнію всего народа Всероссійскаго, скончалась Государыня, Императрица Елисаветъ Петровна, и вступилъ на Всероссійскій престолъ Государь Императоръ Петръ Федоровичъ Третій. Въ его царствованіе манифестомъ отмѣнено извѣстно бывшее «слово и дѣло», по коему великія несчастія несли и честные люди, кромѣ всякихъ преступниковъ по злобѣ и случаямъ; учреждена вольность дворянства; сдѣлалъ замиреніе Пруской войны, которая весьма жестоко, съ великимъ государственнымъ вредомъ, продолжалась съ 1754 г. Весною командированъ былъ я, съ Капитанъ-Поручикомъ инженернымъ Палицынымъ, въ крѣпость Ямышевскую, гдѣ все лѣто находился у перестройки крѣпости уже по прожекту. И какъ сего году въ Іюлѣ полученъ чрезъ куріера манифестъ о вступленіи 28 Іюня на Всероссійскій престолъ Государыни Императрицы Екатерины Алексѣевны, по чему тогда Фонъ Фрауендорфъ сдѣлалъ сумнительство и не шелъ къ присягѣ, но бывшій тогда за Дежуръ-Майора Капитанъ полку Троицкаго, Василій Алексѣевичъ Князь Чегодаевъ, учунивъ собраніе Офицеровъ, намѣрился его арестовать и отослать въ Петербургъ, которой уже почти принужденно, пошедъ въ церковь къ молебствію, присягалъ. Не мое бо есть, впрочемъ, изъяснять, хотя бъ я былъ и въ состояніи, всѣхъ обстоятельствъ, происшедшихъ при сей важной перемѣнѣ, о которомъ уже, какъ изъ изданныхъ манифестовъ, весьма ясно каждому видно; въ послѣднихъ же мѣсяцахъ сего года Генералъ-Поручикъ Веймарнъ взятъ въ С.-Петербургъ.

Въ Февралѣ мѣсяцѣ 1764 г. отпущенъ былъ я въ Тобольскъ для свиданія съ дядею Угримовымъ, и въ бытность мою въ Тобольскѣ, прибылъ къ командованію Сибирскихъ войскъ главнымъ командиромъ Генералъ - Поручикъ и Кавалеръ, Иванъ Ивановичъ Шпрингеръ, къ которому бывшіе тогда Унтеръ-Офицеры отданы были на ординарцы, куда отъ него вытребованъ былъ изъ Омской и Фрауендорфъ. Будучи въ Тобольскѣ 2 недѣли, отправился въ Омскую, а я, по просьбѣ моей, остался. По прибытіи жъ въ Омскую Мая 1 числа, по разсмотрѣнію Г. Шпрингера, съ прочими произведенъ Вахмистромъ и при Инженеръ-Майорѣ Малмѣ отправились въ крѣпость Устькаменогорскую, гдѣ, во ожиданіи Генералъ-Поручика Шпрингера, пробыли 2 недѣли, и какъ дѣлать было почти нечего, то Малмъ обучалъ меня, для своего увеселенія, практикѣ, ходя съ инструментомъ и по колышкамъ разныя задавая къ наученію моему нравоученія; въ коей командовалъ тогда Примьеръ-Майоръ Сибирскаго гарнизоннаго полку Копотовъ. Въ сіе то время продавалась красная рыба по множеству, и какъ оную всѣ ловили безъ изъятія вольно, такіе осетры, изъ коего вынималось икры 30 фунтовъ, отъ 6 до 10 коп. По прибытіи Шпрингера и Генералъ-Майора Фонъ Фрауендорфа, кой сего года былъ пожалованъ, пошли на рѣку Бухтарму, гдѣ я отъ Устькаменогорской чрезъ Алтайской камень до крѣпости, назначенной надолбами и рогатками Бухтарминской, мѣрялъ дорогу, но по видимости сего лѣта весною Китайцы оную выжгли; ибо только остались знаки, ихъ лучные обломки и стрѣлы ломаныя и прочія вещи мало весьма значущія, къ ихъ изобличенію, гдѣ пробыли 11 дней, и я съ сего мѣста даже и по Верхнему Иртышу въ 6 верстахъ между двухъ буераковъ снималъ планъ, для положенія прожектовъ, которой занималъ въ своей округѣ и внизъ по рѣкѣ Иртышу, назначенной въ 10 верстахъ редутъ Березовскій, а обратно уже до Устькаменогорской мостилъ по рѣчкамъ мосты, изъ крѣпости жъ Устькаменогорской обратно отправились по линіи, гдѣ я и снималъ со всѣхъ редутовъ, форпостовъ и крѣпостей, планы, а прибывъ въ Семиполатную крѣпость, отъ многой ходьбы начали у меня пухнуть ноги, но бывшій при насъ въ командѣ Донской Казакъ научилъ меня натирать оныя мыломъ въ жаркой банѣ, чѣмъ я отъ сего всегда и освобождался. Въ зимнее же время находился въ Омской крѣпости у сочиненія плановъ и наложенія на

оныя прожектовъ; ибо къ веснѣ поѣхалъ съ планами и прожектами отъ Генералъ-Поручика Шпрингера въ Петербургъ Инженеръ-Прапорщикъ Зеленой. Въ сію жъ зиму къ Рожественской недѣлѣ учрежденъ отъ Генерала былъ въ чертежной, для полированія молодыхъ людей, оперной домъ, гдѣ и чинили представленія разныхъ трагедій и комедій, подъ смотрѣніемъ и предводительствомъ моимъ, при чемъ на расходы со зрителей сбиралось довольно денегъ и употреблялись на разныя платья и уборы.

Весною 1765 откамандированъ для описанія тракта Олонецкаго полку, который переведенъ былъ съ Иртышской линіи, изъ крѣпости Желѣзинской, въ городъ Кузнецкъ, и для того Генералъ-Поручикомъ, какъ я былъ въ томъ полку, чтобъ мнѣ свободнѣе можно было исправить порученное дѣло, переведенъ былъ въ Ревельской драгунской полкъ; и прибывъ въ крѣпость Желѣзинскую, явясь къ Полковнику Арцыбашеву, отъ коего взято мною команды 30 человѣкъ и вожатой; при мнѣ жь тогда находились два ученика, Вахмистръ Арпасій и Подпрапорщикъ Вяткинъ; выступили изъ Желѣзинской Мая 3 числа, трактъ былъ степью чрезъ рѣку Карасукъ и Баганъ, а вышли на рѣку Обь въ деревню Кирзинскую, чрезъ дуброву Запрудину, до которой тракта оказалось по мѣрѣ 424 версты; въ сей деревнѣ и Ординской стоялъ я съ командою, доколь переправлялся полкъ чрезъ рѣку Обь, болѣе 10 дней; отколь, переправившись, шли черезъ заводъ Сузунской и чрезъ рѣку Бердь и село Бачацкое до города Кузнецка, всего тракта 1986 верстъ, а изъ Кузнецка уже не болѣе, какъ человѣкахъ въ 12, чрезъ рѣку Кондому и форпостъ Кузедеевскій Калмыками, гдѣ лежитъ дорога каменными горами и весьма лѣсными мѣстами, называемою Чернью, до Бійской крѣпости 180 вер., шли верхами 2 недѣли; по выходѣ изъ Кузнецка недостало хлѣба, по случаю убившейся съ горы Карчіяку вьючной съ толчею лошади; тогда дни 3, или 4, питались только кедровыми шишками; пришедъ въ Бійскую крѣпость Августа 17 числа, я находился въ ней Сентября по 20 ч., сочиняя тракту своему описанія, журналы, абриси и карту, а сверхъ того Командующій во оной Генералъ-Маіоръ Декалонгъ возложилъ мнѣ сочинить и Генеральную карту, какъ тракта моего, такъ и Инженеръ-Прапорщика Романовскаго, который шелъ съ Луцкимъ

драгунскимъ полкомъ изъ крѣпости Ямышевской прямо степью до Бійской. Въ сіе жь время дѣлалъ Генералу Декалонгу къ 20 ч. Сентября иллюминацію, вензель съ короною и прочимъ приличествомъ, для набранія фонарей на столбахъ, прорѣзную изъ разныхъ фонарей малеваныхъ, который и долго еще меня продержалъ, но по полученному къ нему отъ Генералъ-Поручика повелѣнію, отправленъ съ почтою въ Омскую, въ которомъ проѣздѣ по Иртышской линіи великой былъ недостатокъ, по случаю бывшаго сего лѣта упадка великаго лошадямъ; прибывъ же въ Омскую, препровождали зиму въ сочиненіяхъ плановъ и картъ и въ представленіяхъ трагедій и комедій съ великимъ удовольствіемъ. Сего жъ года Іюля 20 ч. отъ приключившагося пожара сгорѣла до основанія Иртышской линіи крѣпость Устькаменогорская, стараго строенія съ форштатомъ, существовавшая съ начала построенія оной въ царствованіе Великаго Государя Петра I-го съ 1721 г., которая построена потомъ уже большая по регуламъ фортификаціи, обнесенная землянымъ валомъ и рвами, въ которой тогда командовалъ Генералъ-Майоръ Александръ Матвѣевичъ Херасковъ: онъ въ оной крѣпости живучи съ 1763 г., по молодости своихъ лѣтъ, многія чинилъ дебоширства, о коихъ, по его чести, описывать я не хочу; отъѣхалъ онъ въ Россію въ 1767 г.

Сего 1766 года, Генваря 1 ч., произведенъ я Прапорщикомъ и откомандированъ былъ для строенія крѣпости Ямышевской, въ коей и находился, гдѣ былъ тогда Комендантъ Ѳедоръ Максимовичъ Деньяновъ, жена его Анна Петровна изъ фамиліи Копіева; какъ отцы наши были весьма въ дружбѣ, и онъ, Деньяновъ, женень возстановленіемъ на степень жизни тетки Акулины Яковлевны и отца нашего, помня онъ сіе ихъ благодѣяніе содержалъ меня, какъ сына, гдѣ я ни въ чемъ ни какого не имѣлъ недостатка, а зима препровождена такимъ образомъ: будучи въ Омской, какъ и прошлаго года.

1767 лѣтомъ находился при строеніи крѣпости Ямышевской. Въ сіе время принужденно мною сломанъ старый форштадтъ и выстроенъ на новомъ мѣстѣ. Въ дистанціи сей крѣпости везши Донской Казакъ на телѣгѣ выбѣгшаго изъ Киргизскаго плѣна Карыкалпака, который, по неосторожности Донскаго Казака, задавя до смерти, бѣжалъ, но разъѣздною командою сысканъ и содержался скованнымъ въ крѣпости Ямышев-

ской, который, по ордену Генералъ-Поручика Шпрингера въ страхъ другимъ, повѣшенъ за форштадтомъ и часовнею, при самой дорогѣ, коимъ поступкомъ великой страхъ наведенъ былъ на всѣхъ Киргисцевъ, и были смирны и спокойны; по наступленіи зимняго времени Генералъ-Поручикъ отбылъ въ Москву и за отбытіемъ своимъ поручилъ команду Генералъ-Майору Петру Андреевичу Девицу, у котораго испрося увольненіе, поѣхалъ я въ Тобольскъ, а оттоль въ Тюмень, гдѣ уже дядя Угримовъ былъ тогда Воеводою, для свиданія.

1768 г. прибывши въ Тюмень въ Генварѣ мѣсяцѣ, гдѣ будучи, согласили меня жениться въ Курганѣ на дочери Коллежскаго Регистратора, Василія Петровича Яковлева, Настасьѣ, которая была тогда отъ роду 19 лѣтъ, и какъ я на то согласился, то дядя писалъ въ Курганъ Г. Генералъ-Майору Павлуцкому, Якову Степановичу, чтобъ онъ сіе сватовство привелъ въ существо, который о семъ постараясь, согласилъ и далъ знать съ посланнымъ для того нарочнымъ слугою, куда уже и мы прибывши, въ домѣ Парфентьевыхъ того жь Генваря въ 3 день и бракосочетаніе учинено, въ присутствіи сего Генерала и многихъ Штабъ и Оберъ-Офицеровъ отставныхъ, въ городѣ томъ на жительствѣ пребывающихъ, гдѣ, окончавъ три дни, какъ дядя и тетка уѣхали, а я съ женою остался у своего тестя, который былъ еще тутъ Комисаромъ, человѣкъ хотя достаточный, но уже обыкновенно, по старости лѣтъ своихъ, со скупостію въ награжденіи наличными деньгами, впрочемъ, не могу жаловаться, ни въ чемъ приданомъ не имѣлъ ни какого недостатка, какъ платьѣ, золотыхъ вещахъ, жемчугѣ, серебрѣ, по тогдашнему моему состоянію было весьма достаточно. Ибо всѣ въ Сибири свадьбы основываются не такъ, какъ въ Россіи, на росписяхъ приданаго учотомъ, а полагаются всегда на честность отцовъ и матерей, что они, конечно, имѣя любовь къ своимъ дѣтямъ, безъ должнаго награжденія, по возможности своей, не оставляютъ, а, напротивъ того, каждому зятю, по обыкновенію ль, введенному на сіе, или же по скупости, возглашаютъ такими словами: «Мы, дѣти, васъ посмотримъ, каково житье ваше будетъ, то и тогда наградить васъ не оставимъ.» Изрядно сказано, но я сіе себѣ представляю не инако по пословицѣ, что «дорога милостиня во время скудости;» а послѣ они же говорятъ: «Что ихъ снабжать! Они, слава

Богу, живутъ хорошо;» а въ противномъ случаѣ другой резонъ находятъ: «Какъ живутъ, такъ и словутъ, а намъ на мотовство ихъ не напастись;» и выдетъ, что взято, то свято, а впередъ, какъ удастся. Выѣхавъ отъ нихъ черезъ городъ Тюмень до Тобольска, гдѣ изъ оставленнаго или для сохраненія, лежащаго у Ивана Никифорова Борисова, имѣнія взято мною изъ отцовскаго серебра образовъ, оловянной и мѣдной посуды, и людей Андрея Девятирикова съ женой и малаго Виктора Котельникова; искупя въ Тобольскѣ, по новости, что только необходимо уже было надобно, пріѣхалъ въ крѣпость Омскую на 3 упряжкахъ; дорогою жъ въ Абацкой слободѣ купилъ пару гнѣдопѣгихъ молодыхъ и весьма хорошихъ лошадей. Въ Омской уже пробывъ не болѣе недѣли, поѣхалъ въ крѣпость Ямышевскую; прибывъ же въ форпостѣ Коряковскій, писалъ Ѳедору Максимовичу, Коменданту Демьянову, чтобъ онъ, по своей милости, снабдилъ меня подводами и повозками, по худости тогда дороги, онъ прислалъ тотчасъ коляску и лошадей; и такъ по пріѣздѣ въ Ямышевскую, хотя у меня прежде и была квартира холостая, но весьма уже по семейству моему тѣсна; были у него въ домѣ недѣли двѣ, поколь я не исправилъ для себя квартиры артиллерійскаго стараго дома, куда перешедъ, начали жизнь свою основывать, съ помощію благодѣтеля Демьянова, которому, за его благодѣяніе и неоставленіе при первомъ случаѣ, вѣчно должнымъ остаюсь, накупилъ лошадей, завелъ рогатаго скота, птицы, употребляя людей и лошадей къ ломкѣ и возкѣ соли на прочія случающіяся подѣлки, весьма жизнь свою поправлять всякимъ заведеніемъ началъ, а сверхъ того и прилагая къ тому свое попеченіе и труды, какъ для себя и Коменданта многія вещи ему крашивалъ, золочивалъ и разныя полезныя показывая услуги, что все, по молодости лѣтъ моихъ, служило къ моему исправленію, и жизнь свою препровождалъ съ удовольствіемъ. Не умолчу же и сего, что первой годъ жены своей, кромѣ Бригадира и Коменданта, никуда не отпускалъ, и то вообще съ Коменданшей, или благодѣтеля жь нашего бывшаго при таможнѣ Комисара Хворова жены, Авдотьи Егоровны; ибо всѣ Офицерскія жены, будучи изъ низкаго состоянія, бѣднѣйшія, а къ тому распутныя, о которыхъ уже я, будучи холостымъ, довольно по обращеніямъ насмотрѣлся, по чему все сіе было для меня и несходно.

Изъ Москвы обратно прибылъ Генералъ-Поручикъ Шприн-

геръ; въ Ноябрѣ мѣсяцѣ проѣхалъ, прибывшій изъ Оренбургскаго корпуса въ крѣпость Устькаменогорскую къ бригадѣ, Генералъ-Майоръ Гаврила Петровичъ Череповъ; онъ повелѣніемъ своимъ приказалъ встрѣтить его въ Форпостѣ Чернорѣцкомъ, съ коимъ уже по всей дистанціи Ямышевской до форпоста Семіярскаго, который весьма изволилъ жаловать меня. При самомъ моемъ отъѣздѣ изъ Ямышевской съ Генераломъ жена моя начала къ рожденію младенца мучиться, чего я на первой случай по молодости ни какъ не зналъ и не понялъ, а только считалъ, чтобъ не остаться отъ Генерала; по прибытіи жъ въ Чернорѣцкъ Комендантъ Демьяновъ прислалъ нарочнаго ко мнѣ Казака съ запискою увѣдомляя оною, что жена моя 10 числа Ноября родила дочь, и весьма опасна въ своемъ здоровьѣ. Сколько при семъ случаѣ былъ я порадованъ, а съ другой стороны потревоженъ, не зналъ, что предпринять надлежитъ, но вечеромъ, играя въ карты, доложилъ о случившемся со мною приключеніи, который той же минуты меня уволилъ обратно; въ короткомъ времени прибылъ я домой, хотя, и въ слабыхъ силахъ, нашелъ свою жену живу и съ рожденною дочерью, которую по нѣсколькихъ дняхъ окрестя, наименовалъ Екатериною, которая сего жъ года Мая 10-го числа и умерла.

Въ лѣтнее сего 1769 года время трафилось въ называемый семикъ гулять съ пріятелями по обыкновенію въ полѣ, гдѣ случилось быть тогда команды моей Вахмистру Копѣйкину, и съ его женою; и какъ мы всѣ довольно были подгулявши, между разговорами Вахмистръ мой нѣчто мнѣ сказалъ грубо, кое и было, иль лучше показалось мнѣ несносно, ударилъ его одинъ разъ случившейся въ рукахъ моихъ тоненькой таволожкой по головѣ, и трафилъ по нечаянности чрезъ високъ, отъ коего удара онъ, упавъ мертво на землю, былъ безъ чувства. Видя сіе мои пріятели, оробѣвши, не знали, что и дѣлать, а жена моя пришла отъ того въ великій страхъ, жена же Вахмистра Копѣйкина начала вопить по мертвомъ своемъ мужѣ, а тесть Копѣйкина Скоробогатой, отставной драгунъ, бывши тутъ же, съ азартомъ меня весьма злословилъ убійцею; который гвалтъ хотя и старался я пресѣчь, но былъ уже противъ огорченныхъ противъ меня не въ силахъ; привезли уже на телѣгѣ мертваго моего домой безъ чувства, съ великимъ воплемъ и рыданіемъ, утверждая только меня единственно убійцею, отъ чего вся крѣпость пришла во удивленіе; я же, сколько

съ запальчивости, столько отъ таковаго слышаннаго на меня злословія, огорченія, вошедъ къ Бригадиру Фонъ Гилензбергу, доносилъ въ горячности самъ на себя въ убійствѣ; оный, видя меня въ чрезвычайномъ почти изступленіи, послалъ со мною одного Офицера, чтобъ я, ушедъ на квартиру, успокоился; Копѣйкинъ же, бывъ нѣсколько мертвымъ, очувствовавшись, былъ боленъ головою дней 10, которая у него отъ удара только распухла, и напослѣдокъ совершенно выздоровѣлъ; по чему и положено мое обѣщаніе съ самого того времени день сей семикъ никогда не праздновать и ни какихъ веселостей не вчинать, что и по день сего моего описанія сохраняю весьма строго со всѣми моими домашними.

Августа 1-го произведенъ Поручикомъ; по просьбѣ моей уволенъ былъ въ домовой отпускъ, въ городъ Ялуторовскъ. къ тестю, гдѣ пробывъ двунедѣльное время въ Великій постъ и съ женою, возвратился обратно въ кр. Ямышевскую. Скончалась Коменданта Демьянова жена Анна Петровна, а онъ былъ тогда въ Тобольскѣ, которую я, не похороня, поставилъ въ трапезѣ, а какъ онъ пріѣхалъ, уже сдѣланы похороны. Въ небытность его великія по смерти ея перенесъ я ненависти отъ родственника его, Ревельскаго полку Капитана, Андрея Ушакова, который былъ ему, Демьянову, близокъ. Онъ думалъ совершенно, что Демьяновъ изъ Тобольска не возвратится по нѣкоторымъ неизвѣстнымъ обстоятельствамъ, вошелъ въ сбереженіе наслѣдства, у коихъ былъ уже сынъ Петръ тогда 12 лѣтъ; и какъ онъ, Ушаковъ, любилъ всегдашнюю подгулку, а мнѣ опредѣлено было и отданъ на руки какъ домъ его и сынъ со всѣмъ ихъ имѣніемъ отъ Бригадира, ибо я былъ, по милости Демьянова, какъ сынъ его, отъ чего и выходили отъ меня на излишніе расходы по требованіямъ Ушакова разныя неудовольствія, что онъ видя, что и его ни до чего такого не допускаю, чѣмъ бы онъ только могъ воспользоваться, обратился въ Омскъ; а по пріѣздѣ Демьянова, благодаря меня за все сохраненіе цѣлости его дома, живши онъ только 6 недѣль, и какъ былъ невоздерженъ, пилъ запоемъ, дѣлая въ ономъ разныя непристойные чести и лѣтамъ поступки, вздумая жениться, и самъ умеръ, коего довелось мнѣ жъ схоронить; а по кончинѣ его отъ Генерала-Поручика Ширингера велѣно, хотя и просился тотъ же Ушаковъ, мнѣ, принявъ все имѣніе, учинить, что съ

онымъ должно, продать, долги раздать и прочее, что мною приведено къ совершенному окончанію порядкомъ.

Лишь только прибылъ 1770 г., я въ Ямышевъ изъ домоваго отпуска, получилъ повелѣніе ѣхать мнѣ для строенія крѣпости Желѣзинской, куда собрался, какъ уже и дорога весьма зимняя была худа, съ великимъ трудомъ; по большей части рѣкою Иртышемъ ѣхавши съ опасностью, прибылъ въ оную Марта 20-го. Въ сей крѣпости имѣлъ я великое удовольствіе въ жизни, а особливо пріятствомъ Коменданта Вильденгейма и жены его, Марьи Ивановны.

Сего года 1771 ушли изъ за Волги Волжскіе Калмыки подъ предводительствомъ намѣстника Ханства Убаши, разоря по Волгѣ многія селенія и захватя многихъ Русскихъ людей, слишкомъ оныхъ до 50 тысячъ, прошли Киргизскою степью, чрезъ рѣки Улкоики, и перешедъ уже степи, приближась къ великому озеру Балкашу, лежащему близко къ Великой Бухаріи и Китайской границѣ, ошибкою трафили на великіе пески, отъ чего много оныхъ побросано за упадкомъ лошадей и по нападенію Киргизскаго Аблай Салтана, многіе разграблены ими и взяты въ плѣнъ; они, бросясь, сколько возможно было, ушли въ Китайскія границы, а оставшіе остались добычею Киргизъ, будучи уже не въ силахъ отъ оныхъ оборониться; весьма много оныхъ вымѣнено отъ Киргизъ купечествомъ въ Россію; а по довольнымъ извѣстіямъ, что всѣ начальники Калмыцкіе Китайцами истреблены, и они не такъ, какъ прежде, были совокупно, разбиты по разнымъ селеніямъ, дабы впредь не могли они сдѣлать такой же измѣны, каковую они отъ нихъ вытерпѣли и въ 1756 г. отъ Князя ихъ, Амурсаная, который, вышедъ въ Россію, умеръ въ Тобольскѣ, а они уже выходили въ разныя времена, а послѣдніе Князья великимъ кошемъ въ 1758 г. Генералъ-Поручикъ Шпрингеръ въ началѣ сего года скончался, а принялъ командованіе бывшій въ Устькаменогорской Генералъ-Майоръ Станиславскій, Сергѣй Кириловичъ. Онъ за ушедшими Калмыками собиралъ съ полковъ по три эскадрона войскъ, квартиру имѣлъ для войскъ въ Шульбинскомъ форпостѣ. Выведши войска всѣ подъ камень Дербугатай, вверхъ по рѣкѣ Чаръ-Гурбану, въ 70 верстахъ, подряжалъ ставить на нихъ провіантъ и фуражъ, поморилъ было всѣхъ людей съ голоду, кои, ничего не сдѣлавъ, стояли въ степи напрасно;

но даже проходили войски по зарѣшной сторонѣ за Калмыками жъ изъ Оренбургскаго корпуса при Подполковникѣ Андреѣ Рычковѣ; онъ же, Станиславскій сдѣлалъ представленіе въ Иностранную Коллегію о перепускѣ Киргизовъ съ ихъ табунами на Россійскую сторону единственно по знакомству съ ними, изъ одного только лакомства, которое въ предыдущія времена открылось великимъ вредомъ и неспокойствомъ по линіи; сдѣланъ же былъ на драгунскіе полки подрядъ на поставку сѣна къ совершенному вреду вошедшихъ въ сей подрядъ частныхъ людей, а къ своему погубленію, что напослѣдокъ открылось ему великимъ несчастіемъ, а напослѣдокъ предвидя, всѣ свои распоряженія тщетными, зарепортовалъ въ Коллегію, что онъ Калмыковъ преслѣдовать не могъ единственно по слабости войскъ драгунскихъ полковъ, по чему по сей его рекомендаціи и учинено разформированіе и сдѣланы гарнизоны къ великому всѣхъ несчастію, и легкія полевыя команды пѣшія, которое и воспослѣдовало 1772 г., Февраля 1-го; множество по сему формированію осталось за комплектомъ Офицеровъ весьма достойныхъ, кои въ гарнизонъ награждены чинами, въ коемъ числѣ и я Капитаномъ; но будучи года три на Поруческомъ жалованьи, сколько было нашего о семъ сожалѣнія, что поступили въ такую вѣчную по неволѣ нашей службу, что уже описать не можно; для чего и поступилъ я, по просьбѣ, въ Петропавловскій баталіонъ: но какъ должность Инженеръ-Офицера снята не была, то и остался при оной и въ баталіонъ отпущенъ не былъ. Формированіе же 1773 дѣлалъ по полкамъ Станиславскій Генералъ, гдѣ по видимости отъ драгунскихъ полковъ многія вещи пропали безъ употребленія безгласно. Сего лѣта трафилось со мною странное приключеніе, которое здѣсь я описать подробно намѣренъ. Вдругъ начала у меня болѣть голова, что и нѣсколько уже дней продолжалось; я, желая сіе прервать, поѣхалъ для осмотру земляной работы въ форпостъ Осморыжскій, ибо тогда мнѣ было препоручено имѣть смотрѣніе за работами какъ Желѣзинской дистанціи, равно и до самой до кр. Омской, куда часто очень ѣзжалъ, когда только была мнѣ надобность и позволяло время; но бывши воономъ, болѣзнь моя найболѣе усилилась, что видя, возвратясь обратно въ Желѣзинку, и по утру не могъ уже встать и съ постели, призвалъ Лѣкаря, Ѳедора Ивановича Меера; согласясь съ онымъ, пустилъ

изъ руки кровь, но какъ онъ видно секцію сдѣлалъ весьма малу, то кровь, вошедъ во движеніе, заперевши секцію, остановилась, отъ чего тотчасъ сдѣлался великій обморокъ. Лѣкарь, видя сіе приключеніе, по обыкновенію, спрыснулъ водою; очувствовавшись, однимъ моментомъ пожелтѣлъ я весь, такъ что и кровь во мнѣ была желта, бѣлки у глазъ, но даже и зубы, все пожелтѣло. Съ самаго сего начала потерялъ я аппетитъ къ пищѣ и питію, чтобъ оно такое ни было, и началъ напослѣдокъ изнемогать въ силахъ и сохнуть день ото дня, и въ такое пришелъ изнеможеніе, что уже шатался, ходя по горницѣ, тосковалъ, а о чемъ, и самъ не зналъ. Лѣкарь Мееръ сначала хотя употреблялъ лѣкарства, но, не видя ни какой пользы, отказался. Не осталось болѣе что предпринять, какъ лечиться вольными знающими людьми, кои употребляли разныя симпатическія свои лѣкарства съ примѣчаніями, какъ смотрѣніемъ въ воду на живую щуку и прочія таковыя нелѣпыя, что уже и описывать, по мелкости ихъ, не стоитъ трудовъ. Напослѣдокъ, видя себя въ крайнѣйшемъ изнеможеніи, сдѣлалъ переписку въ Омскъ къ Штабъ-Лѣкарю, изъясняя всѣ мои подробно приключенія, который, сдѣлавъ разсужденіе, предписалъ Лѣкарю Мееру, чтобъ онъ, сдѣлавъ слабительныя кашки, давалъ ихъ по 8-ми въ сутки. Употребляя сіе, зачало гнать потомъ и уриною желчь, но съ великимъ изнеможеніемъ, продолжаясь такимъ образомъ 2 мѣсяца слишкомъ. Въ одинъ день трафилось послѣ полдня войти въ спальню, гдѣ, думали, я уснулъ, и увидя лежащаго меня съ полыми глазами, безъ чувства и дыханія, пришли почти въ безпамятство, и не говоря ни слова мнѣ, да хотя бъ и говорили, то, думать должно, я бъ сего не чувствовалъ, послали за Лѣкаремъ, и какъ онъ уже пришелъ, то намѣренъ былъ, видя въ такомъ положеніи, просилъ холодной воды, чтобъ меня спрыснуть; но благоразуміе жены моей до того его не допустило; лежавъ я въ такомъ положеніи болѣе 2 часовъ, а жена и Лѣкарь сидя весьма тихо, смотрѣли. Очувствовавшись же и увидѣвъ Лѣкаря, сказалъ ему: «Что, и вы здѣсь?» и попросилъ у него изъ табакерки нюхать табаку, котораго, по слабости моей, уже и не употреблялъ болѣе мѣсяца; и съ того самаго времени началъ выздоравливать и пить рѣдечный сокъ съ виномъ, который придавалъ аппетитъ къ пищѣ, но совершенно уже выздоровѣлъ не ранѣе, какъ чрезъ два мѣсяца. Въ лѣтнее время великій претер-

пѣли упадокъ лошадей отъ обыкновенной вѣтренной болѣзни и скота, гдѣ и пало собственныхъ моихъ лошадей 11, и не осталось ни одной.

Въ семъ годѣ 1774 ни каковыхъ примѣчанія достойныхъ дѣяній не происходило, какъ только прибылъ къ командованію Сибирскимъ корпусомъ Генералъ-Поручикъ Иванъ Александровичъ Декалонгъ.

Въ сихъ годахъ 1775, нѣкто Донской Казакъ Емельянъ Пугачовъ, объявя себя Третьимъ Императоромъ, собравъ къ себѣ великія партіи бунтовщиковъ, и разоряя многіе великіе города, какъ Казань выжегъ, Оренбургъ долго держалъ въ осадѣ, и многія селенія разоряя въ Россіи и Сибири, котораго отъ Сибирской стороны удержалъ войсками Генералъ-Поручикъ Декалонгъ, разбивъ его подъ крѣпостью Троицкою, отколь онъ бросился въ Казань, и ее выжегъ, и многіе города разорилъ со урономъ многихъ честныхъ людей, коихъ онъ казнилъ и вѣсилъ, а особливо дворянство и воинскихъ начальниковъ, напослѣдокъ бѣжалъ за Волгу, гдѣ его догналъ, разбилъ и поймалъ гусарскій Полковникъ Михельсонъ; за что онъ, Пугачовъ, въ Москвѣ четвертованъ. Во временахъ же сихъ тяжкая была Турецкая война и великій моръ въ Москвѣ, а напослѣдокъ бунтъ, при коемъ убитъ бунтовщиками и Преосвященный Амвросій. Тяжкая Турецкая война столько не погубила въ Россіи народа, какъ сіи неспокойные бунты! Въ Генварѣ мѣсяцѣ, по просьбѣ моей, уволенъ былъ я въ отпускъ, въ которомъ былъ въ Тобольскѣ, Тюмени и Ялуторовскѣ, и, видѣвшись со своими родственниками, возвратился обратно въ крѣпость Желѣзинскую, привезя съ собою отцовскую серебряную, мѣдную и оловяную посуду, которую уже по собранія общемъ въ 1776 г., въ Семиполатной крѣпости, раздѣлили добровольно и безобидно. Февраля 4-го по полудни въ 7 часу началось лунное затмѣніе верхней части луны и простиралось до половины, которое сошло въ 8 часовъ 15 минутъ; ночь была ясная, и вѣтръ тихой отъ SW.

Генералъ-Поручикъ Декалонгъ 1776 отбылъ въ С. Петербургъ, оставя повелѣніе свое оставшему по немъ Генералъ-Майору, Антону Денисовичу Скалону, чтобъ откомандировать меня въ крѣпость Семиполатную, для заложенія оной вновь по прожекту и строенія, куда я, получа повелѣніе, въ скорости, оставя жену

и дѣтей, дабы не разтратиться своею економіею въ Желѣзинкѣ, отбылъ, и пріѣхалъ Апрѣля 4 числа съ великимъ уже трудомъ, въ которой былъ Комендантъ Полковникъ и Кавалеръ Илья Тимофѣевичъ Титовъ; изъ крѣпости жь Желѣзинской взято было мною туда колодниковъ 40 человѣкъ, гдѣ былъ Святою Недѣлею во всякихъ пріуготовленіяхъ къ строенію новой крѣпости и заведенію, къ чему и потребно было довольно надобностей, куда и переѣхалъ съ командою Апрѣля 18 числа, выше старой крѣпости въ 16 верстахъ, у самыхъ семи Чудскихъ палатъ, о которыхъ по приличеству въ послѣдующемъ 1785 году ясно опишу топографически, гдѣ только была одна маяшная изба. Команды же всей командированной было Семиполатнаго баталіона солдатъ 25, Башкиръ съ лошадьми 100 служивыхъ Тобольскихъ и Тюменскихъ Татаръ 50, ссыльныхъ колодниковъ 200 человѣкъ; то какъ симъ командамъ жить было негдѣ, сдѣлалъ плетни, а для печенія хлѣбовъ въ семи Чудскихъ полатахъ печи, въ коихъ до постройки казармъ и жительствовали, крѣпость же заложена мною при Инженеръ-Капитанѣ Аврамѣ Семеновичѣ Квашнинѣ, Мая 18 числа, гдѣ я заложилъ въ самый Троицынъ день и собственный для себя домъ. Іюня 29-го, т. е., въ Петровъ день, бывшаго при солдатской командѣ капрала Малцова, шедъ съ мѣновнаго, колодники Вьюговъ и Кошкинъ, будучи пьяные, убивши, спрятали подъ карчу въ воду въ рѣчку Семиполатку, который найденъ въ 3-й день по пріѣздѣ его отца; колодники высѣчены кнутомъ, а онъ, въ знакъ поминовенія сына, приложилъ къ церкви колоколъ въ 5 пудовъ. Жена пріѣхала съ дѣтьми и людьми Іюля 10 дня. Сентября 10 дня случилась великая и необыкновенная буря отъ SW, началась по полудни съ 12 часу и продолжалась до 6 часа по полуночи, отъ которой произошли великія и многія поврежденія строеніевъ и лѣсовъ, коихъ бы описывать весьма было много, а въ Барнаулѣ всѣ фабрики и заводы поломало и было такъ темно, хотя сіе происходило днемъ, что свѣту не было; въ сіе-то самое время въ С. Петербургѣ было великое и опасное наводненіе. Прибылъ къ командованію корпусомъ Генералъ-Майоръ Николай Гавриловичъ Огаревъ, и Генералъ-Майоръ Скалонъ отставленъ Генералъ-Порутчикомъ, который, будучи въ крѣпости Устькаменогорской, въ 1777 году скончался. Не оставляю внесть сюда одну полученную мною записку, которая изъясняетъ бы-

вшее Апрѣля на 24 число сего года надъ городомъ Челябою явленіе: во первыхъ, сошедши съ небесъ въ подобіе снопа почия (?) огня и ниже облаковъ на воздухѣ исчезъ, отъ коего произошелъ дымъ, сперва прямою веревкою, а потомъ извиваясь суставами на подобіе скорпію и съ головою; во вторыхъ, ночью блистаніемъ неизреченнаго огненнаго свѣта; всѣмъ слышно было ужасный барабанный бой и пущечный звукъ, а потомъ стрѣляніе изъ мелкаго ружья.

По заведеніи 1777 года крѣпости Семиполатной вновь, была во всемъ чрезвычайная дороговизна. Поручено мнѣ было завесть еще, по повелѣнію Генерала Скалона, пильную мельницу на отысканномъ мѣстѣ, на рѣчкѣ Березовкѣ, къ которой былъ изъ Барнаула выписанъ плотинной мастеръ, Унтеръ-Штейгеръ Тихобаевъ, который хотя оную сдѣлалъ, но дѣйствіе ея было весьма слабое и не стоющее работы, которая уже года черезъ три приведена въ существо ссыльнымъ колодникомъ Вьюцкимъ, имѣя не одну по сіе описаніе перемѣну въ перестройкѣ, но напослѣдокъ укрѣплена и пристроено два постава мушныхъ и толчея; сначала заведенія коей опредѣлено изъ ссыльныхъ для работъ поселить 30 семей, дабы они и пашню имѣли, но оные по времени всѣ въ разныя ушли откомандированія выпускомъ на свое пропитаніе, а нынѣ осталось три двора, а исправляется работа съ командированными людьми и лошадьми. Заложена каменная церковь фундаментомъ, для освященія котораго пріѣзжалъ изъ Омской крѣпости Протопопъ Өедоровъ, по данному ему Указу отъ Преосвященнаго Варлаама, Епископа Тобольскаго и Сибирскаго, которая церемонія со всѣми обрядами совершена Августа 15 числа, о построеніи которой со всѣми обстоятельствами, какъ о погорѣніи и второй перестройкѣ въ крѣпости Семиполатной, сочинена отъ меня лѣтопись, коя и находится въ церкви: желающій да чтетъ тамо подробно.

Въ семъ 1778 годѣ достопамятныхъ ни какихъ происшествій не запримѣчено.

Въ 1779 годѣ примѣчанія достойнаго ничего не случилось, какъ одна чрезвычайность, что Марта 11 дня съ утра была умѣренная погода, а съ 11 часа возстала великая буря со снѣгомъ весьма мокрымъ, а въ вечеръ и ночь при такой же погодѣ чрезвычайный морозъ, отъ которой въ проѣздѣ изъ Старосемиполатной

крѣпости безвѣстно пропалъ кузнецъ 1, познобленныхъ найденныхъ привезенныхъ солдатъ 2, колодникъ 1, а въ крѣпости во дворахъ замерзло лошадей 2, рогатыхъ скотинъ 3, а у Киргизцевъ много скота погибло, а особливо барановъ, коихъ заносило въ низкихъ мѣстахъ снѣгомъ и въ лощинахъ поломало юртъ и множество людей пропало безвѣстно, а 12-го великій морозъ и отъ 7 до 10 часа было отъ солнца разное представленіе въ разнообразныхъ отсвѣтахъ, кругахъ и полуциркуляхъ, разными цвѣтами показывающимися, какъ синими, желтыми и красными.

Прошелъ сей 1780 годъ, что ни какого замѣчанія мною не положено.

Въ Іюлѣ мѣсяцѣ 1781 командированъ былъ, отъ Генералъ-Майора Огарева, а къ нему, по сообщенію отъ Тобольскаго Генералъ-Губернатора, Евгенія Петровича Кашкина, до Коряковскаго форпоста, для описанія соляныхъ озеръ и сочиненія оныхъ картъ, коя отъ меня тогда жъ по возвращеніи моемъ и была представлена.

Генваря 2, 1782 г., посланъ былъ, по секретной экспедиціи посланникомъ съ письмами Киргизъ-Кайсацкой Средней Орды ко владѣльцу Найманскихъ родовъ, Абулфенсъ Салтану, куда отправились въ степь верхами и продолжали путь по степи, переходя каменныя горы, какъ Дербугатай на рѣчкѣ Чаръ-Гурганѣ, Сазыкъ-Куль и Аркатъ, вострыя и весьма примѣчанія достойныя горы, каковыхъ я весьма видалъ мало; на самыхъ вершинахъ горъ онѣ какъ нарочно выкладены изъ круглыхъ весьма камней одинъ на другой, и что выше, тѣмъ менѣе, величайшей вышины, на которыя покусился всходить, но хотя впередъ весьма свободно, но обратно спустились съ великою трудностію, не доходя еще и половины всей высоты, на коихъ растетъ мелкій соснякъ и осинникъ, до камня Чингистау, въ которомъ онъ имѣлъ свое зимнее кочевье; команды при мнѣ было Казачій Капралъ 1, Казаковъ 10, толмачъ 1 и два вожатыхъ Киргизца; гдѣ всего впередъ и обратно препровождено времени по 23 Генваря, и благополучно прибыли обратно; о пріемѣ ихъ, обрядахъ и прочемъ я уже описывать умалчиваю, поелику какъ сей народъ довольно уже извѣстный.

Апрѣля 30 числа закрытъ отъ Китайцевъ Тяхтинскій портъ сверхъ обыкновеннаго съ 3 пушечными выстрѣлами, но по ка-

ковымъ то обстоятельствамъ, хотя я частію изъяснить бы могъ, но до меня сіе не принадлежитъ.

Собравшись 1783 года ѣхать въ Тобольскъ, по просьбѣ моей былъ отъ Генералъ-Поручика Огарева отпущенъ, взявъ съ собою сына Петра и изъ крѣпости Омской проѣхалъ прямо въ Ялуторовскъ къ своему тестю, гдѣ, проживши недѣлю Рождества Христова, поѣхалъ къ теткѣ, Акилинѣ Яковлевнѣ, въ деревню; взятъ же былъ со мною и малый братъ, Флегонтъ; у которой будучи, къ несчастью нашему, учинившись въ господскомъ ея домѣ пожаръ, вреда много причинилъ сгорѣніемъ кухни, бани, завозни съ экипажемъ. Пробывъ у ней недѣлю, имѣлъ случай быть на Успенскомъ винномъ заводѣ, который тогда былъ Господъ Походяшиныхъ, въ коемъ видѣлся съ управителемъ, Майоромъ Иваномъ Васильевичемъ Черкасовымъ, который по родству доводился мнѣ дядя. Въ сію бытность тетка Акилина Яковлевна сыну Петру благословила животворящій крестъ серебрянный съ мощами. Проѣхавши оттоль въ Тобольскъ, стоялъ на квартирѣ Петра Өедоровича Плотникова, въ которомъ былъ уже Губернаторъ Григорій Михайловичъ Осиповъ, и возстановленъ уже былъ образъ новаго правленія; гдѣ я будучи, раздѣлилъ съ братьями, Афиногеномъ и Флегонтомъ, людей оставшихъ отцовскихъ и жившихъ въ деревнѣ столько лѣтъ по смерти матери нашей съ 1759 г.; не имѣвъ надъ собою смотрѣнія и не видя господъ, при воспослѣдующей сего года ревизіи, взбунтовавъ, многіе подавали челобитныя, называя себя вольными людьми, что было мнѣ весьма трудно ходатайствовать; изъ коихъ на мою часть достались Степанъ Захаровъ съ женою Василисою и съ дѣтьми Григорьемъ, у коего жена Парасковья и дочь ихъ Марина, и дочь дѣвка Степанова Татьяна; Андрей Девятириковъ съ женою Өеклою; Степанъ Павлуцкій съ женою Аксиньей и дѣтьми сыномъ Кирьякомъ и дочерью Натальею; Антонъ Гусевъ съ женою Авдотьею и дѣтьми ихъ, съ сыновьями Петромъ и Өедоромъ, дочерями Анной и Маврой, и Иванъ Ивановъ Ваулинъ внукъ, которыхъ съ великимъ трудомъ, приведя ихъ въ страхъ и показавъ имъ, что есть ихъ господа, отправилъ въ крѣпость Семиполатную съ бывшимъ со мною Семиполатнаго баталіона Капраломъ Кочевымъ. Я уже не утруждаю ни кого слушать обстоятельства, кои происходили съ Губернаторомъ Осиповымъ о семъ переводѣ людей, а только уже

онъ отъ меня услышалъ, что они въ Омской крѣпости, гдѣ, подавъ въ Гражданскую палату челобитную, просилъ объ исключеніи ихъ по Колыванской Губерніи; а по прибытіи моемъ обратно въ домъ, подалъ прошеніе и въ Колыванское Правленіе, по которому они сего года съ 1-го Іюля причислены, и я началъ съ начала ревизіи вносить подушныя и рекрутскія деньги бездоимочно, а Тобольская Губернія, имѣвъ о семъ многія переписки, выключила уже ихъ въ 1787 году, съ котораго опредѣленія въ дѣлахъ моихъ и копія есть. Разсуждая жъ я о нихъ, что съ ними дѣлать и что начать, рѣшился, и по неволѣ видя, что поселенные ссыльные на пильной мельницѣ разными случаями выбываютъ и остается ихъ уже немного, мною же по нѣкоторому обстоятельству было куплено пашни въ дачахъ ихъ у одного колодника двѣ десятины съ хлѣбомъ, гдѣ уже я года три пахалъ и прибавилъ распашкою земли довольно, а къ тому жъ и мѣсто мнѣ дозволяло, высмотрѣвъ я оное, купивъ три дома, приказалъ имъ перевозить на устье рѣки Средней Березовки въ Великій Постъ на четвертой недѣлѣ, и перевелъ ихъ туда на пустое мѣсто, гдѣ уже имѣлъ удовольствіе видѣть ихъ живущихъ на Святой Недѣлѣ, по новости хотя не такъ исправно, но своими домами, снабдя ихъ каждаго лошадьми, рогатымъ скотомъ, баранами, свиньями, курами, всякою домовою посудою и нѣкоторыми, какъ для строенія и домоваго устройства матеріялами, хлѣбомъ и харчевыми припасами, что они, по истинѣ скажу, никогда такъ не живали, поселилъ, гдѣ была прежде сего деревня Государственныхъ крестьянъ Ляпунова. Великаго сіе мнѣ стоило труда приводить распутныхъ сихъ людей въ порядокъ, кои еще мыслили иногда, что они вольные и будутъ еще моимъ коштомъ доставлены обратно въ Тобольскъ; однако жъ я, имѣвъ о семъ великодушіе, сносилъ все безъ роптанія, а только приводилъ ко обзаводству, къ хлѣбопашеству и трудамъ, кои несносны имъ казались. Хотя довольно было посѣяно разнаго хлѣба, но, къ несчастію моему, на 15 Іюля, бывъ великій иней, хлѣбъ весь обморозилъ, такъ что ни одного зерна не сняли, а солому выкосили; тогда-то я узналъ, что мнѣ дѣлать и что вымышлять къ прокормленію ихъ; былъ въ хлѣбѣ недостатокъ и великая во всѣхъ мѣстахъ дороговизна, такъ что многіе по деревнямъ отъ голоду метали своихъ дѣтей, не имѣвъ ни малѣйшаго пропитанія, а особливо около Тобольска

и прочихъ мѣстъ великій былъ голодъ и съ великою трудностію находили уже разныя средства къ своему пропитанію, то я разнообразно стараясь оныхъ пропитывать, сыскивалъ средства.

Сонъ. Настоящаго сего 1783 г., Іюля 6 числа хотя ни какого я не имѣя никогда суевѣрства, какъ называются бабьи басни и запуки, которыя вѣрятъ снамъ и ихъ толкуютъ, ни каковыхъ замѣчаній никогда не полагалъ и впредь не намѣренъ, но какъ сіе случайное трафилось и рѣдкое сновидѣніе, которое здѣсь и описать намѣренъ. Въ полдни послѣ стола, по обыкновенію и привычкѣ, для отдохновенія только прилегши на постелю, но спалъ ли, я или былъ въ иступленіи, не понимаю, представилось, что начался благовѣстъ въ большой колоколъ и напослѣдокъ звонъ; мы всѣмъ обществомъ представились въ церкви, въ придѣлѣ Антонія и Ѳеодосія, и я, по обыкновенію моему, стоялъ на крылосѣ. Вдругъ открылся весь иконостасъ, такъ какъ бы какая завѣса, представился Священникъ на престолѣ, совершая Святыя Тайны откровенно, стоящіе жъ на крылосѣ пѣть начали пѣсни; потомъ Священникъ, ударяя въ ладоши, зачиналъ припѣвать и ногами притопывать; Комендантъ и народъ, видя сіе, послѣдовали тому жъ, и составилось не церковное уже служеніе, а великая пляска и пѣсни, кои продолжались до того, что казались уже всѣ отъ сего утружденными. Потомъ Священникъ, приступя къ престолу, форша Тайны, взявъ потиръ и вышедъ какъ бы съ переносомъ, и взявъ потиръ обѣими руками, изъ онаго разбрызгалъ по всей церкви и олтарю, а напослѣдокъ взявъ величайшую метлу, ходя по всѣмъ мѣстамъ, разметалъ и растиралъ. Чудное сіе происхожденіе такъ бывшихъ тогда озлобило, что оные, оставя всѣ свои пѣсни и пляску, обратились на великой шумъ и бѣгство изъ церкви, отъ чего въ такомъ безпорядкѣ и я разбудясь, находился долгое время въ страхѣ, даже и съ потрясеніемъ всѣхъ моихъ чувствъ и былъ безгласнымъ, насилу могъ очувствоваться. Чудное сіе воображеніе, не хотѣлъ оставить, чтобъ для памяти не записать. Гг. Медики утверждаютъ, что бываютъ такія воображенія, когда человѣкъ засыпаетъ, не успокоя своихъ мыслей и чувства, и оныя, по нечувствительности вкрадываясь въ мозговыя нервы, дѣйствуютъ всякими таковыми воображеніями. Но я не Медикъ, всего того не вѣдаю, а знаю, что приснилось мнѣ, безъ всякихъ моихъ мыслей.

Открыта Семиполатная крѣпость по Высочайшему учрежде-

нію Колыванской Губерніи городомъ Октября 10 числа, торжественно съ пушечною пальбою и со всѣми обрядами, введеніемъ судей въ Присутственныя Мѣста Комендантомъ Полковникомъ и Кавалеромъ Титовымъ, къ коему торжеству дѣланъ мною щитъ, вензель съ короною и надписью, многія пирамиды съ висящими гирляндами, и освѣщенъ былъ городъ многими и разными огнями и фейерверкомъ, и былъ великолѣпный столъ и балъ.

Генваря 6 числа, 1784, по полудни въ 3 часу, было чувствительное землетрясеніе, такъ что въ каменной церкви отчасти въ сводахъ, а особливо въ холодной, въ олтарѣ, у горнаго окна, внизу, сдѣлало ссѣдину и печь во многихъ мѣстахъ сѣнула; продолжалось не болѣе 2 минутъ, слѣдовало же отъ NOW. Іюня 24 родился сынъ Павелъ.

Какъ сей 1785 годъ происходилъ безъ особо дальнѣйшихъ дѣятельностей, то въ ономъ и достойныхъ примѣчанія дѣлъ не описано, а только здѣсь скажу: Августа 17-го родился сынъ Александръ.

Должность Инженеръ-Офицера начинала уже мнѣ скучить съ 1780 г., отъ которой хотя я уже и многократно отзывался и просилъ о смѣнѣ корпуснымъ, что до того доходило, что писалъ партикулярно и Генералъ-Порутчику Огареву. Причина жъ тому была, что я опредѣленъ былъ въ крѣпости въ должности Дежуръ-Майора, правилъ пограничною Канцеляріею по повелѣнію Генералъ-Порутчика Огарева, и всѣ, какъ пограничныя, равно и Киргизскія, дѣла по дистанціи Семиполатной завѣдывалъ, что бывалъ всегда въ разъѣздахъ и великое несъ безпокойство; а въ крѣпости по тому жъ всякія разныя строенія, и особливо церковное, и укрѣпленіе крѣпости, было весьма въ тягость; какъ уже люди рабочіе пошли на плакатъ и на учетъ, письменныя дѣла отягощали; но сколько ни старался о семъ, но не могъ ни отъ чего избавиться. Но вышли къ приключеніямъ моего несчастнаго искушенія великія еще неспокойства, коихъ я не премину, какъ оные въ сихъ годахъ меня весьма терзали и безпокоили, оставить безъ изъясненія. Въ прошломъ еще годѣ проѣзжая Колыванской Губерніи Економіи Директоръ Олинъ, прибывъ въ крѣпость, по новости, какъ оному совершенное о всемъ знаніе имѣть должно, то оный нашедъ меня къ тому весьма способнымъ, просилъ, чтобъ съѣхалъ я съ нимъ

до Старой крѣпости и пробылъ сутки трои, чтобъ получить было найболѣе о всемъ свѣдѣніе. Согласясь я, говаривали о многихъ случающихся и прежде бывшихъ дѣяніяхъ, и онъ, подговаривая меня перейти въ штатскую службу, обѣщалъ постараться, чтобъ я занималъ мѣсто Губернскаго Инженера, однако жъ въ разсужденіи носимыхъ мною милостей отъ моихъ всѣхъ командировъ, хотя и бывъ горнизоннымъ Капитаномъ, но по должности и поведенію моему извѣстнымъ противо прочихъ моей собратіи, а особливо имѣя уже всякое обзаводство, страшила меня весьма сія перемѣна; ибо довольно изъ опытовъ предвидѣлъ я, что всѣ по началу учрежденія, вышедшіе въ штатскую службу, были почти несчастливы и рѣдкій оставался спокоенъ. Онъ, замѣтивъ меня во многихъ моихъ должностяхъ опредѣленнымъ и возложенныхъ столько должностей, по дружбѣ своей прибавилъ штатскую должность слѣдующимъ образомъ, намѣреваясь, какъ видно, обольстить меня сею, привлечь, чтобъ я уже и въ службу ихъ согласился. По перенесеніи уже изъ Старой въ Новую крѣпость всѣхъ имуществъ казенныхъ оставалась только одна пограничная таможня съ своимъ имуществомъ не переведенною; писали они изъ Губерніи года три Комисару Хворову, чтобъ онъ, нанивъ подводы, представилъ казну въ Уѣздное Казначейство; но какъ денежной казны довольно было у нихъ расхищено, то оный чинилъ о невозможностяхъ разныя представленія, а къ тому жъ видя и торги тогда бывшіе еще въ совершенствѣ и замѣтя, что пошлинный сборъ простирался каждогодно не болѣе 500, 600, а рѣдко 1000 рублей, что все видно предположа на замѣчаніяхъ, онъ, Олинъ, въ присутствіи Казенной Палаты вошелъ докладомъ; что по необходимости и обстоятельствамъ замѣшанной таможни къ возстановленію во оной упадковъ и приведенію въ порядокъ, по замѣчанію его, достойнымъ находится въ крѣпости Семиполатной гарнизонный Капитанъ Андреевъ, прося о опредѣленіи на сіе уваженіе. Постановя по правиламъ постановленіе, дали Указъ, чтобъ всѣ замѣшанныя дѣла оной таможни привесть въ порядокъ и въ сборѣ пошлинъ учинить приращеніе, приславъ ко мнѣ за Надзирателя Подканцеляриста Гилева; по коему и вступить былъ принужденнымъ Августа съ 15 того 1783 года, и какъ вышли всѣ дѣла на ревидацію опечатаніемъ казенныхъ имуществъ, явилось въ недостаткѣ, оставя говорить о прочихъ обстоятельствахъ

малоѣажныхъ, до 2000 казны, изъ которой отдано мною въ Ямышевъ Капитану Хатину до 3000, а прочія доставлены въ Уѣздное Казначейство, а не найденныя разнообразно прилежностію моею по сей части взысканы и внесены всѣ съ Комисара Хворова и прочихъ, не доводя ихъ до суда, чѣмъ кажется бы совершенно быть можно и довольной Губерніи, что въ короткомъ времени все то исполнено было, что прежде и въ три года не сыскано. Принявся по семъ за торговыя дѣла, сдѣлавъ записныя тетради о промѣнахъ, вымѣнахъ купеческихъ товаровъ, и Ноября къ 1-му собравъ пошлинъ слишкомъ 2000 рублей, внеся въ Уѣздное Казначейство, далъ знать Палатѣ, что тамъ тогда жъ почли за удивительное, но недовольно того, зачали уже отчету требовать и каждомѣсячно, и поелику по новости сего мнѣ еще обработать было не можно, отозвался я, а поступилъ найдалѣе моимъ смотрѣніемъ. Теперь я и скажу, что всякое дѣло требуетъ осторожности. Оставшіеся таможенные служители, какъ остались всѣ прежніе, видя, что всѣ дѣла потекли не по ихъ власти, слѣдовательно, доходы ихъ уменьшась, и вовсе прекращались, ибо все уже шло на вѣрное, плутъ ларешный, который и прежде, расхищая казну разнообразно, укравъ изъ числа собранныхъ въ таможнѣ ассигнацію и многія неистовства дѣлая, съ коими поступать началъ я не по Хворову, садя ихъ подъ стражу, наказывая хлѣбомъ, водою, что показався совершенно несноснымъ и видя кругомъ себя въ воровствѣ, рѣшился, укравъ изъ подъ таможни тетради записныя, бѣжалъ чрезъ пильную мельницу за боръ и въ Барнаулъ, найдя въ нихъ въ свое оправданіе помаранныя и похеренныя мѣста, предсталъ съ доказательствомъ. Что жъ теперь я вамъ скажу? Вы думаете, что видя Губернія таковыя мои распоряженія и приращенія и явное ихъ воровство, и получа мои о семъ рапорты, сдѣлала какое уваженіе? Нѣтъ, не то. Она, принявъ его вздоръ, опредѣлила слѣдствіе, которое двукратно было и продолжалось немало, что видя я, что сущее належаніе по видимости доказателя, коему всѣ законы уже вѣрить не позволяютъ, мучили меня симъ слѣдствіемъ даже до поданія моего къ той Комисіи съ прописаніемъ всѣхъ обстоятельствъ 1784 г., Февраля 5 числа, рапорта, которое уже потомъ, по представленіи всего дѣла съ возраженіями, потихло, и что воспослѣдовало, подисесь не извѣстно. Генералъ же Поручикъ Огаревъ, бу-

дучи о семъ извѣщенъ, весьма гнѣвался на меня, сочтя, что я сіе правленіе принялъ на себя чрезъ мои происки, но въ проѣздъ его сего лѣта въ Устькаменогорскую, по объясненію моему, успокоился, и нашелъ средство отлучить меня отъ сего, и какъ Декабря 8 дня, по сообщенію къ нему отъ Генералъ-Губернатора Якобія, велѣнію избрать знающаго и способнаго человѣка для сочиненія по именному Указу Гисторіи о Киргизъ-Кайсакахъ, то онъ въ сію экспедицію употребя меня, отъ коей я 10 числа Декабря отрѣшился, давъ знать Губерніи, что я откомандированъ въ сходствіе именнаго соизволенія къ исполненію порученной мнѣ Комисіи, оставя таможню Подканцеляристу Надзирателю Гилеву, отбылъ прежде до Устькаменогорской крѣпости, а обратясь отголь, пробылъ для таковыхъ же собраній въ Семиполатной дней 10, поѣхалъ по линіи до Омской, а по разсчетамъ годовымъ собрано всей суммы по новый годъ 4600 слишкомъ рублей; но я совѣстно утверждаю, что ежели бъ сей годовой разсчетъ былъ мною оконченъ, то навѣрное быть могло гораздо превосходнѣе. Проѣхавъ Омскую, былъ я въ Петропавловской крѣпости трои сутки, гдѣ въ первый еще разъ видѣлся съ Генералъ-Майоромъ Николаемъ Савичемъ Федцовымъ, оттоль проѣзжалъ до крѣпости Прѣснотерьковской, и по пути бывъ въ Курганѣ у тестя, гдѣ онъ былъ уже за Солянаго Пристава, и пробывъ у нихъ недѣлю, возвратился въ Омскую, гдѣ, по собраннымъ мною обстоятельствамъ и свѣдѣніямъ, сочиня порядкомъ гисторическимъ и предавъ на разсмотрѣніе Генералу Огареву, который былъ, впрочемъ, хотя добрый человѣкъ, но не свѣдущій ни какого ученія и понятія, представилъ себѣ за излишне, что сочиненіе мое было гисторическимъ правиломъ основано, приказалъ только выбрать къ отношенію ихъ единственно краткіе виды, чѣмъ меня тогда совершенно огорчилъ; то что уже осталось дѣлать приведенному въ замѣшательство? Рѣшился краткими терминами выбрать нѣкоторыя необходимыя свѣдѣнія, и тѣмъ сіе дѣло окончалъ, и въ Февралѣ мѣсяцѣ 1785 г., ему представилъ въ Омскѣ жъ.[3]

Бывшее въ семъ году наводненіе много вреда причинило, такъ что въ Тобольскѣ снесло водою 180 дворовъ, и былъ неурожай хлѣба, и доходило до того, что ѣли мясо (?).

По представленіи 1785 сего описанія, отправленъ былъ обратно въ Семиполатную, гдѣ и находился при должности Инже-

нерской по прежнему. Ноября 27, 28, 29, 30, Декабря 1 и 2 чиселъ, при маломъ восточномъ вѣтрѣ, продолжались такіе жестокіе морозы, что рѣдко старые люди помнили; ибо множество и людей померзло; такъ въ Устькаменогорскомъ Уѣздѣ и Змѣевскомъ рудникѣ замерзло 27 человѣкъ; тоже птицы, сороки, голуби и воробьи померзли; продолжавшаяся дороговизна съ 1783 на хлѣбъ весьма усилилась, такъ что жители здѣшней части имѣли весьма скудное хлѣбомъ пропитаніе; по тому жъ и сѣнами было недостаточно, отъ чего появился великій упадокъ скота. Іюля 24 числа командующій Сибирскимъ курпусомъ, Генералъ-Поручикъ Огаревъ, отбылъ въ Москву по просьбѣ въ домовой отпускъ на годъ съ полнымъ жалованьемъ, препоруча по себѣ командованіе Генералъ-Майору Федцову. Сего лѣта ѣздилъ на Бухтарму Кабинетъ-Министръ Соймоновъ, гдѣ поставленъ бекетъ конныхъ и пѣшихъ 100 человѣкъ при одномъ Офицерѣ, съ коимъ были Колыванскій Губернаторъ Миллеръ и заводовъ Начальникъ Бригадиръ Качка. Августа съ 24 на 25 число, по полуночи, въ 5 часу въ 1 четверти, случилось землетрясеніе, которое продолжалось не болѣе минуты по примѣчанію отъ SO къ NW, и слышенъ былъ самый малый и глухой подземный стукъ, но вреда ни какого не причинило. Генералъ Федцовъ проѣхалъ въ Устькаменогорскую 24 Сентября, а 30 обратился оттоль обратно. Онъ во времени своего командованія имѣлъ намѣреніе привесть линѣйныхъ Казаковъ въ порядокъ, распредѣляя оныхъ совершенно по полкамъ и сотнямъ. 14 числа Сентября въ Тобольскѣ была великая буря, что со многихъ домовъ сорвало крышки, а съ теплаго Собора и Благовѣщенской церкви сломало кресты.

Прежде всякаго 1786 г. происшествія намѣренъ я объявить о случившихся въ годѣ воздушныхъ явленіяхъ и примѣчанія достойныхъ погодъ; такъ Генваря 26 числа, въ ночи въ 11 часу, видимо было небесное явленіе: сперва показался вокругъ мѣсяца бѣлый кругъ, а потомъ въ самомъ мѣсяцѣ красный свѣтлый крестъ и по обѣимъ сторонамъ перемѣняясь изъ бѣлыхъ въ красные столбы и отъ одной по срединѣ вдоль неба красная заря протяженная къ SW вверху и въ исподи маленькіе столбики по тому съ перемѣною, и подъ исподнимъ столбикомъ наклонная дуга цвѣтомъ подобна радугѣ, и подъ однимъ концомъ оной бѣлый столбъ, отъ коего въ отдаленіи весьма ясный полуциркуль, а по другую

сторону столбъ же; которое и премѣняясь въ разные виды, продолжалось по 2 часъ съ полуночи. Февраля 17 и 18 была великая оттепель и дождь, коимъ весь снѣгъ согнало, но на 19 число въ ночь пало снѣгу съ морозомъ и дорогу исправило, а на 24 число сего мѣсяца выпалъ такой великій снѣгъ, что никогда столько не выпадало; Декабря жь съ 23 по 24 число было лунное затмѣніе, которое началось по полуночи во 2 часу во 2 четверти, и продолжалось 2 часа, при самой тихой и ясной погодѣ. Декабря 27 по полудни въ 11 часу слышно было землетрясеніе съ подземнымъ стукомъ весьма глухимъ, которое было двократно, слѣдовало къ NW, но потрясеніе было весьма легкое, такъ что въ рѣдкихъ домахъ сіе примѣчено было. По извѣстіямъ, ко мнѣ дошедшимъ, а сверхъ того увѣрили меня довольно и лично по линіи хорошіе люди, что всѣ случающіяся таковыя землетрясенія нѣкоторыми примѣчены въ Ямышевской крѣпости и въ станцѣ Подстепномъ, а далѣе уже никогда не чувствительно, и самые замѣчательные люди объ ономъ ничего не знаютъ и не утверждаютъ, хотя я и совершенно объ ономъ свѣдать желалъ. Въ семъ годѣ продолжались весьма сильные и долговременные жары. Сентября 11-го пріѣзжалъ въ Семиполатную крѣпость, чрезъ заводъ Локтевскій, Колыванскій Губернаторъ Миллеръ, а Генералъ-Поручикъ Огаревъ изъ Бійской 14 числа, и будучи тутъ, разъѣхались, Губернаторъ 16, а Генералъ Огаревъ 17 числа. Въ Омскъ въ сіе бытіе пріѣзжали къ нему Киргизъ-Кайсацкой Средней Орды Кара Кирей, Наймянской волости Абулфеисъ Салтана сынъ Пупы и два его брата, Агадай и Шамагметъ и при нихъ старшины, Актамъ Берды и Байгара, и прочихъ старшинъ довольно; и простыхъ Киргизовъ человѣкъ до 100, а напослѣдокъ и Адиль Салтана сынъ Сама, Ша-Ніягъ Салтана сынъ Камбаръ, кои отъ него всѣ одарены разными вещами, и отправлены 18 числа. 24 числа сего мѣсяца пріѣхавъ начальникъ Локтевскаго завода Подполковникъ Чулковъ, и 28 отбылъ до форпоста Убинскаго, отколь ѣздилъ за Иртышъ, въ степь Киргизскую, для осмотру рудъ и каменья. Въ достопамятство по благословеніи отъ тетки Угрюмовой сыну моему Петру креста со Святыми мощами, который былъ тонокъ и уже ветхъ, въ Тобольскѣ сдѣланъ крестъ оный гладко подъ чернью, и риза по имѣвшимся въ томъ крестѣ мощамъ написаннымъ образамъ серебряная, дѣлана въ Тобольскѣ

Священникомъ Васильемъ Макарьевымъ. Сего лѣта случилось на торговомъ мѣновномъ дворѣ видѣть страннаго человѣка, коего изъ любопытства моего спрашивалъ и получилъ отвѣтъ: родина сего городъ Аравійскій Медина, имя его Ажи, который былъ въ Меккѣ, гдѣ и посвященъ, грамотѣ весьма на Арабскомъ діалектѣ достаточенъ, отъ роду ему 27 лѣтъ, носилъ на себѣ рубашку стеганную на шерсти, называемую я̆ида, а сверху капенъ не шитый, т. е., саванъ; ибо когда оный и умираетъ, то уже на онаго платья ни какого не надѣваютъ и такъ похороняютъ; онъ шелъ чрезъ Персію въ Бухарію, и былъ въ Самаркандѣ, оттоль въ Коканъ, въ Ташкентъ, въ Туркестанъ, яко во святомъ мѣстѣ у гроба Хазрятъ Султана, въ Аксуѣ, въ Бурутахъ, т. е., въ дикихъ Киргизахъ и по всѣмъ къ полудню лежащимъ и къ Бухаріи принадлежащимъ городамъ, вышедъ къ Киргизъ-Кайсакамъ и ходя по нихъ два года, странствовалъ, ничего своего не имѣя, питаясь малѣйшимъ подаяніемъ, весьма мало говорилъ, и по видимости лица его, представлялся весьма постенъ и умѣренъ. Выѣхавъ изъ степи на мѣновой, имѣвъ 2 быковъ, изъ коихъ тотчасъ одного отдалъ Ахуну Шамураѣ, бывшему изъ города Аксуя, а другого употребилъ въ пищу для общества; уѣхалъ онъ съ купцами, Казанскими Татарами, въ кр. Св. Петра, а оттоль чрезъ Оренбургъ въ Казань, и намѣреніе его было, побывши въ Казани, возвратиться обратно чрезъ Константинополь въ Медину. Декабря 24 числа прибывъ изъ Тобольска посыланный отъ Семиполатнаго баталіона Сержантъ Артемьевъ, привезъ отъ брата Афиногена хрустальной посуды, рюмки, стаканы, кружки, и синія чарки, и кружки Саксонскія довольное число. Годъ сей какъ былъ весьма жаркой, по чему и урожай хлѣба былъ весьма недостаточенъ, и была дороговизна.

Генваря 1 числа 1787 была дѣлана мною изъ разныхъ фонарей иллюминація, и была габвахта иллюминована; 4 числа полученъ Указъ Военной Коллегіи бывшему Коменданту Ильѣ Тимофѣевичу Титову, въ отставку, а на мѣсто его изъ Семиполатинска, го баталіона изъ Подполковниковъ Матвѣй Ивановичъ Генцигъ; онъ прибылъ въ Семиполатную 31 ч. 7 числа Генваря Киргизскіе Салтаны Кошумъ Аблай-Хана сынъ, Агадай Абульфеисовъ съ 40 человѣками ѣздили къ Китайскому Богдохану въ Пекинъ.

Сего года подъ именемъ «Письма одного гражданина къ

вѣрному своему другу» сочинено мною на крѣпость Семипалатную топографическое описаніе, которое здѣсь и вносится:

Письмо одного гражданина къ вѣрному своему другу.

«Нашелъ я средство удовольствовать ваше любопытство, по вашей ко мнѣ благосклонности, начертаніемъ малыхъ строкъ сего изъясненія, расположеннаго, по вашему желанію, не сомнѣваясь, впрочемъ, что вы довольное о всемъ свѣдѣніе, имѣете но мѣстное мое здѣсь пребываніе въ разсужденіи здѣшняго климата, думаю, нѣчто вы изъ повѣствованій моихъ найти можете иногда полезное. Не поскучте, пожалуйте, симъ моимъ откровеніемъ; ибо вы знаете, что не столько я искусенъ въ Исторіи, а особливо въ Минералогіи и физическихъ замѣчаніяхъ и познаніяхъ, а пишу къ вамъ по дружески, какъ возможно просто, надѣясь совершенно, что вы, по благоразумію своему, что иногда найдете недостаточнаго, взыскать съ меня не можете, а сдѣлаете въ томъ дополненіе сами. Сколько свѣдѣніе мое постигаетъ, то въ срединѣ XV вѣка послѣ Рождества Христова и во время въ Россіи царствованія Государя Царя и Великаго Князя Іоанна Васильевича Грознаго, извѣстно вамъ довольно изъ Россійской Исторіи и лѣтописей, по учинившимся отъ Донскихъ Казаковъ бунтамъ и которые разбойничали по Волгѣ и въ Астрахани, наводя многія безпокойства, ко усмиренію коихъ посланы были съ Москвы войска; оттоль бѣжалъ одинъ Атаманъ, Ермолай Тимофѣевъ, съ нѣсколькими тысячами людей, и какъ оному не было гдѣ въ Россіи укрыться отъ гнѣва Государева, рѣшился обратить походъ свой въ древній Гиперборей, гдѣ, завоевавъ въ 1585 г., Сибирское царство, побѣдивъ Хана Кучума, взявъ у него столичный городъ Искеръ, принеся повинную Государю и получа прощеніе, положилъ основаніе Сибири, гдѣ мы нынѣ счастливо и пребываемъ, о которой говорить считаю выше силъ моихъ, а о мѣстномъ моемъ пребываніи изъясню вамъ ниже слѣдующимъ.

Страна сія, Азія, именовалась изъ древности Гипербореемъ, а потомъ Восточною и Великою Тартаріею, а нынѣ называется просто Сибирь. Мѣстное мое пребываніе есть полуденной страны въ части принадлежащаго прежде владѣнію Зюнгорскому, при великой рѣкѣ Иртышѣ, которая теченіе свое имѣетъ отъ древнихъ Хинцовъ или Китайскаго Государства чрезъ великое озеро Норъ-

Зайсанѣ, и пресѣкаетъ въ 49° сѣверной ширины камень горъ Алтайскихъ, при устьѣ коихъ, въ царствованіе Великаго Государя Императора Петра Перваго, въ 1721 г., построена крѣпость Усть-каменогорская въ сѣверъ, къ столичному бывшему городу въ Сибири Искеру, коего не доѣзжая отъ Тобольска къ Абалаку 3 верстъ на высокомъ холмѣ, обнесенный тремя валами остатокъ виденъ; онъ лежитъ отъ Тобольска въ 24 верстахъ подъ 58° сѣв. шир.; впадаетъ устьемъ въ великую рѣку Обь, ниже онаго въ 500 верстъ, рѣка же Обь теченіе свое ведя вершинами изъ Алтайскаго камня, соединенными двумя рѣками, Біею и Катунею, впадаетъ въ Ледовитое море; рѣка жъ Иртышъ открывается льдомъ весною обыкновенно не позже Апрѣля 10, а покрывается не ранѣе 15 Ноября. Нынѣ же въ Сибири, по взятіи и по совершенномъ покореніи обитающихъ народовъ, столицею Сибири городъ Тобольскъ, коему имя придано по впадающей рѣкѣ Тоболу подъ самымъ городомъ.

Мѣсто обитанія моего крѣпость Семиполатная, которая, по заведеніи Иртышской линіи, построена была въ 1718 г., по правую сторону р. Иртыша, на весьма низкомъ и горами песчаными поросшемъ сосновымъ лѣсомъ окруженномъ мѣстѣ, закрыта отъ р. Иртыша многими островами и лѣсомъ, что и примѣчается, что по обыкновенію ль тогдашнихъ временъ, или же обстоятельствъ каковыхъ, въ случаѣ заведенія линіи для укрывательства отъ народовъ, лежащихъ къ полудню, какъ-то Зюнгорцевъ и Казачей Орды, что нынѣ Киргизъ-Кайсаки; чтобъ оныя дали свободное время на ихъ построеніе; ибо вся линія въ такихъ мѣстахъ расположена была, и управляема была сначала воинскими чиновниками стоящихъ въ ней войскъ, а съ 1772 г. Комендантомъ Полковничья чина, и тако, существовавъ оная по 1776 г., сорокъ два года, воспріяла перемѣну, какъ видно изъ обстоятельствъ, какъ оная лежала на весьма низкомъ и кругомъ болотистомъ мѣстѣ, отъ чего усиливались въ людяхъ многія и неизлѣчимыя болѣзни, а сверхъ того въ бытность въ Сибири у командованія корпусомъ и линіями Генералъ-Поручикомъ Шпрингеромъ назначена съ 1764 г. къ перестроенію, а начата уже перестройка и заложена 1776 г., Мая 18 вверхъ по Иртышу, въ 16 верстахъ, на мѣстѣ, гдѣ находились семь Чудскихъ полатъ, о которыхъ въ Сибирскомъ лѣтописцѣ значитъ, что посыланный изъ Тобольска въ

Китай Сынъ Боярскій Байковъ въ 1654 г., въ своемъ путешествіи написалъ, что жилъ въ нихъ одинъ Калмыцкій Лама, и почитали ихъ за монастырь, который имѣлъ при себѣ Бухарцевъ, кои пахали пашню и сѣяли пшеницу, ячмень, просо и горохъ; въ сихъ же полатахъ въ сіи времена найдены были разныя письма, писанныя на черной лощеной бумагѣ золотыми литерами, которыя были отъ Государя Императора Петра Виликаго посланы для перевода къ славному тогда бывшему Французскому переводчику Флормонту, и оказались яко бы языка древняго Манжурскаго, но во времена Государыни Анны Іоанновны выправлены оныя Россійскими обучившимися въ Пекинѣ переводчиками, что они были Тангутскаго языка.

1778 г. заведена полумаякъ казенная пильная и мучная мельница. Въ 1798 г. велѣно построить нижній Казачій форштадтъ, а равно перенести слободку въ верхній форштадтъ; 1784 г. заселена деревня Стеклянская, 1804 г. упраздненъ городъ и переведенъ въ крѣпость Бійскую. *

Заложена на высокой горѣ, коя высотою отъ горизонта воды 7° и 5' футъ, по правую сторону теченія рѣки Иртыша крѣпость четвереугольная съ вытянутыми бастіонами, полигонъ оной внутренняго заложенія 200 саженъ, укрѣплена по регулѣ фортификаціи рвомъ и брустверомъ, выкладеннымъ дерномъ, а напослѣдокъ нѣкоторыя нужныя мѣста и дикимъ камнемъ; окружается съ востока луговымъ мѣстомъ, которое отстоитъ отъ крѣпости на 8 верстъ къ рѣкѣ Иртышу, нѣкоторыми островами и займищами и пресѣкающими изъ оной нѣсколько протоками, съ полудня рѣка Иртышъ и за онымъ степь Киргизъ-Кайсаковъ, чистое и открытое мѣсто, по которой въ виду отъ города ни какого лѣсу не видно, какъ только къ сторонѣ SW прилежатъ каменныя горы Семейтау, отстоянія до оныхъ 40 верстъ; съ западной ровное и чистое мѣсто на три версты до урочища Спуска или же и Малаго Борка, гдѣ съ сей горы спускъ на низкое луговое мѣсто; къ сѣверу прилежитъ сосновый боръ, отстоитъ въ 5, 6 и 7 верстахъ, въ виду крѣпости, называемой Шульбинской, который начало свое имѣетъ вверхъ по р. Иртышу, въ 80 верстахъ отъ рѣч-

* Отъ словъ: «1778 г. заведена» до слова: «Бійскую,» позднѣйшая вставка на полѣ.

ки Шульбинки, впадающей съ правой стороны въ р. Иртышъ, при устьѣ которой и на линѣйной дорогѣ сначала заведенія линіи бывалъ заводъ Шульбинскій, заведенный извѣстнымъ въ Россіи заводчикомъ горныхъ дѣлъ, Акинфіемъ Демидовымъ, который также заводилъ и Колыванскіе горные заводы, а потомъ поступилъ въ казенное вѣдомство; но сей заводъ уже лѣтъ съ 30 какъ совсѣмъ упраздненъ, а нынѣ въ ономъ видны нѣкоторые слѣды рва и вала, и въ плотинѣ кладовыхъ, выкладенныхъ изъ дикаго камня и два двора, въ коихъ присмотрщики лѣсовые жительствуютъ; ибо сіи лѣса принадлежатъ вѣдомству горныхъ заводовъ, продолжаются жъ лѣса сіи внизъ по рѣкѣ Иртышу даже до крѣпости Ямышевской, извѣстной по соляному озеру Ямышу.

По наблюденію Г. Гришова крѣпость Семиполатная подъ 50° и 34 мин. сѣверной широты, разстояніе отъ престольнаго града С.-Петербурга 3595 в. 197 саженъ, отъ смежныхъ Тобольскаго Намѣстничества, отъ города Омска Иртышскою линіею чрезъ крѣпости Железинскую я Ямышевскую, 690 в. 3 саж., Колыванской Губерніи по Колыванской линіи до города и крѣпости Бійской, чрезъ крѣпость Устькаменогорскую, 591 в. 197 саж. Открыта сія крѣпость городомъ, по назначеніи Колыванскаго Губернатора Миллера, 1783 г., Октября 19 ч. Внутренняго во оной строенія: церковь каменная во имя Знаменія Богоматери съ двумя придѣлами, по правую Святыхъ Антонія и Ѳеодосія, по лѣвую великомученика Георгія, домовъ въ оной казенныхъ для гарнизона достаточно, а равно и партикулярныхъ по большей части воинскихъ чиновъ до 175, колодцевъ водяныхъ 19, жителей, въ разсужденіи неравнаго состоянія воинскихъ командъ, опредѣлить не можно, но обоего пола считается до 900 душъ; жители же города, какъ по большей части военные, торговъ, ремеслъ особливыхъ, тожъ фабрикъ и заводовъ, ни какихъ не имѣютъ, чѣмъ бы было имѣть пропитаніе, и ярманочнаго торга ни въ которое время года не бываетъ, а состоитъ торгъ при семъ городѣ при учрежденной пограничной таможнѣ, который производится во мѣновной слободкѣ, съ 400 саж. отъ крѣпости построенной, съ выходящими Ташкенцами, Бухарцами, а иногда выходятъ караванами изъ городовъ Китайскаго владѣнія, какъ то Аксуя, Кашкара и проч., и съ Киргизъ-Кайсаками, съ Россійской же стороны купечество пріѣзжаютъ разныхъ городовъ, а особливо изъ Казани,

Тобольска, Тюмени, Тары, Курска и Оренбурга, и съ Россійской товары отпускаются: сахаръ, выдры и бобры Нѣмецкіе, кожи красныя и черныя, сукна, маржанъ, канцелярское сѣмя, жемчугъ, золото въ литрахъ, и многіе шелковые и ситцевые товары, воскъ, оловянная посуда и мѣдная, и всякой мелочи, желѣзные котлы, таганы, капканы, чоты, ножи, топоры, чугунныя чаши, и прочее; напротивъ того получаются отъ Ташкинцевъ и Бухарцевъ разныя шелковыя матеріи, какъ-то: ленты (?), канфы, фанзы, парчицы, бархаты, лянзы, канчи, бумажныя выбойки, бязи, дабы, занавѣски, разные халаты, бумага пряденая и хлопчатая, табакъ, пшено Сарачинское, ягоды урюкъ, кишмышъ, звѣри: барсы, юлбарсы, медвѣди, волки, лисицы, куницы, зайцы, какъ бѣлые, такъ и степные сѣрые, степныя кошки; и отъ Киргизцовъ: лошади, рогатый скотъ, армяки, мерлушки, овчины, бараны, козлы и разный звѣрь: волки, лисицы, зайцы, и простирается не менѣе сей торгъ 300,000 рублей. Отвозятся сіи товары въ разные города, но по большей части въ Ирбитскую и Макарьевскую ярмонки, тожъ вымѣнной отъ Киргизцевъ скотъ продается большими партіями пріѣзжающимъ Саратовскимъ, Курскимъ и Екатеринбургскимъ купцамъ, а Тобольскіе за избыткомъ отгоняютъ своими работными людьми, жители жъ для пропитанія своего ни какихъ издѣліевъ не имѣютъ, кромѣ малой части варенія мыла и выдѣлки кожъ, а довольствуются въ разсужденіи климата скотоводствомъ, хлѣбъ и прочіе харчевые припасы получаютъ покупкою привозной съ р. Бурлы, изъ деревень верстъ за 300 съ р. Оби, возятъ оный за 400 и 500 верстъ, а изъ вѣдомства Усть-каменогорскаго за 100 и болѣе, покупается четверть оржаной муки не менѣе 3 рублей, пшеничная по 60 и по 70 к., крупъ яшныхъ четверть по 5 р., также привозится просо, горохъ, сѣмя конопляное, и продается отъ 40 до 60 коп. пудъ. Но что касается до земледѣлія въ ближайшемъ разстояніи сѣется малымъ количествомъ пшеница, овесъ, ячмень, просо, горохъ, конопля, льны, озимовая пшеница и рожь, но въ разсужденіи песчаныхъ и солонцоватыхъ земель и великихъ жаровъ, не имѣя никогда благовременныхъ росъ и дождей, урожай бываетъ весьма недостаточенъ, о чемъ стараясь домоводцы начинаютъ уже пашни свои сдабривать по образу здѣшнихъ древнихъ жителей, окапывать рвами, дѣлать плотины и пускать воду, напослѣдокъ видя, какъ

кажется, сіи затѣйливыя упражненія съ таковыми трудами, не приносящими избытковъ за свое трудолюбіе, рѣшились, при заведенной ниже крѣпости Семиполатной Стеклянской деревни, крестьянами отысканной за боромъ въ отстояніи 30 верстномъ при урочищѣ Бель Агачѣ, на чистомъ онаго увалѣ разводить свои пашни съ довольнымъ избыткомъ, что видя и въ крѣпости Семиполатной многіе рѣшились сію тамъ пашню разводить и время отъ времени такъ оная по вольности и удобности земли распространилась, что многіе чиновники изъ гарнизона отставные, купечество, мѣщанство, Казаки, многіе Татары, даже и Киргизъ-Кайсаки изъ числа вѣрноподданныхъ, застроя многія для спокойствія покои и дворы выстроивши, обзавелись своими пашнями и урожаемъ разныхъ хлѣбовъ, а особливо разныхъ родовъ пшеницы до такой степени доведено, что въ 1819 г. однимъ богатымъ купцомъ накуплено было нѣсколько тысячъ пудовъ, какъ видно, для отправленія на судахъ по эху, что въ части сей былъ великій неурожай въ хлѣбѣ по 1 руб. вещей (?) пудъ въ годъ срока, а на наличныя деньги по 85 и по 70 к. пудъ, а сверхъ сего сколько оной вывозится за границу изъ всѣхъ мѣстъ Киргизъ-Кайсакомъ, а по сему и причесть можно сію часть благословеніемъ Божіимъ; * а также старался нѣкто о разведеніи пшена Сарачинскаго посѣвомъ, но случающіеся въ здѣшнемъ климатѣ въ Іюлѣ мѣсяцѣ великіе по ночамъ инеи приходить оной въ зрѣлость препятствуютъ, а также пропадаетъ отъ сего и гречуха. Не умолчу жъ внесть для примѣчанія и сего, что пшену Сарачинскому здѣсь мало времени, какъ оному обыкновенно должно имѣть растеніе до зрѣлости шестимѣсячное, а въ здѣшнемъ климатѣ времени плодамъ есть, полагая ранній годъ Апрѣля съ 15 Сентября по 15, а по тому недостаточно, и великіе уже приходятъ холоды, по чему не успѣваетъ. Въ прочемъ же, что принадлежитъ еще ко описанію сему и свѣдѣнію по частямъ, при семъ описано:

---

* Отъ словъ: «напослѣдокъ, видя, какъ кажется, сіи затѣйливыя упражненія» до словъ «благословеніемъ Божіимъ» позднѣйшая вставка; тутъ же прибавлено: «По повелѣнію Главнокомандующаго Генерала Скалона заведена при оной крѣпости и выше отъ станца Озернаго, а отъ крѣпости Семиполатной въ 25 верстахъ, казенная мельница, и лѣса къ оной отведены въ 1779 году отъ Кабинета на 10 верстное въ боръ разстояніе, выше онаго полумаяка въ 6 верстахъ, продолжающіеся внизъ до станца Глуховскаго.»

земля большею частію поверхностію песчаная на грунтѣ камня шифернаго, и около бору при мокрыхъ мѣстахъ, называемыхъ сограхъ, черная, но смѣшанная съ пескомъ же и солонцами; по степямъ же великая часть земель солонцоватыхъ и ни къ каковому употребленію неспособныхъ; въ лугахъ и займищахъ и островахъ голешники, смѣшанные съ песками, но рѣдко частію глинистая и иловатая, на коихъ бываютъ сѣнокосы, весьма бы оные употребить можно было подъ хлѣбопашество, ежели бъ было ихъ довольно. Каменья, какъ ивесь грунтъ въ окружности, шифернаго, а по тому жъ и многіе по рѣкѣ голешники, и булыжникъ, и голыши, а также во множествѣ хрящеватыхъ и хрупкихъ (?), кои употреблять можно на жернова, между прочими хотя и находится точильной, но весьма твердый, не весьма удобный, который помощію перекаленія въ огнѣ употреблять на сіе можно; аспидной камень отъ рѣчки Шульбинки вверхъ по р. Иртышу во множествѣ, который на разныя подѣлки достаютъ весьма способно и дѣлаютъ изъ него столешницы и для надгробныхъ надписей, и доски для употребленія Ареѳметическаго; извѣстной весьма крѣпкій съ поростьми кварцовыми родъ совершенный сѣраго мрамора находится въ 90 верстахъ внизъ по рѣкѣ Иртышу, на правой сторонѣ рѣки Иртыша, между станцами Черемуховой Забоки и Грачевскимъ, изъ коего выжигается известь весьма трудно, а также и достаютъ оный изъ горы буреніемъ и рвутъ порохомъ, которая доставляется внизъ по р. Иртышу въ крѣпость Омскую на построенныхъ баркахъ къ казенному употребленію, а равно въ крѣпости Ямышевскую и Желѣзинскую; бѣлой камень мягкій изъ рода бѣлой отвердѣлой глины, изъ котораго свободно можно выдѣлывать инструментами всякія вещи, карнизную и штукатурную работу, лежитъ въ горѣ прямо станца Бѣлаго Камня въ 5 верстахъ, а доставать можно изъ горы глыбами по изволенію; левкасъ по большей части собирается во множествѣ подъ сыпучими ярами возлѣ р. Иртыша, который пережигается и составляетъ алебастръ для работъ штукатурныхъ, доставляется внизъ по рѣкѣ на судахъ даже и въ Тобольскъ; о прозрачныхъ же каменьяхъ я здѣсь умолчу; ибо оныя въ какихъ мѣстахъ находятся, въ сочиненной мною исторіи на Киргизъ-Кайсаковъ описаны; но сказать также надобно, что находится, хотя не такъ много, но довольно, яшмы красной и зеленой и изъ рода

порфировъ разноцвѣтныхъ, каковыя точно обработываются на казенныхъ въ заводѣ Локтевскомъ фабрикахъ, а по тому жъ трепелъ выше Озернаю станца въ горѣ; глины бѣлая во множесівѣ въ лежащихъ по р. Иртышу въ ярахъ, употребляется на бѣленіе, красная, фіолетовая, желтая вохра также находится въ ярахъ и горахъ во множествѣ; сѣрая горшечная, изъ которой выдѣлываются горшки, кирпичи и черепица, изъ коихъ найлучшая синеватая, въ форп. Шульбинскомъ; синяя находится въ бору и лежитъ подъ сыпучимъ пескомъ глубиною 9 футъ, изъ коей ежели сдѣланъ будетъ какой сосудъ, выходитъ весьма, по клейкости ея, чистъ, но какъ по обыкновенію будетъ обваренъ, дастъ бѣлый весьма цвѣтъ съ черными пятнами, весьма видомъ изрядный, но, напротивъ, того когда налитъ будетъ водою, нѣсколько постоявъ, развалится и составитъ мягкую глину первобытнаго своего существа. Воды: въ рѣкѣ Иртышѣ бѣлая, и какъ оная теченіе свое имѣетъ по большей части по камню быстрое, чистая и здоровая, и всегда холодна; въ колодцахъ чистыя ключевыя и весьма холодныя, но минеральныя къ варенію жестокія и упругія; ключи, коихъ во множествѣ истекаетъ изъ подъ бору, изъ многихъ составляются небольшія рѣчки равнаго съ колодцами свойства, изъ числа коихъ въ 2 верстахъ отъ города по текущей рѣчкѣ на чистомъ пескѣ временно выбрасываетъ песокъ съ водою на подобіе фонтановъ и никогда не потихаютъ; въ лежащихъ небольшихъ озерахъ воды по большей части ключевыя и кои грунтъ содержатъ каменистый; отъ крѣпости Старосемиполатной внизъ въ 2 верстахъ находится ключъ, текущій изъ горы изъ самого бору, весьма достоинъ примѣчанія; ибо оный вытекаетъ какъ изъ печи и льется во множествѣ, такъ что составляется отъ него рѣчка, въ коемъ вода всегда чиста и прозрачна, временемъ выходитъ въ сіе жерло рыба и показався обращается во внутренность же онаго, глубина великая, и чтобъ туда какой тягости опущено ни было, стремленіемъ текущей изъ него воды выбрасываетъ вонъ, по чему оный и прозванъ пречуднымъ источникомъ. Въ предѣлахъ сихъ находятся лѣса: сосновый Шульбинскаго бору, употребляется на разныя домовыя строенія и постройку судовъ и барокъ, кои ходятъ внизъ по р. Иртышу; коренья онаго употребляются на плетеніе разныхъ издѣліевъ, высиживается смола и шишки въ Мартѣ мѣсяцѣ соби-

раются въ аптеку; березовой, коего весьма недостаточно; осина посредственно; ветла, тополь, осокарь островныя деревья, употребляются какъ на домовое строеніе, лодки, дрова, а ветлу, по чистотѣ ея, употребляютъ по нуждѣ и для рѣзной работы; тальникъ рѣчной и черноталъ употребляются на обручи, вязья и загородки; черемуховое, коего достаточно, приноситъ ягодъ довольно, но временно, а обыкновенно чрезъ два въ третій годъ, употребляется въ пищу, кою высушиваютъ и дѣлаютъ изъ нея муку; калиновое приноситъ ягоды, употребительныя къ пищѣ; бузина, сіе дерево во многія и различныя пригодно лѣкарства, кто знаетъ силу свойства его; терновое колючее съ иглами; крушина великое множество приноситъ ягодъ, но не употребительныхъ; шиповое, коего цвѣтъ употребляется для двоенія воды, называемой розовою; также по степямъ, особливо за боромъ, черный шиповникъ, имѣющій ягоды черныя, а не такъ какъ обыкновенный, имѣющій красныя; ягоды довольно употребительны для полевой птицы; малиновое весьма мало; смородиное черное: ягоды сего употребляютъ на вареніе конфектовъ и дѣлается пріятный напитокъ; жимолостное приноситъ изрядный цвѣтъ и ягоды, но не употребительны; боярышня приноситъ ягоды полевой птицѣ въ пищу; таволожникъ употребляется на трости и птичьи клѣтки; вересовое, растущее по каменнымъ горамъ, приноситъ ягоды, употребительныя на двоеніе водки, а дерево и хвои для куренія въ покояхъ и копченія мяса; гороховникъ весьма издаетъ пріятный видъ, когда цвѣтетъ; ибо оный цвѣтъ весьма густъ и бываетъ разныхъ цвѣтовъ, алый, бѣлый, но большею частію желтый, много стручья и мелкій горохъ, но многія хозяева погрѣшаютъ, что не имѣютъ знанія сбирать его для продовольствія въ зиму голубей и прочей птицы. Что принадлежитъ до овощей, употребляющихся въ пищу и растущихъ въ огородахъ, сіи суть: арбузы, дыни, огурцы во множествѣ, коими снабжаются отвозомъ и другія мѣста, морковь, брюква, свекла, рѣпа, бастарнакъ, петрушка, сельдерей, разные горохи, бобы, какъ Русскіе и Турецкіе, лукъ рѣпчатой, сѣянецъ, чеснокъ, мята, шалфей, зоря, макъ махровый и простой табакъ Вергинскій и простой; цвѣты: рожи, васильки, шапочки, ноготки, бархатцы, бальзамины, астры, фіалы, камвоилiусъ и проч., имѣютъ произрастеніе; ягоды: клубника, костеника, ежевика, смородина чер-

ная, черемуха, боярышня, жимолостныя, шиповныя, калина, крушина и бузина; земляныя жъ растенія: грибы бѣлые, березовики, красные, осинники въ бору, масляники и рыжики, грибы на островахъ, по тому жь грузды, но весьма бываютъ сухи и горьки, требуютъ многаго моченія, шанпиньоны; хмѣль растетъ по займищамъ и островамъ во множествѣ; ибо рождается года черезъ два и три, въ урожайный годъ продается не болѣе 40 и 50 коп. пудъ, а иногда и по рублю; полевыя травы: степныя мѣста покрыты кипцомъ и острецомъ, солонцеватыя, песчаныя и хрящеватыя острецомъ и малою полынкой, а луговыя низкія мѣста, кои приносятъ сѣнокосы, пырей, черноголовникъ, бѣлоголовникъ, крестовникъ, девясильникъ, шелковникъ, а при мокрыхъ и низкихъ мѣстахъ кундракъ и осока, дикія конопли, лебеда, полынь, хвощь, крапива, молосникъ, одоленъ, вѣтреница одномѣсячная, стародубка, боровой чай, чертополохъ, звѣробой луговый и каменный, дикій шалфей, душица, подорожникъ, вѣтреница, горлянка, богородская, перелой, воробьево сѣмя, папоротникъ, брунецъ двухъ родовъ, воронецъ, плакунъ и при рѣкахъ иръ и камышъ, и прочія неизвѣстныя травы, коихъ употребленіе и пользы описывать какъ много и не мое дѣло, а ботаническое, оставляю. Теперь сказавъ я, сколько зналъ, о растеніяхъ, приступаю объясниться о животныхъ и насѣкомыхъ, о звѣряхъ: маралы въ маломъ количествѣ въ борахъ, козлы дикіе и бѣлка, называемая телеутка, самая найлучшая во всей Сибири, промышляется по борамъ ружейною стрѣльбою и продается противъ прочей бѣлки весьма дороже; сайги по степямъ, кабаны по озерамъ и камышамъ; волки, лисицы, зайцы, барсуки, тарбазаны; домовыя же: лошади, быки, коровы, овцы, козлы, свиньи разныхъ родовъ собаки и кошки; полевыя птицы: лебеди, гуси, стерхи, журавли, аисты, драхвы или дудаки, утки разныхъ родовъ, глухари, тетеревы, бѣлыя куропатки, куропатки сѣрыя, трепеты, ястребы, чеглоки, мышеловъ, орлы, коршуны, вороны, сороки, галки, степныя зеленыя воронки, ласточки, стрижки, воробьи, жаворонки, синички, пиголицы, пѣтушки, горленки, кулики большіе и малые, бекасы, авдошки, желны, дятла, ремезы, щеглы, соловьи, иволги, скворцы черные, розовые, полуночники, водяные воробьи, жуланы, зимушки, овсянки, мяснички, кокушки, фыпы, бакланы, нетопыри; домовыя: гуси, утки, индѣйки,

куры, павлины и голуби. Рыбы: осетры, стерляди, таймени, нельма, щука, язи, окуни, подъязки, сороги, плотва, ерши, ельцы, налимы, караси, лени, пескозобы. Гады и насѣкомыя находятся: змѣи черныя и сѣрыя, ужи большіе и малые, кои дѣтей выводятъ изъ яицъ, ящерицы черныя, сѣрыя, желтыя и зеленыя, лягушки тихія сѣрыя, зеленыя, водяныя бѣлыя и земляныя черныя, тарантулы большіе и малые, о вредѣ коихъ физики довольно испытали, но въ здѣшнихъ мѣстахъ вреда отъ нихъ не бываетъ; плодъ приносятъ въ яйцѣ, кой за собою, какъ наниткѣ, волочатъ, и выходитъ изъ него невѣроятное множество, и поколь они малы, всѣхъ ихъ носитъ на себѣ; ибо на ономъ, какъ на корпусѣ и ногахъ, сидитъ ихъ великое множество, а когда уже выросши помѣщаться имъ будетъ не можно, съ него сходятъ; слѣпни, пауты, строки, комары, мошка, кобылки разныхъ родовъ, букашки красныя, и черныя, и пестрыя, стрѣлки, бунчаки ночные, бабочки или метляки, земляные черви, мизгири, мухи, тараканы желтые многоплодные, сверчки, блохи, клопы, осы и шершни, коихъ всѣхъ описать никто, думаю, не осмѣлится, а довольно намъ извѣстныхъ и видимыхъ безъ дальняго затрудненія микроскоповъ. За всѣмъ симъ полагаю примѣчаніе въ разсужденіи климата бывающимъ иногда непогодамъ и приключившимся чрезвычайностямъ воздушнымъ: вѣтры бываютъ жестокіе и продолжительные, по большей части отъ SW, при коихъ бываютъ обыкновенно ненастные дожди, но сіе случается рѣдко; ибо великіе жары лѣтомъ приносятъ великіе громы и грады, а особливо въ Іюлѣ мѣсяцѣ ночи холодныя, но мало росы; случаются также и землетрясенія, а иногда съ подземнымъ стукомъ, кои по годамъ и числамъ въ сочиненіи семъ описаны. Болѣзни по большей части весною и осенью, лихорадки жестокія и продолжительныя, отъ которой опухоли и водяныя приключаются, горячки гнилыя съ поносами, иногда кровавыми, чесотки, судороги и вѣтреная, называемая Сибирская язва, которыя всѣ господами медицинскими чинами по времени вылѣчиваются. И такъ, окончавъ сіе, не наскучилъ ли вамъ, описывая всякой вздоръ и вами свѣдомый? Но потщусь впредь быть воздержнѣе.

Генваря 19 числа случай додалъ быть въ форпостѣ Шульбинскомъ и видѣть Ахимбетъ Кирейской волости Старшины Науыркула Умирова мачиху, на которой халатъ тканый парчевый

золотомъ Персидской парчи, опушонъ кругомъ широко Камчатскимъ бобромъ; по объявленію ихъ, достался мужу ея Умиру, отъ Калмыцкаго Князя Амурсаная, выбѣжавшаго въ 1756 году, по причиненіи на Китайской границѣ великихъ безпокойствъ въ крѣпость Семиполатную, отколь препровожденъ въ Тобольскъ (Князь Амурсанай, будучи въ Тобольскѣ, умеръ, и по настоянію Китайскаго Трибунала, тѣло его, облитое воскомъ, балзамированное, отвезено въ Кяхту, но имъ не отдано, а погребено на границѣ, на высокой сопкѣ); ибо онъ имъ, Умиромъ, былъ укрытъ отъ Китайскихъ войскъ, кои, дошедъ до Семиполатной, и по объявленіи имъ, что его нѣтъ, они три недѣли стояли на острову, искавъ не точію сухимъ путемъ, но даже и по рѣкѣ Иртышу, въ чаяніи томъ, что онъ утонулъ; а напослѣдокъ и всѣ Зенгерскіе Калмыки въ 1759 воду вышли въ Россійское подданство съ ихъ Княземъ. Родъ же Умирова, не Старшинскій, а изъ простыхъ Киргизцовъ, а Старшинское достоинство получилъ со времени укрытія Князя Амурсаная отъ Россійскихъ начальниковъ. Марта 24 числа получено изъ Ирбити привезеннаго Казанскимъ Татариномъ Фейзуллою гранитуру 25 арш. по 1 р. 25 коп. аршинъ; ложка разливная серебрянная и 6 столовыхъ 161 золотникъ по 22 к., подносъ и 6 чарокъ 88½ золот. по 23 коп. Мая 1 числа отбылъ къ зятю своему въ Троицкую крѣпость, къ Майору Демидову, бывшій Комендантъ, Полковникъ Титовъ; онъ былъ предобрый человѣкъ, лѣтъ 70, напослѣдокъ былъ слѣпъ и умеръ въ 1790 году въ Троицкой крѣпости.

Іюня 9-го командированъ будучи до крѣпости Устькаменогорской, для измѣренія вѣрнѣйшаго дороги, куда ѣхавши по инструменту снималъ во всѣхъ мѣстахъ ситуацію, и прибывъ въ Устькаменогорскую, сочинилъ отъ мѣста до мѣста спеціальные планы, а между тѣмъ прибыли съ Бухтармы Князь Комендантъ Еристовъ и вояжиръ Двора Его Императорскаго Величества, Камеръ-Юнкеръ Андрей Андреевичъ Мантейфель; онъ былъ въ Кяхтѣ, на Китайской границѣ, въ Албазинѣ и по рѣкѣ Амуру, а въ здѣшнемъ краю по всѣмъ заводамъ горнымъ и даже до Норъ-Зайсана, обратясь въ Устькаменогорскую, гдѣ со мною обошелся весьма благосклонно, и доставлены ему отъ меня планы спеціальные, топографическое описаніе и Гисторія на Киргизъ-Кайсаковъ. И отколь въ Семиполатную прибыли рѣкою Иртышемъ

на лодкахъ. 27-го числа была великая буря съ громомъ и молніею, которою много повредило строеній и отвалило бруствера крѣпости на 28 саж. 28-го числа послѣ полудни Графъ поплылъ рѣкою Иртышемъ на лодкѣ, который писалъ ко мнѣ уже изъ Перми о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ. Въ 27-й день Іюня, въ бывшемъ въ Барнаулѣ пожарѣ сгорѣло множество домовъ и Казенная Палата. Сентября 5-го отправлены въ Киргизскую степь Унтеръ-Штейгеръ Алексѣй Литвиновъ съ Бухарцемъ Аширомъ Зарыповымъ вѣрноподданнымъ, гдѣ нашли въ 50 верстахъ, на старинныхъ Калмыцкихъ копяхъ, въ горѣ Аркалыкѣ, серебряную и свинцовую руду, гдѣ находили выгарки, слѣдовательно, оныя тутъ и плавили. Октября 2-го дня было слѣдующее небесное явленіе: съ утра облачное небо и небольшой непостоянный вѣтръ, а потомъ во весь день ясно и тихо, но по полудни въ 7 часу въ сѣверной сторонѣ съ горизонта отъ млечнаго пути багровое небо отдѣляясь въ три части съ бѣлыми по немъ полосами, средняя часть повыше; бѣлые столбы теченіе имѣли къ западу и проходили, отдѣляясь, скоро одинъ отъ другого, семь звѣздъ, называемыя лосемъ, который стоялъ выше сего явленія, и потомъ краснымъ заревомъ отходило къ Западу, къ самому горизонту и продолжалось во всю ночь, такъ что и при восхожденіи солнца знаки сего видимы были. Ноября 12-го былъ я въ форпостѣ Убинскомъ инкогнитомъ, гдѣ Дусанъ Салтанъ съ партіею своею до 200 человѣкъ казнили Савапъ-Кирейской волости трехъ Киргизовъ за смертное убивство, что описано въ Гисторіи Киргизской обстоятельно. 21-го Ноября, послѣ умѣренныхъ морозовъ, великій туманъ, но напослѣдокъ усмотрѣно, что весь снѣгъ покрытъ былъ чернотою, равно какъ бы изъ трубы сажею, черною пылью, что видя, приступя къ разсмотрѣнію, выйдя за крѣпость и обшедъ довольное пространство чистаго поля, заприметилъ, что весь снѣгъ покрытъ былъ таковою черною пылью, и по освѣщеніи въ полдни солнечномъ свѣтилъ, какъ бы камедью былъ облитъ, по чему, взявъ фарфоровую чашку, началъ сбирать сію черную пѣнку, коя на подобіе яишной скорлупы лежала на снѣгу и поднималась; набравъ тую полну, принеся въ покой, растаялъ, изъ чего вышло вода густая желтоватая, имѣющая весьма смрадный и гнилой запахъ, по слитіи которой осталась на днѣ чашки густота на подобіе

желтоватой глины, въ коей блестящія видны были маленькія на подобіе золота частицы со смраднымъ духомъ. Любопытствуя о семъ, многихъ я вопрашивалъ старыхъ людей, на что мнѣ Киргизцы отвѣтствовали, что запомнятъ они, было на снѣгу такое же черное покрывало, и какъ они сіе ставили ни за что, употребляли снѣгъ себѣ въ пищу, а равно и скотамъ, отъ чего, де, были, какъ на людей, такъ и скота, великія болѣзни, а особливо чесотки, отъ чего многіе умирали, какъ люди, и скотъ, чему уже болѣе сорока лѣтъ; а по примѣчанію моему съ сего времени птицы, а особливо тетеревы, на лѣсъ не садились, и какъ обыкновенною своею пищею, отпрысками и шишками, не питались, и отлетѣли, такъ что ихъ въ сей части, гдѣ былъ сей туманъ, не было видно; ибо и на лѣсу, какъ всѣ прутья, отпрыски и шишки, были сей матеріею липкою покрыты.' 26-го Декабря съ Комендантомъ Полковникомъ Генцигомъ ѣздилъ въ Устькаменогорскую къ Генералу Юргенцу и Бригадиру Аршеневскому въ гости, гдѣ и пробыли по 3-е число Генваря. Сей годъ хотя былъ умѣренный, но великіе жары приносили разныя болѣзни, отъ чего умирало много людей; вода, какъ весною и осенью, была велика; хлѣба довольно, но яроваго вездѣ мало.

Въ началѣ сего 1788 года ни какихъ достопамятныхъ перемѣнъ не происходило, кромѣ что открылась дороговизна въ хлѣбѣ и харчевыхъ припасахъ повсемѣстно, но Февраля 5-го, при восхожденіи солнца, вверхъ простиралися, на подобіе столба огненнаго съ великимъ заревомъ, по сторонамъ такіе жъ отсвѣты, кои стояли до $7^1/_2$ часа, а потомъ до 10-го часу полуциркулярные отсвѣты, и палъ куржакъ и изморозь и во весь день было ясно. Апрѣля 10-го открылась льдомъ рѣка Иртышъ, но отъ великаго запора, сдѣлавъ наводненіе, потопило мѣновную слободку и много вреда причинило строенію и подмочило товаровъ. 17-го Апрѣля при Майорѣ Винклерѣ пришли 6 ротъ Ширванскаго полка, изъ коихъ 4 пошли въ Устькаменогорскую, а 2 остались въ Семиполатной. Въ семъ Апрѣлѣ мѣсяцѣ городъ Тобольскъ выгорѣлъ отъ пожара весь до 2000 домовъ и 17 церквей и Соборъ, Намѣстническій домъ и Губернское Правленіе, а осталось только Пилявкая улица и на горѣ въ приходѣ Петра и Павла. 24-го Мая освящена холодная церковь во имя Знаменія Богоматери, и 25-го освященъ придѣлъ Великомученика Георгія.

Ноября 19-го отъ пресильной оспы съ горячкою умеръ слуга Петръ; въ семь мѣсяцѣ померло у людей отъ оспы четверо ребятъ. Декабря 2-го проѣхалъ Князь Эристовъ въ Омскую съ Киргизскимъ Черучей-Салтаномъ. Жестокая въ семъ году оспа множество людей переморила, а особливо Киргизцовъ, кои хотя отъ линіи и отбѣгали въ степи, но оная и тамъ ихъ постигала. Дожди во все лѣто были велики, даже съ наводненіями, урожай хлѣба былъ доволенъ, такъ что и не запомнятъ, и по сухости прежнихъ лѣтъ сѣянныя прежде ржи не всходили, а нынѣ въ третій годъ оныя взошедъ, вознаградили, но яровыя не таковы, и цѣна на хлѣбъ довольно понизилась.

Генваря 25, 1789 г., послѣ полудня, въ исходѣ 4-го часа, былъ на небѣ громъ, который слышенъ былъ какъ въ старой крѣпости и деревнѣ Стеклянкѣ, а у меня въ деревнѣ на воздухѣ, какъ бы оное растворилось и оттоль величайшій огненный шаръ пустился на западъ и искрами коснулся до земли, отъ чего ударъ былъ подобенъ пушечному, и звукъ эха уклонился на востокъ, а въ западъ съ трескомъ, равно какъ барабаннымъ боемъ троекратно. Въ Мартѣ привезено мѣщаниномъ Кузовлевымъ изъ Ирбитской ярмонки покупокъ: граnитуру 23 арш. по 1 р. 30 коп., полотна 1 штука 21 руб., сукна 8 арш. по 2 руб. 30 коп., демиткотона чернаго 7 арш., пестраго 4 арш., стамеду 8 арш., дымки 2 арш., флеру 3 арш., бахрамы 25 арш., лимоновъ 20, шпилекъ 200, шляпа черная 1, дѣтскихъ 2, сундукъ 1, масла 3 ф., свѣчъ 2 ф., пряжки серебряныя 2 р. 50 коп., шлифныя, запанокъ 12 паръ, ягодъ 15 ф., пряничковъ 5 ф., перцу 1 ф., сахару 1 пудъ. 19-го Апрѣля въ крѣпости Омской командующій Сибирскимъ корпусомъ Генералъ-Поручикъ Николай Гавриловичъ Огаревъ скончался; отъ роду ему было лѣтъ 60; онъ прилежёнъ былъ къ церквамъ и строенію оныхъ, горячаго нрава, но ни кому вреднаго зла не дѣлалъ; на мѣсто его къ командованію 13-го Мая проѣхалъ изъ Устькаменогорской Генералъ-Майоръ Густавъ Густавовичъ Штрандманъ. Сей Генералъ въ проѣздъ свой по линіи осматривалъ всѣ форпосты и станцы, при коемъ былъ я, по всей Семиполатной дистанціи, и кои всѣ развалились и ни какого почти строенія, а въ другихъ мѣстахъ ниже рогатокъ и надолобъ, не было; ибо Генералъ Огаревъ за сіе не принимался; но воспослѣдовавшему отъ него повелѣнію во всѣхъ мѣстахъ какъ

солдатами и Казаками началось исправленіе и вновь строеніе. Мая 29 получена изъ Тобольска чрезъ купца Сыромятникова на образъ Знаменія Богородицы серебряная дѣланная Священникомъ Васильемъ Микоревымъ вѣсу 95 золотниковъ. Іюня 10 прибылъ въ Шульбинскій форпостъ Подполковникъ горный, Василій Сергѣичъ Чулковъ, и при немъ отправлено судно, строенное въ Шульбѣ, съ порфирнымъ камнемъ ко Двору въ разныхъ штукахъ и вещахъ. Въ началѣ Іюня мѣсяца бездождіе и великіе жары причиною были во множествѣ бѣлой и сѣрой кобылки, а въ огородахъ овощи разныхъ родовъ похищали букашки пестрыя и черныя. 8 число пришелъ егерскій баталіонъ при Подполковникѣ Буйносовѣ и стоялъ подъ крѣпостью лагеремъ. 21 числа ѣздилъ въ Устькаменогорскую, гдѣ 26-го освящено заложеніе мѣста каменной церкви, которую я закладывалъ во имя Апостола Іоанна Богослова. 5-го Іюля егерскій баталіонъ выступилъ изъ лагеря въ Бійскую крѣпость. 16-го проѣхалъ изъ Россіи въ Барнаулъ Полковникъ Бейдамъ и при немъ Майоръ; Полковнику Бейдаму поручено два баталіона мушкетерскіе, Екатеринбургскій и третій, и дана воля ѣздить въ Киргизскую степь для различныхъ физическихъ примѣчаніевъ, а по сему Сентября 13-го. Сотникъ Казачій Телятниковъ обратно вышедъ изъ степи, сбирая каменья верстъ отъ Семиполатной за 200, а Полковникъ Бейдамъ ушелъ съ своею партіею степью на вершины рѣкъ Нуры и Ишима. 18-го проѣхалъ изъ Устькаменогорской Генералъ-Майоръ Штрандманъ, коего я провожалъ до форпоста Долонскаго, и, получа отъ него повелѣніе, закладывалъ и строилъ всѣ форпосты и редуты по регулѣ фортификаціи. Ноября на 2 число палъ снѣгъ, и рѣка Иртышъ покрылась льдомъ непостоянно. 4-го пріѣхалъ Гаврило Васильевичъ Борисовъ изъ Барнаула. Въ сіе время на мѣновномъ дворѣ у Ташкинца Меркурбана было собраніе Россійскихъ и Киргизцовъ, были довольно угощаемы съ музыкою, и былъ бѣгъ лошадей до 200, на мѣту ставлено было до 1000 рублей разныхъ вещей, и борьба, кулачный бой и прочія забавы, такъ что ему сіе составляло болѣе 2000 рублей, при чемъ былъ и пріѣхавшій Ханхожа Салтанъ, а Декабря 22 выѣхалъ Ючи Салтанъ съ сыномъ Ханхожи, Янхожею, для отправленія его въ Петербургъ. Всѣ Салтаны и Старшины согласно испросили, чтобъ я сего Янхожу препроводилъ до С. Петербурга и обратился обратно, по великой

ихъ ко мнѣ довѣренности и знакомству. по чему принужденъ былъ 31 числа Декабря (на канунѣ 1790 г.) выѣхать съ ними изъ Семиполатной, въ препровожденіи Ханхожи Салтана сына Адая, при которомъ въ свитѣ находились старый Теленгутъ Микей и молодой Умиръ, и дядка его или учитель изъ Ташкенцевъ. Решитъ Ханъ, и изъ Ташкенцевъ же Ахунъ Абдулла, съ намѣреніемъ быть мнѣ съ ними въ Петербургѣ, какъ отецъ его и дядя просили Генерала Штрандмана своими письмами, чтобъ меня отправить. Пріѣхавъ въ Омскую благополучно 6-го числа, но Генералъ Штрандманъ, не взирая на всѣ усильныя ихъ просьбы, отправилъ съ ними Капитана Густава Бриммера. по чему я и пріѣхалъ въ Семиполатную обратно 16 числа. По полученному Марта 6 числа извѣстію изъ Тобольска, по тщанію моему, Тобольскимъ купцомъ Русаковымъ купленъ къ здѣшней Семиполатинской церкви колоколъ въ 62 пуда и заплачено 775 рублей. Марта 7 число пріѣхалъ въ маленькую свою деревнишку. которая хотя составляла три двора, но, благодаря Вышняго, показалась мнѣ удовольственнѣе многошумнаго града, гдѣ всѣ люди мятутся, суетятся, безпокоятся, опутанные разными клеветами, завистью и упоенные роскошью и пороками; съ моимъ удовольствіемъ взиралъ я на малую мою економію, кою нашелъ въ совершенномъ порядкѣ, любуясь, впрочемъ, всѣмъ тѣмъ, что благословилъ Вышній безъ лихоимства и всякаго неправеднаго притяжанія; время, въ коемъ скоты, принося свои плоды, нарадоваться не могутъ своимъ малымъ дѣтямъ, какъ коровы лижутъ своихъ телятъ, овцы блеютъ по ягнятамъ, скликая ихъ, отлучившихся отъ матерей своихъ, козы питаютъ рѣзвыхъ своихъ козлятъ, кои утѣшаются прыганьемъ, птицы, пріуготовляясь къ плодоприношенію, радуясь теплонаступающему воздуху, понимаются и увеселяютъ своими голосами, выходя всѣ по зимней стужѣ на теплый и свѣжій воздухъ по приталинамъ, коихъ съ удовольствіемъ обогрѣвая солнце, дая онымъ пользоваться, что натура имъ предуставила и положила; по преклоненіи жъ всеобщаго свѣтила радуясь идутъ, бѣгутъ и летятъ всѣ на покой, принося каждый голосомъ своимъ удовольствіе, которое онъ получилъ. При всемъ вожделѣнномъ семъ удовольствіи къ вящщему себя поощренію, чтобъ, бывая всегда въ маленькой сей пустынѣ, имѣть наилучшее спокойствіе, за нужное почелъ я построить себѣ домъ не такъ великъ, какъ город-

ской, а имѣлъ бы покой, заложилъ строеніе струбами Марта 9 числа, имѣвъ людей 6 человѣкъ наемныхъ, употребя и собственныхъ своихъ; ибо всякій хозяинъ, имѣя хотя въ маленькой своей вотчинѣ порядочнаго и веселаго строенія домъ, охотнѣе всегда въ немъ и чаще бываетъ, а чрезъ то своими наблюденіями всего болѣе пріобрѣсть можетъ, какъ уже довольно испытано, что лучше одинъ хозяйскій глазъ, нежели многія работничьи руки сдѣлать могутъ.

Марта 18 прибылъ въ Семиполатную Полковникъ Бейдамъ изъ Селенгинска, и при немъ Капитанъ Гаврило Андреичъ Лиленгреинъ, который испросилъ у меня Исторію, писанную мною о Киргизъ-Кайсакахъ, и бралъ разныя отъ меня замѣчанія. 19 поѣхалъ въ Омскую, а оттоль въ Россію, бывъ въ арміи у Свѣтлѣйшаго Князя Потемкина, отколь Лиленгреинъ выѣхалъ Майоромъ въ Екатеринбургскій баталіонъ, стоящій въ Селенгинскѣ, а Бейдамъ, пожалованъ будучи Бригадиромъ, отъѣхалъ изъ Россіи въ армію, а потомъ въ Англію: ибо онъ имѣлъ тамъ знатное наслѣдство. Онъ, будучи въ форпостѣ Коряковскомъ, сдѣлалъ на колесахъ фуру изъ кожъ копченыхъ, въ которой можно было по сухому пути ѣздить и, разложа, въ случаѣ переправы, употребить вмѣсто большой лодки, въ которой многократно въ Коряковѣ по рѣкѣ Иртышу ѣзжали. Изъ Ирбитской ярмонки посыланный Капралъ Калачовъ пріѣхалъ, но всѣ товары неумѣренно были дороги: куплено Евангеліе въ церковь 280 рублей. Апрѣля 10 поѣхалъ я въ крѣпость Устькаменогорскую и повезъ съ собою сына Петра, опредѣленнаго уже въ полкъ Иркутскій. Дорога сія весьма была безпокойна: ибо чрезвычайно была вода велика, начала прибывать съ 17 по 27, возвысилась отъ горизонта на 13 футовъ. 5 Мая проѣхалъ въ Иркутскій полкъ Полковникъ Николай Ѳедоровичъ Арпеневскій. 14 началъ я строеніемъ въ Семиполатной каменную гаубвахту. 20—24 былъ въ Шульбѣ и оттоль на паромѣ плылъ рѣкою, нашелъ на острову Малиновомъ нѣсколько кустовъ, и, выкопавъ съ землею, привезя въ свою деревню, посадилъ въ огородѣ, а также и въ крѣпость Коменданту Генцигу. Въ сіе время Полковникъ и Комендантъ Генцигъ, обзаводя свой въ Тенкашахъ хуторъ, началъ строеніемъ 6-го Іюля купецъ Ѳедоръ Мельниковъ пріѣхалъ изъ Корякова; онъ объявилъ, что по всей линіи, въ разсужденіи жаровъ и бездождія, великія были болѣзни

на людей, горячки и лихорадки и называемая Сибирская язва, отъ чего лошадей и скота много повалилось, а равно и людей необыкновенно умирало. По извѣстіямъ достовѣрнымъ подъ крѣпостью Ямышевской въ станцѣ Подстепномъ Казака Балина жена родила сына, который имѣлъ только туловo и правую ногу по колѣно, а рукъ и лѣвой ноги не было, но въ мѣстахъ тѣхъ были знаки небольшіе, былъ плотенъ, какъ бы полугодовой, голосъ имѣлъ громкій; отецъ же его, бывъ въ совершенномъ здоровьѣ, въ третій день умеръ.

Августа 1-го поѣхалъ я въ Шульбу, и 11-го обратно; хлѣбъ весь побила галка на кореню, по множеству ни какого способа храненію изобрѣсть было не можно. 13-го числа по полудни, въ 9 часу, отъ загорѣвшагося нечаянно у Дворянскаго Засѣдателя Ярцова дому, выгорѣло въ крѣпости 84 двора и церковь Божія, кромѣ иконостасовъ и прочаго; ибо успѣли выбрать, какъ она загорѣлась сверху. Въ Октябрѣ надъ Прапорщикомъ Буксгевденомъ началась слѣдственная Коммиссія; оный былъ на соляныхъ озерахъ съ командою для караула и воровали у Киргизцовъ лошадей, но когда уже украли 250, тогда вышло чрезъ пойманныхъ Казаковъ доказательство. 9 Октября, по построеніи уже въ деревнѣ совершенно совсѣмъ дому, пріѣхалъ С.-Петербургскій купецъ, Иванъ Григоріевичъ Анфимовъ; ибо онъ жилъ для прокорму скота въ Убинскомъ форпостѣ, человѣкъ доброжелатель всѣмъ; осматривая во всѣхъ мѣстахъ, нашедъ въ горницѣ черепoвое бревно, какое показалось ему сомнительнымъ, и по неотступной его просьбѣ, кою онъ, сожалѣя меня, употребилъ со слезами, чтобъ то бревно, выброся, перемѣнить; видя сіе, хотя много противорѣчилъ, но напослѣдокъ принужденъ былъ, разобравъ потолки, бревно перемѣнить, которое онъ велѣлъ изрубить въ полѣнья и жечь на берегу; но бревно то въ сутки сожечь не могли; ибо оное горѣло весьма худо и выдавало изъ себя съ шипѣніемъ мокроту; но какая ему была въ томъ причина, не объяснилъ, а утверждалъ только, что будетъ худо. Съ 21 по 29 число великіе были непогоди со снѣгами и дождями. Ноября съ 5 по 29 непостоянная жъ погода и рѣка стала мѣстами весьма непостоянно.

Сонъ. На 13 число Ноября, безъ всякаго замѣчанія въ ночь, спавши крѣпко, приснилось, что я, бывъ въ Омской у Генераловъ, одѣвшись въ полномъ мундирѣ, жилъ тамъ дней 5, но

вдругъ представился въ великолѣпныхъ домахъ, изъ коихъ въ одномъ множество людей и музыкантовъ придворныхъ, ожидающихъ Монархиню, почему и я остался, чтобъ посмотрѣть, и, нѣсколько спустя времени, вдругъ на дворѣ, пріѣхавшій верхомъ Вахмистръ, сдѣлалъ шумъ, по чему всѣ музыканты выбѣжали въ сѣни, а между тѣмъ пріѣхали великолѣпныя кареты, и какъ Государыня вышла изъ кареты, ведена была многими въ другую половину зданія двумя знатными господами, а шлейфъ несли двое жъ знатныхъ людей, и игранъ былъ на всей музыкѣ маршъ, а я хотя и желалъ выйти посмотрѣть, но не допустили, а только видѣлъ въ растворенныя двери, какъ прошла, въ коихъ покояхъ великій свѣтъ, платье на ней чисто свѣтлозеленое, обшитое кружевами, а на головѣ шляпа убранная, но лица ея не видалъ; музыка жъ играла очень долго и весьма хорошо и стройно, на послѣдокъ все утихло, и я спокойно пробудясь, сердечно радовался.

Сонъ. Изтекающаго сего 1790 года, Декабря на 31 число, въ нощи спящу мнѣ спокойно и съ вечера бывшу безъ всякихъ воображеній, представилось, яко бъ я за нѣкоторымъ дѣломъ пріѣхалъ въ Петербургъ и прямо ко Двору, гдѣ принятъ и введенъ былъ въ чертоги, увидѣлъ Царицу, вострепетавъ, восхищенъ радостію: напослѣдокъ показано было имѣть тутъ пребываніе, гдѣ множество дамскихъ персонъ весьма молодыхъ, и бывъ какъ дни три, или четыре, стало совѣстно мнѣ обращаться во внутреннихъ сихъ покояхъ, просилъ Царицу, чтобъ повелѣно было имѣть покой на дворѣ особый, что и позволено, въ коемъ я нѣсколько сдѣлался больнымъ; тогда платье съ меня все было снято, а принесенъ сшитый новый мундиръ и камзолъ алой съ позументомъ, и при томъ сказано: «Прислала тебѣ Царица, и время собираться уже ѣхать въ Сибирь.» Все сіе столько меня обрадовало, что я, ни мало мѣшкавъ, оттоль обратно зимнимъ путемъ отправился, и безъ всякаго болѣе воображенія проснулся.

Впрочемъ, годъ сей не весьма урожайный, множество гусеницъ и хищныхъ птицъ вредили весьма посѣянные хлѣбы и плоды и по лѣсамъ ягоды; въ осени вода велика; рѣка вставала въ разныхъ мѣстахъ непорядочно; вѣтры великіе и неспокойные съ дождями, великая гололедь, снѣги весьма великіе.

Сего Генваря съ 1 по 10 число 1791 г., стояли жестокіе морозы, отъ чего много найдено померзлыхъ сорокъ, голубей и воро-

бьевъ. 13-го все еще продолжаются несносные и жестокіе морозы. Въ сіе время продавался хлѣбъ, и куплено въ деревнѣ Большой Рѣчкѣ ячменю 3 четверти по 2 руб., ржи 50 пудъ по 26 коп., ярицы 20 пудъ по 29 копѣекъ. Февраля 20-го, пріѣхавъ изъ Устькаменогорской Майоръ Сакенъ съ Офицерами и съ полковою музыкою, гуляли всю масленскую недѣлю, при чемъ была и Подполковница Транзеева. 18 Марта пріѣхалъ изъ Ирбити Калачовъ, но всѣ товары, какъ шелковые и холсты, дороги. Въ сіе время уже продавался сахаръ по 18 рублей пудъ. Апрѣля 7 р. Иртышъ отъ льда открылась. Іюня по 25 число продолжались въ бору великіе пожары. 26 числа великія тучи съ громомъ, молніею, дождемъ и градомъ, но двоекратно походилъ такъ великъ, что былъ по куриному жолтышу, и много причинилъ овощамъ и плодамъ поврежденія. Октября съ 6 по 18 число стояли великіе дожди, отъ чего вода въ рѣкѣ Иртышѣ такъ возвысилась, какъ весною, и съ 16 на 17 въ ночь потопила луга и множество сѣна, а на 19-е выпалъ великій снѣгъ. 30 Ноября проѣхалъ изъ Россіи Генералъ-Майоръ Давыдъ Николаевичъ Юргенцъ въ Устькаменогорскую къ командованію лѣвымъ флангомъ. На сихъ дняхъ получено совершенное извѣстіе о кончинѣ высокославнаго между героями мужа, Свѣтлѣйшаго Князя Григорія Александровича Потемкина Таврическаго, въ Бендерахъ Октября 5 числа. Годъ сей кончился дороговизною хлѣба по неурожаю, какъ озимовыхъ, такъ и яровыхъ.

1-го Генваря 1792 г., съ утра и во весь день погода отъ SO и тепло, въ ночь великая погода, и 2 числа по утру до обѣда дождь, а къ вечеру пасмурно, тепло и таяло; на 6 числе въ ночь пасмурно, и по утру дождь и тепло сдѣлало гололедь; по утру въ 9 часу на р. Иртышѣ сдѣлало льду разрывъ, подобно выстрѣлу пушечному, но при освященіи воды въ Іорданѣ многой воды не выступало. 12-го куплено у старухи Кондинчихи жемчугу 2¼ золотника, дано 10 рублей. 19 купленъ домъ вдовѣ Поручицѣ Исаковой за 80 руб. у Засѣдателя Ярцова. 23 Марта пріѣхалъ изъ Ирбитской ярмонки Калачовъ и привезъ покупокъ на 243 р. 17 коп., да заплачено за провозъ 2 р. 50 коп. Хотя бъ и не надобно было писать, что привезено, но для только товарныхъ цѣнъ изъясню: сукна зеленаго 6 арш. 30 руб., стамеду алаго 6 арш. 5 р., 40 коп., пуговицъ кафтанныхъ 3 пар. 1 р. 35 коп.,

камзольныхъ 3. пар. 1 р. 35 коп., шляпа съ обдержкой 4 руб., темлякъ 2 р. 50 коп., табакерка бумажная 1 р. 15 коп.. тафты 11 арш. 13 руб. 75 коп., тафты черной 5 арш. 6 р. 25 коп., флеру 5 арш. 6 р. 50 коп., лентъ голубыхъ 5, бѣлыхъ 15, 3 р. 45 коп., узкихъ 2 куска 2 р. 55 коп., тканья 10 арш. 11 руб. платковъ 6, 6 руб., солонокъ съ рѣшетками 2, 1 р. 80 коп., перцу 1 ф. 65 коп., батисту 2 арш. 4 р. 36 коп., гарусу 10 палокъ 2 р. 80 коп., сахару 3 пуда 63 руб., кофи 5 ф. 2 р. 50 коп., ягодъ 10 ф. 2 руб., пряничковъ 10 ф. 90 коп., вѣеръ 1—2 руб., румянъ 2 банки 10 коп., булавокъ 1000, 50 коп., гребней 5, 50 коп., козловъ 3, 3 р. 90 коп., выростокъ 1, 1 р. 80 к., меду 1 пудъ 5 р. 50 коп., оловянной посуды 1 пудъ 2 ф. 15 р. 68 к., бредень 1 р. 25 коп.

Апрѣля 4-го рѣка Иртышъ льдомъ открылась; съ начала открытія рѣки вода была весьма велика и отъ крѣпкаго льда великіе были запоры, такъ что въ крѣпости Устькаменогорской великія сдѣлало поврежденія, а особливо въ форштатѣ, а здѣсь, на мѣновномъ дворѣ, прибывала съ 13 Мая и возвышалась даже до 14 футовъ высоты. По повелѣнію Генерала Юргенца строющійся Генералитетской домъ разломанъ и сплавленъ егерями въ Устькаменогорскую вверхъ по р. Иртышу плотами. Сколь велико было бѣднымъ людямъ сіе затрудненіе, ни одно перо того описать не въ состояніи. 10 числа Іюня пріѣхавъ Генералъ Юргенцъ съ Подполковникомъ Транзе, и стоялъ въ мѣновной слободкѣ, а въ крѣпость не въѣзжалъ, какъ былъ сердитъ на Коменданта Генцига, который не далъ ему просимыхъ 3 тысячъ денегъ, и уѣхалъ въ Старую крѣпость. 11-го прибылъ Главнокомандующій Генералъ-Майоръ Штрандманъ, и при немъ Бригадиръ Баронъ Унгернъ, Ширванскаго полку смотрѣли съ пальбою егерей и стрѣляли въ цѣль изъ стуцеровъ новыхъ въ 200 саж., но какъ ни кто въ цѣль попасть не могли, то Генералъ Штрандманъ, имѣя ко мнѣ особую благосклонность и зная, что я изъ ружья стрѣляю, приказалъ мнѣ, и такъ я удачно выстрѣлилъ, что прямо самой цѣли за два аршина пуля пала; и 12 числа проѣхалъ въ Устькаменогорскую. По нѣкоторомъ разсужденіи, при осмотрѣ крѣпостнаго укрѣпленія, докладывано мною о сдѣланіи таковаго изъ дикаго камня, по чему и выкладено мною контръ-эскарпа для пробы на известкѣ 4, а на простой глинѣ 4 саж.; ибо шиверной

разборной камень весьма къ тому способенъ; а по сему напослѣдокъ рѣшились и все крѣпостное укрѣпленіе выкладывать камнемъ, которое весьма противъ дерна, какъ онъ здѣсь песчаной, крѣпкой. Іюля 2-го возвратился обратно Генералъ Штрандманъ: они были на Бухтармѣ; былъ съ ними Колыванскій Губернаторъ Миллеръ и Начальникъ заводовъ Качка, заложили двѣ крѣпости, одну при рѣчкѣ Черемшанкѣ, которая называться будетъ Алтайскою, и выше въ 50 верстахъ форпостъ, для прикрытія рудниковъ серебряныхъ и мѣдныхъ, и я его провожалъ до форпоста Долонскаго.

Въ разсужденіи продолжавшихся великихъ жаровъ сего лѣта по всей Иртышской линіи великій былъ упадокъ лошадей и рогатаго скота, и язвило людей называемою Сибирскою язвою.

Іюля 26-го числа случившееся чудное приключеніе слугѣ Григорью, а паче употребленное и странное отъ меня ему лѣкарство, достойно, чтобъ было извѣстно, для поступленія иногда и впредь при таковыхъ случаяхъ. Онъ заболѣлъ лихорадкою, и былъ болѣнъ недѣли съ 1, для чего и на покосъ его люди не брали, а оставляли дома въ деревнѣ. Онъ, видя себя одного, соскучившись, и по прошествіи пароксизма, посувствовавъ легость, пошедъ на покосъ, который былъ на большомъ островѣ, гдѣ должно было переѣзжать черезъ старицу въ лодкѣ, пришедъ на берегъ, сѣвъ въ маленькую лодку, и какъ только выѣхалъ среди рѣки, сдѣлалась ему дрожь, отъ чего лодка, поташатавшись, захлебеснулась, и онъ изъ нея выпалъ, но какъ силы имѣлъ слабыя, на силу могъ за нее держаться, закричалъ; по счастью его люди были на стану у самаго берега; бросясь, видя его утопающа, братъ его родной, кинувшись въ большой лодкѣ, перенявъ и вытаща, положили его на стану, чтобъ онъ обсохъ, гдѣ онъ чрезвычайно прозябъ; по привезеніи жъ домой на другой день началъ пухнуть всѣмъ тѣломъ, а чрезъ три дни такъ стекъ, что уже его почти узнать было не можно и налился весь водою; то видя его въ такомъ худомъ состояніи принуждены были рѣшиться привесть его въ городъ, и какъ только я его увидѣлъ, пришелъ въ страхъ и отчаяніе, что уже не быть ему живому, призвалъ Штабъ-Лѣкаря Ерошевскаго, который обѣщалъ учинить ему помощь, но слабо за то принимался, присылавъ цирульника Якова Кривцова. Правда, что старикъ знающій, и всѣ прибѣгали къ

нему всегда, нежели къ Штабъ-Лѣкарю, который, посмотря, разсуждая со мною о всѣхъ его припадкахъ, положили мѣры лѣчить его Русскимъ и страннымъ лѣкарствомъ, о которомъ правда я слыхалъ отъ простыхъ людей: истопить баню не такъ чрезвычайно жарко, чтобъ можно было париться, насѣивши довольно печной золы и согрѣвши оную такъ, чтобъ тѣло терпѣло, насыпавъ на большой войлокъ, въ ладонь толщины, положа больнаго и засыпавъ такою же горячею золою, обвертѣть и держать до такого времени, чтобъ зола теплоту свою оставила, но когда остывала, всегда вновь осыпали и перекладывали, сколь сіе для больнаго чувствительно, что безъ памяти прося избавленія и пить, но, не смотря ни на что, сіе продолжали; чрезъ трои сутки и съ помощію Божіею вся сія изъ него вода парами исчезла. Продержавъ такимъ образомъ 6 дней въ бережливости теплоты, получилъ онъ совершенное избавленіе, и я, отпустя въ деревню, приказалъ, чтобъ онъ, сохраняя свое здоровье, и еще сей способъ употреблялъ и дома, садившись въ печь избную, что неоднократно было имъ исполнено, и напослѣдокъ чрезъ двѣ недѣли совершенно, какъ отъ водяной болѣзни и лихорадки выздоровѣлъ Лѣкарство сіе въ подобныхъ сему случаяхъ совѣтую употребить съ пользою.

7-го Октября продаванъ въ деревнѣ скотъ: коровы по 9 р., и на приплодъ куплено у Чеботарева гусей 4, 1 руб. 20 коп. 26-го взято скота на прокормъ у Казанскаго Татарина Абтагарина Бакирова 120, верблюдовъ 10 по 1 р. 60 коп. въ зиму. Ноября 6-го куплено сѣна въ Талицкомъ форпостѣ 8 скирдовъ по 5 рублей.

Бывшій изъ Барнаула живописецъ Сумкинъ, находясь здѣсь, писалъ въ придѣлъ Антонія и Ѳеодосія иконостасъ, а при томъ написалъ и мнѣ образъ Спасителевъ на холстѣ; заплачено ему за работу 25 рублей.

Сего года Сентября отъ 20 числа представлено было въ Государственную Военную Коллегію отъ Генерала Штрандмана о произведеніи меня, на мѣсто бывшаго въ Омской Плацъ-Майора Сорокина, въ Плацъ-Майоры, по моимъ многимъ заслугамъ, со изъясненіемъ, что безпорочно 21 годъ въ Капитанскомъ чинѣ, о чемъ онъ, Штрандманъ, обѣщался тогда, когда я намѣренъ былъ ѣхать въ Петербургъ съ сыномъ Ханхожи Салтана, что за всѣ попе-

сенные мною труды оставленъ не буду, и такъ не было другого способа къ произведенію, какъ сдѣлать Плацъ-Майоромъ.

Сего года попалъ мнѣ въ руки Итальянца Іосифа Мута вѣчной календарь, сочиненный имъ во Франціи въ монастырѣ Сенъ-Денисѣ, весьма любопытнѣйшій, который пріобщенъ къ Календарю Брюсовскому, выправленному и дополненному мною въ 1790 году на 59 лѣтъ. 23-го Сентября начата работа укрѣпленія берега въ Долонскомъ форпостѣ. Укрѣпленіе сего берега отъ великаго наводненія рветъ каждую весну, а особливо въ 1792 года по чрезвычайной великости воды, съ которою и льды шли безмѣрно, отъ которыхъ во многихъ мѣстахъ по Иртышу содѣлало великія поврежденія, и таковой воды обыватели мало запомнятъ, когдо бывала.

5-го Генваря, 1793 г., пріѣхали обратно съ Комендантомъ Генцигомъ, и были въ крѣпости Устькаменогорской у Генерала Юргенца; съ 27 Декабря гуляли весело, а кольми паче у Аршеневскаго. Въ Апрѣлѣ Ирбицкихъ покупокъ получено на 80 рублей, но все было куплено дорогою цѣной. 9 Апрѣля отдана во управленіе гарнизонная школа Майору Полякову, коя у меня была съ начала учрежденія. Весна такъ скучна и тяжела продолжалась открытіемъ великихъ и многихъ лихорадокъ и припадочныхъ по непостояннымъ погодамъ болѣзней; сѣнъ хотя въ зиму было довольно, но дошло до великаго недостатка въ Русскихъ, а кольми паче Киргизцы прибавленіемъ степнаго своего скота были въ большомъ упадкѣ къ ихъ разоренію. Съ 27 по 1-е Мая стояли непостоянныя погоды съ дождями, громами и молніей; рѣка Иртышъ открывалась непостоянно; рвало оную плесами, но воды было довольно; Мая съ 5-го вода весьма прибывать начала. Мая 14-го получено въ Семиполатной изъ Барнаула слѣдующее извѣстіе, что на 3 число Мая въ ночь отъ чрезмѣрно усилившейся по р. Барнаулкѣ и въ прудѣ воды, которая, поднявшись, бросилась чрезъ плотину и, оную усильно разорвавши, пустилась по улицѣ мимо Генеральскаго дому и каменной Архивы, и доходила по улицѣ до дому Шмида и далѣе глубиною на аршинъ, чрезъ короткое жъ время взявъ стремленіе вырытіемъ прежде подъ самую Архиву великаго рва на двѣ сажени глубиною, а потомъ стала подмывать домъ Губернаторскій, гаубвахту и Намѣстническое Правленіе, каковое произшествіе происходило

во весь день; въ ночь же дошла до такой широты, что сдѣлала возлѣ Архивы величайшую протоку и обратился весь прудъ въ оную теченіемъ и въ заводь прямо въ ворота гаубвахтныя, при чемъ по быстрынѣ своей прежде смыло кладовую, которая обрушилась и съ казною, бывшею въ ней 100,006 рублями въ воду; послѣ четверти часа сорвало гаубвахту въ заводѣ и каменную кладовую и Намѣстническое Правленіе, потомъ чрезъ часъ и вдругъ до основанія домъ Губернаторскій со всѣми службами, и изъ сего послѣдняго съ нуждою могли успѣть выбраться въ полночь, а въ Правленіи ни дѣлъ, ни казны не найдено; каковое, де, разореніе продолжается и по днесь, т. е., по отпускъ письма сего, по 7-е Мая; уголья унесло болѣе 50,000 коробовъ и множество разнаго строенія развалило, отъ чего всѣ находятся въ великомъ смятеніи, въ рѣкѣ же Оби вода весьма велика, снесло кабакъ Донской, Провьянтскіе магазины потопило, подмочило много провіянта, и въ гостинномъ дворѣ въ лавкахъ товары подмочило жъ; таковое жъ несчастіе претерпѣлъ и заводъ Павловскій, и разнесло многія селенія, и множество было видно по рѣкѣ несущаго строенія и лѣсу; однако жь въ Правленіи найдено до 50,000.

По усилившейся въ р. Иртышѣ воды по 19 числа въ мѣновой Слободкѣ унесло 6 дворовъ и много разломано строенія, и надѣлало великихъ на лугу рытвинъ и боерачинъ, и съ 19-го начала сбывать, и купцу Мамееву сдѣлало убытку болѣе, какъ на 2000 рублей.

Въ Іюнѣ получено письмо отъ брата, Флегонта, что онъ въ Енисейскѣ при винномъ каменномъ заводѣ вторымъ Приставомъ. Хотя бывали нѣсколько дожди, но по великимъ жарамъ и весьма погоды душной, какъ на людяхъ, а равно и скотѣ и лошадяхъ, показалась язва. Іюля 2-го въ Устькаменогорской Казацкой Голова Поручикъ Волошанинъ, Григорій Никитичъ, померъ. 15-го пріѣхалъ изъ Устькаменогорской Князь Еристовъ, Полковникъ Аршеневскій и Подполковникъ Транзе; были въ старой крѣпости у Подполковника Буйносова, играли въ карты, но онъ всѣхъ ихъ изрядно обыгралъ, и 18 обратно уѣхали. 9-го Августа пріѣзжающіе крестьяне съ р. Оби продавали хлѣбъ, муку аржаную по 50 коп. пудъ. 29 Сентября проѣхалъ вояжиръ Шведскій Капитанъ Норбергъ.

10 Ноября выѣхалъ я по повелѣнію Генерала Штрандмана

въ крѣпость Омскую, 17-го гдѣ объявленъ мнѣ чинъ Сентября съ 9-го Плацъ-Майора. 19-го Комендантомъ Бригадиромъ Кеслеромъ приведенъ къ присягѣ, но, пробывъ по 21, отправленъ обратно, чтобъ видѣться съ Ханхожей Салтаномъ, Средней Орды главнымъ Начальникомъ. 24-го Ноября пріѣхавъ обратно, сдѣлалъ домашнее распоряженіе и отъ 13 Декабря пустился и прибылъ въ Омскую 20 Декабря къ истинной моей должности.

Генералъ-Майоръ Юргенцъ, по многимъ ссорамъ съ Генераломъ Штрандманомъ, имѣющій желаніе командовать отдѣленно лѣвымъ флангомъ и не быть подъ командою, уѣхалъ въ Петербургъ, но не нашелъ тамъ по своей несправедливости ничего, какъ только перечисленъ изъ Корпуса Сибирскаго въ Лифляндскую дивизію.

Впрочемъ: годъ сей умѣренный; по мѣстамъ довольно было хлѣба, а особливо яроваго, людей разными болѣзнями, а особливо горячкою, умирало много; обыкновенная младенческая болѣзнь корь; во многихъ мѣстахъ хлѣбы вредила кобылка, отъ чего и цѣны возвысились, такъ какъ и упадокъ лошадей и скота во всѣхъ припасахъ соорудили дороговизну, и мука аржаная покупалась уже по 70 и по 80 коп. пудъ, и пшеничная 1 р. 20 коп., и всѣ харчевые припасы, а равно и въ Омской, какъ мяса, рыбы и птицъ было мало; наводили причины, что, по неспокойству зимы, выпадали великіе снѣга и стояли великія непогоды и снѣжныя бури, и чрезъ то великое препятствіе было поселянамъ вывозить въ городъ всѣ припасы.

1-го Генваря, 1794 г., обнародованъ манифестъ о продажѣ простого вина по 4 р. ведро. 6-го весьма былъ сильный морозъ при жестокомъ отъ SO вѣтрѣ, отъ чего многіе пострадали простудою и кашлемъ. 24-го послано брату Афиногену три наштупованныя картины, для написанія денегъ 1 р. 50 коп. 8-го Февраля очень тепло, былъ дождь и вѣтръ отъ SW и страшная была погода со снѣгомъ, а по полуночи ясно и великій морозъ, и продолжались до 11-го числа. Въ сіе время былъ Итальянецъ и продавалъ многія Европейскіе товары описные фабрикъ покойнаго Князя Потемкина. На Масленой проѣхали изъ Иркутска въ Петербургъ Лѣкарь и рисовальный мастеръ, бывшіе въ 1785 году на сѣверныхъ Американскихъ островахъ; они везли съ собою разныхъ животныхъ чучелъ и рисунковъ; подарилъ мнѣ камень граненый

въ перстень бѣлой венисы очень изрядный. Къ продолженію веселостей недѣли масленой пріѣхали въ Омскую Полковники Аршеневскій, Шрендеръ, Графовъ, два Ивеличи, Князья Еристовъ, Жеваховъ и множество Офицеровъ; въ первое Воскресенье у Генералъ-Поручика Штрандмана балъ и ужинъ; во Вторникъ у Подполковника Мориловскаго балъ и ужинъ и опера. Въ Четвертокъ у Делпоца Подполковника въ школѣ на верху балъ и ужинъ и опера «Лиза;» въ Субботу тутъ же опера «Разнощикъ,» балъ и ужинъ; въ прощеный день вольное собраніе по билетамъ, маскерадъ, балъ и ужинъ на общественный коштъ, а кушанья готовили изъ господскихъ домовъ разнаго, у кого что случилось; у меня стояли на квартирѣ Капитаны Мещериновъ и Лыльсковъ съ женою; я же былъ на маскарадѣ въ матроскомъ платьѣ, бѣлое все, кушакъ алый, шляпа распущенная, обшита флеромъ съ Салтаномъ, и какъ только съѣхались въ маскерадъ, ударила чрезвычайная погода со снѣгомъ и продолжалась до 23-го. Собрано было на угощеніе съ 18 человѣкъ по 4 руб. 30 копѣекъ, и угощаемы: чашка кофе, 2 рюмки пуншу, 1 водки, 2 стакана лимонаду.

Положеннаго по окладу Плацъ-Майору жалованья 164 руб. 88 коп. Въ Мартѣ привезено изъ Ирбити покупокъ на 70 руб.: сахаръ купленъ уже по 32 рубля пудъ. 10 Марта пріѣхалъ изъ Петербурга Майоръ Антонъ Скалонъ, произведенъ изъ Капитановъ, ѣздилъ съ Чурегей Салтаномъ, который пожалованъ Премьеръ-Майоромъ, а бывшіе съ нимъ Старшины и Ташкенцы, Бабажанъ, Поручиками, которые 11-го числа приведены къ присягѣ чрезъ Алкоранъ на гаубтвахтѣ, при открытомъ знамени. 16-го послано письмо въ Петербургъ Военной Коллегіи Секретарю Ивану Ильичу Фетистову, въ знакъ моей благодарности, а при томъ 20 арш. канфы, по 2 р. 50 коп. аршинъ. Помни, кто тебѣ дѣлалъ добро и дѣлаетъ, имѣй благодарность непринужденную а по своей волѣ, и будешь добрымъ человѣкомъ; кто благодаренъ, тотъ и вѣренъ, а кто вѣренъ, тотъ и справедливъ. А послано съ Англичаниномъ Поручикомъ Упсаль.

На 26 число Апрѣля, по великому теплу, снѣга на степи вдругъ распустило и вода собравшись, бросилась на Кадышевскомъ форштатѣ по рву ретраншамента къ магазинамъ, гдѣ много вреда причинила укрѣпленію дерновому. По свѣдѣнію моему, какъ я былъ у Провіянтской Комисіи за Провіянтмейстера, въ

сіе время покупка провіянта была отъ Казенной Палаты Ассесоромъ Иваномъ Васильевичемъ Плотниковымъ въ округахъ Омской, Ишимской и Каинской, весьма съ великимъ отягощеніемъ поселянъ перевозками, и менѣе не покупали пуда муки по 40 коп., а по большей части въ Ишимскомъ округѣ рожью мололи съ казенной стороны и доставляли на подводахъ. 30 Апрѣля во всю зиму строющееся укрѣпленіе берега и моста на рѣкѣ Оми, заложенное мною, приведено къ окончанію; оное рвать начало съ 1790 года, по усиленію въ р. Оми чрезвычайныхъ водъ и быстроты; а хотя прежде и дѣлано было ниже моста укрѣпленіе, отъ великаго въ 1793 году наводненія и стоявшаго недѣль пять сорвало, была вода такъ велика, что весь Ильинскій форштатъ до горы топило, то же и Подгорный, отъ чего жители много вреда потерпѣли.

Мая 1-го рѣка Иртышъ открываясь льдомъ и по учинившемуся запору сдѣлала великое наводненіе по полуночи въ 3 часу, такъ что нижніе форштаты всѣ потопила и много вреда надѣлала. Мнѣ же былъ данъ ордеръ отъ Генералъ-Поручика ѣхать въ Семиполатную; ненастье, дожди каждодневные, грязи превеликія, такъ что сколько отъ дождей и отъ наводненія проходу не было по низкимъ мѣстамъ; но 2-го числа съ 11 часа начала убывать и до утра убыло 1 арш. 3 четверти; льду насадило вездѣ великое множество. Выѣхалъ изъ Омской 4 Мая; тотъ самый разъ пошелъ ледъ на Оми.

28 Мая выѣхалъ въ Омскую съ женою и дѣтьми и 4 Іюня прибыли въ Омскую благополучно.

По усиленной въ р. Оми воды, коя велика и быстра у моста, на 6 часу выбивши унесло среднюю свинку и мостъ изломало, а потомъ и береговое укрѣпленіе, рвало берега и много строенію вреда причинило 17-го оторвало отъ мосту свинку и унесло, а въ Тобольскѣ по тому жъ велика была вода и весь городъ топило и разнесло 70 домовъ.

22 числа Сибирскаго полку Майоръ Скалонъ, Антонъ Антоновичъ, женился на дочери Коменданта Кеслера, Каролинѣ Христофоровнѣ; вѣнчаны за р. Омью въ лагерѣ, въ палаткѣ Подполковника Дельпоца. Была опера «Разнощикъ» и изрядная гулянка.

25-го пріѣхалъ въ Омскую Тобольскій Оберъ-Комендантъ Иванъ Ивановичъ Князь Мещерскій; на сей недѣлѣ смотрѣлъ Ге-

нералъ Штрандманъ полевые баталіоны порознь, а также и гарнизонный; генеральный же смотръ всѣхъ вообще командъ сдѣлалъ 28-го, гдѣ были 4. 5 и 6-я полевыя, 1 Омскій гарнизонный баталіоны, Полковникъ Сакенъ съ конницею Казаковъ и Башкиръ 300, Майоръ Скалонъ съ эскадрономъ Сибирскаго полку, школьниковъ 50, полевой артиллеріи 8 орудій и 4 мортиры. Они шли отъ Новой деревни и дѣлали многія экзерцицій и ученія до самой глухой ночи.

26-го на р. Оми, по прожекту моему выданному, поставленъ мостъ самый легкій на плотахъ, съ укрѣпленіемъ якорей Куплено неводной дѣли разыхъ рукъ 110 саж., по 10 к. и по 18 коп.

Августъ. Великая и кровопролитная война продолжается во Франціи. Она по истребленіи своего Короля и всей фамиліи, принялась за оружіе; Англичане, Голландцы, Венгрія, Прусія, хотя весьма ратоборствуютъ усильно, хотя и со всѣхъ сторонъ ихъ угнетаютъ, но многонародность сего народа и отчаянность поддерживаетъ ихъ вредную систему. Въ Польшѣ, въ Варшавѣ, Россійскія войска всѣ отъ вѣроломныхъ Поляковъ побиты и новая война, а также съ другой стороны и Прусія оныхъ угнетаетъ,

Сентябрь. Капитану Исправнику Омскому, Загибалову, сочинено мною, по запросу економическому отъ Намѣстника Волкова, требуемое физическое замѣчаніе о хлѣбопашествѣ и прочихъ економическихъ издѣліяхъ и растеніяхъ. По полученнымъ Сентября 9-го числа письмамъ сколько сего лѣта въ Семиполатинскѣ въ заимкѣ моей снято хлѣба сноповъ и посѣяно; посѣяно ржи 4 четверти, 4 четверика, снято господскаго хвѣба овса 7350 сноповъ, ярицы 680 сноповъ, ячменю 1135 сноповъ, ржи 1230, и того 10,755 сноповъ; у людей разнаго хлѣба всего 17,605 сноповъ. 13-го пріѣхалъ изъ Семиполатной Полковника и Коменданта Генцига племянникъ Никоновъ, Алексѣй Романовичъ, для излѣченія; болѣзнь его была ребячьи игрушки, кои стоили ему смерти; онъ и Генцига сынъ, Иванъ, по рябячеству играя и сдѣлавъ на палочкѣ рапиру изъ впущенной иглы, другъ друга искололи во многихъ мѣстахъ, а по сему ни кому ни какого приключенія не послѣдовало, какъ Алексѣю, и какъ видно, что уколовши его въ лѣвую руку глубоко до кости, игла сломилась, начала рука рдѣть, напослѣдокъ пухнуть обратили сіе благоразум-

ные Лѣкари въ рожу, сдѣлавъ горячую припарку, зажгли, и по тому оный мальчикъ пострадалъ своею жизнію.

Октября 3-го полученъ отъ брата, Флегонта, изъ Енисейска песковый бѣлый хребтовый мѣхъ 70 руб. На 6-е число Ноября въ ночь рѣка Иртышъ льдомъ покрылась; на 20-е палъ снѣгъ и зима настала. Въ сіе время претерпѣлъ я великія огорченія чрезъ Почтмейстера Омскаго отъ Генерала Штрандмана напрасно; ибо онъ, Почтмейстеръ Полозовъ, жену свою гналъ, имѣя краденую у себя дѣвку, кою я выгналъ изъ Омской, а онъ меня обнесъ Генералу, но напослѣдокъ, узнавъ обстоятельно, сожалѣлъ, что такъ поступано было, отъ чего я съ огорченія былъ чрезвычайно болѣнъ головою и почечуйною.

Погода сего года окончалась весьма тихая, теплая и постоянная; отмѣнныхъ и примѣчанія достойныхъ произшествіевъ по здѣшнемъ Округѣ не замѣчено, какъ только со дня на день на хлѣбъ цѣны весьма возвышались; ибо годъ сей окончался въ Омской продажею на рынкѣ хлѣба пшеничной муки по 80 к., аржаной по 55 и болѣе, овса четверть 2 руб., и прочіе харчевые припасы не дешевы и домовые продукты въ тягость; посѣянные же хлѣбы въ Округѣ Омской съ осени многіе, какъ не было дождей, не выходили, по чему и не надѣются получить урожаю. Снѣга такъ малы, что на силу съ нуждою составляютъ зимнюю дорогу, дороговизна во всѣхъ товарахъ и продуктахъ такъ вошла на высокую степень курса, что уже ничего почти купить какъ дорогими цѣнами надобно.

10 и 11 Генваря 1795 г., во весь день великій вѣтръ со снѣгомъ, бывшій во всю зиму первый буранъ, но снѣгу было мало. 11-го получилъ изъ Екатеринбурга отъ откупщика Дьячкова золотыя подѣлки: перстень аметистовый, серьги маленькія, одна придѣланная къ алмазной, серьги большія длинныя съ камнями моховика, серьги жъ круглыя длинныя аметистовыя, печать оправленную въ серебрѣ сердоликовую съ вырѣзкою моего имени, заплачено за работу 10 р. 85 к.; послано было золота 3 золот., осталось $^1/_4$. Сдѣлана Черепановымъ соусная ложка $19^1/_8$ золот.; вызжено изъ стараго шарфа выжиги 23 золот.; за работу 1 р. 50 к. 14-го получены отъ брата Анфиногена для школы учебныхъ 6 книжекъ, кои туда и отданы; на 20-е число скончался Омской соборной Воскресенской церкви Протоіерей, Петръ Ѳе-

доровичъ Ѳедоровъ, бывъ при оной съ 1782 г., по старости лѣтъ его и нездоровью. Онъ былъ въ Тобольскѣ Префектомъ и проповѣдникъ, имѣлъ библіотеку изрядную и любимъ всѣми, дѣтей своихъ училъ по Нѣмецки и по Латынски достаточно, но содержалъ весьма строго, такъ что всѣхъ переувѣчилъ безчеловѣчно.

Февраля 3-го, послѣ трехдневной оттепели и мрачной погоды, ясный день и нѣсколько холодно, но отъ солнца приталины и капель. 5 и 6 тепло и пасмурно.

Марта съ 1 по 6 дни стояли тихіе и солнечные теплые; таяло такъ, что и ѣздить было нельзя. 10-го получено изъ Ирбити сукна алаго 1 арш. $2^1/_2$ верш. 9 руб., стамеду алаго 3 арш. по 1 р. 30 к. арш., бѣлаго сукна 1 арш. 6 вер., 8 руб.; пуговицъ кафтанныхъ 3 пары, по 1 р., камзольныхъ 3 по 60 коп. 15-го таяло; по 23-е стояла весьма ненастная погода, шелъ снѣгъ и таяло. 24-го пасмурная погода и дождь пробрызгивалъ. Апрѣля 12-го вѣнчанъ слуга, Григорій; дано невѣстѣ на свадьбу деньгами 20 руб., кромѣ прочихъ издержекъ, какъ люди бѣдные, а всего издержано 63 р. 23-го во весь день великій дождь съ громомъ и молніею. Съ 21 го числа на рѣкѣ Иртышѣ ледъ пошелъ, а 24-го и по рѣкѣ Оми. Мая 20-го жары и сухая погода продолжаются, не приносятъ плодамъ приращенія, стоятъ по большей части туманы и мраки, дѣлаютъ одну только тягость и стѣсненіе въ воздухѣ. Мостъ на рѣкѣ Оми, построенный воинскими командами изъ сборнаго лѣсу, поставленъ мною и приведенъ въ совершенство. Мая 2-го числа, проходить и проѣзжать запрещено было штатскимъ и разнаго званія людямъ по 18 число; когда же изъ Градской Думы внесли 500 руб., тогда запрещеніе снято; ибо сіе дѣлано только для военныхъ, чтобъ въ переходѣ не имѣли нужды. На 30-е ночь весьма холодная и поутру великій туманъ, вода мерзла въ огородахъ; все позябло до основанія, даже во многихъ мѣстахъ и капуста.

Іюнь. Извѣстіе совершенное, отзывающее въ Петербургъ Генерала Штрандмана, принудило меня, въ разсужденіи разстройки моей въ жизни, по нездоровью и неспокойству, просить, чтобъ выпустить отъ сей многотрудной должности въ батальонъ на Капитанскую вакансію, но получилъ отвѣтъ, чтобъ я и впередъ сего не вчиналъ. 2-го отказался Комендантъ Бригадиръ Кеслеръ отъ командованія, по старости лѣтъ; 7-го Кеслеръ скончался,

бывъ 84 лѣтъ; служилъ 54 года. Онъ сочинилъ прожектъ вокругъ Петербурга по регулѣ фортификаціи весьма укрѣпительно, и посланъ при его докладѣ за три дня до смерти. 11-го окончена мною книга, съ приложеніемъ разнаго собранія на предисловіе: «Новое Небо,» о чудесахъ Пресвятый Богородицы, съ приложеніемъ примѣчаніевъ на пророчицъ Сивиллъ, называемыхъ древнихъ оракуловъ, которая была печатана въ 1699 г. въ Могилевѣ нарѣчіемъ Малороссійскимъ и къ чтенію неудобна; ибо многія реченія Польскія и неизвѣстныя, по согласію пріятеля моего, Матвѣя Лобзина, переправлена мною нынѣшнимъ слогомъ; начата была съ 25-го Марта, но по многодѣлію моему продолжалась по сіе время. 13-го куплено муки аржаной 10 пудъ по 60 к.; въ сіе время хлѣба въ продажѣ и доставкѣ ни отколь не было и была великая дороговизна. 16-го извѣстія изо всѣхъ селеніевъ, что прошедшимъ морозомъ хлѣбъ побило ржи и яровыя, и какъ не было дождей, весьма крестьяне были безнадежны, но сего числа начали перепадать. 17-й день ясный и жаркій. На 22-е перепалъ небольшой дождь, но день былъ жаркій; по полудни сдѣлался пожаръ на Кадышескомъ форштатѣ отъ сильнаго удара грому и молніи въ домѣ солдата Куликова, убило цѣпную собаку и домъ весь пыхнулъ и сгорѣлъ до основанія, хотя былъ и великій изъ тучи дождь отъ W; въ вознагражденіе Генералъ Штрандманъ произвелъ его Капраломъ и далъ къ постройкѣ 25 бревенъ. Хотя перепадали на сихъ дняхъ дожди, но по большей части облачное небо съ вѣтрами высушало землю и была въ Маѣ и Іюнѣ мѣсяцахъ мелкая сѣрая кобылка. 1 и 5-го Іюля были ходы церковные за городъ съ приношеніемъ молебствія объ дождѣ по великой засухѣ. 11-го текущіе отъ запада къ востоку облака по всему небу не принесутъ ли съ собою порадованіе животнымъ на земли орошеніемъ дождя? Не извѣстно! Чего съ радостію ожидаютъ.

Іюля 9-то числа. Домашнее размышленіе о хлѣбопашествѣ:

Всякъ, кто только бы ни полюбопытствовалъ, а особливо и вникнулъ въ жизнь поселянскую, конечно бы нашелъ все то справедливымъ и совершеннымъ доказательствомъ, что, во первыхъ, деревенская жизнь ведетъ человѣка къ справедливости, къ воздержности, трезвости, къ искренности и ко всѣмъ доб-

родѣтелямъ; ибо жизнь суровая и работная въ деревнѣ не имѣетъ въ себѣ ни какихъ пороковъ таковыхъ, каковые бываютъ въ многошумныхъ городахъ, гдѣ звуки трубъ и барабановъ тревожатъ людей безвременно. Гордость, пышность, надменность, не уступая другъ противъ друга, ратоборствуя, наводятъ раздоры, несогласія, а сребролюбіе роскоши, отколь рождается продерзость, отъ чего всѣ злости и злодѣянія выходятъ. А въ деревенской не прибранной и замаранной жизни и въ ихъ сухоядѣніи всѣмъ симъ порокамъ быть весьма не обычно. И какія похоти или пороки могутъ быть въ томъ, который живетъ въ деревнѣ и упражняется въ земледѣліи? ибо оно только бережливости и правдѣ, а не роскоши, кичливости и хищенію, научаетъ. Отъ чего то мы весьма ясно, хотя и краткаго сего примѣчанія, надѣяться можемъ имѣть довольное понятіе, коль деревенская жизнь сама собою въ родѣ своемъ есть безпорочна. Не мое бы хотя дѣло разсуждать о семъ, толь пріятномъ и истинномъ и свободномъ, упражненіи, которое ведетъ непосредственно къ Богу и правдѣ; ибо самое есть безпорочное житіе поселянина и первое его употребленіе трудовъ въ земледѣліи, которое было еще забавою перваго человѣка, праведнаго и вѣрнаго предъ Богомъ, но однако жъ на послѣдокъ и сдѣлалось частію его покаяніемъ, наложеннымъ ему отъ Бога, и такъ въ обое время какъ безгрѣшія и грѣха, оное ему было повелѣно и самому, и всѣмъ его потомкамъ: «Снѣси хлѣбъ твой отъ трудовъ твоихъ!» Намѣренія моего нѣтъ въ томъ, приводить сюда древнихъ каковыхъ писателей, отъ которыхъ довольно уже всѣмъ извѣстно, въ какомъ почтеніи самое первое заведеніе было, хлѣбопашество, что многіе Государи, Консулы, Диктаторы и прочіе знаменитые въ Государствѣ люди, брались на таковое высокое служеніе отъ плуга. Поселянамъ же, которые прилежали къ сему благословенному отъ Бога безпорочному дѣлу, даваны были великія преимущества и отличные знаки чести; да довольно видимъ и у самодревнѣйшихъ гисториковъ, которые касаяся и наставляя, пиша о домоводствѣ, поставляютъ земледѣліе первѣйшимъ, безгрѣшнымъ и праведнымъ, и наивыгоднѣйшимъ, и наипростѣйшимъ, упражненіемъ, какъ для пропитанія, такъ и для здравія человѣческаго, которое, при умѣренномъ и свободномъ, всегда на чистѣйшемъ воздухѣ, упражненіи весьма полезно. Соразмѣряя какому всякія рукодѣлія, работы,

труды и мануфактуры, но земледѣліе между всѣхъ ихъ есть первѣйшее; ибо безъ него падаютъ, и раззоряются, и остановляются. Что жъ разсудить должно о людяхъ бѣднѣйшаго состоянія, которые ни отъ чего инаго по большей части терпятъ оную, какъ только отъ неприлежности къ трудамъ и земледѣлію; ибо оно награждаетъ стократно, о которомъ по свойству его обработыванія съ пренебреженіемъ, выходятъ такія послѣдствія, что помѣстно уже начинаютъ въ совершенномъ пропитаніи имѣть въ хлѣбѣ нужду; но отъ чего сіе зло вкореняется, приводя всѣ обстоятельства и когда бы и не по силамъ моимъ и выше мѣры понятія моего, но предразсудить и описать сіе весьма желательно.

Думается, что происходящее сіе зло вкореняется въ людей отъ единственнаго недостаточества, умствованій безполезныхъ, что они поставляютъ земледѣліе самопослѣднѣйшимъ, и гнуснѣйшимъ, и подлѣйшимъ, упражненіемъ, приличнымъ только такимъ людямъ, которыхъ въ жизни ихъ почитаютъ не инако съ несмысленнымъ скотомъ въ разсужденіи трудовъ ихъ, иногда и неопрятства. Будто опредѣлено только тѣмъ трудиться, кто только не вникъ въ роскоши, въ надменныя понятія, въ хитрость, оплетающую всякими несправедливостями и волочащую ихъ самихъ по судамъ и расправамъ по всякой неправдѣ. Что можно нынѣшняго состоянія изъ опытовъ явственныхъ примѣтить, что благословенные сіи люди, можно назвать, управляющіеся въ земледѣліи, принужденными находятся обработывать для пропитанія обществомъ душъ по 20 и по 22 на одного работника, кромѣ собственныхъ своихъ семействъ. Но кажется довольно было бы для таковаго поселянина, замараннаго и неопрятнаго, чтобъ его не токмо уничтожать во всякомъ случаѣ, но не лучше ли бы было имѣть попеченіе оныхъ всѣми мѣрами уважать и пріохочивать, снабжая иногда полезными на сіе хлѣбопашество правилами, ко умноженію и приращенію, примѣняяся въ разсужденіи времени разныхъ погодъ по климатамъ, гдѣ и каковыя хлѣба могутъ имѣть приращеніе, а для обработыванія снабжать и учреждать полезными и порядочными инструментами, яко то плугами, сохами, и преподавать наставленія, съ порядочнымъ смотрѣніемъ за неприлежными, гулящими и шатающимися единственно только во отягощеніе народное, а не на употребленіе пользы общественной. Но сего, какъ еще не видно, и не дивно, что на таковый предметъ еще

нѣтъ нигдѣ и настоянія! Правда же и то, хотя учрежденное въ Государствѣ собраніе Общества Економическаго весьма полезно, выдавая разныя полезныя на все, какъ земледѣліе и сохраненіе всякихъ домовыхъ избытковъ къ приведенію въ найлучшій цвѣтущій порядокъ, книги, но книги сіи есть мертвы; ибо поступаетъ по нимъ единственно одинъ изъ ста господинъ, имѣя свои вотчины и разумѣя силу въ оныхъ изъясненную и опредѣляемую, какъ все сіе смѣшанное быть можетъ простѣйше и по правиламъ физическимъ. То кто бъ нашелся такой, чтобъ, засѣя, легко взялся и истолкователемъ былъ къ приведенію всѣхъ правилъ презрѣнному и работающему замаранному земледѣльцу, коего иногда только есть смысла, что такъ пахать и сѣять, какъ онъ былъ сего преемникъ отъ своихъ предковъ. О пользѣ же, приращеніи хотя онъ попечителенъ, но на учрежденіе иногда ко облегченію трудовъ своихъ и сохраненію цѣлости отъ воздушныхъ погодъ хлѣба и прочихъ сокрывающихся при семъ таинствъ, касающихся и земледѣлія, ни какъ не понимаетъ и только разсуждаетъ, что Богъ изволитъ, такъ и будетъ. На все то сіе уже никого нѣтъ посмотрѣть; мы только говоримъ: «Дороговизна въ хлѣбѣ, дорогъ хлѣбъ!» но отъ чего сіе происходитъ, понимать не хочемъ. Вникнемъ же, что тутъ сокрывается, и разыщемъ сколько извѣстно и понятія нашего будетъ. Дорогъ хлѣбъ! но ежели и еще впредьидущія времена вникнуто быть не можетъ на приведеніе земледѣлія и хлѣбопашества въ найлучшій порядокъ, и не преподается правилъ о поступаніи особо съ прилежными земледѣльцами, и особо на тунеядцевъ, то ожидать, кажется, кромѣ дороговизны, ничего. Сколько мы видимъ такихъ великихъ селъ и деревень, которыя благословеніемъ Божіимъ расположены весьма въ такомъ изобильномъ климатѣ, гдѣ бываютъ всегда благовременные дожди и росы, имѣютъ достаточно тучныхъ и къ принесенію плодовъ преизрядныхъ земель, лѣсовъ, здоровыхъ водъ, довольныхъ жителей, но при всемъ томъ мало, а индѣ и совсѣмъ необработанныхъ, а развѣ только для единственнаго своего пропитанія, или только дѣлая одинъ близиръ, что въ такомъ-то селѣ или селеніи водится хлѣбопашество; но соразмѣрно ль съ состояніемъ жителей и обитающаго народа къ прокормленію, да не точію своихъ только семействъ, но съ избыткомъ ли, чтобъ имѣть запасный на предъидущія времена, или бы удовольствовать такое мѣ-

сто, которое иногда по воздушнымъ обстоятельствамъ не будетъ имѣть урожая и чтобъ прекратить тамъ недостаточество, о семъ никто не помышляетъ. Обитающіе же въ сихъ селеніяхъ обыватели, коихъ считая въ селеніи душъ мужеска и женска 300, а пріемлющихся за плухъ и соху едва ли набратся можетъ 40, или 50, по чему уже и видно, сколько они для своего семейства и прокормленія и за избыткомъ на продажу обработать могутъ; а сработаетъ каждый работникъ не болѣе 6 десятинъ ржанаго хлѣба; пускай сниметъ въ урожайный годъ съ десятины 12 четвертей хлѣба, то и выходить должно отъ каждаго работника въ годъ 72 четверти, а на продовольствіе 7, или 8-ми, душъ собственнаго своего семейства употреблять должно 24 четверти, и столько жъ на посѣвъ оставить, а на распродажу у него остается третья часть 24 четверти; но по всеобщему вычисленію, они, кромѣ своего семейства, какъ выше сказано и довольно правильно исчислено, пропитывать должны 22 и 23 души, то какимъ же посредствомъ 24 четвертями можетъ удовольствовать толикихъ покупателей? а чрезъ то самое доставать должны изъ отдаленныхъ мѣстъ весьма дорогими цѣнами и доставками, что и составляетъ неизбѣжную дороговизну. Сдѣлаемъ же мы хотя не великъ вопросъ: по чему въ такомъ селеніи, гдѣ триста душъ, очень мало пахарей? Постыдился бы я вамъ о семъ сказать, но принужденно откроюсь. Роскошь переманила блескомъ своимъ изрядныхъ и добрыхъ земледѣльцевъ, изъ ихъ, можно сказать, праведнаго и безгрѣшнаго пребыванія, и разсѣяла по разнымъ многочисленнымъ городамъ, гдѣ ихъ принудила снискивать свое пропитаніе, во изобильномъ наслажденіи не грубыхъ, но вкусныхъ, яствъ и питія, которые не иначе проживаютъ вѣкъ свой не только себѣ самимъ, но и прочимъ во отягощеніе, отставши отъ истинной и правильной своей должности, принуждены снискивать пропитаніе свое во грѣсѣхъ, неправдѣ, въ сварѣ и неспокойствіи, чего бъ поселянской жизни лишеннымъ, а прочимъ, чтобъ онъ не точію правильною и благословенною, отъ Бога поставленною, работою питался самъ и другихъ снабжалъ и пропитывалъ, со вредомъ ближнему, отнимая насущныя. И отъ того то есть дороговизна!

По мнѣнію нѣкоторыхъ, которые о семъ весьма разумно разсуждая, полагаютъ, чтобъ всѣхъ таковыхъ, упражняющихся совер-

шенно въ хлѣбопашествѣ и земледѣліи снабдить должно; во первыхъ, нарочно для того поставленными смотрителями и економами, избравъ честныхъ, постоянныхъ и знающихъ по сей части разныя физическія примѣчанія и для облегченія трудовъ механическія правила людей, смотря, чтобъ не угнеталъ оныхъ каковый по случаю нечаенный недостатокъ въ скотѣ и лошадяхъ, награждать изъ общественной, на то заведенной, економической суммы, съ заплатою со временемъ и исправности; имѣя свободные магазины для запаснаго хлѣба, дабы онаго, смотря по счисленію народному, непремѣнно ставать могло на тригодичное время (отъ чего, Боже, сохрани!), въ случаѣ иногда неурожаевъ, дабы былъ сей хлѣбъ замѣненный какъ на посѣвъ и пропитаніе готовымъ; старанія особыя прилагая, истреблять таковыхъ тунеядцевъ и отбывающихъ отъ истиннаго упражненія, шатающихся по разнымъ мѣстамъ и городамъ, высылая къ своимъ селеніямъ, принуждая совершенно къ обзаводству и хлѣбопашеству, отнимая отъ нихъ всякую роскошь и прочія принадлежащія въ крестьянскомъ быту украшешенія, о которыхъ болѣе они имѣютъ попеченія, нежели объ обзаведеніи скота, и лошадей, и хлѣбопашества, приходя иногда въ неоплатные долги, и чрезъ то совершенно раззоряются, и снискиваютъ пропитаніе разными несправедливостями по городамъ и разнымъ мѣстамъ, гдѣ бъ довольно и безъ сихъ земледѣльцевъ на всякое служеніе и должности людей набраться было возможно. По коль же сіе, Богомъ постановленное и благословеніемъ утвержденное, земледѣліе будетъ оставаться въ такомъ пренебреженіи и несмотрѣніи, болѣе надѣяться нечего иного, какъ отъ времени до времени приходить возможетъ въ упадокъ, и чрезъ то претерпѣваетъ, какъ есть душа обогащенія государственнаго, коммерція, въ разсужденія возвышенія на всѣ товары цѣнъ. Сіе-то самое уничтожаетъ предѣлы земледѣлія и наводитъ дороговизну.

Въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ Іюлѣ продавалась аржаная мука весьма недостаточно, и только, гдѣ была запасная по излишеству, или только по нуждѣ въ деньгахъ, довольно по 80, по 85 и по 90 коп. пудъ, но по вольной продажѣ отъ крестьянъ въ базарѣ нѣтъ совсѣмъ, да по извѣстіямъ объ неурожаѣ хлѣба по великимъ засухамъ, и быть не можетъ, о чемъ довольныя уже идутъ народныя разглагольствія.

Іюля 12 числа изъ письма брата, Флегонта Григорьевича, из-

рядное сношеніе достойно сюда внести къ мыслямъ домашняго размышленія къ 9 числу сего Іюля касательно о приведеніи хлѣбопашества въ наилучшее состояніе.

Между прочимъ въ письмѣ его заключается, что онъ бывъ изъ Каменскаго Енисейскаго винокуреннаго завода въ Томскѣ, и оттолѣ въ Красноярскѣ, хлѣбномъ городѣ, гдѣ не могъ дешевле купить, какъ по 37 коп. пудъ, съ ихъ въ заводъ доставкою, но на силу могъ по неурожаю закупить свою препорцію до 50 тысячъ пудовъ въ Маѣ мѣсяцѣ. Новыя на сіе мысли угнетаютъ меня совершенно. Слыша такой недостатокъ въ хлѣбѣ и таковую дороговизну, которой поелику довольно мнѣ Сибирская страна извѣстна, то я не щитаю въ оной изобильнѣе, какъ Тюменской, Томской, Красноярской и Иркутской Уѣзды, отъ натуры одаренной таковыми выгодными мѣстами и землями, по всей Сибири найлучшими къ плодоприношенію, а Красноярскій Уѣздъ кольми паче изобиловалъ хлѣбомъ найвсегда; ибо оный по рѣкѣ Енисею, начинаясь отъ самыхъ верхнихъ мѣстъ его вѣдомства съ полудни даже отъ Китайской границы, отъ острова Саянскаго и Абаконскаго, всегда въ прежнія времена препровождали хлѣбъ со избыткомъ въ нижнія мѣста Енисея водою, какъ въ городъ Енисейскъ, Туруханскъ, въ самый сѣверъ даже и ниже къ океану, гдѣ получали покупкою не дороже сего, какъ по 30 и 40 коп. за пудъ, а также въ томъ краю ни какихъ воинскихъ командъ не состоитъ и продовольствія ни какого не выходитъ, дошелъ до таковой дороговизны, что видно не инако, что и во всѣхъ мѣстахъ тому же быть надобно.

Іюля съ 10-го числа продолжались при ясномъ небѣ и облакахъ великія сухія вѣтры, какъ отъ W, NW и N, но солнце, при всѣхъ сихъ прохлажденіяхъ, ярко весьма испускаетъ свою горячность, и жары съ засухами, за неимѣніемъ дождей не потихаютъ, что и 13 число уже постигаетъ.

21 числа купленъ поросенокъ за 20 коп.

24 числа мука аржаная продавалась на базарѣ по 85 коп. пудъ; куплены колеса за 3 руб. 25 коп.

26 числа Майоръ Сорокинъ посланъ былъ въ Ганкинской редутъ, для обслѣдованія нападенія Киргизскаго, кои, сдѣлавъ на лагерь нападеніе, при чемъ искололи копьями палатки, но изъ редута отбиты были изъ пушки. Вреда больше не причинили, да

и отъ лагеря провожены честно 187 выстрѣлами изъ ружей, слѣдовательно, такіе проводы имъ весьма были непріятны, что на мѣстѣ оставили много побѣдоносныхъ знаковъ.

Пріѣхавши 8 числа домой, засталъ все здорово и благополучно; снимали хлѣбъ съ полей; хотя бы урожай былъ и порядочной, но многочисленная галка, не имѣвъ къ прокормленію своему ни какихъ ягодъ и прочихъ полевыхъ плодовъ и пресмыкающихся, на кореню такъ побила хлѣбъ, что только почти съ нуждою убрать могли третью часть, а многія поля остались нежатыми. А 30 числа пріѣхалъ Совѣтникъ Чекуновъ, для строенія барокъ на плотбище.

Сахару голова 14³/₄ ф. 12 руб.

Августа 31 числа продано Совѣтнику Чекунову лошадей: игреняя 20 руб., корноухая 20 руб., воронко 25 руб. и т. д. дровней 20 паръ 36 руб., телѣгъ и приборовъ 5, 20 руб., пилъ 2, 6 руб.

Сентября 3 числа. Во время моего здѣсь въ Семиполатинскѣ бытія, вышло 2 каравана, одинъ изъ Кошгаріи, другой съ Китайской границы; въ первомъ лошадей до 70, въ другомъ до 40; вывезено: бязей, фанзъ, нѣсколько, звѣрей: лисицъ, волковъ и мерлушки, но товары такъ дороги, что и сказать не возможно.

О заграничныхъ обстоятельствахъ ни какого увѣдомленія не было; ибо все благополучно.

Сентября 17 выѣхалъ изъ Семиполатной, отколь и Полковникъ и Комендантъ Генцигъ ѣхалъ со мною до Кремлевскаго плотбища, гдѣ были у Совѣтника Чекунова сутки. Во время сего проѣзда многіе меня увѣряли по форпостамъ, что птицы галки отъ недовольнаго пропитанія, какъ нынѣшній годъ засушливый и ни какого корму для нихъ нѣтъ и ни ягодъ и ничего, а также и ни какихъ насѣкомыхъ, по чему, собираясь кучками по пяти, по шести и по десяти, забрався въ сухіе кустарники, помирали. Какъ лѣто сіе было засушливое, вся трава, даже и кустарники, были отъ зноя солнечнаго какъ опаленныя, такъ въ Августѣ и Сентябрѣ совсѣмъ дождей не было, и стояла засуха, а когда бъ только и бывало мрачное небо, но и тогда ни малой склонности къ дождю не было, кромѣ сухихъ вѣтровъ. 22 Сентября въ Черлинѣ форпостѣ, въ Казачьемъ форштатѣ, сгорѣлъ 21 дворъ. Пріѣхалъ въ Омскую 29 числа, былъ у Генералъ-Поручика Штранд-

мана, но не засталъ. Погода стояла пасмурная, хотя и къ дождю склонная, но великіе вѣтры упадать онымъ весьма препятствовали.

27 числа куплено пудъ пшеничной муки 1 руб. 20 коп., аржаной 5 п. по 80 коп.

30 числа Сентября пріѣхалъ Штрандманъ изъ Петропавловска, и для встрѣчи дали 21 выстрѣлъ изъ пушки.

9 Октября куплено сахару 7 ф. по 95 к., 6ф. по 65 к. фунтъ.

Сала 1 пудъ 1 руб. 50 коп.

Въ ночь на 12-ое рѣка Омь покрылась льдомъ и по Иртышу шуга пошла.

15 числа за шитье башмаковъ 1 руб. 20 коп., за 4 игры картъ 60 коп. За подковку лошадей отдано 50 коп.; прислано изъ двора сукна зеленаго 4 аршина по 8 руб.

Куплено муки пшеничной 1 п. по 1 руб. 10 коп.

16 и 17 числа рѣка Иртышъ покрылась.

8 Ноября удивительное приключеніе привело меня въ удивленіе, что между Христіанами и, какъ говорится, правовѣрными Мусульманами святое слово: «во всякомъ языцѣ дѣлаяй правду пріятенъ Ему есть.» Одинъ ссыльный Татаринъ имѣлъ у себя на содержаніи 12 лѣтъ старушку Христіанку слѣпую, она сего числа скончалась, которая и похоронена его стараніемъ и попеченіемъ, хотя у ней и двѣ дочери есть замужемъ, да и прежде такая жъ безпомощпая имъ была призрѣна, и похоронена по Христіански. Вотъ истинный доброжелатель, какъ царствуетъ между людьми, но не просвѣщеннаго, а во тьмѣ заблуждающаго, человѣка; онъ съ плачемъ сказалъ при семъ, что «и я человѣкъ и умереть скоро мнѣ надобно.» Сей есть Татаринъ, живущій въ Омскѣ на своемъ пропитаніи и при полиціи былъ ходакомъ, Абдулъ.

Куплено 2 графина 30 коп., 14 тарелокъ 3 р., сукна 5 чет. ар. 6 р. 56 к., 6 тарелокъ 1 р. 25 к., зеркало 3 р. 50 коп.

За мыло отдано за 1 п. 25 ф. 4 р. 85 к.

25 числа сошита платья новаго пара за 65 р. 20 коп.

4 Декабря проѣхалъ изъ Казани Абтагаримъ Бакировъ, объявилъ, что въ Казани хлѣбъ по 40 коп., овесъ по 1 р. 40 коп., а ежели станетъ Волга, коя еще и 22 Ноября не закрылася, ожидаютъ дешевлѣ, пшеничная 70 коп., а у Вотяковъ, Чувашъ и Мордвы, хлѣба великое множество и около Казани, но отъ Пермы въ Сибирь нѣту. . . . .

Привезъ 5 ар. позументу 11 лот. по 1 р. 10 к. темлякъ золотой 4 р.

(Здѣсь слѣдуютъ выписки изъ книги: «Лучи мудрости» о человѣкѣ,» затѣмъ изреченія и анекдоты о Катонѣ, Солонѣ, Пиѳагорѣ и другихъ).

Лѣто 1796 въ Омскѣ.

1 число Генваря. Погода теплая и пріятная, по 6 число продолжалась съ морозами. Великіе морозы съ погодами и снѣгъ перепадалъ съ тепелью весьма довольною.

Куплено 2 конца бѣлой китайки 6 р. 60 к.

Начало сего года пришло съ дороговизною хлѣба, продавалися: аржаная по 95 к., пшеничная 1 р. 25 к., а крупъ ни какихъ. Но и весьма недостаточно пропитаніе.

Куплено возъ сѣна 80 к., мяса 2 п. по 60 к. привезено изъ Уѣзда отъ крестьянъ.

Пріѣхалъ изъ 1-го батальона соддатъ изъ Екатеринбурга; объявлялъ, что по недостатку хлѣба, который народъ ѣли около Тюменскаго Уѣзда бѣлую глину, многіе отъ запора померли и мрутъ, а сыскали средство въ пищу употреблять, дѣлая изъ камыша рубленную муку, меля на мельницахъ; слѣдовательно, сіе средство легче быть можетъ. Недостатокъ же въ хлѣбѣ по большой части около Шадринска и Долматова въ округахъ, а въ Курганъ, въ Ялуторовскъ и въ Тюмень, по урожаю нынѣшнаго года покупаютъ на Волгѣ 4 р. четверть, и тѣмъ довольствуются.

21 число. Отъ Ивана Никитича 7 ф. вишней по 30 к.

Взято сахару 12 ф. по 1 руб.

По полученному совершенному извѣстію къ Ташкенцамъ чрезъ письмо изъ Кулжи, что поѣхавшіе прошлаго года въ Великій постъ, Токъ Салтана братъ Ша-Магметъ, Шаніясъ Салтана сынъ, Самы Салтана сынъ, все молодые, въ Пекинъ, какъ они обыкновенно всѣ къ Китайскому Хану ѣздятъ на поклоненіе; изъ нихъ померли дорогою отъ оспы всѣ, и для того караванъ, при нихъ шедшій, остановился, который почитаютъ, что они выѣхали изъ Пекина назадъ тому три мѣсяца, почитаютъ его быть на Китайской границѣ въ Кулжѣ, и когда туда прибудутъ, то должно имъ посылать на встрѣчу лошадей и верблюдовъ, то и считаютъ получить оный весьма достаточнымъ около Апрѣля мѣсяца, а не

ранѣе: несогласіе Ханъ-хожи съ Пупою и нынѣ продолжается политически.

Юнусъ-Хожа Ташкенской довольно ища покровительства, съ Куконскимъ Бекомъ Нурбатою нынѣ согласенъ, и ни какихъ раздоровъ не имѣютъ, Нурбата же, усилившись весьма своими подданными, особливо Калмыками Волжскими, можетъ весьма имѣть вскорѣ вооруженныя силы по его строгости, а къ тому жъ и Худіяръ Бекъ, сколько бъ ни былъ силенъ, ему подвластенъ; а по сему и Китайцы ищутъ его ласки единственными только подарками, отъ чего онъ, болѣе гордясь, принимаетъ себѣ силу и никого небоится, какъ то была и прежде у него ссора съ Бухарскимъ Аталыкомъ за убіеніе одного купца, но онъ силою и проворствомъ своимъ, какъ отъ Китайцевъ, а равно и Бухарцевъ отдѣлался, и нынѣ находится въ совершенной силѣ и возможности пуститься вездѣ, гдѣ бъ только нужда потребовала, не трогая самъ собою никого изъ тамошнихъ владѣльцевъ, а дикихъ Киргизовъ у себя въ протекціи, по вѣроломству ихъ, не имѣетъ.

Осталось въ деревнѣ въ домѣ:

Образъ Богоматери Иверской въ рѣзномъ кіотѣ, риза серебряная. Распятіе, Николай Чудотвор., оба на бумагѣ гравированные. Картинъ Божественныхъ изъ масла 2, столовъ съ ящиками 2, оконниковъ 6, стекольныхъ 2, кровать 1, стуловъ 6 и скамейка 1, столовъ малыхъ 2, посуды зеленой: мисокъ большихъ 2, малая 1, тарелокъ 2, деревянныхъ тарелокъ 12, чашка 1, ручная мельница 1, деревянныхъ жернововъ 2, сошниковъ большихъ 2, у мужиковъ 4, серповъ 18, точило съ веретеномъ 1, неводъ большой новой 1, таганъ большой 1, чугунка 1, таганъ малый 1, клюка 1, ухватъ 1, ножей и вилокъ паръ 9.

Осталось скота: корова дойная 1, подъ ней теленокъ 1, бычковъ 3 большихъ, 2 годовыхъ, козелъ 1, пѣтухъ 1, куръ 6, гусей пара 1. Отдано людямъ на содержаніе скота, Андрюшкѣ: корова красная криворогъ, нетель, красные рога высокіе; Гришкѣ: красная корова, нетель одна, рога калачикомъ; Яшкѣ: красная корова; Киркѣ чалопестрая, лобъ бѣлой; Сенькѣ: бурая корова.

Что осталось въ городѣ въ домѣ: образъ мѣстной Богоматери съ окладомъ, въ кіотѣ три ризы серебряныя; въ кіотѣ 3 образа, вѣнцы и поля; образъ Спасителя въ рѣзномъ кіотѣ;

образъ алебастровой; образъ въ ризѣ серебряной; образъ съ крестомъ и мощами, риза серебряная; образъ Знаменія Богородицы, вѣнецъ и поля серебряныя; на холстѣ: Образъ Спасителя въ передней, образъ Благовѣщенія. Картинъ: живописныхъ 7, за стеклами въ золотыхъ рамахъ 10. Зеркало большое въ красномъ деревѣ одно, стѣновыхъ двойныхъ такихъ 2, туалетъ съ зеркаломъ краснаго дерева 1. Сундуковъ: большой съ теплымъ платьемъ 1, бѣлой кованой съ посудой мѣдной и оловянной 1; сундукъ красной кованой съ новымъ 1, сундукъ бѣлый желѣзомъ обитъ съ пенковой (!) посудой 1, сундукъ бѣлый съ бѣльемъ 1, погребцовъ 2, ящикъ дубовой кованой 1, камодъ 1, ящикъ старинной съ дѣлами 1, ящикъ крашеной съ выдвижками 1, ящикъ крашеный пестрый кованый 1. Посуды: самоваръ мѣдный 1, мѣдникъ 1, кострюль 2, чугуновъ 2, сковородъ 2, ухватовъ 2, сковородникъ 1. Въ анбарѣ въ фурманѣ желѣзные инструменты: топоры и косы, бочекъ хлѣбныхъ 5, столъ складной большой 1, большихъ и одинъ съ ящикомъ, 2 столовъ крашеныхъ, зеленый 1, голубыхъ 2, бѣлый 1, мраморный 1, стульевъ зеленыхъ 6, бѣлыхъ 12, канапе зеленое 1.

Коровъ дойныхъ 2, телятъ 6.

Выѣхалъ изъ Семиполатной на первой недѣлѣ Великаго Поста въ среду 5 Марта, но по 10 число стояла погода сѣверная, бурная и морозная, такъ что съ трудностью доѣхали въ Омскъ, въ Среду же 2-й недѣли. Съ 10 числа настала ясная и хорошая погода.

16 Марта: куплено полуситцу 9 ар. по 1 р., возъ сѣна по 1 р. 15 к. и по 90 к.

18, 19, 20, 21 дни солнечные и теплые и таяло хорошо.

Мука камковая 5 руб. пудъ. Черносливъ 2 ф., 60 к. Коврижки 2 ф., 40 к. Малины 2 ф., 40 к. Сандалу $^1/_2$ ф., 20 к. Тиріаку 5 з. 15 к. Саржи 3 ар. 4 р. 50 к. Лентъ 3 ар. 75 к. Хмелю безмѣнъ 25 к. Перчатки 4 р. 50 к. Орѣховъ 5 ф., 40 к.

4-го Апрѣля: пудъ сахару 30 р.

На 5-е число въ ночь великой вѣтеръ и шелъ дождь, по утру весьма пасмурно.

Мука ржаная по 1 р. 20 к.; дѣль по $13^1/_2$ к. за сажень.

16-го ледъ на р. Иртышѣ пошевелился.

17-го ч. вѣтеръ съ востока и холодно, хотя и при солнцѣ и облакахъ.

Мая къ 1 числу мостъ наплавной поставленъ; погода весьма хорошая, перемѣнная теплая съ дождями и вельми произрастенiямъ полезная.

8-го Мая ѣздили съ Комендантомъ за р. Омь на пашню и хуторъ, гдѣ прежнихъ бывалъ Комендантовъ въ 15 верстахъ, гдѣ одинъ колодецъ, земли пахатной довольно, но воды, лѣсу и сѣнокоса нѣтъ.

10-го ч. ѣздилъ въ Захламину деревню, взялъ у мужика Кирилы Холмогорова земли верстахъ отъ деревни въ 4-хъ для посѣва хлѣба, и тогда жъ началъ сѣять овса.

По 16-е число Мая стояла ясная погода съ перемѣнными вѣтрами, а сего числа ненастье сухое съ холоднымъ вѣтромъ, но на 13-е и 14-е были иньи, отъ чего въ городахъ все позябло, а 10 числа во весь день пробрызгивалъ снѣгъ съ холоднымъ весьма вѣтромъ; въ р. Иртышѣ вода такъ возвысилась, что, выступя изъ береговъ, начала потоплять уже и нижней форштатъ, но все еще прибываетъ вершка на 3 и по 4 въ сутки.

Куплено муки ржаной 7 п. по 1 р. 20 к.

Прiѣхалъ Камневъ. 16-го числа посѣялъ хлѣбъ отъ Захламинной дер. въ 4 верстахъ: овса 3 четверти, пшеницы 3 пуда, леннаго сѣмя пудъ, проса 1½ загона, репнаго сѣмя 2 ложки, а земли взяли у крестьянина Захламинскаго у Кирилы Холмогорова, у самой его избушки, на большой дорогѣ, за колочкомъ, въ правую руку.

«Изъ Омска, отъ 17 ч. Мая, 1796 года.

Государь мой, Матвѣй Степановичъ!

Я былъ нынѣ 10 дней болѣнъ, не могъ быть у истинной своей должности; но чтобъ не потерять время въ праздности, которое я почитаю весьма для меня всего дороже, пришла мнѣ на мысль восходящая дороговизна и неурожай хлѣба повсемѣстно: хотя жъ и прошлаго 795 года, Iюля 9 ч., въ домовомъ моемъ размышленiи полагалъ нравственно, что сiе происходитъ отъ клонящихся причинъ народныхъ, но желательно вамъ объявить въ нижеслѣдующемъ содержанiи мои мысли, если заслуживать будутъ вашего вниманiя, но не приписывая мнѣ ничего, кромѣ упражненiя

моего отъ скуки. Хотя я употребленъ быть индѣ не могъ, но писать съ помощью очковъ болѣзнь моя не препятствовала. Дороговизна хлѣба во всѣхъ почти мѣстахъ Всероссійской Имперіи, но даже и въ иностранныхъ Государствахъ, по увѣдомленіямъ видимымъ изъ получаемыхъ газетовъ, приводя въ нѣкоторое размышленіе о неурожаяхъ, чрезъ что всѣ коммерческіе, какъ обращающіеся въ Государствѣ, равно и вывозные изъ другихъ земель, товары курсомъ возвысились, смѣю сказать, чрезъ двадцатигодично время въ двое, равно какъ всѣ мануфактурныя и минералическія издѣлія, вещи и выдѣлываемыя изъ оныхъ на фабрикахъ всѣ работы, наемъ рабочихъ людей, отъ чего воспослѣдовали, какъ только не отъ дороговизны въ хлѣбѣ и возвысившихся на оный непомѣрныхъ цѣнъ? Но отъ чего оное происходитъ, тайна сія хотя и не маловажная, но всякому покажется странна. Въ прежнемъ моемъ размышленіи о дороговизнѣ хлѣба говорено нѣсколько безъ испытанія натуральнаго, единственно только нравственно примѣчаніями испытаннаго ко обращенію нравовъ человѣческихъ и восходящихъ обычаевъ, возрастающихъ по времени въ людяхъ уклоняющихся къ праздности и упражненію въ непринадлежащія имъ должности впадающихъ, коихъ только роскошный блескъ манитъ всегда прочь отъ трудолюбія по разнымъ городамъ, отставая отъ истиннаго и должнаго имъ упражненія въ земледѣльствѣ, и при всемъ томъ приходитъ на мысли еще и то, что старинные изъ древнѣйшихъ лѣтами людей вообще всѣ, иногда разсказывая, утверждали, что во времена ихъ молодости своимъ обращеніемъ имѣли продолжительнѣе нынѣшнихъ, и земля приносила свое плодоприношеніе во всемъ всегда избыточнѣе, слѣдовательно, всему сему споспѣшествовало время и приносило во всемъ изобиліе, въ хлѣбѣ, во всѣхъ плодахъ и растеніяхъ, а по сему, входя въ размышленіе, и сдѣлаемъ, сколько понятія нашего быть можетъ, нѣкоторое возраженіе.

Священное Писаніе ясно выводитъ, что по сотвореніи отъ Бога міра сего, постави Богъ землю и утверди ю, снабдя всѣми благами къ пропитанію и продовольствію избыточному всѣхъ тварей созданныхъ, имѣя на себѣ людей великихъ, что доказывается ясно вынутыми изъ нѣдръ земныхъ многими человѣческими костями, къ ихъ составу, а по Священному Писанію яко Филистимляне были злы и по нынѣшнему разсмотрѣнію бывшіе въ древности гиганты, какъ необыкновеннаго роста человѣческаго

люди, кои жизнь свою продолжали даже до 900 лѣтъ и болѣе, равно и всѣ созданія, звѣри, птицы, рыбы, гады, имѣть должны были противъ человѣчества равную препорцію, и сотворишася злы предъ Богомъ, коего уже Милосердый перенесть не могъ, и отъ созданія міра въ 1262 лѣто посла всемірный потопъ и истреби ихъ, кромѣ праведнаго передъ Богомъ Ноя и сыновъ его, и покры Богъ лице земли водою, которое продолжалось годичное время, а потомъ обновися лице земли, слѣдовательно, потерявъ первобытное свое состояніе, совсѣмъ припяла другой видъ и другое положеніе, по чему не инако, какъ она могла вся проникнуть, бывши въ великомъ движеніи, или потрясеніи, какъ и изъ примѣчаній физическихъ уразумѣть свободно великія въ нестройности опрокинутыя горы, наносныя безъ всякаго порядка разныхъ существъ земли, и пески слоями смѣшанно лежащіе и въ глубочайшемъ оной положеніи разныя бывшія на поверхности земли растенія и остатки животныхъ и пресмыкающихся отвердѣлыхъ и окаменѣлыхъ, и такъ всей внутренностію земли по дѣйствіямъ своимъ заимствовала вода, отъ чего земля, бывъ сырою, и къ приношенію всѣхъ плодовъ и растеній могла быть наилучшею; отъ восходящихъ же тогда по сырости паровъ приносила наиболѣе дождей и росъ, и такъ сказать просто: когда она не токмо первобытнаго ея созданія, но даже по поправленіи всемірнымъ потопомъ была нова и молода, а по сему, что есть молодо и ново, ко всякому плодоприношенію способнѣе и приращительнѣе. Нынѣшнее жъ ея состояніе, по прошествіи отъ потопа пяти тысящъ слишкомъ лѣтъ, сдѣлавшись твердою, сухою, изсушившею по лицу земли не токмо великія рѣки и источники, но нѣкоторыя и моря, и не имѣя отъ себя таковой влаги, наименѣе приноситъ дождей, росъ и всякаго окропленія и къ плодоприношенію время ото времени становится неудобною; ибо видимъ по лицу земли умноженіе людей, а всѣхъ произрастеній во умаленіи, лѣса изсѣчены, поля истоптаны, нивы опустошены, гдѣ начали наиболѣе свирѣпствовать бури, вѣтры и придавать наиболѣе сухости, а не влаги; а съ другой стороны Священное Писаніе не ложно гласитъ: «и сократятся дніе ваши;» но по чему? Довольно уже нынѣ въ просвѣщенныхъ вѣкахъ находимъ доказательствъ, что всѣ міры, сотворенные отъ Бога, движутся, а по тому астрономы древніе, найдя каждой планетѣ и звѣздамъ, не токмо движущимся въ вихрѣ нашемъ, объем-

лемымъ великимъ свѣтиломъ, солнцемъ, но и неподвижнымъ, полагаютъ безпредѣльное ихъ движеніе, и что уже нѣкоторыми западничено, что они теченіе свое ведутъ къ востоку, то и не вся ли по сему атмосфера міра несется кратчайшимъ своимъ теченіемъ въ движеніи къ какому нибудь пункту или центру, гдѣ конецъ и разрушеніе предназначено чрезъ десятитысячное время? А что міру сему окончаться должно, то увѣряетъ насъ Священное Писаніе твердо; ибо и всякому началу конецъ имѣть подлежитъ. Г-да же астрономы, яко великіе наблюдатели всѣхъ перемѣнъ атмосферы сей, изъ древнѣйшихъ, какъ Птоломей и Коперникъ, и изъ новѣйшихъ, умствовали о системѣ міра, но хотя бъ какъ разность свою о семъ ни полагали, однако жъ ихъ новѣйшіе и много болѣе искуснѣйшіе, согласясь, утвердили, что солнце есть точка или центръ міра сего, объемлетъ вихремъ своимъ всѣ движущіяся планеты. въ числѣ коихъ и земля и сіи всѣ расположены въ извѣстныя имъ обращенія, какъ вокругъ своей оси, а равно и солнца, полагая землю такъ правильно шаровидной, что она обращеніе свое вокругъ солнца имѣетъ извѣстное годовое время; новѣйшіе жъ потомъ примѣтили и доказали, что земля отъ полюсовъ имѣетъ нѣкоторую впадину и такъ оставляетъ шаровидную свою фигуру въ элиптическую, а по сему и думается, что земля обращеніе свое имѣетъ въ теченіе вокругъ солнца не циркулярное, какъ бы по одной установленной ей стезѣ, а не описываетъ ли, по своему состоянію круга сего элипсисомъ, и все подходя ближе къ солнцу, яко центру міра сего, и не отъ того ль дніе наши сокращаются и времена? Непримѣтно же намъ можетъ быть иногда и по сему, что великое такое обращеніе и малое отступленіе отъ циркулярнаго запримѣтить совершенно кратчайшая иногда жизнь наша не позволяетъ. Въ доказательство вамъ нѣчто скажу извѣстное: магнитъ, коего силу и дѣйствіе совершенно вы знаете, всѣ солнечные часы, поставленные по меридіану и нордовой линіи за 40 лѣтъ прежде, повѣрить каждому возможно, сдѣлали нѣсколько секундъ отклоненія къ востоку, а по тому и часы становятся невѣрными; слѣдовательно, и все и вся движется, несется къ пункту, и такъ восходя непримѣтно ближе къ солнцу, становится земля наша отъ воспаленія жара солнечнаго твердѣйшею и приноситъ болѣе сухости, нежели влаги; ибо и Священное Писаніе удостовѣряетъ, что рѣки и моря изсякнутъ и явятся

суши многи, что и со временами заприметно, что всѣ водяные метеоры въ своихъ силахъ ослабѣваютъ, а равно какъ и всѣ древніе и новѣйшіе астрономы, согласно Священному Писанію, полагаютъ земному шару не инаковый воспріять конецъ, какъ отъ воспаленія; а по сему земля наша, пришедъ обращеніемъ своимъ къ солнцу на такое разстояніе, что жару его терпѣть будетъ не въ состояніи, принуждена будетъ пыхнуть, отъ чего воспослѣдовать непремѣнно должно во всей атмосферѣ великой и конечной измѣнѣ. По Священному же Писанію: «и будутъ послѣдняя горше первыхъ;» тогда-то послѣдуетъ праведнымъ мздовоздаяніе, грѣшнымъ же нелицепріемное наказаніе. * И такъ, Государь мой, открывая вамъ искренность сердца моего, прошу иногда, что въ сихъ моихъ мысляхъ найдется противное истинѣ, меня совѣтомъ вашимъ попріудержать, чего съ искреннимъ желаніемъ моимъ ожидаю, предая себя, какъ прежде, вашей ко мнѣ благосклонности, а я пай всегда вашъ покорный слуга

Капитанъ Андреевъ.»

Хотя оное написано, но не отослано, по нѣкоторымъ препятствующимъ причинамъ.

(Слѣдуютъ выписки о вѣсѣ желѣза, воды, дерева и «Извѣстіе о новыхъ открытіяхъ, въ системѣ солнечной учиненныхъ.»)

29 Мая взята шляпа женская за 5 р.

По полученнымъ отъ 26 числа изъ двора письмамъ, посѣяно нынѣшней годъ хлѣба:

	Чет.	Чет.		Чет.	Чет.
Господскаго овса.	13		У Григорья овса.	6	
Ячменя.	2		Ячменя.	»	4
Льну сить.	3		У людей:		
У Андрея овса.	5	4	У Семена овса. . .	7	
Пшеницы.	»	1½	Пшеницы.	»	1½
Ячменя.	»	2	У Якова овса.	7	
			Пшеницы.	»	2
			Ячменю.	»	6

* Къ сему прибавлено разсужденіе систематическое, писанное въ 1757 году Ежемѣсячнаго Сочиненія параграфъ Невтоновъ.

Примѣч. Андреева.

2-го Іюня былъ утромъ дождь съ громомъ имолніею, первый еще съ самой Пасхи.

Извѣстіе, полученное чрезъ письма изъ Семиполатинска, что бывшіе въ прошломъ 1795 годѣ у Китайскаго Богдыхана Киргизскихъ знатныхъ Салтановъ дѣти, выѣхали въ началѣ сего года обратно.

	Серебра ямбъ.		Штукъ канфъ.
А при томъ извѣстно, что подарки имъ отъ Хана Валихана сыну..........	12	—	20
Токъ Салтана брату.................	8	—	20
Ханхожи Салтана сыну Агадай, а нашему Капитану..........................	6	—	10
Онъ, обратно ѣхавши, умеръ, и дано ему на поминки.....................	6	—	10
Ючи Салтана сыну..................	6	—	10
Умеръ, дано на поминки.............	6	—	10
Ша-ніязъ Салтана сыну.............	4	—	10
Умеръ, дано ему на поминки.........	4	—	10
Мамыръ Ханъ Салтана сыну..........	2	—	5
Умеръ, а на поминки................	2	—	5
Ханхожи Салтана шурину............	4	—	10
Адиль Салтана сыну................	4	—	10
Самы Салтана сыну.................	8	—	13

Съ ними съ каждымъ было прислужниковъ человѣкъ по 5 и по 6, и каждому дано было не менѣе до 200 рубл. разными вещами, а Салтаны всѣ одарены верхнимъ и нижнимъ богатымъ платьемъ, не исключая и сапоговъ, дорогу всю на ихъ профиктѣ, а въ обратной путь получили извѣстіе, что сдалъ Богдыханъ Государство сыну своему, по старости лѣтъ, а по тому бывшіе въ несчастіи и въ ссылкахъ всѣ освобождены и возвращены, коихъ они сами уже до 1000 человѣкъ видѣли.

17 числа Іюня въ Омскѣ, въ лагерѣ, близъ хутора Подполковника Мориловскаго, отъ Иркуцкаго Полковника Волчкова, приглашено было все благородное общество, былъ великолѣпный балъ, маскерадъ, опера «Мельникъ» и фейверокъ съ пушечною пальбою, 3-хъ батальоновъ музыкою и пѣвчихъ; продолжалось до 3-хъ часовъ съ полуночи, а начало было въ 6 часовъ по полудни,

гдѣ весьма гуляли и данъ былъ ужинъ довольной; день былъ прекрасный хорошій, а въ ночь дождикъ.

Іюня 18 куплено Литовокъ косъ 3, по 1 рублю.

Извѣстіе, что въ Семиполатной съ начала весны по сіе время продолжаются каждодневные дожди, но съ 13 на 14 число шелъ цѣлые сутки и не оставилъ ни одного дома, чтобъ не пробить.

Куплено 1 лотъ Гофманскихъ капель, дано 43½.

14 Іюля продолжаются туманы великіе, такъ что застилаетъ солнце; очень тихо, по ночамъ холодно и росы даже по 19-е, а по утрамъ сей туманъ весьма густъ, что въ близи не видно почти ни какого строенія и солнце отъ того не даетъ лучей и все красное, но какъ примѣтно, что сей туманъ разстилается по землѣ.

Іюня 11 дня 1796 года подъ № 47 «Московскихъ Вѣдомостей,» полученныхъ въ Омскѣ Іюля 12 ч., извѣстіе, что, за вѣроломное пораженіе Персидскимъ Агою, Магомедъ-Ханомъ, по насильственномъ завладѣніи многихъ Персидскихъ Хановъ, рѣшился онъ разорить Царя Карталинскаго и Кахетинскаго, нѣсколько лѣтъ уже предавшагося покровительству Россіи, по чему посланъ туда Генералъ-Поручикъ Зубовъ съ войсками Россійскими; 10 числа Мая городъ Дербентъ взятъ штурмомъ, и Ханъ съ начальствующими повѣся на выи свои сабли, явились военноплѣнными, и, какъ Императору Петру I-му, сего города ключи поднесены были и нынѣ отъ 120 лѣтняго старца, а Дербентской былъ Шихъ Али-Шахъ, предавшійся Агѣ Магомедъ-Хану.

23 числа по утру великая роса и во весь день при солнцѣ облака съ малымъ вѣтромъ.

Генералъ-Поручикъ Штрандманъ поѣхалъ по Иртышской линіи, и съ нимъ Страшниковъ Поручикъ; команда препоручена Подполковнику Винклеру.

25 число Іюля день туманной, какъ прежде, съ облаками; ѣздили на покосъ, ставили 3 человѣка, а только въ двѣ недѣли поставили 50 копенъ, да греби копенъ на 30 верстахъ въ 25, у Шигаевой избушки травъ по засухѣ нѣтъ, и косили по колкамъ, и весьма худа; земля истрескалась, ягодъ весьма мало и грибовъ нѣтъ.

Узгорное (?) житіе.

27 число Іюля, въ Воскресенье, въ Омскѣ торжествовано съ пушечною пальбою рожденіе Великаго Князя Николая Павловича,

родившагося въ 25 Іюня, по полудни, въ 4 часа: день съ утра туманной, а потомъ ясной

29 число пасмурно отъ тумановъ; въ городѣ снимали по засухѣ арбузы и дыни, но не болѣе набрали 50 п.; всѣ овощи худы, сколько бъ за ними хожено ни было. Куплено у Полуянова сахару $1\frac{1}{2}$ пуда, по 30 коп. пудъ. Куплены двои печныя мѣдныя дверцы 1 р. 50 коп.

Августа 1-го въ ночь и днемъ вѣтеръ отъ запада великой и облака склонныя къ ненастью весьма густыя, но я не выходилъ по тягостной погодѣ; очень разломало грудь и поясницу, а къ тому жъ и обмороки большіе, а вчерашній день былъ у Коменданта столъ и балъ, но домашнія мои и я не были по знаку его ко мнѣ недоброжелательства и дурныхъ его поступокъ; оной описать послѣ не оставлю.

2-го числа съѣхали отъ избушки съ покосу 3 человѣка, поставили въ три недѣли 163 копны; травы худы, сбирали по колкамъ.

4-го числа съ утра туманъ великій поднялся въ 10 часовъ, а въ 12 часу пріѣхалъ изъ Семиполатной Генералъ-Поручикъ; встрѣченъ 21 выстрѣломъ изъ пушекъ.

7-го числа по утру туманъ съ 8 часовъ, а потомъ солнце и ясно; взято меду безмѣнъ 85 к.

11-ое число ненастье; 12 въ ночь и по утру дождь и во весь день ненастье съ дождемъ, Въ 6 часовъ по утру отбылъ Генералъ-Поручикъ въ Тобольскъ къ Генералъ-Губернатору Волкову; онъ въ Тобольскъ пріѣхалъ 5 числа, и съ нимъ Графъ Ивеличъ и Страшниковъ; главная команда поручена Винклеру.

14 числа пасмурно и ненастная погода, такъ что подкошеныя сѣна всѣ лежатъ и убирать ни какъ не даютъ.

15 число Пятница, день Успенія, во весь день весьма тихая солнечная и пріятная погода; провожали бывшаго виннаго Пристава, Тобольскаго купца, Семена Матвѣевича Полуянова, въ Тобольскъ. Онъ былъ человѣкъ весьма простосердечный: много его на сей должности по лопаткамъ били и мучили по пословицѣ: «У Фили пили, Филю и били.»

По полученнымъ увѣдомленіямъ извѣстно, что сего года въ Іюлѣ мѣсяцѣ въ С. Петербургѣ отъ грома и молніи згорѣла Галерная и съ судами; убытокъ сей въ Государствѣ не менѣе по-

читается до 9 милліоновъ, а 1 числа Іюля въ Тобольскѣ была великая буря и поломало съ Захарьевской церкви главы, а также и у Спаса на горѣ и много съ партикулярнаго строенія сорвало крышекъ.

28 числа Іюня, въ день возшествія на престолъ, было великое производство генералитету и жалованье вотчинами по большей части изъ Польскихъ завоеванныхъ мѣстъ и роздано до 15 тысячъ душъ, а между прочимъ сказано: «дать чины всѣмъ въ службѣ находящимся, за 10 лѣтнюю службу.»

28 число въ 10 часу по полудни пріѣхалъ Генералъ-Поручикъ съ Тобольской линіи; онъ изъ Тобольска проѣзжалъ до Прѣсногорьковской.

Получено увѣдомленіе, что Генералъ-Губернаторъ, Сергѣй Андрѣевичъ Волковъ, выѣхавъ изъ Тобольска, 18 числа не доѣхавъ до Тюмени, вышелъ на мосту изъ кареты, гдѣ случился ему обморокъ, отъ чего онъ тутъ же и умеръ, что выдетъ 19 или 20 числа.

20 число Сентября, по полученному письму отъ повѣреннаго Холодилова, что снято нынѣшнее лѣто господскаго хлѣба: ржи 800 сноповъ, овса 4650 сн., съ Петровой 900, ячменю 1450, озимовой пшеницы 40 сноповъ; у людей всего хлѣба: у Андрея 2050, у Григорья 2,400, у Семена 2,000, у Якова съ сыномъ 3,250; всего 17,190.

Посѣяно нынѣшней годъ ржи господской у рѣчки на правой 4 четверти, на лѣвой сторонѣ 2 четверти $1 \frac{1}{2}$ четв., въ углу у рѣчки 1 чет. 5 четв.; у людей: у Андрюшки 4 пудовика, у Григорья и Семена 1 чет. 6 чет., у Якова съ сыномъ 1 чет., 5 чет., и того 8 чет., 4 чет.

24 Сентября куплено луку 200 за 70 коп., 2 ведра клюквы 80 коп.

26 числа прибылъ Генералъ-Поручикъ Миллеръ, слѣдуя въ отставку въ Петербургъ.

28 число шелъ по утру снѣгъ.

29 весьма пасмурная погода и Генералъ Миллеръ уѣхалъ.

1 Октября, при небольшихъ облакахъ, тихо, тепло и ясно; пріѣхалъ изъ Семиполатной Унтеръ-Офицеръ съ арбузами Таклаковъ, привезъ 355, и розданы всѣ.

10 Октября, получено отъ Абтигарима Бакирова штуки по-

лотна цѣною 58 р., мѣры 46 аршинъ; и такъ обошелся аршинъ по 1 р. 26 коп.

Куплено желѣза 1 пудъ 31 ф. по 1 р. 80 коп. пудъ.

23 числа послѣднія 2 судна пришли съ камнемъ, который сбирали для построенія на мостъ на Омѣ баталіонами полевыми и горнизономъ подъ новою деревнею, а также и вверхъ по Омѣ, гдѣ была мельница Генеральская, изъ числа коихъ приплавленная 4 баталіона барка въ ночь подъ банными воротами утонула, старались сколько оную достать но возможности, но не нашли; ибо воды сверхъ ея было на $7^1/_2$ арш.; и такъ она и по сіе время вѣчно въ Омѣ осталась провозвѣстницею груженія камнемъ свинокъ.

29 числа, Понедѣльникъ; полученъ Указъ съ почтою Московскою, подписанный Сентября 15-го, чтобъ меня перемѣстить по желанію въ Семиполатной баталіонъ на ваканцію Капитанскую; выключенъ Ноября съ 1 ч.

28 и 29 числа шуга на рѣкѣ Иртышѣ пошла; Омь стала на 30, дни ясныя, солнечныя и теплыя, по утру большія инья.

Въ сіе время, по достовѣрнымъ извѣстіямъ, что въ Средней Киргизской Ордѣ, прямо Ямышевской крѣпости, въ степи, Басантеинской волости одинъ Киргизецъ, учинивъ себя пророкомъ или сумашедшимъ, оставилъ юрту свою въ степи, начавъ проповѣдывать блаженную жизнь и людскіе грѣхи обличать, для чего, чтобъ слушать его проповѣди, входили къ нему желающіе получить пользу, но изъ юрты обратно ни кто не выходилъ. Какъ же сіе было примѣчено, тогда Киргизы, собрався толпою посмотрѣть пророка и учениковъ его, но вмѣсто того уже нашли въ юртѣ 22 мужеска и женска пола зарѣзанныхъ, по чему они сего пророка подняли на копья, и брали изъ крѣпости Ямышевской Муллу для похороненія пущенныхъ святыми на тотъ свѣтъ, чтобъ они, будучи живы, больше уже не грѣшили; въ семъ его состояла и проповѣдь.

30 и 31 число: тепло, но самыя густыя облака и снѣжокъ самой небольшой.

Ноября 2-е съ утра во весь день великой снѣгъ съ вѣтромъ, но напало довольно, взоръ выяснило и во всю ночь морозъ; день облачной, морозной и ясной. Рѣка Иртышъ льдомъ покрылась.

Стопа бумаги 1 р. 60 к.

4 число день ясный, по утру морозъ съ куржакомъ. 7 Сего числа у Генералъ-Поручика Штрандмана жены день рожденія; былъ балъ и фейверокъ.

8-го пасмурно, морозно; у Графа Ивелича былъ балъ съ пушечною пальбою, иллюминаціею и маскарадъ.

Получено извѣстіе, что Майоръ Лызловъ умеръ въ Чернорѣцкомъ, осталась жена, дочь въ бѣдномъ состояніи.

Малины 5 ф. по 15 к., вишни 5 ф. 1 р., за орѣхи большія 45 к. за 5 фунтовъ.

Куплено овса четверть за 2 р.; муки аржаной 2 пуда, по 70 к. пудъ, перцу полфунта 50 к., постнаго масла 3 безмѣна по 35 коп., пудъ мыла 3 ф. по 50 к.

21 число куплено льну, привезеннаго изъ Томска; 2 пуда 264 горсти за 5 р.

На 23 число въ ночь выпалъ снѣгъ, и дорога зимняя совершенно началась, день теплой.

28 числа погода теплая и пріятная солнечная, вечеромъ туча съ полдня и дождь шелъ.

Куплено сахару 13¾ ф., по 70 к., 9 ф. 52 ½ к.

Въ исходѣ 10 часа пріѣхалъ курьеръ Коллегіи, Вахмистръ Козловъ, съ Манифестомъ, что 6 Ноября Государыня Императрица, Екатерина Алексѣевна, скончалась, а вступилъ на престолъ Павелъ Петровичъ, и по немъ наслѣдникъ объявленъ Великій Князь, Александръ Павловичъ, по чему въ 3 часу по полудни былъ молебенъ, и всѣ войска были выведены со знаменами. Присягали послѣ молебна съ пушечною пальбою.

30-го день ясной съ облаками, весьма теплой при тихомъ полуденномъ вѣтрѣ. У Генерала былъ столъ съ пушечною пальбою.

Выѣхалъ изъ Омска 4 числа въ Среду. Дорога весьма была худа, по малоимѣнію снѣга, и для того жилъ въ Чернорѣцкомъ сутки и въ Коряковѣ 2 ночи ночевалъ; тутъ палъ снѣгъ.

Пріѣхалъ въ Семиполатинскую 15 числа въ 10 часу; повелѣно принять первую роту.

Погода продолжалась весьма умѣренная и теплая съ изморозями и куржаками, а иногда очень ясныя дни, солнечныя, притаивало съ капелью.

Куплено пшена 1 пудъ 6 р.; куплено салцпарилю ½ ф. 1 р.

сала говяжьяго 2. п. 2 руб. 50 коп., получено изъ Тобольска тафты 10 ар. на 1 р. 50 к., лентъ 5 ар. по 20 к.

Окончаніе сего года было весьма постоянною теплою и тихою погодою и довольные урожаи во всѣхъ мѣстахъ хлѣба, и разными полезными для Государства, по возшествіи на престолъ Государя Императора, Павла Петровича, перемѣнами, отложеніемъ рекрутскаго набора съ 500 душъ одного, хлѣбной подати и многихъ полезныхъ перемѣнъ по гвардіи и арміи и чиновниковъ по Сенату и прочимъ мѣстамъ.

Генваря 2-го, 1797 года, во весь день великая погода со снѣгомъ, что почесть можно за первую во всю зиму.

3 числа, въ ночь, выяснило и солнце взошло изъ облака при тихой и пріятной весьма погодѣ.

9, 10. 11 числа стояла погода съ вѣтрами перемѣнная и непостоянная. Выѣхалъ въ деревню.

Куплено 2 корсака 1 р. 30 к. Двѣ овчины за 40 к.

Февраля 1-го чрезвычайная во весь день и теплая погода съ перемѣною снѣга и дождя. Сего числа освященъ предѣлъ Святаго Великомученика Георгія, кой былъ оскверненъ блудодѣяніемъ въ храмѣ отъ солдата Клокова съ женою солдата Зимарина.

2 и 3 число великія со снѣгомъ погоды, таковыя что во всю зиму таковыхъ не бывало, но тепло.

Отдано въ Уѣздное Казначейство за 796 годъ и за 797 годъ за 8 душъ подушныхъ 16 р. 32 к., да оброчныхъ за земли 3 р. 40 к.

Куплено муки пшеничной 2 пуда по 70 к., гороху 2 пуда 70 и 30 к. пудъ. Куплено полуситцу 8 ар. по 60 к.

21 числа, Воскресенье Сборное, весьма таяло и тепло.

24 числа ѣздилъ впередъ и обратно въ Шульбу, для смотру строющихся Нерпинымъ купцомъ магазиновъ, попалъ встрѣчу сынъ Петръ, пріѣзжалъ для покупки бѣлой бумаги на эскадронъ.

Получено Указное извѣстіе о кончинѣ высокославнаго мужа и воина, извѣстнаго въ Россіи Фельдмаршала, Петра Александровича Румянцова, что онъ въ Декабрѣ мѣсяцѣ скончался и наложенъ на всю армію тридневный трауръ.

Сего же 20 числа получено изъ Барнаула, отъ повѣреннаго моего Воронецкаго, письмо, при коемъ онъ прислалъ рѣшительное

опредѣленіе объ людяхъ, что они по всѣмъ законамъ принадлежатъ какъ мнѣ, и потомкамъ моимъ, въ вѣчное владѣніе.

Въ полученныхъ газетахъ 797 года Генваря отъ 14-го: «Съ нижней рѣки Эльбы Декабря 27-го:

Въ Лондонскихъ Вѣдомостяхъ,по до стовѣрному извѣстію, полученному Англійскимъ Дворомъ, увѣдомляютъ, что бывшій до сего времени Китайской Императоръ Кіенлонгъ сдалъ правленіе своему 15-му сыну, который 9 Февраля, въ первый день ихъ Новаго Года, подъ именемъ Тсинга, дѣйствительно вступилъ въ верховное управленіе Государственныхъ дѣлъ, а самъ Императоръ принялъ титулъ Тай-Шангъ-Гоангъ-Ти, т. е., величайшаго Императора, и присылалъ Англійскому Двору съ послѣдними Остъ-Индскими кораблями многіе дары, и при томъ письмо, въ коемъ увѣдомляетъ о сей перемѣнѣ.»

Куплено 3 пары чарковъ по 65 к.

Примѣчаніе економическое на содержаніе овецъ:

Гдѣ оныхъ содержать должно, то хлѣвъ тотъ, или дворъ, долженъ быть изъ осиноваго лѣсу, а ежели бъ онаго гдѣ было недостаточно, то, по крайней мѣрѣ, хотя окладныя изъ онаго положить бревна, а при томъ осиновой же колъ вколотить по срединѣ того двора, хотя бъ онаго было и не видно.

Опытъ сей и примѣчаніе многіе дѣлаютъ, и великое имѣютъ въ плодородіи овецъ приращеніе.

Примѣчаніе: у скота чтобъ выходили черви:

Избравъ изъ домоваго строенія стараго бревно, а особливо если сыщется осиновое, провертѣть напарьею вдоль бревна; взявши отъ скотины, имѣющей червей, отрѣзавъ хвоста, положа въ сію выверченную дыру, заколотить четвероугольнымъ деревяннымъ клиномъ; тогда сіе симпатическое дѣйствіе совершится, такъ что всѣ черви въ скотинѣ, въ какихъ бы частяхъ тѣла ни были, выпадаютъ вонъ.

24 ѣздилъ на мельницу; прорвало плотину и со свинками и со сливнымъ мостомъ 18 числа, такъ что оную вновь исправлять должно.

. . . .

. . . .

Но мизгири дѣлаютъ ее для ловли мухъ свои паутины въ рѣшотки и еще и разными выплетаютъ фигурами, а сіи весьма

плотно, такъ какъ подобно сѣрой тонкой и безъ клею бумагѣ аптешной; внутри оной оболочки три кружка весьма правильны, одинъ отъ другого разстояніемъ на дюймъ и одинъ другого меньшое, сплочены въ разныхъ мѣстахъ сею плесенью, такъ какъ на столбахъ; сіи же кружки плотнѣе составляются изъ правильныхъ вокругъ пузырьковъ; разломавъ же оныя, въ каждомъ пузырькѣ свѣтящееся сѣмя на подобіе животнаго, и слѣдовательно оныя имѣютъ оставлять въ семъ твореніе, возрожденіе, кою весною непремѣнно должно оживотворится и составить сихъ насѣкомыхъ великое множество. Сожалѣтельно, что я не имѣю микроскопа, чтобъ сіе сѣменное, оставшее и покрытое въ соблюденіи, зарожденіе порядочно разсмотрѣть было можно. И выходу жъ ихъ на прежнемъ клубѣ съ боку одна дыра, въ которую они, влетая, ходятъ; а потомъ внутри между кружками и ножками вокругъ предоставлены такія же свободныя прохожденія, такъ какъ запримѣчено мною еще въ 785 году во время лѣтнее надъ кобылками или мелкою саранчею, которая въ осени дѣлая хвостомъ своимъ въ землѣ ямки, оставляетъ свои сѣмена и сама погибаетъ; весною жъ по благорастворенію воздуха оныя сѣмена во множествѣ оживотворяются и примѣчены на пахотѣ ползающими, какъ бѣлыя гниды; вотъ какъ натура всякому созданію расположила свои предѣлы, какъ въ произрожденіи жизни и питаніи ихъ, что ни едина кая тварь безъ власти видно Создателя оживотворена и бытія своего имѣть не можетъ.

' Лисица куплена 2 р. 50 к.; взято два штофа бѣлова по 1 р. 50 к., ведро вина 4 р., штофъ водки 1 р. 30 к.

29 Марта, Вербное Воскресенье: продолжавшаяся дни четыре вѣтреная сѣверная погода привела многихъ въ кашель и лихорадку простудную; а на сіе число и въ день снѣгъ съ перемѣною солнечнаго сіянія, въ ночь хотя небо пасмурное при сіяніи луны, но холодно, въ разсужденіи хотя небольшаго, но сѣвернаго, вѣтра. Рѣка Иртышъ многими мѣстами ледъ вынесла, но совершенно не прошла, съ подкрѣпленіемъ холода. Сего числа пріѣхалъ изъ Барнаула Штабъ-Лѣкарь Шевангинъ, для лѣченія Коменданта Полковника Генцига отъ продолжительной въ немъ послѣ лихорадки опухоли и отеку. По письму изъ Омска 21 Марта прибылъ въ Омскъ Генералъ-Маіоръ Юргенцъ и Шефъ Томскаго полку.

На 31 число съ вечера отъ SW туча со снѣгомъ коего напало вершка на 2, въ ночь выяснило и по утру морозъ, но день весьма солнечной.

8 числа Апрѣля настала ясная погода, а всю недѣлю продолжалась вѣтреная весьма холодная погода, перепадали снѣги утренніе, большіе, рѣка Иртышъ льдомъ прошла, но весьма непостоянно, рвало плесами и мѣстами; вода еще не великая и много льду остается по берегамъ и на косахъ. Сего жъ числа поѣхалъ Штабъ-Лѣкарь Шевангинъ въ Змѣевъ, Моисей Ивановичъ человѣкъ искусный, и сдѣлалъ Полковнику облегченіе и подалъ правила ко освобожденію. Я же сегодня поѣхалъ на пильную мельницу, для показанія для укрѣпленія плотины.

12 числа настала солнечная, ясная погода и теплая; съ почтою Александръ Пановъ изъ Омска отправленъ въ Томской полкъ. На предшедшей Святой Недѣлѣ проходилъ обратно Селенгинской полкъ въ Устькаменогорскую.

19 числа, во всю недѣлю, при солнечномъ сіяніи, но перемѣнныя облака, вѣтры жестокія, по большей части сѣверныя холодныя. Съ 16 вода прибывать начала. 18 Полковникъ Волчковъ пріѣхалъ. Былъ эскадронъ и двѣ роты Селенгинскія. Ушли въ обѣ стороны.

По 23 число стояла ясная погода, но 23 пасмурная и къ дождю склонная, погода тихая. По сіе число вода очень поднялась, такъ что многія луга поняла.

8 число, было ненастье по 7 число, а потомъ настала ясная погода. Куплено 3 книжки учебныя за 2 р., у Пашова Унтеръ-Офицера.

По 13 число Мая была ясная и жаркая погода.

Сего 797 года начато пахать Мая 1, 2, 3-го, запахано въ огородѣ и 3-го числа посѣяно просо, конопля и чечевица. И въ сіи дни, а также 4 и 5-го, спахано на острову вновь земли прямо деревни, двѣ десятины и посѣянъ ленъ.

Съ 5 по 14 пахано въ сограхъ и посѣяно овса 18 чет., ячменю $1\frac{1}{2}$ четверти, пшеницы 5 пудовокъ.

15-го числа, посѣяно у рѣчки пшеницы 3 пудовки, гречухи 2 пудовки.

14-го числа привезено муки аржаной 2 четверти, яшной 9 пудовъ.

14-го Мая, Четвертокъ, Вознесеніе; день ясный съ малымъ вѣтромъ отъ S и небольшія на небѣ косы; ночи настали теплыя и по утрамъ росы.

16 числа день весьма ясной и жаркой. Привезенъ Анфимовъ, объѣвшійся суремы, Андрюшкой; онъ объявлялъ въ Озеркахъ Прапорщику Немирову, Пятидесятнику и Казакамъ и бралъ туесъ молока, которой 4 часа былъ живъ и здохъ. Приходилъ Штабъ-Лѣкарь, Поручикъ Немировъ, купецъ Пиленокъ, и Священникъ Комаровъ.

25 числа получено съ почтою о Государевой коронаціи, которая совершена въ 1 день Пасхи Апрѣля 5 числа, и многіе господа пережалованы: Дѣйствительному Тайному Совѣтнику 1-го класса Безбородкѣ голубая осыпанная бриліянтами лента, 6000 душъ крестьянъ, гдѣ взять пожелаетъ, и Княземъ Россійской Имперіи; Генералу нашему, Штрандману, орденъ Св. Анны, а по прочимъ: Капитанъ Лубеновъ Майоромъ и Комендантомъ въ кр. Бухтарминскую, а также многіе Графами и Баронами. Торжество тридневное со звономъ. Манифестъ, чтобъ Воскресные дни не работать и крестьянъ не посылать на работу. Актъ подписанный Государемъ и Государыней о наслѣдникахъ по роду мужескаго поколѣнія, чтобъ были наслѣдники Государства. О поддержаніи въ Польшѣ Католицкой Вѣры священства въ разсужденіи ихъ религіи, и остаться всѣмъ Вѣрамъ свободнымъ безъ принужденія.

27-го посѣяно на острову ячменю 10 пудовокъ и пшеницы 3 пудовки.

Пріѣхалъ 26 купецъ Лобзинъ изъ Омской; онъ послалъ на Бухтарму и далѣе для выполненія нѣкоторой Комисіи, но по несчастію весьма невоздерженъ. 28 и 29 жары великія и засуха; а сего 30 числа показались па небѣ облака рѣдкія съ сіяніемъ солнца.

Іюня 1 числа, по ордеру Г-на Генералъ-Лейтенанта Штрандмана посланъ для освидѣтельствованія и поправленія граней принятому въ 776 году къ пильной мельницѣ лѣсу, и того жъ числа поѣхалъ.

Муки пшеничной куплено 2 пуда 1 р. 60 к.

3 числа, ѣздилъ въ боръ и обратно въ городъ. Великая ту-

ча съ громомъ и молніею и много дождя отъ SW, также и послѣ много тучъ съ дождями перепадали.

По 9 число продолжалось ненастье и перепадали дождички небольшіе, а потомъ облачное небо и холодновато. На 8 число былъ иней и нѣсколько овощей позябло.

Пришелъ 19 егерской баталіонъ.

10 число съ утра во весь день ясно съ вѣтромъ небольшимъ. Куплено мерлушекъ 120, отдано денегъ 30.

Съ 13 по 20 число стояла погода солнечная съ облаками и я находился въ форпостѣ Долонскомъ, для встрѣчи Генералъ-Лейтенанта Штрандмана. И перепадали тучами дожди.

20 числа пріѣхалъ Генералъ Штрандманъ въ Семиполатную, а 21 числа смотрѣлъ полкъ Генциговъ горнизонный, а 22 роту гренадерскую Селенгинскаго полку и 23 числа поѣхалъ въ Устькаменогорскую. Въ сіи числа погода продолжалася перемѣнная съ тучами и перепадали дожди, а по утрамъ воздухъ весьма холодный, всѣ растенія идутъ весьма худо.

25 число, въ знакъ моей благодарности роты первой служителямъ за смотръ Инспекторской, дано отъ меня ведро вина и 5 ведръ пива. Отъ Полковника Генцига на всѣ 4 роты по ведру вина.

Книга Китайская Гисторія отдана Старкову.

Во весь Іюнь мѣсяцъ стояла погода непостоянная и каждый день были дожди, но холодно, отъ чего какъ огородныя овощи, а равно на деревахъ ягоды, не поспѣвали и не росли, и неоднократно мѣстами позябали.

По 8 число Іюля стояли жары, но тучи ходили и дожди перепадали.

А 17 числа пріѣхалъ Холодиловъ изъ Шульбы и сказывалъ, что въ Талицѣ солдатъ изъ Петербургскихъ разсказывалъ ему, что хозяинъ его, Скулябинъ, поставлялъ во дворецъ сало, и оное нашлось фальшивое съ камнями, а по тому хозяинъ былъ взятъ, но онъ просилъ Анфимова перенять на себя, и онъ взялся, за что хозяинъ далъ ему 30 тысячъ, а онъ былъ кнутомъ наказанъ и отосланъ въ Сибирь, чтобъ болѣе уже не казался по кредиту его.

19 Іюля пасмурно, но парило при солнечномъ сіяніи.

Сего числа по полуночи, въ 7 часовъ 37 минутъ, скончался Г. Полковникъ, Комендантъ и Кавалеръ Генцигъ, по коемъ, по отзыву Майора Полякова, вступилъ я въ командованіе.

Іюля 21 числа получено мною извѣстіе чрезъ выѣхавшаго на мѣновной дворъ изъ города Ташкента жителя Ражибаканова, что назадъ тому 53 дни, какъ посланной туда Атаманъ Телятниковъ отправленъ отъ Юнусъ-Хожи обратно на кр. Святаго Петра, и что онъ въ бытность въ Ташкентѣ въ зиму весьма былъ принятъ отъ Юнусъ - Хожи хорошо, довольствованъ достаточно и снабженъ лошадьми, и съ нимъ посланъ отъ него Старшина Муллажанъ, и при немъ товаровъ на 70 верблюдахъ, которыхъ половина пришла въ Чингистоу къ Салтану Току, для промѣну на барановъ, а сіихъ будутъ уже промѣнивать Китайцамъ на товары, а другая половина товаровъ пошла въ Петропавловскую, а также прибавилъ къ своему объявленію, что Юнусъ-Хожа Ташкинской и Кукансной Нурбата и Ходжанской Худіяръ-Бекъ-Фазилвбековъ, нынѣ очень между собою согласны, а равно и Киргизскіе Салтаны, какъ то Ханхожи, Пупа и прочіе посылали своихъ депутатотъ къ Юнусъ-Хожѣ съ таковымъ объявленіемъ, что оные Ташкенскихъ каравановъ, какъ останавливать и грабить не будутъ; а сей Ташкенецъ пріѣзжалъ сюда повидаться изъ Чингистау съ знакомцами своими, и на другой день уѣхалъ обратно.

Съ 21 по 25 число стояла жаркая солнечная погода.

27 числа погода вѣтреная, 28 ясная, но вѣтрена погода.

Куплено 2 дэбы за 6 р. Августа 11 куплено муки пшеничной 2 пуда по 70 к., аржаной 4 пуда по 45 коп.

Отдано за сѣнокосъ, поставлено было 16 скирдовъ и обошлось по 3 р. за скирду. Взято кофе 10 ф., лавроваго листу ¼ ф., орѣшковъ мушкатныхъ 5, головокъ гвоздишныхъ ¼ ф.

22 Августа куплено бумаги пряденой 2 ф. по 1 рублю.

27 Августа пріѣхалъ Генералъ Штрандманъ съ Генералъ-Майоромъ Аршеневскимъ. 29 Штрандманъ поѣхалъ въ Омскую, а Аршеневскій оставался у меня въ домѣ, во ожиданіи Ханъ-Хожи Салтана; однако онъ не выѣхалъ въ крѣпость, а только Сентября 4 Сама Салтанъ Адилевъ приведенъ къ присягѣ, и Аршеневской уѣхалъ 5 числа по утру, гдѣ видѣться хотѣлъ съ Ханъ-Ходжею на перевозѣ.

Сентября. къ 1 числу убрались съ посѣвнымъ хлѣбомъ, а нажато ржи сего года урожайнаго: ржи 1230 сноповъ, овса 6750, пшеницы 652, ячменю 1086.

Сего года пахать начато на острову, посѣяно ржи на Ванькиной 8 четвериковъ, на острову 5 четвериковъ пшеницы озимовой.

Отдана лисица за 3 рубля.

8 числа пріѣхалъ изъ Барнаула Пасторъ бывшей въ Зѣвакиной и 9 числа отпѣвалъ Полковника Генцига, которой произведенъ Генералъ Майоромъ, и дано ему за служеніе 25 руб.

10 Сентября погода сухая, прекрасная, ясная.

Куплено бязей 4, 6 р. 20 коп., 2 дабы голубыхъ 6 р. 50 коп., 1 ф. чаю 2 р. 50 коп., верверету $1\frac{1}{4}$ ар. 1 р. 50 коп., выбойки 11 ар. за 7 р. 1 к.

За шитье башмаковъ 30 коп. 2 Октября куплено бязей бѣлыхъ Шанскихъ двѣ за 5 р.

3 Октября, послѣ погодъ перемѣнныхъ, такъ что во весь Сентябрь мѣсяцъ почти не вѣдали солнца, настала ясная солнечная погода.

Бязь бѣлая 2 р. 50 коп., соли пудъ 40 коп., ягодъ клюквы 60 коп. ведро, за телѣгу 1 р. 50 коп., 2 дабы Пекинскія 7 р. 2 пуда сахару 27 р., чаю куплено 2 ф. 5 руб.

28 Октября, съ вечера и во всю ночь, снѣгъ и подморозило.

Ноябрь 1, 2, 3, 4-го числа была погода вѣтреная со снѣгомъ и морозно. 4 число у Бриммера былъ балъ. 6 число у меня былъ балъ, и ночью рѣка Иртышъ льдомъ покрылася. 7 число пасмурно и тепло.

По 11 число стояла ясная и сухая погода, но съ вечера заморозило во всю ночь и 19 число во весь день мокрой снѣгъ а 13 ч. по утру выяснило и настала зимняя прекрасная дорога.

Льну у Татаръ Томскихъ куплено 2 п. за 2 р. 50 к. пудъ 5 руб.

9, 10, 11 число съ теплою погодою снѣгу много и настала дорога весьма хорошая.

Куплено 14 ар. коразеи за 3 р. 90 к.

30 и 31 число, послѣ продолжающихся во весь праздникъ Рождества Христова, морозовъ, настала солнечная теплая умѣренная погода. Въ исходѣ сего года поставлялся хлѣбъ отъ подрядчиковъ Боровикова и прочихъ въ магазины: крупа по 6 р. 55 к, мука

по 4 руб., овесъ въ Семиполатныя и Долонскія по 3 р., въ Ямышевскую и Коряковская по 4 р. четверть. Мука въ базарѣ пшенишная по 80 к. и по 75, аржаная въ 60 и 55. Окончательная зима настала порядочная, снѣгу довольно и чрезвычайно противъ прежнихъ лѣтъ много. Морозы хорошіе, ясные и тихіе, и такъ что зима весьма постоянная.

23 числа пріѣхалъ Титулярный Совѣтникъ Бакулинъ слѣдовать винную таможенну часть. Хлопотъ много и очень трудно и многодѣльно; рекрутской наборъ съ 500 3 рекрута, Генваря къ 1-му оконченъ, только одного недоставлено отъ Князя Еристова.

Во весь годъ были великія по правительствамъ перемѣны и въ войскахъ жалованы многіе и много во всѣхъ мѣстахъ завелись суды и слѣдствія по доказательствамъ разныхъ людей.

Новый Годъ (?)

....

Октября 10 числа, за плугъ заплачено 15 р. Нанятъ пастухъ Сентября съ 1-го по 2 р. на мѣсяцъ. Отдано ему холста 15 арш. по 11 коп., корова дойная за 8 р., сапоги красной кожи одни.

16-го получено письмо отъ Семена Васильевича изъ Ямышева. Люди пріѣхали изъ деревни, вымолочено овса 1550 сноповъ, вышло овса 27½ изъ коего повезено 25 четвертей на плотбище, да людскаго 15 чет., а всего 40 четвертей. Куплено пудъ луку за 60 коп.

Октября 23 число по утру съ великою погодою палъ снѣгъ и подстыло, а прежде съ недѣлю была перемѣнная ненасная погода. Куплено пудъ мяса 1 р., студени 30 коп.

Ноября съ 1 по 4-е число погода тихая, теплая, умѣренная, по утрамъ съ куржаками, и 4 числа рѣка льдомъ покрылася. Пріѣхали изъ деревни. Поправлены перестройкою дворы. По сіе число вымолочено овса 2025, вышло 6 четв. 6 четвериковъ, льну вымято 336 поскони.

Дерево, называемое Модревъ отъ огня несгораемое, въ великомъ пламени пребываетъ безвредно.

23 число съ утра во весь день снѣгъ большой и тихой, и выпало ровно въ ночь, ясно и морозъ. Настоящая зима и дорога настала. Сала 2 пуда 3 руб.

24 числа день ясной, морозной, солнечной. Пріѣхалъ Па-

велъ изъ Тары. По 1 Декабря стояли ненастная съ погодами дождями и гололедица, а 3 и 5 числа снѣгъ спалъ, дорогу поправило.

Декабря 4 число въ полуночи умеръ Матвѣй Степановичъ Лобзинъ, бывъ болѣнъ съ Сентября мѣсяца съ открытіемъ водяной болѣзни; былъ человѣкъ любитель книгъ, справедливъ, спокоенъ, тихъ, скроменъ, довольно было чѣмъ заняться его собесѣдью, знающъ въ законахъ, наставникъ добрыхъ дѣлъ, искренній безъ лицепріятія и между всѣми понимающими его качества почитался Діогеномъ, 60 лѣтъ, не оставя по себѣ наслѣдства, не имѣвъ никогда дѣтей.

Куплено карасей пудъ за 1 р. 30 к., аграманту 10 ар. по 15 к., чаю фунтъ 3 р. 50 коп. 3 ф., урюку 1 р. Взято 5 лисицъ по 3 р., 2 фанзы 10 р.

По 23 число стояла гололедица, а сего числа палъ снѣжокъ, куплено льну пудъ за 2 р. 50 к, еще 10 фун. 70 коп., нельмы пудъ 2 р.

Годъ сей кончился непогодою, снѣгомъ бурнымъ и жестокимъ морозомъ, въ лѣтѣ урожай хлѣба былъ порядочный, весною вода чрезвычайно великая съ наводненіемъ, которая и въ зиму осталась противъ прежнихъ лѣтъ высокою. Хлѣбъ продавался умѣренными цѣнами, сѣна довольно и пажити изрядны, болѣзни были горячки, людей умирало довольно, въ скотѣ было прибыли мало; раздоры, хлопоты и ябеды въ народѣ велики и нѣкоторое уныніе.

Генварь 1-й день 1800 года ясный, но весьма морозный съ восточнымъ вѣтромъ.

10 Генваря великой морозъ по утру съ пылью, а въ день солнце, первой во всю зиму морозной.

Стояли морозы жестокіе, а 13 съ оттепелью пасмурно, 25 съ морозомъ вѣтеръ по большой части восточной,

31 Генваря: сего числа исполнилось мнѣ отъ рожденія 56 лѣтъ, а отъ совершенія брачнаго 32 года, и настала 9 седьмина.

Роспись, данная 1800 году, Февраля 10 числа, отъ отставнаго Майора Андреева дочери его родной, Марьѣ Ивановной, вышедшей въ замужество за Капитана Петра Николаева сына Полякова. Что ей, Марьѣ, отдано въ приданое вещей, значитъ подъ симъ:

Образъ шестилистовой Знаменія Абалацкой Богородицы, ри-

за съ вѣнцомъ, кована серебряная 1; посуды серебряной: подносъ 1, кружекъ водочныхъ съ ручками 6, ковшикъ столовой разливательный съ черекомъ серебрянныма 1, ложка соусная 1, столовыхъ ложекъ 6, солонка 1, перло жемчужное 1, серги кварцовыя въ золотѣ 1, аметистовыя въ золотѣ 1, стразовыя въ серебрѣ 1; перстней золотыхъ: склавашъ стразовой 1, аметистовой 1, кварцовой 1, аметистовой бѣлой 1, шерловой 1, кольцо золотое съ именемъ 1, серги бѣлыя большія, шандаловъ мѣдныхъ посеребреныхъ 2; оловянной: блюдъ большихъ 4, ножей Нѣмецкихъ 6 паръ, тарѣлокъ 24, трубка узольная 1, миска 1, самоваръ 1, тазъ мѣдной большой 1, чайница и сахарница берестянные 2, желтыхъ лаковыхъ подносовъ круглыхъ большой 1, средній 1, чашекъ чайныхъ паръ 6, кострюля мѣдная съ крышкой 1, чашекъ большихъ Китайскихъ фарфоровыхъ 3, блюдо 1, досокъ сахарныхъ чугунныхъ 2, туалетъ краснаго дерева съ большимъ зеркаломъ шлифованой 1; платья: пологъ тафтяной съ крышкой и подвѣсомъ въ 12 полосъ 1, одѣяло тафтяное розовое 1, одѣяло лензовое желтое 1, пуховикъ 2 пуда съ наволочками клѣтчатыми 1, подушекъ пуховыхъ большихъ 2, среднихъ 2, малыхъ 2, наволокъ фанзовыхъ алыхъ съ зелеными пристѣнками 6, платья длиннова: ленобатистовое шитое 1, гранитурово-розовое 1, гранитурово-верлено 1, грызетово-голубое 1, дымковое бѣлое 1, тафтяное коришневое 1, канфово-пюсово 1, тафтяно-кофейное 1, шитое миткальное 1, тафтяное двоеличневое, сертукъ 1, ситцевое бѣлое 1, темныхъ 2, юбка стеганая розовая, фанзова 1, желтая фанзовая стеганая 1; бѣлье: простынь полотняныхъ 1, холщевыхъ 4, наволокъ на подушки кисейныхъ полосатыхъ 6, холщевыхъ 12, платковъ кисейныхъ 6, рубашекъ женскихъ; полотняная 1, холщевыхъ 24, полотенцевъ полотняныхъ 2, холщевыхъ 6, скатерть 1, салфетокъ 12, простая скатерть 4, салфетокъ 6, чулковъ шелковыхъ 2 пары, перчатокъ шелковыхъ 2 пары, перьевъ страусовыхъ алыхъ 4, чорное 1, лентъ поясныхъ 14 аршинъ, среднихъ 20 ар., холста скатертнаго 10 ар., простаго 20 ар., калпаковъ бумажныхъ 3. Дворовые люди: Киріякъ Павлуцкой, жена его, Авдотья Петрова, сынъ Вуколъ, дочь Степанида, на коихъ выдано дочери моей 1800 года, Февраля 10, и поступная со свидѣтельствомъ Уѣзднаго Суда, со взнесеніемъ пошлинъ. Кисеи травчатой съ цвѣтами 8 ар., гранитуру голубаго 12 ар., сундукъ

подъ голубою краскою окованной 1, сундукъ красною кожею обитой съ бѣлымъ желѣзомъ 1.

1 число Марта, получа извѣстіе, что всей Сибирской дивизіи полкамъ въ походъ въ Иркутскъ, поѣхалъ въ крѣпость Устькаменогорскую, куда пріѣхалъ въ двои сутки на своихъ лошадяхъ въ Суботу вечеромъ, и бывъ тамъ какъ у Князя Еристова и Полковника Бриммера, на квартирѣ отставнаго Капитана Ваулина, изъ которой ѣздилъ въ деревню Бобровку и на хуторъ Князя Еристова, изъ любопытства для разсмотрѣнія заведенныхъ тамъ пасикъ и пчелъ, какимъ образомъ оныя ихъ содержатъ, но во всѣхъ сихъ мѣстахъ, правда, мѣсто изобильно между горъ и долинъ землею для хлѣбопашества, сѣнными покосами, только лѣсами весьма скудно; ибо оной достаютъ изъ горъ по рѣкѣ Ульбѣ и возятъ трудно горами верстъ за 50 для строенія, а по тому во всей деревнѣ Бобровкѣ и строенія достаточнаго и выгоднаго мало, а равно и Княжеской хуторъ обиліе свое держитъ землями и мельницею, но, впрочемъ отмѣннаго ничего не видно и наклоняется все къ паденію. Пріѣхалъ обратно 12 ч. зимнимъ путемъ, и было дорогою весьма холодно, но 12 захватило великимъ бураномъ и дождемъ, а 13 оттеплило при ясномъ небѣ и стаяло.

21 число день весьма ясной и солнечной, таяло; съ сего числа началась весна.

По 27 число продолжается весьма непостоянпая погода, по большой части холодно и таетъ весьма умѣренно.

На 29 Марта было затмѣніе луны въ самомъ полномѣсячіи; получено отъ брата Семена Васильевича письмо, и приономъ прислано покупокъ изъ Ирбити: сахару 1 п. 32½ ф., по 29 р. 52 р. 56 к., чаю чернаго 8 ф., по 2 р. 70 к., 21 р. 60 к., 104 дѣли вязаной 10 р. 44 к., 1 судокъ жестяной 6 р., за провозъ 4 п. 7 ф. 6 рублей 80 копѣекъ.

Апрѣля 5 продолжалась погода пасмурная съ прохолодью всегда, но рѣка Иртышъ льдомъ еще не открывалася, хотя въ рѣкѣ Иртышѣ и была вода довольная и выламывала плесами въ разныхъ мѣстахъ.

Апрѣля 8 Пасха, въ дни перемѣнная ясность неба съ сыростью, 10 рѣка Иртышъ совершенно льдомъ открываться начала, но воды великой не было, а умѣренная.

13 рожденіе мѣсяца, во весь день ненастная погода съ вѣт-

ромъ отъ SW и во весь день дождь, а въ вечеръ заморозило. 14 въ ночи и во весь день великой снѣгъ и холодно.

15 во весь день погода отъ S теплая со снѣгомъ; вода въ Иртышѣ возвысилась такъ, что луга всѣ затопило.

На 16 число въ ночь великая погода отъ SW и дождь съ громомъ и молніею, первый только въ разсужденіи ненастныхъ дней. Громъ глухой, хотя и тяжкой, и во весь день продолжался дождь.

18 пріѣхалъ въ деревню, гдѣ отъ великаго наводненія берегъ такъ оборвало, что принужденъ былъ переносить большой анбаръ на гору къ огороду, но воды убыло довольно.

18 настала ясная и солнечная погода. Отъ сего числа продолжалась погода весьма дурная съ дождями, снѣгами и вѣтрами холодными.

26 пріѣхалъ въ городъ; вода убывать начала.

Мая съ 1 числа по 13 стояла погода весьма непостоянная, вѣтреная, холодная со снѣгами и дождями и бурями, вода въ рѣкѣ Иртышѣ была великая въ другой разъ, и стала сбывать.

Генералъ отъ Инфантеріи Густавъ Густавовичъ Штрандманъ отбылъ изъ Омской Іюня 1 числа, бывъ въ Сибири Генераломъ отъ 786 года Главнокомандующимъ. По полученнымъ приказамъ Мая 15, по представленію Шефа Талызина, за незнаніе службы выключенъ Полковникъ Бриммеръ.

31 число пріѣхалъ Сенаторъ, Генералъ Лейтенантъ и Кавалеръ, Федоръ Ивановичъ Левашовъ, былъ на квартирѣ у меня двое сутокъ и въ Воскресенье 1 числа Іюля отбыли въ верхъ; съ ними Секретарь Николай Ивановичъ Глухаревъ, и съ Левашовымъ Алексѣй Карповичъ, купецъ Тобольской, Варлашовъ.

Іюля 3 продано Екатеринбургскому купцу Гилеву 100 скотинъ за 1750 р.

Отставленъ въ отставку Камендантъ Князь Ураковъ, Василій Егоровичъ. Онъ въ бытность свою довелъ полкъ въ весьма хорошій порядокъ и обучилъ, но, напротивъ того, человѣкъ въ жизни безъ порядка, имѣлъ ушниковъ, входилъ въ разныя дѣла, много завелъ слѣдствіевъ, грабилъ сколько можно, и безчестно посылалъ по ночамъ подслушивать, съ честными людьми обхожденія не имѣлъ, пилъ по ночамъ съ своею партіею; уѣхавши не простясь, увезъ много долговъ у разныхъ людей, а видно что

старался только набогатиться; увезъ съ собою старуху, Канцелярскую жену, и съ дочерью, и многія при немъ происходили непристойности, гоненія Офицеровъ и Штабовъ, что всѣ были ради, что сія его отставка постигла; лукавъ и онъ что ни говорилъ, а другое мыслилъ; поступокъ его весь былъ алгвазила. Уѣхалъ въ Сентябрѣ.

Князь Ерисговъ тожь отставленъ; по представленію Уракова, Штабсъ-Капитанъ Бердюгинъ выключенъ, съ отобраніемъ патентовъ, за то, что онъ, въ удовольствіе Князя, не сдѣлалъ въ Уѣздномъ Судѣ, будучи депутатомъ. Въ Октябрѣ выключенъ Талызинъ Генералъ. 7-го Ноября снѣгъ палъ и ѣздили на саняхъ за сѣномъ; куплено сѣна стогъ 25 копенъ 4 р. Китайки куплено $2\frac{1}{2}$ конца вишневой 10 р., бязь бѣлая шанская за 2 р. 60 к.

Съ 9 числа настала ясная и свѣтлая погода и снѣгъ изчезъ, На рѣкѣ шуга идетъ великая.

Октября 24 числа въ Ямышевѣ старушка добрая, Капитанша Тарабаркова, Марья Матвѣевна, пошедъ въ 9-мъ часу одна въ баню и тамъ до смерти запарилась; правда, что она была до сего охотница.

На 15 число Ноября рѣка Иртышъ льдомъ покрылась съ прибылью довольной водою, день ненастной и снѣгъ шелъ во весь день съ перемѣною, тучами, въ вечеръ выяснило, ночь свѣтлая съ облаками.

18 числа во всю ночь со снѣгомъ теплая погода.

19 числа погодью, дождемъ, ненастьемъ весь снѣгъ согнало и поставило гололедицу.

Погода ясная солнечная, снѣгу нѣтъ, гололедица, ѣздить очень нужно.

Сего 1800 года, Ноября въ 1-хъ числахъ, торгующіе при мѣновномъ дворѣ Ташкенцы, Меркурбанъ, Кіек . . . . Хожи и прочіе, будучи для торгу на Китайской границѣ въ Кулжѣ и Чугучакѣ, вывезли слѣдующія извѣстія. Нынѣшняго лѣта Киргизскаго Хана Вали сынъ пріѣзжалъ въ Кулжу и просился въ Пекинъ для принесенія Богдохану Китайскому почтенія, но Губернаторъ безъ Указа отправить онаго не смѣлъ и писалъ ко Двору, а Вали Хана сынъ, какъ не ожидая, отъѣхалъ обратно, воспослѣдовалъ Именной Указъ съ великою Губернатору строгостію, для чего онъ его не отправилъ, и велѣно объявить всѣмъ Киргизскимъ Салтанамъ

коимъ и объявлено чрезъ посланныхъ 28, кто желаетъ только быть въ Пекинѣ, для принесенія Богдохану нововозшедшему почтеніе, ѣхать на казенномъ коштѣ позволено, а къ Вали Хану посланъ нарочной съ 12 вьюшными верблюдами разныхъ товаровъ и приглашеніе, чтобъ онъ ко Двору явился, или прислалъ своего сына.

За Тарбагатаемъ, извѣстнымъ камнемъ, лежащіе къ Китайской границѣ волости Киргизскія, пошли, отъ неспокойствъ Киргизскихъ между собою, въ совершенное подданство къ Китайцамъ, коимъ чрезъ нарочно присланныхъ инженеровъ между поселенными Калмыками и земли размежеваны, слѣдовательно, волости сіи отъ рода большой Орды Усюнцевъ Чапратчи, Чашлы и прочія. Торговали въ нынѣшнее время съ Ташкенцами, какъ въ Кулжѣ и Чугучакѣ, весьма выгодно и не такъ, какъ прежде, всѣ Россійскія товары брали хорошо, равно и съ своей стороны выдавали достойныя и просили, чтобъ и впредь оные приходили съ торгами, не опасаясь ничего. Года три какъ въ Ташкентѣ Юносъ-Хожи власть свою возстановилъ и принадлежащія къ оному мѣстечки привелъ подъ свою власть, и очистилъ отъ нападенія и посторонней власти Киргизской. Нынѣшняго лѣта изъ Бухаріи съ войсками Шамратъ-Бекъ онаго завоевалъ подъ свое иго, равно и область Туркестана, гдѣ Юносъ-Хожа убитъ, а равно и Куконской Бекъ Нурбата умеръ, а сынъ его Аккоянъ отъ Шамрата въ Куконѣ въ блокадѣ, о чемъ будто бывшей въ Ташкентѣ Россійской посолъ, нанявъ 3-хъ человѣкъ Киргизцовъ, далъ имъ на 500 руб., отправилъ о несчастіи Ташкента съ донесеніемъ въ Петропавловскую крѣпость, а о Шамратъ Бекѣ увѣряютъ, что онъ, по приведеніи сихъ мѣстъ, равно Галчи и Курамы, подъ свое владычество, не коснулся бъ исторгнуть отъ Китайцевъ принадлежащихъ къ Бухаріи 9 городовъ, какъ Яркеня, Турфана и Кашкара и прочихъ, на что еще впредь подтвержденія ожидать должно. На нашихъ границахъ перепуски табуновъ Киргизскихъ и кочевье на нашей сторонѣ вовсе запрещены были, кромѣ таковыхъ, кои въ совершенное Россійское подданство вступятъ, но по Именному Указу велѣно табуны оныхъ перепускать и брать съ нихъ съ каждаго ста по одной лошади годныхъ къ драгунской службѣ, а ихъ содержать на нашей сторонѣ съ опредѣленнымъ къ онымъ присмотромъ. Но оказывающаяся бѣдность сего

народа отъ времени и до времени увеличивается, и примѣтно сіе только отъ единственнаго ихъ между собою несогласія, подъ именемъ баранты грабительства, такъ что многія волости начали отходить далѣе къ Китайской границѣ, для единственнаго спокойствія, не смотря что Китайцы берутъ съ нихъ алымъ съ каждой юрты по одной лошади въ годъ, и по извѣстіямъ отъ вышедшихъ Ташкенцевъ, которые изъ онаго 7 мѣсяцевъ остались благополучно, а что послѣ ихъ случилось, не знаютъ, однако жъ о завладѣніи Ташкентомъ Шамратомъ и смерти Юнуса-Хожи слышали; а равно умеръ и Худіяръ-Бекъ Фазилбековъ въ Курамѣ.

На мѣсто умершаго въ 779 году Ханхожи Салтана возведенъ на достоинство сынъ его, Янбу-Бекъ, и Китайцы имя придали ему Янхожа, хотя на сіе достоинство и желалъ дядя его, а сынъ Абулфеистовъ Ючи, но Китайцы не допустили.

29 Ноября поѣхалъ въ деревню. Генералъ-Майоръ и Кавалеръ Николай Ивановичъ Лавровъ, на мѣсто Нефедьева, Инспекторомъ, а главнымъ командиромъ на мѣсто Лаврова Генералъ-Майоръ Князь Вяземской.

Городиловъ смѣненъ.

Декабря 13 проѣхалъ Капитанъ Корноуховъ въ полкъ, бывшій у Нефедьева Инспекторской Адъютантъ и Правитель Канцеляріи.

Въ Октябрѣ Полковникъ Сорокинъ уѣхалъ въ Иркутскъ въ полкъ Леканова, на мѣсто Полковника Суховицкаго, а онъ выключенъ изъ службы.

Извѣстный купецъ, Грекъ Иванъ Андреевичъ Курбаковъ, былъ въ Семиполатной въ сіе время: онъ, будучи въ Петербургѣ, пользовался милостью Монарха, пожалованъ Титулярнымъ Совѣтникомъ, а мальчикъ его, который слѣпаго его водилъ, Colлежскимъ Регистраторомъ, и привелегія по его кредитамъ во всѣхъ Сибирскихъ таможняхъ пропускать купечество для торговъ за границу караваны. Онъ любопытно доискивался свѣдѣнія отъ меня о находящемся отмѣнно достойномъ примѣчанія камнѣ въ городѣ Самаркандѣ, бывшей прежде Азіятической столицѣ, и просилъ развѣдывать.

23 Декабря пріѣхалъ изъ деревни въ городъ.

Сего мѣсяца 19 числа проѣхалъ Шефъ въ полкъ Томской, Генералъ-Майоръ Князь Вяземской, 21 года; стоялъ на квартирѣ у меня.

Къ 21 числу послано сыну Петру съ Капитаншей Ушаковой, Прасковьей Гавриловной, куртка синяя верверетовая, на мѣху бѣломъ лапчатомъ мерлушчетомъ, обложена лисицами.

Куплено бумаги бѣлой $6^1/_2$ дестей 2 руб.

Морозы продолжаются умѣренные при солнечномъ сіяніи, но жестоки, что при восточномъ вѣтрѣ.

Пшены 1 пудъ за 5 руб.

Годъ сей кончился великими отъ SO вѣтрами, такъ что снѣгъ согнало и дорога весьма худая; урожай хлѣба во многихъ мѣстахъ весьма неудачный, по сырости бывшаго лѣта.

Разрѣшены всѣ выключенные изъ службы принятіемъ оными по прежнему, а не желающимъ дать пашпорты въ отставку; впрочемъ здорово на людей и скота, безъ всякихъ примѣчанія достойныхъ приключеніевъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1. Сынъ сочинителя этой лѣтописи, Подполковникъ Андреевъ, будучи бездѣтнымъ, завѣщалъ ее своему родному племяннику, Степану Андреевичу Ковалеву; Г. Ковалевъ напечаталъ изъ нея небольшой отрывокъ о перенесеніи Семиполатинской крѣпости въ «Вѣстникѣ Импер. Географическаго Общества.» По смерти Степана Андреевича лѣтопись досталась его сыновьямъ, изъ которыхъ одинъ, Ѳедоръ Степановичъ, обязательно сообщилъ ее мнѣ.

2. Еще до 1783 при подошвѣ Алтая были землетрясенія, въ 1761, 1764, 1771 и 1776 годахъ. О землетрясеніи 1761 г. упоминаетъ Александръ Гумбольдтъ въ Asie centrale, t. II, p. III; объ немъ сохранились также свѣдѣнія въ областномъ архивѣ въ Омскѣ, которыя мы и прилагаемъ ниже; о землетрясеніи 1764 извѣстія найдены нами только въ областномъ архивѣ; о землетрясеніи 1771, 1776 и 1783, о которомъ пишетъ Андреевъ, упоминаетъ Александръ Гумбольдтъ въ томъ же сочиненіи. Вотъ извлеченныя нами изъ областнаго Архива извѣстія о землетрясеніяхъ:

«Рапортъ Полковника Де Гарринга, 31 Октября, 1761.

Изъ Новиковскаго форпоста на Бійской линіи Поручикъ Вакрушевъ донесъ: 22 Октября, 1761, съ полдень во 2-мъ часу было трясеніе земли на краткое время, отъ чего и хоромное строеніе весьма потряслося; до 23 ч. въ ночи, на примѣръ, въ 4-мъ часу Божіимъ посѣщеніемъ на краткое время на небесѣхъ происходила молнія, такъ какъ и лѣтнимъ временемъ происходитъ.»

«Рапортъ Диринга, изъ Ямышева, 1 Декабря, 1761.

Въ крѣпости Семиполатинской Ноября 28 ч., въ началѣ 4-го часу, было земли трясеніе, продолжавшееся четверть часа; какъ башни, такъ и строенія, поколыблялись; оно шло отъ востока на западъ. О томъ же донесено рапортами изъ Пьяноярскаго форпоста и Глуховскаго станца. То же трясеніе было и въ Ямышевѣ, только не съ такимъ страхомъ человѣку, но съ малымъ яко помраченіемъ въ домахъ качаніе всему имѣющему было.»

«Заводъ Колыванскій, отъ Полковника Васильева:

Сего Ноября на 29 ч. въ ночи, въ половинѣ 8-го часу, во второй четверти, въ 30-й минутѣ, въ Колыванскомъ заводѣ было трясеніе земли 3 минуты; въ живущихъ покояхъ было шатаніе, отъ сего и люди имѣли немалый страхъ. То же рапортовали, что 29 числа въ кр. Чагырской, по полудни, въ началѣ 7-го часу, въ первой получетверти, было трясеніе земли, а по объявленіи стоящихъ на разныхъ постахъ часовыхъ, тотъ шумъ начался по земли съ западной стороны, такъ что отъ того трясенія надъ проѣзжими воротами каланча, то жъ бастіоны и хоромное строеніе, весьма трещали и тряслись, а также какъ въ нижнемъ, такъ и въ верхнемъ, форштадтахъ въ домахъ всякаго чина военныхъ людей трясеніе было, да и въ Инской защитѣ, по объявленію команды, то жъ чинилось, и на небеси ни какого явленія, ни вѣтру тѣми, часовыми не усмотрѣно.»

«Устькаменогорскъ, отъ Майора Поливанова:

Минувшаго Ноября на 29 ч. въ ночи, на исходѣ 3 часу, какъ здѣсь, въ кр.

Устькаменогорской, такъ и по дистанціи оной во всѣхъ мѣстахъ, такъ въ защитѣ Хлѣбопахатной, въ станцахъ Уваровскомъ, Красноярскомъ и Барашковѣ, въ деревняхъ Новой, Глубокой и Убинской, было страшное земли трясеніе, такъ что всѣ хоромныя строенія колебались, и въ верху насыпная земля изъ щелей сыпалась, и вода въ сосудахъ колыхалась. А трясеніе шло съ востока.»

Въ слѣдствіе присылки открытаго ордера отъ Веймарна, объ описаніи по всѣмъ мѣстамъ трясенія земли, отъ востока, или запада, оно было и въ которомъ часу, Поручикъ Жаворонковъ изъ кр. Убинской рапортуетъ, что «28 Ноября, въ 8 часу по полудни, минутъ съ 5, было съ востока къ западу трясеніе, отъ чего хоромы шатались.»—Изъ форпоста Красноярскаго: «28 Ноября по полудни, въ 6 часу, на исходѣ 3-й четверти, земля тряслась, а прежде и послѣ ни какихъ знаменій не было.» Изъ форпоста Пьяноярскаго донесли, что «въ началѣ 2-го часа было земли трясеніе, шло отъ полуденной въ полуночную сторону, продолжалось четверть часа, хоромныя строенія тряслись.» Изъ Шемапаевскаго станца: «Трясеніе было 28 Ноября, въ исходѣ 7-го часа, съ минугу; вѣтру не было.» Изъ Красноярскаго станца: «28 Ноября, въ 3 часу ночи, было трясеніе земли съ четверть часа, такъ что вся хоромина тряслась; шло съ востока на западъ.»

О землетрясеніи 1764 г. «Рапортъ Полковника Скалона Генералу Шпрингеру:

Въ станцѣ Пьяноярскомъ, въ Ноябрѣ 17 ч., по полуночи въ 4-мъ часу, было трясеніе земли съ 1 минуту часа, а въ прочихъ станцахъ и въ кр. Семиполатинской этого не было.»

3. Эта «Гисторія на Киргизъ-Кайсаковъ находится теперь въ Архивѣ Главнаго Управленія Западной Сибири въ Омскѣ, въ дѣлѣ: «О родопроисхожденіи Киргизскаго народа.» Это очень краткая статья о нравахъ Киргизскаго народа; въ ней замѣчателенъ только перечень Киргизскихъ поколѣній, съ указаніемъ на мѣста ихъ кочевокъ въ прошломъ столѣтіи, а также родословная Салтановъ.

4. Сухой туманъ былъ въ Семиполатинскѣ и въ нынѣшнемъ столѣтіи, именно въ 1856 г.; онъ описанъ Г. Абрамовымъ въ «Вѣстникѣ Геогр Общества.»

5. Капитанъ Андреевъ описываетъ въ этомъ разсужденіи явленіе, которое совершилось тогда повсемѣстно въ Сибири и было вызвано убылью соболя, прекращеніемъ звѣроловнаго періода Сибирской колонизаціи и началомъ развитія городской жизни. Звѣровщики начали тогда выходить на берега рѣкъ, даже по Илиму и Ленѣ; въ хлѣбѣ и скотѣ почувствовался такой избытокъ, что необходимо было выдѣлить изъ сельскаго населенія часть для занятія ремеслами въ городахъ. Это-то послѣднее событіе, вздорожаніе хлѣба (но безъ уменьшенія его количества), и обратило на себя вниманіе Г-на Андреева и напрасно повергло его въ уныніе.

6. Колокъ — небольшой береговой лѣсокъ.

7. Куржакъ — изморозь зимою на деревьяхъ.

Сообщ. Г. Потанинъ.

ЗАПИСКА
О
ЦАРСТВѢ ПОЛЬСКОМЪ ВЪ 1834 ГОДѢ.

Положительныя мѣры Правительства въ распоряженіяхъ; прямая цѣль къ достиженію предполагаемаго; постоянное направленіе къ оной всѣхъ частей Правленія; снисхожденіе къ проступкамъ неумышленнымъ и строгая справедливосѣ въ розысканіяхъ политическихъ, если и не произвели еще тѣхъ благодѣтельныхъ впечатлѣній, какихъ бы ожидать можно, то подавляютъ затаившіяся искры Польскаго возмущенія. Мѣрамъ исполнительнымъ дана форма военной администраціи — по соображенію и съ духомъ недавно укрощенныхъ обывателей Царства, и съ духомъ самаго времени. Симъ пресѣкается зло въ самомъ его началѣ, и постепенно вводится должное уваженіе къ властямъ, какъ источникъ и основаніе порядка и спокойствія въ Краю, дышащемъ безначаліемъ.

Трудно, и даже, можно сказать, напрасно, искать любви и преданности отъ такого народа, который безъ всякаго размышленія, забывая всѣ несчастія, претерпѣтыя имъ подъ управленіемъ собственнымъ, блуждаетъ въ надеждахъ мечтательной самобытности; который во всѣхъ благодѣтельныхъ постановленіяхъ Правительства видитъ угнетенія, и который ненавидитъ побѣдителей своихъ по тому уже, что они побѣдители. Такого рода ненависть, возросшая до настоящей степени, можетъ ослабѣвать только въ прогрессіи времени — при счастливыхъ обстоятельствахъ и ни чемъ не нарушаемомъ спокойствіи.

Отдѣльное почти существованіе Царства Польскаго отъ цѣлаго тѣла Имперіи въ теченіи 15 лѣтъ; готовящійся въ продолженіи сего времени мятежъ въ разныхъ мѣстахъ людей и подъ различными видами; тайныя ковы внѣшнія; снисходительность

мѣръ внутреннихъ; бунтъ, принявшій было характеръ и формы революцій, апробованныхъ демагогами; связи въ эпохѣ возмущенія обывателей между собою и съ заграничными революціонистами, и наконецъ духъ пропаганды въ Европѣ, все сіе заглушало и заглушаетъ еще гласъ разума, представляя Полякамъ самыя невѣроятныя событія удобовозможными.

Бѣжавшіе за границу мятежники стараются всѣми мѣрами распространять разные нелѣпые слухи въ Царствѣ посредствомъ тайной переписки, и врожденное легковѣріе увлекается надеждами и на мнимую помощь Французовъ, и на соціальную революцію.

До какой степени простирается безстыдство во лжи и вымыслахъ, скитающихся по Европѣ Польскихъ мятежниковъ, и до какой степени они обманываютъ самихъ себя и вводятъ въ заблужденіе оставшихся въ Краю участниковъ бывшаго возмущенія, о семъ можно судить по показаніямъ, схваченныхъ въ Австріи эмисаровъ, присланнымъ отъ Австрійскаго Правительства. Въ показаніяхъ сихъ заключаются исчисленія небывалыхъ мятежническихъ войскъ: и въ Бѣловежской пущѣ, и на границахъ Царства Польскаго, съ именами начальниковъ командующихъ отрядами, или давно умершихъ, или живущихъ тихо Всемилостивѣйше дарованнымъ содержаніемъ. Подобная ложь, проникая и въ Царство, волнуетъ умы и, къ несчастію, многими принимается за истину.

Недавно арестованный за раздачу вспомоществованія исключительно отличившимся во время мятежа бывшимъ военнымъ, и за непозволительную переписку, Старшина Варшавскахъ купцевъ, Зейдель, при допросѣ, будучи человѣкомъ простымъ, чистосердечно сознался, что «онъ, собирая деньги для такого вспомоществованія, боялся отвѣтственности, но дѣлалъ это въ нерѣшимости, чего держаться: законнаго ли Правительства, или противной оному партіи, которая, какъ его увѣряли, имѣетъ за собою и Французовъ, и Англичанъ, и революціонистовъ всей Германіи.» Такъ думаетъ, къ сожалѣнію, едва ли не каждый изъ Поляковъ.

При такомъ образѣ мыслей, какъ трудно сыскать изъ тѣхъ людей, коимъ по необходимости ввѣряются почти всѣ части администраціи въ краю, и какого надзора требуетъ здѣсь каж-

дый изъ чиновниковъ! Въ этомъ заключается самое важное неудобство въ частномъ и общемъ управленіяхъ, — и одна только строгая точность во всѣхъ дѣйствіяхъ можетъ удерживать водворяющійся порядокъ.

Возмущеніе въ Польшѣ, въ которомъ едва ли не каждый изъ Поляковъ болѣе, или менѣе, участвовалъ, надолго еще будетъ составлять пріятное воспоминаніе, а особенно между Шляхтою. Почти ежедневно, при случайныхъ розысканіяхъ, отыскиваются у многихъ различные памятники мятежа, какъ то: пѣсни, стихи, газеты, мундиры и самое оружіе; виновные въ томъ не остаются безъ взысканій; но, не взирая на то, люди въ лѣтахъ и званіяхъ не престаютъ хранить у себя предметы, долженствовавшіе бы стыдить ихъ. Подобное, можно сказать, ребячество составляетъ рѣзкую черту въ характерѣ Поляковъ, всегда готовыхъ серьозно дѣлать непростительныя глупости.

Самое большое зло есть бывшіе военные, а особливо тѣ, кои во время бунта получили Офицерскія званія, и тѣ, кои возвышены за отличія въ ономъ. Люди сіи, надѣясь всего отъ мятежа, не могутъ не скучать общимъ порядкомъ, чувствуя собственное уничиженіе.

Не меньшее зло и Духовенство здѣшнее. Оно, будучи безженнымъ, не приверженнымъ ни къ чему, кромѣ наружнаго Католицизма, съ невѣжественною ненавистью ко всѣмъ другимъ Исповѣданіямъ, не наставляетъ, но, при всякомъ случаѣ, сѣетъ плевелы въ народѣ. Число его весьма велико. Зависимость отъ Рима раздѣляетъ его съ Правительствомъ. Оно составляетъ здѣсь какое-то тайное общество, дѣйствующее въ духѣ, какъ бы приуготовительномъ ко всякому возмущенію, надѣясь въ мечтательной перемѣнѣ сыскать прежнюю свою силу.

И такъ всѣ сословія въ Царствѣ Польскомъ держатся въ предѣлахъ повиновенія однимъ лишь страхомъ.

Казнь преступниковъ, вторгнувшихся въ край съ оружіемъ въ рукахъ, и справедливыя наказанія вспомоществовавшихъ дерзновенному предпріятію первыхъ, оковали подобныя поползновенія, и подали примѣръ цѣлой Европѣ къ строгимъ мѣрамъ противу возмутителей гражданскаго спокойствія. Въ Австріи, Пруссіи и во всѣхъ Германскихъ Государствахъ, вездѣ преслѣдуются бѣглецы Польскіе и разсѣватели либерализма, какъ доказываютъ

то офиціальныя сношенія Правительствъ. Портреты задержанныхъ Поляковъ въ Баваріи, присланные тамошнимъ Правительствомъ, и самые подробнѣйшіе протоколы, доставленные изъ Австріи, показываютъ, съ какою строгою акуратностію производятся нынѣ и тамъ слѣдствія. Державы Европы убѣдились наконецъ, что однѣ только рѣшительныя мѣры могутъ остановить разливающееся зло изъ тлетворныхъ источниковъ пропаганды; видятъ, что неблагодарные Поляки, вмѣсто угнетенія, на которое они напрасно роптали и ропщутъ, пользуются всѣми правами своими, по благодушію Монарха, и что они не заслуживаютъ ни какого соболѣзнованія. Такая перемѣна въ мнѣніяхъ за границею заглушила вопли въ Царствѣ, и оно, подъ вліяніемъ бдительнаго надзора, начинаетъ приходить въ прежнее процвѣтавшее состояніе.

А. Стороженко.

22 Іюня, 1838 года.

ЗАПИСКА
О
ЦАРСТВѢ ПОЛЬСКОМЪ ВЪ 1835 ГОДѢ.

Духъ мечтательной свободы и независимости, можно сказать, почти совершенно затаился между обывателями; простой же народъ, если его не поджигаютъ явно различными обольщеніями, видя, съ одной стороны, въ помѣщикахъ, при тяжести повинностей своихъ, равнодушіе къ жребію его, а со стороны Правительства напротивъ, помощь и покровительство, всѣ надежды свои полагаетъ на справедливость послѣдняго. Эта противуположность и соразмѣряемое съ временемъ наблюденіе за дѣйствіями частными, впрочемъ, людей, навлекшихъ на себя подозрѣнія, поселяютъ въ Краю видимое спокойствіе.

Политическія преступленія содѣлались весьма рѣдки; самые разговоры непозволительные почти совсѣмъ прекращаются. Не имѣющіе состояній изъ средняго класса стараются снискивать содержаніе на службѣ, ищутъ по необходимости вниманія къ нимъ Правительства и, между тѣмъ, свыкаются, такъ сказать, съ прямыми обязанностями подчиненныхъ. Остается дать полезное направленіе богатой молодежи помѣщеніемъ оной при высшихъ властяхъ, и открыть тѣмъ виды къ честолюбію, которое всегда было душею здѣшней Аристократіи.

Не должно полагать, однако же, чтобы затаившійся, какъ выше сказано, духъ мечтаній, или, такъ разумѣемаго здѣсь, патріотизма, не взбуялъ при малѣйшемъ случаѣ, и чтобы изступленники свободы не желали перемѣны тяготящаго ихъ порядка въ правленіи; но окружающій ихъ надзоръ подавляетъ самую мысль къ попыткамъ, не могущимъ оставаться ни не открытыми, ни не наказанными. Всѣ надежды ихъ устремлены на внѣшнія происшествія. Сношенія съ Княжествомъ Познанскимъ, а особенно съ Галиціею, гдѣ представляется имъ колыбель возрожденія Польши, суть источники, освѣжающіе увядаемыя идеи самобытности.

Болѣе, или менѣе возбуждаются послѣдніе и тѣми изъ злонамѣренныхъ Поляковъ, кои сыскали пріютъ во Франціи и Англіи.

Хотя участіе къ нимъ соотечественниковъ, остающихся въ Краю и ослабѣваетъ, по мѣрѣ получаемыхъ свѣдѣній о безпрестанныхъ раздорахъ между выходцами и о презрительномъ поведеніи большой части изъ нихъ, но прокрадывающіяся рѣчи, произносимыя въ воспоминанія разныхъ мятежническихъ эпохъ Черторыйскимъ, Нѣмцевичемъ, Дверницкимъ, поэтомъ Мицкевичемъ и другими, коихъ имена чтятся въ Краю; равно подобное краснобайство Французскихъ и Англійскихъ говоруновъ: Одильона-Баро, Фергюсона и другихъ, волнуя умы въ сосѣднихъ заграничныхъ провинціяхъ, производятъ впечатлѣнія и въ здѣшнихъ патріотахъ.

Доколѣ существовать будетъ (такъ величаемая) Польская эмиграція, доколѣ въ Княжествѣ Познанскомъ, а тѣмъ болѣе въ Галиціи, не предпримутся непоколебимыя мѣры къ совершенному искорененію пропагандистовъ, высылаемыхъ изъ Франціи Польско-Французскими Комитетами, до тѣхъ поръ не утвердится въ Польшѣ истинное успокоеніе.

Въ Галиціи недавно только, по настоятельнымъ сношеніямъ нашимъ, начали отыскивать разсѣявшихся тамъ эмисаровъ, и число арестуемыхъ доказываетъ, какъ много ихъ было укрываемо единомыслящими съ ними обывателями.

У задержаннаго въ Пруссіи эмисара Лѣвандовскаго найдена брошюрка, сочиненная Ходзькомъ: «О вторженіи эмисаровъ въ границы Польши подъ начальствомъ Залив скаго,» въ которой сочинитель пишетъ: «Что предъ возмущеніемъ еще въ Царствѣ Польскомъ Тайный Комитетъ въ Галиціи поручилъ Депутату своему, Яну Понинскому, спросить формально бывшаго тогда Губернаторомъ тамъ Князя Лобковица: «помогала ли бы Австрія революціи, ежели бы таковая возникла въ Польшѣ?» Что вопросъ сей представленъ былъ на разрѣшеніе Правительства, и что за Понинскимъ учрежденъ былъ только тайный надзоръ.»

«Подобная мѣра (говоритъ сочинитель брошюрки) утверждала Галичанъ въ томъ, что Правительство во многомъ согласно съ ихъ общимъ мнѣніемъ; и когда, по прекращеніи мятежа въ Царствѣ, въ послѣдствіи проникли въ Галицію эмисары, Галичане, не видя ни какихъ преслѣдованій со стороны Правительства, по-

средствомъ тайныхъ комитетовъ своихъ, всѣми мѣрами способствовали эмисарамъ вторгнуться въ Царство. Когда же экспедиція Заливскаго при самомъ началѣ была подавлена, и вооруженныя шайки его вогнаны обратно въ предѣлы Галиціи, тогда только Правительство начало арестовывать ихъ.»

Въ Княжествѣ Познанскомъ, какъ изъ розысканій объ эмисарахъ оказывается, такъ же существовали тайныя общества или комитеты: ибо преступникъ Завиша и подобные ему находили тамъ единомышленниковъ и помощь къ вторженію въ Царство; но дѣйствія тамошняго Правительства гораздо рѣшительнѣйшія Галиційскаго, и отъ того вооруженныя шайки не обратились туда.

Все это убѣждаетъ принимать всевозможныя мѣры со стороны нашей, дабы, по колику возможно, не дать распространиться злу сему.

Принимая за основаніе выше изложенное, съ согласія Австрійскаго Правительства, посланъ отъ насъ чиновникъ въ Львовъ, съ тѣмъ, чтобы, при слѣдствіи надъ взятымъ наконецъ тамъ извѣстнымъ мятежникомъ Заливскимъ, представлены были имъ доказательства вины преступника, который дотолѣ ни въ чемъ не сознавался. Розысканіе окончено. Заливскій принужденъ былъ открыть все. Способствовавшіе ему обнаружены, но посланный отъ насъ чиновникъ, отъ окружающихъ его опасностей, помѣшался въ разсудкѣ.

Недавно, по сношенію съ Галиційскимъ Начальствомъ, отправленъ также нами къ оному Офицеръ бывшихъ Польскихъ войскъ, принадлежавшій къ Карбонарскому и другимъ Обществамъ въ Галиціи, который взялся обнаружить начальниковъ Обществъ и не арестованныхъ еще многихъ эмисаровъ; съ нимъ посланы и другіе тайные агенты; онъ дѣйствительно сдѣлалъ тамъ весьма важныя открытія; указалъ эмисаровъ; нынѣ же, какъ онъ, такъ и посыланные съ нимъ, просятъ о возвращеніи ихъ въ Царство; поелику партія либераловъ такъ превозмогающа, что посланные содѣлались открытыми, и дальнѣйшія дѣйствія ихъ не могли бы принести ни какой пользы.

Такія свѣдѣнія изъ Галиціи убѣждаютъ въ вящшей осторожности. Въ Княжество Познанское равномѣрно посылаются нами тайные агенты. Мы имѣемъ вѣрныхъ людей и между Поляками, находящимися во Франціи, отъ коихъ получаемъ не только всѣ

періодическія изданія, выходящія на Польскомъ языкѣ, но и многія весьма важныя свѣдѣнія.

За всѣми этѣми мѣрами весьма трудно имѣть довольно осторожности, по духу разливающейся пропаганды, чтобы неистовые изступленники оной не пытались всѣми средствами достигать цѣли своей. Злодѣяніе не дремлетъ. Ядъ и кинжалъ суть средства его, и пренебрегать кажущимися ничтожностію отнюдь не должно.

А. Стороженко.

12 Апрѣля, 1835 года.

ЗАПИСКА

О

ЦАРСТВѢ ПОЛЬСКОМЪ ВЪ 1842 ГОДѢ.

Политическая пропаганда есть злокачественная болѣзнь вѣка. Дѣйствіе ея тайное, всегда трудное для открытія, и по большой части одни только нечаянные случаи выявляютъ зло, коего степень и распространеніе восходятъ въ прогрессіи времени. Нѣтъ довольно осторожности, нѣтъ такого бдѣнія, нѣтъ наказаній, которыя бы уничтожили совершенно духъ ея, витающій между народомъ, недовольнымъ своимъ положеніемъ, желающимъ несбыточнаго возстановленія Польши и распространенія Католицизма, и въ коемъ всегда тлѣютъ искры и чужихъ и своихъ пожаровъ.

Пропаганда сотворилась злонамѣренными обществомъ. Общества, подобныя сотворившему ея, возникали въ разныхъ мѣстахъ, обнаруживались, уничтожались, но всегда оставляли послѣдователей. Неудачи, не обуздывая стремленіе, научаютъ нынѣ дѣйствовать въ томъ же духѣ, но уже безъ формъ и правилъ. Нѣтъ ничего положительнаго, но есть система приготовленія сколь можно большаго числа людей, дабы они при случаѣ, при малѣйшей возможности, даже въ мнимомъ успѣхѣ, приняли участіе въ предпріятіи дерзновеннѣйшихъ изъ нихъ.

Множество сочиненій въ этотъ духѣ составляютъ науку для недовольныхъ. Каждый молодой человѣкъ, начитавшись этихъ сочиненій, есть уже пропагандистъ, а особливо тамъ, гдѣ увѣренъ, что онъ можетъ изъявлять мысли свои и передъ старшими, кои если бы и не раздѣляли ихъ съ нимъ, то его не выдадутъ.

Въ Царствѣ Польскомъ неоднократно были открываемы тайныя общества между молодыми людьми, и виновные наказывались. Нынѣ оказывается не тайное общество, но слѣдствіе науки пропагандистовъ, вкореняющееся въ образѣ мыслей молодежи

24

изъ средняго класса, которая съ чувствомъ недостатковъ въ средствахъ для удовлетворенія потребностей, часто и прихотливыхъ, видитъ во всякой перемѣнѣ лучшее для себя, не теряя ничего въ настоящемъ. Нынѣ все почти, съ нѣкоторымъ исключеніемъ, живетъ сверхъ своего состоянія, ищетъ съ жадностію способовъ пріобрѣтать то, чего не имѣетъ, и лишенія свои приписываетъ Правительству, противу котораго возникаютъ изъ этого частные замыслы. Своевременное уничтоженіе ихъ препятствуетъ разлитію зла, и одинъ только страхъ водворяетъ спокойствіе, хотя и вынужденное, въ общей массѣ. Поляки, по натурѣ и по политическому существованію народа, находятся въ безпрерывномъ противудѣйствіи въ отношеніи къ властямъ, ими управляемымъ; благоразумнѣйшіе изъ нихъ таятся, а буйные, и при томъ еще не имущіе, волнуясь духомъ, тотчасъ пристаютъ ко всякому заговору: необходимо вырвать корни его во всѣхъ направленіяхъ, чтобы труднѣе было вырастать плевеламъ. Всякое возникающее поползновеніе необходимо розыскивать съ такою подробностію, чтобы не осталось ни одного неоткрытаго въ начинавшихся дѣйствіяхъ ко вреду общему.

1. Изъ показаній въ Слѣдственной Коммисіи, учиненныхъ арестованными нынѣ распространителями пропаганды, и увлеченными ими въ преступленіе противу Правитетьства, оказывается:

Когда въ 1839-мъ году сосланы были въ Сибирь главнѣйшіе члены открытаго въ то время тайнаго Демократическаго Общества: Эренбергъ, Венжикъ, Ольшевскій и другіе, почитатели послѣдняго, едва вышедшіе изъ школъ: Гзовскій, нынѣ Ассесоръ Ленчицкаго Суда Исправительной Полиціи, и Гроссъ, Патронъ Люблинскаго Трибунала, будучи уже заражены нѣкоторымъ образомъ демократическими идеями, содѣлывались какъ бы послѣдователями Ольшевскаго.

У Бовскаго на квартирѣ, сверхъ Гросса, начало собираться нѣсколько молодыхъ людей: соболѣзнованіе о сосланныхъ, разговоры о предпріятіи ихъ, и чтеніе между тѣмъ возмутительныхъ сочиненій, принадлежавшихъ Бовскому, поселяло въ нихъ идеи демократизма. Чрезъ нѣкоторое время, подобныя сборища, съ одною и тою же цѣлію, перешли въ квартиру зараженнаго тѣми же идеями, Патрона здѣшняго Трибунала, Вѣнцковскаго. Сей послѣдній, съ помощію Гросса, дѣйствовалъ на посѣтителей: читалъ

и давалъ читать имѣвшіяся у него книги, брошюры и газеты, издаваемыя бѣглецами Польскими во Франціи и самыми Францу замн; посѣтители сообщали другъ другу свои мысли по этому предмету, увлекались софизмами, и наконецъ зачинщики такихъ сборищъ, убѣждаясь въ возможности несбыточнаго народнаго возстанія, начали придумывать средства къ тому. Увѣряясь, что революція въ Польшѣ не имѣла успѣха отъ того, что народъ не вполнѣ понималъ ея, и что одни только высшіе сановники, Шляхта и войско, произвели оную безъ единодушнаго участія мѣщанъ, ремесленниковъ и хлѣбопашцевъ, предположили распространять идеи свободы, независимости, между сими послѣдними тремя классами такъ, чтобы высшій классъ и люди съ состояніемъ не знали объ этомъ до тѣхъ поръ, доколѣ не вспыхнетъ мятежъ, а тогда, по ихъ мнѣнію, и старшіе пристанутъ къ массѣ.

Для выполненія такихъ пропагандическихъ замысловъ надобны были имъ соучастники; каковыхъ они искали и находили между посѣтителями (двоюродный братъ Гросса Судовый Апликантъ Денкеръ болѣе прочихъ ослѣпился такими внушеніями). Они обязывали распространять, при всякомъ случаѣ, убѣжденія въ возможности общаго возстанія и успѣха въономъ. Сочиненія Хржановскаго о партизантской войнѣ, записки сапожника Килинскаго, взбунтовавшаго ремесленниковъ Варшавы въ 1793 году, и другія подобныя симъ книжки, облегчали ихъ въ дѣйствіяхъ на другихъ. Они увѣряли себя, что ежели земледѣльцы утвердятся въ томъ, что революція содѣлаетъ ихъ гражданами, что они будутъ имѣть собственность въ землѣ и избавятся отъ панщины; а ремесленники, что облегчатся для нихъ подати уравненіемъ всѣхъ классовъ, то возстаніе будетъ уже народнымъ.

2. Въ послѣдствіи Гроссъ получилъ мѣсто въ г. Люблинѣ Патрона тамошняго Трибунала. Прибывши туда (какъ самъ описываетъ), онъ нашелъ тамъ духъ демократизма также развивающимся безъ формъ, безъ особыхъ обществъ, безъ опредѣленія времени, какъ и между ними и едва ли не вездѣ въ Царствѣ. По поелику самъ онъ началъ уже остывать отъ такой горячки, то не искалъ знакомствъ и случаевъ къ распространенію идей, не заключающихъ въ себѣ ничего новаго. Ему случалось, однако же, иногда говорить въ этомъ духѣ, и тѣмъ выигрывать вниманіе къ себѣ. Вскорѣ Патронъ тамошняго трибунала, Карпинскій, по единомы-

слію съ нимъ, началъ бывать у него. Гроссъ сблизился также и съ помѣщикомъ Бѣлинскимъ, сосланнымъ было въ Сибирь на поселеніе по дѣлу Эренберга и Венжика и Всемилостивѣйше возвращеннымъ на родину. Демократизъ въ Люблинѣ какъ бы остывалъ, разговоры ихъ по этому предмету происходили только случайно; Бѣлинскій показывалъ равнодушіе, а Карпинскій облекалъ идеи свои въ какую-то таинственность.

3. Между тѣмъ и Вѣнцковскій въ Варшавѣ не имѣлъ большихъ успѣховъ въ пріобрѣтеніи усердныхъ единомышленниковъ: слушали его многіе, а готовыхъ дѣйствовать было весьма мало.

Онъ имѣлъ брата въ Калишской Губерніи, гдѣ былъ расположенъ квартирами Нижегородскій пѣхотный полкъ. Младшій Вѣнцковскій съ товарищемъ своимъ помѣщикомъ Гурскимъ, познакомившись тамъ съ Штабъ-Капитаномъ означеннаго полка, Крашевскимъ, уроженцемъ Царства Польскаго, открыли ему свои мысли, приглашали дѣйствовать на Офицеровъ, и когда полкъ въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ выступилъ въ Варшаву, дали ему рекомендательное письмо къ здѣшнему Патрону Вѣнцковскому, который не замедлилъ сблизиться съ нимъ и также открыться въ ихъ замыслахъ.

4. Штабсъ-Капитанъ Крашевскій, какъ показываетъ, будучи въ связи съ Вѣнцковскимъ мѣсяца три, о злоумышленномъ намѣреніи донесъ о томъ Начальнику Главнаго Штаба Дѣйствующей Арміи, Генералъ-Адъютанту Князю Горчакову. За симъ Крашевскому поручено было разузнавать ближе дѣло это, а тайной Полиціи, чтобы она наблюдала за Вѣнцковскимъ и за всѣми связями его. 5 Іюля она, по донесенію одного токаря, коего Денкеръ подговаривалъ войти въ сношеніе съ ними и распространять заговоръ между ремесленниками, принуждена была схватить Денкера. По этому арестованы были: Вѣнцковскій, Гроссъ и всѣ тѣ, на коихъ Денкеръ показалъ, что они раздѣляли ихъ мнѣнія.

5. Произведеніе свѣдствія поручено было Варшавскому Оберъ-Полиціймейстеру, Генералъ-Маіору Соболеву и Корпуса Жандармовъ Полковнику Абрамовичу.

Допросы продолжались.

По возвращеніи Тайнаго Совѣтника, Сенатора Стороженка, изъ за границы, дано предписаніе ему разсмотрѣть это дѣло, совмѣстно съ двумя первыми.

6. По арестованіи Денкера, онъ тотчасъ во всемъ признался съ чистосердечнымъ раскаяніемъ и показалъ:

Что когда нужно ему было съѣздить на Жмудь, Вѣнцковскій и Гроссъ поручили ему развѣдать тамъ о духѣ жителей, искать единомышленниковъ и сообщать, кому признаетъ возможнымъ, демократическія идеи. Гроссъ далъ ему рекомендательное письмо къ Школьному своему товарищу, Адольфу Чапскому, сыну владѣльца мѣстечка Кайданъ, которое, однако же, Денкеръ не отдавалъ; ибо не видѣлъ Чапскаго; впрочемъ, онъ не упускалъ говорить съ нѣкоторыми тамошними жителями о намѣреніи демократіи въ Царствѣ Польскомъ, и только одинъ Судья Шавельскаго Уѣзда, Довгѣло, изъ слушавшихъ его, не былъ согласенъ съ его мнѣніемъ; прочихъ же былъ почти одинъ отвѣтъ, что «дѣло это хорошее, но успѣхъ весьма не вѣренъ.»

7. Возвратившись въ Варшаву, куда прибылъ изъ Люблина и Гроссъ, Денкеръ разсказывалъ ему, что на Жмуди дѣло идетъ превосходно, и получилъ въ отвѣтъ, что здѣсь оно идетъ еще лучше; ибо пріѣхавшій изъ Варшавы въ Люблинъ помѣщикъ Дембовскій открылъ, сперва Патрону Карпинскому, потомъ помѣщику Бѣлинскому, и наконецъ первые двое открыли и Гроссу, что въ Варшавѣ составился заговоръ между ремесленниками: произвести возмущеніе по пріѣздѣ сюда Его Императорскаго Величества; что Дембовскій самъ былъ на ихъ тайномъ совѣщаніи, и что нужно теперь стараться всѣми мѣрами отвратить ихъ отъ такого намѣренія, уговорить соединиться съ демократами и весною уже возстать соединенными силами.

Гроссъ во всемъ подтвердилъ сознаніе это Денкера.

8. Далѣе Денкеръ показываетъ, что, въ слѣдъ за Гроссомъ, прибыли въ Варшаву Дембовскій и Карпинскій; что Гроссъ тотчасъ началъ розыскивать тутъ тайное общество ремесленниковъ, поручилъ ему и, наставленному Вѣнцковскимъ въ демократическихъ правилахъ, часовому мастеру Барыцкому, дѣятельно заняться тѣмъ же, но всѣ поиски ихъ остались тщетными.

9. Въ это время онъ, Денкеръ, испросилъ себѣ паспортъ на Жмудь. Предъ выѣздомъ желалъ имѣть наставленіе, какъ дѣйствовать. Въ квартирѣ Вѣнцковскаго, когда они разговаривали объ этомъ съ Гроссомъ и Дембовскимъ, пришелъ туда Патронъ Карпинскій, и тотчасъ, послѣ взаимной рекомендаціи, какъ бы

старый уже знакомый, сказалъ ему откровенно, чтобы онъ прямо съ нимъ, Карпинскимъ, переписывался по общему ихъ дѣлу; дали другъ другу собственноручные свои адресы; условіе же переписки было слѣдующее: Карпинскій долженъ былъ писать къ Денкеру въ Ковно о дѣлахъ обыкновенныхъ, но число на письмѣ должно было означать день, когда онъ самъ пріѣдетъ туда, или пришлетъ кого, для совѣщанія съ Денкеромъ. Чтобы узнать присланнаго, Денкеръ обязывался посѣщать трактиры, и когда увидитъ какое ни будь новое лице, то предложить ему чаю; а если получитъ въ отвѣтъ: «Не прикажете ли шеколаду?» тогда они могутъ уже говорить между собою откровенно; если же число на письмѣ будетъ подчеркнуто, это означало день революціи.

10. На другой день совѣщанія между ними продолжались, и они постановили: прекратить розысканіе о заговорѣ ремесленниковъ: если онъ существуетъ, то пусть идетъ своимъ путемъ; имъ же самимъ дѣйствовать пріуготовительно къ предполагаемому весною мятежу: Карпинскому вообще въ Царствѣ Польскомъ, Дембовскому въ Княжествѣ Познанскомъ (куда онъ ѣздилъ уже по этому предмету), какъ человѣку достаточному, издающему притомъ здѣсь журналъ подъ заглавіемъ: «Обзоръ наукъ,» и имѣющему тамъ большія связи съ издателями періодическихъ сочиненій и съ людьми высшаго сословія; Гроссу, съ помощію Бѣлинскаго, въ Люблинской Губерніи; Дзвонковскому въ Подляской Губерніи, котораго пригласилъ Гроссъ на совѣщаніе, хотя первый не бывалъ въ ихъ обществѣ и на самомъ совѣщаніи отвращалъ ихъ отъ столь безумнаго предпріятія; Вѣнцковскому въ Варшавѣ, котораго, однако же, на совѣщаніяхъ не было; ибо онъ въ это время ѣздилъ къ отцу своему въ Калишскую Губернію; и наконецъ Денкеру въ Литвѣ. Сему послѣднему Гроссъ далъ 600 злотыхъ на дорогу, полученные имъ на сей предметъ отъ Дембовскаго.

Гроссъ подтвердилъ во всемъ и это показаніе Денкера.

11. Собираясь въ дорогу, Денкеръ пробовалъ еще узнать что ни будь на счетъ заговора ремесленниковъ; а какъ онъ спрашивалъ уже прежде о семъ у нѣкоторыхъ изъ нихъ, то получалъ отвѣты отрицательные, и воспламеняясь (какъ самъ выражается) духомъ демократизма до того, что готовъ былъ говорить о своемъ предпріятіи съ встрѣчнымъ и поперечнымъ, то зашелъ еще

разъ къ знакомому ему токарю, который донесъ на него Тайной Полиціи, и Денкеръ былъ схваченъ на улицѣ

12. По показаніямъ, какъ выше значится, Денкера предписано было, въ числѣ прочихъ, арестовать въ Люблинѣ и Карпинскаго. Его не нашли тамъ (въ послѣдствіи онъ былъ арестованъ въ городѣ Кѣльцахъ). На одной квартирѣ съ нимъ жилъ учитель Люблинской Гимназіи, Давидъ, который былъ посыланъ на казенный счетъ въ С.-Петербургскій Университетъ, пробылъ тамъ три года, и получилъ учительское мѣсто въ Царствѣ. При ревизіи квартиры Карпинскаго, когда хотѣли открыть комодъ, ему принадлежавшій, Давидъ увѣрялъ, что въ комодѣ этомъ хранятся его, а не Карпинскаго, вещи; ключа не было; комодъ принуждены были отбить; въ немъ оказались бумаги и вещи Карпинскаго; это подало поводъ къ заключенію объ участіи въ преступленіи съ нимъ Давида, который былъ арестованъ, присланъ со всѣми, взятыми у него, бумагами въ Слѣдственную Коммисію; между ними оказалось нѣсколько брошюръ, писанныхъ Давидомъ въ духѣ возмутительномъ; онъ подвергся допросамъ, и по нынѣ показанія его суть слѣдующія:

Воспитываясь въ С.-Петербургскомъ Университетѣ съ 1838 по 1841 годъ, онъ примѣчалъ и удостовѣрялся, что демократическія мысли и понятія развивались въ то время и тамъ между учениками, а особенно между уроженцами Польскими; что у самыхъ Профессоровъ: Мишкеля, Петровскаго, Горецкаго и Шимановскаго, было много возмутительныхъ сочиненій, которыя ходили по рукамъ и читались учениками съ жадностію, и что наблюденіе за этимъ было вообще весьма слабое.

И такъ ученикъ Голембевскій давалъ ему, Давиду, для прочтенія слѣдующія книги: «4-й томъ Мицкѣвича; 15 лѣтъ владычества Россіи въ Польшѣ, и Панъ Тадеушъ;» которые Голембевскій получалъ (какъ сказывалъ ему) отъ Медушевскаго, служащаго нынѣ въ С.-Петербургѣ. Тѣ же самыя книги давалъ ему потомъ и Медушевскій, а сверхъ оныхъ: «Памятныя записки Килинскаго,» кои, какъ говорилъ, бралъ онъ отъ лицъ, принадлежавшихъ къ Французскому Посольству.

Сверхъ того Давидъ имѣлъ разныя подобнаго рода сочиненія: отъ ученика Филологическаго Отдѣленія, который (теперь учителемъ въ Ломзѣ), Карла Петровскаго: «Histoire de Pologne par

Maleszewski;» отъ Станислава Жолкѣвича: «Книги народа Польскаго;» отъ Бартошевича, или отъ Горецкаго, изъ коихъ первый теперь Профессоромъ въ Варшавской Губернской Гимназіи, а другой гдѣ-то въ окрестностяхъ Варшавы: «Пѣсни Януша;» отъ ученика права, Игнатія Бѣликовича: «Польша въ Эмиграціи,» и «Исторія Литвы и Руси, соч. Лелевеля;» отъ ученика Филологическаго Отдѣленія Плошинскаго: «Памятныя записки Отвиновскаго,» и «Юлій Словацкій.»

Слѣдствіе не приведено еще къ надлежащему окончанію; по оному, какъ изъ выше изложеннаго явствуетъ, оказываются виновнѣйшими;

1. Ассесоръ Суда Гзовскій, у коего начались вредныя сборища и который имѣлъ переписку съ товарищемъ своимъ, Лазневскимъ, учащимся въ Берлинѣ Агрономіи. Письмо сего послѣдняго изобличаетъ Гзовскаго въ злоумышленности противу Правительства, но онъ запирается во всемъ, и самыя выраженія въ письмѣ, писанномъ къ нему Лазневскимъ, въ отвѣтъ на наставленія его дѣйствовать на молодежъ въ духѣ демократическомъ, съ безсовѣстною дерзостію относитъ къ Агрономіи.

2. Патронъ Трибунала Вѣнцковскій, въ возмутительныхъ замыслахъ, кои онъ распространялъ между посѣщавшими его, что доказывается показаніемъ многихъ; но онъ, какъ человѣкъ знающій всю важность своего преступленія, не убѣждается въ сознаніи ни какими доводами.

3. Помѣщикъ Дембовскій, какъ рѣшавшійся уже на возмущеніе. Онъ по нынѣ скрывается еще, но всѣ распоряженія сдѣланы объ арестованіи его.

4. Патронъ Трибунала Карпинскій виновенъ подобно Дембовскому.

5. Патронъ Трибунала Гроссъ, какъ ближайшій участникъ въ преступленіяхъ Гзовскаго, Вѣнцковскаго и прочихъ выше поименованныхъ. Онъ, однако жь, тотчасъ сознался во всемъ съ чистосердечнымъ раскаяніемъ и не утаиваетъ ни одного изъ участниковъ.

6. Судовой Апликантъ Денкеръ, какъ слѣпо предавшійся волѣ и наущеніямъ: Гросса, Вѣнцковскаго и Карпинскаго, и рѣшавшійся дѣйствовать по возутительному плану ихъ. Но онъ умень-

шаетъ вину свою откровеннымъ сознаніемъ во всемъ, истиннымъ раскаяніемъ въ заблужденіи, и какъ первый признавшійся, тотчасъ по арестованіи его, въ преступленіи, раскрывшій замыслы дѣйствовавшихъ на него и на очныхъ ставкахъ убѣждающій каждаго говорить правду.

Гроссъ и Денкеръ показали человѣкъ до 20, или участвовавшихъ, въ разной степени, въ демократическихъ намѣреніяхъ Вѣнцковскаго и самаго Гросса, или слушавшихъ наставленія ихъ и читавшихъ запрещенныя книги. Всѣ эти лица арестованы. Но, сверхъ того, они поименовали еще болѣе 60 человѣкъ разнаго званія, съ коими говорили о возмущеніи: въ нѣкоторыхъ видѣли готовность къ тому, а другіе, слушая ихъ, сомнѣвались только въ успѣхѣ.

При всѣхъ розысканіяхъ не оказывается, однако жь, по нынѣ, чтобы кто либо изъ войскъ, исключая Штабсъ-Капитана Крашевскаго, сдѣлавшаго донесеніе о замыслахъ Вѣнцковскаго, былъ вовлеченъ въ розыскиваемое преступленіе.

А. Стороженко.

ОБЩІЙ ОБЗОРЪ

ПОКАЗАНІЙ БЫВШАГО ДИКТАТОРА КРАКОВСКАГО РЕВОЛЮЦІОННАГО ПРАВЛЕНІЯ, ИВАНА ТЫСОВСКАГО.

Тысовскій показываетъ, что онъ родился въ Тарновѣ, имѣетъ 35 лѣтъ, окончилъ воспитаніе въ Львовскомъ Университетѣ, гдѣ слушалъ курсъ Правовѣдѣнія; во время Польскаго бунта 1830—31 года бѣжалъ въ Царство Польское, служилъ въ рядахъ бунтовщиковъ и ушелъ съ отрядомъ Рыбинскаго въ Пруссію; тамъ оставался до объявленія Австрійскимъ Правительствомъ всепрощенія, послѣ чего возвратился въ Галицію; до 1844 года состоялъ въ частной службѣ у Князя Сангушки, потомъ былъ управляющимъ у Графа Кучковскаго.

Увѣряетъ, что ничего не зналъ о предпріятіяхъ заговорщиковъ до Апрѣля 1845 г., когда прибылъ къ нему Людвикъ Мазуркевичъ, подданный Царства Польскаго, бѣжавшій отсюда, по причинѣ обвиненія его въ политическомъ преступленіи.[1] Этотъ Мазуркевичъ открылъ ему о существованіи Демократическаго Общества, имѣющаго цѣлью возстановденіе Польши въ прежнихъ ея предѣлахъ, но изъяснялся въ общихъ словахъ, не называя членовъ, не говоря, гдѣ они находятся. Отъ Мазуркевича онъ получилъ много сочиненій, изданныхъ Польскою пропагандою въ видахъ приготовленія въ Польшѣ возстанія, и, увлеченный его краснорѣчіемъ, рѣшился участвовать въ предпріятіяхъ общества. Тысовскій считаетъ Мазуркевича эмисаромъ, странствовавшимъ по Галиціи и Венгріи, для распространенія мятежническихъ замысловъ. Эдуардъ Дембовскій (тоже политическій бѣглецъ изъ Царства Польскаго), называвшій себя тогда Борковскимъ, съ которымъ Тысовскій познакомился у Графа Франца Веселовскаго въ Тарновѣ, сообщилъ ему болѣе подробностей о предпріятіяхъ Общества, но тоже не открылъ именъ заговорщиковъ, ни мѣста ихъ

---

[1] Долженъ быть Леонъ Мазуркевичъ. Патронъ Радомскаго Гражданскаго Трибунала, бѣжавшій изъ Царства въ Октябрѣ 1844 г., по дѣлу Ксендза Сцегеннаго.

пребыванія; сказалъ, однако, что дѣятельность Общества столь обширна, а дѣйствія его такъ благоразумны, что, кромѣ Галиціи, въ которой духъ возмущенія самый слабый, во всѣхъ прочихъ частяхъ древней Польши успѣхъ несомнителенъ.

Въ Іюнѣ того же года Тысовскій былъ вызванъ Графомъ Михаиломъ Веселовскимъ въ его имѣніе, Голышево. Тамъ онъ засталъ Мазуркевича, Дембовскаго, Өеофила Вишневскаго[2] и Графа Франца Веселовскаго. Они дали Тысовскому порученіе приготовлять мятежъ въ окрестностяхъ его мѣстопребыванія (помѣстье Засовъ Графа Кучковскаго) и свести знакомство съ проживающимъ въ Краковѣ, Людвигомъ Горжковскимъ. Полагая, что Горжковскій откроетъ ему всѣ тайны Общества, онъ нарочно поѣхалъ въ Краковъ и познакомился съ нимъ, но и отъ Горжковскаго не узналъ болѣе того, что ему было извѣстно. Разочарованный на счетъ Горжковскаго, котораго называетъ хвастуномъ, желавшимъ блеснуть въ его глазахъ вліяніемъ своимъ на предпріятіе, Тысовскій возвратился къ себѣ. Здѣсь посѣтилъ его Дембовскій два раза, въ сопровожденіи брата поэта Бервинскаго,[3] и сказалъ ему, что партія Черторыйскаго употребляетъ всѣ средства къ противудѣйствію Демократическому Обществу; что онъ самъ читалъ инструкцію, данную эмисару аристократической партіи, въ коей было писано слѣдующее:

«Какъ уже не возможно остановить приготовленнаго демократами возмущенія, то необходимо овладѣть ихъ средствами, обратить ихъ усилія въ нашу пользу и самимъ стать на челѣ мятежа; при томъ должно распространить между простымъ народомъ, что демократы дѣйствуютъ ими по наущенію Русскаго Правительства и въ пользу онаго, и наконецъ не щадить ни какихъ средствъ, ни обѣщаній, чтобы привлечь на свою сторону людей способныхъ и безъ званія.» Отъ Тысовскаго Дембовскій отправился, какъ говорилъ, чрезъ Львовъ на Буковину.

Въ Сентябрѣ Тысовскій былъ у Горжковскаго, и тогда въ первый разъ услышалъ, что Центральный Комитетъ Общества находится въ Познани. Къ тому же онъ узналъ отъ Горжковскаго, что Дембовскій учреждаетъ окружные Комитеты, получая

---

[2] Эмисаръ Версальскаго Центральнаго Комитета.

[3] Арестованъ въ Галиціи.

для того иструкціи отъ Познанскаго Центральнаго Комитета, но о содержаніи сихъ инструкцій Горжковскій изъяснялся поверхностно и требовалъ мнѣнія отъ Тысовскаго на счетъ образованія общинъ и единства въ дѣйствіяхъ революціонныхъ эмисаровъ.

Въ Декабрѣ 1845 года пріѣзжалъ къ Тысовскому отъ Дембовскаго эмисаръ, котораго имени онъ не помнитъ. Онъ былъ высланъ изъ Познани на Волынь, Подолъ и Украину, подъ видомъ винокура, ищущаго мѣста, для образованія пропаганды въ тѣхъ странахъ. Примѣтами онъ: росту Тысовскаго, имѣлъ усы, бороду и бакенбарды и весьма щегольски одѣвался; волосы у него черные. Его знаетъ Владиславъ Іорданъ,[4] который разсказывалъ Тысовскому, что этого эмисара едва было не арестовали въ Львовѣ. Тогда же Тысовскій слышалъ еще объ одномъ эмисарѣ, нѣкоемъ Позорскомъ, [5] но съ нимъ не видѣлся.

15 Генваря, 1846 г. Тысовскій былъ вытребованъ въ Краковъ прибывшимъ туда членомъ Центральнаго Комитета. Это былъ Людвикъ Мирославскій, назвавшій себя Маевскимъ. Онъ объявилъ ему, что, будучи уполномоченъ Версальскимъ и Познанскимъ Центральными Комитетами Демократическаго Общества, онъ пріѣхалъ въ Краковъ для образованія революціоннаго правленія, въ которомъ должны засѣдать семь членовъ; [6] что въ числѣ ихъ будутъ: со стороны эмиграціи Альціато, со стороны Княжества Познанскаго Либельтъ, со стороны Кракова Горжковскій, со стороны Галиціи Францъ Веселовскій; что главнымъ Секретаремъ назначается Гельтманъ;[7] что, теперь онъ, Мирославскій, преимущественно озабоченъ пріисканіемъ представителей для Царства Польскаго, Литвы и Руси; что тотчасъ, по утвержденіи избранія пяти членовъ они соберутся въ Краковѣ, для совѣщаній и открытія мятежническихъ дѣйствій. Вмѣстѣ съ тѣмъ Мирославскій объявилъ,

---

[4] Краковскій подданный, бѣжалъ. Братъ его, Евгеній, арестованный въ Царствѣ, содержится въ цитадели. Отецъ ихъ имѣетъ въ Радомской Губерніи деревню въ арендѣ.

[5] Находился въ Царствѣ, но успѣлъ бѣжать.

[6] По числу слѣдующихъ провинцій древней Польши: 1, Княжество Познанское; 2, Краковскій Округъ; 3, Галиція; 4, Царство Польское; 5, Литва; 6, Русь, т. е., Волынская, Кіевская и Подольская Губерніи; 7, Членъ отъ эмиграціи.

[7] Уроженецъ Гродненской Губерніи, Польскій выходецъ, эмисаръ.

что все идетъ очень плохо; что отъ эмисаровъ высланныхъ на Литву и Русь, нѣтъ донесеній; что въ Галиціи приготовленія дѣлаются дурно, и что только Познанское Княжество и Краковскій Округъ хорошо устроены. Мирославскій, во время пребыванія своего въ Краковѣ, занимался составленіемъ инструкцій, законоположеній и военныхъ плановъ. Онъ обнадежилъ, что вскорѣ прибудутъ изъ Франціи 4 опытныхъ Офицеровъ, избранные эмиграціею для предводительствованія войсками; что изъ нихъ нѣкто Высоцкій будетъ командовать резервомъ, и что Версальскій Комитетъ укажетъ каждому, какъ ему слѣдуетъ дѣйствовать по общему плану войны, начертанному въ Парижѣ.

24 Генваря прибылъ въ Краковъ, по приглашенію Мирославскаго, Графъ Францъ Веселовскій и возвратился изъ Царства Польскаго агентъ Горжковскаго, Николай Лисовскій, Краковскій житель, привезшій извѣстіе, что Царство Польское не начнетъ само мятежническихъ дѣйствій, но что въ немъ все возстанетъ, лишь только появится тамъ вооруженный отрядъ возмутителей. Тогда, подъ предсѣдательствомъ Мирославскаго, открыто совѣщаніе, на которомъ рѣшено, что открытіе революціонныхъ дѣйствій начнется 21 Февраля, что Графъ Францъ Веселовскій назначается Главноуправляющимъ Галиціею, и что Революціонное Правленіе будетъ состоять изъ выше упомянутыхъ членовъ, съ тѣмъ только измѣненіемъ, что, вмѣсто Франца Веселовскаго, получающаго другое назначеніе, избирается представителемъ Галиціи Тысовскій. На томъ же совѣщаніи положено послать къ помѣщику Подольской Губерніи, Торжевскому, эмисара, съ предложеніемъ принять на себя званіе члена Революціоннаго Правленія со стороны Руси. Хотя до того времени прямыхъ сношеній съ этимъ помѣщикомъ не было, извѣстный, однако, его патріотическій образъ мыслей и вліяніе его на жителей Губерніи, давали, по видимому, достаточный поводъ для сдѣланія ему подобнаго предложенія. Кто былъ посланъ съ симъ предложеніемъ, Тысовскому не извѣстно; отвѣта же отъ Торжевскаго, за кратковременностію существованія Революціоннаго Правленія, не получено. Избраніе членовъ для Литвы и Царства Польскаго было отложено до открытія мятежническихъ дѣйствій. Въ представители Царства кто-то предлагалъ Владислава Дзвонковскаго, или бывшаго Подляскаго Епископа, Гутковскаго, но это предложеніе не принято.

Избранный въ представители Кракова, Горжковскій, по показанію Тысовскаго, былъ самымъ дѣятельнымъ и довѣреннымъ членомъ Демократическаго Общества. Онъ велъ тайную корреспондецію съ Познанскимъ Центральнымъ Комитетомъ, принималъ и высылалъ эмисаровъ, содержалъ въ Бреславлѣ агентовъ. Всѣ свѣдѣнія получались отъ него, или чрезъ него. Онъ неоднократно совѣтовалъ перенести Центральный Комитетъ изъ Познани въ Бреславль. Пріѣзжавшіе въ этотъ городъ заговорщики узнавали слѣдующимъ образомъ агентовъ Горжковскаго: выходя изъ почтовой кареты они напѣвали пѣснь: «Kto się w opiekę podda Panu swemu», а агентъ имъ вторилъ.

На упомянутомъ совѣщаніи участвовали: Мирославскій, товарищъ его, прибывшій вмѣстѣ съ нимъ въ Краковъ, Косинскій (который назначался Познанскимъ Комитетомъ для командованія отрядомъ войскъ, долженствовавшихъ вторгнуться изъ Княжества Познанскаго въ Царство Польское), Францъ Веселовскій; привезенный Веселовскимъ на совѣщаніе и представленный имъ въ помощники свои, по дѣламъ Западной Галиціи, Галичанинъ Мечиславъ Старжинскій, Горжковскій, Лисовскій.

25 Генваря Косинскій, а 27 Мирославскій, выѣхали изъ Кракова. Мирославскій предъ отъѣздомъ обѣщалъ доставить Правленію два манифеста о возстаніи: одинъ для народа, другой для Европейскихъ Державъ, но полученъ только первый.

7 Февраля прибылъ въ Краковъ Альціато. Тысовскій и Альціато немедленно занялись составленіемъ проектовъ манифеста объ открытіи Революціоннаго Правленія, инструкціи для Окружныхъ Коммисаровъ, революціоннаго устава, финансовой системы, системы судопроизводства и системы реквизиціонной.

16 Февраля получено донесеніе, что въ Познани заговоръ открытъ и главные заговорщики арестованы (въ томъ числѣ Мирославскій и Либельтъ), но что они замѣщены уже другими членами, и что мятежъ долженъ начаться, согласно первому предположенію, 21 Февраля. Извѣстія изъ Галиціи были равномѣрно неблагопріятны. Оттуда сообщили о свирѣпостяхъ крестьянскаго бунта. Къ тому же прибывшіе тогда въ Краковъ четыре агента отъ эмиграціи волновали народъ своими разсказами.

Между тѣмъ Австрійскія войска вступили въ Краковъ. Горжковскій, испуганный ихъ прибытіемъ, прибѣжалъ къ Альціато, у

котораго находился подъ ту пору Тысовскій, далъ имъ по нѣсколько стозлотовыхъ ассигнацій, и умолялъ ихъ спасаться немедленнымъ выѣздомъ изъ Кракова. Когда Горжковскій вышелъ, Альціато сказалъ Тысовскому, что Горжковскій съ своими клевретами положилъ убить въ первый день открытія революціи 13 лицъ, какъ-то: Консуловъ, Членовъ Слѣдственной Коммисіи, нѣкоторыхъ Сенаторовъ, Банкира Кирхмайера и нѣсколько людей, подозрѣваемыхъ въ шпіонствѣ.

19 Февраля Тысовскій сошелся съ Горжковскимъ у Рогавскаго, [8] ихъ соумышленника, чрезъ коего было получено донесеніе объ открытіи въ Познани заговора. Горжковскій объявилъ здѣсь, что онъ нашелъ для себя безопасное убѣжище, а архивъ съ бумагами, въ числѣ коихъ были выше упомянутые проекты, писанные Тысовскимъ и Альціатомъ, сжегъ, и что онъ распорядился атаковать съ 20 на 21 Февраля Краковскій гарнизонъ, обезоружить оный и взять городъ приступомъ. Тысовскій просилъ Горжковскаго и бывшаго съ нимъ Лисовскаго щадить жизнь частныхъ лицъ, на что они и дали слово.

Въ то же время прибылъ нарочный изъ Познани. По его требованію, Альціато немедленно отправился въ Пруссію.

Такимъ образомъ изъ всѣхъ членовъ предположеннаго мятежническаго правленія остались въ Краковѣ только Горжковскій и Тысовскій. Послѣдній, для противудѣйствія кровожаднымъ планамъ Горжковскаго, рѣшился овладѣть кормиломъ правленія.

22 Февраля, по выступленіи изъ Кракова Австрійскихъ войскъ, толпы народа начали собираться на улицахъ и шумѣть. Тысовскій отправился къ Рогавскому, приказалъ позвать Горжковскаго, надиктовалъ Рогавскому протоколъ и манифестъ объ учрежденіи Временнаго Правленія и предложилъ присутствовавшему при семъ, Александру Гржегоржевскому (Помѣщику Радомской Губерніи), принять на себя званіе 3 члена правленія, въ качествѣ представителя Царства Польскаго. Вскорѣ явился Горжковскій съ толпою возмутителей и объявилъ, что Графъ Осипъ Водзицкій читаетъ народу прокламацію. Тысовскій велѣлъ тотчасъ привести къ себѣ членовъ этого импровизированнаго Правленія и употребить силу,

[8] Былъ потомъ Секретаремъ учрежденнаго Тысовскимъ Временнаго Правленія.

если бы они на то не согласились. Во время подписанія протокола Горжковскимъ, Гржегоржевскимъ и Рогавскимъ, приступившимъ къ сему добровольно, прибыли Графъ Осипъ Водзицкій, сынъ его Генрихъ, Графъ Петръ Мощинскій и множество иныхъ, между коими были, если Тысовскій не ошибается, Антонъ Гельцель и Людвикъ Мирошевскій. Тысовскій объявилъ имъ, что онъ, съ двумя товарищами, учредилъ Временное Правленіе, предоставляя народу избрать себѣ въ послѣдствіи правителей, какихъ пожелаетъ. Между тѣмъ манифестъ печатался; какъ шумъ на улицахъ постоянно увеличивался, то Тысовскій, взявъ съ собою одинъ экземпляръ манифеста, побѣжалъ на главную гаубтвахту, нашелъ тамъ нѣсколько сотъ вооруженныхъ людей и прочиталъ имъ манифестъ. Чтеніе это произвело всеобщій восторгъ, и народъ, слѣдуя убѣжденіямъ Тысовскаго, разошелся по домамъ. Послѣ того составлено, напечатано и разослано ко всѣмъ обывателямъ, воззваніе о содѣйствіи революціи.

Ночью съ 22 на 23 Февраля Тысовскій отправилъ съ нарочными приказанія, чтобы всѣ вооруженные отряды входили въ городъ; въ три часа утра прибылъ на засѣданіе Професоръ Университета, Михаилъ Вишневскій. Ему сдѣлано предложеніе принять участіе въ Правленіи, но онъ отказался. Тогда Тысовскій собралъ военный совѣтъ, на коемъ, посредствомъ балотировки, Ржуховскій избранъ командующимъ войсками. Всѣ присутствующіе требовали постройки баррикадъ. Первый подалъ къ тому голосъ Гржегоржевскій, а когда Тысовскій не соглашался на это предложеніе, то Гржегоржевскій вышелъ изъ Совѣта, дѣлая ему самые горькіе упреки, и объявилъ, что онъ болѣе ни о чемъ знать не хочетъ. Въ это время явились депутаты отъ Жидовъ, съ просьбою включить ихъ въ манифестъ.

Между тѣмъ, долженствовавшіе прибыть въ Краковъ ко дню возстанія, начальники вооруженныхъ отрядовъ не являлись. Разнесся слухъ, что Пательскій[9] и Галлеръ,[10] имѣвшіе подъ своимъ нальствомъ 400 человѣкъ, разбиты Австрійцами и бѣжали въ

---

[9] Владѣлецъ имѣнія Квачала, служившаго убѣжищемъ всѣмъ эмисарамъ. Имѣлъ сношенія съ однимъ Горжковскимъ.

[10] Кесарь Галлеръ, богатый молодой человѣкъ, жилъ въ Хржановѣ, агентъ Горжковскаго.

Пруссію. Старанія Тысовскаго склонить кого либо изъ находившихся въ Краковѣ отставныхъ заслуженныхъ Офицеровъ, принять на себя командованіе войсками, не имѣли успѣха. Генералы Хржановскій, Вонсовичъ и другіе на отрѣзъ отказали ему въ содѣйствіи. Вдругъ пронеслась молва, что мятежническія войска вступаютъ въ городъ. Это былъ Еразмъ Скаржинскій съ 30 всадниками, въ сопровожденіи безчисленной толпы народа. Ободренный этимъ видомъ и надѣясь найти въ Скаржинскомъ нужнаго вождя войску, Тысовскій провозгласилъ себя Диктаторомъ, а Скаржинскаго наименовалъ Главнокомандующимъ.

Скаржинскій сдѣлалъ слѣдующія назначенія по военному вѣдомству:

Иванъ Непржецкій начальникомъ Штаба, Добинскій начальникомъ артиллеріи, Яцентій Кохановскій организаторомъ пѣхоты, Вѣрцишевскій начальникомъ Штаба Кохановскаго, Сухоржевскій организаторомъ кавалеріи, Боровскій организаторомъ милиціи, Губертъ военнымъ начальникомъ Подгуржа (въ послѣдствіи за кражу преданъ былъ Суду), Свитковскій военнымъ Губернаторомъ Кракова, Червинскій Плацъ-Комендантомъ (въ послѣдствіи онъ наименованъ организаторомъ пѣхоты, а Плацъ-Комендантомъ назначенъ Францъ Якубовскій), Казимиръ Пральскій, уроженецъ Царства Польскаго, формировалъ небольшой отрядъ кавалеріи, Экельскій былъ Интендантомъ арміи.

Карлъ Стражецкій опредѣленъ Директоромъ Полиціи, и своими отличными распоряженіями много способствовалъ къ удержанію общественнаго порядка.

Ротарскій опредѣленъ Президентомъ Коммисіи продовольствія войскъ, собранныхъ въ Краковѣ, Августъ Цыфровичъ членомъ оной.

Тысовскій назначилъ Министрами: Духовныхъ дѣлъ Каноника Розвадовскаго, Юстиціи Осипа Кржижановскаго, Просвѣщенія Горжковскаго, Внутреннихъ дѣлъ Велегловскаго.

Въ это время былъ представленъ Тысовскому Графъ Дзялынскій, какъ недавно пріѣхавшій изъ Парижа молодой человѣкъ, поступившій въ революціонныя войска охотникомъ.

24 Февраля прибылъ въ Краковъ Дембовскій съ извѣстіемъ, что онъ произвелъ возмущеніе въ Величкѣ. Туда были посланы

Сухоржевскій съ отрядомъ войска, и Седмогроцкій въ качествѣ Коммисара отъ Революціоннаго Правленія.[11]

Дембовскій учредилъ патріотическій клубъ и три раза говорилъ въ немъ рѣчи, но, къ удивленію Тысовскаго, довольно умѣренно; въ числѣ другихъ говорилъ въ клубѣ рѣчи два раза Гржегоржевскій, въ юмористическомъ, впрочемъ, духѣ.

Въ ночь съ 24 на 25 Февраля донесено было Тысовскому, что въ домѣ Правленія собралось нѣсколько лицъ, приготовляющихъ какія-то прокламаціи къ печати. Тысовскій тотчасъ туда пошелъ: у входа онъ былъ задержанъ Алоизіемъ Скаржинскимъ, но, послѣ многихъ убѣжденій и большихъ усилій, успѣлъ пробраться въ залъ, гдѣ было засѣданіе. Тамъ онъ нашелъ Профессора Михайла Вишневскаго, окруженнаго всѣми членами Комитета общественной безопасности; въ ихъ числѣ былъ и Генрихъ Хржановскій, встрѣченный упреками за нерѣшительность. Тысовскій отказался отъ Диктаторства въ пользу Вишневскаго. Когда Тысовскій выходилъ оттуда, толпа людей его окружала, негодуя, что онъ сложилъ съ себя Диктаторство, при чемъ ему сообщено, что этотъ переворотъ обсуженъ на совѣщаніи, бывшемъ въ ту же ночь у нѣкоего Гилярія Менцишевскаго, въ присутствіи Камергера Россійскаго Двора Мирошевскаго. Тысовскій возвратился въ залъ. Вишневскій съ невѣроятною скоростію изготовлялъ множество напыщенныхъ прокламацій. Вдругъ разнесся слухъ, что Казаки показались у Михайловской заставы. Пользуясь симъ случаемъ Тысовскій присвоилъ себѣ опять Диктаторство, и тотчасъ учредилъ военный судъ надъ Вишневскимъ, Менцишевскимъ и Морошевскимъ; но Вишневскій, противъ коего состоялся смертный приговоръ, успѣлъ скрыться, а Менцишевскій и Мирошевскій признаны невинными.

Первымъ дѣломъ втораго періода Диктаторства Тысовскаго было учрежденіе постояннаго Совѣта, въ которомъ засѣдали: Графъ Осипъ Водзицкій, Генералъ Вонсовичъ и Иванъ Бохеникъ. Потомъ Тысовскій занялся замѣщеніемъ нѣкоторыхъ

[11] Въ слѣдственномъ дѣлѣ противъ Эйгенфельда, участвовавшаго въ нападеніи на Величку, имѣется квитанція, имъ выданная, въ принятіи 25 Февраля, для 2 кавалерійскаго взвода Графа Дзялынскаго, 1-го корца 18 гарнцевъ овса и 8 порцій сѣна. Эйгенфельдъ переданъ въ Царство и содержится въ Александровской цитадели.

Государственныхъ должностей и назначилъ Бадена Военнымъ Министромъ.

26 Февраля прибылъ въ Краковъ изъ Царства Польскаго Людвикъ Мазараки. Скаржинскій (Главнокомандующій) наименовалъ его отряднымъ начальникомъ по кавалеріи, но въ какомъ чинѣ, Тысовскій не помнитъ. Мазараки имѣлъ всегда у себя подъ командою около 50 всадниковъ.

Тогда же явились къ Тысовскому 8 или 10 депутатовъ отъ имени Царства Польскаго. Между ними были Венда и младшій Іорданъ. Но Совѣтомъ было рѣшено: не давать имъ ни какихъ инструкцій и стараться только задержать ихъ въ Краковѣ. Венда и Іорданъ вступили въ ряды мятежниковъ. Венда командовалъ взводомъ кавалеріи.

Эти депутаты утверждали, что штейгеры въ окрестностяхъ Олькуша уже приготовлены къ мятежу, и что они ожидаютъ лишь случая, чтобы присоединиться къ Краковскому восстанію. По сему поводу и по требованію депутатовъ, напечатана того же числа въ оффиціальной Краковской газетѣ статья, взывающая штейгеровъ къ содѣйствію.

Въ это время кто-то совѣтовалъ Тысовскому стараться произвесть въ Ченстоховѣ чудо, предполагая, что оно можетъ имѣть большое вліяніе на успѣхъ матежа. Его побуждали также къ вступленію въ предѣлы Царства Польскаго, для открытія въ ономъ революціонныхъ дѣйствій и присоединенія къ себѣ здѣшнихъ поборниковъ возстанія.

27 Февраля привезено изъ Велички 100,000 гульденовъ. Изъ оныхъ 50,000 опредѣлено на покупку оружія, 40,000 для продовольствія войскъ, 10,000 гульденовъ на разные мелочные расходы.[12] Сухоржевскій, сопровождавшій кассу изъ Велички, утаилъ 10,000 гульденовъ и бѣжалъ. Ему помогалъ въ томъ Коммисаръ Седмогроцкій.

Между тѣмъ вѣсти изъ Галиціи о производимыхъ тамъ свирѣпостяхъ день отъ дня становились ужаснѣе. Для успокоенія взволнованныхъ умовъ и присоединенія крестьянъ подъ знаия об-

---

[12] Въ томъ числе дано нѣкоему Хвалибогу, начальнику отряда косинеровъ, 700 гульденовъ, для врученія организатору пѣхоты, Кокановскому, на продовольствіе его лошадей.

щаго возстанія, съ прекращеніемъ производимыхъ ими жестокостей, Тысовскій пригласилъ духовенство устроить духовную процессію изъ Кракова въ Подгорже. Во время слѣдованія этой процессіи, когда военная команда, стоявшая въ Подгоржѣ, изъ 40 человѣкъ, подъ начальствомъ Губерта, вышла, чтобы вблизи видѣть процессію, Австрійцы, возвратившіеся къ Краковскому Округу, открыли огонь, коимъ половина команды убита.

По случаю распространившагося слуха, что командующій Австрійскими войсками, Генералъ Колинъ, желаетъ вступить въ переговоры, Тысовскій послалъ къ нему двухъ Французовъ, по собственному ихъ желанію, въ качествѣ парламентеровъ: одинъ изъ нихъ былъ задержанъ, а другой возвратился съ отвѣтомъ, что Генералъ Колинъ требуетъ немедленной и безусловной сдачи города; что онъ не признаетъ революціоннаго правленія и не принимаетъ его парламентеровъ, но съ удовольствіемъ пріиметъ депутатовъ отъ города Кракова. Тогда были отправлены къ нему, въ званіи депутатовъ отъ города: Вольфъ, Графъ Водзицкій, Гельцель и Ѳедоровичъ. Они привезли увѣдомленіе, что Генералъ Колинъ домогается выдачи Тысовскаго, безусловной сдачи города и немедленной постройки моста (который былъ разведенъ и даже часть котораго была сожжена въ первый день возстанія, по приказанію неизвѣстнаго Тысовскому человѣка въ бѣломъ мундирѣ и Полковничьихъ эполетахъ, провозгласившаго себя Комендантомъ вооруженныхъ толпищъ). Вмѣстѣ съ тѣмъ Тысовскій получилъ извѣстіе о приближеніи Русскихъ и Прусскихъ войскъ и увидѣлъ, что его власти насталъ конецъ, и что онъ Диктаторъ только по имени. Онъ рѣшился сдаться Прусакамъ. Въ это время средства его состояли въ слѣдующемъ: 1000 пѣхотинцевъ и 200 всадниковъ, при одной пушкѣ; сверхъ того въ его распоряженіи были 5000 крестьянъ, коихъ можно было тотчасъ вооружить косами, и къ тому же, какъ показываетъ онъ, могъ съ достовѣрностію расчитывать на 1,000 рудокоповъ изъ окрестностей Олькуша и на Горное Казначейство.

Вскорѣ прибылъ къ Тысовскому Владиславъ Іорданъ съ раненною головою и объявилъ, что онъ дрался съ Казаками. Подробностей этого дѣла Тысовскій не знаетъ. Посланные же Скаржинскимъ 200 косинеровъ для рекогносцировки возвратились съ извѣстіемъ, что 40 Казаковъ пьютъ въ корчмѣ близъ шлагбаума.

2 Марта созвано было общее собраніе совѣта Министровъ, постояннаго совѣта и совѣта военнаго. Предъ открытіемъ засѣданія Горжковскій простился съ Тысовскимъ и объявилъ, что онъ разстается съ нимъ; ибо не хочетъ выйти изъ Кракова, гдѣ пріискалъ себѣ вѣрное убѣжище. За тѣмъ собраніе состояло изъ Министровъ: Велегловскаго, Розвадовскаго, Кржижановскаго, Бадени и Генриха Радзицкаго; изъ членовъ постояннаго совѣта: Гельцеля, Графа Мощинскаго, Яцентія Кохановскаго и Графа Осипа Водзицкаго; изъ членовъ военнаго совѣта: Еразма Скаржинскаго, Венды, Мазараки, Пральскаго и меньшаго Іордана. Наконецъ на совѣщаніе прибыли безъ приглашенія: Владиславъ Іорданъ, Осипъ Хладекъ, Яницкій, Николай Лисовскій, и множество незнакомыхъ Тысовскому лицъ.

Бадени предложилъ Тысовскому написать отреченіе и предать правленіе Комитету общественной безопасности. Всѣ Министры поддерживали это мнѣніе. Послѣ долгихъ преній Тысовскій согласился написать слѣдующую прокламацію:

«Диктаторъ

Министрамъ-товарищамъ.

Обстоятельства принуждаютъ меня выступить въ походъ съ вооруженною силою; по тому передаю власть управленія Министрамъ, предписывая имъ соблюдать въ дѣлахъ настоящій порядокъ и представить мнѣ, по возвращеніи, отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ.»

По подписаніи этого акта поднялся шумъ, въ которомъ отличался болѣе другихъ Владиславъ Іорданъ. Предложено было Тысовскому множество проектовъ и мѣръ, между прочимъ, сдаться Русскимъ войскамъ, для прекращенія безпорядковъ. Тысовскій отвѣчалъ, что онъ рѣшился дѣйствовать вооруженною рукою и выступаетъ изъ Кракова только для того, чтобы удостовѣриться о настоящемъ положеніи дѣлъ и сообразить, куда лучше направить вторженіе, въ Галицію, или Царство Польское

Послѣ закрытія собранія дано было секретное приказаніе: собрать къ 1-му часу по полуночи всѣ войска на площади предмѣстья Клепаржа. Въ 7 часовъ утра Тысовскій сдѣлалъ смотръ

войскамъ близъ деревни Берчовицъ; послѣ чего они двинулись по дорогѣ въ Кржешовицы. Отрядъ Тысовскаго состоялъ изъ 900 косинеровъ, 200 стрѣлковъ и 200 всадниковъ. Въ свитѣ его были: Скаржинскій, Мазараки, Роговскій, младшій Іорданъ, Венда, Наполеонъ Экельскій, два брата Калинки, Осипъ Хладекъ и другіе. На ночлегъ отрядъ остановился въ Кржешовицахъ. Тамъ Тысовскій приказалъ Калинкѣ уничтожить всѣ бумаги и прокламаціи. Одинъ только экземпляръ революціонной системы спасся отъ истребленія, данный Писарю тамошняго Мирнаго Суда, Цукровичу, по его просьбѣ. Часть денегъ, отданныхъ на сбереженіе Экельскому и Калинкѣ, Тысовскій велѣлъ раздать людямъ, зная по опыту, еще со времени Польской войны 1831 года, какъ Прусаки поступаютъ съ деньгами Офицеровъ, которые имъ сдаются

Въ Кржешовицахъ былъ военный совѣтъ: предложенъ на обсужденіе принятый Тысовскимъ и Скаржинскимъ планъ перейти въ Пруссію. На это предложеніе послѣдовало множество возраженій; нѣкоторые совѣтывали вторгнуться въ Царство Польское и соединиться съ Олькушскими рудокопами.

Тысовскій изложилъ неосновательность этого мнѣнія и объявилъ, что уже не время думать, куда слѣдуетъ ити, а только какъ вступить въ переговоры съ Пруссіею. Кончилось тѣмъ, что по полуночи Скаржинскій, Хладекъ и Рогавскій отправились парламентерами къ Прусскому отряду, стоявшему на Прусской границѣ, въ полумили отъ города Хелмка. Въ 4 часа пришелъ эскадронъ Прусскихъ уланъ и, въ сопровожденіи онаго, Краковскіе выходцы прибыли въ этотъ городъ. Тамъ приняли ихъ вѣжливо. Замѣтивъ, однако, изъ словъ одного Генерала, что Диктаторъ назначенъ къ отправленію въ крѣпость Нейсе, Тысовскій воспользовался безпорядкомъ, послѣдовавшимъ при обезоруженіи отряда, объявилъ себя простымъ Офицеромъ, и въ этомъ качествѣ отдалъ бывшее при немъ оружіе.

Тысовскій, спрошенный на допросѣ о Князѣ Леонѣ Сапѣгѣ, отвѣчалъ, что тотъ Сапѣга слылъ приверженцемъ Аристократической партіи, но дѣятельно ни въ чемъ не участвовалъ. На счетъ же участія въ возстаніи Графа Адама Потоцкаго сказалъ что онъ, Тысовскій, ни отъ кого не слыхалъ, чтобы Графъ Адамъ Потоцкій принималъ участіе въ мятежническихъ пред-

пріятіяхъ; къ тому же знаетъ, что онъ, во время Краковскихъ событій, былъ отчаянно боленъ въ Дрезденѣ.

Тысовскому былъ также предложенъ вопросъ: имѣло ли происшествіе въ Седльцахъ какую либо связь съ Краковскимъ возстаніемъ? Тысовскій отвѣчалъ, что объ этомъ происшествіи онъ въ первый разъ слышитъ и благодаритъ Бога, что извѣстіе объономъ не успѣло дойти въ Краковъ; ибо, въ противномъ случаѣ, партія, понуждавшая Тысовскаго къ походу на Царство Польское, основываясь на этомъ событіи, непремѣнно потребовала бы исполненія ея намѣреній.

А. Стороженко.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ

О ВТОРОМЪ МНѢНІИ Г. ПОПЕЧИТЕЛЯ ДЕРПТСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

КНЯЗЯ ЛИВЕНА,

ВЪ РАЗСУЖДЕНІИ ЗАПРЕЩЕННЫХЪ КНИГЪ,

ДѢЙСТВИТЕЛЬНАГО СТАТСКАГО СОВѢТНИКА МАГНИЦКАГО.

При чтеніи въ Главномъ Правленіи Училищъ втораго Мнѣнія Г. Дерптскаго Попечителя о запрещенныхъ книгахъ, я не изъяснилъ моихъ мыслей о сей бумагѣ по тому только, что, на основаніи общихъ узаконеній, полагалъ, что она въ дѣло принята не будетъ; ибо 1) заключаетъ возраженіе на такое рѣшеніе Правленія, которое перерѣшено самимъ Правленіемъ, безъ Высочайшаго повелѣнія, уже быть не можетъ, и 2) наполнена такими укоризненными и неумѣренными выраженіями, кои въ публичныхъ бумагахъ запрещены.

Но, видя изъ журнала, нынѣ присланнаго къ подписанію, что бумага сія, въ видѣ акта, внесена въ оный слово въ слово, я почитаю, что мнѣніе сіе Г. Попечителя Дерптскаго Университета во многихъ мѣстахъ ошибочно и вовсе неумѣстно.

Ошибочно оно въ слѣдующемъ: 1, на 15 листѣ Журнала Главнаго Правленія сказано, что «сочинитель Мнѣнія долгомъ поставляетъ, прежде нежели положено по оному предмету окончательное рѣшеніе, представить свое разсужденіе.» Но разсужденіе сіе подано не прежде, а послѣ, окончательнаго рѣшенія, когда Главное Правленіе Училищъ не могло уже дѣлать на собственное опредѣленіе новаго опредѣленія. 2, На оборотѣ листа 18-го сказано: «Отнятіе сего права (т. е., выписываніе запрещенныхъ книгъ) значитъ не что иное, какъ объявить, что не хотятъ имѣть иностранныхъ Профессоровъ; но что бы были тогда Уни-

верситеты наши?—Тѣло безъ души, зданія, такъ какъ Професоры въ оныхъ, имѣющіе одно только имя,» и проч.

Можно ли, вопрошаю я каждаго Русскаго, можно ли въ молчаніи слушать сію, столь чужеземную и неосновательную, укоризну? Признаюсь, что мнѣ не можно; ибо я знаю:

1. Что въ Университетѣ Казанскомъ, конечно, не послѣднемъ по наукамъ и особенно доброму духу его, изъ 32 Членовъ Совѣта Нѣмцевъ Русскихъ только 2.

2. Что выгнанные въ разныя времена изъ нашихъ Университетовъ, за нечестивыя и возмутительныя начала, Профессоры: Шаде, Раупахъ и Германъ—Нѣмцы, а Куницынъ и Галичъ—путешественники, образовавшіеся въ Германіи и Нѣмцами же обученные.

3. Что отличнѣйшіе Профессоры наши: Соловьевъ, Чижовъ, Мудровъ, Щегловъ, Зябловскій, Сандуновъ, Мухинъ, Двигубскій, Стойковичъ и Симоновъ, не Нѣмцы. Сверхъ сего Академіи наши и другія мѣста наполнены Русскими учеными отличнѣйшихъ дарованій и просвѣщенія.

4. Что если есть ученыя мѣста, коими какъ бы наслѣдственно завладѣли одни Нѣмцы, то это не по тому, чтобы не было гораздо достойнѣйшихъ ихъ Русскихъ.

И такъ, ежели бы дѣйствительно всѣ иноземцы оставили наши Университеты, то мы пожелали бы имъ счастливаго пути, и никогда бы не подумали, что Университеты наши, въ отсутствіе ихъ, тѣло безъ души; ибо имѣемъ множество ученыхъ и Профессоровъ, гораздо почтеннѣе тѣхъ, кои, выгнаны будучи изъ отечества своего голодомъ, а иногда и Полиціею, привозятъ къ намъ часто развратъ мыслей и всегда ненависть къ благословенной странѣ нашей, призрѣвшей и питающей ихъ.

На 19-мъ листѣ нахожу я двѣ примѣчательныя черты: 1) что сочинитель Мнѣнія утверждаетъ, что Профессоры нашихъ Университетовъ, «имѣющіе одно только сіе имя, не соотвѣтствуя своей цѣли, слишкомъ дорого стоютъ Государству за то, что они доставить могутъ.»

Но, во первыхъ, по какому праву произнесъ Г. Попечитель Дерптскаго Университета сей оскорбительный и неосновательный приговоръ о Русскихъ Профессорахъ, коихъ, вѣроятно, мало знаетъ?

А во вторыхъ, какое есть приличіе, въ публичной бумагѣ

Члену Главнаго Правленія Училищъ, осудить одною чертою пера выборъ и утвержденіе Профессоровъ, Министру законами предоставленные?

Я прошу его также припомнить, что въ его собственномъ Университетѣ Русскіе Профессоры: Кайсаровъ и Воейковъ, бывшіе, конечно, не хуже всѣхъ Нѣмцевъ, заслуживали отъ него нѣкоторой пощады.

Мнѣніе Попечителя Дерптскаго Университета неумѣстно: 1) по тому, что не дозволено законами порицать офиціально цѣлое сословіе Русскихъ ученыхъ и осуждать выборъ и утвержденіе Начальства; не дозволено и самимъ приличіемъ такъ злословить, при Русскихъ Членахъ Главнаго Правленія Училищъ, ихъ соотечественниковъ. 2) По тому, что сатирическій тонъ Мнѣнія и ничего недоказывающая, но слишкомъ длинная, шутка о употребленіи вилокъ и ножей, въ сужденіи о дѣлѣ, по Высочайшему повелѣнію на разсмотрѣніе наше предложенномъ, не у мѣста. 3) По тому, что разсортированіе Членовъ Главнаго Правленія «на неопытныхъ, несвѣдущихъ, на боязливыхъ, на смотрящихъ на все въ черномъ видѣ» (собственныя слова сочинителя), по слѣпой ревности, или по злому намѣренію, есть оскорбленіе всего Главнаго Правленія Училищъ, предсѣдательствуемаго Г. Министромъ, и коего каждый Членъ, по званію своему, равенъ сочинителю сей бумаги, а всѣ въ совокупности выше его.

Законы наши, именуя подобныя бумаги тѣмъ названіемъ, котораго онѣ заслуживаютъ, подвергаютъ сочинителей оныхъ строгому взысканію.

По симъ краткимъ только примѣчаніямъ на Мнѣніе Г. Попечителя Дерптскаго Университета, въ силу законовъ, запрещающихъ подобныя бумаги, я полагаю, что она не только не можетъ быть вмѣщена въ Журналѣ Главнаго Правленія Училищъ, но и должна быть ему возвращена, а самое обстоятельство сіе, по важности своей, должно быть доведено до Высочайшаго вѣдѣнія; ибо иначе кто поставитъ предѣлъ подобнымъ неприличіямъ, чѣмъ они окончатся, и что бы вышло, ежели бы два, или три, Члена Главнаго Правленія Училищъ равнымъ образомъ забылись?

Сообщ. **Князь В. И. Баюшевъ.**

ПИСЬМО

ГРАФА АЛЕКСѢЯ АНДРЕЕВИЧА АРАКЧЕЕВА

КЪ

ИМПЕРАТОРУ НИКОЛАЮ ПАВЛОВИЧУ.

Ваше Императорское Величество,

Всемилостивѣйшій Государь!

Нѣсколько лѣтъ уже я страдаю болію въ груди. Общее несчастіе—горестная кончина Государя Императора Александра Павловича, отца и благодѣтеля моего, довершило разстройство моего здоровья и довело наконецъ до такого состоянія, что я уже ни днемъ, ни ночью, не имѣю покоя.

Я совѣтывался со всѣми врачами, но ни одинъ не могъ облегчать меня. Всѣ рѣшительно говорятъ, что мнѣ остается одно средство: испытать Карлсбадскія воды; я долженъ послѣдовать ихъ совѣту.

Всемилостивѣйшій Государь! Я служу уже 4-му Россійскому Государю, Офицеромъ съ 1787 года, и во всѣ сіи 39 лѣтъ въ первый разъ прошу моего Императора объ отпускѣ меня за границу.

Я испрашиваю отпуска сего единственно для поправленія моего здоровья. Ежели Всевышній благословитъ мнѣ ниспослать облегченіе отъ болѣзни, то я могу продолжать мое служеніе Вамъ, Всемилостивѣйшій Государь, съ тѣмъ же чистымъ и прямымъ усердіемъ, которое руководило меня при жизни покойнаго Государя, отца и благодѣтеля моего, ежели только служба моя угодна будетъ Вашему Императорскому Величеству.

Новое Государственное учрежденіе Военныхъ Поселеній, въ моемъ управленіи состоящее, съ Божіею помощію и особымъ

Высочайшимъ въ Бозѣ почивающаго Государя Императора, отца и благодѣтеля моего, Александра Павловича, попеченіемъ, получило уже твердое основаніе во всѣхъ частяхъ его устройства, такъ что теперь оно не требуетъ болѣе ничего, кромѣ охраненія заведеннаго вездѣ порядка.

Что касается до денежныхъ способовъ Военныхъ Поселеній, то я оставляю наличныхъ денегъ болѣе 32 милліоновъ рублей. Кажется, я могу открытно и съ позволеннымъ, вѣрному слугѣ своего Государя, Христіанскимъ удовольствіемъ сказать, что сія часть въ томъ положеніи, какое, конечно, не всѣмъ другимъ извѣстно, и въ какомъ можетъ быть никто не воображаетъ себѣ Военныхъ Поселеній; въ дополненіе же онаго всеподданнѣйше доношу, что и всѣ, закономъ установленные, отчеты по Военнымъ Поселеніямъ даны уже Государственному Казначейству по 1825 годъ, въ чемъ удостовѣряютъ полученныя отъ онаго квитанціи.

Я осмѣливаюсь всеподданнѣйше поднесть при семъ на Высочайшее Вашего Императорскаго Величества благоусмотрѣніе особую Записку о капиталахъ Военныхъ Поселеній.

Ежели мои труды и усердіе въ скопленіи и пріобрѣтеніи сихъ значительныхъ суммъ удостоются обратить на себя хотя нѣсколько вниманіе Вашего Императорскаго Величества, то, въ награду оныхъ, я прошу оказать мнѣ Монаршія милости — дозволить мнѣ подносимую Записку напечатать въ Инвалидѣ къ общему свѣдѣнію, и предоставить мнѣ пользоваться во время отпуска нынѣ получаемымъ мною содержаніемъ. Оно не огромно, Всемилостивѣйшій Государь, и менѣе получаемаго не только моими сотоварищами, но даже и многими Статсъ-Секретарями.

Не позволилъ бы я себѣ утруждать Ваше Императорское Величество просьбою о послѣднемъ, ежели бъ могъ безъ того обойтиться въ приготовленіи себя къ отъѣзду и въ содержаніи себя за границей; но мои нужды доказываетъ продажа домовыхъ моихъ столовыхъ серебряныхъ вещей, что должно быть не безъизвѣстно и Вамъ, Всемилостивѣйшій Государь, по докладу Вашего Гофмаршала и Управляющаго Кабинетомъ. Мое письмо къ сему послѣднему я бы желалъ, дабы доведено было до Высочайшаго свѣдѣнія.

Но ежели я не пріобрѣлъ службою моею права на сію милость Вашего Императорскаго Величества, то долженъ буду при-

бѣгнуть для путевыхъ издержекъ къ займу денегъ подъ залогъ единственно Грузинскаго моего имѣнія, дарованнаго мнѣ за службу въ Бозѣ почивающимъ Вашимъ родителемъ: имѣніе сіе составляетъ все мое благосостояніе, и я, со временъ пожалованія онаго мнѣ, не прибавилъ къ нему ни одной души крестьянъ, ни единой десятины земли, ни покупкою, ни наградами розданныхъ арендъ и земель.

Всемилостивѣйшій Государь! Все здѣсь изложенное ставлю истинно, что я могу подвергнуть оное суду самыхъ моихъ недоброжелателей. Мнѣ кажется, и они, прочитавъ все оное, ежели не отдали бы мнѣ справедливость, то, конечно, возчувствовали бы въ совѣсти своей нѣкоторое волненіе.

Я предаю себя сердцевѣдцу, Богу моему, и Всемилостивѣйшему Государю, Августѣйшему брату блаженныя памяти Государя отца и благодѣтеля моего. Служа Его Величеству вѣрою и правдою, я не пріобрѣлъ ни чиновъ, ни почестей, ни богатства; я имѣлъ счастіе удостоиться одной только награды, превыше всѣхъ наградъ,—Его Высочайшія къ себѣ довѣренности. Она одушевляла меня въ моемъ служеніи, и до конца дней моихъ пребудетъ единственнымъ утѣшеніемъ, и Всемірный Судія, грядущее время и потомство изречетъ всему справедливый приговоръ.

Остаюсь на вѣкъ съ глубочайшимъ и истиннымъ душевнымъ высокопочитаніемъ и преданностію

Вашего Императорскаго Величества

вѣрноподанный

Графъ Аракчеевъ.

С. Петербургъ.
Апрѣля 9 дня, 1826 года.

Сообщ. Князь В. И. Баюшевъ.

ПАМЯТНАЯ ЗАПИСКА

О

ПРОФЕССОРАХЪ МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

Изъ слѣдующаго письма Помощника Попечителя Московскаго Учебнаго Округа, Графа Д. Н. Панина, къ Правителю Канцеляріи Попечителя сего Округа (Князя С. М. Голицына), Князю Н. Н. Голицыну, открываются причины, побудившія Графа Панина составить эту Записку, конечно, для представленія, въ случаѣ нужды, Министру Народнаго Просвѣщенія, Князю Ливену. О. Б.

Mon Prince!

La note ci-jointe, quoiqu' imparfaite, pourra, je pense, Vous être de quelque utilité, au cas que le Ministre accède à Votre demande de **nettoyer** l'Université de Moscou, pour la mettre à l' abri de nouveaux scandales; c'est pourquoi je m'empresse de Vous l'envoyer.

Dès que vos ordres me seront parvenus pour la tournée, que je dois faire dans les deux Gouvernements de Smolensk et de Kalouga, je me hâterai de les mettre à éxécution. Je me flatte, que quinze jours me suffiront à dater de la fin de la semaine de Pâques, pendant laquelle tout est suspendu dans les établissements publics. Il ne me reste maintenant, mon Prince, qu'un seul desir à Vous émettre, c'est qu'il vous plaise de m'accorder pour compagnon de voyage, soit le même Mr. Bezsonoff, qui m'a accompagné à Twer, soit Mr. Zablotsky, qui a exercé pendant quelques jours l'emploi de sécretaire auprès de Vous, soit enfin Mr. Koubareff, Professeur-Adjoint de langue Latine. Ce sera de votre part un véritable bienfait, si Vous m'acordez un témoin de mes actions, qui puisse rendre compte à l'Université de tout, ce qu'il aura vu et entendu.

Recevez en attendant, s'il Vous plait, mon Prince, l'assurance des sentimens de profond respect, avec lesquels

je suis pour la vie

Votre très humble et très dévoué serviteur

C-te Alexandre Panin.

Dougkino.
5 Avril, 1831.

Vous m'obligerez infiniment, mon Prince, en me faisat tenir la note, que j'ai transmise à Князь Сергѣй Михайловичъ sur les Professeurs de l'Université, et qu'il m'autorise à Vous recommander. J'ai été chez Vous autant dans ce but, que pour Vous souhaiter un heureux voyage et un prompt et agréable retour.

Tout à Vous

C-te Alexandre Panin. *

Ваше Сіятельство!

Прилагаемая Записка, хотя не совсѣмъ отчетлива, можетъ, однако, послужить Вамъ къ дѣлу, въ случаѣ если Министръ согласится на вашу просьбу почистить Московскій Университетъ, чтобъ избавить его отъ новаго позора; съ этою цѣлью я спѣшу послать Вамъ эту Записку.

По полученіи вашихъ приказаній касательно объѣзда, который я долженъ совершить въ двухъ Губерніяхъ, въ Смоленской и Калужской, я поспѣшу привести ихъ въ исполненіе; надѣюсь все окончить въ теченіе двухъ недѣль, начиная отъ Святой, а въ это время, извѣстно, ученія нѣтъ въ учебныхъ заведеніяхъ.

Мнѣ остается только, Ваше Сіятельство, попросить Васъ объ одномъ моемъ желаніи: не угодно ли будетъ Вамъ назначить мнѣ товарищемъ путешествія или Господина Безсонова, который ѣздилъ со мною въ Тверь, или Господина Заблоцкаго, который нѣкоторое время исполнялъ при Васъ обязанность Секретаря, наконецъ даже Господина Адъюнкта Латинскаго языка, Кубарева?

---

* Бумаги сіи списаны съ собственноручныхъ подлинниковъ. О. Б.

Съ вашей стороны будетъ истиннымъ для меня благодѣяніемъ дать мнѣ свѣдѣтеля моихъ дѣйствій: онъ можетъ представить отчетъ Университету обо всемъ видѣнномъ и слышанномъ.

Ожидая Вашего отвѣта, прошу, Ваше Сіятельство, вѣрить чувству глубокаго уваженія, съ которымъ честь имѣю быть навсегда

покорнѣйшимъ и преданнѣйшимъ слугою,

Графъ Александръ Панинъ.

Дукино.
5 Апрѣля, 1831 г.

Вы безконечно обяжете меня, Ваше Сіятельство передавъ мнѣ Записку о Профессорахъ Университета, которую я отдалъ Князю Сергѣю Михайловичу и которую онъ уполномочилъ меня поручить также Вашему вниманію. Я былъ у Васъ какъ съ этою цѣлью, такъ и съ тѣмъ, чтобы Вамъ пожелать счастливаго пути, скораго и пріятнаго возвращенія.

Весь Вашъ

Графъ Александръ Панинъ.

ЗАПИСКА.

ПРОФЕССОРЫ МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА:

Ректоръ.* Остылъ къ наукамъ. Этотъ человѣкъ такъ безхарактеренъ и лукавъ, при посредственномъ умѣ, что никогда нельзя быть увѣрену въ его мнѣніи о самыхъ маловажныхъ предметахъ.

Рейсъ. Ученый тяжелодумъ, одаренный искуствомъ затруднять всякое, возложенное на него, дѣло. Можно бы было, по худому его знанію Россійскаго языка, отдать его въ Академію Наукъ, и взять, въ обмѣнъ, изъ другого Университета дѣятельнѣйшаго Профессора.

Фишеръ. Предсѣдатель Медико-Хирургической Академіи, отличный Профессоръ Естественныхъ Наукъ.

Чумаковъ. Человѣкъ добросердечный и знающій въ своемъ дѣлѣ, но по части Инспекторской слишкомъ слабъ.

Давыдовъ. Ума палата, но смотритъ въ лѣсъ, отъ безнадежности его судьбы на поприщѣ наукъ.

Павловъ. Уменъ и ученъ, но не у мѣста: ему бы слѣдовало возвратить каѳедру Сельскаго Хозяйства, а Физику отдать по прежнему Веселовскому, который и теперь ее преподаетъ въ Медико-Хирургической Академіи.

Щепкинъ. Знаетъ Математику основательно, преподаетъ отлично высшія ея части и способенъ на всякія должности по своему званію.

Перевощиковъ. И ученъ, и свѣдущъ въ Астрономіи, и довольно рѣчистъ, но подчиненный строптивой и начальникъ крутой отъ непреклонности нрава.

Мягковъ. Устарѣлъ методою преподаванія Военныхъ Наукъ. Нынѣшнее лѣто должно показать, что онъ можетъ сдѣлать при пособіи нѣкоторыхъ новыхъ книгъ, которыя я ему сообщилъ.

Гейманъ. Химіи учитъ весьма хорошо, знаетъ и любитъ свое дѣло.

Коцауровъ и Погорѣльскій. Адъюнкты довольно слабые достойныхъ Математическихъ Профессоровъ, за которыми они съ трудомъ поспѣваютъ.

* И. А. Двигубскій О. Б.

Мудровъ. Оказалъ большія услуги Университету и человѣчеству при образованіи Клиники, но его винятъ въ излишнемъ пристрастіи къ методѣ Бруссе.

Бунге. Изъ лучшихъ Профессоровъ Медицинскаго Отдѣленія. Онъ неутомимъ, при всей слабости. Во время холеры онъ показалъ себя и Христіаниномъ и Медикомъ отличнымъ. Ему содѣйствовали въ это время съ особеннымъ самоотверженіемъ изъ молодыхъ лѣкарей Господа: Армфельдъ, Гильдебрандтъ, сынъ знаменитаго оператора, и Марьинской, а изъ Студентовъ Медицинскаго Отдѣленія Господинъ Ужаковъ.

По части хозяйственной заслуживаютъ особенно отличную похвалу: Профессоръ Щепкинъ, Адъюнктъ Топоровъ и Економъ Андреевъ.

Рихтеръ. Акушеръ. Очень хорошъ во всѣхъ отношеніяхъ.

Альфонскій. Весьма искусенъ, особенно въ Хирургіи.

Эвеніусъ. Глазной врачъ, очень хорошъ.

Эйнбродтъ. Займетъ съ честію мѣсто Лодера по Анатоміи.

Страховъ. Честной и безкорыстной человѣкъ, изъ лучшихъ учениковъ Мудрова.

Терновской. Хвалятъ довольно его знаніе, но холера показала его нѣсколько робкимъ.

Іовской. Знаетъ хорошо Химію и можетъ заступить мѣсто Денисова по Технологіи; только должно бы его приготовить поѣздкою по Россійскимъ и чужимъ мануфактурамъ и рукодѣліямъ.

Рясовской. Смыслитъ Акушерство, по словамъ Медиковъ, но малодушенъ въ заразительныхъ болѣзняхъ.

Александръ Фишеръ. Отличной сынъ достойнаго отца, знаетъ основательно Естественныя Науки и изъясняется по Русски, какъ коренной Русской.

Топоровъ. Акушеръ. Молодой человѣкъ съ здравымъ разсудкомъ, хорошій преподаватель Акушерской науки, могъ бы быть употребленъ съ пользою на письмоводительство Медицинскаго Отдѣленія, котораго переписка затрудняется нерѣшимостію Декана Котельницкаго и медленностію Никифора Лебедева.

Каченовской. Тяжеловѣсъ Россійской Словесности, ученъ, но усыпителенъ; ему бы лучше быть при одной Педагогикѣ.

Ульрихсъ. Честной и деликатной человѣкъ, только черезъ чуръ бережетъ своихъ ученыхъ собратьевъ: неправды не ска-

жетъ ни за что, но иной разъ не договоритъ правду, чтобъ избѣгнуть непріятности этихъ свѣтскихъ монаховъ. Знаетъ Исторію хорошо и удовлетворительно изъясняется по Русски.

Ивашковской. Эллинистъ хорошій.

Снѣгиревъ. Знаетъ Древности отечественныя лучше, чѣмъ Латинской языкъ, на которомъ онъ изъясняется грубо и неправильно. Снѣгиреву слѣдовало бы отдать Археологію, отдѣльно отъ Эстетики, а Латинской языкъ препоручить Магистру Кубареву.

Кистеръ. Знаетъ хорошо свой языкъ и учитъ довольно успѣшно; надъ нимъ иногда смѣются за дурной Русской выговоръ.

Гавриловъ. Годится въ Архивъ старыхъ дѣлъ.

Гарвей. Знаетъ языкъ Англійской основательно и учитъ хорошо, но имѣетъ мало слушателей, что можно также сказать и о Рубини.

Декампъ. Знаетъ Французскую Литературу очень хорошо, но, по невѣдѣнію Русскаго языка, пропадетъ безъ Куртенера, которой ему будетъ отличной помощникъ.

Петръ Матвѣевичъ Терновской. Учитъ Богословіи и Исторіи Церковной въ Университетѣ и въ Пансіонѣ, и отправляетъ Божественную Литургію въ семъ послѣднемъ мѣстѣ; человѣкъ умной и благочестивой, обходительной и ученой.

Левъ Алексѣевичъ Цвѣтаевъ. Учитъ Римскому Праву. Вашему Сіятельству довольно извѣстенъ съ весьма хорошей стороны.

Сандуновъ. Отлично знаетъ Россійское Законодательство, но давно уже боленъ и мало подаетъ надежды къ выздоровленію.

Имъ обоимъ должно бы избрать достойныхъ преемниковъ

Маловъ и Смирновъ. Ихъ Адъюнкты, мало чести дѣлаютъ Московскому Университету и пора имъ на покой. Ректоръ крѣпко стоитъ за Смирнова по какимъ-то частнымъ связямъ, но онъ изъ худшихъ самой худой, и его классъ всегда похожъ, въ отсутствіи моемъ, на лубочную комедію.

Погодинъ. Помощникъ Ульрихса, отлично преподаетъ Исторію. Естьли онъ оставитъ Университетъ, трудно будетъ найти, кѣмъ замѣнить его.

Василевской. Профессоръ Дипломатики и Политическихъ Правъ. Голова безразсудная.

ЗАМѢТКА

НА

„ЗАМѢТКУ О КАМЕННЫХЪ БАБАХЪ БЛИЗЪ МОСКВЫ."

Въ 3-й книгѣ «Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ» помѣщена: «Замѣтка о каменныхъ бабахъ близъ Москвы» (Отд. V, стр. 123 — 129), на которую считаю своимъ долгомъ просить напечатать, въ 4-й книгѣ тѣхъ же «Чтеній,» мои замѣчанія, которыя я дѣлю на пункты:

1. Въ статьѣ неправильно написано, что «въ окрестностяхъ Москвы, именно въ сельцѣ Зенинѣ, найдена еще одна каменная баба.» Никто такой бабы не искалъ и не находилъ, такъ какъ она нигдѣ не скрывалась, а находилась на видномъ мѣстѣ, что подтверждаетъ и сочинитель самъ, говоря, что пріѣзжающіе гулять въ Зенино имѣютъ обыкновеніе осматривать бабу, а по тому нельзя говорить, что баба найдена.

2. Тамъ же невѣрно передается, что «близъ пруда, и гдѣ находится памятникъ Графу Сергѣю Петровичу Румянцову, на небольшомъ холмикѣ одиноко стоитъ себѣ каменная баба.»

а) Близъ пруда не стоитъ баба, такъ какъ въ тѣхъ мѣстахъ нѣтъ пруда, а только во 100 шагахъ отъ бабы протекаетъ рѣчка Пехорка. б) Памятника Графа Румянцова нѣтъ ни близъ рѣчки, ни близъ пруда, ни близъ бабы, и нигдѣ нѣтъ, такъ какъ такой памятникъ, стоявшій далеко отъ бабы, на другой сторонѣ рѣчки, за домомъ, увезенъ, въ 1860 г., прежнею владѣлицею Зенина. в) Баба никогда не стояла на небольшомъ холмикѣ, такъ какъ такого холмика не было, и теперь нѣтъ, а была она укрѣплена къ 3 большимъ особой породы камнямъ, вокругъ которыхъ для входа устроены были каменныя ступени, отъ времени совершенно развалившіяся. г) Не одиноко стоитъ себѣ баба, а среди березъ и сосенъ, которыя въ послѣднее время сильно поднялись и прикрывали ее отъ непогоды.

3. Это достовѣрно, что Зенино принадлежало Графа Сергѣю Петровичу Руминцову, а не «кажется,» какъ говоритъ сочинитель статьи; за тѣмъ оно перешло къ Дивовой, за нею къ Шелапутиной, нынѣ принадлежитъ не послѣдней, а ниже подписавшемуся.

4. Въ статьѣ сѣтуютъ на то, что никто досѣлѣ не заявлялъ наукѣ о существованіи каменной бабы въ Зенинѣ. Но кому же заявлять о ней наукѣ, если «знатокъ Московскихъ окрестностей, снявшій карандашомъ изображеніе ея съ натуры въ 1860 г.,» извѣстилъ написавшаго статью только въ 1870 г., ровно чрезъ 10 лѣтъ? Сколько же лѣтъ нужно незнатоку Московскихъ окрестностей, чтобы сообщить о бабѣ, находящейся въ 21 верстѣ отъ Москвы, человѣку, не видѣвшему ее, вѣроятно, за дальностію разстоянія, или по другимъ причинамъ? Должно думать, что на такой подвигъ, сопряженный съ большимъ рискомъ для предпринимающаго, требуется не одинъ, но нѣсколько, десятокъ лѣтъ.

5. Написавшій статью по всему видно увѣренъ, что въ Зенинѣ и теперь еще стоитъ баба на холмикѣ, но на самомъ дѣлѣ этого нѣтъ. Лѣтомъ нынѣшняго года я пожертвовалъ ее въ Румянцевскій Музей, какъ болѣе соотвѣтствующее ей мѣсто, и странно, что о пребываніи Зенинской бабы въономъ Музеи никто не сообщилъ сочинителю статьи, хотя уже прошло нѣсколько мѣсяцевъ со времени переѣзда бабы въ Москву.

6. Наконецъ замѣчу еще, что общее впечатлѣніе каменной бабы не совсѣмъ вѣрно, и чтобы убѣдиться въ томъ, что на ней нѣтъ ни кафтана, ни сюртука, какъ можно предполагать одно изъ двухъ по приложенному къ статьѣ рисунку, и что имѣется оружіе и слѣды еще чего-то расписаннаго на передней части тѣла, а также сзади коса, чего не видно на рисункѣ, для этого слѣдуетъ посѣтить Румянцевскій Музей и доподлинно разсмотрѣть каменную бабу.

И. Шаховской.

(Владѣлецъ сельца Зенина.)

Декабря 31-го, 1870 г.

ПОДПИСКА

ГЕНЕРАЛЪ-МАІОРА ТРУХАЧОВА

О

НЕПРИНАДЛЕЖНОСТИ КЪ МАСОНСКИМЪ И ИНЫМЪ ТАЙНЫМЪ ОБЩЕСТВАМЪ.

Я ниже подписавшійся объявляю, во 1-хъ, что я обязанъ присягою при крещеніи, во 2-хъ на вѣрность подданства и въ службѣ на каждый чинъ. Храню сіи священныя присяги, ведущія путь къ благоустройству. Каковыя присяги запрещали новыя какія либо обязанности, изрыгнутыя самимъ адомъ, принимать на себя, и для того я, какъ истинный Христіанинъ и вѣрноподданный, совершенно скорблю о томъ, что начальство даже сумнѣвалось во мнѣ, дабы я принадлежалъ къ какимъ либо ложамъ Масонскимъ, или инымъ Тайнымъ Обществамъ, составляющимъ заговоръ противъ Бога, Государей, Священныхъ Союзовъ и вѣрноподданныхъ Богу и Государямъ, внутри Имперіи, или внѣ ея существованіе имущихъ. Но всегдашнее мое было обращено вниманіе отдалять молодыхъ и неопытныхъ людей, даже и не принадлежащихъ къ моей командѣ, отъ сего презрительнаго сонмища молодыхъ философовъ, во всѣхъ отношеніяхъ беззаконниковъ, вооружившихся безсовѣстно противъ всякаго благоустройства, основаннаго Богомъ, Государемъ и законами.

Эти изверги недовольны еще, напитавшись кровію во время Французскаго бунта (революціи), пустозвонной республиканской войной, * не давшей покоя нѣсколько десятковъ лѣтъ, убили добраго Государя на эшафотѣ. Да и прочихъ одно только Божіе милосердіе спасло отъ злой пасти Масоновъ; ибо день 14 Іюля былъ

---

* Которой планъ уже извѣстенъ и Масонскіе подвиги открыты. Аустерлицъ и Фридландъ, вы еще покрыты въ Россіи тайною!

назначенъ не для одного Людовика XVI взять подъ арестъ, но для всѣхъ коронованныхъ главъ Европы. Этотъ комплотъ кровопійцевъ вздумалъ еще изрыть ямы, пропасти и провалы въ благословенномъ Государствѣ Россіи, и единственно для того, чтобы наполнить оные кровію невинныхъ жертвъ и возмутить священный покой, коимъ наслаждается нынѣ блаженная Россія. 1822 года, Августа 1, спасительный Указъ, невинныхъ, могущихъ быть ввергнутыми змѣинымъ обольщеніемъ въ адскія пропасти, избавилъ многихъ отъ присоединенія вновь къ ордамъ симъ мнимо-просвѣщенному адскому скопищу. Зная нынѣ всѣхъ тайныхъ обществъ цѣль, къ которой стремятся и такъ быстро стараются достичь оной, какъ видно изъ Высочайшаго благоволительнаго Указа къ вѣрноподданнымъ, я благодарю Бога за спасеніе, что не принадлежалъ; а въ томъ, что принадлежать не буду ложамъ, отвѣчаю всѣмъ тѣмъ, что для меня есть драгоцѣннѣйшаго въ свѣтѣ, и что буду стараться объявлять каждому о преднамѣреніяхъ, тайныхъ злодѣйствахъ Масонскаго комплота, заговорахъ, самыхъ злѣйшихъ и опаснѣйшихъ бывшихъ разбоевъ. И тѣ были, противу Масонскихъ заговоровъ благодѣяніемъ: они разбивали проѣзжающихъ, которые, однако, брали свои мѣры, но они не имѣли въ предметѣ сдѣлать общій бунтъ, что называютъ Французы революція, а Масоны стремятся къ общему бунту, которымъ хотятъ очистить землю отъ профановъ, по уничтоженіи Святой Вѣры, Государей и всякаго неравенства, устроеннаго для общей пользы и покоя. Сами же, напротивъ, имѣютъ старшинъ въ ложахъ, да и ложи еще есть старшія, въ коихъ служитъ молотокъ вмѣсто барабана и прочіе Масонскіе инструменты и степени, означающія не равенство, слѣдовательно, явно слабоумныхъ вербуя въ свою шайку и неопытныхъ, обманываютъ мнимымъ равенствомъ и вольностію и подчиняютъ подъ свои хитрыя повелѣнія, то есть, развращаютъ. А во время Французскаго бунта (революціи) эти человѣколюбивые бунтовщики своимъ благодѣяніемъ милліоны головъ отрѣзали. Вотъ какъ я знаю о Масонахъ! Послѣ сего уже ни какъ нельзя принадлежать къ нечестивому изчадію Масонскаго разврата, а вяще кто отецъ семейства и прослужилъ во фронтѣ почти цѣлый вѣкъ, въ военной службѣ подъ строгой субординаціей и самъ любитъ хранить оную свято.

И такъ рѣшительно объявляю, что я никогда не принадле-

жалъ къ тайнымъ ложамъ, и принадлежать къ симъ, заражающимъ даже воздухъ, шайкамъ не буду, что готовъ утвердить присягою, не довольно подпиской. 16 Мая, 1823 года. Кіевъ.

Генералъ-Маіоръ Трухачовъ.

Замѣтка переписчика.

Форма подписки, для единообразія, была издана самимъ Правительствомъ; она кратка, ясна и безъ малѣйшаго многословія; въ ней означалось, что такой-то никогда не принадлежалъ и не будетъ принадлежать ни къ Масонскимъ, ни къ инымъ Тайнымъ Обществамъ, а если принадлежалъ, то обѣщается отстать отъ нихъ. По этой формѣ и были отобраны подписки отъ всѣхъ Генераловъ, Штабъ и Оберъ-Офицеровъ. Генералъ-Маіоръ Трухачовъ, вѣроятно, для извѣстной ему цѣли, не придержался къ формѣ; онъ тогда состоялъ подъ военнымъ судомъ, и послѣ уже своей подписки отставленъ отъ военной службы.

ПРОТОКОЛЪ ЗАСѢДАНІЯ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ОБЩЕСТВА ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ,

1870 года, Апрѣля 3-го дня.

1870 года, Апрѣля 3-го дня, Императорское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ, подъ предсѣдательствомъ Дѣйствительнаго Члена, Графа М. В. Толстого, и въ присутствіи Гг. Дѣйствительныхъ Членовъ: П. В. Хавскаго, Н. В. Сушкова, Архимандрита Леонида, Ю. Д. Филимонова, М. Л. Назимова, А. Н. Аѳанасьева, А. И. Хмельницкаго, Соревнователей: И. И. Мольнара, Е. В. Барсова, А. Е. Кудрявцева, и Секретаря Общества, О. М. Бодянскаго, имѣло обыкновенное Засѣданіе, въ коемъ, по прочтеніи и подписаніи Протокола предыдущаго Засѣданія, Генваря 13-го дня текущаго года, происходило слѣдующее:

1. Д. Членъ и Секретарь Общества, О. М. Бодянскій, прочелъ Введеніе въ статью Инспектора Народныхъ Училищъ Тульской Губерніи, Ю. Ѳ. Крачковскаго: «Очерки Уніятской Церкви.»

За тѣмъ читаны были:

А. Предложенія.

2. Редакціи: «Русская Старина,» въ Петербургѣ, объ обмѣнѣ изданіями. Опредѣлено: обмѣниваться.

Б. Приношенія.

а. Матеріялами:

3. Д. Члена Архимандрита Леонида, пол. 25 Генваря: 1. «Обращеніе Сеньки Медвѣдева, по рукописи XVII вѣка; 2. Гри-

горія монаха и Пресвитера, Игумена обители Плингорскія, надгробное Кипріану, Архіепископу Россійскому; 3. Списокъ греческихъ рукописей на Востокѣ, сдѣланный однимъ путешествовавшимъ тамъ Англичаниномъ и потерянный въ Іерусалимѣ.»

4. М. Ѳ. Де-Пуле, изъ С.-Петербурга, получ. 12 Марта: «Журналъ пребыванія Короля Польскаго, Станислава Августа, въ Гроднѣ, 1795—1796 г., веденный Приставомъ при немъ, Графомъ Ильей Андреевичемъ Безбородкомъ.» Извлеч. изъ Архива Виленскаго Генералъ-Губернатора.

б. Статьями:

5. Д. Члена Н. В. Сушкова: 1. «Къ разсказу о Кватерахъ въ Запискахъ о жизни и времени Святителя Филарета, Митрополита Московскаго,» и 2. Къ «Запискамъ о жизни и времени Филарета, Митрополита Московскаго.»

6. Чрезъ Д. Члена Ю. Д. Филимонова, статья послѣ покойнаго Д. Члена А. Ѳ. Вельтмана: «Исконная Русь и Русскія письмена Ульфилы, Епископа Томитанской или Донской Епархіи въ половинѣ IV вѣка.»

7. Чрезъ Вицепрезидента Общества, Князя А. П. Ширинскаго-Шихматова: «Записка о домѣ Князя Д. М. Пожарскаго на Лубянкѣ, что нынѣ 3-я Гимназія, соч. Н. Н. Новикова.»

8. Русскаго Вицеконсула въ Герцеговинѣ, Н. А. Иларіонова, изъ Мостара: «Православный монастырь Житомысличъ въ Герцеговинѣ.»

9. Инспектора Народныхъ Училищъ Тульской Губерніи, Ю. Ѳ. Крачковскаго: «Очерки Уніятской Церкви.»

в. Книгами:

10. Императорскаго Харьковскаго Университета: «Протоколы» его за 1869 годъ № 6—7.

11. Почетнаго Члена Императорской Публичной Библіотеки и Московскаго Музея, А. Н. Неуструева, со спискомъ иностранныхъ и Русскихъ книгъ, приносимыхъ имъ Обществу Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ, числомъ 33.

12. Временной Коммиссіи для разбора актовъ, при Кіевскомъ, Подольскомъ и Волынскомъ Генералъ-Губернаторѣ учрежден-

ной:. «Архивъ Юго-Западной Россіи.» Часть 5. Акты о городахъ (1432—1798). Томъ I. Кіевъ, 1869.

13. Императорскаго Казанскаго Университета: «Извѣстія и Ученыя Записки 1869 г., выпуски 1 и 2. Казань, 1869.»

14. Д. Члена, Архіепископа Макарія Литовскаго и Виленскаго: «Исторія Русской Церкви. Томъ 6. Спб., 1870.»

15. Ректора Кіевской Духовной Академіи, Архимандрита Филарета: «Пятидесятилѣтній юбилей Кіевской Духовной Академіи, 28-го Сентября, 1869 г. Кіевъ, 1869.»

16. Археологической Коммисіи: «Великія Минеи Четіи. Дни 14—24 Сентября, выпускъ 2-й, и Октября 1—3. Спб., вып. 4. 2. Дополненіе къ Актамъ Историческимъ. Томъ II-й Спб., 1869. 3. Акты, относящіеся къ Исторіи Южной и Западной Россіи. Томъ 6 (1665—68), Спб., 1869, и 4. Указатель къ 8-ми томамъ Полнаго Собранія Русскихъ Лѣтописей. Вып. 2. Спб., 1869.»

17. Попечителя Виленскаго Учебнаго Округа: «Археографическій Сборникъ документовъ, относящихся къ Исторіи Сѣверо-Западной Руси, издаваемый при управленіи Виленскаго Учебнаго Округа.» Томъ 6. Вильна, 1869.»

Опредѣлено: Матеріялы и статьи разсмотрѣть, а книги сдать въ Библіотеку Общества.

в. Заявленія.

18. Письмо къ Д. Члену и Библіотекарю Общества, Ю. Д. Филимонову, отъ 12-го Марта, 1870 г., о рукописяхъ Общества, отданныхъ безъ вѣдома Общества, бывшимъ его Библіотекаремъ, В. М. Ундольскимъ, Д. Члену Филарету, Архіепископу Черниговскому. Опредѣлено: Просить Г. Вицепрезидента снестись по этому письму съ учрежденіемъ, упоминаемымъ въ ономъ.

19. Г. Секретарь предложилъ на благоусмотрѣніе Общества, не найдетъ ли оно нужнымъ, для покрытія издержекъ по изданію «Чтеній,» по недостаточности штатной суммы, употребить проценты по процентнымъ бумагамъ Общества, хранящимся въ Московскомъ Губернскомъ Казначействѣ. Опредѣлено: Просить Правленіе Университета о распоряженіи по сему предмету.

Въ концѣ Засѣданія Секретарь и Д. Членъ Общества, О. М. Бодянскій, представилъ только что отпечатанную 1-ую книгу «Чтеній,» 1870 года. Содержаніе ея:

I. Изслѣдованія. Мнѣнія о разности между Восточною и Западною Церковію, съ исторіею раздѣленія ихъ, представленныя Ея Императорскому Величеству, Государынѣ Императрицѣ, Елисаветѣ Алексѣевнѣ, Оберъ-Прокуроромъ Святѣйшаго Синода, Княземъ А. Н. Голицынымъ. Съ предисловіемъ О. М. Бодянскаго. II. Матеріалы Отечественные. Журналъ путешествія изъ Москвы въ Нижній 1813 года, Князя Ивана Михайловича Долгорукаго. Русскія народныя пѣсни, собранныя П. В. Шейномъ. Часть 1. Пѣсни свадебныя: города Пскова, Псковской, Архангельской и разныхъ Губерній, и похоронныя. III. Матеріалы Славянскіе. Житіе Святыхъ Мучениковъ Бориса и Глѣба: 1. По харатейному списку XII вѣка. Съ 2 литографированными снимками и предисловіемъ О. М. Бодянскаго; 2. По харатейному же списку XIV вѣка. Съ литографированнымъ снимкомъ. IV Матеріалы Иностранные. Латыши, особливо въ Ливоніи, въ исходѣ философскаго столѣтія. Дополненіе къ народовѣдѣнію и человѣкознанію. Соч. Гарлиба Меркеля. Переводъ съ Нѣмецкаго Д. Члена А. Н. Шемякина. Съ предисловіемъ О. М. Бодянскаго. V. Смѣсь. Слѣдственное дѣло о Князѣ Д. М. Пожарскомъ, во время бытности его Воеводою въ Псковѣ. Съ предисловіемъ покойнаго Члена П. И. Иванова. Объявленіе отъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода объ отлученіи отъ Церкви Пархомома и Колтовской. Изъ Румянцевскаго Собранія. Записка о пропущенныхъ Цензурою книгахъ, наполненныхъ богохульствомъ. Правила Старообрядцевъ Поповщинскаго Согласія о пріемѣ Священства 1847 года. П. Д. Ѳомина. О природныхъ границахъ и стремленіи Нѣмцевъ на Востокъ (Drang nach Osten). Д. Чл. И. П. Липранди. Къ розыску о Квакерахъ въ «Запискахъ о жизни и времени Святителя Филарета, Митрополита Московскаго. Д. Чл. Н. В. Сушкова. Къ Запискамъ о жизни и времени Филарета, Митрополита-Московскаго. Д. Чл. Н. В. Сушкова. Драгоцѣнное воспоминаніе въ моей жизни о представленіи, котораго я имѣлъ счастіе удостоиться у Всемилостивѣйшаго моего Государя Императора, въ 28 день Апрѣля, 1846 года, въ С.-Петербургѣ. Ректора Варшавской Духовной Академіи Буткевича. Переводъ съ Польскаго. Объясненіе О. М. Бодянскаго. Протоколъ Засѣданія Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ 1869 года, Ноября 17 дня.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

II.

МАТЕРІЯЛЫ ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ.

III.

МАТЕРІЯЛЫ СЛАВЯНСКІЕ.

IV.

МАТЕРІЯЛЫ ИНОСТРАННЫЕ.

V.

СМѢСЬ.

———

ОПЕЧАТКИ

въ 3-й книгѣ «Чтеній» 1870 года.

Отдѣл. IV.

Стра.	Стро.		*Напечатано:*	*Читайте:*
Въ предисловіи:				
I	22		Карамзимъ	Карамзинъ

Отдѣл. V.

76	9	сверху:	зерищиковъ	зернщиковъ
87	1	—	безовратнѣе	безвозвратнѣе
194	14	снизу:	что то скажутъ о насъ когда ни будь другіе. Но честь авось, замѣчаетъ нашъ народѣ, и пр.	что авось то скажутъ о насъ когда ни будь другіе. Но честь, замѣчаетъ нашъ народъ, и пр.

ЧТЕНІЯ

ВЪ ИМПЕРАТОРСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ

при Московскомъ Университетѣ

выходятъ и въ 1871 году, какъ повременное изданіе, четыре раза въ годъ, по одной книгѣ, отъ 30 до 40 и болѣе печатныхъ листовъ, въ концѣ Марта, Іюня, Сентября и Декабря. Содержаніе каждой книги составляютъ: I. Изслѣдованія, II. Матеріялы: Отечественные, III. Славянскіе, IV. Иностранные, и V. Смѣсь.

Подписка годовая—шесть рублей серебромъ въ Москвѣ, а съ пересылкой въ другія мѣста—семь съ полтиной. Съ требованіями обращаться въ самое Общество, или къ Московскому книгопродавцу, Ивану Григорьевичу Соловьеву (бывш. И. В. Базунову), на Страстномъ бульварѣ, противъ Университетской Типографіи.

ПРАВЛЕНІЕ ОБЩЕСТВА.

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ

Графъ Сергѣй Григорьевичъ Строгановъ,
въ С.-Петербургѣ.

ВИЦЕ-ПРЕЗИДЕНТЪ

Князь Александръ Прохоровичъ Ширинскій-Шихматовъ,
на Якиманкѣ, въ домѣ Нечаева.

СЕКРЕТАРЬ

Осипъ Максимовичъ Бодянскій,
у Никитскихъ воротъ, въ домѣ Мещеринова.

БИБЛІОТЕКАРЬ

Георгій Дмитріевичъ Филимоновъ,
въ Кремлѣ, у Спасскихъ воротъ, въ казенномъ домѣ.

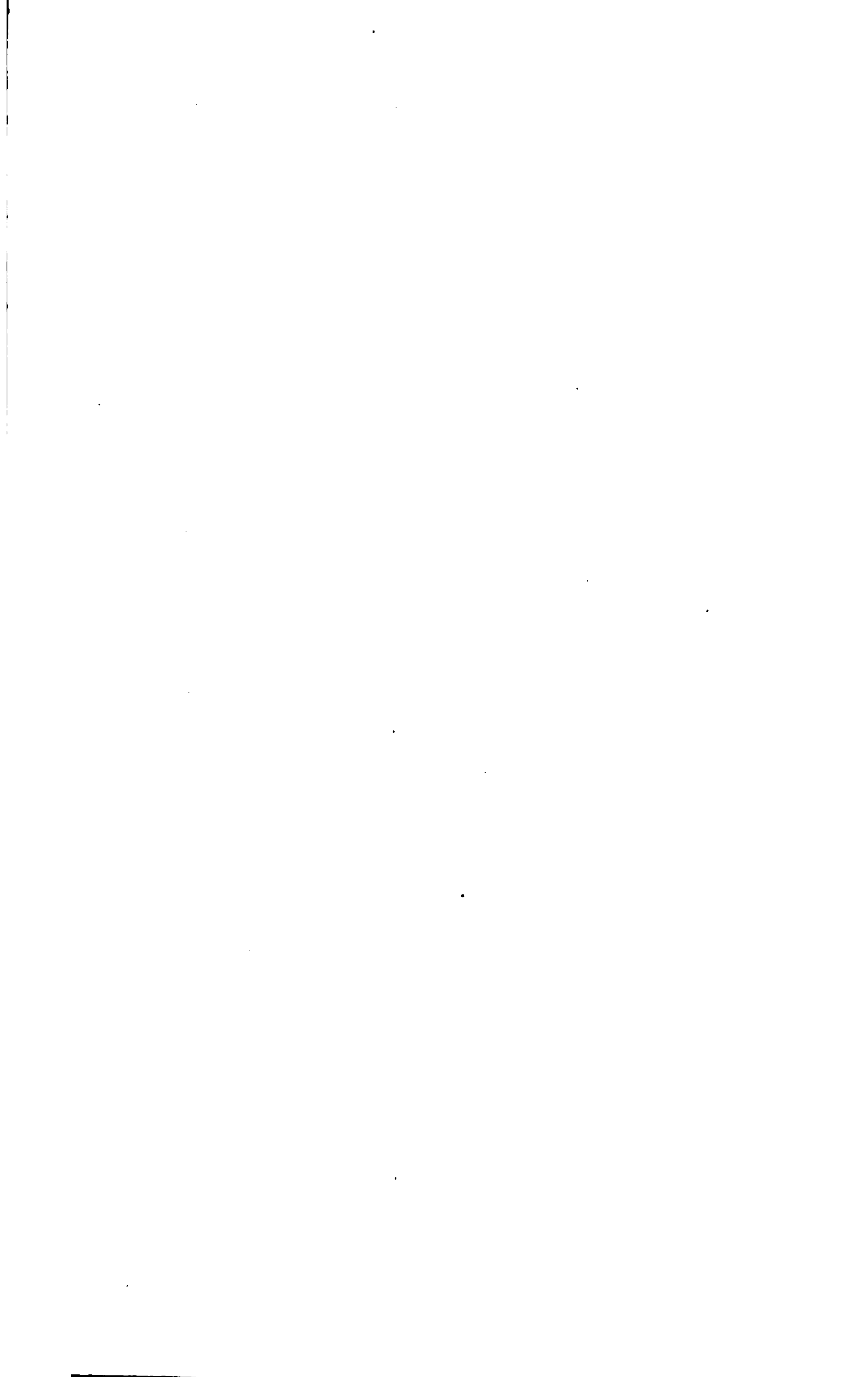
КАЗНАЧЕЙ

Михаилъ Леонтьевичъ Назимовъ,
на Рождественкѣ, въ Университетской Клиникѣ.

АКТУАРІЙ

Алексѣй Егоровичъ Кудрявцевъ,
на Моховой, въ новомъ зданіи Университета.

---

3 2044 004 982 948

CANCELLED
WIDENER
APR 21 1992
1992
BOOK DUE